

**Большой
Алтай**

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР
АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ

Материалы III Международного алтаистического форума

ЕДИНСТВО СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Барнаул, 18–20 октября 2023 г.

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

ЕДИНСТВО СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы III Международного алтаистического форума

Барнаул, 18–20 октября 2023 г.

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

УДК 94(100)(063)
ББК 63.3(0)я43
Е 335

Ответственный редактор:

С. В. Землюков, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

А. А. Васильев, доктор юридических наук, профессор

С. П. Грушин, доктор исторических наук, профессор

А. В. Ковалева, доктор социологических наук, профессор

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук, профессор

Л. И. Нехвядович, доктор искусствоведения, профессор

И. В. Анисимова, канд. ист. наук

Единство славянских и тюркских народов в истории и современности : материалы III Международного алтаистического форума. 18–20 октября 2023 г. / под ред. С. В. Землюкова ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2024. — 576 с.

ISBN 978-5-7904-2831-9.

Сборник материалов III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности» подготовлен при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, госзадание по проекту «Тюркский мир „Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002) и Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ.

УДК 94(100)(063)
ББК 63.3(0)я43

ISBN 978-5-7904-2831-9

© Коллектив авторов, 2024
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	8
Приветствие участникам Форума Президента Российской Федерации В. В. Путина.....	9
Приветствие участникам Форума Президента Кыргызской Республики С. Н. Жапарова	10
Приветствие участникам Форума Губернатора Алтайского края, Председателя Правительства Алтайского края В. П. Томенко.....	11
Приветствие участникам Форума Государственного секретаря Кыргызской Республики С. С. Касмамбетова	12
Резолюция III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности»	13
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	16
<i>Молодин В. И.</i> Новейшие открытия памятников наскального искусства Монгольского Алтая.....	16
<i>Жанбосинова А. С.</i> Цивилизационный феномен русско-тюркских взаимоотношений: единство и перспективы.....	19
<i>Табалдиев К. Ш.</i> Раннесредневековые тюркские памятники Алтая и Тянь-Шаня.....	24
<i>Дьёни Г.</i> Венгерская историография и общественная мысль о роли тюркского компонента в формировании мадьярского этноса	32
<i>Ахметова Л. С.</i> Освещение славяно-тюркского взаимодействия в СМИ.....	37
МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНОЙ СЕССИИ: «КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ ЕВРАЗИИ» С ИТОГОВОЙ РЕЗОЛЮЦИЕЙ	42
Резолюция экспертной сессии по обсуждению Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии (авторы — сотрудники Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»).....	43
СЕКЦИЯ 1. РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ	45
<i>Кожа М. Б.</i> Раскопки объекта А в некрополе Кок-Мардан.....	45
<i>Мунхбаяр Б. Ч.</i> Тюркские археологические исследования в Западной Монголии	51
<i>Кубарев Г. В.</i> Изображения тюрок-тугю на статуарных и петроглифических памятниках Алтая.....	60
<i>Иванов А. А.</i> Историография археологических исследований материальной культуры якутов XIV–XVIII вв.	63
<i>Охлопков В. В.</i> Признаки пережиточного неолита в керамическом комплексе раннего железного века и Средневековья	66
<i>Пилипенко С. А., Жадаева А. В., Башмакова К. Е.</i> Исследование раннесредневековых артефактов с территории Кузбасса (по материалам кургана № 19 могильника Сапогово)	69
<i>Алексеева В. Е.</i> История антропологического изучения населения Юга Западной Сибири в IV– VIII вв. н. э.....	73
<i>Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш.</i> Погребение в каменном ящике сакского времени в могильнике Тармал-Саз в Кыргызстане.....	77
<i>Измайлов И. Л., Ганбат Н., Ситдинов А. Г., Улзийбаяр С.</i> Археологические исследования городища Бийбулаг (средневековый уйгурский город Байбалык): предварительные итоги	84

СЕКЦИЯ 2. СЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ:**ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 93**

<i>Бабаяров Г.</i> Новые находки по истории Исфиджаба-Сайрама в раннем Средневековье.....	93
<i>Картова З. К., Абуов Н. А.</i> Исторические документы правителей средневековых государств Казахстана и Средней Азии	103
<i>Садырова З. Т.</i> Великий шелковый путь и развитие международных этнокультурных, торговых связей Караханидского каганата	110
<i>Атыгаев Н. А.</i> Семейно-родственные связи казахских чингизидов с правящими элитами тюркских народов (XVI–XVII вв.)	114
<i>Шерстова Л. И.</i> Политические модели русско-аборигенных отношений в Южной Сибири в XVII в.	119
<i>Акерев Т. А.</i> Анга Торе — правитель Кыргызского улуса	125
<i>Джаманкулова К. Т.</i> «Кыргызское великодержавие» в истории цивилизации народов алтайского происхождения	129
<i>Каратаев О. К.</i> Еще раз о хэйлуныцзянских (уезд Фу-Юй, КНР) кыргызах.....	134
<i>Чемчиева А. П.</i> «Телеутская земляца»: сохранение этнической идентичности и исторической памяти.....	139
<i>Махмудов О. А.</i> «Киргиз круглый год... кочует, не думая о постройке постоянных жилищ и об удобствах своей жизни вообще»: взгляды, репрезентации и отношение военных чиновников Российской империи к памирским киргизам (90-е гг. XIX — начало XX в.)	144
<i>Гундова О. Е.</i> Посольства хана Абылая к Российскому императорскому двору	149
<i>Зиновьев В. П.</i> Межэтническое разделение труда в Томской губернии по данным переписи 1897 г.....	153
<i>Шершнев Е. А., Варшавская Н. А., Шершнев Д. В.</i> Некоторые аспекты изучения перехода крещеных мусульман из православия в ислам во второй половине XIX — начале XX в.....	160
<i>Орозахунова З. Ж.</i> Кадровая политика в Советском Кыргызстане (1946–1950 гг.).....	165
<i>Калиев А. С., Мырзабаева Н. С.</i> Политические интеграционные процессы Большого Алтая и центральноазиатских стран.....	170
<i>Рахматулина Е. Ю.</i> К вопросу о социально-экономической поддержке членов Союза художников Казахской ССР в 1930-е гг.	175
<i>Токтогулова Г. Т.</i> Языковая ситуация в кыргызском обществе в первой половине XX века	180
<i>Омурова Ж. О., Шаршембиева Т. С.</i> Организация тюркских государств: интеграция, перспективы и проблемы	185
<i>Сагитов С. Т.</i> Полилингвальное образование в поликультурном социуме: проблемы и перспективы.....	190

СЕКЦИЯ 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ:**ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ 194**

<i>Сорокин В. В.</i> Об особенностях правовой системы Республики Узбекистан	194
<i>Зеленин Ю. А.</i> Проблема идеологической идентификации политико-правовых взглядов аль-Фараби.....	198
<i>Ибрагимов Ж. И.</i> Казахское право — наследие тюркоязычной цивилизации.....	201
<i>Борубашов Б. И.</i> Политико-правовые основы присоединения Кыргызстана к России	205

СЕКЦИЯ 4. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ**БОЛЬШОГО АЛТАЯ 211**

<i>Асанканов А. А.</i> Параллели в традиционной культуре южных алтайцев и кыргызов (по материалам полевых этнологических исследований на Южном Алтае. Июль-август 2022 г.)... 211	211
<i>Назаров И. И.</i> О сравнительном изучении этнической культуры алтайцев и кыргызов в рамках экспедиционного проекта «Большой Алтай»	217
<i>Алымкулова С. К.</i> Религиозная ситуация в Республике Алтай: экскурс в историю и современное состояние.....	219

<i>Анчина С. В.</i> Календарная обрядность и культ гор в традиционных культурах алтайцев и корейцев	224
<i>Кадыров А.</i> Историко-культурные связи кыргызов и алтайцев	229
<i>Шайгозова Ж. Н.</i> Традиционный орнамент в современном искусстве Казахстана: знаково-символический контекст	233
<i>Дамдынчап В. М.</i> Цифровые технологии в сохранении историко-культурного наследия: опыт применения	239
<i>Торушев Э. Г.</i> Роль субпродуктов в питании населения Республики Алтай	243
<i>Ибрагимов А.</i> Этнокультурные традиции в контексте современной художественной практики Казахстана	246
<i>Мигранова Э. В.</i> Информация о традиционной культуре алтайцев в фондах отдела этнологии Института истории, языка и литературы: по материалам экспедиции 1978 г.	255
<i>Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С.</i> О трансформации маркеров сёока-рода у алтайцев	261
<i>Момунбаева Н. С.</i> Этнокультурные связи кыргызов и народов Алтая (на примере одежды XIX–XX веков)	265
<i>Жолдошов Р. Ж.</i> Этногенетические связи кыргызов с южными алтайцами	272
<i>Гасанов Эльнур Лятиф оглу</i> Изучение национальных мужских одежд средневековой Гянджи как показателя общетюркской культуры	278
<i>Максытова Г. Т., Турдубаева З. А., Эркин кызы А.</i> Особенности проектирования одежды для женщин пожилого возраста с использованием элементов традиционного кыргызского костюма	282
<i>Осмонова С. К.</i> Значение кыргызских национальных игр как средства всестороннего воспитания личности	284
<i>Уринбаева Д. Б., Эшмуродова З. Р.</i> Этнографизмы в узбекском фольклоре	288
СЕКЦИЯ 5. ЯЗЫКИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	296
<i>Силантьев И. В., Кошкарева Н. Б., Кузьмина Е. Н.</i> Языки и фольклор народов Сибири и Дальнего Востока в исследованиях Института филологии СО РАН	296
<i>Шаймердинова Н. Г. В.</i> Томсен и некоторые аспекты исследования рунических памятников	300
<i>Невская И. А.</i> Сравнительные конструкции равенства в шорском языке	305
<i>Кязимов К. Ш.</i> Некоторые особенности термина «Сибирь» // «Ибирь»	308
<i>Шестера Е. А.</i> Исторические контакты телеутов по данным речевой интонации	313
<i>Омонов К. Ш.</i> Типы деловых документов в истории старотюркского литературного языка	315
<i>Тыдыкова Н. Н.</i> Сравнительно-типологическая характеристика имени действия в алтайском и турецком языках	318
<i>Дилекова С. Д.</i> Особенности и своеобразие языковой идентичности алтайской молодежи	324
<i>Сафаров Р. И.</i> Карлуки и их язык	328
<i>Дмитриева Л. М., Аникин Д. В.</i> Структура базы данных «Тюркские топонимы и оттопонимные образования Алтая в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX вв.»	337
<i>Чжан Ю.</i> К этимологии некоторых топонимов Большого Алтая	343
<i>Злобина Ю. И., Сорокина М. О.</i> Тематическая классификация тюркских урбанистических адъективов (на материале эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века)	346
<i>Киба О. А.</i> Дискурсивные основы обучения языку архитектуры студентов региона Большой Алтай (на примере современного русского и казахского языков)	351
<i>Каксин А. Д.</i> Языки тюркской семьи: движение в координатах Большого Алтая	355
<i>Ооржак Б. Ч.</i> Современное состояние и перспективы развития тувинского языка	356
<i>Исмаилова М. А.</i> Классификация истории и развития тюркских языков в контексте алтайской теории	357
<i>Чумакаев А. Э.</i> Об актуальных направлениях алтайского языкознания	362

Садыков К. К вопросу о значении вводной формулы памятников в честь Куль-тигина и Бильге-кагана.....	365
Селютин И. Я. Рунические памятники Алтая в трудах В. М. Надеяева и некоторые проблемы южносибирской тюркской фонетики.....	371
Бикбулатова А. Р., Омурзакова Ж. К. Билингвизм в Чаткальской долине Кыргызской Республики	376
Кравцов К. С., Турилова М. В. Топонимика Алтая	380
Юсупова А. Ш. Татарско-русские словари XIX века как достояние национальной культуры	385
Бадмацыренова Н. Б. К вопросу о фразеологии монгольской части словаря «Мукаддимат Ал-Адаб»	388
Буряченко Т. И., Буряченко Е. С. Взаимодействие языков и культур тюркских и славянских народов.....	391
Конурбаева Р. Э. Лексические параллели в названиях традиционной пищи в алтайском и кыргызском языках.....	394
Аманов М. Э. Единство и разнообразие алтайской языковой семьи.....	397
Алишейхо Г. Наименование лексико-семантической группы «вода» в турецких и русских паремиях.....	401
Алишина Х. Ч., Трофимова С. М., Усманова М. Г. Продукты коневодства и их названия в тюркских и монгольских языках.....	403

СЕКЦИЯ 6. ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....

Мосолова А. М. Исследование эпического наследия народов Большого Алтая как актуальная проблема в условиях новых вызовов современности.....	407
Крейдун Ю. А. Эпистолярное наследие Алтайской духовной миссии в контексте исследования отношений славянского и тюркского этносов	411
Садыков К. Ж. Специфика эпических хронотопов в текстах «Манаса»	413
Мусурманов Э. Р. Особенности узбекского народного эпоса	417
Балакина Е. И. Традиционные ценности в эпическом наследии народов Центральной Азии как духовный камертон развития культуры на рубеже тысячелетий.....	423
Чернышова Т. В. Лексика промыслов первых поселенцев Южного Алтая как реализация базового субконцепта «труд» русской языковой картины мира (реконструкция на основе очерка Г. Н. Потанина «Полгода в Алтае»)	428
Трубникова Ю. В. Репрезентация концепта «гора» в алтайской лингвокультуре	433
Ануфриева Г. В. Роль художественной метафоры в создании образа матери в романе Е. Айпина «Божья мать в кровавых снегах»	437
Белкина А. П. Миф как способ сакрализации духовных ценностей алтайских народов.....	440
Гребнева М. П. Мифы и сказки в очерке Н. М. Ядринцева об Алтае («На обетованных землях»)	443
Бакчиев Т. А. Основная миссия Всемирного форума сказителей	447
Хуббитдинова Н. А. Общие и сходные мотивы в устно-поэтическом творчестве башкир и алтайцев: сравнительно-сопоставительный аспект.....	449
Алибаев З. А. Композиция романа «Мелодия степи» А. Хакимова	453
Аллабаева К. Б. Общая характеристика эпоса Гёроглы у разных народов.....	455

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....

Ковалева А. В. Тенденции освещения славяно-тюркского взаимодействия в медийном пространстве Большого Алтая.....	460
Ахметова Л. С. Вызовы и перспективы славяно-тюркского взаимодействия в контексте общественного мнения	465

Михайлов А. В., Михайлова Т. В. Подходы к анализу публикаций средств массовой информации о тюрко-славянском взаимодействии	470
Максумова Б. Б. Медиарынок как фактор формирования информационной политики Кыргызстана	475
Токсоналиева Р. М. Новостной контент медиапространства Кыргызстана	481
Эшанкулова Н. А., Эшанкулова Ш. А. Политические стереотипы в медиапространстве Кыргызстана	485
Краснобаева Н. А. Этнокультурные ценности народов Казахстана в отражении электронных СМИ	491
Маматова Я. М. Вопросы межконфессиональной толерантности в массмедиа Узбекистана: подходы и противоречия	494
Мирсоатова М. С. Гендерные коллизии в современном кино Узбекистана	498
Ибрагимов Ш. М. Роль телевидения Узбекистана в продвижении социально-экономической привлекательности страны	500
Абдуллаева З. П. Аудиовизуальная структура телевизионного портрета	504
Аминова Д. Х. Особенности межкультурной коммуникации в интернет-СМИ: теоретический аспект	507
Зохитова Н. Х. Роль интернет-изданий в освещении миграционных процессов	510
Гужова И. В., Подтихова Д. А. «Этнопослания» как инструмент воспроизводства этнической идентичности мигрантов в социальных медиа (на примере анализа виртуальных сообществ киргизов-мигрантов в социальной сети «ВКонтакте»)	514
Василенко И. А. Цифровые диаспоры стран Большого Алтая в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники»	518
Комиссарова Л. М. Коммуникационная идентичность Большого Алтая: к определению понятия	521
Кот А. В. Визуальные образы в коммуникациях Большого Алтая	523
Рассохина И. Ю., Пряхина А. В. Формирование метанавыков у обучающихся вуза в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации»	527

СЕКЦИЯ 8. МОЛОДЕЖНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Булатов Е. Р. Археологическое исследование тюркских погребений Казахского Алтая	534
Долгопятов С. О. Культурное наследие тюркских и славянских народов. Полиэтнический мир Большого Алтая	539
Жайлаубаева А. Н. Духовная и материальная культура тюркских народов Центральной Азии в эпоху Средневековья	543
Жукенов А. С. Взаимоотношения тюркских и славянских народов на примере Восточного Казахстана XIX века	547
Қалымжан А. Образ тюркского кагана на примере археологического материала кургана Елеке сазы	550
Қайрғазы Д., Талапов Д. Пазырыкская культура на территории Восточного Казахстана и Российского Алтая	555

Программа III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности» (18–20 октября 2023 г., г. Барнаул)	560

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Представленный сборник содержит материалы III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности», прошедшего 18–20 октября 2023 г. на площадке Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета. Соорганизаторами Форума выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство иностранных дел РФ, Губернатор и Правительство Алтайского края, Россотрудничество, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Институт археологии и этнографии СО РАН, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Горно-Алтайский государственный университет, Российское историческое общество, Ассоциация азиатских университетов.

В работе III Международного алтаистического форума приняли участие более 250 ученых, экспертов и молодых исследователей 92 университетов и научных учреждений, в том числе 39 университетов и научных учреждений Российской Федерации и 53 университетов и научных учреждений 10 государств зарубежья — Азербайджана, Венгрии, Казахстана, Китая, Кыргызской Республики, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана.

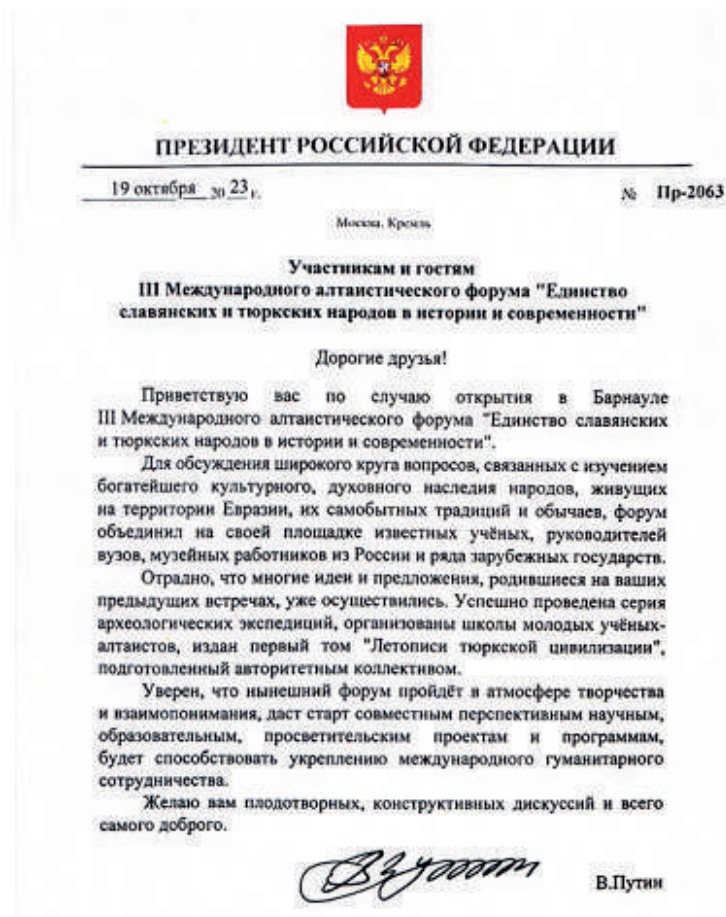
Сборник был сформирован в соответствии с программой III Международного алтаистического форума. Представлены приветствия участникам Форума, поступившие от руководителей органов государственной власти, академических, научно-образовательных организаций Российской Федерации и государств Центральной Азии; пленарные доклады Форума, материалы экспертной сессии «Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов как основа современных интеграционных процессов в регионе Евразии» с резолюцией; секционные выступления, итоговая резолюция, принятая его участниками.

Материалы сборника отражают многоаспектность дискуссий научно-экспертного сообщества по широкому спектру вопросов цивилизационного наследия славянских и тюркских народов Большого Алтая, его единства; историко-археологических исследований процессов формирования и эволюции общности тюркских народов, этнополитических и этносоциальных процессов в тюркском мире в Средневековье, Новое и Новейшее время, религиозного мировоззрения, материальной и духовной культуре, эпических традиций, языков и фольклора народов Большого Алтая и Центральной Азии. Кроме этого, в сборник вошли материалы, связанные с анализом медиапространства стран Большого Алтая в контексте освещения в нем вопросов изучения и популяризации историко-культурного наследия тюркоязычных народов России и стран Центральной Азии. Отдельная секция Форума объединила молодых исследователей-тюркологов.

Издание представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, занимающихся проблемами евразийства, цивилизационными аспектами истории славянских, тюркских, монгольских народов.

Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, выступивший организатором III Международного алтаистического форума, приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц и приглашаем принять участие в работе IV Международного алтаистического форума, который состоится осенью 2025 года. Более подробная информация о работе Центра размещена на сайте: <https://bolshoy-altay.asu.ru/>

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ПУТИНА

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА ПРЕЗИДЕНТА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С.Н. ЖАПАРОВА

Уважаемые участники форума!

Многовековой опыт межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов, специфичность географического пространства, в пределах которого они существовали, соответствующий экономический уклад, особый социальный строй заложили общие цивилизационные ценности евразийской цивилизации.

Претерпев длительную эволюцию, данные ценности не менялись вслед политической конъюнктуры, во многом цивилизационные ценности историко-культурного единства выстраивались на основе преобладания позитивных практик межэтнического взаимодействия.

Эксперты разных научных направлений – лингвисты, этнографы, археологи, историки, культурологи, политологи, специалисты в области права и медиакommunikаций активно обсуждают тюрко-славянское взаимодействие как фундамент политической стабильности и экономического развития Центрально-Азиатского региона.

Взаимозависимость стала феноменом современного мира. Глобализация привела к осознанию того факта, что ни одна страна не может в одиночку справиться с вызовами современного мира. В условиях глобализации устойчивое экономическое развитие может быть гарантировано только благодаря сильным интеграционным объединениям. В настоящее время мировая практика накопила значительный багаж инструментов, методов построения интеграционных объединений.

Изучение истории взаимодействия тюркских и славянских народов дает нам возможность найти способы противостояния угрозам, которые нависли сегодня над Евразийским и Центрально-Азиатским регионами. Постсоветское пространство, как общий корень, который объединяет наши государства, может стать фундаментом для создания системного пояса безопасности Евразии и Центральной Азии.

Идея безопасности как системной категории, которая сохраняет этнические, историко-культурные, конфессиональные особенности народов Большого Алтая, формирует проблемное поле, над которым должны работать международные группы ученых в рамках совместных исследований, обозначая векторы для изучения тюрко-славянских взаимоотношений, давая возможность научному миру включаться в решение общих проблемных вопросов, которые стоят над границами государств и различных этносов.

Хочется отметить, что Кыргызстан – полиэтническая страна, в которой живут более восьмидесяти этносов и которая остается для них единой родиной в настоящее время и, уверен, навечно сохранится в будущем. Для Кыргызстана, по моему глубокому убеждению, это является универсальной, применимой ко всем этапам нашей истории идеей, начиная с древности. Мне хотелось бы, чтобы этой идеей прониклись новые поколения.

Кыргызско-российские отношения на протяжении многих лет носят динамичный характер: наблюдается понимание и стремление к взаимовыгодному сотрудничеству во всех сферах жизнедеятельности, координации подходов и позиций по многим актуальным региональным и международным проблемам. Мы успешно накапливаем опыт взаимодействия по всем направлениям в соответствии с общепринятыми параметрами межгосударственного общения.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что для изучения феномена тюрко-славянских взаимоотношений в аспекте анализа законов цивилизационного развития евразийского региона целесообразно развивать идею взаимодополнения исторически сложившихся двух крупных миров – тюркского и славянского.

Эффективность многовековых по сути интеграционных процессов Евразии зависит от сохранения единства народов, сформировавших общее цивилизационное пространство и имеющих общую историю, тысячелетние традиции конструктивного диалога. Идея общего тюрко-славянского цивилизационного достояния сегодня может выступать мощным ресурсом экономической интеграции и должна активно использоваться для решения задач социально-экономического развития России и государств Центральной Азии.

В заключение хотелось бы констатировать, что тюрко-славянское единство – есть непрерывный, многовековой диалог между тюркским и славянским миром, который всегда носил конструктивное содержание.

Президент
Кыргызской Республики

С.Н. Жапаров

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА
ГУБЕРНАТОРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В. П. ТОМЕНКО**

Дорогие друзья, безусловно, сложно что-то добавить к приветствию нашего Президента. Я бы хотел со стороны органов власти Алтайского края еще раз выразить наше удовольствие и радость тому, что участниками данного Форума стало значительное количество ученых из России и ближнего и дальнего зарубежья! Форум и другие мероприятия, посвященные алтаистике, изучению истории Алтая, этнической истории его народов, их взаимоотношениям между собой, взглядам на нынешнее положение дел и будущее — сегодня эта работа как никогда актуальна и все больше и больше набирает интерес и свой ход. Наши мероприятия становятся доброй и хорошей традицией, со своей стороны мы обязательно сделаем все для того, чтобы поддержать эти процессы. Я точно так же хочу пожелать всем вам успешной работы; убежден, что предложения и идеи, которые прозвучат сегодня и в рамках работы нашего Форума, будут сформулированы и высказаны, безусловно, будут способствовать дальнейшей совместной интеграции на евразийском пространстве. Еще раз спасибо, желаю всем успехов, всего доброго!

**ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ ФОРУМА
ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С.С. КАСМАМБЕТОВА**

Уважаемые участники, разрешите еще остановиться на очень важном моменте. Сегодня в стенах этого университета подписан меморандум о взаимовыгодном сотрудничестве между Кыргызской национальной телерадиокорпорацией и университетом Алтая. Второе — на Форуме принимает участие большая по численности делегация Кыргызской Республики во главе с советником президента, доктором наук, членом-корреспондентом Академии наук Кыргызской Республики Борубашовым Бекбосуном. В этом Форуме участвуют около 25 докторов наук и профессоров Кыргызской Республики. Таким образом, мы подчеркиваем желание и стремление научной общественности нашего государства поддерживать все научные работы, связанные с историей тюркской цивилизации! Желаю успехов нашему Форуму, успешного взаимодействия, конструктивного диалога. Спасибо за теплый прием!

РЕЗОЛЮЦИЯ

III МЕЖДУНАРОДНОГО АЛТАИСТИЧЕСКОГО ФОРУМА «ЕДИНСТВО СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ»

18–20 октября 2023 г. Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета провел III Международный алтаистический форум «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности». Соорганизаторами Форума выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Министерство иностранных дел РФ, Губернатор и Правительство Алтайского края, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ, Россотрудничество, Институт археологии и этнографии СО РАН, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Горно-Алтайский государственный университет, Российское историческое общество, Ассоциация азиатских университетов.

В работе III Международного алтаистического форума офлайн- и онлайн-участие приняли более 300 ученых, экспертов и молодых исследователей 92 университетов и научных учреждений, в том числе 39 университетов и научных учреждений Российской Федерации и 53 университета и научных учреждения 10 государств зарубежья — Азербайджана, Венгрии, Казахстана, Китая, Кыргызской Республики, Монголии, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана.

Цель III Международного алтаистического форума — обсуждение ценностей и практик межэтнического взаимодействия славянских и тюркских народов, их общего исторического прошлого, координация научных исследований в области изучения и сохранения историко-культурного наследия тюркских народов; продолжение дискуссии международного тюркологического сообщества на площадке НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» в области изучения истории тюркской цивилизации, выработка общих позиций по ее дискуссионным аспектам.

На открытии Форума Губернатор Алтайского края зачитал участникам приветствие от Президента Российской Федерации В. В. Путина, в котором была отмечена актуальность темы Форума, связанная с историей взаимодействия славянских и тюркских народов, значимость научно-исследовательской работы международного коллектива ученых НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» для решения фундаментальных задач тюркологии и алтаистики, научно-образовательного сотрудничества России и стран Большого Алтая; подчеркивалась роль и значение Центра как ведущего тюркологического центра, необходимость продолжения его широкоформатной деятельности.

Государственный секретарь Кыргызской Республики С. С. Касмамбетов озвучил участникам Форума приветствие от Президента Кыргызской Республики С. Жапарова, в котором отмечалась актуальность заявленной научной темы мероприятия, важность изучения истории межэтнических контактов славянских и тюркских народов в исторической ретроспективе, ее возможности и потенциал для современных процессов научно-образовательной интеграции на пространстве Северной Евразии.

Участники Форума также получили приветствия от Министерства науки и высшего образования РФ, МИД РФ, Российского исторического общества, ректоров вузов России и стран Центральной Азии.

На пленарном заседании прозвучало восемь докладов ведущих ученых России и зарубежных стран, в том числе директора Института востоковедения РАН, д. и. н. А. К. Аликберова (Москва), академика РАН, д. и. н., советника директора Института археологии и этнографии СО РАН В. И. Молодина (Новосибирск), д. и. н., профессора Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева А. С. Жанбосиновой (Астана), д. и. н., профессора Кыргызско-Турецкого университета Манас К. Ш. Табалдиева (Бишкек), заместителя руководителя НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» АлтГУ, д. и. н., профессора С. П. Грушина (Барнаул), д. и. н., профессора Казахского национального университета им. Аль Фараби А. С. Ахметовой (Алматы), доктора кафедры истории Восточ-

ной Европы и русистики Университета имени Лорана Этвёша Дьени Габора (Будапешт). В докладах нашли отражение различные аспекты историко-культурного единства славянских и тюркских народов.

На пленарном заседании Форума состоялась презентация I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.». Отмечалось, что это первая монография, подготовленная международным научным коллективом (35 ученых), представляющих 21 научный центр семи государств: России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Азербайджана, Турции, Германии. Ее уникальность заключается в междисциплинарном подходе, позволившем привлечь к подготовке тома специалистов различной научной направленности — историков, археологов, этнографов, фольклористов и т.д. Подчеркивалось, что в монографии удалось согласовать позиции по дискуссионным аспектам истории тюркской цивилизации, истории взаимодействия славянских и тюркских народов.

Особое внимание на Форуме было посвящено обсуждению Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии. На экспертной сессии «Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов как основа современных интеграционных процессов в регионе Евразии» вступили: д. иск., профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. Герцена Л. М. Мосолова (Санкт-Петербург), советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, к. фил. н., доцент К. Ж. Садыков (Бишкек), член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, д. фил. н., профессор, филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе М. С. Имомзода (Душанбе), А. Ш. Шайдулаев, руководитель департамента международных отношений Термезского государственного университета (Термез), ректор Денауского института педагогики и предпринимательства Самаркандского государственного университета Г. Х. Рахимов (Денау), к. пол. н., директор Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» Р. И. Мурзагалиев (Уфа).

Экспертное сообщество отмечало, что НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» представило в Концепции новое осмысление истории славянских и тюркских народов. В ходе дискуссии отмечалось, что фактор общей исторической судьбы славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии является значимым ресурсом их дальнейшей интеграции. Участники экспертной сессии отмечали взвешенность и актуальность теоретико-методологической основы Концепции, аргументированность аспектов славяно-тюркского единства. Повышенный интерес к Концепции был обусловлен ее предварительным обсуждением на площадках ведущих научно-образовательных учреждений России и стран Центральной Азии — Российском государственном педагогическом университете им. Герцена, Башкирском государственном университете, Кыргызском национальном университете им. Ж. Баласагына. По итогам обсуждения Концепции была обозначена ее актуальность и важность для развития научно-образовательных интеграционных процессов между Россией и странами Азии; предложено продолжить работу по доработке Концепции с привлечением научных экспертов из ведущих тюркологических центров с последующим ее повторным обсуждением на площадках научно-образовательных центров России и стран Центральной Азии.

На III Международном алтаистическом форуме состоялась работа восьми секций (с общим количеством заявленных докладов — 192), тематически выстроенных во взаимосвязи с основными направлениями научно-исследовательской работы проектных групп НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай». Они были посвящены анализу археологических, исторических, политико-правовых, социально-экономических, культурологических аспектов развития тюркской цивилизации. Особое внимание в ходе выступления на секционных заседаниях уделялось презентации результатов археологических и этнографических экспедиций НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», состоявшихся в 2019–2023 гг.

Генеральным информационным партнером III Международного алтаистического форума стала «Российская газета», Краевой информационный телеканал «Катунь 24». Информационную поддержку оказали центральные и региональные СМИ России и государств Центральной Азии. События III Международного алтаистического форума и его итоги работы привлекли внимание и большой интерес СМИ. В период с 07.09.2023 по 08.11.2023 СМИ вышло 68 публикаций, из них: в зарубежных СМИ — 11 материалов; федеральных — 19; региональных СМИ — 22; в агрегаторах новостей — шесть материалов; на сайтах вузов и научных организаций — 10 материалов.

По результатам обсуждения на пленарном и секционном заседаниях сформирована данная резолюция:

- участники Форума отмечают актуальность его научной проблематики, связанной с анализом исторических процессов взаимодействия славянских и тюркских народов;
- участники Форума считают, что Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии в современных условиях может выступать фундаментальной основой для расширения научно-образовательных, культурных, гуманитарных контактов на евразийском пространстве;
- участники Форума признают значимым научным достижением международного сотрудничества в рамках НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» подготовку и издание первого тома Летопись тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.» и отмечают необходимость дальнейшей работы по подготовке данного многотомного издания;
- участники Форума констатируют, что НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» за 4 года приобрел статус мирового научно-образовательного и экспертно-аналитического тюркологического центра, результаты его деятельности полностью отвечают мировому уровню развития алтаистики и тюркологии и обеспечивают конкурентоспособность Центра в научно-образовательном пространстве Евразии;
- НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» имеет потенциал для развития научно-образовательного и гуманитарного сотрудничества и форматов взаимодействия России со странами Центральной Азии. Так, в 2023 г. состоялось открытие Представительских центров НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» на базе Самаркандского государственного университета (Узбекистан) и Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Кыргызстан);
- участники Форума считают важным продолжение реализации лучших практик международного научно-образовательного взаимодействия, реализуемого в рамках НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»: проведение экспедиционных и исследовательских работ; разработка и реализация международных сетевых образовательных программ в области тюркологии и алтаистики; подготовка нового поколения профессиональных исследователей в области историко-культурного наследия народов Большого Алтая;
- участники Форума выражают согласие, что решение актуальных фундаментальных и прикладных задач в области тюркологии и алтаистики, подготовки научных кадров в данной области, сохранения глобальной конкурентоспособности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» возможно только на основе дальнейшего расширения международного сотрудничества, тесного взаимодействия научно-образовательных учреждений стран Большого Алтая;
- высоко оценивая результаты археологических исследований, проводившихся на протяжении нескольких лет международной археологической экспедицией НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» в урочище Балчиново (Чарышский район Алтайский край), участники Форума признают его уникальность и значимость для истории тюркской цивилизации и отмечают необходимость подготовки документов с целью придания данной территории статуса «достопримечательное место» и создания археологического музея под открытым небом;
- участники Форума выражают признательность и благодарность Правительству Алтайского края, Министерству науки и высшего образования РФ за поддержку работы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и обращаются к Министерству науки и высшего образования с ходатайством о дальнейшем финансировании проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»;
- Резолюцию III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности» направить в профильные министерства и ведомства, руководителям научно-образовательных учреждений Российской Федерации и стран Большого Алтая.

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

УДК 93/94

В. И. Молодин

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-18-00424 «Мультидисциплинарные исследования духовной культуры и первобытного искусства населения Западной Сибири и Центральной Азии в древности»

Аннотация. В 2023 г. археологическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН, в состав которого входили российские и монгольский специалисты, продолжены целенаправленные работы по поиску и документированию петроглифов по правому берегу реки Бага Ойгур, на границе с российским Алтаем. Выявлены десятки местонахождений, наиболее древние из которых относятся к концу плейстоцена и именуются изображениями, выполненными в «калгутинском стиле». Кроме того, обнаружены комплексы наскальных изображений, относящиеся к эпохе бронзы, раннего железа и средневековья. На ряде открытых пунктов выполнена масштабная съемка изображений с использованием новейших методов.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, калгутинский стиль, петроглифы, разведка, новейшие методы копирования.

V. I. Molodin

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

RECENT DISCOVERIES OF ROCK ART SITES IN MONGOLIAN ALTAI

Abstract. In 2023, an archaeological team of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, which included Russian and Mongolian specialists, continued research and documentation studies on petroglyphs along the right bank of the Baga Oygur River on the Russian Altai border. Dozens of locations have been found, the most ancient of which date back to the end of Pleistocene and are referred to images made in the 'Kalguty' style. In addition, rock art complexes dating back to the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages have been discovered. Large-scale image shooting using the latest methods was performed at a number of open sites.

Keywords: Mongolian Altai, Kalguty style, petroglyphs, survey, the newest copying methods.

На протяжении многих лет на территории Монгольского Алтая работала российско-монгольского-американская экспедиция под руководством В.Д. Кубарева, Д. Цэвээндоржа и Э. Якобсон. Сотни наскальных изображений различных эпох были открыты и оперативно введены в научный оборот в ряде монографий и статей [1, 2].

В начале XXI в. исследования, направленные на поиски и документирование новых наскальных изображений в северо-западной части Монгольского Алтая, были продолжены Российско-Монгольской экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН под руководством автора этих строк. Периодически в этих работах участвовали коллеги из Франции.

С монгольской стороны работами руководил академик Д. Цэвээндорж, а после его ухода — Н. Батболд.

В настоящее время эти исследования продолжены. Экспедиция проводит работы в регионе, который является точкой соприкосновения многих этносов, проживающих сегодня на этой территории. Это прежде всего казахи, монголы, алтайцы, а также русские и китайцы. Здесь встречается значительное количество примеров взаимодействия различных культур, которые ярко проявляются, в том числе и в наскальном искусстве.

Несколько лет в связи с пандемией доступ для работ в Монгольском Алтае был закрыт, однако в 2023 г. исследования по поиску наскальных изображений и их фиксации удалось продолжить. Главная задача экспедиции заключалась в поиске наскальных изображений, их съемке с использованием современных методов. Основным результатом работы экспедиции стало открытие новых памятников наскального искусства на северо-западе Монгольского Алтая.

Экспедицией были продолжены фронтальные поиски сосредоточения наскальных изображений на правом берегу реки Бага Ойгур, начатые нами в 2019 г. Успехом экспедиции 2023 г. явилось открытие около десятка пунктов сосредоточения древних петроглифов, сконцентрированных на разных участках скальных выходов и относящихся к различным историческим эпохам.

Особый интерес представляет монографическое изучение древнейшего святилища, наиболее раннего по хронологии в этом районе Азии и относящегося, вероятно, к концу плейстоцена. Изображения этого периода обнаружены в ряде пунктов Монгольского и Российского Алтая и получили специальное наименование — изображения «калгутинского стиля» [3]. Напомню, что изучение «калгутинского стиля», к которому можно отнести и рисунки, обнаруженные в этом году в Монголии, началось с плато Укок, где на памятнике Калгутинский рудник впервые были обнаружены подобные наскальные изображения [4].

Святилище с изображениями, выполненными в «калгутинском стиле», получило наименование Багай Ойгур-5 (правый берег).

На площади размером около 300 кв. м было выявлено сосредоточение древнейших наскальных изображений, которые удалось за полевой сезон 2023 г. скопировать и изучить. Размеры изображений велики и порой доходят до полуметра. Найденные рисунки, выполненные в «калгутинском стиле», отличаются от всего круга изображений, которые сегодня известны на территории этой части Азии. Кроме лошадей, которые выступают основным персонажем, встречаются также олени (маралы), быки и горные бараны. Все рисунки выполнены в одном стиле, что чрезвычайно важно. Кроме изображений животных на данном памятнике были также впервые обнаружены изображения рептилий (змей). Интересной и важной представляется находка древнейшего изображения лошади, которая была перекрыта более молодыми рисунками, относящимися к эпохе бронзы. Подобные палимпсесты встречаются нечасто и являются, безусловно, уникальными [5].

В то же время при исследовании святилища не были обнаружены изображения мамонтов и носорогов, которые встречались на других памятниках региона. В частности, рисунки мамонтов были обнаружены экспедицией В. Кубарева, Э. Якобсон, Д. Цэвээндоржа на левом берегу реки [6]. Позднее там же было обнаружено изображение носорога [7]. Данное обстоятельство может демонстрировать внутреннюю динамику развития памятников, выполненных в «калгутинском стиле».

В ходе экспедиции был обнаружен также целый комплекс памятников эпохи бронзы. Характерным является изображение колесниц, выполненных в особой стилистической манере. Встречается серия изображений лучников с предметами на поясе (возможно, палица или хвост), в грибовидных головных уборах. В то же время нами были обнаружены непонятные и неизвестные ранее персонажи. Все это представляет новые возможности для исследования петроглифов эпохи бронзы.

Также на правом берегу реки были обнаружены памятники, относящиеся к чемурчекской культуре эпохи бронзы. Встречаются стилизованные антропоморфы, а изображение предметов дает возможность достаточно обоснованно говорить об их хронологии [8].

Наконец, выявлены целые композиции, хронологически относящиеся к эпохе бронзы, над которыми еще предстоит работать. Так, особый интерес вызвало изображение вооруженного отряда антропоморфов, выполненного в характерной иконографической манере, и исследователям только предстоит расшифровать семантику этой удивительной сцены.

Экспедицией также была обнаружена крупная серия великолепных рисунков раннескифского и скифского времени. Встречаются характерные изображения оленей с ветвистыми рогами и клювовидной мордой.

Отметим, что в исследуемом регионе были найдены и древнетюркские изображения. Выявлено небольшое количество памятников древнетюркской эпохи. Кроме характерных для этого периода каменных изваяний найдены изображения тамг и вооруженных всадников.

Разработанная схема периодизации искусства от древнего пласта до древнетюркского периода и этнографической современности позволяет говорить, что первобытное искусство изменялось и эволюционировало, оставаясь при этом важнейшей составляющей духовной жизни обитателей Монгольского Алтая на протяжении тысячелетий.

Список использованных источников и литературы

1. Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale // Journal of Archaeological Science. — 2001. — N 6, Textes et Figures. — 481 p.
2. Jacobson E., Kubarev D. V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale // Journal of Archaeological Science. — 2001. — N 6, Planches. — 256 p.
3. Молодин В. И., Женест Ж.-М., Зоткина Л. В., Черемисин Д. В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология. Этнография и антропология Евразии. — 2019. — Т. 47, № 3. — С. 12–26.
4. Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. — Новосибирск: Наука, 1999. — 160 с.
5. Молодин В. И., Черемисин Д. В. Ненахова Ю. Н., Батболд Н. Палимпсест как ключ к пониманию внутренней хронологии петроглифов Алтая (на примерах памятников Монгольского и Восточного Алтая) // Тев Азийн эртынй нуудэлчдийн хадны зураг (чулуун жэвсчийн суул, хурлийн эхэн үе):? Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл — Улаанбатаар: ШУА — ийн Археологийн хурээлэн, 2022. — С. 19–27.
6. Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). — Новосибирск; Улан-Батор: ИАЭТ СО РАН; Юджин, 2005. — 638 с.
7. Черемисин Д. В., Молодин В. И., Зоткина Л. В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. — 2018. — Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. — С. 57–77.
8. Молодин В. И., Черемисин Д. В., Ненахова Ю. Н., Ненахов Д. А., Батболд Н. Чемуручские антропоморфы // Stratum plus. — 2022. — N2. — С. 247–263.

Сведения об авторе: Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, д. и. н., зав. отделом археологии палеометалла, главный научный сотрудник, советник директора Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

УДК 93/94

А. С. Жанбосинова

Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева (Астана, Казахстан)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН РУССКО-ТЮРКСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ: ЕДИНСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы русско-тюркских взаимоотношений в исторической ретроспективе. Фокус Цивилизационного феномена, применяемый автором в оценке событий прошлого, а именно взаимодействия славянских и тюркских народов в евразийском пространстве, выявляет точки соприкосновения и уникальность взаимопроникающих культур при сохранении идентичности, традиционности в условиях территориальной общности, где особое место занимает сакральный Алтай.

Ключевые слова: Цивилизационный феномен, славяно-тюркский мир, Алтай, идентичность, культура, традиции.

A. S. Zhanbosinova

L. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

THE CIVILIZATIONAL PHENOMENON OF RUSSIAN-TURKIC RELATIONS: UNITY AND PROSPECTS

Abstract. The article examines the issues of Russian-Turkic relations in historical retrospect. The focus of the civilizational phenomenon used by the author in assessing the events of the past, namely the interaction of Slavic and Turkic peoples in the Eurasian space, reveals the points of contact and the uniqueness of interpenetrating cultures while preserving identity, tradition in the conditions of territorial community, where the sacred Altai occupies a special place.

Keywords: civilizational phenomenon, Slavic-Turkic world, Altai, identity, culture, traditions.

*«Взаимоотношения славянского и
тюркского суперэтносов всегда определяли и
будут определять в дальнейшем судьбы Евразии».*
О. Сулейменов

Начиная с 2020 г. реализуется международный научный проект «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности». Международный проект с удачно выбранным заглавием спроецирован на масштабный результат, о чем свидетельствуют научно-методологическая платформа проекта «Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии» и ежегодные отчеты.

Упомянутая Концепция содержит базисные ориентиры евразийской цивилизации, когда-то основанные на тюрко-славянском или славяно-тюркском взаимодействии.

Американский политолог Сэмюэл Хантингтон, выдвинувший гипотезу о «столкновении цивилизаций», дал следующее определение: «Цивилизация — это наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов. Она определяется как общими объективными элементами, такими

как язык, история, религия, обычаи, социальные институты, так и субъективной самоидентификацией людей» [1, с. 76].

Цивилизационный феномен русско-тюркских взаимоотношений как раз-то и отличается от общепринятых форматов — на протяжении столетий, испокон веков складывалось культурно-цивилизационное единство наших предков, на текущем этапе продолжается развитие славяно-тюркских взаимоотношений в условиях территориальной общности Евразии.

Что дает реализация проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»?

Это волшебный ключ, если применить научный термин, то это цивилизационный подход к историческому наследию тюрко-славянских взаимоотношений. К осознанию логики подлинной истории народов и культур Евразийского континента, в том числе Большого Алтая. К трансляции истины и достоверных знаний Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» для выявления Цивилизационного феномена объединил усилия научных организаций и общественных движений, собрал под одним шаныраком ведущих ученых и специалистов, представляющих самые различные области специализированного знания с целью исследования и сохранения цивилизационного кода.

Первый сюжет моего выступления связан с пространством Большой Алтай.

1. Наше единство в территории, в пространстве «Большой Алтай», а что для нас Большой Алтай сегодня: это система координат тюрко-славянского мира, культурно-исторический код, своего рода историческая матрица динамично развивающихся национальных государств, в совокупности в этом Цивилизационный феномен Большого Алтая.

Тюрко-славянские взаимоотношения формировались под влиянием множества социально-политических, экономических факторов, но самым приоритетным был природно-географический, этому способствовали пространственные и географические характеристики Большого Алтая.

Современное тюрко-славянское сообщество Большого Алтая соучаствует в формировании новой социальной реальности, в основе ее лежат межпоколенные коммуникации, историческая память, все это объяснимо в фокусе методологических концептов символического интеракционизма, автором которых является Джордж Мид [2, с. 237–238]. Помимо этого, основу исследования пространства Большого Алтая составляют теории социального конструктивизма, социальных представлений, социальных практик совместно с символическим интеракционизмом. Кроме того, вполне можем говорить и опираться на теорию «этнических границ» Ф. Барта [3], концепцию «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [4] и т.д.

2. В фокусе политической карты мира Большой Алтай — это территории нескольких полиэтничных и многоконфессиональных государств: России, Монголии, Казахстана, Китая.

3. В фокусе естественных наук — это фрактальное подобие Евразии с уникальными ландшафтно-климатическими зонами и гео-биологическим разнообразием.

4. В фокусе гуманитарных исследований — символ прародины тюркских народов, значимые археологические и антропологические открытия, как свидетельство культурного многообразия и в то же время единства кочевых племен, проживавших в обнаруженных поселениях; уникальные находки, следы миграционных потоков, великого переселения народов, ведь, по большому счету, Алтай можно назвать этническим котлом, это своего рода этногенетический Хаб, до сих пор толком не изученный, об этом писал Николай Рерих: Алтай — это нескрытая сокровищница; результаты научно-поисковых экспедиций прошлых столетий, в том числе знаменитая центрально-азиатская Николая Рериха; современные полевые междисциплинарные экспедиции, филологи, этнографы, историки и т.д.

5. В фокусе духовно-религиозных практик, а также сакрализации Большого Алтая, не называя ничего, упомянув только два названия — Белуха и Укок, мы можем окунуться в бесконечное чтиво с завораживающей тайной, мистикой алтайского мироздания. Вместе с тем сакральные практики и сакральная топонимика присуща всем вышеуказанным государствам, связанным с порубежными связями с Алтаем и в том числе невидимыми нитями исторической памяти с тюркскими народами Центральной Азии. Возможно, представители точной науки раскритикуют использование данного термина, но, на мой взгляд чистого гуманитария, пространство Большого Алтая можно представить образно — в формате золотого сечения, где мирно сосуществуют мировые религии — христианство,

ислам, буддизм с шаманистскими практиками, языческими верованиями, с тенгрианством. Толерантность, о которой много пишут, говорят, традиционна для Большого Алтая.

Второй сюжет — Большой Алтай: взаимодействие и практики мироустройства тюрко-славянского порубежья.

Мы говорим — Большой Алтай, подразумевая классическую географию и классическое взаимодействие (Алтайского края и Республики Алтай в России, Баян-Ульгийского и Ховдского аймаков Монголии, Восточно-Казахстанской области Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР). Общая численность населения составляет ориентировочно около 26 млн человек, с одной стороны, а с другой — тюрко-славянскую тысячелетнюю цивилизационную общность и ее взаимосуществование — как потенциальный и надежный фундамент интеграции России и Центральной Азии.

На территории Алтая когда-то сформировались тюркские общности и возникли первые государственные союзы, что усилило процессы консолидации, обеспечив преемственность этнокультурных традиций, взаимодействие с прототюркскими автохтонными насельниками и славянскими народами. На протяжении длительного времени, на территории Евразии и Алтая происходили масштабные процессы, в результате которых возникали и исчезали государства, менялись названия, но их внутреннее содержание не подвергалось качественным изменениям, тюркоязычная основа сохранялась.

Ядро Первого Тюркского каганата было сформировано племенами Алтая. Алтайские тюрки стояли у основания империи рода Ашина. Именно поэтому Алтай считался священной землей, прародиной тюркских правителей. Преемственность сохранилась в период Монгольской империи, об этом писал профессор В. Трепавлов [5, с. 27–30], Алтай воспринимался как традиционный каганский домен. В подтверждение он же приводит цитату византийского хрониста Феофиakta Симокатта: «У тюрков был закон предоставлять Золотую гору (т.е. Алтай. — В. Т.) в распоряжение главного кагана», Чингисхан выделил сравнительно Алтайский регион в управление Угедэю, будущему всемонгольскому императору-кагану. Сам же Чингисхан воспринимал Алтай как древнетюркское наследие.

Ведя речь о взаимодействии и взаимосуществовании тюрко-славянского мира, мы опираемся на источники, введенные в научный оборот профессионалами тюркологами. Евразийский континент располагал и детерминировал взаимовыгодные адаптационные практики и стратегии сотрудничества на западных, восточных и южных пограничных линиях. Опустевшие территории, как например Балканы прославянские племена совместно с протюркскими создали аварскую культуру. Тюрко-славянский союз он был обречен на существование, об этом свидетельствуют не только письменные памятники, но и археологические находки. В сложении славянских государственных союзов свою лепту внесли половецкие, хазарские, печенежские и другие тюркоязычные племена.

В начале 50-х гг. XX в. известный тюрколог Малов совершенно верно заметил, что западно-тюркские языки имеют давно устоявшиеся традиции в славянской культуре.

Практически об этом же в 1975 г. написал Олжас Омарович Сулейменов, первый тираж его книги «Аз и Я» [6] изъяти из продажи. В одной из бакинских газет было объявление об обмене автомашины «Москвич» на изъятую книгу. Мне дважды повезло, во-первых, у меня есть раритет 1975 года издания, во-вторых, мне удалось пообщаться с легендой Казахстана с Олжасом Омаровичем в Санкт-Петербурге в 2016 году.

Книга посвящена письменным памятникам славянской и тюркской древности, а именно автор исследовал кипчакские слова в летописи «Слово о полку Игореве». О. Сулейменов высказал очень «крамольную» для того времени мысль, что тот, кто писал «Слово о полку Игореве», знал тюркский язык. Славяне владели тюркским языком, а тюрки — славянским. Славяне и тюрки взаимодействовали друг с другом, в том числе отметим активные языковые заимствования на территории Евразии. О. Сулейменов писал, что монахи летописцы называли своими не только русских, но и черных клобуков, берендеев, торков и ковуев. А клички «поганый» удостоивались враги независимо от расовой и культурной принадлежности.

Уважаемая Людмила Ивановна Шерстова в одном из своих выступлений отметила, что тюрки и русские на протяжении многих веков говорили на одном политическом языке, контакты базировались на взаимном уважении, общем наследии, приводили к окультурации и появлению субэтносов.

Русь срослась с Полем, заключая династийные брачные тюрко-славянские союзы, они описаны в летописях, подтверждаются антропологическими изысканиями. Удельные князья скрепляли брачные

союзы со степными владыками, завуалированный долгосрочный воинский союз обязывал степного владыку защищать княжество. Такое же обязательство брал на себя русский князь. Торкин, әйелінің туыстары, родственники жены, казахские роды запускали в свой аул только родственников по линии жены, чужих не принимали. Брак с тюркскими племенами обозначал мир и поддержку.

Формирование антропологических связей, лингвистическое взаимодействие, наложение европеоидного, монголоидного компонентов в физическом облике шло длительным путем, не одномоментно. Начало было положено в андроновской, афанасьевской, пазырыкской культурах.

Третий сюжет связан с языческими корнями, сакрализацией и таким тюрко-славянским феноменом, как толерантность, генетическая память, родовая память.

О присутствии Большого Алтая в истории Евразии и значимости данного явления писал уважаемый профессор Вадим Винцерович Трепавлов [5, с. 27–30], обозначив, что для создателей империй и для народов, там проживавших, что Алтай являлся сакральным средоточием благотворных божественных сил и символом древних традиций мироустройства, завещанных предками.

Языческие корни тюрко-славянского мира проявляются в эпических сказаниях, в мифологии. Есть замечательный документальный фильм «В поисках Тенгри» режиссера Рустема Абдрашова [7]. В нем рассказывается и о Горном Алтае — колыбели цивилизаций. Самое интересное, на мой взгляд, это родовая память, поколенческая память, генеалогическая память, три названия отражают, по сути, фрейм семейной памяти. Выражение «не помнящий родства» — это отсутствие знаний о роде характерно только для тюрко-славянского мира. Поразительно, каждый алтайский род имеет свою священную гору. Топонимическая традиция алтайцев сохранила тюркскую этимологию, где Алтай — «Ал-тын» — это золотые горы. Барнаул — «Бар аул» (есть поселение), Енисей — «Енесай» (ана — «мать»).

Алтай по большому счету — объект и предмет сакрализации автохтонного населения, причем это не только визуальная презентация и представление, но и устная история/фольклор, как эпосы, сказания, былины, рунические тексты и т.д. Визуальные образы сакральной истории Алтая представляют собой огромный исследовательский потенциал и сулят еще множество научных открытий.

Священная и почитаемая вершина Алтая Белуха, Шамбала, Беловодье, ракурс божественного царства, пиетет к природе в сути тюрко-славянской сакральной экофилософии и языческих реликтах, в частности тенгрианства. Не можем не упомянуть Н. Рериха, внесшего значимый исследовательский вклад в сакрально-тематический образ Белухи, известных как алтайский цикл написанных им картин.

К сакральным местам относится плоскогорье Укок и долина Эрдэнэбурэн. Функционал и атрибутика сакральных мест Алтая имеет общее направление сохранение окружающего пространства, негласное соблюдение правил.

Архаические верования характерны для тюрко-славянского мира, тюрки и славяне были шаманистами и язычниками. Для тюрков Тенгри — это вечное синее небо, отношение к окружающему миру, т.е. сочетание религии и мировоззрения, философия жизни и ее цикличность, вечное синее небо и бурая земля, а между ними сыны человеческие.

Славянское язычество — это боги Ра Род, Сварог, Перун, Святovit и т.д. Сварог — бог неба, начало света и тепла.

Тюрко-славянская интеграция, культурная комплиментарность имеет длительную историю, несмотря на различный менталитет, есть много точек соприкосновения. Вместе с тем христианство, ислам и буддизм были привнесены в тюрко-славянскую среду. Три мировых религии имели и имеют широкое распространение в пространстве Евразии, в том числе Большого Алтая. До сих пор можно наблюдать пережитки язычества, а в традициях и менталитете — схожие явления.

Несомненно, важным отличием в тюрко-славянском взаимодействии является курганная культура тюрков. Для тюркского мира курганы являют территорию рода с выставленной антропоморфной скульптурой, почтение мира усопших через жертвоприношения. Первые курганы появились в эпоху бронзы, и как отмечают исследователи, в пространстве их расположения проживают только представители тюрко-славянского мира. Погребальный обряд тюрков получил отражение во многих летописях, в число которых входит «Слово о полку Игореве», где О. Сулейменов выявил описание, где князя Святослава обряжали к захоронению по тенгрианскому (половецкому обряду — с. 65). Более подробно обряд захоронения кочевых тюркских племен описан С. Плетневой [8] в ее известной монографии «Кочевники средневековья».

Тюрко-славянский или восточный тип цивилизации, где по Блоку — да, скифы мы, да азиаты мы, с раскосыми и жадными глазами. Ментальность этого мира обладает ярко выраженным своеобразием. Общественное сознание носит харизматический характер. Действительность воспринимается не только в реальности, через чувственный опыт (я это вижу, слышу, ощущаю), но и через призму веры в сверхъестественные силы, религиозной догматики. Цель существования таких обществ понимается как приближение, движение к некоему высшему харизматическому, то есть божественному идеалу. Жизнь представляет собой как бы бесконечно разыгрываемый религиозный или космогонический спектакль, в котором участвуют и боги, и люди.

Завершая выступление, отмечу, что Цивилизационный феномен тюрко-славянского общества имеет свое представление о времени, прошлое, настоящее, будущее — оно вместе, оно одновременно. Наши языческие корни, позволяют нам рассматривать небесных богов как часть живой природы, верить в духовное перевоплощение, мы обладаем сакральными знаниями, поэтизируем прошлое, может, поэтому умом нас не понять.

Очень важно, что методологически Концепция проекта скоординировала междисциплинарные естественнонаучные и гуманитарные исследования, поскольку только соединение усилий различных наук открывает цивилизационную сущность феномена русско-тюркских взаимоотношений. Акцент на методологической стороне исследований стимулирует возникновение и институционализацию новых и продуктивных научных направлений, а также ориентирует научный поиск на практическое применение продуктивных идей в практической деятельности. Одно из наиболее интересных практических «приложений» теории природного и культурного синтеза — практическая деятельность по изучению, сохранению и защите мирового и национального природного и культурного наследия Большого Алтая.

Мы сберегаем наше наследие, но и оно сберегает нас — нашу идентичность, наше с вами цивилизационное многообразие в общем прошлом, в общем настоящем и общем будущем во многих поколениях.

Особое место в евразийском пространстве занимает Россия, уместно вспомнить тезис Николая Рериха: «Россия — не единая раса, — и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на сто сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония».

Прошлая эпоха оставила богатейшее историко-культурное наследие тюрко-славянского мира. Обращение к истокам в эпоху глобализации означает одно — если мы знаем историю своего прошлого, то у нас есть будущее.

Список использованных источников и литературы

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. — СПб., 2002. — 688 с.
3. Барт. Ф. Введение. Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий. — М.: Новое издательство, 2006. — 198 с.
4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. — 288 с.
5. Трепавлов В.В. Особенности цивилизационного развития тюрко-монгольского мира // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II Международного алтаистического форума. Барнаул — Горно-Алтайск, 30 сентября — 3 октября 2021 г. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 504 с.
6. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы. 1975. — 304 с.
7. Бейсенбаева А. В поисках Тенгри (Абдрашова Р. «В поисках Тенгри»). URL: https://archive.np.kz/hotnewstop/10157-v_poiskakh_tengri.html
8. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. — М.: Наука, 1982. — 192 с.

Сведения об авторе: Жанбосинова Альбина Советовна, доктор исторических наук, профессор, ГНС НИЦ Ел тарихы Евразийского национального университета им. Л. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: sovetuksovetuk@rambler.ru

УДК 902/904

К. Ш. Табалдиев

Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек, Кыргызстан)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета
«Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 850000Ф. 99.1. БН66АА04000)*

Аннотация. Сравнительный метод исследования в археологических исследованиях имеет важное значение. Основные компоненты тюркской культуры середины VI века позднее получили распространение в Семиречье, на Тянь-Шане и в западных ареалах Средней Азии. Тюрки на разных этапах исторического развития на новой территории сохранили характерные им черты культуры. Вместе с тем впитывали влияние местных культур. Новым явлением следует считать тюркское захоронение с быком в могильнике Бел-Саз в Кочкорской долине. Одна из особенностей раннесредневековой тюркской культуры, замеченная нами, связана с правилом установления каменного изваяния у поминальных оградок. Новые данные, полученные в южной части Иссык-Куля, позволяют подтвердить традицию своеобразных поминальных комплексов, построенных для элиты. Об установлении стел с рунической надписью, как в Монголии, вероятно, свидетельствуют навершие стелы орхонско-го типа, обнаруженное случайно на территории городища Ак-Бешим. Особое место в культуре тюрков занимают рунические или руноподобные надписи. Пока не обнаружены классические надписи, как у восточных тюрков, подобные орхонским. Одна из особенностей тюрков Тянь-Шаня и Средней Азии — то, что последние испытывали процесс оседания — седентаризации. Тюрки активно воспринимали культурные инновации оседло-земледельческой цивилизации. В этой среде в Чуйской долине произошло взаимопроникновение и взаимообогащение тюркской и согдийской культур. На основе таких данных можно сделать вывод, что в отличие от восточных собратьев тюрки, пришедшие с Алтая, развивали свою культуру в полукочевой и оседло-земледельческой среде. Ряд элементов, характерных для раннесредневековой культуры, сохранился в культуре населения Тянь-Шаня — Алая, в предгорьях Ферганской долины и Семиречье и в позднем средневековье, и в этнографической современности. Наследие средневековой тюркской культуры нашло отражение в традиционной культуре тюркоязычных народов Средней Азии.

Ключевые слова: Алтай, Тянь-Шань, средневековые тюрки, погребения с конем, поминание знатных, оседание тюрков.

K. Sh. Tabaldiev

Kyrgyz-Turkish University «Manas» (Bishkek, Kyrgyzstan)

EARLY MEDIEVAL TURKIC MONUMENTS OF ALTAI AND TIEN SHAN

Abstract. The comparative method of research in archaeological research is important. The main components of the Turkic culture of the middle of the VI century later became widespread in the Semirechye, on the Tien Shan and in the western areas of Central Asia. The Turks at different stages of historical development in the new territory, they preserved the characteristic features of their culture. At the same time, they absorbed the influence of local cultures. The Turkic burial with a bull in the Bel-Saz burial ground in the Kochkor Valley should be considered a new phenomenon. One of the features of the early medieval Turkic culture, noticed by us, is connected with the rule of establishing a stone statue at memorial fences. New data obtained in the southern part of Issyk-Kul allow us to confirm the tradition of peculiar memorial complexes

built for the elite. The establishment of steles with a runic inscription, as in Mongolia, is probably evidenced by the top of the stele of the Orkhon type, discovered by chance on the territory of the Ak-Beshim settlement. Runic or rune-like inscriptions occupy a special place in the culture of the Turks. Classical inscriptions, like those of the Eastern Turks, similar to the Orkhon ones, have not yet been discovered. One of the features of the Turks of the Tien Shan and Central Asia is that the latter experienced the process of sedimentation — sedentarization. The Turks actively perceived the cultural innovations of the settled agricultural civilization. In this environment, in the Chui Valley, the interpenetration and mutual enrichment of the Turkic and Sogdian cultures took place. Based on such data, it can be concluded that, unlike their eastern counterparts, the Turks who came from Altai developed their culture in a semi-nomadic and settled agricultural environment. A number of elements characteristic of the early Medieval culture were preserved in the culture of the population of the Tien Shan — Alai, in the foothills of the Fergana Valley and Semirechye in the late Middle Ages and in the ethnographic modernity. The legacy of medieval Turkic culture is reflected in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of Central Asia.

Keywords: Altai, Tien Shan, medieval Turks, horse burials, commemoration of nobles, settling of Turks.

О общеизвестно, что историко-сравнительный метод исследования обладает широкими научно-познавательными возможностями. Этот метод в археологических исследованиях давал ученым возможность выявить общие и особенные признаки объектов различных пространств и широкого хронологического диапазона. А также позволить выходить за пределы изучаемой территории и исследуемого периода. Результаты исследователей позволили раскрыть сущность изучаемых археологических объектов и выявить общие повторяющиеся признаки и особенности объектов разных территорий.

Согласно данным письменных источников и археологическим изысканиям, доказано, что в истории Центральной Азии важное, во многом определяющее для всего последующего этнокультурного развития значение имеет раннесредневековая тюркская эпоха. Это период между VI и X веками новой эры.

В данный отрезок времени существенным образом изменились этнический состав и культурный облик кочевого и полукочевого населения, проживавшего на просторах всего Центрально-Азиатского историко-культурного региона. После образования Первого Тюркского каганата по обширным степным, горно-степным пространствам Евразии расселились многочисленные тюркоязычные кочевые племена и широко распространились памятники тюркской культуры, культура тюркоязычных племен и народов.

После 552 года одним из районов расселения тюркских кочевых племен стали межгорные долины Тянь-Шаня — Алая, Семиречья, предгорные районы Ферганы. Сюда переселяются различные тюркские группы и распространяется тюркская культура, новые традиции и обычаи.

Так, например, складывается традиция хоронить умерших с конем. Этот ритуал связан с поминальной традицией устанавливать поминальные оградки с каменными изваяниями. Вместе с ними появляются рунические надписи, характерные для культуры раннесредневековых тюрков и кыргызов, новый предметный комплекс, наскальные рисунки и т.д. [1, с. 15–82].

На протяжении эпохи раннего средневековья указанные территории входили в состав сменявших друг друга государственных образований тюркоязычных народов: Первого Тюркского каганата, Западно-Тюркского и Тюркешского каганатов, государств карлуков и караханидов. В IX в. восточные районы Тянь-Шаня были завоеваны кыргызами и стали частью Кыргызского каганата [2, с. 161].

Указанные политические события, военные истории, миграции кочевого населения, процессы взаимодействия и взаимовлияния кочевников и оседлого населения существенным образом повлияли на этногенез, культурогенез населения Средней Азии. Этот процесс, охватывающий территорию от Алтая, в последующий исторический период вошел в качестве субстрата в состав кыргызов, казахов, узбеков, каракалпаков и других тюркоязычных народов.

Какое наследие тогда оставили раннесредневековые тюрки Большого Алтая? Как происходил процесс взаимодействия и взаимовлияния кочевников и оседлого населения? Как изменился облик культуры местных и пришлых? Какие особенности культуры возникли? У исследователей было много вопросов. Оценка этой ситуации, которой посвящено наше выступление, опирается на добытые

в последние десятилетия археологические сведения. На основе исследований археологических памятников предыдущими исследователями не раз были доказаны древние и средневековые этнокультурные связи племен и народов Тянь-Шаня и Саяно-Алтая.

В настоящее время здесь, на Тянь-Шане, и на прилегающих территориях известно около 60 погребений с конем. Этот обряд получил распространение на землях Первого Тюркского каганата со времени расселения племен на Алтае, в Туве и на Тянь-Шане, в Семиречье.

До раннего средневековья на Тянь-Шане обряд захоронения с конем не был характерен. Захоронение человека находится в подбойной могиле, конь — во входной яме. Погребение в подбойной могиле можно считать одной из особенностей погребального обряда западных тюрков. Теперь в связи с обнаружением новых фактов о погребении человека в сопровождении коня наше предыдущее мнение может быть дополнено новыми сведениями. Суть их может быть связана с возможностью существования погребений с конем до раннего средневековья.

До настоящего времени было известно лишь об одном захоронении из раскопок археолога Б.И. Кожомбердиева в долине Кетмень-Тюбе. Недавно, во время раскопок 2014–2015 гг. около среднего течения реки Нарын, в могильнике Айгыржал II получены новые сведения из трех курганов. Погребение человека совершено в катакомбе. Во входной яме катакомбы находились кости скелета лошади почти в анатомическом порядке (рис. 1).

Рис. 1. Погребение с конем в катакомбе. Могильник Ала-Мышын. Раскопки К.Ш. Табалдиева и О.А. Солтобаева. 2015 г.

Теперь перед нами, археологами, стоит новая задача — уточнить правомерность указанного мнения. Требуются методы для абсолютного датирования памятников и дополнительные доказательства.

В раннесредневековой тюркской культуре на Тянь-Шане и в Семиречье, помимо обряда захоронения с конем, существовали и другие виды обрядности. Иногда древние тюрки хоронили умерших в сопровождении барана.

А. Н. Бернштам раскопал на могильнике Ала-Мышын в долине р. Нарын погребение древнетюркской культуры, в котором человек был захоронен в подбое, а во входной яме лежал на левом боку, головой на запад скелет барана и при нем детали конской сбруи [3, с. 81–83]. Подобное погребение женщины с бараном, со скелетом которого находилось разобранное седло, было исследовано на могильнике Суттуу-Булак в Центральном Тянь-Шане [4, с. 142–147]. Согласно распространенной точке зрения, баран в таком захоронении служит заменой верхового коня. Такие погребения редко встре-

чаются в Саяно-Алтае. Известно детское погребение с бараном в Туве. По мнению некоторых ученых, тушу барана помещали в могилу в качестве личной собственности умершего. В данное время на Тянь-Шане нами были обнаружены несколько погребений лошади в поминальной оградке.

Новым явлением следует считать тюркское захоронение с быком в могильнике Бел-Саз в Кочкорской долине. Это пока единственное уникальное погребение этого времени.

Каменные изваяния и поминальные оградки. Одна из особенностей раннесредневековой тюркской культуры, замеченная нами, связана с правилом установления каменного изваяния у поминальных оградок.

На Тянь-Шане каменные изваяния устанавливались в западном секторе оградки. Они составляют почти 90% исследованных и замеченных во время археологических разведок поминальных оградок с изваяниями. Более чем за 30 лет наш археологический отряд не встретил ни одного каменного изваяния или просто стелы, установленных с восточной стороны у оградок.

Этот признак отличает тюркские поминальные оградки Тянь-Шаня от подобных памятников Горного Алтая, Тувы и Монголии. В результате мы приходим к выводу, что это одно из заметных отличий культуры родственных тюркских племен, разделенных на два каганата. При этом формы и конструкции поминальных оградок оставались совершенно одинаковыми. Но причину изменения традиции пока выявить не удастся, есть только предположения.

Каменные изваяния тюркской элиты. В пути сравнительного исследования поминальных памятников восточных и западных тюрков обнаруживаются и другие любопытные археологические обстоятельства. Речь идет о поминальных традициях, предназначенных для знати, предводителей каганатов. Например, поминальные комплексы в Монголии, посвященные Билге-кагану, Кюль-тегину, Тоньюкуку.

Они должны были быть. Но, видимо, еще не выявлены и не исследованы. Обнаружение на территории Казахстана археологом, профессором Зейнулло Самашевым в культово-поминальном (мемориальном) комплекса Элеке-Сазы Элеке сазы в Восточном Казахстане подтверждает продолжение такой традиции на территории западных тюрков [5, с. 160–190].

Новые данные, полученные нами в южной части Иссык-Куля, также позволяют подтвердить традицию своеобразных поминальных комплексов. Во время исследований средневекового городища Кан-Дёбё собраны скульптуры или их фрагменты «великолепной техники обработки», выполненные с большим художественным вкусом. Благодаря фотографиям помощника В. В. Бартольда Дудина, выполненным в конце XIX века, нам удалось установить первоначальное место установления одной группы, состоящей из трех изваяний. Вероятно, они установлены в честь одного из каганов и его жен (рис. 2–4). Мы попытались предварительно воссоздать облик поминального комплекса [6, таблица 15,1; 7, с. 228–231].

Рис. 2. Поминальный комплекс тюркской элиты. Фото Дудина. Иссык-Куль. Туура-Суу. 1893 г.

Рис. 3. Поминальный комплекс тюркской элиты (реконструкция Т. К.). Иссык-Куль. Туура-Суу

Рис. 4. Каменное изваяние знатного тюрка (кагана). Иссык-Куль, с. Туура-Суу

Об установлении стел с рунической надписью, как в Монголии, вероятно, свидетельствует на-
вершие стелы-плиты, обнаруженное случайно на территории городища Ак-Бешим и скульптура че-
репахи (рис. 5–6). По мнению исследователей, Ак-Бешимское городище есть столица народа десяти
стрел — Он Ок будун, то есть Западно-Тюркского каганата.

Таких примеров много, можно привлечь еще много данных для сравнительного исследования.

Хотелось бы кратко упомянуть два обстоятельства. **Тюрко-согдийский синтез.** Одна из особен-
ностей тюрков Тянь-Шаня и Средней Азии — то, что последние испытывали процесс оседания — се-

дентаризации. Алтайские тюркские племена осели на плодородных предгорных, межгорных землях, обеспеченных водными ресурсами. Возобновление процесса развития оседло-земледельческих поселений в раннее Средневековье.

Рис. 5. Скульптура черепахи. Чуйская долина. Фонды Национального исторического музея

Рис. 6. Навершие плиты. Ак-Бешимское городище (Суяб). Фонды Буранинского археолого-архитектурного комплекса

В социальной и этнической иерархии они заняли место господствующей этнической группы. В некрополе Краснореченского городища обнаружены кочевнические погребения с конем. Одно из них парное. Погребенный мужчина был монголоидом, а женщина принадлежала к европеоидной расе. Судя по этому захоронению, среди населения Невакета появились тюрки, которые женились на местных согдиянках. В этой же Чуйской долине, на территории городища Бурана, обнаружено погребение с наборным поясом и с конем. Эти данные свидетельствуют об осевших тюрках, хоронивших умерших в городских некрополях. Указанные факты свидетельствуют об оседании части тюрков.

В этой среде в Чуйской долине произошло взаимопроникновение и взаимообогащение тюркской и согдийской культур [8, с. 158]. Тюрки активно воспринимали культурные инновации из стран оседло-земледельческой цивилизации.

Роль согдийцев в Западном каганате была значительна — под их контролем находилась вся экономическая жизнь государства, включая денежную эмиссию. Все местные монеты VIII в., найденные при раскопках столицы тюркских и тюркешских каганов, Суяба, имеют легенды на согдийском языке и отлиты в согдийских мастерских.

Новые находки монет в Ташкентском оазисе и Чуйской долине позволяют говорить о появлении тюркских монет несколько ранее, в VII в., с изображением кагана и его супруги без согдийских надписей. Рисунки на монете соответствуют идеологии тюрков.

По предположению профессора из Узбекистана Гайбуллы Бабаярова, слева изображен принц (каган), справа — принцесса (хатун). Повторяющиеся сюжеты подтверждают нашу гипотезу, что образ мужчины с длинными волосами вместе с персоной в «трехрогом» головном уборе был распространенным сюжетом в культуре тюрков [9, с. 14–15].

На территории Казахстана в районе озера Балхаш было найдено еще одно каменное изваяние. На изваянии представлены две фигуры, и, как нам кажется, композиция повторяет сцену Суттуу-Булакской пластины и сцену на монетах.

Повторное воспроизведение этого сюжета указывает на его распространенность и популярность среди тюркоязычных народов Центральной Азии. Эта тема занимала особое идеологическое место у народа Он-ок-эл (населения Западно-Тюркского каганата) и указывает на высокую роль кагана и его супруги в обществе. Изображенные фигуры могут также символизировать Тенгри и Умай. Или же сопоставление образа кагана и его супруги с образом Тенгри и Умай [10, с. 39–53; 7, с. 259–269].

Рунические надписи. Теперь в завершающей части доклада — о связях памятников рунической письменности восточных тюрков, Большого Алтая и Кыргызстана.

Особое место в культуре тюрков запада Центральной Азии занимают рунические или руноподобные надписи. Пока не обнаружены классические надписи, как у восточных тюрков, подобные орхонским. Но есть свидетельства об установлении поминальных памятников с текстами. Выше упомянута плита, аналогичная подобным намерениям памятников, установленных в честь знатных лиц Восточно-Тюркского каганата. В Чуйской долине раньше была найдена, как и у восточных тюрков, скульптура черепахи, предназначенная для установления стелы с текстом поминания умершего. Как указывают тюркологи, тексты, обнаруженные в последние годы в Кочкорской долине Внутреннего Тянь-Шаня и Иссык-Кульской котловине, сходны с енисейскими. При этом они замечают влияние алтайских рунических текстов.

Выше мы отмечали оседание тюрков во владениях Западно-Тюркского каганата. Обнаружение рунических текстов в пределах поселений и городищ, несомненно, свидетельствует о присутствии тюркской культуры, создании памятников с текстами в предгорных поселениях и предгорьях.

Текст, обнаруженный в западной части Иссык-Куля, по содержанию оказался идентичным по содержанию.

Вопрос в том, где создавались, кто их писал? Отвечаем — кочевники, в среде кочевников, которые пасли скот в горах!

Но места их обнаружения не всегда среди гор. Так, например, известные с конца XIX века таласские валуны с текстами найдены не в горах, а на предгорной равнине, где расположены средневековые поселения и крепости, в 8 км от подножия Таласского хребта. Здесь найдены керамические сосуды, характерные для караханидского времени.

А нижние слои не исследованы. Сейчас часто в некоторых городах, ранее датированных X–XII вв., обнаруживаются слои раннего средневековья, то есть VII–VIII–IX вв.

Известные в среде тюркологов и археологов «ферганские надписи тюрков» на керамике были обнаружены археологом Юрием Александровичем Заднепровским в Узгенском районе Кыргызстана, на территории многослойного городища Шоро-Башат [11, с. 41–42]. Они, по мнению профессора И.Л. Кызласова, сопоставимы с южноенисейскими [12, с. 150]. Фрагмент керамики с рунической надписью также ранее был обнаружен археологом Баруздиным на юге Кыргызстана, вблизи средневекового поселения.

Недавно у жителя села Саргата, расположенного в центральной зоне Кыргызстана, в Токтогульском районе, мы обнаружили керамический сосуд. Хум с рунической надписью обнаружен во время захоронения жителя на современном кладбище. Оказалось, здесь находились развалины средневекового поселения [13].

На основе таких данных мы можем сделать вывод, что в отличие от восточных собратьев тюрки, пришедшие с Алтая, развивали свою культуру в полукочевой и оседло-земледельческой среде.

Мы сейчас стараемся уточнить общие признаки, характерные для восточных и западных тюрков, и считаем, что в будущем аналогичные исследования должны быть продолжены. Вместе с тем удалось выявить особенности тюркской культуры Тянь-Шаня и Семиречья.

Судя по имеющимся материалам, западно-тюркский вариант культуры тюрков VI–VIII вв. имел многие сходные черты развития с саяно-алтайским вариантом этой культуры.

После образования Западно-Тюркского каганата (государство с самоназванием Он Ок эли — «Государство десяти стрел») постепенно облик культуры стал меняться. Если на Алтае преобладала кочевая жизнь, то на западе большая часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом, торговлей. Некоторые отличия касались в большей степени влияния на тюркоязычных народов согдийской культуры.

Несмотря на смену культурной ориентации, связанную с принятием ислама, многие традиции древнетюркского искусства сохранили свое значение в художественном творчестве кочевого населения Притяньшанья в периоды развитого и позднего Средневековья и сохранились в качестве реминисценций в культуре кыргызов до этнографической современности. Искусство древних тюрков Тянь-Шаня и Семиречья стало важным явлением культуры народов Средней Азии.

Проникновение традиций с Востока — с Алтая, через Алтай началось в древности. В начале первого тысячелетия до н. э. сюда, на Тянь-Шань, мигрировала культура херексоров и оленных камней. Они, внося элементы погребально-поминального комплекса на новую территорию, играли важную роль при формировании ранней сакской культуры. Тем самым они становятся показателями для выделения ранней сакской культуры VIII–VI вв. н. э. Изучая могильники V–III вв., мы видим уже сложившую традицию. Предполагается, эта традиция исчезает во II в. до н. э., в гуннское время. Создание каких-либо поминальных сооружений в среде кочевых и полукочевых племен Тянь-Шаня и Притяньшанья пока неизвестно. Только со времени миграции тюрков с Алтая, с появлением каменных изваяний у оградок начинается новый этап, связанный с новой формой поминания умерших. Чем больше мы узнаем алтайскую археологию, появляется больше возможностей раскрыть многие черты культуры тюрков Средней и Центральной Азии.

Основные компоненты тюркской культуры, сформировавшиеся в алтайский период истории древних тюрков, погребения с конем и поминальные оградки с изваяниями, элементы предметного комплекса в период существования Первого Тюркского каганата, позднее получили распространение в Семиречье, на Тянь-Шане и в западных ареалах Средней Азии, о чем свидетельствуют итоги нескольких десятилетий. Сформированная из единого центра культура средневековых тюрков развивалась на более широкой территории.

На разных этапах аккультурации они сохранили свои первоначальные виды, формы, значения, признаки. Вместе с тем пришлые группы впитывали влияние местных культур. После образования тюркских каганатов и государств тюрки в целом сохранили облик культуры. Вместе с тем обрели некоторые новые черты.

Элементы раннесредневековой тюркской культуры получили новую волну изменений в период нашествия кара-китаев и в монгольское время, когда на Тянь-Шань проникали тюрко-монгольские племена.

Ряд элементов, характерных для раннесредневековой культуры, сохранился в культуре населения Тянь-Шаня — Алая, в предгорьях Ферганской долины и Семиречья и в позднем Средневековье, и в этнографической современности. Наследие средневековой тюркской культуры нашло отражение в традиционной культуре тюркоязычных народов Средней Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996. URL: https://www-old.knu.kg/ru/images/liia/tabaldiev_kurgany_document_kochevyh_plemen.pdf
2. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. — Новосибирск: Наука, 1980.
3. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л., 1952.

4. Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. — 1997. — № 3. — С. 142–147.
5. Самашев З. С. Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культового поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Theory and practice of archaeological research. — 2022. — № 34 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-tyurkskogo-kagana-v-torevtike-malyh-form-po-materialam-kultovo-pominalnogo-kompleksa-eleke-sazy-v-vostochnom-kazahstane/viewer>
6. Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. — СПб., 1897.
7. Табалдиев К. Ш. Древности Тенир-Тоо. — Бишкек, 2022.
8. Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. — Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009.
9. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н. э.). — Ташкент, 2007. URL: https://www.academia.edu/2007_Old_Turkic_coins_of_Chach_6th_8th_cc_AD_Tashkent_2007
10. Кызласов И. Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулукской писанице // Этнографическое обозрение. — 1998. — № 4. — С. 39–53.
11. Заднепровский Ю. А. Тюркские памятники в Фергане // Советская археология. — 1967. — № 1.
12. Кызласов И. Л. Рунические алфавиты Средней Азии // Из истории и археологии Древнего Тянь-Шаня. — Бишкек: Илим, 1995. URL: <https://www.kroraia.com/runic/kyzlasov1.html>
13. Абдиев Т. К., Табалдиев К. Ш. Новые находки: тюркские рунические надписи на хуме и балбале // MONGOLICA. Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований. — Том XXIII. — 2020. — № 2. — С. 8–13. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/65443267.pdf>

УДК 93

Г. Дьёни

Университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия, Будапешт)

ВЕНГЕРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ О РОЛИ ТЮРКСКОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ МАДЬЯРСКОГО ЭТНОСА

Аннотация. В статье рассматривается эволюция и суть «венгерского ориентализма», который во многом определял и определяет историографию и общественную мысль мадьяр. Влиянием этого «ориентализма» объясняется венгерская «тюркофилия», которая в последнее время проявляется и на уровне государственной политики Венгрии. В процессе формирования своей народности мадьяры действительно неоднократно претерпели мощные тюркские влияния. По всей видимости, само появление мадьяр как новой народности и политической общности связано с булгаро-тюркским влиянием в 7–8 вв., но мадьярский язык, безусловно финно-угорский, колыбель этого народа — это Урал и Западная Сибирь, и венгры еще долгие годы сохраняли остатки элементов своей «уральской культуры».

Ключевые слова: венгерский ориентализм, древняя история мадьяр, историография, Шимон Кезаи, тюркофилия, венгерская общественная мысль.

G. Gyóni

Univeristy of Lorand Eötvös (ELTE) (Hungary, Budapest)

HUNGARIAN HISTORIOGRAPHY AND PUBLIC THOUGHT ON THE ROLE OF THE TURKIC COMPONENT IN THE FORMATION OF THE MAGYARS

Abstract. The article briefly examines the evolution and essence of «Hungarian orientalism», which largely determined and defines the historiography and social thought of the Hungarians. The influence of this «orientalism» explains the Hungarian «Turkophilia», which has recently manifested itself at the level of Hungarian state policy. In the process of forming their nationality, the Magyars have indeed repeatedly undergone several waves of Turkic influences. The very appearance of the Magyars as a new nationality and political community is connected with the Bulgarian-Turkic influence in the 7–8 centuries, but the Magyar language is certainly Finno-Ugric, the «cradle» of this people is located on the Urals and in Western Siberia, and the Hungarians for many years retained the remnants of elements of their «Uralic culture».

Keywords: hungarian orientalism, ancient Magyar history, historiography, Simon Kezai, turkophilia, Hungarian social thought.

Возможно, многие наблюдатели и в России заметили, что поведение Венгрии — по крайней мере, на уровне риторики — несколько отличается от остальных западных стран на фоне обострения отношений Запада с Россией. Венгрия — это единственная страна в ЕС, которая не предоставляет военную помощь Украине; ведущие венгерские политики, премьер-министр и министр иностранных дел стараются сохранять личные и деловые контакты с российскими партнерами. Да, возможно, что это поведение в частности объясняется экономическими или другими сиюминутными причинами, но я хочу обратить внимание на то, что оно восходит к более глубоким корням.

В венгерской историографии и общественной мысли со средних веков наблюдается некий «ориентализм», который связывает происхождение и историю мадьяр с восточными, степными, тюркскими народами. И хотя этот ориентализм породил много фантастических и неверных представлений о реальной истории мадьяр, но он все-таки представляет собой один из важных элементов и современной венгерской идентичности. То, что мы, мадьяры пришли с востока, наши корни и наши подлинные братья не на западе, а на востоке. Возможно, даже не преувеличение сказать, что этот «ориентализм» сейчас поднялся на некий официальный уровень — поэтому, например, Венгрия в последние годы активно участвует в работе Союза тюркских государств. Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан в 2018 г. в Кыргызстане, на конференции тюркских государств заявил, что венгерский язык — *«это уникальный язык, родственный с тюркскими языками. Мы всегда внимательно наблюдали за сотрудничеством тюркских государств, среди вас [так!] мы являемся самым западным народом, который принял и христианство. Значит, мы являемся западным, христианским народом, который однако имеет гунно-тюркское происхождение, мадьяры считают, что они дальние потомки Аттилы»* [1].

Я хочу подчеркнуть, что этот «ориентализм» во многом романтизированный, и хотя мадьяры на этапе формирования своей народности действительно претерпели мощное тюркское влияние, но венгерский язык — это финно-угорский (уральский) язык, и колыбель нашего народа — это Западная Сибирь и Урал.

Если рассмотреть корни, суть, эволюции этого так называемого венгерского ориентализма, то, в первую очередь, по-моему, следует разделить элитарную, письменную культуру от народной. Хотя, разумеется, и элитарная, письменная культура черпала свою информацию из устной культуры, собственно говоря, все, что оригинально в письменных источниках, происходит из устности. Обычно все, что знаем о средневековой народной культуре, сохранилось в письменности, поэтому не всегда легко различить грань между элитарной и народной культурой. Но здесь по нашей теме кое-что можно определить с помощью археологии и письменных данных.

В последние годы многое случилось в исследовании древней истории мадьяр, появились новые концепции, вернее, новые аргументации уже давно существующих представлений, например, о том,

что мадьяры покинули Волжско-Уральский регион лишь в начале IX в. и достаточно быстро, в течение пары десятилетий «перекочевали» южнорусскую степь, они не были степными народами с V–VI вв., как это раньше, с 1930-х годов предполагала венгерская историография [2; 3, с. 248]. Но, я думаю, величайшим открытием последних лет в древней истории венгров можно называть то, что археологическим материалом удалось доказать, что в X в. дунайские мадьяры устанавливали контакты с Уралом, который был не просто «древней родиной» мадьяр, но еще в то время часть мадьярского народа проживала в Волжско-Уральском регионе и Зауралье. Об этих контактах свидетельствуют уникальные в том регионе западные монеты немецкого короля Генрика Птицелова в курганах Синеглазово возле Челябинска, материал которых обычно связывают мадьярами. (Как известно, Генрик Птицелов платил дань мадьярам). А также прямоугольные бляшки, обнаруженные в недавно открытом уелгинском могильнике, которые точно соответствуют дунайским, свидетельствуют о том, что могли существовать прямые контакты между дунайскими мадьярами и Зауральем [4, с. 196–198; 5, с. 29]. Это совершенно новое открытие свидетельствует о том, что в X веке, несколько десятилетий после обретения родины существовали реальные связи между мадьярами восточными (уральскими) и западными (дунайскими). Характер названных артефактов говорит о том, что речь идет не просто об обмене предметами, вещей, а перемещении людей. Это значит, что мадьярский горизонт географических, этнографических, политических и, наверное, исторических знаний простирался до Урала еще в течение долгих лет после ухода мадьяр с Волжско-Уральского региона. Такая «народная память» о востоке и живая связь между дунайскими мадьярами и Евразией, возможно, как некий «эффект бабочки» определил и дальнейшее мадьярское «народное» отношение к востоку. Единственный письменный источник, который намекает на наличие таких связей, это Геста Венгерского Анонима (начало XIII в.), где сообщается, что в X веке из Волжской Булгарии приехали переселенцы в Венгрию, в город Пешт, что косвенно подтверждается и другими источниками (по крайней мере наличие мусульманского населения в средневековом Пеште) [6, с. 131–132]. Возможны и некие «династические» связи, ведь женой венгерского вождя Такшоня в середине X в. была какая-то восточная женщина (*de terra Cumanorum*), не исключено, что мадьярка [7, с. 114].

Эти ценные свидетельства найдем в Гесте Анонима, однако это «просто» информация в данном случае без «подтекста». Геста Анонима в целом имеет определенную «идеологию», но ее я бы не назвал «ориентализмом». Его цель — доказывать, что обретение родины было славной военной кампанией и в ней участвовали предки современной (XIII в.) венгерской элиты.

Основоположником «венгерского ориентализма» скорее можно называть Шимона Кезаи, хрониста второй половины XIII в. и его Гесту. В произведении Кезаи найдем не только антизападничество (что присутствует и в Гесте Анонима), но и более развернутое, комплексное представление об истории венгров. В хронике Кезаи выработана определенная историческая концепция (источники и схема реализации этой концепции останутся спорными). Основные элементы этой концепции:

- теория о родстве мадьяр и гуннов. «Гуннская история» как начальная фаза истории мадьяр. (При этом примечательно, что Гуннская история Кезаи — это история гуннов в Карпатском бассейне, наверное, на самом деле история оногуров, переселившихся в Карпатский бассейн в VII в.);
- южноцентризм. Представление о том, что этногенез мадьяр и гуннов связан с Персией;
- «легенда о чудесном олене», которая, возможно, имеет и литературный источник, но, по-видимому, сохранила элементы исконной мадьярской традиции и некоторые следы «родства» мадьяр с оногурами;
- представление о «двойном обретении родины», полагая, что первая волна венгров уже в VII веке переселилась в Карпатский бассейн.

Сочинение Шимона Кезаи оказало значительное влияние на позднейшую венгерскую историографию (хотя нельзя исключать, что он репрезентировал частично уже существующую концепцию). Семантические идеи гунно-венгерского родства, о «двойном обретении» родины, ярко выраженной антизападности (прежде всего антинемецкости) и презрения простого народа пали на благодатную почву.

«Гуннская традиция», а также предполагаемые отношения венгерской династии Арпадов со степными правителями прочно укоренились в венгерском историческом сознании, причем настолько, что, несмотря на языческую подоплеку, на нее претендовала даже церковь. Историк венгерского короля

Матяша Хуньяди (1458–1490) итальянец Антонио Бонфини (1434–1503) упоминал, что Янош Витез, эстергомский архиепископ (1465–1472), в замке Эстэргома построил парадный зал, и «в зале можно увидеть не только всех королей Венгрии, но и их скифских предков» [8, с. 784]. Интересно, кто были эти скифские предки в парадном зале Эстэргома, в самом центре венгерской церкви и государства?

С раннего Нового времени и в Новом времени на Западе и в России формировалась научная концепция об уральском происхождении мадьяр. Она происходит из России и в конечном итоге восходит к проблематике Угрии/Югрии, то есть к тому, что на Руси имели вполне конкретные и достоверные представления об уральском происхождении мадьяр [9].

В Венгрии тоже появилось это знание с XVIII в., однако там в целом процессы шли не так, как на Западе или в России. «Учение» о северных, «финских» корнях венгров часто критиковалось с враждебным и саркастическим тоном. В конце XVIII века, в ответ на устремления Габсбургов германизировать Венгрию и в знак национального пробуждения вопрос о венгерском языке поднялся на политический и идеологический уровень. А с XVI века именно дух «венгерского ориентализма» определяет венгерскую историографию — преимущественно в протестантских кругах. В Венгрии именно протестантская/реформаторская/кальвинистическая интеллигенция отличалась «тюркофилией» и ориентализмом. Это объясняется тем, с одной стороны, что в Венгрии именно на тех территориях сохранялась протестантская/кальвинистическая церковь, которые были под властью Османской империи, ведь «турки» в религиозном отношении более толерантными были, чем Габсбурги-католики. С другой стороны, для протестантов, не принимающих церковные традиции, открывались большие пространства для менее ограниченного мышления. В-третьих, обычно венгерские протестанты/кальвинисты представляли «национальный лагерь», они продолжали ориенталистическую школу венгерской историографии.

Для тех, кто интересовался происхождением и древней историей мадьяр, единственное, в чем они могли быть уверены, было то, что мадьяры, находившиеся в кольце славянских, германских (и латинских) — то есть индоевропейских — народов, «чужие», «особые». Очевидное «различие» венгерского народа само по себе было хорошей основой для формулирования экзотических теорий родства, для поиска древних связей венгерского народа среди малоизвестных, но «выдающихся» народов, таких как, например, избранный народ Ветхого Завета.

Так, в венгерско-латинской грамматике Яноша Сильвестра (1504–1551), напечатанной в городе Шарваре (*Grammatica Hungarolatina* — 1539 г.), автор обратил внимание на сходство между еврейским и венгерским языками. Известный протестантский ученый XVI века, Янош Бараньяи Дечи (1560–1601), подчеркивал общую историю (историю страданий) евреев и венгров. Иштван Гелеи Катона (1589–1649), реформатский епископ Трансильвании (1633–1649), в своей грамматике, опубликованной в 1645 году, подчеркивал восточный характер венгерского языка («венгерский язык является одним из восточных языков») и находил его связь с еврейским языком. *Grammatica Linguae Vngaricae*, опубликованная иезуитом Палем Переслени (1631–1689) в 1682 году в Надьсомбате, подчеркивала родственные черты между венгерским и еврейским языками. Ференц Отрокоци Форис (1648–1718), который был приговорен к принудительному труду на галере за свой протестантизм, а в впоследствии ставший фанатичным католиком, в своей книге (*Origines Hungaricae* 1693 г.) показывал «общие» венгерские и еврейские слова. В грамматике протестантского учителя, Яноша Чечи (1650–1708) из Шапшапата венгерский язык вместе с еврейским включен в число «восточных» языков.

Как уже упоминалось, *Demonstratio* Шайновича была опубликована в 1770 году, *Affinitas* Шамуела Дьярмати — в 1799 году. На видную роль древневенгерской истории в формировании в венгерской критической историографии в XVIII в. указывает, что одной из первых работ профессиональной историографии — *Annales Veteres Hunnorum, Avarum et Hungarorum* иезуита Дьёрдя Праи, опубликованная в Вене в 1761 году — была посвящена именно этой теме¹. Венгерский ориентализм, однако, не прекратил своего существования, наоборот, новое топливо подпитывало его огонь. В 1770 году протестант Дьёрдь Кальмар (1726–1782?), лингвист, востоковед в своей работе *Prodomus idiomatis Scythico-Mogorico-Chuno (seu Hunno) Avarici* сравнивал венгерский язык с восточными языками: еврейским, арабским, сирийским, коптским, армянским, персидским, турецким. Лингвист Пал Берегсаси Надь

¹ Vásáry 2008, 153–160; Szabados 2011, 5; Romsics 2011, 39–40.

(1750–1828), связанный с Шарошпатаком, сопоставил венгерский с персидским и турецким языками. Подобные попытки могли бы и дальше перечислять (Исаиаш Будаи, Бенедек Вираг) [5, с. 68–71].

Историографический интерес представляет тот факт, что «финно-угорская теория» была принята в Венгрии чуть ли не последней, что можно объяснить сильным влиянием средневековой венгерской историографии (особенно касательно гунно-венгерских отношений) и «ориентализмом» венгерской (особенно протестантской) историографии. Еще во второй половине XIX века понадобились так называемые «угорско-тюркские войны» для того, чтобы *факт* о родстве венгерского и финно-угорского языков стал окончательно принятым. В свете вышесказанного неудивительно, что ученые с западным образованием, нередко немецкого происхождения, оказались в авангарде распространения факта финно-угорского языкового родства в Венгрии, и вполне понятно, учитывая многовековые традиции и преемственность венгерской историографии, что это более или менее «импортное» знание встретило сильное сопротивление в нашей стране (возможно, еще и потому, что факт языковой идентичности и истории народа были слишком переплетены из-за методологических недостатков).

Гуннская традиция средневекового летописного происхождения, укоренившаяся в венгерском историческом сознании, и венгерский ориентализм на протяжении веков получали новые и новые импульсы. Сегодняшние события в Венгрии свидетельствуют о возрождении венгерского ориентализма — уже на официальном (политическом) уровне. Идеи о венгерско-тюркских, венгерско-гуннских, венгерско-казахских и т. п. родственных связях появляются на разных медиаплатформах и их популярность продолжает расти. Я думаю, это позитивное явление, но оно не должно быть в ущерб научности.

Список использованных источников и литературы

1. Orbán Viktor beszéde a Türk Nyelvű Államok Együttműködési Tanácsának VI. Csúcstalálkozóján. URL: <https://2015–2022.miniszterelnok.hu/orban-viktor-beszede-a-turk-nyelvu-allamok-egyuttmukodesi-tanacsanak-vi-csucstalalkozojan/>
2. Комар А. В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Археологія та давня історія України. — 2011. — № 7. — Рр. 21–78.
3. Róna-Tas A. A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe. — Budapest, 1997.
4. Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. — Budapest, 2018.
5. Дьёни Г. На заре истории мадьярского народа. — Тюмень, 2021.
6. Györffy Gy. Anonymus. Rejtély avagy történeti forrás? — Budapest, 1988.
7. Scriptores Rerum Hungaricarum. — Budapest, 1937.
8. Bonfini A. A magyar történelem tizedei. — Budapest, 1995.
9. Дьёни Г. Угрия/Югрия: филология и история // Археология Севера России: «Югра — в волесть Новгорода Великого в XI–XV вв.» Часть 1. Сургут — Нефтеюганск — Екатеринбург, 2018. — С. 117–122.

Сведения об авторе: Дьёни Габор, доцент Университета им. Лоранда Этвеша, г. Будапешт, Венгрия, e-mail: gyoni.gabor@btk.elte.hu

УДК 316.774

Л. С. Ахметова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

ОСВЕЩЕНИЕ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СМИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена анализу освещения славяно-тюркского взаимодействия в СМИ стран Большого Алтая и Центральной Азии. Выявлены основные тенденции, характеризующие медийное пространство сегмента «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие».

Ключевые слова: славяно-тюркское взаимодействие, средства массовой информации, информационный повод, медиаиндекс, НОЦ «2Большой Алтай».

L. S. Akhmetova

Kazakh National University named after. al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

COVERAGE OF SLAVIC-TURKIC INTERACTION IN THE MEDIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of coverage of Slavic-Turkic interaction in the media of Greater Altai and Central Asia. The main trends characterizing the media space of the «Turkic world» segment have been identified. «Slavic-Turkic interaction».

Keywords: Slavic-Turkic interaction, media, informational occasion, media index, REC Greater Altai.

В последние годы сформировался устойчивый запрос на анализ освещения в СМИ тематики тюркского мира, славяно-тюркского взаимодействия, в связи с чем в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» проведено исследование, направленное на выявление особенностей освещения славяно-тюркского взаимодействия в СМИ России, стран Большого Алтая и Центральной Азии.

Инструментарий исследования: сбор эмпирического материала осуществлялся при помощи сервиса «Медialogия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ) [1]. База «Медialogии» включает 87 000 изданий из всех регионов России, стран СНГ и Балтии и дальнего зарубежья (85 регионов РФ, 169 стран мира). Представлены все категории изданий: ТВ, радио, газеты, журналы, информагентства, интернет, блоги. Ключевые слова для запроса: «тюркология», «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие» период охвата: 01.01.2021–30.03.2023.

С ключевыми словам «тюркология», «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие» в 2021 году выявлено 14663 сообщения, в 2022 году — 13128 сообщений, за 9 месяцев 2023 года — 8557 сообщений. Анализ полученных данных позволяет выявить следующие тенденции в освещении темы славяно-тюркского взаимодействия.

Выявлена тенденция достаточно высокого уровня интереса со стороны СМИ к тематике славяно-тюркского взаимодействия, о чем свидетельствует такой показатель, как «доля перепечаток» (перепечатки — похожие сообщения, совпадающие с оригинальной статьёй на 75% и более). Количество перепечаток на протяжении исследуемого периода составляет не менее 50% от общего количества сообщений по данной тематике.

Определена тенденция размещения подавляющего количества сообщений в «новых», цифровых СМИ (интернет-сайты, Информагентства) (табл. 1).

Таблица 1

Динамика публикаций по категориям СМИ, % от общего количества сообщений

Год	Категория СМИ					
	Газеты	Журналы	Информагентства	Интернет	ТВ	Радио
2021	3	0,16	11,8	84,5	0,17	0,1
2022	2,9	0,24	15,6	81	0,24	0,02
2023	2,1	0,18	18,6	78,9	0,22	0

Выявлено, что тенденция на публикации в жанрах «Новости» и «Аналитика» устойчива на протяжении исследуемого периода (табл. 2).

Таблица 2

Динамика публикаций по жанрам СМИ, % от общего количества сообщений

Жанры	Год		
Категории СМИ	2021	2022	2023
Новости	58,3	56,5	58,7
Аналитика	31,7	32,2	29,8
Прочее	9,1	9,4	9,2
Интервью	1,1	0,9	1,2
Законодательство	0,06	0,2	0,1
Публицистика	-		0,07
Ток-шоу	0,04	0,01	-

Определена устойчивая тенденция размещения большей части сообщений в рубриках «Власть» и «Международные отношения». Вместе с тем, фиксируется тенденция на увеличение доли сообщений в рубриках «Наука и образование» и «Культура и искусство» (табл. 3).

Таблица 3

Динамика публикаций по рубрикам, % от общего количества сообщений

Рубрика	Год		
	2021	2022	2023
Власть	60,1	60,1	54,1
Международные отношения	36,6	36,1	29,5
За рубежом	16,7	11,5	16,5
Прочее	16,4	14,3	15
Наука и образование	13,1	15,5	18,1
Культура, искусство	7,6	9,1	12,1

Фиксируется общая тенденция преобладания сообщений в СМИ зарубежного уровня, затем федерального и регионального (табл.).

Таблица 4

Динамика публикаций по уровням СМИ, % от общего количества сообщений

Год	Уровень СМИ		
	Федеральные	Региональные	Зарубежные
2021	26,6	16,3	53,8
2022	23,6	18,4	58
2023	18,2	17,1	64,6

Определена тенденция в формировании информационной повестки освещения славяно-тюркского взаимодействия. Наиболее заметными и широко освещаемыми инфоповодами являются события политической жизни (например, связанные с проведением в марте 2021 года неформального

саммита стран содружества тюркских государств; переименованием Тюркского совета в Организацию тюркских государств; или в 2022 году — заявление президента РК Ж.-К. Токаева о том, что «Казахстан заинтересован в укреплении сотрудничества тюркских стран»; в 2023 году — события, связанные с публичной деятельностью глав государств.

Инфоповодов, связанных с событиями духовной, культурной, научной отмечено мало. При этом нужно отметить, что в 2023 году весьма заметным является заявление Президента РК Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан — Адалазамат», (передает МИА «Казинформ» со ссылкой на пресс-службу Акорды) о том, что «мы должны заниматься всесторонней популяризацией нашего культурного наследия... В Казахстане есть уникальные музеи таких широко известных в мире поэтов и писателей, как Александр Пушкин, Тарас Шевченко, Федор Достоевский, Михаил Шолохов и ряда других. Необходимо сохранять и изучать это наследие, олицетворяющее многогранность нашей национальной культуры» [2].

В целом отметим, что в подавляющем большинстве наиболее заметные инфоповоды — это события политической жизни, широко освещаемые в СМИ (наиболее активны и заметны сообщения СМИ Казахстана и России).

Определен рейтинг присутствия в сообщениях по исследуемой тематике медийных объектов:

- в **2021** году первом месте — Турция (8088 публикаций), на втором месте находится Азербайджан (6519 публикаций), на третьем — Россия (6155 публикаций), далее — Казахстан (6044 публикации), Кыргызстан (4169 публикаций), Узбекистан (4161 публикация);
- в **2022** году на первом месте — Турция (7443 сообщения), на втором — Казахстан (6232 публикаций), на третьем — Азербайджан (5942 публикаций), далее — Россия (5268 публикаций), Узбекистан (4297 публикаций), Кыргызстан (4019 публикаций);
- в **2023** году на первом месте — Турция (4415), на втором месте рейтинга присутствия в публикациях СМИ находится Азербайджан (4160 публикаций), на третьем — Казахстан (3386 публикаций), далее Россия (2862 публикации), Узбекистан (2379 публикаций), Кыргызстан (2256 публикаций).

Анализ данных показывает, что на протяжении исследуемого периода основными медийными объектами — странами, задающими информационную повестку медиапространства, являются Турция, Азербайджан, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан. Безусловным лидером рейтинга объектов — стран по присутствию в публикациях СМИ в 2021–2023 гг. является Турция. Такие страны, как Азербайджан и Казахстан, располагаются на второй-третьей строчке рейтинга, меняясь местами в зависимости от года.

Определен рейтинг объектов-стран по медиаиндексу:

- 2021 год: Казахстан — 48 838,8 пункта, Турция — 39 230,9 п., Россия — 24 855 п., Азербайджан — 20 068, Узбекистан — 18 357,9 п., Кыргызстан — 16 163, 2 п.;
- 2022 год: Турция — 32 109 п., Казахстан — 29 347, 3 п., Азербайджан — 20 568, 4 п., Узбекистан — 20 434, 7 п., Кыргызстан — 13 825, 5 п., Россия — 12 027 п.;
- 2023 год: Казахстан — 21 377, 5 п., Турция — 12 760, 3 п., Азербайджан — 12 239,2 п., Россия — 9 335, 2 п., Узбекистан — 7 211, 3 п., Кыргызстан — 6 593, 2 п.

Как показывают данные, Казахстан и Турция стабильно входят в тройку лидеров данного рейтинга, а Россия с 2022 года уступает третье место Азербайджану.

Нельзя не отметить тот факт, что наряду с такими медийными объектами — организациями, определяющими информационную повестку медиапространства Центральной Азии, как тюркской, ООН, НАТО, ЮНЕСКО, ОДКБ, в рейтинге появляется такой объект-организация, как НОЦ «Большой Алтай». В 2021 году НОЦ «Большой Алтай» упоминается в 902 публикациях СМИ с охватом аудитории в 37,7 млн человек, в 2022 году — в 960 публикациях с охватом в 37,5 млн человек, в 2023 году — в 487 публикациях с охватом в 17, 1 млн человек. Медиаиндекс публикаций с упоминанием НОЦ «Большой Алтай» составил в 2021 году — 2 766, 6 п., в 2022 году — 4 153 п., 7 п., в 2023 году — 2 539,9 п.

Таким образом, НОЦ «Большой Алтай» становится заметным объектом в медиапространстве России и Центральной Азии, более того, публикации, освещающие результаты деятельности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», перепечатываются различными СМИ. Так, например,

доля перепечаток в 2022 году — 57%, в 2023 году — 62%. Приведенные данные свидетельствуют о значительном интересе со стороны СМИ к нашим публикациям.

Рейтинг СМИ по количеству сообщений:

- в 2021 году в топ-10 лидеров рейтинга по количеству сообщений попадают такие СМИ, как: News-Life (news-life.pro) Москва; Seldon. News (news.myseldon.com) Москва; ИА Kazinform (inform.kz); Нур-Султан; Trend.az Баку; AA.com.tr (aa.com.tr/ru) Анкара; Day.az Баку; Haberler (ru.haberler.com) Стамбул; Рамблер/новости (news.rambler.ru) Москва; Казахстанская правда (kazpravda.kz) Нур-Султан; 1NEWS.az Баку;
- в 2022 году в топ-10 лидеров по количеству сообщений попадают такие СМИ, как: Бакинский рабочий (br.az); Azertag.az/ru; Trend.az Баку; ИА Kazinform (inform.kz) Астана; Caliber. Az Баку; НОЦ «Большой Алтай» (<https://bolshoy-altay.asu.ru/>) Барнаул; ИА Report (report.az) Баку; News-Life (news-life.pro) Москва; Seldon. News (news.myseldon.com) Москва; Баку;
- в 2023 году в топ-10 лидеров по количеству сообщений попадают такие СМИ, как: Azertag.az/ru Баку; Trend.az Баку; Media.az (media.az) Баку; Caliber.az Баку; ИА Report Информантства Баку; Ru.oxu.az Баку; Бакинский рабочий (br.az) Баку; Day.az Баку; ИА Kazinform (inform.kz) Астана; ИА Азери-Пресс (ru.ara.az) Баку.

Таким образом, подтверждается обозначенная выше тенденция преобладания количества сообщений, публикуемых зарубежными СМИ, а именно информагентствами и интернет-СМИ Казахстана, Азербайджана, отрасли «Бизнес и общество», а также российскими новостными агрегаторами. Значимой в количественном отношении выглядит позиция НОЦ «Большой Алтай» и необходимо отметить, что это единственное СМИ отрасли «Образование и наука», попадающее в данный рейтинг.

Анализируя рейтинг СМИ по медиаиндексу, отметим, что на протяжении исследуемого периода наиболее влиятельным является ресурс ИА Kazinform (inform.kz) г. Астана, отрасли «Бизнес и общество». В целом, суммарный медиаиндекс медиаресурсов Казахстана занимает первую позицию рейтинга, затем — медиаресурсы России. Необходимо отметить усиление влиятельности медийных ресурсов Азербайджана.

Особо хочется отметить тот факт, что набирает медийное влияние НОЦ Большой Алтай. Если в 2021 году наш ресурс еще не был замечен в рейтинге топ-100, то уже в 2022 году он появился на 95-м месте с медиаиндексом 2,97 п., в 2023 — на 43-м месте с медиаиндексом 4,69.

Наиболее заметными публикациями авторитетных российских СМИ, в которых освещается деятельность НОЦ «Большой Алтай», в 2022 году стали:

- Ученые из разных стран представили результаты исследований Большого Алтая (РИА Новости)
- Алтай 5000 лет назад. Что рассказал ученым самый древний курган Сибири? (РИА Новости)
- В Алтайском крае археологи нашли «Ромео и Джульетту афанасьевского времени» (РИА Новости)
- «Тюркский мир Большого Алтая»: эффекты интеграции вузов Центральной Азии (РИА Новости)
- Пресс-конференция о реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая» (РИА Новости)
- Большое лето «Большого Алтая» (Российская газета)
- На Алтае впервые создадут монографию об эпосе тюркских народов (ТАСС).

В 2023 году:

- Тюркский мир в древности. Ученые семи стран подготовили новое исследование (РИА Новости)
- В горах Большого Алтая впервые нашли остатки построек тюркских поселений VII–IX веков (ТАСС)
- Ученые семи стран написали книгу об истории древних тюрков (ТАСС)
- «Большой Алтай» АлтГУ открыл представительство в Кыргызском национальном университете (Российская газета (rg.ru))
- Археологи обнаружили древние поселения кочевников в горах Алтая (Ferra.ru)
- Что объединяет алтайцев и кыргызов: этнографы НОЦ «Большой Алтай» провели экспедицию в горах Тянь-Шаня (Научная Россия (scientificrussia.ru)).

Общие выводы

1. Ключевыми медийными объектами в публикациях различных СМИ контекста «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие» за исследуемый период являются: Турция, Казахстан, Азербайджан, Российская Федерация. Именно эти страны находятся в фокусе внимания публикаций СМИ, в большей части публикаций им отводится главная роль.

2. В целом, аналитические и информационные сообщения, связанные с освещением политических и экономических аспектов славяно-тюркского взаимодействия, достаточно широко представлены, имеют большой охват аудитории. Наибольшее количество публикаций осуществляют зарубежные интернет-издания, размещаются в рубрике «Власть», в жанре «Новости» отрасли СМИ «Бизнес и общество».

3. Влиятельность СМИ. Стабильно высокое значение медиаиндекса на протяжении исследуемого периода демонстрирует информагентство зарубежного уровня ИА Kazinform (Казахстан). Влиятельность других СМИ не имеет стабильно выраженного характера и определяется медиандексом конкретной публикации.

4. Публикации, связанные с научными исследованиями и международным сотрудничеством в сфере науки и образования, имеют более низкий уровень заметности. Вместе с тем отметим информационную активность НОЦ Большой Алтай, публикации которого приобретают нарастающее количество, заметность и охват аудитории.

Список использованных источников и литературы

1. URL: www.mlg.ru

2. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalnogo-kurultayaadiletti-kazakistan-adal-azamat-175233>

Сведения об авторе: *Ахметова Лайла Сейсембековна*, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, e-mail: laila_akhmetova@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ ЭКСПЕРТНОЙ СЕССИИ: «КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ ЕВРАЗИИ» С ИТОГОВОЙ РЕЗОЛЮЦИЕЙ

19 октября 2023 года в рамках III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности» состоялась экспертная сессия по обсуждению Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии, разработанная сотрудниками Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай». В работе экспертной сессии приняли участие:

Аликберов Аликбер Калабекович — директор Института востоковедения РАН, д. и. н. (Москва);
Мосолова Любовь Михайловна — д. иск., профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. Герцена (Санкт-Петербург);

Садыков Канат Жалилович — советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, к. фил. н., доцент (Бишкек);

Лысенко Юлия Александровна — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», д. и. н., профессор Алтайского государственного университета (Барнаул);

Марахимов Авазжон Рахимович — ректор Термезского государственного университета, д. т. н., профессор (Термез);

Имомзода Мухаммадусуф Сайдалиевич — член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, д. фил. н., профессор филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе (Душанбе);

Шайдулаев Алишер Шапулатович — руководитель департамента международных отношений Термезского государственного университета (Термез);

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович — д. ю. н., профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана);

Нехвядович Лариса Ивановна — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», директор Института гуманитарных наук АлтГУ, д. иск., профессор (Барнаул);

Землюков Сергей Валентинович — руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», д. ю. н., профессор (Барнаул);

Рахимов Ганишер Худойкулович — ректор Денауского института педагогики и предпринимательства Самаркандского государственного университета (Денау);

Мурзагалеев Радик Ишкалиевич — к. пол. н., директор Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (Уфа);

Куролов Кобулжон Кулманович — д. э. н., директор Отраслевого центра повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров при Ташкентском государственном техническом университете (Ташкент).

В выступлении Л. М. Мосолова (д. иск., профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. Герцена) отметила, что тема, представленная в Концепции, является очень актуальной не только с точки зрения науки, но и со стратегически важной геополитической и социально-политической точек зрения. В научном отношении указанные народы изучались в основном по отдельности и преимущественно в этнографическом плане или же в общеисторическом ракурсе. Генерализованных исследований исторических типов взаимодействия этих народов на каждом этапе их культурогенеза, социогенеза и политогенеза почти нет. Такие исследования нужны для создания современной научно-теоретической и идеологической базы мирного и продуктивного взаимодействия народов в контексте новых задач существования в формирующемся многополярном мире и противодействовать различным внешним и внутренним конфронтационным стратегиям и практикам. Поставлена масштабная задача многосторонне-целостно охватить все исторические этапы и цивилизационные

форматы сосуществования тюркских и славянских народов в общем географическом пространстве их обитания. Представлены не только определенные основания для правомерности рассмотрения проблематики единства народов, но и перспективы дальнейших научных исследований, а также события реализации совместных научно-образовательных проектов и мероприятий. Положительно то, что к созданию Концепции были привлечены представители разных наук в целях многоаспектного анализа темы и выработки консолидированного видения проблемы и ее решения.

Л. М. Мосолова также отметила, что по тексту Концепции нет указания на тип представляемого документа — это лишь установочная концептуализация проблемы единства или же это некоторые результаты проведенного исследования в форме сложившейся концепции. Это затрудняет восприятие документа, его адресность и соответствующую оценку. Кроме этого, хотя в названии темы говорится о народах России и Центральной Азии, в Концепции не прояснено, о каких территориях и государствах идет речь. Центральная Азия огромная. Кроме стран Средней Азии, она включает Индию, Афганистан, Монголию и др. На территории России тюрки живут в разных регионах. Дополнительной работы требует проработка понятийного и категориального аппарата Концепции, особенно понятий «культура», «цивилизация», «ценности».

В выступлении Р. И. Мурзагалева (к. пол. н., директор Центра геополитических исследований «Берлек-Единство») отмечено, что Представленная «Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии» охватывает общую историю взаимодействия, что имеет несомненную ценность. Приведенные положения опираются на серьезный фактологический материал и обширный список исторических работ разного времени. Разработчик Концепции — международный коллектив НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» ставит перед собой амбициозную задачу — обосновать единство народов на основе системы социально-культурных, мировоззренческих и других ценностей и практик, сформированной благодаря общему историко-цивилизационному развитию. Таким образом, авторы поднимают вопросы, связанные в том числе с этнологией, культурологией и даже этнополитикой. И такой междисциплинарный подход полностью оправдан, поскольку позволяет взглянуть на этот вопрос под особым ракурсом. В основу Концепции легли многолетние исследования авторов на стыке нескольких областей знания. Подобная научная инвестиция в теорию и практику имеет большое значение в условиях развития современной исследовательской мысли. Несомненным достоинством Концепции является тот факт, что в ней рассматривается вектор дальнейшего развития исследований в области историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии, а также спектр современных междисциплинарных решений (организация и проведение Международной междисциплинарной Летней школы молодых исследователей из университетов стран Большого Алтая; формирование общего сегмента медиапространства стран Большого Алтая и Центральной Азии по тематике славяно-тюркского единства; создание мультимедийной информационной платформы и т.д.).

Р. И. Мурзагалева также отметил, что Концепции требуется доработать раздел, посвященный ее теоретико-методологическим основам, понятийно-категориальному аппарату, сконцентрировав внимание на цели и задачах, конечных результатах реализации Концепции, их количественных и качественных маркерах. Актуальной представляется также разработка положений Концепции, ориентированных на интеграцию славяно-тюркский мира в самой России.

По итогам экспертной сессии принята резолюция.

Резолюция

экспертной сессии по обсуждению Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии (авторы — сотрудники Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»)

Мы, участники экспертной сессии, высоко оцениваем работу международного коллектива Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, связанную с созданием «Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии».

Принимая во внимание уникальность практического опыта работы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» по разработке «Концепции историко-культурного единства славянских

и тюркских народов России и стран Центральной Азии», связанной с интеграцией ученых для совместного обобщения и осмысления историко-культурного наследия славянских и тюркоязычных народов наших стран, выявления его общих ценностей и практик, мы, участники экспертной сессии, констатируем следующее:

— Концепция имеет актуальное научное значение, так как в ней представлен генерализованный анализ исторических типов взаимодействия славянских и тюркоязычных народов на каждом этапе их культурогенеза, социогенеза и политогенеза. Концепция важна для создания современной научно-теоретической и идеологической базы мирного и продуктивного сотрудничества народов в контексте новых задач существования в формирующемся многополярном мире и противодействия различным внешним и внутренним конфронтационным стратегиям и практикам;

— историко-культурное единство славянских и тюркских народов России и Центральной Азии — область, к которой повышен интерес в современном обществе, представляется в Концепции как явление, непосредственно встроенное в общую историческую архитектуру, что особенно актуально на современном этапе;

— уникальность Концепции заключается в том, что в ней представлены определенные основания для правомерности рассмотрения проблематики единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии;

— Концепция имеет несомненную научную ценность, поскольку представляет анализ истории взаимодействия славянских и тюркских народов, основанный на междисциплинарном подходе. Многовекторные реконструкции общих ценностей и практик сосуществования тюркских и славянских народов рассматриваются в контексте общего географического пространства их проживания — Евразии;

— в Концепции заложены перспективы дальнейших научных исследований, а также способы реализации совместных научно-образовательных проектов и мероприятий, обозначен большой перечень междисциплинарных проблем гуманитарного взаимодействия в регионах Большого Алтая и Центральной Азии, связанный с изучением, сохранением и популяризацией историко-культурного наследия славянских и тюркских народов;

— Концепция представляет собой научно-практический смысл, связанный с широким контекстом интеграционных процессов на пространстве СНГ в научно-образовательном смысле, который охватывает разный комплекс взаимодействий, делает концептуальные проработки по укреплению союзнических отношений особенно актуальными и востребованными.

Анализируя многоформатное содержание «Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии» мы, участники экспертной сессии, считаем, что:

- в современных условиях Концепция может выступать фундаментальной основой для расширения научно-образовательных, культурных, гуманитарных контактов на евразийском пространстве;
- Концепция может быть признана как важная методологическая платформа для современных исследований в области истории, права, археологии и этнографии тюркских народов России и стран Центральной Азии, межкультурного взаимодействия славянских и тюркских народов;
- Концепция может быть рекомендована для дальнейшего внедрения в практику научной и образовательной работы, а также для сферы культуры в России и странах Центральной Азии;
- приводимый в третьем разделе Концепции перечень основных форм активности в рамках гуманитарного взаимодействия России и стран Центральной Азии можно считать образцовыми мероприятиями, которые могут быть масштабированы на все профильные организации;
- Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и стран Центральной Азии требует дальнейшей разработки и конкретизации с привлечением ученых России и стран Центральной Азии по отдельным научным направлениям;
- по итогам доработки Концепции предлагается провести в 2024 году ее повторное обсуждение на площадках ведущих тюркологических центров — РГГУ, Институте востоковедения РАН, Институте археологии и этнографии СО РАН, ЕНУ им А. Гумилева, СамГУ.

СЕКЦИЯ 1. РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

УДК 902.2

М. Б. Кожя

Институт археологии им. А. Х. Маргулана,
Международный казахско-турецкий университет им. Х. А. Ясави (Казахстан)

РАСКОПКИ ОБЪЕКТА А В НЕКРОПОЛЕ КОК-МАРДАН

Работа выполнена в рамках реализации проекта BR11765630 «Культурогенез в казахских степях: новые парадигмы проблем изучения преемственности материального и духовного наследия по данным археологических источников»

Аннотация. Статья посвящена раскопкам объекта А некрополя городища Кок-Мардан — одного из значимых памятников периода государства Кангюй. В ней изложены результаты стратиграфических наблюдений и материалы, полученные при исследованиях 12 погребений. Погребальное сооружение датируется III–V вв. Использованы некоторые выводы антропологического изучения скелетов с половозрастными определениями, предоставленные антропологами.

Ключевые слова: археология, Казахстан, государство Кангюй, Отрарский оазис, некрополь, Кок-Мардан.

M. B. Kozha

Margulan Institute of Archaeology,
International Kazakh-Turkish University H. A. Yasavi (Kazakhstan)

EXCAVATIONS OF OBJECT A IN THE KOK-MARDAN NECROPOLIS

Abstract. The article is devoted to the excavations of object A of the necropolis of the Kok-Mardan settlement, one of the significant monuments of the period of the Kangyuy state. It presents the results of stratigraphic observations and materials obtained during the study of 12 burials. The burial structure dates back to the 3rd-5th centuries. Some conclusions of the anthropological study of skeletons with gender and age definitions provided by anthropologists are used.

Keywords: archeology, Kazakhstan, Kangyuy state, Otrar oasis, necropolis, Kok-Mardan.

Некрополь Кок-Мардан, расположенный на территории Отрарского оазиса (Туркестанской области Республики Казахстан), был открыт в 1977 г. курганным отрядом ЮККАЭ под руководством Б. Н. Нурмуханбетова [1, с. 517]. В 1989–1990 гг. под руководством автора были осуществлены охранные раскопки двух объектов (А, Б), которые располагались на трассе большого арыка и ежегодно подвергались разрушениям при очистке ирригационной сети. До раскопок объект А (географические координаты: N 42° 45' 151'', E 068° 19' 259'') представлял овальное в плане

сооружение высотой 2,65 м, вытянутое с северо-запада на юго-восток длиной 32 м. Ширина от северо-восточного края до подрезанного арыком части — 15 м.

Стратиграфические зачистки и разрезы, произведенные в ходе раскопок, показали, что объект А состоит из центральной части и двух пристроек, возведенных и использованных для погребений в определенной хронологической последовательности (рис. 1, 2). В различных частях сооружения выявлено 12 захоронений. Горизонтальная стратиграфия позволяет выделить три периода функционирования объекта А как погребального сооружения.

I период. Строится центральная часть, имеющая форму усеченного конуса диаметром 11,2 м в основании и высотой 2,60 м. Внешний фас стен имеет крутизну 70–80°. Горизонтальные зачистки и стратиграфические разрезы показали, что усеченный конус неоднороден и сложен из двух видов пахсы. В основе конструкции находится возведенная из пахсовых блоков усеченная пирамида. Основание пирамиды представляет собой квадрат со сторонами: длина северо-восточной — 6,85 м, юго-восточной — 6,85 м, юго-западной — 6,85 м, северо-западной — 6,9 м. Нынешняя высота пирамиды составляет 2,60 м и состоит из четырех рядов пахсы. Верхний ряд пахсовых блоков сохранился частично. Впритык к пирамиде была возведена новая облегающая, как панцирь, стена, придавшая конструкции вид усеченного конуса. Облегающая стена сложена из ленточной пахсы. Четко различаются 33 слоя ленточной пахсы, толщина одного слоя колеблется от 5 до 8 см. Слои отличаются по цвету. Слой с темным оттенком более твердый, чем слой светлого оттенка, и после расчистки приобретает вид высохшего такыра, в структуре этого слоя встречаются, хотя и редко, мелкие фрагменты керамики и ракушки. Видимо, для раствора этого слоя использовался грунт, находившийся долгое время под водой. Возможно, это ил, накопившийся на дне рва городища. Другой слой имеет цвет сырцового кирпича, скорее всего, для него использовалась глина, из которой отливались кирпичи.

В центральной части сооружения выявлены погребения 6, 10, 13 (рис. 1). Погребение 6. Погребальная камера расположена в южном секторе усеченного конуса. Ее конструкция отличается от вышеотмеченных камер. К погребальной камере с юга прилегал проем, остатки которого четко прослеживаются. Камера в плане трапециевидной формы с закругленными углами. Длина — 2 м, ширина основания трапеции — 0,95 м, ширина противоположающей стороны — 0,3 м. Костяк сохранился не полностью. Погребенный был уложен вытянуто на спине и головой на восток. Ноги прямо вытянуты и соединены в коленных суставах. Причем часть большой правой берцовой кости и кости стопы зафиксированы над соответствующими костями левой ноги. Рядом с тазовой костью выявлена бесщитковая железная пряжка диаметром 3,5 см с подвижным язычком и остатки ножа длиной 8 см, шириной 2 см.

Погребение 10 располагается в северном секторе усеченного конуса близко к современной поверхности памятника. Длина камеры — 2,3 м, ширина — 1 м. В камере расчищены перемещенные с первоначального положения кости: ребра, лопатки, крестец. В камере обнаружен следующий инвентарь: фрагмент бронзового колечка диаметром 12 мм, бусина из хрусталя диаметром 10 мм, длиной 12 мм, янтарная бусина диаметром 13 мм, длиной 7 мм, стеклянная бусина диаметром 8 мм, длиной 9 мм, две сердоликовые и три мелких стеклянных бусин. Всего в погребении 10 найдено восемь бусин.

Погребение 13 располагалось в восточном секторе центрального усеченного конуса. Длина камеры — 1,1 м, ширина — 50 см. Погребение детское, судя по зубам 5–6 лет. Погребенный был положен на спину головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль тела. В районе тазовой кости найдена округлая железная пряжка диаметром 3 см с подвижным язычком. Вблизи пряжки расчищен железный ножик длиной 5 см, шириной 1,5 см. Справа от скелета была положена кружка баночной формы диаметром 4,5 см, высотой 5,5 см.

Судя по тому, что в нижней части облегающей стены до 20–30 см от основания прослеживаются следы разрушения пахсы глубиной до 25 см вглубь от внешней поверхности и натечные слои можно предполагать, что в таком виде погребальный памятник простоял некоторое время. Возможно, следы разрушений в нижних частях сооружения связаны со следами разлива вод рек Арыси или Сырдарьи.

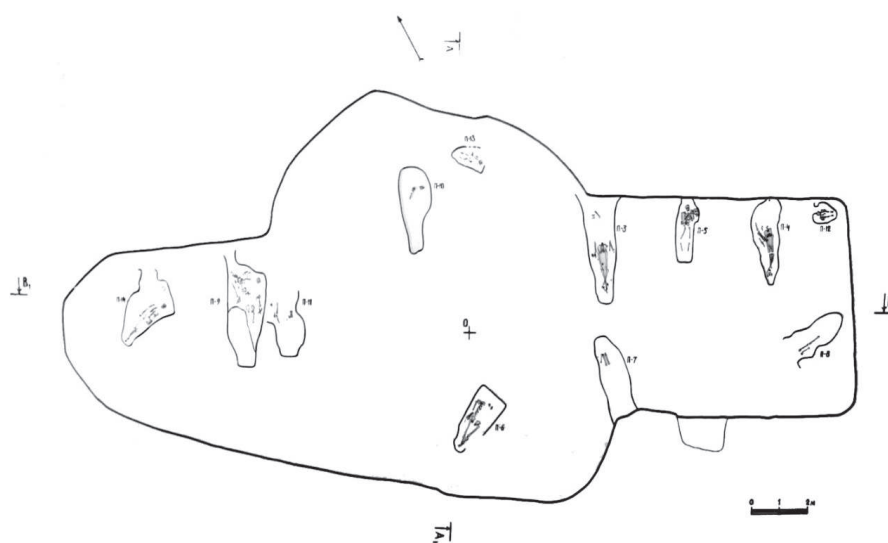

Рис. 1. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. План

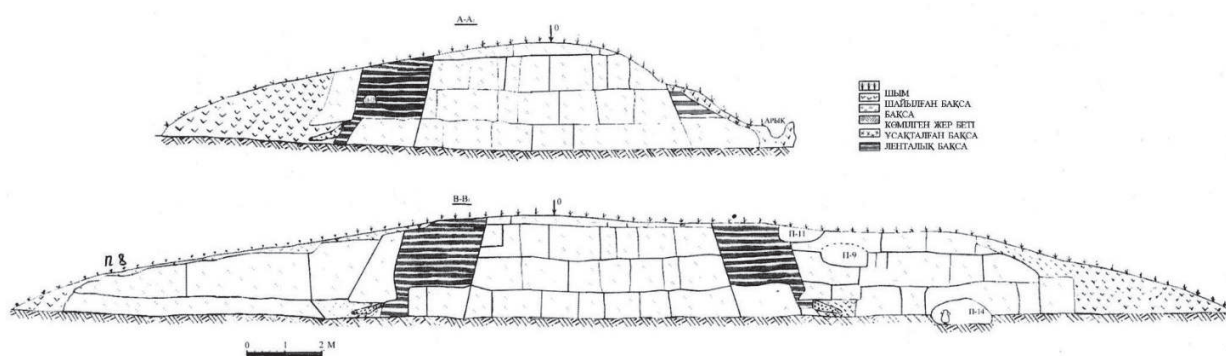

Рис. 2. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Разрезы

II период. К центральной части сооружения, с северо-запада пристраивается северо-западная платформа, длиной у основания 6,5 м, шириной на месте соединения с центральной частью сооружения 6,5 м. Северо-западный конец пристройки суживается и принимает килевидную форму. Высота пристройки также убывает к северо-западному концу от 2,2 м до 1 м. Платформа возведена из трех рядов пахсы. Для связи пристройки с центральным сооружением в 0,4 м от уровня дневной поверхности подрубались углубления глубиной в 30–40 см в стене укрепительной стены, куда заливалась комковая пахса. Стены пристройки выше углубления вплотную прилегают к центральной части сооружения. Небольшое пространство между основаниями центрального сооружения и пристройки заполнены неутрамбованным грунтом и разрушенными в ходе углубления пахсовой крошкой.

На территории северо-западной платформы выявлены погребения 9, 11, 14. Погребение 9 располагается внутри северо-западной платформы. Погребальная камера с закругленными углами и входным проемом. Длина камеры 2,8 м, ширина 1,3 м. Пол камеры ступенчатый, западная часть выше северо-восточной на 8–10 см. Входной проем в камеру располагался в северном углу камеры. Ее ширина 25 см. Судя по абрису юго-восточной стенки, высота камеры достигала 40–50 см. Большая часть костяка оказалась перемещенной. В первоначальном положении сохранились тазовые кости и левая бедренная кость и кости левой руки. Судя по сохранившимся в первоначальном положении костям, погребенная была положена на спину в вытянутом положении. Возраст погребенной — 55–60 лет. В северо-восточной части камеры найдено бронзовое зеркало диаметром 14,5 см (рис. 3, 3). В западной части на полу камеры выявлен амулет — бронзовая фигурка в виде стоящего оленя, размером 23 мм х 23 мм (рис. 3, 2). В передней части туловища оленя имеется сквозное отверстие для подвешивания. Среди находок — бронзовый кулон длиной 30 мм, диаметром 20 мм с отверстием. В 10 см к се-

веру от края тазовой кости выявлены агатовая бусина диаметром 15 мм, длиной 12 мм. Вторая агатовая бусина найдена на месте скопления перемещенных костей вблизи черепа. Ее диаметр — 15 мм, длина — 11 мм. Под перемещенными костями найдены нефритовая бусина диаметром 16 мм, длиной 10 мм, сердоликовая, стеклянная и другие более мелкие бусины. Всего в камере найдено 10 бусин.

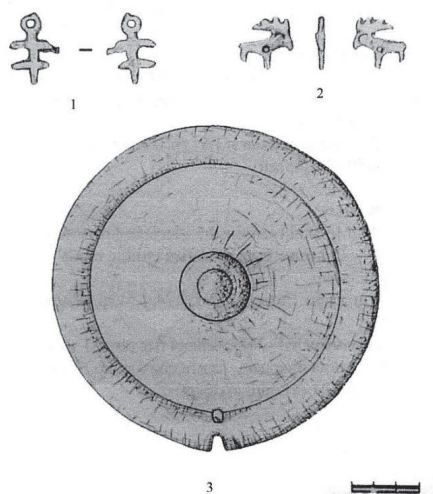

Рис. 3. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Металлические изделия из погребений

Погребение 11 располагалось на стыке облегающей центральную часть стены и северо-западной пристройки. Погребение находилось очень близко к современной оплывшей поверхности памятника, поэтому сохранилась нижняя часть камеры и часть костяка. В первоначальном положении сохранились плечевая и локтевая кости правой руки и локтевая с лучевой кости левой руки. Рядом с костями правой руки зафиксированы два слоя костяных накладок (рис. 4). В верхней части — две отдельные детали. Одна почти целая накладка — пластинка в виде прямоугольной узкой планки с прямым срезом концов длиной 8 см, шириной 8 мм, толщиной 5 мм. На обоих противоположных концах ближе к краям имеются сквозные отверстия диаметром 3 мм. Накладка в нижней части плоская, лицевая часть вогнутая. Перед нами нижняя костяная накладка, проклеивавшаяся с внутренней стороны лука. Находящаяся рядом пластинка сохранилась фрагментарно. Скорее всего, это боковая накладка на рукоять. Ниже выявлена вторая боковая костяная накладка. Основание длинной стороны накладки имела длину 17 см. Безусловно, перед нами костяная накладка на рукоять, имевшая трапециевидную форму. В 15 см от нижнего края трапециевидной накладке вблизи локтевой кости шесть железных наконечников стрел.

Рис. 4. Некрополь Кок-Мардан. Сооружение А. Северо-западная платформа. Погребение 11. Костяные накладки на лук

Погребение 14 располагалось под северо-западной платформой, под пахсовыми блоками. В камеру ведет входной коридор длиной 0,4 м, которая у входа имеет ширину 0,45 м, расширяясь до 0,65 м. Камера представляет собой пятиугольник в плане с закругленными углами, длина северной стенки вместе с проемом 1,35 м, восточной — 0,95 м, южной — 1,9 м, западной — 0,4 м, северо-западной — 1 м. Потолок камеры углублен в пахсовый монолит в виде свода. Высота камеры от 0,35 м у стенки камеры доходит к центру камеры до 0,6 м. Погребенный лежит вытянуто на спине головой на восток, лицо несколько повернуто на юг накладок. Руки вытянуты вдоль тела. Часть большой правой берцовой кости и кости стопы лежат над соответствующими костями левой ноги. В левой части тазовой кости находится железный нож длиной 21,6 см, шириной 2,5 см. На крестце найдено обработанное костяное (кость животного) изделие длиной 8 см, диаметром 7–8 мм в виде полой палочки — игольник. В правой части тазовой кости найдена овальная пряжка с подвижным язычком длиной 3,5 см, шириной 2,5 см. На полу найдены два металлических предмета: подтреугольные изогнутые бронзовые пластинки длиной 3 см, шириной 1,3 см, которые скреплены медными гвоздиками. Гвоздики имеют шляпку диаметром 5 мм, стержень длиной 10–12 мм. Видимо, это заклепки от несохранившейся сумки. В северо-восточном углу камеры поставлен шаровидным туловом кувшин высотой 35 см, диаметром тулова 28 см, диаметром горловины 10,5 см с петлевидной ручкой на плечике, с цилиндрическим носиком сливом. Основание горловины, плечики, а также пространство вокруг слива и ручки украшены орнаментом, прочерченным по сырой глине до обжига.

III период. К центральной части сооружения пристраивают юго-восточную платформу. Когда воздвигли первый ряд пахсы новой пристройки площадью около 49 м², начали сооружать вокруг центрального сооружения новую облегающую стену из комковой пахсы, которая несомкнутым концом окружила центральное сооружение и концами зажала северо-западную пристройку. Причем для связи различных по времени сооружений на высоте 40–45 см от уровня дневной поверхности была подрублена выемка-ступенька глубиной в 30–40 см вокруг старой облегающей стены, которая вместе с утрамбованной глиной и пахсовой крошкой явилась основанием новой укрепляющей стены. Только после этого возводится еще один ряд пахсы новой юго-западной пристройки, которая уже впритык прилегает к новой облегающей стене центрального сооружения. Внутри юго-восточной платформы выявлены погребения 3, 4, 5, 6, 7, 8, 12.

Погребение 3. Скелет сохранился не полностью. Череп оказался вне камеры в затечных слоях, отсутствуют кости верхнего туловища. Покойник, судя по нетронутым костям, был уложен на спину, руки вытянуты вдоль тела. Правая берцовая кость ноги лежит поверх левой кости. Скелет ориентирован головой на С-В к входному проему. Рядом с кистью правой руки обнаружены спекшиеся наконечники стрел. У бедренной кости находился железный нож длиной 13,5 см, шириной 1,5 см, толщиной 0,5 см. На крестовой кости обнаружена бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком диаметром 3,5 см. Вблизи правой бедренной кости обнаружена бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком. Верхняя часть погребальной камеры не прослеживается. Об ее устройстве можно судить по очертаниям камеры, сохранившимся на высоту 15–20 см. Ширина входного проема — 0,95 м. Камера с закругленными углами. Длина камеры — 2,8 м. Она постепенно сужается в направлении от входа во внутрь до 0,35 м.

Погребение 4. Погребальная камера расположена у северного края юго-восточной платформы. Скелет сохранился не полностью. Погребенный лежит в вытянутом положении на спине, руки вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки расположен над правой бедренной костью. Часть большой правой берцовой кости, фаланги правой ноги зафиксированы над аналогичными костями левой ноги. Рядом с лучевой костью правой руки обнаружены костяные накладки (фронтальные) на рукоять лука. Они трапециевидной формы, нижнее основание — 23,5 см, верхнее — 17,5 см, ширина накладки — 3 см, толщина — 2,5 мм. Над тазовой костью зафиксирован железный нож. В восточной части камеры найдена бесщитковая пряжка диаметром 3,5 см, с подвижным язычком и железное колечко диаметром 1,5 см.

Верхняя часть погребальной камеры не прослеживается. Об ее устройстве можно судить по очертаниям камеры, сохранившимся на высоту 10–30 см. Длина камеры — 2,5 м, наибольшая ширина — 85 см. Углы скруглены, одна из длинных сторон имела широкий изгиб, увеличивающий пространство.

Погребение 5. Погребенный был уложен вытянуто на спине головой к входу в камеру, лицом вверх. В нишу поставлен водоносный кувшин грушевидной формы с короткой, выраженной горловиной и носиком-сливом. Перевитая ручка верхним основанием крепится к венчику, нижним — к плечу кувшина. Высота сосуда составляет 38 см, диаметром тулова 29 см, диаметром дна 17 см, диаметром горла 8 см. Рядом с ним найдена покрытая красным ангобом кружка шаровидной формы с плавными плечиками, закраиной, слегка отогнутой наружу, и петлевидной ручкой на тулове. Высота сосуда — 11 см, диаметром тулова 10 см, диаметром дна 6,5 см. Вместе с посудой положена часть разбитой каменной зернотерки, имеющей следы пребывания на огне. У шейных позвонков обнаружены бусины из сердолика, цветных камушек. На кончике правой плечевой кости зафиксированы мелкие стеклянные бусы. Согласно определению антрополога О. И. Исмагулова, здесь погребена женщина 20 лет. Длина камеры — 1,8 м, ширина — 60 см, высота — 55 см. В восточной стенке камеры у входного проема имеется ниша шириной 50 см, глубиной 50 см.

Погребение 6. Погребальная камера расположена в южном секторе усеченного конуса. Ее конструкция отличается от вышеотмеченных камер. К погребальной камере с юга прилегал проем, остатки которого четко прослеживаются. Камера в плане трапециевидной формы с закругленными углами. Длина — 2 м, ширина основания трапеции — 95 см, ширина противоположной стороны — 30 см. Костяк сохранился не полностью. Погребенный лежал вытянуто на спине и головой на восток. Ноги вытянуты. Причем часть большой правой берцовой кости и кости стопы зафиксированы над соответствующими костями левой ноги. Рядом с тазовой костью выявлена бесщитковая железная пряжка с подвижным язычком диаметром 3,5 см и остатки ножа длиной 8 см, шириной 2 см.

Погребение 7. Погребальная камера подпрямоугольная в плане, с закругленными углами, длиной 2,3 м, шириной 95 см, высотой 40 см. Большая часть костяка отсутствует. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые кости. Судя по ним, погребенный был ориентирован головой к входному проему.

Погребение 8. Большая часть камеры не сохранилась. Ширина сохранившейся камеры — 0,8 м. В первоначальном положении сохранились лишь берцовые кости. Судя по этим костям, погребенный был ориентирован головой к входному проему.

Погребение 12 располагалась в крайнем восточном углу юго-восточной платформы. Камера в плане овальной формы, несколько вытянутая по оси юго-восток — северо-запад, длина — 0,85 м, ширина — 0,6 м. Входной проем фиксируется в северо-западной стене камеры. Ширина проема — 20 см. Детский скелет находится в первоначальном положении. Погребенный положен на спину в вытянутом положении головой на северо-запад, лицом на северо-восток. У изголовья, ближе к проходу поставлена кружка с прямыми стенками и петлевидной ручкой на тулове, покрытой ангобом светло-коричневого цвета. Высота кружки — 6 см, диаметр горла — 8 см, диаметр дна — 6 см. Рядом обнаружен железный колокольчик с подвижным язычком. Диаметр колокольчика — 33 мм, длина язычка — 27 мм. В районе шейных позвонков обнаружено 174 мелких бусины из пасты и цветных камней. Под шейными позвонками железная цепочка, к которой был подвешен бронзовый антропоморфный амулет высотой 33 мм со сквозным отверстием 5 мм (рис. 3, 1). Диаметр железных колец цепочки — 14 мм.

Мы не можем указать аналога конструктивным особенностям объекта А некрополя Кок-Мардан, представлявший в первый период функционирования сооружение в виде конуса или усеченного конуса, ядром которого является пирамида. Возможно, в ней отражена религиозно-мифологическая система древних индоевропейцев, представлявших структуру мира (т. е. земли и неба) в виде круга и квадрата с общим центром [2, с. 7–18]. Погребальная конструкция вскрытых камер представлена катакомбами первого типа, где дромос перпендикулярен сводчатой камере, и второго типа, где погребальная камера катакомба является продолжением входной ямы — дромоса. Они известны в могильниках первых веков до н. э. — V в. в Южном Казахстане [3, с. 97–98; 4, с. 53–67].

Артефакты из погребений позволяют датировать объект А некрополя Кок-Мардан. Близкие по форме сосуда представлены в керамике Отрарского оазиса III–V вв. [3, с. 111, 116, 118].

Кувшины с перевитыми ручками, орнаментация сосудов в виде изображений на ручках фигурок животных, так и стилизованных характерна для керамического комплекса Каунчи-II, которая датируется II–IV вв. [5, с. 74–75]. Бронзовая антропоморфная подвеска из погребения 12 имеет сходство с изображениями в виде бляшек и пряжек с подчеркнутыми половыми признаками, распространен-

ными в джетасарской культуре. Их находят в погребениях девочек 4–7 лет. Причем 64% бронзовых антропоморфных фигурок встречены в погребениях последних веков до н. э. — первых веков н. э., 18% отмечено в погребениях IV–V вв. н. э. и 18% — в материалах V–VII вв. н. э. [6, с. 246–247]. Наши материалы не противоречат датировке Б. Н. Нурмуханбетова могильника Кок-Мардан III–V вв. [7, с. 42–73].

Объект А представляет погребальное сооружение семейной группы, проживавшей на территории городища Кок-Мардан. Данные стратиграфии позволяют считать, что погребальная платформа А содержала в себе не менее трех поколений членов группы, соорудивших первоначально центральную часть и позже две пристройки в хронологической последовательности.

Список использованных источников и литературы

1. Нурмуханбетов Б. Н. Раскопки некрополя Кок-Мардан // Археологические открытия 1977 года / отв. ред. Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1978. — С. 517.
2. Лелеков Л. А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э. // История и культура народов Средней Азии / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. — М.: ГРВА, 1976. — С. 7–18.
3. Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. — Алма-Ата: Наука Каз ССР, 1989. — 160 с.
4. Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана. IV в. до н. э. — VI в. н. э. — Туркестан, 2000. — 202 с.
5. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. — Ташкент: Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1982. — 212 с.
6. Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. — М.: Восточная литература РАН, 1996. — 396 с.
7. Нурмуханбетов Б. Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. — Вып. 3. / отв. ред. А. З. Бейсенов. — Алматы, 2011. — С. 42–73.

Сведения об авторе: *Кожа Мухтар Бакадырулы*, доктор исторических наук, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави, Казахстан, e-mail: mukhtar_kozha@mail.ru

УДК 902/904

Б. Ч. Мунхбаяр

Филиал Монгольского государственного университета в Ховд аймаке (Монголия)

ТЮРКСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Аннотация. В статье подведены итоги исследований последних лет тюркского периода Монгольского Алтая. Кроме того, обобщены новые тюркские поминальные сооружения, ранее серьезно не изучавшиеся, результаты неопубликованных исследований, новые археологические изыскания и раскопки, новые работы в некоторых провинциях западного региона Монголии. В частности, для него характерна детализация количества захоронений с лошадьми, антропоморфными изваяниями и поминальными сооружениями, а также мониторинг новых тюркских тамг.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, тюркский период, каменные изваяния, поминальники, погребения с лошадьми, тамга.

B. Ch. Munkhbayar

Khovd branch school of National University of Mongolia, Khovd (Mongolia)

TURKIC ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN WESTERN MONGOLIA

Abstract. The article summarizes the research of the last few years of the Turkic period of Mongolian Altai. In addition, the abandoned Turkic sacrificial structures that have not been seriously studied before, the results of unpublished research, the new archaeological explorations and excavations, and the new works in some provinces of the western region of Mongolia have been summarized. In particular, it is characterized by detailing the number of burials with horses, human stones and sacrificial structures, and by monitoring the neglected research of Turkic tamga.

Keywords: Mongolian Altai, Turkic period, stone statues, memorial, burials with horses, tamga seals.

Обзор археологических исследований тюркского периода на Монгольском Алтае ранее был составлен в районах тюркских поминальных сооружений и антропоморфных каменных изваяний, но оригинальные материалы, накопленные в ходе недавних археологических исследований и раскопок, оказались неопубликованными. Данная статья посвящена обобщению неопубликованных ранее результатов исследований. Кроме опубликованных данных в наше исследование включены не вошедшие тюркские поминальные сооружения Д. Наваана [1, с. 26], оригинальные материалы исследований полевого отряда, выполненных в рамках археологического картографирования Ховдского аймака [2], научные материалы новейших исследований и археологических исследований и раскопок [3, 4, 5, 6].

Рис. 1. Рисунок поминальника Торх-Улаан I (1) [13, с. 67, рис. 26] и фотография (2) (спереди)

Выявление тюркских археологических объектов во 2-й половине XIX — середине XX вв. (1870-е — 1940-е гг.). Археологические исследования, охватывающие территорию провинции Ховд или центральной части Монгольского Алтая, начались в конце XIX века. Г.Н. Потанин (1835–1920), известный русский исследователь и путешественник, первым проанализировал археологические памятники этого региона и представил их вниманию исследователей. В 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества он совершил поездку по Горному Алтаю в за-

падную область Монголии и, проводя географические, исторические и этнографические исследования, изучал памятники истории и культуры в регионе. Первые упоминания о провинциях Баян-Улгий и Ховд положили начало археологическому изучению региона. В частности, он обратил внимание на разбросанные в указанном регионе озера Даян и Торх, каменные изваяния и тюркские поминальные сооружения [7]. Исследование мы провели в 2010 году [8, 9], а затем Т. Идерхангай [10] опубликовал его, включив в свою исследовательскую работу.

В 1895–1896 гг. ученый Жан Шафанжон (1854–1913), член Французского географического общества, прошел через западный регион Монголии, работая в Центральной и Средней Азии [11]. Он прибыл в Верн (ныне Алматы) в мае 1895 года и месяц ждал, чтобы получить пропуск от китайских властей в Кульдже. Попутно «человеческие каменные памятники» были обнаружены в Иссык-Кульском бассейне Семиречья и на Алтае, а затем были изучены погребения тюркского периода в северных районах Монголии [12, с. 125]. Однако подробностей об обнаруженных памятниках он не уточнил. Одна из увиденных им статуй была 1876 г. У озера Даян стоял памятник, отмеченный Потаниным [13, с. 72–73, рис. 34]. В дальнейшем исследователь неоднократно упоминал каменную статую и внимательно ее изучал [14, с. 373; 15, с. 112; 11, с. 65].

Следующий памятник, задокументированный Г.Н. Потаниным, — каменная статуя мужчины из города Ховда. Он отметил, что каменный памятник находится примерно в километре к югу от города Ховд, и опубликовал рисунки изваяния [13, ок. 72–73]. Фотография каменной статуи была запечатлена и задокументирована французским исследователем Буиан Де Лакостом, путешествовавшим и жившим в Монголии в 1909–1911 годах начала XX века. Судя по положению каменной статуи мужчины в работе «Древние монголы и священная земля тюрков» (рис. 2), по показанному на заднем плане расположению ущелья Бугата видно, что на территории с нынешней квадратной оградой располагались промышленные объекты города Ховда. Кстати, с 16 ноября 2016 года по 31 января 2017 года в выставочном зале городского музея Улан-Батора проходила «Фотовыставка МОНГОЛЫ 1909–1911 годов» вышеупомянутого исследователя.

Рис. 2. Каменная статуя мужчины в городе Ховд [17, с. 207–208, рис. 50] из фото (спереди)

Выставка открылась в 2010 году, когда французский композитор Бернар Форт, один из его детей и внуков, встретил Лору Николову, директора Alliance Française, или Монгольско-французского центра в Улан-Баторе, Франция. Так, данная выставка впервые выпущена Монгольско-Французским центром при помощи и поддержке Министерства образования, культуры и науки, Государственной филармонии, художественной галереи 976, французской организации OTASIE, Анны Кайоццо и Лии Макадре из Университета Париж 7 в июле 2016 года в здании Государственной филармонии. Эти фотографии и рассказы о путешествиях, принадлежащие Национальной библиотеке Франции, были представлены на конференции по наследию Центральной Азии в декабре 2015 года. Данные изображения являются частью более крупного исследовательского проекта по монгольскому наследию (Анна Кайоццо инициировала это исследование и является предметом докторской диссертации Лии Макадре) [16]. Мы уточнили о тюркском поминальном сооружении у Заслуженного строителя Монголии Д. Сандуйжава, принимавшего участие в строительстве города, но не было найдено при обыске его местоположения. Российские исследователи в своих исследованиях указывали, что каменное изваяние мужчины до сих пор не было в центре внимания исследователей [11, с. 65].

Изучение раннесредневековых археологических памятников западного региона Монголии началось в конце XIX в. Подобные исследования были начаты не только иностранными исследователями-путешественниками в Монголии, но и иностранными гражданами, жившими и работавшими в регионе.

Один из них — А. В. Бурдуков. Он участвовал в открытии памятников истории и культуры в западном регионе Монголии, собирал фотографии и рукописи. В частности, с него начались раскопки Тюркского поминальника и изучение рунических надписей [18, с. 35; 19].

Открытия и раскопки раннесредневековых памятников во 2-й половине XX в. (конец 1940-х — 1990-е гг.) Особенным является то, что проведенные в это время исследования были включены в работу некоторых исследователей путем повторного мониторинга исследований тюркского периода и введения их в оборот.

В 1969 году археологи В. В. Волков и Д. Наваан обнаружили и изучили наскальные рисунки Баатархайрхана близ города Ховд и Ямаан-Ус Алтайского сомона, обнаруженные театральным художником из Ховдского аймака Т. Амгаланом. В процессе проведения исследований, путешествуя по бассейну реки Бодонч, они не только отметили большое количество оленных камни и херексуров, но и в качестве поминальника были раскопаны оленные камни Теленгеди в Мунххайрхан сомоне. Местные жители, заинтересованные в раскопках поминального сооружения как могилы, спрашивали: «Эта могила старая или нет 200 лет?» [1, с. 26].

В 1975 г. Д. Дорж и Е. А. Новгородова в своей работе «Петроглифы Монголии» определили Халзан-Булаг, Бугат сомона Баян-Улгийского аймака [20, с. 11–12, 52, табл., И, рис. 4], Наранбулаг сомона Увсского аймака [20, с. 12, 62, табл. IV, рис. 4], р. Цагаан Гоби-Алтайского аймака [20, с. 21, 128, 129, 133. Табл. XIII, рис. 3, 4, 8], Бичигт Хад из Бигер сомона [20, с. 23, 141. Табл. XIII, рис. 7] опубликовали тюркские и уйгурские тамги на наскальных рисунках.

В 1986 г. Д. Цэвээндорж написал статью о наскальных рисунках реки Хонгио, в которой рассматривал некоторые изображения, относящиеся к периоду Тюркского государства [21].

В 1987 г. Х. Ахагвасурэн и Ю. С. Худяков раскопали и проанализировали захоронения с двумя лошадьми, связанные с тюркским периодом, в памятнике Загала, Дарви сомона, Ховдском аймаке [22].

Исследования в этой области начались с изучения монголо-советской экспедицией памятника Сурта Ховд с тюркскими каменными изваяниями.

В 1987–1990 гг. Д. Наваан и Х. Ахагвасурэн провели поисковое исследование по археологическому картированию провинции Ховд [2]. В 1987 г. Исследовались памятники Баянзурха [2, ок. 40–41], памятник/столб к западу от Зэрэг сомона, датированный тюркским и киргизским периодами VI–VIII, IX вв. н. э. [2, ок. 36], каменное изваяние Халиут Цэцэг сомона, Цагаан эрэг Алтаем, каменное изваяние в Эхенбулаге [2, ок. 44–45].

Статуя горы «Онгоц улаан» 1988 года в Буянте (Ховд) сомоне, насколько нам известно, не имеет надписей, изображений и штампов. Шон [2, с. 108, 202], статуя Сурта [2, с. 109] и каменный памятник Улан Харган, бригада Хонгио сума Эрдэнэбурен, тюркское каменное изваяние, расположенное в 6–7 км к северу от центра сума [2, с. 110], а на карте отмечена каменное изваяние Хух Сайра.

В 1989 году по дороге из города Ховд в Дуут-Сумм был установлен каменный памятник тюркского периода, статуя Тогоота из Ямаатского источника Дуут-Сум [2, с. 161], а на карте 500-тысячелетней давности отмечено каменное изваяние тюркского периода в месте под названием Хундлунгийн то-онот. Кроме того, на снимке каменная статуя перевал Халиуна Алтайского сомона [2, с. 178–179] и камень Шуурхай Мунххайрхан сомона² [2, с. 174–175] отмечено каменной фигурой. С другой стороны, отмечено, что в месте под названием Улаан-Толгой имеется изваяние в каменной оградке тюркского периода [2, с. 174–175], видимо, спутали с сирийскими и китайскими надписями Красной Головы.

Современный этап исследования тюркских ритуально-поминальных комплексов (1990-е — 2000-е гг.) Исследование тюркских жертвенных сооружений в 1990-х годах характеризовалось продолжением ранее изученных памятников.

В 1979 году отдел изучения каменного оружия Советско-Монгольского совместного экспедиция под руководством А. П. Окладникова обнаружил памятник Хух Хада Эрденебурен сомона под названием Хух хошуу [23, 24] и отмечен на археологической карте как каменный памятник Хох хошуу [2,

² В тексте, где местоположение каменной статуи Шуурхай указано по широте, оно ошибочно написано как Цуурхай.

с. 110]. В 2008 году совместная исследовательская группа Университета Ховда и Томского университета повторно идентифицировала тюркское поминальное сооружение со статуями на Голубой скале и опубликовала фотографию каменных стел с тремя тамгами. Тамга на памятнике Голубая скала была ошибочно опубликована как раздвоенный двуглавый орел [26, с. 92, 96, рис. 1.-6]. Позднее памятник был опубликован с грифом р. Ущелья и общим состоянием жертвенной Богородицы [27, рис. 1.-4]. Фактически это исключает путаницу в том, что тамга — это печать с изображением птицы (рис. 3). О тамге мы поговорим позже.

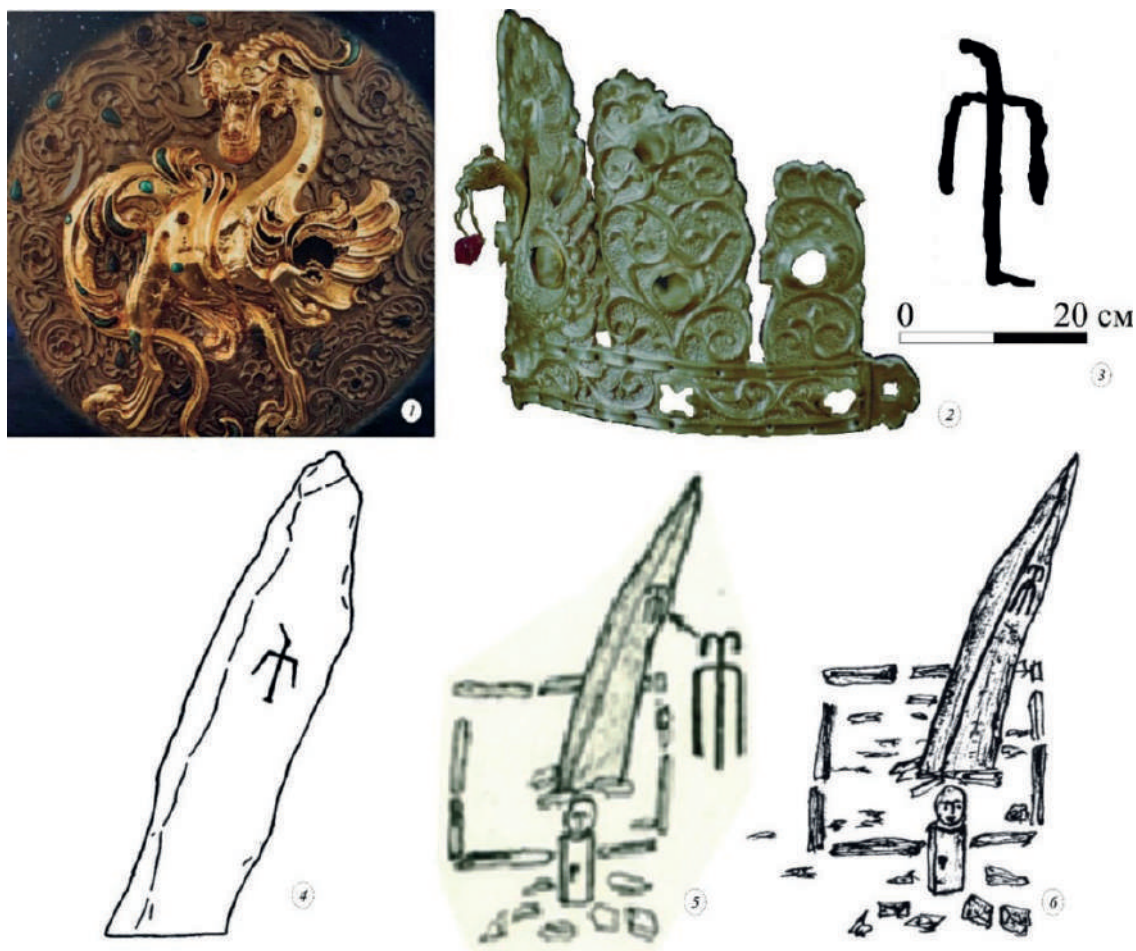

Рис. 3. 1 — Невестка гуннского царя; 2 — корона Бильге-хана; 3 — тамга с изображением птицы на камне-памятнике тюркского жертвенного сооружения Голубая скала; 4 — Статуя с тамгой Голубой скалы [27; 28];

5 — изображения тюркских поминальных сооружений и печатей на Голубой скале [26. с. 96, рис. 1.-6];

6 — ручной рисунок тюркского поминальника Голубой скалы [29, с. 212, рис. 1.-4]; 1 — по Д. Эрдэнэбаатару;

2 — по Д. Баяру и Ч. Амартувшину; 3 — по автору

Результаты исследований, проведенных в это время, сосредоточились на количестве каменных статуй, поминальных оград и погребальных памятников с лошадьми. Исследования в основном проводят Институт археологии МАН, Университет Ховд, Улан-Баторский университет, Национальный центр культурного наследия, сотрудники Музея пяти западных провинций, подготовившие материалы, и Б. Омирбек. Обследование осуществлял руководитель управления наскальных рисунков Краеведческого музея истории.

Что касается Ховдского аймака, то в 2020 году Ч. Монхбаяр и Б. Сухбаатар обнаружили антропоморфное каменное изваяние Шуртын Дурелджи в Зэрэг сомоне [30], изваяние Агуйта в Ховдском сомоне [31] и в 2023 году каменное изваяние колодца Тайж Алтайском сомоне [32]. Всего зафиксировано 95 каменных изваяний.

В 2018 году Буянтская археологическая экспедиция насчитала 27 поминальных сооружений, по нашим сводным исследованиям выяснилось, что их 29. По данным изучения поминальных сооружений региона защищена диссертация исследователя Т. Идерхангай, получившего докторскую степень. Это исследование в 2017 г. включало изучение 43 поминальных сооружений Монгольского Алтая. В нашей работе мы сравниваем 67 археологических памятников этого типа на Монгольском Алтае (рис. 1).

Количество тюркских каменных изваяний в провинции Ховд составило 42 в 2008 г. [33], 64 — в 2015 г. [34] и 43 — в 2016 г. [35, с. 242–244], в 2017 г. — 60 [36, с. 52], 52 в 2020 г. [37, с. 103] и каждая организация и исследователь на основании своих записей. Как человека, живущего и работающего в этом регионе, это побудило собирать и изучать каменные изваяния.

В 2016 году из 694 каменных изваяний тюркского периода количество в провинции Ховд составило 43, в 2016 году — 199, в провинции Баян-Улгий — 34, в провинции Гови-Алтай — 54, в провинции Завхан — 54, в провинции Увсская губерния — 92 [35, с. 231–238].

В 2017 г. в Ховдском аймаке насчитывалось 60 каменных изваяний, в Баян-Улгийском аймаке — 55, в Гови-Алтайском аймаке — 17, в Завхан аймаке — 81, в Увс аймаке — 77 [36, с. 52].

В 2017 г. в Баян-Улгийском аймаке было зарегистрировано 119 тюркских поминальников, в Гобийско-Алтайском аймаке — 125, в Завханском аймаке — 199, в Ховдском аймаке — 187, в Увском аймаке — 382 [36, с. 37].

По нашим данным, всего в провинции Ховд было 95 изваяний, в Увском районе Б. Буян-Орших в 2023 году — 150, а в 2022 году — 177 изваяний [38, с. 123], 216 каменных изваяний [39, ок. 84], а в 2023 г. Н. Батболд и др. зафиксировали около 45 каменных изваяний в Гови-Алтайском аймаке [40].

Археологические исследования тюркского периода на Монгольском Алтае начали Н. Сер-Оджав, Д. Наваан, Д. Баяр, Д. Эрдэнэбаатар. Следуя по стопам пионеров, мы включили обзор исследований зарубежных исследователей и оценку вспомогательных работ, которые будут полезны нашим читателям.

О количестве раскопанных тюрко-уйгурских могил в Монголии упоминали трое исследователей: Ц. Тербат в 2005 г. — 18 [41], Н. Баярхүү в 2010–2015 гг. — более 20 [42, в. 133; 43, с. 127], 33 в 2016 г. [44; 45], а Н. Н. Серегин нашел около 30 могил [46, с. 111]. Однако у первых двух исследователей в их первом исследовании нет сведений о могилах, раскопанных в месте Загалин Хиригсуур на Монгольском Алтае, и, похоже, они перепутали могилы, раскопанные в Увсской провинции, с Цагаан Хайрхан Уулом Монгольского Алтая. Говорят, что могила под названием Аргаан-Гол находится в котловине озера Увс [2, с. 127], но в своем следующем исследовании он внимательно изучил его. Кроме того, Н. Н. Серегин включил оригинальный погребальный инвентарь Ц. Доржсурена, раскопанный в Архангайском районе в 1956 году, а в 2004 году — о 3-м входном захоронении в Булган-суме, Булган-суме Ховдского района, а в 2010 году — 3-м входном захоронении в могила II Круглого в провинции Хох [48, с. 111, 120, рис. 26] не включил информацию в свою статью, поскольку в его статье указано общее количество могил и погребений в шести местах, относящихся к VII–X векам раннего средневековья, в том числе Сыргал, ущелья Улаан реки Тамир, Улаан-Унээт, Узуур-Гялан, реки Хонгио и Хутаг-Уул увеличились в общей сложности на 12 [49; 50].

По данным обзора исследований, проведенных в Российской Федерации, на Алтае, в Туве и Минусовой котловине изучено более 300 тюркских могил. В дальнейшем необходимо сопоставить археологические исследования тюркского периода Западной Монголии с археологическими исследованиями, проводимыми в соседних регионах, и более четко изучить культурные особенности.

Подводя итог исследованиям Монгольского Алтая в тюркский период, отметим, что количество тюркских антропоморфных каменных статуй и захоронений с тюркскими лошадьми в западной провинции сравнивалось с исследованиями в некоторых соседних регионах. В частности, можно считать, что одним из новаторских аспектов статьи стало сравнение исследований до 2017 года с государственной переписью недвижимых памятников 2018 и 2020–2021 годов. В дальнейшем, если результаты исследования материалов полевых исследовательских экспедиций будут внесены в национальную базу данных, можно будет реально подсчитать количество памятников истории и культуры тюркского типа.

Ведомость 1

Количество памятников тюркского периода в Западном аймаке

№	Аймак	Изваяние			Поминальник	Поминальник (раскопано)		Погребения с конем	
		2016	2017	2023		2017	2023	2014	2019
1.	Баян-Өлгий	199 [38, т. 37]	55 [36]	216 [39, с. 84]	119				
2.	Говь-Алтай	34	17	45 [6]	125				
3.	Завхан	54	81	81	199				
4.	Увс	92	77	150	382				
5.	Ховд	43	60	95	187 [184, с. 37]				
	СУММА	422	290	590	1012	43	67	Более 30	Более 40

Список использованных источников и литературы

1. Наваан Д. Монгол — Зөвлөлтийн археологичдын хамтын ажиллагаа. — УБ., 1984. — 72 с.
2. Доржпаламын Наваан. Бүтээл туурвилын эмхэтгэл III боть. Ховд аймагт явуулсан археологийн судалгаа. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн У. Эрдэнэбат, Ч. Амарбилиг, Д. Содномжамц. — УБ., 2018. — 271 т.
3. Мөнхбаяр Ч. «Эрдэнэбүрэний усан цахилгаан станц» төслийн усан сан, гидротехникийн барилга байгууламж, замын болон эрчим хүч дамжуулах трассын дагуух археологийн хайгуул судалгааны ажлын тайлан (Ховд — Баян-Өлгий — Увс 2020 оны 8-р сар 18–11 сарын 15). — Ховд, 2020. — 209 т.
4. Michael T. Fisher, Dovydas Jurkenas, Amina Jambajantsan, Bayarsaikhan Jamsranjav, Eredene-Ochir Nasan-Ochir, Eregzen Gelegdorj, Munkhbayar Chuluunbat, Michael Petraglia, Nicole Boivin. Multidisciplinary digital methodologies for documentation and preservation of immovable Archaeological heritage in the Khovd River Valley, Western Mongolia [version 1; peer review: 2 approved with reservations]. F1000Research 2022, 11:1250. URL: <https://doi.org/10.12688/f1000research.126740.1>
5. Энхтөр А., Цэрэндагва Я., Батсүх Д., Мөнхбаяр Л., Батбаяр Т., Батболд Г., Эрдэнэ Б., Хантөгс Т., Далантай С., Энхбаяр Б. «Баруун бүсийн босоо тэнхлэгийн автозамын хөгжлийн төсөл» — ийн хүрээнд гүйцэтгэсэн археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны товч үр дүн // Монголын археологи. — УБ., 2017. — Т. 360–368.
6. Батболд Н., бас бус. Говь-Алтай аймгийн түүх, соёлын дурсгал. — УБ., 2023. — 448 т.
7. Мөнхбаяр Ч., Ожередов Ю. И., Ожередова А. Ю. Ховд аймгийн (Монгол улсын) хойд сумдын нутагт шинээр илэрсэн хүн чулуун хөшөө // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. — Том VIII, Fasc 6. — УБ., 2016. — Т. 36–54.
8. Мунхбаяр Ч. Типы и классификация тюркских поминальников на территории Ховдского аймака // Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения 25–26 ноября 2010 г. — Вып. 7. — Барнаул, 2011. — С. 103–116.
9. Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутаг дахь түрэгийн тахилгын байгууламжийн төрөл, ангилал // Нүүдэлчдийн өв соёл. — Том. X. — Ф. 8. — УБ., 2010. — Т. 106–124.
10. Идэрхангай Т. Тюркские оградки Монгольского Алтая: Систематизация, хронология и интерпретация. Специальность 07.00.06 — Археология: дисс. ... кандидата исторических наук. — Барнаул, 2017. — 286 с.
11. Шелепова Е. В. О французской экспедиции Ж. Шафанжона в Монголию и сопредельные территории // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / отв. ред. В. И. Молодин; Правительство Респ. Хакасия. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. — С. 63–67.
12. Горшенина С. М. Первый французский археолог в Русском Туркестане: Жан Шаффанжон (1854–1913) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2000. — № 3. — С. 117–125.
13. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1976–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества, — СПб.,

1881. — Вып. I. — Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.З. Монголии.
14. Сапожников В.В. По Алтаю. — М.: Географгиз, 1949. — 579 с.
15. Кубарев В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов». — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. — 134 с.
16. Мөнхбаяр Ч. Ховдын дайны өмнөхөн үеийн түүхэнд холбогдох Францын судлаачийн авсан гэрэл зургууд // Ховд хотыг манжийн эрхшээлээс чөлөөлсний 110 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний хурал. — Ховд, 2022.
17. Lacoste B., de. Au Pays Sacre des Anciens Turcs et des Mongols. — Paris: É.-Paul, 1911.
18. Болд Л. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс. — Улаанбаатар, 1990
19. Мөнхбаяр Ч. «Олений» камень у озера Шаараха (Западная Монголия) // Материалы международной научной конференции «Древние и средневековые изваяния Центральной Азии». 26–28 августа 2014 г. — Вып. 4. — Барнаул, 2014. — С. 84–86.
20. Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. — Улаанбаатар, 1975. — 132 с.
21. Цэвээндорж Д. Петроглифы из долины реки Хонгио // *Studia Mongolica*. Ulan-Bator. — 1986. — Т. XI, (19). — Fasc. 1–15. — Т. 110–111.
22. Худяков Ю.С., Лхагвасүрэн Х. Монгол Алтайн Загалын түрэгийн үеийн булшны олдворууд // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. — Том VIII, Fasc 5. — УБ., 2016. — Т. 30–35 (Орос хэлнээс монгол хэлнээ орчуулсан Ч. Мөнхбаяр).
23. Цэвээндорж Д. 1979 онд Баян-Улгий, Говь-Алтай, Баянхонгор, Увурхангай, нутагт ажилласан МЗТСХЭ-ийн палеолитын ангийн тайлан / ШУА-ийн Археологийн хүрээлэн гар бичмэлийн сан хөмрөг. — УБ., 1979.
24. Окладников А.П., Худяков Ю.С., Асеев И.В. и др. Археологические исследования в Монголии в 1979–1980 гг. // Археология эпохи камня и металла Сибири. — Новосибирск, 1983. — С. 5–6.
25. Авто замын зураг. — УБ., 1986
26. Ожередов Ю.И., Мунхбаяр Ч., Ожередова А.Ю. Новые находки археологических памятников в северных сомонах Ховдского аймака Западной Монголии // Түүхийн товчоон (ХИС-ийн НХУС-ийн Түүхийн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг) Том IX, Fasc 10. УБ., 2009. Т. 138–148; Тезисы докладов IX международной научной конференции по теме «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (16–20 сентября 2009 г., г. Ховд, Монголия). — УБ., 2009. — С. 89–96.
27. Цэвээндорж Д., Худяков Ю.С. Изображения воинов на петроглифах Хушот-Дурбэн-Уул-1 // Наскальные рисунки Евразии. — Новосибирск, 1992. — С. 123–130.
28. Худяков Ю.С. Изображения всадников в ущелье Хушот-Дурбэн-Уул // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: тез. докл. — М., 1981. — С. 98.
29. Ожередов Ю.И. Антропоморфные каменные изваяния у горы Хотын-хойт-улан (к археологической карте Ховдского аймака) // История и культура средневековых народов степной Евразии: материалы II Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. — С. 211–214.
30. Мөнхбаяр Ч., Сүхбаатар Б. Шуртын дөрөлжийн хүн чулуун хөшөө // Их Монгол улсын нийслэл Хархорум хот байгуулагдсаны 800 жилийн ой (1220–2020 он) — д зориулсан «Монголын археологи — 2020» эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2020 оны 12 дугаар сарын 28). — УБ., 2020. — Т. 142–143.
31. Мөнхбаяр Ч., Сүхбаатар Б., Бямбасүрэн Х. Ховд Их сургуулийн 2020 оны археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны эхний үр дүнгээс. // Их Монгол улсын нийслэл Хархорум хот байгуулагдсаны 800 жилийн ой (1220–2020 он) — д зориулсан «Монголын археологи — 2020» эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2020 оны 12 дугаар сарын 28). — УБ., 2020. — Т. 116–121.
32. Мөнхбаяр Ч. Археологийн хээрийн танилцах дадлагын тайлан (2022–2023 оны хичээлийн жил). — Ховд хот.: МУИС-ийн Ховд аймаг дахь салбар сургуулийн Нийгэм хүмүүнлэгийн ухааны тэнхимийн гар бичмэлийн сан, 2023. — 49 т.
33. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Эрдэнэбаатар Д., Нямдорж Б., Нямсүрэн Л., Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас шинээр илэрсэн хүн чулуун хөшөө // ХИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. — Том. 13, Fasc. 14. — УБ., 2008. — Т. 69–81.

34. Төрбат Ц., Ховдын бүс нутгийн соёлын үл хөдлөх өв: Шинэ нээлтүүд // Түүхийн товчоон. ХОИС-ийн НХУС-ийн Түүх, эрх зүйн тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. УБ., 2017. Том IX. Fasc 4. Т. 26–43.
35. Амартүвшин Ч., Бадма-Оюу Б. Монголын хүн чулуу // «Монголын археологийн өв» 6 боть каталоги. Боть V. — УБ., 2016. — 248 т.
36. Түүх соёлын үл хөдлөх дурсгалын лавлах. — УБ., 2017. — 164 с.
37. Ховд аймгийн музей. Ховд аймгийн музейн 70 жилийн ойд зориулав. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн Х. Бямбасүрэн. — Ховд, 2020. — 192 т.
38. Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд — I (Баян-Өлгий аймаг). — УБ., 2009. — 424 тал. зу.
39. Өмирбек Б., Батболд Н., Цэрэндагва Я. Дэлхийн өв — Монгол Алтайн хадын зураг / ред. Ц. Төрбат. — УБ., 2021. — 136 т.
40. Батболд Н., бас бус. Говь-Алтай аймгийн түүх, соёлын дурсгал. — УБ., 2023. — 448 т.
41. Төрбат Ц. Эртний түрэгийн жирийн булшны судалгааны зарим асуудал // СА. — УБ., 2005. — Т. XXIII, F. 6. — Т. 96–103.
42. Баярхүү Н. Эртний түрэгийн үеийн морьтой оршуулгууд // Монгол–Францийн археологийн нээлтүүд хорин жилийн хамтын ажиллагаа. — УБ.: Мөнхийн үсэг, 2015. — Т. 133.
43. Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Өвөр хавцалын амны түрэг булш // Нүүдэлчдийн өв судлал. — 2010. — Т.Х. Fasc. 9.
44. Баярхүү Н. Монгол нутаг дахь морьтой оршуулгын судалгаа // Эртний түрэгийн түүх, соёл. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. — УБ., 2015. — Т. 161–171.
45. Баярхүү Н., Төрбат Ц. Шанагын морьтой оршуулга // Оюуны хэлхээ. Эрдэм шинжилгээний бичиг. — Боть I (15). Fasc 4. — УБ.: Адмон, 2016. — Т. 60–77.
46. Серегин Н.Н. Изучение и интерпретация погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии (историографический аспект) // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул, 2014. — № 1 (9).
47. Эрдэнэболд Л., Одбаатар Ц., Анхбаяр Б. Өвөр хавцалын амны түрэг булш // Нүүдэлчдийн өв судлал. — 2010. — Т. X, Fasc. 9. — Т. 127.
48. Мөнхбаяр Ч. Археологи дахь арван жилийн дурсамж. — Ховд, 2014. — 281 т.
49. Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн морьтой оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүн // Түүхийн товчоон. ХИС-ийн НХУС-ийн Түүх, нийгмийн ухааны тэнхимийн эрдэм шинжилгээний бичиг. «Соёмбо принтинг» хэвлэлийн компани. — Том IX, Fasc 9. — УБ., 2019. — Т. 41–93.
50. Мөнхбаяр Ч. Үзүүр гялангийн хадны оршуулга // Монголын хадны оршуулга. Эрхлэн доктор Т. Хүрэлсүх. — XIII боть. — УБ., 2022. — Т. 80–95.

Сведения об авторе: Мунхбаяр Боролдой Чулуунбат, Филиал Монгольского государственного университета в Ховд аймаке, кафедра социально-гуманитарных наук, преподаватель кафедры; кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>, Монголия, munkhbayar.ch@num.edu.mn

УДК 902/904

Г. В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТЮРОК-ТУГЮ НА СТАТУАРНЫХ И ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета
«Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 850000Ф. 99.1. БН66АА04000)*

Аннотация. Наиболее характерными чертами облика тюрок-тугю, судя по настенным росписям и каменным изваяниям Центральной и Средней Азии, а также Китая, был длиннополый кафтан с орнаментированными треугольными отворотами-лацканами и длинными, заплетенными в несколько кос, волосами. На территории Российского Алтая в отличие от Синьцзяна, Южного Казахстана и Центральной Монголии изваяний и гравировок, воспроизводящих тюрок, очень немного. Рассматриваемые изваяния и гравировки Российского Алтая можно приписать как тюркам рода Ашина, так и представителям тюркского племени тули (чеби) кагана Чеби.

Ключевые слова: Алтай, тюрки-тугю, петроглифы, каменные изваяния, изображения воинов с косами, кафтан с отворотами.

G. V. Kubarev

Institute of archaeology and ethnography of SB RAS (Novosibirsk, Russia)

IMAGES OF THE TUGU TURKS ON STATUARY AND PETROGLYPHIC MONUMENTS OF ALTAI

Abstract. The most characteristic features of the appearance of Tugu Turks, based on wall paintings and stone sculptures of Central and Middle Asia, as well as China, was a long-sleeved caftan with ornamented triangular lapels and long hair in several braids. On the territory of the Russian Altai, unlike Xinjiang, Southern Kazakhstan and Central Mongolia, there are very few sculptures and engravings reproducing the Turks. The considered statues and engravings of the Russian Altai can be attributed both to the Turks of the Ashina clan and to the representatives of the Turkic tribe Tuli (Chebi) of the Kagan Chebi.

Keywords: Altai, Tugu Turks, petroglyphs, stone sculptures, images of warriors with braids, caftan with lapels.

По настенным росписям и каменным изваяниям с территории Центральной и Средней Азии, а также Китая мы знаем, как выглядели тюрки-тугю. Наиболее характерными чертами их облика был длиннополый кафтан с орнаментированными треугольными отворотами-лацканами и длинными, заплетенными в несколько кос, волосами. В свое время на основе анализа характерных деталей одежды на раннесредневековых изваяниях Центральной и Средней Азии я пришел к заключению о существовании у тюрок двух вариантов верхней распашной одежды — кафтана [1, с. 33]. Оба варианта представляют собой распашной двубортный, слегка приталенный кафтан с длинными узкими рукавами (иногда с манжетами), который в верхней части мог иметь от одной до трех застежек. Обе разновидности кафтанов запахивались на кочевнический манер — на левую сторону (т. е. правая пола сверху) в отличие от китайской традиции — запаха на правую сторону. Различия же между ними заключались лишь в наличии или отсутствии довольно больших треугольных (в том числе фигурных) отворотов-лацканов. Таким образом, второй вариант кафтана имел вырез на груди и был без отворотов и воротника.

Однако уже тогда было подмечено, что на изваяниях, изображенных в кафтанах с лацканами, как правило, отсутствуют головные уборы и показаны косы. Изваяния же в кафтане с простым вырезом на груди чаще изображены в головных уборах (в том числе в небольшой шапочке типа тюбетейки) и без кос. На этом основании я высказал предположение о возможной этнической или племенной дифференциации внутри полиэтнического государственного объединения тюрков [1, с. 47]. Сейчас мы располагаем целым рядом дополнительных фактов из области археологии и истории, которые подтверждают это предположение. Тезис об отличиях в костюме и прическах у тюрков-тугю и у представителей телеских племен получает новое развитие в свете интерпретации большинства раннесредневековых памятников Алтая как карлукских [2]. Если утверждение о карлукских древностях Алтая верно, то приходится признать, что изваяния, воспроизводящие тюрков, в этом регионе Центральной Азии крайне немногочисленны.

Действительно, на территории как Российского, так и Монгольского Алтая в отличие от Синьцзяна, Южного Казахстана и Центральной Монголии изваяний, воспроизводящих тюрков с косами в кафтанах с отворотами-лацканами, очень немного. Косы воспроизведены всего у двух скульптур [3, табл. XL, 224; 4, табл. V, 6], а треугольные отвороты-лацканы — у еще пяти изваяний [3, табл. XXIII, 143; XXXIII, 198; XXXVII, 218; L, 254; 4, табл. V, 7]. Таким образом, они составляют около 2% от общего числа из 324 изваяний Алтая. Необходимо подчеркнуть, что большая часть подобных скульптур приходится на юг Российского Алтая.

В этом же районе Алтая представлены и наскальные гравировки с подобными персонажами и, прежде всего, несколько изображений тюрков в петроглифах долины р. Чаган [5, рис. 4, 7, 13, 14, 17–19; 6, рис. 1, 2, 1,3; 7, рис. 1; 8, рис. 3, 3; 4, 1]. Эта небольшая группа граффити насчитывает около 20 изображений мужчин-воинов в составе примерно десяти наскальных композиций, включающих в себя как одиночные фигуры, так и небольшие группы из двух-трех воинов. На них воспроизведены мужчины, имеющие длинные волосы, по всей вероятности, заплетенные в косы (треугольные отвороты-лацканы не показаны ни у одного из них). Некоторые изображения выполнены в крупном масштабе, очень реалистично и с документальной точностью. Так, в частности, у них показаны длинные, заплетенные в нижней части косы, анатомические подробности (глаза, нос, рот, борода, пальцы и пр.), а также детали костюма (наборный пояс, украшенный бляхами, кафтан и пр.) [5, рис. 4, 7, 13, 14, 17–19]. По степени поразительной проработанности деталей и тщательности исполнения, данные граффити вполне сопоставимы с изобразительными материалами Восточного Туркестана, Средней Азии и Китая. Опираясь прежде всего на изображения тюрков в настенных росписях Афрасиаба, их воплощения в каменных скульптурах с территории Центральной Монголии, Восточного Туркестана, Южного Казахстана и Китая, рассматриваемые персонажи из долины р. Чаган без сомнения можно связывать с тюрками.

Длинные волосы, вероятно, заплетенные в косы, показаны у всадника на передней луке седла из погребения 9 могильника Кудыргэ [9, табл. XV, 12; XVI, 1]. На этом, пожалуй, и заканчивается обзор раннесредневековых изображений Алтая, воспроизводящих мужчин-воинов с длинными волосами, заплетенными в косы. У остальных гравированных изображений воинов этого региона такая характерная прическа не воспроизводилась и зачастую они показаны с головными уборами.

Рассматриваемые изваяния и гравировки можно приписать как тюркам рода Ашина, так и представителям тюркского племени тули (чеби) кагана Чеби. В последнем случае, в особенности если иметь в виду тамгу в виде совмещенных треугольников с различными диакритическими элементами. Вариант такой тамги выгравирован в петроглифах Чагана на крупе коня, всадник которого имеет длинные косы [5, рис. 7]. Если это предположение верно, то изображения таких персонажей из долины р. Чаган следует связать с событиями 630–650 гг. на Алтае. Каган Чеби в течение длительного времени был «малым каганом». После поражения последнего кагана Сели (Хйели) Первого Восточнотюркского каганата в 630 году вожди хотели поставить Чеби кагана «большим каганом». Однако в это время каганом стал вождь племени сеяньто, которому Чеби подчинился. Из-за растущей популярности сеяньто решили убить Чеби, который был вынужден бежать в места своих кочевий (Монгольский и, вероятно, южная часть Российского Алтая), где ему подчинились карлуки. Собрав под свои знамена тридцать тысяч воинов, он объявил себя каганом Ичжу Чеби. В 650 году китайский полководец Гао Кань во главе конницы двух токуз-огузских племен — уйгуров и буку (пугу) пленил ка-

гана Чеби и препроводил его в Чанъань. Остатки народа кагана Чеби (племени чеби), а также часть карлуков (одно из карлукских племен?) в 650 году частично были переселены в восточную часть нагорья Хангай (Отюкен).

Впрочем, нельзя полностью исключать того, что какая-то часть из этих немногочисленных гравировок воинов могла воспроизводить тюрк-тугю рода Ашина. На самом юге Российского Алтая незначительное распространение получили поминальные комплексы так называемого юстыдского типа (четырёхплитовый ящик, изваяние, балбалы) [10, с. 122, 123]. Они имеют аналогии с большим количеством близких поминальных памятников тюрк-тугю с территории Центральной Монголии. На плиты части из них нанесены тамги рода Ашина, что позволяет их датировать временем Второго Тюркского каганата (682–744 гг.). На юге Алтая известно и три местонахождения, которые содержат тамги рода Ашина в виде козерогов. Некоторое распространение подобных памятников на территории Российского Алтая наталкивает на мысль, что они оставлены здесь выходцами из Монголии — тюрками-тугю — преимущественно в период союзнических отношений и сюзеренитета тюрков над карлуками — 682–710 гг. [10, с. 122, 123].

Список использованных источников и литературы

1. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 400 с.
2. Кубарев Г. В. Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сб. науч. ст., посв. 80-летию профессора Д. Г. Савинова. — СПб.: ИИМК РАН, 2021б. — С. 305–323. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).
3. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. — Новосибирск: Наука, 1984. — 231 с.
4. Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. — Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. — С. 206–222.
5. Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 1 (17). — С. 39–50.
6. Черемисин Д. В., Рогожинский А. Е. Необычный сюжет из репертуара петроглифов древнетюркской эпохи Алтая // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). Памяти Е. Г. Дэвлет. — М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. — С. 361–366. (Труды САИПИ. — Вып. XII).
7. Черемисин Д. В., Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. — С. 369–373.
8. Окладникова Е. А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронология) // Материальная и духовная культура народов Сибири. — Л., 1988. — МАЭ — Вып. XLII. — С. 140–158.
9. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ, как источник по истории алтайских племен. — М.; Л.: Наука, 1965. — 144 с.
10. Кубарев Г. В. Тамги на серебряном сосуде из Юстыда (Южный Алтай) // Поволжская археология. — 2022. — № 4 (42). — С. 113–125.

Сведения об авторе: Кубарев Глеб Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: gvkubarev@gmail.com

УДК 902

А. А. Иванов

Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия) (Якутск, Россия)

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЯКУТОВ XIV–XVIII ВВ.

*Статья выполнена при поддержке научно-образовательного фонда молодых ученых
Республики Саха (Якутия)*

Аннотация. На основании обзора отечественной историографии рассмотрены основные вехи развития археологической науки в изучении материальной культуры якутов XIV–XVIII вв. Выделен дореволюционный период (1888–1917 гг.) как первоначальное накопление ресурсов по изучению материальной культуры якутов. Приведены основные выводы ученых советской эпохи (1917–1991 гг.), основные археологические открытия в области изучения материальной культуры XIV–XVIII вв. Дан анализ комплексных исследований современного периода (1991 г. — н. в.), а также современное состояние археологической науки в данном направлении.

Ключевые слова: Археология Якутии, историография, история изучения, материальная культура, средневековье, якуты.

A. A. Ivanov

Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russia)

HISTORIOGRAPHY OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE MATERIAL CULTURE OF THE YAKUTS OF THE XIV–XVIII CENTURIES

Abstract. Based on the review of Russian historiography, the main milestones of the development of archaeological science in the study of the material culture of the Yakuts of the XIV–XVIII centuries are considered. The pre-revolutionary period (1888–1917) is highlighted as the initial accumulation of resources for the study of the material culture of the Yakuts. The main conclusions of scientists of the Soviet era (1917–1991), the main archaeological discoveries in the field of studying material culture of the XIV–XVIII centuries are presented. The analysis of complex studies of the modern period (1991 — present century), and the current state of archaeological science in this direction is given.

Keywords: Archeology of Yakutia, historiography, history of study, material culture, Middle Ages, Yakuts.

Со становлением археологической науки в России возрастает интерес к древностям. Так, на территории Якутии в дореволюционное время работало несколько экспедиций, которые включали в себя в том числе археологические исследования. Принято считать, что изучение якутов в археологическом аспекте начинается в 1888 году, когда Н. Г. Сарычев провел археологические работы на территории г. Якутска в «Тыгыновом кургане». Сарычев в своей публикации только перечислил свои находки [1, с. 31–32].

Большой вклад в изучении материальной культуры якутов внесла «Сибиряковская» экспедиция 1894–1896 гг., в состав которой входил Н. А. Геккер, проводивший археологические изыскания трех погребений. Исследователь посчитал, что грунтовые якутские погребения были привнесены в якутскую культуру с приходом русских, а традиционными для якутских погребений являются арангасные. Данное заключение в будущем будет опровергнуто последующей плеядой археологов [2, с. 183–196].

С началом XX в. в Якутии начинается практика выдачи открытых листов, первым из которых на право ведение археологических работа получает И. В. Попов (якутский художник).

В целом, дореволюционный период можно рассмотреть как первоначальное накопление сведений по изучению материальной культуры якутов.

Однако принято считать, что первым профессиональным археологом стал Е. Д. Стрелов, который окончил Московский археологический институт. В своих трудах он сделал систематизацию якутских погребений, выделив их в один тип [3, с. 98–101].

В 30-е годы начинает свою деятельность археологическая экспедиция Якутского областного музея (ныне музей им. Ем. Ярославского), руководителями которой были Г. В. Ксенофонов, И. Д. Новгородов и М. И. Ковынин. Тогда же начинается всестороннее изучение погребений — характер погребений, надмогильные конструкции, ориентировка, социальный статус и т. д. Обнаружение погребений с рабами (кулутами) дало археологические доказательства о существовании в Якутии социальной иерархии.

С началом войны в Якутию приехал А. П. Окладников, который стал основателем Ленской историко-археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института языка и культуры Якутской АССР. Помимо изучения якутских погребений, вклад Окладникова в изучение якутов — это выделение двух связанных между собой периода культуры «малых домов» (XV–XVI вв.) и «кыргыс-этехов» (XVI–XVII вв.) [4, с. 3–11; 5, с. 227–249].

С окончанием войны активизируется комплексная археологическая экспедиция Института языка, литературы и истории под руководством И. Д. Новгородова и З. В. Гоголева [6, с. 138–162; 7, с. 65–75]. Впервые начинается изучение представителей низшего сословия — так называемых «балыксытов». Сделаны выводы, что отсутствие погребального инвентаря и надмогильных сооружений является маркером представителей низших якутских сословий. В этот же период обнаружены атрибуты шаманских принадлежностей.

В 1971 году выходит монография И. В. Константинова «Материальная культура якутов XVIII в.». Автор в ней приводит результаты своих археологических работ за 1965–1971 гг. В исследовании якутские погребения сопоставляются с погребениями других народов. Впервые на территории Якутии были обнаружены погребения с обрядами трупосожжения и погребения с конями. На основе обнаруженных погребений он сделал выводы, что якутские погребения своей общностью и самобытностью отличаются от погребений своих северных таежных соседей. В связи с чем Константинов выдвинул гипотезу о том, что якуты прибыли с Прибайкалья, являясь потомками курыкан [8, с. 174–182].

В 1974–1985 гг. начинает функционировать археолого-этнографическая экспедиция Якутского государственного университета под руководством А. И. Гоголева, исследовались позднесредневековые поселения и погребения якутов. Основной акцент был сделан на становление скотоводческого уклада жизни якутов. Во время экспедиции открыта новая археологическая культура, которой дали название Кулун-атахская (XIV–XVI вв.).

А. И. Гоголев выяснил, что изначально кулун-атахцы жили небольшими поселениями, но с конца XV в. жилища увеличиваются в размерах (балаганы с приставными хлевами-хотонами), приобретающая черты якутской традиционной деревянной юрты.

Помимо всего прочего, экспедиция ЯГУ под руководством А. И. Гоголева исследовала якутские погребения XVII–XVIII вв., где были сделаны следующие выводы.

Во-первых, вещи из дохристианских погребений во многом продолжали материальную культуру, представленную находками из поселений кулун-атахской культуры, ставшей основой развития якутской традиционной культуры XVII–XVIII вв.

Во-вторых, инвентарь из якутских погребений XVIII в. аналогичен вещам археологических культур сопредельных территорий, датируемых в основном средневековьем.

В-третьих, обряд погребения с конем, западная ориентировка погребенного, захоронение вместе с усопшим или в отдельной яме остова коня, старинный тип чардаатных сооружений могут быть сопоставлены с элементами кипчакской культуры.

В-четвертых, при сравнительном изучении отдельных предметов из погребений выявляется определенное различие между культурами центральной и вилюйско-оленёкской групп якутов. «Во всяком случае, у последней группы дольше сохранялись отдельные реликты степной культуры» [9, с. 114–116].

Работа А. И. Гоголева во многом предопределила дальнейшее изучение проблемы формирования этногенеза и культуры якутов на основе привлечения археологического, этнографического, языкового, фольклорного и антропологического материалов [10, с. 200].

80–90-е годы ознаменовали новый этап археологических исследований якутов. Одновременно в этот период проводились исследования А. Н. Алексеева, Р. И. Бравиной, Ф. Ф. Васильева, С. К. Колодезникова, Н. П. Прокопьева и др. В это время не было единой стратегии археологических исследований материальной культуры якутов, фактически происходит хаотичное изучение якутских погребений.

С 2000-х годов впервые были открыты захоронения XIV, XV, XVI вв., которые пока являются единичными — носят случайный характер. Самое раннее якутское захоронение — Атласовское, изученное Дьяконовым и Степановым.

В 2002–2020 гг. в Якутии работала Саха-французская археологическая экспедиция (MAFSO), охватившая всю территорию Республики. Данная экспедиция подошла к комплексному изучению погребальных традиций якутов. Руководителями археологической экспедиции были А. Н. Алексеев (ректор Якутского государственного университета, затем директор ИГИПМНС) и Эрик Крюбези (профессор университета Тулузы, Франция).

Важно отметить два вклада Саха-французской археологической экспедиции:

1. Экспедиция охватила всю территорию Якутии, а также нашла погребения XV в.
2. Проведены генетические изучения, в ходе которых были сделаны выводы о двух миграционных волнах якутов в современный ареал:

- 2.1. скелеты из погребений XV–XVI вв. не обнаруживают ярко выраженные морфологические «монголоидные» черты, и они могли бы принадлежать представителям первой волны переселенцев, происходивших из Центральной Азии;

- 2.2. вторая волна многочисленных костных останков из погребений XVII–XVIII вв. обладают морфологией, характерной для монголоидных народов (выраженная нижнечелюстная кость, резцы в форме лопатки, нёбный торус и т. д.). Эта миграционная волна исходит к Монголии/Бурятии [11, с. 226].

Выход в 2008 г. монографии Р. И. Бравиной и В. В. Попова «Погребально-поминальная обрядность якутов» во многом раскрыл разные стороны изучения якутского народа на основе накопленных материалов всех экспедиций, начиная с 1895 по 2008 гг. Данная работа обобщила и систематизировала все доступные материалы археологических раскопок якутских погребений XIV–XVIII вв. [12, с. 296].

На современном этапе, можно сказать, идет точечное изучение якутов по регионам. Так, Д. М. Петров разрабатывает тему вилюйских якутов; Н. С. Кирьянов защитил кандидатскую диссертацию на основе якутов Яно-Индигирского нагорья; В. В. Сыроватский исследует проблематику центральных якутов; А. Н. Прокопьева открыла новое направление в археологическом изучении якутов — гендерная археология. Важным событием является открытие второго шаманского захоронения, а также раскопки поселений Сэндэлиэ.

Стоит отметить результаты работ А. Н. Прокопьевой, основной уклад которой повернут в сторону нового направления в археологии — гендерной археологии. Она изучает женские якутские погребения. Так, в 2017–2022 гг. ей было выпущено несколько статей и каталогов, посвященных погребальным инвентарям женщин «Каталог якутских средневековых украшений в музеях Республики Саха (Якутия)», «Каталог женских погребений XVII–XVIII вв. Якутии» и «Каталог костюмных комплексов из женских погребений Якутии XVII–XVIII вв.». Важным событием является открытие второго шаманского захоронения, а также поселения — Сэндэлиэ.

На территории Якутии на данный момент работает четыре организации, которые проводят археологические изыскания — Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, Арктический научно-исследовательский центр и Якутский краеведческий музей им. Ем. Ярославского.

Список использованных источников и литературы

1. Сарычев Н. Г. Результаты раскопок кургана около г. Якутска: Письмо Сарычева // Изв. ВСО-ИРГО. — 1889. — Т. 20, вып. 2. — С. 31–32.
2. Геккер Н. А. Три якутские могилы // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1896. — Т. 26. — № 4–5. — С. 183–196.
3. Стрелов Е. Д. Лук, стрелы и копьё древнего якута // Сб. тр. исслед. об-ва «Саха кэскилэ». — Т. 3. — С. 98–101.

4. Окладников А. П. Древняя тюркская культура в верховьях Лены // Краткие сообщения ИИМК. — М.; Л., 1948. — Вып. 19. — С. 3–11.
5. Окладников А. П. История Якутской АССР. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. — Т. 1: Якутия до присоединения к Русскому государству. — 430 с.
6. Новгородов И. Д. Археологические раскопки музея: (Некоторые предварительные данные) // Сб. науч. ст. Якут. республ. краевед. музея. — 1955. — Вып. 1. — С. 138–162.
7. Гоголев З. В. Раскопки якутских могил XVII века // Тр. Якут. филиала СО АН СССР. — 1958. — Вып. 1. — С. 65–75.
8. Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). — Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. — 212 с.
9. Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XTV–XVIII вв.). — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. — 196 с.
10. Гоголев А. И. Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск: Якут. ун-т, 1993. — 200 с.
11. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / под ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. — Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2012. — 226 с.
12. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.) / Р. И. Бравина, В. В. Попов. — Новосибирск: Наука, 2008. — 296 с.

Сведения об авторе: *Иванов Артем Анатольевич*, лаборант-исследователь Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия, e-mail: Ivanov.artem8@mail.ru

УДК 902

В. В. Охлопков

Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия) (Якутск, Россия)

ПРИЗНАКИ ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Статья выполнена при поддержке научно-образовательного фонда молодых ученых Республики Саха (Якутия)

Аннотация. В данной статье рассматриваются гончарные традиции культур неолита, которые находят отражение в последующих культурах, вплоть до средневековья. Наличие единого метода формирования сосудов, некоторых орнаментальных композиций, круглодонности сосудов при общей доминации уже плоскодонных сосудов начиная с бронзового века в сопредельных регионах и использование одних и тех же пластификаторов позволили сделать вывод о постоянном влиянии неолитических керамических традиций автохтонного населения, которое сохранилось вплоть до раннего средневековья. Какие-либо изменения в керамических традициях (и смена археологической культуры) происходили за счет миграционных процессов, при этом автохтонный пласт сохранялся, и некоторые традиции создания керамических сосудов остаются и находят отражения в материальной культуре комплексов бронзового века, раннего железного века и раннего средневековья.

Ключевые слова: Археология Якутии, керамический комплекс, гончарные традиции, технологии производства.

V. V. Okhlopkov

Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia) (Yakutsk, Russia)

SIGNS OF THE SURVIVING NEOLITHIC IN THE CERAMIC COMPLEX OF THE EARLY IRON AGE AND THE MIDDLE AGES

Abstract. This article examines the pottery traditions of Neolithic cultures, which are reflected in subsequent cultures, up to the Middle Ages. The presence of a single method of molding vessels, some ornamental compositions, round bottom vessels with a common dominance of already flat-bottomed vessels since the Bronze Age in adjacent regions and the use of the same plasticizers allows us to conclude about the constant influence of Neolithic ceramic traditions of the autochthonous population, which survived until the early Middle Ages. Any changes in ceramic traditions (and the change of archaeological culture) occurred due to migration processes, while the autochthonous layer was preserved, and some traditions of creating ceramic vessels remain and are reflected in the material culture of the complexes of the Bronze Age, early Iron Age and early Middle Ages.

Keywords: Archeology of Yakutia, ceramic complex, pottery traditions, production technologies.

В данной статье рассматриваются общие признаки керамических комплексов археологических культур Якутии с неолита до Средневековья. Технологические особенности, метод формовки сосудов и некоторые художественные элементы (в частности, сквозные отверстия) позволяют отследить неолитические гончарные традиции вплоть до раннего средневековья. Качественные и ключевые сдвиги в материальной культуре автохтонного населения, такие как появление металлургии и изменения способов обжига сосудов, происходили в основном за счет миграционных процессов, но традиции автохтонного пласта сохранялись и находили свое отражение в материальном комплексе последующих археологических культур.

Керамические сосуды и предметы являются наиболее информативными и показательными элементами материальной культуры неолитического населения. Это обусловлено широким спектром художественных и технических возможностей как и в подборе сырья, обжиге, выборе формовочных масс и добавления различных пластификаторов, так и в способах создания сосуда и методов нанесения орнаментальных композиций. Совокупность технологических и художественных приемов создания керамики можно трактовать как неизменные традиции, которые присущи определенной археологической культуре или общности. Какие-либо значительные изменения в технологических или художественных элементах гончарных традиций можно трактовать как изменение культурного баланса в регионе.

Общими признаками для раннего (сылахская археологическая культура) и среднего (белькачинская археологическая культура) неолита является применение методов изготовления сосуда путем выколачивания специальной лопаточкой или колотушкой стенок сосуда из одного кома глины [1, с. 68–69]. Различие лишь в том, что для раннего неолита применялась лопаточка с намотанной на нее сеткой-плетенкой из растительных или животных волокон, оставлявший характерные ячеистые отпечатки в виде сетки, а в среднем неолите применялся метод наматывания на колотушку кожного ремешка либо шнура, которые оставляли характерные длинные либо короткие шнуровые негативы. Для некоторых регионов в белькачинской культуре также было характерно использование лопаточек с резным узором, от которой на влажной глине оставались рубчатые отпечатки [3, с. 275].

Для позднего неолита (Ымяхтахская археологическая культура) применялся чаще всего метод постепенного наращивания пластов раствора до 3–5 штук, который описала С. А. Федосеева. Потом сосуд выколачивался рубчатой, вафельной или гладкой лопаточкой [4, с. 49–50]. На выходе получался с рубчатым, вафельным и техническим орнаментом или вовсе без него. Применение методов выколачивания свидетельствует о некоей преемственности и последующей смене культур, хоть и под влиянием пришлых племен, которые частично повлияли на доработку формовочных операций.

Неизменными во многих случаях остаются и формовочные массы глины. Хоть и с разными балансами пластификаторов, для создания глиняной массы применялась дресва, шамот и растительность [2, с. 206–207]. Наличие массового использования шерсти в формовочных массах сосудов ымы-

яхтахской культуры можно трактовать как традиции, которые возникли в результате миграционных процессов, как и в случае с корректировкой способов формовки. Художественные композиции сменялись от культуры к культуре, однако неизменным оставалось параболическая форма сосудов и наличие композиций в виде сквозных отверстий на сосудах.

Для усть-мильской культуры эпохи бронзы происходит качественное развитие способа обжига сосуда (уже применялся метод обжига в восстановительной среде, в специальных ямах или печах при температуре около 900–1000 градусов), увеличение возможных вариантов художественных композиций способов его нанесения, однако неизменными элементами остаются мотив из сквозных отверстий, который является типичным художественным элементом для всего неолита Якутии (для памятников долины Туймаада показатель доли сосудов с таким видом орнаментальных традиций равен 64%), метод формовки сосуда выколачиванием из одного кома глины и параболическая форма сосуда с округленным дном, что является довольно нетипичным для сосудов бронзового века сопредельных регионов. Сосуды имеют в формовочной массе остатки шерсти и растительности, по аналогии с «материнской» ымыяхтахской культурой [4, с. 84–85].

Улахан-сегеленняхская культура бронзы имеет такие же характеристики, как и усть-мильская культура, однако ее отличает наличие на керамике украшений в виде «жемчужины», вдавлениями и оттисками штампов.

Для комплексов культур раннего железного века керамика является наиболее массовым материалом и, не изменяя почти что неолитическим традициям, представлена круглодонными сосудами с ярко выраженной шейкой и техническим орнаментом в виде вафли, рубчика или без него, как отражение технологического приема выколачивания.

Для керамического комплекса кулун-атахской культуры раннего средневековья характерны известные нам еще с неолита круглодонные сосуды со сквозными отверстиями и налепные валики. Однако они являются гладкостенными, но применение метода выколачивания из одного кома глины свидетельствует и о неизменной традиции создания сосудов. Наличие шамота в формовочных массах сосудов (добавление которого известно еще с сылахской культуры) также подтверждается исследователями.

Наличие единого метода формирования сосудов, некоторых орнаментальных композиций, круглодонности сосудов при общей доминации уже плоскодонных сосудов начиная с бронзового века в сопредельных регионах и использование одних и тех же пластификаторов позволяет сделать вывод о постоянном влиянии неолитических керамических традиций автохтонного населения, которое сохранилось вплоть до раннего средневековья. Какие-либо изменения в керамических традициях (и смена археологической культуры) происходило за счет миграционных процессов, при этом автохтонный пласт сохранялся, и некоторые традиции создания керамических сосудов остаются и находят отражения в материальной культуре комплексов бронзового века, раннего железного века и раннего средневековья.

Список использованных источников и литературы

1. Воробьев С.А. Опыт экспериментального моделирования неолитической керамики Якутии и некоторые проблемы ее технологии // Археология Северо-Восточной Азии. Атсроархеология. Палеометрология. — Новосибирск, 1999. — С. 64–86.
2. Коробицына В.Н. Петрографическая характеристика неолитической керамики со стоянки Белькачи I // Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. — М.: Наука, 1969. — С. 205–206.
3. Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 томах. — Якутск: ЦААПЧ АН РС (Я), 2013. — Т. 2. — 489 с.
4. История Якутии: в 3 т. Т. I / под общ. ред. А.Н. Алексева; отв. ред. Р.И. Бравина, Е.Н. Романова. — Новосибирск: Наука, 2020. — 536 с.

Сведения об авторе: Охлопков Валерий Васильевич, лаборант-исследователь Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутия), г. Якутск, Россия, e-mail: okhlopkov.valera@mail.ru

УДК 903.2

С. А. Пилипенко¹, А. В. Жадаева², К. Е. Башмакова¹¹Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия),
Открытая научно-исследовательская группа «Гюлистан»²ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына» (Краснодар, Россия), Открытая научно-исследовательская
группа «Гюлистан»

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРТЕФАКТОВ С ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА № 19 МОГИЛЬНИКА САПОГОВО)

Аннотация. Курганный могильник Сапогово-1 является одним из показательных памятников древнетюркского времени в Кузбассе и на юге Западной Сибири. При его исследовании был выявлен значительный пласт предметов материальной культуры: от предметов вооружения, конской сбруи и украшений до китайских монет. Однако, несмотря на то, что материал был оперативно введен авторами в научный оборот, отдельные предметы коллекции требуют самостоятельного изучения. К таким предметам относится коллекция предметов одежды из кургана № 19.

Ключевые слова: Средневековые, изделия из кожи, древние тюрки, Западная Сибирь, сумка, чехол, берестяной сосуд.

S. A. Pilipenko¹, A. V. Zhadaeva², K. E. Bashmakova¹¹Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia)
Open research group «Gulistan»²GBUK KK «KGIAMZ im. E. D. Felitsyn» (Krasnodar, Russia) Open research group «Gulistan»

RESEARCH OF EARLY MEDIEVAL ARTIFACTS FROM THE TERRITORY OF KUZBASS (BASED ON MATERIALS OF MOUNT NO. 19 OF THE SAPOGOVO BURIAL GROUND)

Abstract. The Sapogovo-1 burial mound is one of the representative monuments of ancient Turkic times in Kuzbass and in the south of Western Siberia. His research revealed a significant layer of objects of material culture: from weapons, horse harness and jewelry, to Chinese coins. However, despite the fact that the material was promptly introduced by the authors into scientific circulation, individual items in the collection require independent study. Such items include a collection of clothing items from mound No. 19.

Keywords: Middle Ages, leather goods, ancient Turks, Western Siberia, bag, case, birch bark vessel.

Древнетюркский период является одним из основополагающих этапов развития периода средневековых кочевников с богатой коллекцией инвентаря. Для юга Западной Сибири именно в этот период начинается формирование культурных традиций многочисленных тюркских племен. Наиболее изученными регионами развития тюркского мира являются в основном территории Горного и Степного Алтая [1, с. 5; 2, с. 5; 3, с. 7]. Другие территории Западной Сибири, несмотря на активное изучение археологических памятников рассматриваемого периода, еще не имеют обобщающих работ, которые могли бы отразить отдельные аспекты жизни и уровни развития материальной культуры. Это относится и к Кемеровской области. Несмотря на обилие находок из металла и кости, предметы из органики составляют наименьший процент находок из-за плохой сохранности. Мы практически не имеем информации и вещевого материала, представленного деталями одежды жителей Кузнецкой котловины. К счастью для нас, одна из групп средневекового населения при погребальном обряде использовала обряд сожжения (кремации) на стороне, с последующим размещением

остатков погребального инвентаря на погребальной площадке. После чего над местом захоронения возводилась земляная насыпь. Благодаря этому факту нам удалось получить несколько предметов, изготовленных из кожи и ткани для их изучения. В основном все они происходили из насыпи курган № 19 [4, с. 16–17, рис. 52].

Курганный могильник Сапогово-1 «...расположен в междуречье Ини и Касьмы, в 370 км к ЮВ от с. Сапогово Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Этот памятник был открыт А. К. Кузнецовой в 1927 г. во время разведки будущих трасс железной дороги. В последующие годы при прокладке железной дороги южная часть могильника была разрушена....Исследование могильника проводилось в два этапа в 1986 г. Е. А. Рабиновичем были раскопаны первые три кургана. И в 1988 г. А. М. Илюшиным были исследованы оставшиеся 18 курганов» [5, с. 5].

В марте 2023 года в ходе научной командировки в Музей археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета одним из авторов была изучена часть коллекции, которая была заявлена как детали одежды. До нашего приезда один из предметов коллекции из-за схожести рисунка с деталями обуви воспринимался как обрывок голенища сапога [6, рис. 52–16].

При разборе коллекции нами были выделены следующие предметы для изучения: «голенище сапога» [7, рис. 52–9, 16], берестяная пластинка со следами окислов, которую авторы отнесли к разделу кожи [8, рис. 52–17] и два предмета из кожи и ткани, назначение которых требовало отдельного исследования [9, рис. 52–15]. Среди вещей коллекции были также и другие кожаные изделия: фрагменты ремешков с отверстиями от крепления блях от поясной гарнитуры или от ремней конской узда, и фрагменты кожаных ремешков с узелками на конце. Целью нашей работы является введение в научный оборот предварительных результатов изучения части кожаных изделий и частичная их атрибуция. При работе с изделиями из кожи нами применялись методы частичной реставрации с проведением соответствующих процедур, позволявших привести кожу в надлежащий вид, с целью последующей консервации находок и их экспонирования.

В первую очередь, наше внимание привлек фрагмент бересты, который явно выбивался из общей картины состава коллекции.

Изучение этого фрагмента позволяет нам исключить его из раздела «детали одежды» и отнести к части *берестяного сосуда*. Берестяная пластина представляла собой подпрямоугольный фрагмент нижней части круглого однослойного туюска, размером 8,0х3,0 см (рис. 1–3). Фрагмент снизу с левой стороны обрезан ножом и имеет следы прошивки. На поверхности фрагмента сохранился второй слой бересты 1,5 х 3,0 см (рис. 1–3а), представлявшего собой часть накладной каркасной ленты, которая служила уплотнением при пришивании дна сосуда (рис. 1–4б–в). Существует два способа пришивания дна, с отгибом нижнего края сосуда и без него. В нашем случае мы имеем дело с отворотом нижнего края сосуда (рис. 1–4а). Это хорошо видно в профиле предмета (рис. 1–3). Оба слоя бересты прошиты сквозным швом в строчку вдоль края. Шаг шва — 0,5–0,7 см, от края — 0,5 см. Судя по цвету коры, она была снята в весенний — летний период и, возможно, выварена. Заготовка была снята пластовым методом, лицевая «белая» сторона очищена при помощи ножа и расслоения. После придания полосе нужных размеров, она сшита Z-образным швом, о чем свидетельствует вертикальный шов, который перекрыт поперечной каркасной лентой у основания сосуда. Рисунок почек на основном фрагменте перпендикулярен рисунку почек на каркасной ленте. Этот прием дополнительно усиливал стяжку сосуда. Основная деталь сшивалась внахлест на 5 см, фиксируясь двумя вертикальными швами с расстоянием по 2 см от края и между собой (рис. 1–3б). На внутренней поверхности стенки берестяного сосуда сохранились окислы меди зеленого цвета (рис. 1–3в), что может свидетельствовать о том, что внутри сосуда, возможно, найдены кожаные ремни с бляшками. Реконструируемый сосуд уже известен нам в материалах синхронного по времени могильника Саратовка [10, с. 162]. Оба могильника Сапогово-1 и Саратовка датируются VIII–IX вв. н. э.

Эти памятники, по мнению А. М. Илюшина, оставлены двумя различными группами населения. Сапогово-1 — тюркоязычной в основе, а Саратовка — местной, угро-самодийской. Наличие однотипных по конструкции сосудов на одной территории, возможно, свидетельствует о мирных контактах между двумя этническими группами. Что касается самой разновидности этого типа туюска, то он хорошо известен на территории юга Западной Сибири в Обь-Иртышском междуречье, начиная с I в. до н. э., в составе вещевого материала памятников раннего Средневековья Новосибирской

области VIII–IX и XIII–XIV вв. н. э., X–XI и XVIII вв. н. э. в Омском Приишимье и в целом по Сибири, вплоть до этнографической современности [11, с. 164]. Таким образом, мы установили, что традиция бытования берестяных туесов этого типа в эпоху Средневековья характерна не только для западной и центральной частей Обь-Иртышского междуречья, но и для Кузнецкой котловины в эпоху раннего Средневековья.

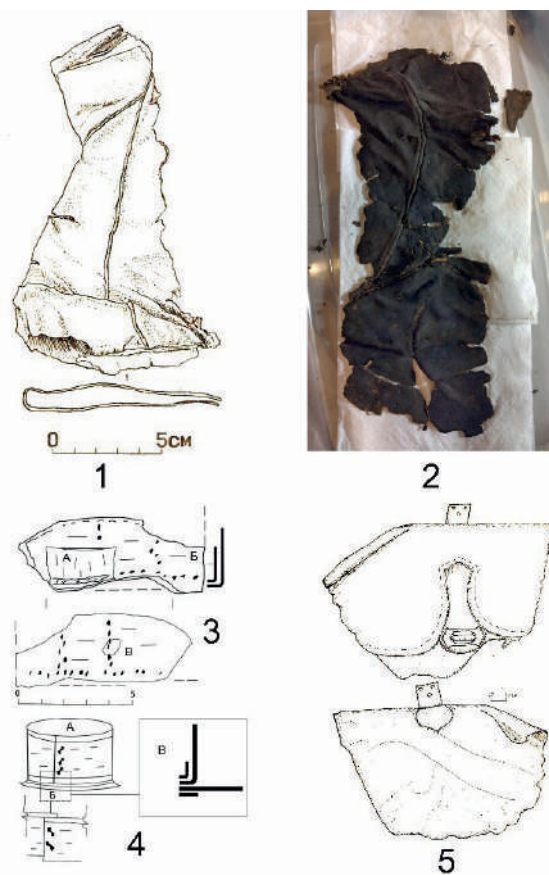

Рис. 1. 1–2 — кожаное изделие до и после предварительной консервации; 3. а — фрагмент карнасной ленты, б — нижняя часть берестяного сосуда, в — следы окислов бронзы; 4 — реконструкция берестяного сосуда с разрезом: а — берестяной сосуд, б-в — реконструкция соединения деталей (реконструкция Пилипенко С.А., рис. Башмаковой К.Е.); 5 — кожаная сумка из погребения у с. Батени, Минусинская котловина (по Нестерову, 1982)

Следующим предметом был исследован предмет из кожи, интерпретируемый ранее как сапог, точнее, его голенище. При отсутствии интерпретации вещи со стороны авторов мы сами «интерпретируем» их назначение исходя из своего личного опыта. Так произошло и с изучаемым «сапогом» (рис. 1.-1). На момент начала изучения он представлял собой сильно сжатый в земле и свернутый по вертикальной оси кожаное изделие размером 17,0х11,0 см. После аккуратной расчистки и обработки предмета его удалось развернуть и расправить до первоначального вида. Сразу стало ясно, что наша рабочая версия о «сапоге» оказалась несостоятельна (рис. 1–2). Сохранившаяся часть предмета была сшита из трех разных по конфигурации кожаных деталей. Зоны в верхней и нижней части предмета поддавались развороту при обработке с погружением в соответствующий реактив. Изучение швов показало, что самые сложные замоты были на местах поворотов швов. Все детали проложены между собой тройными узкими полосками кожи, что усиливало стыки. Детали были сшиты под тремя разными наклонами углов, напоминая край коробки со скошенным углом. По одному из краев шел усиленный шов в две толстые нити. Учитывая, что изделие сохранилось примерно наполовину, мы предполагаем, что в нашем распоряжении часть сумки или другого кожаного изделия для хранения или переноски чего-либо. Изделия из кожи известны в памятниках Горного Алтая России и Казахстана [12, таб. 2–19]. Они в основном представлены обрывками ремней, деталей налучей

и оформлением приемника колчана и обрывками сумок. Однако особенности поворота деталей изделия позволяют нам все же предполагать остатки сумки (рис. 1–4) [13, с. 100].

Дальнейшее изучение и результаты анализа материала позволят нам сказать более определенно об изучаемой части коллекции из насыпи кургана № 19 курганного могильника Сапогово-1.

Список использованных источников и литературы

1. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). — Новосибирск, 2005. — 400 с.
2. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках / Ин-т археологии. — М., 2002. — 362 с.
3. Серёгин Н. Н., Тишин В. В. Социальная история тюрков Центральной Азии (вторая половина I тыс. н. э.). Часть 1: Очерки социальной структуры (по письменным и археологическим источникам): монография. — Барнаул, 2017. — 344 с.
4. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — С. 16–17. — Рис. 52.
5. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — С. 5.
6. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — Рис. 52–16.
7. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — Рис. 52–9.
8. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — рис. 52–17.
9. Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в кузнецкой котловине. — Новосибирск, 1992. — рис. 52–15.
10. Пилипенко С. А. Реконструкция средневекового берестяного сосуда из кемеровской области (по материалам курганного могильника Саратовка) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин, В. П. Семибратов. — Барнаул, 2014. — Вып. XX. — С. 162.
11. Пилипенко С. А. Реконструкция средневекового берестяного сосуда из кемеровской области (по материалам курганного могильника Саратовка) // Сохранение и изучение культурного наследия алтайского края: ст. науч. ст. / отв. ред. А. А. Тишкин, В. П. Семибратов. — Барнаул. 2014. — Вып. XX. С. 16.
12. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г. В. Кубарев. — Новосибирск, 2005. — 400 с., Таб. 2–19.
13. Нестеров С. П. Погребение с конём на р. Таштык (по материалам раскопок С. А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С. 100.

Сведения об авторах: *Пилипенко Сергей Алексеевич*, преподаватель кафедры Философии и гуманитарных наук факультета базовой подготовки Новосибирского государственного университета экономики и управления, Открытая научно-исследовательская группа «Гюлистан», г. Новосибирск, Россия, e-mail: Pilipenkosergej@mail.ru

Жадаева Анна Владимировна, научный сотрудник ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына», Открытая научно-исследовательская группа «Гюлистан», г. Краснодар, Россия, e-mail: Jadaevaanna@yandex.ru

Башмакова Кристина Евгеньевна, студентка 2 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, Россия, e-mail: Bashmakovakristina@mail.ru

УДК 94:572 (571.1)

В. Е. Алексеева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В IV–VIII ВВ. Н. Э.

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета
«Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 850000Ф. 99.1. БН66АА04000).*

Аннотация. В публикации представлена история изучения антропологических материалов населения верхнеобской и одинцовской археологических культур на юге Западной Сибири (Новосибирское Приобье, Лесостепной Алтай, Барнаульско-Бийское Приобье). Работа подготовлена на основе опубликованных антропологических данных. Изучение краниологического материала из погребальных комплексов этих культур началось в середине XX в. В ходе работы антропологами были изучены материалы из погребальных комплексов на р. Уени (45 черепов), могильник Тугозвонovo на р. Чарыш (1 череп).

Ключевые слова: верхнеобская культура, одинцовская культура, юг Западной Сибири, антропология, раннее средневековье.

V. E. Alekseeva

Altai State University (Barnaul, Russia)

THE HISTORY OF ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE IV–VIII CENTURIES AD

Abstract. The publication presents the history of the study of anthropological materials of the population of the Verkhneobskaya and Odintsovo archaeological cultures in the south of Western Siberia (Novosibirsk Priobye, Forest-Steppe Altai, Barnaul-Biysk Priobye). The work was prepared on the basis of published anthropological data. The study of craniological material from the burial complexes of these cultures began in the middle of the XX century. In the course of the work, anthropologists studied materials from burial complexes on the Ueni river (45 skulls), the Tugozvonovo burial ground on the Charysh river (1 skull).

Keywords: verkhneob culture, odintsovo stage, south of Western Siberia, anthropology, early Middle Ages.

Изучение антропологии средневекового населения юга Западной Сибири в IV–VIII вв. н. э. является важным, так как этот период представляет собой этап в развитии угорских и сарматских групп, которые начали формироваться в Западной Сибири в конце раннего железного века. В тот же период начинается формирование тюркоязычных государственных образований на Юге Сибири. Что постепенно приводит к взаимному проникновению культур аборигенного населения и пришлых групп. В различных районах этот процесс проходил по-разному, и население, проживавшее в Новосибирском Приобье, получило название верхнеобской археологической культуры, в Лесостепном Алтае и Барнаульско-Бийском Приобье сформировалась одинцовская культура. Поэтому актуальность данной работы заключается в изучении истории антропологических исследований населения верхнеобской и одинцовской археологических культур.

Верхнеобская культура была распространена на юге Западной Сибири в Новосибирском Приобье. Исследование археологических памятников началось с 1960-х гг. Т. Н. Троицкой, которая выделила три этапа верхнеобской культуры: одинцовский (IV–VI вв. н. э.), тимирязевский (VII–VIII вв.)

и юрт-акбалынский (IX–X вв.). Изначально Т. Н. Троицкая выделила одинцовский этап в самостоятельную археологическую культуру, но, по мнению Л. М. Плетневой и О. Б. Беликовой, было необходимо сохранить целостное название всей культуры. Л. А. Чиндина указывала, что одинцовская культура распространена только в степной зоне Алтая [1, с. 3–5].

В ходе многолетних археологических исследований на территории Новосибирского Приобья археологами было изучено 18 погребальных памятников верхнеобской культуры: Ирмень-4 (раскопки М. П. Грязнова, 1953 г.); Ордынское-1 (раскопки М. П. Грязнова, 1953 г.); Красный Яр-1 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1959–1961 гг., А. В. Матвеева, 1981 г.); Каменный Мыс (раскопки Т. Н. Троицкой, 1968–1973 гг.); Топовские курганы (раскопки Т. Н. Троицкой, 1961 г.); Умна-2 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1962 г.); Умна-3 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1962–1963 гг.); Юрт-Акбалык-8 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1963–1964 гг., 1975 г.); Юрт-Акбалык-4 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1963–1964 гг.); Юрт-Акбалык-11 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1964 г.); Чингис-2 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1967 г., 1985 г.; А. В. Новикова, 1986 г.); Каменный Мыс (раскопки Т. Н. Троицкой, 1961 г., 1972 г.); Дубровинский Борок-5 (раскопки Т. Н. Троицкой, 1973 г.); Черное Озеро-1 (раскопки Т. Н. Троицкой и Е. А. Сидорова, 1982, 1984 гг.); Крохалевка-23 (раскопки А. В. Новикова, 1985–1987 гг., Т. Н. Троицкой, 1989 г.); Крохалевка-13 (раскопки Т. Н. Троицкой и А. А. Адаманова, 1985 г., 1988 г., 1990 г., В. С. Елагина, 1990 г.); Высокий Борок (раскопки А. А. Адамова, 1988–1989 гг.); Турист-1 (раскопки С. Г. Рослякова, 1988 г.) [1, с. 16–22].

Археологические исследования памятников одинцовской культуры на территории Лесостепного Алтая и Барнаульско-Бийского Приобья начались в 1896 г., когда Н. С. Гуляевым был обнаружен могильник недалеко от д. Большая Речка, позднее материалы были интерпретированы как одинцовские [2, с. 216]. На территории Алтайского края археологами изучено 20 погребальных комплексов одинцовской культуры: Одинцовка-I (раскопки С. М. Сергеева и М. Д. Копытова, 1930 г.); Ближние Елбаны-XII (раскопки М. П. Грязнова, 1946 г.); Ближние Елбаны-XIV (раскопки М. П. Грязнова, 1946 г.); Ближние Елбаны-III (раскопки М. П. Грязнова, 1947 г.); Татарские Могилки (раскопки А. П. Уманского, 1959 г.); Тугозвонovo (раскопки А. П. Уманского, 1959 г.); Нечунаевский Елбан-2 (раскопки А. П. Уманского, 1961 г.); Пospелиха (раскопки А. Н. Уманского, 1964 г.); Осинки (раскопки Н. Д. Членовой, 1969 г.); Малый Гоньбинский Кордон-2 (раскопки Ю. Ф. Кирюшина, 1978 г.); Коморово-5 (раскопки М. Т. Абдулганеева, 1984–1987 гг.); Усть-Пустынка (раскопки Ю. П. Алехина и Ю. И. Гельмеля, 1985 г.); Ераска (раскопки Я. В. Егорова, 1991 г.); Троицкий Елбан-I (раскопки В. В. Горбунова, 1992 г.); Ближние Елбаны-XVI (раскопки М. Т. Абдулганеева, 1993–1994 гг.); Горный-10 (раскопки М. Т. Абдулганеева, 1997 г.); Чекановский Лог-IX (раскопки Н. А. Демина и С. М. Ситникова, 1998 г.); Страшный Яр (раскопки В. В. Кондратьевой, 1999 г.); Чумыш-Пережат (раскопки С. П. Грушина и А. В. Фрибуса, 2014 г.) [3, с. 16–17].

В ходе археологических работ было изучено более 30 памятников верхнеобской и одинцовской культур, из которых был получен большой массив антропологических материалов. Данные были изучены и введены в научный оборот лишь частично. Таким образом, основная задача исследования — проследить историю антропологического изучения материалов из этих комплексов.

Первое исследование антропологических материалов из могильников верхнеобской культуры были проведены В. А. Дремовым. В своем предварительном сообщении 1966 г. совместно с Н. С. Розовым «Материалы по палеоантропологии среднего Приобья VII–X вв. н. э.» представили краткую информацию по суммарным сериям из могильников на р. Уени (Новосибирское Приобье), полученные в ходе археологических работ Т. Н. Троицкой с 1959–1965, и материалы из могильника на р. Рёлке (Томская Область), раскопки проводились под руководством В. И. Матющенко в 1963–1964 гг. и Л. А. Павленок в 1966 г. Материалы из данных могильников были объединены, как указывают авторы, из-за их внешнего антропологического сходства [4, с. 60]. Затем в своей публикации 1967 г. «Древнее население Лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии» В. А. Дремов представил подробные краниометрические измерения тех же материалов из могильника на р. Уени в пойме Оби (Колыванский р-н, Новосибирской области), серия состояла из 17 мужских и 6 женских черепов [4, с. 59–60].

Автор отмечает, что серия из могильников с р. Уени имеет крупные размеры мозговой коробки и в то же время малые размеры высоты лица и глазных орбит. На основе имеющихся данных В. А. Дре-

мов указывает, что черепа имеют отношение не к угорскому, а к самодийскому этногенезу. Также были зафиксированы следы искусственной деформации на восьми черепах из могильников Умна и Юрт-Акбалык, что, по мнению автора, свидетельствует о контактах населения Новосибирского Приобья с группами южных районов Приобья. Различия между деформированными и недеформированными черепами прослеживается только по признакам, которые непосредственно связаны с деформацией kraniona (форма и размер мозговой коробки, форма затылочной части и лобного отдела). В.А. Дремов отмечает, что данные черепа имеют сходства с гуннами. Автор указывает, что влияние гуннов на население юга Западной Сибири распространилось только в обычае искусственной деформации, но они не привели к изменениям расового типа [4, с. 62]. Таким образом, в своей работе В.А. Дремов указывает, что черепа верхнеобской культуры с территории Новосибирского Приобья имеют признаки монголоидного типа, но в то же время присутствует и европеоидная примесь [4, с. 66].

В.А. Дремов продолжил анализ данных, полученных Т.Н. Троицкой в 1959–1965 гг., и представил их в работе 1975 г. «Антропологические материалы II–VIII вв. н. э. из могильников Уени». В публикации были представлены антропологические материалы из семи погребальных комплексов, раскопки проводились Новосибирским педагогическим институтом и областным краеведческим музеем. В общей сложности автор провел измерения 23 черепов (15 мужских и 8 женских) из археологических памятников: Красный Яр-1 (7 черепов), Красный Яр-13 (1 череп), Топовские курганы (1 череп), Умна-2 (3 черепа), Юрт-Акбалык — IV (1 череп), Юрт-Акбалык — VIII (7 черепов), Юрт-Акбалык-XI (3 черепа). В ходе анализа материалов В.А. Дремов обнаружил 9 черепов (4 мужских и 5 женских) с искусственной деформацией [4, с. 94].

Автор представил три суммарные серии: 1) серия средних размеров 14 недеформированных черепов; 2) суммарная серия средних размеров лицевого отдела девяти деформированных черепов; 3) суммарная серия деформированных и средних размеров лицевого отдела 23 черепов. Также в опубликованных материалах В.А. Дремов представил индивидуальные размеры мозговой коробки деформированных черепов [4, с. 95].

На основе средних размеров недеформированных черепов антрополог указал на монголоидные черты, которые выражены широкой, брахикранной мозговой коробкой, широким размером лицевого отдела и малым углом выступания носовых костей. Особо ярко черты монголоидной расы выражены на женских черепах. Исследователь указывает, что монголоидный компонент населения верхнеобской культуры на реке Уени был неоднородным. Также В.А. Дремов отмечает, что монголоидные черты по ряду признаков выражены не очень четко [4, с. 95].

В ходе анализа антрополог обнаружил девять черепов с несколькими вариантами черепной деформации: а) кольцевая, б) затылочная, в) кольцевая и затылочная деформация. Кольцевая деформация была обнаружена на материалах из могильников на р. Умна, которые были переданы в кабинет антропологии ТГУ и в настоящее время внесены в базу данных кабинета антропологии томского университета (КА ТГУ № 406, к. 1., мужской череп, 50 лет; КА ТГУ № 491, к. 14., женский череп, 45–50 лет; КА ТГУ № 508, к. 27., женский череп, 50 лет), Арт-Акбалык-VIII (КА ТГУ № 509, к. 1., мужской череп, 60 лет; КА ТГУ № 510, к. 2., женский череп, 30 лет; КА ТГУ № 517, к.?, женский череп, 40–50 лет) и Юрт-Акбалык-XI (КА ТГУ № 556, К. 5., женский череп, 30–35 лет). Зафиксированы признаки уплощенности выше наружного затылочного бугра, уплощенность на теменных костях над астерианами, средневысокая или высокая мозговая коробка, конусовидная форма черепа, черепная коробка вытянутой формы вверх, в некоторых случаях наблюдается округло-конусовидная форма черепной коробки, лоб сильно или средне наклонен, наблюдается уплощенность на боковых стенках черепа выше астерионов. На мужском черепе (БД ТГУ № 509) из могильника Юрт-Акбалык-VIII на середине лба наблюдается поперечный пояс уплощенности шириной около 5 см [5, с. 96–113].

Затылочная деформация зафиксирована на черепе из могильника Юрт-Акбалык-VIII (КА ТГУ № 511, К. 3., мужской череп, 50–60 лет). Деформация сопровождается средневысокой и короткой формой мозговой коробки, затылок имеет широкую и уплощенную форму, лобная доля и примыкающая часть теменной кости до обелиона имеет округлую форму [5, с. 113].

Вариант слабой кольцевой деформации, совмещенной с затылочной деформацией, прослеживается на черепе (КА ТГУ № 556, к. 4., мужской череп, 25–30 лет) из могильника Юрт-Акбалык — XI. Зафиксирована конусовидная форма мозговой коробки, уплощение наблюдается выше метопиона,

не доходя до брегмы, затылок также немного уплощен выше наружного затылочного бугра, и уплощенность фиксируется на боковых стенках мозговой коробки [5, с. 114].

Таким образом, В.А. Дремов отмечает, что степень деформации выражена ярче на женских черепах, чем на мужских. В то же время степень искусственной деформации невелика. Автор, заключает, что все черепа, деформированные и недеформированные, имеют признаки монголоидной расы. Но в то же время черепа с ярко выраженными монголоидными чертами (крупные размеры лицевого скелета), которые указывают на появление новых расовых элементов у населения верхнеобской культуры, селившегося вдоль р. Уени, не имеют следов искусственной деформации [5, с. 119].

Далее исследование по изучению антропологии верхнеобской культуры было опубликовано в 2017 г. А.Н. Багашевым в его монографии «Антропология Западной Сибири». Автор представил анализ краниологической серии из могильников на р. Уени (Красный Яр, Умна, Топовские Курганы, Юрт-Акбалык), которые были изучены В.А. Дремовым в 1967 и 1975 годах. Исследователь указал, что часть черепов имеют следы искусственной деформации, что характерно для средневекового населения Западной Сибири, поэтому в данной работе исследования ограничено только измерениями недеформированных черепов 20 мужских и 11 женских [6, с. 250].

А.Н. Багашев в работе к материалам В.А. Дремова добавил еще 10 мужских и 9 женских черепов, полученных в ходе археологических работ из могильников Березовый Остров (1 череп, КА ТГУ № 1147; раскопки Т.Н. Троицкой 1968 г.), Красный Яр (5 черепов, КА ТГУ № 1153; раскопки Т.Н. Троицкой, 1970 г.), Красный Яр (4 черепа, КА ТГУ № 2207–2209, 2491; раскопки А.В. Матвеева, 1978 г.), Юрт-Акбалык-4 (1 череп, КА ТГУ № 1811; раскопки Т.Н. Троицкой, 1976 г.), Седова Заимка-2 (2 черепа, КА ТГУ № 2213, 2555–2558; раскопки В.Д. Романцовой, 1979 г.), Высокий Борок (7 черепов, КА ТГУ № 4104–4106, 4109, 5439–5441; раскопки А.А. Адамова, 1986–1987 гг.). Все антропологические материалы хранятся в кабинете антропологии ТГУ [6, с. 250]. Изученные материалы характеризуются брахикранной формой черепа с небольшой высотой свода, лицевой скелет широкий, средней высоты и слабопрофилированный по горизонтали. Так, анализ материалов прошлых лет и сравнение с новыми данными показало сохранение европеоидных и монголоидных признаков и в то же время произошло небольшое уменьшение высоты черепа и ширины лица. На основе полученных результатов А.Н. Багашев пришел к выводу, что происхождение черепов из погребальных комплексов верхнеобской культуры Новосибирской области связывают с самодийским генезисом, а не с угорским [6, с. 251]. На это в своих работах указывал и В.А. Дремов.

Изучение антропологических материалов одинцовской археологической культуры проводилось только по материалам Тугозвонковского погребения, которое было обнаружено и исследовано в 1959 г. А.П. Уманским на р. Чарыш Алтайского края. Антропологические материалы тугозвонковского «князя», который был передан в Алтайский краеведческий музей г. Барнаула (коллекция № 2316/1–35) были изучены М.М. Герасимовым. В ходе анализа было обнаружена кольцевая деформация, на основании чего часть исследователей связывают материалы с сармато-аланами или с гуннами. Г.Ф. Дебец указывает на родство деформированных черепов с сарматами, в то же время В.П. Алексеев связывает появление традиций искусственной деформации у населения Верхнего Приобья с юго-западным потоком миграции. Внешне тугозвонковский «князь» представляет собой смешение монголоидного и европеоидного типа, ярко выраженный высокий нос, который характерен для носителей европеоидного типа, и широкие скулы, типичные для монголоидов. На основе анализа черепа скульптор-антрополог М.М. Герасимов в 1960 г. выполнил реконструкцию внешнего облика погребенного [7, с. 160]. Других публикаций по антропологическим материалам из погребальных комплексов одинцовской культуры с территории Алтайского края на данный момент нет.

Основываясь на опубликованных материалах, можно сделать вывод, что изучение антропологических данных верхнеобской и одинцовской культуры неполное. На данный момент изучены черепа только из погребальных комплексов, расположенных на р. Уени Новосибирской области, что дает только частичное представление о населении верхнеобской культуры. По антропологическим материалам из памятников Лесостепного Алтая и Бийско-Барнаульского Приобья имеется только реконструкция внешнего облика на основе данных одного памятника, но никаких краниологических измерений не опубликовано. Таким образом, перспектива дальнейшего изучения антропологических

данных заключается в изучении имеющихся коллекций в собрании кабинета антропологии ТГУ и АлтГУ с использованием новых научных методов для их изучения.

Список использованных источников и литературы

1. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 152 с.
2. Тишкина Т. В. Археологические исследования Н. С. Гуляева в окрестностях д. Большая Речка в 1912 г. // Теория и практика археологических исследований. — 2006. — С. 216–231.
3. Григоров Е. В., Казаков А. А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. — 230 с.
4. Дремов В. А. Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // Советская этнография. — 1967. — № 6. — С. 53–66.
5. Дремов В. А. Антропологические материалы II–VIII вв. н. э. из могильников Уени // Из истории Сибири. — 1975. — Вып. 16. — С. 94–128.
6. Багашев А. Н. Антропология Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 2017. — 406 с.
7. Уманский А. П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — 1978. — С. 129–163.

Сведения об авторе: *Алексеева Валерия Евгеньевна*, магистрант 1 курса кафедры археологии, этнографии и музеологии, лаборант-исследователь НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», г. Барнаул, Россия, e-mail: alekseeva_2001_182@mail.ru

УДК 902/904

К. Т. Акматов¹, К. Ш. Табалдиев²

¹Независимый исследователь (Бишкек, Кыргызстан)

²Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Кыргызстан)

ПОГРЕБЕНИЕ В КАМЕННОМ ЯЩИКЕ САКСКОГО ВРЕМЕНИ В МОГИЛЬНИКЕ ТАРМАЛ-САЗ В КЫРГЫЗСТАНЕ

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета
«Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 850000Ф. 99.1. БН66АА04000)*

Аннотация. В статье вводится в научный оборот погребение в каменном ящике, вскрытое под каменно-земляным курганом в могильнике Тармал-Саз в Кыргызстане в 2020 г. Ящик был сооружен из речных валунов, рваных камней и скальных плит, поставленных на ребро. Он подпрямоугольной в плане формы, длинными сторонами ориентирован по линии восток — запад. В его северной стенке устроена ниша из двух скальных плит. В погребальном ящике было обнаружено частично потревоженное погребение взрослого человека с сопроводительным инвентарем, расположенным в нише. Прослеженные элементы погребальной обрядности и вещественные находки, с учетом результатов радиоуглеродного анализа, позволяют датировать курган VI–V вв. до н. э. с возможным заходом в IV в. до н. э. и отнести его к сакской культуре.

Ключевые слова: Кыргызстан, сакская культура, могильник Тармал-Саз, курган, погребение, каменный ящик, погребальный инвентарь.

K. T. Akmatov¹, K. Sh. Tabaldiev²

¹Independent Researcher (Bishkek, Kyrgyzstan)

²Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyzstan)

A BURIAL IN A STONE BOX OF THE SAKA TIME IN THE TARMAL-SAZ CEMETERY, KYRGYZSTAN

Abstract. The article aims to present the results of an excavation of the burial in a stone box grave, unearthed under a stone-earth mound in the Tarmal-Saz cemetery, Kyrgyzstan, in 2020. The box was constructed from river boulders, torn stones, and rock slabs placed on the edge. It is subrectangular in plan view, with its long sides oriented along the east-west line. In its northern wall, there is a niche made of two rock slabs. A partially disturbed burial of an adult with accompanying grave goods located in a niche was found in the burial box. The traced elements of funeral rituals and material finds, considering the results of radiocarbon analysis, make it possible to date the burial to the 6th-5th centuries BC with a possible extension to the 4th century BC. The burial can be safely attributed to the Saka culture.

Keywords: Kyrgyzstan, Saka culture, Tarmal-Saz cemetery, burial mound, burial, stone box, grave goods.

В октябре 2020 года нами были проведены спасательные раскопки в зоне строительства автомобильной дороги Балыкчы — Эпкин в Нарынской области Кыргызстана. Работы проводились в рамках реализуемого Министерством транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики проекта по реконструкции «Альтернативной автомобильной дороги Север — Юг». В результате проведенных полевых работ на могильнике Тармал-Саз оказались вскрытыми 6 погребальных сооружений — курганов. Наиболее информативными в плане определения даты сооружения и культурной принадлежности могильника является курган 1. Настоящая статья посвящена вводу в научный оборот материалов данного погребального сооружения.

Могильник Тармал-Саз расположен в 170 м к югу от одноименного населенного пункта, на участке 77+930–78+270 км автомобильной дороги Балыкчы — Эпкин, на территории пахотных угодий айылного округа Чолпон в Кочкорской долине (рис. 1). Он состоит из 16 курганов, раскинутых на значительной площади: расстояние между крайними северным и южным объектами составляет около 750 м, между восточным и западным — около 300 м. Курганы неправильными цепочками вытянуты по направлению юг — север. Общее количество выявленных курганов составляет 16.

Рис. 1. Местоположение и план могильника Тармал-Саз

Курган 1 расположен на 78+200 км автомобильной дороги Балыкчы — Эпкин, в 15 м к северу от ее кромки, на западной оконечности могильника. Географические координаты: N 42°11'30,876", E 75°30'45,9". На уровне современной поверхности зафиксирована каменно-земляная насыпь округлой в плане формы и уплощенно-полусферической в разрезе, диаметром 15,5 м (рис. 2). Северная часть кургана пострадала в ходе пахотных работ, отчего она незаметно сливается с современной поверхностью. После удаления дернового слоя выявлено неполностью сохранившееся сплошное каменное кольцо, опоясывавшее его по краям (рис. 3). Оно было сложено преимущественно в один слой из камней среднего и мелкого размеров. На внутреннем пространстве кольца разбросаны камни без какого-либо порядка.

Рис. 2. Курган 1 могильника Тармал-Саз. Вид до раскопок

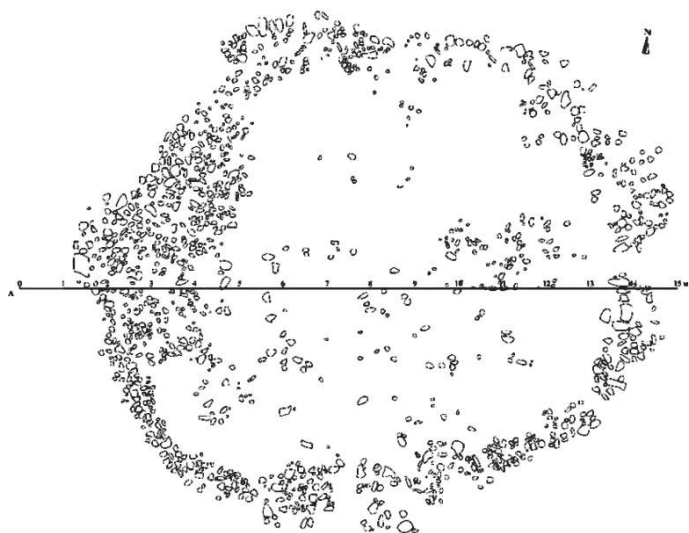

Рис. 3. Каменное кольцо по краям насыпи. Курган 1 могильника Тармал-Саз

В центре кургана был заложен раскоп подпрямоугольной формы, длинными сторонами по направлению восток — запад. В процессе раскопок на глубине 0,5–0,7 м от дневной поверхности зачищена выкладка из массивных скальных валунов, подовальной в плане формы размерами 1,8х2,7 м (рис. 4). Длинными сторонами она была ориентирована по направлению восток — запад. На уровне каменной выкладки, к западу от нее встречены отдельные фрагменты человеческих костей и деревянного бруса. Наиболее крупные фрагменты последнего имели следующие размеры: длина — 60 см, ширина — 10–12 см, толщина — 2–3 см.

Рис. 4. Каменная выкладка над погребальным ящиком. Курган 1 могильник Тармал-Саз

Под отмеченной каменной выкладкой на глубине 150–160 см от дневной поверхности обнаружен каменный ящик подпрямоугольной в плане формы, длинными сторонами ориентированный по направлению восток — запад. В северной стенке ящика устроена ниша из двух скальных плит, поставленных на ребро. Она была перекрыта двумя скальными плитами. Пол ниши на 25 см выше уровня ящика. Западный конец ящика сооружен из трех массивных скальных плит, поставленных на ребро. Остальные стенки ящика сделаны из речных валунов и рваных горных камней. Местами в кладке прослеживается несколько рядов из валунов. Длина ящика — 3,17 м, ширина — 80–85 см, высота — 20–45 см. Размеры ниши — 60х75–80 см, высота — 25 см (рис. 5–6).

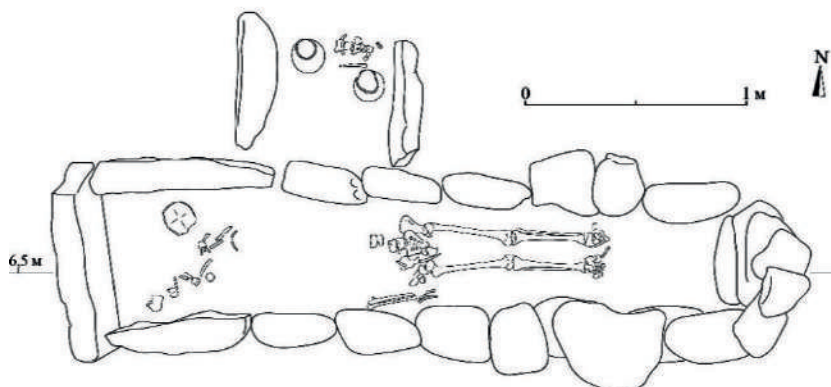

Рис. 5. Погребальный каменный ящик под курганом 1 могильника Тармал-Саз. Фото и графика

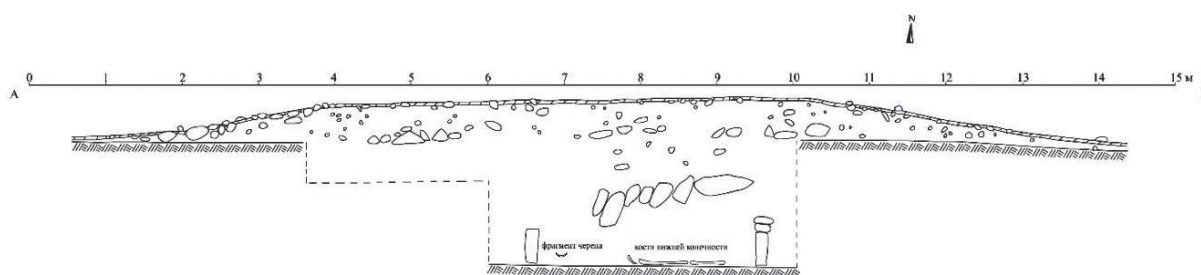

Рис. 6. Разрез кургана 1 могильника Тармал-Саз

В процессе выборки заполнения ящика в западной его части встречены отдельные разбросанные кости человека: фрагмент черепа, ребра и позвонки. В восточной части ящика зачищена нижняя половина человеческого скелета с локтевым, лучевым костями и фалангами, сохранившими анатомический порядок. Судя по их расположению, изначально умерший был уложен вытянуто на спине головой на запад.

В нише обнаружен погребальный инвентарь: два керамических кувшина, железный пластинчатый нож, две миниатюрных прямоугольных костяных пластины с отверстиями и крестец овца с двумя позвонками (рис. 7).

Рис. 7. Погребальный инвентарь кургана 1 могильника Тармал-Саз

Культурно-хронологическая принадлежность раскопанного кургана определяется по многочисленным аналогиям. Например, каменное кольцо по периметру кургана является одним из характерных признаков могил ранних кочевников Тянь-Шаня и сопредельных регионов. Аналогичная конструкция по периметру кургана ранее была выявлена на раннекочевнических курганах долины реки Или [1, с. 89–104], в могильниках Кара-Арша [2, с. 527–535] и Сункар [3, с. 29–37] в Семиречье, а также в ряде памятников Центрального Тянь-Шаня, Кетмень-Тюбе и Алая [4, с. 36–53, 97–109, 121–129]. Все эти курганы достаточно надежно датируются в рамках VI–II вв. до н. э. и относятся к сакской культуре. По мнению большинства исследователей, каменное кольцо по периметру кургана соержалось в течение всего периода существования сакской культуры.

Достаточно широкую аналогию среди материалов сакского времени находит и погребальный ящик, выявленный под рассматриваемым курганом. На Тянь-Шане и в сопредельных территориях каменный погребальный ящик известен в комплексах бронзового и раннежелезного веков. Ящики бронзового века (возможно, и раннесакского периода), как правило, имеют подквадратную форму, в которых умершие хоронились в скорченном положении [1, с. 89; 5, с. 229–234]. Они часто соору-

жались на небольшой глубине, вследствие чего верхние края их плит слегка выступали над поверхностью земли.

Но наиболее близкими по форме и конструкции нашему ящику являются погребальные сооружения сакского периода. Особый интерес для нас представляют сакские могильники Бугучу, Куренкей I и Куренкей II, расположенные в Кочкорской долине, в 4–5 км к северо-востоку от могильника Тармал-Саз. В 1988–1989 годах на этих могильниках археологом А. Абетековым было вскрыто около 30 погребений в каменных ящиках [6, 7]. Все они подпрямоугольной в плане формы с нишами в северной стенке. Ящики длинными сторонами были ориентированы по линии восток–запад, умершие лежали вытянуто на спине головой на запад. По всем этим характеристикам каменные ящики рассматриваемых могильников являются полной аналогией ящику из кургана 1 могильника Тармал-Саз.

Аналогичные погребальные сооружения были обнаружены в 1970-х годах В. П. Мокрыниным и П. П. Гаврюшенко в могильниках Туура-Суу и Ачык-Таш на южном берегу Иссык-Куля [8, с. 52–82]. Здесь под каменно-земляными курганами было вскрыто восемь погребений в каменных ящиках подпрямоугольной формы. Они были ориентированы длинными сторонами по линии восток — запад, а умершие, судя по сохранившимся в первоначальном положении костям, были уложены вытянуто на спине головой на запад. К северной стенке ящиков была пристроена специальная ниша для погребального инвентаря. В одном случае в нише было найдено погребение ребенка. На основании сопоставительных анализов курганы могильников Туура-Суу и Ачык-Таш были отнесены к VI–V вв. до н. э. [8, с. 52–82].

Следует отметить, что параллели между курганом 1 могильника Тармал-Саз и курганами могильников Бугучу, Куренкей I, Куренкей II, Туура-Суу и Ачык-Таш прослеживаются не только в форме и конструкции каменных ящиков, но и в форме надмогильной конструкции и характере погребального инвентаря. Так, например, каменное кольцо по периметру насыпи, зафиксированное на нашем кургане, встречено и на некоторых курганах вышеперечисленных могильников. Крестец овцы с позвонками найден в большинстве курганов рассматриваемых памятников. Кости овцы находились, как правило, в нише каменного ящика. Кувшины из кургана 1 могильника Тармал-Саз также находят полные аналогии в материалах перечисленных могильников.

Керамические кувшины из кургана 1 могильника Тармал-Саз находят значительно шире аналогии в материалах раннего железного века. Они имеют шаровидное тулово, переходящее в невысокую горловину и отогнутый наружу венчик. Дно у них округлое. Оба изготовлены ручной лепкой. Кувшины аналогичной формы являются одной из частых находок из погребений могильников сакского и усуньского времени на Тянь-Шане и сопредельных территориях [4, рис. 45, 46, 56; 1, табл. VI].

Несколько неожиданными оказались результаты радиоуглеродного анализа образца человеческой кости из кургана 1 могильника Тармал-Саз, проведенный в лаборатории масс-спектрометрии Государственного научно-исследовательского института «Центр физических и технологических наук» в Литве. Калиброванная дата указывает на временной интервал 760 г. до н. э. — 421 г. до н. э. (табл. 1; рис. 8).

Таблица 1

**Результаты радиоуглеродного анализа образца из погребения кургана 1
могильника Тармал-Саз**

Лабораторный номер	Место отбора и контекст	Радиоуглеродный возраст	Результат калибровки
ВТС_688	Могильник Тармал-Саз, курган 1, погребение	2466±27	760–421 calBC

Если с некоторыми оговорками можно принять верхнюю хронологическую границу радиоуглеродного датирования, то предложенная нижняя хронологическая граница для рассматриваемого кургана вызывает серьезные сомнения. Кургана вряд ли старше VI в. до н. э., поскольку найденный в нем погребальный инвентарь, в том числе железный нож, а также прослеженные элементы погребальной обрядности, типичны для развитого сакского времени. Поэтому на основании многочис-

ленных аналогий с учетом результатов радиоуглеродного анализа мы датируем курган 1 могильника Тармал-Саз VI–V вв. до н. э. с возможным заходом в IV в. до н. э.

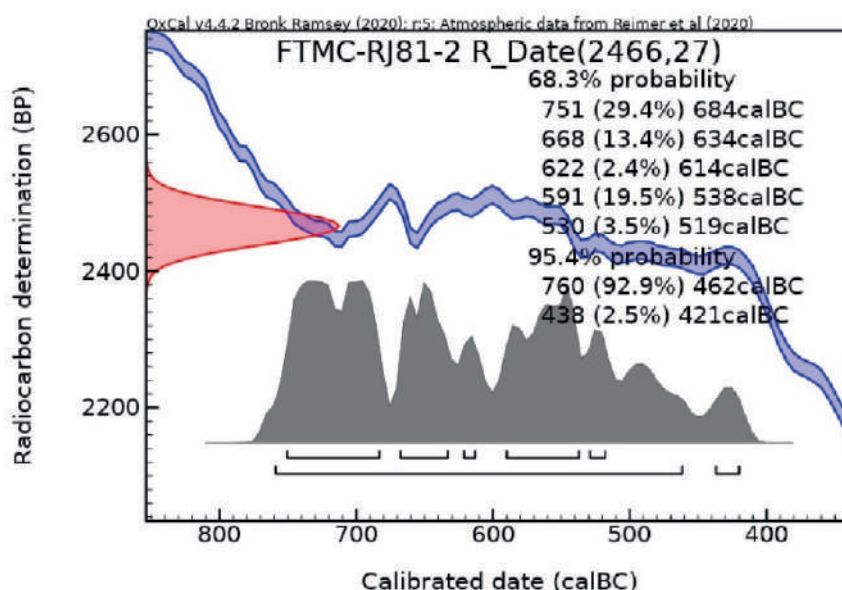

Рис. 8. Интервал калиброванного календарного возраста образца из кургана 1 могильника Тармал-Саз

Список использованных источников и литературы

1. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Культура саков и усуней долины реки Или. — Ал-ма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963.
2. Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С., Китов Е.П., Китова А.О. Моги́льник раннего железного века Кара-Арша в Семиречье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2018. — Т. 20, № 3 (2). — С. 527–536.
3. Бексеитов Г.Т., Тулегенов Т.Ж., Иванов С.С., Китова А.О. Исследование могильника Сункар в Семиречье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 29–39.
4. Ташбаева К.И. Культура ранних кочевников ТяньШаня и Алая (I тыс. до н. э.). — Бишкек: Илим, 2011.
5. Мокрынин В.П. Археология и история древнего и средневекового Кыргызстана. Избранное. — Бишкек: Илим, 2010. — 300 с.
6. Абетеков А.К. Исследования шамшинского археологического отряда КИАЭ в 1987–1988 гг. Часть 1. 1987 год // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. — Вып. 4. — Бишкек: Илим, 2019. — С. 9–25.
7. Абетеков А.К. Полевой отчет шамшинского археологического отряда кир-гизской историко-археологической экспедиции за 1987–1988 гг. — Фрунзе, 1988.
8. Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П. Курганы сакского времени долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. — Фрунзе: Илим, 1975. — С. 52–82.

Сведения об авторах: Акматов Кунболот Токтосунович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: kunbolot@mail.ru

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, доктор исторических наук, профессор отделения истории Кыргызско-Турецкого университета Манас, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

УДК 94. (517) «07/08». 947.011

И. Л. Измайлов¹, Н. Ганбат², А. Г. Ситдииков³, С. Улзийбаяр²

¹Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия)

²Институт истории и этнологии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия)

³Институт археологии им. А. Х. Халикова (Казань, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА БИЙБУЛАГ (СРЕДНЕВЕКОВЫЙ УЙГУРСКИЙ ГОРОД БАЙБАЛЫК): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

Аннотация. В статье подводятся предварительные итоги исследований города Байбалык (городище Бийбулаг), который был построен около 746 г. по приказу уйгурского Бидьге-кагана Моюн-Чура. Город, судя по проведенным археологическим исследованиям, состоял из нескольких частей, очевидно, различающихся по сословным и хозяйственным принципам, а также административным функциям. Выявлен культурный слой на всех объектах мощностью до 0,5 м и следы хозяйственной деятельности. На всех объектах обнаружена типично уйгурская гончарная керамика с характерным геометрическим штампованным орнаментом. Судя по углистым прослойкам и слою запустения, город катастрофически погиб во время нашествия кыргызов в 840 г.

Ключевые слова: археологические исследования, Монголия, Уйгурский каганат, городище, культурный слой, черепица, стилизованное изображение льва, глинобитные стены, гончарная керамика со штампованным геометрическим орнаментом.

I. L. Izmailov¹, N. Ganbat², A. G. Sitdikov³, S. Ulziybayar¹

¹Marjani Institute of history Tatarstan Academy of Science (Kazan, Russia)

²Institute of History and ethnology Mongolian Academy of Science (Ulaanbatar, Mongolia)

³Institute of Archaeology im. A. H. Halikova (Kazan, Russia)

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF HILLFORT BIYBULAQ (MEDIEVAL UIGUR TOWN BAYBALUQ): PRELIMINARY RESULTS

Abstract. The article summarizes the preliminary results of the research of the city of Baibalyk (Biybulag hillfort), which was built around 746 by order of the Uighur Bilge-kagan Moun-chur. The city, judging by the conducted archaeological research, consisted of several parts, obviously differing in class and economic principles, as well as administrative functions. The cultural layer on all objects with a capacity of up to 0.5 m and traces of economic activity were identified. Judging by the carbonaceous layers and the layer of desolation, the city was catastrophically destroyed during the invasion of the Kyrgyz in 840.

Keywords: archaeological research, Mongolia, Uighur Kaganate, ancient settlement, cultural layer, tiles, stylized image of a lion, adobe walls, pottery with stamped geometric ornament.

Развалины городища Бийбулаг расположены в 11 км к западу от поселка Хутаг в Хутаг-Ундер (монг. *Хутаг-Өндөр*) сомон аймака Булган в северной Монголии и в 2 км к северу от реки Селенга (координаты: 49° 23' 729" с. ш., 102° 03' 299" в. д.; 938 м от уровня моря). Данные развалины местное население называет «Бийбулагийн балгас» (городище Бийбулаг) и «Бийбулагийн сүм» (монастырь Бийбулак), поскольку на этом месте был в XVIII–XIX вв. существовал буддийский монастырь, который в 1930-х гг. был полностью разрушен.

Впервые научное обследование городища Бийбулаг еще в начале XX в. обследовал финский ученый Г. И. Рамstedt. Далее в середине XX в. известный ученый СССР, специалист по древней истории кочевников С. В. Киселев, подготовивший фундаментальное исследование по исследованию горо-

дищ и городских поселений Монголии, выдвинул свою версию относительно датировки городища. Далее, известный и старейший археолог, академик Монголии Х. Пэрлээ, побывав на данном городище с разведочными целями, предложил свои соображения о датировки памятника. Тюрколог СССР С. Г. Кляшторный, посетив городище Бийбулаг в 1975 году, отметил, что планировка городища имеет большое сходство с городищем Хара-балгасун (уйгурская столица Орду-Балык). В 1982 и 1986 гг. новосибирский археолог Ю. С. Худяков провел разведочное исследование городища и сделал топографическую карту главного объекта, а также собрал подъемный материал с территории городища [1, с. 85–94]. В 1997 г. группа монгольско-японских ученых совместного проекта «Письменность» провела измерение южной стены данного городища и составила топографическую карту. В ходе исследования совместная Монгольско-японская экспедиция, изучив двух каменных львов, сделала их рисунок, далее в связи с тем, что местные жители связывают урочище Арслан-толгой (т.е. «Львиная голова») с данным городищем, собрали устные сведения, связанные с данной сопкой. В 1998 г. экспедиция во главе с японским археологом Н. Ширайши совместно с учеными Института истории Академии наук Монголии доктором Д. Баяром и научным сотрудником Ц. Баттулгой провели археологическую разведку и уточнили некоторые детали топографии. Осуществив тщательное исследование, с помощью аэрофотосъемки сделали новую топографическую карту, выявив третий объект данного городища. Ученые составили планы, определили структуру и размеры разных частей городища, а также собрали подъемный материал, подготовили прорисовки четырех статуй львов [2].

В 2017–2019 гг. планомерные археологические исследования на территории городища проводит совместная экспедиция Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ и Института археологии и истории МАН. В ходе исследований было подтверждено деление городища на три части, проведены раскопки на всех частях, выявлен культурный слой и изучены сохранившиеся укрепления [3, с. 63–64].

Исторические сведения об этом городе весьма выразительны. На памятнике Мойн-Чура (Селенгинский камень) от имени Эль-Этмиш Бильге кагана (время правления 747–759 г.) написано следующее: *Soɣdaq: Taɣaɣqa Selenede: Baybalıq ɣarıtı bertim* / «Согдийцам, табгачам (китайцам) приказал построить Байбалык на берегу Селенге» [4, с. 38, 43; 5, с. 110].

То есть город был построен согдийцами и китайцами около 746 г. по приказу уйгурского кагана Эль-Этмиш Бильге кагана. После падения Уйгурского каганата в 840 г. город перестал упоминаться в источниках и, очевидно, был разрушен во время вторжения кыргызов [6, с. 230–237].

Топографически объекты городища располагаются на левом берегу реки Селенги в ее среднем течении на широком плато, образуемым изгибом реки. Памятники городища располагаются на возвышенностях, которые обтекает речка Тээлийн гол, имеющая несколько русел, стекающих с гор в р. Селенгу (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид на городище — северную и южную цитадели и чековые поля

Структура городища. Город состоит из трех укрепленных цитаделей (объектов). Определены следующие их размеры (рис. 2, 3):

- 1 — северная цитадель (объект 1) (238x235x378x232 м),
- 2 — южная цитадель (объект 2) (142 x 149 x158 x149 м),
- 3 — западная цитадель (объект 3) (329x314x332x320 м).

На всех выявлены укрепления. Были проведены разведки и раскопки разных объектов городища. Выявлен культурный слой на всех объектах мощностью до 0,5 м и следы хозяйственной деятельности.

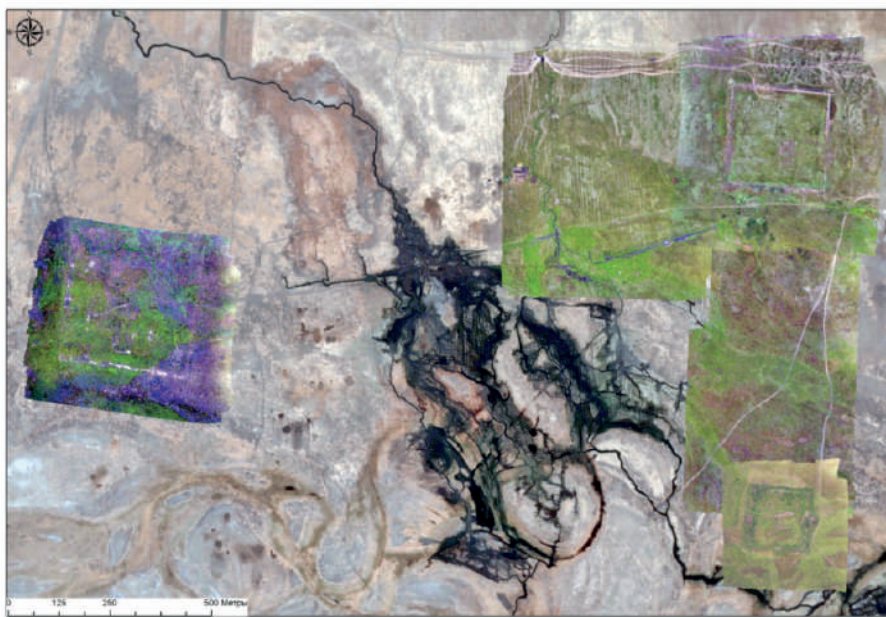

Рис. 2. Общий вид городища Байбалыг

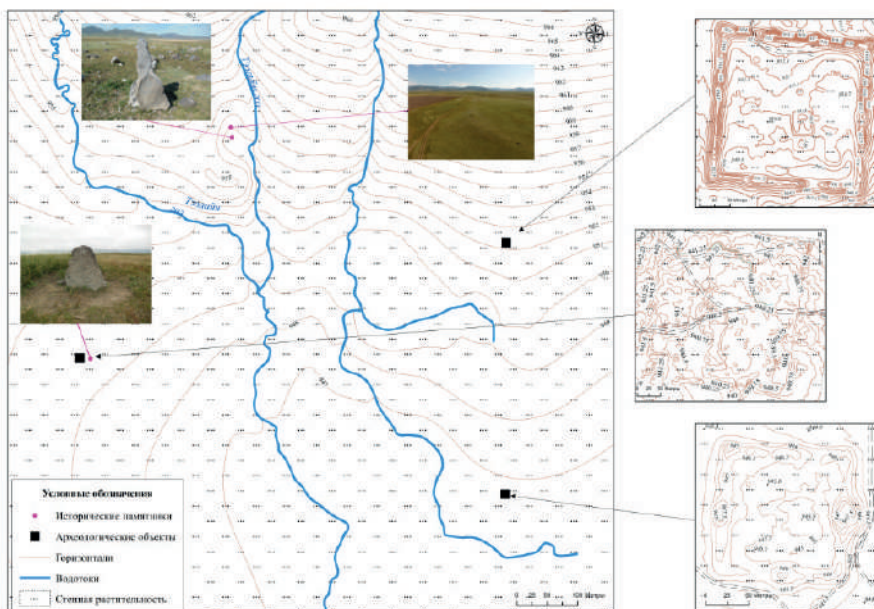

Рис. 3. План городища Байбалыг и трех его цитаделей

Северная цитадель (Объект 1) (рис. 3). Наиболее укрепленной частью являлась северная цитадель, защищенная системой вала с глинобитной стеной (высотой 4–5 м и шириной 1,5–2 м). Внутри укрепленной части имеются оплывшие подквадратные возвышенности (до 0,4 м), а в центре распо-

ложена подпрямоугольная (60х30 м) платформа (состоявшая из двух квадратов (30х30 м) высотой до 0,5 м, вытянутая с севера на юг с небольшим угловым отклонением к северо-западу (рис. 4, 5). Внутри северной платформы виден фундамент из цемента, на котором было, очевидно, построено главное здание буддийского монастыря Бийбулаг, что позволяет считать, что он был или возведен гораздо позднее — в начале 1990-х гг.

Рис. 4. Общий вид северной (1) цитадели

Рис. 5. Общий вид площадки северной цитадели

Укрепления представляют собой глиняный вал с сохранившимися участками крепостной стены с северной и восточной сторон (рис. 6). Восточный участок стены общей длиной сохранившейся части 78 м с отдельным участком стены длиной 3,1 м и шириной 1,3 м. Толщина этих стен в самой широкой части — 3,8 м. Высота — 4,5 м (средняя высота — 4 м). В стене по всей длине прослежены ряды сквозных отверстий (диаметр — 0,1–0,2 м) на высоте 1,5 м и 3 м и через каждые 2 м (практически 1,8–2 м). Сама стена представляла собой ленты глиняного «цемента», насыщенного мелкой галькой. Мощность каждого слоя — 10 см. Сверху вала имеется боевая площадка 0,7 м. Длина сохранившейся части северной стены — 142 м, высота — 3,5–4 м, а толщина — 2,5–3 м. Конструктивные детали этой стены аналогичны восточной части.

Рис. 6. Сохранившаяся часть стены северной цитадели

Для уточнения структуры вала, времени постройки и строительной техники был заложен раскоп 1 (М-1.1) (рис. 6), расположенный у основания восточной крепостной стены, с размерами 10 x 1 м, ориентированный по сторонам света. Ширина данной траншеи — 1 м, длина — 10 м, средняя глубина траншеи в восточном углу и у основания стены — 2 м. Далее глубина траншеи — 60 см. Верхняя часть слоя состоит из коричневого суглинка с находками коричневой черепицы и костей животных и соответствует периоду существования на территории городища ламаистского монастыря, к которому относятся также, видимо, две ямы (глубиной 0,4 и 0,8 м), прорезающие слой, чей дневной уровень совпадает с современной поверхностью. Ниже расположены слои серой рыхлой супеси с включением в нижних прослойках мелкой гальки мощностью до 60–80 см. Он подстилается углистой прослойкой (3–5 см), особенно выразительной в восточной части раскопа и тянущейся вдоль всего раскопа. Ниже ее расположены в северной части мощный слой материковой глины (до 2 м), представляющий толщу вала с мелкими прослойками прокала и угля, а в западной части — слой коричневого суглинка, насыщенный костями животных мощностью до 40 см, которая в центральной части раскопа частично перекрывает насыпь вала. Все эти слои подстилаются стерильной коричневой материковой глиной.

Таким образом, можно отметить, что на первоначально стерильной поверхности был сооружен вал из материковой глины, который в процессе строительства утрамбовывался и прокаливался для уплотнения и укрепления. Позднее в нем была сделана яма, совпадающая с периодом строительства стен. После этого на площадке городища стал интенсивно нарастать культурный слой, насыщенный остатками жизнедеятельности человека, частично перекрывший подножие вала. Спустя определенное время стена была сожжена и частично обвалилась, — процесс, продолжавшийся длительное время, образуя слой запустения. Этот слой в верхней его части частично перерабатывался и был нарушен в период существования ламаистского монастыря. В ходе археологических исследований, проведенных в 2018–2019 гг., к сожалению, не были выявлены предметы и артефакты средневекового периода.

Проведенные исследования позволили реконструировать процесс строительства и технологии производства укреплений. Судя по этим данным, они возводились с создания рва и насыпки вала из материкового суглинка. Вал представлял собой, очевидно, платформу до 5–6 м, шириной 1–1,5 м. Внешняя часть вала была утрамбована и укреплена камнями, взятыми из рва. Во внутренней части этой платформы была зафиксирована яма диаметром 1 м с многочисленными прослойками, возможная, оставшаяся от приготовления глиняного раствора для постройки стен.

Стена была сооружена из смеси глины с песком или глинистого грунта, которые соединялись между собой посредством утрамбовки. Для приготовления раствора, из которого формировали стены, использовали подготовленную глину, мелкую гальку, видимо, остатки растительности и воду. Глину для приготовления раствора предварительно замачивали. Гальку просеивали, а растительность предварительно измельчали и увлажняли. Все это тщательно перемешивалось и некоторое время настаивалось.

После этого пласт за пластом формовали стену на основе каркаса из вертикальных бревен и горизонтальных небольших внутренних балок. Для возведения глинобитных стен делались ящики, состоящие из двух дощатых щитов, соединенных параллельно брусками. Длина таких щитов была до нескольких десятков метров, толщиной до 0,1 м. Стены возводились на уплотненном глиняном валу, который был предварительно обожжен или высушен на солнце для защиты их от влияния грунтовой сырости.

На фундамент ставились щиты и в образовавшийся таким образом промежуток насыпали глинистую массу на 10 см и уколачивали трамбовками. По уплотнению и отвердению готовой части стены снимают щиты и подвигают их на другое место, для продолжения работы, а внутренний каркас из бревен оставался стоять. Судя по значительной мощности углистого слоя в основании слоя разрушения и запустения, деревянные конструкции с внутренней стороны были связаны между собой и, очевидно, служили в качестве оснований для боевых площадок для стражи и защитников [7, с. 179–192].

Конструкции подобных стен из глиняного ленточного бетона хорошо известны в Китае по крайней мере с эпохи Цинь, когда такие конструкции использовались для строительства древнейшей Великой китайской стены [8, с. 31–32].

Для определения культурной принадлежности и мощности культурного слоя в разных частях цитадели было заложено несколько шурфов, которые показали наличие небольшого культурного слоя практически на всей площадке городища мощностью от 0,2 до 0,4 м. В центральной части были обнаружены завалы черепицы, концевые типы которых имели стилизованные изображения львов, а также глиняную штукатурку с выпуклым орнаментом (рис. 7, 8).

Рис. 7. Фрагмент дна кругового гончарного сосуда

Рис. 8. Концевая черепица со стилизованным изображением льва

Наибольший интерес представляет раскоп 5 (М-1.5) в юго-восточной части цитадели. Он заложен у подножия одной из закругленной возвышенностей. Шурф размером 1х4 м был ориентирован с севера на юг. Стратиграфия данного раскопа представляет собой довольно сложную структуру. Верхний слой (до 10 см) представляет собой темно-серую супесь с включением щебня с редкими находками костей животных. В этот слой уходит дневной уровень двух столбовых конструкций, что заставляет отнести его к периоду существования монастыря и слою запустения. Ниже расположена прослойка серой рыхлой супеси с включением камней и гальки с прослойками (до 30–40 см). Слой практически стерилен. Его подстилает слой желтой супеси с находками фрагментов керамики и костей животных. Этот слой в некоторых местах прорезается ямами. Округлая яма (диаметром 0,8 м и глубиной до 0,3 м), выявленная в северной части раскопа, была заполнена серой плотной супесью с фрагментами углей, пепла и прокала. Эта яма перекрывает рядом расположенную подпрямоугольную яму (1,2 х 1 м) глубиной до 0,3 м. Дневной уровень этой ямы совпадает с ямой, выявленной в южной части раскопа (50х80 см, глубиной 30 см). Здесь были обнаружены кости домашних животных, то есть лопатка парнокопытного, ребра, берцовая кость и т.д. Ямы имели заполнение в виде коричневой плотной супеси с включением камней, угля, костей, фрагментов черепицы и фрагментов керамики.

Керамика представлена сосудами разных форм и различного обжига. Выделяется лощеный сосуд из бурой глины вазовидной формы с венчиком, обрамленным пояском в виде двух параллельных линий из рядов треугольников и зубчиков, а по тулову с пояском с выступающей плетенкой или защипами. Здесь же обнаружены фрагменты глиняных сосудов с крупным шамотом в тесте сравнительно плохого обжига из бурой глины с каплевидным орнаментом. На поверхности слоя цитадели также были обнаружены многочисленные фрагменты глиняной штукатурки с резным или штампованным орнаментом, а также обломок концевой диска черепицы из бурой глины с крупным шамотом со стилизованным изображением льва.

Судя по этому раскопу, выявленные на поверхности городища возвышенности являются остатками каких-то строений, очевидно, уйгурского периода.

Южная цитадель (объект 2) (рис. 1, 3) расположена в 400 м к югу от северной цитадели. Судя по визуальному обследованию, эта цитадель также имела такую же систему укреплений, что и первая цитадель в виде стены, сложенной из ленточного «цемента». В настоящее время стены развалились и валы сильно оплыли.

На площадке городища было заложено два раскопа. В результате выявлено наличие мощного культурного слоя от 0,8 до 1,5 м, насыщенного камнями, обломками костей животных, обломков черепицы, а также фрагментов керамики. Наибольший интерес представляет раскоп 1 (М-2.1) в юго-восточной части цитадели размером 2х1 м, вытянутый с востока на запад. После снятия верхнего слоя периода запустения и развала стены были обнаружены остатки сгоревших деревянных изделий, кости животных и далее на глубине 20 см начался слой темной гуммированной глины. На глубине 30 см обнаружена каменная кладка. Слой темного суглинка имеет мощность до 1,5 м. В нем были обнаружены фрагменты кровельной черепицы, кости животных и фрагменты глиняных сосудов для хозяйственных нужд, что несомненно вызывает большой интерес. Среди находок выделяются фрагменты кухонной и столовой посуды. Вся посуда гончарная, изготовленная из хорошо отмученной серой глины, равномерного обжига. Часть посуды имеет гладкие лощеные стенки с прямым венчиком, скошенным внутрь и выступающим наружу (рис. 17). Орнаментированная посуда более тонкостенная, имеет вазообразную форму и покрыта штампованным ромбическим орнаментом. Подобная керамика известна на других памятниках уйгурского времени, в частности, в слое столицы Уйгурского каганата Ордубалыка [1, с. 85–94].

На площадке этой цитадели обнаружены фрагменты железной крицы и шлаки. Все это может свидетельствовать о более интенсивной хозяйственной и производственной жизни на площадке этого объекта в уйгурский период.

Западная цитадель (объект 3) (рис. 2, 3) расположена в 750–800 м от северной и южной, фактически на другой стороне системы ручьев. Укрепления этой части средневекового города подверглись наиболее значительному разрушению и в некоторых местах с севера и востока практически nivelированы. Но в других местах они заметны и выявляются, что позволяет определить их размеры.

Внутри этой части городища выявлен ряд видимых объектов. Для выяснения их археологического контекста на одном подобном объекте в северо-западном углу цитадели был заложен раскоп (М-3.2) размерами 7х1, ориентированный с севера на юг. В профиле видно, что верхнюю часть его составляет слой серого суглинка мощностью до 0,2 м. Под ним располагается слой коричневого суглинка с вкраплениями угля мощностью 0,1 м, который перекрывает слой темно-коричневого суглинка мощностью до 0,6 м, который подстилается материковым светлым материковым суглинком. В профиле раскопа видно, что на южной стенке раскопа выявляется угол ямы (0,9 м) и глубиной до 0,5 м, насыщенный углями и фрагментами глиняных сосудов. Есть основания полагать, что эта и подобные западины, видимые на современной поверхности земли, являются остатками средневековых полуземлянок или жилищ с углубленной в землю подклетью.

Вся посуда, обнаруженная в слое, гончарная круговая с серым плотным черепком хорошего обжига (рис. 9, 10). Часть фрагментов покрыта ромбическим орнаментом, нанесенным цилиндрическим штампом. Здесь же обнаружены многочисленные остатки костей крупного и мелкого рогатого скота, часть которых носит следы обработки. Недалеко от раскопа М-3.2 на поверхности земли обнаружен обломок гранитного жернова (рис. 11).

Рис. 9. Детали штукатурки с орнаментом из центральной части северной цитадели

Рис. 10. Фрагменты гончарной круговой керамики с орнаментом уйгурского времени

Рис. 11. Фрагмент орнаментированной стенки гончарного сосуда, переделанного в напрясло

Обследование окрестностей и пространства между этими цитаделями позволило сделать вывод, что в средневековый период вокруг этих центров, имевших стены, располагались поля с чеками и ир-

ригационные системы, которые сохраняли паводковые и стоковые воды, чтобы в нужное время направлять их на орошение полей.

Таким образом, можно констатировать, что средневековый город состоял из трех цитаделей, которые имеют разный культурный слой (от 42–40 см до 1,5 м) и, видимо, различную социально-административные и хозяйственные функции. Все объекты, судя по находкам круговой гончарной керамической посуды с характерным штампованным орнаментом, относятся к уйгурскому времени [см.: 1, с. 85–94, рис. 2–6; 2, с. 34, 112 табл. 5, 20; 9, с. 109–110]. Все они, за исключением северной цитадели, были однослойными. На всех раскопах выявлены следы катастрофической и одномоментной гибели (углистые прослойки, провал, слой разрушения и запустения). Вокруг этих центров, имевших стены, располагались поля и ирригационные системы. Вместе с обнаруженными каменными жерновами это свидетельствует об преимущественном занятии населения орошаемым земледелием.

Список использованных источников и литературы

1. Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 85–94.
2. Очир А., Одбаатар Ц., Эрдэнэболд Л., Анхбаяр Б. Монгол улсын нутаг дахь Уйгурчуудын археологийн дурсгал. — УБ., 2019. — 307 с.
3. Ситдииков А. Г., Измайлов И. Л., Ганбат Н. Археологическое изучение уйгурского городища Бийбулаг в Монголии в 2018–2019 гг.: предварительное сообщение // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. Материалы IV Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященной 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. — С. 63–64.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 111 с.
5. Тугушева А. Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. — М.: ИНСАН, 2008. — 192 с.
6. Худяков Ю. С. Древние тюрки и енисейские кыргызы в войнах в Центральной Азии. — СПб.: Евразия, 2019. — 320 с.
7. Ганбат Н., Ситдииков А. Г., Измайлов И. Л., Улзийбаяр С., Батсүрен Б., Беляев А. В., Очир Б. Археологические исследования фортификации северной цитадели городища Бийбулаг (средневековый город Байбалык): предварительные итоги // Археология евразийских степей. — 2020. — № 6. — С. 179–192.
8. Чэнь Чэнцзюнь, Ван Юнхун. Памятники культуры династий Цинь и Хань / пер. с кит. Чжун Лицин. — Пекин: Шанс; М.: Восток-Бук, 2014. — 336 с.
9. Эрдэнэбат У., Содномжамц Д. Уйгурын шавар савны төрөл, хээ чимэглэлийн судалгааны зарим асуудалд // Нүүдэлчдийн өв судлал. Том. XVII–II, fasc. 10. — УБ., 2017. — С. 106–121.

Сведения об авторах: Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, e-mail: iismail@inbox.ru

Ганбат Нямдагийн, Ph. D, доцент, старший научный сотрудник Института истории и этнологии Монгольской академии наук, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: ganbatn@mas.ac.mn.

Ситдииков Айрат Габитович, доктор исторических наук, доцент, директор Института археологии им. А. Х. Халикова, г. Казань, Россия, e-mail: sitdikov_a@mail.ru

Улзийбаяр Содномбаярын, Ph. D, старший научный сотрудник Института истории и этнологии Монгольской академии наук, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: history@mas.ac.mn

СЕКЦИЯ 2. СЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 93/94

Г. Бабаяров

Центр археологии Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

НОВЫЕ НАХОДКИ ПО ИСТОРИИ ИСФИДЖАБА-САЙРАМА В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Аннотация. В статье речь идет о новых источниках по истории Испиджаба/Сайрама — «Насабнама», письменных документах (родословных) XVIII–XIX вв., написанных в форме родословных на тюркском и персидском языках. В этих документах упоминается звание Нахидбар, различные написания которого в арабской графике, по мнению автора, передают согдийское звание или титул *spδny* (*spadnē*) — «военачальник», «предводитель войска», которое зафиксировано в согдийских надписях на монетах доисламских правителей Испиджаба.

Ключевые слова: Средняя Азия, Тюркский каганат, Испиджаб, Сайрам, согдийцы, тюрки, родословные.

G. Babayarov

Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan)

NEW DATA ON THE HISTORY OF ISFIJAB-SAIRAM IN THE EARLY MIDDLE AGES

Abstract. The article deals with the new sources on the history of Ispijab / Sayram — «Nasab-name», written documents (genealogies) of the 18th — 19th centuries, written in the form of genealogies in the Turkic and Persian languages. These documents mention the title Nahibdar, various spellings of which in Arabic script, according to the author, convey the Sogdian epytet or title *spδny* (*spadnē*) — «commander», «leader of the army», which is recorded in the Sogdian inscriptions on the coins of pre-Islamic rulers of Ispijab.

Keywords: Central Asia, Turkic Qaghanate, Ispijab / Sairam, the Sogdians, the Turks, genealogies.

Как известно в первую очередь из китайских хроник, а также письменных источников на согдийском, бактрийском, среднеиранском (пехлеви), греческом, арабском и других языках, в доисламскую эпоху, то есть в VI–VIII веках в Средней Азии, точнее, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, а также прилегающих к нему территориях, имелись такие историко-культурные области, как Чач (Ташкент), Отрар (среднее течение реки Сырдарья), Исфиджаб (Сайрам), Фергана, Уструшана (Джизакская и Сырдарьинская области Узбекистана, северо-западные регионы Таджикистана), Согд (бассейны рек Зарафшан и Кашкадарья / Центральный Узбекистан), Бухара, Тохаристан (Юж.

Узбекистан — Юж. Таджикистан — Сев. Афганистан), Мерв (Юж. Туркменистан), Хорезм и др., которые представляли собой отдельные политико-административные единицы — оазисные государства, или владения, которые имели полунезависимый статус. В каждом из этих оазисных владений имелись присущие ему символы власти, такие как своя правящая династия, наследственная власть, управленческий центр (столица), законы, собственная военная организация, определенная территория и границы, а также монетный чекан. Кроме того, некоторые из упомянутых выше владений представляли собой конфедерацию из более мелких владений.

В частности, это политическое устройство было характерно для Тохаристана и Согда. В каждом из них имелись малые владения размером с современную область и район, большинство из которых имели политические и правовые привилегии, схожие с упомянутыми выше (т. е. свой правитель, правящая династия, наследственная власть, армия, определенная территория, границы, монетный чекан и т. п.). Например, Тохаристан, согласно китайскому паломнику Сюань-Цзану (629–645), который в 630-х годах во время своего путешествия посетил эту область, состоял из 27 малых владений (Термез, Чаганиан, Хутталь, Кумед, Кобадан, Шугнан, Вахан, Балх, Гузган и др.), подчинявшиеся Тохаристанскому ябгу, а через их посредство Западно-Тюркскому каганату [Harmatta, Litvinskiy 1996: 367–371]. Так, во второй четверти VII в. во главе центрального управления Тохаристана стояла связанная происхождением с Тюркским каганатом (552–744) династия Ябгу (620–750), являвшаяся одним из ответвлений династии Ашина, а правившие в малых владениях отдельные местные династии, признавая ее верховенство, в то же время являясь независимыми от других, продолжали сохранять свое управление.

Таким образом, все упомянутые выше оазисные владения, расположенные в междуречье Амударьи — Сырдарьи и соседних с ним территориях, в политическом отношении являлись зависимыми от Западно-Тюркского каганата владениями, и это положение нашло свое отражение в их монетном чекане. В частности, известно, что в большинстве из них местные династии, наряду с чеканом своих традиционных монет, также чеканили монеты на имя каганов.

Рис. 1. Собственные монеты Западно-Тюркского каганата с титулами «джабгу», «джабгу-каган» и «каган»
(Чач / Ташкент)

Вместе с тем в большинстве упомянутых выше владений правили династии, непосредственно связанные своим происхождением с правящим домом Западно-Тюркского каганата — династией Ашина (Чач, Фергана, Тохаристан) [Skaif 2002: 364–366; Stark 2008: 211, 221–225; Бабаяров 2012: 42], а также происхождение которых было косвенно связано с каганатом (Отрар, Исфиджаб, Самарканд, Панч, Нахшеб, Бухара, Чаганиан, Термез и др.), что нашло свое отражение в их монетном чекане, проявившееся в использовании присущих каганату титулов, иконографии, сюжетов, тамг, символов и др. [см. рис. 1–2; Массон 1951: 97–104; Лившиц 1979: 56–69; Ртвеладзе 2002; Баратова 2005: 418].

Рис. 2. Некоторые типы доисламских монет Средней Азии

К середине первого тысячелетия нашей эры почти во всех упомянутых владениях был налажен выпуск своих монет, что преследовало не только удовлетворение экономических потребностей, но, как и во все времена, чекан монет в определенной степени являлся выражением суверенитета государства. Именно по этой причине на монетах, чеканенных в различных владениях региона, заняли место присущие каждому из них символы власти / государства — тамги.

Испиджаб — Сайрам в письменных источниках³

Впервые упоминаемый в письменных источниках VI–VIII веков Испиджаб — Сайрам в IX–XII веках был известен как один из крупных экономических центров Средней Азии. О том, что Испиджаб был краем со своим центром управления, свидетельствуют воспоминания китайского монаха Сюан Цзана (629–645), который пересек г. Суяб — первый управленческий центр Западно-Тюркского каганата (568–740) и через Мерке посетил западные земли, которые объездили арабско-персидские путешественники. Сюан Цзан, называвший его *Бай-шуи* («Белая-вода») писал: «*Пройдя от Да-ло-ссу (Тараз) на юго-запад приблизительно двести ли (100 км), придешь в город Бай-шуи. Широта города шесть семь ли (3 км). Здесь урожаи и климат как в Да-ло-ссу (Тараз)*» [Ekrem 2003: 118], арабско-персидский путешественник Истахри (850–934) в своем произведении «Китаб ал-мамалик ва-л-мамалик» («Книга дорог и земель») отмечал: «*Испиджаб — город, равный одной трети Тункета. В его рабате есть сады и вода. Строения из пахсы, рынки уложены камнем. Там выращивают зерно и другие полезные растения. В Маверрауннахре кроме Испиджаба нет города, где не платят харадж (поземельную подать). В окрестностях много городов и кишлаков*». Из этих воспоминаний можно сделать вывод: как отмечали китайцы, а затем путешественники-мусульмане, хотя Испиджаб и не был крупным, подобно Чачу и Согду, городом в междуречье Амударья-Сырдарья и прилегающих к нему территориях, но имел свой управленческий центр — столицу, а также правил несколькими прилегаемыми городами и кишлаками.

Более точные сведения об этом представлены в книге «Китаб сурат ал-ард» (Книга о строении Земли) посетившего Среднюю Азию в X веке арабско-персидского путешественника Хавкала: «*Испиджаб — город, равный одной трети Бинката. Это город смадиной (внутренний город), рабатов и кухандизом (цитадель). Цитадель заброшена, в самом городе и рабате жизнь очень активна. Внутренний город окружен стеной, вокруг рабата тоже возведена стена протяженностью в один фарсанг (7–8 км). В рабате есть проточные воды и сады. Здания построены из пахсы. Город расположен на равнинной местности, между ним и ближайшими горами расстояние составляет приблизительно три фарсанга. В мадине четверо ворот, их названия: Баб Нуккет (Чимкент), Баб Фархад, Баб Саракараса и Баб Бухара. Рынки есть и в мадине, и в рабате. Во внутреннем городе расположены дворец правительства, тюрьма и большая мечеть. Испиджаб богатый город с большими урожаями. Во всем Хорасане и Маверрауннахре кроме испиджаба нет города, в котором не берут налоги*» [Ибн Хавкал 2011: 265–266].

В персоязычном произведении неизвестного автора «Худуд ул-алам» даны следующие сведения: «*Испиджаб — большой город, расположенный на границе Туркестана, вокруг него занимаются откормом большого числа скота. Сюда ввозят все виды продукции из государства Туркестан. Поэтому сюда съезжаются торговцы со всего мира*» [Hudud al-«Alam 1970: 118; Худуд ул-олам 2008: 18].

В арабско-персидских источниках этот город, называемый Исбиджаб (اسبيجاپ), Испиджаб (اسفيجاپ) и иными схожими терминами, представлен как город-государство, в котором в средние века в соседстве и в смешении проживали согдийцы и тюрки, а в IX–X веках эта земля упоминается как граница между принявшими ислам огузами и карлукскими тюрками. На востоке Испиджаба поселились карлуки, на западе — огузы, они стали отдельными политическими классами и каждый из них имел управление, называемое «ябгу». Далее Испиджаб некоторое время находился под властью Саманидов, в последние годы X столетия был присоединен к каганату Караханидов. Ездившие в тот период по Средней Азии арабско-персидские путешественники и послы отмечали, что это был большой город-столица с благоустроенной мадиной, рабатов, торговыми рядами, рынками-карбос, большой мечетью, у городских ворот были рабаты, которые назывались «рабад Нахшабцев», «рабад Бухарцев», «рабад Самаркандцев» и «рабат Каратакин (Кара-тегин) а». Согласно сведениям Мукаддаси Кара-

³ Данные материалы уже появлялись в наших недавних статьях, и данная статья представляет собой несколько расширенную их версию (см. Бабаяров 2022: 55–63).

тегин был одним из правителей Испиджаба: «Здесь находится могила Каратегина. 7 тысяч дирхамов, которые он ежемесячно получал со своего рынка, передавал в вакуф, за счет которых давали хлеб и пищу нуждавшимся» [al-Muqaddasi 1970: 272–273]. Термин «Кара-тегин» означал одну из высоких должностей в правлении Тюркского каганата (552–744), первая часть термина «кара» на тюркском языке означала «большой, великий», следующая часть — «тегин» означала «принц», применялась в отношении сыновей и племянников кагана, а вместе эти термины означали «великий принц», «правитель подчиненного края».

Интересный факт: одна из должностей правителей Чача и Ферганы, расположенных вблизи Испиджаба, до принятия ислама тоже называлась «тегин», тегины Чача от своего имени чеканили монеты (605–750) с надписью *c'synk xwβw tk'yn* «тегин правитель Чача». В китайских летописях с такими званиями отмечены двое правителей Чача, бывшие у власти в 605, 750-х годах, Абу Абдуллах Мухаммад ал-Хорезми (X век) указывал, «ихшид» — главная должность в правлении Ферганы, а *Свар-Тегин* (Чор-Тегин) (в долине) — нижестоящая должность [Bosworth, Clauson 1965: 6–7; Баходиров, 2009: 108–117]. Следовательно, в период вхождения ислама «тегин» означал титул в правлении Чача и Ферганы. Это было связано с тем, что управленцы двух правительств в период каганата имели отношение к династии Ашина. И уместно отметить, основу указанной Мукаддаси должности Каратакин (Кара-тегин) в управлении Испиджаба следует связывать с доисламским периодом.

В основном это все данные о прошлом Испиджаба, указанные в китайских летописях и арабско-персидских письменных источниках. На основе этих данных довольно сложно делать определенные выводы о системе управления в Испиджабе в доисламский период, званиях и должностях управленцев, символах власти.

Выше было отмечено, что оседлым населением Испиджаба большей частью были согдийцы и тюрки. Достоверные данные об этом содержатся в произведении Махмуда Кашгари «Дивану лугати-т-турк» (Свод тюркских слов) (XI век). Великий языковед в одной части произведения пишет: «Среди них (тюрков) самый простой и красноречивый язык — это язык жителей каганата (Караханидов). Баласагунцы (Токмак) и население Мадина-тул-байза (Испиджаб) говорят по согдийски и тюркски. В языке жителей городов Арзу (туркмен) от Испиджаба до Баласагуна есть недостатки», а в другой части указывает: «Сайрам — название города, которые также называют Белый город (Мадина-тул-байза), Испиджаб. Также его произносят и как Сарйам» [Кошғарий I: 66; III: 191]. Кашгари разъясняет понятие «сайрам сув» как «немного воды, стекающей от лодыжки». Кашгари также следующим образом характеризовал согдийцев, проживавших в Семиречье: «согдак — название рода, расположившегося в Баласагуне, это люди из Согда, который находится между Бухарой и Самаркандом и впоследствии тюркизировавшиеся» [Кошғарий I: 437].

Здесь уместно отметить, слова «Белая-вода», «Белый-город» были основой названий этого рода, который в различных письменных источниках VII–XI веков указывался как Бай-шуи, Испиджаб, Исфиджаб, Сайрам/Сарйам, Мадина-тул-байза, и это можно разъяснить связью с традициями тех эпох. В древние времена и раннем Средневековье одной из распространенных традиций в Средней Азии было давать название определенному месту, или горам, рекам с учетом разнообразия проживавших в этих местностях этносов. Также в те времена наблюдалась особенность — термин одного языка в зависимости от содержания калькировался в другой язык. Это довольно широко было распространено на землях, где проживали тюрки и согдийцы, что особенно заметно в названиях располагавшихся в среднем течении Сырдарьи Чача, Отрара и прилегавших к ним территориях. Горы на севере Отрара по-согдийски называли *Шавгар* («Черная гора»), а на тюркском — *Карачук*, место с обилием источников в долине Талас на тюркском звучало как *Бинг-йул* («Тысяча-ключей»), а на согдийском — *Азар-хах* («Тысяча-ключей») [Дурье 2005: 82].

Интересно и то, что этот термин в китайских летописях приводился в форме, близкой к тюркскому названию *Бин-йу*, и вместе с тем в переводе на китайский язык в форме *Цянь-цюань* («Тысяча-ключей»). Таким же образом название города *Сайрам* на тюркском языке применялось как *Сайрам/Сарйам* («Сийрек сув (мелководье) или белая вода»), на согдийском *спут* «белый», путем соединения притяжательного аффикса –с (ч) и слов *рh* «вода» образован термин *Испиджаб* («Белая-вода») [Дурье 2004: 55, 147, 240–241]. Это связано, во-первых, с тем, что в те времена в Испиджабе и на прилегающих к нему землях в смешении и соседстве жили тюрки и согдийцы, а во-вторых — с распростра-

нением там двух языков. Прибывшие в Среднюю Азию арабы, узнав, что название города Испиджаб/Сайрам означает «Белая-вода», стали называть город в арабской интерпретации «Мадинатул-байза» («Белый город»), который об этом отмечал тоже Махмуд Кашгари [Кошғарий I: 66; III: 191].

В 813 году глава аббасидских халифов ал-Фадл ибн Сахд Зу-р-Рийасатайн совершил поход в Отрар, убил управляющего крепостью Испиджаб, пленил сыновей и жен правителя карлуков и ушел к тюркам кимек на север, к берегам озера Балхаш [Михайлова 1951: 17; Ибн Ҳавқал 2011: 266]. Из этого следует, что карлуки правили в Испиджабе и прилегающих к нему территориях до установления арабского правления. В 826 году Испиджаб был в подчинении у Абдуллаха ибн Тахира. В 840 году Испиджаб захватил эмир саманидов Нух ибн Асад, и до конца последних годов X века городом правила династия Муттидов из рода карлукских тюрков [Кочнев 1993: 17–20; Байпаков 1986: 23; Байтанаев 2003: 37].

Связанные с Испиджабом сведения в источниках на китайском, арабско-персидском и тюркском языках — это освещение лишь определенного исторического периода и немногие данные о правлении и бывших у власти родах и династиях. В частности, указаны некоторые правители из династии Кара-тегинов, бывшие у власти в IX–XI веках, династия Мутиев (тюркского происхождения), бывшие некоторое время у руля правления карлуки-тюрки и их лидеры — ябгу. Но нет достоверных данных о династиях, бывших у власти в древности и в раннее Средневековье, особенно до вторжения религии ислам, формирования власти, названиях должностей, денежной системе, и других вопросах.

Недавно выявленные новые источники («Насабнама») о прошлом Испиджаба — Сайрама позволили пролить свет на вопросы, связанные с этой исторической землей. «Насабнама» — это письменные документы XVIII–XIX веков в форме родословных, написанные на тюркском и персидском языках. Десятки таких документов ныне хранятся у отдельных жителей кишлака Ункурган Ташкентской области и областей Кызыл-орда и Туркестан Южного Казахстана, которые считают себя потомками династий «Аккургани хужалар» (ходжи Аккургана) и «Туркистани хужалар» (ходжи Туркестана) [DeWeesse 1990: 1–197; Муминов 2004: 117–153 ва б.].

В некоторых документах указаны названия мест, имена людей и определенные события, связанные с периодом правления Караханидов и последующими периодами, в других представлены интересные сведения о захвате арабами областей на берегах Сырдарьи — Ферганы, Чача, Испиджаба, Отрара (Ясси/Туркистан), Жанда (Кызыл-Орда). В начальной части этих документов освещены сведения об управленцах Испиджаба до распространения ислама.

Изучавшие эти документы американский востоковед Девин Де Уисс и ученые из Казахстана А. Муминов, З. Жандарбек утверждают, что сохранившаяся у населения среднего течения Сырдарьи часть документов имеет отношение к периоду Караханидов (940–1212), а после упорядочения в период Кокандского ханства были переданы гражданам ханства — казахским и узбекским ходжам. Эти документы написаны на тюркском (чигатайском) или персидском языках, что было широко распространено в кокандском ханстве. На это указывают и печати кокандских ханов и крупных должностных лиц в большинстве документов.

В документах представлены сведения о лицах, пропагандировавших ислам и способствовавших арабским войскам в насаждении религии ислам населению «Туркестанской области», в частности, городов Жанд, Ясси, Отрар, Ташкент, Хужанд, Баб (Пап), Касан, Ахси у берегов Сырдарьи, а также населению в бассейнах рек Талас и Чу (Семиречье), городов Испиджаб (Сайрам), Чимкент. Также пишется о том, что иноверцы повергли азиатских религиозных деятелей, обратили местное население в свою веру, многие представители местного населения погибли на этом пути, и их могилы стали местом поклонения.

В период наступления арабов — в первой половине VIII века — в Сайраме был свой правитель по имени Куркуз, его звание было Нахидбар. Но такой термин не встречается в письменных источниках [Қазыналы Оңтүстік 2013: 146, 156, 215, 280]. Мы считаем, этот термин изменился при создании копии рукописи или в связи с неправильным написанием. Потому что в некоторых документах встречаются подобные ему термины, типа Байтдар, Банидар, Туббатдар, Найибдар, Набтдар, а также формы термина Куркуз — Куркук, Куркур. Вероятно, «Куркуз» неким образом имеет отношение к имени христианского святого Георгиус (Георгий), но в отношении термина Нахидбар (Байтдар, Банидар, Туббатдар, Найибдар, Набтдар) сложно делать какие-либо выводы. Тем не менее мы думаем,

этот термин, по-разному написанный арабской графикой, означает согдийское звание *spδny* (*spadnē*) — «военачальник», которое отчеканено на недавно выявленных монетах доисламского Испиджаба.

В целом, следует глубже изучить историю Испиджаба-Сайрама, так как относительно историко-географического изучения других областей Средней Азии эта местность изучена недостаточно.

1. Монеты Испиджаб — Сайрама

В Средней Азии монетно-денежная система, получившая начало в последнее столетие первого тысячелетия до н. э., достигла наивысшего развития в раннее средневековье, то есть в VI–VIII веках. Это было связано с социально-политическим и культурно-экономическим развитием, имевшим место в результате объединения под единым знаменем Эфталитов (420–565) и Тюркского каганата (552–744) не только с землями Средней Азии, но и соседствующих Алтая, Восточного Туркестана, Северной Индии, Хорасана.

Большие преобразования в жизни региона произошли с приходом к власти династий, имевших отношение к центрам управления — в Суябе (Семиречье), в Таразе (Джамбул) и Джабгукете (Чач / Ташкент) Западно-Тюркского каганата (568–740), который вышеуказанных исторических земель в те времена находился под контроле этого каганата.

Южная ветвь Великого шелкового пути в направлении Передняя Азия — Иран — верховья Аму-дарьи — Бадахшан — Северная Индия — Хутан (Восточный Туркестан) — Тибет — Китай теперь уступила место «Северной сети» Шелковый Путь.

«Северная сеть»: Северный Кавказ — Волга (Идил) — реки Урал (Яык) — Нижнее и среднее течение Сырдарьи — Чач — Исфиджаб — Тараз — Суяб — Иссык-Куль — Кашгар и Турфан (Восточный Туркестан) — Алтай — Дуньхуан — Северный Китай — Монголия — Дальнего Востока, огромная часть этого пути, соединявшая страны земли от Черного моря до Алтая, находящиеся под контролем Западно-Тюркского каганата, обеспечивала мир различных народов, торгующих в этой сети.

Это привело к развитию монетно-денежной системы в правлениях, имевших свои города в этом русле, особенно в Отраре, Чаче, Испиджабе, Таразе и сопредельных с ними десятках городах. Среди этих городов собственную монетно-денежную систему имел Чач, в других городах такая система начала формироваться со времени Западного каганата. Следует отметить, к ряду этих краев можно отнести и Ферганскую долину. Об этом свидетельствует тот факт, что в отличие от монет Согда, Тохаристана, Хорезма и Чача, монеты Ферганы, Испиджаба, Отрара и Тараза относятся к VII–VIII столетиям. До этого периода в этих краях купля-продажа велась на основе бартера вещей или при использовании монет других земель и только в период каганата они тоже перешли на монетно-денежную систему региона.

При исследовании монет Средней Азии, которое проводится уже на протяжении почти столетия, нумизматы в некоторой степени изучили монеты Чача, Согда, Хорезма, а также Ферганы, Отрара, Тараза, но при этом все же неясным остается вопрос о том, какие монеты чеканили в Испиджабе.

В последующие десятилетия сотни монет были найдены по итогам археологических раскопок, проведенных в остатках нескольких старых городов южной части Казахстана, таких как Отрар, Сайрам, Караспан, Жанакорган, Жуван-тобе, Хурлуг, Джилан-бузган, Аман-гелди. Эти монеты наверняка станут решением некоторых споров, которые продолжаются и сегодня по поводу доисламских монет Средней Азии, особенно древнетюркских монет VI–VIII веков. Часть монет Южного Казахстана изучали известные казахстанские и российские археологи, историки и нумизматы К. Байпаков, Р. Бурнашева, Б. Байтанаев, П. Петров, С. Яценко Е. Смагулов и др. [Байпаков 1986; Бурнашева 1989; Байтанаев, Петров, Брагин 2020]. Интересно, что эти находки принадлежат оседлым владениям Южного Казахстана, таким как Отрар, Нучекет (Чимкент), Исфиджаб-Сайрам, а группа находок принадлежит некоторым крупным владениям, таким как Чач, Согд, Бухара и Тохаристан. Также среди этих монет найдены монеты, принадлежащие Западно-Тюркскому (568–740 гг.) и Тургешскому каганату (699–766 гг.), которые проливают свет на многие сложности, связанные с прошлым этих каганатов. Практически все монеты были найдены в ходе археологических раскопок в доисламских культурных слоях, что затрудняет разгадку сложностей даты чеканки монеты и того, какому правлению она принадлежит.

В последние годы некоторые узбекские и казахские археологи и нумизматы обращались к нам с вопросами о том, где, когда чеканились и к кому относятся монеты, снимки которых приводятся ниже. Следует сказать, часть этих монет впервые была представлена на сайте нумизматов: www.zeno.org.

ру [см. www.zeno.ru — Pre-Islamic Central Asia, Sayram — 283043; 2830540]. По словам владельцев этих монет, монеты такого вида были обнаружены в развалинах старинных городов у городов Чимкент и Сайрам Южного Казахстана.

Следует отметить и тот факт, что монеты такого вида не представлены в книгах и статьях о монетах Средней Азии доисламского периода специалистов-нумизматов О. И. Смирновой, Э. В. Ртвеладзе, Э. В. Зеймалья, Р. З. Бурнашевой, В. Н. Настич, А. С. Баратовой, А. М. Камышева, Ф. Тьерри, Ё. Ютака, Г. Бабаярова, А. Кубатина, В. Д. Шагалова, А. В. Кузнецова, П. Б. Лурье и других специалистов [см. Смирнова 1981; Ртвеладзе 2002; Зеймаль 1999: 192–206; Бурнашева 1989; Настич 1989; Баратова 1995; Baratova 1999: 219–292; Камышев 2002; Thierry 2002: 751–762; Babayar 2007; Бабаяров 2007; Бабаяров, Кубатин 2016: 85–100; Шагалов, Кузнецов 2006; Yoshida 2018; Lurje 2010 и др.].

Мы, учитывая три следующие особенности этих монет, считаем, что они связаны с Испиджабом (Сайрам) или Чимкентом (старый Нучекет):

1. Большая часть таких монет обнаружена в развалинах древнего города в Чимкентской (нынешний Туркистан) области Казахстана.

2. Знаки-оттиски на этих монетах (Т) подобны одной из тамг на монетах доисламского Семиречья (Юго-Восточный Казахстан — Центральный Кыргызстан). На одной из монет (Т) Семиречья с такими тамгами часть согдийской надписи прочитана автором как *sp'dnu* «предводитель войска» [см. Рис. III. 4–5; Бабаяров, Кубатин 2016: 94–95], и такое прочтение поддержал ученый-согдолог Н. Симс-Уильямс. Также следует отметить, на другой стороне таких монет нанесена согдийская надпись *xwβw 'yr-sw* «правитель Эль-чор» (*el-čor: čor* — должность или звание у древнетюрков, *el / il* — «страна, государство»).

3. На монете согдийское слово *sp'dnu* имеет один корень с древнеиранским титулом «сипах», «сипахбад» («предводитель войска») (см. рис. 3. 1–3). Это слово встречается и на керамических изделиях с согдийскими надписями, обнаруженных на Куль-тобе — древнем месте проживания людей на берегу реки Арыс около Чимкента [Sims-Williams, Grenet 2006: 95–111; Байтанаев, Петров, Брагин 2020: 200]. Это усиливает предположение о том, что это слово означало одно из традиционных титулов, применявшихся в доисламском Испиджабе (Сайрам) или Нучекете (Чимкент).

Рис. 3. Монеты Испиджаба

Монеты такого вида чеканились правителями доисламского Испиджаба или, возможно, Нучекета (Чимкента). Как было отмечено выше, к настоящему времени установлено, что во многих подобных Испиджабу небольших территориях с собственной властью Чача, Отрара, Семиречья чеканили свои монеты с согдийскими надписями. Но до нынешнего времени науке не были известны монеты Нучекета и Испиджаба.

Согдийские надписи на монетах, вероятно, связаны с происходившими в те времена историческими событиями, на этой территории совместно проживали представители согдийцев и тюрков, а согдийский язык и культура были широко распространены в Средней Азии, в частности, на территории нынешнего Южного Казахстана. Доказательством смешанного проживания на этой территории согдийцев и тюрков служат интересные сведения, представленные в произведении Махмуда Кашгари «Дивану лугати-т-турк».

Выявленные в ближайшие годы письменные источники и монеты указывают, что имевшие согдийские и тюркские титулы правителей небольших владений в Средней Азии, как например, Испиджаб, чеканили собственные монеты с тамгой своей династии. Более подробное изучение истории этих монет станет одним из первых шагов в освещении неизвестных аспектов доисламского прошлого этой древней территории.

Список использованных источников и литературы

1. Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.). — Ташкент: Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои, 2007.
2. Бабаяров 2002 — Бабаяров Г. Новые находки по истории Испиджаба — Сайрама: «Насаб-наме» и нумизматические материалы // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Выпуск 8. История. Археология. Нумизматика. Ш. Камолиддин (ред). Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2022. — С. 55–63.
3. Бабаяров Г., Кубатин А. Новые чтения легенд на монетах доисламских правителей Семиречья // Согдийский сборник. Вып. 3. Под. ред. Ш. Камолиддин. Berlin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. — С. 85–100.
4. Баратова Л. С. Древнетюркские монеты Средней Азии XIX вв. (типология, иконография, историческая интерпретация).: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ташкент: ИВАНРУз 1995.
5. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI–XIII вв.). — Алма-Ата: Наука, 1986.
6. Байтанаев Б. А. Древний Испиджаб. Средневековые города Южного Казахстана на Великом Шелковом пути. — Шымкент-Алматы, 2003.
7. Байтанаев Б. А., Петров П. Н., Брагин А. О. Денежное обращение в Южном Казахстане в III–XV вв. Книга I. — Алматы, 2020.
8. Баратова 2005: Баратова Л. С. Византийско-согдийско-тюркский симбиоз на монетах Средней Азии // Second International Congress on Turkic Civilization, Bishkek, October 4–6, 2004. Bishkek 2005. С. 415–422.
9. Баходиров Р. История Востока в «Ключах наук» // Шарқшунослик. — Тошкент, 2009. — № 14. — С. 108–117.
10. Бурнашева Р. З. Отрар. Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматическая исследования по денежному делу южноказахстанских городов VII–XVII вв. — Алма-Ата, 1989.
11. Зеймаль Е. В. Монеты раннесредневековой Средней Азии // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. — М., 1999. — С. 192–206.
12. Ибн Ҳавқал. Мовароуннаҳр / Ибн Ҳавқал; араб тилидан тарж., изоҳлар муаллифи Ш. С. Камолиддин, масъул муҳаррир Ф. С. Хусанов. — Т.: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 2011.
13. Исламизация и сакральные родословные в Центральной Азии: Наследие Исхак Баба в нарративной и генеалогической традициях. Том 1. Издатели Девин ДиУисс, А. Муминов. — Алматы — Блумингтон: Дайк-Пресс, 2013.
14. Истахрий. «Китаб ал-масалик вал-мамалик». Йўллар ва ўлкалар китоби. Тадқиқот, араб тилидан таржима, изоҳ ва кўрсаткичлар муаллифи Р. Т. Худайбергенов. — Т.: Фан, 2019.
15. Камышев А. М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. — Бишкек, 2002.
16. Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 5 // ИМКУ, вып. 18. — Т., 1983. — С. 210–223.
17. Кошевар В. Г. Находки монет на территории Кыргызстана: от древности до средневековья // Вестник МИЦАИ. Вып. 12. — Самарканд, 2010.

18. Кошғарий Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девону-луғот ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 томлик. — Т.: Фан, 1960–1963.
19. Лившиц В. А. Правители Панча (Согдийцы и тюрки) // Народы Азии и Африки. № 4. — М., 1979. — С. 56–69.
20. Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды САГУ. — Вып. 23. — Ташкент, 1951. — С. 91–104.
21. Михайлова А. И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока. Т. 5. — Л., 1951. — С. 10–20.
22. Муминов А. К. Кокандская версия исламизации Туркестана // Подвижники ислама. Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. — М.: Изд. Восточная библиотека РАН, 2004. — 117–153.
23. Мусакаева А. А. О денежном обращении Бухарского Согда (III в до н. э. — VIII вв. н. э.) // ОНУ. — 1997. — № 9–11. — С. 21–31.
24. Настич В. Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978–1983 гг.) // Красная Речка и Бурана: материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. — Фрунзе, 1989.
25. Ртвеладзе Э. В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Т. 1. — Т.: Media Land, 2002. — 304 с.: 29 илл.
26. Ртвеладзе Э. В. История и нумизматика Чача (вторая половина III — середина VIII в. н. э.). — Т.: Media Land, 2006. — 132 с.: илл.
27. Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. — М.: Наука, 1970. — 287 с.
28. Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. — М., Наука, 1981. — 548 с.
29. Шагалов В. Д., Кузнецов А. В. Каталог монет Чача III–VIII вв. — Т.: Фан, 2006. — 327 с.
30. Қазыналы Оңтүстік. Түркістан кітапханасы. Том 56. 1-кітап: Насап-нама. Мәтінді аударып, транскрипциялаған, түпнұсқа мен асылмәтінді ұсынғандар: Э. Муминов, З. Жандарбек. — Алматы: Нұрлы Әлем, 2013.
31. Худуд ул-олам. (Мовароуннахр тавсифи). Форс тилидан таржима, сўзбоши, илмий изоҳлар ва жой номлари кўрсаткичи муаллифи О. Бўриев. — Тошкент, 2008.
32. al-Muqaddasi. Descriptio imperii moslemici. Edited by M. J. Goeje. — Leyden: Brill, 1877. Reprint Brill, 1967.
33. Babayar G. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu — The Catalogue of coins of Turkic Qaghanate. — Ankara: TİKA, 2007.
34. Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6. –10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. — Berlin, 1999. — Band 31. — P. 219–292.
35. Bosworth C. E., Gerard C. Al-Xwārazmī on the Peoples of Central Asia // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, No. 1/2, 1965. — P. 2–12.
36. DeWeesse D. Yasavian Legends on the Islamization of Turkestan // Aspects of Altaic Civilization III. Proceeding of the 30th meeting of the permanent International Altaic conference. Indiana University of the Blomington, Indiana June 19–23, 1987. — Blomington, 1990. — P. 1–197.
37. Harmatta, Litvinsky 1996: Harmatta J., Litvinsky B. A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // HCCA (History of Civilizations of Central Asia). Vol. 3. Paris 1996. P. 367–401.
38. Hudud al-«Alam, the Regions of the World. A Persian geography / Translated and explained by V. Minorsky. — London, 1970.
39. Thierry F. The Currency in the Turkish Khanates from the Turgish to the Great Uygur (9th Century) // TURKS. — Ankara, 2002. — Vol. 2. — P. 751–762.
40. Lurje P. Personal names in Sogdian texts in Iranisches Personennamenbuch 2. Mitteliranische Personennamen 8. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2010.
41. Skaff K. J. Western Turk Rule of Turkestan's Oases in the Sixth through Eighth Centuries // TURKS. Vol. 2. Ankara, 2002. P. 364–372.
42. Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden» 2008.
43. Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe // Shygys, No. 6. — Almaty, 2006. — P. 95–111.

44. Yoshida Y. Turkish rule of Sogdians as reflected on coins: Some new readings of the legends of coins belonging to the Shinji Hirano Collection // *Memoirs of the Faculty of Letters Kyoto University* 54, Mar, 2018. P. 155–182 (吉田 豊. 貨幣の銘文に反映されたチュルク族によるソグド支配 // *京都大學文學部研究紀要* 第57号, 2018, 155–182).

Сведения об авторе: Бобояров Гайбулла Боллиевич, доктор исторических наук, руководитель Центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: gaybullah@mail.ru

УДК 930.2

З. К. Картова, Н. А. Абуов

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева (Петропавловск, Казахстан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Статья публикуется в рамках грантового проекта Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Текстологическое изучение и источниковедческий анализ нарративных документов правителей Казахского ханства периода XV–XVIII веков» (ИРН AP19676930)

Аннотация. Нарративные письменные источники продолжают оставаться слабоизученной областью исторической науки. Данные письменные памятники фрагментарно освещаются по различным периодам истории Казахстана, и этого явно недостаточно для полного и системного изучения всех имеющихся в научном обороте источников. Большой круг вопросов в отечественном источниковедении связан с вопросами источниковедческого анализа огромного комплекса нарративных документов.

По истории средневекового периода имеются письменные памятники и сочинения, написанные на персидском и тюркском языках в Средней Азии и сопредельных странах. История средневековых государств, связанных географически с Дашт-и Кипчаком, Семиречьем, Мавераннахром, Восточным Туркестаном — это история важных социальных явлений, обусловленных внутренними и внешними факторами культурно-исторического и социально-экономического развития. В советской историографии достаточно распространенным являлось мнение об отсутствии в кочевой культуре письменных источников. Большинство исследователей разделяло формулу французских историков-позитивистов Ш. Лангла и Ш. Сеньобоса — «нет документов — нет истории».

Тюркологи и востоковеды республики связывают недостаточное изучение средневековых источников, прежде всего, с проблемами систематизации и классификации. В плане теоретического источниковедения наиболее распространена классификация тюркских и персидских источников по истории народов Казахстана и Центральной Азии по территориальному признаку. Источники разделены на тимуридские, шайбанидские, чагатайские, сефевидские и османские группы историографии. Как видим, при классификации огромного источниковедческого материала, в первую очередь, учитывается только географическая принадлежность или место написания источников. При этом, несомненно, следует учесть несовпадение границ средневековых государств с современными государственными территориями, что, в свою очередь, затрудняет их научное изучение. В силу устоявшейся в отечественной историографии тенденции не изучать истории отдельных средневековых государств и возникшей путаницы с названиями Ак Орда, Кок Орда, Улус Джучи в источниковедческой науке появилась настоятельная потребность пересмотреть отношение к письменной культуре средневековых послезолотоордынских государственных объединений. Причем становится очевидным,

что в первую очередь мы должны абстрагироваться от лингвистического подхода к изучению огромного комплекса источников с целью выявления принадлежности источников к истории отдельных государств. Для исторических построений очень важно найти преемственность и системность региональную, географическую, этногенетическую, хронологическую и т.д.

На современном этапе актуализируется изучение письменных источников, написанных самими правителями средневековых государств Средней Азии и Казахстана. Таким образом, цель исследования заключается в создании и источниковедческом анализе единой коллекции документов, выданных среднеазиатскими и казахскими ханами. В этот комплекс источников входят вакуфные ярлыки, тарханные ярлыки и служилые ярлыки, хотя условно все именуется «жалованными грамотами», дипломатические письма и т.д.

В статье раскрывается проблема изучения письменных источников правителей средневековых государств Казахстана и Средней Азии, раскрывающих особенности и характер делопроизводства в эпоху средневековья. Разрозненно данные документы начали вводиться в научный оборот (эвристика), но их систематизация на методологическом уровне с изучением составных частей формуляра не была проведена. Также указывается на необходимость системной работы по выявлению и пополнению коллекции нарративных документов и актовых источников правителей Казахского ханства, обсуждаются проблемы типологизации и разделения огромного источниковедческого нарратива на виды и группы.

Ключевые слова: нарративные документы, письменные средневековые источники, правители, средневековые государства, источниковедческий анализ, традиции делопроизводства.

Z. K. Kartova, N. A. Abuov

North Kazakhstan University named after. M. Kozybaeva (Petrovsk, Kazakhstan)

HISTORICAL DOCUMENTS RULERS OF THE MEDIEVAL STATES OF KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIA

Abstract. Narrative written sources continue to remain a poorly studied area of historical science. These written monuments are fragmentarily covered in different periods of the history of Kazakhstan, and this is clearly not enough for a complete and systematic study of all sources available in scientific circulation. A wide range of issues in Russian source studies are related to issues of source analysis of a huge complex of narrative documents.

On the history of the medieval period, there are written monuments and workswritten in Persian and Turkic languages in Central Asia and neighboring countries. The history of medieval states as sociated geographically with Dasht-i Kipchak, Semirechye, Transoxiana, East Turkestanisthehistoryofimportant soci alphenomenadeterminedbyinternalandexternal factors of cultural, historical and socio-economic development.

In Soviet historiography, a fairly wide spread opinion was the absence of written sources in nomadic culture. Most researchers shared the formula of the French positivist historians C. Langlois and C. Senobos — «no documents — no history.»

Turkologists and orientalis of the republic associate the insufficient study of medieval sources, first of all, with problems of systematization and classification. In terms of theoretical source study, the most common classification of Turkic and Persian sources on the history of the peoples of Kazakhstan and Central Asia is on a territorial basis. The sources are divided into Timurid, Shaybanid, Chaghataid, Safavid, and Ottoman historiography groups.

As we see, when classifying a huge amount of source material, first of all, only the geographical location or place of writing of the sources is taken into account. At the same time, undoubtedly, one should take into account the discrepancy between the borders of medieval states and modern state territories, which, in turn, complicates their scientific study.

Due to the established tendency in Russian historiography not to study the history of individual medieval states and the resulting confusion with the names Ak Orda, Kok Orda, Ulus Jochi, there has been an urgent need in source studies to reconsider the attitude towards the written culture of medieval post-Golden Horde state associations.

Moreover, it becomes obvious that, first of all, we must abstract from the linguistic approach to the study of a huge complex of sources in order to identify the sources' belonging to the history of individual states. For historical constructions, it is very important to find continuity and consistency, regional, geographical, ethnogenetic, chronological, etc.

At the present stage, the study of written sources written by the rulers of the medieval states of Central Asia and Kazakhstan is being updated. Thus, the purpose of the study is to create and source analysis a single collection of documents issued by Central Asian and Kazakh khans. This set of sources includes waqf labels, tarkhan labels, and service labels, although conventionally all are called «letters of merit», diplomatic letters, etc.

The article reveals the problem of studying written sources of the rulers of the medieval states of Kazakhstan and Central Asia, revealing the features and nature of office work in the Middle Ages. Separately, these documents began to be introduced into scientific circulation (heuristics), but their systematization at the methodological level with the study of the components of the form was not carried out.

The article points out the need for systematic work to identify and replenish the collection of narrative documents and actual sources of the rulers of the Kazakh Khanate, discusses the problems of typology and division of the huge source narrative into types and groups.

Keywords: narrative documents, written medieval sources, rulers, medieval states, source analysis, records management traditions.

Основными источниками по истории средневекового периода послезолотоордынских государств, в том числе и Казахского ханства, являются письменные источники и сочинения, написанные на персидском и тюркском языках в Средней Азии и сопредельных с ней странами. В рукописохранилищах стран ближнего зарубежья имеется немало персо-тюркоязычных нарративных сочинений, содержащих сведения по истории и культуре Казахстана и других стран Центральной Азии XI–XVIII веков [1, с. 8].

Проведена огромная работа по поиску и введению в научный оборот письменного нарратива Республиканским информационным центром по изучению исторических источников при Институте Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. В связи с этим необходимы исследования с применением всего спектра источниковедческого анализа: внешняя и внутренняя критика источника, классификация, типологизация, интерпретация и использование в исторических реконструкциях.

Весь огромный комплекс введенных в научный оборот документов, также пока не обнаруженных, но содержащихся в архивах ближнего зарубежья государств, нужно объединить в единый комплекс. К изучаемому комплексу источников применяется ряд обозначений: «эпистолярное наследие» — от греч. *epistole* — письмо, послание (И. В. Ерофеева), актовые источники от лат. *actumest* — «совершено», документы сделочного или договорного характера (М. А. Усманов) [2].

Вместе с тем приведенный источниковедческий комплекс необходимо условно объединить в понятие «нарративные источники». Само понятие «нарративные источники» происходит от латинского слова *narrare* — «рассказывать, повествовать» и подразумевает под собой самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Эти весьма разнообразные по видам источники с разных сторон и в разной степени освещают историю. Одни из них обнаруживают очевидную взаимозависимость, другие отражают те стороны жизни общества, которые не попадали в поле зрения историков. При всей неполноте и лакуарности данных каждого вида из вышеперечисленных источников в своей совокупности создают вполне определенное информационное поле, позволяющее осветить ключевые вопросы исторической науки [3, с. 115].

Необходимо разъяснить, что мы будем подразумевать под понятием «нарративные источники» и какие виды письменных источников будем принимать во внимание. Традиционно принято деление всех письменных источников на две большие группы — исторические остатки и исторические традиции [4, с. 143]. К первой группе относят документы, в которых в форме юридических норм зафиксированы государственные постановления: договоры между государствами, государством и частными лицами, делопроизводственные материалы и другая документация, которая необходима для функционирования государственного механизма. К ним следует применять название «актовые источники» и выделять в отдельный вид. Подавляющая масса дипломатической корреспонденции и документы

административного характера, которые в настоящее время хранятся в различных архивах, значительно активно введена в научный оборот и изучена.

К историческим традициям относятся исторические труды, летописи, сказания, книги описания путешествий, воспоминания, письма, литературные произведения, источники повествовательного характера, в которых исторический факт отражается непосредственно. В противоположность составлению письма или ведению протокольных записей создание книги всегда связано с большими затратами усилий [5, с. 51]. Поэтому, по сути дела, невозможно отделять историографию от литературы и даже проводить четкую границу между историографией и беллетристикой, между научной и художественной литературой. Существует много хроник-поэм; стихотворные хроники, а также исторические труды в прозе часто написаны в стиле, отражающем художественное видение авторов. Несмотря на то, что деление источников на исторические остатки и исторические традиции весьма условно, следует признать, что между ними существуют значительные отличия. Это влияет на методику и методы научной критики, обработки и анализа источников. В большей степени исторические остатки становятся предметом изучения специалистов-историков, а исторические традиции больше освоены филологами и лингвистами.

Опыт изучения нарративных документов по истории отдельных стран имеет давние традиции, но до сих пор нет единого системного подхода к источниковедческому анализу данного корпуса документов данного плана. Немецкий ученый А. Титце, изучая османские нарративные источники по истории Балканских стран, по содержанию делит на следующие группы:

1) составленные по большей части в столице (в этих произведениях речь идет о всей империи и только иногда встречаются сообщения о событиях в балканской части империи);

2) произведения, в которых рассматривается какая-нибудь отдельная балканская провинция (в большинстве своем эти произведения были составлены именно в этих провинциях) [6, с. 241].

К первой группе автор относит большие имперские истории, которые составлялись со второй половины XV века и описывали историю Османидов, опираясь на не сохранившиеся более ранние источники. Примером такого нарративного источника, в котором повествуется лишь об одном событии, занявшем небольшой промежуток времени (1443–1444), автор называет опубликованный в 1978 году источник «Газават-и Султан Мурад бин Мехеммед Хан» (Битва при Варне) [6, с. 242]. К таким более ранним источникам, которые известны лишь благодаря их использованию в более поздних османских исторических трудах А. Титце относит «Тарих-и Унгурус». Наряду с этими имперскими историями, которые кроме событий в столице повествуют в основном о военных походах, о грандиозных военных экспедициях по важному военному пути Константинополь-София-Белград, относятся также популярные собрания с биографиями богословов, шейхов различных дервишеских орденов, каллиграфов, поэтов, архитекторов и т.д. В них имеются многочисленные и важные сведения о жизни в различных провинциях Османской империи. Автор относит к первой группе пространные географические сочинения как например, сочинение Мехмеда Ашыка «Меназилу л- «авалим» XVI века, в которых довольно много сведений по топографии балканских стран в ту эпоху и известную широкому кругу исследователей «Книгу путешествий» Эвлия Челеби [6, с. 244].

Ко второй группе тюркских нарративных источников европейской части автор относит исторические повествования о региональных или локальных событиях, даже настоящие истории целых местностей. В качестве примера указывает «Историю Влахов». Чрезвычайно подробная картина жизни и событий в Боснии во второй половине XVIII века дана в хронике Мулы Мустафы Башэския. А. Титце использует классификацию по географическому принципу с целью результативного использования в исторических построениях.

В. Долгов, рассматривая введенные в научный оборот иностранные нарративные источники об эпохе Александра Невского (XIII в.), уделяет особое внимание тому, какими изданиями пользовались историки XVIII — I-й четверти XIX в., какого рода информацию они могли оттуда почерпнуть, каким образом ученые вырабатывали методологические принципы работы с иностранными и инокультурными текстами [7, с. 108]. Автор приходит к выводу, что необходимость работы с иностранными источниками была осознана в отечественной науке с начала ее существования. Широкое использование иностранных хроник практиковал уже В. Н. Татищев. Автор указывает, что базовый корпус нарративных источников введенный в отечественную науку в середине XIX века не претер-

пел значительного расширения и по сей день. Вместе с тем нужно учитывать, что ввиду недоступности оригинальных текстов историкам часто приходилось пользоваться «вторичными» пересказами. «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского и Ливонская «Старшая» рифмованная хроника вошли в отечественную науку в передаче Христиана Кельха и Иоганна Готфрида Арндта, шведские источники — в изложении Улофа фон Далина, китайские летописи — в обработке о. Иакинфа Бичурина, Абрахама Константина Мураджди'Оссона и Юлиуса Генриха Клапрота [7, с. 110].

Для истории Казахстана XV–XIX вв. определенный интерес представляют документы, которые написаны непосредственно казахскими правителями. Такими источниками являются жалованные грамоты Тавакул хана (время правления 1583–1598 гг.) и Турсун Мухаммад хана (время правления 1616–1628 гг.). О достоверности этих копий У.А. Султонов указывает, что в фондах Сыр-Дарьинской области имеется опись о том, что данные ярлыки находятся в личной коллекции на руках у потомка Ахмета Ясави Насраллаха хаджи. Им было представлено колониальным властям 18 жалованных грамот о назначении его предков на пост шайх ал-ислама г. Туркестана. Среди них были грамоты Тавакул хана от 1006/1597–1598 гг. и 1014/1605–1606 гг. и Турсун-Мухаммад-хана от 1033/1623–1624 гг. [8, с. 91]. Автор предполагает, что владельцы документов, т. е. представители кланов хаджа азизлар, шайх ал-ислам, накиб, сумели сохранить эти оригиналы в своих руках в жесткие годы колониальных реформ в области вакуфных отношений, предъявляя властям только их рукописные копии. Видимо, по этой же причине до сих пор оригиналы грамот, выданных казахскими ханами, как и остальные документы, не обнаружены в фондах ЦГА РУз.

Первичные исследование ярлыков, выданных Тавакулом (XVI в.) и Турсун-Мухаммадом (XVII в.) были проведены при изучении комплекса исторических документов мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави А.К. Муминовым, Б.Е. Кумеквым, У.А. Султоновым. В труде были опубликованы копии ярлыков и нишанов двух казахских правителей, которые были сняты с подлинников в 1872 году чиновниками царской администрации Туркестана [9].

Тавакул и Турсун Мухаммад фигурируют в списке казахских ханов, правивших на территории южного Казахстана в период XVI–XVII веков. В исторических источниках Тавакул хан значится как Таваккул, Тевеккел, Тевкел, Тауке, Тукай. Годы жизни неизвестны. Начал править в 1583 или 1585 году. В родословной значится, что он был внуком Жадик хана девятого сына Жанибек хана. Он был третьим сыном Шыгай хана, его матерью является Яхшымбегим. 1582 году после смерти отца он становится правителем. Но приход к власти был осложнен распрями и многолетними войнами. С 1583 года в отношении Тавакул хана применяется термин «султан» [10, с. 63].

Таким образом, в период правления Тавакул хана выданы следующие ярлыки:

1. Ярлык Абулгази Мухаммед Тавакул бахадур-хана о назначении некоего лица (не указано) на должность шейха и мутавалли мазара Ахмета Ясави. Выдан курбан 1006 в июле-августе 1598 года в Ташкенте.
2. Величайший нишан Абул Музаффар Гази Мухаммед Тавакул бахадур-хана о пожаловании суточной воды Шейху Ахмаду шейх ал-исламу в Йасы. Дата выдачи 1014/1605 г. Место выдачи: г. Йасы.
3. Ярлык АбулФатх Мухаммад Тавакул бахадур хана о назначении на должность кази и шейх ал-ислама Туркестанского вилайета. Дата и место не указаны [9, с. 118].

Еще два ярлыка принадлежат казахскому правителю Турсун Мухаммад хану. Происхождение Турсун хана до сих пор до конца не освещено в современной исторической науке. В русских источниках он называется братом Есим хана. В источнике «Бахр ал асрар» его называют третьим сыном Жалим султана, двое сыновей которого в 1580 году погибли от рук Баба султана [11, с. 48]. Турсун хан получил благословение на правление от Имамкули хана. В источнике «Бахраласар» описывается, что Турсун хан отправил в Бухару посланника с просьбой. Прибывший в Ташкент бухарский правитель Имамкули назначает его правителем Ташкента и близлежащих уялаят, а в 1616–1620 годах он становится правителем казахских ханов. По сообщению автора «Имамкули-хан — наме» Сухайла, «казахский хан Турсун-Мухаммед в начале XVII века чеканил в Ташкенте собственную монету и собирал с населения бадж и харадж, т. е. он являлся суверенным верховным правителем» [11, с. 38].

В период правления Турсун хана сфера влияния казахского ханства распространялась на присыр-дарьинские города Туркестан, Сыганак, Созак, Сауран и среднеазиатские города Ташкент, Шахрух, Андижан. Население городов вело выгодную торговлю с казанскими и сибирскими купцами. Турсун Мухаммад был влиятельным правителем, в случае военной угрозы он мог собрать 100-тысячное

войско и достойно противостоять врагам. Согласно источникам, он удачно использовал противоречия между среднеазиатскими правителями, был умен и изворотлив [10, с. 205]. К периоду его правления относятся два актовых источника:

1. Нишан Абул Гази Султан Турсун Мухаммад бахадур-хана о пожаловании Тулак шейху соуь-ургал половину селения (кента) Сури в качестве дарубаста, а также попечительства (мутаваллиата) к арыку Уртак. Дата выдачи 1034/1624–1625 гг.

2. Нишан Абул Гази Султан Турсун Мухаммад бахадур –хана о назначении Камал ад-дина Асад-шейха и Мумин-шейха на должности шейх ал-ислама и попечителя мазара Ахмеда Йасави. Дата выдачи месяц сафар 1033\ ноябрь-декабрь 1623 г. Место выдачи: г. Йасы [9, с. 119].

Известным казахстанским ученым И. В. Ерофеевой издан уникальный сборник материалов, включающий в себя 811 переводов и 250 факсимиле оригинальных текстов писем казахских ханов и султанов монархам и чиновникам Российской империи и соседних восточных государств [12]. Они охватывают хронологический период с 1675 по 1821 гг. Все источники названы автором «письмами» и отнесены к эпистолярному жанру. Эпистолярное наследие, по словам И. В. Ерофеевой, представляет собой «комплекс сходных по внешней форме и условному формуляру документов официального и личного происхождения, которые выполняли функцию установления определенных правовых, политических, деловых и иных взаимоотношений между конкретными официальными, либо частными лицами» [12, с. 15].

В эпистолярном наследии среднеазиатских правителей автором выделяются следующие группы аутентичных источников:

1. Письма суверенных или формально зависимых от русского царя представителей правящей элиты казахского кочевого общества равным по юридическому статусу восточным и российским монархам и влиятельным чиновникам соседних государств.

2. Послания степных правителей российским императорам сюзеренам, государственным учреждениям и конкретным должностным лицам чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи, а также равным себе по правовому статусу соотечественникам. К этой группе относят письма, представления, обращения, сообщения, доношения (донесения), рапорты, уведомления, записки, показания, прошения, заявления.

3. Распорядительные документы казахских ханов внутрестепного назначения, адресованные нижестоящим структурам власти. К этой группе относят указные грамоты, письма, предписания, обветительные грамоты, уведомления, приказы, объявления.

4. Письма ханов и султанов своим сыновьям и родственникам, знакомым, как наделенным властью, так и не имеющим полномочий [12, с. 16].

В сборнике содержится достаточно большое количество документов, которые относятся к периоду XV–XVIII века. Среди них можно назвать два официальных послания племянника казахского хана Таваккула (1583–1598 гг.) султана Ураз Мухаммеда русскому царю Федору Иоанновичу 1594 г. и 1595 г., семь дипломатических писем Тауке II (не позднее 1672–1715 гг.) царям Петру II и Ивану V, также его же письма тобольскому воеводе А. Ф. Нарышкину от 1687 г. и 1691–1693 гг. Семь писем Каип султана и Абылай султана тем же адресантам от 20 ноября 1692 г., семь писем Каип султана (позднее ставшего ханом) Петру I, сибирскому губернатору М. П. Гагарину и казанскому губернатору П. С. Салтыкову, написанных в 1712 г., 1715–1718 годах. Три письма хана Абулхаира русскому царю и губернатору Сибири, датированные 1715 г. и 1718 г. И одно письмо его младшего брата султана Булхаира (ум. в конце 1730 г.) Петру I, полученное в Тобольске 10 октября 1718 года [12, с. 16–17]. Все эти 21 документа относятся к категории «битики» — дипломатические письма и сохранены в архивах Российской Федерации. Они содержат уникальные исторические сведения о дипломатических взаимоотношениях среднеазиатских государств и России до присоединения их в состав Российской империи.

Изучение исторических документов правителей средневековых государств Казахстана и Средней Азии находится на начальном стадии и поэтому новые источники, которые будут выявлены в будущем, послужат важными источниками в изучении социально-экономической истории и системы административного управления. Одним из таких документов нарративного характера является рукопись по мусульманской теологии, написанная на тюркском языке начала XVI века. Это копия ру-

копии жены Касым хана Айши бегим найдена во Франции, состоящая из 7 глав. Данный документ введен в научный оборот специалистами национального центра рукописей и редких книг [13]. Выявление новой источниковой коллекции документов может как раскрыть особенности и характер делопроизводства в эпоху Средневековья, так и дополнить историческую картину отношений городов и правителей средневекового периода. С расширением круга письменных артефактов, введенных в науку, специфика отдельных категорий источников порождает в отношении их специальную методику, диктует применение междисциплинарных методов. Становится актуальным изучение данных письменных источников с позиций нового исторического мышления. В таком случае ранее известные факты будут освещены в ином свете, повернутся к нам новыми гранями, выявятся такие аспекты, которые раньше не могли быть замечены, заново будут раскрыты новые явления и события. Выявление взаимодействия письменных и культурных традиций может значительно расширить наше представление об исторических событиях на территории средневекового Казахстана и сопредельных с ним стран Центральной Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Абусейтова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. — Алма-Ата: Дайк-Пресс, 2001. — 426 с.
2. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XV вв. — Казань, 1979. — 318 с.
3. Хамидуллин Б.А., Измайлов И.А. Нарративные источники по истории Казанского ханства // Научный Татарстан. — 2012. — № 3. — С. 114–129.
4. Каштанов С.М. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969. — С. 134–170.
5. Каштанов С.М. К вопросу классификации и составлении заголовков жалованных грамот // Исторический архив. — Вып. 3. — М., 1962. — С. 50–57.
6. Титце А. Османские нарративные источники по истории Балканских стран // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). — 1985. — С. 242–250.
7. Долгов В.В. Иностранные нарративные источники об эпохе Александра Невского в работах русских историков XVIII — первой четверти XIX века // Вестник Пермского университета. История. — 2023. — Том 61, № 2. — С. 108–118.
8. Султонов У.А. К вопросу о жалованных грамотах казахских ханов, выданных мазару Ахмада Йасави (конец XVI–XVII вв.) // Исламская духовность, рациональность и этнокультурные традиции как факторы противодействия религиозному экстремизму: материалы Международной научной конференции, посвященной празднованию ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. — Астана, 2016. — С. 90–97.
9. Исторические документы мавзолея Ходжа Ахмада Йасави / А.К. Муминов, Б.Е. Кумеков, У.А. Султонов, В.К. Шуховцов, Д.Т. Кенжетеев, А.С. Кабылова. — Астана, 2017. — 216 с.
10. Қазақ хандары. Энциклопедиялық анықтамалық жинақ / Жауапты редакторы М.М. Қожа, Х.М. Тұрсын. — Алматы: Қазығұрт, 2015. — 224 б.
11. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV–XVII вв. // Казахстан в XV–XVIII веках (вопросы социально-политической истории). — Алматы, 1969. — С. 38–51.
12. Ерофеева И.В. Том I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. — Алматы: АБДИ Компани, 2014. — 692 с.
13. Найдена семейная рукопись казахского хана Касыма. — URL: <https://altyn-orda.kz/najdena-semejnyaya-rukopis-kazahskogo-hana-kasyma/>

Сведения об авторах: *Картова Зауре Кенесовна*, кандидат исторических наук, декан факультета истории, экономики и права Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан, e-mail: kartov_m@mail.ru; *Абуов Нурболат Аскерович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, г. Петропавловск, Казахстан, e-mail: abuovnur@mail.ru

УДК 94 (3) (575.2)

З. Т. Садырова

Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта
им. Б. Т. Турусбекова (Бишкек, Кыргызстан)

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ, ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматривается территория современного Кыргызстана, в X–XII столетиях входящая во владения государства Караханидов. В отмеченный период земли Караханидов представляли собой один из отрезков Великого шелкового пути — северный путь из Кашгара в Фергану и далее через Самарканд, Мерв и Ханадан в Сирию. Отмечено благотворное взаимовлияние этнокультурных отношений в государстве Караханидов на трассе Великого шелкового пути. Выявлена особая роль городов в Караханидских каганатах, ставшими мощными центрами торговли, зодчества, ремесленничества, образования и мусульманской культуры. Определено, что государство Караханидов являлось одним из наиболее известных и влиятельных очагов мусульманской цивилизации с развитой письменностью, просвещенным духовенством, монетными дворами, многочисленным искусным ремесленническим сословием, многопрофильным животноводством и орошаемым земледелием. Дается анализ такого исторического феномена как тюрко-согдийский симбиоз, вобравший в себя самые сильные стороны тюркоязычных кочевых племен и согдийского оседлого населения.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Караханиды, симбиоз, согдийцы, турки, мусульманская культура, торгово-денежные отношения.

Z. T. Sadyrova

Kyrgyz State Academy of Physical Culture and Sports named after. B. T. Turusbekova (Bishkek, Kyrgyzstan)

THE GREAT SILK ROAD AND THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ETHNO-CULTURAL AND TRADE RELATIONS OF THE KARAKHANID KAGHANATE

Abstract. The article examines the territory of modern Kyrgyzstan, which in the X–XII centuries was part of the possession of the Karakhanid state. During the noted period, the lands of the Karakhanids represented one of the sections of the Great Silk Road — the northern route from Kashgar to Fergana and further through Samarkand, Merv and Khanadan to Syria. The beneficial mutual influence of ethnocultural relations in the Karakhanid state along the Great Silk Road was noted. The special role of cities in the Karakhanid Khaganates, which became powerful centers of trade, architecture, handicrafts, education and Muslim culture, has been revealed. It has been determined that the Karakhanid state was one of the most famous and influential centers of Muslim civilization with a developed written language, an enlightened clergy, mints, a large skilled craft class, diversified livestock breeding and irrigated agriculture. An analysis is given of such a historical phenomenon as the Turkic-Sogdian symbiosis, which absorbed the strongest aspects of the Turkic-speaking nomadic tribes and the Sogdian settled population.

Keywords: The Great Silk Road, Karakhanids, symbiosis, Sogdians, Turks, Muslim culture, trade and monetary relations.

Актуальность темы. В связи с масштабными изменениями в XXI веке в условиях трансформации глобализации в постглобальную эпоху, обострения противоречий между «золотым миллиардом» и развивающимся Югом, включая, в первую очередь, Российскую Федерацию в контексте российско-украинского конфликта злободневность исторических предпосылок концепции КНР «Один пояс — один путь» в формате Великого шелкового пути дает мощный импульс историческим исследованиям Великого шелкового пути, в частности, его участка на территории Караханидского каганата.

В целом, фрагмент Караханидского каганата в истории Великого шелкового пути является наименее изученным в центральноазиатской истории. В рамках советской историографии было немало сделано в изучении данного вопроса. Однако в течение последних 30–40 лет мало было уделено внимания углублению научного анализа данной проблемы. Но в связи с резким поворотом ориентации Российской Федерации по причине российско-украинского конфликта с запада на восток и с севера на юг насущные потребности региональной экономики и политики в исторических обоснованиях многократно возросли.

Кроме вышеизложенного данная тема статьи представляет большой интерес для отечественной (кыргызстанской) историографии, так как делается попытка этнокультурного анализа вклада Караханидского каганата, часть которого составляла территория современного Кыргызстана, в развитие Великого шелкового пути в X–XII столетиях.

«Шелковый путь» — общее название торговых караванных путей, связавших со II в. до н. э. до XIV в. Китай с Передней Азией и с Европой через Среднюю Азию. Свое название получил в связи с тем, что главным товаром, производимым по «шелковому пути», был китайский шелк, отсюда и название. Известно, что задолго до открытия Шелкового пути существовало множество сухопутных трасс, которые послужили основой для формирования его общей системы. Обычно они носили названия самого ходового товара, перевозимого на том или ином отрезке: «лазуритный», «нефритовый», «янтарный», «ракушечный», «дорога пряностей» и др. Кроме того, известны и иные названия веток Великой трассы: «кыргызский путь», а также «уйгурский», «степной» и др. [1, с. 51].

Долгое время Китай и Ближний Восток не имели прямых контактов и представляли себе друг друга весьма смутно. И там, и там возникали великие империи, но Китай, создавший блестящую цивилизацию и свой замкнутый мир, оставался в неведении относительно Запада, Персии и даже Индии (а они — относительно него) вплоть до II в. до н. э. По инициативе Китая в 138 г. до н. э. к юэцзам с дипломатической миссией был направлен придворный офицер Чжан Цянь, который через десять лет, т. е. в 128 г. до н. э. вначале попал к усуням, а затем в Фергану и оттуда юэцзам, которые обосновались на севере Афганистана. Благодаря Чжан Цяню, который в своем отчете подробно изложил путь на Запад, проложили дорогу в Восточный Туркестан, в Среднюю Азию и Северный Афганистан. Китайцы в своем продвижении на запад через Центральную Азию столкнулись с невероятными трудностями, им удалось разгромить хуннов в 121–118 гг. до н. э., только тогда путь на Запад стал свободным [2, с. 96].

Вопрос о времени функционирования Великого шелкового пути носит дискуссионный характер. Так, опираясь на результаты исследования пустыни Такла-Макан в 1985 г. с помощью космических приборов, американский ученый Вильфорд Джон Ноул отмечает, что найдены возможные следы торговых отношений между Востоком и Западом, относящиеся к IV в. до н. э. [3].

Другую позицию занимает французский ученый А. П. Франкфор. Он считает, что «настоящий Шелковый путь — международная трасса громадной торговли между Западом и Востоком — появляется в I в., когда номады (парфяне и кушаны) осели в регионе между Китаем династии Хан и Римской империей» [4, с. 203–217].

Великий шелковый путь начинался в центральных регионах Китая и вел на Запад к Дуньхуану. Здесь он раздваивался на северный и южный. Северная ветвь пролегла через Турфан, Кашгар, Фергану, Самарканд, Мерв. Южная — через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. В Мерве обе ветви шелкового пути соединились и далее, на запад, караваны шли через Нису, Исфаган, Багдад к портам Средиземного моря. Протяженность этой трассы превышала 7000 км. Основное направление Шелкового пути не менялось вовсе, но локальные изменения на равнинах происходили довольно часто. Это связано с тем, что путешественники искали более кратчайший и безопасный путь к городам, к рын-

кам сбыта. Однако неизменными были горные дороги, пролежавшие по ущельям, перевалам и высокогорным сыртам.

В начале нашей эры Центральная Азия принимает непосредственное участие в международной торговле. Предметом торговли становятся самые разнообразные товары, привозимые из разных стран, которые пользовались огромным спросом на среднеазиатских рынках, в частности, ткани, ювелирные украшения, металлические изделия и т.д. К числу товаров, вывозившихся из Центральной Азии, следует отнести ферганских лошадей, кожу, меха, изделия из стекла, драгоценности, ковры, сельскохозяйственные культуры и т.д., которые также пользовались большим спросом на рынках других стран [5, с. 101–114]. С развитием торговли и ростом товарного производства появляются города, ремесленные центры, торговые фактории, которые находились вдоль торговых путей.

В эпоху раннего Средневековья Центральная Азия переживала своеобразный торговый бум, поскольку основные ветви Шелкового пути проходили также через территорию Кыргызстана. Караванная торговля приобрела международный характер, на торговых путях появились торгово-ремесленные фактории, в скором времени превратившиеся в населенные пункты, города, жители которых от торговли имели большую выгоду.

Культурные связи по Великому шелковому пути наложили свой отпечаток и на развитие искусства, в частности, обмен музыкантами, танцовщицами, фокусниками свидетельствует о знакомстве китайцев с музыкальной культурой и цирковым искусством народов Средней Азии.

Немалую роль сыграли связи по Великому шелковому пути и в распространении буддизма, манихейства, ислама в Китае и Центральной Азии. В то же время китайцы научились у врачей Средней Азии некоторым сложным хирургическим операциям, например, глазным.

Особый вклад в развитие Великого шелкового пути несла территория современного Кыргызстана, на которой существовали и функционировали владения Караханидского каганата. Важным фактором социально-экономического и духовно-культурного развития государства Караханидов явилось то, что Великий шелковый торгово-караванный путь проходил через эти земли [6, с. 68].

По мнению профессора О. Караева, «вторая половина X в. — период возникновения и становления Караханидского каганата. Караханиды, укрепившись в Центральном Тянь-Шане и Семиречье и сделав новой столицей (после Кашгара) г. Баласагун, расположенный в долине р. Чу, устремились на запад для завоевания владений Саманидов» [6, с. 260].

Глубокие и разносторонние связи государств Караханидов и Саманидов объясняются, в первую очередь, на многочисленной диаспорой согдийского населения на территории современного Кыргызстана в X–XII столетиях.

Благодаря согдийской культуре в Чуйском, Иссык-Кульском, Ферганском регионах Кыргызстана возникло множество городов и городских поселений. По мнению А. К. Кибирова, «ставками удельных правителей Восточных Караханидов был город Барсхан (южный берег Иссык-Куля), крепости Кочкор-Баши (развалины Ширдакбек в долине Ала-Буки) и Атбаш (развалины Кошой-Коргон в долине Ат-Баши). В долине Чаткала зарегистрированы и обследованы городища Уу-Булак, Чанчархан и Кюльбесхан, которые подобно развитым городам Средней Азии, состояли из цитадели, шахристана и рабада» [7, с. 60].

В X–XII вв. территорию современного Кыргызстана невозможно рассматривать в отрыве от территории Восточного Туркестана, Южного Казахстана и Узбекистана. Так как во владения Караханидских государств Восточного и Западного входили такие крупные города, как Баласагун, Узгенд, Кашгар, Самарканд, между которыми шла мощная торговля, как важнейший участок Великого шелкового пути. Именно города являлись точками мощного притяжения торговых караванов.

По мнению казахского археолога К. М. Байпакова, «в IX — начале XIII в. наблюдается общий подъем городской культуры в Центральной Азии. Растут площади городов, формируются рабады, более плотной становится застройка внутри длинных стен. Бурно прогрессирует развитие ремесла, появляются мастерские и кварталы гончаров. Осваивается производство поливной керамики, стекла, усиливаются торговые связи, появляются новые торговые пути. Однако отмечая эти общие тенденции в развитии городской культуры Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья, необходимо подчеркнуть, что в исследуемой области подъем городской жизни в XI–XII вв. ускорялся оседанием кочевников. О процессах оседания свидетельствуют не только письменные источники, называющие

в числе горожан тюрков, характеризующие города карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков, но и новые археологические материалы: формирование района городской культуры в северо-восточном Семиречье» [8, с. 146].

Именно города сыграли большую роль на центральноазиатском отрезке Великого шелкового пути, фундаментом которых стало оседлое население Средней Азии. Костяк земледельческой оседлой популяции на территории современного Кыргызстана в Средневековье составил согдийский этнос, который наладил взаимовыгодное торговое сотрудничество с соседними кочевыми племенами карлуков, тюркешей, огузов, чигилей, кыргызов и др.

В целом, сосуществование кочевых тюркских племен и оседлого земледельческого населения сформировало особый тюрко-согдийский симбиоз народов в Караханидскую эпоху. Государство Караханидов уделяло большое внимание градостроительству, развитию торгово-денежных отношений, чеканило собственные монеты, что в комплексе способствовало расцвету Великого шелкового пути.

По нашему мнению, «динамичный kaleidoscope возникновения, развития и расчленения Великого Тюркского каганата и формирования все новых каганатов в Центральной и Внутренней Азии сопровождался углубляющимся тюрко-согдийским симбиозом, который имел положительные последствия для стабильного этнополитического и этнокультурного взаимодействия ряда народов обширного региона в условиях расцвета Великого Шелкового пути» [9, с. 24].

На наш взгляд, «исторически корректным является научное положение о «тюрко-согдийском синтезе», которое включает в себя большой взаимовыгодный вклад согдийцев и тюрков в их экономическое и культурное развитие, а также в сферу производства вооружения, военного искусства и государственного управления» [9, с. 24].

Таким образом, можно дать следующее определение: Великий шелковый путь — это ареал взаимопроникновения и взаимодействия торговли, дипломатии и культуры для приобщения различных народов и племен к мировой торговле, высокой культуре и цивилизованным международным отношениям в древности и в Средневековье. Анализ взаимодействия северной трассы Великого шелкового пути и государства Караханидов показал, что расцвет государства Караханидов пришелся на X–XII вв., во многом благодаря многочисленным караванам Великого шелкового пути. Причем развивался не только товарообмен, торговля, но и большое развитие получила мусульманская религия и культура, происходила взаимопроникновение материальных и духовных достижений народов на Великом шелковом пути, а также распространялись просвещение, философия, медицина, астрономия, математика и др.

Именно в эпоху государства Караханидов начал складываться общетюркский литературный язык усилиями известных мусульманских мыслителей Юсуфом Баласагуни и Махмудом Кашгари.

В целом, феномен тюрко-согдийского симбиоза — торговли, ремесленничества, зодчества согдийцев и политической культуры, военного искусства, развитого многопрофильного животноводства в синтезе с мусульманской идеологией и письменностью — создал условия для возвышения Караханидского каганата как наиболее успешного государственного проекта мусульманской цивилизации в ту эпоху.

В качестве практических рекомендаций по теме данной статьи необходимо:

- скордировать усилия специалистов по истории Караханидского государства из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана совместно с консультациями ученых из Российской Федерации и КНР;
- сегодняшняя ситуация актуализирует необходимость разработки проекта международной конференции в рамках ШОС о вкладе Караханидского каганата в развитие Великого шелкового пути X–XII столетиях;
- снять телепередачу о результатах проводимого III Международного алтаистического форума «Единство славянских и тюркских народов в истории и современности» для дальнейшей трансляции на телеканалах стран-участников форума.

Список использованных источников и литературы

1. Джунушалиев Дж. Дж. Кыргызы и Кыргызстан на трассе Великого шелкового пути // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Тюрко-согдийский синтез:

процессы культурогенеза и политогенеза в зоне Великого Шелкового пути. — Серия 1. Выпуск 4. — Бишкек, 2004.

2. Джуманалиев Т.Д. История Кыргызстана с древних времен до середины XVIII века. — Бишкек, 2016.

3. Вильфорд Джон Ноул. «Шелковый путь» древнее, чем предполагалось // Слово Кыргызстана. — 1993. — 22 мая.

4. Франкфор А. П. Существовал ли Великий Шелковый путь во II–I тысячелетии до нашей эры // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1989.

5. Ртвеладзе Э. В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. — Ташкент, 2005.

6. Садырова З. Т. Вклад профессора Омуркула Караева (1930–2002 гг.) в исследование истории Караханидов // Материалы Международной научной конференции «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период». — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. — С. 68.

7. Караев О. К. История Караханидского каганата (X — начало XIII вв.) / отв. ред. М. Б. Джемгерчинов, В. П. Мокрынин. — Фрунзе: Илим, 1983. — 302 с.

8. Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала // ТКАЭЭ. — Т. 2. — М., 1959. — С. 60.

9. Байпаков К. М. Города и государства Казахстана в древности и средневековье // Проблемы политогенеза Кыргызской государственности. — Бишкек, 2003. — С. 146.

10. Садырова З. Т. Тюрко-согдийский симбиоз и его роль в этнокультурных взаимоотношениях народов Тенгир-Тоо, Зеравшана и Ферганы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Серия: гуманитарные науки. — 2022. — Том 22. — № 10. — КРСУ. — С. 24.

Сведения об авторе: Садырова Замира Тентиевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных наук Кыргызской государственной академии физической культуры и спорта им. Б. Т. Турусбекова, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: sadyrova-zamira@mail.ru

УДК 94 (574)«15/16»

Н. А. Атыгаев

Центральный государственный музей РК (Алматы, Казахстан)

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСКИХ ЧИНГИЗИДОВ С ПРАВЯЩИМИ ЭЛИТАМИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (XVI–XVII ВВ.)

*Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)*

Аннотация. Статья посвящена семейно-родственным связям казахских чингизидов с правящими элитами тюркских народов в XVI–XVII вв. Материалами исследования послужили сведения письменных исторических источников, в первую очередь из восточных мусульманских сочинений, написанных на персидском и чагатайском языках. В заключении автором сделан вывод о том, что правители Казахского ханства установили тесные, в том числе и семейно-родственные, связи с правителями соседних тюркских государств и народов, во главе многих из которых находились также чингизиды. Отмечены семейно-родственные связи казахских чингизидов с представителями династии Шибанидов, Аштарханидов, правителями Могульского государства, Ногайской Орды, Сибирского ханства

и Сефевидского Азербайджана. Эти связи преследовали цель укрепления дружественных связей посредством междинастических браков.

Ключевые слова: казахи, чингизиды, Казахское ханство, тюркские государства, шибаниды, аштарханиды.

N. A. Atygayev

Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan)

FAMILY RELATIONSHIPS OF KAZAKH CHINGIZIDOV S PRAVYASCHIMI ELITAMI TURKSKIH NARODOV (XVI–XVII CENTURIES)

Abstract. The article is devoted to the family and kinship ties of the Kazakh Chingizids with the ruling elites of the Turkic peoples in the XVI–XVII centuries. The materials of the study were written historical sources, primarily from Eastern Muslim works written in Persian and Chagatai languages. In conclusion, the author concluded that the rulers of the Kazakh Khanate established close, including family ties, with the rulers of the neighboring Turkic states and nations, many of which were also headed by Genghis Khan. The family and kinship ties of the Kazakh Chingizids with representatives of the Shibaniid, Ashtarkhanid dynasties, the rulers of the Mogul state, the Nogai Horde, the Siberian Khanate and Safavid Azerbaijan are noted. These ties were aimed at strengthening friendly ties by means of inter-dynasty marriages.

Keywords: Kazakh, Chingizid, Kazakh Khanate, Turkic state, Shibaniid, Ashtarkhanid.

В XV — начале XVIII века на территории Казахстана существовало государство, которое в научной литературе получило название — Казахское ханство. Это государство было историческим преемником джучидской государственности. Во главе правящей элиты Казахского ханства находились потомки великого завоевателя Чингиз-хана по линии его старшего сына Джучи.

Правители Казахского ханства вели активную внешнюю политику, в ходе которой они вступали в контакты с правящими элитами различных государств и народов. Наиболее тесные, в том числе и семейно-родственные, связи установились у них с правителями соседних тюркских государств и народов, во главе многих из которых находились также чингизиды. Казахские ханы с целью укрепления дружественных связей заключали с представителями правящей элиты этих народов междинастические браки.

В этой работе мы намерены дать некоторые сведения о семейно-родственных связях казахских чингизидов с правящими элитами тюркских народов в XVI–XVII вв. Эти сведения выявлены нами из письменных исторических источников, в первую очередь из восточных мусульманских сочинений, написанных на персидском и чагатайском языках.

Говоря о целях династических браков, казахский исследователь М.Х. Абусейтова пишет: «Благодаря браку между двумя ханскими родами устанавливалась кровнородственная связь, и можно было надеяться, что в период правления внука, племянника и т.д. будут сохраняться и крепнуть связи между ханствами. Естественно, что реальная действительность часто опровергала подобные надежды. Тем не менее казахские правители и правители из Шайбанидов, Аштарханидов и других династий совершенно очевидно делали ставку на брачные союзы для достижения политических целей» [1, с. 128–129].

Как показывают источники, брачные союзы и наиболее тесные семейно-родственные связи казахские чингизиды установили с правящими элитами Средней Азии: династиями Шибанидов и Аштарханидов. Так, по материалам нескольких сочинений известно, что в середине 90-х гг. XV века верховный правитель Казахского ханства Бурундук-хан выдал за шибанидских султанов замуж сразу двух своих дочерей. Михр-Султан-ханым стала женой Мухаммед Тимур-султана, старшего сына основателя государства Шибанидов Мухаммед Шейбани-хана [2, с. 18–19, 151, 121, 164, 356]. Именно

к ней в Самарканд, как предполагают исследователи, и ушел в конце своей жизни Бурундук-хан [3, с. 165; 4, с. 70–71].

Данных о жизни Михр-Султан-ханым в источниках немного. Из сведений «Бабур-наме» следует, что она умерла после 935 г. х. / 1528–1529 гг., так как Захир ад-Дин Бабур сообщает о прибытии в этом году к нему послов от Михр-Султан-ханым (Михрбон-ханым, Михри-ханым) и ее сына Пулад-султана [4, с. 65; 5, с. 272–275].

По сведениям «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, у Михр-Султан-ханым от Мухаммед Тимур-султана помимо Пулад-султана был еще один сын по имени Абдишах [2, с. 356]. В более раннем сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» сын Мухаммед Тимур-султана указан как Абдулшах [2, с. 35].

Относительно второй дочери Бурундук-хана, которая вышла замуж за Шибанида Махмуд-султана (ум. 1504 г.), внука Абулхаира, ничего не известно [3, с. 165]. Ее имя в источниках не называется, сведений об ее потомках не сохранилось.

За узбекским правителем Убайдаллах-ханом была замужем дочь верховного правителя Казахского ханства начала XVI в. Касым-хана [6, с. 3–19]. По сведению «Шараф-наме-йи-шахи» Хафиза Таныша, она была матерью Абд ал-Азиз-хана [7, с. 279]. В источниках ее имя не называется, она упоминается под тахаллусом «Казак-ханым» [8, с. 141; 9, с. 201–221].

В «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара имеется сведение, что в начале XVI в. старшая дочь казахского султана Адика, сына Жанибек-хана, стала женой Шибанида Абдаллах-султана, сына Кучкунчи-хана. Мирза Мухаммед Хайдар не называет ее имени, говорит только, что она вскоре скончалась. Ей могла быть Аман-Бике-ханым.

Об Аман-Бике-ханым известно из надписи на ныне утерянном надгробном камне в мавзолее Ходжа Ахмада Йасауи (Туркестан) [10, с. 42, 104, 167]. Текст эпитафии был опубликован в XIX в. П. Н. Ахмеровым. В его переводе он звучит так: «Эта могила принадлежит прощенной, помилованной, благоуспешной, сокрытой (от взоров человеческих) Аман Бике ханше дочери Джани-бек-хана, сына Барак хана. В летосчислении — в славном месяце реджеб 925 года», т. е. июль 1519 г. [11, с. 545–546].

Согласно «Шараф-наме-йи шахи», дочь казахского султана Жалима, сестра известного правителя Казахского ханства начала XVII в. Турсун-Мухаммед-хана, была замужем за Шибанидом Баба-султаном, правителем Ташкента. Однако имя казахской ханши автор сочинения не называет и сведений о ней в других письменных источниках нет [7, с. 253].

В начале XVII века к власти в Средней Азии пришла династия Аштарханидов, которая сменила здесь династию Шибанидов (Абулхаиридов). Казахские ханы также установили посредством династических браков семейно-родственные связи с представителями этой династии. Русский посол Иван Хохлов в 1622 гг. в своем отчете сообщал, что Имамкули-хан, правивший в Аштарханидском государстве в 1611–1642 гг., был женат на дочери двоюродного брата казахского султана Турсуна и хотел сделать своего тестя правителем казахов [12, с. 421]. По мнению Т. И. Султанова, речь идет о хане Есиме и его дочери [3, с. 222].

Еще одной из жен Имамкули-хана, по данным «Бахр ал-асрар», была дочь Абылай-султана (Абулай-султан), сына Шигай-хана. Ее имя в источнике также не называется [3, с. 193]. Согласно «Силсала-т ас-салатин» Мир Мухаммед Салима, около 1051–1053 г. х. / 1646–1643 гг. преемник Имамкули-хана на престоле Аштарханидов Надир Мухаммед-хан поручил своему эмиру Абд ар-Рахман-диван-беги сосватать за своего сына Абд ал-Азиза (правил Аштарханидским государством в 1645–1681 гг.) дочь казахского хана Жангира (Джахангира). Источник сообщает, что Абд ар-Рахман-диван-беги «встретился с Джахангир-хан казахом (III) и просил /от имени хана / руки его дочери Казах-ханум в жены высокопоставленному царевичу Саййид Абд ал-Азиз-султану». Жангир-хан выразил свое согласие, и его дочь была отправлена в Самарканд. Мир Мухаммед Салим сообщает, что «казахская девушка нареклась прозвищем «Казах-ханум» [13, с. 128–130, 294–296; 14, с. 72; 18, с. 225].

Семейно-родственные связи установились между казахскими чингизидами и правителями Могулистана и его преемника Могульского государства, которое существовало в XVI–XVII вв. в Восточном Туркестане (современный СУАР КНР).

Так, по сведениям «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара, казахский султан Адик был женат на дочери могульского хана Йунуса Султан-Нигар-ханым. После смерти Адик-султана на ней, согласно обычаю амангерства (левират), женился его брат Касым-хан [3, с. 150; 15, с. 323].

В 20–30-е гг. XVI в., согласно «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммед Хайдара, сын Адик-султана Бауш взял в жены Бади ал-Джамал, дочь могульского правителя Султан Саид-хана, однако позже брак был насильно расторгнут ханом Абд ар-Рашид-ханом [15, с. 522]. Брат Бауш-хана Буйдаш-хан был женат на Махим-ханым, дочери могульского хана Султан-Ахмеда хана [15, с. 192].

Их сестра казахская ханша Чучук-ханым стала старшей женой и верной спутницей жизни Абд ар-Рашид-хана, сына правителя Могульского государства Султан Саид-хана. Вместе они прожили более 35 лет, до самой смерти могульского хана в 967 г. х. / 1559–1560 гг. [15, с. 436; 16, с. 263–264]. Она родила ему шестерых сыновей, из которых двое (Абд ал-Карим-хан и Мухаммед-хан) стали верховными правителями Могульского государства. Чучук-ханым сохраняла свое влияние в могульском дворце даже после смерти мужа. Из сообщения Шах-Махмуда Чураса следует, что она оказала поддержку своему сыну Абд ал-Карим-хану при его восшествии на ханский трон [17, с. 160].

Ханым-падшах, дочь казахского султана Жалима, была женой могульского хана Шуджа ал-Латифа (правил 1609–1610 гг.). Она играла заметную роль при дворе Могульского государства. Шах-Махмуд Чурас отзывается о ней как об «умнейшей женщине [своего] времени» [17, с. 201].

Ханым-падшах была матерью Абд ал-Латиф-хана (Апак-хана), верховного правителя Могульского государства с 1619 г. по 1631 г. [16, с. 264]. Он стал ханом в возрасте 13–14 лет, и мать оказывала ему всемерное содействие. Так, по сведениям Шах-Махмуда Чураса, пользуясь молодостью хана, некий эмир Мухаммед Юсуф из племени байрин стал принимать важные политические решения без согласования с Абд ал-Латиф-ханом. Тогда именно Ханым-падшах организовала арест своеговольного эмира, который, впрочем, оказался, недолгим [17, с. 201].

Согласно «Бахр ал-асрар» Махмуда ибн Вали, в начале XVII века был заключен политический союз между казахским султаном Есимом и могульским ханом Абд ар-Рахимом, правителем Турфана и Чальша (Джалиша). Союз был закреплён династическим браком: дочь казахского султана Кучика, брата Есима, вышла замуж за могульского хана Абд ар-Рахима, а Есим взял в жены дочь Абд ар-Рахима — Падшах-ханым, от которой имел дочь Ай-Ханым [2, с. 339; 13, с. 191; 17, с. 221].

Т. И. Султанов указывает на сведение «Бахр ал-асрар», что дочь Абылай-султана была женой могульского султана Тимура, сына Шуджа ад-Дина Ахмада (1609–1618 гг.) [3, с. 193]. О ней также ничего неизвестно. Согласно Шах-Махмуду Чурасу, дочь казахского чингизида Жангир-хана была выдана замуж за Юлбарыс-султана, сына могульского правителя Абдаллах-хана. О ней и ее потомках нет сведений. Известно только о печальной судьбе ее дочери, юной Ханзаде-ханым, которая была казнена по приказу своего деда (Абдаллах-хана) за мятеж отца (Юлбарыс-султана) [17, с. 226].

Также имеются небольшие данные о династических браках казахских чингизидов с правящими домами западных и северных соседей — Ногайской Орды и Сибирского ханства. Так, согласно сведениям башкирского старшины К. Мулакаева, которое привел П. И. Рычков, правивший в Ногайской Орде в 40-е годы XVI века Шейх-Мамай-мирза был женат на сестре султана Акиазара или Акназара [168, с. 69]. Большинство исследователей, вслед за В. В. Вельяминовым-Зерновым, видят в этом султана Хакк-Назара, сына Касым-хана [19, с. 336]. Казахский хан второй половины XVI века Хакк-Назар в архивных документах дипломатических отношений Московского государства фигурирует как «Казатцкие Орды Окназар (Акназар) царь», «Акназар царь» [20, с. 167, 170, 174, 175; 21, с. 597]. В середине 30-х гг. XVI века русский посол Д. Губин в своей грамоте к русскому князю Ивану Васильевичу сообщал, что от «Ших-Мамаева от большой жены от Буддур-ханы» идет в Москву посол Ишим [22, с. 162]. В. В. Трепавлов высказывает вполне приемлемое предположение, что Буддур-ханым, старшая жена («большой жены») Шейх-Мамая, является упоминаемой в фольклоре сестрой Хакк-Назара. Следовательно, она была дочерью Касым-хана [23, с. 199]. Потомки Шейх-Мамая впоследствии возглавляли Алтыульский улус, кочевавший в Западном Казахстане. Основная часть улуса со временем вошла в состав казахского Младшего жуза [24, с. 94].

В «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера приводится предание о том, что Ахмет-Гирей, брат правителя Сибирского ханства Кучум-хана, был женат на дочери «знатного бухарского князя Шигея». Брак оказался неудачным. У Ахмет-Гирея произошла ссора со своим тестем, в результате которой он и погиб [25, с. 196]. Т. И. Султанов считает, что здесь речь идет о казахском хане Шигея и его дочери [3, с. 192]. К сожалению, других данных об этом казахско-сибирском династическом союзе нет (Кадыргали-бека Косумулы Жалаири) [10, с. 164–165].

Согласно сведениям труда «Джами ат-таварих» историка XVII в. Кадыр-Али-бека Косумулы, одной из жен Шигаи-хана была Яхшим-бегим, которая происходила из «джагата» [26, с. 164]. В. В. Вельяминов-Зернов предположил, что она относилась к роду «Кашгарских владельцев» [19, с. 363]. Вместе с тем он также заметил, что известны и «татары чатские», которые при сибирском хане Кучуме признавали его власть и жили около р. Оби. «Чаты же эти, — далее писал исследователь, — звались и Жагатами, или, что тоже Джагатами» [19, с. 363]. Хотя В. В. Вельяминов-Зернов сам в это не очень верил, все же допустил, что Кадыргали-бек, «в обоих местах, где он говорит о Джагате» мог иметь в виду «именно этих Джагатов или Чатов» [19, с. 364]. В. П. Юдин, развивая данное предположение В. В. Вельяминова-Зернова, пришел к заключению, что «вполне естественно принимать под чагатом народ, который действительно носил это имя» [2, с. 407–408]. Поэтому предполагаем, что женою Шигаи-хана и матерью знаменитых казахских ханов Тауекелля и Есима была Яхшим-бикем, происходившая из тюркского племени Сибири «чагат», или «чат».

Также существовал в этот период семейно-родственный союз между элитами казахой и азербайджанской. В конце XVI в. казахский султан Ораз-Мухаммед, который поневоле находился в самом центре Московского государства, выдал одну из своих сестер замуж за Шихим-мурзу (Сефевид?), выходца из азербайджанского Шемахи [19, с. 106–107, 458–462].

Таким образом, из сведений средневековых исторических источников следует, что правители Казахского ханства установили тесные, в том числе и семейно-родственные, связи с правителями соседних тюркских государств и народов, во главе многих из них находились также чингизиды. Так, нами отмечены семейно-родственные связи казахских чингизидов с представителями династии Шибанидов, Аштарханидов, правителями Могульского государства, Ногайской Орды, Сибирского ханства и Сефевидского Азербайджана. Эти связи преследовали цель укрепления дружественных связей посредством междинастических браков.

Список использованных источников и литературы

1. Абусейтова М. Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. — Алматы, 1998. — С. 128–129.
2. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. — Алма-Ата: Изд-во Академии наук КазССР, 1969. — 652 с.
3. Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 276 с.
4. Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане в XVI в. По материалам «Вақфнаме». — Ташкент, 1966, 354 с.
5. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме. — Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1992. — 312 с.
6. Вяткин В. Л. Шейхи Джуибари // В. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели. — Ташкент, 1927.
7. Хафиз Таныш ибн Мир Мухаммед Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) / пер. с перс., введ., прим. и указатели М. С. Салахетдиновой. Ч. 1. — М., 1983. — 298 с.
8. Мусахир ал-билад — مسخر البلاد: «تاریخ شیبانیان» / محمدیار بن عرب قطغان؛ تصحیح نادره جلالی. تهران- 1385/488 ص.
9. Юдин В. П. «Та'рих-и Шайбани» как источник по истории казахского и каракалпакского народов // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). — Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1988. — 264 с.
10. Schaibanidische Grabinschriften. Herausgegeben von Baxtiyor Babadjanov, Ashirbek Muminov, Jurgen Paul. — Wiesbaden, 1997. — S. 190+30.
11. Ахмеров Г. Н. Надписи мечети Ахмеда Ясави // Известия Общества археологи и этнографии при императорском Казанском университете. — Казань, 1896. — Т. 13. — Вып. 6. — С. 538–551.
12. Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620–1622) // Сборник князя Хилкова. — СПб., 1879. — С. 388–424.
13. Машрапов Т. Т. Значение персоязычных источников в изучении истории Киргизстана XVI–XVII веков: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / АН УзССР. Ин-т востоковедения им. А. Р. Беруни. — Ташкент, 1989. — 339 с.: ил.

14. Зияев А.Х. «Силсилат ас-салатин» как исторический источник: дисс. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / АН УзССР. Ин-т востоковедения им. А. Р. Беруни. — Ташкент, 1990. — 205 с.
15. Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди» / пер. с перс. языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Елифановой, 2-е изд., доп. — Алматы: Санат, 1999. — 656 с.
16. Акимушкин О.Ф. Средневековый Иран: Культура, история, филология. — СПб.: Наука, 2004. — 404 с.
17. Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина. — М., 1976. — 362 с.
18. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). — Оренбург, 1896. — 98 с.
19. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 2. — СПб., 1864. — 498 с.
20. История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XVI–XVII вв.) / сост., транскрипция скорописи, спец. ред. текстов, вступ. ст., коммент., сост. словников указателей А. Исына. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 704 с. + 16 с. вкл. 5. 6.
21. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. 1560–1571. // Сборник императорского Русского исторического общества. — Т. 71. — СПб., 1892. — 808 с.
22. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. / подгот. текста Н.М. Рогожина. — Махачкала, 1995. — 356 с.
23. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — М.: Восточная литература РАН, 2002. — 752 с.
24. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / отв. ред. И.М. Миргалеев. — Казань: Фолиант, 2011. — 252 с.
25. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. — 2-е изд., доп. — М., 1999. — 630 с.
26. Кадыр-Али-бек. Джам-и ат-таварих. Сборник летописей / Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. — Т. 2. Ч. 1. — Казань, 1854. — 178 с.

Сведения об авторе: *Атыгаев Нурлан Адилбекович*, кандидат исторических наук, асс. профессор, ведущий научный сотрудник Центрального государственного музея РК; ведущий научный сотрудник Музея города Алматы, г. Алматы, Казахстан, e-mail: nuratygayev@mail.ru

УДК 94

Л. И. Шерстова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКО-АБОРИГЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVII В.

Статья подготовлена при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030)

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир „Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматриваются три основные политические модели русско-аборигенных отношений в Южной Сибири в XVII в. — переориентация кыштымов енисейских киргизов Обь-Енисейского междуречья, установление московское подданство местной военно-политической элиты; налаживание дипломатических отношений с Джунгарией и государством Алтын-ханов. Делается вывод о том, что русские предложили местному населению приемлемые в рамках их политических традиций

формы политической и экономической зависимости, что объяснялось общим евразийским наследием как в государственности Московского царства, так и южносибирских государственных образований.

Ключевые слова: Евразийское наследие, кыштымы, ясачные волости, местная военно-политическая элита, западно-монгольские государства.

L. I. Sherstova

Tomsk State University (Tomsk, Russia)

THE POLITICAL MODELS OF RUSSO-ABORIGINAL RELATIONS IN SOUTH SIBERIA IN 17TH CENTURY

Abstract. The article examines three main models of Russo-Aboriginal relations in South Siberia in the 17th Century. The options were either the change of lord by former Yenisei Kirghiz tribute payers (kyshtyms) living in Ob-Yenisei interfluve, or receive of the Russian allegiance by local military and political elite, or establishment of diplomatic relations with the Dzhungar Khannate and the state of Altyn Khan. The article concludes that the options offered by Russian settlers were reasonable within their type of political and economical dependence. It can be explained by the common Eurasian cultural legacy shared both by Moscow statehood and state-like entities of South Siberia.

Keywords: Eurasian legacy, kyshtyms, yasak volosts (fur-tax paying regions) local military and political elite, Western Mongolian states.

Успех русского продвижения в Южную Сибирь во многом зависел от выработки сообразных моделей взаимоотношений с этнически, социально-политически, ментально неоднородными общностями коренного населения. Несмотря на то, что какой-либо продуманной политики установления русской власти за Уралом не было, однако, во-первых, в XVI–XVII вв. шли интенсивные процессы централизации власти и социального структурирования общества, и сибирское население автоматически включалось в этот процесс. Во-вторых, русское государство еще со времен Киевской Руси формировалось как полиэтническое, что предполагало накопление властью и ее подданными опыта установления позитивных межкультурных отношений. В-третьих, ордынское политическое наследие в московской государственности, с одной стороны, и центральноазиатский политический опыт тюркских народов — с другой, создавали прочную основу для взаимопонимания пришлого и местного населения. Эти факторы повлияли на формирование трех основных политических моделей взаимоотношений московской власти и местных сообществ [1, с. 59–76].

Северная периферия сибирских тюрков, на которой возникали ранние русские города — Тюмень, Тара, Томск, Кузнецк, Красноярск, — составляли группы, уже находившиеся в даннической зависимости от своих соседей, уже создавших собственные политические объединения — сибирских татар, енисейских киргизов и телеутов. Борьба за кыштымов, стремление вывести из-под контроля прежних сюзеренов население Обь-Енисейского междуречья, Притомья и Северного Алтая и перевести его в состояние ясачных определяли политику Москвы в этом регионе до начала XVIII в. Это определяло вторую политическую модель русско-аборигенных отношений — после гибели Сибирского ханства стремление установить московское подданство местной военно-политической элиты — правящего слоя Телеутской земли и княжеств енисейских киргизов.

В результате переселений части телеутов и енисейских киргизов в начале XVIII в. усилились дипломатические контакты России и Джунгарии. После гибели ханства, геноцида ойратов в джунгаро-китайской войне 1753–1758 гг. и вхождения народа Горного Алтая в российское подданство в Южной Сибири установилась буферная зона между Россией и Китаем. В результате тюрки Саяно-Алтая (кроме Тувы) были окончательно втянуты в пределы Российской империи. Взаимоотношения с государством Алтын-ханов, Джунгарским ханством, Минским, а затем и Цинским Китаем еще более актуализировали евразийское наследие в российской государственности и воплотились в формировании третьей модели — международных отношениях с суверенными государствами, которая наиболее ярко проявится уже позже — в XVIII–XIX вв.

Исходя из понимания сохранения в московской государственности XVI–XVII вв. «ордынского наследия», о чем писали еще евразийцы, население Сибири рассматривалось как наследственное владение — вотчина, улус — московских царей. Из восприятия обитателей Сибири как изначально подданных Москвы проистекает государственный патернализм, «государева забота о них». Поскольку все народы Сибири (присоединенные и неприсоединенные) заведомо «подданные» — с ними следует обходиться «ласково, а не неволею и не жесточью» [2, с. 140–141]. Воевать дозволялось только с «изменниками», которые «учнут ослушаться и государева ясаку не учнут платить,... поиск над ними чинити и промышляти и битце с ними» [2, с. 162]. В этой связи показательно, что русские служебные документы пронизаны непререкаемой установкой: «изменниками», «непослушниками» называются не только уклоняющиеся от подати, но и новые, еще не объясаченные волости [3, с. 488].

Таким образом, в государственном понимании покорение Сибири сводилось к «возвращению» ее в подданство московскому государю, прежде всего, поголовному объясачиванию. При этом бегство ясачных, уклонение от выплаты подати не воспринимались служилыми людьми как нечто необычное в их поведении. Социально-психологический климат той эпохи во взаимоотношениях власти и населения был тонко подмечен еще С. М. Соловьевым: «Гоньба за человеком, за рабочею силою производится в обширных размерах по всему Московскому государству: гоньба за горожанами, которые бегут от тягла всюду, куда только можно,... гоньба за крестьянами, которые от тяжких податей бредут розно, толпами идут за Камень; помещики гонятся за своими крестьянами, которые бегут...» [4, с. 43]. Добавим сюда и гоньбу государства за ясачными — основным поставщиком казны; погоню, логично и органично вписывающуюся в общеисторическую канву России XVI–XVII вв.

Общеизвестно, что внешние политические формы вхождения сибирского населения в состав Московского царства ограничивались «приведением под высокую руку государеву» и принесением клятвы верности (шертованием), что закреплялось, как правило, взятием в русские города и остроги родственников местной правящей элиты в качестве заложников-аманатов. Экономическая же основа включения сибирских аборигенов в структуру Московского царства заключалась в особом виде тягла — дани в форме пушнины, т. е. ясака, что фиксировалось в особых ясачных книгах. Однако, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны во всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они укрепились не без воздействия Золотой Орды. Действительно, переписи населения; сбор дани руками баскаков, а чаще — местных князей; сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получения взамен ярлыка — права на княжение; долговременные обязательные пребывания князей или их родичей в Сарае, в Каракоруме, т. е. то же аманатство, переписи населения и т. д., — все это общеизвестные явления ранней стадии российской государственности.

Поэтому с административно-политической и фискальной точки зрения Москва предложила сибирским аборигенам уже привычные им формы «господства-подчинения». Они столетиями вполне комфортно жили в подобных государственно-податных системах, которые застали русские в Южной Сибири. Именно привычностью предлагаемого социального статуса и форм зависимости объясняется та относительная легкость, с которой происходило закрепление русской власти.

Важно подчеркнуть, что в средневековых «кочевых империях», в Золотой Орде, в позднейших монгольских ханствах Халхи или Джунгарии, в киргизских княжествах, и в телеутских улусах главным в государственной политике, особенно в пору становления государственности, было не столько завоевание земель, сколько умножение числа данников-албату. То же в Московском царстве: основное государственное стремление — усиленный поиск новых тягловых людей.

Именно об этих государственных интересах свидетельствуют, например, Наказы Бориса Годунова (1604 г.) и Василия Шуйского (1608 г.) сибирским воеводам, дословно повторяя друг друга: «И они б сибирские земли всякие люди... и братью и дядю и племя и племянников и друзей отовсюду призывали и волости полнили... и про далния и про новья земли и про волости потому же проведывати, ... кто ясаки с них емлет или живут особе и много ли в них ясачных людей, да то велети все описати себе именно. А которые волости ново проведывают, и те б волости потому же приводити под государеву царскую высокую руку...» [2, с. 140]. Отсюда — сохранение и даже создание таких податных единиц, которые бы определялись *самим наличием* тяглого контингента, а не жесткой пространствен-

ной привязкой или географическими границами. Тут очень пригодилась воспринятая московской властью центральноазиатская традиция государственного устройства через улус. Под этим термином и в Золотой Орде, и в русском государстве XVI–XVII вв. подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение; народ, данный в феодальное держание» [5, с. 118].

Документы начала русской экспансии в Сибирь создают впечатление, что к приходу служилых людей в Обь-Енисейском междуречье уже существовали устойчивые податные образования. Так, в «Наказе» царя Бориса Годунова, в частности, говорится: «А которые люди живут на томской вершине (в верховьях Томи. — Л. III.) *восьми волостей* (курсив мой. — Л. III.), и те люди учнут в государеву казну давати ясак» [2, с. 139]. Чуть позже в «податной» переписке Томска с Москвой фиксируется: «Приведены (под царскую руку. — Л. III.) Матцкая, Кимская и Алтерская волости», «князек Базаяк с своими людьми в Обинской (Абинской. — Л. III.) волости» [6, с. 31]. Документально устанавливается: приходя в «волости» за ясаком, сборщики ограничивались учетом числа ясачных, но отнюдь не занимались «организацией» податных единиц — во всяком случае, в начальный период объясачивания. При этом количество ясачных на одну волость было небольшим, например, в 1623 г. в среднем колебалось от 5 до 29 человек, а исключением Мелесской (50 чел.) и Мелесско-Туталовой (40 чел.) [7, с. 82–83].

В Южной Сибири и прилегающих к ней с севера территориях русские застали исправно функционирующую административно-фискальную систему, сходную с существовавшей в Среднем Обь-Иртышье и связанную с податной политикой Кучумова ханства. В данном регионе она сформировалась и использовалась в рамках енисейско-киргизских и телеутского государственных образований, а также в результате распространения джунгарского влияния на верховья Иртыша и Оби. В этой ситуации перед томской администрацией стояла задача, прежде всего, фискальной и политической переориентации уже зависимого, обложенного податью (ясак, алман) населения.

Таким образом, утверждаясь в Южной Сибири, московские воеводы, дьяки, стрельцы и казаки либо использовали функционировавшие до них местные податные образования, занимаясь их политической и фискальной переориентацией, либо создавали собственные, чаще на основе больших семей (патронимий). Но как в первом, так и во втором случаях русские столкнулись с обществом, достаточно развитым для того, чтобы хорошо понять и принять как должное устремления и служилых людей, и стоявшей за ними местной и центральной администрации. Тем более, что ни властители, ни исполнители в своих действиях и решениях не выходили за рамки привычки русским и абorigенам «евразийской традиции» организации общества.

Проблема перевода коренного южносибирского населения в московское подданство заключалась не столько в политической (шертование) и фискальной (запись в ясачные книги) переориентации давно уже существовавших податных единиц, обозначенных теперь новым термином «волость», сколько в способности и постоянной готовности защитить этих новоподданных от претензий со стороны их прежних «держателей». Для всего XVII в. типичны просьбы ясачных о защите их от «немирных земель» и, прежде всего, от енисейских киргизов. Здесь совпадали их интересы и устремления государства Российского. В «Наказе» об основании Красноярского острога подчеркивается его роль в обороне не одних лишь подвластных ему ясачных, но акцентируется значение этого укрепленного пункта для присоединения других: «И иных земель многие люди, слыша про могучую милость и призрение и оборону и заступление, сами под государеву руку приклонились... чтоб государеву ясаку от киргиз и иных земель порухи не было и государевым ясачным людям обид и насильств не чинили» [8, с. 333].

Киргизы, телеуты, джунгары не желали признавать перехода своих данников в московское подданство, и несмотря на постепенное усиление Москвы, продолжали видеть в них исключительно своих кыштымов, наезжая в номинально ставшие русскими ясачные волости за алманом. Так, на просьбы воевод выдать беглых ясачных, кыргызы заявляли: они «наши природные холопы, кыштымы, как де их государю отдать?» (1628 г.), или «из давних лет ясашные горные порубежные волости (наши. — Л. III.) кыштымы» (1684 г.) [6, с. 77, 178]. Телеуты, возмущенные походом И. Пущина в Верхнее Приобье, пеняли русским: «Для чего де воюют наших людей телесцев и белых калмыков людей?» [3, с. 397].

В некотором смысле весь XVII в. для самих ясачных людей оставался временем выбора. Согласившись выплачивать ясак России, они продолжали платить дань енисейским киргизам, Алтын-ханам, позднее джунгарам. Они находились в состоянии многократного обложения, хотя официаль-

но статус двоedanцев был определен для них договором между Россией и Джунгарией лишь в 1640 г. Если в ходе «городового ставления» и особенно после царского указа 1601 г., назначившего предел душевого обложения в 10 соболей, объемы ясачных сборов упорядочились в более или менее «щадящем режиме», то сбор алмана прежним сюзеренам все больше приобретал черты грабительских военных набегов. «Приходили в 1635 году под Кузнецкой острог *изменники* (! — Л. III.) киргизские люди Ишейко со многими людьми, у служилых скот отогнали,... хлеб сожгли,... повоевали Тюлюберскую волость и побили 12 государевых ясашных людей, а жен и детей в полон поимали»; или «приходили в Мелесскую волость... 40 человеж кучах (*одетых* в латы. — Л. III.), ... многих ясашных ограбили и побили...» [3, с. 441].

Следует заметить, что киргизы не принимали московского подданства, а их ясачные не отказывали в дани никому — ясачная система имела облик архаического дарообмена: сданный алман (ясак) должен был восполняться подарками со стороны «держателя».

Публичное принесение даров (дани, алмана) и получение подарков, иногда по ценности и объему превышающих алман, приняло форму сложного ритуала. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождалась раздачей подарков — кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также обильным массовым пиром. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князьками, лучшими людьми и простыми ясачными, а тем более при их шертовании и получении от них ясака «и самим быти и служилым людям велети быти в цветном платье», одаривая всех «предавшихся под руку государеву» обильно, устраивая коллективное угощение [2, с. 139].

Красивая пестрая одежда, пышное пиршество, раздача подарков несли в себе глубокую смысловую нагрузку, символизируя мощь и богатство устроителей церемонии, а через них и Московского царства вообще. Становится понятным, почему среди «насилий» томских же воевод Ржевского и Бартенева жалобщики называли и то, что «кормили (они) иноземцев, которые приходят с ясаком, *по одинакова на день, и от того де твоему царскому имени позорно и в ясачных людях смута*» (! — Л. III.) [8, с. 418]. Воеводы, видимо, экономили на царских угощениях, что обижало князьков. Но главное даже не «одинакое» кормление, а отсутствие настоящего пира само по себе, поскольку отказ от церемониала подвергал сомнению юридическую достоверность и законность ясачного сбора (а значит, и овеществленных в нем вассальных отношений), рисуя сюзерена, т.е. Москву, как слабого и ненадежного защитника, которому и дань-то платить стыдно.

Таким образом, верхушка аборигенного общества довольно легко вписалась в социальную структуру Московского царства. Князцы и лучшие люди должны были собирать ясак и «поминки», доставлять их в целостности до «государевой казны» в острогах и городах и выступать в роли посредников между жителями своей волости и местной администрацией.

В условиях, когда русским не хватало собственного воинского контингента, широко использовался потенциал местных князцов, при сохранении за ними их прежних владений и замене ясака военной службой.

В наибольшей степени русские власти использовали потенциал сибирских татар. Уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовала часть его элиты. Сражавшийся с Ермаком князь Епанча в последствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака — князь Мантмас — позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару [9, с. 164–165]. Как отмечает Д.Я. Резун, в 1638 г. юртовские служилые татары составляли в Тобольске 34,5%, в Тюмени — 22%, в Таре — 12% от всего служилого сословия [10, с. 20]. Столь массовое включение татар в состав служилых людей не противоречило ни их собственным ментальным установкам, ни государственной практике Москвы. Симпатии первых в выборе сюзеренов базировались на центральноазиатской установке о том, что служить слабому правителю неприемлемо, поскольку он потерял благосклонность Неба. И наоборот: быть на службе у сильного правителя, даже если он прежде был врагом, престижно. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, а русским доказать свою силу, как они приобрели в лице местной «элиты» верных помощников. С другой стороны, Москва с XV в. имела богатый опыт постоянного привлечения на военную службу ордынцев. В Сибири подобная практика получила свое развитие. Оказавшись в составе служилого сословия, сибирские татары, телеуты, чаты сохранили свой воинский статус. О том, насколько это было важно в сибирской аборигенной

среде, свидетельствует история русско-киргизских отношений, по отношению к которым политика Москвы изначально отличалась бескомпромиссностью. Во многом это определялось тем, что именно киргизы являлись владельцами многочисленных кыштымов Обь-Енисейского междуречья, на которых претендовала Москва.

Поэтому постоянным предметом споров оставался вопрос о сборе дани с ясачных, но к 1680 г. русские власти, проявившие осмотрительность, дальновидность, смогли добиться компромисса. Все свелось к обязанности киргизов «преж государева ясаку на себя не имать» [6, с. 132], что, по сути дела, признавало за ними права и на государевых ясачных, т. е. определяло двоеданческий статус последних и устанавливало очередность сбора ясака и алмана.

Болевой точкой русско-киргизских отношений оставалась проблема выплаты ясака самими киргизами. Отказываясь платить окладный ясак в 10 соболей с мужской души, они порой вызвали к здравому смыслу. Они де «живут в степи... и соболей на степи не живет, а которые природные (наши) холопы кыштымы все иные... за государем и ясак со всех с них збирают в Томской город,... в Кузнецкой и Мелесской остроги» [5, с. 151]. Подданными России киргизы себя не признавали и потому настоящего ясака давать не могли. Таким образом они подчеркивали свой высокий, правящий статус.

Тем не менее русская администрация и киргизские князья имели шанс на установление вполне терпимых взаимоотношений. Впервые такая возможность была сформулирована в 1628 г. князем Ишеем в виде просьбы: «Государь (бы) их пожаловал, велел им свою государеву службу служить так же, что и чатцким татарам вместо уплаты ясака». Через четверть века, в 1642 г., тот же Ишей повторил уже воеводе И. Кобыльскому: «Чтоб государь вины отдал и их пожаловал и ясаку б с них имать не велел, а они готовы государю служить, как и Чацкие мурзы служат» [11, с. 297]. Русские власти долго на такие предложения не реагировали, руководствуясь стойким предубеждением, опасаясь в этом случае измены и бунта.

Таким образом, альтернативой посольствам на протяжении всего XVII в. были военные рейды в киргизские земли, которые, однако же, завершались без ощутимых результатов. В течение всего XVII столетия русские, продвигаясь на восток, вынуждены были обходить «немирные» киргизские владения. В своем противостоянии Москве киргизы сначала опирались на Алтын-ханов, а с 1660-х годов — на Джунгарское ханство. Их надежды на относительную самостоятельность в результате лавирования между монгольскими государствами и Россией оказались тщетными. Алтын-ханы и Джунгария, являясь активными участниками центрально-азиатской политики, стремились обезопасить свои северные границы, и рассчитывая если не на поддержку, то хотя бы на нейтралитет России, фактически отказались от открытой помощи киргизам в их противостоянии с Москвой.

События 1703 г. и выселение киргизов со своих земель были предreshены, явившись логическим завершением процесса. Непрекращающиеся военные столкновения Джунгарии с Китаем и казаками требовали от джунгар людских и материальных ресурсов, а также безопасности северной границы ханства, что могло быть достигнуто лишь при невмешательстве России. Выселяя киргизов в Джунгарию, ее правители добивались двоякой выгоды. Они получали искомую российскую лояльность и обеспечивали себя искусными и храбрыми конными отрядами, увеличивая свой улус. Русские, по-прежнему не имевшие достаточной мощи для сокрушения непокорного анклава в глубине своих сибирских владений, неожиданно для себя, получили возможность продолжить «освоение» обезлюдевших приенисейских территорий.

Сибирские материалы XVII в. позволяют оценить гибкость политики Москвы на ее восточных рубежах. Опираясь на «ордынское наследие», она успешно осваивала новые территории, выстраивала различные политические модели взаимоотношений с местными народами и государствами, опираясь прежде всего, на мирные, дипломатические методы, на «неспешность» в решении возникавших противоречий, завоевывая симпатию своих новых подданных.

Список использованных источников и литературы

1. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика. XVII — начало XX вв. — Новосибирск: ИАЭТ, 2005. — 312 с.
2. Древнейший документ о нашем городе. Томск. — Март-июнь. — 1946. — С. 138–142.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. — М.; Л.: АН СССР, 1941. — Т. 2. — 617 с.

4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — М.: Соцэкгиз, 1962. — Кн. VII. — Т. 13. — 726 с.
5. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. — М.: МГУ, 1973. — 178 с.
6. Материалы по истории Хакасии. XVII–XVIII / под ред. В.Я. Бутанаева и А. Абдыкалыкова. — Абакан, 1995. — 250 с.
7. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Тр. Томск. гос. ун-та. Томск: ТГУ, 1950. — Т. 112. — 210 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л.: АН СССР, 1937. — Т. 1. — 607 с.
9. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. — М.: АН СССР, 1955. — Ч. 3. — С. 153–175.
10. Резун Д.Я. На сибирском фронтире в XVII в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX: общее и особенное. — Новосибирск, 2002. — Вып. II. — С. 18–28.
11. Фишер И.Э. Сибирская история. — СПб., 1774. — 631 с.

Сведения об авторе: *Шерстова Людмила Ивановна*, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории Томского государственного университета, г. Томск, Россия, e-mail: sherstova58@mail.ru

УДК 94:111:1 (575.2) (04)

Т.А. Акеров

Институт этнологии (Бишкек, Кыргызстан)

АНГА ТОРЕ — ПРАВИТЕЛЬ КЫРГЫЗСКОГО УЛУСА

Аннотация. Вопрос об этнической принадлежности улуса Анга Торе до сих пор остается спорным. Одни считали улус кыргызским, другие — кыпчакским. В статье делается еще раз попытка проанализировать проблему этнической принадлежности улуса Анга Торе с привлечением новых сведений из источников и родословных кыргызских племен XIV–XVI вв. В статье анализируются сведения С. Ахсикенди о родстве Анга Торе с Абдырахманбеком зятем отца Амира Тимура [1, с. 303]. Автор, отождествляя Абдырахманбека с Абдырахманбеком Азыком, родоначальником племени азык, приходит к выводу, что улус Анга Торе был кыргызским.

Ключевые слова: Анга Торе, родоначальник, улус, племя, черик, азык, аз-ширин, Иртыш, Тянь-Шань.

T.A. Akerov

Institute of Ethnology (Bishkek, Kyrgyzstan)

ANGA TORE — LEADER OF THE KYRGYZ ULUS

Abstract. The question about the ethnicity of the Anga Tore ulus is still controversial. Some considered the ulus as Kyrgyz, others as Kypchak. The article analyzes once again the problem of ethnicity of Anga Tore ulus with attraction of new information from sources and genealogies of Kyrgyz tribes of XIV–XVI centuries. The article analyzes the information of S. Akhsikendi about the kinship of Anga Tore with Abdirahmanbek son-in-law of Amir Timur's father [1, c. 303]. The author, identifying Abdyrahmanbek with Abdyrahmanbek Azyk, the ancestor of the Azyk tribe concludes that Anga Tore ulus was Kyrgyz.

Keywords: Anga Tore, ancestor, ulus, tribe, cherik, azyk, az-shirin, Irtysh, Tien-Shan.

К. Петров одним из первых назвал улус Анга Торе кыргызским. По его мнению, черики были кыргызским объединением. Он писал: «Большая часть кыпчакско-кыргызской группы была насильно переселена на Тянь-Шань и входила в улус Анга Торе Бай Мурат Черика, который был главой племени чериков, возглавлял кыргызско-кыпчакское объединение» [2, с. 4–5.]. Он полагал, что предки кыргызов данного улуса мигрировали из Енисейско-Иртышского междуречья в XIII–XV веках. Касаясь проблемы формирования кыргызского этноса, он отмечал значительную роль кимако-кыпчакских родов, переселившихся из Или-Иртышского междуречья.

Однако С. М. Абрамзон выразил несогласие с выводами К. И. Петрова о происхождении князя Анга Торе. Он посчитал недостаточным то, что этот князь носил фамилию Черик. Исследователь считал неубедительным совпадение шести из двенадцати имен родословной Анга Торе с именами легендарных предков правого крыла кыргызов (Ана-л-хак, Лур-хан, Гуз хан, Арсланг-бий, Кулибий и Мары-бий). С. М. Абрамзон писал: «Вполне вероятно, что киргизы (в том числе и племя черик) входили в улус Анга Тори, но он не был «киргизским» [3, с. 60–61].

В интересующую нас проблему была внесена определенная ясность после полного анализа отрывка эпоса «Манас», приведенного в сочинении «Маджму ат-Таварих». О. К. Караев, анализируя данные о кыргызах в книге С. Ахсикенди, пришел к выводу, что главные сюжеты рассказа совпадают с основными событиями, происходившими в Моголистане в связи с войнами дуглатского эмира Камар ад-Дина [4]. Отсюда ученый полагал, что кыргызы жили в это время в Илийской долине Восточного Туркестана и тоже воевали с Камар ад-Дином. Он считал улус Анга Торе кыргызским владением [4].

С. А. Аттокуров считал, что в XIV веке кыргызы не только входили в состав государства Моголистан, но и отдельные их вожди, такие как Анга Торе, Кулжыгач, являлись предводителями улусов, поскольку вышеотмеченные князья упоминались в источниках, повествующих походы Амира Тимура. Отсюда ученый утверждал, что последние являлись предками Черика [5, с. 42–43]. Другим предком Черика он назвал Атан бия, родоначальника левого крыла кыргызов, имевшего двух сыновей — Кулжыгач Торе и Лаклак бия [5, с. 84]. По его мнению, Тагай бий сделал Черика своим знаменосцем из-за его благородного происхождения, имевшего отношение к древнему кыргызскому княжескому роду [5, с. 80–86]. И по этой же причине обтянутое золотом знамя Тагай бия было унаследовано Чериком [6].

По мнению Т. Д. Джуманалиева, племена черики и баарины являлись восточными мигрантами, переселившимися на Тянь-Шань в период Хайду хана. По его утверждению, булгачи-ичкилики представляли кыргызский улус, тогда как владение Анга Торе Бай Мурата Черика было кыпчакско-кыргызским [7, с. 410–412; 438–441].

Однако следует отметить, что ученые в рассмотрении данного вопроса упускали из виду то, что большинство племен улуса Анга Торе составляли племена владения Хорчи, которое было сформировано самим Чингиз ханом. Улус Хорчи был образован на основе земель бахринов (бааринов), енисейских кыргызов и владения Ус в Западной Монголии. В источнике три тысячи бааринцы Хорчи отмечаются вместе с племенем черик, тысячниками Тахай и Ашиг [8, с. 207]. Сюда же относились «пополненные до тьмы адаркинцы, чиносцы, телесы, телеуты» [8, с. 207] и другие лесные племена Саяно-Алтая. В источниках Ашиг также встречается как глава племени тубэгенцев под именем Ашиг ширун [9, с. 93], что было тождественно с аз-ширин. Очевидно, в данном случае речь идет о главе Ашиг племени тубэген (потомки дубо или тубас), расположенного во владении Ус в Западной Монголии. Это позволяет нам ашиг и тахай отождествлять с кыргызскими азык и тагай. Отсюда можно сделать вывод о том, что рунические азы, аз-ширины и ашиги (азыках) — одно и то же объединение, обитавшее на Саяно-Алтае. Последние представляли господствующее племя древних кыргызов, т. е. азы, аз-ширины, ашиги -кыргызы.

Однако после смерти Хорчи объединения союза племен аз-ширинов, куда входили аз-ширины (азыки), бахрины, кыпчаки, аргыны и кыргызы, стали мигрировать в земли Золотой Орды и государства Хайду, который был провозглашен ханом в долине реки Талас в 1269 году. Рашид ад-Дин писал, что бахрины вместе с чериками мигрировали на земли Ак Ордо. После последние переселились в земли государства Хайду. Чуть позже все племена улуса Хорчи вслед за бахринами и чериками оказались на землях государства Хайду. Т. Джуманалиев по этому поводу пишет, что в XIII веке черики вместе с бааринами (бахринами) входили сначала в улус Ак Ордо, затем в состав государства Хайду (с 1269 г.), а после создали свой улус во главе с Анга Торе. Улус Анга Торе сохранял союз с бааринами

и другими кыргызскими родами. Позже баарины, наряду с чериками, вошли в состав племен правого крыла кыргызов [1, с. 419].

Следует отметить, что миграция бахринов и чериков была связана с периодом противостояний Хайду хана и всемонгольского владыки Хубилая, который постоянно отправлял своего полководца Тутука на север против своего заклятого врага Хайду и его союзников кыргызов на Севере. Не выдержав натиска Хубилая, лесные племена уходили в земли Золотой Орды и государства Хайду. В источниках сохранились сведения о восстании предводителей Тотому (Тука-Тимура) и Шелецзи (Шерики или Черик) в период правления Чжи-юаня. В источнике сообщается: «В 14 году ... правлении Чжи-юань (1276 г.) восстали Тотому и Шелецзи разорили все племена... разграбили великий юрт ... и ушли. Тутука, став во главе войск, покарал их» [2, с. 98–99]. В 1277 году полководец империи Юань Тутук, собрав войско из кыпчакских племен, вступил в поход на север. Его армия «преследовала Шелецзи и перевалила через горы Цзиньшань (Алтай)» [2, с. 98–99]. В данных сообщениях речь идет о событиях после образования государства Хайду в 1269 году.

Следовательно, противоборство между Хайду и Хубилаем привело к полному уничтожению улуса Хорчи, племена которого, не желая подчиняться всемонгольскому хану Хубилаю, переселились в Волско-Уральский регион, в степи Дашт-и-Кыпчака и Семиречье.

Согласно С. Ахсикенди, одним из основных родов улуса Анга Торе являлись племена, происшедшие от двух сыновей Анга Торе — Мухаммедабека и Ахмадабека — черик и монолдор [10, с. 227–228]. О. Караев предлагал в первом видеть правителя тяньшаньских кыргызов Мухаммед-Кыргыза, а во втором — владыку Моголистана Ахмед хана [4].

С. Агтокуров проанализировал сведения историка Моголистана М. Чураса и О. Сыдык уулу о генеалогии потомков Кылыч хана Дайира и Коко, где последние указаны как внуки предводителя кыргызов Мухаммеда Кыргыза. В родословной указывается следующая линия кыргыз Мухаммед хан, от него — Шах-Шуджа ад-дин Ахмаджан, от него сын (имя неизвестно), Зиа ад-Дин Темир Султан, от него Ахмед султан (Фурлад хан), Махмуд хан (Кылыч хан), от него Дайир и Коко. Далее он отмечает, что после убийства Кылыч хана в межклановой борьбе за власть его жена с двумя сыновьями бежит к своим родственникам, правителю племени кушчи Сокур бию. Тот, опасаясь гнева хана, отправляет их на Алатоо [5, с. 126]. С. Агтокуров отмечает, что предки племени монолдор могли быть кыргызами, которые проживали совместно и были в близких этнических контактах с мологами, имея с ними родственные отношения по материнской линии. В связи с чем в трудное время монолдоры возвращались к своим родственникам по матери [5, с. 127].

Однако отметим, что К. Петров, анализируя происхождение улуса Анга Торе, за основу брал то, что черики являлись соседями кыпчаков на Алтае. Но он не обратил внимания на то, что последние жили в соседстве с кыргызским племенем нойгутов на Тянь-Шане, что ставит под сомнение его гипотезу о кыпчакском происхождении улуса Анга Торе.

Согласно кыргызской родословной, черики и нойгуты являлись родственными племенами и имели общее владение в Восточном Тянь-Шане. Потому как у правителя улуса Ак Балты не было сына, преемником становится его младший брат Черик. Согласно родословной кыргызов, Тагай бий совместно с сыном Кылыч хана Коко [5, с. 127] совершает поход во владение нойгутов в Восточном Туркестане. Во владении нойгутов он находит мальчика, которого отдал на воспитание своей сестре Наал. Его нарекли Чердегей Чериком (Чердегей — уменьшительно-ласкательное). Черик рос с Монолдором, сыном Наал эже от Коко.

Следовательно, черики могли быть северными соплеменниками нойгутов, которые пришли с Алтая в улус своих южных соплеменников в Моголистане. То есть улус Анга Торе был сформирован на основе земель онгутов или нойгутов [5, с. 127], а Черик был найден во владении нойгутов, чье аристократическое происхождение подтверждалось эпосом «Манас», где последние приходились родственниками Манаса по материнской линии. По сказанию мать Чыйырды была сестрой правителя нойгутов Ак Балты, который приходился дядей Манаса по матери. Отсюда можно сделать вывод о том, что онгуты, или нойгуты, представляли алтайских кыргызов в Моголистане. Стало быть, нойгуты, представлявшие аристократический клан кыргызов в Моголистане, могли иметь статус брачующего рода с Домом Моголов, что и, видимо, было отражено в эпосе «Манас». В свое время Чингиз хан тоже выдавал своих дочерей онгутам/нойгутам. Очевидно, именно по этой при-

чине черики мигрировали на юг и пытались объединиться со своими соплеменниками онгутами или нойгутами Моголистана.

С. Ахсикенди представил весьма интересные сведения о родственных связях Анга Торе и главы племени азык Абдырахманбека, больше известного в народе как Абдырахманбек Азык. Согласно С. Ахсикенди, Анга Торе, глава улуса чериков, пытался консолидировать кыргызские племена вокруг своего владения. Анга Торе выдал свою дочь Гулькан за сына предводителя племени азык Абдырахманбека Азыка (зять Тыграя-Тарагая — отца Амира Тимура) Абдраимбека. Тем самым он склонил на свою сторону предводителей племени азык. Следовательно, Анга Торе стремился объединить все кыргызские и другие племена вокруг себя. В улусе Анга Торе черики и азыки являлись одними из основных объединений, что говорит в пользу гипотезы о кыргызском происхождении улуса Анга Торе.

Отметим, что имя главы племени Абдрахманбека Азыка встречается и в рассказе о Кара Чоро. Известно, что Тагай бий имел четырех собственных сыновей — Каш Керена, Богорстона, Койлона (Кулан) и Кара Чоро, и три приемных — Азыка, Саяка и Черика. Всего у него было семь сыновей [5, с. 12–14], от которых произошли крупные племена кыргызов с аналогичными названиями.

По преданию Тагай бий имел сына Кара Чоро, который родился от иноземки, когда он находился в заложниках в ханском дворце. Достигнув зрелого возраста, он пошел искать своего отца. В пути Кара Чоро встретил и сдружился с Азыком, Чериком и Саяком. Последние помогли ему найти Тагай Бия, который усыновил всех его друзей и выделил им равные доли, причитающиеся последним в качестве потомков бия. В данной генеалогии под Азыком следует понимать Абдырахманбек Азыка, который является родоначальником племени азык.

Очевидно, в вышеприведенной родословной указаны царствующие кланы кыргызов, которые после смерти Анга Торе по воле судьбы вынуждены были находиться в разных уголках Семиречья и Ферганы. Однако с усилением Тагай бия последние вернулись к кыргызскому бию и консолидировались вокруг нового лидера.

Таким образом, можно полагать, что в формировании улуса Анга Торе важную роль сыграли кочевники владения Хорчи и союза племен аз-ширинов, куда относились черики, аз-ширины/ашиги, тахайи (тагайи), долосы, аргыны, бахрины, кыпчаки, адаркины, которые мигрировали в Моголистан в XIII–XIV вв. Последние сыграли важную роль в консолидации кыргызов во главе с Мухаммедом Кыргызом на Тянь-Шане в XV–XVI вв.

Следовательно, на основе вышеизложенного можно сделать вывод, что улус Анга Торе был кыргызским. С.А. Аттокуров справедливо считал, что Черик был кыргызом и имел аристократическое происхождение. Видимо, поэтому для сокрытия его аристократического положения к имени Черика прибавили уменьшительно-ласкательное (оскорбительное) слово «чердегей» («пузан»). В связи с его благородным происхождением Тагай бий доверил ему государственное знамя, сделав его своим знаменосцем [5, с. 81]. То есть кыргызские родословные данные эпохи Тагай бия отводят черикам по понятным причинам второспенное значение, тогда как в период Анга Торе черики считались одним из могущественных племен в Алтае-Тянь-Шаньском регионе. В генеалогии четко прослеживается смена аристократического клана в кыргызском обществе в период Мухаммеда Кыргыза в XVI в.

Список использованных источников и литературы

1. Акеров Т.А. Усуни-кыргызы. Кыргызы на просторах Евразии. — Бишкек: Тип. «Университет» КГНУ им. Баласагына, 2020. — 582 с.
2. Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношения с ойратами. — Фрунзе, 1961. — 212 с.
3. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе, 1990. — 480 с.
4. Караев О.К. Манас — тарыхый инсан // Газ. Заман Кыргызстан. — 19 авг. — 1994-ж.
5. Аттокуров С.А. Кыргыз санжырасы. — Бишкек, 1995. — 216 с.
6. Акеров Т.А. Маджму ат-Таварих как исторический источник / полный перевод, анализ и комментарии. — Б.: МАРТСНАБ, 2017. — 348 с.
7. Джуманалиев Т. Очерки политической истории кочевников Притяньшанья древности и до конца XVII века. — Бишкек, 2007. — 548 с.

8. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Монгольский обыденный изборник / Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — Т. 1. — 620 с.

9. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая яса. — М.: Эксмо, 2013. — 480 с.

10. Материалы по истории и кыргызов и Кыргызстана. — Б., 2003. — Ч. I. — 315 с.

Сведения об авторе: *Акеров Табылды Абдраманович*, кандидат исторических наук, доцент, директор Института этнологии при Международном университете Кыргызстана, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: akttar@mail.ru

УДК 930.85 +811.51

К. Т. Джаманкулова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

«КЫРГЫЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ» В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируется история зарождения и развития государства кыргызов. Выявлено, что истоки зарождения племени цзянь-кунь (енисейских кыргызов) начинаются с афанасьевской культуры, с началом сложения скотоводческого хозяйства на Енисее. История древних енисейцев рассматривается по культурным памятникам на основании классификации археологических памятников (С. Теплоухов). Рассматривается цивилизация народов алтайского происхождения, история енисейских кыргызов в эпоху гуннской, тюркской державы. Подвергается анализу динлинский этногенез, вследствие чего произошли тюркские племена енисейских кыргызов. Анализируется период «Кыргызского великодержавия».

Ключевые слова: Кыргызское великодержавие, енисейские племена, Гегунь, цзянь-кунь, цивилизация, динлинский этногенез, хуннский период, тюркская держава, Кыргызский каганат, енисейская письменность.

K. T. Dzhamankulova

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

«KYRGYZ GREAT POWER» IN THE HISTORY OF THE CIVILIZATION OF THE PEOPLES OF ALTAI ORIGIN

Abstract. The article talks about the Kyrgyz Great Power, named by Bartold, about the origins of the formation of the tribe of the ancient Yenisei Kyrgyz, the formation, development and strengthening as a state, about the dawn of the Kyrgyz Great Kyrgyz Power in the history of the civilization of peoples of Altai origin. It is said that the origins of the Jian-kun tribe (Yenisei Kyrgyz), recorded in the 3rd century BC in the country of Gegun, begin with the Afanasyev culture, with the beginning of the formation of cattle breeding on the Yenisei. The history of the ancient Yeniseis is considered according to cultural monuments, based on the classification of archaeological monuments (S. Teploukhov). The civilizations of the peoples of Altai origin, the history of the Yenisei Kyrgyz in the era of the Hunnic, Turkic power are considered. The Dinlin ethnogenesis is analyzed, as a result of which the Turkic tribes of the Yenisei Kyrgyz arose. The Kyrgyz great

power is analyzed. The Kyrgyz used writing: semasiography and phonography. Yenisei writing (5–7 centuries) belongs to the Yenisei Kyrgyz and is more archaic than Orkhon. The Kyrgyz are the oldest people who went through all stages (birth, flourishing, decline) of civilization, creating a huge Kyrgyz Khaganate called Bartold «Great Kyrgyz Power», bursting into the vast steppes of Central Asia, becoming the hegemon of all Turkic tribes and leaving a noticeable mark in world history.

Keywords: Kyrgyz great power, Yenisei tribes, Gegun, Jian-kun, civilization, Dinlin ethnogenesis, Xiongnu period, Turkic power, Kyrgyz Khaganate, Yenisei writing.

Народы и племена, жившие когда-то на просторах Евразии, пережили три цикла цивилизации, которая включает в себя исторические эпохи, начинающиеся от эпохи неолита. **1. Эпоха палеометалла, III–II тысячелетия д. н. э.** Этап зарождения — начинается с периода «степной жизни». Степной жизни характерно экстенсивное кочевое животноводство. **2. Эпоха ранней кочевой жизни.** Это скачок от степного общества к кочевому животноводству. Это культура номадов, которая возникла в результате перехода от пастушеских обществ эпохи бронзы на новый этап — к культуре номадов. **3. Эпоха древних кочевников.** Этап процветания кочевой цивилизации. Была образована масштабная, сильная политическая система, была основана кочевая империя, являющаяся военно-политическим централизованным объединением кочевого народа, занимающегося скотоводством. **Распад цивилизации. Распад кочевой империи.** Развитие промышленности государств, а также обеспечение армии оружием ослабило силу конной армии кочевников. Со временем этот процесс стал причиной падения кочевых государств.

Кочевые цивилизации, из них — Хуннская империя, Тюркская империя и Кыргызское «великодержавие» (В. Бартольд) пережили циклы зарождения, развития/расцвета и распада цивилизации.

1. Кочевая цивилизация Хуннов и ее зарождение. Хунны появились в XXIII — середине XIX вв. до н. э. [1, с. 13, 4]. Кочевые племена целых 3–4 века жили обособленно от Китая. Хунны начали нашествие на Китай в VI–V вв. до н. э. Из-за постоянных вторжений хуннов началось строительство Великой китайской стены. Заканчивается первый этап разделения кочевников и земледельцев, тянувшийся тысячелетие. Начинается объединение Китая при династии Цинь (221–206 гг. до н. э.), и объединение кочевников вначале в рамках военно-демократического строя. В этот племена жун⁴ играли господствующую роль» [3, с. 336].

Расцвет. Образовалась кочевая держава хуннов 209 г. до н. э. Завоеванными территориями хуннов являются современная Внутренняя и Внешняя Монголия, Жунгария и Южная Сибирь. Эпоха Хуннов продолжалась с III века до н. э. до IV века н. э. Хуннам подчинялись племена, жившие на территории от Забайкалья до Тянь-Шаня, от Сибири до границы Китая. Хунны покорили государство Гэгунь. Гэгунь — это древнее государство кыргызов. Язык хуннов включал в себя диалекты и наречия различных племен.

Распад кочевой цивилизации хуннов. Межплеменная война, возникшая среди хуннов в 58 г. до н. э. стала причиной победы Китая над хуннами. В 55 г. в середине I в. до н. э. империя хуннов разделилась на две части. С периода разделения хуннов на южных и северных, началось движение хуннов на Запад.

2. Кочевая тюркская цивилизация (V–X вв.). Тюркский каганат. Зарождение. Племя Ашина появилось на Алтае с 439 г. До IV века многие тюркские племена подчинялись Жужаням. В конце IV века они встретились с алтайскими племенами и образовали военно-политическую систему племен. В 555 г. жужани были разбиты тюрками. VI веке они создали Тюркский каганат, объединивший все степные народы Евразии. Расширили свои территории от Желтого моря до Черного. Тюрки совершили сильную атаку на Китай, Иран и Византию. Тюркский каганат существовал 200 лет. Основной шаг в развитии кочевой империи — это развитие рунической письменности в эпоху тюрков.

В составе Тюркского каганата кыргызы сохраняли свою независимость. Об этом свидетельствует надпись в памятнике честь Кюльтегина: «...был Барсбек. Мы в то время дали ему имя, титул кагана и дали младшую сестру — княжню» [4, с. 2–3]. Таким образом, как отмечает С. Ю. Худяков, Кыргызское государство было уравнено с Тюркским каганатом [5, с. 274].

⁴ С названием жун связано и название племенного союза Центральной Азии — «гунны» (Бернштам А. Н., 1989, II, с. 336).

Кочевая тюркская цивилизация (Тюркская эпоха (V–X вв.). Кыргызское великодержавие. Зарождение локальной кыргызской цивилизации. Предпосылки зарождения кыргызского этноса. Известно, что «гянь-гунь» или «цзянь-кунь» (древние кыргызы), проживавшие в стране Гегун в III веке, зафиксированы в китайских письменных источниках («Ши цзы» (Исторические записки Сыма Цяня (145–86 гг.). «Хакяньсы-Хагас (Кыргызы). Хагас есть древнее государство Гяньгунь (с. 350)». Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами. Владение Хагас (с. 351) некогда составляло западные пределы хуннов. Жители вообще рослы, с рыжими волосами, румяным лицом и голубыми глазами). «Кыргызы «следует за скотом», «разводят хороших лошадей... [6, с. 16].

По историческим письменным и археологическим данным племена цзянь-кунь являются местными жителями среднего и верхнего Енисея. Они были известны как скотоводы данного края. Истоки зарождения племени цзянькунь, т. е. енисейских кыргызов восходит к периоду II тысячелетия до н. э., т. е. «к началу сложения скотоведческого хозяйства» на Енисее [2, с. 159].

Грум-Гржимайло в статье «Белакурная раса Монголии» пишет: «Раскопки курганов и могил показывают, что уже в эпоху доисторическую в долине р. Селенги столкнулись два этнических антипода — крайняя короткоголовая (головной указатель — 93,6) и крайняя длинноголовая (тот же указатель — 68,4) расы». Он подчеркивает: «Это и есть динлин и бома китайских летописей, длинноголовый расовый тип, с долихопрозопическим лицом, узким горбатым лицом и выдающимся затылком» [7]. Динлины — древнейшие жители данного края.

А. Н. Бернштам считает, что «Культура насельников Минусинского края явилась плодом длительного развития хозяйства с середины III тысячелетия до н. э. и принадлежала белокурому, длинноголовому типу населения известного китайцам под именем «динлин» [2, с. 169]. Таким образом, жители Минусинского края являются продолжением длинноголового расового типа как динлин. По свидетельству китайской летописи, примерно к 209–201 гг. до н. э. гуннский шаньюн подчинил себе ряд племен, среди них динлинов и гуяньгун [8, с. 17].

Таким образом, «На базе динлинского этногенеза произойдут те изменения, которые позволят выкристаллизовываться новому этническому явлению — кыргызам». Это новое этническое явление — есть результат предшествующего динлинского этногенеза [2, с. 169]. Кыргызские енисейские племена — результат сложного процесса, который произошел за длительный промежуток времени.

Начало зарождения как племени цзянь-кунь (древних енисейских кыргызов) начинается с афанасьевской культуры⁵.

Самый важный факт периода **Афанасьевской культуры** — это приручение животных, точнее, одомашнивание животных, что в литературных источниках рассматривается как генезис скотоводства. Появление скотоводства — знаменует собой начало становления патрилокального брака и патриархальной семьи [2, с. 161]. Начало обмена не исключено для этой эпохи, так как обмен начинается с эпохи возникновения скотоводства. Следующим этапом развития хозяйства и социального развития древних минусинцев является **андроновская культура** (1500–1000 лет до н. э.). Важным фактором в культуре андроновского типа является дальнейшее развитие скотоводства и мотыжного земледелия. Образовались первые племенные союзы. Производство оружия способствовало развитию металла. Использовалась бронза. В период **Карасуской культуры**, в начале I тыс. до н. э. система патриархальной семьи была полностью упрочнена, с развитием частной собственности и скотоводства люди начали помечать скот тамгой, которая передавалась из поколения в поколение, в IV–X вв. получило широкое распространение. В период **Тагарской культуры** (VIII–III вв. до н. э.) люди занимались животноводством, земледелием. Развивалось бронзолитейное производство, Минусинский край становится центром сложения искусства «звериного стиля».

На базе Афанасьевской, андроновской и тагарской культурах древние кыргызы появились как этнические явления.

Таштыкская культура (II в до н. э. — V в. н. э.) характеризуют культуру кыргызов этого времени [15, с. 172]. Материальная культура кыргызов в период Чаатас распространилась на предыдущей территории и является продолжением развития тагарской культуры.

⁵ Классификация археологических памятников предложен С. Теплоуховым (Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, т. III, в. 2).

Во времена господства гуннов кыргызские племена были расселены от верхнего Енисея, по Туве и до Байкала, а выше их, к северу были расположены динлины. Связь с гуннами нарушила эндогамию, дало возможность смешению браков этнически разных племен. Как подмечает Бернштам, «киргизские племена явились результатом скрещения южной части динлинских племен с центральноазиатскими, тюркскими племенами, — гуннами и сяньби» [15, с. 504].

Сведения о енисейских кыргызах VI–X вв.: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лина» [20, с. 443].

Таким образом, «процесс развития киргизских племен на Енисее привел их к эпохе возникновения классового общества к созданию собственного государства и к сложению специфических черт культуры, в частности, рунической киргизской письменности на так называемом литературном языке орхонских тюрков» [9, с. 16–26].

Политическая история кыргызов VII–VIII вв. показывает усиление классовообразующих процессов. По мнению Бернштама, если «в гуннскую эпоху имело место сложение тюркоязычных племен, вошедших впоследствии в состав кыргызского народа», то «...сложение кыргызского народа следует относить к периоду не ранее VI–IX вв. н. э., когда окончательно складываются классовые отношения» [2, с. 202].

Известия о кыргызах. По описанию, составленному, вероятно, в половине IX века, во исполнение последовавшего в 841 году императорского повеления, жители (владения Хягас) вообще рослы, с рыжими волосами (mit rotlichem kopfhar — по Шотту, les chedeux blonds — по Visdelou), с румяным лицом (glancend-weissem gesicht, le visage blond) и голубыми глазами (grunem audufel yedux). Черные глаза считались нехорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли Лин. Мужчин было менее, нежели женщин. Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки. Храбрые из них татуируют руки себе. А женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею [8, с. 143].

Началом возвышения кыргызов стало их восстание против уйгурского господства (в 20-е годы IX века). «Но только что хойху начали упадать, то Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши, — вдовствующей ханшею, жену, дочь Гэлушеху, — ханшею» [8, с. 356].

Этап процветания. Великая кыргызская держава (840–945 гг.). В 840 году кыргызы разгромили уйгуров, перевалили через Саяны и вышли на просторы Центральной Азии. Кыргызский каганат просуществовал около 100 лет (с 840 по 945 гг.). Таким образом, начался «звездный час» кыргызов. Около 100 лет была установлена «Великая кыргызская держава» (период IX–X вв. н. э.). Кыргызы стали единственным правящим этносом, мигрировавшим из Сибири и господствовавшим на степных просторах.

В. В. Бартольд подчеркивает, что завоевание кыргызами представляет редкий в истории Средней Азии пример завоевательного движения с запада на восток; почти все движения происходили в обратном направлении [10, с. 28–40]. Д. Г. Савинов указывает на могущество кыргызов: «Впервые народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне Среднего Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей. Вслед за отступающими уйгурами кыргызы занимают ряд районов Центральной Азии — Монголию, Джунгарию, Восточный Туркестан» [11, с. 251].

Во второй половине IX в. кыргызы завоевывали территории от верховьев Амура на востоке до восточных склонов Тянь-Шаня на западе. Их территория расширилась: «Хягас был сильное государство; по пространству равнялось тукоеским владениям. На восток простиралось до Гулигани (страна курыкан в Прибайкалье), на юг — до Тибета (Восточный Туркестан), на юго-запад — до Гэлолу (страна карлуков, в VIII в. переселившихся в Семиречье) [8]. Савинов отмечает: «Впервые народ северного происхождения, создавший высокую культуру в бассейне Среднего Енисея, стал играть решающую роль в делах своих южных соседей» [11, с. 288].

Родина енисейских кыргызов — Миң-Суу (Минусин) становится только северной окраиной, завоеванной кыргызами территории. Столица кыргызского государства была перенесена в город Кемиджкет. Во второй половине IX–X вв. выделены пять локальных вариантов культуры енисейских кыргызов: тувинский, алтайский, восточно-казахстанский, минусинский и красноярско-канский [11, с. 289].

В IX–X вв. енисейские кыргызы завоевывали обширные территории Центральной Азии, об этом свидетельствуют археологические материалы и письменные источники. Худяков утверждает: «Это был период наивысшего могущества Кыргызского каганата, время максимальных успехов кыргызского оружия. Впервые за многие столетия своей истории кыргызы покорили все кочевые племена Центрально-Азиатского историко-культурного региона» [5, с. 258]. Он назвал это звездным часом кыргызской истории.

Кыргызское общество в VI–X вв. В VI–X вв. кыргызы занимались животноводством, земледелием, охотой и рыболовством. Кыргызы славились высшим развитым обществом среди других кочевых народов. Ремесло и металлургия были очень развиты [2, с. 80].

Енисейская письменность. Древние кыргызы пользовались семасиографией (пиктографической, логографической письменностью, а также использовали тамговые знаки), а с V века — енисейской письменностью. В. Томсен, В. Радлов, С. Малов считали енисейские рунические письменности принадлежащими кыргызам [12, с. 4]. С. Е. Малов сказал: «Вслед за крупными авторитетами — акад. В. В. Радловым и проф. В. Томсеном — я не имею никаких оснований не считать эти енисейские памятники принадлежащим кыргызам» [12, с. 4]. И. А. Батманов также считает, что «...племена, расселявшиеся в бассейнах верхнего течения Енисея и Орхона, пользовались системой письменности, отражавшей особенности их языка, построенной на основе весьма своеобразного алфавита» [13, с. 14]. В указанных районах жили енисейские кыргызы. С. Е. Малов считает, что «племена, входившие в состав древнего кыргызского государства, имели общий стандартный письменный язык» [14, с. 4]. Исследователь характеризовал рунические надписи бассейна р. Енисея как «язык — общий, стандартный, эпитафийно-рунический» [12, с. 7]. Енисейские — архаичнее орхонской, она относится к V веку. С. Е. Малов пишет: «Начальным временем здесь (Минусин) появление памятников я считаю 5 век н. э. [15, с. 74]. Енисейская письменность по содержанию, по графике, а также по времени совпадает с таласской письменностью. По этому поводу В. Радлов отметил, что «памятники с рунами (из долины р. Талас) по характеру букв и по содержанию надписей весьма напоминают подобные же надгробия в бассейне р. Енисея, заметно отличаясь от рунических памятников, находящихся по рр. Орхону и Селенге». Кыргызские памятники письменности созданы на едином литературном языке древнетюркского мира, господствовавшим в VII–X вв. на просторах Центральной Азии [16, с. 13].

Этап падения. Кыргызский каганат был повержен. Но несмотря на это, кыргызы не исчезли, как другие этнические группы, а смогли сохранить свою государственность, военную систему, а также оружейное ремесло.

Ю. С. Худяков отмечает: «Столетия проживания кыргызов на Енисее не прошли бесследно для народов Саяно-Алтая и других регионов Евразии, в состав которых они вошли и внесли часть своей культуры, оставляя заметный след в мировой истории.... Все эти тюркские и монгольские народы в той или иной мере суть наследники культуры и истории енисейских кыргызов».

Таким образом, кыргызы являются древнейшим народом, прошедшим все этапы (зарождение, расцвет, угасание) цивилизации, имевшим древнюю письменность, создавшим огромный Кыргызский каганат, названный Бартольдом «Кыргызское великодержавие», вырвавшимся на просторы степей Центральной Азии, ставшим гегемоном всех тюркских племен и оставившим заметный след в мировой истории.

Список использованных источников и литературы

1. Хирт. 1908, 13. 1904, 4 Friedrich Hirth. The ancient history of China to the end of the Chóu dynasty / by Friedrich Hirth. — New York: Columbia University Press, 1908. — XX, p. 383.
2. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Т. II. — Б.: Фонд Сорос-Кыргызстан, 1998. — С. 699.
3. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / пер. с англ. И. И. Мюрберг; под ред. М. А. Абрамова. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 391.
4. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. — ЗВОРАО. — СПб., 1899. — Т. XI; 1904. — Т. XII; — 1904, Т. II–III.
5. Худяков Ю. С. Кыргызский каганат / Кыргызы. — Бишкек: Бийиктик, 2011. — С. 199–288.

6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Кыргыз. — Бишкек: Бийиктик, 2011. — С. 16–22.
7. Грум-Гржимайло Г.Е.. Динлины — Белокуроая раса в Средней Азии. — СПб., 1909. URL: <http://www.velesova-sloboda.org/antrop/grumm-grshimaylo02.html>
8. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — Ч. 1. — С. 355.
9. Бернштам А.Н. К вопросу происхождения киргизского народа // Советская этнография. — 1955, № 2. — С. 16–26.
10. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. Глава III: IX и X века. «Киргизское великодержавие». — М., 1963. — Т. II, часть 1. — С. 28–40.
11. Савинов Д.Г., Кляшторный С.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005. — С. 346.
12. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л., 1952. — С. 116.
13. Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисейка. — Фрунзе, 1962. — С. 46.
14. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — С. 192.
15. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 106.
16. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфы, тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — С. 303.

Сведения об авторе: Джаманкулова Кульжамал Тологоновна, доктор филологических наук, профессор кафедры кыргызского языкознания Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: djamankulova.guljamal@gmail.com

УДК У 94 (57)

О. К. Каратаев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ЕЩЕ РАЗ О ХЭЙЛУНЬЦЗЯНСКИХ (УЕЗД ФУ-ЮЙ, КНР) КЫРГЫЗАХ

Аннотация. Кочевые кыргызы издавна, а в особенности в средние века, активно мигрировали, и в то же время они в процессе этнических и культурных взаимоотношений внесли существенный вклад в этнический и культурный облик других народов Центральной, Средней Азии и сопредельных территорий. В результате многовековых миграционных процессов и этнокультурных взаимоотношений на Северо-Восточном Китае (провинция Хэйлуньцзян, уезд Фу-юй) появились фуюйские кыргызы. Этническая группа называют себя не иначе как «кыргыз», «хэргэз» или «тиртиз». По антропологическому типу фуюйские кыргызы, в отличие от соседних народностей маньчуров, монголов, дауров, эвенков, светлокожие и с европеодными чертами лица. Однако среди них также встречаются белолицые кыргызы с рыжими или светло-каштановыми волосами (шатены). Что касается хозяйственного уклада, то фуюйские кыргызы прежде всего скотоводы (крупный и мелкий рогатый скот). Занимались охотой, на которую выезжали на лошадях в сопровождении собак. Жилищем фуюйских кыргызов в прошлом была юрта, но примерно в середине первой половины XIX в. стали переходить к стационарным постройкам. В прошлом фуюйские кыргызы носили свободную одежду с длинными рукавами и поясом. Женщины носили одежду с цветочными вышивками. Кыргы-

зы уезда Фуюй делятся на шесть родов: Табхын, Табындыр, Чигдыр, Сандырдыр, Былтырды, Өрттыр или Кэргэстер (кыргызы).

Ключевые слова: уезд Фу-юй, кыргыз, Китайская Народная Республика, этническая культура, енисейские кыргызы.

O. K. Karatayev

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

ONCE AGAIN ABOUT THE HEILONGJIANG (FU-YU COUNTY, CHINA) KYRGYZES

Abstract. The nomadic Kyrgyz have been actively migrating for a long time, and especially in the Middle Ages, and at the same time, in the process of ethnic and cultural relationships, they made a significant contribution to the ethnic and cultural appearance of other peoples of Central Asia and adjacent territories. As a result of centuries-old migration processes and ethnocultural relations, Fuyu Kyrgyz appeared in Northeast China (Heilongjiang Province, Fuyu County). The ethnic group calls itself nothing more than «Kyrgyz», «Khergez» or «Tirtiz». According to the anthropological type, the Fuyu Kyrgyz, unlike the neighboring peoples of the Manchus, Mongols, Daurs, and Evenks, are light-skinned and have Caucasian facial features. However, among them there are also white-faced Kyrgyz with red or light brown hair (brown-haired). As for the economic structure, the Fuyu Kyrgyz are primarily pastoralists (large and small cattle). They were engaged in hunting, for which they rode out on horseback, accompanied by dogs. In the past, the home of the Fuyu Kyrgyz was a yurt, but around the middle of the first half of the 19th century. began to move to permanent buildings. In the past, the Fuyu Kyrgyz wore loose clothing with long sleeves and a belt. Women wore clothes with floral embroideries. The Kyrgyz of Fuyu County are divided into six clans: Tabkhyn, Tabyndir, Chigdyr, Sandyrdyr, Byltyrды, Orttыр or Kergester (Kyrgyz).

Keywords: Fu-yu County, Kyrgyz, People's Republic of China, ethnic culture, Yenisei Kyrgyz.

О общеизвестно, что этноним «кыргыз» широко распространен на Евразийском пространстве. Данный этноним часто встречается как в топонимике, так и в гидронимах, оронимах. В августе 1945 г. советские войска, разгромив японскую Квантунскую армию, вступили на оккупированные территории Маньчжурии (1931–1945 гг.). В этот же момент от советских офицеров кыргызской национальности в штаб Красной Армии поступили донесения об обнаружении среди местного населения людей, называющих себя «киргизами» и говорящих на понятном им языке, о чем было впоследствии сообщено китайской стороне. Этот факт считается одним из первых упоминаний о фуюйских кыргызах. В научных кругах народность, компактно проживающая в провинции Хэйлуньцзянь, не превосходящая по численности 1500 человек, фу-юйские кыргызы называют себя не иначе как «кыргыз», «хэргэз» или «тиртиз». Еще раньше в 1943 г. трио японских ученых: Тиансан (Tiansun) — военный врач, Хи Хэнгинг (He Henging) и Ву Тяньхао (Wu Tianhao) сотрудники Далянской (Дальней) библиотеки во время своей экспедиции в оккупированные уезды Фуюй и Вуцзяцзы исследовали коренных монголов и в то же время они дали сведения о местных кыргызах. Годом позже в июле 1944 г. японец Киу Юань Зенгрен (Qiu Yuan Zhengren) специально приехал в Вуцзяцзы для исследования кыргызов. Опираясь на информацию своих предшественников, побывавших в уезде 1943 г., провел еще ряд исследований. Его исследования в 1986 г. было переиздано под названием «Поездка к кыргызам». Вероятно, кыргызы в Хэйлуньцзяне никогда не упоминались бы без первого шага, предпринятого в 1952 г. статьей Ю Иифу (Yu Yifu) «Цзи-эр-цзи-си Ненжيانговых лугов» («Ji-er-ji-si Nenjiang Grassland»), которая побудила впоследствии просить признания за кыргызами статуса национального меньшинства. Его статья, переизданная в 1985 г., содержит основной материал по истории, миграции, социальной и политической ситуации, культуре и народной памяти, языку, экономике, традициям и бытовой жизни.

Неоценимый вклад в дело изучения фуюйских кыргызов был внесен профессором Пекинского университета Национальных меньшинств Мухамед Ху Чженхуаном, который с 1957 г. производил

дит ряд полевых и теоретических исследований по истории, религиозной ситуации, семейно-бытовым традициям фуюйских кыргызов. Также им были тщательно проанализированы лексические, фонетические и морфологические особенности языка на основе им же собранного лингвистического материала фуюйских кыргызов [1, с. 65]. В 1981 г. ученый повторно глубоко исследовал этнографию, фольклор, духовную и материальную культуру, грамматический строй языка фуюйских кыргызов.

В 1967 г. известным советским тюркологом Э.Р. Тенишевым было выдвинуто предположение о том, что язык фуюйских кыргызов — реликтовый остаток языка енисейских кыргызов, имеющий связи с языком тяньшаньских кыргызов и языками Саяно-Алтайского региона [2, с. 88]. Некоторые сведения содержатся в небольшой статье коллектива авторов — С.Г. Скобелева, Чжан Тайсяна, А.А. Шамаева, которые в 90-е г. XX в. побывали в Хэйлунцзяне. Данная статья посвящена родовому составу фуюйских кыргызов [3, с. 227–233]. Особенно нужно отметить статью хакасского исследователя М.А. Чертыкова, посвященную к фуюйским кыргызам Маньчжурии КНР [4, с. 14–15]. Фуюйских кыргызов наряду с другими соседними народностями (солоны, дауры, эвены) исследовали польский этнограф Гундула Салк и китайский ученый Мамбетакун Мамбеттурду (кыргыз по национальности). Их совместный труд было опубликован в 1998 г. [5, с. 5].

Научную экспедицию к фуюйским кыргызам в 2006 г. возглавил хакасский профессор В.Я. Бутанаев, который с привлечением историко-этнографического материала издал специальную монографию [6, с. 88]. Ученый, проведя лингвистический анализ с привлечением историко-этнографического материала, показал этногенетическую преемственность фуюйских кыргызов и хакасов от енисейских кыргызов.

Старшее поколение фуюйских кыргызов идентифицируют себя как «хыргыз» или «гыргыз», молодое поколение на китайском диалекте называют себя «тиртиз» или «цзилици» [2, с. 88]. Профессор М. Ху Чженхуа отмечает, что данный этноним на китайский язык переводится как «Keerkezi». В 1948 г. в ходе земельно-водной реформы фуюйские кыргызы, исконные скотоводы, вынуждены были осваивать земледелие. Наиболее многочисленные селения находятся в Вуцзяцзы («пять дворов»). Еще одно крупное селение расположено в Цицзяцзы («семь дворов»). В процессе земельно-водной реформы (1920–1930 гг.) большое число кыргызов коммуны Вуцзяцзы подверглись переселению в Цицзяцзы. Согласно официальной переписи, в 1952 г. в уезде Фуюй было зарегистрировано 455 кыргызов, а в 1979 г. перепись показала уже 614 человек. Перепись 1982 г. указывает, что 788 кыргызов проживало в районе уезда Фуюй, 65 кыргызов — в г. Цицикар и приблизительно 21 фуюйских кыргызов было рассеяно за пределами Маньчжурии. В 1990 г. в Хэйлуныцзяне насчитывалось 1450 кыргызов. А в 2000 г. число кыргызов составляло порядка 1500 человек.

Коренные жители монголы называют фуюйских кыргызов «дарно ойрат», или «западные ойроты», в то же время кыргызы именуют монголов «джун ойрат» — «западные ойраты». Несмотря на удаленность кыргызов Маньчжурии от «тюркского мира» они не подверглись процессу ассимиляции, более того, они смогли сохранить свою этнокультурную идентичность. Что касается языка, то фуюйские кыргызы являются билингвами. Кроме того, многие кыргызы помимо китайского владеют монгольским языком. Очевидно, это объясняется близким соседством и нередкими смешанными браками кыргызов с монголами.

По антропологическому типу фуюйские кыргызы — в отличие от соседних народностей манжуров, монголов, дауров, эвенков — светлокожие и с европеодными чертами лица. Однако среди них также встречаются белолицые кыргызы с рыжими или светло-каштановыми волосами (шате-ны). Что касается хозяйственного уклада, то фуюйские кыргызы прежде всего скотоводы (крупный и мелкий рогатый скот). Вследствие чего в их питании преобладают мясомолочные продукты. Особенно ценны айран, курут и пр. [3, с. 229].

Издавна научный интерес вызывает ряд вопросов: где находится историческая родина фуюйских кыргызов и в какое время они были переселены в Маньчжурию? Открытой остается и проблема относительно достоверности (точнее, научная ценность) ранее выдвинутых гипотез и теорий ученых относительно вышеперечисленных вопросов. Подавляющее большинство исследователей склонны полагать, что фуюйские кыргызы мигрировали на провинцию Хэйлуныцзян в XVIII в., поддавшись политико-военным событиям (А.Р. Кызласов, Ю.С. Худяков и др.).

Язык фуюйских кыргызов имеет общие корни с современными языками хакасов и шорцев, очень схож с языками сары уйгуров (желтые уйгуры, угуры) и лобнорцев. Так, хакасский лингвист Д. И. Чанков провел сравнения по общности языковой группы данных этносов с хакасами-качинцами. Хакасские ученые В. Я. Бутанаев и М. А. Чертыков единогласно высказали мнение о схожести языка фуюйских кыргызов с языками хакасов-сагайцев и хакасов-белтиров. Еще чуть ранее тюрколог Э. Р. Тенишев отметил о существенной схожести языка фуюйских кыргызов с языками (диалектами) сагайцев, качинцев, белтиров и шорцев [2, с. 91]. В то же время он заметил, что, вероятно, язык фуюйских кыргызов был повседневным языком енисейских кыргызов в XVI–XVII вв. [8]. Известно, что кыргызы уезда Фуюй делятся на шесть родов: Табхын, Табындыр, Чигдыр, Сандырдыр, Былтырды, Өрттыр или Кэргэстер (кыргызы). Напомним, что названия родов фуюйских кыргызов имеют параллели с топонимами долины Мөңгү-Суу (Минусинская котловина, Хакасия), а также ряда мест Кыргызстана.

Изначально переселение енисейских кыргызов на современную территорию Монголии и далее в Маньчжурию началось в эпоху Юань в период правления Хубилай-хана. В междоусобной войне чингизидов (среднеазиатского Хайду-хана и китайского Хубилай-хана) в кровопролитной борьбе на просторах Кара-Корума с обеих сторон участвовали и кыргызы. Войска Хайду-хана квартировали два года в Минусинской котловине. Данное событие привело к вспышке эпидемии различных болезней и к мору (голоду) среди коренных жителей — кыргызов и их кыштымов, и как следствие — к сокращению их численности из-за возросших смертей. Сохранились исторические сведения о насильственном переселении кыргызов в Маньчжурию. В 1286 г. Хайду-хан организовал большой поход в Монголию. Князь кыргызов, не в силах выставить войска против наместника, пошел путем дипломатии. Вероятно, одной из причин перехода кыргызской знати на сторону Хайду была мобилизация кыргызского населения и размещение кыргызов в качестве военных поселенцев в различных районах империи, что грозило растворением этноса. Положение военных поселенцев нередко было бедственным. «В 1283 г. было указано передать 600 голов быков, отданных пастись богатым жителям Туле-Ту, бедным из киргизов» [7, с. 157].

«...В 1292 г. Тутуха (кыпчакский полководец, служивший Хубилаю) разорил земли у Алтайских гор... Возвращаясь назад прошелся по Хэлингу (Кара-Корум). Здесь он (Тутуха) получил право управлять кыргызами (цзилицзисами — так называли кыргызов в эпоху Юань). В весну 1293 г. его войска за несколько дней пройдя по замершей реке Цяньхэ добрались до владений кыргызов. Армия Тутуха разместилась, для управления этими пятью родами. В достижения Тутуха является то, что власть имущие решили его продвигать по службе... Хайду с целью вызволить кыргызов направил в сторону реки Цяньхэ (Енисей) свои войска. Однако Тутуха разбил его войска, а полководца Болочу захватил в плен» [9, с. 63]. Таким образом, кыргызские земли вновь были возвращены в лоно монгольской империи Юань. Часть кыргызов из Минусинской котловины и из Тувы были переселены в Маньчжурию во владение мятежного нойона Наяна. В 1293 г. сюда были переселены рода «усухань, ханас, цзилицзи (кыргызы)». По специальному указанию Хубилая кыргызы и другие рода в качестве военного поселения были расквартированы в г. Чжаочжоу. Еще одна часть кыргызов была размещена в «Землице Хасыхэ», что находится также в Маньчжурии. В 1293 г. по приказу Ши-цзу (Хубилай-хан) в землях Хасыхэ в качестве военного поселения было размещено 700 семей чжирхэхусотай цирцизов (кыргызов)». В 1295 г. обитавшие в Цзинь-Шаньских (Алтайских) горах кыргызы были переселены в регион Шаньдун. Им были выделены земли, быки и семена...» [9, с. 62]. Данные действия были предприняты с целью подорвать силы восставших путем переселения в другую этническую среду и тем самым контролировать их. Такая политика продолжалась и после смерти юаньского императора Хубилая. Исторические письменные источники свидетельствуют, что начальным этапом насильственного переселения кыргызов в Маньчжурию был XIII в.

По другой версии известно, что в 1703 г. и последующие годы калмыки (джунгары) насильственно переселяли кыргызов в Жунгарию. А в 1733–1736 гг. и последующие 1756–1757 гг. империя Цинь произвела два переселения кыргызов. Второе переселение кыргызов было более масштабным. В фольклоре фуюйских кыргызов сохранились сказания об этом переселении в Хэйлуньцзян. По данным исследователей, после того как Циньской империей было разбито Жунгарское ханство кыргызы вместе с монголами переселились на нынешние территории провинции Хэйлуньцзяня. Вероятно, и до этого переселения, кыргызы уже обитали в горах Алтай-Хангая. Подвергшиеся переселению (депортации)

кыргызы были поселены в пяти селах маньчжурцев: Айхуэй, Букуй, Хайлар, Баянсу и Хулан. Уточнены шесть родов кыргызов. Это Daben, Ekiqe, Garuhan, Sader, Boleter, Ger'esi. Современные фуьуйские кыргызы приняли китайские фамилии Wu, Hang, Chang. После этого кыргызы были подчинены военным корпусам с красными, синими, белыми и оранжевыми стягами. В исторической памяти фуьуйских кыргызов сохранились следующие сведения: «...Хэйлуныцзянские кыргызы изначально проживали в Синьцзяне. Когда Циньские (маньчжур) войска начали наступление кыргызы нашли убежище в пещере «сто священных пещер» на Алтае. Им дошла весточка, что к рукам маньчжуров (Циньская империя) вместе с жунгарским ханом Даваца попали в плен множество кыргызских воинов. После прошествия 49 дней от императора Цяньлундана пришло специальное письмо, в котором указывалось тем семьям, в которых мужчины угодили в плен, объединиться с солонями (солоньёны — этническая группа). Таким образом, эти кыргызы, объединившись с семьями, переселились Хэйлуныцзян» [4, с. 29].

До середины XX в. в среде фуьуйских кыргызов сохранялись древние языческие верования, которые были потеснены с проведением земельно-водной реформы в Китае, а также внедрением новой коммунистической идеологии. В историческом прошлом несомненно то, что фуьуйские кыргызы попадали под влияние ламаизма, но так и остались язычниками. В прошлом у фуьуйских кыргызов были шаманы («кам»). Кыргызы совершали обряды поклонения предкам и некоторым божествам, сопровождавшиеся жертвоприношениями, особенно когда кто-либо из кыргызского сообщества был болен. Одним из главных божеств признавался Бог Змеи, в честь которого до земельно-водной реформы (в уезде Фуьуй земельно-водная реформа проходила с 1947 по 1948 гг.). Каждое домашнее хозяйство обычно имело изображения, или подобные марионетке символы, сделанные из ткани, многие из которых были змееподобными и вешались на стенах. Кроме того, кыргызы ежегодно после Нового Года в середине января совершали обряд сожжения двух груд экскрементов крупного рогатого скота, что называлось жечь «следы волчьего дыма». В прошлом жечь «следы волчьего дыма» означало, по свидетельству фуьуйских кыргызов, сигнал опасности для оповещения воинов, которые, увидев дым, собирались в назначенное место, это имеет исторические корни в боевом прошлом фуьуйских кыргызов и Джунгарского ханства. Однако после проведения земельной реформы данная традиция прервалась. Кроме того, есть сведения о бытовавшем представлении о преобладающем «Небе Вселенной» — необъяснимом небесном универсуме, ответственном за вечную жизнь природы. В то же время символ дерева с помещенными на нем душами предков в форме птиц, действовал как символическая связь с этой всемогущественной инстанцией. Похоронная церемония сопровождалась танцами и пением шамана, который, по представлениям фуьуйских кыргызов, помогал мертвому в опасном пути в загробный мир.

Семейно-брачная традиция фуьуйских кыргызов предусматривала родовую экзогамию, сочетавшуюся с этнической эндогамией. Эндогамия поддерживалась также циньским запретом вступать в брак с другими этническими группами, что отрицательно сказывалось на количестве потомков, но в то же время не позволяло раствориться в иноэтничном окружении. Однако небольшое количество кыргызских семей не позволяло в полной мере соблюдать эндогамные запреты, что выражалось в распространении браков между кыргызами и соседними монголоязычными этническими группами (главным образом с олётами). Присутствовал левират. О браке договаривались родители жениха и невесты, при этом не считались с мнением молодых. Развод осуждался как общественный позор. За невесту сторона жениха платила выкуп. Традиционным видом хозяйства фуьуйских кыргызов было отгонное скотоводство. Держали лошадей, овец, коров. Занимались охотой, на которую выезжали на лошадях в сопровождении собак. Из устных преданий известно, что выращивать зерно фуьуйские кыргызы стали с середины XIX в. [1, с. 123]. Жилищем фуьуйских кыргызов в прошлом была юрта, но примерно в середине первой половины XIX в. стали переходить к стационарным постройкам. В прошлом фуьуйские кыргызы носили свободную одежду с длинными рукавами и поясом. Женщины носили одежду с цветочными вышивками. Традиционные музыкальные инструменты, по-видимому, аналогичны хакасским хомысу (струнный инструмент) и хобрах (вид флейты).

Список использованных источников и литературы

1. Каратаев О. К. Происхождение кыргызов, ареал их распространение и культурно-этнические связи. — Бишкек: КТМУ, 2013. — 290 с.

2. Тенишев Э. Р. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) // Вопросы языкознания. — 1966. — № 1. — С. 89–95.
3. Скобелев С. Г., Чжан Тайсян, А. А. Шамаев. Роды фуюйских кыргызов // Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития: сб. материалов респ. науч. конференции. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1998. — С. 76–78.
4. Чертыков М. А. Фуюйские кыргызы (историко-этнографический очерк). — Абакан, 2005. — 36 с.
5. Turdu, Mambet/Gundula Salk. The Fu-Yu Gïrgïz and their past. Three stories collected in Manchuria during the Period of the Establishment of the People's Republic of China. — 1998.
6. Бутанаев В. Я. Хакасы из провинции Хэйлунцзян. — Абакан, 2006. — 88 с.
7. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. — Абакан, 2000. — 245 с.
8. Тенишев Э. Р. Древнекыргызский язык. — Б.: Кыргызстан, 1997. — 52 с.
9. Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-Ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН Кирг. ССР. Серия общ. наук. — 1963. — Т. V. — Вып. I. — С. 59–64.

Сведения об авторе: *Каратаев Олжабай Каратаева*, доктор исторических наук, профессор, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: okaratayev@gmail.com

УДК 93

А. П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия)

«ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА»: СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.»

Аннотация. Статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти о Телеутской земле. Показано, что история Телеутской земли малоизвестна и малоизучена. Выявлено, что длительное время исследователи не рассматривали Телеутскую землю как государственное образование. Установлено, что российская академическая наука игнорировала наличие у обитателей Телеутской земли культурного и языкового единства, общего самосознания и объединяющего самоназвания («теле»). Раскрыто, что южные алтайцы несколько веков не именовались на официальном уровне собственным самоназванием, но сменили несколько экзонимов.

Ключевые слова: теле, телеуты, теленгиты, южные алтайцы, Телеутская земля.

A. P. Chemchieva

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)*

TELEUT PRINCIPALITY: PRESERVATION OF ETHNIC IDENTITY AND HISTORICAL MEMORY

Abstract. The article is dedicated to the problem of preservation of historical memory of the Teleut Principality. We show that the history of the Teleut Principality is not broadly known and remains

underresearched. For a long time, it has not been viewed as a legitimate region. We demonstrate that Russian historians have been ignoring the cultural and language unity of the Teleut Principality inhabitants, their common identity and endonym (*Tele*). We show that for centuries, Southern Altaians were not referred to by their own endonym, but rather, by several changing exonyms.

Keywords: Tele, Teleuts, Telengits, Southern Altaians, Teleut Principality.

История Телеутской земли малоизвестна широкой публике, хотя издавна привлекает к себе внимание историков. Сведения о Телеутской земле и взаимодействии телеутов с русскими содержатся в трудах таких известных ученых XVIII–XIX вв., как Г. Ф. Миллер [1], И. Э. Фишер [2], И. Г. Георги [3], В. В. Радлов [4], Н. Я. Бичурин [5] и др. В XX в. история Телеутской земли получила освещение в работах А. П. Потапова [6, 7], А. П. Уманского [8, 9, 10], И. Я. Златкина [11], Г. П. Самаева [12, 13] и др. Опираясь на работы представленных исследователей-историков, кратко очертим историю Телеутской земли.

Первые дипломатические контакты между русскими воеводами и телеутской знатью относятся к началу XVII в. Отметим, что к этому времени Русским царством уже было завоевано Сибирское ханство. Военные походы русских против Сибирского ханства проходили в период с 1582 по 1598 год. Так, в октябре 1582 года казаки во главе с известным атаманом Ермаком одержали победу над ханом Кучумом и заняли столицу ханства Искер. Через три года после этого сражения в 1585 г. атаман Ермак погибнет при внезапном нападении кучумовцев. Хан Кучум будет сражаться за свое ханство долгих шестнадцать лет. Лишь 20 августа 1598 года в сражении у р. Ирмень тарский воевода Андрей Воейков окончательно разобьет войско Кучума [14, с. 15–19].

По мере продвижения вглубь Сибирского ханства русскими были основаны города-крепости Тюмень (1586), Тобольск (1587), Сургут (1593), Берёзов (1593), Тара (1594), Обдорск (1595) и др. В начале XVII в. дальнейшее присоединение Сибири к Русскому царству продолжилось. В 1604 г. был основан г. Томск, в 1618 г. — Кузнецк (Кузнецкий острог — ныне Новокузнецк), в 1632 г. — Якутск (Ленский острог). В 1639 г. русские служилые люди впервые вышли на побережье Тихого океана (экспедиция Копылова — Москвитина 1636–1641 гг.).

Как видно, продвижение Русского царства по Сибири в XVII в. проходило, прежде всего, в северо-восточном направлении. Продвижение на юг, на Алтай, начнется только через столетие — в начале XVIII в. Возникает вопрос, почему же плодородные земли юга Сибири не были колонизированы русскими воеводами в XVII в.? Ответ заключается в том, что на этой территории располагалось государство, обозначавшееся в русских источниках XVII в. «Телеутской землицей». В работах современных историков данное государство именуется по-разному — «Телеутская земля» (А. П. Уманский [8, с. 5]); «Ак-Теленгитский оток» (Г. П. Самаев [12, с. 53]); «Теленгетский улус», «Теленгетское ханство» (И. С. Тенгереков [15, с. 18], К. А. Голодяев [16, с. 14]).

По мнению А. П. Уманского, Телеутская земля имела свою государственность, хотя и в неразвитой форме, с чертами, типичными для кочевнических государств Центральной Азии и Южной Сибири эпохи Средневековья [9, с. 107]. Телеутская земля обладала своим войском, своей знатью («лучшими людьми»), ведавшей военными, посольскими, судебными, фискальными и др. делами, а также своим «курултаем» [9, с. 99, 104].

По историческим источникам, телеуты, или теленгуты, занимали обширную территорию. Историк А. П. Потапов полагал, что северная граница телеутского расселения проходила по широте г. Томска и Барабинской степи, а южные территории включали Русский Горный Алтай, северо-восточную часть Монгольского Алтая, частично территорию Тувы, верховья р. Иркут и район оз. Хубсугула (Косогола). А. П. Потапов уточнял, что обские телеуты кочевали в приобских степях и по долинам рек Иня, Чумыш, Чарыш, Алей и др. На западе кочевья обских телеутов доходили до р. Иртыша, а на востоке — до р. Томи, включая территории до Кузнецка и Салаирского края [7, с. 85].

Важно отметить, что Русское царство на протяжении всего XVII в. стремилось привести телеутов в свое подданство. Первое русское посольство, ставившее такую цель, прибыло к телеутскому князю Абаку в конце 1605 г. Впоследствии в Телеутскую землю было направлено несколько таких посольств, но ни одно из них не увенчалось успехом [8, с. 35–36]. После нескольких безуспешных попыток привести Абака в подданство между Русским царством и Телеутской землей был заклю-

чен 31 марта 1609 г. договор о военно-политическом союзе [8, с. 36]. По словам К.А. Голодяева, это был единственный в истории покорения Сибири межгосударственный Договор о военно-политическом союзе [16, с. 14]. По мнению А. П. Уманского, «договор о союзе 1609 г. был жизненно необходим как для Телеутской земли, так и для русских уездов. Он оформил и закрепил первые политические и экономические контакты между русскими и алтайскими телеутами, был призван способствовать развитию экономики обеих сторон, а также укреплению обороноспособности как русских уездов, так и телеутских улусов перед лицом общих врагов» [8, с. 38–39].

Действие рассматриваемого договора о военно-политическом сотрудничестве длилось восемь лет. Все эти годы Абак следовал договору и участвовал в русских военных походах против енисейских киргизов и кужегетов [8, с. 39]. Со стороны русского государства условия договора не соблюдались. Русские воеводы неоднократно уклонялись от военной поддержки своих союзников и действие договора сошло на нет [8, с. 39–40; 15, с. 31–32]. В итоге в 1617 г. между Телеутской землицей и Русским царством начались военные действия, которые с перерывами шли целое столетие. В этот период происходили и большие, и малые военные столкновения, шла борьба за промысловые угодья, широко разворачивалось двоедланничество, когда местные народы вынуждены были выплачивать дань то русским сборщикам, то телеутским [16, с. 14–15]. В это же время небольшая часть телеутов под названием «выезжих белых калмыков» или «выезжих телеутов» перешла в русское подданство.

Отметим, что Телеутская землица одновременно с натиском русских с севера столкнулась с продвижением с юга Джунгарского ханства. Телеутская землица упорно отстаивала свою независимость, но к началу XVIII столетия была постепенно подчинена ойратами, а обские телеуты были переселены вглубь Джунгарии [13, с. 24–25]. Освободившиеся земли телеутов стали активно осваиваться Русским государством. В 1716 г. на южном берегу Берди русскими был поставлен Бердский острог. Позднее появились Белоярская крепость (1718), Бийская крепость (1718). Со временем в степном и предгорном Алтае были построены предприятия по добыче руд цветных и драгоценных металлов. Так появились Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Шульбинский, Змеиногорский и другие рудники и заводы. Для прикрытия рудников и закрепления территорий Россия построила укрепленную Колывано-Кузнецкую военную линию, состоявшую из цепи крепостей, редутов, форпостов, полукольцом охвативших Алтайские горы [13, с. 26]. В середине XVIII в. Джунгария, после периода кровавой междоусобицы потерпит поражение в войне с Цинской империей. В сложившихся условиях телеуты начнут переходить в подданство России и этот процесс завершится к 1864 г.

История Телеутской землицы до настоящего времени не изучена в полной мере. Во многом это связано с тем, что длительное время российские, а затем и советские ученые-историки не допускали мысли рассматривать Телеутскую землицу как государственное образование. Наибольшие заслуги в изложении истории Телеутской землицы и признании ее государственности принадлежат А. П. Уманскому. Именно в его научных работах было обосновано самостоятельное существование Телеутской землицы и благодаря его работам были восполнены многие пробелы в истории телеутов [8, 9, 10].

В своем труде А. П. Уманский писал: «Мы до сих пор не имеем истории ряда народов, например, Кавказа и Сибири; в истории других остаются незаполненными крупные лакуны. Не решены многие общие и конкретные проблемы исторического прошлого «малых» народов. Нуждаются в критическом пересмотре устаревшие теории и отжившие схемы. Иными словами, наши историки должны еще многое сделать для того, чтобы история каждого «малого» народа ожила, стала полнокровной, объективно раскрывающей их прошлое» [9, с. 5].

Одной из таких научных проблем, нуждающихся по заветам А. П. Уманского в критическом пересмотре, является, на наш взгляд, вопрос об имени (этнониме) населения Телеутской землицы. Отметим, что в русских документах XVII в. население Телеутской землицы называлось теленгутами, телеутами или белыми калмыками. А. П. Уманский в своих трудах по отношению к населению Телеутской землицы употреблял этноним «телеуты». При этом ученый отмечал, что под телеутами подразумевает группу приобских телеутов, т. е. телеутов, кочевавших в XVII в. в предгорьях Алтая и в Верхнем Приобье [9, с. 10]. А. П. Уманский строго использовал только официально принятые в науке этнические наименования и придерживался концепции А. П. Потапова о разделенности южных алтайцев на собственно алтайцев, теленгитов, телесов и телеутов [9, с. 42]. Вследствие этого, ученый обособлял

приобских телеутов от других групп южных алтайцев, хотя полагал, что телеуты выкочевали из гор Алтая в конце XVI — начале XVII вв. [9, с. 114].

Вместе с тем накопленные к нашему времени научные данные демонстрируют, что внутреннее деление южных алтайцев носит искусственный характер и не соответствует историческим реалиям. Во многих научных трудах отмечается, что южные алтайцы до прихода русских в XVII в. составляли единую общность. Так, востоковед В. В. Радлов отмечал, что «названием собственно алтайских татар я объединяю жителей этого горного массива, так называемых алтайских горных калмыков, двоedanцев и очень близких им по языку телеутов [4, с. 95], а далее ученый утверждал, что «когда-то алтайские горные калмыки составляли вместе с телеутами обширный тюркоязычный народ [4, с. 123].

К такому же мнению пришел историк-востоковед Н. А. Аристов: «В многочисленных костях (родах. — А. Ч.) алтайцев и телеутов много общих, а потому надо признать, что телеуты и теленгуты или теленгиты, как зовут себя чуйцы, один и тот же народ, тем более, что истинное имя этого народа, очевидно, есть теле, а приставки монгольского множественного числа *ут* или *гут* приданы к имени теле лишь во время владычества над алтайцами западных монголов» [17, с. 162].

Историк А. П. Потапов, опираясь на исторические материалы, считал возможным утверждать, что «весьма вероятно, что теленгиты и телеуты составляли в прошлом одну тюркоязычную этническую общность, получившую позднее, по крайней мере с XVII в. <...> различное наименование» [7, с. 44].

Историк Г. П. Самаев утверждает, что этноним «теленгит» («теленгут», «теленгет») представляет собой древнее тюркское этническое наименование «теле», усложненное монгольским аффиксом множественности. По его мнению, еще в XVII в. теленгиты подразделялись на три основные части. Центральная группа называлась алтай-теленгитами или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов Республики Алтай. За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название «телеуты». Сами они называли себя теленгитами или ак-теленгитами. Определение «ак» (белый) связано, вероятно с тем, что они обитали к западу и северо-западу от остальных теленгитов [13, с. 5–6].

Историк А. И. Шерстова пишет, что «до джунгаро-китайской войны обитатели юго-восточного Алтая составляли этнически целостное образование с жителями западной и центральной его частей, следствием чего являлось употребление теми и другими самоназвания „теленгит“» [18, с. 203].

Представленные утверждения ученых, несомненно, подтверждаются и историческими документами. Приведем для примера одно из ранних документированных сообщений о населении Телеутской земли, содержащееся в челобитной томского князя эуштинцев Тояна. Об этой челобитной известно из документа, опубликованного в работе Г. Ф. Миллера [1, с. 411–412]. Из этого исторического документа следует, что князь Тоян в 1604 г. прибыл в Москву к Борису Годунову и подал челобитную, в которой добровольно подчинился русской власти и предложил построить в своих родных местах (в Томи) городок. В своей челобитной князь Тоян также привел сведения о народах, живших по соседству с эуштинцами. Среди них упоминался и народ теле. Обратим внимание на то, что в опубликованном Г. Ф. Миллером документе речь идет о телеутах: «...а до Телеут дальнее кочевье 5 ден; а князек в Телеутах Обак...» [1, с. 412]. Однако, благодаря внимательному изучению оригинала документа историком В. Б. Бородаевым, было выявлено, что слово «телеуты» в челобитной князя Тояна не использовалось. Томский князь употреблял этноним «теле». В первоисточнике процитированный фрагмент выглядит следующим образом: «...а до телег дальнее кочевье пять ден; а князек в телегах Обак...» [19, с. 18–19].

Резюмируя сказанное, отметим, что, к большому сожалению, несмотря на многочисленные свидетельства того, что обитатели Телеутской земли обладали культурным и языковым единством, общим самосознанием и объединяющим самоназванием «теле» или «теленгиты», российская академическая наука заняла позицию о неравнозначности этнонимов «теле», «телеуты», «тау-телеуты», «теленгуты», «теленгиты» и «теленгеты». В итоге, южные алтайцы в прошедшие более чем 400 лет не фигурировали на официальном уровне под собственным самоназванием, но сменили несколько экзонимов: «теленгуты», «телеуты», «белые калмыки», «зюнгарты», «калмыки», «ойроты» и «алтайцы». В наши дни искусственное разделение южных алтайцев на официальном уровне на алтай-кижи, телеутов и теленгитов продолжается и в купе с включением в 2000 г. телеутов и теленгитов

в перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, приводит к разобщенности южных алтайцев и утрате ими исторической памяти о своем общем прошлом. Тем не менее, в наши дни в Республике Алтай растет интерес к истории Телеутской земли и в научных кругах и массовом сознании все большее признание получает мнение о том, что историческим самоназванием южных алтайцев является этноним «теле».

Список использованных источников и литературы

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. — Т. 1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 606 с.
2. Фишер И. Э. Сибирская история. — СПб., 1774. — 631 с.
3. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. 2. — СПб., 1799. — 178 с.
4. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. — 749 с.
5. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — СПб., 1834. — 266 с.
6. Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 445 с.
7. Потапов А. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. — Л.: Наука, 1969. — 196 с.
8. Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. — Новосибирск: Наука, 1980. — 296 с.
9. Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. — Ч. I. — Барнаул, 1995. — 171 с.
10. Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века: Ч. II. — Барнаул, 1995. — 221 с.
11. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). — М.: Наука, 1983. — 333 с.
12. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в.: Проблемы политической истории и присоединения к России. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. — 256 с.
13. Самаев Г. П. Присоединение Алтая к России (исторический обзор и документы). — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1996. — 120 с.
14. Татары Новосибирской области. — Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2012. — 264 с.
15. Тенгереков И. С. Теленгеты: историко-этнографический очерк. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2001. — 80 с.
16. Голодяев К. А. Телеутская межа (история неизвестной столетней войны) // Развитие территорий. — 2017. — № 3 (9). — С. 13–20.
17. Аристов Н. А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. — Бишкек: Илим, 2003. — 460 с.
18. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII — начала XX века. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. — 312 с.
19. Бородаев В. Б. О появлении этнонима «телеуты» в русском документе начала XVII века (еще один пример редактирования Г. Ф. Миллером текстов источников по истории Сибири) // Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур: материалы Пятой международной научно-практической конференции. — Барнаул, 24 ноября 2005 г. — Вып. 5. — Барнаул, 2005. — С. 15–25.

Сведения об авторе: *Чемчиева Аржана Петровна*, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: chemchieva@gmail.com

УДК 930.2/39 (1.2.4.6)

О. А. Махмудов

Чирчикский государственный педагогический университет (Чирчик, Узбекистан)

«КИРГИЗ КРУГЛЫЙ ГОД... КОЧУЕТ, НЕ ДУМАЯ О ПОСТРОЙКЕ
ПОСТОЯННЫХ ЖИЛИЩ И ОБ УДОБСТВАХ СВОЕЙ ЖИЗНИ
ВООБЩЕ»: ВЗГЛЯДЫ, РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ОТНОШЕНИЕ ВОЕННЫХ
ЧИНОВНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К ПАМИРСКИМ КИРГИЗАМ
(90-Е ГГ. XIX — НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Через призму описаний и репрезентаций памирских киргиз, их обычаев, обрядов и особенностей повседневной жизни в трудах русских военных представлен взгляд на них чиновников, служивших в Туркестане. Благодаря этому можно попытаться реконструировать взгляды и представления русского чиновничества Туркестана, как они видели, представляли и репрезентировали край и его население. Все это показано на основании теории «ориентализма» Эдварда Саида в представленной статье.

Ключевые слова: Памир, киргизы, военные, «ориентализм», репрезентации, взгляды, Б. А. Громбчевский, А. Г. Серебренников, В. Н. Зайцев, А. Е. Снесарев.

O. A. Makhmudov

Chirchik State Pedagogical University (Chirchik, Uzbekistan)

«THE KYRGYZ WANDER ALL YEAR ROUND, WITHOUT THINKING
ABOUT THE CONSTRUCTION OF PERMANENT DWELLINGS
AND THE CONVENIENCES OF THEIR LIVES IN GENERAL»:
VIEWS, REPRESENTATIONS AND ATTITUDES OF MILITARY OFFICIALS
OF THE RUSSIAN EMPIRE TOWARDS THE PAMIR KYRGYZ
(90S OF THE 19TH CENTURY — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. Through the prism of descriptions and representations of the Pamir Kyrgyz, their customs, rituals and features of everyday life in the works of the Russian military, the view of them from officials who served in Turkestan is presented. Thanks to this, we can try to reconstruct the view and ideas of the Russian officials of Turkestan, how they saw, imagined and represented the region and its population. All this is shown on the basis of the theory of «Orientalism» by Edward Said in the presented article.

Keywords: Pamir, Kyrgyz, military, «orientalism», representations, views, B. L. Grombchevsky, A. G. Serebrennikov, V. N. Zaitsev, A. E. Snesearev.

Киргизы⁶ Памира не раз становились объектом описания со стороны многих русских путешественников и чиновников, еще до того как Российская империя утвердила свою власть в этом суровом краю в 1892–1895 гг. Благодаря этому мы можем попытаться увидеть, как видели и репрезентировали памирских киргизов и каковы были взгляды и отношение к ним русских путешественников и военных на примере записей побывавших или служивших в регионе в разное время нескольких русских путешественников и военных.

⁶ Здесь и далее мной употребляется термин «киргизы», как он традиционно писался в рассматриваемое время.

Одно из самых ранних описаний памирских киргизов оставил известный в то время путешественник капитан Б.А. Громбчевский⁷. Так, путешествуя по Памиру во время экспедиции 1889–1890 г., он неоднократно встречался с киргизами и оставил целый ряд весьма интересных и показательных описаний. Другим автором, оставившим весьма любопытные сведения о памирских киргизах, являлся военный инженер капитан А. Г. Серебренников⁸, неоднократно бывавший на Памире и руководивший постройкой Памирского поста и дорожным строительством в регионе. Весьма характерные описания киргизов оставил бывший в 1893–1894 гг. начальником Памирского отряда В. Н. Зайцев⁹. Кроме того, привлечены сведения из записки «Податное обложение киргизов Памира» (1903 г.) [5, л. 124–150об] капитана А. Е. Снесарева¹⁰, также занимавшего в 1902–1903 гг. должность начальника Памирского отряда.

На основании этих работ я попытаюсь показать, как видели и репрезентировали памирских киргизов русские военные как до, так и после утверждения власти Российской империи на Памире. При этом буду опираться на теорию «ориентализма» Эдварда Саида. Я постараюсь дать как можно больше высказаться самим авторам, приводя для иллюстрации их взглядов порой довольно обширные цитаты. Это позволит более полно увидеть памирских киргизов глазами этих авторов и намного более наглядно, чем простой пересказ слов последних.

При этом, предваряя рассмотрение нижеследующие описания, хотелось бы заметить, что в рассматриваемый нами период, «не ориенталистов» попросту не могло быть, другой же вопрос, насколько эти «ориенталистские» описания киргизов были положительного или же отрицательного свойства.

Таким образом, я постараюсь показать, «что» и «как» увидели российские путешественники и чиновники, познакомившись с памирскими киргизами, как они ощущали и представляли их статус, повседневную и общественную жизнь, обычаи и степень «цивилизованности». При этом я не рассматриваю достоверность или недостоверность сообщаемых сведений, предполагая продемонстрировать лишь взгляды и репрезентации русских военных памирских киргиз. Кроме того, я попробую осветить позитивное/негативное восприятие и репрезентации памирских киргизов. Насколько оно было «ориенталистским» и в каких формах и выражениях выражалось в трудах русских военных чиновников.

Познакомившись с памирскими киргизами, русские военные зафиксировали и описали внешний вид памирских киргизов. Так, весьма характерный взгляд на внешность киргиза ярко представлен в «Дневнике экспедиции 1889–1890 гг.» Б.А. Громбчевского. Описывая внешность встреченных им в памирской долине Кара-Шуры киргиз, он широкими мазками набросал общий портрет типичного главы киргизского аула: «На пригорке стоит громадная кибитка белой кошмы, это дом хозяина аула, какого-нибудь толстого, пожилого киргиза, Махомед-Кули-Бая или Назар-Бая. Я так и вижу его несколько сутулую фигуру, с темным, почти бронзовым, загорелым и обветренным лицом, редкою бородкою и маленькими гноющимися глазками.... Наденьте ему на голову... тюбетейку на вате, а на ноги рваные чарыки и портрет Кули-Бая готов. Вы не отличите его от целого легиона других „баев“» [9, с. 219].

Картину особенностей характера памирских киргиз дополняет А. Г. Серебренников. При этом он все же отмечает, что описываемые им особенности характера «присущи» не только киргизам Памира, но и живущим в других районах. По его словам, следует особенно отметить у киргиз «тщеславие и любовь к почету и разным отличиям, а также... любовь ко всякого рода новостям. Любовь их к разного рода отличиям, начиная с обыкновенных и «почетных» халатов и кончая медалями, доходит до страсти и чем торжественнее церемония возложения этих знаков отличия, тем счастливее винов-

⁷ Громбчевский Бронислав Людвигович (1855–1926) — русский путешественник польского происхождения, военный востоковед, генерал-лейтенант; занимался изучением стран и территорий Центральной Азии — Русского Туркестана, Памира, пригиндушских княжеств — Хунза, Нагар, Северо-Западного Тибета и Кашгарии. Астраханский губернатор. О нем и его деятельности подробнее см.: [1; 2, с. 7–76 и др].

⁸ Серебренников Адриан Георгиевич (1863-?) — генерал-майор, русский военный инженер и востоковед, исследователь Азии. Подробнее о нем и его трудах см.: [3, с. 210–211; 4, с. 110–112 и др.].

⁹ Зайцев Василий Николаевич (1851–1931) — генерал-майор, начальник Ошского уезда Ферганской области. В 1893–1894 гг. начальник Памирского отряда. О нем и его трудах см.: [3, с. 87–88; 4, с. 123–130 и др.].

¹⁰ Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) — генерал-лейтенант, русский и советский военачальник, военный теоретик, публицист и педагог, военный географ и востоковед, действительный член Русского географического общества. Подробнее о его жизни и деятельности см.: [6, 7; 8, с. 183–196 и др.].

ник торжества... Очень многие из киргизов ни за что не возьмут плату деньгами за какую-нибудь мелкую услугу и в то же время ни один из них даже очень богатый не откажется получить за то же самое дешевенький халат, будет очень польщен этим актом внимания к нему со стороны «тюри» и примет подарок...» [10, с. 58–59].

Дополнением вышесказанных описаний может служить следующая характеристика памирских киргиз, принадлежащая перу А. Е. Снесарева: «Киргизы населяют Восточный или, как иногда говорят, киргизский Памир... Сухой и суровый климат, допускающий лишь 3–4 месяца тепла, в связи с усвоенной привычкой жителей, сделал последних кочевниками, неспособными к оседанию. Киргиз круглый год передвигается с одного места на другое, кочует, не думая о постройке постоянных жилищ и об удобствах своей жизни вообще; среди ужасных ветров и холодов он даже не пришел к мысли слепить себе землянку и зимует всегда в тех же жалких юртах, в которых живет летом; в самые суровые холода немногие из них обкладывают юрту камышом или пометом кутасов» [5, л. 142].

Весьма интересны сообщения рассматриваемых работ об отношении самих памирских киргиз к своему подданству и вообще к своему государственному положению, а также их личных и общественных качеств. Вот, например, что пишет А. Е. Снесарев об этом, ссылаясь при этом, что не только любопытно, но и показательно, на сведения, сообщаемые Джоном Вудом в книге, опубликованной еще в 1841 г. [11]: «Киргизы настолько неисправны, как воры, что грабежи совершаются не только в пределах племени, но даже и в более мелких подразделениях. Их бай или начальники имеют над киргизами весьма слабую власть. Она похожа скорее на влияние со стороны патриарха, чем на власть действительную и редко проявляется иначе, как в способности собрать небольшую дань и поддерживать интересы соответствующего рода. Уважая возраст или происхождение [blood] баев, киргизы обнаруживают некоторое внимание к их мнениям, но не более. Название бай аналогично со словом хан у афганцев и означает знатного человека» [5, л. 142об].

Далее А. Е. Снесарев пишет о свободолюбии памирских киргиз и трудности признания ими чьей-либо власти над собой: «Прошлое Памирского киргиза было таково, что воспитало в нем народ, не имеющий и не признающий какой-либо власти, не считающийся даже с определенными границами занимаемой им территории, не несущий никаких повинностей и живущий свободной жизнью кочевников. Отпечаток подобного воспитания истории можно наблюдать на современном киргизе постоянно: побеги киргизов в соседние страны или приход из последних к нам, переходы из одного аминства в другое, уход в недоступные углы, чтобы избавить себя от всяких повинностей, жалобы на начальство, пересуды и толки по поводу всякого наряда и т. п. говорят о том, что киргиз по старому чувствует себя свободным дикарем, не мирящимся с существованием границы, наличностью властей и необходимостью нести хотя бы самые пустые налоги». Далее А. Е. Снесарев приводит пример, по его мнению, подтверждающий сказанное им выше: «Начальник Лянгарского поста во время прогулки, встречает памирского киргиза, едущего верхом на лошади; киргиз проезжая мимо оставался верхом и не отдал никакого поклона. Офицер, подозревая к себе киргиза, спрашивает его, почему он не кланяется начальнику; киргиз слез немедленно с лошади, отдал салям и дал объяснение, что он живет в работниках, человек темный и новых порядков не знает, дома он всегда и от всех слышал, что киргизы свободны как архары и что у них никакого начальства никогда не было и не будет, а идти они вольны, куда им захочется» [5, л. 142–143об].

С характеристиками памирских киргиз А. Е. Снесарева в целом согласуются и слова А. Г. Серебренникова: «Склонность памирских киргизов считать себя вольными людьми укоренилась у них уже давно. Вот почему, когда Кашгар был занят Якуб-беком, памирские киргизы нашли возможным перейти к нему на службу, несмотря на свое подданство кокандскому хану, и помогать ему в войне с китайцами» [10, с. 67].

Касаясь бытовой стороны и обычаев памирских киргизов, Б. А. Громбчевский оставил целый ряд показательных описаний. Недалеко от реки Ак-су путешественник случайно попал на свадьбу, где наблюдал игры. Приведу описание пары таких игр:

«На обширной поляне сидело до 30 девушек и молодых женщин. Старушки частью сидели в стороне, в отдельной кучке, частью заняты были стряпнею. Напротив девушек и молодых сидело человек 40 молодых парней. Девушки и молодые по очереди вставали, с веревкою в руках подходили

к сидевшим в ряду парням и, набросив понравившемуся парню веревку на шею, выводили его на середину поляны. Парень обязан был пропеть песню. Если парень, не сконфузившись, сумел пропеть песню, то при громком смехе и одобрительных возгласах парней имел право поцеловать девушку, несмотря на отбояривание и визги. Если же он сконфузился, растерянно оглядывался в стороны, спеть не сумел, или запинаясь, то девушки, смеясь, прогоняли его жгутами с поля. После этого вставала другая, третья и т.д. Затем игра сменилась: девушка легким ударом веревки по руке вызывала парня, который уперев рукоятку нагайки в землю и ухватившись за рукоятку руками так, что одна рука приходилась почти к земле, а другая у верхнего конца рукоятки, принимал почти горизонтальное положение к земле и туловищем под своими руками так, чтобы только две точки опоры: ноги и рукоятку нагайки. Если кто коснулся земли боком, или задом, или упал, или даже поскользнулся, то прогонялся с поля. В противном случае целовал выбравшую его девушку» [9, с. 251–252].

Но, самое любопытное то, какой вывод сделал Б.А. Громбчевский из описанных игр киргизов, вывод, выдающий в нем «ориенталиста», хотя в целом и положительного характера, чувствующего свое цивилизаторское превосходство «европейца»: «Общее впечатление, вынесенное с сегодняшнего праздника — отрадное. Женщины среди киргиз вообще пользуются сравнительно большею свободой, но то, что я сегодня видел, превзошло мои ожидания. Общественность и непринужденность сквозили повсюду. Видно было, что на этих полудикарей не наложило своей тяжелой руки мусульманство и следующая за ним трехмерная плеть казия. Здешние киргизы мусульмане только с формальной стороны, так сказать по названию» [9, с. 252].

В отношении малой религиозности киргизов, Б.А. Громбчевскому вторит и А.Г. Серебренников: «Памирские киргизы считаются магометанами-суннитами, но как вообще все кочевые народы, они не отличаются особенной религиозностью и ислам не успел пустить у них таких глубоких корней, как например, у оседлого населения Туркестана. Едва-ли даже уместно говорить о том, какую религию исповедуют памирские киргизы, так как, строго говоря, у них совсем нет религии, которая вполне заменяется внешними обрядами и суевериями. Разбросанность населения, неблагоприятные условия жизни, бедность, а, главным образом, отсутствие грамотных людей, вот причины, почему памирские киргизы не отличаются религиозностью и довольно безразличны в своих верованиях» [10, с. 63–64].

В.Н. Зайцев в своей работе с видимым удовлетворением дополняет А.Г. Серебренникова: «Киргизы... по религии мусульмане-сунниты, мечетей и имамов не имеют, на предложение сартов-просветителей из джигитов (Памирского отряда. — О. М.) построить при укреплении мечеть, они в 1894 году ответили отказом, выразив характерно следующее: „мы народ кочующий, где около камня очертим круг, там и храм Божий”» [12, с. 50].

Здесь следует отметить, что взгляды рассматриваемых авторов, как и в целом господствовавшие представления среди русских чиновников и военных в Туркестане и вообще в России, о киргизах как «плохих мусульман» скорее выдают плохое понимание отношения к религии самих киргиз и вообще понимания, как функционирует религия в подобных кочевых обществах. Это такая своеобразная форма бытования ислама, характерная для кочевников, которая при внешней нерелигиозности и несоблюдении исламских обрядов отнюдь не делало их немусульманами и язычниками.

Что касается положения женщин-киргизок, то его хорошо характеризует следующая запись в дневнике Б.А. Громбчевского, где он рассказывает, что один молодой киргиз охотно готов был продать свою жену за 10 ямб, это около 200 руб., «причем продавец начал восхвалять жену свою, что она молода и очень красива. Желая проверить, действительно ли настолько велико бесстыдство юнца-киргиза, я (Громбчевский. — О. М.) отправил с продавцом в аул одного из джигитов экспедиции, как бы для осмотра предполагаемой покупки, причем джигит, вернувшись доложил, что жена его действительно молоденькая и хорошенькая бабенка. Весть о желании продать жену быстро разошлась по аулу и собрала толпу зевак, из которых некоторые упрекали продавца в том, что он продает жену русско-му-кафиру, другие же держали сторону мужа, утверждая, что жена — собственность мужа: захочет — убьет, захочет — продаст. Собственность дорогопреобрененная уплатою калыма. Бабенка заливалась горячими слезами, завывая на весь аул. Когда все вернулись в лагерь, то мне пришлось прогнать продавца собственной жены» [9, с. 260].

Кроме того, Б.А. Громбчевский, характеризуя отношение киргиз к женщинам, отмечает, что «поминок после смерти женщины не делают и, вообще, не принято даже выражать сожаление по этому

поводу. Стыдно мужу-мужчине оплакивать смерть жены. Женщины среди даже полудиких мусульман живут и умирают бесследно» [9, с. 244].

Таким образом, из рассмотренных выше работ русских военных чиновников следует, что рассматриваемые авторы воспринимали памирских киргиз как людей, стоящих на достаточно низкой ступени «цивилизованности» и все его писания пронизаны «ориентализмом», причем как положительного, но часто и довольно негативного плана.

Весьма ясно ощущается и негативное отношение рассмотренных авторов и к исламу, а также то, что киргизы, по их мнению, «плохие мусульмане», вызывает удовлетворение.

В целом, можно констатировать, что все рассмотренные описания проникнуты «ориенталистскими» взглядами, представлениями и репрезентациями, что, впрочем, было в то время характерно фактически для всех авторов, описывавших «туземцев». Но, несмотря на это, рассмотрение того, как видели и репрезентировали памирских киргиз русские военные чиновники, позволяет взглянуть на виденное ими их глазами и приблизиться к восприятию тех территорий, где они побывали или служили. Благодаря этому нам легче понять психологию русских чиновников и то, почему ими принимались те или иные решения при управлении этой «окраиной» Российской империи.

Список использованных источников и литературы

1. Рудницкий А. Ю. Этот грозный Громбчевский... Большая игра на границах империи. — СПб.: Алетей, 2013. — 248 с.
2. Басханов М. К. К последнему перевалу жизни и странствия Бронислава Громбчевского // Дервиш Гиндукуша: Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / сост. М. К. Басханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева. — СПб., 2015. — С. 7–76 и др.
3. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. — М.: Восточная литература, 2005. — 295 с.
4. Захарчев Н. А. Тайны Памирского поста. — Ульяновск: Мастер Студня, 2014. — 176 с.
5. НАУз. Ф. И-1. Оп. 29. Д. 1131. Л. 142–150об.
6. Андрей Евгеньевич Снесарев. Сборник статей. — М.: Наука, 1973. — 160 с.
7. Басханов М. К. «У ворот английского могущества»: А. Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 328 с.
8. Махмудов О. А. «По Памирам на ангельских высотах...»: Андрей Евгеньевич Снесарев о Памире и памирцах // Петербургский исторический журнал. — 2020. — № 1 (25). — С. 183–196.
9. Громбчевский Б. Л. Дневник экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет, 1889–1890 гг. // Дервиш Гиндукуша: Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / сост. М. К. Басханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева. — СПб., 2015. — С. 186–374.
10. Серебренников А. Очерк Памира. — СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. — 97 с.
11. Wood J. A Journey to the Source of the River Oxus. — London: John Murray, 1841. — 424 p.
12. Зайцев В. Н. Памирская страна — центр Туркестана: Историко-географический очерк. — Новейший Маргелан: Типография Ферганского областного правления, 1903. — 78 с.

Сведения об авторе: Махмудов Ойбек Анварович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент Чирчикского государственного педагогического университета, г. Чирчик, Узбекистан, e-mail: oybek81@yandex.ru

УДК 94 (47) +94 (574)

О. Е. Гундова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ПОСОЛЬСТВА ХАНА АБЫЛАЯ К РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ДВОРУ

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 23–28–01369 «Власть и общество в Степном крае Российской империи: эволюция практик взаимодействия (XIX — начало XX в.)»

Аннотация. В статье проанализированы посольства, направленные к российскому императорскому двору Абылаем, ханом казахского Среднего жуза, в 50–70-е гг. XVIII в. в контексте развития российско-казахских отношений, а также особенностей взаимодействия империи с казахским обществом. Рассмотрены цели посольств, ходатайства Абылая к российским монархам, реакция имперских правящих кругов на данные просьбы. В ходе визитов обсуждались актуальные проблемы российско-казахских отношений. Направление посольств в Россию способствовало укреплению авторитета Абылая в казахском обществе.

Ключевые слова: Средний жуз, Российская империя, посольства, дипломатические миссии, казахи, ханы, султаны, Абылай, российско-казахские отношения.

O. E. Gundova

Altai State University (Barnaul, Russia)

ABLAI KHAN'S EMBASSIES TO THE RUSSIAN IMPERIAL COURT

Abstract. The article analyzes the embassies sent to the Russian imperial court by Ablai, khan of the Kazakh Middle Zhuz, in the 50–70s of the 18th century in the context of the development of Russian-Kazakh relations, as well as the peculiarities of interaction between the empire and Kazakh society. The goals of the embassies, Ablai's petitions to the Russian monarchs, and the reaction of the imperial ruling circles to these requests are considered. During the visits, current problems of Russian-Kazakh relations were discussed. Sending embassies to Russia helped strengthen Ablai's authority in Kazakh society.

Keywords: Middle Juz, Russian Empire, embassies, diplomatic missions, Kazakhs, Khans, sultans, Ablai, Russian-Kazakh relations.

С началом инкорпорации в 1730-х гг. казахского Среднего жуза в состав российского государства, проблема лояльности местных элит находилась в центре внимания имперских правящих кругов. Для получения поддержки со стороны казахской аристократии российские власти использовали целый комплекс практик, одной из которых выступали посольства влиятельных представителей степной элиты к российскому императорскому двору.

В 1740–1780-е гг. одним из наиболее авторитетных политических лидеров Среднего жуза и одним из главных акторов принятия политических решений в отношениях с Российской империей являлся султан Абылай (с 1771 г. — хан). Его внешнеполитическая деятельность нашла отражение в историографии [1–5], однако посольства Абылая к российскому императорскому двору до сих пор не стали предметом специального исследования и получили лишь эпизодическое упоминание. Слабая изученность темы обуславливает необходимость ее более тщательного исследования.

В августе 1740 г. в Оренбурге (ныне Орск) хан Среднего жуза Абулмамбет, султан Абылай, а также 128 старшин приняли присягу на верность России. Принятие российского подданства казахами Среднего жуза было обусловлено рядом причин: сложностью борьбы с Джунгарским ханством, необходимостью предотвращения нападений на казахские земли российских подданных: волжских калмыков, башкир, сибирских и яицких казаков, необходимостью расширения пастбищных территорий, расширения торговых связей с Россией [2, с. 83; 4, с. 128]. С этого момента имперские власти стали

рассматривать казахов Среднего жуза в качестве своих подданных и стали распространять на них практики взаимодействия, используемые в отношении других подвластных империи народов, в том числе визиты ко двору российских монархов [6, с. 186, 216–217].

Посольства, в дальнейшем направленные Абылаем к российскому императорскому двору, были обусловлены политическим курсом России в Среднем жузе и актуальными проблемами развития российско-казахских отношений. В 40–70-е гг. XVIII в. Российская империя стала постепенно увеличивать свое военно-политическое присутствие на территории Среднего жуза. Строительство военных укреплённых линий на границе со степью, инициированное российскими властями ещё в начале XVIII в., в этот период приняло массовый характер в связи с обострением российско-джунгарских, а позднее российско-цинских отношений. Строительство укреплений сопровождалось заселением степи казачеством и привело к крупномасштабным захватам земельных угодий у казахского населения с целью наделения ими прилинейных казаков. Участились набеги казахов на приграничные со степью русские поселения с целью грабежа и захвата пленников, а также ответные военные экспедиции в степь, нередко сопровождавшиеся произволом казаков в отношении казахов [4, с. 131–144]. Кроме того, в 1750–1760-х гг. отношения султана Абылая с администрацией Сибирской линии осложняла вопрос о возврате невольников (так называемых ясырей, или кулов), бежавших из степи в российские военные укрепления. Поскольку возврату подлежали только пленные, не подданные России и не принявшие христианства, то беглецы заявляли о намерении принять крещение и оставались жить на российской территории [1, с. 419–420; 7, с. 74–75]. Вместе с тем развивалась российско-казахская торговля, в том числе благодаря деятельности Абылая. В 1749 г. султан добился открытия российско-казахской торговли в Троицкой крепости, в 1759 г. — в Петропавловской крепости [4, с. 161–165].

Взаимоотношения российских властей с казахской элитой Среднего жуза во второй половине XVIII в. развивались в сложных геополитических условиях, связанных с разгромом Джунгарского ханства Цинской империей и усилением российско-китайского соперничества в Центрально-Азиатском регионе. В рассматриваемый период подданство казахов Среднего жуза России было номинальным, имперская администрация не имела действенных рычагов воздействия на Абылая. В 1757–1758 гг. в имперских правящих кругах утвердилось мнение о том, что султан намерен принять китайское подданство. Весной-летом 1758 г. оренбургская администрация, ведавшая на региональном уровне контактами с казахской элитой, направила в Средний жуз несколько посольств с целью выяснить планы Абылая в отношении Китая, а также убедить его приехать в Оренбург [2, с. 219; 4, с. 145–149]. От поездки султан отказался, однако после совета с ханом Абулмамбетом, другими султанами и старшинами Абылай отправил вместе с приехавшим для переговоров толмачом Матвеем Араповым в Санкт-Петербург посольство в составе своего двоюродного брата султана Жолбарыса со свитой из пяти человек. Тем самым Абылай хотел снять подозрения со стороны российского правительства относительно его связей с цинским двором и заверить российские власти в своей лояльности к ним [4, с. 149–150; 5, с. 193].

Механизм визитов представителей подданных народов ко двору русского монарха начал складываться с XVI в., т. е. со времени превращения России в полиэтническую державу. Таким образом, к середине XVIII в. уже существовал общий порядок отправления представителей подданных империи народов в столицу, допуска представителей подвластных народов ко двору, церемониал их встречи с монархом и т. д. Представители местной знати сообщали о своем желании направить делегатов к государеву двору региональным властям (губернаторам), которые в обязательном порядке доводили эту информацию до центральных ведомств (коллегий). Если в столице визит находили целесообразным, то давали разрешение на поездку. Делегацию сопровождал пристав, который отвечал за ее охрану и заведовал финансами. На аудиенции у монарха посланники представляли свои прошения, а по итогам миссии происходило одаривание ее участников. Все расходы на организацию поездки и пребывание посланцев в столице брала на себя казна, тем самым демонстрируя благосклонность государя к своим подданным [8, с. 43–105].

Первое посольство Абылая к российскому императорскому двору описано в работе К. К. Абуева [4, с. 150–151], поэтому мы осветим только ключевые моменты. Делегаты пребывали в столице с 15 октября 1758 г. по 31 декабря 1759 г. [5, с. 193]. Абылай в послании жаловался на произвол казаков, просил возврата российской стороной принадлежащих казахам невольников, получения хлеба

в крепости Красноярской. Кроме того, он стремился добиться для себя тех же преимуществ, что имел хан Нуралы, состоя в российском подданстве, и высказал просьбу об определении ему жалования [6, с. 567–568]. Ответом на ходатайство Абылая явилась грамота Елизаветы Петровны от 31 августа 1759 г. с сообщением о назначении ему жалования в размере 200 руб. в год [6, с. 598–599]. Впрочем, канцлер М. И. Воронцов в письме от 31 августа 1759 г. в Оренбург обозначил другую сумму — 300 руб. в год и дополнительно к ним тайную сумму в 100 руб. 30 января 1760 г. Абылаю было выплачено жалование в 300 руб. и подарков на 500 руб. Однако в дальнейшем выплаты жалования Абылаю происходили нерегулярно [5, с. 193–195]. Другие просьбы султана были отклонены.

30 декабря 1761 г. Коллегия иностранных дел предписала Оренбургской администрации, в связи с кончиной императрицы Елизаветы Петровны и восшествием на престол нового монарха Петра III, побудить ханов и султанов Младшего и Среднего казахских жузов направить в Петербург своих представителей и привести к присяге население [3, с. 98]. На торжественную коронацию в Санкт-Петербург направили своих представителей султаны Среднего жуза Абылай и Султанмамет, первого представлял султан Баир, второго — его сын султан Урус. Сопровождал делегацию полковой адъютант Оренбургского гарнизона с двумя солдатами, в Санкт-Петербурге для казахов назначили переводчика [9, с. 167, 169]. Однако летом 1762 г. в результате дворцового переворота к власти пришла императрица Екатерина II. Именно ей казахские посланники представили свои ходатайства. По результатам поездки Абылаю была обещана выплата жалования [9, с. 169], а посланники получили награды: султан Баир, как посол «от главного той орды Аблай-солтана, именем всей орды присланному», получил «по прежним примерам» (т.е. неофициально сложилась градация сумм награждений в зависимости от статуса послов) 200 руб., султану Урусу — 60 руб., 5 старшинам — по 40 руб. каждому, их служителю — 10 руб. [9, с. 169]. По случаю восшествия на престол Екатерины II казахским послам были пожалованы медали: Баиру — золотая и Урусу — серебряная. Награды были вручены в ставке султана Абылая [5, с. 128].

Размер кормовых денег, выделенных посланникам на дорогу и проживание в столице, также варьировался от их статуса. Так, на проживание в Санкт-Петербурге султану Баиру выделялось кормовых денег по 50 коп. на день, султану Урусу, представляющему только своего отца, — 40 коп., старшинам — по 20 коп. каждому, служителю — 10 коп. По возвращении посольства в Оренбург его участников следовало снабдить в дорогу подводами и кормовыми деньгами. В дороге султанам выделили на день по 30 коп., старшинам — 13 коп., служителю — 5 коп. [9, с. 167–169].

В июне 1764 г. султан Абылай направил в столицу посольство во главе со своим приемным сыном султаном Бори со свитой из 8 старшинских детей для поздравления императрицы Екатерины II с восшествием на престол [10, с. 310–311]. В августе посланники прибыли в Оренбург, где сообщили региональным властям о намерениях Абылая. Других сведений о данном посольстве обнаружить не удалось. Скорее всего, поездка в столицу не состоялась, поскольку в 1770-е гг. в переписке с российскими властями Абылай упоминал, что его представителей не было в Петербурге с 1762 г. [10, с. 349; 11, док. № 38].

Отправка казахских посольств к российскому императорскому двору практиковалась не только с целью обсуждения актуальных вопросов российско-казахских отношений. Посредством этих поездок степная элита демонстрировала свою лояльность российскому престолу, а для казахской аристократии поездка в столицу и представление императорской особе становилась возможностью повысить в глазах соотечественников свой авторитет [12, с. 52]. Данная проблема стала актуальной для отношений Абылая с российскими властями в 1770-х гг.

В 1771 г. после смерти Абулмамбета Абылай был избран ханом Среднего жуза. После избрания он не обратился к российской императрице за утверждением его в этом звании, в связи с чем имперские власти не признавали его в этом качестве. В 1776–1777 гг. Абылай обращался с просьбой об отправке посольства в Санкт-Петербург к императрице Екатерине II [10, с. 335], командующему Сибирских пограничных линий А. Д. Скалону [11, док. № 38], исполняющему должность оренбургского губернатора П. Д. Мансурову [10, с. 343], однако не добился согласия с российской стороны. В сложившейся ситуации оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп в конце 1777 г. порекомендовал хану обратиться к императрице Екатерине II для подтверждения ханского звания [7, с. 406–407].

И. А. Рейнсдорп поддерживал инициативу Абылая отправить к российскому двору одного из ханских сыновей. Ранее туда ездили лишь сыновья ханов Младшего жуза Абулхаира и Нуралы. В ка-

кой-то степени оренбургский губернатор желал противопоставить Абылай хану Нурали, который формально оставался старшим ханом, а также пресечь связи Абылая с Цинской империей [5, с. 134].

К хану был направлен капитан Брехов с целью склонить того к отправке сына к императорскому двору с просьбой утвердить за Абылаем ханское достоинство. Брехову была дана подробная инструкция по «уговариванию» хана и организации поездки в случае его согласия. Особо оговаривалось, что в пути с султаном следует поступать «ласково и наблюдать, чтоб ни от кого озлобления ему и будущим при нем показывано не было. А напротив того и их ни до каких никому обид не допускать, но так с ними обходиться, чтоб они от вас ласку имели, и сами б себя порядочно и спокойно содержали» [7, с. 408–410].

Абылай тоже был заинтересован в подтверждении своей легитимности со стороны Российской империи. К концу 1770-х гг. он стал терять политические позиции в степи, хан надеялся при поддержке российской стороны укрепить свою власть и передать ханский престол сыну [5, с. 133].

В январе 1778 г. хан вновь обратился к властям Сибирской линии: «Неоднократно от меня требовало и прошено было об отправлении одного моего сына ко Двору, где б он мог о своих нуждах и просить, и может быть себе я большое удовольствие и увольнение получить мог» [7, с. 397]. Взаимная заинтересованность в отправке посольства Абылая ко двору императрицы обусловила успех переговоров. Вскоре Абылай обратился Екатерине II с просьбой об утверждении его в ханском звании и об отправке в Санкт-Петербург посланников во главе со своим сыном Тугумом [11, док. № 42]. Результатом поездки стал императорский указ от 24 мая 1778 г. о выдаче Абылаю патента на ханство и утверждение в звании [11, док. № 44, № 45].

Грамоту и знаки ханского достоинства (соболью шубу, шапку, саблю) предписывалось вручить хану в Оренбурге или Троицке, однако тот не приехал за ними на Оренбургскую линию. В итоге имперские власти вынуждены были сами доставить в ставку Абылая грамоту об утверждении Абылая ханом Среднего жуза, знаки ханского достоинства он так и не получил. После возвращения из Санкт-Петербурга султана Тугума Абылай обратился с письмом к оренбургскому губернатору, в котором поблагодарил его за содействие в деле отправки и возвращения из столицы своего сына и положительном решении просьбы об утверждении в ханском звании [3, с. 121–122, 129]. Так завершилось последнее посольство хана Абылая к российскому императорскому двору.

Таким образом, в период 50–70-х гг. XVIII в. Абылай направил в Санкт-Петербург три посольства. Визиты к императорскому двору были направлены на обсуждение широкого спектра вопросов российско-казахских отношений (взаимоотношения казахов с казачеством, возврат в степь бежавших на российскую сторону кулов, развитие торговли в приграничной зоне), а также укрепление личного авторитета Абылая в степи (утверждение в ханском звании, назначение жалования). В процессе обсуждения данных вопросов Россия демонстрировала готовность идти на компромисс, если это не противоречило ее интересам.

Список использованных источников и литературы

1. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. — 454 с.
2. Басин В. Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв.: Казахстан в системе внешней политики Российской империи. — Алма-Ата: Наука, 1971. — 275 с.
3. Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века: О внешней и внутренней политике Абылая. — Алма-Ата: Наука, 1988. — 144 с.
4. Абуев К. К. Абылай Хан. Современники и наследники. — Кокшетау: Эрекет, 2013. — 308 с.
5. Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII — XIX веках. — Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. — 476 с.
6. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сборник документов и материалов. — Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. — 743 с.
7. Из истории казахско-российских отношений. XVIII век: сборник документов. — Алматы: Литера-М, 2019. — 522 с.
8. Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. — 320 с.

9. Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.): сборник документов. — Алма-ты: Литера-М, 2018. — 560 с.

10. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. — Т. I. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. — 696 с.

11. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы): сборник документов и материалов. — Алма-Ата: Наука, 1964. — 575 с. URL: https://drevlit.ru/docs/central_asia/XVIII/1760–1780/Kazach_rus_17_18/index.php (дата обращения: 20.09.2023).

12. Гундова О. Е. Депутатские миссии как практика взаимодействия казахской элиты с правящими кругами Российской империи // Алтайские корни тюркской цивилизации: материалы Международной научной конференции. Барнаул, 10 ноября 2022 г. — Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2023. — С. 46–54.

Сведения об авторе: Гундова Ольга Евгеньевна, старший преподаватель кафедры востоковедения Института истории и международных отношений, лаборант-исследователь отдела организации и сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: olga.gundova13@gmail.com

УДК 93/94

В. П. Зиновьев

Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Статья выполнена при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030)

Аннотация. Рассматривается межнациональное разделение труда в Сибири в конце XIX века на примере Томской губернии. Автор на основе данных переписи 1897 г. доказывает, что охота и рыболовство были основным занятием коренных жителей севера губернии, кочевое скотоводство — тюрков юга губернии, земледелие и промышленность — пришлого населения — русских и других выходцев из Европейской России. Автор считает, что межнациональное разделение труда на территории губернии в конце XIX века было действующим фактором ее экономического развития.

Ключевые слова: межнациональное разделение труда, хозяйственное освоение, русские, инородцы.

V. P. Zinoviev

National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)

INTERETHNIC DIVISION OF LABOR IN TOMSK PROVINCE ACCORDING TO THE CENSUS OF 1897

Abstract. The article considers the interethnic division of labor in Siberia at the end of the XIX century on the example of the Tomsk province. The author proves on the basis of the 1897 census data that hunting

and fishing were the main occupation of the indigenous inhabitants of the north of the province, nomadic cattle breeding — the Turks of the south of the province, agriculture and industry — the alien population — Russians and other immigrants from European Russia. The author believes that the interethnic division of labor on the territory of the province at the end of the XIX century was an active factor in its economic development.

Keywords: international division of labor, economic development, Russians, native inhabitant.

Присоединение и освоение Сибири не имеет прецедентов в мире. Этот процесс не похож на завоевание колоний греками, римлянами, англо-саксами, иберийцами и другими европейцами, так как он шел по модели даннических взаимоотношений восточного мира. В отличие от американского фронта, предполагавшего борьбу с варварами и их уничтожение, русская модель завоевания предполагала «замирение» инородцев и включение их в даннические отношения с московским царем, а позднее — с российским императором [1]. Русские служилые люди шли в Сибирь не за территориями, а за податными головами, что подразумевало их безусловное сохранение. Это одна из главных причин относительно мирного и бескровного присоединения Сибири.

Но есть и другой, не менее важный, фактор в целом бесконфликтного сожительства русских и других европейских пришельцев с местным населением — это межэтническое разделение труда. Наличие межэтнического разделения труда историками не отрицалось, но и не исследовалось как феномен. На этот аспект сибирской истории обращают меньше внимания, чем на другие, так как скудны источники для его изучения. Есть лишь одна диссертация, опубликованная в виде монографии Е. В. Карих [2]. Она ограничила анализ взаимоотношений русских и коренных народов Сибири ее западной частью по данным переписи населения Российской империи 1897 г. По Восточной Сибири написаны несколько ее статей на смежные темы [3–6]. Статистический анализ переписи 1897 г. по Восточной Сибири и Дальнему Востоку в отношении межэтнического разделения труда ею был только начат. Е. В. Карих на материалах Тобольской и Томской губерний доказала факт существования межэтнического разделения труда в Сибири. Мной эта работа была продолжена по Восточной Сибири, Степному краю, Дальнему Востоку России [7–12].

Цель настоящей статьи — оценить характер межэтнического разделения труда в Томской губернии по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. Предметом исследования является губернский том переписи, в котором размещены 25 таблиц, распределяющих население в разных комбинациях по полу, возрасту, по сословиям, по месту рождения и месту жительства, по семейному и хозяйственному положению, по грамотности и одержимости физическими недостатками. Таблицы, размещенные в погубернских томах переписи 1897 г., сопровождаются формальными статистическими обзорами, в которых дается краткое описание результатов переписи населения по губерниям и областям, однако межэтническое разделение труда не анализируется. С точки зрения данного исследования важна таблица № XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка». Анализ материалов таблицы по губерниям и областям Сибири, Степного края и Дальнего Востока позволяет ответить на вопрос о наличии или отсутствии межэтнического разделения труда в народном хозяйстве того или иного региона и отметить особенности такового. Эта таблица также дает возможность определить эффективность систем хозяйственной деятельности по жизнеобеспечению населения, так как данные таблицы позволяют выявить соотношение самодеятельного населения и членов их семей, т. е. установить масштабы воспроизводства рабочей силы.

Есть еще две таблицы, которые также не сведены в общеимперские обобщающие итоги, почему их мало используют в исторических исследованиях. Это таблицы № XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям», дающая возможность оценить комплексность хозяйственной деятельности населения и № XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям», позволяющая оценить масштабы разрушения сословной структуры у разных этносов.

Рассматривались губернские и областные показатели и общегородские по регионам. Для удобства анализа таблицы были сжаты, рубрики занятий укрупнены. Так, в таблице № XXII 65 групп занятий населения, они сокращены до 17 родов занятий и итога. В таблице № XXIII упоминается свыше 220 видов побочных занятий. Они сведены в 15 отраслей побочных занятий, по которым можно судить о сфере деятельности — промышленности, земледелии, скотоводстве, транспорте, торговле,

строительстве, услужении, лесных, охотничьих, рыбных промыслах, черной работе и т.д. В таблице XXIV выделены основные сословия — дворяне, почетные граждане и купцы, мещане, крестьяне, казаки, инородцы, прочие.

Названия этносов (народов, народностей, племен) приведены по переписи без изменения с указанием в скобках современного их названия.

Сведения таблицы № XXII по Томской губернии в обобщенном виде представлены в таблице № 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь, начиная с XVII века из-за Урала и, так называемые, коренные народы Сибири — татары, самоеды (селькупы), остяки (ханты). Под татарами составители переписи понимали тюркоязычных коренных жителей губернии — томских, барабинских, чулымских, обских, алтайских, а также и бухарских, казанских татар.

Таблица 1

Распределение населения Томской губернии по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Губерния		Пришлые народы		Коренные народы Сибири	
		Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1–3	Управление	3886	6926	3849	6835	37	91
4	Военнослужащие	3461	279	3373	278	88	1
5–8	Служители культа	2190	3670	2093	3497	97	173
9–12	Образование, наука, культура, медицина	3032	3037	2904	2924	114	133
13	Прислуга	38404	36682	36287	33992	2117	2690
14–15	Рантье	11497	5046	11053	4919	444	129
16	Арестанты	1504	32	1412	32	92	0
17–18	Земледелие и пчеловодство	277171	1203754	264574	1167764	12597	35990
19	Животноводство	13843	43347	4127	10518	9716	32829
20	Лесные промыслы	4051	8885	3774	8261	306	654
21	Рыболовство, охота	7275	25359	3064	10461	4211	14898
22–40	Промышленность	55270	76086	53706	74067	1564	2019
41–45	Транспорт и связь	6610	11164	6362	10679	248	485
46–62	Торговля	13975	28225	13303	26548	672	1677
63	Неопределенные занятия	4709	3573	4556	3498	153	75
64	Проституция	226	62	223	61	3	1
65	Занятия не указаны	4470	1810	4211	1741	259	69
Итого		451575	1476104	418857	1384190	32718	91914

Продолжение таблицы № 1

№	Великорусы		Малорусы		Белорусы		Поляки		Литовцы и жмудь		Латыши	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1–3	3619	6585	73	78	5	6	108	115	4	0	3	5
4	3306	273	41	1	0	0	10	0	0	0	0	0
5–8	2037	3376	14	22	2	6	7	6	0	0	0	0
9–12	2609	2591	47	39	3	2	83	65	6	6	7	3

№	Великорусы		Малорусы		Белорусы		Поляки		Литовцы и жмудь		Латыши	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
13	34342	32094	699	690	37	46	392	159	22	12	21	10
14–15	10409	4616	153	66	7	5	187	71	9	0	10	0
16	1277	32	32	0	0	0	24	0	0	0	1	0
17–18	241980	1069871	16760	77211	723	3306	1029	1361	165	477	253	907
19	3853	10074	105	116	8	10	75	28	5	8	4	13
20	3509	7897	52	66	9	14	68	38	4	1	7	1
21	2994	10394	26	9	2	4	26	12	0	0	1	0
22–40	50145	87501	881	1997	109	186	770	1235	34	26	77	149
41–45	5652	9633	195	283	19	19	220	209	10	14	24	10
46–62	11643	22719	126	156	14	23	301	415	12	20	10	8
63	4043	3152	96	78	7	1	67	26	3	0	5	0
64	206	37	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0
65	4037	1615	43	21	6	3	17	1	0	0	0	0
Итого	385481	1272560	19346	79954	951	3635	3384	3003	274	565	426	1032

Продолжение таблицы № 1

№	Немцы		Цыгане		Евреи		Эсты		Зыряне		Пермяки	
	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы	Самодетельное	Иждивенцы
1–3	19	14	1	0	9	19	1	0	0	1	2	3
4	3	1	0	0	5	3	0	0	2	0	1	0
5–8	2	0	0	0	21	77	0	0	1	0	0	0
9–12	41	41	22	44	74	98	3	0	3	2	0	0
13	89	29	90	78	179	178	25	6	59	99	18	26
14–15	42	7	10	12	142	127	3	2	11	2	0	0
16	16	0	6	0	39	0	5	0	0	0	0	0
17–18	123	330	94	217	88	375	45	167	268	885	79	264
19	3	1	2	5	10	27	1	0	14	26	0	0
20	3	14	4	10	9	2	3	0	9	8	10	21
21	1	4	4	21	2	9	0	0	0	0	1	0
22–40	241	162	83	125	761	1456	54	16	127	167	29	61
41–45	49	47	2	4	141	385	20	22	6	18	5	6
46–62	52	50	236	681	815	2372	2	0	17	19	1	0
63	22	12	190	126	41	40	0	0	13	8	4	4
64	1	0	0	0	13	22	0	0	1	0	0	0
65	2	1	38	77	57	12	1	1	3	0	1	0
Итого	709	868	782	1410	2407	5204	163	214	533	1327	151	385

Продолжение таблицы № 1

№	Мордва		Остяки (ханты)		Татары		Чуваши		Киргизы (казахи)		Самоеды	
	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы	Само- дея- тель- ное	Ижди- венцы
1–3	3	4	0	0	33	83	0	0	2	8	0	0
4	3	0	0	0	84	0	0	4	0	0	1	0
5–8	5	7	0	0	84	145	2	0	13	28	0	0
9–12	6	7	0	0	104	112	1	4	10	20	0	1
13	249	436	8	1	1212	1486	54	110	836	1178	58	25
14–15	28	6	2	0	380	116	11	1	40	13	22	0
16	0	0	0	0	66	0	0	0	23	0	2	0
17–18	2334	6186	3	8	9461	32501	500	1907	3115	3451	7	9
19	29	93	0	0	6405	21747	3	7	3301	11082	8	0
20	57	156	0	0	271	619	0	0	29	30	5	5
21	1	4	136	476	3046	11537	1	0	1	0	1028	2885
22–40	285	629	1	3	1020	1454	34	91	469	539	73	23
41–45	13	30	0	0	187	452	2	0	57	28	4	5
46–62	16	36	1	0	595	1551	5	4	67	106	9	20
63	32	25	2	0	129	64	16	21	16	11	6	0
64	0	0	0	0	3	1	0	0	0	0	0	0
65	11	11	0	0	152	59	3	0	87	6	7	2
Ито-го	3072	11630	153	488	23226	71927	632	2145	8056	16587	1230	2977

Источник подсчета: [13, с. 152–161].

Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» были укрупнены, поскольку для анализа межнационального разделения труда не требуется столь подробного разделения рода занятий населения.

В Томской губернии перепись 1897 г. учла всего 1927679 чел., в том числе 451575 самодеятельных лиц и 1476104 лиц, живущих за счет их средств. Соотношение самодеятельного населения и иждивенцев 1 к 3,2. Таким образом, можно констатировать, что на территории губернии осуществлялось расширенное воспроизводство рабочей силы. Из общего числа самодеятельного населения 418857, или 92,8% относились к пришлым народам, 32718, или 7,2% — к сибирским коренным народам, из 1476104 иждивенцев 1384190, или 93,8% относились к пришлым народам, 91914, или 6,2% — к сибирским коренным народам. У пришлых народов коэффициент воспроизводство рабочей силы равнялось 3,3, у коренных народов — 2,8. Следовательно, коренные народы в губернии не достигали порога простого воспроизводства рабочей силы, в отличие от пришлого. Причина этого — в различии занятий. Земледельцы губернии имели соотношение работников и иждивенцев 4,3 и покрывали дефицит прироста населения в других отраслях занятости как у пришлого населения, так и у коренного сибирского. При этом традиционные занятия коренных жителей показывали более высокую эффективность в жизнеобеспечении, чем у пришлого населения: в животноводстве — 3,4, а у пришлого населения — 2,5, в рыболовстве и охоте — 3,5 против 3,4 у пришлого населения, но в земледелии 2,8 против 4,4 у пришлого населения.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего — в земледелии — 264574 (63,2%), в промышленности — 53706 (12,8%), в услужении — 36287 (8,7%), существовали за счет ренты — 11053 (2,6%), в торговле — 13303 (3,2%), на транспорте и связи — 6362 (1,5%), в военной службе — 3373 (0,8%), в управлении — 3849 (0,9%), лесными промыслами — 3774 (0,9%), рыболовством и охотой — 3064 (0,7%), животноводством — 4127 (1,0%), в образовании и медицине — 2904 (0,7%), служителями религиозных культов — 2093 (0,5%), находились в пенитенциарных заведениях — 1412 (0,3%) и т.д.

Коренные жители Сибири занимались преимущественно земледелием — 12597 (38,5%), животноводством — 9716 (29,7%), рыболовством и охотой — 4211 (12,9%), промышленностью — 1564 (4,8%), услугами — 2117 (6,5%), торговлей — 672 (2,1%), существовали за счет ренты — 444 (1,4%). В остальных отраслях производства, в управлении, сфере культуры были заняты единичные представители коренных народов Сибири.

Более точное представление о характере занятий коренного населения Томской губернии дает анализ по каждому народу отдельно. Скотоводами были киргиз-кайсаки — на 41%, но уже на 38,7% они учтены как земледельцы. Татары на 27,6% учтены как скотоводы, а на 40,7% — как земледельцы, на 13,1% — как охотники и рыболовы. Очевидно, что показанные татарами разные тюркские народы и племена были на разных ступенях перехода к земледелию. Алтайские племена оставались скотоводами, томские, барабинские, тюменские татары жили больше земледелием, бухарские татары — торговлей, чувымские тюрки перешли на рыболовство и охоту. В целом можно говорить о высокой степени седентаризации бывших кочевников, их адаптации в имперское пространство. Вместе с тем они были слабо втянуты в индустриальные отношения, в городскую среду. В городах губернии были учтены всего 2529 представителей коренных народов Сибири, или 2,0% всех горожан губернии, в основном это томские татары — 1,6 тыс. чел.

Среди пришлого населения некоторую специфику труда можно отметить у евреев — занятие торговлей, у поляков и немцев — городские профессии.

Можно сделать вывод, что Томская губерния была регионом классического разделения труда между пришлым населением и коренным. Выходцы из Европы — жители городов и земледельцы, кочевники тюрки — скотоводы, селькупы и ханты — охотники и рыболовы.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус местных инородцев, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям». Анализ сведений таблицы показывает, что этническая идентичность начала расходиться с идентичностью сословной у татар, которые уже 9,7% стали крестьянами, имели дворянский и мещанско-купеческий слой. 3,3% киргиз-кайсаков также стали числиться крестьянами. Из финских народов, учтенных переписью Томской губернии, считались инородцами по сословному признаку только ханты Томского округа, остальные были полностью адаптированные в социальные структуры империи. Самоеды (селькупы) оставались в сословии инородцев. Но в итоге можно констатировать, что политика перевода инородцев в крестьяне не привела в Томской губернии к серьезным результатам к концу XIX века. Патернализм власти по отношению к коренным жителям Сибири сохранял свою силу и традиции.

Таблица 2

Распределение населения Томской губернии по сословиям по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия							Всего
	Дворяне	Почетные граждане, купцы	Мещане	Крестьяне	Казачи	Инородцы	Прочие	
Велико-россы	9068	4754	126484	1495312	9532	3126	9725	1658041
Малороссы	82	42	1807	96542	697	2	128	99300
Поляки	962	29	1259	4048	0	0	89	6387
Немцы	153	34	266	867	0	0	110	1430
Евреи	24	383	5494	1663	0	0	47	7611
Финские народы	8	4	1619	15930	0	640	50	18251
Татары	32	76	1125	9254	0	84776	76	95153
Чуваши	0	0	44	2730	0	0	3	2777
Киргизы	0	1	127	820	0	23685	8	24643
Самоеды (селькупы)	0	0	10	24	0	4176	0	4210
Всего:	10369	5337	128466	1635866	10229	116427	10398	1927679

Составлено по: [13, с. 222–224].

Надо напомнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Однако русские и другие европейцы, кроме основных занятий, были рыболовами, охотниками, возчиками кладей, строителями, ремесленниками, рабочими на пароходах и на золотых промыслах, т.е. занимались десятками различных отхожих побочных промыслов. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслов сельского населения, в основном русского по этническому составу. Сжатые сведения включены в таблицу 3. Число занятых побочными промыслами крестьян и инородцев превосходило число самостоятельного коренного населения в рыболовстве и охоте 8859 чел. против 7275. Они составляли уже серьезную конкуренцию коренным жителям Сибири в их главных промысловых занятиях. Большое число отхожих промыслов, сельскохозяйственных побочных занятий — свидетельство комплексности хозяйств.

Таблица 3

**Распределение сельского населения Томской губернии по побочным промыслам
по данным переписи 1897 г.**

Занимающихся побочными промыслами	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	302340	1281345	1583685
В том числе занимающихся побочными промыслами,	62638	58768	121396
Из них: земледелием и садоводством	2658	184	2842
пчеловодством и шелководством	10049	153	10202
скотоводством	7748	1043	8791
лесными промыслами	6145	3120	9265
рыболовством и морским промыслом	3395	814	4209
промысловой охотой	3726	924	4650
промышленностью	17005	43808	60813
строительством	7306	1385	8691
транспортом	2721	617	3338
торговлей и услугами	1798	350	2148
черной и поденной работой	930	823	1753
Прочими заработками	107	27	134

Составлено по: [13, с. 210–220].

Таким образом, к концу XIX века межэтническое разделение труда в Томской губернии сохранялось, но русское население уже активно вторгалось в сферы основных экономических интересов коренного населения, земледелие становилось основным занятием не только славянского, но и финского и тюркского населения.

Список использованных источников и литературы

1. Шерстова А. И. Изучение характера и динамики присоединения Северной Азии к России: фронт или взаимодействие народов // Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / В. Г. Дадцышен, В. П. Зиновьев, Ю. А. Лысенко, С. А. Некрылов, В. А. Скубневский, А. В. Старцев, А. О. Степнов, С. Ф. Фоминых, О. А. Харусь, А. А. Храмков, Д. Н. Шевелев, В. В. Шевцов, Л. И. Шерстова. — Томск: Изд-во Томского университета, 2019. — 340 с.
2. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. — Томск: Изд-во Томского университета. — Томск, 2004. — 232 с.
3. Карих Е. В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 296. — С. 92–95.
4. Карих Е. В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 317. — С. 101–104.

5. Карих Е. В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 320. — С. 113–114.
6. Карих Е. В. Значение Ануйской ярмарки в межэтнической интеграции русских и чукчей // Вестник Томского государственного университета. История. — 2010. — № 1 (9). — С. 124–129.
7. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Енисейской губернии по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2022. — № 76. — С. 137–141. — DOI: 10.17223/19988613/76/16.
8. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Иркутской губернии по данным переписи 1897 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. — 2022. — Т. 40. — С. 40–48. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.40>.
9. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2022. — № 78. — С. 149–154. — DOI: 10.17223/19988613/78/19.
10. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Акмолинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 83. — С. 152–156.
11. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в Семипалатинской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. — 2023. — № 84. — С. 145–150.
12. Зиновьев В. П. Межэтническое разделение труда в областях Степного генерал-губернаторства по данным переписи населения 1897 г. // Евразийский мир: история, культура, ценности: материалы Международной научно-практической конференции (12 мая 2023 г.) — Астана: Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 2023. — С. 115–123.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н. А. Тройницкого. — Т. LXXIX. Томская губерния. — СПб.: Типография Санкт-Петербургского акционерного общества печатного и писчебумажного дела в России «Слово», 1905. — 185 с.

Сведения об авторе: *Зиновьев Василий Павлович*, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия, e-mail: vpz@tsu.ru

УДК 93/94

Е. А. Шершнева, Н. А. Варшавская, Д. В. Шершнев
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА КРЕЩЕННЫХ МУСУЛЬМАН ИЗ ПРАВОСЛАВИЯ В ИСЛАМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 23–18–00117) и гранта Фонда Президента РФ по поддержке ведущих научных школ (проект № НШ-63.2022.2)

Аннотация. Статья подготовлена на основе анализа архивных материалов, представленных в фондах Государственного архива Красноярского края. Анализ представленных источников позволил оценить вовлеченность мусульманского населения Енисейской губернии в процесс возвращения в ислам ранее крещенного мусульманского населения наметившейся в Российской империи во второй половине XIX в. Несмотря на преобладание в губернии православного населения, мусульмане стре-

мились сохранять свою религиозную идентичность. С принятием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» процесс возвращения в ислам только усилился, а все попытки, предпринимаемые как губернскими органами власти, так и церковным начальством, оставались безуспешны. Начавшийся активный процесс «отпадения» крещеного мусульманского населения свидетельствовал также о слабой вовлеченности крещеных мусульман православную традицию.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, мулла, Западная Сибирь, государственно-конфессиональная политика.

E. A. Shershneva, N. A. Varshavskaya, D. V. Shershnev

Altai State University (Barnaul, Russia)

SOME ASPECTS OF THE STUDY OF THE TRANSITION OF BAPTIZED MUSLIMS FROM ORTHODOXY TO ISLAM IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

Abstract. The article was prepared on the basis of an analysis of archival materials presented in the funds of the State Archives of the Krasnoyarsk Territory. Analysis of the presented sources made it possible to assess the involvement of the Muslim population of the Yenisei province in the process of returning to Islam the previously baptized Muslim population that emerged in the Russian Empire in the second half of the 19th century. Despite the predominance of the Orthodox population in the province, Muslims sought to maintain their religious identity. With the adoption of the Decree «On strengthening the principles of religious tolerance», the process of returning to Islam only intensified, and all attempts made by both the provincial authorities and the church authorities remained unsuccessful. The active process of «falling away» of the baptized Muslim population also testified to the weak involvement of baptized Muslims in the Orthodox tradition.

Keywords: Islam, Muslims, mullah, Western Siberia, state-confessional policy.

По мере расширения границ российского государства в его состав все больше входило народов, исповедующих ислам. Несмотря на формирующуюся достаточно либеральную позицию со стороны имперской власти в отношении мусульманских народов, государство видело своей задачей установление контроля за деятельностью представителей исламской традиции. Ислам рассматривался как чужеродное явление для российского государства.

Особое внимание со стороны государственной власти уделялось приграничным регионам Российской империи, в том числе и Сибири. Государство видело своей задачей не просто включение сибирских земель в свой состав, но и стремилось к установлению тотального контроля за инородческим населением региона. Укреплению позиций на окраинах империи помогла особая государственная политика в отношении инородческого населения, которая получила обозначение — политика аккумуляции. Русская православная церковь, являющаяся фактически государственной религией Российской империи, становится одним из важных инструментов воздействия на инородческое население российских окраин. На протяжении всего XIX в. наблюдается значительный рост числа епархий и церквей на территории Сибири. Так, если в первой половине XIX в. было всего пять епархий, то к началу XX в. их насчитывалось уже 11. Одной из крупных епархий с наибольшим количеством православных приходов в данный период становится Енисейская епархия [1], расположенная в одноименной губернии в Южной Сибири.

Несмотря на активную миссионерскую деятельность Русской православной церкви на территории Сибири, в середине XIX в. начинают наблюдаться процессы, связанные с переходом ранее принявших православие мусульман к вере своих предков. В данный период одной из важнейших задач православных миссионеров становится не только обращение в православие инородческого населения Российской империи, но и удержание лиц, ранее принявших православие, от обратного перехода в ислам. С целью укрепления позиций в инородческой среде русской православной церкви начинают разрабатываться новые подходы в миссионерской деятельности. Особое внимание начинает

уделяться не просто вопросу крещения инородцев, а именно погружению новокрещеных в религиозные догматы православной церкви. С этой целью с 1867 г. начинает свою работу «Братство святого Гурия», задачей которого была подготовка религиозных изданий на инородческих языках, а также разработка мер по приостановлению перехода из православия в ислам [2, с. 155].

С целью укрепления позиций Русской православной церкви в регионах и организации миссионерской деятельности на местах в 1870 г. в Москве было создано Всероссийское православное миссионерское общество, отделения которого были открыты во всех епархиях [1, с. 196–201]. Задачей данного общества стала организация систематизированной миссионерской работы среди инородцев, с целью их дальнейшего включения в число представителей государственной конфессии.

Несмотря на то, что государство всячески поддерживало принятие православия, переход из ислама в это направление христианства не был массовым. Так, в Енисейской губернии за 1863 г. только четыре мусульманина приняли крещение [3, с. 197–205]. Лишь небольшая часть мусульманского населения, стремившаяся к интеграции в социокультурную среду Енисейской губернии, принимала православие. Согласно данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в Енисейской губернии преобладали лица православного вероисповедания, доля которых составляла 94,1%. Эти обстоятельства в определенной мере влияли на желание мусульман губернии, многие из которых были ссыльными, перейти в православное вероисповедание с целью более успешной адаптации среди населения губернии [4, с. 46–50]. К тому же необходимо отметить, что принятие православия позволяло приобрести некоторые льготы в том числе и при налогообложении [5, Л. 1, 7–8; 6].

Несмотря на то, что православие являлось доминирующей конфессией в Сибирском регионе, оно не могло оказывать сильного влияния на духовное просвещение народов, исповедующих ислам. Попытки распространения русского языка, а также православной веры, рассматривались инородческим мусульманским населением Сибири как лишение их самоидентификации [7, с. 28–36]. Особое отношение в Енисейской губернии было к мусульманским муллам, сосланным в Сибирь за нарушение религиозных правил. Именно мулла становился гарантом сохранения религиозных норм в мусульманской среде Енисейской губернии. Мусульманское население губернии, имея социальный статус ссыльных, испытывало некоторые затруднения при выборе духовного лица [8, с. 201–203].

Начиная с середины XIX в. действовали упрощенные правила принятия православия, поэтому для крещения не требовалось дополнительного разрешения со стороны властей. Упрощенная процедура принятия православия привела в дальнейшем к оттоку новокрещеного населения из православной церкви. Формальность процедуры крещения мусульманского населения не способствовала знакомству с основами православной веры, а также с принципами жизни православного христианина. Таким образом, даже принимая православие, мусульмане зачастую оставались верны традициям своих предков и продолжали соблюдать мусульманские религиозные обряды [9, с. 39].

В российском законодательстве вопрос перехода из православного в иные вероисповедания рассматривался очень строго. Так, перешедший из православия наказывался лишением прав и имуществ, а также опеки над своими детьми. Более строго наказывались лица, совращающие из православия. Их наказывали в том числе и ссылкой сроком от 8 до 10 лет на каторжные работы [10, с. 83–122].

Однако данные ограничения не останавливали мусульман, желающих вернуться к вере своих предков. Процесс перехода ранее принявших православие мусульман в ислам начинается в стране еще в 60-е гг. XIX в. В 1865 г. в татарской среде распространилась информация о том, что вышел Указ, по которому разрешается переход в ислам. Данный факт привел к сильным брожениям в среде новокрещеных [8, с. 14]. Данные слухи активно поддерживались муллами, которые распространяли их среди мусульманского населения, убеждая в том, что в стране готовится массовое крещение инородцев. Кроме этого, муллы уверяли, что крещеным татарам разрешен переход в ислам, а правительство готовит указ о свободе вероисповедания [11, с. 60–65]. Данные слухи способствовали увеличению числа прошений от желающих перейти в ислам, что крайне беспокоило государственных чиновников.

С принятием 17 апреля 1905 г. Указа [12, с. 257–262] в государстве наметилась тенденция на либерализацию конфессиональной жизни. Указ стал своего рода началом утверждения определенных принципов свободы вероисповедания в Российской империи. Согласно Указу, отменялось уголовное преследование за «отпадение от христианства». Кроме того, следовала амнистия для лиц, осужденных за религиозные преступления. В связи с этим в Российской империи наметилась тенден-

ция официального перехода в иные вероисповедания лиц, ранее только формально относившихся к православной церкви [13, с. 48–54].

Следует подчеркнуть, что с принятием в 1905 г. Указа о веротерпимости участились случаи обращения граждан Российской империи о переходе из православия в иные исповедания. В то же время в губернии не было разослано четких распоряжений о нормах такого перехода, поэтому региональные власти испытывали некоторые затруднения при решении данного вопроса. В связи с этим 16–21 сентября 1905 года енисейский губернатор подготовил Циркуляр. В нем говорилось, что в связи с принятием нового закона многие неокрепшие в православной вере подали прошения о причислении их к другим вероисповеданиям. В связи с тем, что разъяснений к указу нет, непонятно, как оформлять «отпадение» от православия [14, Л. 5].

Потребность в разработке дополнительных уточняющих норм об оформлении и принятии правил перехода из православного вероисповедания отмечалась по всей стране. В 1905 году в рамках «Особого совещания о веротерпимости» было предложено рассмотреть ряд вопросов, касающихся организации духовной жизни мусульманских народов Российской империи. Среди вопросов, которые следовало рассмотреть, поднималась проблема о возможности воспитания детей, принятых в семьи инородцев, в соответствии с их традиционным религиозным мировоззрением [15, с. 87].

С изданием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» стали выявляться истинные причины принятия православия мусульманским населением Енисейской губернии. Были также выявлены случаи закрепления за православными приходами лиц мусульманского вероисповедания без их согласия. В 1906 году крестьянином Маникаевым Канского уезда Ирбейской волости было подано прошение исключить его с семьей из православных метрических книг, так как они желали перейти в ислам [16, Л. 1]. В результате проведенного расследования было установлено, что проситель был направлен судом в ссылку в Сибирь из Уфимской губернии еще в 1893 году. При этом он всегда исповедовал ислам, никогда не совершал православных обрядов. Поэтому не знает, когда и кем был причислен к православию. Кроме того, уже находясь в Сибири, он женился на женщине, исповедующей ислам. При этом вступление в брак было совершено строго по мусульманскому обряду. Также было установлено, что все свое время пребывания в Сибири Маникаев исполнял обязанности муллы [16, Л. 6–7].

Важно отметить, что зафиксированы случаи, когда мусульмане сами признавали, что на подачу прошения о возвращении их в ислам подтолкнул принятый в 1905 году Указ «Об укреплении начал веротерпимости». Так, в 1906 году было подано прошение от ссыльного крестьянина Уфимской губернии, проживающего в г. Красноярске, который признался, что был крещен, но не имея наставника, никогда не соблюдал православных обрядов. С принятием же Указа о свободе вероисповедания он решил обратиться с прошением о разрешении ему вернуться в мусульманское вероисповедание [16, Л. 19–20]. На принятие православия в Енисейской губернии мусульман очень часто подталкивали вопросы, связанные с семейно-брачными отношениями, а также улучшение экономического положения. Так как проживая в регионе с преобладающим православным населением, мусульмане вступали в браки с православными, а также принятие православия давало некоторые экономические льготы при налогообложении [14, Л. 4, 10–11; 17].

Важно подчеркнуть, что несмотря на принятый Указ, переход в традиционные вероисповедания инородцев разрешался только лицам, ранее в них состоявшим и принявшим православие до 1905 года. При этом обязательно учитывался тот факт, что крещенные до 1905 года инородцы не соблюдали православные обряды. Кроме того, необходимо было доказать, что предки инородца, желающего перейти обратно в ислам, придерживались именно традиционной для них религии. Участвовавшие переходы из православия в ислам привели к появлению правил крещения мусульман. Священнослужители должны были следить за соблюдением новокрещеными религиозных обрядов. Однако процесс перехода в ислам, несмотря на все предпринимаемые меры со стороны государства и Русской православной церкви, было уже не остановить [9, с. 40]. В то же время представители имперской власти стремились сдерживать процесс перехода всеми законными способами, в том числе и в случае обнаружения формального повода для принятия отрицательной резолюции по поданным прошениям [18].

С целью приостановления массового перехода из православия в иные конфессии и в особенности в ислам в 1911 году при Священном Синоде состоялось особое совещание, в рамках которого обсуждался вопрос методов проведения миссионерской деятельности среди нерусских народов Повол-

жья, Сибири и Дальнего Востока. На совещании отмечался активный отток православной паствы, поэтому задачей участников совещания было выработать меры, препятствующие данному процессу. По мнению участников совещания, необходимо было усилить религиозную пропаганду в инородческой среде, поэтому ведение миссионерской деятельности должно было стать задачей фактически каждого священника. Данная работа должна была вестись таким образом, чтобы население не испытывало на себе давление со стороны русской православной церкви. В 1912 году были открыты даже специальные курсы для подготовки миссионеров в Хабаровске и Тобольске [1, с. 316–317].

Отсутствие четких законодательных норм, регламентирующих переход из одной конфессии в другую, приводило к затягиванию процесса рассмотрения губернскими властями прошений о переходе в ислам лиц, официально считающихся православными. Вопрос перехода и принятия ислама касался не только взрослого населения, но в ряде случаев и детей [19]. Ряд прошений, связанных с переходом из православия в ислам, оставались без внимания со стороны чиновников по причине несоблюдения просителями формальных признаков подачи документов такого рода [20].

Следует отметить, что в отдельных случаях желающие перейти в ислам меняли свое решение под влиянием обстоятельств или увещательных бесед со священниками. В этом случае свое желание остаться православными инородцы должны были подтвердить соответствующей распиской. Священнослужители передавали данные расписки в Енисейскую духовную консисторию [21]. В то же время несмотря на все увещательные попытки со стороны русской православной церкви и сдерживающей политики со стороны государства только по официальным данным в Российской империи за период с 1905 по 1912 год перешло из православия в ислам 50 тысяч человек, преимущественно это были ранее крещенные мусульмане [2, с. 154].

Таким образом, следует отметить, что российские имперские власти видели своей задачей приобщение инородческого населения к православной вере с целью дальнейшего его включения в социокультурное пространство и упрочнения своих позиций на окраинах страны. Мусульмане Енисейской губернии, составляющее меньшинство, зачастую лишенное ряда прав в связи со своим социальным статусом ссыльных, стремились к сохранению своей религиозной идентичности и культуры в православном регионе. Во второй половине XIX века в Российской империи наметились процессы перехода из православной веры ранее крещеного мусульманского населения в ислам. Данная тенденция заставила имперскую систему власти и Русскую православную церковь усилить миссионерскую деятельность среди инородцев страны, в том числе в Южной Сибири. Однако даже увеличение числа православных приходов в Енисейской губернии не привело к массовой христианизации мусульманской части населения. Проблема «отпадения» мусульманского населения из православной церкви особенно сильно затронула Енисейскую губернию после принятия в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Именно наметившиеся законодательные изменения в религиозной жизни страны подтолкнули жителей губернии к подаче массовых обращений о желании вернуться к вере своих предков.

Список использованных источников и литературы

1. Дамешек Л. М. К вопросу о реализации проекта «большой русской нации» в конце XIX — начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. — 2008. № 1. — С. 196–201.
2. Верняев И. И. Очерки истории этноконфессиональной политики России. — СПб., 2017. — 637 с.
3. Ярков А. П., Старостин А. Н. Умма Красноярского края в прошлом и настоящем // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 422. — С. 197–205.
4. Коровушкин Д. Г. Конфессиональный фактор в процессах этнокультурной интеграции аграрных переселенцев Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX в. // Манускрипт. — 2018. — № 6 (92). — С. 46–50.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2485.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2870.
7. Рендашкина А. Н. Стабилизация межконфессиональных отношений мусульман и христиан на примере татар и русских в Восточной Сибири // Вестник КемГУКИ. — 2014. — № 29 (1). — С. 28–36.
8. Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX — начале XX вв.: сборник материалов и документов. — Казань, 2012. — 412 с.

9. Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). — Оренбург, 2018. — 264 с.
10. Верт П. В. Пределы религиозной принадлежности: крещенные татары и пересмотр «отступничества», 1840–1905 гг. // Журнал Фронтирных Исследований. — 2019. — № 3. — С. 83–122.
11. Тихонов А. К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е годы // Отечественная история. — 2007. — № 3. — С. 60–65.
12. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Типография II Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1908. — Собрание III. — Т. XXV. — 966 с.
13. Гавриленков А. Ф. К вопросу о религиозной ситуации в Российской империи в 1903–1917 гг. // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. — 2015. — № 1. — С. 48–54.
14. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 601.
15. Усманова Д. М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). — Казань. 1999. 164 с.
16. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 7. Д. 122.
17. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 13. Д. 147.
18. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 602.
19. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 914.
20. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 48. Д. 901.
21. Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3173.

Сведения об авторах: *Шершнева Елена Александровна*, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: D2703@yandex.ru

Варшавская Наталья Александровна, лаборант отдела НИОКР Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: natalya-varshav@mail.ru

Шершнев Дмитрий Викторович, лаборант отдела НИОКР Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: dmitrij.shershnev@mail.ru

УДК 94:327, 323 (575.2)(04)

З. Ж. Орозахунова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОМ КЫРГЫЗСТАНЕ (1946–1950 ГГ.)

Аннотация. После окончания Великой Отечественной войны потребовалось неотложное решение кадровой политики, так как нужны были образованные, политически преданные своему делу люди. Вопросы кадровой политики в Советском Кыргызстане рассматривались как важнейшие в своей деятельности, поскольку комплектование государственного аппарата руководящими кадрами являлось неотъемлемым правом и прямой обязанностью Коммунистической партии. Партийные организации республики старались обеспечить проведение подбора кадров по их деловым и политическим качествам, изучали каждого работника на практике, ликвидировали факты случайного, непродуманного выдвижения, а также прекращали необоснованные освобождения и перемещения руководящих работников. Тщательно подбирались специалисты в областные, городские и районные комитеты партии.

Также в подготовке и воспитании кадров важная роль принадлежала партийным учебным заведениям. Из года в год в политическую жизнь национальных республик вступали все новые и новые группы людей, прошедшие партийную закалку и получившие образование в Москве. Таким образом, проводимая кадровая политика коммунистической партии обеспечила идейный рост трудящихся, в том числе и интеллигенции, политическую закалку людей, развивала их активность и самостоятельность в решении практических задач в тот период. Под руководством партии была осуществлена огромная работа по подготовке высококвалифицированных и политически грамотных специалистов, которые играли важную роль в общественно-политической жизни страны.

Ключевые слова: партия, кадровая политика, партийные организации, общественные организации, партийные учебные заведения, интеллигенция, промышленность, сельское хозяйство, производство.

Z. Zh. Orozakhunova

Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyna (Bishkek, Kyrgyzstan)

PERSONNEL POLICY IN SOVIET KYRGYZSTAN (1946–1950)

Abstract. After the end of the Great Patriotic War, an urgent solution to personnel policy was required, since educated, politically committed people were required. Issues of personnel policy in Soviet Kyrgyzstan were considered the most important in its activities, since staffing the state apparatus with leading personnel was an inalienable right and direct responsibility of the Communist Party.

Party organizations of the republic tried to ensure the selection of personnel based on their business and political qualities, studied each employee in practice, eliminated the facts of random, ill-considered promotion, and also stopped unjustified releases and transfers of senior officials. Specialists were carefully selected for regional, city and district party committees.

In addition, party educational institutions played an important role in the training and education of personnel. From year to year, more and more new groups of people, who had undergone party training and received an education in Moscow, entered the political life of the national republics.

Thus, the personnel policy of the Communist Party ensured the ideological growth of the working people, including the intelligentsia, the political hardening of people, and developed their activity and initiative in solving practical problems that faced that period. Under the leadership of the party, a huge amount of work was carried out to train highly qualified and politically literate specialists who played an important role in the social and political life of the country.

Keywords: party, personnel policy, party organizations, public organizations, party educational institutions, intelligentsia, industry, agriculture, production

После окончания Великой Отечественной войны потребовалось неотложное решение кадровой политики, так как необходимы были образованные, политически преданные своему делу люди. Вопросы кадровой политики в Советском Кыргызстане рассматривались как важнейшие в своей деятельности, поскольку комплектование государственного аппарата руководящими кадрами являлось неотъемлемым правом и прямой обязанностью Коммунистической партии.

Центральный Комитет Коммунистической партии оказывал постоянную помощь местным партийным организациям в подборе и подготовке специалистов. В республике задачи по работе с кадрами в первый послевоенный год определил XVIII пленум ЦК КП(б) (сентябрь 1946 г.), который обязал перестроить работу отдела кадров ЦК партии, повысить роль в деле подбора, расстановки и воспитания кадров в общественно-политических организациях, усилить контроль за работой с кадрами обкомов, горкомов и райкомов партии [1, с. 325].

Партийные организации республики старались обеспечить проведение подбора кадров по их деловым и политическим качествам, изучали каждого работника на практике, ликвидировали факты случайного, непродуманного выдвижения, а также прекращали необоснованные освобождения и перемещения руководящих работников. Тщательно подбирались специалисты в областные, городские и районные комитеты партии.

Также партийная организация усиливала работу по выдвижению и подготовке специалистов местных национальностей. Центральный Комитет Компартии в 1949 г. утвердил на руководящие посты 467 представителей коренной национальности, или 37,2%; в 1952 г. — 46,6%; в 1949 г. — 39,8%; 1952 г. — 43,2%. [2]. Представителей коренной национальности среди секретарей сельских райкомов партии в 1952 г. было 64,4%; первых секретарей райкомов комсомола — 72,8%; председателей исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся — 81%. Руководящие должности занимали 3120 женщин, 932 из них — представительницы коренной национальности [1, с. 492].

В подготовке и воспитании кадров важная роль принадлежала партийным учебным заведениям. На базе Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) была создана Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) с трехгодичным сроком обучения для подготовки руководящих партийных и советских работников областного, краевого и республиканского масштаба. При Высшей партийной школе были организованы девятимесячные курсы переподготовки руководящих советских работников, редакторов и их заместителей для областных, краевых и республиканских газет [3, с. 93].

В Советском Кыргызстане действовала разветвленная сеть политической подготовки и повышения квалификации руководящих кадров: годичные курсы переподготовки председателей облисполкомов; ленинские курсы с двухгодичным сроком обучения; заочное отделение Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) с широкой сетью консультационных пунктов на местах; годичные курсы руководящих партийных и советских работников; шестимесячные курсы переподготовки секретарей горкомов и райкомов партии; девятимесячные курсы для переподготовки партийных и советских работников среднего звена. Четкость и конкретность программы всех форм этой системы смогли в короткий срок поднять профессиональный и политический уровень кадров.

Из года в год в политическую жизнь национальных республик вступали все новые и новые группы людей, прошедших партийную закалку и получившие образование в Москве. В 1946 г. Высшую школу партийных организаторов окончили 29 партийных работников, 26 из них коренной национальности. К началу 1949 г. Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и курсы при ней окончили 80 руководящих работников республики, в том числе 64 представителя местной национальности [4].

Таким образом, республиканская партийная школа стала основной кузницей национальных партийно-советских кадров. В течение 1944–1949 гг. одногодичная, а затем двухгодичная школа и курсы при ней дали республике 897 политических работников, 663 из них были представители местной национальности [5].

В 1953 г. двухгодичная партшкола была преобразована в Советско-партийную школу при ЦК Компартии. Она давала среднее партийно-политическое и сельскохозяйственное образование, выпускникам присваивалась квалификация младшего агронома-организатора. Советско-партийная школа была призвана готовить партийных и советских работников районного звена — инструкторов и заведующих отделами райкомов партии, работников райисполкомов, председателей сельских Советов, секретарей сельских партийных организаций [6, с. 103].

Итак, в послевоенный период партийное образование руководящих работников было на качественном уровне [7]. Каждый исторический рубеж предъявлял к кадрам партии и коммунистам свои требования. Переход от войны к миру являлся также определенным рубежом. Об этом говорится в постановлении ЦК ВКП(б) «О росте партии и о мерах по усилению партийно-организационной и партийно-политической работы, вновь вступившими в ВКП(б)», в котором определены конкретные задачи качественного улучшения партийного пополнения [8, с. 154].

В осуществлении задачи подготовки необходимых кадров огромная роль принадлежала преподавательскому составу партийных учебных заведений [9, с. 384]. Важнейшим условием в совершенствовании преподавания являлась научная работа преподавателей: подготовка ими учебных пособий, разработка актуальных проблем теории и практики. Также активное участие в учебном процессе принимали ответственные партийные работники [10, с. 78].

По итогам выполнения четвертого пятилетнего плана в области подготовки кадров были выпущены из высших учебных заведений Кыргызской ССР 4742 специалиста, в том числе из сельскохозяйственного института 551 чел., медицинского института — 819, педагогического института (включая вечернее отделение) — 915, учительских институтов — 1721 чел. и по заочным учебным заведениям

ям — 736 чел. Таким образом, республика получила за пятилетку большое количество специалистов с высшим образованием.

Выпуск из высших учебных заведений увеличивался из года в год. Так, выпуск по годам пятилетки следующий: в 1946 г. — 486, в 1947–666, в 1948–870, в 1949–1056 и в 1950 г. — 1663 чел. Контингент учащихся в высших учебных заведениях также все время увеличивался и составил 9101 в 1950 г. против 5203 в 1946 г., что позволило полностью обеспечить потребность Киргизской ССР во врачах, агрономах, педагогах, юристах, финансистах и по другим специальностям.

Также было предусмотрено выпустить за пятилетку из высших учебных заведений республики 5617 специалистов, фактически было выпущено 4742 чел., или 84%. Недовыполнение плана имелось по учительским институтам (план выпуска — 2065, фактически — 1721 чел.) и по заочному обучению — при плане 1147 выпущено было только 736 чел.

За годы пятилетки готовили также специалистов со средним специальным образованием. Всего было подготовлено 10763 чел., в том числе окончивших заочно 2172 чел. Учебными заведениями сельскохозяйственных министерств (сельского хозяйства, хлопководства, совхозов и водного хозяйства) было выпущено 2422 чел., министерствами просвещения и здравоохранения, соответственно, 1060 и 2104. По остальным министерствам и ведомствам выпущено меньшее количество специалистов (коммунального хозяйства — 443, финансов — 345 и т.д.). Выпуск из средних специальных учебных заведений увеличивался и составил в 1950 г. — 3350 чел. против 1169 в 1946 г. Количество учащихся в средних специальных учебных заведениях составил на конец пятилетки 10,9 тыс. чел. [11].

**Подготовка и повышение квалификации рабочих и служащих на предприятиях,
в учреждениях, организациях, тыс. человек [12, с. 106]**

Подготовка кадров	1950 г.	1958 г.
Всего рабочих и служащих, обученных новым профессиям и специальностям	13,1	21,8
в том числе рабочих	12,0	20,8
Повышение квалификации кадров		
Всего рабочих и служащих, прошедших обучение по повышению квалификации	27,7	31,1
в том числе рабочих	18,6	23,9

В 1945 г. по территориальным партийным организациям страны в ряды Коммунистической партии было принято 20983 инженерно-технических работников, что составило 7,7% от общего числа вступивших в ВКП(б), в партийной организации — 6%. Еще меньше принимали в партию представителей сельской интеллигенции [13, с. 15].

Партийные организации республики, разрабатывая и реализуя конкретные мероприятия по улучшению деятельности по подбору, расстановке и воспитанию кадров, предусматривали создание резерва из подготовленных, энергичных, имеющих опыт работников. Причем основную работу проводили райкомы партии и первичные партийные организации, в повестки дня работы все чаще включали кадровые вопросы.

Значительной кадровой базой, резервом в вышестоящие партийные органы были секретари первичных партийных организаций. Их качественный уровень также постоянно повышался. К 1953 г. 1112 секретарей первичных партийных организаций имели высшее, неоконченное высшее и среднее образование (около 38% всего состава). Причем неуклонно увеличивалось среди них количество специалистов сельского хозяйства и инженерно-технических работников. В 1946 г. 115 секретарей первичных партийных организаций имели специальное сельскохозяйственное и инженерно-техническое образование, в 1953 г. — 246 [14, с. 134].

Таким образом, в реализации решений XIX съезда КПСС — первого съезда партии, состоявшегося после войны, партийные кадры играли решающую роль. Кадровые вопросы поднимались на VI (сентябрь 1952 г.), VII (февраль 1954 г.), VIII (январь 1956 г.), IX (март 1958 г.), внеочередном X (январь 1959 г.) съездах Компартии республики. Большое внимание кадровой проблеме уделяло бюро ЦК Компартии. Решения пленума были важными в подборе и воспитании пропагандистских кадров, об оказании им повседневной помощи, об организации работы партийных кабинетов [1, с. 428].

Газета «Советская Киргизия» сообщала, что в 1949 г. перед началом учебного года при областных комитетах партии прошли специальную подготовку 457 пропагандистов, руководителей политшкол сельских партийных организаций, 800 пропагандистов городской сети партийного просвещения прослушали курс теоретических лекций и методических докладов по трехмесячной программе при горкомах партии [15].

Также с большей ответственностью подбирались работники на руководящие должности в промышленности, сельское хозяйство, в идеологические учреждения. Чаще это были те, кто прошел хорошую школу в партийном аппарате и, обладая организаторскими способностями и профессиональными знаниями, мог успешно руководить производством, обеспечивать выполнение плановых заданий [16, с. 134].

Итак, проводимая кадровая политика в Советском Кыргызстане дала возможность укрепить партийные, государственные органы, общественные организации квалифицированными работниками и политически грамотными специалистами, которые играли важную роль в общественно-политической жизни страны.

Список использованных источников и литературы

1. Коммунистическая партия Киргизии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов Обкома и ЦК. Ч. II. 1937–1957: сб. докл. и материалов. — Фрунзе: Киргосиздат, 1968 с.
2. ЦГА ОПД КР. Ф. 56. оп. 4. Д. 697. Л. 244. Д. 844. Л. 95.
3. Воропаева В.А. Партийное руководство социальным развитием Советского Киргизстана. — Фрунзе, 1986. — С. 93.
4. ЦГА ОПД КР Ф. 56. Оп. 4. Д. 553. Л. 7.
5. ЦГА ОПД КР Ф. 56. Оп. 4. Д. 681. Л. 55.
6. Вопросы истории Коммунистической партии Киргизии. — Вып. X. — Фрунзе, 1973. — С. 103.
7. 1 Правда. — 1946. — 2 ноября.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. — Т. 6. — М., 1971. — С. 154.
9. Митронов Н.Р. Подготовка партийных кадров // Жизненная сила ленинских принципов партийного строительства. — М., 1970. — С. 384.
10. Криуленко И.М. О некоторых проблемах повышения уровня подготовки партийных кадров // Вопросы истории КПСС. — 1970. — № 8. — С. 78.
11. ЦГА КР Ф. 1300. Оп. 11. Д. 54. Л. 81 82.
12. Советский Киргизстан за 40 лет (1926–1966) / Статистический сборник. Фрунзе, 1966. — С. 106.
13. Коммунистическая партия Киргизии: краткий справочник. — Фрунзе: Кыргызстан, 1971. — С. 15.
14. Коммунистическая партия Киргизии (1918–1973). Рост и регулирование состава. — Фрунзе, 1973. — С. 134.
15. Советская Киргизия. — 1949. — 12 октября.
16. КПСС и Советское правительство о Советском Киргизстане. — Фрунзе: Кыргызстан, 1974. — С. 134.

Сведения об авторе: *Орозахунова Замира Жумабековна*, старший преподаватель кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: zamiraorozahunova@mail.ru

УДК 323.111

А. С. Калиев, Н. С. Мырзабаева

Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова (Джалал-Абад, Кыргызстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН

Аннотация. В статье рассматриваются особенности интеграционных процессов Большого Алтая и Центрально-Азиатского региона. Актуальность изучения обусловлена привлечением эмпирических данных по развитию региона. В условиях глобализации важно раскрытие преимуществ и вызовов со стороны изучаемых процессов Большого Алтая и национальных интересов государств Центральной Азии. Несмотря на наличие интеграционных факторов между Алтайским регионом и центральноазиатскими странами в развитии регионов, страны движутся в направлении все более глубокой и всесторонней региональной интеграции, что в перспективе облегчит их взаимодействие в рамках более крупных евразийских формирований. Консолидирующие факторы Большого Алтая и центральноазиатских стран могут быть объединительным потенциалом между государствами, провоцировать противоречия и вызов к интеграционной идентичности.

Ключевые слова: интеграция, политические процессы, глобализация, идентичность, международное сотрудничество, геополитика.

A. S. Kaliev, N. S. Myrzabaeva

International University named after K. Sh. Toktomamatov (Jalal-Abad, Kyrgyzstan)

POLITICAL INTEGRATION PROCESSES OF GREAT ALTAI AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Abstract. The article discusses the features of the integration processes of Greater Altai and the Central Asian region. The relevance of the study using empirical data on the development of the region. In the context of globalization, revealing the advantages and challenges from the studied processes of the Greater Altai and the national interests of the states of Central Asia. Despite the presence of integration factors between the Altai region and Central Asian countries in the development of regions. The countries are moving toward ever deeper and more comprehensive regional integration, which in the future will facilitate their interaction within larger Eurasian formations. The consolidating factors of Greater Altai and Central Asian countries can be like a unifying potential between states, provoking contradictions and a challenge to integration identity.

Keywords: integration, political processes, globalization, identity, international cooperation, geopolitics.

Политические процессы, научно-технический прогресс, образование и интеллектуальный рост поколения создают очень благоприятные условия для интеграции Большого Алтая и центральноазиатских стран. В современном быстроменяющемся мире необходимо развитие и формирование интеграции и гражданской идентичности в этих регионах рамках процесса глобализации. На основе традиционных и воспитательных ценностей — взаимопонимание, доброта, терпение, великодушие, справедливость, честность и взаимоуважение — реализуются через неписанные гражданские правила, сопровождающие каждую семью на основе национальных традиций, обычаев и обрядов. Поэтому политическое исследование современной интеграции и гражданской идентичности Большого Алтая и центральноазиатских стран можно обозначить как актуальную проблему современности.

Изучая интеграцию и гражданскую идентичность Большого Алтая и центральноазиатских стран, можно отметить, что после развала советской системы и краха марксистской парадигмы научного анализа, в том числе национальных и межэтнических процессов, перед учеными появились новые методологические проблемы — по каким путям развиваются научные изыскания. Как продолжение

прогрессивных традиций марксистско-ленинского анализа теории этносов, наций, этнических и национальных отношений. Вместе с этим отказ от философских методов изучения этнической и межнациональной проблемы, заменяя их методами этнологии, этнопсихологии или этносоциологии.

В сфере межгосударственного интеграционного взаимодействия алтайских и центральноазиатских государств на приоритете остро стоит выбор: совершенствовать созданные взаимоотношения или искать новые современные пути взаимоотношений и сотрудничества. На фоне новых формирующихся моделей сотрудничества, таких как «Евразия» и «Большая Азия» открывают новые перспективы для укрепления добрососедских и международных связей с вовлечением исторической и геополитической точки зрения. В интеграции межгосударственной идентичности в научном видении есть несколько названий трансграничной территории, расположенных на стыке границ России, Китая, Казахстана и Монголии: трансграничный Алтай, Алтайский регион и Большой Алтай. Каждое государство символизирует единство и в тесном контакте взаимодействуют с многочисленными народами Алтайского региона. Необходимо приграничное сотрудничество на Алтайском регионе, оно обусловлено как историческими обстоятельствами, так и объективными уникальными природными предпосылками и современными научно-исследовательскими учениями. Пространство Большого Алтая связывалось многочисленными торгово-экономическими, этническими, политическими и культурными нитями. К началу XXI в. здесь сложилась благоприятная ситуация для выхода регионального международного сотрудничества между четырьмя расположенными здесь государствами на качественно иной уровень. В сущности, мы имеем здесь пример евразийского сотрудничества народов, нацеленного в будущее и обладающего ярко выраженными отличиями, если сравнить, например, с европейскими формами и механизмами регионального сотрудничества [5, с. 59].

Представляется, что с такими проблемами при аналогичной или близкой ситуации могут столкнуться и другие идеи или концепты интеграционного самовыражения. Для евразийской интеграции вызова географически концентрированы во многих в регионах Центральной Азии. Центральная Азия является относительно молодым регионом, в котором «еще идут процессы формирования институциональной структуры, определения стран в качестве самостоятельных политических игроков и их значения в системе международных отношений, а также поиск культурно-исторической идентичности» [6, с. 472]. Такая специфика региона с комплексом социально-экономических проблем его государств формирует «благодатную почву» для распространения радикальных религиозных движений, что в итоге может оказать значительное влияние как на окончательное становление ЦА в качестве региона, так и на интеграционные процессы в данном географическом сегменте евразийского пространства. Тема интеграции регионов стоит так остро, особенно после вывода войск США из Афганистана. Возросли многочисленные вызовы региональных государств, которые соседствуют с Афганистаном, это страны Центральной Азии. Необходимо изучение и систематизация последних исследований по теме, анализа текущих интеграционных процессов в регионах Центральной Азии под другим углом зрения, с использованием новых эмпирических данных.

На территории Центрально-Азиатского региона в постсоветский период участились межнациональные и межэтнические конфликты, а официальная научная доктрина, превращенная в идеологию, не смогла дать адекватный ответ на новые вызовы национального и этнического ренессанса, и первый вариант развития теории наций и национальных отношений был окончательно дискредитирован, тем более в тот период. С тех пор прошло много времени, однако угроза терроризма для интеграционных проектов в ЦА остается актуальной до сих пор [8, р. 26]. Тем не менее взаимосотрудничество в регионе улучшается день за днем. Так как соседствующие страны всегда нуждаются в тесном сотрудничестве политических, экономических, социальной интеграций. Трансграничные территории объединяются в решении глобальных политических проблем.

Интеграционные процессы — это один из элементов в подходах государств к построению вариативных форматов трансграничного сотрудничества. Выдающийся политолог М. Лебедева включает интеграцию, наряду с глобализацией и демократизацией, в список трех мегатрендов современной мировой политики [3, с. 29]. В контексте интеграции представляется процесс, определяющий качественное содержание эволюции мировой политики. Интеграцию следует понимать как историческое и экономическое сближение стран.

О достижении необходимых результатов научный руководитель Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН А. Деревянко отмечает: проект достиг хороших результатов совместной работы ученых. Теперь он требует увеличения ученых-участников, а также и бюджета для реализации цели. «Экспедиции, работа в музеях и архивах проводятся пока в недостаточной степени. Очень важно, чтобы принять решение о дальнейшем продлении проекта, который имеет не только научно-образовательное, но и объединительное значение. Он возвращает нас ко времени, когда мы дружили и работали вместе. Историко-культурное наследие тюркских народов мы должны изучать и хранить, но не политизировать, а использовать в интересах науки» — подчеркнул он [10].

Президент РГГУ, профессор Ефим Пивовар о продлении проекта «Тюркский мир Большого Алтая» отмечает: Алтайский государственный университет привлек к совместной работе серьезные научные силы, которые объединили свои исследования на новой сетевой платформе. «Эта платформа очень важна с политической точки зрения, она позволяет сохранить и приумножить наше культурное наследие. Для нас очень важен научно-образовательный аспект евразийской интеграции, в которой участвуют наши страны. Поэтому это очень перспективный проект, и он должен быть продолжен» — заявил он [9].

Профессор Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова Акмал Ахатов (Узбекистан) сообщает, что 2022 году активизировали сотрудничество с Алтайским государственным университетом и вузами России, Казахстана и Кыргызстана. Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» будет участвовать в совместных проектах, которые направлены на изучение традиции и культуры центральноазиатских стран. «Вместе с руководителями проектных групп мы наметили ключевые направления взаимодействия, затем конкретизировали наши планы по включению ученых Самаркандского университета в работу по направлениям проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности». В настоящее время мы дорабатываем детали сотрудничества, включая участие в 2023 году в совместных экспедициях, в подготовке совместных научных проектов и публикаций и т.д.», — рассказал он.

Профессор Алтайского государственного университета Сергей Грушин представил коллегам научные результаты экспедиций и обследования курганов, петроглифов и других памятников Тюркского периода. «Все наши экспедиции носили международный характер, в них принимали участие коллеги из Казахстана. Полученные материалы легли в основу каталога тюркских памятников Горного Алтая, карты этих памятников. Большая часть материалов вошла в экспозицию Виртуального музея», — сообщил он.

Директор Института истории и этнологии им. Ч. Валиханова, доктор исторических наук З. Кабульдинов рассказал о вкладе казахстанских ученых в развитие проекта «Тюркский мир Большого Алтая»: «Мы поддерживаем добрые начинания всех университетов и институтов, которые задействованы в проекте. Проект «Тюркский мир Большого Алтая» — уникальный. Он позволяет объединить исследовательские усилия многих государств, где проживают представители Тюркского мира и где проводятся исследования тюркских народов с древнейших времен и до наших дней», — заявил он.

Профессор Кемеровского государственного университета С. Васютин отмечает об экспедициях и исследованиях в рамках проекта, в которых принимали участие ученые из многих вузов: «На сегодняшний день известно более 90 стационарных памятников Тюркского периода. Мы подготовили макет каталога «Раннесредневековые памятники тюрков Алтая», куда вошли 14 памятников, и материалы для включения 3D-моделей этих памятников в Виртуальный музей».

Ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук И. Измайлов отмечает, что Алтайский мир гораздо шире, чем сам Алтай; это территория от Алтая до Поволжья, основная часть Центральной Азии, основа Российского государства. «Наша государственность выросла из содружества славянских и тюркских народов, формировалась как тюрко-славянское единство. История Большого Алтая — это не только становление отдельных народов, но и история интеграций в постоянно формирующуюся империю, которые и выковали тюрко-славянскую цивилизацию».

Академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова, А. Асанканов высоко оценил результаты совместных исследований представителей вузов и научных организаций Центральной Азии по проекту «Тюркский мир Большого Алтая» и рассказал о вкладе ученых Кыргызстана. «Большой десант наших ис-

следователей выехал в этнографические экспедиции в три района Горного Алтая. /.../ Мы удачно поработали и нашли материалы, подтверждающие пребывание киргизов в Горном Алтае. Материалы, собранные в экспедиции, будут внесены в учебники истории Кыргызстана. Я думаю, надо продолжать этот уникальный проект [10]», — рассказал он.

Политический процесс трансграничной природы, интеграция и гражданская идентичность сталкивается с рядом вызовов, которые влияют на ее динамику на ином географическом пространстве. Если экономические сложности интеграционного процесса часто не носят фундаментального характера, то гораздо более принципиальными являются вопросы безопасности.

Сегодня, когда Вестфальская система международных отношений находится фактически в предкризисном состоянии, террористические группировки получают возможность для реализации своей стратегии, которую они видят в переустройстве мира на иных, по их мнению, более справедливых началах. Деятельность таких антисистемных акторов направлена на принципиальное уничтожение существующего мирового и регионального порядка [8, р. 192].

Методология работы основывается на акторном и системном подходах. Первый позволяет понять, как терроризм в качестве антисистемного и достаточно автономного игрока оказывает воздействие и влияние на динамику интеграционных процессов. Второй подход дает возможность учитывать совокупность факторов, создающих определенный контекст и формирующих потенциал современных террористических группировок для оказания влияния на процессы интеграции. С наличием интеграционных факторов страны центральноазиатских государств движутся для глубокой, всесторонней, взаимовыгодной и региональной интеграции с народами Алтайского региона. В перспективе способно облегчить их взаимодействие в рамках крупных евразийских формирований.

Совершенно естественно, что новой миссией Международного координационного совета «Наш общий дом — Алтай» становится рассмотрение его в качестве регионального представителя деятельности Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Отрадно, что расширяется и приобретает все более широкую концептуальную конфигурацию научное международное сотрудничество в регионе, ведь именно ученые иницируют проекты, которым впоследствии суждено обрести политико-экономическую плоть и кровь. К таким новым научным проектам, патронируемым МКС «Наш общий дом — Алтай», относятся работы по созданию двух атласов: «Атласа Алтае-Саянского экорегиона» и «Атласа Большого Алтая: природа, история, культура» [5, с. 63].

Исторически элемент разумной, приемлемой для всех членов-государств централизации и определенной степени политизации присущ любому интеграционному формированию. Однако в современных условиях маловероятно, чтобы процесс чрезмерной централизации и политизации интеграционного союза заинтересовал государства, имеющие за плечами свой опыт советской централизованной и сверхполитизированной системы. Более расширенное понятие, с учетом интеграционного опыта постсоветских государств, представляют евразийские ученые. Под интеграцией они понимают «добровольный, объективный, осознанный и направленный процесс сближения, взаимоприспособления и сращивания национальных политических и финансовых систем, обладающий потенциалом регулирования и развития, основанный на интересе самостоятельных субъектов» [7, с. 29]. Понятие интеграции как сознательно регулируемого, добровольного и осознанного процесса, как представляется, вполне отражает центральноазиатские подходы. Тем не менее понятно, что «сращивание национальных политических и финансовых систем» в обозримом будущем не предвидится. Ретроспективный взгляд на недавнее прошлое ЦА позволяет выявить примеры влияния терроризма на динамику сближения ее государств в постсоветский период. Проблемы, связанные с активностью радикальных исламистов, не раз испытывали на прочность интеграционные тенденции в ЦА. Можно вспомнить Баткенские события 1999 года, когда террористы движения «Исламское движение Узбекистана» (деятельность организации запрещена на территории РФ) вторглись в районы, прилегающие к стыку границ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Данные конфликты привели к напряжению в отношениях соседей, Узбекистан заминировал большую зону границы с Таджикистаном для предотвращения вторжений экстремистов в будущем. Специалисты тогда отмечали, что «Баткен еще раз убедил, что принцип прозрачности границ стран-членов СНГ и Центральноазиатского союза устарел, им успешно пользуются международные террористы, контрабандисты и наркодельцы» [4, с. 46]. В развитии политической, этнокультурной, исторической, религиозной, цивилизационной

и территориально-географической общности, общерегиональной идентичности страны объединяются в решении общих проблем. Это касается безопасности и давления фактора геополитической борьбы вокруг региона. Он правомерно указывает на синхронность протекания процессов формирования государств и развития интеграционных процессов — одно не препятствует другому и говорит о целесообразности региональной интеграции до включения в какие-либо крупные формирования типа СНГ или другие международные организации.

В результате достигнутых соглашений и договоров на сегодняшний день были урегулированы пограничные вопросы, что привело к росту интеграции добрососедских центральноазиатских стран. Если пять лет назад кыргызско-узбекскую государственную границу пересекали 200–300 человек в день, сегодня — более 30 тысяч в сутки. Границу между Таджикистаном и Узбекистаном пересекают более 20 тысяч человек в день. Более того, все 17 погранпунктов Узбекистана и Таджикистана сегодня полноценно функционируют [1].

Заключение. Проведенное исследование показало, что интеграция Большого Алтая и центральноазиатских стран способна повлиять на динамику развития и на начальных стадиях объединительных процессов достаточно высокоинституционализированных и интеграционных групп. В центре внимания научных дискуссий — поиск оптимального решения между интеграционными процессами. По этой причине в интеграционных объединениях проявляют гибкость и толерантность к факторам внутренней дифференциации. Интеграция Большого Алтая и центральноазиатских стран, как показал анализ, носит слабовыраженный характер, что связано с внутренними проблемами текущей глобальной модернизации или с отсутствием политической воли. Также это обусловлено и внешними причинами — продолжением геоэкономической и геополитической борьбы. В интересах противостояния глобальным региональным вызовам, в обеспечении экономического прогресса и сохранения собственной региональной интеграции и идентичности в эпоху размывания национальных традиций и ценностей интеграция будет и дальше набирать обороты. С той же целью сохраняются национальные границы и государство, стремящееся регулировать все процессы в интересах этнических сообществ. Интеграция Большого Алтая и центральноазиатских стран развивается устойчиво с возможностью перехода в среднесрочной перспективе. Консолидация в перспективе интеграционных процессов способна облегчить их взаимодействие в рамках более крупных внерегиональных проектах и формирований.

Список использованных источников и литературы

1. Главной причиной разногласий в Центральной Азии было отсутствие компромисса // *Gazeta.uz*. — 2020. — 14 июля. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/14/central-asia/> (дата обращения: 06.11.2021).
2. Иванов А. В., Фотиева И. В. Прямые транспортные и энергетические коридоры в Китай на Алтае: альтернативы и перспективы // *Вестник АГАУ*. — 2015. — № 9 (131). — С. 135–138. Цит. по: Ротанова И. Н., Иванов А. В.
3. Лебедева М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2019. — Т. 63. — № 9. — С. 29–37.
4. Молдалиев О. Странная война в долине яда. Баткен 1999 // *Центральная Азия и Кавказ*. — 2000. — № 1 (7). — С. 46–54.
5. Ротанова И. Н., Баденков Ю. П., Комедчиков Н. Н., Мерзлякова И. А. О концепции создания информационно-картографического веб-атласа Алтае-Саянского экорегиона // *Изменение климата и непрерывное сохранение биоразнообразия в Алтае-Саянском экорегионе: материалы Межд. совещания*. — Усть-Кокса; Барнаул, 2010. — С. 209–214.
6. Трусова А. А., Черняев М. С. Угроза терроризма в Центральной Азии: предпосылки, направления, проблемы региональной безопасности // *Постсоветские исследования*. — 2020. — Т. 3. — № 6. — С. 470–478.
7. Челядинский А. Понятие интеграции в международных отношениях: теоретический аспект // *Журнал международного права и международных отношений*. — 2009. — № 1. — С. 295.
8. Buranelli C. F. Central Asian Regionalism or Central Asian Order? Some Reflections // *Central Asian Affairs*. 2021. № 8. P. 1–26.

9. URL: <https://na.ria.ru/20211216/altay-1763978254.html>

10. URL: https://ria.ru/20221207/bolshoy_altay-1836705638.html

Сведения об авторах: *Калиев Азамат Сайитович*, кандидат политических наук, доцент Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова, г. Джалал-Абад, Кыргызстан, e-mail: azakaliev38@mail.ru

Мырзабаева Н. С., кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой «Философия и естественных дисциплин» Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова, г. Джалал-Абад, Кыргызстан, e-mail: nurka_74@rambler.ru

УДК 94 (574) «1930/1940»

Е. Ю. Рахматулина

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (Усть-Каменогорск, Казахстан)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ КАЗАХСКОЙ ССР В 1930-Е ГГ.

Аннотация. В статье предпринят анализ мер социально-экономической поддержки членов Союза художников Казахской ССР 1930-х гг. На основе архивных источников делается вывод о том, несмотря на имевший место финансово-управленческий кризис, деятельность республиканского Союза художников была адаптирована и направлена на социальную поддержку деятелей искусства. В числе приоритетных задач объединения выделялись: финансовая защита членов коллектива, введение договорной системы оплаты, обеспечение творческих командировок. Вместе с тем показано, что наиболее действенные меры помощи оказывались национальным художникам, получавшим комплексный пакет помощи социально-экономического характера.

Ключевые слова: Союз художников Казахской ССР, Оргкомитет, Управление по делам искусств при СНК КазССР, творческие заказы, материальная помощь, Совет жен художников.

E. Yu. Rahmatulina

*East-Kazakhstan Regional Architectural-Ethnographic and Natural-Landscape Museum-Reserve
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)*

ON THE ISSUE OF SOCIO-ECONOMIC SUPPORT OF THE MEMBERS OF THE UNION OF ARTISTS OF THE KAZAKH SSR IN THE 1930S.

Abstract. The article analyzes measures of socio-economic support for members of the Union of Artists of the Kazakh SSR in the 1930s. Based on archival sources, it is concluded that, despite the financial and managerial crisis that took place, the activities of the Republican Union of Artists were adapted and aimed at social support for artists. Among the priority tasks of the association were: financial protection of team members, the introduction of a contractual payment system, and provision of creative business trips. At the same time, it is shown that the most effective assistance measures were provided to national artists who received a comprehensive package of socio-economic assistance.

Keywords: Union of Artists of the Kazakh SSR, Organizing Committee, Department of Arts Affairs under the SNK of the Kazakh SSR, creative orders, financial assistance, Council of Artists» wives.

Одним из знаковых творческих общественных объединений 1930-х гг., взявших на себя роль по объединению художественных сил республики, являлся образованный 8 июля 1933 г. Союз советских художников Казахстана во главе с Оргбюро, позже переименованного в Оргкомитет. При отсутствии в стране до 1940 г. Художественного фонда СССР, в задачи которого входило социальное обеспечение художников, дополнительной нагрузкой Оргкомитета периода институализации стала выработка адекватной социально-экономической стратегии, направленной на улучшение условий труда и быта членов Союза. Вместе с тем обзор современной казахстанской историографии показывает, что сюжеты, посвященные социально-экономической базе творческих союзов и шире — практикам патернализма сталинской эпохи не являются приоритетными задачами и разработаны на местном материале достаточно слабо, отсутствуют работы обобщающего характера, исследовательские акценты смещены на областной уровень [1, 2, 3]. В настоящей работе предпринята попытка анализа социально-экономических аспектов деятельности Союза художников Казахской ССР второй половины 1930-х гг., направленных на поддержку его членов.

В качестве источниковой базы были использованы материалы, содержащиеся в делопроизводственных документах центральных государственных архивов России и Казахстана: Российском государственном архиве литературы и искусства — РГАЛИ. Ф. 962. «Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (Москва, 1936–1953)», Центральном государственном архиве республики Казахстан — ЦГА РК. Ф. 1736 «Оргкомитета Союза Советских художников Казахской ССР». Отложившиеся в протоколах заседаний, отчетах руководителей, в деловой переписке документы приоткрывают различные стороны социальной поддержки художников, наиболее острые вопросы, требовавшие внимания со стороны Оргкомитета Союза. Значительно усложняет положение исследователя тот факт, что период 1933–1935 гг. не полностью представлен в ЦГА РК, утеряны документы, также недостаточно полно отражены протоколы заседаний Оргкомитета за 1936–1939 гг., творческие отчеты и другая документация, позволившая исследователю точнее реконструировать особенности социально-экономических взаимоотношений в творческом союзе.

Необходимо отметить, что статус общественной организации не давал Союзу художников полной административно-хозяйственной самостоятельности. С самого начала создания республиканский Союз художников находился в ведении Наркомпроса КазАССР (1933–1936 гг.), с января 1937 г. его работу курировало Управление по делам искусств при СНК КазССР, в функции которого входило выделение финансовых средств и назначение руководителя. При этом практически весь второй этап создания — с 1937 по 1940 гг. Союз художников испытывал перманентный финансовый и управленческий кризис, который проявлялся как в недостаточности финансирования, так и частой смене руководства. Известно, что только за годовой период 1937–1938 гг. на посту руководителя Союза сменилось 9 председателей [4]. В персональном плане обретение управленческой стабильности, внедрение комплекса мер по налаживанию работы в творческом Союзе были связаны с именем В. Н. Сладкова, первоначально занимавшего должность секретаря, заместителя организации, с 1938 по 1940 гг. — председателя Оргкомитета. В конце 1939 г. при Оргкомитете действовали 6 секций: живописи, графическая, театральная, оформительская, монументального и народного искусства. После проведения I Съезда художников Казахстана в июне 1940 г. Оргкомитет был распущен и вместо него образовано Правление Союза художников Казахской ССР с временным Уставом, утвержденным Управлением по делам искусств в июне 1942 г.

Союз художников, имевший республиканский статус, бюджетные средства и тщательно регламентированную систему приема, представлял собой одну из престижных художественных институций, нахождение в которой открывало перед республиканскими художниками — членами Союза возможности получения определенных материальных благ. Закрепляло попечительские функции Оргкомитета «Положение о деятельности, задачах и правах Оргкомитета Союза советских художников Казахстана», действовавшее до июня 1940 г. В п. 3 Положения прописывалось: «В вопросах улучшения бытовых условий художников Оргкомитет оказывает всяческое содействие творческим и общественно активным художникам в улучшении их бытовых условий (ходатайствует перед надлежащими ор-

ганами), борясь при этом с иждивенческими и рваческими тенденциями» [5, л. 129]. Такое разрастание функций превращало Союз в полифункциональную организацию, совмещавшую одновременно задачи творческого Союза, кооператива, художественного фонда и кассы взаимопомощи. Членство в Союзе открывало, прежде всего, доступ к получению престижных заказов на выполнение авторских творческих произведений, а не массовой продукции, изготовлением которой занимался кооператив. Данная норма стала возможной после введения договорной системы оплаты в 1937 г. во всех подведомственных организациях Управления по делам искусств и явилась важным шагом на пути к юридической защите творцов.

Во второй половине 1930-х гг. в связи с общим ростом и развитием творческой инфраструктуры республики, более тесной отраслевой интеграцией на всесоюзном уровне в практику работы творческого Союза вошло конкурентное соревнование за получение творческих заказов. Явление имело место как внутри республиканского цеха художников, так и между художественными организациями различного подчинения. Известно, что горячие споры в январе-феврале 1939 г. в Союзе художников вызвал проект оформления павильона Казахской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. По утверждению председателя Оргкомитета Союза художников В. Н. Сладкова, павильон Казахской ССР проектировался московскими специалистами без участия Союза архитекторов и Союза художников республики. Организация Казвыставком также обошла Союз художников, поручив исполнение внутреннего оформления павильона индивидуально члену оргкомитета, профессиональному художнику с большим опытом практической работы А. А. Риттиху (успешно выполнившего свою задачу — прим. автора). В этой связи Управление по делам искусств поддержало требование председателя Союза художников и рекомендовало назначить представителей Казахстана для работы над проектом Колоденко и У. Тансыкбаева, «которые бесспорно лучше знают Казахстан и сумеют правдиво отобразить на выставке»¹¹ [5, л. 472]. Однако, как показала практика, требования руководства так и остались на бумаге, творческий заказ по павильону был отдан московским специалистам.

В качестве одной из основных задач руководство Союза художников определяло также защиту финансовых интересов членов организации, в том числе в целях предупреждения конкуренции со стороны теневого сектора художественных услуг, наиболее распространенного в столице республики, в г. Алма-Ате. Для предупреждения роста числа договоров со лже-членами Союза художников накануне видных советских празднований и годовщин в центральных газетах публиковалась информация, обращенная к советским государственным учреждениям о проверке удостоверений художников и путевок, выдаваемых данными организациями [6, л. 30]. Дополнительным фактором защиты финансовых интересов коллектива художников являлись решения, инициированные Оргкомитетом о проведении бригадного метода работы над крупными творческими заказами. Примером чему служит решение Оргкомитета, принятое в 1939 г. при выборе поставщика художественного оформления для премьеры «Отелло» Казахского государственного академического театра драмы. Руководство Союза художников постановило, что оформление всего спектакля одним художником нецелесообразно. Дирекции художественного театра драмы было рекомендовано организовать творческую бригаду из представленных на закрытый конкурс художников: Черномского, Симкина, Ходжикова, Ускенбаева [5, л. 464].

Поскольку расширение круга профессиональных художников из числа коренного населения являлось приоритетным направлением в развитии творческого объединения, наиболее действенные меры помощи руководство организации оказывало национальным авторам. В этом отношении показателен подробный отчет о помощи художнику А. Кастееву со стороны Союза художников и Управления по делам искусств, представленный начальником Изо отдела Управления Л. П. Леонтьевым в письме 1940 г. к ответработнику системы Всесоюзного комитета искусств Быкову: «...Главной своей задачей я ставлю воспитание в Каз. Республике собственных национальных кадров. Все сколько-нибудь талантливые казахи-художники привлечены к работе по проведению юбилейной художественной выставки, обеспеченные средствами, мастерскими и творческой и политической кон-

¹¹ Отметим, что проект первого деревянного павильона Казахской ССР был выполнен архитектором Ф. П. Костенко в 1937 г., к августу 1939 г. павильон был перестроен по проекту московского архитектора И. Г. Безрукова. Мастера из Казахстана были вовлечены в работу по оформлению павильона Казахской ССР после Великой отечественной войны. См. Байтенов А. Место в истории. URL: <https://news.invest.kz/154900713-mesto-v-istorii> (дата обращения: 09.09.2023).

сультацией. Как раз более всего мы занимались товарищем Кастеевым, действительно талантливым художником казахом. Что сделали мы для него? При помощи Союза художников (до меня) он получил приличную квартиру, в 1935 г. он был направлен на учебу в Москву, где проучившись около года, возвратился, так как не владел совершенно русским языком, по возвращении ему обеспечили занятия по общеобразовательным дисциплинам, приобрели в разное время для Художественной галереи его вещей (хороших, а иногда и средних, но в целях материальной поддержки) более чем на 10 000 рублей, четыре последних месяца 1939 г. он получал стипендию в размере 500 рублей в месяц, в последнее время выделили лучшую из имевшихся мастерских, но он отказался от нее (ввиду желания работать дома), обеспечили его участие на ВС — ХВ (Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. — *прим. автора*), заключено договоров на работу к юбилейной выставке на 15 000 рублей, прикрепили для творческой помощи одного из сильных художников Союза художников... Из этого длинного списка видно, что мы почти нянчились с ним... Единственное, что мы не могли сделать, это прикрепить к нему Урала Тансыкбаева... но ведь Урал не у меня в кармане, он в Ташкенте и его не раз приглашали приехать, обещая предоставление квартиры» [7, л. 21]. В то же время, по заявлению В. Н. Сладкова, на I Съезде художников не все молодые национальные художники были согласны с предлагаемыми условиями — создавать новые картины в обмен на ощутимые материальные привилегии. Имели место случаи нарушений условий выдачи материальной помощи. Так, наряду с А. Кастеевым материальную помощь от Союза художников в размере 3 200 рублей получал художник Ташбаев: «Тогда как другие молодые художники получали по 1800 рублей и ниже. Летом 1936 г. Союз помог ему получить в колхозе «Горный гигант» дачу и наконец, ему была предоставлена творческая поездка в г. Ташкент и Самарканд. Получив деньги и забрав семью, все имущество, Ташбаев уехал, не поставив в известность, что уезжает совсем» [8, л. 12]. Особое отношение руководства Союза к молодому живописцу А. Кастееву было объяснимо. В этой связи В. Н. Сладков объяснял: «С задачей вовлечение казахских кадров Оргкомитет не справился, но все меры к этому принимал. В городе Алма-Ате имеется 5 художников казахов и 2 нацмена, помимо этого 1 казах и 1 узбек выбыли. Таким образом, всего состояло 9 художников-националов, из которых серьезно относился к Союзу, упорно и полезно работал и работает т. Кастеев» [8, л. 12].

Помимо руководства творческого Союза социальной поддержкой художников занимался Совет жен художников, куда входили члены Оргкомитета и жены художников: Чекалина, Цивчинская, Несетрова, Абдулаева, Гербановская [5, л. 482]. Созданный по случаю корпоративного мероприятия в 1938 г. Совет жен художников брал на себя организацию различных социальных проектов, в том числе проведение Новогодней елки для детей художников, банкетов, встреч, вечеров и др. Не оставался равнодушным Совет и к социально-бытовым условиям проживания художников, поскольку одной из задач Совета являлось «обследование бытовых условий художников и недопущение таких явлений как с художником Н. И. Крутильниковым которому: «чтобы писать картины, вынужденного жену и детей отправлять на улицу» [5, л. 481]. Несмотря на имевшуюся регламентацию и слабую поддержку со стороны Оргкомитета, в целом, работа Совета жен художников была позитивно окрашена, направлена на улучшение жизни творцов, создание комфортных условий отдыха для художников и членов их семей.

Современными исследователями художественной жизни довоенного периода обоснованно выделяется значительная роль целевых командировок в системе мер помощи деятелей искусства. Первоначально возникнув как разовая акция, идея получила свое практическое воплощение в РСФСР в 1925 г. Позднее данная практика трансформировалась из разовой акции в систематическое мероприятие и была поддержана и внедрена в республиканские творческие объединения [9, с. 176].

Главным распорядительным органом творческих командировок оставался Оргкомитет, утверждавший списки художников, занимавшийся выделением средств и контролировавший всю отчетную документацию. Как правило, сроки таких командировок составляли внушительные 1–2 месяца, выделяемая в «бесконтрольное пользование» сумма определялась в 1 000 рублей в месяц [10, л. 24]. В качестве поощрения в творческую поездку могли быть направлены молодые, перспективные художники, а также авторы, проявившие себя как активные члены Союза, не имевшие финансовой и иной задолженности перед организацией. В 1937 г. на 2 месяца был командирован художник В. И. Антощенко-Оленев в поездку по маршруту Петропавловск-Боровое-Омск и вверх по Иртышу до озера Зайсан.

Художника Савельева командировали по маршруту Семипалатинск-Риддер-Зырянск на крупные объекты Восточного Казахстана. В условиях промышленного роста 1930-х гг. главными заказчиками и одновременно объектами искусства становились промышленные предприятия, куда и направлялись художники. По возвращению авторы должны были предоставить творческие отчеты в виде выставок. Таким образом, практика творческих командировок (индивидуальных или групповых) стала неотъемлемым условием работы художников 1930-х гг., проводилась на системной основе и качественно способствовала повышению профессионального уровня мастеров.

В целом изученные архивные материалы позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на имевший место финансово-управленческий кризис периода институализации, деятельность Союза художников Казахской ССР 1930-х гг. была соответствующе адаптирована и направлена на социальную поддержку деятелей искусства. Главным управленческим органом, аккумулировавшим функции учета, распределения и контроля выделяемой материальной помощи, являлся Оргкомитет объединения. В числе приоритетных задач, стоявших перед руководством творческого Союза, определялись следующие: финансовая защита членов коллектива, введение договорной системы оплаты, обеспечение творческих командировок. Вместе с тем показано, что наиболее действенные меры помощи руководство организации оказывало национальным художникам, получавшим комплексный пакет помощи социально-экономического характера, включавший выдачу мастерских, дач, стипендий, организованный закуп произведений.

Список использованных источников и литературы

1. Раимбергенов А. И. Особенности художественной жизни в Актюбинской области Республики Казахстан в 1920–1960 гг. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. — 145 с.
2. Личман Е. Ю., Жанайхан Е., Денисова Н. И. Национальное наследие и диалог культур: Казахстан-Россия. — Павлодар; Барнаул: ПГПИ, 2013. — 362 с.
3. Рахматулина Е. Ю. Художественная интеллигенция Восточного Казахстана в условиях советской модернизации 1920–1930-х гг. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2021. — 194 с.
4. Союз художников Республики Казахстан. Электронный ресурс. Зал славы Казахстана. URL: <http://zs.808.kz/?p=4478> (дата обращения: 08.09.2023).
5. Центральный государственный архив республики Казахстан, ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 14.
6. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 5.
7. Российский государственный архив литературы и искусства, РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 6. Д. 752.
8. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 56.
9. Государственное регулирование социальных процессов в центральноазиатском регионе России имперского и советского периодов / отв. ред. Ю. А. Лысенко. — Барнаул: Азбука, 2021. — 200 с.
10. ЦГА РК. Ф. 1736. Оп. 1. Д. 1.

Сведения об авторе: *Рахматулина Евгения Юрьевна*, кандидат исторических наук, заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: kalina200778@mail.ru

УДК 811(575.2)«19»

Г. Т. Токтогулова

Джалал-Абадский государственный университет им. Б. Осмонова (Джалал-Абад, Кыргызстан)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. В данной научной статье исследованы характерные особенности языковой ситуации в кыргызском обществе в первой половине XX века, предприняты попытки анализа языковой ситуации того времени.

Основной целью исследования было объективное изучение языковой ситуации в кыргызском обществе периода первой половины XX века. В качестве основных источников были использованы труды, написанные и сохранившиеся до Октябрьской революции, и литература, относящаяся к теории языка. В результате исследования были представлены исторические факты, скрытые в старой истории и архивных страницах, научные взгляды с новой точки зрения, анализы, исследования, сделана попытка выяснить место языковой ситуации в кыргызском обществе в истории.

Ключевые понятия: культура, письменная культура, языковая ситуация, языковая эволюция, письменное наследие, арабский алфавит, билингвизм, латинское письмо, русская кириллица, национальная графика.

G. T. Toktogulova

Jalal-Abad State university named after B. Osmonov (Jalal-Abad, Kyrgyzstan)

LANGUAGE SITUATION IN KYRGYZ SOCIETY IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Abstract. This scientific article investigates the characteristic features of the language situation in Kyrgyz society in the first half of the XX century, attempts to analyze the language situation of that time.

The main goal of the research was to objectively study the language situation in Kyrgyz society in the first half of the XX century. The main sources used were works written and preserved before the October Revolution and literature related to the theory of language. As a result of the study, historical facts hidden in old history and archive pages, scientific views from a new point of view, analyses, studies were presented, and an attempt was made to find out the place of the language situation in Kyrgyz society in history.

Keywords: culture, written culture, language situation, language evolution, written heritage, Arabic alphabet, Bilingualism, Latin script, Russian Cyrillic, national script.

Язык — это особенность, присущая каждому этносу, которая продолжает и будет сопровождать человеческую жизнь в целом как насущный вопрос. Поскольку национальная идентичность также характеризуется наличием языка, нет никаких сомнений в том, что каждая нация пытается сохранить свой национальный язык. Процесс глобализации, который превращает слабые страны в жертвы сильных, также приводит к исчезновению многих языков в мире. Такие явления испытывали не только этнические группы, живущие в рамках глобализации, но и наши предки с незапамятных времен. Возвращаясь к периоду XIX века, когда Средняя Азия, в том числе Кыргызстан, привлекла внимание двух великих держав и в итоге оказалась под властью России. Столкнувшись с таким явлением, кыргызское общество пережило политику русификации, а затем и процесс большей склонности к русскому языку.

В целях анализа положительных и отрицательных сторон такого явления, с которым столкнулся кыргызский народ, в качестве основной проблемы был поставлен анализ языковой ситуации начала XX века в историческом аспекте, для вывода которого были использованы исторические труды, источниковедческие данные, материалы российских путешественников, ученых в области Туркестано-

ведения, востоковедения, кыргызоведения, языковой политики, языкостроения, языковой ситуации. Работы исследовались с научной точки зрения.

При исследовании языковой ситуации в кыргызском обществе использовались историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный методы. Для сопоставления исторических трудов официальной и неофициальной точек зрения, отражающих административную политику колониальной России в Кыргызстане, для исследования точек зрения применялись историко-сравнительный, логический и другие научные методы, позволяющие сделать обоснованную логическую сделку с реальным историческим мышлением.

Нынешние рамки глобализации привели к значительным изменениям в национальном языке, который является единым языком многих наций, иногда даже вызывая проявления полного исчезновения. Такие явления свидетельствуют о том, что каждому государству необходимо тщательно продумать судьбу, перспективы проблемы национального языка. В конце концов, глобализированная структура состоит из вмешательства в международные проблемы. По мнению исследователей языкового вопроса, правильно установлено, что «язык является неотъемлемой частью государственной политики и состоит из теории и практики языка, языкового планирования, хода языкового развития, целенаправленности функционирования существующих языков, создания и совершенствования новых языковых средств общения» [1, с. 254].

Язык — сложнейшее общественно-политическое явление, несущее большую функциональную и ролевую нагрузку, один из факторов оптимизации культурно-коммуникативных процессов, обеспечивающий устойчивое развитие отдельного этнического социума, регулирующий национальную безопасность и межэтническую культуру. Язык является основным объектом, на который ориентируются национальная идеология и национальные чувства, и он является основным отличительным признаком этносов, явлением, которое подвергается концептуализации не только как средство коммуникации. В зависимости от характера соотношения языка и политики исследователи различают два аспекта, в одном из которых язык действует как инструмент, а в другом — как объект политического влияния. Если в первом случае мы имеем дело с воздействием языка или «манипулированием языком» на сознание адресата для достижения определенных политических целей, то во втором — фактически «языковая политика» является составной частью национальной политики, обуславливая развитие языковых процессов не только нормального нормативного воздействия государства и его компетентных органов, но и связанных с языком этнополитических ситуаций, конфликтов, языковых конфликтов, является частью политического контроля над ситуацией. Несмотря на то, что языковая политика является одним из давно сложившихся направлений деятельности современных государств, в основном из-за различий в значениях, заложенных в это понятие в различных научных школах мира, термин «языковая политика» до сих пор остается неясным. Об этом свидетельствует большой список квазисинонимических иноязычных терминов, входящих в семантическое поле концепции «языковая политика» — *language development, language modernization, planification linguistique* и другие, — их перевод кажется нецелесообразным, поскольку их мнение о том, что за каждым из них стоит своя собственная культурная реальность, переключается с мнением Э.Д. Сулеймановой [2, с. 6–7].

Наряду с «языковой политикой» в социолингвистике существуют понятия «языковое конструирование», «языковое планирование» и «языковая ситуация». Во второй половине XIX — начале XX века в целях создания национальных алфавитов для таких бесписьменных языков, как кыргызский, казахский, развития делопроизводства, изданий на национальных языках, национального образования, впервые появился в 20–30-е годы в СССР в отношении государственных работ по развитию языков национальных меньшинств (в соответствии с решением съезда РКП (б) от 1921 года). Термин «языковое планирование» был впервые использован в 1959 году американским лингвистом Эйнаром Хаугеном в его работе о языковых конфликтах в Норвегии и для обозначения языковых ситуаций в странах третьего мира. «Там, где есть языковые проблемы, требуется исследование ЯП (языкового планирования)», — писал исследователь. — «...» В одной из моих предыдущих работ я определил ЯП как «работу по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словарного запаса для членов разнородных речевых сообществ, чтобы направлять письмо и разговорный язык», — говорит он [3, с. 8].

Обычно термины «построение языка» и «языковое планирование» использовались для обозначения конструктивных действий, направленных на укрепление коммуникативных и социальных возможностей конкретных языков. В то же время использование термина «языковая политика» оказывает на язык влияние, которое предпочтительнее в позитивных и деструктивных обобщениях, а именно — его можно понимать как запрет или ограничение сферы его применения. Термин «языковая ситуация» был впервые введен в научное употребление известным французским лингвистом Антуаном Мейе. Автор в своей работе «языки новой Европы» определяет следующее: «Под языковой ситуацией мы подразумеваем совокупность языков и функциональных стилей, которые служат связующим звеном в административно-территориальном единстве и этнической общности» [4, с. 45, 79]. Этот термин широко использовался в 20–30-х годах прошлого века в работах иностранных лингвистов, изучавших языки народов Азии и Африки, таких как Д. Вестерман, К. Лопез, К. М. Доу и другие. Существуют и другие определения термина «языковая ситуация». Известный лингвист А. Д. Швейцер говорит, «...что языковая ситуация может быть определена как модель социально-коммуникативных систем и подсистем». Термин «языковая ситуация» употреблялся многими учеными по-разному, в его основе лежат языки и их носители, духовная культура народа, совокупность жизненных форм (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимодействии и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности рассматривается как совокупность форм жизнедеятельности языка (языков, территориальных и социальных диалектов), обслуживающих континуум общения в определенной этнической общности или административно-территориальном объединении.

Ярким событием XIX века в формировании многообразной этно-языковой ситуации Кыргызстана является процесс вхождения в состав России, неоднократные пересмотры границ в ее рамках, особенности государственно-политического устройства и чрезвычайные события, коренное изменение общественной системы. В современном кыргызском обществе существует более ста языков [5]. Поскольку кыргызский народ является глубоко коренным народом, страницы истории свидетельствуют о том, что у кыргызов издавна был свой язык, свой менталитет, письменность. Кыргызский народ в свое время создал свой собственный каганат, который то враждовал с соседними народами, то зависел от них, то жил как свободный народ. Одним из таких ярких событий в истории кыргызского народа является вхождение Кыргызстана в состав России. Это событие, объединившее историю национального и языкового строительства кыргызского народа с историей русского народа, стало известно в истории как эпоха Советов.

Основы национальной политики в советское время были заложены в 1922 году, и эта политика также включала языковой вопрос некоторых национальностей. В то же время русский язык считался языком союзных республик. Ряд исследователей также отмечает, что в 1920-е годы на всей территории Советской республики был введен курс по максимально широкому вовлечению местного населения в административную деятельность с последующим переводом делопроизводства на местные языки [6, с. 37]. В то время как мнение И. А. Бодуэн де Куртэ о том, что «ни один язык не является государственным и обязательным для всех образованных граждан», оставляет впечатление, что оно выражает одну из причин изменившейся языковой ситуации в кыргызском обществе [7, с. 8], сведения об этно-языковой структуре кыргызского общества можно найти в работах В. В. Бартольда [8, с. 562].

А когда в 1924 году в Средней Азии был проведен процесс территориальной сегрегации, на первый план вышла лингвистическая составляющая, предполагающая создание литературных языков для каждой нации. Такой процесс происходил и в соседних странах, и первой проблемой, с которой столкнулись ученые при построении каждым народом своего национального языка, была графика языка. Народы, населяющие Среднюю Азию, в том числе и кыргызы, исповедуют мусульманство, поэтому в качестве носителя используют арабский алфавит. Несмотря на то, что в кыргызском обществе арабская письменность в 1925 году была реформирована и некоторое время использовалась, в 1927 году она была заменена латинским алфавитом, что приводило к различным причинам поддержки этой идеи, но основным мотивом была политика ориентации на запад. Существенным преимуществом латинского алфавита считался его международный характер. Затем в 1939 году кыргызское общество перешло на русскую кириллицу. Языковые реформы были восприняты представителями ранней интеллигенции кыргызского народа в ряде случаев противоречиво.

Были случаи, когда представители кыргызской интеллигенции привлекались к ответственности за совмещение языковых вопросов с национальными интересами, многие репрессировались на почве националистической, буржуазной и иной пропаганды. В советское время для дальнейшего развития партийно-государственного аппарата и решения культурно-образовательных вопросов требовались новые кадры, для подготовки которых создавались отрасли, поддерживающие советскую систему. Такое явление Е.Д. Поливанов описывал следующим образом: «Можно сказать, что он получил образование как представитель русского языка и остался «простым человеком» как представитель родного языка» [9, с. 227]. Такая позиция «простого человека», отмеченная Е.Д. Поливановым, объективно обоснована. Несмотря на то, что в национальных автономиях как следствие репрессий на повестку дня ставились вопросы о высоком уровне языка этноса, численность и престиж представителей национальной интеллигенции продолжали стремительно снижаться. Новые образованные слои национальных меньшинств иными словами, особенно представители первобытной интеллигенции кыргызского народа, хотя и двуязычны, но родной язык используется только в повседневном контексте, ограничен в бессознательном. Такой процесс встречается и у казахского населения, и в работе Д.А. Аманжоловой показано, что этнический казак С.А. Асфендияров следующим определением так четко обозначил исторический процесс: любой казак скажет, что я лучше выучу русский язык, чем свой, с радостью отдаст своего кыргызского ребенка на изучение русского языка [10, с. 156]. Таким образом, анализируя задачи национальной политики советского периода, можно сделать вывод, что развитие местных культур и языков не было приоритетным. В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) мнение И. В. Сталина: «возникновение социалистических культур как по национальной форме, так и по содержанию <...> чтобы объединить их в одну общую социалистическую культуру, когда пролетариат побеждает во всем мире» [11, с. 369] также подтверждает вышеупомянутую сделку. Реально то, что общественное сознание и объективные интересы государства того времени требовали от граждан кыргызского общества знания русского языка. Во второй половине 1930-х годов, несмотря на то, что использование латинского алфавита, с одной стороны, и русского языка, с другой стороны, было одной из потребностей общества, необходимость склоняться к одному из двух привела к трудностям в продуктивном овладении русским и местными языками. Так кыргызский народ перешел на русский алфавит с 1941 года и пользуется им до сих пор. Важность знания русского языка особенно проявилась в годы Великой Отечественной войны, когда граждане союзных стран, в том числе кыргызского народа, со знанием общенационального русского языка в союзе с представителями одной нации одержали победу. Недавние исследования начали подтверждать, что особенно в послевоенные годы, когда русский язык использовался в повседневной жизни и на государственном уровне, занимал все сферы жизни общества, когда политическая ориентация страны поддерживала равенство всех языков и народов, начался необратимый процесс возвышения русского языка как единого консолидирующего языка многонационального государства-победителя, и в итоге стал рабочим языком других международных объединений стран социалистического лагеря. В конце 1940-х годов во всех союзных республиках и на национальных территориях увеличились темпы урбанизации и индустриализации, массовое перемещение промышленного пролетариата из центра в отдаленные регионы способствовало неизбежной русификации городов, этот процесс был особенно очевиден в Казахстане и Кыргызстане в результате широкого освоения неосвоенных земель. Русский язык был распространен среди всех этносов, и во второй половине 1950-х годов советская власть приняла закон «об укреплении связи школы с жизнью», что, хотя это и не имеет прямого отношения к языковому конструированию, оно оказывает значительное влияние на судьбу языкового ландшафта регионов, поскольку в соответствии с этим законом родители имеют право выбирать школу для обучения своих детей, что в основном связано с выбором языка обучения [12, с. 50].

В Кыргызстане в этот период наблюдается такая же тенденция, когда в детских садах, школах, средних и высших учебных заведениях обучение ведется только на русском языке. В общественном сознании кыргызского народа сформировались такие понятия, как «русский язык — единственный язык высшего образования». Общественность отмечает, что русский язык, который в свое время приобрел авторитет и занял общественную жизнь, сегодня имеет серьезные последствия. С одной стороны, были допущены такие ошибки, стало очевидно, что государственный язык выходит из употребления, государственный язык дошел до такой степени, что нуждается в защите и использовании,

с другой стороны, русский язык, русская культура, наука, образование не только не оставили позади население, живущее в его составе, но, в свою очередь, способствовали распространению просвещения, формированию научной сферы, освоению культуры народов мира.

Изучая языковую ситуацию в кыргызском обществе, можно заметить, что в советское время государственный язык кыргызского народа был вытеснен на второе место в своей стране, начиная с ранней интеллигенции, политическая элита кыргызского народа имела привычку передавать свои мысли, идеи на русском языке, только бытовые вопросы, повседневное общение велось на его языке. Такое явление особенно актуально после периода окончательного перехода с латиницы на русский алфавит, когда детские сады, школы, средние профессиональные училища, высшие учебные заведения кыргызского языка стали проводиться на русском языке.

Список использованных источников и литературы

1. Сулейменова Э.Д. Словарь социолингвистических терминов. — Астана: Арман-ПВ, 2019. — С. 254.
2. Сумарокова О.А. Эволюция языковой политики Российской империи в Туркестанском крае (По материалам Киргизстана). — Бишкек, 2015. — С. 6–7.
3. Хауген Е. Планирование литературного языка в современной Норвегии // Антропологическая лингвистика. (Haugen E. Planning for a standard language in modern Norway // Anthropological Linguistics). — 1959. — № 8. — С. 8.
4. Никольский Л.Б. Синхронная социолингвистика: Теория и проблемы. — М.: Наука, 1976. — 168 с.
5. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/39/> (дата обращения: 20.07.2023).
6. Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. — М.: Крафт+, 2000. — С. 37.
7. Бодуэн де Куртене И.А. Проект основных положений для решения польского вопроса. — СПб.: Тип. «Труд и польза», 1906. — С. 8.
8. Бартольд В.В. Сочинения. — Т. II. — Ч. 2. — М.: Наука, 1964. — С. 562.
9. Поливанов Е.Д. О литературном (стандартном) языке современности // Родной язык в школе. — 1927. — № 1. — С. 227.
10. Аманжолова Д.А. Цит. по: Аманжолова Д.А. Форматирование советскости: национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР, 1920–1930-е гг. — М.: Собрание, 2010. — С. 156.
11. Сталин И.В. Сочинения: в 18 томах. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. — Т. 12. — С. 369.
12. Алымова А.С. Эволюция языковой политики Казахстана: проблемы и перспективы. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/100855/1/m_th_a.s.alymova_2021.pdf (дата обращения: 20.07.2023)

Сведения об авторе: Токтогулова Гулжамал Тыныбековна, кандидат философских наук, доцент Джалал-Абадского государственного университета им. Б. Осмонова, г. Джалал-Абад, Кыргызстан, e-mail: toktogulova.72@mail.ru

УДК 93/94

Ж. О. Омурова¹, Т. С. Шаршембиева²¹Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)²Национальная академия наук Республики Кыргызстан (Бишкек, Кыргызстан)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИНТЕГРАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье анализируются история создания Организации тюркских государств (ОТГ), этапы ее развития. На начальном этапе интеграционное взаимодействие тюркских государств было в культурно-образовательной сфере. На втором этапе складываются политическая интеграция, саммиты глав тюркских республик, курултаи, межпарламентские ассамблеи и т.д. На третьем этапе географическое пространство ОТГ расширяется и активно взаимодействует в Евразийском пространстве. Рассматривается функционирование ОТГ с точки зрения перспективы и возможные риски, которые могут привести к развалу организации.

Ключевые слова: Организация тюркских государств, тюркский мир, Центральная Азия, Евразийская интеграция.

J. O. Omurova¹, T. S. Sharshembieva²¹Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)²National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

ORGANIZATION OF THE TURKIC STATES: INTEGRATION, PROSPECTS AND PROBLEMS

Abstract. This article analyzes the history of the creation of the Organization of Turkic States (OTS), the stages of its development. At the initial stage, the integration interaction of the Turkic states was in the cultural and educational sphere. And at the second stage emerges political integration, summits of the heads of the Turkic republics, kurultai, inter-parliamentary assemblies etc. At the third stage, the geographical space of the UTC expands and actively interacts in the Eurasian space. The functioning of the UTC is considered from the point of view of the future and possible risks that could lead to the collapse of the organization.

Keywords: Organizations of Turkic states, Turkic world, Central Asia, Eurasian integration.

Новая история для тюркского мира началась с обретением независимости государствами, входящими в тюркский мир, в 1991 году. И основа Организации тюркских государств была заложена в 1992 году первым созывом Саммита тюркоязычных стран в Анкаре.

До 1991 года Турция и тюркский мир находились на двух разных и даже враждебных полюсах. В то время культурное и политическое мышление Турции развивались в западном направлении, турецкие интеллектуалы смотрели на мир через Европейский Союз и англо-саксонский язык. Появление новой внешней ситуации в мире, связанной с развалом Советского Союза, независимость Азербайджана и центральноазиатских тюркских республик в 1991 году — все это глубоко потрясло ее внешнеполитические планы и является показателем неготовности Турции к столь неожиданной ситуации. Первое время из-за отсутствия опыта сотрудничества с такими странами Турция оказалась на перепутье, и чтобы исправить путаницу, с которой столкнулись лица, принимающие решения в Турции, вмешались преподаватели, которые лучше всех знали регион в стране. Ученые в области исследования, которая известна как кафедра общей истории Турции в турецкой историографии, играли важную роль во внешней политике правительств, потому что они знали как регион, так и его языки.

С 1994 по 2000 год прошло пять саммитов.

Седьмой саммит прошел в Стамбуле в 2001 году, тогда произошел первый политический разрыв в тюркском мире, и Узбекистан принял участие в этом саммите не на уровне главы государства, а его по-прежнему представлял председатель Парламента Э. Халилов [1].

Восьмого саммита пришлось ждать долго. Через пять лет после седьмого саммита в 2006 году в Анталии прошел Саммит тюркоязычных стран, организованный Ахметом Недждетом Сезером. Однако этот пик вызвал второй крупный прорыв. Узбекистан не участвовал в этом саммите, а Туркменистан был представлен на уровне посольства в Анкаре. В этот период среди государств тюркского мира дуют холодные ветры. Отношения Турции с тюркским миром отошли на второй, а то и на третий план, поскольку Турция обратилась к членству в Евросоюзе, взяла новый внешнеполитический курс. *Девятый саммит* прошел в Нахичеване в 2009 году. И этот саммит, состоявшийся 3 октября 2009 года, открыл новую эру для тюркского мира. Нахичеванское соглашение было подписано между Турцией, Азербайджаном, Казахстаном и Кыргызстаном. По этому соглашению было решено создать Тюркский совет и официально создан Тюркский Совет, в котором не участвовали Туркменистан и Узбекистан [1].

Таким образом, Нахичеванский саммит 2009 года является историческим шагом, который институционализировал отношения тюркских республик. Создание Тюркского совета способствовало развитию научных, культурных и экономических связей. Большую роль в принятии этих решений сыграли неустанные усилия тогдашнего Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, имевшего очень высокий уровень сознания тюркизма и тюркского мира. Однако эти искренние усилия не могли быть реализованы из-за того, что государства-члены не проявили достаточного интереса, а также из-за отсутствия надежной интеллектуальной основы для того, чтобы сделать этот вопрос активным, нужно было единомыслие в этом вопросе, которое отсутствовало в тот момент; проекты остались в основном на бумаге.

На заседании Тюркского совета, состоявшемся в Бишкеке в 2019 году, Узбекистан стал членом Тюркского совета в рамках своей внешней политики, выработанной после Ислама Каримова. Таким образом, данный Совет вступил в период, когда сотрудничество между тюркским миром ускорилося.

На основе анализа интеграцию тюркских государств можно разделить на три этапа.

И первым этапом стал период взаимодействия тюркских государств в культурно-образовательной сфере (1992–2008 гг.). Для достижения эффективного результата в реализации этих целей в 1992 году было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА). Координационные офисы программы ТИКА были созданы в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане [2]. Одним из крупных направлений деятельности данной организации является проект «Тюркология». Проект стартовал в 2000 г. и реализуется в 21 стране (куда вошли Казахстан и Кыргызстан). Он предусматривает создание при университетах кафедр по изучению истории и культуры Турции.

В 1993 году была создана Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) [3]. Она и по сей день активно занимается возрождением культурно-гуманитарных связей тюркских стран и популяризацией тюркской культуры в мировой арене на высоком уровне.

Второй этап политической интеграции тюркских государств продолжается с 2008 по 2020 год. В ноябре 2008 года была учреждена Парламентская Ассамблея тюркоязычных государств (ТЮРКПА) [4]. 3 октября в 2009 году на саммите глав тюркоязычных государств в азербайджанском городе Нахичеване был создан Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) — международная организация, которую называли Тюркский совет [3].

В 2010 году в столице Казахстана г. Астане была открыта Тюркская академия. В 2014 году она обрела статус международной организации и с тех пор ведет активную работу, цель которой — сплочение академических сообществ тюркских стран и возрождение тюркологической науки в мировом масштабе [3].

На саммите 11 ноября 2021 года название Тюркского совета окончательно было изменено на Организацию тюркских государств [5]. На этом заседании Туркменистан также стал наблюдателем. Президент Реджеп Тайип Эрдоган сделал важное заявление, объявив, что название Тюркского Совета было изменено на Организацию тюркских государств, и он отметил: «Мы с этого момента с настойчивостью будем пускать корни, расти, развиваться и процветать еще быстрее, чем сейчас» [6].

Министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу, выступая на встрече, назвал Тюркский совет «семейным собранием», и объясняя изменение его названия на Организацию тюркских государств, сделал следующее заявление: «Этот успех принадлежит всем нам. Сейчас мы находимся накануне важной трансформации, чтобы адаптироваться к меняющемуся миру. Мы разные ветви великого дерева, питаемые одним и тем же корнем. По мере того, как мы укрепляем наше единство, не забывая о наших корнях, мы будем увеличивать нашу международную мощь» [6].

Итак, начинается третий этап интеграции тюркских государств с 2021 г., географическое пространство ОТГ расширяется и начинается активное сотрудничество и интеграция тюркских государств.

На Самаркандском саммите, состоявшемся в 2022 году, Турецкая Республика Северного Кипра была принята в организацию в качестве члена-наблюдателя. Эта ситуация была встречена общественностью с большим энтузиазмом [7].

Государства-члены ОТГ принимают цели и принципы на базе Устава Организации Объединенных Наций, а также другие общепризнанные принципы международного права.

Основная цель организации: углублять всестороннее сотрудничество между тюркоязычными государствами и способствовать региональному и глобальному миру и стабильности. Государства-члены также твердо привержены фундаментальным принципам, таким как демократия, уважение прав человека, верховенство закона и надлежащее управление. Сотрудничество между странами ОТГ заключается в особой солидарности, вытекающей из общности истории, культуры, самобытности и языкового единства тюркоязычных народов стран-участниц.

Флаг ОТГ содержит символы государств-членов. Он берет свой цвет от флага Казахстана, солнце посередине от флага Кыргызстана, полумесяц от турецкого флага и 8-конечная звезда от флага Азербайджана [8].

В состав органов ОТГ помимо вышеназванных организаций входят еще Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Совет старейшин, Совет старших должностных дел и Секретариат, а в состав вспомогательных органов — Парламентская ассамблея тюркоязычных государств, Центр изучения тюркского мира, Международная организация тюркской культуры, Международный Фонд Тюркской культуры и Наследия, Тюркский деловой совет, Союз тюркских университетов, Тюркская Торгово-промышленная палата, Тюркская библиотека, Тюркский музей и др. Совет глав государств является главным директивным органом, который рассматривает и принимает основные решения и программные документы, в то время как другие органы отвечают за планирование и организацию конкретных вопросов сотрудничества в различных областях, а вспомогательные органы являются органами реализации конкретных программ. Стоит отметить, что вышеупомянутые учреждения рассредоточены по разным странам. Например, Секретариат находится в Стамбуле, Международная Тюркская академия — в Нур-Султане, Международная организация тюркской культуры — в Анкаре, а Парламентская ассамблея тюркоязычных государств — в Баку [9].

На саммите в 2021 г., когда был переименован Тюркский совет в ОТГ, была принята стратегическая программа «Концепция тюркского мира до 2040 года», которая обозначила приоритеты в сотрудничестве стран ОТГ. Данный документ включает в себя достижение свободного движения товаров, капитала, услуг, технологий и рабочей силы внутри ОТГ.

В своем интервью профессор Дженгиз Томар считает, что для претворения в жизнь особо важных решений необходимо принять дорожную карту, и в данном случае такой дорожной картой стала «Концепция тюркского мира до 2040 года». Если странам удастся реализовать до 2040 года детальную концепцию, охватывающую все сферы жизни, будет достигнута интеграция тюркского мира, и экономическая интеграция составляет наиболее весомую часть концепции, — отметил он [10].

Тюркские государства обладают большим экономическим и социальным потенциалом и углубляется экономическое сотрудничество. В совокупности это соответствует населению в 170 миллионов человек, широкой географии в 4,5 миллиона квадратных километров и размеру экономики более 1,5 триллиона долларов. Это делает тюркские государства 13-й по величине экономической группой в мире [11].

Профессор Томар также подчеркнул, что данный документ выходит конечно же за рамки экономической интеграции, так как в нем особое внимание уделяется различным областям правильного управления, таким как поддержка экономических и социальных реформ, верховенство закона, ин-

кклюзивные структуры, прозрачность, эффективность, гендерное равенство, подотчетность и борьба с коррупцией.

По мнению профессора, поддержка данного потенциала тюркских государств, обладающих богатым историческим и культурным наследием, посредством совместных туристических проектов и Шелкового пути, может стать одной из основных движущих сил организации с экономической точки зрения.

Он также отметил, что в настоящее время больше всего проблем в тюркском мире наблюдается в транспортной и таможенной сферах и «Концепция тюркского мира до 2040 года» открывает существенные возможности, в частности, в ней предусматривается устранение экономических преград на пути торговли по коридору Восток-Запад через Каспийское море. Государства-члены призывают к интеграции своих цепей поставок в «Тюркский коридор», где таможенные процедуры при пересечении границ будут упрощены и гармонизированы» [10].

Одним из значимых решений было создание Тюркского инвестиционного Фонда, первого финансового института в рамках Тюркского мира [12]. Также формирование общего информационного пространства Тюркского мира является одной из важных задач Организации. Развитие цифровых технологий в современном мире привело к беспрецедентному увеличению влияния СМИ, особенно социальных сетей, в формировании общественного мнения и сознания. В ходе 3-го заседания министров в сфере СМИ в апреле 2022 года в Баку стороны одобрили «План действий на 2021–2022 гг.» и договорились о создании Координационного комитета по работе со СМИ. Сейчас также идет активная проработка создания единого «Международного тюркского новостного канала» и укрепления сотрудничества между информационными агентствами и национальными телеканалами [13].

Динамику в интеграции тюркских государств можно увидеть еще и в том, что Туркменистан, который долгое время придерживался строгого нейтралитета, только в 2022 году согласился на статус наблюдателя.

Туркменистан играет важную роль в «смычке» европейских и азиатских тюркских стран в реализации проектов, связанных с транзитом между Европой и Азией и выходом на мировые рынки. Реализовать их возможно и без Туркменистана, но именно через эту страну пролегают наиболее оптимальные маршруты в Центральной Азии. В частности, можно отметить эффективность построенного нового порта, точнее, через него проходит самый короткий маршрут из всех действующих маршрутов по всей Центральной Азии (включая Афганистан) [15].

У каждого тюркского государства помимо своих собственных имеются и другие интересы в региональном и глобальном уровнях. В первую очередь, экономическое сотрудничество интересно всем, а геополитические и военные стороны взаимодействия вряд ли будут одобрены одновременно всеми участниками. Каждая из стран сотрудничает не только с Турцией и тюркскими государствами. Например, Кыргызстан и Казахстан являются членами ОДКБ. Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан входят в ШОС, Турция — в НАТО и т.д. Поэтому пока ОТГ позиционирует себя как организация, которая ведет деятельность в социально-экономической, культурно-гуманитарной и научно-технической сферах и противоречия в этих сферах между странами-участницами будут сведены к минимуму, но как только встанет вопрос о единой военно-политической поддержке — могут возникнуть разногласия вплоть до прекращения сотрудничества. На современном этапе кроме тюркской интеграции важнейшую роль для всей Евразии играет «интеграция большой Евразии». Это можно рассмотреть как в континентальном, глобальном и региональном контексте. В этой схеме можно логично увидеть взаимодействие с ЕАЭС, арабским миром, а также с ШОС и в геоэкономическом мегапроекте, «Один пояс — один путь» и т.д.

Что касается перспектив развития ОТГ, то необходимо отметить, что у Организации громадный потенциал и его реализация будет зависеть от того, как именно он будет реализовываться, на какие конкретно механизмы и инструменты будут опираться тюркские государства для достижения стратегических приоритетов, обозначенных в «Концепции Тюркского мира до 2040 года», принятой на Стамбульском саммите в 2021 году. На фоне геополитических процессов большие перспективы открываются для сотрудничества тюркских государств, в том числе в энергетической сфере. Уже реализуются такие крупные энергетические проекты, как нефтепровод «Баку — Тбилиси — Джейхан» и Трансанатолийский газопровод (TANAP). Кроме того, важно сотрудничество в транспортной и логистической сферах, что повысит продуктивность «Срединного коридора» [16] и т.д.

Но можно увидеть и противоречивые взгляды относительно перспективы ОТГ. Например, Чжан Юйянь — ученый из Китая в своем исследовании отметил, что перспективы развития ОТГ ограничены рядом субъективных и объективных условий. И он перечислил ряд факторов, которые могут воспрепятствовать стабильному развитию ОТГ. Например, членам ОТГ не хватает мотивации участия в Организации, что сдерживает ее развитие; ОТГ не обладает непрерывным географическим пространством, что является одним из объективных препятствий, затрудняющих процесс тюркской интеграции; разнообразие геополитических и геоэкономических интересов стран-членов и стран-наблюдателей ослабляет эффективность их коллективных действий; усилия новых независимых государств по созданию титульной нации несколько противоречат целям тюркской интеграции; практика показывает, что попытки интеграции государств Центральной Азии за последние три десятилетия оказались неудачными, а стремление ОТГ к интеграции в более широком пространстве является отдаленной целью; тюркской интеграции не хватает сильной руководящей силы. Экономические размеры Турции вряд ли достаточны для поддержки всего тюркского мира, и ее культурная привлекательность не настолько сильна, чтобы доминировать в ОТГ [9].

В заключение можно сказать, что в последние годы географическое пространство Организации тюркских государств расширяется, охватывая стратегически важные регионы, также создана качественно новая модель регионального взаимодействия, имеет огромный потенциал и все условия для построения стабильной интеграции в Евразии. Сегодня интеграция тюркских государств институционализирована, имеет четкую стратегию развития, где приоритетом которой является экономическое взаимодействие. В реальности есть и риск в дальнейшем устойчивом развитии ОТГ, но если члены ОТГ будут думать в одном направлении и принимать адекватные решения относительно перспективы Организации, то можно преодолеть все препятствия. И как свидетельство этого вывода можно сказать, что ОТГ утверждается и становится одной из ведущих силой в интеграционных процессах в Евразии. За последние годы сотрудничество между странами ОТГ приобрело более прагматичный и содержательный характер. Если на первых этапах ключевое значение придавалось активизации культурно-гуманитарных связей, то к настоящему времени на передний план вышли вопросы укрепления торгово-экономических и инвестиционных связей, а также развития трансконтинентальных транзитных коридоров.

Список использованных источников и литературы

1. Zirveler. URL: <https://www.turkicstates.org/tr/zirveler> (дата обращения: 09.03.2023).
2. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). URL: <https://wiki2.org/ru>
3. Международная организация тюркской культуры (ТюрКСОЙ) [Электронный ресурс]. Официальный сайт Тюркской.
4. Академия тюркского мира открылась в столице Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuva.asia/news/asia/1808-kz.html> (дата обращения: 09.05.2016). Международная тюркская академия [Электронный ресурс] <http://ru.knowledgr.com/19685941/%> <http://ru.knowledgr.com/19685941>
5. Организация тюркских государств: горизонты интеграции и перспективы участия России. URL: <https://caspian.institute/product/direkciya-mezhdunarodnyh-programm-kisi/organizaciya-tyurkskih-gosudarstv-gorizonty-integracii-i-perspektivy-uchastiya-rossii-38371.shtml> (дата обращения: 16.11.2022).
6. Türk Devletleri Teşkilatı üyeleri kimler? Türk Devletleri Teşkilatı ülkeleri hangileri? URL: <https://www.yurtgazetesi.com.tr/guncel/turk-devletleri-teskilati-uyeleri-kimler-turk-devletleri-teskilati-ulkeleri-h191288.html>
7. İşbirliği Alanları. URL: <https://www.turkicstates.org/tr/isbirligi-alanlari#1-siyasi-isbirligi> (дата обращения: 09.03.2023).
8. Türk Devletleri Teşkilatı nedir, hangi ülkelerden oluşur? Türk Devletleri Teşkilatı amaçları nelerdir? URL: <https://www.tgrthaber.com.tr/aktuel/turk-devletleri-teskilati-nedir-hangi-ulkelerden-olusur-turk-devletleri-teskilati-amaclari-nelerdir-2803690>.
9. Чжан Юйянь Организация Тюркских Государств (ОТГ): происхождение, мотивы, особенно сти и влияние // Вестник Пермского университета. Политология. — Т. 17. — № 1. — 2023. — С. 78–87.
10. «Концепция тюркского мира до 2040 года» и перспективы развития. URL: <https://www.infoabad.com/218-konsepција-tyurkskogo-mira-do-2040-goda-i-perspektivy-razvitija.html>
11. Türk Devletleri Teşkilatı: Stratejik Bir Bakış. URL: <https://kriterdergi.com/dosya-turk-devletleri-teskilati/turk-devletleri-teskilati-stratejik-bir-bakis>

12. Организация тюркских государств создала Тюркский инвестфонд. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/03/17/organizaciya-tyurkskih-gosudarstv-sozdala-tyurkskiy-investfond>
13. Türk birliği. URL: https://www.ahiska-gazeta.com/cms/uploads/file_1661444411_207096308.pdf
14. Парламентская ассамблея тюркоязычных стран. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1847073>
15. Сотрудничество тюркских государств и геополитика Евразии. URL: <https://caliber.az/print/122401/>
16. В Анкаре состоялся Внеочередной саммит глав государств ОТГ на тему «Управление чрезвычайными ситуациями и гуманитарная помощь». URL: <https://yuz.uz/ru/news/v-ankare-sostoyalsya-vneocherednoy-sammit-glav-gosudarstv-otg-na-temu-upravlenie-chrezvchaynmi-situatsiyami-i-gumanitarnaya-pomo> (дата обращения: 17.03.2023).

Сведения об авторах: Омурова Жамыйкат Орозбековна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: jamyikat2012@gmail.com

Шаршембиева Таалай Султановна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социальных исследований НАН КР, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: shartaalay@mail.ru

УДК 371.313

С. Т. Сагитов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В данной статье рассмотрены проблемы и перспективы полилингвального и поликультурного образования в РФ, приводится опыт введения полилингвальных моделей обучения в школах, а также анализ современных исследований и публикаций, которые обозначили неразрешенные аспекты полилингвального образования. Разработанный диагностический аппарат, представленный в данной статье, позволяет провести сравнительно-сопоставимый сбор данных в 7 регионах страны и выделить три модели, используемые в настоящее время в полилингвальном образовании.

Ключевые слова: полилингвальная модель образования, поликультурный социум, родной язык, иностранный язык, многонациональность, национальные школы.

S. T. Sagitov

Bashkir State Pedagogical University n. a. M. Akmulla (Ufa, Russia)

MULTILINGUAL EDUCATION IN A MULTICULTURAL SOCIETY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract. This article discusses the problems and prospects of multilingual and multicultural education in the Russian Federation, provides the experience of introducing multilingual models of education in schools, as well as an analysis of modern research and publications that have identified unresolved aspects of multilingual education. The developed diagnostic apparatus presented in this article allows for comparatively comparable data collection in 7 regions of the country and identifies three models currently used in multilingual education.

Keywords: multilingual model of education, multicultural society, native language, foreign language, multinational, national schools.

Одним из важнейших и неотъемлемых элементов культуры является язык. Уменьшение присутствия языка в различных сферах жизнедеятельности человека способно привести не только к сокращению, но и в дальнейшем к отказу от его использования. Учитывая то, что язык является одним из важнейших элементов самоопределения индивида по национальному признаку, можно утверждать, что исчезновение языка влечет за собой исчезновение этноса как такового. Именно поэтому вопросы сохранения языков сегодня, в период глобализации и интенсивной цифровизации, приобретают особый оттенок, играют важную роль в определении векторов дальнейшего развития разных социальных общностей, особенно в такой многонациональной стране, как Российская Федерация.

Согласно классификации, принятой ЮНЕСКО [1], все языки в зависимости от ряда факторов (абсолютное количество носителей языка, передача языка следующему поколению, сфера использования языка, административное использование языка, степень его документирования и др.) разделяются на шесть категорий:

- находится в безопасности;
- положение вызывает опасение;
- находится под угрозой исчезновения;
- находится в серьезной опасности;
- находится в критическом состоянии;
- язык исчез.

Всего атлас ЮНЕСКО [2] за 2020 год из более чем 6 тысяч языков, существующих в мире, признает исчезающими 2,5 тысячи [3]. Также по экспертной оценке Института языкознания РАН, в России насчитывается 151 язык, из которых 18 находятся на грани исчезновения [4]. При этом на территории Российской Федерации в XX–XXI вв. исчезли 14 языков, половина которых — уже в постсоветский период. Из оставшихся языков России, в соответствии с Атласом исчезающих языков мира, изданным ЮНЕСКО в 2020 году, 136 языков народов и народностей России, находятся в той или иной степени под угрозой: вызывает опасение состояние 20 языков (в том числе башкирский, кабардино-черкесский, чеченский, якутский); под угрозой исчезновения — 49 (в том числе чувашский, удмуртский, калмыцкий); в серьезной опасности — 20 (в том числе карельский, чукотский), в критическом состоянии — 22 языка и 20 языков уже признаны исчезнувшими.

Одной из форм, позволяющих обеспечить развитие языков, является полилингвальная модель образования в поликультурных обществах, которая актуальна для большого количества стран, ибо полилингвальное обучение рассматривает возможность сохранения языков меньшинств, истории общества, культуры и обычаев [5]. С 2021 года научным коллективом БГПУ им. М. Акмуллы проводится исследование, объектом которого выступают полилингвальные модели поликультурного образования, реализуемые в средних общеобразовательных организациях ряда регионов Российской Федерации. Хотелось бы отметить, что вопросы полилингвального образования актуальны для всех регионов и территориальных общностей нашей страны: республик, краев и областей; для мегаполисов и крупных городов, для малых городов и сельских поселений и т. п. При этом выстраивание образовательной политики не зависит от обстоятельств, при которых сложилась полиэтничность населения. Если на некоторых территориях многонациональность образовалась в XX веке (например, Москва и Тюменская область) в результате миграционных процессов, обусловленных экономическими аспектами развития, то на других формирование проходило в течение долгого периода времени и сегодня трактуется как «исторически сложившаяся» (например, национальные республики) многонациональность. Вместе с тем организация полилингвального образования в каждом регионе страны имеет свои особенности, зависящие от целого ряда причин.

Можно назвать целый ряд факторов, влияющих в целом на систему образования того или иного региона России: это инфраструктура социальных институтов образования и науки, культуры и религии, уровень урбанизации и развития средств производства региона и т. д. Естественным образом все это накладывает отпечаток и на организацию своей уникальной системы полилингвального об-

разования [6, с. 38]. Разработанный диагностический аппарат позволил провести сравнительно-сопоставимый сбор данных в семи регионах страны и выделить три модели, применяемые в настоящее время в полилингвальном образовании:

- «родной язык — русский язык — иностранный язык»;
- «русский язык — родной язык — иностранный язык»;
- «русский язык — родной язык и иностранный язык».

Все три модели построены с методической стороны — на реализации ФГОС начального и основного общего образования (уровень среднего общего образования в учреждениях анализируемых регионов не представлен), с идейно-содержательной стороны — на формировании общероссийской гражданской идентичности, интегрировавшей в себя национальные культуры народов России и являющейся неотъемлемой частью мировой культуры. Стоит отметить, любая модель не предполагает организацию разных обособленных компонентов в контексте «регион-страна», а, наоборот, обеспечивает включение регионального контента образования в федеральный компонент, что обеспечивает самоидентификацию обучающихся как на регионально-территориальном, так и на общенациональном уровнях.

В общем плане выбор той или иной модели учреждениями образования определяется двумя факторами:

- 1) уровнем институциональной поддержки региональных властей;
- 2) степенью владения учащимися родным и русским языками.

В целом опыт введения полилингвальных моделей обучения в школах исследуемых регионов в целом оценивается и учителями, и школьниками старших классов как положительный, ибо обеспечивает лучшее усвоение материала, особенно в начальной школе. Вместе с тем указывается целый ряд проблемных зон, среди которых в первую очередь — это педагогические кадры, способные вести образовательную деятельность (особенно в предметных линейках) одинаково качественно и на русском, и на родном, и на английском языках. Проблема усугубляется тем, что полилингвальные школы находятся только в стадии развития, и учреждения высшего образования не готовят универсальных языковых и предметных специалистов, а переподготовка требует времени. Второй проблемный вопрос — издание учебников и учебных пособий на родных языках, которые для отдельных регионов, может, и не составляют больших финансовых затруднений, но для большинства регионов вопросы финансирования изданий для полилингвальных школ, несмотря на глубокую методическую проработку вопроса или частичную разработанность методического обеспечения, стоят достаточно остро ввиду дефицита региональных бюджетов. Третий блок вопросов касается отсутствия системы повышения квалификации для действующих педагогов в рамках полилингвальной модели, а также ситуация с грамматической составляющей русского и иностранных языков.

Язык, в частности русский, сегодня служит не только элементом социальной системы, но и инструментом государственной политики, направленной на укрепление позиций страны в мировом геополитическом масштабе. Поэтому в Основах государственной культурной политики России в качестве одной из основных задач выделено сохранение русского языка и языков народов России, отечественной литературы и фольклора.

Хотелось бы обратить внимание, что в 2023 году были внесены изменения в Основы государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808. Первый момент касается того, что в качестве одного из 10 принципов государственной культурной политики выделен принцип сохранения культурной самобытности всех народов и этнических общностей Российской Федерации, этнокультурного и языкового многообразия и подчеркнута необходимость создания условий для сохранения многоязычия. Также в качестве новой задачи можно отметить организацию и поддержку работ в области научного изучения русского языка и языков народов Российской Федерации, их грамматической структуры и функционирования, исследования устной и письменной речи, создания академических словарей, грамматик и электронных лингвистических корпусов.

Второй момент — включение новой задачи, которая сформулирована как «защита и поддержка русского языка как государственного языка Российской Федерации, обеспечение соблюдения норм современного русского литературного языка (в том числе недопущение нецензурной лексики) и про-

тивоедействие излишнему использованию иностранной лексики». Уже сегодня в русском языке бесчисленное количество заимствований, и с каждым днем оно только растёт.

Сегодня в мире, где процессы глобализации постепенно охватывают все больше сторон жизнедеятельности социума, вопросы сохранения и развития языков стоят особо остро. Если английский язык не имеет особых проблем для своего существования ввиду того, что признан международным языком общения, а, например, китайский язык имеет громадное количество носителей, то позиции русского языка достаточно шатки. С одной стороны, 145 миллионов россиян — это не так много в мировом масштабе, и происходящие демографические процессы говорят о том, что в ближайшее время резкого увеличения численности населения ожидать не стоит. С другой стороны, языковая ситуация во многих странах, где русский язык и кириллица традиционно имели сильные позиции, в настоящее время изменилась, и положение русского языка заметно ухудшилось.

Проведенное исследование показало, что единой действенной модели по развитию полилингвального обучения в Российской Федерации на сегодняшний момент нет. А она просто необходима, ибо это позволит не только увеличить количество носителей родных языков, но также обеспечить повышение уровня владения русским языком. А значимость языка как одного из важнейших элементов культуры трудно переоценить как в развитии любого социума, так и в становлении российской государственности и национальной самоидентификации.

Список использованных источников и литературы

1. The UNESCO Atlas of the world's languages in danger: context and process. — University of Cambridge Museum of Archaeology and Anthropology, 2012.
2. Информационный портал UNESCO. URL: <https://ru.unesco.org/news/rasskazhite-nam-o-svoem-yazyke-primate-uchastie-v-sozdanii-vsemirnogo-atlasa-yazykov-yunesko> (дата обращения: 03.02.2016).
3. UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger (англ.). URL: <https://en.unesco.org/open-access/file/341> (дата обращения: 03.02.2016).
4. Federal Agency for Nationalities. URL: <https://fadn.gov.ru/system/attachments/attaches/000/029/833/original/aakibrikashldialforum2018.ppt?154239173> (дата обращения: 03.02.2016).
5. Zhang L., Tsung L. Bilingual education and minority language maintenance in China the role of schools in saving the Yi language. — Cham: Springer, 2019. — 178 p.
6. Ялалов Ф. Г. Основы полилингвального образования: монография. — Казань: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2021. — 192 с.

Сведения об авторе: *Сагитов Салават Талгатович*, кандидат социологических наук, доцент, ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, e-mail: office@bspu.ru

СЕКЦИЯ 3. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 340.130.5

В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

*Исследование подготовлено в рамках госзадания Алтайского государственного университета
«Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности»
(проект номер — 749715Ф. 99.1 ББ97АА00002)*

Аннотация. Историческое развитие и культурно-правовые традиции Республики Узбекистан оказали существенное влияние на становление и совершенствование ее правовой системы. Самобытная по содержанию, она отражает сопряженный с укреплением национальных узбекских и общеисламских обычаев переход от социалистического к другому типу. Современная политика государства направлена на создание стабильной правовой системы путем законодательного закрепления и упрочения общественных отношений и социальных ценностей. Понимание особенностей правовой системы Республики Узбекистан необходимо для квалифицированного анализа законопроектов, для принятия взвешенного решения о целесообразности рецепции, грамотного преодоления текущих проблем и реальной оценки правосознания узбекского народа.

Ключевые слова: евразийская интеграция, узбекское право, традиции, славяно-тюркское единство, суверенитет.

V. V. Sorokin

Altai State University (Barnaul, Russia)

ON THE FEATURES OF THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Abstract. The historical development and cultural and legal traditions of the Republic of Uzbekistan have had a significant impact on the formation and improvement of its legal system. Original in content, it reflects the transition from the socialist to another type associated with the strengthening of national Uzbek and Slavic customs. The modern policy of the state is aimed at creating a stable legal system through the legislative consolidation and consolidation of public relations and social values. Understanding the peculiarities of the legal system of the Republic of Uzbekistan is necessary for a qualified analysis of draft laws, for making a balanced decision on the expediency of reception, competently overcoming current problems and a real assessment of the legal consciousness of the Uzbek people.

Keywords: Eurasian integration, Uzbek law, traditions, Slavic-Turkic unity, sovereignty.

Узбекское право в своем развитии прошло несколько этапов, каждый из которых сыграл значительную роль в формировании правовой системы государства.

В самый древний период, называемый также эпохой туранской цивилизации, территория расселения предков узбеков последовательно входила в состав многообразных государств, в результате чего осуществлялось взаимодействие и в некоторой степени происходило смешение различных правовых традиций и национальных ценностей. Этому же способствовало и выгодное географическое положение Узбекистана. Он был одним из важнейших связующих звеньев Великого шелкового пути, где соприкасались культуры передовых восточных и западных цивилизаций, пересекались основные, известные на тот момент, мировые религии, языки и нации. Как результат, сложился достаточно высокий для того времени уровень правовой культуры узбекского народа, сформировались развитый механизм и гарантии защиты прав и законных интересов субъектов правоотношений. Главным правовым актом, которым руководствовались в процессе регулирования общественных отношений, стала священная книга зороастризма — «Авеста». Были широко распространены и пользовались авторитетом также политико-правовые идеи Платона, Аристотеля, правовые нормы эллинистических полисов и Тюркского каганата.

Второй период охватывает изменения, наблюдавшиеся в правовой системе Узбекистана с момента арабского завоевания, относящегося к VII–VIII векам, и до второй половины XIX века. В это время утвердилось господство мусульманского права ханифитского толка, которое оказало существенное влияние на «исторические, культурные, национальные и правовые традиции, нравственные представления людей и их быт» [1, с. 37]. Регулирование вопросов частного права, ведение судопроизводства (в том числе по уголовным делам) осуществлялись на основании предписаний Шариата. Тем не менее укоренение исламского наследия в Мавераннахре (территории, где проживал узбекский народ) происходило не безусловно и не целиком, то есть не посредством вытеснения культурных и юридических традиций узбеков, а путем одновременного сосуществования с нормами местного обычного права (адата). При разрешении конкретных юридических дел судьи и духовные лица ссылались на сочинения мусульманских факихов, разъяснявшие требования Шариата и таким образом выступавшие источником действующего права. «Именно их работы оказали значительное влияние на развитие мусульманской культуры и юриспруденции» [1, с. 40].

С момента вхождения территорий Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств в состав Российской Империей, принято выделять третий — российский период эволюции правовой системы Республики Узбекистан. Для этого этапа характерны распространение законов Российской империи и их функционирование наряду с многочисленными актами регионального действия. Мусульманские установки продолжали играть центральную роль в обыденной жизни и в правовом регулировании.

С 1917 года, когда была образована Туркестанская АССР, а на ее территории установлена советская власть, начали оформляться социалистические атрибуты правовой системы. На территории Узбекистана действовали Кодекс законов о труде, Уголовный кодекс, Земельный кодекс, принятые в 1922 году, а параллельно шариатские нормы сохраняли свою силу в семейной и бытовой сфере. «Допускалась деятельность казийских судов, признавались гражданские права и функции исламских законоведов, лояльно относившихся к советской власти» [1, с. 42]. В 1924 г. была образована Узбекская ССР. В последующие годы проводились кодификации отраслей узбекского права, принимались Конституции (1927 г., 1937 г., 1978 г.), законы и подзаконные акты, отвечающие интересам строительства советского государства: плановой экономике, утверждению монополии единственной партии и идеологическому диктату. В результате сложилась современная для той поры кодифицированная система права, нормы которой не противоречили национальным особенностям узбекского народа. Длительное нахождение Республики в составе СССР не могло не повлиять на правовую культуру нации в целом.

31 августа 1991 года, когда Узбекистан вышел из состава Советского Союза, начала формироваться действующая правовая система страны. Это событие открыло путь новому этапу развития правовой системы Республики, базирующейся на процессах значительных заимствований западно-европейской и американской юриспруденции. В результате в праве Узбекистана стало меньше собственного национального колорита, чем в советский период развития.

Ратифицированные Узбекистаном и благотворно влияющие на его политику международные договоры имеют приоритет над внутренним нормативно-правовым массивом. На этой юридической

основе коллективный Запад предпринимал попытки вовлечь Узбекистан в свой глобалистский проект — для этого западные эмиссары продвигали программы сплошной цифровизации правовых отношений, тотального внедрения английского языка, рекламу потребительского внесемейного образа жизни, вытеснения веры и национальных традиций узбекского народа.

Специфической чертой новейшего периода является существенное обновление всего законодательства, начиная от Конституции, закрепившей основные принципы и институты правового государства, и заканчивая другими законодательными актами. Вместе с тем сохраняют свое значение до настоящего времени правовые нормы бывшего Советского Союза, отвечающие национальным запросам и не противоречащие действующему законодательству (например, законодательство о транспорте). В качестве дополнительного источника права выступают обычаи делового оборота, а при наличии пробелов также местные традиции и постановления Верховного Суда. «Расширяется сочетание частно-правовых и публично-правовых подходов правового регулирования в различных областях узбекского права» [2, с. 80].

В Узбекистане, несмотря на вызовы глобализации мира, правосознание узбекского народа сохранило укоренившиеся в далеком прошлом мусульманские традиции, обычаи и моральные ценности, характерные для их образа жизни общинность и патернализм государства. Религиозные принципы, воспринимаясь неотъемлемой частью культуры народа, выступают своеобразным ориентиром в их повседневной жизни, критерием духовно-нравственного состояния общества.

В период перехода к рыночной экономике наметилась тенденция к формированию системы рыночного законодательства, закрепляющего свободу частной собственности и предпринимательской деятельности (в особенности путем установления привилегий для собственников-предпринимателей) и создающего основу для энергичной конкуренции. В этой сфере в Республике Узбекистан были приняты Гражданский кодекс (1994 г.), законы «О собственности» (1920 г.), «О залоге» (1992 г.), «О дехканском хозяйстве» (1998 г.), «Об ограничении монополистической деятельности» (1994 г.) и т.д. Все эти нормативные акты отвечают целям достижения макроэкономической модели, «углубления структурных и институциональных преобразований, повышения конкурентоспособности производимой продукции» [2, с. 79].

Развивая и подтверждая конституционное положение о статусе Узбекистана как полноправного субъекта международных отношений, властные структуры проводят политику укрепления суверенитета и безопасности государства, обеспечения межнационального согласия и религиозной толерантности, создания приграничного пояса дружественных стран. С этой целью Узбекистан принимает активное участие в работе международных организаций (в том числе через присоединение к СНГ, ШОС, ООН, ОДКБ, ОБСЕ), заключает международные договоры, расширяет экономическое сотрудничество и выдвигает инициативы глобального значения. Так, по предложению Узбекистана в 2021 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята специальная Резолюция об объявлении региона Приаралья зоной экологических инноваций и технологий.

Несмотря на углубление взаимодействия Республики Узбекистан не только со среднеазиатскими странами, но и с государствами Европы, распространенные там взгляды, принципы и идеалы не поколебали исконно национальное мировоззрение узбекского народа. В силу этого очевидная тенденция развития правовой системы Узбекистана связана со стремлением сохранить самобытность узбекского народа, его образование, язык и культурное наследие, укрепить патриотизм, повысить правосознание и правовую образованность граждан. В соответствии с указом Президента Республики Узбекистан основной задачей в этом направлении является упрочение жизненной идеи: «Утверждение в обществе духа уважения к законам — залог построения демократического правового государства» [3, с. 22]. В то же время разрабатываются способы совершенствования профессионального обучения юристов, осваиваются специальные курсы подготовки, переподготовки и повышения квалификации юридических кадров, создаются оптимальные условия для проведения научных исследований в области права.

Другая тенденция связана с модернизацией правовых основ государственного строительства. Были приняты нормативно-правовые акты, направленные на формирование новых институтов и принципов государственной власти, на усовершенствование правового государства и гражданского общества (был образован особый орган самоуправления — махалля). Появились конституционные

законы «Об Олий Мажлисе Республики Узбекистан» и «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», законы «О судах», «О государственной власти на местах», «О референдуме».

Можно наблюдать расширение сфер реализации социальных функций государства и обеспечение конституционных и юридических прав человека. Это заметно определяется теми вносимыми в законодательный массив преобразующими нормами, которые гарантируют защиту прав человека и гражданина, свободу слова, совести, печати и вероисповедания. В данном случае существенное значение оказало проведение 30 апреля 2023 года всенародного референдума по проекту Конституционного закона «О Конституции Республики Узбекистан», вступившего в силу на следующий день после его одобрения 90,21% избирателей, принявших участие в голосовании (при явке 84,54%). В результате были значительно расширены пункты, признающие равноправие в положении мужчины и женщины (ст. 19, ст. 42, ст. 58) и закрепляющие доступность бесплатного образования (ст. 50, ст. 51); установлена ответственность за вмешательство в деятельность средств массовой информации (ст. 82) и утвержден запрет на принудительный детский труд (ст. 44). В статью 1 Конституции было добавлено, что Республика Узбекистан является светским и социальным государством. Объявлен запрет смертной казни (ст. 25), значительно увеличен объем прав и гарантий защиты обвиняемых (ст. 29), предусмотрена исключительная прерогатива суда ограничивать право собственности и тайну переписки (ст. 31), что в целом отвечает сущности правового государства. Изменились и некоторые положения в отношении органов государственной власти. В частности, был гарантирован равный доступ граждан к государственной службе (ст. 37), сократилась численность сенаторов до 65 человек (ст. 92) и увеличился до 7 лет срок полномочий Президента (ст. 106). Кроме того, Президент Узбекистана подписал конституционный закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты», позволяющий главе государства объявлять досрочно президентские выборы.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что преобразования и изменения, происходящие в правовой системе Республики Узбекистан, направлены, прежде всего, на совершенствование действующих и утверждение новых демократических норм и социально-правовых гарантий.

Таким образом, в результате длительного развития в Республике Узбекистан сложилась уникальная правовая система, вобравшая в себя черты национального и зарубежного права. Несмотря на глобальные перемены, постоянно происходившие в политической и экономической сферах, духовно-правовая культура узбекского народа не претерпела существенных изменений [4, с. 122]. Как и много веков назад, религиозные нормы играют важную роль в регулировании общественных отношений, в усвоении позитивных нравственных ценностей, побуждающих граждан к достойному поведению и к соблюдению правовых предписаний. Единый народ, храня и передавая историческую память, развивает правовую систему посредством поиска наиболее действенных форм правового регулирования, расширения сфер международного сотрудничества и законодательного закрепления правовых ценностей и идеалов человеческой цивилизации. Деятельность властных органов и должностных лиц направлена на повышение уровня правосознания граждан, на обеспечение общественной безопасности и правопорядка, на создание условий, способствующих наиболее полной реализации законных прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников и литературы

1. Аймуратов С. Б. Становление правовой системы Республики Узбекистан // Мировая наука. — 2022. — № 5. — С. 37–41.
2. Бегимова Д. К. Особенности развития экономики Республики Узбекистан // Символ науки. — 2019. — № 5. — С. 78–80.
3. О коренном совершенствовании системы повышения правосознания и правовой культуры в обществе: Указ Президента Республики Узбекистан от 09.01.2019 г. № УП-5618-сон // Национальная база данных законодательства. — 2019. — № 06/19/5618/2452. — П. 1.
4. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под ред. В. А. Туманова. — М.: Юристъ, 2003. — 448 с.

Сведения об авторе: *Сорокин Виталий Викторович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: sorokin.v.v@yandex.ru

УДК 340.15

Ю. А. Зеленин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ АЛЬ-ФАРАБИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Идентификация мировоззренческой основы политико-правовых взглядов великого философа Аль-Фараби до сих пор представляет собой определенную сложность. Автор статьи приходит к выводу о том, что по вопросу мировоззренческой идентификации политико-правовых взглядов Аль-Фараби сложилось два основных направления. Одни исследователи делают акцент на светской (атеистической, гуманистической, просветительской или надрелигиозной) основе его политико-правового учения, отмечая его прогрессивную с элементами утопизма направленность. Другие же отмечают религиозный характер его философии в целом и его политико-правовой доктрины в частности. В отечественном фарабиеведении преобладает первое направление.

Ключевые слова: Аль-Фараби, политико-правовое учение, религия, ислам, гуманизм, просвещение.

Yu. A. Zelenin

Altai State University (Barnaul, Russia)

THE PROBLEM OF IDEOLOGICAL IDENTIFICATION OF POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF AL-FARABI

Abstract. Identification of the worldview basis of political and legal views of the great philosopher Al-Farabi still represents a certain complexity. The author of the article comes to the conclusion that, on the issue of worldview identification of political and legal views of Al-Farabi, two main directions have been formed. Some researchers emphasise the secular (humanistic, enlightenment, supra-religious) basis of his political and legal doctrine, noting its progressive with elements of utopianism. Others note the religious character of his philosophy in general and his political and legal doctrine in particular. The first direction prevails in Russian Farabiyan studies.

Keywords: Al-Farabi, political and legal doctrine, religion, Islam, humanism, enlightenment.

Политико-правовые взгляды великого философа Абу Насра Мухаммада ибн Узлага аль-Фараби (870–950), которые составляют одну из важнейших частей его философской доктрины, являются предметом неустанного внимания исследователей на протяжении нескольких столетий. В то же время определение мировоззренческой основы его политико-правовой доктрины и их оценка до сих пор представляют собой определенную сложность. Всех исследователей условно можно поделить на две большие группы — одни идентифицируют его политико-правовые взгляды как преимущественно светские (атеистическое, гуманистические, просветительские, надрелигиозные и т. п.), а другие — как религиозные.

Начнем с первой группы. Одним из первых сторонников этой точки зрения является выдающийся мыслитель и теолог Абу Хамида аль-Газали (1058–1111), отстаивавший позиции исламской ортодоксии в своем труде «Крушение позиций философов». По его мнению, Аль-Фараби, как и другие представители аль-фальсафы, являются группой людей, «убежденных в превосходстве своего интеллекта и проницательности над всеми их оппонентами» [1, с. 29]. Он считает, что они полностью отвергли требования ислама в части служения богу, выстроив свою позицию на умозрительных

и ни на чем не основанных положениях античных философов: «Мировоззрение философов прошлого совпало с симпатиями нынешних, которые примерили на себя наряды безбожного мировоззрения, примкнув, по их утверждению, к «благородным движителям человечества» [1, с. 30]. Какой-либо оценки собственно политико-правовым взглядам Аль-Фараби он не дает.

Европейские востоковеды и философы в какой-то степени развили данную концепцию Аль-Гализи, но уже со знаком плюс. К гуманистам Аль-Фараби относил один из первых исследователей его философского наследия, известный немецкий востоковед Фридрих-Генрих Дитеричи. Он относил мыслителя к ряду отважных героев науки, которые «всегда смело поднимаются из недр, чтобы вступить в борьбу с тиранией суеверий и той иерархической жаждой власти, которая пишет свою историю только кровью и делает все, чтобы подавить свободу духа и благородные импульсы гуманизма» [2, s. XLII].

Тенденция рассматривать Аль-Фараби как гуманиста и просветителя была продолжена и развита в советской науке. Один из крупнейших советских специалистов по средневековой арабо-мусульманской философии Сергей Николаевич Григорян (1920–1974, в своих трудах делая акцент социально-политические воззрения Аль-Фараби, подчеркивает, что они носят просветительский, гуманистический и прогрессивный характер: «Фараби верил, что зло в конце концов будет уничтожено и на земле восторжествуют добрые начала. Его социальные идеи глубоко прогрессивны и гуманны» [3, с. 69]. Так, несмотря на идеалистическую основу его теории добродетельного государства и просвещенного правителя, «отстаиваемые Фараби просветительские идеи были подчинены главным образом развитию научных и философских знаний, при помощи которых, как он полагал, общество станет добродетельным» [3, с. 68–69]. Другие советские исследователи на разные лады дублировали и развивали эти характеристики.

В работах известного фарабиеведа А.Х. Касымжанова мыслитель охарактеризован как гуманист, поборник разума и просвещения [4, с. 4–5]. Он отмечает, что несмотря на рационалистический максимализм и материалистические тенденции применительно изучению государственно-правовой реальности, политико-правовые взгляды мыслителя утопичны: «Стремление аль-Фараби, как и многих других реформаторов-просветителей, переустроить общественную жизнь на разумных основах само по себе не является идеалистическим. Не само это, в общем прогрессивное, стремление, а его конкретное содержание, отсутствие реалистического понимания коренных причин общественного развития, представление о путях изменения жизни людей являются иллюзорными» [4, с. 151]. Акцент на утопизме политико-правовых взглядов Аль-Фараби делают и ряд современных отечественных исследователей [5, с. 26; 6, с. 46–47].

С.К. Сатыбекова делает акцент на гуманизме Аль-Фараби и рассматривает его мировоззрение, прежде всего, как гуманистическое. Отмечая, что хотя гуманизму Аль-Фараби в полной мере свойственны основные недостатки домарксовской гуманистической мысли (абстрактность и умозрительность), «это не умаляет прогрессивности его мировоззрения для той конкретно-исторической эпохи» [7, с. 16–17].

По мнению А.А. Игнатенко, «концепция аль-Фараби в своей сущности надрелигиозна» [8, с. 70]. В том числе, по его мнению, «в своей концепции Добродетельного Града аль-Фараби противостоит религиозной догме о загробном воздаянии» [8, с. 71]. Под «надрелигиозностью» философского учения он понимает самостоятельный, свободный от религиозной установки поиск истины [8, с. 29].

Вторая тоже довольно многочисленная группа исследователей считает, что так как Аль-Фараби был мусульманином и в его трактатах имеются упоминания бога, то, соответственно, и его мировоззрение, включая политико-правовые взгляды, находится в непосредственной связи с исламом. В рамках этой группы исследователей различия точек зрения заключаются в признании большей или меньшей степени зависимости Аль-Фараби от религиозно-догматических положений.

Немецкий исследователь М. Хортен относил Аль-Фараби, наряду с Авиценной, к представителям мистического направления в исламской философии [9, s. 59]. По его мнению, Аль-Фараби «рассматривал «идеальное государство» в столь же абстрактной манере, как Данте и Фома Аквинский» [9, s. 220].

Турецкий ученый Б. Карлыга считает, что Аль-Фараби — это «символ тюркского мира, непрерываемый лидер философской мысли в исламском мире и один из немногих философов, которые разбудили западный мир от схоластического сна» [10, с. 7]. Он полагает, что взгляды Аль-Фараби были

эклектичны: «Он хотел построить новую систему мышления (исламской мысли), основываясь на убеждении в совершенности Таухида, выраженном в исламе» [10, с. 7].

По мнению Аль-Ма'суми, Аль-Фараби, «переосмысливая философские взгляды Платона, Аристотеля и других греческих мыслителей, аль-Фараби всегда держит в поле зрения исламские догматы, которые составляют внутреннюю связь его трудов». Данной линии, как он считает, Аль-Фараби придерживается и в своей политической философии [11, pp. 304–305]. Аль-Ма'суми полагает, что иерархический принцип государственного устройства и социальное неравенство основаны на особенностях понимания Аль-Фараби природы человека: «Очевидно, что каждый человек не может быть начальником. Люди различаются по умственным способностям, по физической силе, по совершению добродетельных поступков, и в приобретении прекрасных привычек думать, чувствовать, желать и делать. В каждой области жизни и искусства сильнейший человек, обладающий прекрасными манерами, который также знает, действует и руководит, является главным в этой области, остальные — подчиненные» [11, pp. 710–711]. По его мнению, Аль-Фараби не является исключительно подражателем взглядов Платона или Аристотеля. В отличие от Платона он допускает существование всемирного государства. Еще одним отличием является то, что идеального главу государства он не только называет имамом, но и отождествляет его с пророком. В отсутствие имама или второго вождя, обладающего необходимыми качествами для следования традиции имама, он поручает дела государства группе лиц, которые между собой обладают большинством качеств, присущих вождю [11, pp. 716–717].

Французский философ и исламовед А. Корбен считал, что, возможно, Аль-Фараби был шиитом, так как его «пророческая философия» имеет много общего с учением шиитских имамов» [12, с. 157], а также суфием: «Этого великого философа отличал могучий религиозный и мистический дух. Он жил очень просто и носил одеяния суфиев» [12, с. 158]. По его мнению, в концепции идеального града Аль-Фараби заметно греческое влияние, но «он при этом вполне отвечает философским и мистическим чаяниям философа-мусульманина». Также он подчеркивает, что Аль-Фараби не был публичным политиком и не писал политических программы, поэтому его «политическая» философия может быть определена как пророческая философия, которая полностью может реализоваться лишь в потустороннем мире [12, с. 161–162].

Иранский философ-фарабист Р.Д. Ардакани, как уже следует из названия его книги, считает Аль-Фараби основоположником исламской философии. Сама она является, по его мнению, новым этапом в истории философии вообще. Она называется исламской по той причине, «что существует глубокая и всесторонняя ее связь с религией, и эта связь неотделима от традиционных ее основ» [13, с. 36]. Во втором предисловии к книге Ардакани утверждает, что мусульманские философы либо внешне, либо зачастую на эзотерическом уровне являлись шиитами [13, с. 38]. Он читает неверным полагать, что в конце жизни, ведя аскетический образ жизни, стал суфием, так как «отстраненность от общества и затворнический образ жизни не имеют отношения ни к суфизму, ни к Фараби» [13, с. 60]. Иранский философ также полагает, что концепцию «Праведного города» Аль-Фараби нельзя рассматривать как утопическую. Она основана на разуме (рациональном мышлении), тогда как утопии европейских мыслителей Т. Мора и Ф. Бэкона основаны на созерцании и иллюзии («технический разум») [13, с. 15].

Маджид Фахри считает, что Аль-Фараби был первым философом-систематиком в исламе и неоплатоником, который занимает уникальное место в истории философии как связующее звено между греческой философией и исламской мыслью [14, р. VI]. Он отмечает, что Аль-Фараби написал первый мусульманский политический трактат, вдохновленный «Государством» Платона [14, р. VII].

По его мнению, Аль-Фараби перечисляет качества или атрибуты главного правителя в несколько утопической манере, полагая, что «такой правитель, не подчиняющийся никакому высшему лицу, должен считаться имамом или главой как добродетельного города, так и всего мира». Он считает, что в данном случае «аль-Фараби, по-видимому, имел в виду суннитского халифа, который управлял всем исламским миром или Обителью мира; хотя в современном употреблении термин «имам» обычно используется для обозначения духовного и политического главы шиитской общины» [14, р. 105]. Маджид Фахрид также полагает, что Аль-Фараби, взяв за образец своего «Добродетельного Города» республику Платона и последовав его примеру в характеристике главного правителя, в дополнение к платоновским философским чертам наделил его пророческими качествами» [14, р. 106].

Таким образом, по вопросу идеологической идентификации политико-правовых взглядов Аль-Фараби (в части мировоззренческой их основы) сложилось два основных направления. Одни авторы делают акцент на светской (гуманистической, просветительской, надрелигиозной) основе его политико-правового учения, зачастую отмечая его прогрессивную с элементами утопизма направленность. В отечественном фарабиеведении это исследовательское направление является преобладающим. Другие авторы подчеркивают в той или иной степени религиозный характер его философии в целом и его политико-правовой доктрины в частности. Хотя у них имеются разногласия по поводу того, к какому течению исламской мысли его можно отнести.

Список использованных источников и литературы

1. Аль-Газали, Абу Хамид Крушение позиций философов. — М., 2007.
2. Dieterici Fr. Alfarabi's philosophische Abhandlungen. — Leiden, 1892.
3. Григорян С. Н. Из истории философии Средней Азии и Ирана (VII–XII вв.). — М., 1960.
4. Касымжанов А. Х. Абу-Наср аль-Фараби. — М., 1982.
5. Юзеев А. Н. Философская мысль татарского народа. — Казань, 2007.
6. Фролова Е. А. Арабская философия: прошлое и настоящее. — М., 2010.
7. Сатыбекова С. К. Гуманизм аль-Фараби. — Алма-Ата: Наука, 1975.
8. Игнатенко А. А. В поисках счастья: общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья. — М., 1989.
9. Horten M. Die Philosophie des Islams. — Munchen, 1924.
10. Карлыга Б. Аль-Фараби — философ цивилизаций. — Алматы, 2016.
11. Al-Masumi. Al-Farabi // A History of muslim philosophy. Wiesbaden. — 1963. — Т. 1.
12. Корбен А. История исламской философии. — М., 2010.
13. Ардакани Р. Д. Фараби — основоположник исламской философии. — М., 2014.
14. Fakhry M. Al-Farabi, founder of Islamic Neoplatonism: his life, works and influence. — Simon and Schuster, 2014.

Сведения об авторе: Зеленин Юрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: uri-zelenin@yandex.ru

УДК 340.12

Ж. И. Ибрагимов

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

КАЗАХСКОЕ ПРАВО — НАСЛЕДИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В мире, в его культурных пластах немало явлений, значительных по историческим меркам, остающихся, несмотря на это, не открытыми для широкого обозрения и человечества, а следовательно, непознанными и не оцененными по достоинству. Они большей частью затерялись в истории поколений или оказались в стороне от столбовых дорог развития цивилизации и познавательной деятельности нового времени. Однако эти явления не стали сами по себе менее значительными,

менее ценными, хотя бы в историческом плане. Среди них были и цельные социально-культурные пласты, заполнявшие целые эпохи в истории народов и государств, интерес к которым и значение которых все больше возрастают по мере очеловечивания человеческих отношений, вернее, по мере возврата к ценностям изначальной свободы, демократии и естественным правам человека, оказавшего ныне в условиях интенсивной цифровизации и отчуждения. Одной из таких культурных ценностей, затерявшихся в пластах истории, является казахское право «жарғы». В статье рассматриваются сущность, содержание, основные принципы традиционной правовой системы. Автор анализирует регулятивную функцию традиционных правовых норм и обычаев.

Ключевые слова: государство, право, закон, правовая система, традиции, источник, позиция, мнение, политическая система, нормы права.

Zh. I. Ibragimov

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

KAZAKH LAW IS THE HERITAGE OF THE TURKIC-SPEAKING CIVILIZATION

Abstract. In the world, in its cultural layers, there are many phenomena that are significant by historical standards, but despite this remain undiscovered for the general public and humanity, and, therefore, unknown and not appreciated. They were mostly lost in the history of generations or found themselves on the sidelines of the main roads of the development of civilization and the cognitive activity of modern times. However, they did not become less significant or less valuable in themselves, at least in historical terms. Among them were integral socio-cultural layers that filled entire eras in the history of peoples and states, the interest in which and the importance of which are increasingly increasing as human relations become more humanized, or rather, as we return to the values of original freedom, democracy and natural human rights, currently finding itself in conditions of intense digitalization and alienation. One of these cultural values, lost in the layers of history, is the Kazakh law «zhargy». The article discusses the essence, content, and basic principles of the traditional legal system. The author analyzes the regulatory function of traditional legal norms and customs.

Keywords: Government, law, legal system, tradition, source of information, position, minds, political system, legal norms.

Кочевая цивилизация, если она была, то с характерными для нее чертами наиболее рельефнее и с большей зрелостью выступала в Центрально-Азиатской части Земли, часто именуемой в истории Великой Степью. Основной формирующей этнической группой здесь были тюрки и их предки, потому и эту Степь называли Тураном, Туркестаном в культурно-этническом смысле. Казахское право было культурным островком, наследием и продуктом тюркоязычной кочевой цивилизации, утвердившейся на одной ее обширной «свободной» зоне, называемой Казахией.

Во все времена и во всех обществах были, есть и будут традиции, которые являются незыблемыми основами, своеобразным фундаментом, на которых строятся все общественные, социально-политические, экономические, культурные и другие отношения.

На основе анализа историко-правовых источников мы видим особую регулятивную функцию традиционной правовой системы казахского общества. Если сделать ретроспективный обзор, то можно увидеть эволюцию традиционной правовой системы, незыблемость правовых обычаев, норм и традиций, и их почитание стало одним из условий успешного развития казахского общества.

В начале XVIII века заметно стабилизировалась политико-правовая обстановка и внутри самих казахских жузов, чему в немалой степени способствовали совместные усилия местных родоправителей, султанов и ханов по законодательному регламентированию общественных отношений. В это же время были внедрены в социальную практику некоторые новые нормы обычного права применительно к тем новым потребностям кочевого общества. Большую роль в регламентации, частичном

обновлении и унификации издавна сложившихся в казахском обществе правовых традиций и норм принадлежало хану Аз-Тауке (1680–1715).

Ценные фактические сведения об особенностях правления хана Тауке нашли отражения наряду с отдельными письменными памятниками конца XVII — начала XVIII века в многочисленных исторических преданиях казахов. Один из исследователей Н. И. Гродеков, описывая политико-правовую историю, отметил: «Все три орды ежегодно собирались для совещания (маслагат) на холме Мартубе (в горах около Сайрама)» [1, с. 23].

На этих маслахатах обсуждались вопросы регулирования маршрутов кочевания, разрешения различных конфликтов между родами, безопасность государства и прочее.

В годы правления хана Аз-Тауке структура власти была разделена на несколько ступеней. Возрождались демократические принципы кочевого общества, ежегодно проводились маслахаты, народные собрания. В этих собраниях участвовали только вооруженные мужчины и правила участия в совете регламентировались в «Жеты-Жаргы».

Самая высшая ступень власти «Жеты-Жаргы» состояла из ордынских биев, представителей оседлого населения близ Туркестана и Ташкента, правителей союзников киргиз, каракалпаков. Многие исследователи истории государства и права казахов отмечают особые заслуги трех казахских биев. По записям Н. И. Гродекова, «в числе их было три знатных бия, по каждому из каждой орды: из Великой — Туле, из Средней- Каздауысты Казыбек, то есть с голосом гуся (звучным), из Малой-Айтеке» [1, с. 25].

Все известные сегодня устные предания казахского народа, относящиеся ко времени правления Аз-Тауке, констатируют усиление роли степного законодательства в практике регулирования социальных отношений казахского общества в первой четверти XVIII века.

Об этом и упомянул один из исследователей истории государства М. Тынышпаев: «Тауке... более замечателен своею административною и законодательною деятельностью. Слабые угнетенные роды Тауке соединил в союзы, чтобы последние могли противостоять против сильных родов. Для фактического управления подвластными родами назначили 6 биев: 1) в Старшей Орде — Толе Алибекова (дулат, отделение жаныс); 2) в Средней Орде — Казбека (Каз дауысты Казбек-арғын, каракесек); 3) в Младшей — Айтике (алим, торт-кара, внук знаменитого Джалантос-батыра Самаркандского); 4) у кыргызов — Кокым — бия Карашорина; 5) у каракалпаков — Сасык-бия; 6) у катаган, джайма и других мелких родов — имя бия неизвестно. Далее отдельные роды, отделения, поколения управлялись своими биями. Ежегодно, осенью бии на 1–2 месяца собирались у ставки Тауке, «Ханабад» на холму «Куль-тобе» на левом берегу реки Ангрен в 40 верстах на юг от Ташкента. В памяти народной собрания эти сохранились в выражении: «Куль-тобенің басында күнде кеңес», т. е. «на Куль-тобе собрания происходят ежедневно». Эти собрания носили характер и законодательный, и судебный. Законодательные изречения, названные «Джеты-Джарга», были основаны на принципах правосознания, вытекающего из условий общежития кочевых родов... Большая часть дел решались биями единолично, но в важнейших случаях, не желая брать на себя ответственность за правильность решения, бии представляли свои предложения на одобрение собрания на Куль-Тобе» [2, с. 162].

Мы считаем, что эти данные, приведенные М. Тынышпаевым, требует углубленного изучения. Информация, касающаяся имен биев, правила проведения «Жеты — Жаргы», участие хана в Верховном собрании и др. — все это представляет огромный интерес для исследователей.

В годы правления хана Тауке были предприняты важные шаги, направленные на упрочение казахской государственности перед лицом сильного внешнего врага.

В 80-е годы XVIII века мы видим особую роль «Жеты-Жаргы» в координации совместных усилий казахов для борьбы с внешним врагом. Активизация военной экспансии джунгарского ханства в начале XVIII века была связана со сменой власти и вступлением на джунгарский престол Галдана-Бошокту хана (1670–1697). За короткий срок он сумел восстановить прежний военно-политический потенциал Джунгарского ханства и расширить подвластную ему территорию в Центральной Азии. В труде исследователя Ш. Норбо эти исторические события описываются таким образом: «В году мыши (1684) он (Галдан Бошогту) разграбил (улус) Чукура, а также ходил походом на Андижиян. Когда он возвращался, то в (местности) Кокурин Шили разразилась буря. ... Летом (Цеван) Рабдан

(Двоюродный брат Галдана. — Ж. И.) выступив (в поход) разрушил Сайрам. Осенью года коровы (1685) (Бошогту) хан, отправившись в поход против Андижияна, возвратился, захватив в плен многих беков» [3, с. 116].

Период правления Аз-Тауке отличался относительной стабилизацией внутривластной обстановки в степи. Особую роль в сохранении казахского общества сыграли «Жеты-Жаргы», «Каракумский совет» и великие бии, которые внесли большой вклад в решении междоусобных распр и спор и объединении всех родов. Именно правовые традиции, используемые и зафиксированные в «Жеты-Жаргы», охватывали круг вопросов жизнеобеспечения казахского населения. Совокупность жизненных условий и конфликтов казахского кочевого общества того периода, используемых им правовых традиций, обычаев и норм, отраженные в «Жеты-Жаргы», представлена в народных преданиях как законодательная инициатива Аз-Тауке-хана и казахских биев. Свод казахских законов не существовал у самих казахов в письменном варианте и передавался устно из поколения в поколение.

Регулятивное воздействие традиционной правовой системы, используемые в то время правовые обычаи и нормы были залогом безопасности казахского народа и государственности. В казахском государстве, имеющем многообразные политико-правовые особенности, традиционная правовая система решала главную задачу — способствовала укреплению стабильности, повышению благосостояния народа и развитию демократических принципов. Значение казахского права выходило далеко за пределы своей собственно регулятивной нормативной роли в этнокультурных границах Казахстана. Оно несло и выполняло одновременно несколько функций: регулятивную, управленческую, объединительную, охранительную и гуманистическую. Оно было в широком смысле законом и властью, источником общественного бытия и нравственности, искусством и духовной ценностью. Этими чертами, видимо, обусловлены его жизненность и удивительная устойчивость перед лицом целенаправленного и мощного натиска мусульманского права, монгольского права и других иноземных систем права таких же кочевых, полукочевых сообществ, оседлых и земледельческих культур и государств. Их влияние на казахское право не переросло в разрушительную силу. Оно затрагивало лишь верхушку общества, отдельные его пласты. Доминирующая регулятивная позиция и импульс саморазвития казахского права сохранились до новейшего времени.

Список использованных источников и литературы

1. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. — Ташкент, 1889.
2. Тынышпаев М. История казахского народа. — Алма-Ата, 1995.
3. Норбо Ш. Зая-пандита (материалы к биографии). — Элиста, 1999.

Сведения об авторе: *Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail.ru: zhamaladen@mail.ru

УДК 342.1

Б. И. Борубашов

Кыргызско-Российский Славянский университет (Бишкек, Кыргызстан)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА К РОССИИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002).

Аннотация. В статье рассматривается развитие взаимоотношений кыргызского народа с российским государством и предпосылки формирования политико-правовых основ присоединения Кыргызстана к России. В присоединении были заинтересованы как кыргызская, так и российская стороны. Переговоры велись на правовой основе — путем обмена грамотами, послами и депутациями; заключения соглашений, в которых подробно описывались права и обязанности сторон, а также официальным, торжественным принятием присяги верности. Административно-правовое устройство региона в рассматриваемый период изменялось по мере подчинения отдельных его частей России.

Ключевые слова: политика, право, кыргыз, племя, соглашение, государство, манап, собственность, подданство, губернатор, область, волость.

B. I. Borubashov

Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyzstan)

POLITICAL AND LEGAL BASIS FOR ACCESSION KYRGYZSTAN TO RUSSIA

Abstract. This article examines the development of relations between the Kyrgyz people and the Russian state and what led to the formation of the political and legal foundations for the accession of Kyrgyzstan to Russia.

Both the Kyrgyz and Russian sides were interested in joining. Negotiations were conducted on a legal basis — through the exchange of letters, ambassadors and deputations; the conclusion of agreements detailing the rights and obligations of the parties, and the formal, solemn taking of the oath of allegiance; the administrative and legal structure of the region during the period under review changed as its individual parts were subordinated to Russia.

Keywords: politics, law, Kyrgyz, tribe, agreement, state, manap, property, citizenship, governor, region, volost.

В XIX в. Средняя Азия являлась объектом споров между соседними государствами и занимала значительное место в восточной политике крупнейших европейских держав — Англии и России. Когда на сцену политической жизни Кыргызстана выдвинулась мощная Российская империя, кыргызские родоправители северного региона приняли важное решение о присоединении к России. В процессе присоединения и правового оформления взаимоотношений между Кыргызстаном и Российской державой можно выделить несколько основных этапов.

Первые известия о кыргызах Россия получила в 1722–1724 гг. от российского посла Ивана Унковского после его посещения Жунгарского ханства. В 80-е гг. XVIII в. унтер-офицер российской армии Ф. Ефремов оказался на юге Кыргызстана и в 1786 г. он издал книгу воспоминаний с довольно подробными сведениями о кыргызах.

Кыргызско-российские взаимоотношения берут свое начало с конца 80-х гг. XVIII века. К этому времени кыргызы уже имели представление о Российском государстве, и племена сарыбагыш Чуй-

ской долины в 1785 г. отправили посольство в Санкт-Петербург в поисках покровительства. Кыргызские послы прибыли в Санкт-Петербург и были приняты императрицей Екатериной II.

В начале XIX в. кыргызы вновь попытались найти поддержку со стороны России. В 1820-е гг. исыккульские кыргызы отправили свое посольство с просьбой принять их в состав Российской империи. Но Россия пока не спешила с практическими шагами в этом направлении. В 1844 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков сообщил Министерству иностранных дел России о просьбе манапа племени бугу Боромбая Бекмуратова о принятии подведомственного ему народа в состав России и о разрешении отправить особую депутацию в Санкт-Петербург. В документе подчеркивалось: «Просьбу нашу мы имели счастье получить без всякого замедления от Вашего Высочайшего Превосходительства через господина пристава Большой орды подполковника Перемышльского ответ о том, что Его Императорское Величество Всемилоостивейший Государь Император соизволил изъяснить согласие принять нас под свое высокое покровительство» [1, с. 57–58].

Уже осенью 1844 г. министр иностранных дел К.В. Нессельроде в письме к генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову изложил просьбу киргизов племени бугу принять их под покровительство России. Министр подчеркивал важность данной территории для Российской империи в плане того, что она принесла бы пользу как с политической, так и с экономической точки зрения. Российский чиновник считал, что «если бы киргизы не были в таком отдалении от их территориальных линий, то удовлетворение их желания не представляло бы особенного затруднения: они могли бы даже в случае надобности переселиться в пределы и этим избавиться от притеснений со стороны враждебных им племен» [2, с. 122–123]. К.В. Нессельроде считал, что в политических и торговых взаимоотношениях необходимо сохранять и поддерживать расположение и преданность кыргызов по причине того, что через их кочевья пролегает караванный путь в Кашгарию.

Одновременно с этим российские власти, не желая испортить отношения с Кокандским ханством, не стали отправлять депутатов племени бугу в Санкт-Петербург, сославшись на трудность и дальность пути и признав «подобное путешествие», с одной стороны, затруднительным, а с другой — без особенной пользы [1, с. 57–58].

В том же 1844 г. предводитель племени сарыбагыш Жантай в письме генерал-губернатору Западной Сибири просил разрешения отправить в Россию своего сына. «Как я, так и Ормон-батыр, — писал он, — убедились в том, что правление России гораздо легче для нас, чем кипчакское, и потому сделали врагами кокандцев» [3, с. 137].

Присоединение народов Кыргызстана к России началось с середины XIX в., когда данный процесс значительно активизировался, и в этом большую роль сыграли переговорные процессы, которые проводились представителями обеих сторон. 10 июля 1854 г. группа манапов племени бугу отправили грамоту генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду, в которой говорилось: «В сентябре 1853 г. мы просили Вас о том, чтобы Вы приняли нас под свое высокое покровительство, изъявляя тем самым наше желание принять присягу на верноподданство России. Поэтому мы, факиры (бедные) большие и малые, с общим согласием послали с нашей стороны депутата с доверенной грамотой не только в Омск, но и к Императору для исполнения клятвы перед святым Кораном» [3, с. 45–46]. Данная грамота была утверждена печатями и тамгами пятнадцати родоправителей племени бугу.

13 октября 1854 г. после длительных переговоров генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд высказал свое решение по данному вопросу управляющему министерства иностранных дел А.Г. Сенявину: «Во исполнение Высочайшего повеления, объявленного мне и в отношении Вашего Превосходительства от 12 января, я приглашал манапов дикокаменных киргизов прислать в Омск своих депутатов, снабженных надлежащею доверенностью принятия присяги на верноподданство России» [2, с. 173–174]. Здесь же определялись и условия вхождения кыргызов в российское подданство [1, с. 100–101].

После продолжительных совещаний родоправители племени бугу избрали своим депутатом манапа Каджибека Шералина, который прибыл в Омск 26 сентября 1854 года. Перед принятием присяги генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфордом и управляющим министерства иностранных дел А.Г. Сенявиным были определены условия, на которых кыргызы племени бугу могут быть приняты в российское подданство, а также обязательства правительства Российской империи по отношению к бугинцам.

Ниже приведены основные положения соглашения, подписанного бугинцами в лице К. Шералина и представителями России:

Род бугу «дикокаменных» кыргызов, безусловно, вступил в подданство Российской державы и признал юрисдикцию Его Императорского Величества, а также ее наследников, то есть признал всех последующих государей законными, при этом получил право пользоваться высоким покровительством со стороны Российской державы, иначе говоря, находиться под защитой Российской державы.

После вхождения в состав России иссыкульские кыргызы были определены под управлением пристава кыргызов Большой орды Алатауского округа Семипалатинской области Западно-Сибирского генерал-губернаторства. Позже это подразделение стало именоваться «Управление кыргызов Большой орды и Дикокаменных бугу».

В соответствии с Положением об управлении Алатауским округом от 25 декабря 1862 г. пристав сосредотачивал в своих руках и гражданскую, и военную власть, поскольку являлся командующим военными силами, находящимися в районах кочевий Старшего жуза; в его подчинении находились казахские султаны. Кыргызские манапы по своему правовому статусу приравнивались к казахским султанам.

Бугинцы были наделены определенным правовым статусом — правом покровительства и защиты торговцев, которые проходили с караванами через их земли и кочевья, а также обязанностью обеспечения им безопасного, свободного от всяких насилий и грабежей прохода. Кроме того, кыргызы рода бугу должны были удовлетворять жалобы этих торговцев.

Род бугу обязывался находиться только под покровительством российского правительства, следовательно, лишался права прибегать к покровительству как ташкентцев, так и кокандцев. Более того, кыргызы рода бугу обязывались считать своими врагами врагов Российской державы. Другими словами, не признавать над собой ничьей власти и юрисдикции, кроме власти российского императора и его наследников. Кроме того, кыргызы рода Бугу не имели права заключать союзы или иметь какие-либо сношения с соседними государствами без разрешения центральной администрации России.

В условиях соглашения от 13 октября 1854 г. кыргызы рода бугу должны были управляться без изменений, так же как и управлялись до принятия их в российское подданство, то есть через своих манапов, которым правительство предоставляет разбор и решение дел.

Управляющий родом манап по нуждам, возникавшим у подведомственного ему народа, должен обращаться к приставу Большой орды, когда, например, народ требовал содействия правительством по вопросам ограждения их от вторжения иноземцев, в сфере прекращения внутренних смут, своеволия кыргызов.

Старший манап обладал карательными и судебными полномочиями. Так он должен был воздерживать управляемых им кыргызов от грабежа и барымты в Большой орде. В случаях, когда кыргызы орды грабили и угоняли скот у дикокаменных кыргызов рода бугу, старший манап обязывался не допускать самоуправства со стороны последних, но также мог просить пристава о примирении или преследовании виновных и удовлетворении жалоб обиженных. Старший манап по получении известия о барымте или грабеже наказывал виновных и распоряжался об удовлетворении обиженных в мере, определенной решением биев, избранных с обеих сторон. Захваченные в Большой орде на барымте и грабеже кыргызы рода бугу должны были отправляться к приставу как нарушители спокойствия. Старший манап руководил в волостях своего рода, не укрывал воров и преступников других кыргызских родов, которые собирались учинить барымту у кыргызов, входящих в состав Большой орды, или других российских подданных, или же пропускали таковых с добычей по совершении барымты. Старший манап обязывался контролировать волости своего рода, при этом не допуская укрывательства преступников, пойманных на барымте или помогавших таковым. Старшему манапу предоставлялось право просить о назначении к нему особого российского чиновника, владевшего языком, для упрощения общения с приставом. При этом манап лично должен был нести ответственность за безопасность и свободу такого чиновника. Старшему манапу определялось жалованье 343 рубля в год серебром, а манапы за свои заслуги могли приобрести право получать чины и другие отличия Российского правительства [2, с. 174–176].

Процедура оформления принятия присяги проходила по традиционному для того времени сценарию: в присутствии русских офицеров и казахских султанов бугинский манап от имени своего об-

щества давал клятву на верноподданство, принимал и подписывал условия, предложенные российской администрацией.

Принятие присяги состоялось 17 января 1855 года. Ее от имени бугинских родов принял Каджибек Шералин: «Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода бугу орды дикокаменных киргизов, подведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему Бугу, что род бугу Всепресветлейшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу, самодержцу Всероссийскому...его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу великому князю Александру Николаевичу хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда его Императорского Величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать... В заключение же сей моей клятвы и слова Священного Алкорана Аминь» [1, с. 64–66].

В звании старшего манапа российское правительство утвердило управляющего родом бугу манапа Боромбая Бекмуратова, с которым и велись переговоры по всем делам через пристава кыргызов Большой орды. Преемники же назначались по существующему в роде бугу порядку и утверждались генерал-губернатором Западной Сибири подобно старшим султанам Большой орды.

Подписанное выше соглашение необходимо было стимулировать всеми подручными средствами. Среди них была раздача чинов и воинских званий феодалам. Так, старшему манапу Б. Бекмуратову было присвоено звание подполковника. Манапы, принявшие российское подданство, выступали за сохранение верности России и за службу получали чины и жалования, и не были обязаны нести какие-либо подати и повинности.

В соответствии с Соглашением об условиях, на которых кыргызы племени бугу могут быть приняты в Российское подданство от 13 октября 1854 г., кыргызы рода бугу обязались выполнять определенные повинности, и не признавать над собой ничьей юрисдикции, кроме власти российского императора и его наследников; заключать союзы или иметь какие-либо сношения с соседними государствами без разрешения администрации России.

Соглашение и присяга имели большое политико-правовое значение. Впервые официально было провозглашено присоединение племени бугу к России, Кыргызстан стал частью России де-юре. Система управления у бугинцев осталась прежней, причем Российское правительство предоставило манапам, не вмешиваясь в их внутренние дела, полную власть во внутреннем управлении, разборе всех дел, производстве суда по своему усмотрению.

Необходимо отметить, что указанное выше соглашение не противоречит современному международному публичному праву. Так, субъектами договора выступали две стороны — киргизские манапы и Россия; все территории, которые в нем фигурировали, рассматривались как объекты сделки. Договор был заключен с согласия кыргызского народа, после предварительного обсуждения текста договора с его представителями, которые представляли интересы всего народа.

Кроме вышеуказанных, Российская империя приняла на себя дополнительные обязательства, в частности, принятие мер по покровительству верноподданных кыргызов и по их защите от ташкентцев, кокандцев, казахских жузов, соседних родов и племен.

Так, например, 20 июня 1855 г. в рапорте военному министру Российской империи Д. А. Милютину командир отдельного Сибирского корпуса Г. Х. Гасфорд пишет: «...кроме этих сведений о враждебных действиях против ташкентцев, честь имею сообщить Вашему Высокопревосходительству, что и на левом фланге Кыргызской степи по случаю возникшей распри дикокаменных кыргызов рода Сарыбагыш (подведомственным нам родом бугу и по просьбе родоначальника сего рода) для примирения враждующих командиров на озере Иссык-Куль существует отряд из 75 казаков под начальством пристава при кыргызах Большой орды полковника Хоментовского» [2, с. 184].

Вскоре с просьбами о покровительстве России стали обращаться и другие кыргызские племена. Так, племя черик приняло присягу 13 октября 1863 г. в Омске [3, с. 265–268], а 25 декабря 1864 г. подобную просьбу выразили кочевники Кетмень-Тюбинской котловины Тянь-Шаня [4, с. 58]. В том же году приняли российское подданство кыргызы, занимавшие территории Сусамыр. В 1865 г. обратились с просьбой о принятии в подданство России и юридическом закреплении взаимоотношений племена саяк [5, с. 5], бурукчи и багыш [1, с. 3–4].

Основная часть населения северных кыргызов приняла российское подданство, практически не оказав серьезного сопротивления данному процессу. Соединение Сибирской и Сыр-Дарьинской линии, завершившееся в 1864 г., окончательно упрочило власть и юрисдикцию России в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине.

Таким образом, в период между 1855 и 1865 гг. северные кыргызы добровольно приняли подданство Российской империи и присоединение Северного Кыргызстана было юридически и практически завершено.

Совсем по-другому проходило включение в состав России южных регионов Кыргызстана, которое было тесно связано с антикоканским народно-освободительным восстанием кыргызов 1873–1874 годов. В ходе этого освободительного движения восставшие, борясь против коканского ига, неоднократно обращались к российским властям за помощью, но так ее и не дождались.

7 февраля 1876 г. исполняющий обязанности Туркестанского генерал-губернатора Г.А. Колпаковский обращался с воззванием к населению Кокандского ханства принять подданство России: «Весь ферганский народ, как оседлый, так и кочевой, следуя совету лучших людей, отправил к генералу Скобелеву депутацию с просьбою принять весь ферганской народ, как кочевой, так и с принадлежащею ему землею, в подданство могущественного Российского Государя, Белого Царя, единственно который и может даровать вам счастье, безопасность и спокойствие» [6, с. 4].

19 февраля 1876 г. вышел Указ императора Александра II о ликвидации Кокандского ханства и образовании на его территории Ферганской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства [6, с. 254–290]. Территория Кокандского ханства, а вместе с ней и земли южных кыргызов были официально объявлены царским манифестом присоединенными к России.

Управление Ферганской областью было временно поручено вести туркестанскому генерал-губернатору применительно к настоящим обстоятельствам и местным условиям, вплоть до назначения нового в установленном порядке [7, с. 30–31]. Первым военным губернатором новой области был назначен ее завоеватель М. Скобелев.

Во второй половине июня 1876 г. Туркестанским генерал-губернатором Кауфманом был организован карательный экспедиционный корпус против алайских кыргызов («Алайский поход»). Курманжан-датка провела переговоры с генералом М. Скобелевым об условиях прекращения сопротивления южных кыргызов, о вопросах перемирия и заключения соглашения. Выполняя условия соглашения, М. Скобелев репатриировал всех кыргызских пленных.

К концу августа 1876 г. Алай вошел в состав России [8, с. 195], на территории которого было образовано пять волостей. Так завершился длительный процесс присоединения Кыргызстана к Российской империи.

Таким образом, в процессе присоединения Кыргызстана к России можно выделить два этапа: первый этап охватывает 50–60-е гг. XIX в. и добровольным принятием российского подданства племенами Северного Кыргызстана; второй этап приходится на 1870-е гг. XIX в. и связан с завоеванием царской Россией Южного Кыргызстана. Со второй половины XIX в. главной политической линией, проводимой Россией в отношении Кыргызстана, было усиление контроля над регионом и в целом укрепление своих позиций в Средней Азии.

Присоединение Кыргызстана к России во второй половине XIX в. сыграло важную роль в истории региона, поскольку были проведены фундаментальные экономические, социальные, политические и правовые преобразования во всех сферах общественной жизни, определившие ход его дальнейшего развития: были созданы новые государственные, административные и судебные учреждения, появились новые органы общественного самоуправления и была проведена систематизация обычного права кыргызов.

Российские власти ввели новую государственную и частную формы собственности, что привело к изменению основных устойчивых **общественных отношений**, связанных с ломкой всего общественного уклада, с переходом от одной общественно-экономической формации к другой, которая носила революционный характер. Так, важной проблемой для Российского государства в Кыргызстане стало включение кыргызского народа, ранее не входившего в его административные и правовые структуры, в систему российского государственного управления и права.

Революционные изменения произошли в общественных отношениях кыргызов и их государственно-правовом регулировании, которые рассматриваются на основе анализа их эволюции, начиная со второй половины XIX века и заканчивая началом XX века. После вхождения в состав России кыргызы оказались в условиях новых политико-правовых отношений и их регулирование было главной задачей государственно-правовых институтов того времени.

Список использованных источников и литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. СПб. Главный архив, 1–7, Оп. 6, 1844, д. 1.
2. Кыргызстан — Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): сборник документов и материалов / под ред. В. М. Плоских. — Бишкек, 1998. — 488 с.
3. Джамгерчинов Б. Присоединение Киргизии к России. — М., 1959. — 422 с.
4. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз) Ф. И. 483, оп. 1, д. 34.
5. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И. 483, оп. 1, д. 84.
6. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. И. 19, оп. 1, д. 6.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА., д. 6886.
8. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). Ф. ВУА, д. 6884.

Сведения об авторе: *Борубашов Бекбосун Ишенбекович*, советник Президента Кыргызской Республики, член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и конституционного права Кыргызско-Российского Славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: aldash@yandex.ru

СЕКЦИЯ 4. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

УДК 39:008(571.15)

А. А. Асанканов

Национальная академия наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ И КЫРГЫЗОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮЖНОМ АЛТАЕ. ИЮЛЬ-АВГУСТ 2022 Г.)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002).

Аннотация. В настоящей работе приводятся сведения о некоторых результатах международных этнографических экспедиций «Большой Алтай» в Кыргызской Республике и в Российской Федерации. Этот экспедиционный проект призван выявить этнические параллели в культуре алтайцев и кыргызов, связанные с общими этапами их этнической истории и спецификой природно-климатических условий Алтая и Тянь-Шаня. В ходе экспедиций удалось, в частности, выявить сохраняющиеся в культуре алтайцев и кыргызов сходные явления, имеющие глубокие исторические корни. Так, например, эти сходства прослеживаются в сохранившейся народной игре, традициях забоя барана и разделения частей его туши среди участников застолья.

Ключевые слова: алтайцы, кыргызы, этническая история, Алтай, Тянь-Шань, традиции, народные игры, традиционная пища.

A. A. Asankanov

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

PARALLELS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE SOUTHERN ALTAIANS AND KYRGYZ (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD ETHNOLOGICAL STUDIES IN THE SOUTHERN ALTAI. JULY-AUGUST 2022)

Abstract. This paper provides information about some of the results of the international ethnographic expeditions «Great Altai» in the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. This expedition project is designed to identify ethnic parallels in the culture of the Altai and Kyrgyz, associated with the general stages of their ethnic history and the similarity of the natural and climatic conditions of Altai and Tayn-Shan.

During the expeditions, it was possible, in particular, to identify similar phenomena preserved in the culture of the Altai and Kyrgyz people, which have deep historical roots. For example, these similarities can be traced in the surviving folk game, the traditions of slaughtering a sheep and dividing parts of its carcass among the participants in the feast.

Keywords: Altaians, Kyrgyz, ethnic history, Altai, Tien Shan, traditions, folk games, traditional food.

В июле-августе 2022 года состоялась первая российско-кыргызская совместная полевая этнологическая экспедиция в южной части Республики Алтай, в составе которой были научные сотрудники Института истории, археологии и этнологии Национальной академии наук Кыргызской Республики, преподаватели Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, Алтайского госуниверситета (Барнаул), Госуниверситета Горно-Алтайска (Республика Алтай), Национального музея Республики Алтай им. В.А. Анохина (Горно-Алтайск), проходившая в рамках проекта «Большой Алтай. Единство и многообразие», инициатором которого выступило руководство Алтайского госуниверситета (Барнаул) Российской Федерации.

Целью этнологической экспедиции стало выявление этногенетических и историко-культурных связей кыргызов и народов Алтая. Перед нами стояла задача проследить общее и отличительное в этнической истории, хозяйстве, материальной и духовной культуре традиционного общества в конце XIX — начале XX века. В период этнологической экспедиции с 31 июля по 12 августа 2022 г. ее члены посетили Национальный музей Алтайской Республики (г. Горно-Алтайск), где сконцентрирована важная информация и находятся вещественные материалы по истории этнических общин Алтая с древнейших времен до сегодняшнего дня. За период экспедиции удалось побывать в отдельных местностях южной части Республики Алтай (с. Каспа Шебалинского района; с. Мондур Соккон Усть-Канского района; с. Ябоган и с. Онгудай Онгудайского района) и провести этнологическое исследование среди местного населения, побывать в местных краеведческих музеях, в которых собраны и выставлены ценные материалы, отражающие этнические аспекты народной культуры и истории.

Естественно, за такой короткий промежуток времени провести глубокое и всестороннее этнологическое исследование невозможно, нужны годы, чтобы глубже понять все аспекты истории и культуры, что ставится в задачах на будущее. В данной статье поднимаются лишь некоторые параллели, существовавшие в культуре алтайских народов и кыргызов, однако со временем забытые, вышедшие из каждодневного быта у последних. Выявление сходства и отличия в культуре народов Алтая и кыргызов имеет очень большое значение для прослеживания их этногенетической и историко-культурной связи в недалеком прошлом.

Алтайская Республика расположена на юге Западной Сибири — на юго-востоке граничит с Монголией, Китайской Народной Республикой, на юго-западе — с Восточным Казахстаном, на востоке — с Республикой Хакасия и Республикой Тыва. Горно-Алтайск состоит из хребтов и считается горной страной. Имеются такие высокие хребты как Катунский, Северный и Южный Чуйские, которые достигают высоты 3000–4000 м над уровнем моря, самая высокая гора Белуха достигает 4500 м. На территории протекают крупные реки Обь и Иртыш. Северная часть Горно-Алтайска характеризуется горнолесным рельефом, а начиная с юга города Горно-Алтайск — горными степными ландшафтами. По продвижению на юг постепенно прореживается лесной массив и усиливается просторный степной хребет с альпийскими дугами. Высокие и степные хребты разделяются узкими и глубокими речными долинами, редкими широкими межгорными котловинами, удобными для выпаса скота и вертикального кочевания скотоводов.

На северной лесной части Горно-Алтайска расселены тубалары, челканцы, кумандинцы, которые занимались охотой на копытных и пушных зверей, рыболовством, собирательством кедровых орехов, ягод, дикой конопли для изготовления холста. Они занимались и кузнечным делом, в их среде была развита металлургия. Вспомогательным хозяйством было отгонное скотоводство. Держали овец и лошадей, иногда крупный рогатый скот. Существовало мотыжное земледелие, выращивали ячмень.

Южная часть Алтая была занята алтай-кижи, теленгитами, телесами, которые проживали в бассейне реки Катунь и ее притоков и в основном занимались полукочевым скотоводством, разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Вспомогательными видами хозяйства были примитивное мотыжное земледелие и охота в степи. Рыболовством занимались мало.

В период в пребывания в районном центре Онгудайского района (село Онгудай), что находится в южной части города Горно-Алтайск, автору этих строк пришлось увидеть, услышать, даже играть

с известным мастером традиционной игры, Президентом республиканской федерации народной игры «Чатыраш», как они сами говорят. Эта народная игра активно бытует среди алтайцев, проходят республиканского масштаба турниры. За последние полстолетия алтайцы восстановили, возродили эту забытую народную игру. Последние годы стали проводиться личные и командные чемпионаты в масштабе республики, по правилам, утвержденным комитетом по физической культуре и спорту Алтайской Республики. Строки об игре «Чатыраш (Шатра) встречаются в устном народном творчестве алтайцев. Например, в эпосе «Козын-Эркеш» говорится:

Жажыл торко чибѣ бѳриле
Кеен жараш жапаш эткен
Козын-Эркеш баатыр ла
Байым-Суур — кеен кыс
Шатра ойноп, ыргап отурды [1].
Сделав себе чудесный шалаш
Из шелковисто-зеленых ветвей ели,
Богатырь Козын-Эркеш
С девушкой-красавицей Байым-Суур,
Играя в шатру, веселились.

По мнению алтайских исследователей, умение хорошо играть в шатру (чатраш) считалось одним из достоинств положительного героя.

В разделе «Чоң казат» эпоса «Манас» имеется такие строки как:

Андан мурун эр Манас
Аралап өтүп көп колдон,
Кымкаптаган чатырда
Чай кайнатып, нан малып,
Сары аякка бал салып,
Чатыраш ойноп, даң салып
Отурган эле кошунда [2].
Прежде всего храбрый Манас,
Прорвался через многочисленные войска,
В красиво украшенной палатке,
Окунал свой хлеб в заваренный чай,
С медом в желтой пиалке,
Сидел в окружении своих соратников,
Играл в игру «Чатыраш»,
Издавая громкие возгласы!

Значит, кыргызы когда-то играли эту игру в традиционном обществе, поскольку в эпосе «Манас» имеется такие строки. В эпосе «Манас» об игре чатыраш встречается несколько раз и она имеется во многих его вариантах. Однако как известно сейчас, такая традиционная игра как «Чатыраш» у кыргызов забыта, не бытует среди них. Вместе с тем слово «чатыраш» до сегодняшнего дня сохранилось. Оно означает рисунок в клетку, то есть, например, «чатыраш дептер» — «тетрадь в клетку». Но и оно постепенно из оборота слов постепенно выходит и редко применяется в бытовом разговоре. Знаток алтайского языка протоирей В.И. Вербицкий в своем словаре «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» пишет, что шатра — это игральные шашки, шатра ойно-игра в шашки [3]. В учебном пособии «Манасоведение», подготовленном рядом ученых и манасоведов для образовательных учреждений Кыргызстана, пишется, что «игра кыргызов чатыраш — это шахматы» [4]. Однако как показали результаты наших полевых этнологических экспедиций в Онгудайский район Алтайской Республики, традиционная игра алтайцев «чатыраш» не является игрой в шашки или шахматы. Как по форме, так и по содержанию игра «шатра» отличается от игры в шашки и шахматы. Шатра — игра настольная, лишь отдаленно напоминающая шахматы и шашки. Автору этих строк пришлось играть с Президентом федерации традиционной народной игры «Шатра» Горно-Алтайской Республики. Для нее берется специальная доска и два вида фигур: богатыри (баатырлар) и воины (жуучындар) [5]. В традиционном варианте игры шатра, описанном С.Я. Пахеевым,

в игре участвуют две стороны игроков. Заключается она в сражении двух богатырей с 24 воинами. Богатыри стремятся «порубить» наибольшее число воинов и тем самым одержать над ними победу. Целью воинов является пленение богатырей [5].

Конечная цель игры для стороны, играющей воинами, состоит в «пленении» обоих богатырей, т. е. в создании такой позиции, когда богатыри лишены возможности сделать очередной ход. Богатыри могут быть закрыты на любых точках доски, как в крепости, так и в поле. Целью стороны, играющей богатырями, является взятие наибольшего числа фигур воинов и недопущения «пленения» ими богатырей. Для противника, играющего воинами, проигрышем служит потеря большинства, т. е. 13 фигур и отсутствие возможности «пленить» богатырей; положение, когда в течение 24 ходов с момента получения права передвижения фигур не осуществлено «пленение» богатырей; трехкратное повторение ходов одной и той же фигурой на одни и те же точки. Для противника, играющего богатырями, партия считается проигранной, если воины «пленили» обоих богатырей, т. е. этими фигурами нельзя сделать очередного хода. Партия заканчивается только тогда, когда победит одна из играющих сторон [5]. Подобные алтайской игре «шатра» игры имеются и у других народов Центральной Азии (монголы, тувинцы и др.) [5].

Этимология слова «шатра» по «Древнетюркскому словарю» объясняется перенятым с персидского языка словом «шатрандж», обозначающего шахматы. Также известна древнеиндийская игра «чатуранга», относящаяся к VII–VIII вв. н. э. и считающаяся прародителем шахмат [5].

Таким образом, традиционная игра «чатыраш» как у кыргызов, так и у алтайских народов (шатра) бытовали в древности, являясь логической игрой, свидетельствует об их этногенетической связи и историко-культурной общности. Сейчас эта традиционная игра сохранилась в быту алтайцев, а у кыргызов — только в устном народном творчестве, в частности в героическом эпосе «Манас».

В период полевых этнологических исследований в селе Мөндүр Соккон Уст-Канского района, автору этих строк удалось увидеть на полке айыла («алачык» — *кырг.*) очищенный «уча» — крестец (задок) [6] молодого (годовалого или двухгодовалого) жеребца (*тай* или *кунан*). Хозяйка дома объяснила, что уча они с мужем получили в гостях у сватов, во время свадьбы дочери. У алтайских народов уча подают только на свадьбе молодых и в конце, кульминацией в подаче пищи у алтайских народов, как и у кыргызов, самым почетным устуканом — уча¹². Она в первую очередь подается свахе — матери невесты. По их обычаю, хозяйка дома хорошо чистят мясо от костей, и ставят на видном месте полки айыла, и уча находится там, пока не появляется ребенок и не окрепнет молодая семья. Только тогда, когда родители убедятся в том, что молодые крепко держатся друг за друга и семья уверенно становится «на ноги», уча убирают с полки.

Таким образом, уча, по алтайским обычаям, служит и символом молодой, крепкой, дружной семьи, и продолжением рода. Уча подают только свату и свахе на свадьбе, как и у кыргызов. Однако кыргызы подают уча — крестец не только на свадьбе, но и на других семейных торжествах, не только свату и свахе, но и почетным гостям, или по старшим возрасту людям. На наш взгляд, после того, как кыргызы оказались на новом месте в середине второго тысячелетия на Тянь-Шане [7], этот древний обычай, вероятно, претерпел изменения, и начали подавать уча и на других семейных и общественных торжествах или поминках, старшему по возрасту или почетному гостю. В любом случае, эти параллели в традиционном приеме пищи у южных алтайских народов и кыргызов, свидетельствуют об их этногенетической и историко-культурной связи в прошлом.

В период этнологической экспедиции автору, как и другим членам экспедиции, удалось воочию увидеть и стать свидетелем, как южные алтайцы режут и разделяют барана, и порядок подачи его мяса гостям. С небольшим отклонением от традиции кыргызов по разделыванию туши, у алтайцев, почти одинаковы. В частности, алтайцы пускают кровь и умертвляют барана не резанием передней части шеи (горла), а через небольшой разрез грудной клетки, указательным пальцем, ловко вырывают аорту. После чего «касапчы» — мясник отделяет шкуру от мяса, убирает голени. Остальные процессы разделки туши, в целом, проходят, как у кыргызов. Прежде чем вскрыть внутренности барана, касапчы-мясник отрезал небольшой тонкий кусок мяса с шерстью, размером чуть больше ладони руки, с грудины (*төш*) для *керчөө* (по алтайски, также, *керчөө*) и передал помощнику. Последний, не-

¹² У кыргызов традиционно уча обычно подаются гостям перед тем, как будет подано крошеное мясо с лапшой из муки и бульоном (*нарын*), которая является важной частью трапезы.

много посолив, продержав и поджарив на огне минут 5–10, разрезал на небольшие куски с размером алыча и угостил всех присутствующих слегка обжаренными кусками мяса — керчөө. Остальные процессы по разделке туши барана, шли один к одному, как и у кыргызов. Название двенадцати костей — «жиликов», голова — *башы* почти как у кыргызов, с небольшой разницей. Алтайцы сдирают кожу от головы барана и не разделяют ее нижнюю часть от верхнего, то есть голову варят целиком [8].

Молодые женщины и девушки, которые помогали разделщику мяса — касапчы (мясник), тщательно очищенные водой кишки заполнили кровью из внутренности и приготовили колбасу из крови — «кан-быжы» (по алтайски также «быжы»). Из кишков, внутреннего жира, тонко нарезанного *карына* (брюшина) и легкого, в форме ленты женщины заплетали *жөргөм* (по алтайски — *дөргөм*).

Пока полтора-два часа варилось мясо в казане, через полчаса подали гостям *куйрук-боор* (алтайцы также называют *куйрук-боор*) — тонко нарезанные печень и жир от куйрука — задка, немного пересоленное. Еще через полчаса подали варенную *быжы* — колбасу из крови. Через некоторое время, минут 15–20, подали гостям *жөргөм* (дөргөм).

Таким образом, алтайцы-хозяева, как и кыргызы, пока варилось мясо баранины в течение полутора-двух часов, поочередно подавали быстро варящиеся части — *куйрук боор*, *быжы* и *жөргөм*, тем самым не давали голодать гостям, пока те ждут основное блюдо — вареное мясо.

Наконец, через два часа подали основную еду — вареную баранину в виде «устуканов» на большом подносе, вместе с бульоном с *талканом* (толокно). Распределитель костей — *жиликов*, неплохо знающий кто какую часть туши должен получить, раздал всем гостям. *Жилики* подавали, учитывая возраст и статус гостей. Как самому старшему из всех присутствующих гостей, мне подали грудину — *төш*, как самого почетного устукана по алтайским традициям. Самый младший член экспедиции, наоборот, получил *жамбаш* — тазобедренная кость, которая у кыргызов является самым почетным *устуканом*. Думается, этот обычай требует внимательного изучения. На наш взгляд, в древности и средневековье, когда кыргызы обитали на Алтае, вместе с алтайскими этническими общинами, подача костей-жиликов людям, принимающим участие в трапезе, вероятно, имела сакральное значение, когда они оказались на новом месте, на Тянь-Шане, соприкасаясь с совершенно иной, этносоциальной средой, культурой и религией и т. пр., эта традиция получила новую эволюцию, вероятно, начала иметь практический характер. Вместе с тем, считаем, что этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Хотелось бы привести, на наш взгляд, еще один немаловажный пример, касающийся пищи, из наших полевых материалов и исследования ученых этнологов, подтверждающие вышеприведенные выводы. Традиционно алтайцы предпочитали мясо конины, особенно молодых 1,5–2,5-годовалых, нежели других видов животных [9]. Алтайцы, как и кыргызы, готовили мясо впрок на зиму — *согым* (у кыргызов также *согум*), и предпочитали конину. Обычно режут молодую лошадь в ноябре-декабре, мясо хранят в квадратной деревянной нише, сделанной главой семьи. Туда засыпают снег, потом мясо, которое хорошо хранится до весны. У южных алтайцев «чочух» (*чучук* у кыргызов) — колбаса из мяса (*казы*) передней брюшной стенки конины и карта (*карта* у кыргызов) — конская толстая кишка, вывернутая наизнанку (жиром внутрь) являются любимыми и почитаемыми блюдами, как у кыргызов.

Таким образом, как вышеизложено, традиционные приемы разделывания туши овцы, в названиях ее костей, традиции подачи вареного мяса во время трапезы у алтайцев и кыргызов почти одинаковы и особых различий не имеется. Алтайцы и кыргызы в традиционной пище отдавали предпочтение в выборе мяса — конине и их внутренностям. Эти традиции в приеме пищи еще раз подтверждают о тесной этногенетической и историко-культурной связи кыргызов в с южными алтайцами.

Когда экспедиция оказалась в с. Ябоган Шевалинском районе, расположенном в предгорье, ее члены стали свидетелями того, что у населения имеется традиция посещать не очень высокую предгорную местность, так называемые *тагыл* (*тагылы*), которые являются местом поклонения. По мнению Э.В. Екеевой и Э.А. Белековой, слово «тагыл» (или сан-таш) имеет следующие значения: 1) небольшой алтарь у огня; 2) сооружение из камней (*күре*)¹³; 3) место совершения обрядовых действий

¹³ Күре — это жертвенник, выложенный из каменных плит, в форме почти правильного куба различных размеров. Его устраивают на открытом к востоку склоне горы. Он бывает высотой — 1 м, длиной — 2 м, шириной — 1 м. На стороне, обращенной к востоку, сооружают два тагыла, высотой 0,5 м. На тагылах жгут можжевельник (арчин), перед ним совершается возлияние молока [10, с. 8–9].

[10]. Тагыл — жертвенник квадратной формы, сооружаемый при проведении календарных обрядов и народных праздников, где люди поклоняются хозяевам-духам местностей и священных источников. Тагыл делают из ствола дерева (чурка) или сооружают из плоских камней высотой 1,5 м и длиной 70 см [10]. Участники обряда просят у Всевышнего мира, добра, лучшую погоду, то есть того, чего хочет население, при этом там устраивают угощения.

У кыргызов сейчас слово *тагыл* активно не употребляется, можно сказать, вышло из словарного оборота народа. В то же время у создателя первого ансамбля темир комузистов, Заслуженного артиста Кыргызской ССР Адамкалыя Байбатырова (1895–1953) имеется известный наигрыш — кюю «Тагылдыр тоо», который игрался на темир ооз комузе. Исполнял данный наигрыш кюю ансамбль, созданный талантливым композитором, основателем кукольного творчества в Кыргызстане в 30–50-е годы прошлого столетия. Наигрыш «Тагылдыр тоо» при представлении перед исполнением на сцене или где-нибудь переводят и переводили на кыргызский язык как «Судьба гор». Музыка этого наигрыша-кюю является мелодичным с переживаниями и долгие годы служила позывными различных известных радио и телепередач Кыргызской Республики.

С другой стороны, в восточной части с. Тюп у входа в урочище Каркыра, Тюпского района Иссык-Кульской области находится большой курганный комплекс Сан-Таш. Центральным местом в комплексе является крупный курган с каменной насыпью, известный под названием «Сан-Таш», высотой более трех метров, диаметром свыше 50 м. Вокруг него сгруппированы курганы других типов — с каменно-земляными насыпями округлой формы. На наш взгляд, тагыл у алтайцев и Сан-Таш у кыргызов, вероятно, имеют какие-то общие корни. Думается, эти явления или параллели, связанные с камнями алтайского и кыргызского народов, нуждаются в дальнейшем уточнении.

Итак, до сих пор бытующий религиозный обряд, связанный с горой-тагыл в среде алтайских народов, сохранение этого слова в названиях наигрышей в месте обитания кыргызов, на наш взгляд, является отголоском историко-культурной связи кыргызов с народами Алтая в прошлом.

Таким образом, как вышеизложено, нами показаны только отдельные, случайно встречавшиеся на нашем пути в период полевой этнологической экспедиции этносоциальные явления, бытующие до сих пор в культуре алтайских народов, в то же время исчезнувшие или забытые в быту кыргызов, но оставшиеся в названиях явлений в культуре. Приведенные примеры и параллели в явлениях этнической культуры отражают этногенетические и историко-культурные связи кыргызов с народами Горного Алтая в древности и Средневековье.

Список использованных источников и литературы

1. URL: https://vk.com/topic-73021882_31158599
2. Манас. Баатырдык эпос. Училтиктин биринчи бөлүгү. Канондоштурулган вариант. — Бишкек, 2016. — 161-б.
3. Вербицкий В. И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Переиздание. Издание второе. — Горно-Алтайск; Ак-Чечек, 2005. — С. 447.
4. Манасоведение: учебное пособие / под ред. К. К. Иманалиева, Р. З. Кыдырбаевой, А. А. Бакирова, Ж. К. Орозобековой, Т. А. Бакчиева, Н. Х. Бекмухамедова. — Бишкек, 2011 г.
5. URL: https://vk.com/topic-73021882_31158599
6. Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь: в двух томах. — Том 2. — Фрунзе, 1985. — С. 312.
7. Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. — Бишкек, 2010. — С. 116.
8. Полевая тетрадь. Горно-Алтайск. Устьканский район, 2022, июль-август.
9. Потапов Л. П. Пища алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. — Т. XIV. — М., 1953. — С. 54.
10. Екеева Э. В., Белекова Э. А. Культовая атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. — Горно-Алтайск, 2018. — С. 8–9.

Сведения об авторе: Асанканов Абылабек Асанканович, доктор исторических наук, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: abylabek.asankanov@mail.ru

УДК 397.4

И. И. Назаров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ И КЫРГЫЗОВ В РАМКАХ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Аннотация. В настоящей работе приводятся сведения о некоторых результатах международных этнографических экспедиций «Большой Алтай» в Кыргызской Республике и в Российской Федерации. Этот экспедиционный проект призван выявить этнические параллели в культуре алтайцев и кыргызов, связанные с общими этапами их этнической истории и спецификой природно-климатических условий Алтая и Тянь-Шаня. В ходе экспедиций удалось, в частности, выявить сохраняющиеся в культуре алтайцев и кыргызов сходные явления, имеющие глубокие исторические корни. Так, например, эти сходства прослеживаются в охотничьем промысле, сохраняющем свое значение в хозяйственной и обрядовой сфере алтайцев и кыргызов.

Ключевые слова: алтайцы, кыргызы, этническая история, Алтай, Тянь-Шань, традиции, народные игры, традиционная пища, охота, культ волка.

I. I. Nazarov

Altai State University (Barnaul, Russia)

ON THE COMPARATIVE STUDY OF THE ETHNIC CULTURE OF THE ALTAIANS AND KYRGYZ WITHIN THE FRAMEWORK OF THE «GREAT ALTAI» EXPEDITION PROJECT

Abstract. This paper provides information about some of the results of the international ethnographic expeditions «Great Altai» in the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. This expedition project is designed to identify ethnic parallels in the culture of the Altai and Kyrgyz, associated with the general stages of their ethnic history and the similarity of the natural and climatic conditions of Altai and Tain-Shan.

During the expeditions, it was possible, in particular, to identify similar phenomena preserved in the culture of the Altai and Kyrgyz people, which have deep historical roots. For example, these similarities can be traced in hunting, which retains its importance in the economic and ritual sphere of the Altaians and Kyrgyz people.

Keywords: Altaians, Kyrgyz, ethnic history, Altai, Tien Shan, traditions, folk games, traditional food, hunting, cult of the wolf.

В ходе реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета при участии партнерских организаций из Кыргызстана осуществляется многолетнее экспедиционное исследование сохраняющихся этнических традиций у скотоводческого населения Центральной Азии. Целью этнографической работы, в частности, стало параллельное и сравнительное изучение разных аспектов материальной и духовной культуры алтайцев и кыргызов.

Данное изучение в формате протяженных маршрутных экспедиций в 2021–2023 гг. охватило места традиционного проживания алтайцев на территории Российской Федерации (Республика Алтай) и кыргызов в Кыргызской Республике (Иссык-Кульская, Нарынская, Ошская и Джалал-Абадская области) [1–4].

Важной особенностью экспедиций, работающих в России и в Кыргызстане, являлось широкое представительство в отрядах российских и кыргызстанских ученых. Ежегодно в проект включались от 10 до 15 этнографов, лингвистов, этносоциологов, религиоведов и музейных сотрудников. Это обеспечивало интенсивность проведения исследования в части выявления сходств и особенностей сравниваемых культур алтайцев и кыргызов по разным темам.

В ходе этнографических экспедиций и обработки полученных материалов были выявлены параллели в явлениях культуры двух сравниваемых этнических общностей. Указанные параллели сложились вследствие этногенетических и историко-культурных связей алтайцев и кыргызов в древности и Средневековье. Наличие общих этапов этнической истории двух этих современных народов, имевших в прошлом общих предков, предопределило наличие в их современной культуре большого числа сходных элементов в материальной, духовной и социальной сферах. Важно отметить, что выявлялись и различия в культурах, связанные в частности с адаптацией населения к конкретным природно-климатическим, социальным и культурным особенностям разных регионов проживания алтайцев в горной системы Алтае-Саян и кыргызов в Тянь-Шане.

Обозначенные в ходе экспедиционного изучения этнические параллели в культуре алтайцев и кыргызов, носящие отчасти этногенетическую основу, а отчасти имеющие универсальную культурную природу, могут быть проиллюстрированы по материалам охотничьего промысла, значение которого и сегодня велико у автохтонного населения Алтая и Тянь-Шаня.

В качестве примера такого сходства можно привести и на Алтае и в Кыргызстане особый и устойчивый статус основной угрозы скотоводов — волков. У алтайцев и у кыргызов фиксируется табуирование имени волка во время промысла на него: у алтайцев во время охоты он называется иносказательно «кохоек», а кыргызы по материалам экспедиции 2023 года в Чаткальском районе Джалал-Абадской области Кыргызской Республики, отправляющиеся на волка, говорят просто, что идут на охоту, не называя, скрывая таким образом объект промысла. И в том, и в другом случае собеседники объясняют эти запреты на произнесение названия животного способностью зверя «услышать», что люди идут на него, и значит, возможностью ускользнуть от охотников.

И у алтайцев, и у кыргызов волк воспринимается дуалистически: как опасное животное и в то же время как существо, наделенное особой силой. У алтайцев в случае, если волк задирает домашних животных, считается, что он «забрал свое» и за это нельзя его преследовать. Кыргызы же в зимние сезоны, когда активность волков возрастает, наоборот, устраивают массовые охотничьи выходы на зверя, чтобы предотвратить нападения на домашний скот. Вместе с тем мясо волка у кыргызов считается лечебным, его селезенкой мажут лицо новорожденным мальчикам. Мясо зверя применяется в народной медицине, когти и альчики волка подвешиваются к колыбели или их носят на шее как амулеты, волчьи лопатки подвешивают в доме и в сараях к потолку как обереги.

Экспедиционные материалы позволяют выявить также сходства в организации охоты и промыслового быта на Алтае и Тянь-Шане. И у алтайцев, и у кыргызов началу промысла предшествовала череда запретов для охотников. Среди них устойчивый запрет на общение с женщинами перед охотой.

Перед выходом на промысел охотники обязательно произносили благопожелания, окуривали себя дымом почитаемых растений. На промысле охотники жили и питались вместе, добычу делили поровну. В случае удачной охоты готовили блюда из внутренностей убитых животных. Встречается на Алтае и на Тянь-Шане охотничье блюдо, которое представляет собой отваренные внутренности в выделанном желудке добытого животного. Зимними вечерами охотники рассказывали друг другу веселые истории, был важен при этом смех. Однако в отличие от алтайцев, которые могли с собой на промысел брать исполнителей на комусе или флейте (шор), кыргызы с собой на охоту музыкантов не брали, так как считали, что музыка распугает зверей. По возвращении с промысла алтайские и кыргызские охотники делились добычей со случайным встречным человеком. Вернувшись с промысла, охотники устраивали угощение для соседей и родственников. Обряд раздаривания охотничьей добычи — шыралга и сегодня имеет важное значение в обрядовых практиках охотников Западного Тянь-Шаня.

В условиях снежных зим охота в рассматриваемых регионах могла проводиться только при помощи лыж. Однако на Алтае были распространены скользящие лыжи (шана), а в высокогорных районах Тянь-Шаня, где снежный покров мог достигать 2 и более метров, использовали снегоступы (жак-пак). Образцы таких ступательных лыж были встречены членами экспедиции 2023 года в Чаткальском районе Джалал-Абадской области Кыргызской Республики.

Приведенные выше примеры — лишь малая часть выявленных параллелей в культуре алтайцев и кыргызов. Они наряду с другими сходными компонентами (в войлочном и кожевенном производстве, снаряжении верхового коня, традиционной пище, орнаментике и других явлениях) демонстрируют сходство культур изучаемых народов, которое подкрепляется и этногенетическими преданиями, наличием идентичных по названию родовых объединений (сеоков) у алтайцев и кыргызов.

Продолжение параллельного экспедиционного изучения как на территории Алтая, так и в регионах Кыргызстана позволит выявить весь спектр сходств и различий в традициях двух близких по историческому наследию и образу жизни народов — алтайцев и кыргызов.

Список использованных источников и литературы

1. Асанканов А. А., Назаров И. И. Октябрьская И. В. Об итогах первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай: Россия — Кыргызстан, 2021» // Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: историко-культурное наследие и современность: материалы II международного алтаистического форума. — Барнаул, 2021. — С. 58–62.

2. Назаров И. И. О работе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызстане и на Алтае в 2022 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение), 2022: сборник научных трудов. — Вып. 17 / под ред. Т. К. Щегловой и др. — Барнаул: АлтГПУ, 2022. — С. 222–230.

3. Назаров И. И., Абдиева А. М. Кочевая культура кыргызов в фокусе международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. — 2022. — № 2. — С. 159–164.

4. Назаров И. И., Бикбулатова А. Р. О работе первой международной этнографической экспедиции «Большой Алтай» в Кыргызской Республике // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае: археология, этнография, устная история и музееведение, 2020–2021 гг.: сборник научных трудов. — Барнаул, 2021. — С. 238–243.

Сведения об авторе: Назаров Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент, директор института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия

УДК 93/94

С. К. Алымкулова

Кыргызский национальный педагогический университет им. И. Арабаева (Бишкек, Кыргызстан)

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья подготовлена в рамках реализации госзадания Алтайского государственного университета «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 48715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматриваются истоки прозелитизма и религиозного синкретизма, которые сегодня наблюдаются на Алтае. Предпринят сравнительно-сопоставительный анализ с религиозной ситуацией в Кыргызстане, где даже после внесения поправок к закону о религиях, ранее принятому в 2008 г., легально действуют религиозные организации разных направлений и толков.

Ключевые слова: анимизм, тотемизм, тотем, шаманизм, синкретизм, прозелитизм, белая вера, бурханизм.

S. K. Alymkulova

Kyrgyz State University named after I. Arabaeva (Bishkek, Kyrgyzstan)

THE RELIGIOUS SITUATION IN THE ALTAI REPUBLIC: AN EXCURSION INTO HISTORY AND THE CURRENT STATE

Abstract. The article examines the origins of proselytism and religious syncretism, which are observed today in Altai. A comparative analysis has been undertaken with the religious situation in Kyrgyzstan, where even after the introduction of amendments to the law on religions, previously adopted in 2008, religious organizations of various directions and persuasions operate legally

Keywords: animism, totemism, totem, shamanism, syncretism, proselytism, white faith, Burkhanism.

Экскурс в историю алтайцев показывает, что на протяжении своей истории они прошли почти все виды древних религий: анимизм, тотемизм и др. Об этом свидетельствуют многие атрибуты жизни, сохранившиеся до этнографической действительности. Детям в семье, в которой не приживались родившиеся дети, давали малопривлекательные, уничижительные, с пренебрежительным оттенком имена, например, Шалдан, Иткулак, Итуул, Жаманкыс (соотв. букв.: голоштаный, собачье ухо, щенок, плохая девочка) или устрашающие: например, Жаан бычак (большой нож) или Кара бычак (в букв. переводе — черный, означал тоже большой нож) [1, с. 16].

Сравнительно-сопоставительный анализ показывает, что у кыргызов эти периоды господства древних верований в силу обитания на единой территории схожи с алтайскими. Имена собственные: Сатыпалды (Сатывалды), Таапалды (Табалды, Тавалды), Издепалды (Издевалды) и др. у кыргызов свидетельствовали о бытовании религиозных верований, таких как анимизм: когда в семье умирали дети, то, пытаясь обмануть злых духов, детям давали вышеприведенные имена: Сатывалды — купленный, Тавалды — найденный, Издевалды — найденный в поисках. Они призваны были защитить ребенка: когда злой дух приходил за душой младенца, он должен был понять, что этот ребенок в семье пришлый и его не надо трогать. Эта традиция сохранилась до этнографической действительности. Сегодня в Кыргызстане широко распространены фамилии Табалдиев (Табалды уулу), Сатывалдиев (напр: Сатывалды кызы), Издевалдиев и др. [1, с. 3].

Также время тотемизма сохранилось в пройденном пути народа до этнографической современности: это и верования в тотемов, в различных зверей и птиц, иногда у каждого рода или племени, т.е. у каждой этнической группы или подгруппы был свой тотем: олень, волк, заяц и т.д., и т.п.

Параллели можно провести из истории кыргызов: легенды о матери Оленихе очень почитаемы в целом в народе, их использовал в своих произведениях Чингиз Айтматов, но в первую очередь это был родовой тотем племени бугу в этническом составе кыргызов, которое имеет много родовых подразделений.

Выше уже говорилось о констатации учеными языковой близости алтайцев и кыргызов. С. М. Абрамзон писал: «Признаки, объединяющие кыргызский и горноалтайский языки, могли возникнуть лишь на единой языковой основе и в пределах общей для предков кыргызов и алтайцев территории — на Алтае или в приалтайских областях» [2, с. 3].

Например, сплошь и рядом в алтайских эпических сказаниях встречаются слова, которые в настоящее время в кыргызском языке имеют то же значение, что и в алтайском, и, наоборот, в кыргызском эпосе встречаются слова, которых сегодня нет в обиходе кыргызов, но они бытуют до сих пор у алтайцев. Сравнительно-сопоставительный анализ эпоса «Манас» с сюжетами алтайских эпосов подробно провел А. Н. Бернштам. Исследовав происхождение алтайско-минусинских легенд как наиболее древнего пласта в кыргызском эпическом творчестве, он приходит к выводу, что в эпосе «Манас» огромное место уделено Алтаю, как первой родине Манаса и его отца Жакыпа». Эти данные подтверждаются археологическими исследованиями, свидетельствующими о тесной взаимосвязи культур

этих регионов. Через Алтай в Талас проникает руническое письмо. В целом эпос, по его наблюдениям, выступает как эмоциональное отражение действительности [3, с. 167].

Поразительно также сходство сюжетных линий, на что указывает в своих исследованиях И. Б. Молдобаев. Он рассматривает схожие сюжеты мифов о чудовищах, сказочных существах, о мировом дереве Бай терек, о животных разных видов, имеющих в некоторых произведениях разные обличья [4, с. 207–223].

Особенно нужно отметить похожие мотивы в эпосах «Манас», «Эр-Төштүк» и алтайском эпосе «Маадай-Кара». Это и борьба богатырей с мифическими существами: ведьмой Желмогуз и подземным владыкой Кара-доо в кыргызском «Эр-Тоштюке» и борьба Когюдей-Мергена с ведьмой Жебелек и подземным ханом Эрликом в «Маадай-Кара». Идентичны и сюжеты, описывающие препятствия, преодолеваемые богатырями в борьбе. Пребывание богатырей в преисподней и подъема в небесные выси отражают первоначальные архаические представления предков алтайцев и кыргызов о мироздании [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Персонаж Когюдей-Мерген после возвращения им на поработленную землю Алтая мира и спокойствия и преодоления всех злых сил преисподней, поднимается на небо и превращается там в звезду — Золотой кол, а рядом с ним шесть звезд — это богатыри, посланные ему для победы над врагами духом Алтая [7, с. 69]. Похожий сюжет мы наблюдаем в кыргызском «Эр-Тоштюке»: ему в борьбе помогают Мамыты со всевозможными сверхъестественными качествами: умением слышать на дальнем расстоянии, видеть сквозь толщи земли, передвигаться за короткий миг на большие расстояния и другими мифическими свойствами [11].

Эти параллели свидетельствуют о проживании на единой территории во времена общетюркского единства, когда родственные тюркоязычные народы поклонялись триединому божеству: матери-прародительнице, хранительнице семейного очага Умай-эне, Верховному небу, духам Воды и Земли; и в местах, почитаемых как святыне, везде оставались следы подношений. Этому следовали и члены экспедиции-2022, повсюду оставляя еду: на каменных кучах — обоо, других местах. На Алтае экспедиция обнаружила сохранившееся у коренного населения отношение к окружающей природе как к живому существу. С древности бытовала вера в существование духов-хозяев каждой горы, реки, озера и т. п. К духам местности предполагалось относиться почтительно, приносить жертвы и испрашивать разрешение на проезд или удачу в промысле. Жертва состояла из ленточки ткани, пучка волос, угощения вином, едой и т. п. Жертвоприношение совершалось всегда в определенном месте, обычно у одиноких деревьев. К ним привязывались ленточки и пучки конских волос, которые назывались у алтайцев *жалама* или *кыйра*, у кыргызов — *мазар*. Этот термин, по мнению специалистов, относится к исконно тюркским, а «монгольское *дыалама*» — кисточка, украшение, толстая шелковая нитка — тюркским заимствованием, изменившим свое исконное значение впоследствии» [12, с. 303]. И на территории Республики Алтай и Кыргызстана такие места встречаются во множестве до сего дня. Ленточки обычно подвешены к деревьям у целебных источников (*аршан* — алт., *арашан* — кырг. — А. С.), источников-родников (*кара-суу* — алт., *булак* — кырг.), у подножий гор, на перевалах — *ашуу*, у опасных речных переправ — *кечуу* и т. д.

В 1756 г. территория Алтая была присоединена к России. С проникновением мировых религий на территорию Алтая алтайцы подверглись с начала 1829 г. агитации по обращению местного населения миссионерами в христианскую религию.

Когда отец Макарий, первый миссионер на Алтае, обратил в православную веру сто человек, то решил отпраздновать успех столь трудной работы. Но неожиданно его любимец — вновь крещенный и получивший христианское имя Василий — умер. Это событие потрясло его так, что он отказался от миссионерской деятельности и уехал в среднюю зону России. Его последователи также писали о трудностях миссионерской работы: после казалось бы очень убедительной проповеди и появления желания у местного жителя обратиться в православную веру на обратном пути миссионеры зачастую наблюдали следующую картину: «обращенный» ими человек уже успевал вывесить *тайылга* — палку с натянутой шкурой лошади с головой — жертву, принесенную Богу с просьбой о прощении за слушание проповеди чуждой религии. Поэтому на Алтае обращение в христианскую веру шло с большими трудностями. Следующий после отца Макария миссионер протоиерей Василий Иванович Вербицкий был величайшим и выдающимся ученым, с первых дней своей деятельности посвятил себя изучению истории и этнографии алтайского народа, природы, флоры и фауны Алтая.

Его труды: «Грамматика алтайского языка», «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка», посмертное издание статей в сборнике «Алтайские инородцы» по прошествии времени становятся все более ценными [13, 14, 15, 16, 17].

Поражают не только скрупулезность, тщательность, научная прозорливость, но и огромная любовь, с которой собирались материалы.

Сегодня на Алтае наблюдается религиозный синкретизм. Нашей экспедиции довелось наблюдать крестный ход в Усть-Канском районе, посвященный молениям за скорейшее окончание войны. В результате почти двухвековой деятельности Алтайской духовной миссии стали создание и деятельность 16 православных церквей и молитвенных домов [1, 18, 19, 20]. В Кош-Агачском районе проживает пришлое население — казахи, проповедующие ислам.

Как указывалось выше, экспедиция везде ощущала отношение местного населения к окружающей природе, горам к источникам, рекам, растительности как к живой натуре и их бережное почти-тельное отношение выражалось в подношениях духам этих мест всего, что имелось на руках.

И подчиняясь такому уважительному отношению, члены экспедиции тоже оставляли на обою и других почитаемых коренными жителями местах кусочки еды, которую ели сами.

Источники — аржан суу, деревья, перевалы, кезер таштар — камни с надписями, вершины — везде обрамлялись жалама или кыйра — ленточками, повязанными особым образом с пожеланиями и поклонением этому, почитавшемуся как святому, месту. Поэтому религию сегодняшнего коренного населения Республики Алтай можно назвать как религию, вобравшую в себя со всех этапов развития элементы анимизма, тотемизма, шаманизма и разных веяний мировых религий, особенно буддизма.

В заключение следует отметить, что современный религиозный синкретизм является результатом поисков новых ценностей и идеалов после нескольких десятилетий Советской власти, когда духовно-идеологическая сторона жизни жестко регламентировалась государством. Сегодня религия вновь начинает играть существенную роль в формировании национального самосознания, социальной организации общества. На Алтае и в Кыргызстане наблюдается сложная и пестрая религиозная структура общества. После распада Советского Союза демократизация общества логично привела к обращению к истокам. Переходный период поисков путей самостоятельного независимого развития после парада суверенитетов объективно подтолкнул людей к примерам прошлого для приведения в качестве образца государственного развития. Религиозные верования также привлекли повышенное внимание не только как возвращение к истокам, но и желание найти опору в трудное время перемен. И поэтому годы постсоветского периода заставили людей обратиться к религии.

Сторонники белой веры, буддисты, христиане, мусульмане — сегодня на Алтае наблюдается пестрая палитра смешения этих религий. Обращение к религиозным истокам столкнулось с разнообразным предложением всех возможных течений, и потомки живших почти три поколения в атеистическом сообществе не только оказались на распутье, но и были вовлечены впоследствии в различные секты и общины.

То же самое наблюдается и в Кыргызстане: вполне легально действуют наряду с официальной православной церковью различные общины и церкви: Иисуса Христа, адвентистов седьмого дня, лютеранской, евангельской и др.

Список использованных источников и литературы

1. Полевые материалы автора, 2022. С. 3, 16.
2. Абрамзон С. М. Этногенетические связи кыргызов с народами Алтая // XXV международный конгресс востоковедов: доклады делегации СССР. — М., 1960 (Отд. оттиск).
3. Бернштам А. Н. Эпоха возникновения кыргызского эпоса «Манас» // «Манас» — героический эпос киргизского народа. — Фрунзе, 1968. — С. 148–176.
4. Молдобаев И. Б. «Манас» — историко-культурный памятник кыргызов. — Бишкек: Кыргызстан, 1995. — 310 с.
5. Алымкулова С. К. Кыргызско-алтайские этнокультурные связи. — Б., 2013. — 178 с.
6. Ботояров К. Кооноргус мурас / «Манастын» «Кокотойдун ашы» эпизодунун Ч. Валиханов жаздырып алган варианты. — Бишкек: Кыргызстан-Сорос фонду: «Айбек» фирмасы, 1996. — 190 с.
7. Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. — М.: Наука, 1973. — 474 с.

8. Манас. Вариант С. Орозбакова. — Т. I. — М.: Наука, 1984. — 543 с.
 9. Манас. Вариант С. Орозбакова. — Т. 2. — М.: Наука, 1988. — 686 с.
 10. Манас. Вариант С. Орозбакова. — Т. 3. — М.: Наука, 1990. — 510 с.
 11. Эр Тоштук: Эпос. I-чи басылышы / Айтуучу С. Каралаев. — Фрунзе: Кыргызстан, 1981. — 334 б.
 12. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980. — 315 с.
 13. Архимандрит Макарий, основатель алтайской миссии. — Томск, 1892.
 14. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. — М., 1893 (переизд. Горно-Алтайск, 1993).
 15. Вербицкий В.И. Грамматика алтайского языка. — Казань, 1869 (переизд. Горно-Алтайск, 2005). — 364 с.
 16. Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. — Казань, 1884 (переизд. Горно-Алтайск, 2005). — 496 с.
 17. Записки миссионера Кебезенского отделения Алтайской миссии, священника Сергея Ивановского, за 1893 г. — Казань, 1894. — С. 43–60. — Отд. оттиск.
 18. Крейдун Ю.А. «Дальний баталион»: православные храмы Мыюты и Шебалино в XIX — начале XX вв. — Барнаул, 2013. — 159 с.
 19. Крейдун Ю.А. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии. — Б., 2016–204 с.
 20. Крейдун Ю.А. Храмы Горно-Алтайска и его предместий в XX — начале XXI вв. — 202 с.
 21. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек. 1994. — 151 с.
 22. Баялиева Т.Дж. Отражение ранних форм религии в кыргызском фольклоре // Из истории до-революционного Кыргызстана. — Фрунзе, 1984. — С. 181–197.
 23. Баялиева Т.Дж. Религиозные пережитки у киргизов и их преодоление. — Фрунзе: Илим, 1981. — 100 с.
 24. Бурханизм. Документы и материалы: в 2 частях / сост. Н.А. Мадурова, Н.А. Тадина. — Горно-Алтайск, 1994. — 330 с.
 25. Данилин А.Г. Бурханизм. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. — 206 с.
 26. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991. — 321 с.
 27. Потапов Л.П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 50–64.
 28. Потапов Л.П. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 3–36.
 29. Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. — Л., 1977. — С. 164–178.
 30. Расова Н.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви на Алтае в XIX — начале XX вв. — Горно-Алтайск, 2002.
 31. Закон Кыргызской Республики. О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике». 22 мая 2021 года № 63.
 32. Жапаров Ш. Кыргызская антропонимика. — Б., 1996.
- Информаторы:*
1. Тохнин Игорь, 1983 г.р., этн. гр. Сурас кыпчак, с. Каспа, Шебалинского района.
 2. Иркитов Олег, 1958 г.р., этн. гр. ирakit, с. Каспа, Шебалинского района.
 3. Мамакова (Яграшева) Светлана, 1962 г.р., этн. гр. тоолос, с. Каспа.
 4. Бадышева Мария Малчиновна, 1953 г.р., этн. гр. очы, с. Шыргайты, Шебалинского района.
 5. Яйтынова Зоя Анчиновна, 1953 г.р., этн. гр. Тас кобок, с. Шыргайты, Шебалинского района (родом из Чуйской долины).
 6. Кыпчакова (Табаева) Клара Михайловна, 1939 г.р., этн. гр. ак кобок с. Кырлык, Усть-Канского района.
 7. Акулова Танытпас, 1950 г.р., этн. гр. Иркит, с. Мондур-Соккон, Усть-Канского района.
 8. Сумин Владимир Михайлович, 21.04.1971 г.р., этн. гр. ак кобок, с. Ябоган, Усть-Канского района.
 9. Киндигов Николай, 1958 г.р., этн. гр. ак кобок, с. Ябоган, Усть-Канского района.

10. Балин Григорий, 1962 г. р., этн. гр. ак кобок, с. Кырлык, Усть-Канского района.

11. Ильмекова Чейнеш Ивановна, 1974 г. р., этн. гр. Сурас кыпчак, с. Кулады, Онгудайского района и др.

Сведения об авторе: *Алымкулова Сынару Кадыровна*, доктор исторических наук, профессор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, г. Бишкек, Кыргызстан, участница полевых этнологических экспедиций Алтайского государственного университета 2021–2022 гг., e-mail: kadyrkyzy@rambler.ru

УДК 394.262

С. В. Анчина

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И КУЛЬТ ГОР В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ АЛТАЙЦЕВ И КОРЕЙЦЕВ

Аннотация. Традиционная культура является одним из основных маркеров этнической идентичности. Культ гор как один из элементов традиционной культуры является ярким показателем идентичности алтайцев и корейцев в современном мире. Согласно метисационной гипотезе происхождения корейцев, в их культуре присутствуют черты, связанные с древними праалтайскими общностями. В данной статье рассматривается роль культа гор в календарной обрядовой культуре двух этносов: алтайцев и корейцев. Выделяется общее и особенное культа гор в календарной обрядности алтайцев и корейцев.

Ключевые слова: календарная обрядность, культ гор, алтайцы, корейцы, традиционная культура, горные духи.

S. V. Anchina

Research institute of altaistics named after S. S. Surazakov (Gorno-Altaysk, Russia)

CALENDAR RITES AND THE MOUNTAIN'S CULT IN TRADITIONAL CULTURES OF ALTAIANS AND KOREANS

Abstract. Traditional culture functions as the main marker of ethnic identity. The cult of mountains as one of the elements of traditional culture is a vivid indicator of the identity of the Altaians and Koreans in the modern world. According to the mestizaje hypothesis of the Koreans origin, their culture contains traits associated with ancient Praaltai communities. This article examines the role of the mountain cult in the calendar ritual culture of two ethnic groups: the Altaians and Koreans. The general and special role of the mountain cult in the calendar rituals of the Altaians and Koreans is emphasized.

Keywords: calendar rituals, cult of mountain, Altaians, Koreans, traditional culture, mountain spirits.

Обрядность как составная часть культуры отражает духовную сущность народа и его мироощущение в разные периоды исторического развития. Более того, обрядность отражает многообразное и сложное явление, которое передает последующим поколениям опыт, накопленный в борьбе за существование. Она проходит достаточно сложный и длинный путь. В результате новых жизненных условий одни обряды исчезают, а другие трансформируются, содержа в себе преж-

ние формы и рождая новые, которые будут отвечать новым потребностям и требованиям. Для сравнительного анализа обрядовой культуры алтайцев и корейцев в данной статье будет исследоваться календарная обрядность в контексте культа гор.

Как правило, обряды и ритуалы праздников календарного цикла у алтайцев проводятся на возвышенностях. Это может быть небольшая горка, если ландшафт степной, или высокое подножие горы. Считается, что на возвышенностях хорошо видны священные горы и местности, и моления будут хорошо услышаны духами гор. Поэтому все обряды проводятся на возвышенностях [1].

Обряды календарных праздников всегда связаны с жизнеутверждающей силой солнца. Поэтому важно учитывать стороны света при выборе местности проведения обрядов. Согласно традиционным воззрениям, восток связан с жизнью, поэтому место должно находиться на востоке. Более того, места проведения ритуала и обряда праздников календарного цикла обычно оснащаются узнаваемыми элементами. На этих местах устанавливаются символ духа-посредника Дьайык (*Дайык*) и жертвенник — *тагыл*. По отношению к таким местам соблюдаются ряд правил: нельзя шуметь, веселиться, женщинам запрещается подниматься с непокрытой головой. Нарушение этих правил влечет за собой плохие последствия в виде болезни, убыль и несчастья.

Традиционная календарная обрядность алтайцев представлена такими праздниками, как *Чагаа-Байрам*, *Дьылгайак* (*Дылгайак*), *Дьажыл-Бюр* (*Дажыл-Бюр*), *Сары-Бюр* (*Сары-Бюр*), и каждому из них соответствует определенное астрономическое явление. О начале года извещает *Чагаа*, который проходит в первое новолуние между январем и февралем. Праздник *Дьылгайак* соответствует весеннему равноденствию, то есть сообщает о начале весны. *Дьажыл-Бюр* проводится в мае-июне, и ему соответствует летнее солнцестояние. В сентябре-октябре проводится *Сары-Бюр*, который ориентируется на осеннее равноденствие. Более того, каждый календарный праздник извещает определенный хозяйственно-культурный цикл жизни общества. Например, *Чагаа* и *Дьылгайак* сообщают о весне, а *Дьажыл-Бюр* и *Сары-Бюр* вводят население в летний цикл работ и подготовку к холодному периоду года.

Календарную обрядность алтайцев открывает *Чагаа-Байрам*, праздник, который уведомляет о начале года. *Чагаа* начинается с раннего утра с обряда подношения *сан салары*, во время которого возжигают ритуальный огонь, угощают его, подвязывают ритуальные ленточки и проводят коллективное моление мюргююл (*мүргүйүл*). Во время моления восхваляют Алтай, обращаются к хозяину-духу Алтая, духам гор, перевалов и местности, в которой проживают, просят благополучного года, благополучия народу и семье. Обряд заканчивается ритуалом *дьерге анданары* (*жерге анданары*) и *дьыну* (*йыну*). *Дьерге анданары* — это ритуал скатывания перекатом со склона горы, а *дьыну* — катание со снежной горки. Считается, что во время перекатывания человек вбирает в себя силу земли, нового года и привлекает благодать, удачу, а снег очищает тело и одежду от скверны. Также участники под дружный смех и одобрение соревнуются в дальности переката, чем дальше, тем счастливее предстоит этому человеку прожить предстоящий год. А катания с горы после проведения обряда символизируют конец зимы, начало нового цикла, так как снег подвергается стиранию, вытаптыванию. Посредством игры и магических действий закладывался новый «порядок», новый виток жизни [2, с. 166].

Дьылгайак, которое соответствует весеннему равноденствию, сообщает о начале весны. Проведение обряда идентичен *Чагаа*. Обязательно повязывают ритуальные ленты (*кыйра*), где белая лента предназначена для божества *Алтай Кудай*, желтая — священным горам, тайге, перевалам, горным высотам, всей алтайской земле, зеленая лента посвящена всему, что имеет потенцию роста: природе, человеку, животным, растениям, и синяя — божеству *Кёк-Айас*, священным источникам, водопадам, рекам и озерам [2, с. 162–163].

Во время обряда разжигают ритуальный огонь на всех *тагылах* без использования бумаги. Каждый *тагыл* посвящен определенной священной горе. Для того, чтобы держать священную связь *тагыла* и реальной горы, с каждой горы заранее привозят по камню. К этим *тагылам* участники моления прикасались ладонями, проговаривая про себя молитвы об удаче, здоровье семье и роду в наступающем году. Прикосновение к *тагылам* означает прикосновение к священным горам, т. е. просили благополучия у священных гор. Более того, на *тагылах* расставляли фигурки шатра, символическое жертвоприношение горам.

С наступлением теплого времени года и начала нового сельскохозяйственного цикла в календарной обрядности алтайцев проводятся обряды весеннего моления *Дьажыл-Бюр*, буквально «зеле-

ная листва». Обряды весеннего моления связаны с появлением зеленой травы, листьев на деревьях. Во время моления люди восхваляют Духа-Хозяина Алтая, духов местностей, гор, рек и просят благословения человеку, скоту на предстоящее лето. Этот обряд проводится, когда в лесу начинается пение кукушки и распускаются зеленые листья на деревьях и кустарниках. Примерно во второй половине мая — начале июня. Основная цель этих молений заключается в выражении благодарности «хозяину» Алтая за пережитую зиму и успешную зимовку скота, и главная цель просить, чтобы лето было хорошим, дождливым и теплым [3, с. 34].

Весеннее моление *Дьажыл-Бюр* представляет собой целостный комплекс обрядов разных культов: культ гор, обряды восхваления Алтая, культ воды и целебных источников, скотоводческие и растительные культы. Однако несмотря на все многообразие, они соединились в единый комплекс, в котором доминирующим является культ плодородия. Обряды весеннего моления направлены на актуализацию светлых начал, чтобы духи и божества даровали здоровье людям и скоту, чтобы было много влаги для растительности, не было гибели людей и скота, болезни и несчастья [2, с. 203].

С наступлением осени и завершением летне-осенних сельскохозяйственных работ проводятся осенние моления *Сары-Бюр* (*Сары-Бүр*) букв. «желтая листва». *Сары-Бюр* проводится в середине сентября — начале октября. Осеннее коллективное моление имеет идентичную последовательность совершения ритуалов, что и при весеннем.

После предсказания (*белге*) во время моления *Сары-Бюр* участники проводят ритуал перекатывания вниз с горки (*дьерге анданар*). Перекатывание сочетает в себе не только игровую форму, но и содержит принципы семильной магии. По представлениям алтайцев, перекатываясь по земле, человек тем самым снимает с себя скверну, которая могла прилипнуть к нему, например, к одежде, также перекатами он продлевает свои годы, беря силы у земли [2, с. 239].

Осенние моления заканчивают годовой цикл календарной обрядности, подводят годовой итог жизнедеятельности человека, семьи, локального сообщества. Но моления демонстрируют не только положение дел, но, в первую очередь, они являются актом веры в помощь Духа-Хозяина Алтая, духов-хозяев местности, гор, долин, родной земли в то, что он, его семья, скот находятся под покровительством и защитой высших сил [2, с. 242].

Структурно обрядовые аспекты молений *Сары-Бюр* и *Дьажыл-Бюр* сходны. Такое сходство обусловлено не только одинаковыми обрядами и ритуальными действиями, но прежде всего одинаковыми потребностями и запросами. На осеннем молении просят об удачной зимовке, а на весеннем — удачный летний сезон. То есть цель молений — обеспечить выживание животных и людей зимой, а летом — прокормить скота, благодаря которому человек выживает и удачно перезимовывает.

Все ритуалы и обряды праздников *Чагаа-Байрам*, *Дьылгайак*, *Дьажыл-Бюр* (*Жажыл-Бүр*) и *Сары-Бюр* (*Сары-Бүр*) проводятся на возвышенностях, чаще на склоне или у подножья горы. После обряда эти места считаются священными, и посещать их без особой нужды запрещается.

В корейской культуре земледелие составляло основу хозяйственной деятельности. Пахотные земли размещались на приморских равнинах, в речных долинах и на отдельных склонах гор и их подножиях. Корейские горы, занимающие почти три четверти страны, не очень высоки, но из-за значительной крутизны склонов, лесистости и недостаточной мощности почвенного слоя они по большей части не пригодны для возделывания.

Однако в конце XIX в. усилилась экспроприация крестьянских земель и пахотные участки на равнинах выросли в цене. Это все заставило крестьян селиться даже в наиболее холодных частях нагорий и возделывать малоплодородные земли. Так, во многих горных долинах Кореи нередко пашни располагались на склонах крутизной до 50, возделанных не только в нижних горизонтах, но и в самых верхних, на высоте 500–800 м от дна долины [4, с. 16].

Для удержания воды на нагорных полях корейцы срезывали склоны гор террасообразно и окружали поля невысокими глиняными валами. Обработка полей, расположенных на горных склонах, требовала громадного труда из-за каменистости почвы, содержащей большое количество обломков горных пород. Земли на таких полях скоро истощались, поэтому на горах необходимо было по прошествии некоторого времени давать отдых пашне на несколько лет.

Основные приемы земледелия в Корее были выработаны много веков тому назад и передавались из поколения в поколение. Выработанный практикой народный календарь имел характер почти обя-

зательных указаний относительно сроков сеяния и жатвы, плодосменной системы, почвы, благоприятной для той или иной культуры, и т.д. Большую роль в земледелии Кореи играло орошение. Более того, корейцы проводили обряды у подножья горы, около священного дерева, на вершине горы и т.д., чтобы задобрить духов и просить хорошего урожая и благополучия семье.

Современная календарная обрядность корейцев представлена двумя главными праздниками: *Соллаль* (설날) и *Чусок* (추석). Однако традиционная календарная обрядность состоит из множества праздников, где важными были праздники *самчжилль*, *тонче* и *санче*.

Новый год является главным праздником любого народа. Согласно представлению человека, мифологическое время циклично, и созданное однажды богом время в течение года приходит в негодность. Поэтому возобновление хода времени является целью обряда в Новый год. Новогодний ритуал тоже проводится в наиболее сакральной точке — у почитаемого дерева, аналога, реплики Дерева Мирового, на вершине горы, символизирующей Мировую гору. И конечно, же этот ритуал начинается в определенный момент времени, соотносимый со временем Первотворения. Наиболее подходящие для этого временные координаты — это день весеннего равноденствия либо день зимнего солнцестояния, когда световой день начинает увеличиваться. Описание новогоднего ритуала в древней Корее сохранилось в древних анналах, где говорится, что в государстве Бо-цзи Новый год считали с апрельской луны [5, с. 85].

У корейцев принято новый год встречать на горе, встречая первые лучи солнца в первый день нового года. Таким образом, в современном обществе сохранилась культура встречать рассвет нового года на горе. Корейцы для этого поднимаются на вершины их священных гор, например, Чирисан, или же недалеко от дома поднимаются на холмы. На вершине холма или горы можно первым увидеть рассвет и получить благословение от духов, поэтому корейцы продолжают эту традицию и по сей день.

Во время нового года дома украшали орнаментами, чтобы задобрить духов, привлечь удачу. Так, изображение горы на орнаменте одной из новогодней символики обозначало благопожеланий долголетия, счастья, процветания.

Вслед за Новым годом следуют весенние и осенние обряды. Сейчас мы рассмотрим забытые обряды *тонче* и *санче*, которые играли в корейской культуре значительную роль.

Весенний (*тонче*) и осенний (*санче*) обряды совершались в критические, переломные моменты перехода природы, когда ощущалась необходимость обновления циклов ее развития путем приведения их в контакт с космическими силами, элементами природы, миром духов и другими сверхъестественными силами и существами [4, с. 57]. Весенние и осенние обряды у корейцев, как и у всех земледельческих народов, имели репродуктивный характер и были связаны с надеждами на благополучие и обильный урожай [5, с. 181].

Эти обряды совершались в сельских общинах Кореи до конца XIX в., а местами и сохранились до настоящего времени. В этих обрядах нашли отражение своеобразие отношений человека с природой, социального опыта и специфика восприятия мира, обусловленные исторически, прежде всего наличием земледелия как ведущей отрасли производства, и специфическим влиянием синкретических древних форм мировоззрения (мифопоэтического, магико-религиозного) и заимствованных, философских, морально этических учений и религий (даосизм, конфуцианство, буддизм). В структуре указанных обрядов значительное место занимали и выполняли важную роль такие символы, как горы, деревья, камни, также деревянные столбы со звероподобными ликами, шесты с фигурками птиц, соломенные жгуты и др. [4, с. 123].

Календарные обряды *тонче* и *санче* проводились у ритуального дерева. Знаком о начале проведения обряда в общине служили прикрепленные с помощью соломенной веревки к ритуальному дереву белые полосы бумаги, в то же время они являлись как бы запретительным знаком для посторонних, поскольку присутствие чужих во время ритуала было нежелательным. У дерева проигрывались социальные роли — центральную группу составляли пожилые мужчины, старики, хорошо знающие все тонкости проведения ритуала. Присутствие молодежи было ограничено, женщины не допускались. Дерево определяло и сакральное место общины. Около него возводили алтарь из камней, посвященный духам — защитникам общины. Под деревом устраивалась священная площадка, ее расчищали, посыпали песком. На ней помещали другие священные предметы: зарывали котел, предназначенный для варки жертвенного риса, бутыль с вином. Под деревом разжигали костры, на которых готовили жертвенные блюда.

В ритуалах жертвоприношения духам общины и духу гор женщины не принимали участия, поскольку в это время они приносили жертвы духам-охранителям семьи и дома. Устойчивость формы являлась важнейшим условием действенности обряда. Нарушение традиционных форм грозило бедствиями. Символы, обрядовые действия, жесты, слова сливались в единый ритуал, образовывали единый текст, призванный обеспечить обществу гармонию с природой, безопасность, внутреннее единство, гармонию, материальное благополучие и здоровье [5, с. 182].

Также большое значение придавали ритуалам около каменных куч — *сонхва* или *сонан*. Набор символов: деревья, каменные кучи, деревянные идолы и шесты — восходит к глубокой древности. Каждый из этих символов полисемантичен.

Стоит упомянуть о еще одном весеннем празднике, в обряде которого значительную роль играет гора. *Самчиль* — третий день третьего месяца совпадает с началом весны и является одним из красивых праздников весенней поры. Согласно самгук саги, этот праздник праздновался уже в государстве Когурё. В этот период горы покрываются цветущими травами и кустарниками, поэтому любованию цветением в горах стало излюбленным занятием молодежи. Более того, этот день считался Днем мальчиков, или Днем детей: женщины отправлялись к знаменитым горам и у священных каменных куч и деревьев возносили молитвы Небу, горному духу, в честь рождения ребенка, как правило, сына. В провинции Северная Чхунчхон бездетные женщины ходили к горам в сопровождении шаманки и возносили молитвы духу природы, покровительствующему детям. Раньше ученики конфуцианских школ в этот день совершали экскурсии в горы [6, с. 32].

Исследователь корейского шаманизма, Акиба Такаси, упомянул, что во время праздника встречи весны на шаманские алтари на вершинах гор приносят жертвоприношения: рисовые лепешки, голову или копыта быка, фрукты, вино. Все это предназначалось для предков и духов гор [4, с. 116].

Завершающим праздником календарного цикла является осенний праздник сбора урожая — *Чусок*. Этот праздник урожая и поминовения усопших родственников приходится на середину осени, чьи праздники посвящены кормлению голодных душ. Культ гор присутствует и в этом празднике. Корейцы в этот день делали многочисленные подношения в семейных святилищах, посещали могилы родственников. У могил ставили жертвенные блюда. От каждого блюда отделяли небольшую часть и заворачивали в бумагу. После церемонии эту бумагу с едой зарывали под каменной плитой или священным деревом горного духа (*саншин наму*) для хозяина-духа горы [6, с. 45].

Рассмотрев календарную обрядность алтайцев и корейцев, можно сказать следующее. Культ гор как комплексный культ существует во всех сферах жизни: он связан с различными обрядами повседневного быта, которые сопровождают человека с самого его рождения и до конца жизни.

Все обряды совершались на вершинах гор, холм, всех возвышенностей, которые находились рядом с людьми. Считалось, что молитвы, произнесенные во время обряда на вершине возвышенности, дойдут до адресата быстрее и желаемое скорее исполнится. Во время молитв алтайцы и корейцы обращались к духам-хозяевам священных гор, духу-хозяину всего Алтая и Корейского полуострова. Обязательно делали подношение горным духам.

Гора являлась источником жизни в буквальном значении. Например, горная система Пэктудэган — источник пресной воды для Корейского полуострова. Все истоки основных корейских рек можно найти вдоль этих горных хребтов. Вода — это источник жизни, поэтому корейцы на протяжении всей истории смотрели на Пэктудэган как на источник энергии и жизненной силы земли. Поэтому эта горная система, ее хребты были священными для корейского народа. То же самое касается и алтайцев. Алтайцы почитательно относятся к горе Уч-Сюмер, так как она является источником главной реки республики — Кадын (Катунь). На протяжении всей жизни человека гора кормила, одевала и защищала. Соответственно, гора стала отцом или матерью для алтайцев и корейцев, самым почитаемым природным объектом, где проводятся обряды, важные для жизни людей.

Список использованных источников и литературы

1. Респондент Ойношев В. П., 1960 года рождения: [интервью]. — Томск, 2023. — 1 флеш-накопитель. Личный архив автора.
2. Обрядность в традиционной культуре алтайцев: коллективная монография / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Е. Н. Кузьмина (науч. ред.), А. А. Конунов, Н. О. Тадышева. — Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2019. — 704 с.

3. Екеева Э. В., Муйтуева И. Н., Ойношев В. П. Символика и обрядность в традиционной культуре алтайцев. — Горно-Алтайск: БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова», 2020. — 272 с.

4. Ионова Ю. В., Самсонов Д. А. Этнография Кореи. — М.: Первое марта, 2011. — 424 с. URL: [https://archive.org/stream/etnografia_korei/Ионова%20Ю. В.%20Этнография%20Кореи%5B2011%5D_djvu.txt](https://archive.org/stream/etnografia_korei/Ионова%20Ю.В.%20Этнография%20Кореи%5B2011%5D_djvu.txt) (дата обращения: 15.05.2023).

5. Галиев А. А., Курманбекова В. Этническая семиотика корейцев. — Алматы: Полилингва, 2020. — 304 с.

6. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Годовой цикл. — М.: Наука, 1989. — 359 с.

Сведения об авторе: *Анчина Сырга Валерьевна*, младший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия; аспирант Томского государственного университета, г. Томск, Россия, e-mail: anchina.96@mail.ru

УДК 392 (575.2+571.151)

А. Кадыров

Баткенский государственный университет (Баткен, Кыргызстан)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются исторические связи кыргызов и алтайцев, которые в ходе этнокультурных процессов претерпели существенные изменения, тем не менее именно в них более всего прослеживается сохранность культурных традиций. Сделан акцент на историко-культурный феномен, который формируется под воздействием множества разнообразных факторов. Изучен широкий круг историко-культурных и этногенетических корней кыргызов и алтайцев. Проанализированы в научном аспекте археологические памятники, письменность, язык, традиционная культура, топонимические названия, обряды, национальные праздники двух народов. Рассмотрена возможность реконструкции архаичной картины мира кыргызов и алтайцев с изучением особенностей историко-культурных связей.

Ключевые слова: кыргызы, алтайцы, история, культура, топонимика, обряды, наследия, устойчивость.

A. Kadyrov

Batken State University (Batken, Kyrgyzstan)

HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS OF KYRGYZ AND ALTAI

Abstract. The article deals with the historical ties between the Kyrgyz and Altaians, which has undergone significant changes in the course of ethno-cultural processes, however, it is in it that the preservation of cultural traditions is more traced. Emphasis is placed on the historical and cultural phenomenon, which is formed under the influence of many different factors. A wide range of historical, cultural and ethnogenetic roots of the Kyrgyz and Altaians has been studied. Analyzed in the scientific aspect of archaeological sites, writing, language, traditional culture, toponymic names, rituals, national holidays of the two peoples. The possibility of reconstructing the archaic picture of the world of the Kyrgyz and Altaians with the study of the features of historical and cultural ties is considered.

Keywords: Kyrgyz, Altaians, history, culture, toponymy, rituals, heritage, sustainability.

Как отмечается в «Исторических рукописях» древнекитайского историка Сыма Цяня, истоки алтайцев восходят к теле и тюркским племенам, происходившим от древних гуннов. Дальнейшие научные исследования доказали, что нынешнее титульное население Горного Алтая является наследником древних гуннов, тюрков, уйгуров, кыргызов, кыданов, монголов и джунгар и их великой культуры.

Значительная часть научных исследований профессора В.Я. Бутанаева посвящена известному в науке «древнетюркскому периоду», точнее, этногенезу, расселению, культуре, обычаям и традициям, обрядам и ритуалам, философско-религиозным воззрениям, государственно-политической структуре, социальным группам и другим вопросам истории кыргызов и их исторических соседей эпохи каганатов. В изучении истории кыргызов Енисея и Центральной Азии ученый обратился к древним письменным источникам, материалам археологических исследований, научным монографиям, связанным с такими науками, как история и язык, фольклорными сведениями, сохранившимися в памяти народа [5, с. 53].

Республика Алтай является примером регионов страны с многовековым опытом межэтнического и межкультурного взаимодействия народов. Следует отметить и проживание в контактных зонах с различными этническими культурами. Под их влиянием традиционная культура потерпела существенную трансформацию, что привело к утрате некоторых элементов в культуре и формированию ее локальных вариантов.

Известный тюрколог А.Н. Бернштам обратился к изучению влияния древних племен на формирование этногенеза киргизов [3, с. 48]. Если киргизский народ состоит в основном из сорока племен, основу алтайского этноса тоже составляет родовая структура. Каждый человек из этих двух этносов с детских лет должен знать, к какому роду относится. О родовой принадлежности друг друга знают все — родственники, соседи и знакомые.

Кыргызы с древних времен из поколения в поколение доносили — санжыра (шежире) о происхождении своего рода. Алтайцы родовую принадлежность называют «сёоками». Сёок передается по линии отца и буквально означает «кость» и как патрилинейное и экзогамное подразделение соответствует понятию «род».

Каждый ведет себя с учетом того, к какому роду относится он и окружающие — к сёоку отца или родственному сёоку (карындаш сёок), сватовскому сёоку (куда сёок) или к сёоку матери (таай сёок). Традиция учета родовой принадлежности продолжает активно бытовать — среди алтайцев принято осведомляться об этом. Обычно при знакомстве называют не только имя и фамилию, но и свой сёок и сёок матери. Даже незнакомый человек, принадлежащий к одному из сёоков по линии отца или матери, мужа или жены считается родственником. Без понимания важности принадлежности к сёоку невозможно соблюдение родственных и сватовских отношений, обычаев авункулата (между племянником и дядей по матери), нормы родовой экзогамии (запрета брака как внутри сёока-рода, так и между родственными сёоками, ведущего к инцесту и нарушению системы родства). Необходимость учитывать принадлежность к сёоку дает ориентир в достаточно сложных (с точки зрения человека европейской культуры) правилах общения.

Из сёоков-родов алтайцев встречаются у кыргызов. К ним относятся сёоки кыпчак, тёёлёс, майман, мундус, меркит, могол, бурут. Об этнонимах алтайских родов: «Сами названия алтайских, по крайней мере, южноалтайских, родов показывают, что многие из них являются как бы обломками целых племен и народов, в разное время оставивших следы своего пребывания в Алтае» [10, с. 155].

Этногенетическая связь алтайцев и кыргызов обоснована южносибирским происхождением и прослеживается в их языковом сходстве, физическом типе, общих этнонимах.

В родовом сознании алтайцев закреплена система символов сёоков. В ней входит родовой знак — тамга, природные атрибуты — почитаемое родовое животное/птица, родовая территория, обозначаемая вершиной горного хребта и окружающей тайгой. У каждого из сорока племен киргизов были родовые знаки — тамга и они отличались друг от друга, каждая тамга имела свое значение.

Установление ареалов географических названий имеет целью обозначить пути миграции населения в далеком прошлом. Каждое географическое имя прожило долгую историю, оно всегда служило человеку «ниточной связи» с географической средой, поэтому в топониме отразились все сферы социального общения человека, культуры, жизненного уклада, географической среды [8, с. 3].

Несмотря на то, что расположение Кыргызстана и Республики Алтай разное, сходство топонимов в них повышает интерес. Хотя некоторые из этих имен различаются только по звучанию, большинство из них используются буквально. Например: Ак-Талаа, Ат-Башы, Балыкчы, Бешпек, Кочкор, Кок-Таш, Куланак, Кызыл-Кия, Сары-Таш, Суу-Башы, Талды-Суу, Туура-Таш, Учар, Чангыр-Таш и другие населенные пункты, Айдын-Куль, Аю-Куль, Борюлы, Зыланды, Кан, Кара-Булак, Кара-Кол, Кара-Суу, Куркуре, Нарын-Коол, Туз-Куль, Сок и другие топонимы встречаются по обеим сторонам. Так как такие имена расположены в разных регионах обеих сторон, можно отметить, что акцент делается не только на их местонахождении, но и на его значении.

Например: Балыкчы — название реки, горы и селения в Улаганском районе на левом берегу озера Тулес на Алтае (Балык, Балык-Суу, Балыкту, Балыкты-Джул, Балыкту-Куль, Балыкчы, Балыкчы-Баши), а в Кыргызстане это название города на Иссык-Куле, также встречаются названия Балыкты, Балыкты-Ашуу, Балыкты-Жон, Балыкты-Суу.

Топонимия Алтая является неопровержимым свидетельством былых связей алтайских тюрок с монголами и калмыками. Она отражает не только историческое, но и языковое общение народов, которое началось до нашей эры и продолжается в настоящее время.

Предки алтайцев издавна соприкасались с древними киргизами и кыпчаками. Таким образом, язык южноалтайского народа сохранил общность с древним кыргызским языком, свою древнюю основу, и в то же время перенял элементы кыпчакского языка [2, с. 63].

Сходство современного алтайского языка с древнетюркскими языками можно увидеть в названии животного цикла восточного календаря. Из двенадцати лет имена девяти схожи с именами алтайских и древнетюркских языков: мышь, корова, леопард, дракон, змея, овца, обезьяна, курица, собака. Это показывает генетическое сходство алтайского языка с древними киргизскими, древними огузскими и древними уйгурскими языками.

На Енисее зачатки письменной культуры возникли еще в таштыкское время, когда на скалах и поставленных стелах изображались тамги, счетные знаки, пиктограммы. В свое время В. Радлов высказал свое наблюдение о значительной древности енисейского письма по сравнению с орхонскими памятниками. В начале VIII в. н. э. у кыргызов уже существовала письменность и обычай устанавливать после смерти государственного деятеля памятную эпитафию с описаниям его заслуг. «Письмо их и язык совершенно сходные с хойхускими», — отмечали танские хроники [4, с. 353].

Кыргызский алфавит состоял из 39 не соединявшихся на письме знаков, хорошо приспособленных для вырезания на дереве и камне. Обычно знаки наносились горизонтальными строками и читались справа налево. Письменность точно передавала фонетические особенности тюркских языков, как так согласные буквы имели два варианта написания в зависимости от того, с каким гласным они употреблялись. Кыргызские памятники письменности созданы на едином литературном языке древнетюркского мира, господствовавшем в VIII–IX вв. на просторах Центральной Азии. Этот литературный язык обладал стилистическим единообразием и набором стандартных образных средств. Ярким свидетельством принадлежности памятников письменности кыргызским скотоводам является вырезанные на них тамги. Они были совершенно аналогичны знакам собственности, которым пользовались вплоть до начала XX в. кыргызские роды тувинцев и хакасов [6, с. 78].

В долине Верхнего Енисея, на территории Тувы и Хонгарая обнаружено более 150 памятников древнетюркской письменности. Они относятся ко времени существования Кыргызского государства [5, с. 144]. Такие письменные памятники широко распространены на территории Центральной Азии.

Фольклорное наследие тянь-шанских кыргызов сохраняет культуру и общность саяно-алтайских тюрок (хакасов, тувинцев, алтайцев, шорцев), наследие духовного богатства энесайских кыргызов [7, с. 3].

В современном обществе с распространением массовой профессиональной культуры и нивелированием его этнической специфики именно традиционная обрядность наряду с другими проявлениями духовной культуры и языком становится выразителем самобытности этноса. Семейная обрядность, связанная с переломными моментами в жизни каждого человека, с изменением его социального статуса в семье и обществе (рождением, свадьбой, похоронами), отличается высоким уровнем сохранения традиционных элементов и является одной из консервативных сфер традиционной культуры [9, с. 211].

Кыргызские и алтайские древние обряды — свадебные (сватовство, сговор родителей, выплата калыма, проведение тоя), похоронно-поминальные (поминки на третий, седьмой и сороковой день), очищение можжевельным дымом, посещение с подарками и другие сохранились до сих пор.

Таштыкской эпохе принадлежит большое количество древних оросительных систем, распространенных по всей территории Минусинской котловины. Массовые находки орудий земледелия говорят нам о высоком уровне развития сельского хозяйства и широком распространении земледелия среди местного населения.

Следует отметить, что очень часто у народов Алтайской цивилизации совпадает даже название традиционных игр: эр сайыш — единоборство двух всадников на пиках, оодарыш — борьба всадников на конях, джамбы атмай — стрельба из лука на скаку по подвешенной мишени, жаа атмай — стрельба из лука, ат чабыш — конные скачки, кок бору — на поле играют две команды конных всадников, задача которых поднять с земли тушу козла и забросить её в «казан» команды соперника.

Национальный праздник «Эл ойундары» принадлежит алтайским народностям. Эти игры проводятся раз в два года, в них принимают участие все алтайские народы и иностранные гости. Заключительное выступление спортсменов-конников на самых выносливых и быстроногих лошадях-аргымаках можно назвать кульминацией спортивного праздника, где победителей ждет ценный приз. Аналогичные празднества характерны для хакасов, тувинцев, шорцев, бурятов [1, с. 71].

Национальные игры алтайских народов являются средством воспитания людей, в особенности молодежи, способствовали становлению полноправных и достойных членов общества, их социализации, подготовка к отражению возможного нападения врага.

Кыргызская Республика стала инициатором проведения Всемирных игр кочевников. Целями игр стали сохранение и возрождение культуры кочевых народов мира через укрепление культурных связей между-странами участниками, вывод на международный уровень национальных видов спорта, кочевых народов мира. Практика проведения конно-спортивных игр широко представлена в Российской Федерации, в частности на Алтае, Хакасии, Туве, Бурятии и. т.д.

В результате было отмечено, что, несмотря на то, что исторические и культурные связи между кыргызами и алтайцами многогранны, они имеют свои особенности и исторически важные моменты.

Список использованных источников и литературы

1. Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи: сборник международного форума. — Б., 2017. 992 с.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. — М., 1960. — 383 с.
3. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. — М.; Л., 1946. — 560 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. — М.; Л., 1950. — 436 с.
5. Бутанаев В.Я. Государство кыргызов на Енисее в древнетюркскую и монгольскую эпоху. — Б., 2016. — 304 с.
6. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. — М., 1972. — 276 с.
7. Жаныбекова К.Р. Профессор В.Я. Бутанаев: Энесай кыргыздары жана алардын тарыхый тагдырлары. — Б., 2016. — 166 с.
8. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 1979. — С. 3.
9. Тадышева Н.О. Обрядность в традиционной культуре Алтайцев. Народы Евразии: история, культура, языки. — Горно-Алтайск, 2017. — 512 с.
10. Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев: сибирский этнографический сборник. — М.; Л., 1947.

Сведения об авторе: *Кадыров Авдинаби Аззамбаевич*, профессор кафедры истории и права Баткенского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Баткен, Кыргызстан

УДК 93/94

Ж. Н. Шайгозова

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

ТРАДИЦИОННЫЙ ОРНАМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХСТАНА: ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье представлено исследование роли орнамента как изобразительной формы коммуникации в современном художественном пространстве на примере различных жанров современной казахстанской живописи и декоративно-прикладного искусства. Это позволяет нам утверждать, что орнамент сейчас, как и в традиционной культуре, играет важную роль в процессах коммуникации, между художником и реципиентом. То есть он может быть и субъектом повествования, а в другой — его объектом. Причем орнамент в современной реальности способен репрезентировать разные культурные смыслы, порой самые разные и неоднозначные.

Ключевые слова: традиционный орнамент, современное искусство, Казахстан, знаково-символический контекст.

Zh. N. Shaygozova

Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

TRADITIONAL ORNAMENT IN THE CONTEMPORARY ART OF KAZAKHSTAN: SYMBOLIC CONTEXT

Abstract. The article presents a study of the role of ornament as a visual form of communication in the modern art space, using the example of various genres of modern Kazakh painting and decorative and applied art. This allows us to assert that the ornament now, as in traditional culture, plays an important role in the communication processes between the artist and the recipient. That is, he can be the subject of the narrative and, in another sense, its object. Moreover, the ornament in modern reality is able to represent different cultural meanings, sometimes very different and ambiguous.

Keywords: traditional ornament, modern art, Kazakhstan, symbolic context.

Орнамент как одна из форм изобразительной коммуникации неизменно рассматривается в лоне визуальной семиотики, которая, по словам С. С. Аванесова, демонстрирует «полидисциплинарность семиотической исследовательской стратегии» [1, с. 15]. В этом разделе орнамент (казахский и шире тюркский) рассматривается в качестве визуального сообщения активно, с использованием в современном художественном пространстве — изобразительном искусстве (живописи, графике) и дизайне Казахстана. Основным источником исследования выступает красочный альбом, подготовленный известным культурологом Г. К. Шалабаевой «Космос казахского орнамента: традиции национального орнамента в изобразительном искусстве Казахстана» [2]. В Альбоме автор собрала наиболее значимые творческие произведения казахстанских художников, где одним из основных элементов изображения выступает казахский орнамент. Как пишет Г. К. Шалабаева, орнаментальная вязь, яркие краски природы, понимание красоты мира выявляют народное мирозерцание и мироотношение. Орнамент не является хаотичным набором узоров. Это первые попытки абстрактного воплощения трансцендентальности и завершенности бытия [2, с. 13].

Думается, как и в традиционном искусстве, орнамент в творчестве современных художников несет в себе важную информационную нагрузку, представляясь в качестве «канала» репрезентации раз-

ных культурно значимых смыслов, а их рассмотрение через призму семиотического подхода позволит рельефнее обозначить зашифрованный смысл уже известных и популярных картин.

В настоящем исследовании автор ставит перед собой скромную цель — наметить некоторые вопросы исследования роли орнамента как изобразительной формы коммуникации в современном художественном пространстве на примере различных жанров казахстанской живописи и декоративно-прикладного искусства. Разумеется, материал не претендует на исчерпывающую полноту исследования этого сложного вопроса.

Орнамент в натюрморте Казахстана: поэтическая суть обыденного. Анализируя жанр натюрморта с перспективы семиотики, Ю. М. Лотман писал, что он может показаться всего лишь данью примитивного натурализма, показывающего всего лишь «ловкое мастерство и более ничего...» Такое представление ошибочно: перед нами игра на грани, требующая изощренного семиотического чувства и свидетельствующая о сложных динамических процессах...» [3]. Сила натюрморта как раз и состоит «в способности поэтического проникновения в скрытую жизнь, казалось бы, самых обыденных вещей» [4, с. 565], пишет Е. Водонос. Действительно, обыденные вещи в картине становятся «живыми», несущими определенную мысль, идею, значение и смысл.

В ряду легендарных художников-шестидесятников, в чьих произведениях особое внимание уделяется союзу орнамента и натюрморта стало многогранное творчество первой профессиональной художницы Айши Галымбаевой. Ее по праву называют основательницей казахского натюрморта, ею виртуозно написаны многие произведения, составляющие золотой фонд национальной живописи. Творческая карьера Айши Галымбаевой многопланова, что выразилось в ее активной деятельности как художника-постановщика ряда фильмов («Поэма о любви», «Девушка-джигит», «Его время придет», «Это было в Шугле» и др.). Основная специальность мастера не могла не отразиться в ее творчестве как живописца, ведь кино и изобразительное искусство, как известно, оперируют иконическими образами.

Обратимся к натюрморту Айши Галымбаевой «Три века» (1956), на котором изображены бронзовый котел, керамический кувшин с геометрическим орнаментом на подставке, керамическая чаша с четырехлепестковым орнаментом и два лимона. Предметы изображены на темной скатерти с вышивкой с растительным орнаментом, небольшой по объему фон занимают два крупных рогообразных завитка. Рядом с предметами художница поместила два ярко-желтых лимона. Здесь, таким образом, орнамент словно опоясывает представленные в натюрморте вещи. Преобладающий колорит картины темноват, а яркие цветовые пятна образуются за счет видимой внутренней стороны чаши, двух лимонов и мягкого пастельного фона.

Согласно семиотическому подходу, иконические знаки могут воспроизводить отдельные качества означаемого, целостный облик означаемого, то есть в натюрморте «Три века» три обозначенных сосуда являются репрезентациями трех исторических периодов: изображение неизобразимого.

С позиции символики в традиционной культуре любой сосуд магически значим и имеет свойственные ему магические функции. Если бронзовый котел с сакских времен — выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения — сохранялось на протяжении веков (по Г. С. Джумабековой), то декоративные гончарные изделия специально изготавливались для особенных случаев, торжественных мероприятий в доме: свадьба, рождение детей и т. д. и понимались как вместилище благодати, жизни и т. д. При всей статичности образов изобразительного искусства, которое лишено по своей природной сути возможности развития во времени, здесь по задумке мастера с помощью древних артефактов передаются не только три исторических периода (века), но и их внутренняя взаимосвязь, историческая последовательность и культурная преемственность. Так, рогообразный завиток на стене, растительный орнамент дастархана и лепестковый крест в декоре чаши несут в себе идеи Времени, глубинной связи предметов с жизнью универсума, т. е. здесь, выражаясь словами Л. Мочалова [5], «микрокосм натюрморта» становится образной моделью отношений и связей космического порядка» и, без сомнения, связи эпох. Ведь орнаментальные знаки-символы на древней керамике словно «магические формулы, графические зафиксированные моления, обращенные к высшим силам» [6, с. 111]. Казалось бы, из этой общей смысловой канвы выпадают два фрукта, не характерные степной культуре. Но это плоды земли, олицетворение полноты жизни и наступающей новой эпохи. Общий темный колорит натюрморта можно трактовать как отсыл художницы к понятию *қара* (черный, темный), который в традиционной культуре связан с обозначением древности, сакральности.

Айша Галымбаева в силу своей профессиональной деятельности серьезно занималась изучением традиционного казахского искусства, его особенностей, что в полной мере нашло отражение в ее творчестве. Пример тому — натюрморт «Дастархан» (1959). Эта работа Айши Галымбаевой во многом стала знаковым произведением, о нем, ссылаясь на Б. Барманкулову, Е. И. Резникова пишет следующее: «Занятно, что узор на бело-красном аяккапе [войлочная орнаментированная сумка для хранения посуды в быту кочевников. — *Е. Р.*] весело вторит спиралям хвороста. Можно сказать, что с этого столика с яствами в творчестве Галымбаевой появится жанровый сюжет своего рода казахских завтраков» [7, с. 241]. Здесь, опять же, орнамент пропитал всю структуру повествования, он повсюду: на фоне в виде узоров ворсового ковра, упомятой войлочной сумы, на посуде, на полотенце и, даже как метко подметила Б. Барманкулова, узнается в завитках лакомства (хворост). Орнамент, яркий и контрастный колорит картины и, конечно, само изображаемое — дастархан репрезентирует ощущение праздника, продуцирует торжественность. Перед нами настоящий живописный натюрморт. Символику дастархана подчеркивает и белая скатерть «ақ дастарқан» — сакральный центр юрты, символ семейного счастья, гостепреимства и благих намерений как хозяев дастархана, так и гостей. И как правильно пишет Е. И. Резникова, камерные композиции передают состояние торжественности накрытого стола в ожидании желанного гостя — предвкушение душевной беседы, вкусного чаепития, радости общения [7, с. 243]. Ту же праздничность и торжество жизни мы видим в других работах художницы «Натюрморт с арбузом» (1960) и «Аяқ қап» (1960), где орнамент снова занимает весь фон произведения или является доминантой изображения и задает общий настрой произведения. Увидеть и воплотить невидимые, но ощутимые культурные смыслы, связанные с такими традиционными понятиями, как ақ дастарқан, гостепреимство, духовная связь — вот главный посыл картины, народная философия в красках.

Значим орнамент и в натюрморте «Кумысница» (1967), принадлежащий перу не менее знаменитой художницы Гулфайруз Исмаиловой. В целом, о натюрмортах художницы искусствовед Е. И. Резникова пишет: в камерном жанре натюрморта ей удастся достичь особой театральности действия, где взаиморасположение предметов выстраивается в картине по всем законам сценической постановки. Тщательная композиционная продуманность, направленный, как на сцене, свет, сосредоточение всех предметов на первом плане и фон как задник в театре, легкий наклон столешницы, открывающий оптимальный угол зрения — все это позволяет рассмотреть каждого «персонажа» очень внимательно [7, с. 244]. Как и у Айши Галымбаевой, в творчестве Гулфайруз Исмаиловой мы видим влияние профессии — художник театра и кино. Она является художником-постановщиком знаменитой киносатиры «Кыз жибек».

В свою очередь, театр — это главная арена зарождения семиотических идей, где зритель «ни одной минуты не забывает, что перед ним актеры, которые играют, а актеры, что перед ними зрительный зал, а под ногами сцена, а по бокам — декорации. Как в картине: глядя на нее, ни на минуту не забываешь, что это — краски, полотно, кисть, а вместе с тем получаешь высшее и просветленное чувство жизни. И даже часто так: чем больше картина, тем сильнее чувство жизни» [8, с. 95]. Так и в натюрморте «Кумысница» (в некоторых источниках просто «Кумыс») на традиционном низком столике изображен специальный деревянный набор для кумыса — большая чаша (тегеш), пиалы, ковш и др. Общая голубоватая тональность композиции вместе с полными чашами белого кумыса, белой скатерти и достаточно объемным орнаментом в виде мирового древа и другими орнаментальными мотивами на фоне как нельзя лучше передает торжественность описываемой ситуации, сцены.

Сам колорит натюрморта в сочетании с сакральным белым цветом кумыса и скатерти отсылает нас к голубовато-серебристому Небу, к Тенгри. Для художницы собранные в единую композицию это — не просто предметы, а участники сакрального действия — трапезы. Ритуализация повседневности как способ наведения связей между прошлым и настоящим, обыденным и сакральным, преходящим и вечным, конкретным и всеобщим ассоциировалась в этнокультурной традиции с принципом воссоздания изначального порядка [9, с. 43], так о казахстанской живописи пишет искусствовед Р. А. Ергалиева. Справедливо это утверждение и для натюрморта «Кумысница». Орнамент же, встречаемый не только на фоне в натюрморте, но и на декоре посуды и других предметов композиции, словно невидимыми «сетями» объединяет всю композицию, усиливая лирику повествования, язык ассоциации, метафор. Здесь ритм орнамента совпадает с ритмом бытия, «вековечным ладом органического жития» (выражение Н. А. Бердяева) кочевников в виде не просто бытового употребле-

ния кумыса, а коллективного действия объединяющего, одухотворяющего, сакрального. Кумыс у казахов — дар Небесной кобылицы, с которым связаны праздники, обряды и ритуалы. Изображаемая сцена в этом натюрморте может отражать один из элементов стройной системы кумысных праздников — кымыз мұрындық — торжественное угощение первым весенним кумысом дорогих гостей.

Орнамент — главное «действующее лицо» в натюрморте Исмаиловой «Головные уборы» (1967), где изображены три вида свадебных головных уборов саукеле и ювелирные украшения: браслет с тремя кольцами, нагрудное украшение — ониржиек и пояс. Такой предметный репертуар не случаен, все они атрибуты невесты, где каждый элемент декора — орнамента символизирует пожелание счастья, изобилия, долголетия хозяйке. Как известно, сама конусообразная форма саукеле — это символ Мировой горы, надев которую невеста обозначает свой новый статус — будущей жены, хозяйки священного очага. Этот ее новый статус с возложенными на него «полномочиями» народного гения словно утверждает, подтверждает изобильный орнаментальный декор (своеобразный документ, удостоверяющий личность невесты). В целом, в анализируемых натюрмортах орнамент вместе с изображаемыми предметами воспринимается целиком, общим планом (даже при условии доминирования орнамента-фона), что отождествляется с зеркалом сцены или конкретного кадра в фильме. Роль общего плана — охват общего действия, показ места действия.

Орнамент занимает львиную долю в работе другой казахстанской художницы Эмилии Бабад «Натюрморт с кошмой и кумганом» (1958). Здесь изображен текемет, решенный в акварельных тонах белого, красного, голубого и темного цветов с бронзовым кумганом на подносе. Рядом с кумганом — автором помещены мусульманские четки, а это в пору расцвета советских догм, когда любые проявления религиозной духовности резко осуждалось и, по крайней мере не приветствовалось. Сам кумган применялся для омовения, т. е. в картине запечатлены атрибуты подготовки человека к разговору с Богом, где орнамент — язык вечности помогает «настроиться» на этот важный разговор.

Следующая работа художницы «Натюрморт с кумганом» (1970-е годы), где на заднем фоне опять фигурирует орнамент, а на переднем — кумган, яркий чайник, круглые лепешки и фрукты. В каждой композиции Бабад мы видим всегда верхний ракурс, светлая, жизнерадостная палитра, много воздуха и света. Орнамент и здесь занимает доминирующее положение, ненавязчиво повествуя о Вечности. В отличие от первой работы художницы, здесь кумган — это инструмент омовения рук. Обычно его подносят гостям для мытья рук уже непосредственно к трапезе в знак глубокого уважения. При этом строго соблюдается определенный этикет: младшие поливают руки старшим в три поворота и исключительно с правой стороны. В ответ старшие обязательно дают благословение — бата поливающему «Будь большой и здоровый!», «Будь счастлив!» и т. д.

Орнамент в портрете и сюжетной композиции: летопись времен и индивидуализация образа. Семиотика портрета — интересная и одновременно очень сложная тема, к которой в гуманитарной науке обращались и обращаются до сих пор. Одной из последних работ в русскоязычной литературе, которая не может не привлечь внимание, книга Веры Донской-Хилько и Геннадия Хилько «Семиотика портрета. Курс семиотики портрета и ню» (2019), где на разных примерах авторы стремятся поведать о смысловом содержании этого жанра. Привлекает мысль В. Донской-Хилько о том, что любой предмет, вещь и даже банан, вписанный в холст или в скульптуру, уже становится символом, а не просто «банан иногда просто банан». Думается, так и орнамент — не просто орнамент в портрете, используемый для красоты, а обдуманная стратегия художника, позволяющая ему донести главную идею изобразительного повествования.

Исходя из обозначенной логики, рассмотрим творчество казахстанских портретистов, где орнамент занимает не последнее место в общей канве повествования. Первой картиной в обозначенном ракурсе мы бы назвали композицию Гулфайруз Исмаиловой «Народная мастерица» (1967). Этот портрет — центральная часть триптиха с двумя натюрмортами «Головные уборы» и «Кумысница». Прообразом мастерицы стала бабушка художницы, которую она считала своим первым проводником в мир красоты традиционной культуры, в мир искусства. На картине изображена женщина в белом кимешек, сидящей в традиционной позе, скрестив ноги пятками под себя («малдас құру» или поза «по-турецки») и положив руки на ноги, в окружении орнамента — сырмака, текемета, баскуров. При всем разнообразии орнаментов колорит картины спокойный и гармоничный. Сама героиня повествования не только в священном для казахских женщин головном уборе — символе муд-

рости, но и сама в общей плоскости картины расположена ближе к верхнему плану, к сакральному верху. Нехарактерна и поза героини, свойственная в основном мужскому полу, и хорошо акцентированные руки, способные создать всю красоту, что художница расположила вокруг героини. Этот акцент — своеобразная смысловая доминанта картины. Поза сидящей — поза уверенной в себе женщины, которая наряду с мужчинами благодаря своему авторитету и мастерству заслужила в определенном возрасте сидеть так, как и мужчины.

Притягивает спокойное лицо, прямой взгляд мастерицы, направленный на зрителя, полон достоинства. А поза, композиция (тяготение к верху), одежда и окружающий орнамент больше тяготеют не к академическому решению портрета, а скорее к театральной декорации к эпосу — отражению некоего фольклорного сюжета или даже, как определяет Ю. М. Лотман, «философский жанр живописи». Он в основе своей строится на сопоставлении того, *что человек есть*, и того, *чем человек должен быть* [3].

Орнамент словно «обнимает» молодую супружескую пару в картине Ария Школьного «Санжар и Жамал» (1968). Художника образно называют певцом казахской земли, ведь все его работы посвящены Казахстану, его людям, природе. По словам дочери художника, искусствоведа Ирины Школьной, в творческой манере художника проявляется синтез живописи и традиционного казахского прикладного искусства, а люди на его полотнах часто пребывают в состоянии созерцательного покоя или неторопливого движения, что является характерным качеством степняков. Анализируемая картина решена художником в едином теплом красно-коричневом колорите, но достаточно ярком и контрастном. Задний фон оформлен в виде большого войлочного ковра с традиционными узорами. Вдали виднеется пейзаж с юртой и намечены животные. Именно последнее вносит в картину динамизм, по-лотмонавски понимаемый как «движение через неподвижность». Герои изображены сидящими в традиционных позах, а рядом низкий круглый стол с лепешками и пиалами белого цвета — приглашает к дастархану. Лица героев спокойны, взгляд направлен к зрителю. Во всей сущности героев чувствуется достоинство и одновременно простота, свойственная сельским жителям. Здесь художником запечатлена повседневная жизнь обычной молодой семьи, и представление на фоне орнаментального текемета неслучайно, ведь каждая женщина еще в ту пору могла сама изготовить подобное изделие, что считалось обычным явлением.

Практически аналогично построена картина «Мелодия» (1968) Евгения Умыскова, где практически весь фон и пол картины снова занимает орнаментированная кошма; мягкий, пастельно решенный цвет, которой словно вселенской любовью объединяет семейство в единое. Бабушка со снохой и внуком изображены сидящими справа, а молодой отец семейства акцентирован контрастным пятном и изображен сидящим в традиционной позе. Именно орнамент, на наш взгляд, дал повод художнику назвать картину «Мелодия», мягкие переливы которого словно музыка степей — неизменный спутник казахов.

Орнамент играет значимую роль и в сюжетных композициях. Так, орнамент — неизменный спутник и своеобразный «документатор» творчества самобытного художника Нурлана Килибаева. Практически все его портреты сопровождаются традиционными узорами, органично вплетаясь в повествование. К примеру, композиция «Жеты казына» (2016), где изображены семь богатств настоящего джигита: умная жена, быстроногий скакун, охотничий беркут, преданный пес, ружье, капкан и казан. Как мы видим, орнамент отражен не только в декоре костюма главных героев, но по типу арабески «развивается» снизу вверх, словно стремится покрыть все пространство картины. Если обратиться к символике арабескового узора как такового, который осмысливается в качестве связующих нитей трех миров — Нижнего, Среднего и Верхнего (аналог мирового древа), то здесь художник так своеобразно попытался отразить желание любого джигита, его молитвы и обращение к Всевышнему Тенгри о даровании ему этих богатств.

С этой работой, в плане использования арабескового узора, но неизменно в казахском стиле представлена композиция «Кездесу» (2016) — встреча двух влюбленных, где орнамент как мелодия любви обволакивает героев и погружает зрителя вместе с ними дымку Тайны Мироздания. В рассматриваемом ракурсе привлекают и портреты художника, в основной массе женские. Каждый женский образ Нурлана Килибаева неизменно возведен в ранг возвышенного поэтического, он изображает наших современниц как прекрасных сказочных принцесс и не менее обворожительных степных

воительниц прошлого. И это не удивительно, ведь миф питает сознание людей, живущих в мире вечных ценностей — любви и гармонии.

Союз орнамента и животных мы видим и в работах не менее известного художника Серики Тайнова, в таких работах как «Символ плодородия» (2006) и «Кочевник» (2006). Орнамент и свойственная ему декоративность становятся главными акцентами в обеих картинах. В первой изображен кошкар, переданный в массе в виде традиционного волнообразного мотива су и геометрических спиралевидных завитков. Во второй картине сам кочевник и его конь представлены как целостные орнаментальные мотивы, решенные в гармоничном единстве геометрических элементов и рогообразных завитков. Яркий колорит картин тяготеет к цветовой символике традиционного казахского искусства.

Главным становится орнамент в творчестве и Натальи Баженовой — талантливой художницы и искусствоведа одновременно. Это такие работы как «Взгляд из прошлого» (2007) и «Стержень мироздания» (2007). Обе работы выполнены в технике чия, однако практически монохромно — лишь в противопоставлении двух контрастов — темного и светлого. В обеих работах изображено Мировое древо, в одном случае его ветви, как два крыла птицы, взмывают вверх, в другом оно изображено уравновешенно статично, цементируя свою суть — стержень.

В технике құрақ плодотворно с орнаментом работает следующая известная художница — Нурия Бикинеева. Это такие ее работы, как «Диалог контрастов» (2006), «Виток» (2006) и «Золотое руно» (2006). Технически сложно воспроизводимый в этой технике завиток не сжимает творческую потенцию художницы, а, наоборот, позволил ей выразить основной смысл композиций. В одном случае вечный диалог разного (мужского и женского, белого и черного, света и тьмы), в другом — витков жизни, событий и т.д., в третьем — золотого руна, символа богатства и благоденствия.

Целую оду казахскому орнаменту посвятила Нелли Бубэ — одна из знаковых фигур казахстанского искусства сегодняшнего дня. Ее картины «Түйе табан», «Сыңар мүйіз», «Қолтық ою», «Бөкен мүйіз», «Тоғыз төбе», «Гүл», «Қарға тұяқ», «Арқар мүйіз», «Қошқар мүйіз» и «Сынық мүйіз» созданы в смешанной технике в 2006 году. Весь набор элементов-узоров по большому счету составляют основной фундамент казахской орнаментальной системы, где каждый из них представляет собой емкий знак-символ. Наверное, поэтому художница их изображает отдельно каждый, но и помещает их в поле многогранника, тем самым подчеркивая их фундаментальность в мировоззрении казахов. О творчестве Нелли Бубэ искусствоведы пишут: орнаментальные мотивы проявляются и в композиционном построении, и в характерной рефренности — использовании раппорта, и в осознанном упрощении изображения или сведении его к знаку-символу. Орнамент может быть центром композиции или вспомогательным элементом, но всегда несет в себе энергетический посыл благопожеланий [16].

Таким образом, исследование роли орнамента как изобразительной формы коммуникации в современном художественном пространстве на примере различных жанров современной казахстанской живописи и декоративно-прикладного искусства позволяет нам утверждать, что он (орнамент), как и раньше, играет важную роль в процессах коммуникации, между художником и реципиентом. То есть он может быть и субъектом повествования, и его объектом. При этом орнамент способен репрезентировать разные культурные смыслы, порой самые разные и неоднозначные, становясь «отпечатком культурного языка эпохи и личности своего создателя» [3].

Список использованных источников и литературы

1. Аванесов С. С. Что можно назвать визуальной семиотикой? // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЕНМА. Journal of Visual Semiotics). — 2014. — Вып. 1 (1). — С. 10–22.
2. Шалабаева Г. К. Космос казахского орнамента: традиции национального орнамента в изобразительном искусстве Казахстана. — Алматы, 2008. — 200 с.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. — 543 с.
4. Водонос Е. Рецензия на книгу Л. Мочалова «Три века русского натюрморта» // Искусствознание. — 2013. — С. 565–573.
5. Мочалов Л. Три века русского натюрморта. — М.: Белый город, 2012. — 514 с.
6. Кокумбаева Б. Д. Культурология тенгрианского искусства: учебное пособие. — Павлодар: Научно-издательский центр ПГПИ, 2012. — 156 с.

7. Резникова Е. И. Эволюция казахстанского натюрморта на примере коллекции Государственного музея искусств Республики Казахстан имени А. Кастеева // Вопросы музеологии. — 2021. — № 12 (2). — С. 238–256. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu27.2021.207>.
8. Мейерхольд В. Э. Из писем о театре // Весы. — 1907. — № 6. — С. 95.
9. История казахского искусства. Том 3: Искусство Казахстана нового и новейшего времени. — Алматы, 2009. — 896 с.
10. Пушина Н. И., Маханькова П. Ю. Семиотика натюрморта в пространстве художественного текста (на примере произведений С. Моэма «Луна и грош», «Рождественские каникулы») // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и философия». — 2015. — № 3. — С. 136–144.
11. Донская-Хилько В., Хилько Г. Семиотика портрета. Курс семиотики портрета и Нью. — М., 2019. — 320 с.
12. Личман Е. Ю., Каирова М. К. Художественные средства создания портрета в литературе и живописи Казахстана середины XX в. // Вестник Евразийского национального университета имени А. Н. Гумилева. Серия Филология. — 2022. — № 141 (4). С. 106–118.
13. «Сказка» Марии Лизогуб — как художница обошла строгие каноны соцреализма. URL: <https://toppress.kz/article/skazka-marii-lizogub-kak-hudozhnica-oboshla-strogie-kanoni-socrealizma> (дата обращения: 12.06.2023).
14. Григорьева Д. А. Семиотический подход к исследованию предметного мира в искусстве // Актуальные проблемы теории и истории искусства. — 2016. — № 6. — С. 755–764.
15. Резникова Е. Я закрыла глаза, чтобы увидеть (материал О. Власенко). URL: https://inbusiness.kz/ru/stop_cadre/ya-zakryla-glaza-chtoby-videt (дата обращения: 12.06.2023).
16. Резникова Е. Художественный мир Нелли Бубэ. URL: <https://nomadmgz.kz/index.php/iskusstvo/151-khudozhestvennyj-mir-nelli-bube> (дата обращения: 12.06.2023).

Сведения об авторе: *Шайгозова Ж. Н.*, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор Казахского национального педагогического университета им. Абая, член Национального комитета по охране нематериального культурного наследия Казахстана при Национальной комиссии Республики Казахстан по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО, г. Алматы, Казахстан

УДК 314.93

В. М. Дамдынчап

Тувинский государственный университет (Кызыл, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается развитие цифровых технологий на современном этапе в рамках цифровой гуманитаристики или Digital Humanities. Цифровой поворот начала 2000-х годов в гуманитарных науках изменил методы изучения, расширил простор в направлении междисциплинарных исследований. Опыт преподавателей Тувинского государственного университета представлен разными проектами в области лингвистики, истории, антропологии, исторической реконструкции.

Ключевые слова: Digital Humanities, цифровая гуманитаристика, базы данных, цифровой проект, национальный корпус, 3D-реконструкция.

V. M. Damdynchap

Tuvan State University (Kyzyl, Russia)

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE: APPLICATION EXPERIENCE

Abstract. The article examines the development of digital technologies at the present stage within the framework of digital humanities or Digital Humanities. The digital turn of the early 2000s in the humanities changed the methods of study and expanded the scope in the direction of interdisciplinary research. The experience of teachers at Tuva State University is represented by various projects in the field of linguistics, history, anthropology, and historical reconstruction.

Keywords: Digital Humanities, digital humanities, databases, digital project, national corpus, 3D reconstruction.

Прогресс цифровых технологий изменил не только повседневную жизнь, но активно влияет и на развитие гуманитарных наук. Открываются возможности для новых проектов и использования новых исследовательских методов, основанных на междисциплинарности. Междисциплинарное исследование расширяет возможности научного поиска за счет использования методов разных дисциплин и направлений. В данной статье раскрываются возможности информатики и гуманитарных наук на региональном материале. На современном этапе в связи с развитием компьютерных технологий поле междисциплинарности расширяется. В рамках гуманитарных наук применение компьютерных технологий открывает новые задачи, методы для изучения.

Историки и филологи первыми стали применять возможности цифровой эпохи. Оцифровка текстов, применение компьютерных технологий в анализе текстовых документов, создание лингвистических ресурсов помогли филологам обозначить современные направления исследований.

В исторической науке пошли по пути создания корпуса цифровых источников, баз данных, электронных архивов. Одним из новых и перспективных направлений становится историческая информатика [1, с. 279–289]. С 2005 года начался цифровой поворот в гуманитарных науках и оформилось направление цифровых гуманитарных наук. Цифровая гуманитаристика институционализировалась еще раньше и обзор проблем в ее развитии представлен в сборнике «Компаньон по цифровым гуманитарным наукам» [2].

Как отмечает в своей статье Г. В. Можаяева: «Цифровые гуманитарные науки, Digital Humanities — междисциплинарная область исследований, соединяющая методiku и практику гуманитарных, социальных и вычислительных наук для изучения возможностей применения и интерпретации новых цифровых и информационно-коммуникационных технологий, систематического использования цифровых ресурсов в гуманитарных и социокультурных исследованиях и образовании» [3, с. 73–81]. Более подробно проблема дефиниции Digital Humanities раскрывается в статье А. Володина [4, с. 5–12]. В настоящее время в мире существуют сотни центров, заявляющих среди научных интересов и цифровую гуманитаристику. Достаточно подробно описаны центры Digital Humanities в статье Г. В. Можаяевой [3, с. 73–81].

Состояние Digital Humanities и возможные опасности в их развитии проанализировал немецкий исследователь Манфред Таллер, который акцентировал внимание на сужении области применения исследовательских методов в пользу информационных технологий [5, с. 5–13]. На начальном этапе развития компьютеризации происходило развитие оцифровки документов, создание корпуса текстов, баз данных. Следующим этапом, как считает М. Таллер, является «Получение новой информации с использованием текстов или образов («фактов») и дальнейшего анализа совокупности этих «фактов» (базы данных, методы статистического анализа, географические информационные системы, геопространственное моделирование и др.) в истории, антропологии, археологии, истории искусства, где рассматриваются социальные явления или материальные объекты» [5, с. 5–13]. В своем манифесте М. Дакос раскрывает возможности Digital Humanities: «Цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинарны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания,

связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук» [6]. Авторы считают, что «Курсы по «Digital Humanities» должны быть включены в учебные программы по гуманитарным и общественным специальностям, литературе и искусству» [6]. С чем трудно не согласиться, цифровые технологии прочно вошли в работу гуманитариев и значительно облегчают научные изыскания: «Digital Humanities является новым междисциплинарным направлением, в котором сочетаются методики и практики гуманитарных наук и цифровых технологий» [3, с. 79]. За небольшой период существования данного направления очень много сделано исследователями в области сохранения историко-культурного, языкового наследия и определены новые горизонты исследований. В рамках эссе ограничимся кратким обзором развития Digital Humanities.

Научно-образовательные проекты, реализующие междисциплинарные принципы на стыке информатики и гуманитарных наук, разрабатываются в Тувинском государственном университете с 2009 года. Первыми на этом поприще стали филологи, создавшие цифровой проект по электронным образовательным ресурсам на тувинском языке. В дальнейшем определилась новая задача по созданию веб-ресурса «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)», <https://pisateli-tuvy.ru/>. Данный сайт представляет собой информационно-образовательный ресурс, над которым работали научно-образовательный центр «Тюркология» Тувинского государственного университета под руководством М. В. Бавуу-Сюрюн. Большую помощь оказал Институт развития национальной школы Республики Тыва. Преподаватели и студенты филологического факультета кропотливо собирали базу данных более 100 писателей Тувы. К работе были подключены студенты информатики под руководством С. М. Далаа, разработавшие электронную оболочку и сайт проекта. Как отмечает М. В. Бавуу-Сюрюн, «работа над проектом была организована по принципу сетевого взаимодействия учреждений общего, высшего профессионального и дополнительного образования с привлечением ученых республики» [7, с. 53–58]. Собраны на сайте материалы по всем писателям Тувы и тем, кто писал про Туву, разделенные на отдельные категории по жанрам, биографиям, литературной критике. Создана интерактивная карта Тувы, где размещены данные о писателях по районам их проживания или рождения. Собран большой материал из газет, журналов, видеозаписи, песни и др.

С 2011 года по руководством к. ф. н. А. Я. Салчак началась работа над большим проектом, который был поддержан грантом РГНФ «Электронный корпус текстов тувинского языка» [8, с. 110–114.]. Учеными была проделана большая работа по созданию лингвистической базы данных в области тувинской филологии с использованием цифровых технологий. Созданная ими база данных на основе приложения Microsoft Access позволит использовать статистические методы в изучении лексики и глаголов тувинского языка. Одним из промежуточных результатов является работа над электронным словарем «ТывЛин»: «Текстовая часть электронного словаря была сделана исполнителем проекта А. В. Байыр-оол «ТывЛин» — разработанный по принципу электронных словарей ABBYY Lingvo электронный словарь, представляющий собой компьютерную программу, осуществляющий главным образом поиск тувинских слов с примерами и их переводов на русский язык. Эта программа предоставляет интуитивно понятный пользовательский интерфейс для перевода слов с тувинского языка на русский. Необходимое слово вводится с клавиатуры или находится из общего списка, и по нажатию клавиши «Enter» выводится его перевод» [8, с. 112]. Посмотреть проект можно по ссылке <https://www.tuvancorpus.ru/>.

В дальнейшем к работе в этом направлении подключились историки. На базе исторического факультета был разработан проект «Электронный словарь «Традиционная культура тувинцев» (рук. В. М. Дамдынчап). В нем собраны исторические, этнографические материалы. База данных по 13 категориям: обычаи и обряды, хозяйство, орудия труда, жилище, утварь, религии, фольклор, горловое пение и др. Были собраны более 500 дефиниций, подобраны фото- и видеоматериалы. Электронная оболочка ресурса была разработана к. ф.-м. н., доцентом кафедры информатики С. М. Далаа. На основе этого словаря был создан электронный ресурс «Материальная культура тувинцев». Работа над проектом продолжается и результатом станет создание сайта для доступности материалов.

В направлении исторической информатики ведется научно-исследовательская работа со студентами исторического факультета под руководством А. А. Стороженко, которые разрабатывают проекты по визуальной реконструкции исторических зданий г. Кызыла, интерактивные карты миграций

русского населения. Под руководством Т. В. Ляндуп ведется работа по созданию интерактивной карты археологических памятников Тувы.

Конечно, это небольшой задел, который начали историки, но интерес к таким проектам большой и у преподавателей, и студентов.

Междисциплинарные проекты расширяют возможности гуманитарных исследований, особенно в области истории. Приоритетными направлениями исторических исследований на истфаке являются:

- создание цифровых коллекций архивных документов по истории ТувГУ;
- организация баз данных по исторической географии, истории Тувы, устно-исторических источников;
- создание 3D-моделей и реконструкция историко-культурных памятников;
- использование ГИС-технологий в изучении исторических процессов.

Междисциплинарное взаимодействие реализуется и в образовательных программах, поддержанных программой **Эразмус +**, совместно с преподавателями исторического, физико-математического и филологического факультетов ведется работа по разработке образовательной программы магистратуры по «Цифровизации историко-культурного наследия». В этом году открыта программа «Цифровая среда исторического образования».

Таким образом, в рамках данных междисциплинарных проектов собраны данные для дальнейшего изучения, осмысления исторического прошлого, изучения лингвистических процессов. В рамках филологии — создание новых цифровых библиотечных ресурсов, по истории — цифровая реконструкция, создание электронных музейных коллекций ТувГУ. В настоящее время трехмерные реконструкции стали строгим научным методом. И это позволит расширить возможности сохранения историко-культурного наследия и повысит просветительские возможности ресурсов.

Список использованных источников и литературы

1. Владимиров В. Н. Интернет для историка: и все-таки новая парадигма! // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции АИК. — М., 2001. — С. 279–289.
2. Schreibman S., Siemens R., Unsworth J. (ed.). A Companion to Digital Humanities. Blackwell Publishing, 2004. URL: <http://www.digitalhumanities.org/companion/> (дата обращения: 26.07.2023).
3. Можаяева Г. В., Можаяева-Ренья П. Н., Сербин В. А. Цифровая гуманитаристика: организационные формы и инфраструктура исследований // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 73–81.
4. Володин А. Digital humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Серия «История». — 2014. — Т. 26. № 3. — С. 5–12.
5. Таллер М. Дискуссии вокруг «Digital Humanities» // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. — 2012. — № 1. — С. 5–13. URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_5-13.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
6. Манифест «Digital Humanities». URL: <http://tcp.hypotheses.org/501> (дата обращения: 26.07.2023).
7. Бавуу-Сюрюн М. В Потенциал электронного образовательного ресурса «Тываның чогаалчылары (Писатели Тувы)» // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. Г. Боргоякова. — Абакан, 2016. — С. 53–58. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26226752_51150338.pdf (дата обращения: 26.07.2023).
8. Салчак А. Я. Электронный корпус текстов тувинского языка // Новые исследования Тувы. — 2012. — № 3. — С. 110–114. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18216680_49667184.pdf (дата обращения: 26.07.2023).

Сведения об авторе: Дамдынчан Вера Монгушевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, археологии и документоведения Тувинского государственного университета, г. Кызыл, Россия, e-mail: damdvera@yandex.ru

УДК 392.813

Э. Г. Торусhev

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

РОЛЬ СУБПРОДУКТОВ В ПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

*Исследование выполнено за счет гранта РФФИ и Республики Алтай в рамках научного проекта
№ 20-49-040009 p_a*

Аннотация. Мясо и мясные продукты в питании населения Республики Алтай составляют основу рациона. Именно эти животноводческие продукты обеспечивают жизнедеятельность жителей региона в суровых условиях Сибири. В работе рассмотрено, как население региона перерабатывает субпродукты для употребления в пищу. Субпродукты составляют до 18–20% к массе туши животного в зависимости от его вида, породы, пола, возраста и упитанности. Поэтому пища, приготовленная из субпродуктов, играет значительную роль в жизнеобеспечении населения Республики Алтай.

Ключевые слова: Республика Алтай, мясо, субпродукты, варить, жарить.

E. G. Torushev

S. S. Surazakova Research Institute of Altaic (Gorno-Altai, Russia)

THE ROLE OF OFFAL IN THE NUTRITION OF THE POPULATION OF THE ALTAI REPUBLIC

Abstract. Meat and meat products form the basis of population's food ration of the Altai Republic. In harsh conditions of Siberia precisely these livestock products ensure vital activity of the region's residents. This research is about population's processing of by-products' for food consumption. Meat by-products compose up to 18–20% of the animal's carcass weight, depending on its species, breed, sex, age and fatness. Therefore, food prepared from meat by-products plays a significant role in livelihood of population of the Altai Republic.

Keywords: Altai Republic, meat, offal, cook, fry.

Республика Алтай (Ойротской автономной области, 1922–1948 гг., Горно-Алтайской автономной области, 1948–1992 гг.), субъект Российской Федерации, расположенный в пределах горной системы Алтай. На северо-западе граничит с Алтайским краем, на севере — с Кемеровской областью и Республикой Хакасия, на востоке — с Республикой Тыва, далее с сопредельными территориями Монголии (на юго-востоке), Китайской Народной Республики (на юге) и Казахстана (на юго-западе) [1].

Республика Алтай — это многонациональный субъект Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи 2020 г., большую часть населения региона составляли русские — 50,4%, коренное население алтайцы — 34,7%, теленгиты — 1,2%, тубалары — 1,6%, кумандинцы — 0,5%, челканцы — 0,5%, из других групп казахи — 6,0%, украинцы — 0,2%, немцы — 0,2% [2].

В 2000-х гг., как и в предшествующие периоды, в питании коренного населения и казахов Республики Алтай мясо остается одним из главных продуктов. В связи с чем забитое животное используется полностью. Например, при забое КРС, мелкого рогатого скота, лошадей в пищу употребляют большую часть внутренних органов, это: сердце, легкие, диафрагму, печень, селезенка, многокамерного желудка (который состоит из четырех камер (у жвачных): рубец, сетка, книжка, сычуг), кишечника (который имеет следующие сегменты: тонкая кишка и толстая кишка. Тонкая кишка имеет отделы: двенадцатиперстной кишки, тощей кишки, подвздошной кишки. И толстая кишка, в которой есть отделы: слепая кишка, ободочная, прямая кишки). Отметим, что все внутренности брюшной полости обязательно тщательно моют, обычно этим занимаются женщины [3].

При забое мелкого рогатого скота коренное население Горного Алтая обязательно готовят кровяную колбасу — *кан*. Кровь для колбасы разминают до получения однородной консистенции, добавляют к ней молоко, соль и мелко накрошенный лук. Затем кровь разливают в сычуг (*јумур*), слепую кишку (*мёөн*) и в прямую кишку (*кыйма*). Чтобы кровь не вылилась, у сычуга сучеными нитками завязывают разрез, через который вливали кровь, а у прямой кишки завязывают оба конца. Эти кушанья варят примерно 10–15 мин., готовность определяется прокалыванием тонкой деревянной заостренной палочкой. Особенно вкусна колбаса, приготовленная в прямой кишке. У коренного населения считается, что блюдо *кан* нужно употребить в тот же день, как только кровь залили в сычуг или в кишки. Так как при долгом хранении даже в замороженном виде кровь теряет свои первичные вкусовые качества [4, 3].

Из внутренностей овцы и козы готовят *дьоргом* (*жоргом* — у казахов). *Дьоргом* готовят из отделов желудка — рубца (*карын*) и сетки (*көстү карын*), тощих кишок (*ичегелер*) и жировой сетки (*карынжу*). Рубец, сетку, жировую сетку разрезают на полоски. Затем полоски желудка и жировую часть заплетают тощими кишками в косички. *Дьоргом* варят и подают на стол. Часто и русскоязычное население Республики Алтай при забое овец также готовит кровяную колбасу и *дьоргом* [4; 3;].

Деликатесом считается фаршированная селезенка (*теңіујн*). Селезенку баранины или говядины надрезают с внутренней стороны, не разрезая краев, наполняют фаршем, затем зашпиливают мелкой веточкой или переплетают обработанной кишкой баранины, для фарша используют внутренний жир, соль, дикорастущий лук, чеснок. Печень (*буур*) ломтиками, перемешанными с кусочками курдючного сала, нанизывают на палочки (*тиш*) или на шампур и жарят на раскаленных углях. В некоторых случаях ломтики печени заворачивают в жировую сетку, также нанизывают на палочки или на шампур и жарят на раскаленных углях [5, с. 35].

В сегодняшние дни у коренного населения и казахов Горного Алтая одним из любимых блюд, как и в предшествующие периоды, остаются *каазы* и *карта*, которые готовят из внутренностей лошади. *Карта* — это толстая кишка лошади, для употребления ее выворачивают наизнанку, жиром вовнутрь. *Карта* тщательно промывают, чтобы удалить слизь. После ее варят в подсоленной воде около двух часов. Можно употреблять горячим или охлажденным. Блюдо *каазы* готовят из жира брюшины (сам жир брюшины лошади алтайцы так и называют — *каазы*) лошади, по консистенции и вкусу очень нежное, с тонким вкусом. Этот жир набивают в двенадцатиперстную кишку вперемешку с мясом. Иногда для начинки используют ребро лошади с мясом. *Каазы* употребляют в вареном виде. В 2000-х гг. *каазы* и *карта* можно отнести к деликатесным блюдам, которые подают по особым случаям, например, на свадьбах. Также из *карта* готовят колбасу с мясной начинкой — *чукчук*. Толстую кишку перевязывают с одной стороны и начинают фаршем, перекрученной через мясорубку конины, внутреннего сала, лука или чеснока, соли. После наполнения завязывается вторая сторона кишки. *Чукчук* варят в подсоленной воде на медленном огне около двух часов [3, 4].

Коренное население Горного Алтая при забое КРС готовит желудок (*карын*) и кишечник. Эти субпродукты отрезают и варят. У тубаларов такое блюдо так и называется — *карын*. В сегодняшние дни население региона из отваренного желудка приготавливают различные кушанья. Например, желудок разрезают и пропускают в мясорубку. Затем измельченный *карын* кладут в сковороду, где жарят с луком. И когда блюдо почти готово, в него добавляют перец и чеснок. Это кушанье едят горячим [5, с. 227].

При забое КРС челканцы заготавливают *шакныш* — это говяжий рубец, наполненный кровью, кусочками мяса, ливером и различными специями. Затем полученную массу замораживают, зимой нарезают кусок нужного размера и варят на воде с домашней лапшой. Также челканцы варят *перек* — блюдо из пресного теста с начинкой из внутреннего говяжьего жира (часто это жировая сетка), нарезанного на мелкие кубики, с добавлением картошки, лука и соли. Лепят *перек* в форме вареников и варят в подсоленной воде с лавровым листом до готовности [5, с. 243].

Алтайцы и казахи из прямой кишки (*кыйма*) КРС и овец готовят блюдо *кыйма*. Для приготовления этого кушанья кишку выворачивают, чтобы жир с внешней стороны оказался внутри. И вывороченную прямую кишку начиняют мясом, заправляют чесноком, луком и перцем. Перед употреблением *кыйма* варят [6, 7].

Коренное население Горного Алтая топленое масло, молочный продукт — *арчи* хранят в естественной емкости — *куук*. Сам *куук* изготавливают из мочевого пузыря (который так и называют

ся — куук), также из слепой кишки овечки (*мёөн*). В этой естественной емкости продукты хорошо сохраняются [4].

Из кухни русского населения самыми распространенными блюдами из субпродуктов являются холодец (студень) и сальтисон. У многих семей алтайцев уже стало традицией готовить эти блюда [3, 4].

Холодец изготавливают из мясопродуктов нижних конечностей ножек КРС и свиней (все информанты нижние части конечностей, КРС и свиней, оканчивающихся копытом, называют ножками). Ножки тщательно опаливают паяльной лампой или горелкой, периодически чистят ножом. В процессе обработки огнем у ножек начинают отслаиваться роговые капсулы с копыт и их снимают с помощью ножа. Затем опаленные конечности моют в горячей воде, скоблят ножом или металлической губкой. Конечности обязательно должны быть с кожей. Так, в нашей беседе информант отметила, что именно опаленная и вычищенная кожа дает вкус холодцу. Ножки долго варят в емкости, если точнее, тушат на плите или в печи на слабом огне. В бульон кладут цельный лавровый лист, лук и морковь. Когда мясо и жилы начинают отделяться от костей, ножки вытаскивают, оставшийся бульон в емкости процеживают, «бульон должен быть прозрачный». От кости ножек отделяют мясо и жилы, их перекручивают в мясорубке или мелко нарезают кусочками, добавляют перец, чеснок и другие пряности. Затем полученную массу кладут в емкость, заливают бульоном, перемешивают, дают застыть. Некоторые хозяйки в холодец добавляют желатин. Похожим образом население Горного Алтая готовят блюдо сальтисон, но только из голов КРС и свиней. При приготовлении из голов свиньи обычно срезают часть сала, чтобы продукт не был слишком жирным. Также голову долго варят. Когда мягкие ткани мяса и жилы начинают отделяться от кости, голову достают. Затем мягкие ткани срезают с кости головы. Некоторые люди в срезанное мясо и жилы добавляют головной мозг, который достают из вареного черепа животного. Все эти мягкие ткани перекручивают, измельчая до пастообразной массы, добавляют перец, чеснок и пряности. Затем эту массу кладут в емкость и охлаждают [8].

Также из головы свиней готовят *зельц*. Процесс обработки похож на сальтисон, но после варки мягкие ткани головы срезают, отделив от кости. Эти мягкие ткани не измельчают, а кладут под гнет [8].

Из печени готовят паштет. Для этого кушанья используют печень всех домашних копытных и птиц, которые выращивают в регионе. Обычно печень варят. Затем измельчают в мясорубке или блендере. В эту массу добавляют сливочное масло или вареное свиное сало и специи.

Во время закалывания свиней часто уши животных отрезают, солят и опаливают паяльной лампой до готовности. Обычно это кушанье готовят детям [9].

У население региона из свиных субпродуктов принято готовить и ливерную колбасу. Сначала варят сердце, легкие, печень и почки, затем их измельчают в мясорубке. В полученную массу добавляют молоко, чеснок и приправы. Подготовленный ливерный фарш набивают в свиную гузенку (прямая кишка). Некоторые хозяева при забое овец ливер набивают в сычуг животного. Эти блюда употребляют в вареном виде.

Также из говяжьей головы делают тушенку. Говяжью голову долго варят, затем, когда мягкие ткани начинают отходить от кости, в бульон добавляют чеснок и специи. Мягкие ткани отделяют от костей, кладут в банки, заливают бульоном. Затем банки закатывают. В нашей беседе информант из с. Курай Кош-Агачского района отметил, что из одной головы КРС она получает десять полулитровых банок [10].

В целом печень, легкие, сердце, почки, вымя население региона употребляют различным способом. Как просто их варят, жарят, так из них готовят и различные блюда. Например, в сегодняшние дни, как и ранее, готовят пироги с печенью, ливером. В нашей беседе информант рассказала, что она из сердца животного готовит фарш для пельменей. Фарш в основном состоит из измельченного на мясорубке сердца, также в него добавляют небольшое количество мяса. Вкусными считаются языки КРС, мелкого рогатого скота, лошади. Из них также готовят различные кушанья. В сегодняшние дни большое количество кулинарных рецептов хозяйки берут из Интернета [9, 10].

Таким образом, для населения Горного Алтая субпродукты являются важной частью рациона. В приготовлении субпродуктов можно выделить две традиции: местных коренных жителей и пришедшего русскоязычного населения. Так, у коренного населения распространено употребление внутренностей мелкого рогатого скота, КРС, лошадей. Из этих субпродуктов готовят различные блюда. Например, из внутренностей мелкого рогатого скота готовят кровяную колбасу — *канн*, *дьоргом* и т.д., а из внутренностей лошади — *казы* и *карта*. Из субпродуктов КРС чалканцы готовят *шакпыш*.

Одним из самых распространенных блюд привнесенным от русскоязычного населения Горного Алтая стал холодец (студень) и сальтисон, а также паштет и ливерная колбаса. В целом население Горного Алтая из субпродуктов готовит различные кушанья. Их варят, жарят, часто они входят в ингредиенты многих блюд.

Надо отметить, так как Республика Алтай — это многонациональный регион, поэтому произошло взаимопроникновение культур питания. Часто русскоязычное население употребляет кровяную колбасу — или *дьоргом*. У коренного населения распространенным стал холодец и сальтисон.

Список использованных источников и литературы

1. Алтай. Большая российская энциклопедия — электронная версия. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5595462> (дата обращения: 18.09.2023).
2. Национальный состав населения по городскому округу, муниципальным районам Республики Алтай. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser> (дата обращения: 18.09.2023).
3. НА НИИА. МНЭ (Научный архив Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Материалы научной экспедиции). Дело (Д.) № 252 [Кудирмеков Г. П. 1961 г. р.].
4. НА НИИА. МНЭ. Д. № 251 [Айтпасова Р. М. 1957 г. р.].
5. Этнографический атлас Республики Алтай / редкол.: Н. В. Екеев (отв. ред.), Э. В. Енчинов (науч. ред.), Г. Б. Эшматова, А. П. Чемчиева; НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. — Горно-Алтайск, 2022. — 462 с.
6. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248 [Мундусов В. Э. 1965 г. р.].
7. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248 [Аккожанова Е. С. 1960 г. р.].
8. НА НИИА. МНЭ. Д. № 249 [Казанцева Н. В. 1982 г. р.].
9. НА НИИА. МНЭ. Д. № 249 [Казанцев И. В. 1980 г. р.].
10. НА НИИА. МНЭ. Д. № 248 [Баданова Ч. М. 1968 г. р.].

Сведения об авторе: *Торушев Эркем Геннадьевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: erktor@mail.ru

УДК 93/94

А. Ибрагимов

Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ КАЗАХСТАНА

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли этнокультурных традиций в современной художественной практике Казахстана. Мы уверены в том, что культурные традиции Казахстана оказывают огромное влияние на современное искусство, вдохновляя художников и способствуя созданию уникальных произведений. Исследование охватывает художественную практику живописцев Казахстана, относящихся к различным этносам, и анализирует взаимодействие этнокультурных мо-

тивов и современных тенденций, а также то, как художники интегрируют этнические символы и образы в свои произведения.

Ключевые слова: этнокультурные традиции, Казахстан, художественные практики, толерантность и взаимообогащение.

A. Ibragimov

Abai Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

ETHNOCULTURAL TRADITIONS IN THE CONTEXT OF MODERN ARTISTIC PRACTICE OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the study of the role of ethno-cultural traditions in the modern artistic practice of Kazakhstan. We firmly believe that the cultural traditions of Kazakhstan exert a significant influence on contemporary art, inspiring artists and contributing to the creation of unique works.

The research encompasses the artistic practices of painters in Kazakhstan belonging to various ethnic groups. It analyzes the interaction between ethnocultural motives and modern trends, as well as how artists integrate ethnic symbols and images into their works.

Keywords: ethnocultural traditions, Kazakhstan, artistic practices, tolerance, mutual enrichment.

Современный художественный мир Казахстана является уникальной платформой, на которой сливаются воедино богатое наследие самых разных этнических культур и современные творческие подходы искусства. Этот синтез стал неотъемлемой частью современной художественной практики в стране, обогащая искусство новыми смысловыми контекстами и интерпретациями.

Становление профессиональной школы Казахстана связано с именем Н. Г. Хлудова, а его живописные работы — это самобытное связующее звено между русским ориентализмом XVIII–XIX веков и казахской профессиональной живописью XX века. Воссоздав в художественных образах разные стороны жизни степи, его полотна во всей совокупности правоты очевидца и восприятия чужестранца по праву входят в бесценную сокровищницу национального культурного наследия казахов [1]. Традиции, заложенные Хлудовым, продолжали многие поколения казахстанских художников.

В последние годы множество талантливых и одаренных художников все чаще обращаются к этнокультурной тематике. По словам доктора культурологии О. Г. Беломоевой, для рубежа XX–XXI вв. наиболее характерны три пути сохранения уникальности культур: «самобытность как форма закрытости», «самобытность в условиях открытости», «самобытность, устремленная в будущее».

Анализ казахстанских художественных практик на современном этапе характеризуется многими отечественными искусствоведами в рамках третьего направления «самобытность, устремленная в будущее». Именно «самобытность, устремленная в будущее» создает почву для формирования гражданского общества и проведения политики культурного плюрализма [2]. Ведь Казахстан — страна, где проживают в мире и согласии более 130 этносов, что в полной мере демонстрируют работы казахстанских художников — представителей разных национальностей.

В ряду первых — известный казахстанский художник уйгурского происхождения Хашимджан Асимович Курбанов, член Союза художников Республики Казахстан, Заслуженный деятель искусств Республики Казахстан, лауреат премии «Ильхам» Клуба уйгурских меценатов. В 2010 году внесен в Казахстанскую книгу рекордов 2008–2009 КИНЭСа как автор, изготовивший более 1000 тыкванок за 25 лет творческой деятельности. Хашим Курбанов обладает уникальным стилем и художественным восприятием мира. Его работы из тыкванок и картины переносят зрителя в мир ярких красок, интригующих форм и глубоких смыслов. Он мастерски владеет множеством техник, что позволяет ему творить произведения в различных жанрах, от пейзажей до портретов и абстрактной живописи.

Художник извлекает вдохновение из богатого культурного и исторического наследия. Его работы часто отражают тюркские и уйгурские мотивы, обряды и традиции. В каждой картине можно увидеть отголоски этничности, что придает его работам особое очарование.

Природа сама дает, предоставляет человеку, а человек, художник может через сердце эту природу прочувствовать. Как говорит Хашим Курбанов: «Мне природа дает тыквянки разного размера, разной высоты, из них я должен что-то придумать. Я придумываю кукол, вазы, различные композиции, скульптурные вещи у меня получаются» [3].

Рис. 1. Мастер-класс Хашима Курбанова

Творчество художника отличается глубокая индивидуальность и яркая этничность. Дело в том, что в традиционной уйгурской культуре из разных сортов тыквы изготавливалась различная посуда, а сегодня мастер, расписывая их, работает в стиле, рожденном на стыке многих направлений и влиянием кашгарских фресок. Вместе с тем многообразны сюжеты росписей художника на тыквянках: наскальные рисунки, эпоха гуннов, атрибутика тюркских народов, рунические надписи, элементы архитектуры средневековых восточных городов и быта их жителей.

Гузель Закирова, талантливая художница уйгурского происхождения, предоставляет уникальную перспективу на восточные культурные нормы и роль женщины в сохранении культурных ценностей. Ее художественные произведения, в частности, портреты женщин, обращают внимание на особенности взгляда и позы персонажей, отражая важность символики глаз. В данной статье представлен анализ художественного наследия Гузель Закировой и влияния уйгурской культуры на ее творчество.

Искусство всегда служило платформой для выражения глубоких культурных ценностей и отражения изменяющихся общественных норм. В работах Гузель Закировой, уйгурской художницы, эта идея находит особенно яркое воплощение. Глаза, как мессенджеры человеческих эмоций и культурных ценностей, играют важную роль в ее художественном творчестве. Здесь мы исследуем художественный мир Гузель Закировой, особенности ее взгляда на жизнь и культуру, и то, как она передает это в своих произведениях.

Восточная культура и традиции тесно связаны с невербальными формами общения. Один из наиболее выразительных элементов восточной символики — это взгляд. В работах Гузель Закировой персонажи часто уводят взгляд, что отражает восточные нормы, не всегда позволяющие прямо смотреть в глаза. Этот элемент ее творчества позволяет переносить зрителя в мир восточных традиций и обрядов, где взгляд является важным способом общения [4].

Гузель Закирова глубоко вдохновилась своей уйгурской культурой и начала создавать уникальную галерею женских портретов. Ее исследования уйгурских традиций привели к новой перспективе на роль женщины в сохранении культурных ценностей. Она пришла к пониманию, что женщина вносит вклад в передачу и сохранение культурных норм и ценностей через свои обряды, традиции и роли.

В работе «Qamchégül Qizlar» (рис. 2) Гузель Закирова представляет видение красоты и хрупкости женского мира. Ее искусство является актом задумавшегося взгляда на то, как сохранить этот мир и передать его будущим поколениям.

Рис. 2. «Qamchégül Qizlar»

Символика цветов, присутствующая в этой работе, олицетворяет процветание и счастье в восточной культуре. Воспринимая цветы как нечто большее, чем просто декоративный элемент, Гузель поднимает важный вопрос о красоте как проявлении души.

Этот обычай украшения дворики и подношения цветов приобретает особое значение в контексте произведения Гузель Закировой. Это древний обычай, сакральное действо, которое привносит не только красоту, но и духовное измерение. Для уйгурских женщин цветы имеют большое значение. Они декорируют свои дворики и дома цветами, но это украшение имеет глубокий символический смысл. Цветы, вставленные за ухо, становятся амулетами, символами защиты и удачи. Внимание не уделяется только аромату цветов, но и их формам, а особенно ценятся висащие цветы-амулеты.

Каждая женщина, закрепляя цветок за ухо, участвует в этом ритуале, который придает моменту сакральное значение. Разнообразие цветов, используемых в этом обряде, отражает богатство и разнообразие человеческих душ и жизненных путей. Эти цветы становятся неотъемлемой частью женской самоидентичности, олицетворяя их индивидуальность и уникальность. В работе «Qamchégül Qizlar» (рис. 2) Гузель Закирова воссоздает этот красочный и символический обряд в своем искусстве. Это сокровищница визуальных мотивов и эмоциональных откликов, которая позволяет зрителю погрузиться в мир женской культуры и символики. В этом произведении, как и в ее других работах, Гузель объединяет мистику восточных обычаев с современными идеями и пониманием роли женщины в сохранении культурных ценностей.

Ее искусство, таким образом, служит не только средством самовыражения, но и каналом для обсуждения важных социокультурных вопросов, таких как эмансипация женщины и сохранение культурного наследия. В контексте современного мира, где культурное разнообразие сталкивается с вызовами и изменениями, работы Гузель Закировой остаются важным памятником культурной самосознанности и рефлексии. Она приглашает зрителя поднять взгляд и увидеть в обыденных символах глубокий смысл и ценности, которые они несут.

Исследование художественного творчества Гузель Закировой открывает перед нами важный взгляд на восточные традиции и роль женщины в сохранении культурных ценностей. Ее произведения передают богатство и глубину уйгурской культуры, а также важность сохранения этого наследия. Этот аспект ее творчества приглашает нас задуматься над ролью искусства в передаче и сохранении культурных ценностей, а также об общественном воздействии, которое художники могут оказать через свое искусство.

Исследуя художественное наследие Казахстана, невозможно не обратить внимание на творчество представителей различных этнических групп, которые вносят свой особый вклад в художественное и культурное богатство этой страны. Одной из таких значительных групп художников являются корейские художники, проживающие в Казахстане.

Их творчество удивительно насыщено и разнообразно, и в нем четко прослеживаются несколько важных аспектов, формирующих художественное видение и стиль. Во-первых, это генетическое на-

следие, которое влияет на восприятие и художественное выражение. Во-вторых, окружающая природная и культурная среда, где корейские художники проживают, оказывает существенное воздействие на их творчество. И, наконец, образовательные знания, полученные ими в процессе обучения своей профессии, дополняют мозаику их художественного развития.

Молодой художник Евгений Ким является одним из ярких примеров корейских художников в Казахстане. Его творчество коренным образом опирается на классический реализм, но в то же время оно богато собственным авторским выражением. Евгений Ким умело комбинирует лирические нотки с мистическим восприятием природы, создавая на холстах насыщенную эмоциональную глубину.

Однако его вклад в художественное наследие Казахстана не ограничивается только классическим реализмом. Евгений Ким активно изучает исторические документы, фольклор и обычаи кочевников, что вдохновляет его на создание уникальной художественной серии под названием «Быт казахов 19-го — начала 20-го века» [5] (рис. 3).

Рис. 3. «Көк несене» из серии «Быт казахов»

Эту серию произведений можно считать своеобразной хроникой истории казахского народа. С применением разнообразных живописных техник Евгений Ким оживляет моменты из прошлого, позволяя зрителям окунуться в исторические эпохи и традиции казахской культуры. Его работы возвышают поэзию кочевой жизни, воссоздают дух свободы степей и передают богатую историю кочевников.

Таким образом, творчество корейских художников, включая Евгения Кима, играет важную роль в обогащении художественного культурного наследия Казахстана. Они не только привносят свое уникальное видение и стиль в мир искусства, но и создают произведения, которые позволяют нам погрузиться в историю и культуру этой многонациональной страны. Художники демонстрируют, как гармоничное сочетание генетического наследия, окружающей среды и профессиональных знаний может породить искусство, богатое глубоким содержанием и культурным разнообразием. Их творчество становится мостом, связывающим разные этнические группы и способствующим сохранению и обогащению культурного наследия Казахстана.

Далее мы рассмотрим художественное творчество Георгия Ли, характеризующееся экспрессионистическим стилем, брутальными образами и насыщенными цветовыми композициями. Он выдающийся художник, чье творчество привлекает внимание не только своей художественной оригинальностью, но и смелостью в выражении сложных тем.

Георгий Ли является представителем этого стиля, и его работы являются отражением глубоких эмоций и переживаний. В его произведениях мы часто видим контрастные цветовые решения, отсутствие тонких переходов и насыщенность образов, что придает работам художника особую выразительность.

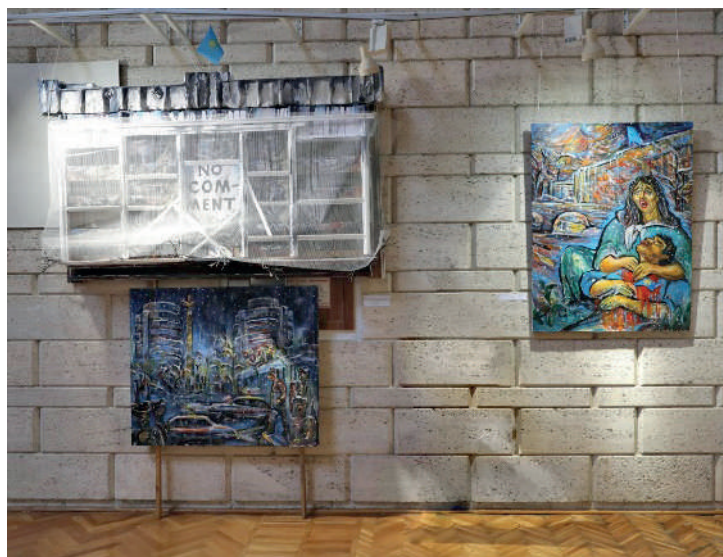

Рис. 4. Диптих Георгия Ли

Одним из ярких примеров творчества Георгия Ли является его диптих и художественная работа (рис. 4), в которой он передал глубокую человеческую трагедию — утрату матерью своего сына. На фоне всепожирающего пламени здания акимата женщина сидит на земле, нежно обнимая своего погибшего сына и выражая свою боль в пронзительных криках и слезах. Подростку причинена смертельная рана, из которой течет кровь, а ее контур скрыт бирюзовым флажком. Эта работа является иллюстрацией того, как художник способен выразить сложные человеческие эмоции и темы через свой экспрессионистский стиль [6].

Можно утверждать, что творчество Георгия Ли актуально и в контексте современного искусства, так как его работы обладают силой и эмоциональной насыщенностью, которые способны тронуть современного зрителя. Художник не ограничивается повторением своих произведений и всегда откликается на дух времени, что позволяет его творчеству оставаться актуальным и интересным для публики.

Художество всегда служило средством для выражения культурных ценностей и идентичности. Елена Тё, художница из Алматы, представляет собой выдающийся пример художника, чье творчество охватывает широкий спектр тем, включая национальные эпосы, городские пейзажи, цветы и природу. Уникальный колорит и обращение к национальным темам делают ее творчество важным объектом исследования. Одной из наиболее узнаваемых черт в творчестве Елены Тё является ее колористическая манера. Произведения художницы часто характеризуются золотисто-охристым оттенком и размытыми переходами между цветами. Этот стиль придает ее работам уникальную атмосферу и глубину. Такой колорит обеспечивает произведениям особый художественный шарм и отличает их от других произведений современного искусства.

Рис. 5. Степная мадонна

Елена Тё представляет интерес и своим посвящением национальным темам (рис. 5). Более двух десятилетий она создает произведения искусства, основанные на казахских традициях и обрядах. На картинах часто изображены казахские национальные костюмы, обряды и пейзажи, связанные с историей этой культуры. Таким образом, она сохраняет и продвигает национальную идентичность через свое творчество, представляя собой уникальное явление в современном искусстве. Колоритная манера и посвящение национальным темам делают ее работы неотъемлемой частью культурного наследия Казахстана, а художественное творчество продолжает вдохновлять и увлекать публику, что также оставляет след в изучении искусства и культуры.

Одним из мотивов, тесно связанных с культурой Казахстана, являются образы животных, особенно лошадей. В культуре кочевников лошадь играла огромную роль — она была необходима для перевозки грузов, охоты и сражений. На многих картинах казахских художников можно увидеть изображения лошадей, часто в сочетании с кочевниками. Например, на картине яркого художника Меиржана Нұрғожина «Эбзел / Сбруя» (рис. 6), которая поражает своей гармонией и эстетической привлекательностью. В ней смело сочетаются элементы традиционной казахской культуры и современной живописи, создавая уникальный образ, который привлекает внимание зрителей.

Рис. 6. Меиржан Нұрғожин «Эбзел / Сбруя»

Также следует отметить, что картина Меиржана Нургожина вызывает эмоциональный отклик у зрителей, позволяя им пережить те чувства и эмоции, которые художник вложил в свою работу. В целом, работа «Эбзел / Сбруя» (рис. 6) является ярким примером современного национального изобразительного искусства.

Рис. 7. Улан Дайбай «Алтын ат / Золотой конь»

Кроме того, в живописи Казахстана часто встречаются мотивы исторических личностей, мифологические мотивы и образы из эпосов. На картинах казахстанского художника Ұлана Дайбая «Алтын ат / Золотой конь» (рис. 7) можно увидеть изображения коня в сбруе по находкам золотого человека, с беркутом и казахской тазы на фоне гор.

Визуальный прием, применяемый Д. Уланом заключается в использовании образов, символов и знаков в качестве иллюстрации или отражения каких-либо идей, концепций или эмоций. Использование образов находок Иссыкского кургана в качестве визуальной метафоры позволяет художникам передать сложные концепции и идеи, не прибегая к использованию сложных или абстрактных форм.

На наш взгляд, использование образов артефактов бронзового века является важным явлением в современном казахстанском искусстве помогающий передавать сложные идеи и взаимосвязь культур Казахстана. Это открывает новые возможности для художников и помогает продвигать культуру искусства в Казахстане и за его пределами. Использование образов из древних курганов может помочь сблизить культуры и традиции разных народов, показать их общность и связи, что может быть особенно важно в условиях глобализации и расширения межкультурных контактов.

Несколько работ, созданных казахстанскими художниками Нурланом Килибаевым и Досболом Касымовым, отражают этот мотив в качестве визуальной метафоры. В их картинах этот мотив часто используется для описания идеала свободы. Как отмечает исследователь Рашид Нугманов, «оба художника обращаются к образу кочевого народа и используют символику «Жеті Қазына» для выражения своих идеалов. На их работах часто можно увидеть изображения скакунов, холмов, неба и звезд, которые символизируют свободу и бесконечность пространства» [7].

В одной из таких работ, созданной Нурланом Килибаевым, идея мотива семи сокровищ вдохновляют художника на создание картины «Жеті Қазына» (рис. 8), где он отражает величие и красоту, мощь и непоколебимость духа казахского народа, а также его непреходящую связь с культурным наследием и историческими традициями. Н. Килибаев использует соответствующие цвета, символы и образы, чтобы передать значение каждого аспекта.

Рис. 8. Нурлан Килибаев «Жеті Қазына»

Каждая картина Нурлана Килибаева несет в себе значимость, которую необходимо осмыслить и тщательно рассмотреть. В некоторых из его работ, например, в данном произведении, мы можем наблюдать ярко выраженные казахские народные символы и знаки, которые обладают общепонятным значением. В данном случае присутствуют такие символы в картине «Жеті қазына» [8]: символическое изображение великолепного коня — верного спутника кочевого казаха; беркута; собака — тазы; а также молодая женщина, держащая в руках пиялу с кумысом, причем это действие осуществляется обеими руками. Это является символом уважения и почитания к супругу, возможно, в связи с его отправлением в далекое путешествие, либо наоборот, с его возвращением издалека. Данный символ также выражает любовь, уважение и следование национальным народным обычаям.

Особое внимание художник уделяет цвету, так как он использует насыщенные оттенки, которые придают произведениям устойчивость, в сочетании с композиционным решением и многогранностью изображенного.

Другой пример использования литературного мотива в живописи «картина Досбола Касымова «Жеті қазына / Семь сокровищ» (рис. 9), где художник изображает различные образы, символизирующие семь ключевых аспектов жизни. Эта работа помогает передать идею, что каждый аспект жизни имеет свой собственный ценный атрибут.

Рис. 9. Досбол Касымов «Жеті қазына / Семь сокровищ»

Все эти художники вносят значительный вклад в казахстанское искусство и вместе они создают множество уникальных и ценных художественных перспектив.

Уйгурские художники используют свое искусство как средство выражения своих взглядов на культуру и общество. Их работы часто становятся платформой для обсуждения социальных и культурных вопросов, особенно в отношении уйгуров. Они предпочитают выражать свои взгляды через искусство, с уважением к культуре и глубоким пониманием с активной и информированной позиции, чтобы сохранить ценности и культурное наследие.

Творчество корейских художников в Казахстане представляет собой богатый культурный ресурс, обогащающий многообразие искусства этой страны. Их работы отражают влияние генетического наследия, окружающей среды и образования, но они также пронизаны авторским видением и индивидуальным стилем. Это творчество не только обогащает художественное наследие Казахстана, но и привносит новые перспективы и уникальные идеи в мир искусства.

Проанализированные нами работы казахстанских художников ярко демонстрируют их активное использование этнокультурных традиций в живописи для передачи разнообразных идей. Таким образом, использование этнических традиций в творчестве современных художников Казахстана не только отражает культурные обычаи и идентичность народа, но также является мощным инструментом для выражения идей и эмоций в художественном творчестве будущих художников. Этнокультурные традиции в контексте современной практики обогащают и углубляют восприятие произведений искусства, позволяя зрителям увидеть и почувствовать больше, чем просто поверхностные изображения.

В заключение подчеркнем важность сохранения этнокультурных традиций в контексте современной художественной практики Казахстана и специфических вызовов, с которыми сталкиваются художники. Мы видим, как синтез старого и нового в искусстве способствует богатству и разнообразию творчества художников в нашей стране.

Следует отметить, что подобные художественные исследования и творческие проекты являются важными для понимания и уважения многообразия культурных традиций в Казахстане. Они способствуют укреплению культурных связей между разными этническими группами и способствуют созданию толерантного и гармоничного общества.

Список использованных источников и литературы

1. Mendesheva R.A. Творческий вклад русских художников в искусство Казахстана // Cuadernos De Rusística Española. — 2012. — № 7. — Pp. 227–231. URL: <https://doi.org/10.30827/cre.v7i0.102>
2. Беломоева О.Г. Этнокультурная традиция в контексте современной художественной практики // Финно-угорский мир. — 2009. — № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-traditsiya-v-kontekste-sovremennoy-hudozhestvennoy-praktiki> (дата обращения: 14.08.2023).
3. Роганова А. Путеводные звезды художника Хашима Курбана. Алматы, Казахстан, focusgallery. — 2020. URL: <https://focusgallery.kz/artists/kurban-hashim/> (дата обращения: 20.08.2023).
4. Зарубина Д. Гузель Закирова — художница из Казахстана, которая воспекает красоту и силу уйгурской женщины // «Газета. Ру» (1999–2023) — Главные новости дня. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/08/07/a_13842890.shtml (дата обращения: 20.08.2023).
5. Антикварный салон ANTIKA. 2021. URL: <https://antika.kz/kim-evgenij-seriya-byt-kazahov/> (дата обращения: 25.08.2023).
6. Vecher.kz — Новости Алматы. URL: https://vecher.kz/almatinskii-khudozhnik-georgii-li-otobrazil-v-svoikh-rabotakh-tragicheskie-sobytiia-ianvaria-2022-goda-1689172833?utm_source=smi24 (дата обращения: 26.08.2023).
7. Нугманов Р. Традиционная культура и современное искусство Казахстана // Актуальные проблемы искусства и архитектуры. — 2018. — № 3. — С. 67–70.
8. Тленгазы Н. Культурное наследие казахского народа в современном искусстве // Молодежь и наука: сб. науч. ст. студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2019. — № 1. — С. 95–98.

Сведения об авторе: *Ибрагимов Аман Илесович*, кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор кафедры «Художественного образования» Института искусств, культуры и спорта Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан

УДК 7.046.1

Э. В. Мигранова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы (Уфа, Россия)

ИНФОРМАЦИЯ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙЦЕВ В ФОНДАХ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 1978 Г.

Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 годы) по Проекту «Укрепление российского патриотизма как фактор обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов»

Аннотация. Данная статья подготовлена на основе полевого дневника кандидата исторических наук Наиля Валеевича Бикбулатова, в 1978–1993 гг. являвшегося заведующим сектором/отделом этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне — отдел этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа). В ходе поездки по Южному Алтаю летом 1978 г. им была собрана информация по духовной и материальной культуре алтайцев — коренного населения этого региона. До настоящего времени в фототеке отдела этнологии сохранились фотографии,

на которых запечатлен традиционный быт алтайских народов; отчет об этой экспедиции с полевыми записями Н. В. Бикбулатова находится на хранении в Научном архиве УФИЦ РАН. Представленные в статье материалы свидетельствуют о научных связях башкирских и алтайских ученых, проливают свет на состояние традиционной культуры народов Южного Алтая в 1970-е годы, могут быть использованы для сравнительного анализа традиционной башкирской и алтайской этнокультуры.

Ключевые слова: Южный Алтай, алтайцы, Н. В. Бикбулатов, этнография, традиционная культура, фототека отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН.

E. V. Migranova

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of RAS (Ufa, Russia)

INFORMATION ABOUT THE TRADITIONAL CULTURE OF THE ALTAIANS IN THE FUNDS OF THE DEPARTMENT OF ETHNOLOGY INSTITUTE OF HISTORY, LANGUAGE AND LITERATURE: BASED ON THE MATERIALS OF THE 1978 EXPEDITION

Abstract. This article is based on the field diary of PhD Nail Valeevich Bikbulatov, in 1978–1993 he was the head of the sector / department of Ethnography of the Institute of History, Language and Literature of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences (now the Department of Ethnology of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS). During a trip to the Southern Altai in the summer of 1978, he collected material on the spiritual and material culture of the Altaians — the indigenous population of this region. To date, the photo library of the Department of Ethnology has preserved photographs depicting the traditional way of life of the Altai peoples. The report on this expedition with field notes by N. V. Bikbulatov is kept in the Scientific Archive of the UFRC RAS. The materials presented in the article testify to the scientific ties of Bashkir and Altai scientists, shed light on the state of the traditional culture of the peoples of the Southern Altai in the 1970s, and can be used for comparative analysis of traditional Bashkir and Altai ethnoculture.

Keywords: Southern Altai, Altaians, N. V. Bikbulatova, ethnography, traditional culture, photo library of the Department of Ethnology and Ethnography of the UFRC RAS.

Введение. Летом 1978 г. состоялась фольклорно-этнографическая экспедиция на Южный Алтай, организованная по инициативе сектора этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. В поездке приняли участие известный башкирский этнограф, заведующий сектором этнографии Наиль Валеевич Бикбулатов, автор более 100 научных работ [1–3 и др.] и музыковед Фарит Хуснуллович Камаев [4–5 и др.] (рис. 1).

Рис. 1. Н. В. Бикбулатов и Ф. Х. Камаев у водопада на озере Телес в горах Южного Алтая. Экспедиция 1978 г.
(фото из фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН)

11 июля 1978 г. экспедиция добралась до столицы Горно-Алтайской автономной области г. Горно-Алтайска, который в те годы представлял собой небольшой городок, живописно раскинувшийся в долине реки Маймы в предгорьях Алтайских гор. Для согласования маршрута экспедиции ученые обратились в Научно-исследовательский институт истории, алтайского языка и литературы, сектором истории которого заведовал к. и. н. Савелий Яковлевич Тахаев. Первым пунктом маршрута, разработанного с помощью сотрудников института, стал поселок Онгудай, районный центр Онгудайского района, находящийся в 210 км южнее Горно-Алтайска. Это поселение, расположенное на реке Урсул, было основано в 1626 г. В 1978 г. там проживало около 2 тыс. человек (в основном алтайцев и русских); в районе имелось четыре колхоза и четыре совхоза; направление хозяйства было животноводческим (разводили коров, овец, лошадей, а также оленей и маралов).

15 июля состоялась поездка ученых в колхоз имени XXIV съезда КПСС (д. Кулада Онгудайского района); с 20 по 27 июля ученые работали в селе Усть-Улаган и деревне Чибиля Улаганского района, где проживали алтайцы-теленгиты.

28 июля экспедиция прибыла в деревню Курмач-Байгол Турочакского района; среди местного населения здесь преобладали челканцы. В селении имелась животноводческая ферма на 500 коров, созданная на базе прежних восьми колхозов, где трудилось почти 100 человек, многие приезжали из соседних селений. В Курмач-Байголе насчитывалось около 100 дворов, но молодежи было мало; имелся сельсовет, почта, школа-интернат на 65 мест. Значительный полевой материал удалось собрать в селе Балыкча Улаганского района, а также в поселке Яйлю и селе Кебезень Турочакского района.

Основная часть. Местные жители показали ученым священный родник (аржаан-суу), находившийся неподалеку от селения Курмач-Байгол. По поверьям, прежде чем взять воду из источника, необходимо было «принести жертвоприношение» духу воды. Русло родника было усыпано медными и серебряными монетами, черными и белыми пуговицами, кольцами, бусинами. Растущие вблизи аржаан-суу кустарники были увешаны разноцветными лоскутами материи и лентами. По воспоминаниям коллег, родниковая вода была невероятно холодная и прозрачная. Участникам экспедиции объяснили, что поверья, связанные со «святой водой», распространены на Алтае широко. Один из жителей Кулады рассказал, что возле их деревни находится 11 источников с различными целебными качествами. А самый известный родник Аржаан-суу, памятник природы Республики Алтай, расположен в горах на правом берегу реки Катунь, недалеко от селения Манжерок. По составу это гидрокарбонатно-кальциево-магниева вода с содержанием серебра («живая вода») и двухвалентного железа («мертвая вода»). По мнению Н. В. Бикбулатова, в поклонении аржаан-суу переплелись древние верования в духов воды, охранявших целебные источники и современные знания о целебности минеральных вод.

Во время путешествия по правому берегу Катунь, ученым поведали легенду о названии реки. «Катунь» (по-алтайски Каадын — женщина) — дочь богатого и могущественного хана Алтая, несла свои воды с Катуньского хребта, извиваясь, неприступная и горделивая. Не признавала красавица-речка никого из молодцов, безуспешно сватавшихся к ней. Но вот прослышал о Катунь батыр Бий — не менее красивый, мужественный, сильный и спокойный, и решил, во что бы то ни стало завоевать неприступное сердце красавицы. Но это было не так-то просто; Катунь, то играючи приближалась к нему, то внезапно изворачивалась и уносила свои воды за горные хребты. Зная о благородстве Бия, и видя его упорство, горы решили помочь батыру; они отступили и дали ему встретиться с Катунью. Соединились, слились две реки в одно русло и образовали величественную Обь, а затем, обнявшись, потекли дальше на север через всю Сибирь».

Из рассказов информаторов¹⁴:

О традиционной алтайской свадьбе (той):

«...Детей раньше часто сговаривали с колыбели... Брачный возраст наступал примерно с 18–20 лет...».

«...Говорили, что в давние-давние времена, кумандинцы до 30 лет не выдавали дочерей замуж. Существует предание, будто жил когда-то один хан, и была у него дочь, которая тайно родила в 18 лет. Скрыла она это от всех и спрятала новорожденного в пещере. А затем тайно навещала его, и все пела,

¹⁴ Сообщения информаторов содержатся в полевом дневнике Н. В. Бикбулатова, хранящемся в Научном архиве УФИЦ РАН.

пела о ребенке, да так жалостливо, так надрывно. Поняли люди, что так можно петь только о своем дитя; проследили за ней и нашли ребенка. С тех пор хан разрешил вступать в брак с 18 лет...» [1].

«...Молодые сначала договаривались, а затем к девушке посылали сватов. Сватать отправлялись мать, отец или другие родственники жениха; везли с собой овцу, несколько метров белой материи, водку-арачку. Угощались, договаривались о времени проведения свадьбы. Раньше жених должен был выплатить родителям невесты калым (деньги и скот). Дарил ли жених невесте новую одежду? Не знаю, не слышала об этом. Девушка вступала в брак со своим приданым, включавшем корову, кобылу, одежду, необходимый домашний скarb. Приданое готовят и сейчас, а вот калыма теперь нет, но родные жениха должны организовать свадьбу. Свадьба всегда проходит на стороне жениха. До замужества девушки носили одну косу, которую в день свадьбы расплетали и заплетали две косы. Невеста — келин подъезжала к аилу мужа верхом, после чего пересаживалась вместе с женихом на одну лошадь. Свадебную лошадь специально не украшали, напротив, старались выбрать не белое животное, а темное, неброское... Зажиточные алтайцы раньше на свадьбу приглашали много гостей, устраивали борьбу — куреш, конные скачки — байга, чабыш, различные состязания жарыш... Первая брачная ночь проходила в доме родителей жениха; молодым не строили отдельной юрты — айыл, а просто отделяли занавеской часть своего жилища с левой стороны. Жених, проходя за занавес, должен был отодвинуть его стволom ружья. За молодыми ухаживала сноха... Имели место и браки похищением; но это была вынужденная мера, особенно среди бедных алтайцев, которые не могли выплатить калым; они предварительно договаривались с невестой о дате похищения» [2].

«...У тубаларов вдовец мог взять в жены сестренку умершей жены (чтобы не обижать детей) (женитьба на младшей сестре умершей жены — один из вариантов сорората — авт.), а у теленгитов этого нет, поскольку сестры жены считались близкими родственницами (по мнению Н. В. Бикбулатова, это могло быть связано с влиянием христианства, поскольку здесь велась миссионерская деятельность). Тубалары также могли жениться на вдове своего старшего брата (двоюродного или троюродного, но не родного!) (обычай левирата — авт.); у теленгитов этого нет» [1].

О поминках алтайцев:

«...Раньше алтайцы хоронили умерших там, где их застала смерть; зимой — на зимовьях, летом — на летних стойбищах. Закапывали в землю глубоко, делали насыпь, ставили сруб. Обязательных дней поминовения не было; обычно устраивали поминки через 1–2 месяца. На поминках угощались, проводили различные состязания. В годовщину смерти поминки не устраивали» [3].

О традициях наследования:

По сообщению Сартакова Григория Антоновича (1909 г.р.), жителя с. Балыкча, у его отца «было 9 детей (4 сына и 5 дочерей). Его хозяйство состояло из 10 коров, 10 лошадей, 15 овец. Старшему сыну, когда он женился, отец выделил 2 коров, 2 лошадей; поначалу брат с женой жил в доме родителей; но постепенно отделился, айыл ему помогали строить всей семьей... Второму и третьему сыну отец выделил по корове и лошади. Всем дочерям досталось по кобылице и корове, а также подушки, перины и т.д. Отчий дом и хозяйство отца (5 коров и 4 лошади) после смерти отца перешли ко мне — младшему сыну» (наследование по минорату — авт.) [4].

О традиционном хозяйстве:

«...Летнее кочевье алтайцев называлось *жайлу*, *жайлу журт*; зимнее — *кышту*, *кышту журт*. Как правило, жили в войлочный аилах (кейес айыл); перевозить с места на место их было нетрудно. Держали лошадей (ат малы), коров (инек (уй) малы), овец (кой малы). Коз было очень мало, свиней вообще не разводили. Раньше сено не косили, зимой скот *тенбеневал* (находился на подножном корму — авт.). Часто вместе со скотом на все лето уходили в горы. Позднее зимние стоянки стали устраивать в тех местах, где летом было заготовлено сено» [4].

86-летний житель поселка Яйлю Турочакского района Туймишев Аднай Колонкович рассказал, что «раньше на месте поселка располагались зимние пастбища тубаларов, поскольку до глубокой осени здесь не ложился снег. Поэтому у подножья священной горы Торот его отец Колонка и основал селение Яйлю» (по словам информатора, отец прожил около 90 лет, дядя по отцу — 105 лет, а дед — 132 г.). «...У алтайцев раньше были тамги, например, тамга „месяц“ — „ай“, „тоскур“ и др.» [1].

О традиционной одежде:

«...Раньше алтайцы сами шили одежду («кийим») из кожи, меха, дмотканого полотна. Женская одежда состояла из платья (особенно красивыми были белые шелковые платья «ак торко» с рядом

красных и позолоченных пуговиц, расположенных на груди), длинной бархатной безрукавки (чекпен), надевавшейся поверх платья, широких штанов (штан), зимой носили овчинную шубу (тере тон). На ноги женщины надевали чулки и сапожки; на голову повязывали платок или шаль, раньше были распространены шапочки из цветной ткани с мехом. Из украшений встречались серьги (сырга), кольца, бусы, серебряные (күмүш) наконечники. Украшения в основном покупались у бродячих торговцев — китайцев или корейцев. Были ли нагрудные украшения? Не знаю, не встречала. Мужчины носили рубахи, штаны, суконные халаты, меховые или войлочные шапки („бөрөк”), сапоги. Меховые штаны (тере штан) надевали в основном на охоту. Раньше мужчины часто оставляли косу на макушке...» [3].

О традиционной алтайской пище:

«...Основой рациона питания южных алтайцев были молочные и мясные блюда, дополнявшиеся кушаньями из злаков и даров природы. Ели мясо (эт) различных видов домашних и диких животных; часто варили суп (аш), вялили мясо. С поверхности молока снимали сливки (каймак), из которых сбивали масло. Долгое время квасившееся молоко (чегень, айран (к)) являлось основой для приготовления молочной водки (араки) (рис. 2); из творожных остатков (аарчы) делали курут, процеживая массу в подвешенном мешке. Для приготовления творога (иртпек) в кипящее молоко добавляли для створаживания немного чегеня; если хотели получить домашний сыр (пыштак), то творожную массу (приготовленную без перегонки) клали под пресс (например, под камень). Ячмень — по-алтайски „арба”, овес — „сула”, пшеница — „буудай”, просо — „тараан”, рожь — „арыш”. Из зерна делали курмач, обжаривая его на сковороде или прокаливая на железном листе. Из растолченного ячменного курмача (талкан) варили похлебку — кёчө, уре. Иногда жареное зерно толкли в ступе вместе с очищенными кедровыми орешками и получали очень вкусную и питательную халву — точок (рис. 3). Из предварительно проращенного, а затем высушенного и смолотого зерна варили мучную кашу — саламат. Делали и бузу (бозо) — густой солодовый напиток. Одним из любимых кушаний был боорсок — небольшие подушечки из теста, обжаренные в большом количестве раскаленного масла. Если было достаточно муки, пекли пресные лепешки (калтыр, теертпек), хлеб или булочки (калаш). Летом пили отвары и компоты, приготовленные из различных трав и ягод. В качестве хмельного питья употребляли забродившие ягодные соки или напиток из кислицы» [1, 2].

Рис. 2. Алтайцы. Перемешивание заготовки (чегень) для молочной водки в кадushке кёбб. Экспедиция 1978 г.

Село Кулада Онгудайского р-на Горно-Алтайской автономной области

(фото из фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН.

Собиратель Н. В. Бикбулатов)

Рис. 3. Алтайцы. Толчение зерна в деревянной ступе. Экспедиция 1978 г.

Село Кулада Онгудайского р-на Горно-Алтайской автономной области (фото из фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН. Собиратель Н. В. Бикбулатов)

Заключение. Всего участниками южно-алтайской фольклорно-этнографической экспедиции было опрошено несколько десятков информаторов. Н. В. Бикбулатовым был собран значительный материал по этнографии алтайцев, в том числе по материальной и духовной культуре, алтайской системе родства. Отчет об этой экспедиции с полевыми записями Н. В. Бикбулатова находится на хранении в Научном архиве УФИЦ РАН (Фонд 3. Оп. № 2 а. Ед. хр. № 34), а фотоматериалы — в фототеке отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН. В числе прочих сохранилось и фото традиционной кожаной и деревянной алтайской утвари, используемой для приготовления и хранения кушаний и напитков (рис. 4).

Рис. 4. Традиционная алтайская деревянная и кожаная утварь. Экспедиция 1978 г.

Деревня Чибиля Улаганского р-на Горно-Алтайской автономной области (фото из фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УФИЦ РАН Собиратель Н. В. Бикбулатов)

Этнографические данные, собранные на Алтае, помогли ученому в его дальнейшей работе, связанной с выявлением этнокультурных контактов башкир с родственными по происхождению народами, определением различных этапов этнической истории башкирского народа. Более глубокое понимание особенностей культуры народов Южной Сибири привело к появлению ряда статей об их связях с башкирами.

Ф. Х. Камаев собирал материалы по музыкальному наследию алтайского народа, в том числе по горловому пению, однако его магнитофонные записи, к сожалению, не сохранились в архиве ИИЯЛ.

Считаем, что публикация материалов, собранных в конце 1970-х годов на Южном Алтае, может пролить свет на некоторые вопросы этнографии народов этого региона, покажет связи башкирских и алтайских коллег того периода, а возможно, и будет способствовать возобновлению связей с научными учреждениями Республики Башкортостан и Республики Алтай.

Список использованных источников и литературы

1. Бикбулатов Н. В. Башкирский аул. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. — 215 с.
2. Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. — М.: Наука, 1981. — 124 с.
3. Бикбулатов Н. В. Семейный быт башкир. XIX–XX вв. — М.: Наука, 1991. — 189 с. (в соавт.).
4. Камаев Ф. Х. Стилиевые и жанровые особенности башкирского музыкального фольклора // Научно-методические записки Уфимского государственного института искусств. — Уфа, 1973. — Вып. 1.
5. Камаев Ф. Х. 400 башкирских народных песен. — Уфа, 2011 (в соавт.).

Информаторы:

1. Информатор: Улагашева Лидия Иннокентьевна, 1922 г. р., внучка кайчи Н. У. Улагашева; с. Балыкча // Полевой дневник Н. В. Бикбулатова. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. № 2а. Ед. хр. № 34.
2. Информатор: Тедуева Магдолина Лукьяновна, 1912 г. р., с. Усть-Улаган // Полевой дневник Н. В. Бикбулатова. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. № 2 а. Ед. хр. № 34.
3. Информатор Пустогачева Анисья Абдулловна, 1910 г. р., д. Курмач-Байгол // Полевой дневник Н. В. Бикбулатова. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. № 2а. Ед. хр. № 34.
4. Сартаков Григорий Антонович, 1909 г. р., с. Балыкча // Полевой дневник Н. В. Бикбулатова. Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. № 2а. Ед. хр. № 34.

Сведения об авторе: Мигранова Эльза Венеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Россия, e-mail: mig.el@mail.ru

УДК 394

Н. А. Тадина¹, Т. С. Ябыштаев²

¹Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)

²Независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)

О ТРАНСФОРМАЦИИ МАРКЕРОВ СЁОКА-РОДА У АЛТАЙЦЕВ

Аннотация. Изучение «родовой» темы актуально, потому что сёоки-роды алтайцев встречаются у многих тюркских народов. Освещается проблема трансформации родовых символов в этнические маркеры алтайцев, выполняющих роль «этнических границ». На основе собранных сведений выявляется тенденция изменений образа почитаемых животных сёока и конструирование родовых знамен. Определены средства популяризации символов сёоков-родов на родовых камнях, родовых знаменах, праздничной одежде, автомобиле, посредством интернет-сообществ.

Ключевые слова: алтайцы, сёок-род, родовые символы, тенденция изменений, полевой материал, анализ, метод.

N. A. Tadina¹, T. S. Yabyshtaev²

¹Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia)

²Independent researcher (Gorno-Altaysk, Russia)

ON THE TRANSFORMATION OF THE SEOK-CLAN MARKERS AMONG THE ALTAIANS

Abstract. The study of the «ancestral» theme is relevant, because the seok-clans of the Altaians are found among many Turkic peoples. The article highlights the problem of the clan symbol transformation into ethnic markers of the Altaians, which play the role of «ethnic borders». On the basis of the information collected, the trend of changes in the image of the revered animals of the seok and the construction of tribal banners is revealed. The means of popularizing the symbols of seok-clans on ancestral stones, ancestral banners, festive clothes, a car, through Internet communities are determined.

Keywords: Altaians, seok-clan, clan symbols, trend of changes, field material, analysis, method.

Основу этнического сознания алтайцев представляет родовая идентичность. Сёок (сöök) передается по линии отца и буквально означает «кость» и как патрилинейное и экзогамное подразделение соответствует понятию «род». Актуальность изучения «родовой» темы заключается в том, что сёоки-роды алтайцев встречаются у многих тюркских народов, например: сёок тёёлёс у алтайцев, кыргызов, тувинцев; сёок очы у алтайцев и телеут Кемеровской области; сёок кыпчак у алтайцев, казахов, кыргызов, башкир [1]. И таких примеров можно привести множество. В данной статье освещается проблема трансформации родовых символов в этнические маркеры алтайцев. Дело в том, что каждый сёок имеет ряд символов — это родовой знак тамга, родовое знамя, родовая территория, а также природные атрибуты, а именно родовое дерево, родовое животное, родовая горная вершина. Все они выполняют дифференцирующую функцию, определяя символику каждого сёока.

Среди родовых символов алтайцев наиболее показательным остается родовой знак, называемый «тамга». Тамга у тюрко-монгольских народов являлась знаком собственности, которым метили скот, особенно лошадей. Она наследовалась по патрилинейному принципу, имела несколько вариантов, что позволило сохраниться до наших дней. Так, например, у сёока кыпчак тамга именуется «сулук», что означает «удила», и она изображена в виде конских удил. У сёока тодош тамга, схематически напоминающая «корыто», названа «тоскуур». У сёока чапты «ай» (полумесяц в нарождающейся декаде). У сёока тёлёс «кулја» (орнамент), который также называют «ширее», что означает «трон, престол».

В советское время родовое сознание и родовые маркеры были объявлены «пережитками», «признаками первобытного общества». С.А. Токарев в работе «Докапиталистические пережитки в Ойротии», написанной в 1936 году, сообщает о наблюдаемых изменениях статуса тамги как знака собственности: «Употребление родовой тамги, утратив непосредственно хозяйственный смысл, превращалось на практике лишь в традицию, своего рода ритуал» [2, с. 32–33]. Согласно концепции отечественного культуролога и специалиста в области семиотики культуры Ю.М. Лотмана, символы сохраняют смысловую и структурную самостоятельность, проявляясь «по вертикали» — приходя из прошлого и уходя в будущее [3, с. 195].

В 1990-е гг. знаки-тамги явились важным ресурсом укрепления родовой идентичности алтайцев. По нашим полевым материалам, ревитализация родовых маркеров встречается на первых родовых собраниях, общереспубликанских праздниках, таких как Эл Ойын (Народны игры) и Чага Байрам (Новый год по алтайскому календарю) [4, с. 93–94]. Освещая проблему трансформации родовых маркеров алтайцев, следует сказать о новой традиции устанавливать родовой камень. К примеру, на комплексе родовых камней сёока тодош, поставленном во время родового праздника в 1996 г. у с. Бичикту-Бом Онгудайского р-на, изображена тамга «тоскуур/корыто». На родовом камне сёока тёлёс, находящемся у с. Ело Онгудайского р-на, были начертаны тамга «шире/престол» и надпись сёока в 1999 г.

В постсоветский период этнического возрождения родовая тамга стала выполнять функцию геральдического символа. Она встречается на родовом знамени сёока-рода, называемом «мааны». Современный праздник сёока-рода открывается торжественным водружением родового знамени. Этот ритуал заимствован старшим поколением из советской жизни. К тому же наблюдается следующее — если тамга остается традиционным элементом культуры, то знамя сёока-рода конструируется [5, с. 115]. В 2011 году зайсан сёока ирkit В.Д. Кудирмеков объявил конкурс на создание родового флага ирkitов. Как правило, на знамени изображены тамга и почитаемое животное сёока-рода. По нашим полевым материалам, собранным на родовых собраниях в 2011–2018 гг., родовое знамя сёока тёлёс представляло желтое полотно со священным животным «ан» (марал) и тамгой «ширее/престол». На знамени сёока тонжаан изображено почитаемое животное «эргенилү ат» (драгоценный конь) и тамга «тоскуур» (корыто). На знамени сёока сагал — «айу» (медведь) и тамга «ташуур» (кожаный сосуд). На знамени сёока ара священное дерево «кайын» (береза). На знамени сёока чапты — тамга «ай» (луна в период новолуния).

Демонстрация родовых маркеров проявляется не только в повседневной и обрядовой жизни, а особенно в праздничные дни. На общереспубликанский праздник, такой как Эл Ойын, съезжаются участники со всех районов республики и соседних регионов. На нем совершается впечатляющее зрелище — парад родовых знамен, когда у всадников в руках развеваются знамена с родовыми тамгами и названиями сёоков-родов. Можно видеть родовые маркеры (тамга с надписью сёока) на одежде участников праздника, стилизованном алтайском национальном костюме. Таким способом демонстрируется не только родовая принадлежность, но и этническая идентичность. Родовые маркеры алтайцев играют роль «этнических границ» перед гостями праздника — телеутами, шорцами, кумандинцами и др.

Родовые маркеры алтайцев можно встретить в повседневной жизни, так как они активно тиражируются. Если в старину родовой знак-тамга не принято было наносить на одежду, то сегодня на национальном костюме можно увидеть тамгу его хозяина. Такой костюм надевают новобрачные на свадьбу и участники торжеств, праздников, концертов. Сегодня не все знают, какого сёока та или иная родовая тамга, поэтому все чаще встречается, когда рядом с тамгой надпись сёока-рода [6, с. 350]. Стала популярной родовая тамга на футболке, толстовке, стилизованном костюме и даже на детской оде-

жде в виде жилета. По тамге видна принадлежность к сёоку, что позволяет представителям общего сёока и родственным сёокам определить «своих» и включить в свою сеть социальных связей.

В алтайской молодежной среде значительный интерес вызывает «этнический стиль» не только в одежде, а также на машинах автовладельцев. На заднем стекле автомобиля популярно написание названия своего сёока: латинскими буквами майман — «maiman» или кириллицей — тодош (см. рис. 1).

Рис. 1. Надпись сёока-рода «тодош» на автомобиле,
2023 г., г. Горно-Алтайск.
Фото Т. С. Ябыштаева

Рис. 2. Изображение быка — почитаемого животного
сёока-рода мундус, 2023 г., г. Горно-Алтайск.
Фото Т. С. Ябыштаева

Принято воспроизводить тотемное животное — волк у сёока кыпчак или бык у сёока мундус (см. рис. 2).

С одной стороны, этому побуждает родовая идентичность владельца, а с другой — просматривается современный стиль самовыражения путем оформления своего автомобиля. Другим средством распространения родовых маркеров является публикация материалов о родословных, тамгах и других символах. В 2013 году была издана книга «Төөлөстөрдин угы-төзи» (Родословная тееёлов). В 2014 году вышла книга «Јоло-Каярлыктын тодошторы» (Тодоши сёл Ело и Каярлык (Онгудайского р-на). В 2016 году было опубликовано издание «Мундустар» (Мундусы).

Важным современным средством популяризации этнических ценностей является Интернет. С целью развития родовой идентичности в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Инстаграм» были созданы сообщества алтайских сёоков-родов — «Маймандар» (майманы), «Ирkitтер» (иркиты), «Кергилдер» (кергилы), «Бис тодоштор» (Мы тодоши) и др. Ими были актуализированы история сёока-рода, территория расселения, его природные атрибуты и родовые символы, размещены генеалогическое древо и легенды о происхождении сёока. Обычно представители сёока размещают родовые маркеры на своей странице, индивидуальной «стене» или вместо фотографии на «аватаре». Участники групп изобретают родовые знамена, которые демонстрируют и распространяют в социальных сетях.

Проблему трансформации родовых маркеров иллюстрирует собранный нами материал по сёоку-роду кыпчак. В виртуальной группе «Бис Алтайдын Кыпчакары» (Мы Кыпчаки Алтая) в декабре 2022 г. был объявлен конкурс на создание родового знамени кыпчаков [7]. Можно было наблюдать следующее: в роли родового животного выступает волк (*бөрү*) вместо традиционно известного родового животного кыпчаков — зайца (*койон*). В последние два десятилетия именно волк широко растиражирован в качестве почитаемого животного кыпчаков. Несмотря на то, что, по словам старшего поколения, хищник не может быть родовым почитаемым животным, таковым выступает травоядное, не употребляющее кровь животное. Система ценностей современного человека вносит свои коррективы, согласно которой волк — это сила, власть и прочие характеристики, отвечающие запро-

сам современного глобализирующегося мира. Неслучайно на конкурс поступило шестьдесят рисунков родового знамени кыпчаков с образом волка — грациозно лежащего на скале, воющего на луну, рычащего или в виде волчьей головы с красными горящими глазами. Рядом тамга «сулук/удила», луна или полумесяц, а также меч, всадник/воин и надпись «кыпчак» или «мен кыпчак» (я кыпчак). Подобная замена родового животного наблюдается на знамени сёока-рода сагал, на котором изображен медведь вместо традиционного образа козы (*эчки*). Когда в современном обществе неприглядные свойства человека ассоциируются с образами некоторых животных, то коза становится непрестижным животным, нежели медведь и связанные с ним огромное телосложение, внушительный рев, представления о медвежьей силе и пр.

Социальные сети дают широкие возможности для самопрезентации, когда пользователь решает, какую информацию о себе он считает важной. При анализе индивидуальных страниц и профилей молодых алтайцев в Интернете проявляется степень актуализации их родового сознания. Встречаются страницы с указанием имени, а вместо фамилии название сёока, например, Алтынай Майман или Владимир Тодош. Наблюдается вариант, когда имя и фамилия дополнено названием сёока, например Тенгис Кыпчак-Ябыштаев [8, с. 198–199]. Такой метод популяризации своего сёока и родовых маркеров дает перспективу приобретения социального капитала в своей среде общения и расширение сети контактов. Актуализация родовой принадлежности в виртуальных социальных сетях означает целенаправленное проявление этнокультурной идентичности.

Список использованных источников и литературы

1. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О родовых символах сёоков тёёлёс, майман, кыпчак, мундус у алтайцев // Международный форум «Алтайская цивилизация и родственные народы алтайской языковой семьи»: сб. выст. и ст. — Бишкек: Турар, 2017. — С. 269–277.
2. Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — Л.: Соцэкгиз, 1936. — 152 с.
3. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1. — С. 191–200.
4. Тадина Н.А. О трех этапах модернизации родового общества алтайцев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2019. — Т. 28. — С. 88–97. URL: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2019.28.88>
5. Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 112–117.
6. Ябыштаев Т.С. Современные родовые маркеры у алтайцев // История и культура народов Юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. — С. 349–352.
7. Бис Алтайдын Кыпчактары // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club152572352> (дата обращения: 30.08.2023).
8. Ябыштаев Т.С. Родовое движение алтайцев в пространстве Интернета // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных территорий (Казахстан, Монголия, Китай): материалы междунар. науч.-практ. конф. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. — С. 197–201.

Сведения об авторах: Тадина Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: ntadina@yandex.ru

Ябыштаев Тенгис Степанович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: teng7891@mail.ru

УДК 93/94

Н. С. Момунбаева

Национальный исторический музей Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ И НАРОДОВ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ОДЕЖДЫ XIX–XX ВЕКОВ)

Известно, что первые сведения о материальной культуре кыргызского народа и его культурных связях с другими народами в своих трудах и рукописях оставили иностранные путешественники, научные исследователи, послы и военные. Их сведения до сего дня служат ценными источниками. Используя эти источники, мы можем всесторонне изучать культуры народов Алтая, Центральной Азии и Ала-Тоо, извлекать сведения об их культуре, путях развития. Ценные материалы о кыргызах XVII–XIX веков содержатся в рукописях послов-дипломатов, ученых-путешественников И. Унковского, Ф. Беневина, М. Угрюмова, Ф. Назарова, Ф. Зибберштейна, Н. Потанина, Ч. Валиханова, Н. В. Татищева, П. И. Рычкова, Г. Ф. Миллера, И. Е. Фишера, И. Андреевой, А. Лёвшина, Н. Бичурина, В. В. Радлова и др. Труды этих ученых, в которых содержится много научных открытий, находок, глубоких размышлений, значительно обогатили и дополнили историю кыргызов.

Ученый-историк В. Ушницкий отмечает, что в начале XVIII века кыргызы (енисейские кыргызы) основали в Южной Сибири свое государство, осуществляя политическое руководство огромной территорией [46, с. 51]. Этносы, проживающие в огромном регионе, на протяжении веков вырабатывали характерные для этого народа особенности, материальные и духовные ценности. Между народами, проживающими рядом, всегда устанавливались культурные связи, возникала некая общность бытования и характера существования. При исследовании историко-этнических, культурных сходств народов следует обращать особое внимание на их имена, национальные символы, фольклор, художественные ремесла. На основе их анализа и изучения мы сможем определить общности этих народов. С. М. Абрамзон, особое внимание обращавший на это, придавал огромное значение роли центральноазиатских (саяно-алтайских) компонентов, входивших в этнический состав кыргызов [1, с. 480].

Тот факт, что кыргызы и алтайцы входят в кыргыз-кыпчакскую группу, свидетельствует об этногенетических связях двух народов, доказывая общность их корней. Н. А. Баскаков, отмечая их языковую близость, делает научный вывод, что кыргызский язык пережил процесс кыпчакизации [9, с. 175, 204].

Использование для пошива одежды кыргызами и народами Сибири одних и тех же тканей свидетельствует о том, что на протяжении веков основную роль в этом играло наличие достаточно тесных торговых отношений. Одна ветвь Великого шелкового пути, проходившего по региону, где проживали кыргызы, издревле носила название «Кыргызский путь». Исторические источники убедительно доказывают, что на политико-экономическое развитие древних кыргызских государств на Тянь-Шане и Енисее особое влияние оказал Великий шелковый путь. Этот путь был предметом пристального внимания многих государств мира. Он не только способствовал возникновению единых систем торговли, но и обусловил появление и расцвет на маршруте крупных городов и различных ремесел.

Именно по Великому шелковому пути разнообразные виды шелка распространились по всему миру, став одним из самых дорогих видов тканей. Поэтому шелк широко использовался всеми народами для изготовления праздничных одеяний, которые могли себе позволить лишь люди с высоким социальным положением. Самыми древними и основными производителями шелка считаются Китай и Центральная Азия. Поскольку торговля шелком приносила большие прибыли, между государствами всегда существовало соперничество в его производстве и сбыте.

Нахождение территории, где проживали кыргызы, на маршруте Великого шелкового пути привело к смешению самых различных культур. Вместе с тем в сфере материальной культуры, куда относятся и традиционная одежда, происходили изменения. До самого начала XX века кыргызы изготавливали повседневную и праздничную одежду на основе тех материалов, что предоставляла им форма хозяйствования. Одежда эта, конечно, соответствовала временам года. Наряду с этим в соответствии с возможностями покупались и ткани, привозимые купцами. Дорогие ткани, понятно, могли себе позволить купить и шить нарядную одежду для торжественных случаев только богатые люди. Конеч-

но, богатые ткани использовались для изготовления одежды не только кыргызами, но и всеми сибирскими народами. Распространение таких тканей было связано с уровнем торговли того времени.

Во второй половине XIX — начале XX века значительно усилилась потребность в тканях с Востока. Это был период, когда русские путешественники и военные люди совершали множество экспедиций, во время которых изучали жизнь и быт тамошних народов, оставляя свои наблюдения на бумаге. Ученый-путешественник Н. Северцев во время своей поездки по Туркестану пишет, что встретил караван, перевозивший кашгарскую бязь и тюки с верхней мужской одеждой [41, с. 233]. Эти сведения говорят о том, что бязь, широко применяемая при изготовлении одежды кыргызов, поступала из Китая.

С. Р. Конопко в своем дневнике 1913 года отмечает, что товары из Кашгара перевозятся через территорию Кыргызстана [27, с. 141, 213]. Китайские шелковые ткани были доступны только людям с высоким общественно-социальным статусом. Кыргызы и алтайцы кроме изготовленных своими руками одежд покупали и носили сшитые из шелка одеяния. Шелк в основном, по утверждению А. А. Кондратьева, «аксакалы родов носили дорогие головные уборы из плотного войлока, украшенные парчой, подпоясывались широким поясом из красного шелка, а простой люд носил одежду, изготовленную из грубой шерсти» [26, с. 138].

Следует отметить, что из народов Южной Сибири близки по одежде к кыргызам тувинцы. Ф. Кон так характеризует общую одежду народов тувы: «Они шьют одежду из шкур диких и домашних животных, а также купленных материалов. В большей степени используют русские ткани. А одежду из дорогого китайского шелка носят только богатые люди с большим достатком» [24, с. 137, 169]. На самом деле у всех народов дорогую одежду могли позволить себе носить богачи.

Кыргызы издавна мастерски владели технологией обработки шкур и изготовления одежды из них. Особо ценной из кожаной одежды считались широкие богатырские штаны — кандагай. В эпосе «Манас» весьма подробно описывается этот вид одежды, надеваемой богатырями при единоборстве. В начале фрагмента о подготовке кыргызского старца, богатыря Кошойа к борьбе с калмыцким исполином Жолоем очень детально описано изготовление, украшение кандагая, приводятся сведения о вспомогательной функции богатырю, который его носит [28, с. 207–208]. Повествуется о том, что мудрая супруга богатыря Манаса Каныкей загодя велела обработать шкуру горного козерога. Сегодня подобные штаны кандагай выставлены в Национальном историческом музее. Интересно, что по своему изготовлению они полностью соответствуют описанию в эпосе. Удивительно то, что прекрасно обработанная кожа до сего дня легка и мягка, словно ткань. Природные красители прежних столетий до сегодняшнего дня сохранили свои сочные цвета. Кандагай выкрашен в желтый цвет и украшен узорами из цветных нитей. Узоры по большей части выполнены в зверином стиле.

У кыргызов, алтайцев, тувинцев, хакасов узор, напоминающий рога животных, наносился на одежду, считалось, что этот узор обладает охранительным свойством. В мужской одежде в основном преобладали узоры рогов животных, крыльев, когтей и клювов хищных пернатых. А для женской одежды характерны были узоры растительного ряда. При изготовлении одежд из дорогих шкур охотничьего промысла мастерицы обращали особое внимание на целостность шкур. В эпосе «Манас» отмечается, что Каныкей посылает на гору Дандун охотников, бьющих добычу в глаз, чтобы не повредить шкуру козерога. О том, сколь долгое время уходило на изготовление кандагая, можно узнать по описанию этого процесса. Кандагай не терял своих качеств очень долгое время, поскольку одежда, изготовленная из шкур диких животных, всегда отличалась высоким качеством.

В. М. Мендешева описывает процесс и приемы обработки шкур алтайцами. В статье она описывает, что подмездрину на внутренней стороне шкуры животных снимают тупым ножом или осколком косы, чтобы острым предметом не повредить шкуру. Затем очищенная от мездры шкура помещалась в бурные воды реки до времени, пока не сойдет вся шерсть. Только потом шкура вытаскивалась из воды, сильно растягивалась и сушилась [31, с. 133–134]. Сведения об обработке шкур кыргызами содержатся в описаниях Г. С. Загрязского [20, с. 105, 76–77], М. Т. Айтбаева и С. В. Иванова [7, с. 85]. По их информации, тщательно очищенная специальным ножом от жира и мездры шкура бара на сильно растягивается на ровной поверхности, толстым слоем намазывается соленый айран (кислое молоко) и оставляется на 4–5 дней. Высохший айран убирается и вновь повторяется процедура с соленым айраном. Этот процесс повторяется до тех пор, пока кожа не становится мягкой на ощупь. Только после этого ее обрабатывают известью.

Одежда народов Алтая столь же разнообразна, как у кыргызов, и хорошо приспособлена к различным климатическим условиям и образу жизни. Они изготавливались из различных материалов ручного производства. Вместе с тем эти народы научились прекрасно обрабатывать шкуры диких и домашних животных. Кожаные изделия по преимуществу носились в холодное время года. Поскольку зимой на Алтае очень холодно, и мужчины, и женщины в основном носили одежду из овчины. Зимние шубы кыргызы и народы Алтая в целом шьют одинаково, но различия есть в их выкройке, форме и материале воротников.

Ученый-историк А. Н. Бернштам в 1939 году, занимаясь изучением Кенкольской культуры, в захоронении этого периода обнаружил сшитые из кожи штаны и сапоги [10, с. 37]. Он следующим образом характеризует тот факт, что кочевые народы издревле, наряду с животноводством, развивали и различные ремесла: «Кочевники прекрасно умели работать с деревом, шерстью и шкурами животных, наряду с животноводством, военным делом и торговлей они сумели развить различные виды домашних ремесел» [23, с. 38]. Обработка шкур и кожи прошла в своем историческом развитии большой путь и считается одним из самых древних ремесел, используемых человечеством.

Можно сказать, что кочевой образ жизни кыргызов, их занятие животноводством обусловили развитие многих видов ремесел. Из всех видов домашних животных наиболее полезными являлись овцы, мясо идет на питание, из шкур и шерсти изготавливаются различные виды одежды, домашние предметы быта. Высокого мастерства достигли кыргызы и народы Алтая в обработке шкур, кожи и изготовлении из них различных видов одежды. Оба этих народа для смягчения и обминки кожи использовали мялки.

Мялка изготавливалась из твердой древесины: яблонь, карагача, березы. Сердцевина толстого круглого бревна прорубалась насквозь, на острых боковинах прорезались зубья. В отдельных случаях использовались и деревянные рогатины. Изготавливалось и дополнительное оборудование из жерди длиной полтора-два метра и толщиной, удобной для обхвата кистью руки. На одной его стороне тоже вырезались зубья, чтобы плотно держать кожу. Для обминания кожи один человек придавливал жердь, а второй время от времени передвигал кожу, что способствовало быстрой его обминке [8, с. 48, 209; 202, с. 88]. Тувинцы мялку называют «далгыг», а алтайцы — «идрык» [18, с. 82]. Эти мялки практически не отличаются от кыргызских, за исключением небольшой разницы жерди [31, с. 213]. Путешественник Г. С. Загряжский в своем труде остановился на описании оборудования, используемого для обминки кожи [20, с. 105, 76–77].

Алтайцы преимущественно носили шубы из шкур животных, кожаные штаны, сапоги из шкур марала мехом наружу. Головные уборы обычно изготавливались из шкур, добытых охотой. Кыргызы тоже высоко ценили шкурки охотничьего промысла, изготавливая из них праздничные головные уборы. Алтайцы шили головные уборы из шкурок белки, рыси, лисицы. Для верхней части головных уборов из дорогого меха использовался бархат, вельвет, сукно. По форме головные уборы круглые, с высоким верхом. Внутренняя часть выстилалась мехом ягнят. К задней части головного убора пришивалось два шелковых шнурка с цветными кисточками на концах. Кыргызы из дорогого меха обычно шили тебетей, верх которых у мужчин изготавливался из бархата черного цвета, у женщин — из красного плюша.

У каждого народа есть различные поверья и приметы, обычаи и традиции, связанные с традиционной национальной одеждой. Эти традиции сохранялись на протяжении многих столетий. Ученый С. И. Вайнштейн отмечал, что такие традиции были характерны для всех кочевых народов [16, с. 85, 132]. В целом считалось недопустимым отдавать свою одежду чужим людям, ибо вместе с одеждой к другому человеку могли перейти счастье и удача прежнего хозяина. Также запрещалось женщинам одевать одежду мужчин. Особо ценили и уважали кыргызы головные уборы, по поверью считалось, что унижения падут на голову того, кто не ценит и унижает свой головной убор. При входе в помещение головной убор нужно было положить на высокое место [33, с. 27].

Один из широко известных головных уборов алтайцев называется «алтай борук». Такой головной убор в основном шился из меха ножной части лисицы, также использовался соболий мех и мех белого ягненка. Головной убор украшался различного цвета двумя полосками. Т. П. Алексеева отмечает, что женщины южных алтайцев носят головные уборы, называемые «кураан борук» [5, с. 116]. Его изготавливали из черной мерлушки как для женщин, так и для мужчин.

Существует много общего в процессе изготовления одежды тюркоязычными народами, много схожести и в их названиях. В. П. Дьяконова отмечает, что традиционный головной убор алтайцев называется «бөрүк депе». Он изготавливается из меха нижней части ноги лисицы или соболя. Процесс обработки этой части шкурки зверей весьма труден и отнимает много времени, поэтому не все могли заказать и носить этот вид головного убора. В связи с этим многие носили головные уборы из меха других животных [19, с. 99–100]. Шили головной убор и из меха бобра. А в качестве боевого головного убора шили специальную шапку, называемую «тулга бөрүк». Л. П. Потапов отмечает, что такой вид головного убора «сөрү бөрүк» изготавливался с высокой тульей [35, с. 37]. Н. А. Тадина много останавливалась на видах головных уборов тебетей, сшитых из черной мерлушки ягнят. В своем труде она останавливается и на том, что у теленгитов есть головной убор «седен бөрүк», а у алтайцев — «козо бөрүк» и «бычкак бөрүк». Эти виды головных уборов изготавливались из дорогой пушнины и нижней части ног шкуры лисицы. С. И. Вайнштейн упоминает, что народы Тувы носят головной убор «калбак бөрт» и останавливается на способе его изготовления [16, с. 166]. У бурят существовал головной убор «түлгү пөрик», сшитый из меха лисицы, его могли носить и женщины [19, с. 82–85]. Кыргызы издревле носили тебетей из дорогой пушнины и овечьей мерлушки. Назывались они по отороченной пушнине. К примеру, тебетей из мерлушки, рысий тебетей, тебетей из выдры, каракулевый тебетей, лисий тебетей, волчий тебетей, тебетей из сурка, тебетей из барса [32, с. 100–101]. В труде К. И. Антипиной отмечается, что южные кыргызы носят головные уборы под названием кашгар тебетей и тепек [4, с. 235]. А тулья девичьего тебетей, опушенного мехом выдры, шилась из красного маната, ворсистой ткани, привозимой из Бухары, зеленого или синего бархата [8, с. 212].

Н. Л. Зеланд отмечает, что кыргызы носят малахаи мехом внутрь, глубоко надвигая их на уши. Также упоминает о том, что они носят рубахи с длинными рукавами, теплые кожаные штаны, сапоги из кожи, на выбритую голову одевают тебетей или высокие колпаки [21, с. 19]. Ф. А. Фиельструп пишет, что кыргызы зимой носят тебетей из мерлушки, на тульях которых есть кисти [47, с. 2].

Одежда кыргызов и тувинцев соответствовала климатическим условиям, влияние погоды, конечно, отражалось на изменениях одежды. Следует отметить, что суровые климатические условия обуславливают многие схожести в видах и изготовлении одежды. Б. А. Тагеев пишет о кыргызах XIX века, проживавших на Памире: «Холодная погода всегда требует, чтобы люди одевались тепло. Для них ватные чапаны и вязаные из толстой овечьей шерсти одежды дают тепло» [45, с. 226, 24]. Практически вся одежда кыргызов изготавливалась из материалов, предоставляемых животноводством и охотой, домотканной дерюгой и войлоком. Среди видов одежды, широко распространенной у большинства народов, следует, в первую очередь, отметить шубы. Для всех тюркоязычных народов характерна схожесть зимних одежд из овчины. Эта одежда считается одной из самых древних у кочевников.

В рунических текстах древних тюрков слово «тон» означает одежду. Это слово одинаково у кыргызов, тувинцев, хакасов, алтайцев, башкир [48, с. 258, 96]. Иначе говоря, можно утверждать, что этот термин широко распространен только среди тюркоязычных народов. Например, тот факт, что многие виды одежды тувинцев весьма похожи внешне на одежду живущих по соседству монголов, у последних термин «тон» не встречается, монголы свою верхнюю одежду называют словом «дээл» [38, с. 200, 54]. А в Кыргызстане обобщенным словом «тон» именуют всю верхнюю одежду. У кочевых тувинцев вся верхняя одежда тоже называется словом «тон». Не наблюдается большая разница между кроєм и шитьем внешней одежды для мужчин и женщин. Их различие только в украшении.

По сведениям К. В. Вяткиной, одежда под названием «тон» носится и тувинцами, и монголами [17, с. 93]. Н. Ф. Прыткова отмечала, что «тон» распространен у жителей Южного Алтая и у тофаларов [36, с. 195, 192]. В Нарынской и Иссык-Кульской областях Кыргызстана ичик (не столь теплая шуба), да и зимняя шуба из шкур овцы с большим воротником из мерлушки с внешней стороны покрывается темной тканью [33, с. 11]. Кыргызы воротники шуб сравнительно с народами Сибири шьют больше и шире. У тувинцев можно встретить несколько разновидностей шуб для повседневного быта. Например, «негей тон» изготавливается из шкур больших овец и коз. Длина шерсти овцы должна быть не менее 4–5 см, поэтому использовалась шкура животного, прожившего одну зиму. Их шерсть отличалась высоким качеством, густотой. «Аскыр негей тон» шился из шкуры барана 3–4 лет. Шерсть барана такого возраста была особенно густой и достигала длины 8–10 см. В отличие от других шуб этот вид был больше и тяжелее, поэтому их носили только мужчины. В число праздничных одеяний

входил «кураган кежи тон», шитый из шкуры ягнят. Кроме того изготовлялся «хурбе хураган тон» из шкурок павших во время окота ягнят и «сесиирге хураган кежи тон» — из шкур 5–6-месячных ягнят [3, с. 7]. А кыргызы шили тон из шкур черных ягнят. По технологии изготовления эти шубы не отличались от тувинских, небольшие различия были лишь в их крое. Снаружи они покрывались тканью. Еще один вид тона — полущубок был удобен для поездок по горам. В разных районах Тувы он называется по-разному: в аймаке Тоджи — «чолдак тон», а в западных районах — «хөрөктээш». Воротник у него стоячий, полы короткие, откуда и название, шьют его из шкур овец и коз.

Известно, что со времен енисейских кыргызов и до первой половины XX века состоятельные люди и их дети носили такие виды верхней одежды как жылбырска, даакы, кулун тон. Среди них особо лёгкими и чтимыми были жылбырска, изготавливаемые из шкурок новорожденных ягнят, шерсть их была волнистой и мягкой. Из шкур еще нелинявших жеребят изготавливались тулупы, ичики, күрмө, чыптама, тоны. К. Сейдакматов отмечал, что от монголов к кыргызам перешло слово «зулбаска» [43, с. 11]. Шерсть только народившихся детенышей животных очень блестящая и мягкая. Поэтому одежда из них была очень красивой и нарядной. Памирские кыргызы называли их «жылбыс, илбис» [23, с. 167].

Национальную одежду народов Сибири изучали такие ученые как С. И. Вайнштейн, Н. Ф. Прыткова, Л. В. Хомич, Е. А. Алексеенко, Г. М. Василевич, Ч. М. Таксами, С. В. Иванов и др. Результаты их исследований отражены в сборнике «Одежда народов Сибири» [34]. Из трудов указанных ученых явствует, что с древнейших времен применительно к одежде наблюдаются ставшие традиционными схожести. Особенно много общего, относящегося к одежде, у кыргызов и алтайцев. А. П. Потапов и Н. А. Тадина особенно много сделали в сфере научного анализа общих черт одежд алтайских народов [35, 44]. В их исследованиях можно найти сведения об этнокультурных связях кыргызов и алтайцев, общности в их одежде.

В конце XIX — начале XX века начинают происходить изменения в одежде алтайцев. Мужчины летом носили «чекпены», сшитые из сукна. Кыргызы тоже в теплое время года надевали сшитые из сукна или бархата «чепкены». Еще один вид традиционной верхней одежды кыргызов кементай носится и народами Алтая, изготавливался из войлока. Из войлока шьются и головные уборы с отворотом наружу. Они очень схожи с кыргызским калпаком. Также алтайцы носят кожаные сапоги с носками из тонкого войлока. У кыргызов такие носки из войлока называются «жөрөп».

Наряду с общностью в одежде алтайцев и кыргызов есть и отличия. Особенно много схожести в терминах обозначения названий одежд. К примеру, оба этих народа шьют верхнюю одежду из шкур жеребят или эликов, алтайцы называют ее «дваргак», «двака». А кыргызы используют слово «даакы». Также из хорошо обработанной кожи диких коз и козорогов шили кандагаи [1, с. 32, 98].

Кроме кыргызов схожие названия штанов можно встретить и у некоторых тюркоязычных народов. И. С. Руденко в своих исследованиях отмечает, что башкиры называют их «салбар», а северные алтайцы — «чампар» [39, с. 208, 160]. Кыргызы в быту тоже часто носили такие штаны. Это утверждение можно подкрепить примерами из эпоса «Манас», где встречаются названия «чалбар» или «жаргак шым» (кожаные штаны). Они считались также боевым одеянием и изготавливались из шкур горных козлов. Штанины шились широкими с раздвоением снаружи и украшались цветными узорами, характерными для мужской одежды. На поясе были завязки (ычкыр) из крепкой бечевы или кожи. С. М. Абрамзон также отмечал, что подобные одеяния изготавливались по большей части из шкур диких коз, отличающихся особенной крепостью [1, с. 35].

У кыргызов и алтайцев штаны для мужчин шили из хорошо выделанной кожи. Из овечьей шкуры шили тулупы (вид сапог), а из шкур диких животных — ичиги. Ичиги, которые еще называют маасы, широко использовались кыргызами. Крой и шитье мужских рубаш у двух народов одинаковое. Их рукава удлиненные. Поверх рубашки надевается просторно сшитый чапан, который подпоясывается специальным ремешком. Состоятельные кыргызы использовали широкие серебряные пояса — кемеры, украшенные драгоценными и полудрагоценными камнями. По таким поясам, манере их изготовления легко можно было понять общественное положение владельца.

У народов Алтая пуговицы женской одежды имели не только прямое функциональное значение, но и служили частью украшения. Такие украшения из пуговиц широко использовались и кыргызскими молодыми женщинами и девушками. Особо ценились ими пуговицы из перламутра. Лоб-

ная часть девичьих тюбетеек украшалась узорами из пуговиц. Замужние женщины на Алтае носили просторные чапаны-безрукавки, кыргызские женщины носили схожие с этим одеяния — беренжи. Шелковые одежды надевались по особо торжественным случаям: праздникам, на свадьбу и др. У обоих народов ювелирные украшения служили показателем их статуса в обществе. У кыргызов по их чач учтукам (тяжелые металлические украшения на конце косы), чолпу (серебряные украшения на косы) можно было узнать, сколько у нее детей и внуков. Эти достаточно тяжелые украшения служили и для того, чтобы их владелица была статной и шла с высоко поднятой головой. Те же функции накосные украшения выполняли и у алтайских женщин. Алтайцы к косе девочки, достигшей семи лет, привязывали красивый «шымырак», который звенел при ходьбе. А кыргызским девочкам такие бубенчики приделывали к обуви. Они служили для выработки у девочек плавной, неторопливой походки [33, с. 17].

Обобщая, можно сказать, что этнокультурные связи, торговые отношения, всегда существовавшие между кыргызами и алтайцами, а еще шире между тюркоязычными родственными народами, обусловили большую общность в их образе жизни. Необходимо отметить и тот факт, что наряду со схожестью существуют и заметные различия. Некоторые виды одежды, носимые алтайцами, не встречаются у кыргызов. К примеру, головные уборы с использованием нижней части конечностей диких зверей существуют только у народов Алтая, у кыргызов мы такого не встречаем. Общие приемы и методы хозяйствования, практикуемые указанными народами с незапамятных времен, влияли на их материальную культуру и, в том числе, обуславливали схожесть в традиционной одежде.

Использованные источники и литература

1. Абрамзон С. М. Кыргыз жана Кыргызстан тарыхы боюнча тандалма эмгектер / Түз.: Ө. Караев. Котор: С. Мамбеталиев, Д. Сулайманкулов, С. Макенов. — 2-бас. — Бишкек: «Кыргызстан-Сорос» фонду, 2013. — 896 с.
2. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе: «Кыргызстан», 1990. — 480 с.
3. Ажыкан уулу Максат. Автордун талаа дептери. Улуг-Хем хоожуну, Шагонар айылы. — М., 2008. — № 5.
4. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных кыргызов (по материалам, собранным в южной части Ошской области Кирг. ССР). — Фрунзе: Изд-во АН Кирг. ССР, 1962. — 288 с.
5. Алексеева Т. П. Алтайский национальный костюм как эстетического переосмысления // Мир науки, культуры, образования. — № 5 (12). — Горно-Алтайск, 2008. — С. 114–116.
6. Айтбаев М. Т. Историко-культурные связи киргизского и русского народов (По материалам Иссык-Кульской области Киргизской ССР). — Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1957. — 172 с.
7. Айтбаев М. Т., Иванов С. В. Тиснение по коже // ТКАЭЭ. — Т. V. Народное декоративно-прикладное искусство киргизов / ред.: С. В. Иванов, К. И. Антипина. — М.: Наука, 1968. — С. 124–131.
8. Акматалиев А. С. Кыргыздардын кол өнөрчүлүгү / Көркөмдөгөн сүрөтчү Коеналиев. — Бишкек: Кыргызстан, 1996. — 328 с.: илл.
9. Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойрато-русский словарь. — М., 1947. — 312 с.
10. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. — Т. I. — Бишкек: Айбек, 1997. — 560 с.
11. Бичурин Н. Я (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Т. I–III. — М.; Л., 1950–1953.
12. Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. — Абакан, 1988. — 352 с.
13. Бутанаев В. Я. Историческая судьба енисейских кыргызов по данным фольклора народов Южной Сибири // ВЭКИН. — Фрунзе, 1989.
14. Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII — XIX вв. — М., 1990. — 272 с.
15. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. — Абакан, 2000. — 272 с.
16. Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. — М.: Наука, 1991. — 296 с.
17. Вяткина К. В. Общие черты материальной духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев // Тр. VII Междунар. конгр. антропологических и этнограф. наук. — М., 1964.

18. Даржа В. К. Традиционные мужские занятия тувинцев. — Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2008. — 592 с.
19. Дзяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сюмер», 2001. — 221 с.
20. Загрязский Г. С. Быть кочевого населения долинъ Чу и Сырь-Дарьи // ТВ. — 1874. — 15. — С. 98–129.
21. Зеланд Н. А. Киргизы. Этнологический очерк // Зап. СО РГО. — Кн. VII. — Вып. II. — Омск, 1885. — 78 с.
22. Каратаев, О. К. Кыргыздардын теги, келип чыгышы, этностук-маданий алакалары. — Б., 2013.
23. Капалбаев О. Э. Кыргыз элинин көнчүлүк өнөрү: XIX кылымдын аягы — XX кылымдын башы. — Бишкек: ЖИ «Сарыбаев Т. Т.», 2020. — 472 с.
24. Кон Ф. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. — М.: Изд. Всерос. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. — Кн. 3. — 294 с.
25. Кондратьев А. А. Исторические сведения о киргизах в китайских источниках // Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. — Ташкент: Изд-во АН УССР, 1958. — С. 934–939.
26. Кондратьев А. А. Исторические сведения о киргизах в китайских источниках // Материалы первой всесоюз. науч. конф. востоковедов в Ташкенте. — Ташкент, 1958. — С. 136–138.
27. Конопко С. Р. Туркестанский край. Сельскохозяйственный, торгово-промышленный адрес-справочник и календарь. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. — 213 с.
28. «Манас» эпосу. С. Орозбаковдун варианты боюнча. — II китеп. — Ф.: Кыргызстан, 1981. — 345 с.
29. Монгуш Кенин Лопсан. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. — Новосибирск, 1987.
30. Молдобаев И. Б. «Манас» — историко-культурный памятник кыргызов. — Б., 1995.
31. Мендешева В. М. Выделка кожи у алтайцев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири: сборник научных трудов — Вып. 7 / под ред. В. И. Соенова, В. П. Ойношева. — Горно-Алтайск: АКИН, 2008. — С. 133–137.
32. Момунбаева Н. С. Түштүк кыргыздардын салттуу кийимдери (XIX кылымдын аягы — XX кылымдын башы. — Этнографиялык талаа материалдарынын негизинде). — Бишкек: ЧП «Сарыбаев Т. Т.», 2014. — 196 с.
33. Момунбаева Н. С. Автордун талаа дептери, 2021.
34. Одежда народов Сибири: сборник статей музея антропологии и этнографии / Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Л.: Наука Ленинградское отделение, 1970. — 222 с.
35. Потапов А. П. Очерки по истории алтайцев. — М.; Л.: Академия наук СССР, 1953. — 446 с.
36. Пряткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнограф. атлас Сибири. — М.; Л., 1961. — С. 227–238.
37. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. — М., 1989. — 749 с.
38. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. — М.: Изд-во вост. лит., 1963. — Т. 4. — Ч. 2. — 2230 табл.
39. Руденко И. С. Башкиры: (Историко-этнографические очерки). — М.; Л.: АН СССР, 1911. — 394 с.
40. Савинов Д. Г. Еще раз о связях между кыргызами Тянь-Шаня и Енисея (в свете современных данных археологии) // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 1994–1995 гг. — Краткое содержание докладов. — СПб.: МАЭ РАН, 1997. — С. 22–24.
41. Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня. — СПб., 1873. — 461 с.
42. Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. — М.: Огиз, 1947. — 246 с.
43. Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. — Фрунзе: «Илим» басмаканасы, 1988. — 334 с.
44. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность XIX–XX вв. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сюмер», 2001. — 214 с.

45. Тагеев Б. Памирские киргизы // Нива. — 1897. — № 38. — С. 895–896.
46. Ушницкий В. Научное обозрение Алтая. — № 1 (3). — 2012. — С. 51.
47. Фиельструп Ф.А. Отчет о поездке в Среднюю Азию для сбора коллекции по этнографии киргизов // Дело. — 1925. — № 2. — 14 с.
48. Юдахин К.К. Кыргызско-русский словарь. — М.: Сов. энцикл., 1965. — 976 с.
49. Юнусалиев Б.М. Проблемы формирования общенародного киргизского языка // Вопросы языкознания. — М., 1955. — С. 43–49.

Сведения об авторе: Момунбаева Назира Соорбековна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исторического музея Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: momunbayeva76@mail.ru

УДК 392.31 (575.2) (04)

Р.Ж. Жолдошов

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук
Кыргызской Республики,
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ С ЮЖНЫМИ АЛТАЙЦАМИ

Аннотация. В статье анализируется родоплеменная структура кыргызского и алтайского народов. Опираясь на труды известных исследователей в области этнологии, автор делает акцент на этногенетических связях кыргызов с алтайцами, прежде всего, с южными алтайцами. В работе раскрывается авторский взгляд на проблему этнических связей указанных общностей, к раскрытию которой привлекаются полевые материалы. Автор дает интерпретацию некоторых племенных и родовых названий у кыргызов и алтайцев, показывает их сходство, отражающее древние этногенетические связи. Собранные данные показывают, что средневековые кочевые племена, жившие в Алтайском регионе и Прииртышье, участвовали в формировании двух этносов. Полученные в результате исследования выводы дополняют картину кыргызско-алтайских связей.

Ключевые слова: Кыргызы, Тянь-Шань, Иртыш, алтайцы, племя, род, этногенетическая связь, этнос.

R. J. Zholdoshev

B. Jamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences
of the Kyrgyz Republic
Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

ETHNOGENETIC RELATIONS OF THE KYRGYZ WITH THE SOUTHERN ALTAIANS

Abstract. The article analyzes the tribal structure of the Kyrgyz and Altai peoples. Based on the works of well-known researchers in the field of ethnology, the author focuses on the ethnogenetic ties between the Kyrgyz and the Altaians, primarily with the southern Altaians. The paper reveals the author's view on the

problem of ethnic ties of these communities, to the disclosure of which field materials are involved. The author gives an interpretation of some tribal and clan names among the Kyrgyz and Altaians, shows their similarity, reflecting ancient ethnogenetic ties. The reasons for the identical names were the migration of the Kyrgyz in the Middle Ages to the west, their settlement in the territories of the mountains of the Mongolian Altai and the sources of the Irtysh river valley. The collected data show that medieval nomadic tribes living in the Altai region and the Irtysh region participated in the formation of two ethnic groups. The conclusions obtained as a result of the study complement the picture of the Kyrgyz-Altai relations.

Keywords: Kyrgyz, Tien Shan, Irtysh, Altaians, tribe, genus, ethnogenetic connection, ethnos.

Формирование кыргызского народа как самостоятельного этноса невозможно представить в отрыве от общей истории народов Южной Сибири и Центральной Азии. Об этом говорилось на научной сессии 1956 г., посвященной проблеме происхождения кыргызов. Ее участниками было признано, что этот народ формировался на основе двух основных этнических компонентов — центрально-азиатского и южно-сибирского [6, с. 234]. Серьезный вклад в изучение этнической истории кыргызов и алтайцев внесли исследователи XIX–XX вв. Отдельное внимание в трудах Н. А. Аристова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольда, С. М. Абрамзона, К. И. Петрова, Л. П. Потапова получил вопрос об общности названий племен у кыргызского и алтайского народов, таких как *кыпчак*, *найман*, *меркит* или *муркут*, *төөлөс*, *керейит* (у алтайцев — *кергит*), *мундуз* (у алтайцев — *мундус*), *азык* (у алтайцев — *аз*) [1, с. 40–42]. Исследователи едины во мнении о том, что параллели в родоплеменных названиях свидетельствуют о родственных связях кыргызских и алтайских народов. Языковые сходства между ними, общность их традиций, обычаев, культурных и хозяйственных представлений свидетельствуют о единстве первоначального генезиса.

Этнокультурные связи кыргызов с народами Алтая носят разносторонний характер. Многие ученые считают, что этногенетическая и культурно-хозяйственная связность кыргызов и алтайцев (особенно с южными алтайцами) является очевидным и бесспорным фактом [2, с. 43–51; 1, с. 22–27; 13, с. 90–113]. В процессе формирования этих народов участвовали одинаковые этнические компоненты. Важным источником об историко-культурном прошлом народов Алтая и Тянь-Шаня являются богатые народные этногонические материалы (этногония), сведения о родоплеменной структуре и фольклорное наследие кыргызского и алтайского народов.

О родственных связях кыргызско-алтайских народов существует множество генеалогических преданий. Одна из легенд о кыргызах, бытующей у алтайцев, гласит, что когда-то в давние времена кыргызы были жителями Южного Алтая. В то время здесь простирались голые степи. Для орошения пашен кыргызы прорыли ирригационные каналы. Когда на Алтае стали расти деревья, то им померещились рога, вылезаящие из земли. Испугавшись, кыргызы в одну ночь перекочевали далеко на юг, где не растут деревья [3, с. 75]. Еще одну легенду в Горном Алтае записал И. Б. Молдобаев. В ней говорится о том, что некогда кыргызы жили вместе с алтайцами, составляя народ одного ханства. Примерно триста лет тому назад, во время войн и бедствий состоятельные люди — кыргызы, имеющие скот, начали откочевывать в далекие края. Не имеющие лошадей и оставшиеся, т. е. «калмаки» (на тюркском языке «калмаки» означает остатки, оставшиеся — прим. авт.) в горах Алтая стали именоваться алтайцами [12, с. 42]. В этих сюжетах легенд наблюдаются отголоски того, что алтайцы и кыргызы издавна жили вместе, а кыргызы находились в горах Алтая.

В генеалогических легендах тянь-шанских кыргызов не отразился период их проживания на берегах Енисея. Но они знали, что на территорию Тянь-Шаня (Ала-Тоо) их народ пришел из Центральной Азии, т. е. из Кангая (Хангай) и Алтая. О землях Алтай-Кангай очень много говорится в кыргызском фольклоре, особенно в эпосе «Манас». Об этом писал кыргызский знаток старины Белек Солтоноев: «В словах многих старейшин (аксакалов) слышал, что кыргызы пришли сюда (т. е. на Тянь-Шань) из Алтая-Кангая» [18, с. 107]. Народные кыргызские генеалогические предания гласят, что кыргызы в прошлом обитали на землях Кангая и Алтая [5, с. 80–121].

В Средневековье, после того как кыргызы уничтожили Уйгурский каганат в 840 г., они переселились из Абакана в Южную Сибирь на территорию нынешней Центральной Монголии, в горные массивы Кангая (Хангай). Письменные источники подтверждают, что кыргызский правитель (*ажо*), разгромив Уйгурский каганат, переселился на эти земли со своим народом. Уйгурская столица — го-

род Карабалгасун (*Орда балык*), был расположен в верховьях реки Орхон в Кангайских горах в Центральной Монголии. О переселении кыргызов в Кангайские горы, близ верховьев реки Орхон, говорится в письмах китайского императора кыргызскому *ажо*. В них говорится: «Мы слышали, что этой осенью вы переедете в Орду уйгуров и полностью разрушите их великое государство» [10, с. 28]. Эта информация была написана между 22 февраля и 22 марта 844 г. [4, 25]. В источнике «Син тан шу» пишется: «...тогда он (кыргызский *ажо*) перенес свой столицу в южную часть Лао-Шаньских гор. Гору Лао-Шань также называют Ду-ман. Эти горы стоят на 15-дневном пути от того места, где когда-то жили уйгуры, в конном шествии» [17, с. 44]. Гора Ду-Ман, расположенная в 15 днях к северу от горы Кангай, где проживала уйгурская династия, соответствует современному хребту Танну-Ола. Расстояние между Минусинской долиной, ранее населенной кыргызами, и горами Кангай, населенными уйгурами, составляет примерно два месяца верхом. Следовательно, после победы кыргызов над уйгурами они двинулись в южную сторону от гор Танну-Ола, на север горы Кангай. Переселение кыргызов на Кангайские горы в период образования «Великого государства кыргызов» привело к изменениям в их этническом составе. Согласно историческим источникам, небольшая часть кыргызов остается в Минусинской долине на реке Енисей [9, с. 476].

Кыргызский каганат просуществовал до 20-х гг. X в. Его центральная часть располагалась на Кангайском нагорье. Каганат мог быть разрушен вторжением кара-кытайцев (киданей) или внутриполитическим кризисом до их прихода. Но по фольклорным данным распад кыргызского государства был тесно связан с кара-кытайцами. Об этом много сведений содержится в эпосе «Манас». Судьба кыргызов после распада Кыргызского каганата является предметом споров и разногласий среди ученых. Подавляющее большинство исследователей полагают, что после распада Великой державы кыргызы в Центральной Азии вернулись на север, к реке Енисей и в горы Саян. Например, по мнению Ю. С. Худякова, в X в. кыргызы перенесли свою ставку с территории Монголии по реке Кемчик в Тыву (Туву) (к истоку Енисея) [19, с. 80]. Исторические источники дают другую информацию. В начале X в. после потери крупного государственного устройства кыргызы оказались разделены на две смежные друг с другом части — Кыргыз и Кэм-кэмджиут. Одна часть была переселена в Енисейскую долину (Кэм-кэмджиут) на севере, вторая — на верховья реки Иртыш и в горы Монгольского Алтая в Западной Монголии (область Кыргыз).

Письменные источники X–XII вв., особенно мусульманских авторов, показывают, что большинство кыргызов с Кангайских гор двинулось на запад, т. е. в области Монгольского Алтая и за его пределы. С X в. сведения о кыргызах стали приводить мусульманские авторы. После падения Кыргызского каганата информации о кыргызах в произведениях мусульманских авторов становится больше. В них показывается, что кыргызы жили недалеко от Центрального Тянь-Шаня, в котором проживали мусульмане того времени.

В труде аль-Истахри, написанном в 930–933 гг. и отредактированном в 950 г., повествуется о том, что «кыргызы» соседствуют с народами, проживавшими на большой территории от Монгольского Алтая до Восточного Тянь-Шаня [7, с. 33–34]. Тот же автор сообщает, что река Иртыш начинается недалеко от родины кыргызов в X в. [7, с. 36]. Эти сведения подтверждают, что кыргызы жили непосредственно в горах Монгольского Алтая и вокруг реки Черный Иртыш. Авторы того времени Ибн Хаукал и Абу Дулаф дали схожие сведения о территории проживания кыргызов. Кыргызы упоминаются в историческом письменном источнике «Худуд аль-алам». В нем говорится о том, что исток реки Иртыш (Кара Иртыш) берет свое начало в горах на границе между кыргызами и кимаками [4, с. 42].

Аль-Марвази, живший во второй половине XI — начале XII в., дает много интересных сведений о кыргызах. В частности, автор указывает на то, что распространение ислама среди кыргызов началось с изменения у них практики кремации из-за соседства мусульманами [7, с. 54]. В этот период распространение ислама на восток ограничивалось рекой Или в Восточном Тянь-Шане. Поэтому кыргызы могли жить по соседству с мусульманами только в Восточном Тянь-Шане или на юге алтайских гор.

Махмуд Кашгари, живший в XI в., описал племя *кай*, являющееся один из местных кочевых тюркских народов, расселенном на западе от кыргызов, татар и ябаков [11, с. 69–70, с. 858]. В тексте Аль-Марвази говорится, что племена *кун* и *кай* бежали от Кытайского (Кара Кытайского) хана. В начале X в. образованное Кара Кытайское государство Ляо вторглось в Центральную Азию и разрушило

«Великую державу» кыргызов. На наш взгляд, аль-Марвази говорит о миграции, происходившей в начале X в. после падения Кыргызского каганата, и о кочевниках, ранее подчинявшихся кыргызам из-за давления со стороны кара-кытайцев.

Массовые переселения народов в Средневековье происходили неслучайно, они всегда были связаны с политическими и хозяйственными событиями. После падения Кыргызского каганата в район Тянь-Шаня с востока пришло большое количество тюрков-кочевников, в том числе хакан-тюрки, династия караханидов, основавших в середине X в. (942 г.) государство Караханидов. Если в сочинении аль-Марвази упоминается эта миграция, то большое количество кыргызов могло мигрировать из Кангайских гор в Центральной Монголии на западную часть Монгольского Алтая.

Анализ сведений мусульманских авторов X–XII вв. показывает пребывание части кыргызов в рассматриваемую эпоху в районе гор Алтая и на его западных границах. Средневековые китайские и мусульманские авторы в своих трудах повествуют о том, что этот народ в IX–XII вв. проживал в горах Кангай и Алтая. Их данные подтверждают сведения кыргызских преданий о том, что кыргызы жили на Алтай-Кангае и именно оттуда пришли на Тянь-Шань (Ала-Тоо). Значит, формирование кыргызского народа происходило в Кангайских и Алтайских горах Центральной Азии.

С первой половины X в., когда кыргызы пришли на Алтай и реку Иртыш, начинается формирование кыргызской общности. Оно продолжилось до XII в. Местное население участвовало в происходящем этническом процессе. Политическая власть находилась в руках кыргызов. Придя на новые земли на западе, они ассимилировали местные племена и сформировали новую этнодуальную организацию, характерную для кочевников X–XII вв. В ходе этнического процесса в кыргызском обществе на территории Южного Алтая и северной части Восточного Тянь-Шаня сформировалась новая этносоциально-племенная организация «правое и левое крыло» (*оң канат* и *сол канат*). Процесс формирования и становления этой этнодуальной организации кыргызского народа происходил в X–XII вв. Начало сложения кыргызского этноса относится к этому периоду.

Правое и левое крыло стало политико-военной и территориально-административной единицей государственного устройства, традиционно использовавшейся в кочевых племенных обществах с времен древних гуннов. Считается, что племена, входящие в правое крыло кыргыз, являются суперстратом, состоящим в основном из пришедших кыргызских племен, а племена, входящие в левое крыло, состоят из местных компонентов субстрата [9, с. 488–290]. Эти крылья еще называют цвето-семантическими именами: правое крыло — *ак уул* (*ак огул* — белый сын), левое крыло — *куу уул* (*куу огул* — бледно-желтый сын).

Значение имени *куу уул* левого крыла может быть связано с названием кимака-кыпчаков — «бледный», «бледно-желтый», «желто-белый». Русские использовали тюркский цвет «куу», переводимый как «половой» — светло-желтый, блеклый, изжелта-белый, желтоватый. Поэтому кыпчаков называли «половцами». Их тюркоязычные племена называли *сары-кыпчак* или *куу-кыпчак* (желтые кыпчаки), то есть «половцы» — это славянский перевод тюркского этнонима. Племена кимака-кыпчакского объединения широко использовали цвет *куу* (бледно-желтый) при самоназваниях, например, *куу кижы*, *куманды*, *кимак*, *кумык*, *сары*, *сарык*, *саруу*, *сары кыпчак*. Название северо-алтайской народности *куу кижы* (челканцы) иногда переводилось на русский язык как «лебеди» или «лебединцы», видимо, от тюркского слова *куу* или *ак куу* (лебедь). Фактически этот этноним происходит от средневековых семантических названий кимако-кыпчаков *куу* — бледно-желтые, *кижи* — это человек или люди, т. е. *куу кижы* — это бледно-желтые люди. Такой же смысл имел этноним «кумандинцы». Как упоминалось ранее, видимо, название *куу уул* левого крыла кыргызского родоплеменного объединения происходит от семантического названия *куу* средневековых кимаков-кыпчаков.

В левое крыло современных кыргызов входит восемь племен. Этногенез подавляющего большинства из них, например, племен *саруу*, *кушчу*, *кытай*, *басыз*, *тобой* и *мундуз*, тесно связан со средневековым кимако-кыпчакским племенным объединением. Эти факты свидетельствуют о том, что кыргызы ассимилировались с кимако-кыпчаками в горах Южного Алтая и в долине Черного Иртыша. Словосочетание кыргыз-кыпчак широко используется в историко-фольклорных произведениях кыргызского народа. Например, в эпосе «Курманбек» находим такие строки: «В прошлом веке у кыргызско-кыпчакского народа был хан по имени Тейитбек. Из кыргызско-кыпчакского народа собрали сорок юношей» [8, с. 7].

Этимология имени правого крыла *ак уул* может происходить от терминов «белый» и «чистый». Однако генезис племен в этой племенной организации неоднороден. На протяжении своего исторического развития они претерпели смешения множества этнических групп. Но несмотря это, костяк правого крыла состоял из племен, происходящих от средневековых кыргызов [9, с. 489–490]. Этногенез южных алтайцев, по всей видимости, тесно связан с тьянь-шаньскими кыргызами.

Этногенетическое родство алтайцев и кыргызов хорошо заметно на родоплеменных делениях этих народов. Наибольшее количество этнических связей кыргызов прослеживается с Алтаем. Параллели в этнических названиях не являются единственными, они сопровождаются целым рядом явлений историко-культурного характера, чрезвычайно ярко перекликающихся у народов Алтая и кыргызов.

В родоплеменной структуре кыргызов встречаются следующие родоплеменные названия алтайских сеоков (костей/родов): *азык* (*ас*), *кыпчак*, *муңдуз* (у алтайцев — *мундус*), *найман*, *төөлөс* (*дөөлөс*), *могол*, *меркит* (*муркүт*), *керейит* (у алтайцев — *кергит*). Н.А. Аристов и С.М. Абрамзон выявили параллели в названиях племен в составах кыргызского и алтайского народов, показали их этногенетическую общность [1, с. 22–27; 2, с. 43–51].

В этнический состав кыргызов и алтайцев входили тюркоязычные племена, проживающие в IX–XII вв. на территории Обь-Иртышского междуречья. Это кимаки, огузы, карлуки, ябагу, басмили, уйгуры (*тогуз огузы*). Происхождение этих племен связано с *теле* или девятью огузскими племенными группами, которые были древними тюркскими группами.

Из перечисленных родоплеменных подразделений, входящих в состав кыргызов и алтайцев, племена *азык* у кыргызов и *ас* у алтайцев схожи с древними *асиги*, которые были ветвью тюркшей. *Азы* жили по соседству с енисейскими кыргызами. С.М. Абрамзон сопоставил алтайскую группу *төрт ас*, входившую в состав современных теленгутов и ач кыштымов с кыргызским племенем *азык*, которые называют себя *төрт тамгалуу азык*, т.е. четырьмя тамговыми [1, с. 32–33]. Этот же автор написал следующее о племени кыпчак: «Кыргызское же племя кыпчак явно обнаруживает свою связь с племенами «алтайского» происхождения. Оно не может быть сопоставлено с аналогичными племенами среди узбеков и каракалпаков» [1, с. 35]. Этноним *мундуз* считается по происхождению одним из древних. Примечательно, что он, а также *төлөс* (телес) встречаются только среди родоплеменного состава кыргызов и алтайцев. У остальных тюркоязычных народов такие этнонимы отсутствуют. Исследователи заметили совпадения в названиях не только крупных племен, но и более мелких их подразделений, как например, *муңдуз* (*мундус*): *коткор мундуз*, *жарыке* у кыргызов, *кочкор мундус*, *дыарык* (*ярык*), *чулум мундус* у алтайцев; *чулум кашка* — один из предков племени *төөлөс* (*дөөлөс*) у кыргызов.

Названия средневековых племен, таких как *меркит*, *найман*, *керейит*, *тас* или *тастар* встречаются среди этнического состава обоих народов. Есть у алтайцев сеоки *меркит* (*миркит*, *муркүт*), *кергит*, *найман* (*майман*), *көгөл найман*, *тастар*. У кыргызского племени *төлөс* существуют такие подразделения, как *меркит*, *бүркүт*, *керейит*. Одна из ветвей племен *сарыбагыш* и *бөрү* называется *таздар* (*тастар*). Внутри кыргызского племени *найман* есть подразделения *кара найман*, *көкө найман*.

К параллелям можно отнести и ряд других общих этнонимов. Сеок *могол* у алтайцев, *могол* или *моңол* (*моңолдор*) у кыргызов; *тогус* — *тогуз уул*; *чор* (*чорос*) — *чоро*; *тумат* (*ак тумат*, *кара тумат*) — *туума*, *туума кашка* (у кыргызов среди племен *бугу* и *төлөс*); *ябак*, *сарыглар* — *сарттар* (у кыргызов племя в составе племенного объединения *адыгине*, внутри кыпчакского племени есть род *сарт кыпчак*), *саруу* (у кыргызов племя из левого крыла, а также род *жабагы* из племени *саруу* и род *сарылар* из племени *муңгуш*). Можно отождествить *ябак* или *жабагы* с *ябагу* — тюркским племенем, проживавшим на Алтае в XI в.

В племени *бугу* есть род *тынымсейит*. Он делится на три ветви — *кабели*, *шалтак*, *мортук*. Мы выявили, что *кабели* соответствует алтайскому сеоку *кообалы* (тувинский род *кобалы*). По нашему мнению, данный этноним происходит от средневекового кыпчакского рода. Арабские писатели эмир Рукн-эддин Бейбарс (умер в 1325 г.) и Ибн-Хальдун приводят имена одиннадцати кыпчакских родов. Один из них *карабароглы* (*калабаалы*) [2, с. 187]. Именно род *карабароглы* (при произношении *калабаалы*) является кыргызским *кабели* и алтайским *кообалы*. Этноним *кабели* кроме тынымсейитов встречается и другого кыргызского рода *кызыл аяк*.

Телесы у Рашид-ад-дина выступают под именем *тулас*. Телесы-туласы были родственны племени *тумат* [16, с. 122–123]. Телесы, как и кыргызы, жили на Кангайском нагорье (возможно и вместе).

Воспоминания о них в Кангайских горах сохранились у современных теленгитов на Алтае в заклинаниях шаманов, которые, призывая духов и чувствуя наиболее почитаемые горы, упоминают Хангай [14, с. 161].

В родоплеменном составе кыргызского народа имеется племя, по происхождению принадлежащее к древнему этносу *теле*. Например, *төлөс* (*дөлөс*), *төлөк*, *төбөй*. С. М. Абрамзон отмечал, что о причастности предков кыргызов к конфедерации *теле* свидетельствует прежде всего сам кыргызский этноним *төөлөс* (*дөөлөс*), представляющий собой, как и южно-алтайский этноним «*телес*» (*төлөс*), грамматическую форму тюркского множественного числа от *теле* [1, с. 41]. Этот же автор указывает на то, что кыргызское племя *мундуз* генетически связано с древним *теле*. Поскольку соек, или род *мундус* у южных алтайцев является одним из наиболее древних и широко распространенных в составе телеутов, С. М. Абрамзон считает, что кыргызское племя *мундуз* генетически восходит к племенам конфедерации *теле*. В монгольском источнике «Сокровенное сказание» упоминается этноним «*тенлек*» с самоназванием «*телек*» или «*телег*» у значительной группы тувинцев, которое также восходит к древнему этнониму *теле*. В кыргызском родоплеменном составе *төлөк* (*телек*) был представлен у племен *чекир-саяк*, *баргы*, *саяк*, *солто*. Еще одно кыргызское племя *төбөй* восходит к племенам *теле*. Кыргызский этнограф И. Б. Молдобаев сопоставил названия *тыва-тобы-туба-тума-тумат* и кыргызский *төбөй* [12, 25].

Алтайский соек *дьети-сары* является потомком енисейских кыргызов. У енисейских кыргызов один из правящих родов назывался *джеты-сары*. На Алтае название *джеты-сары* в соответствии с фонетикой южного алтайского языка стало звучать как *дьети-сары*.

Одним из основных племен кыргызов является *багыш*. В родоплеменном составе кыргызского этноса так именуется несколько племен — *сары багыш*, *кара багыш*, *чоң багыш*, *багыш*. Происхождение этнонима связано с алтайской землей. Его этимология основана на переводе В. В. Радлова кыргызского слова *багыш* (лось). По мнению Н. А. Аристов, этот этноним мог быть привнесен только из Средней Монголии, частично из Саянов [2, с. 216]. Для подтверждения мнения ученого С. М. Абрамзон написал следующее: «Согласно последним изысканиям Л. П. Потапова, с которыми он меня любезно ознакомил, у челканцев (одна из этнографических групп в составе северных алтайцев) шаман называл свой бубен во время камлания «ер пагыч». Так как бубен во время камлания — это ездовое животное (обычно то животное, шкурой которого обтянут бубен), то, следовательно, ер пагыч — это название самца (ер) животного. Если обратиться к термину пагыч, окажется, что это фонетический вариант кыргызского этнонима багыш; тогда бубен для челканского шамана символизировал лося. Таким образом, алтайский этнографический материал подтвердил семантику этнонима багыш» [1, с. 40].

Выявленные сходства в родоплеменных названиях кыргызов и алтайцев отражают их древние этногенетические связи. Полученные данные показывают, что средневековые кочевые племена, жившие в Алтайском регионе и Прииртышье, участвовали в формировании этих двух этносов. Все сведения подтверждаются множественными этнологическими и фольклорными материалами. Мы полагаем, что этнические процессы происходили перед формированием кыргызского народа на основе тех племен, которые затем вошли в состав кыргызов и алтайских народов.

Список использованных источников и литературы

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Фрунзе, 1990. — 480 с.
2. Аристов Н. А. Труды по истории и этническому составу тюркских племен. — Бишкек, 2003. — 460 с.
3. Бутанаев В. Я. Историческая судьба енисейских кыргызов по данным фольклора народов Южной Сибири // Вопросы этнической истории кыргызского народа. — Фрунзе, 1989. — С. 66–77.
4. Восточные авторы о кыргызах: сборник статей / сост., введ. и комм. О. Караева. — Бишкек, 1994. — 96 с.
5. Жолдошов Р. Значение генеалогических преданий в изучении этнической истории кыргызского народа: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Бишкек, 2000. — 177 с.
6. Итоги и рекомендации научной сессии, посвященной проблеме происхождения кыргызского народа // Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции (ТКАЭЭ). — Т. 3. — Фрунзе, 1959. — 237 с.

7. Караев О. Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968. — 102 с.
8. Курманбек — Жаныш, Байыш (Эпос). — Фрунзе, 1970. — 384 с.
9. Кыргызстандын тарыхы. Байыркы мезгилден XVII к. чейин. — Т. 1. — Бишкек, 2016. — 648 с.
10. Ли Вэйгун. Хуйчан ипинь цзи // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. — Т. 2. — Бишкек, 2003. — С. 19–32.
11. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.А. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. — Алматы, 2005. — 1288 с.+2 с. вкл.
12. Молдобаев И. Б. Этнокультурные связи кыргызов в средневековье. — Бишкек, 2003. — 154 с.
13. Молдобаев И. Б. Этническая и культурная общность киргизов с народами Саяно-Алтая // Вопросы этнической истории киргизского народа. — Фрунзе, 1989. — С. 90–113.
14. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко- этнографический очерк. — Л., 1969. — 196 с.
15. Потапов Л. П. Этноним теле и алтайцы // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. — М., 1966. — С. 233–240.
16. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — Том I, кн. 1. — М.; Л., 1952. — 220 с.
17. Син Тан шу. Новая редакция, Глава 43, 44 // Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. — Т. 2. — Бишкек, 2003. — С. 68–69.
18. Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы. — Бишкек, 2003. — 448 с.
19. Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. — Бишкек, 1995. — 188 с.

Сведения об авторе: *Жолдошов Рыскул Жолдошевич*, кандидат исторических наук, зав. отделом Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: zholdoshovryskul@mail.ru

УДК 391.1:008(479.24)«653»

Эльнур Лятиф оглу Гасанов

Гянджинское отделение Национальной академии наук Азербайджана (Гянджа, Азербайджан)

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЖСКИХ ОДЕЖД СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЯНДЖИ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ОБЩЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Elnur Latif oglu Hasanov

Ganja Branch of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Ganja, Azerbaijan)

STUDY OF THE NATIONAL MEN'S CLOTHES OF MEDIEVAL GANJA AS AN INDICATOR OF THE COMMON TURKIC CULTURE

Аннотация. Город Гянджа является вторым по значению городом Азербайджана и одним из древних научно-культурных центров Кавказа. Родина великих мыслителей — поэта Низами Гянджеви (1141–1209), поэтессы, первой женщины-композитора Мехсети Гянджеви (1089–1160) и других выдающихся личностей этот город также считается важным историческим центром национального ре-

месла. Ткачество, вышивка издавна были древними видами народного ремесла в Гяндже в течение веков. Поэтому виды основных мужских одежд занимает важное место в комплексе национальной одежды, являющейся одним из значимых атрибутов материальной культуры. Чуха является одним из самых распространенных видов мужской одежды в Азербайджане. Данный вид одежды, принадлежащий тюркской этнокультурной среде, проник в культуру одежды соседних народов с очень небольшими отличиями и в большинстве случаев пододним и то же названием, так что каждый кавказский народ превратил его в собственный национальный костюм. Чуха воплощает в себе личность мужчины, его величие, достоинство и сдержанность, дополняет его мужские черты своей простотой, лаконичностью и практичностью, придает всему его облику целостность. Именно с этими особенностями связано широкое распространение чухи и употребление этого вида одежды с большой симпатией у всех народов Кавказа.

Чуха была самым распространенным видом мужской одежды на Кавказе и даже воспринималась как общекавказский вид одежды. Данный вид одежды с небольшими изменениями оказал определенное влияние и на женскую одежду как на Южном, так и на Северном Кавказе.

Специалисты высказывают разные мнения о происхождении чухи, однако подавляющее большинство из них сходится на том, что чуха принадлежит тюркам. По мнению известного ученого-тюрколога В. В. Радлова, слово «чуха» происходит от слова «чоха» в османском диалекте [1, с. 2016]; «чока» [1, с. 2005]; «чука» в крымско-татарском диалекте [1, с. 2165]; «çögə», («одежда») в уйгурском диалекте [1, с. 2037].

Исследуя вопросы традиции и новаторства в мужской одежде, Н. К. Волкова и Г. Н. Джавахишвили отмечают: «В начале XIX–XX веков традиционная форма в мужской одежде оставалась устойчивой. Кроме того, элементы основной части грузинской мужской одежды (черкески, папахи, кепки, папахи с заостренным концом и др.) были взяты с Северного Кавказа, Турции и Ирана (Южного Азербайджана)» [2, с. 124].

В словаре Д. Н. Ушакова [3] и Большой советской энциклопедии [4] указывается, что слово «чоха» (чуха) в переводе с тюркского означает «сукно» (махуд — тюрк.), а также вид верхней мужской одежды с широким подолом до колена и рукавом до локтя.

А. Олеарий, посетивший Россию в XVII в., рассказывал о черкесских татарах, отождествлял их с прикаспийскими скифами и указывал, что они говорили на одном языке с другими татарами. Говоря об их одежде, А. Олеарий писал: «Мужская одежда здесь похожа на дагестанскую» [5, с. 83].

В эпосе «Китаби-Деде Горгуд» упоминается «Çigin quşlu cübbə don» «Дон (джубба-одеяние) с изображением птицы» [6, с. 28], что является достаточно ценным показателем для изучения культуры одежды не только Азербайджана, но и всего тюркского мира. Следует отметить, что словом «дон» называлась любая верхняя одежда: чуха, чепкен, кафтан, архалук, шуба (тулуп) и даже штаны (нижнее белье, шаровары и т. д.). В частности, Махмуд Кашгари делит одежду на две категории: таштон (дыштон, верхняя одежда) [7, с. 154] и дизтон (нательная одежда) [8, с. 331]. Исследователи, переводя слово «чикин» как «чигин» (плечо), в сущности отделились от его первоначального значения, заслонив истинную суть названия одежды. На самом деле в эпосе «Деде Горгуд» слово «чикин» употребляется в значении «гюлабатын».

У древних тюрков каждое племя имело свой онгон (онгон — дух предка семьи или рода, его культовое изображение в культуре тюркских народов), большую часть которого составляли разные виды птиц (орел, сунгур, ястреб и др.). Эти знаки позволяли определить принадлежность человека к племени по его одежде. В Средней Азии тоже было принято дарить платье под названием «шах чикини, чийини» (букв. «шахская гюлабатын» — т. к. золотошвейная вышивка) тем, кто удостоился особого уважения главы государства [7, с. 154]. Это проясняет значение словосочетания «одеяние — джубба с изображением птицы», встречающегося в эпосе «Китаби — Деда Горгуд». Со своей стороны мы предполагаем, что так называемый «джубба-дон», или «джубба-чуха», использовавшийся в Азербайджане до XVIII века, а в Средней Азии до недавнего времени, представляет собой либо расстегнутый чепкен, либо чуху. Интересно также отметить, что карачаевцы и балкарцы называют чуху «чепкен». Это также указывает на то, что чепкен и чуха имеют общие черты. В эпосе «Китаби-Деде Горгуд» «девятиклинная чиграб чуха» («доггузлама чыграб чуха») упоминается как наиболее ценный вид оде-

жды, которого достоин лишь Баяндур хан — величайший из ханов». В связи с этим высказываются самые различные мнения. Скорее всего, «девятиклинная чиграб чуха» — это аналог известных нам девятиклинных чуха, хранящихся в настоящее время в коллекции музея. Чем шире был подол одежды, тем более ценной она считалась (юбки для состоятельных женщин также шились из 9–10 пол). Ширина подола чухи или «тумана» (туман — женская юбка) считалась показателем статуса ее владельца. Для любого кавказского мужчины иметь хорошо сшитую, сидящую на теле как влитая, черкеску с широким подолом считалось предметом гордости. Именно поэтому ширине подола чухи уделялось особое внимание. С этой точки зрения не вызывает сомнений, что подол «доггузлама (девятиклинный) чиграб чуха», подаренной Баяндур-хану и упомянутой в эпосе «Китаби-Деде Горгуд», был довольно широким. Это предположение подтверждается словами самого Деде Горгуда — «Пришел най-ти приют у твоего широкого подола, под твоим теплым крылом» [6, с. 58].

Следует отметить, что традиция дарить чуху и другие виды одежды продолжалась до тех пор, пока чуха не вышла из моды. В одном из своих стихотворений выдающийся азербайджанский поэт XVIII века М. П. Вагиф с большим удовольствием говорит о чухе, присланной ему в подарок правителем Ширвана. Как было сказано выше, одежда получила свое название из-за ткани. «Наименование той или иной одежды по названию ткани обычно свидетельствует о ее давности и характерности для народа» [8, с. 91]. Профессор А. Мустафаев, изучавший историю искусства ткачества в Азербайджане, основываясь на данных своих исследований, писал: «Традиционные виды тканей иногда предназначались для того или иного предмета одежды и ткались штучно. При этом название ткани было таким же, как и вид одежды. Например, кусок сукна или шерстяной ткани, сотканной в «штучном» порядке и достаточной большой для пошива чухи или брюк, также назывался «чуха» или «штаны», т. е. по названию соответствующего вида одежды [9, с. 54]. Интересно, что в Азербайджане ткань, сотканная не только из шерсти, но и из нитей «кеджи» (шелковая нить из коконов относительно низкого качества, изготавливаемая женщинами в домашних условиях) также называлась «чуха» (по-видимому, части чухи ткались на ткацком станке поштучно). Среди широкого ассортимента шелковых изделий, сотканых из «кеджи» нити, есть чуха, штаны, рубашки и др., которые также были известны под названиями одежды [9, с. 64]. Чуха изготавливались из шерстяных тканей ручного плетения, тканых на напольных станках, из войлочных нитей, а также местного и импортного сукна, привозимого из зарубежных стран благодаря торгово-экономическим связям. Существовало несколько видов шерстяных тканей. «Для чухи использовалась разновидность шерстяной ткани, сотканной из двойной нити. Из шерстяной ткани двойного и очень тугого плетения шили большую часть чухи и хирги» [9, с. 73]. Название этого вида ткани сохранилось в народном выражении «большая папаха, туго сплетенная чуха». В начале XX века также широко использовалась так называемая «лезгинская» шерстяная ткань.

Ранее шерстяные ткани ткались на напольных станках, поэтому отдельные куски ткани имели ширину в 16, 22, 30, 40 см. По этой причине приходилось увеличить количество кусков ткани, для чтобы сделать нижнюю часть одежды шире (это касается и женских юбок). Чуха в основном составлялась из 3–10 клиньев. «Чаще всего заказывались 6, 8 и 9 клинны чухи». Количество клиньев варьировалось в зависимости от финансовых возможностей заказчика и ширины ткани. Если клинья были широкими, их количество уменьшалось. Впрочем, на ширину подола это никак не влияло. Например, шушинская чуха, принадлежащая роду Мехмандаровых и имеющая высокую художественную ценность, сшита из 7 клиньев, однако за счет ширины клиньев ширина нижней части чухи (подола) составляет 288 см. Напротив, ширина подола другой чухи из девяти клиньев, относящейся к Гянджинскому региону, составляет 248 см. В целом, ширина подола чухи составляет от 225 см до 307 см.

Боковые швы подола чухи на расстоянии 10–15 см от низа не прострачивались, то есть шов не закладывался. Этот элемент был устроен так, чтобы не мешать движению при ходьбе и подъеме в горы. Если обратить внимание на средневековые миниатюры, то увидим, что ни на чепкенах, ни на чухах боковых разрезов нет. По нашему мнению, низ чухи был широким, а передняя часть открытой, что обеспечивало полную свободу движений. Также во время движения концы передних клиньев чухи закалывались за ремень для достижения полной свободы движений. Добавленные позже боковые разрезы носили декоративный характер. По нашему мнению, эти разрезы являются элементами, перешедшими в чуху из кафта и из чепкена. В кафтане и чепкене клинья были высокими, относительно

узкими, и поэтому возникала необходимость в разрезах. Изучение визуальных материалов показывает, что в большинстве случаев края этих разрезов, отделанные декоративным шнурком, соединены между собой, они не имеют функционального значения, а являются лишь декоративным элементом.

Одной из главных особенностей, отличающих чухи друг от друга, является форма рукавов. По форме рукавов чухи в основном классифицируются как рукава с «подмышечные» (т. е. с подмышками) и рукава «безподмышечные» («атмагол») [8, с. 124]. Каждая из этих форм рукавов имеет свои отличительные черты. Рукава могут быть прямые и трапециевидные, узкие, без подмышек, рукава до локтя (пол-рукава), рукав раздвоенный и без разрезов (в таких случаях рукав подворачивается назад на 18–20 см), плетеные и др. Чухи с половинными рукавами (yagımqol) получили широкое распространение в основном в средние века. В частности, в «Диване...» М. Кашгари одежда с короткими рукавами отмечалась под названием «кулак тон» [8, с. 384].

«На древнетюркском языке рукав назывался «иен» или «йенг». Слова «йен» и «йенг» — известные и широко распространенные слова в истории тюркской одежды» [6, с. 61]. Выражение «йен» также встречается в эпосе «Китаби-Деде Горгуд».

«Банучичек в красный кафтан облачилась. Рукава до самых рук натянула, чтобы открытыми не виднелись» [6, с. 74]. Караджа Чобан говорит: «Вытереть кровь со лба йеном» (т. е. рукавом) [6, с. 43]. Как ясно видно из цитат, йенг был длинным, и в нем можно было спрятать руки. В Азербайджане слово «йенг» сохранилось в просторечии среди населения Закатальского района. Здесь слово «йенг» (рукав) употребляется в значении «край рукава одежды». В турецком языке слово «йенг» используется в трех значениях: рукав одежды, край рукава и рукав, что чаще означало «рука» одежды. В Анатолии длинные рукава, прикрывающие кисти рук, назывались «покров йенга» [9, с. 61]. Йенги покачивались от малейшего движения рук или от дуновения ветра. Популярная поговорка «Ветер дует — женщины-йенге танцуют» (йенге — женщина, сопровождающая невесту в дом жениха в день свадьбы) на самом деле связана с именно с понятием рукав-йенг и должна быть представлена в следующем виде «Ветер (йель) сдул рукава — сыграли йенги». Великий русский поэт М. Лермонтов поэтически выразил это в поэме «Демон»:

«Играет ветер чухи рукавами —
кругом она обведена вся галунами
Цветными вышита шелками» [10].

В древности «йен», то есть рукав одежды, был широким и длинным. Когда люди поднимали руки, рукава напоминали птичье крыло. Позже эти рукава усовершенствовались, их прикрепляли (пришивали) только к плечу, а к их краю добавили элемент — «ельджек» (покрывающий руку), или йенг, который в современной научной литературе «символизирует лист, миндаль, птичий клюв, птичий коготь».

Для усиления эстетического впечатления, рукава — «атмагол» были расширены книзу и подшивались подкладкой из ткани приятного цвета. На рукав от локтя до запястья нашивались петли и пуговицы. В случае необходимости нарукавник застегивался при помощи пуговиц, и получалось подобие рукава. Для фиксации нарукавников на запястье пришивались петли и пуговицы, иногда края рукава пришивались друг к другу, образуя нечто наподобие манжет. Рукав иногда перекидывался через плечо или, прикрепляясь друг к другу, перекидывался на спину.

Изучение фактических, научных и этнографо-полевых материалов показывает, что в конце XIX — начале XX веков что чуха являлась одним из самых популярных видов мужской одежды после папакхи. Чуха, занимавшая важное место в одежде нашего народа на протяжении тысячелетий, с небольшими дополнениями и изменениями сохранилась до наших дней. В советское время чуха была изъята из перечня повседневной одежды, однако сохранила значение как сценический костюм для танцевальных коллективов, что предотвратило исчезновение костюма из народной памяти и помогло сохранить симпатию к данному виду одежды.

Список используемых источников и литературы

1. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. 3. — СПб., 1893.
2. Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX — XX веков: традиции и инновации. — М., 1982.
3. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/467732.html>

4. Большая советская энциклопедия, БСЭ. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2059413.html>
5. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в персию и обратно // Адыги, балгарцы и карачаевцы в известиях Европейских авторов XIII–XIX вв. — Нальчик, 1974. — С. 82–86.
6. Kitabı-Dədə Qorqud. — Bakı, 2004.
7. Kaşğari M. Divanı-lügət-it-türk. 4 cildə. III cild. — Bakı, 2006.
8. Kaşğari M. Divanı-lügət-it-türk. 4 cildə. I cild. — Bakı, 2006.
9. Mustafayev A. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi. — Bakı, 2009.
10. Лермонтов М. Ю. Демон. URL: http://lermontov.info/text/demon_p.shtml

Сведения об авторе: Гасанов Эльнур Лятиф оглу, ученый секретарь Гянджинского отделения Национальной академии наук Азербайджана, г. Гянджа, Азербайджан, e-mail: el-hasanov@mail.ru

УДК 687.01

Г.Т. Максимова, З.А. Турдубаева, А. Эркин кызы
Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО КОСТЮМА

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема проектирования одежды для женщин пожилого возраста г. Ош. С целью выявления их потребительских предпочтений нами был проведен офлайн-опрос. Данный опрос предоставлял респондентам максимальный уровень удобства, поскольку они могли отвечать на вопросы анкеты в соответствии со своим темпом, выбранным временем и предпочтениями. Разработанная анкета для исследования потребительских предпочтений призвана выявить основные элементы для формирования художественного образа костюма для пожилых женщин на основе стилизации традиционной кыргызской народной одежды. По результатам опроса нами были разработаны эскизы и изготовлены коллекции моделей одежды. Данные, полученные методом офлайн-опроса, могут быть рекомендованы дизайнерам в процессе разработки коллекций моделей одежды для женщин пожилого возраста.

Ключевые слова: проектирование, женщины пожилого возраста, традиционная одежда, опрос, анкетирование, коллекция.

G. T. Maksytova, Z. A. Turdubaeva, A. Erkin kyzy
Osh State University (Osh, Kyrgyzstan)

FEATURES OF DESIGNING CLOTHES FOR ELDERLY WOMEN USING ELEMENTS OF A TRADITIONAL KYRGYZ COSTUME

Abstract. This article deals with the problem of designing clothes for elderly women in Osh. In order to identify their consumer preferences, we conducted an offline survey. These types of surveys provided respondents with the highest level of convenience as they could respond to the survey questions at their own pace, timing, and preferences. The developed questionnaire for the study of consumer preferences is designed to identify the main elements for the formation of an artistic image of a costume for older women based on

the stylization of traditional Kyrgyz folk clothes. Based on the results of the survey, we developed sketches and made clothing collections. The data obtained by the offline survey.

Keywords: design, older women, traditional clothing, survey, questioning, collection.

Продолжительность жизни человека в настоящее время весьма высока, а пенсионный возраст в среднем в разных странах варьируется от 55 до 60 лет. По данным ВОЗ, в 1963 году возраст от 60 до 74 рассматривался как пожилой, 75 лет и старше — старые люди, возраст 90 лет и старше — долгожители. ВОЗ в 1982 году выбрала возраст 65 лет как индикатор пожилого возраста, возраст старше трудоспособного, согласно классификации ООН — это свыше 65 лет [1].

В Кыргызстане право на пенсию имеют женщины в возрасте 58 лет, мужчины — в 63. [2].

По данным исследований-демографов, в новом тысячелетии значительно увеличилась доля пожилых и старых людей в структуре общества, их доля к 2021 году возросла до 10%, а к 2050 году, по прогнозу ООН, увеличится до 16% [3].

В Кыргызстане только за последние пять лет численность лиц данной возрастной группы увеличилась почти на 91 тыс. человек, или на 22%.

В целях повышения качества жизни пожилых граждан Правительством КР был утвержден «План мероприятий по повышению качества жизни пожилых граждан в Кыргызской Республике на 2019–2025 годы» [4], согласно которой необходимо создавать по-настоящему комфортную среду для пожилых людей, особенно для тех из них, кто хочет работать, активно участвовать в общественной и культурной жизни и иметь возможность для самореализации.

В связи с этим возрос интерес к проблеме проектирования красивой, модной и комфортной одежды для женщин пожилого возраста.

Материалы и методы исследования

Для выявления предпочтений пожилых женщин было использовано анкетирование.

Применение анкетирования как социологического исследования наиболее целесообразно для предварительного обследования, которое дает возможность получить общее представление о различиях предпочтений респондентов, условий их формирования и выражения [5].

Для проведения анкетирования нами были поставлены следующие задачи:

- определение места для проведения анкетирования;
- содержание анкеты;
- число респондентов.

Для анализа предпочтений женщин пожилого возраста была составлена анкета, состоящая из вопросов, охватывающих различные этапы проектирования одежды и выделенных как наиболее актуальные для данной категории респондентов.

Результаты и обсуждения

В опросе приняли участие более 60 респондентов г. Ош в возрасте от 60 лет и выше, большую часть составили работающие женщины.

Результаты анкетирования нами были использованы в качестве исходной информации при проектировании одежды для пожилых женщин, на ее основе мы разработали эскизы и изготовили модели одежды.

Коллекция «Саркеч байбиче» выполнена в смешанных стилях: этнического и кэжуал, с использованием многослойности. Каждый образ в коллекции состоит из комплекта, состоящего из нескольких предметов одежды слоями: юбки и брюки, рубашки, блузки, легкие без подкладки куртки, накидки.

Формы костюма вытянутые. Силуэт — трапециевидный, прямой, полуприлегающий, расширенный книзу. Цвета — черные комбинированные с серыми. Пропорции — подобные, контрастные, гармонические. Композиция коллекции основана на симметрии и асимметрии. Равновесие в асимметрии достигается за счет использования декоративных элементов, контрастных цветов, орнаментов.

Коллекция выполнена из натуральных тканей: хлопок, лен, вискоза. Авторская вышивка на изделиях выполнена на основе традиционного кыргызского орнамента. Образы в коллекциях дополнены сумками, изготовленными на основе традиций кыргызского народного творчества.

Коллекция была продемонстрирована на международной неделе моды «Ak-Buura fashion 2023».

Выводы:

Отражение этнического и кэжуал стилей в коллекции достигается за счет сочетания различных элементов, таких как:

- использование народного кроя или его элементов, что позволяет создавать лаконичный силуэт и необычные решения;
- применение цветовой ахроматической гаммы, в сочетании традиционных и актуальных цветов;
- декорирование изделий авторским принтом на основе стилизованного кыргызского орнамента;
- дополнение коллекции аксессуарами и орнаментом придает образу национальную принадлежность.

Список использованных источников и литературы

1. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0955/barom04.php>
2. Закон Кыргызской Республики от 21 июля 1997 года № 57 О государственном пенсионном социальном страховании. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/557>.
3. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0955/barom04.php>.
4. URL: <https://mlsp.gov.kg/2019/09/08/v-czelyah-povysheniya-kachestva-zhizni-pozhilyh-grazhdan-pravitelstvom-kr-byt-utverzhden-plan-meropriyatij-po-povysheniyu-kachestva-zhizni-pozhilyh-grazhdan-v-kyrgyzskoj-respublike-na-2019/>.
5. Руденко Л.Д. Современные методы социологических исследований: учебное пособие. — Ярославль: ЯрГУ, 2012. — 120 с.

Сведения об авторах: *Максытова Гулнара Турсунбаевна*, кандидат технических наук, доцент Ошского государственного университета, г. Ош, Кыргызстан, e-mail: gmaksytova@oshsu.kg

Турдубаева Зура Акматовна, доцент Ошского государственного университета, г. Ош, Кыргызстан, e-mail: anzurt1@rambler.ru;

Эркин кызы Айзада, магистрант Ошского государственного университета, г. Ош, Кыргызстан, e-mail: aizada.karaeva@icloud.com

УДК 392.94 (575.2)

С. К. Осмонова

Ошский государственный университет (Ош, Кыргызстан)

ЗНАЧЕНИЕ КЫРГЫЗСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИГР КАК СРЕДСТВА ВСЕСТОРОННЕГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В данной статье на основе полевых материалов и источников было исследовано значение кыргызских национальных игр как средства всестороннего воспитания личности. Традиционная культура кыргызов, в частности, традиционные национальные игры, в течение столетий развивалась в тесной взаимосвязи с культурой, отчетливо сохраняя общую основу с национальными играми других тюркских народов, имея свою последовательную схему развития. Вполне можно допустить, что сходство национальных игр, прямые и косвенные параллели в проведении народных игр объясняются общими этногенетическими связями и историческими судьбами этих народов.

Ключевые слова: воспитание, культура, национальная, игра, навыки, умения, история.

*S. K. Osmonova**Osh State University (Osh, Kyrgyzstan)*

THE IMPORTANCE OF KYRGYZ NATIONAL GAMES AS A MEANS OF COMPREHENSIVE PERSONALITY EDUCATION

Abstract. In this article, based on field materials and sources, the significance of Kyrgyz national games as a means of comprehensive personality education was explored. The traditional culture of the Kyrgyz, in particular traditional national games, has developed over the centuries in close connection with culture, clearly maintaining a common basis with the national games of other Turkic peoples; it had its own consistent development pattern. It is quite possible to assume that the similarity of national games, direct and indirect parallels in the conduct of folk games are explained by the common ethnogenetic connections and historical destinies of these peoples.

Keywords: education, culture, national, game, skills, abilities, history.

Одно из ведущих мест в традиционной культуре воспитания кыргызов занимала игровая система воспитания. Игры и развлечения являлись существенной составной частью этнической культуры, в них отражались социально-классовые отношения, особенности хозяйственной деятельности, региональные и локальные черты традиций. Игровая форма воспитания — это не только обобщенная форма педагогических взглядов народа на воспитание, но и своеобразная общественная память, которая передавалась из поколения в поколение, формировала человеческий характер, воспитывала волю, трудолюбие, вырабатывала и закрепляла необходимые навыки и т.д. Выделялись игры, способствующие физическому развитию, помогавшие приобрести ловкость, быстроту, подвижность и т.д.; бытовали игры, развивавшие умственные способности и нравственные качества, навыки и умения действовать в коллективе, подчиняться определенным оговоренным правилам. Виды игр были разнообразны и соответствовали возрасту, полу, физическому развитию детей и т.д.

Появление подвижных игр происходило по-разному с ростом и развитием разных обществ. Подвижные игры являются основным средством и методом воспитания молодежи. Ученые дают разное определение подвижным играм. Например, некоторые ученые считают, что сначала появилась игра, а потом труд; другие считают, что труд создал игру, а содержание и разработка игры связаны с трудом. Известный физиолог, основоположник физического воспитания Л. Ф. Лесгафт [1, с. 18–19] в своих работах, написанных за границей в конце XIX — начале XX века, считал, что важнейшим средством физического воспитания являются игры-упражнения, и если они правильно организованы, использование игр-упражнений во все времена имеет большое воспитательное значение, помогая развитию физического воспитания подростков. Н. К. Крупская пишет: «Большое значение подвижных игр в физическом воспитании состоит в пробуждении у детей чувств товарищества, дружбы, честности, вежливости, поддержания дисциплины, помощи друг другу». Кроме того, они воспитывают силу воли, терпение, силу и ловкость [2, с. 251].

Вся история кыргызского народа на протяжении более двух тысяч лет связана с неожиданными событиями, разного уровня борьбой с враждебными племенами и государствами, а также иноземными захватчиками. Важными событиями политической и общественной жизни кыргызского народа до присоединения кыргызов к России были войны, переселения, столкновения с врагами, грабежи. Вот почему жизнь людей была трудной, устраивались героические военные походы, они тренировались в различных двигательных играх, чтобы вооружиться оружием, развивать армию во всех направлениях, дополнять ее различными способами ведения боевых действий и т.д.

Национальные игры, спортивные состязания, интересные развлечения служили общественной целью. В основном они были в первую очередь как основное средство отдыха и развлечения. С нашей точки зрения, нельзя сказать, что в подготовке воинов у кыргызского населения преобладали определенные культурно-воспитательные системы, но можно сказать, что такие процессы приобрели на каком-то уровне естественный характер. Потому что подавляющее большинство развлечений и забавных игр основывались на сложившихся религиозных обрядах, были социально различны

и подвергались различным изменениям. Причина в том, что в то время у кыргызов не существовало обычаев, требовавших особого постоянного правила военной подготовки на высоком профессиональном уровне. Например: детские игры, приспособленные к развлечению, в определенной степени способствовали росту и развитию поколения, активно участвующего в общественных делах, имели большое воспитательное значение в подготовке и военной службе. Поэтому в древности кыргызские дети не играли в игры, которые по своему содержанию и правилам в той или иной степени напоминали войну, кроме стрельбы из лука, метания копья и метания пращи. Потому что игры, которые напоминают войну, до середины XIX века кыргызы очень трагично воспринимали.

В то время не было возможности заниматься разными национальными играми и развивать специальную военную подготовку, которые приносили пользу для развития человека, особенно молодежи. В таких непростых условиях кыргызская молодежь всегда была готова защитить свой народ и землю от врагов. Как говорится в нашем народе: «Жарактуу күнү жоо келбейт», наш народ, как и многие другие народы того периода, не мог знать заранее, в какой день, в какое время и при каких условиях придут враги и нападут, поэтому неудивительно, что они всегда в движении. В ответ на это родилась фраза «Эр жигит эл четинде да, жоо бетинде». Это связано с тем, что кыргызские воины всегда находились на окраине родины, встречали врага лицом к лицу, били его, как могли, и защищали от врагов свой народ, землю и скот.

Издревле в обычаях кыргызского народа было принято обезглавить предателей во время похода. Известно также, что героическая традиция нашего народа гласит: «Жатып өлгүчө, атып өл». Такие вещи глубоко проникали в чувства каждого человека и призывали его любить свою страну и защищать родину.

В игровой системе воспитания учитывались четыре периода.

I. Дети 3–5–10 лет включаются как детский возраст.

II. Общая физическая подготовка 11–14 лет.

III. Специальная подготовка 15–16 лет.

IV. 16–18 лет считаются периодом активного участия в разных военных движениях [3, с. 44].

Первый общетренировочный этап включает в себя все развлечения, элементы ментальной и силовой тренировки. Одной из самых интересных игр этого периода была игра «Айлан көчөк» (дети кружат, стоя на одном месте), здесь победившим был тот, кто не упадет. Еще одной из игр является игра «Каркыра-турна желе тарт», здесь дети берут друг друга за руки, представляют себе летящими журавлями, должны петь песню и бежать. При этом они стараются не отделяться друг от друга. Следующая игра «Муш кетти», здесь дети садятся в ряд и начинают толкать друг друга по команде. В этом случае должны были двигаться быстро, движение развивало живость действия. Игра «бош орун», игроки стоят в кругу, одно место будет свободно, один человек будет ведущим. Один из них должен незаметно ударить одного и бежать в противоположную сторону, один из них первым приходит на свободное место, следующий продолжит игру, в этой игре будет воспитываться внимательность, скорость и ловкость. Игра «Ала күчүк»: детям предлагается двигаться вверх-вниз, развивать чувство командной работы, побеждать, быстрее реагировать. Базовой основой этой игры является подражание движением домашних животных и птиц.

Похожие игры: «Коюма карышкыр тийди», «Өрдөк каз», «Мышык-чычкан», «Аңдагы карышкыр» и др. Большинство этих игр образно имитируют животных. Благодаря таким играм дети развивают свою силу, практикуют наблюдательность, товарищество, честность и сотрудничество друг с другом, двигаясь вверх и вниз.

Второй период — этап общей подготовки — 10–15 лет, для них разыгрываются интересные разные национальные игры [4, с. 4], различные эстафеты и др. Например, игра «Жоолук таштамай» повышает концентрацию внимания, сообразительность и ловкость юношей. Он учит их быть решительным, проникательным и смелым в любой неблагоприятной ситуации, быть особенно осторожным. Игра «Сокур бүркүт» проводится на ровной площадке, на ней рисуется круг, участвуют две группы, по одному ребенку с каждой стороны выходит в круг и с завязанными глазами старается поймать входящих в круг. Победителем игры становится та команда, которая поймает больше детей. «Жашынмак ойноо» — есть очень много вариантов этой игры. Игра учит детей быстро распознавать внезапную ситуацию, принимать правильное решение, развивает внимательность. Условия

игры: мальчик одевает девчачью одежду, чтобы спрятаться, присоединяется к работницам или прячется в сундуке и т.д., здесь они показывают свои способности, очень быстрые и шустрые дети прятались за камнем, в невидимой части холма, среди кустов и деревьев. В эту игру играют не только дети, но и взрослые [5, с. 66].

Одной из веселых и интересных детских игр является игра «Тым-Тым» [4, с. 4] (молчание), сидящие на полу дети обязаны подолгу сидеть молча, не говоря ни слова, не смеясь и не улыбаясь. При этом ведущий должен был рассмешить и разговорить сидящих детей, произнося разные смешные слова, проигравшие исключаются из игры, либо штрафуются (пели песню) и др.

Игра «Томук катмай» — забавная игра, которая учит запоминать, тренирует память. Помимо детей в этой игре могут участвовать и взрослые, и женщины. Используется томук, расположенная в головке овечьей кости. Соревнуются два человека, девушка и мальчик, и один из них выбирает девочку или мальчика по их согласию, как правило, он всегда носит томук в руке, а парень говорит «Где томук?». Когда его спросят, она должна показать и сказать — «Томук здесь». Если она показала томук, выигрывает, если нет — проигрывает. Парень, который просит томук, ждет разные моменты спросить, чтобы выиграть. Например: он может разбудить и спросить ее, когда она не готова, или когда она занята домашними делами, или когда она моет посуду и т.д. Вот почему вы всегда должны держать томук в руках. Эта игра является одной из самых сложных и трудоемких игр в своем роде [5, с. 8].

Военизированная народная спортивная игра называется «Ак чөлмөк» [5, с. 25]. В эту игру играют юноши, девушки и взрослые. Эта игра проводится только ночью в полнолуние, где участвует равное количество двух команд, здесь приобретают следующие навыки — внимательность, быстрота, следует проявлять терпение и ловкость в ночном лунном свете. «Ак чөлмөк» (для игры используется конский рог, баранья кость или специальный деревянный предмет). Один из них бросает его далеко и те, кто нашел его, девочка и мальчик кричат «Шап кетти» и убегают, остальные должны побежать за ним и искать его, нашедший ак чөлмөк убегает к цели (назначенному месту). Если из команды кто-то поймает их, заберет ак чөлмөк и убежит, и если он добежит до цели, то он выиграет. В эту игру играют очень долго. В игре очень важны сила, скорость, ловкость и дух товарищества. Это игра очень похожа на игру көк бөрү, которая является одной из самых популярных игр в Средней Азии и Казахстане. Если в ак чөлмөк играют пешком, то в көк бөрү играют верхом.

Аналогичные традиционные игры встречаются и у других народов. В частности, у казахов, каракалпачков, хакасов и алтайцев [6, с. 153–160].

Таким образом, необходимо раскрыть глубокую философскую основу и содержание кыргызских национальных игр, подчеркнуть их ценность, целенаправленно использовать воспитательные возможности. Использование национальных игр в педагогическом процессе и их развитие, поиск путей удовлетворения эстетических запросов молодежи, воспитание гражданственности и личности молодежи путем сохранения и совершенствования традиционных игр, обычаев, традиций кыргызского народа. Строителями общества являются в основном молодые люди, на них возложены большие обязанности и надежды в настоящем и будущем. Для реализации этих задач необходимо своевременно формировать научное мировоззрение в юном возрасте и воспитывать их в духе традиций. Высокая, почетная и ответственная роль во всем этом принадлежит народному учителю. Задача воспитания молодежи в нравственности, вере в традиции, физическом воспитании является одной из актуальных задач построения современного общества.

Нравственность, вера, народные игры, устное народное творчество, традиции кыргызского народа становятся действенным средством воспитания молодежи, политического сознания, гордости и культуры в духе своего народа. Анализ новых прогрессивных обычаев, народных игр, народных устных произведений, традиций, их исследование и преподавание, распространение этих важных вещей в народе имеет творческое и практическое значение.

Научно-методические конференции, семинары и подобные разноплановые форумы, проводимые в нашей стране в последующие периоды, показывают, насколько важен и актуален этот вопрос.

Традиционная культура кыргызов, в частности, традиционные национальные игры в течение столетий развивались в тесной взаимосвязи с культурой, отчетливо сохраняя общую основу с национальными играми других тюркских народов, имея свою последовательную схему развития. Вполне можно допустить, что сходство национальных игр, прямые и косвенные параллели в про-

ведении народных игр объясняются общими этногенетическими связями и историческими судьбами названных народов.

Список использованных источников и литературы

1. Лесгафт П. Ф. Избранные педагогические сочинения. — М., 1988. — С. 18–19.
2. Педагогический энциклопедический словарь. — М., 2002. — С. 351.
3. Мамытов А. М. Дене тарбия маданияты: окуу куралы в. — Бишкек: КБА, 2011. — 44-б.
4. Абдуллаев М., Кийизбаев М., Акматов Ч. Улуттук оюндар. — Б., 2011-ж. — 4-б.
5. Осмонова С. К. Полевые материалы. — № 2. — 86 с.
6. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.). — Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. — 215 с.

Сведения об авторе: *Осмонова Самара Курбаналиевна*, кандидат исторических наук, доцент Ошского государственного университета, г. Ош, Кыргызстан, e-mail: osk_8182@mail.ru, sosmonova@oshcu.kg

УДК 93/94

Д. Б. Уринбаева, З. Р. Эшмуродова

Самаркандский государственный университет (Самарканд, Узбекистан)

ЭТНОГРАФИЗМЫ В УЗБЕКСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются непроизводные и производные этнографизмы в лексике фольклора.

Ключевые слова: узбекский язык, этнографическая лексика, словообразование, непроизводные и производные этнографизмы.

D. B. Urinbaeva, Z. R. Eshmurodova

Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan)

ETHNOGRAPHIES IN UZBEK FOLKLORE

Этнографическая лексика узбеков, сохраняя основу общенародного узбекского языка, испытывает на себе влияние узбекских, каракалпакских и туркменских языков и одновременно имеет региональное своеобразие, близкое к западным говорам узбекского языка. Это обстоятельство обогащает их этнокультурную лексику. Этнографическая лексика формируется и развивается благодаря тому, что носитель языка в результате обобщения повседневных наблюдений, изучения окружающей среды и ее разнообразных проявлений и особенностей дает жизненным явлениям и фактам названия. Все это тесно связано с самосознанием, мировоззрением, психологией и языком народа. Попытаемся проанализировать семантико-функциональные особенности этнографических диалектизмов в художественной ткани фольклора. Этнографизмы, являющиеся объектом нашего исследования, — основа этнографической лексики, но по количеству их немного. То, что в этнографической лексике непроизводных этнографизмов встречается мало, объясняется тем, что они являются вторичными номинациями. Человек дает названия традициям и обрядам сообразно уровню развития своего самосознания, кладет в их основу понятия и слова, имеющиеся в родном языке.

Этнографическая лексика узбекского языка в определенной степени исследована Журабоевым и Мирзаевым [2, с. 7], и теперь нужен более глубокий и всесторонний ее анализ.

Мы попытаемся проанализировать семантико-функциональные особенности этнографических диалектизмов в художественной ткани узбекского фольклора. На основе семантических особенностей этнографических диалектизмов, встречаемых в объекте нашего исследования, мы разделили их на подгруппы, которые проанализируем.

Названия растений и деревьев

В зависимости от местных почвенно-водных ресурсов, естественных растений, других наземных и подземных ресурсов формируются также характер быта и культуры, национальные чувства. Направления экономических и культурных типов, в свою очередь, определяются не только окружающей природной средой, но и уровнем социально-экономического развития отдельных этносов [1, с. 85].

Ийир (лит. айр) — «многолетнее лекарственное растение».

Атга салди арпаминан ийирди,

Қар жавганда карван салар чийирди... (Алпамыш, 13).

Родиной данного растения является азиатский континент. Один из его видов растет в Зерафшанской долине, возле Карасув и Афрасиаба, а второй — в Европе и Северной Америке. В Центральной Азии оно произрастает в основном на берегах рек и озер. Из его корней изготавливается ароматное эфирное масло для парфюмерии [7, с. 13]. Кроме того, это масло используется в кондитерской промышленности и в медицине. В прошлом ийир как лекарственное растение давали лошадям и другим животным, когда у них обнаруживалась заразная болезнь типа дизентерии. Этот вид болезни животных называется ёмонламоқ, в дастане — жаманламоқ. Когда животные не слушаются своих хозяев, то их ругают ҳа, ёмонлагур («чтобы ты скончался от заразной болезни»).

Қавдан в дастане означает «поблекшая, высохшая на корню трава». ... *атти қавданга қўйа берип, тўбани башида жонбаишап, Бойсарининг уйига тиклап жота берди* (Алпамыш, 95).

Исриқ — (*Peganum*) группа многолетних растений, относящихся к семейству бобовых. Высота — 60–70 см. Стебель несколько ветвистый. Листья серые или зеленые. Цветки желто-белые, плод — круглая коробочка на конце ветки. Встречается в пустынях и полупустынях, населенных землях, среди посевов и на склонах гор. Содержит алкалоиды (гармин, гармалин, пеганин и др.), в составе есть вещества — масло, краска и др. В медицине его применяют с древних времен для лечения различных заболеваний (судорог, ангины, ран), как мочегонное и потогонное средство. Из его семян получают краситель для шерсти и шелка. Его также используют для удаления неприятных запахов и предотвращения всевозможных бедствий.

В произведениях фольклора также используется как священное растение, и считалось, что исриқ-гармала обладает божественной силой. Например: *Исриқ нишон берай сенинг қўлинг* // Я даю исриқ (гармала) тебе для исцеления (Алпамыш, 284). Употребляется в диалекте в таких вариантах, как *исириқ /адрасмон /хазориспанд: Ҳазориспанднинг донаси, шу беғуноҳнинг шонаси* // Зёрнышко гармалы, гребешок этого невинного (Народные песни, 50). Гармала обладает двойным набором качеств — целебным и магическим. В древности гармала считалась благовонием, а также использовалась с целью предохранения человека от различных оскорблений, от сглаза, а также для совершения обряда окуливания.

В древности *исриқ* считался благословенным растением, обладающий божественной силой. По этой причине в произведениях «дарить благовония» означает защищать его от разных глаз (людей), избегать зрительного контакта и проводить церемонию использования благовоний путем сжигания. Следовательно, растение *исриқ/исириқ /хазариспанд, исириқ солиш* // *исриқ вкладывать* — обряд, *исириқчи* — человек, проводящий обряд, *исириқдон* — приспособление для возжигания, *тумор* — талисман — по религиозной концепции защищает от дурного глаза, беды, несчастья, нечистой силы и т.д., и ассоциируется с молитвой благополучия. И в сегодняшние дни, когда рождается ребенок, когда молодожены входят в комнату, зажигают исриқ (гармалу) [12, с. 7].

Названия предметов одежды

К верхней одежде относятся различные виды легких, теплых (наполненных хлопком) пальто // *choron (to'n* // тонов), пальто из меха, покрытых из разных тканей, *po'stin* // курток, *kamzul* // жилеток, длинных или коротких *nimcha* // курток. Самой распространенной верхней одеждой, дошедшей до наших дней, является *to'n* — *choron* // стеганое пальто. В зависимости от способа изготовления пальто его называют *avra to'n, astarli to'n, paxtalik to'n*. По ткани, из которой шит *to'n* // тон, его назы-

вают *qalami to'n, banoras to'n, beqasam to'n, kimxob to'n, surra to'n* и т.д.; в зависимости от того, для кого тон предназначен, его называют *bola to'n* // для мальчика, *kuyon to'n* // для зятя, *quda to'n* // для свекра. Для подвязывания поверх тонов использовались ремни чориси, кожаные, духоба. Тўн-чопонлар устидан боғлаш учун *belbog», chorsi, charm, dixoba katar* [13]. Длина, цвет, ширина и стиль одежды варьировались от места к месту. Во все времена можно было узнать, к какому социальному классу принадлежит человек, взглянув на его одежду [1]. Например, *То ўлганча сўйлаб қолган тил бўлсин, // Узунли-қисқали тўнинг мўл бўлсин* (Алпамыш, 34). *Ассалом алайкум, чўлда чўпонлар, // Устига кийгани эски чопонлар* (Алпамыш, 95). *Майдонда жондан кечарман, // Кафан тўнингни бичарман* (Алпамыш, 179). Как видно из примеров, обилие «длинных и коротких халатов» для благополучных и счастливых дней человека, и длина халата зависела от того, для какого дня он предназначен; выражение «я раскрою саван» связан со «смертью».

Алпамыш Култойнинг кийимларини кийиб, елкасига жанда-жундани қўйиб, **кебанакни** устидан **елбагай** кийиб, сиртидан белини бўғиб... (Алпамыш, 334). **Кебанак** — обл. пастуший чекмень (верхняя мужская одежда), войлочный халат или халат на войлочной или шерстяной подкладке (верхняя одежда чабанов в непогоду) [11, с. 206]:

— Сагир Ёдгар бавасига не деди:

Бава раҳбар бўгин мендай гўдакка,

Мени огин, баважон, **кебанакка**,

Мени берма бу икки бадиракка (Алпамыш, 339).

Чекмень, защищающий от дождя и снега, носили в прохладную погоду [11]. Такое одеяние было традицией у кочевых народов, занимавшихся животноводством. **Елбагай** — разутый, повязанный вокруг талии, не надетый в рукава, накинутый на плечи. **Алача** — полосатая или шерстяная ткань ручной работы.

Итак, видно, что в примерах описания верхней одежды наблюдается дифференциация и раслаивание.

Жумур — фольк, войлочная шапка, конусообразной формы [11, с. 160].

— Башини карсанга соп туради,

Қатган **жумур** жийип тушип қолади,

Асли каламасди, шундай бўлади,

Жумур қапан, сурати кал жўради... (Алпамыш, 296).

С древних времен этнические и местные группы узбеков отличались головными уборами. Мужчины в основном носят на голове разные виды тюбетеек (дуппи, топи, такё), а женщины часто носят красочные платки [1, с. 152]. Масалан, Эса ўзбаки расм қилайик, — деб **телпакни** ташлаб, янги либослар кийиб, бошига **салла** ўраб, чотаётир, сира шийдам бўлмайди, ғарпайиб кетаётир, сира ўзбак хоҳлайдиган бўлмаётир (Алпамыш, 50). **Бўрк** — кишки қалпоқ, телпак. **Жанда-кулоҳ** — дарвеш, қалан-дарлар киядиган қўроқ тўн ва қалпоқ.

Ярашиққа **ловдон рўмол** ўрайман, // Бобо, кунда мен ҳам йўлга қарайман (Алпамыш, 334). **Ловдон рўмол** — қизил ипак рўмол. **Ачак** — дока рўмол. **Чорсисин** туёққа ёзиб солади, // Гул михларни тишлаб суғуриб олади (Алпамыш, 157). **Чорси** — гулли, тўрт кўзли рўмол. Шу замон кийгизди майин кўйлакди, // Боз бостириб кийди бул **киш** телпакди (Алпамыш, 84). **Киш** — одежда приготовленная из шкуры животных.

Традиционная одежда представляла собой определенный этносоциальный символ этноса или определенный «этнический паспорт» [14], «этноопределяющий символ» [15, с. 70], указывающий на его этническую принадлежность. Каждый народ с учетом норм образа жизни, экономики, климата, общественного строя, некоторых элементов идеологии, традиций и религиозных убеждений одевался соответствующим образом. С другой стороны, вместе с развитием одежды сложилась уникальная культура одевания [16].

— **Шалдам** в дастане означает «чалма, сделанная либо из шерсти, либо из шелка»:

Давлатимдан **шали-шалдан** ўрайман,

Гул тарзим саргайип сенга қарайман,

Бар бўса, жўқ дема, ўзбактинг қизи,

Бир каса қимизди сендан сўрайман (Алпамыш, 45).

Данное слово уже стало архаичным и ни в одном словаре узбекского языка не зафиксировано. Приведенные примеры показывают, как жили кочевые скотоводы в прошлом.

Такая богатая лексика прошлых времен сохранилась лишь в фольклорных произведениях. С этой точки зрения она очень ценна для обогащения лексического фонда любого языка.

Названия блюд

Osh, заимств. «пища, еда», по толковому словарю узбекского языка имеет несколько значений: 1) продукт питания для человека, пища, еда; 2) этнограф. *Osh* — поминки по умершим в годовщину смерти с обильным угощением. Э. В. Севортян, сопоставив древнетюркские и современные тюркские языки, указывает, что истоки слова *osh* восходят к заимствованному из иранских языков слову *aish* [9, с. 211]. Существует древняя легенда о происхождении слова «*Osh* или *Palov*», которая связана с именем великого Авиценны. На самом деле *Osh-palov* — это аббревиатура, состоящая из заглавных букв ингредиентов блюда: Р-Пиез — лук, А-аез — морковь, L-лахм — мясо, О-олио — масло, V-вет — соль. Однажды сын бухарского правителя встретил красивую юную девушку из небогатой семьи. Из-за классового неравенства брак их был невозможен. Страдающий от несчастной любви принц ослабевает и теряет интерес к жизни и еде. Тогда его отец приглашает знаменитого целителя — Абу Али ибн Сину (Авиценну) и просит его выяснить причину этого недуга и вылечить юного наследника. После осмотра ибн Сина понимает, что причиной болезни юноши была несчастная любовь. Ибн Сина говорит правителю, есть два варианта вернуть к жизни его сына: первое — поженить молодых или второе — накормить его одним очень калорийным снадобьем под названием «ош палов», из семи ингредиентов. Накормив принца этим блюдом, Авиценна увидел, что его пациент почувствовал неожиданный прилив сил. После этого блюдо *osh* — стало широко использоваться в народе и превратилось из лечебного снадобья в блюдо широких застолий и торжеств.

Старая восточная поговорка гласит: «Хорошему плову нужен жаркий огонь, казан с рисом и мясом и...любовь». В Узбекистане *osh* давно стал незаменимым ритуалом семейных торжеств, будь то рождение ребенка, свадьба, похороны или возвращение человека с паломничества из великого Хаджа. Следовательно, различаются ош и по назначению: «*to'y osh*» (вечерный свадебный плов), «*nahor osh*» (утренний свадебный плов) «*arafa osh*» (религиозный плов перед Ийдом), (поминальное угощение). Эти виды плова отличаются друг от друга не только технологией приготовления, но и ингредиентами, входящими в их состав.

В книге М. Кашгари *osh* встречается в форме аш-ауқат «пища, еда»: «аяқ ашы» «блюда для еды», аяққа ас сал «положи еду в блюдо» [4, с. 110]. В дастане «Алпамыш» преведено несколько примеров: *to'ying asboblarini tuzatib, qancha so'qim mollar so'yib, osh-palovlarni damlab, fuqaro, beva-bechoralar to'yib, shu ajnosda o'n olti urug*» *Qo'ng'irotiing odambori to'yni qilib, hammalari jam bo'lib, qirq kechayu kunduz to'y berib yotdi* // *приготовив все для свадьбы, зарезав много скота, приготовив супы и пловы, накормив горожан и вдов-бедных, и для шестнадцать родов народа Кунгират устроив свадьбу, и все они собрались, устроили сорок дней и ночей свадьбу* (Алпамыш, 16). *Boybicha mehmonlarga osh taraddud qildi, ziyofatga palov pishirib, palovni damlab*: «*Endi mehmonlar bilan gaplashib o'tirayin*», — *deb boybicha ham ker o'tirdi* // Бойбича (жена бая) приготовила гостям *пищу, приготовила* для вечеринки *плов и заварил плов*: «Теперь поговорим с гостями», — сказала бойбича и присела к ним (Алпамыш, 45). *Alla nima yeudigan osh bo'lgan ekan.... xudo y olgur oshning ustida ko'ngli qoralik qildi* // Боже, был очень *вкусный плов... пусть заберет бог над пиццей* устроил душевную черноту (Алпамыш, 48). *Zahar bo'ldi bo'l mening ichgan oshim* // Моя *еда* стала ядом (Алпамыш, 60). В примерах *osh-palovlarni damlab* — «приготовил пищу», *osh taraddud qildi* — «приступить к подготовке пищи», *yeudigan osh* — «очень вкусный плов», *oshning ustida ko'ngli qoralik qildi* — «во время пищи начал ссору», *oshim zahar bo'ldi* — «пища стала ядом». Во всех этих словосочетаниях мотивация связана со значением «еда, пища».

Қағанақ // Qag'anaq в дастане означает «специальное блюдо кочевых животноводов» наподобие сыра:

Assalomu alaykum, cho'lda cho'pannar,

Ustiga kiygani eski chapannar,

Qag'anaqqa to'yip jotqan guppannar,

Shul arag'a bir elibay keldima? //

Здравствуйте, пастухи в пустыне,

Он носит старый чапан,
Гуппаны, пресытившийся *гаганак*,
Сюда один элибай (бай села) не приходил? (Алпамыш, 90).

В узбекско-русском словаре *qag'anaq* толкуется как анат. «околоплодный пузырь», а другое название данного слова не зафиксировано (11, с. 627). В прошлом чабаны в степных кочевых условиях питались особыми блюдами, которые не портились несколько дней. Чабаны при охоте брали околоплодные пузыри от тела барашка и из них делали посуду, похожую на касу. В нее доили от овцематки первое молоко, затем, зашив со всех сторон, клали ее в горячую золу. Через несколько минут было готово похожее на сыр блюдо. В настоящее время молодые чабаны не знают его название и способы приготовления.

Жизза // *Jizza* — национальное блюдо из растопленного жира. Например: *Zamburug'bag'ring yorug*», *hamroyingni topsaydim, jizza kabob etsaydim* // Я хотел бы найти твоего партнера, я хотел бы приготовить **джиза-кебаб** (Народные песни, 116). Овечий жир (бедро) нарезают прямоугольниками и обжаривают на слабом огне, затем жир плавится и из жировой ткани и остаточного жира образуется жизза. В основном его изготавливают из овец, но также и из крупного рогатого скота и т.д. Жизза получают путем плавления животного жира. Жизза смешивают с солью и луком и едят с хлебом, или хлеб Джизза (патир) покрывают тестом.

Барра кабоб // *Barra kabob* — в произведениях фольклора встречается и это блюдо: *Uh, bizga barra kabob topildi* // Ух, нам приготовили барра-кебаб (Сказки, 51). **Барра** — это просто молодая баранина (не ягнятина), один из главных компонентов этого вкусового ансамбля, а **кабоб** — возможно, из-за технологической особенности приготовления мяса на пару, лежащим на решетке — своеобразном деревянном гриле, под которым кипит в казане мясной бульон. Так, баранина вместе с белоснежным курдючным салом готовится, словно шашлык на мангале, только вместо дыма — пар.

Хасыб // *Hasib* — еще одно уникальное блюдо узбекской кухни, домашняя баранья колбаса с лицевом: *Yo'l ustida uzun arg'amchi. Ko'prik ostida yog'li hasib (ilon)* // Длинная веревка на дороге. Жирная колбаса под мостом (змея) (Загадки, 65). «Хасып» — имя собственное и поэтому никак не переводится. Для приготовления хасыпа (бараньи кишки и прочие бараньи субпродукты) потребуются вывернутые и тщательно промытые бараньи кишки — в домашней колбасе нет и не может быть никаких искусственных заменителей и оболочек, только все самое натуральное. Чтобы отбить специфичный запах баранины, их можно ненадолго замочить в сыворотке. Хасып в Узбекистане чаще всего готовят к большим праздникам, когда закалывают барашка, и его следует использовать без остатка.

Qag'anoq, hasib, barra kabob, jizza и их аналоги есть не только в узбекской кухне, но и у других тюркских народов, в основном тех, кто исторически занимался скотоводством.

Бовурсок // *Bovursoq* — в произведениях фольклора означает традиционные среднеазиатские праздничные пышки из дрожжевого теста: *Kunduzi top — top etar, Kechasi bovorsog'day yerda yotar (hassa)* // Днем он стуча идет, а ночью лежит на земле, как пышка (трость) (Загадки, 139).

Узб. — *bo'g'irsoq*, алт. — боорсок, башк. — бауырһак, бур. — боорсог, каз. — бауырсақ, калм. — боорцг, кирг. — боорсок, монг. — боорцог, ног. — бавырсақ, сиб.-тат. — пауырсақ; тадж. — буғурсоқ, орзук; тат. — бавырсақ, тув. — боорзак, туркм. — *rişme*, тур. — *lokma*, уйг. — боғу (р) сак, хак. — порсах — это традиционное блюдо тюркских народов, название которого произошло от следующих слов: «баурмасу, баурласуга, баур», что переводится как «стремление к объединению, родству, брат». Это мучное изделие, которое похоже на пончики и доведено до готовности в большом количестве жира в казане. На сегодняшний день неизвестно, когда баурсаки появились на дастархане кочевника, но они, несомненно, являются популярным повседневным, праздничным и ритуальным блюдом. Принято жарить их в канун религиозных праздников Рамазан-хайит и Курбан-хайит, и вместе с пловом и сладостями угощать ими родных и соседей. Баурсак является непременным атрибутом праздничного дастархана. Играет важную роль в свадебных обрядах. В свадебной традиции родители жениха приносят в подарок на свадьбу блюдо с баурсаками или сладостями.

Буламик // *Bo'lamiq* — название жидкой каши из поджаренной в масле муки (пшеничной, кукурузной); жидкий суп из муки, жира и сливок (иногда добавляют молоко); мучная похлебка. Например: *Kel-keli kelsa, bulamiq tish sindirar* // Когда дело доходит до этого, **каша** (буламик) зуб ломает (Пословицы, 196). *Murching ko'p bo'»Isa, bulamiqqa sol* // Если перца много, положите ее в кашу

(буламиқ) (Пословицы, 399). Языковеды К. Брокельман и Г. Рамстедт правомерно рассматривали **bulaqmaq** и **bulamiq** как производные от глагола **bula** — «мешать», «перемешивать» [5, с. 260].

Одним из главных понятий узбекской культуры и узбекского языка на протяжении многих веков было макроконцепция «хлеб». Всестороннее лингвокультурологическое описание его структуры и этнокультурного и семантического плана позволяет нам сделать вывод о том, что концепт хлеб, являющийся культурной и лингвистической константой, находится в основе понятийной сферы узбекского языка [4, с. 39]. Хлеб — это важный культурный концепт, определяющий концепцию узбекского менталитета. Следовательно, «хлеб и дастурхан» могут быть проанализированы как неотъемлемый компонент духовного мировоззрения узбекского народа, важнейший символ спокойствия и благополучия. Хлеб сравнивают с солнцем, золотом, жизнью. В текстах фольклора используется разные виды хлеба. Например, **Патир** — узбекская толстая полусдобная слоеная лепешка, смазанная бараньим салом или сметаной. **Патирджедди** — это очень древняя самобытная традиция жителей оазиса Сурхан. Чтобы не ранить чужое сердце, не смущать, почтить любого мужчину, который посватался к девушке, родители невесты выполняли этот обычай: когда пожилой мужчина сватал своего родственника к молодой девушке, будущего жениха сажали на ташпатыр (твердый патыр, приготовленный без дрожжей). Есть также виды хлеба, которые ассоциируются с традициями: патир-суп (патир-шурва), патир-плов (патир-палов), патир-басма (патир-бостирма), молочный патир (патир-сут).

Kumoch// **ko'mach** — узбекская лепешка, испеченная в горячей золе.

Kulni o'z **kumochingga** tortma (Пословицы, 91).

Ko'mach// **ko'moch**– айн. Kumach. Shunda kampir ola qopning unidan, ola sigirning moyidan bir katta **ko'mach** qildi (Сказки, 79). Onasi o'g'liga **ko'moch** qilib beribdi (Загадки, 182).

Zog'ora — хлеб из кукурузной или белой муки сорго.

Tam — tam, tam — tam Tamara, Tandir to'la **zog'ara** (Народные песни, 240).

Chalpak — узбекские жареные маленькие лепешки из простого дрожжевого теста.

Chavati — узбекская тонкая пшеничная лепешка из простого теста, которую пекут на стенках казана. Har kuni chol cho'lga o'tinga chiqish vaqtida хотини ikkita **chavati** qilib berar ekan (Сказки, 89).

Cho'rak — узбекская тонкая пшеничная лепешка из простого теста, которую пекут на стенках тандира. Taroqni bir momoga berdim, Momo munga **cho'rak** berdi (Народные песни, 245).

Shirmoy — таджикская и узбекская пшеничная лепешка, в тесто которой добавляют толченый горох и пряности: анис или тмин.

Lochira — узбекская сдобная пшеничная лепешка с солоноватым вкусом.

Название отдельных процессов свадебной церемонии

Процессы свадебной церемонии в различных регионах Узбекистана проходят по-разному. Своеобразно описан процесс женитьбы в дастане «Алпамыш», исполненном представителем кипчакского диалекта узбекского языка из киркской родо-племенной ветви узбекского народа. Этот вид свадебной церемонии сохранился в некоторых кишлаках Самаркандской и Сырдарьинской областей.

Фатиха-туй // **Fotiha to'y** и **Нон синдириш** // **Non sindirish** — эти два интересных обычая несут в себе совершенно простой смысл — сватовство или помолвка. По традиции, родители жениха сами находят невесту сыну, правда, нынешняя молодежь тактично подсказывает, в каком направлении искать, но сути обряда это не меняет. Назначенные свахи подробно узнают все о семье и родственниках девушки, знакомятся с родителями. Если с точки зрения мусульманской морали все в порядке, родители жениха дают согласие на сватовство. Все формальности соблюдены, наступает долгожданный фатиха-туй. В этот день в доме невесты собираются гости, в числе которых обязательно старики и администрация махалли (соседская община, местное самоуправление). Свахи торжественно в присутствии многочисленных свидетелей излагают суть своего визита и, получив согласие родителей девушки, преломляют лепешку (нон синдириш), с этого момента договор о свадьбе считается скрепленным. Родственников жениха и умелых свах одаривают подарками. С этого момента молодые официально считаются «женихом» и «невестой», назначается день бракосочетания.

Қиз суйлатар // **Qiz suylatar** в языке дастана и в говорах кипчакского диалекта означает «получение согласие невесты будущим мужем», это один из древнейших обычаев узбеков:

Ikki vakil u mulladan keladi,

Kelip qizdi ixtiyorin so'radi,

*Uyalgandan qabul qilmay turadi,
«Qiz so'ylatar» degan rasm bo'ladi,
Qiz gapirtkan ancha pulni oladi,
Barchin vakilini endi beradi,
Hakimbekti bunda qabul qiladi,
Guvohlar jiyinga yana boradi,
Peshini qaytarip mulla so'radi,
Bu guvohlar turip javap beradi* (Алпамыш, 160).

Из приведенного примера ясно, что для получения согласия невесты мулла отправляет двух верных представителей со стороны невесты. Обычно, стесняясь, невеста сразу не дает согласие. Этот процесс может продолжаться несколько часов. С целью ускорения это церемонии представители со стороны жениха дарят деньги подругам и женщинам, сидящим вместе с невестой в одном помещении. Получив устное согласие невесты, оба представителя возвращаются к мулле. Мулла спрашивает у них, дала ли невеста согласие выйти замуж, и они отвечают на вопрос муллы.

Сказитель Фазыл Юлдаш углы детально описывает процесс бракосочетания Алпамыша с Барчин до входа в полог (преимущественно из белой ткани), закрывающий угол комнаты, где должны сидеть новобрачные в первый вечер свадьбы.

Чимилдиқ (полог) // **Chimildiq** имеет одинаковое значение и языке дастана, и в кипчакском диалекте узбекского языка: *Baxmal o'tovda chimildiq tutip, bir necha qatinnar kuyaavno'karlari minan kuyavdi kirgizmakchi bo'p, bir necha qatinnar «kampir o'ldi» bo'p, o'lganiga bir nima op, «it irillar» degan rasmini qip, bug'anam bir nima berip, har zaman salam sop, yudan ichkari kirip, chimildiqda o'tiripti* (Алпамыш, 160).

В приведенном примере говорится о том, что несколько женщин по древнему обычаю нарочно не разрешают жениху и его друзьям войти в юрту, сделанную из бархата (якобы «бабушка умерла»), с тем чтобы получить деньги или подарки от жениха и его друзей. Затем некоторые женщины держат дверь и по древнему обычаю лают, как собаки (ит ириллар), за это они тоже получают что-нибудь.

Затем в пологе выполняется несколько древних обычаев: *Barchindi Hakimbekti qashiga opkirip, qatinnar rasmi ko'p, «chach siypatar»* (поглаживание волос невесты), *«qo'l ushlatar»* (рукопожатие), *ini qip, bir necha yangalar sho'xlik qip turipti* (Алпамыш, 161).

Эти древние обычаи выполняются в пологе для того, чтобы новобрачные полюбили друг друга и остались верными своей любви до конца жизни.

Таким образом, этнографические диалектизмы — названия различных предметов быта, растений, блюд, свадебных церемоний — воссоздают колорит давних времен и древних обычаев предков, тем самым дополняя наши знания о них. Такие слова способствуют обогащению и уточнению лексического состава узбекского языка.

Это связано с тем, что культура узбеков питается из общетюркской, в том числе и из национальной культуры узбеков, и является синтетическим отражением узбекской культуры, украшенной местными красками и узорами. Таким образом, в заключение можно констатировать, что этнографизмы из обрядовой лексики узбеков по морфологической структуре и по употреблению имеют общенародный и местный характер.

Узбекские народные произведения отражают многовековую историческую культуру и традиции, неповторимый бытовой уклад каждого народа, являются частью фольклора народов, которые отличаются друг от друга по форме исполнения, содержанию, художественной интерпретации, а также языковыми и культурными особенностями. Сравнительно-типологическое изучение узбекского фольклора имеет важное научное и практическое значение, их исследование служит обогащению наших представлений о возникновении, особенностях, структуре, художественной, языковой характеристике и историческом развитии фольклорных жанров.

По мере отражения в национальной культуре, традициях и обычаях того или иного этноса этнокультурные лексемы, репрезентирующие эти концепты, выступают инструментами, ярко олицетворяющими материальный и духовный мир народа.

Изучение этнокультурных лексем народов как составной части лексической системы языка имеет большое теоретическое и практическое значение. Потому что этнокультурные лексемы, связанные с одеждой, домашними работами, оружием, названиями растений, птиц и животных, составля-

ют единство с чисто национально-ментальным значением, а определенная этнокультурная лексема приобретает стереотипный характер в узбекской национальной культуре. С этой точки зрения этнокультурные лексемы в произведениях подразделяются на бытовые и профессиональные этнокультурные лексемы по характерным различиям и сходству.

Исследуя тематическое и лингвосемантическое поля этнокультурных лексем, мы получаем информацию об ареале народа, характере, роде занятий, образе жизни, социально-политическом статусе, религиозном мировоззрении, психологическом состоянии, языковых особенностях народа.

Этнокультурные лексемы считаются устойчивым пластом национального языка и формируются и развиваются в результате этногенеза, мировоззрения, образа жизни, профессии, традиции, культуры, видов труда, духовно-культурного мировоззрения нации.

Встреча в эпосах устаревших этнокультурных лексем индийского, греческого, китайского, арабского, персидско-таджикского, испанского, немецкого, английского языков свидетельствует об исторических связях предков с этими народами. Также эти слова показывают связь между разговорным и письменным языками. В результате масштабного проникновения письменной культуры в культурную жизнь этнокультурные лексемы открывают широкий путь для развития языка под воздействием внешних факторов. Большинство дошедших до нас этнокультурных лексем эпического языка глубоко впиталось в живой язык через фольклорные источники.

Список использованных источников и литературы

1. Жабборов Э. Ўзбек халқ ўйинлари лексикаси (Жанубий Ўзбекистон материаллари асосида): филол. фан. номз. дисс. ... автореф. — Тошкент, 1998. — 24 б.
2. Жўрабоев А. Ўзбек тилида тўй маросимлари номлари (Андижон группа шевалари материаллари асосида): Филол. фан. номз. дисс. ... — Тошкент: Фан, 1971. — 230 б.
3. Зокиров К. З., Жамолхонов Х. А. Ботаникадан русча-ўзбекча энциклопедик луғат. 1-том. — Тошкент: Ўқитувчи, 1973. — 294 б.
4. Ибатова А. Ўзбек тилида нон ва нон маҳсулотлари билан боғлиқ луғавий бирликлар тадқиқи: Филол. фан. бўйича фалс. докт. (PhD) диссер. автореф. — Самарқанд, 2022. — 50 б.
5. Қашқарий Махмуд. Девону луғатит турк. Т. I. — Тошкент: Фан, 1960. — 499 с.
6. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.: АН СССР, 1951. — 452 с.
7. Мирзаев Н. Этнографическая лексика узбекского языка (На материалах узбекских говоров Кашкадарьинской области УзССР): автореф. дисс. ... канд. фил. наук. — Ташкент, 1971. — 40 с.
8. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. — Т. 4. — СПб., 1911. — 497 с.
9. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные. — М.: Наука, 1974. — 767 с.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. — М.: Наука, 1978. — С. 340.
11. Узбекско-русский словарь. — Ташкент: Узбекская советская энциклопедия, 1988. — 726 б.
12. Ўзбек миллий энциклопедияси. — Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2001. — 2-ж. — 282 б.
13. Ўзбек миллий кийимлари XIX–XX асрлар. — Тошкент, 2006. — 192 б.
14. Сухарева О. А. Древние черты в головных уборах народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. — М., 1954. — С. 299–353.
15. Лобачева Н. П. Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи // Костюм народов Средней Азии. — М.: Наука, 1970. — 239 б.
16. Аширов А. Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. — Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси нашриёти, 2007. — 129 б.

Сведения об авторах: Дилбар Базаровна Уринбаева, доктор филологических наук, профессор Самаркандского государственного университета, г. Самарканд, Узбекистан

Эшмуродова Зарифа Рахмонбердиевна, доктор филологических наук (PhD) Самаркандского государственного университета, г. Самарканд, Узбекистан

СЕКЦИЯ 5. ЯЗЫКИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УДК 81–23; 398

И. В. Силантьев, Н. Б. Кошкарева, Е. Н. Кузьмина

Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. В статье представлен обзор основных научных направлений Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук — исследований в области языков и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Сектор языков народов Сибири объединяет исследователей по тюркским, тунгусо-маньчжурским, финно-угорским, самодийским и чукотско-камчатским языкам. Исследования охватывают все стороны языковой системы и все языковые семьи, представленные на территории Сибири и Дальнего Востока: фонетику, лексику, морфологию, синтаксис, диалектологию, лексикографию, сравнительно-исторические, сопоставительные и ареальные исследования, типологию урало-алтайских, чукотско-камчатских и изолированных языков Сибири и Дальнего Востока. В рамках деятельности по изучению фольклора Институт издает книжную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Цель проекта заключается в сохранении самобытного культурного достояния народов сибирского и дальневосточного регионов. В гуманитарной науке Серия не имеет аналогов. Впервые по единым научным требованиям публикуются все известные крупные жанры сибирского фольклора: эпос, сказки, несказочная проза, обрядовая поэзия, песни. С 1990 г. опубликованы 34 книги и выходит в свет 35-й том из запланированных 60 томов. На базе масштабного изучения фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока в Институте развернуты теоретико-типологические исследования поэтики фольклорного повествования в разных национальных традициях. В отечественном эпосоведении впервые систематизированы и классифицированы поэтико-стилевые средства героических сказаний народов Сибири. В целом тома Серии являются научной документацией духовного наследия народов обширного сибирско-дальневосточного региона от Урала до Тихого океана.

Ключевые слова: Институт филологии СО РАН, язык, фольклор, народы Сибири и Дальнего Востока.

I. V. Silantiev, N. B. Koshkareva, E. N. Kuzmina

Institute of Philology of SB RAS

LANGUAGES AND FOLKLORE OF THE PEOPLES OF SIBERIA AND THE FAR EAST IN RESEARCH AT THE INSTITUTE OF PHILOLOGY OF SB RAS

Abstract. The article provides an overview of the main scientific directions of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences — research in the field of languages and folklore of the

peoples of Siberia and the Far East. The Siberian Languages direction unites researchers on Turkic, Tungus-Manchurian, Finno-Ugric, Samoyedic and Chukchi-Kamchatka languages. Research covers all aspects of the language system and all language families represented in the territory of Siberia and the Far East: phonetics, vocabulary, morphology, syntax, dialectology, lexicography, comparative historical, comparative and areal studies, typology of the Ural-Altai, Chukchi-Kamchatka and isolated languages of Siberia and the Far East. As part of its activities for the study of folklore, the Institute publishes the book series «Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East». The goal of the project is to preserve the original cultural heritage of the peoples of the Siberian and Far Eastern regions. The Series has no analogues in the humanities. For the first time, all known major genres of Siberian folklore are published according to uniform scientific requirements: epics, fairy tales, non-fairy tale prose, ritual poetry, songs. Since 1990, 34 books have been published and the 35th volume of a planned 60 volumes is being published. Based on a large-scale study of the folklore heritage of the peoples of Siberia and the Far East, the Institute launched theoretical and typological studies of the poetics of folklore storytelling in different national traditions. In Russian epic studies, for the first time, the poetic and stylistic means of the heroic tales of the peoples of Siberia have been systematized and classified. In general, the volumes of the Series are scientific documentation of the spiritual heritage of the peoples of the vast Siberian-Far Eastern region from the Urals to the Pacific Ocean.

Keywords: Institute of Philology SB RAS, language, folklore, peoples of Siberia and the Far East.

Институт филологии Сибирского отделения РАН — единственное за Уралом академическое научное учреждение, в котором проводятся комплексные исследования языков, фольклора и литературы народов Сибири и Дальнего Востока.

Институт работает по четырем плановым темам: русский язык в Сибири и теория языка, языки народов Сибири и Дальнего Востока, фольклор народов Сибири и Дальнего Востока, история русской литературы и теория литературы.

Сектор языков народов Сибири объединяет исследователей по тюркским, тунгусо-маньчжурским, финно-угорским, самодийским и чукотско-камчатским языкам. Исследования охватывают все стороны языковой системы и все языковые семьи, представленные на территории Сибири и Дальнего Востока: фонетику, лексику, морфологию, синтаксис, диалектологию, лексикографию, сравнительно-исторические, сопоставительные и ареальные исследования, внутригенетическую типологию урало-алтайских, чукотско-камчатских и изолированных языков Сибири и Дальнего Востока.

На основе новых и оригинальных теоретических концепций в Институте сформировались четыре лингвистические научные школы в области сибиреведения, результаты работы которых получили широкое признание в отечественной филологии и за рубежом.

Первое направление связано с именем Е. И. Убрятовой, под руководством которой осуществлялся масштабный (всесоюзный во времена СССР) проект по созданию Диалектологического атласа тюркских языков, включавшего данные по всем тюркским языкам СССР. Позднее исследованиями по истории формирования тюркских ареалов Сибири руководила Н. Н. Широкова. В рамках этого направления изучается история отдельных тюркских языков и диалектов и формирование языкового ландшафта Сибири на основе исследований контактов тюркских языков между собой и с другими тюркскими языками за пределами сибирского ареала.

Во-вторых, благодаря подвижнической научной и педагогической работе М. И. Черемисиной сложилась новосибирская синтаксическая школа. В рамках теоретических положений этой школы описан синтаксис простого и сложного предложения ряда урало-алтайских и палеоазиатских языков в типологическом и сравнительно-сопоставительном освещении. Показано, что синтаксические механизмы полипредикации в языках Сибири принципиально отличаются от индоевропейских и коррелируют с морфологическими особенностями агглютинативных языков. Морфосинтаксис агглютинативных языков ориентирован на синтетические способы выражения подчинительных отношений, тогда как сочинительные стратегии, выражающие равноправие между явлениями действительности, для исследуемых языков нехарактерны.

В-третьих, в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований имени В. М. Надеяева плодотворно развиваются исследования артикуляционно-акустических баз. К настоящему моменту обследовано уже более 30 языков Сибири и сопредельных регионов с применением самого совре-

менного оборудования: МРТ, УЗИ, ларингоскопии и других современных методов и компьютерных технологий.

И, наконец, четвертое направление — это лексикография тунгусо-маньчжурских языков, находящихся на грани исчезновения. Принципы составления словарей были заложены выдающимся тунгусо-маньчжуроведом членом-корреспондентом АН СССР В.А. Аврориным и реализованы в фундаментальных словарях эвенкийского и орокского языков его ученика — Б.В. Болдырева. Опубликованы или готовятся к изданию словари практически всех тунгусо-маньчжурских языков: эвенкийского, орокского, орочского, ульчского, удэгейского, нанайского. Разрабатываются описания лексики и грамматики этих языков.

Поскольку многие из исследуемых нашими сотрудниками языков относятся к числу младописьменных, ведется работа по совершенствованию письменности, кодификации норм, формулировке орфографических и пунктуационных правил. Для сбора материала проводятся лингвистические экспедиции, во время которых записываются аудио- и видеоматериалы, направленные на документацию языков, многие из которых находятся под угрозой исчезновения. Таким образом, сотрудники Института выполняют важную миссию по сохранению языков коренных малочисленных языков Сибири и Дальнего Востока.

В рамках деятельности по изучению фольклора Институт издает 60-томную книжную серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», основанную выдающимся фольклористом, первым директором ИФЛ СО РАН, членом-корреспондентом АН СССР А.Б. Соктоевым. Цель проекта заключается в сохранении самобытного культурного достояния народов сибирского и дальневосточного регионов.

Идея проекта базируется на целостной научной концепции, исходя из которой сформулированы основные задачи:

- представить устно-поэтическое и музыкальное творчество как коренных, так и переселенческих народов Сибири и Дальнего Востока, включая фольклорные образцы малочисленных народностей, языки и культура которых находятся под угрозой исчезновения;
- обеспечить комплексность издания, единство филологической, историко-культурной, этнографической и музыковедческой интерпретаций фольклорных произведений во всех элементах томов Серии;
- осуществить академическую публикацию подлинно национальных текстов с параллельным научным переводом на русский язык;
- уделить особое внимание нотным записям напевов и фоноприложениям, что позволяет услышать звучание национальных текстов.

Концепция Серии основана на подходе к фольклорному явлению как синкретическому феномену, органично вобравшему в себя реалии духовной и материальной жизни. В подготовке томов задействованы усилия специалистов разных областей: фольклористов, этномузыковедов, этнографов и лингвистов.

В гуманитарной науке Серия не имеет аналогов. Впервые по единым научным требованиям публикуются все известные крупные жанры сибирского фольклора: эпос, сказки, сказочная проза, обрядовая поэзия, песни. Уникальность Серии признана на государственном уровне. В 2001 году Указом Президента Российской Федерации коллективу разработчиков концепции и составителей томов Серии была присуждена Государственная премия РФ в области науки и техники.

Серия продолжает развиваться. Тексты воспроизводятся на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык и сопровождаются обширными комментариями. Поющиеся произведения даются в нотной записи, в которой фиксируются все основные музыкальные элементы исполнительского варианта. Звукозаписи публикуемых произведений можно услышать на цифровых носителях, которые сопровождают каждый том (до 1996 года к томам прилагались виниловые грампластинки). Книжки Серии иллюстрируются фотографиями орудий труда, вооружения, одежды, утвари, традиционных музыкальных инструментов сибирских народов, фрагментов национальных праздников. Кроме произведений устно-поэтического творчества книги включают научные статьи, раскрывающие художественное богатство публикуемых текстов, их историко-культурный и этнографический контекст, а также фольклористический и музыковедческий аспекты издаваемых образцов. В целом тома

Серии являются научной документацией духовного наследия народов обширного сибирско-дальневосточного региона от Урала до Тихого океана.

С 1990 года опубликованы 34 книги и выходит в свет 35-й том из запланированных 60 томов. Объем публикаций составляет в среднем от 20 до 60 печатных листов. В портфеле сектора фольклора Института филологии имеются еще около 20 рукописей, над которыми идет активная исследовательская и редакторская работа («Героический эпос бурят», «Обрядовый фольклор бурят», «Обрядовый фольклор алтайцев» в 2 частях, «Тувинская песенная лирика», «Прозаический фольклор хантов», «Медвежий праздник казымских хантов», «Фольклор кетов», «Фольклор южных селькупов», «Фольклор оседлых коряков», «Обрядовый фольклор хакасов», «Якутские народные песни», «Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Часть 2», «Фольклор чувашей»).

Опубликованные тома демонстрируют качественно новый тип научной публикации фольклорных памятников, отражающий современные концепции и методики междисциплинарного изучения материала. Документальность и целостность издания обеспечены выверенной источниковой базой, включающей наряду с архивными материалами записи целевых экспедиций, применением текстологических приемов, включающих сохранение и транслитерацию раритетных записей, создание единого шрифтоносителя со знаками для всех языков и алфавитов для бесписьменных культур, усовершенствование системы нотной записи.

С 1984 года проведено более 90 комплексных фольклорно-этнографических экспедиций по всей сибирско-дальневосточной территории. Экспедиционная работа в подготовке томов Серии является неотъемлемой и обязательной составляющей. Публикация архивных и современных записей фольклора позволяет увидеть процесс в динамике, проследить все его трансформационные тенденции. Собранный материал входит в корпус томов и в содержание фоно- и видеоприложений. Тома, представляющие обрядовый фольклор, сопровождаются приложением с демонстрацией ритуалов, сохранившихся у большинства сибирских народов. Так, в томе «Медвежий праздник казымских хантов», который готовится к изданию, на цифровом носителе будет помещен ритуал проведения уникального обряда, сохранившегося у хантов, проживающих в Западной Сибири, в бассейне реки Оби. Обряд связан с культом медведя и его добыванием. Праздник длился три дня и три ночи без остановок.

На базе масштабного изучения фольклорного наследия народов Сибири и Дальнего Востока в Институте развернуты теоретико-типологические исследования поэтики фольклорного повествования в разных национальных традициях. В отечественном эпосоведении впервые систематизированы и классифицированы поэтико-стилевые средства героических сказаний народов Сибири. Результаты исследования опубликованы в фундаментальном «Указателе типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов)», созданном заведующей сектором фольклора ИФЛ СО РАН Е. Н. Кузьминой. Как показало сравнительно-сопоставительное исследование эпоса этих народов, сказания сохранили древнюю художественную структуру, свидетельствующую об общности художественных архетипов. Несмотря на географическую отдаленность и языковую разность народов, их героические сказания демонстрируют развитую художественную систему, устойчивость и стабильность самой эпической традиции. Систематизация обширного эпического материала, изучение внутренней структуры сказаний выявили, что древние сибирские этносы в ходе своего развития активно контактировали, между ними шло интенсивное культурное взаимодействие, в процессе которого сложился общий фольклорный фонд, прежде всего, поэтико-стилевых средств эпоса. Анализ эпических произведений шести народов показал, что героические сказания могут быть систематизированы с точки зрения имеющих в них стереотипов и закономерностей сюжетостроения, которое, по сути, представляет собой «сцепление» эпизодов, внутри которых имеются «общие места», в свою очередь, включающие устойчивые поэтические формулы. Указатель стал основой для проведения исследований сюжетно-композиционного и формульно-поэтического строя сказаний. Выявленные стереотипы играют ключевую роль в сюжетостроении произведений героического эпоса, образуя собой важнейший элемент в формировании языковой ткани сказаний.

Сведения об авторах:

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Кошкарева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор, зав. сектором языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Кузьмина Евгения Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. сектором фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

УДК 930.271

Н. Г. Шаймердинова

Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

В. ТОМСЕН И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Аннотация. В статье освещаются внеязыковые и языковые факторы, благодаря которым В. Томсен сделал дешифровку рунической письменности. Автор статьи также рассматривает дискуссионные вопросы в исследовании рунической письменности, к числу которых следует отнести формирование, развитие и распространение разных типов рунической письменности; вопросы, касающиеся так называемых «верхних» и «нижних» временных границ, происхождения рунической письменности, а также проблемы, связанные с природными явлениями, социальными и временными факторами. В исследовании рунических памятников до настоящего времени имеются «белые пятна», лакуны, поэтому их изучение продолжается в историко-археологическом, этнокультурном, мировоззренческом и филологическом аспектах с использованием новых современных технологий.

Ключевые слова: рунические памятники, дешифровка, дискуссии, типы и развитие рунических график, происхождение, временные границы, технологии.

N. G. Shaimerdinova

L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

V. THOMSEN AND SOME ASPECTS OF THE STUDY OF RUNIC MONUMENTS

Abstract. The article highlights the discoveries and studies of the Yenisei monuments and notes extralinguistic and linguistic factors, thanks to which V. Thomsen deciphered the runic writing. The author of the article also addresses controversial issues in the study of runic script, including the formation, development and distribution of different types of runic scripts; questions about the so-called «upper» and «lower» temporal boundaries, the origin of runic script, as well as problems related to natural phenomena, social and temporal factors. There are still «white spots» and gaps in the research of the runic monuments, so their study continues from historical, archeological, ethno-cultural, ideological and philological aspects using new modern technologies.

Keywords: runic monuments, deciphering, discussions, types and development of runic graphics, origin, temporal boundaries, technologies.

Более трехсот лет прошло со дня открытия тюркских рунических памятников экспедицией Д. Г. Мессершмидта (1721–1728 гг.), 130 лет — со дня дешифровки В. Томсеном рунического письма; открыты и исследованы около пяти сотен рунических и рунообразных памятников

на территории Южной Сибири, Монголии, Средней Азии, Северного Кавказа, южной части России, Восточной Европы. Изучение рунических памятников связано с именами таких ученых, как В. Томсен, В. Радлов, А. Гейкель, П. Мелиоранский, В. Бартольд, В. Банг, А. Лекок, В. Котвич, Ю. Немет Ф. Хирт, Г. Рамстедт, Дж. Клосон, Х. Оркун, С. Малов, А. Гумилёв, А. Кызласов, С. Кляшторный, И. Кызласов, А. Кононов, И. Батманов, Т. Текин, Г. Айдаров, А. М. Щербак, А. Аманжолов, И. Кормушин и другие, которые внесли огромный неоспоримый вклад в исследование рунической письменности и памятников. Тем не менее некоторые проблемные аспекты исследования тюркской рунологии до сих пор существуют.

Поскольку именно в этом году исполнилось 130 лет с дня дешифровки В. Томсеном первых рунических слов, мне хотелось остановиться кратко на этом. Почему именно В. Томсену, сыну почтмейстера, профессору Копенгагенского университета, удалось сделать дешифровку тюркских рун? Прежде всего следует отметить уникальные языковые способности ученого-полиглота, знание им древних языков (древнегреческого, латынь, древнеславянского), владение германскими языками, изучение славянских, балтийских языков, а также восточных (арабского, персидского, китайского и др.) языков.

В. Томсен не владел тюркскими языками, но знание языковой системы (в т. ч. фонетической подсистемы), языковой типологии древних и современных ему языков, на наш взгляд, помогло ему в дальнейшем дешифровать знаки рунической графики. В. Томсен для расшифровки тюркских рунических знаков исследовал как внеязыковые, так и языковые факторы. К экстралингвистическим следует отнести открытие именно больших орхонских текстов, где «была возможность многократного сравнения различных комбинаций букв и вероятные шансы точного установления самого их числа» [1, с. 31] (следовательно, на коротких енисейских или таласских текстах этого было бы невозможно выявить). Другим важным фактором оказалось наличие в стелах текста на китайском языке, что позволило извлечь важную информацию об этносе, эпохе и языке памятников (не следует забывать, что В. Томсен изучал китайский язык). И. Л. Кызласов пишет, что китайские надписи не совпадали с руническими ни по объему, ни, как выяснилось, по точному смыслу. Зато они ясно указали на происхождение и исторические условия, в которых были созданы эти памятники. Стелы оказались воздвигнутыми в 732 и 735 годах в память тюркского полководца и его брата — кагана [2, с. 31].

Алгоритм дешифровки В. Томсена раскрывается и в ее лингвистических факторах, к числу которых следует отнести определение В. Томсеном правостороннего направления письма, размещенного по вертикали, составление специальной таблицы с количественными показателями, определение количества 38 звуков (букв) и типа письма, возможно, как слогового. Последнее, безусловно, наталкивало на необходимость определения значений и способов выражения гласных и согласных звуков. Поскольку В. Томсен знал графику древних языков, он понимал, что гласные знаки в отличие от консонантов в древних языках либо представляются особыми «метками» как в семитских языках (например, арабском языке), либо не прописываются вовсе, как в древней финикийской графике. Исследуя большие орхонские тексты, В. Томсен установил абстрактную схему расположения звуков ХУХ, где «игрек передает гласный звук, тогда как икс — согласный, или наоборот» [2, с. 32] и определил три рунических знака, которые выражали парные твердые губные гласные о, у и мягкие губные — ö, ü, а также парные узкие i, i̇. И только после них были определены парные по твердости и мягкости широкие а, ä («потому что она по руническим правилам только в конце и пропускались в их начале и середине»). Исследуя определенный алгоритм употребления знаков в больших текстах, Томсен понимает, что один и тот же согласный в рунической графике может обозначаться двумя рунами, т. е. быть твердым и мягким в зависимости от гласного в первом слоге, например, звук [б] b¹ — твердый (бунча «столь много»), b² — мягкий (бенгу «вечный»). Это касалось всех десяти парных согласных в рунической графике. Таким образом, была определена главная фонетическая закономерность древнетюркского языка: закон сингармонизма, который является доминирующим фонетическим законом для многих современных тюркских языков. Известно, что первым расшифрованным Томсеном словом было Т-Н-Р-И (Тенгри в русской версии), верховное божество древних тюрков. Затем антропонимы *Кюль-тегин* (название самого памятника), *Бильге-каган* и *тюрк* — номинатив, который окончательно определил язык и принадлежность памятников древним тюркам.

В дешифровке, толковании и переводе рунической письменности очень важно отметить тандем В. Томсена В. Радлова (об этом сотрудничестве нужно писать отдельно). Исследователи отмечают,

что после дешифровки В. Томсен связывается с В. Радловым, который к этому времени «сумел самостоятельно определить значение 11 из 38 знаков (И. Кызласов). Отмечая сотрудничество двух великих ученых, подчеркивая редкое их взаимопонимание, следует обратить внимание и на заслуги самого В. Радлова. Дешифровка была сделана В. Томсеном, но в дальнейшем пальма первенства в исследовании древнетюркских памятников, несомненно, принадлежит В. Радлову, поскольку транскрипцию на древнетюркский язык, первое прочтение, толкование, переводы текста Кюль-тегин на немецкий и русский языки, их несколько публикаций сделаны были именно В. Радловым. Неслучайно В. Томсен писал: «Что касается толкования и перевода надписей, я сожалею только о том, что не являюсь Радловым» [3, с. 36].

Какие же основные проблемы или вопросы в исследовании рунических памятников есть сейчас? Они, разумеется, не новые и на слуху у всех, я попытаюсь сделать некоторое обобщение и увязать эти вопросы с направлениями современных тюркологических исследований.

Одним из важных вопросов рунической письменности является формирование, развитие самой рунической графики, их типы направления и функционирование в эпоху раннего Средневековья. Есть гипотеза, что руническая письменность имела этапы своего становления и развития, что отмечено было в работах А. Рон-Таша. Он полагал, первый этап — это формирование системы гласных и твердых согласных, 2-й — системы мягких согласных, 3-й этап — введение четырех лигатурных знаков и трех знаков для сочетаний *g* и *k* с гласными *o*, *ö*, *u*, *ü*, *i*, *ï* [4, с. 9]. Некоторые исследователи считают, что руническая письменность в эпоху Второго Тюркского каганата пережила свою реформу. Все это требует дальнейших исследований.

В настоящее время существует три типа рунических письма: таласский (семиреченский), орхонский, енисейский. В последние годы ученые от енисейских «отпочковываются» алтайские (Д. Васильев, А. Тыбыкова, И. Невская, М. Ердал и др.). Могут ли все эти графики представлять одну единую руническую систему? Как отмечают ученые, это разные направления, разные школы: похожие, но отличающиеся графики, как современные тюркские языки, относящиеся к различным языковым группам.

Различие состоит в их внешнем виде, содержании, в некоторых знаках. И. А. Кызласов отмечает, что в орхонских памятниках тамги находятся перед началом текста, в енисейских — внизу после текстов. Кроме того, орхонские тексты — большие, основное их содержание — описание походов и сражений, правления каганов, подвигов тегингов, в них запечатлены факты истории древних тюрков и древнетюркских государств. Енисейские тексты чаще всего личностные, где повествуется история одного человека-воина, его семьи, детей, жен, наложниц; либо личностные, интимные, обращенные непосредственно к Всевышнему (манихейство), Тенгри. Если орхонские надписи прописаны в поминальных комплексах, как эпитафии, то енисейские обращены к верховному божеству и выбиты на вершинах скал или в укромных от человеческого глаза местах. В таласских памятниках, небольших по объему, запечатлены фрагменты различных сцен из жизни тюрков: «фразы типа *sözüm* («мое слово») на печати правителя, *albaw* («развлечение, охота на диких зверей»), *asırğa* («корми»), сцены из охоты» [5, с. 94–95].

Существует графическое различие в знаках в трех типах рунического письма, несмотря на то, что основной корпус рун их звуко-буквенных обозначений имеет сходство. Так, гласная *a*, *ä*, *e* в орхонской и таласской графиках представлены руной , тогда как *e* енисейском и ее варианте алтайской графике имеют другие обозначения — 1. Твердая глухая *q* в орхонской и енисейской графике обозначается как идеограмма «трон» , в таласской — совершенно другое — архетип «лестницы», этот же архетип присущ и для *t* И (что следует отнести к влиянию согдийского письма). Непарный сонорный *m* в орхонской графике обозначается как идеограмма «рыбка» , тогда как в таласской и енисейской графиках наряду с «рыбкой» имеются древнейшие архетипы, обозначающие «женское начало» (таласские), (енисейские). Шумный непарный консонант *š* в таласской

графике имеет идеограмму «флажка», возможно, также обусловленное влиянием согдийской графики , подобных рун нет ни орхонской: , ни в енисейской: . Более того, в енисейской графике этот консонант имеет множество праформ. Подобные различия в трех типах письма встре-

чаются и в других звуко-буквенных обозначениях системы древнетюркского языка. Один и тот же звук в разных типах рунических график может обозначаться несколькими рунами (особенно это часто встречается) в енисейской графике, возможно, последняя более древняя? Вопрос спорный, до сих пор нет однозначного ответа, как и нет единого мнения по поводу архетипов рунических знаков, например, для обозначения *t* и других знаков. Графики также различаются по количеству знаков: в орхонском — 38 рун, в енисейском использовалось не менее 40 рун, в целом в рунических алфавитах насчитывают 48 знаков, многие из которых мало использовались или вовсе не использовались. К слову, в руническом енисейском алфавите И. Кормушина — 52 знака [6, с. 18–19].

Таким образом, возникает вопрос, какая из отмеченных график является более древней? Как связаны рунические знаки с древними архетипами? Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным и требует дальнейшего исследования.

Руническая письменность как один из символов древнетюркской государственности использовалась для внешних отношений с Китайской империей, Согдианой, Арабским халифатом, Византией (А. Гумилев) и внутреннего пользования: бытовые коммуникации, буйрики и различные распоряжения каганов, религиозные тексты. Для широкого распространения манихейства и буддизма тюркские миссионеры оставляли многочисленные письменные отметки о молениях, совершенных у скал; призывы духовных проповедников, покаяния верующих и другие религиозные надписи, которые встречаются на камнях и урочищах Южной Сибири, Саяно-Алтая, Северо-Западной и Центральной Монголии, Прииртышья. Как отмечал Д.Д. Васильев во время чтений лекции на кафедре тюркологии ЕНУ им. А. Гумилева, существовали даже школы, где обучали рунической грамотности.

Изучение формирования и самой природы руники, ее распространения и использования остается важным направлением исследования рунической письменности.

Другой фактор — это временные параметры, установление так называемых «верхних» (истоков) и «нижних» границ (конец функционирования рунической письменности) или ответы на вопросы неискушенного читателя: куда исчезла руника? Возможно ли ее возрождение? В тюркологической науке до сих пор идут дискуссии, если некоторые исследователи протоистоки рунической письменности возводят к знакам и символам саков и скифов, но есть и противники этой теории. К. Акишев утверждает, что у саков и усуней Семиречья в течение весьма продолжительного отрезка времени была письменность, что подтверждают захоронения знати (Иссык) и простолюдинов (Актас и Каратома) [7, с. 210]. Речь идет об известной надписи на серебряной чаше в Иссыкских раскопках Золотого воина, а также эпиграфической надписи на дне каменного сосуда могильника Каратома, раскопанного в 1968 г., эпитафии на необработанном камне могильника Актас в насыпи кургана, датируемого IV–VI вв. н. э. Знаки и надписи на так называемых оленных камнях таштыкской и тагарской культур говорят о существовании алфавитной письменности и у ранних кочевых тюркских племен Южной Сибири. О наличии протоистоков тюркской письменности отмечал и А.С. Аманжолов: «Загадочный руноподобный текст, написанный тушью на тонкой коже, обнаружен среди согдийских документов на горе Муг в верховьях Зеравшана. Краткие рунические надписи на глиняных сосудах-хумах встретились в Фергане, а также на хуме из городища Кой-Крылган (IV–III вв. до н. э.) на Амударье» [5, с. 8].

Нет единой точки зрения по поводу нижней хронологии рунических памятников. Если функционирование орхонских памятников связывают с эпохой и падением древнетюркских каганатов (VI — первая половина VIII века), а затем сменившем его Уйгурским каганатом (745–840 гг.), то границы енисейских памятников определяются VII–XI веками, а И.А. Кызласов в своих последних работах утверждает, что енисейская письменность использовалась вплоть до нашествия Чингизхана. Достаточно неопределенные объяснения по поводу исчезновения рунического письма, хотя казалось бы, это можно увязать с расцветом и падением древних тюркских государственных объединений древнетюркской, уйгурской, древнекиргизской, кимако-кыпчакской конфедерации, где использовались другие графики — уйгурская, манихейская, арабская. Одной из гипотез исчезновения руники считается смена религиозных верований, когда на смену шаманизма, тенгрианства, манихейства в Степной Евразии распространился ислам. Все это требует дальнейших совместных усилий историков, культурологов, тюркологов.

В тюркологической науке до сих пор имеются разногласия по поводу происхождения рунической письменности, которые в основном сводятся к известным всем арамейской, согдийской и собствен-

но тамговой теории. По мнению Джерарда Клосона, руническое письмо было специально изобретено в конце VI в. по приказу тюркского кагана Истеми. В последнее время появляются и другие версии. Так, И.Л. Кызласов считает, что базой для рунической письменности стал некий древний язык, реликты которого сохранились в рунической графике. Аргументы ученого заслуживают внимания, поскольку они основаны на анализе график [2, с. 48–67].

Несмотря на имеющую закономерность в употреблении рунических знаков, связанных с гармонией гласных и согласных звуков, зависимости структуры рунического слова от характера гласного в первом слоге, имеются определенные противоречия, асистемность в руническом алфавите. Сюда можно отнести использование специальных рун для лигатурных знаков, состоящих из двух согласных ld/lt, nd/nt, nč, rt, ič/ič. Почему лигатуры обозначаются специальными рунами, когда для обозначения согласных в них есть уже знаки-руны l ↓, d ⚡, n ⤵, t ⚡, r Ч, č Л — зачем необходимо было дублировать?

Зачем для обозначения звука q/k потребовалось 5 разных рун? Если обозначение парных твердого qЛ и мягкого k ⤵ укладывается в общую фонетическую закономерность рунического алфавита, то различные варианты [к] ↓ ok, ko/uk, ku, β ħ ħ ⚡ ök/kö/ük/kü; ◀ ič, qī, q, вызывают вопросы, поскольку мягкий согласный [к] в лигатурах обозначается тремя разными рунами. Подобная ситуация наблюдается с разными вариантами обозначения č / Л ič/ič Ы и других звуков. Все эти двойные обозначения, дублирования представляются остатками, реликтами некоего древнего языка. И.Л. Кызласов считает, что существовал некий древний проторунический слоговой язык, который древние тюрки адаптировали для себя. Отмечая, что руническое письмо является вершиной исторического айсберга, не только подошва, но и основной массив которого скрыты в океане времен, ученый конструирует знаки этого языка и показывает «стадии плавного видоизменения» праязыка в рунический [2, с. 57].

Вызывает также неоднозначное суждение: рунический протоязык был идеографическим или слоговым, поскольку во всех типах рунических график очень много идеографических знаков (b/b', d/d', j, r' n, m, t/t'). Вопросы происхождения рунического алфавита до сих пор остаются открытыми.

Открытия и исследования рунических памятников продолжаются. В новых рунических памятниках все сложнее делать транслитерацию и транскрипцию текстов, поскольку найденные надписи все больше разрушаются вследствие естественных природных явлений (дождя, снега, непогоды) и человеческого фактора. Кроме того, самым жестким, неумолимым, естественным фактором является время: чем дальше, тем сложнее поиски, тем больше разрушений текстов. Хотя насколько мы знаем, современные исследователи для поисков надписей используют современные технологии — дроны, снимки из космоса, новые цифровые технологии.

Следует отметить, что исследование рунической письменности продолжают в культурологическом, историческом, этнографическом, мировоззренческом, литературоведческом и лингвистическом аспектах, о чем свидетельствуют доклады нашей конференции, многочисленные публикации в Казахстане, в ближнем и дальнем зарубежье. Одним из новых аспектов лингвистического исследования является изучение всех подсистем древнетюркского языка, в том числе лексической подсистемы, морфемики и деривации, последние до настоящего времени малоисследованы. Кроме того, большое внимание уделяется семантическому анализу рунических текстов, выявлению картины мира древних тюрков на базе внеязыковых и языковых данных.

Список использованных источников и литературы

1. Кызласов И.Л. Современные основы тюркской рунологии // *Turkic Studies Journal*. — 2020. — № 2. — С. 6–16.
2. Кызласов И.Л. Рунические письмена Сибири. — М.; Абакан: Хакаское книжное издательство, 2021. — 160 с.
3. Radlov W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. — St. Petersburg, 1894. — 296 p.
4. Róna-Tas A. On the development and origin of the east Turkic «Runic» script // *Acta Orientalia. Akademia KIADO*. — Budapest, 1987. — T. XLI. — P. 7–14.
5. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. — Алматы: Мектеп, 2003. — 368 с.
6. Кормушин И.В. Тюркские Енисейские эпиграфы. Тексты и исследования. — М.: Наука, 1997. — 303 с.

7. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана // Евразийский народ САКИ. — Алматы: Болошақ балапандары, 2006. — С. 179–226.
8. Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Древнетюркские памятники Кошо-Цайдам // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — Т. IV. — СПб., 1897.
9. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. — СПб.: ЗВОРАО, 1899. — 150 с.
10. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 451 с.
11. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 111 с.
12. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников / пер. М. Жолдасбеков, Н.Г. Шаймердинова. — Астана: Кюль-тегин, 2006. — 360 с.
13. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. — Горно-Алтайск, 2012. — 152 с.
14. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских текстов. — Астана: ЕНУ, 2007. — 238 с.

Сведения об авторе: Нурила Габбасовна Шаймердинова, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии факультета Международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, e-mail: nurila1607@mail.ru

УДК 811.512.1'366

И.А. Невская

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ РАВЕНСТВА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: шорский язык, сравнительные конструкции, эквативные конструкции, симилятивные конструкции, типология, генерализированные сравнительные конструкции.

I. A. Nevskaya

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS OF EQUALITY IN THE SHOR LANGUAGE

Abstract. Equative constructions state that the compared object and the standard of comparison possess the same quality in the same degree (*She is as tall as her father*), while similitive ones presuppose that the action is processed in the same manner (*She sings like her mother*). Such comparative constructions of equality have not yet been studied sufficiently in the typological aspect. Research on such constructions in a language allows for delineating their universal and individual features.

This article deals with equality constructions in Shor, an indigenous Turkic language spoken in South Siberia, Russian Federation. We describe the morphological means expressing comparative semantics of equality in Shor, the structural and semantic types of such comparative constructions distinguishing their equative and similitive semantic and structural types as well as quantitative and qualitative ones. We also

address generalized equality constructions. We use the descriptive framework and terminology of Martin Haspelmath and Oda Buchholz for describing typological properties of Shor equality constructions.

Our research has shown that Shor preserves ancient synthetic equality markers. They can be classified into quantitative and qualitative ones, although this distinction is present only in equative constructions. These markers are gradually replaced by newly coined analytical markers that are much more specialized and can be used only in equative or in simulative constructions and express either qualitative or quantitative semantics. Interestingly, also simulative constructions can be of the quantitative semantic type that is considered very rare by Martin Haspelmath and Oda Buchholz.

Keywords: the Shor language, comparative constructions, equative constructions, simulative constructions, typology, generalized comparative constructions.

Сравнительные конструкции равенства — эквативные и симилятивные — недостаточно изучены с типологических позиций; основные публикации по этой тематике представлены в списке литературы. Проведение такого рода исследований позволяет выявить как универсальные способы передачи сравнения, так и специфичные, характерные для каждого отдельного языка особенности. Нами рассматриваются лингвистические особенности эквативных и симилятивных сравнительных конструкций шорского языка, их состав и морфологическая база, их структурные и семантические типы, их место в общей типологии сравнительных конструкций и генерализованные сравнения¹⁵.

В концепции Мартина Хаспельмата и Оды Буххольц [23] утверждается, что семантическая близость эквативных и симилятивных конструкций заключается в том, что они могут быть перефразированы с использованием выражения «тот же самый»; как и конструкции неравенства, эквативные и симилятивные конструкции могут иметь до шести компонентов — предмет сравнения (CMP), стандарт сравнения (STAN), показатель стандарта сравнения (STM), индекс параметра (PAI), параметр сравнения (PARA), показатель параметра (PAM); языки различаются в первую очередь тем, какие компоненты эквативных и симилятивных конструкций они маркируют специальными грамматическими показателями; эквативные конструкции могут быть количественные и качественные по семантике, в них могут быть задействованы как идентичные маркеры, так и различные.

Шорский язык сохраняет древние аналитические показатели сравнения равенства, как качественного, так и количественного, хотя это различие у них сохраняется только в эквативных конструкциях. Они постепенно уходят из употребления, о чем свидетельствует то, что они практически не употребляются в устной речи и в эпических произведениях современными сказителями. На смену им в языке выкристаллизовываются аналитические сравнительные показатели равенства путем грамматикализации лексических единиц со значением «подобный», «мера, степень», «действуя определенным образом». Эти новообразования намного более специализованы либо семантически (*шени* — количественный маркер стандарта), либо функционально (*чылап* — маркер стандарта только в симилятивных конструкциях, а *ошқаш* — только в эквативных).

С точки зрения типологических особенностей можно сделать следующие наблюдения [8]: 1) маркируется только стандарт либо синтетическим, либо аналитическим показателем, причем тенденция развития языка в данный момент указывает на смену исконных синтетических показателей (которые тоже в свое время синтезировались из грамматикализованных имен) аналитическими, которые еще остаются фонетически отдельными словами и не подвергаются гармонии гласных; 2) близость эквативных и симилятивных конструкций между собой и с конструкциями неравенства; 3) порядок компонентов конструкции соответствует общему закону языков с порядком слов SOV: зависимый компонент предшествует своему контроллеру; 4) среди шорских конструкций неравенства выделяются количественные и качественные конструкции с соответствующими сравнительными показателями, наблюдается тенденция к более специализированным показателям как с точки зрения их функций, так и с точки зрения их семантики; 5) для эпических произведений наблюдается практически полная гегемония генерализованных сравнений равенства, что ведет к их превращению в особые выра-

¹⁵ Данная тематика была нами ранее представлена в докладе на семинаре Сектора языков коренных языков Сибири в Институте филологии СО РАН, в более широкой типологической перспективе на Международной конференции *International Conference on Turkish Linguistics* в университете г. Майнца, Германия, а также в статье [8].

зительные средства языка, которые используются как уже готовое целое, как общие места — идиоматизированные и стереотипные языковые конструкции.

Список использованных источников и литературы

1. Ахметжанова Ф. Р. Полипредикативные конструкции казахского языка, выражающие сравнения // Структурные и функциональные типы сложных предложений. — Новосибирск, 1982. — С. 115–125.
2. Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. — Новосибирск, 1986. — 111 с.
3. Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилятивные типы — отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. А. Н. Гумилева. — 2016. — № 1 (110). — С. 220–225.
4. Коньров Т. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке (компаративные конструкции). — Алма-Ата: Мектеп, 1985. — 215 с.
5. Кыржинакова Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке: дисс. ... канд. филол. наук. — Абакан, 2010. — 262 с.
6. Невская И. А., Тажибаева, С. Ж. Исследование сравнительных конструкций в тюркских языках (сравнительно-сопоставительный аспект) // Предложение как единица языка и речи: Всероссийский научный симпозиум с международным участием. — Новосибирск: Академиздат, 2019. — С. 183–187.
7. Невская И. А. Спорные вопросы алтайской грамматики: о статусе формы на -ДЫЙ в алтайском литературном языке // Российская тюркология. — 2016. — № 1 (14). — С. 3–15.
8. Невская И. А. Типологические особенности шорских эквативных и симилятивных конструкций // Сибирский филологический журнал. — 2022. — № 4. — С. 286–299. DOI: 10.17223/18137083/81/22.
9. Тыбыкова Л. Н. Модально-сравнительные конструкции алтайского языка (тезисы) // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. — Фрунзе, 1988. — С. 125.
10. Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1989а.
11. Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции с показателем =ча/=че в алтайском языке // Тюркологические исследования. — Новосибирск, 1989б.
12. Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. — Горно-Алтайск, 1988а. — С. 111–127.
13. Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1971а. — 181 с.
14. Черемисина М. И. О семантических отношениях между сравнительными союзами // Синонимия в языке и речи. — Новосибирск: НГУ, 1970 в. — С. 212–233.
15. Черемисина М. И. О функциях местоимений в придаточной части модальных сравнений // Вопросы языка и литературы. — Вып. IV. — Ч. 1. — Новосибирск: НГУ, 1970а. — С. 3–46.
16. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. — Новосибирск, 1976. — 251 с.
17. Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. — Новосибирск, 2001. — 249 с.
18. Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. — М.; СПб.: Изд-во АН СССР. — 307 с.
19. Aikhenvald A. and Dixon R. M. W., Onishi M. Non-canonical marking of subjects and objects. — Amsterdam: Benjamins, 2001.
20. Andersen Paul K. Word order typology and comparative constructions. — Amsterdam [etc.]: Benjamins, 1983.
21. Dixon R. M. W. Comparative constructions in English // Studia Anglica Posnaniensia: international review of English Studies. — Vol. 41. — 2005.
22. Dixon R. M. W. Comparative constructions // Studies in Language. — 2008.
23. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe / van der Auwera, Johan (ed.). — Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. — P. 277–334.
24. Henkelmann P. Constructions of equative comparison // Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF). — 2006. — 4/59. — P. 370–398.

25. Nevskaya I. & Tazhibayeva S. Superlative readings of possessive constructions in Turkic. A comparative perspective // Possession and Ownership in the Languages of Europe and North and Central Asia. (Studies in Languages Companion Series 206.) / Lars Johanson, Lidia Federica Mazzitelli, and Irina Nevskaya (eds). — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. — P. 205–238.
26. SEC 2017: Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective // Typological Studies in Language 117 / Edited by Yvonne Treis and Martine Vanhove. — John Benjamins, 2017. — 437 p.
27. Stassen L. The Comparative Compared // Journal of Semantics. — 1984. — Vol. 3. — P. 143–182.
28. Ultan R. Some Features of Basic Comparative Constructions // Working Papers on Language Universals (Stanford). — 1972. — 9. — P. 117–162.
29. Yeskeldiyeva B. The ways of expressing comparative relations by means of the forms N-dAyand V-GAn-dAy in Kazakh // Abstracts of the 17th International Conference on Turkish Linguistics. — Rouen, France, 2014. — P. 156.
30. Yeskeldiyeva B., Tazhibayeva S. A Comparison of Equality in Kazakh and Turkic Languages of Siberia // Mediterranean Journal of Social Sciences. — 2015. — Vol. 6, № 4. — MCSER Publishing, Rome-Italy. — P. 398–408.

Сведения об авторе: *Невская Ирина Анатольевна*, доктор филологических наук, профессор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия, e-mail: nevskayairina60@gmail.com

УДК 81

К. Ш. Кязимов

Лянкяранский государственный университет (Лянкяран, Азербайджан)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНА «СИБИРЬ» // «ИБИРЬ»

Аннотация. В настоящее время на территории нынешней Сибири Российской Федерации живут разные этносы. На протяжении многих тысячелетий эти народы жили вместе и несмотря на суровые климатические условия сохраняли созданные ими самими же свой язык, культуру и обычаи. Могущество этих народов и этносов примечателен и тем, что в таких суровых климатических географических местностях не только сумели с достоинством жить, но и обогащали свой язык, сохраняли культурную ценность и традицию. В этой статье рассматриваем, по нашему мнению, некоторые особенности термина «Сибирь» // «Ибирь», который, несмотря на многие исследовательские работы, до сих пор не нашел своего окончательного решения.

Ключевые слова: Сибирь, этнос, Алтай, тюрки, лингвистика, язык, культура.

K. Sh. Kazimov

Lankaran State University (Lankaran, Azerbaijan)

SOME FEATURES OF THE TERM «SIBERIA» // «IBIR»

Abstract. Currently, different ethnic groups live on the territory of what is now Siberia of the Russian Federation. For many millennia, these peoples lived together and, despite the harsh climatic conditions, preserved their language, culture and customs, created by themselves. The power of these peoples and ethnic groups is also notable for the fact that in such harsh climatic geographical areas they not only managed to live with dignity, but also enriched their language, preserved cultural value and tradition. In this article we

consider, in our opinion, some features of the term «Siberia» // «Ibir», which, despite many research works, has not yet found its final solution.

Keywords: Siberia, ethnicity, Altai, Turks, linguistics, language, culture.

Как известно, Сибирь — большая территория на востоке Российской Федерации. Для многих людей суровый холодный климат Сибири характеризует эти места как объект страха, страданий и лишений. Из-за такого сурового климата не каждый может жить в таких условиях. В свое время ссылка в Сибирь считалась самым суровым наказанием. Но на протяжении тысячелетий в Сибири народы жили безбедно, создавали и сохраняли свой язык, культуру и никуда не переселялись, и это говорит о могуществе этих народов. Поэтому жить в Сибири — это лишь одно из качеств могущественных наций. В Сибири проживает много народов. Как отмечает известный азербайджанский ученый-языковед профессор М. А. Мамедов, «большинство из народов, живущих в Сибири, являются турецкого происхождения» [1, с. 11]. Исходя из этого, считаем, что всестороннее изучение материалов о происхождении этих народов, их языка, культуры, быта является для нас очень важным фактором.

Рис. 1. Коренные народы Сибири

По нашему мнению, вопрос о так называемой «прародине тюрков» все еще остается спорным. Так, например, исследователи К. Т. Лайпанов и И. М. Мизиев утверждают, что «в настоящее время большинство тюркологов склонно считать прародиной тюрков Алтай, Южную Сибирь и Прибайкалье. Мы же склонны считать их первоначальной родиной Волго-Уральский регион, откуда тюркские племена в IV–III тыс. до н. э. расселились во многие регионы Азии и Европы» [2, с. 16]. Авторы обосновывают свои доводы тем, что «Волго-Уральский регион, особенно его степная и лесостепная зоны, имел благоприятные природные условия для быстрого развития населявших его этносов, здесь имелись и отличные пастбища для скота, и леса, богатые дичью и зверем, реки и озера, изобилующие рыбой, залежи полезных ископаемых» [2, с. 16].

Известный исследователь Гахраман Гумбатов в своей книге «Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая» рассказывает об исторической прародине древних тюрков, а также о вкладе тюркских народов в мировую историю, культуру и искусство. Опираясь на результаты своих исследований, автор отмечает: «Гипотеза о том, что Алтай является прародиной всех современных тюркских народов, и что именно здесь сформировался первоначально язык древних тюрков, не может быть принята. Исторической прародиной древних тюрков является Южный Кавказ. Древние тюрки в 6 тыс. до н. э., освоив отгонное скотоводство, в течение последующих 2 тысячелетий не покидали свою прародину — юго-западное побережье Каспия. Затем, когда тюркская общность численно возросла, часть из них, в поисках новых пастбищ двинулись в северном направлении вдоль западного побережья Каспия» [3, с. 33].

Такому эмоциональному выводу исследователя ответ академика Низами Джафарова уместен и считаем, что справедливо замечание автору указанной книги: «Что касается острой критики Г. Н. Гумбатовым теории алтаеведения, насчитывающей несколько веков, не хотелось бы ни полнотой соглашаться с автором, ни выступать против. Существуют аргументы, настоятельно свиде-

тельствующие в пользу алтаеведения, точнее выражаясь, в пользу единства корней (и языков) алтайских народов...» [4, с. 4]. Считаем, что эти высказывания можно отнести и к мнению К. Т. Лайпанова и И. М. Мизиева.

Рис. 2

Немаловажным фактором считаем существующие сведения о сибирском этносе, которые можно найти преимущественно в русских письменных источниках XVII века. Не исключено, что многих исследователей России и других постсоветских республик, кроме вопроса о прародине тюрков, привлекали история, язык и традиции народов Сибири, которые неоднократно проводили исследования даже в ее отдаленных районах. Одним из таких вопросов, над которым задумался и проф. М. Мамедов, является слово «Сибирь», вокруг которого до сих пор существуют разные и по-своему интересные мнения. Думаю, что этимология этого слова до сих пор требует окончательного выяснения. В некоторых источниках отмечается, что о слове «Сибирь» первым в своих научных трудах сообщил Савва Есипов [5, с. 200].

Древний сибирский историк показывает, что Сибирь — небольшой город и расположен на берегу реки Иртыш. «Город принадлежит татарскому хану». Савва Есипов отмечает, что небольшой приток Иртыша назывался Сибирью. Василий Тальшов, один из ученых-историков XVIII века, подтверждает мнение Саввы Есипова и отмечает, что Сибирь образовалась от сочетания двух татарских слов «*Sən birinci* — (ты первый)» [5, с. 200].

Есть и другая версия, возникшая в XIX веке. Эти исследователи отмечают, что слово «Сибирь» имеет этническое значение. Оказалось, что первая форма слова «Сибирь» местным населением произносилась как «Шибирь». Позже под влиянием русского языка звук «Ш» превратился в звук «С». Эту звуковую замену приняли все, получив право гражданства в языках, и включили в карты мира как название «Сибирь». Некоторые ученые считают, что форма «Шибирь» была взята из летописей монголов. Более правдоподобным является слово, в начале которого произносится буква «Ш». Это объясняется тем, что в кыпчакской группе языков слова, начинающиеся на «С», заменяются на «Ш». Следует также отметить, что киргизы и казахи произносят слово «Сибирь» как «ибирь», т. е. не произносится ни «С», ни «Ш». Выдающийся ученый Азербайджана Аббасгулу Ага Бакиханов в своем произведении «Гюлистан-Ирам» пишет, что тюркские топонимы в основном заканчиваются на компоненты «гур», «ур», «ар», «ур» и татарские, аварские, азарские, хазарские, гаргарские [6, s. 76]. Проф. М. А. Мамедов отмечает, что к этому типу относятся уйгурские, башкирские и другие этнические имена [5, s. 201].

Некоторые исследователи XX века, опираясь на новые факты исследования, еще раз доказали, что «Сибирь» — этническое название тюркского происхождения. Они распространились на этой территории в первом тысячелетии до нашей эры и распространены в лесных полосах Западной Сибири, в предгорьях, а также на равнинах. По мнению Ф. С. Кузнецовой, сибиряки — прадеды ухрис, а произошедшие от них этносы — племена хантов и манси [7, с. 27].

По письменным источникам вышеуказанного периода, одним из первых вариантов слова «Сибирь» является форма «Сипира». Считаем, что многие исследователи справедливо отмечают близость этого слова к произношению татарского языка.

Рис. 3

Общеизвестно, что слово «этноним» означает название народа. По своему происхождению это греческое слово, означающее *этнос* — народ и *онама* или *онам* — имя. Появление этнонимов стало возможным в процессе самосознания людей. Люди сначала придумали название завоеванным ими территориям. Если они селились в лесной местности, то называли себя «лесными людьми», а тех, кто жил и селился в горных и предгорных районах, называли «горцами». Иногда бывали случаи, когда на одной территории проживали племена с разными языковыми группами. Формирование этноса здесь происходило постепенно, преобладали двуязычные условия, стремились создать общие духовные и материальные знания, проживая на одной территории.

Причина возникновения этносов возникла из соотношения противостояния себя другому. По этой причине этносы возникли двояким путем: путем самого народа, называющего себя, и путем чужеродного племени. Этот процесс касается и сибирских этносов. Приводим известные тюркологам некоторые примеры: «Так, например, все чукчи называют себя «ликчоравецчин», что означает «настоящие люди». Чукчи в Тундуре называют себя «завчу», что означает «хранитель оленей». Коряки, жившие у моря, также называли себя: другие Нимилчу. Слово «Ным» означает «поселок, город» [5, с. 201]. Современные юкагиры также называли себя «о~~д~~ул» или «ва~~д~~ул». Слово якут возникло в русском языке и было заимствовано от **тунгусов**. «Тунгу» называют якутов «Яко», а якуты называют себя «Саха».

Тунгу обитают в таежной части Восточной Сибири. Поскольку они ведут кочевой образ жизни, ареал их распространения велик. В настоящее время этот термин стал архаичным, и вместо него появились новые термины. Опираясь на свои исследования, проф. М.А. Мамедов считает, «что по мнению местных жителей, **тунгу** — выходцы из Средней Азии. На новых территориях их называли несколькими именами. **Нешидальские** эвены, живущие в Амуре и по побережью, смешаны с **нивхамскими** и **ульчамскими** народами. **Нешидал** означает «прибрежный народ», и их основное занятие — рыбная ловля» [5, с. 203]. Далее М. Мамедов выдвигает такую гипотезу, что «слова, начинающихся на «ур», связаны с рельефом (или же высотными местностями). Например: **Урал**, **Ургенч**, **Уренгой** и т.д.» [5, с. 203]. При рассмотрении географического расположения этих местностей слова профессора находят свое подтверждение.

Амурские народы — нанайцы, ульчи, ораки, удэгей объединены под общим названием и называют себя «наничами». У нанайцев нани означает местный, родной. На языке ульчи слово «нан» означает «почва», а «ни» — «люди». Оказывается, нани «употребляется в значении местного населения». Наряду с другими именами Ороты, Ораки и Ульчи также называли себя «нани». И тут М. Мамедов отмечает, что тюркские этносы всегда делились на три клана. Например: *улу джус*, *орта джус* (средний джус), *кичик джус* (младший джус); узбеки на *минлар* (тысячи), *юзлар* (сотни), *гырхлар* (сорок), а огузы на *гага огуз* (т. е. старший огуз), *сары огуз* (желтый огуз), *гара огуз* (черный огуз) и т.д. Следует отметить, что в быту тюркоязычных народов цифра 3 имеет важное значение. Их чаще употребляли особенно в сказках: *с неба падало 3 яблока*; *старшие говорили, трижды надо пытаться, передо мной появились 3 дороги* и т.д. [5, с. 203]. Исходя из этого проф. М. Мамедов

утверждает, что «эти термины доказывают то, что Ороты, Ораки и Ульчи являются этносами тюркского происхождения» [5, с. 204].

У большинства народов мира до сих пор сохранились этнонимы, означающие «человек». Значение слова «**нанцы**» у народов Сибири также означает «человек». **Мане, геты, нанайцы, нивцы и эскимосы** этнос также начинаются со значением «человечек». Начиная с 20 века, русские начали полностью завоевывать Сибирь, и на этот раз не только как территорию, но и как страну. С этого времени большинство этнонимов сибирских народов слились друг с другом. В основном они влились в якутский и бурятский народы. Постепенно они забыли свои первобытные обычаи и подверглись изменению под влиянием русских.

Сибирские народы лингвистически разделены на разные языковые семьи. Эти семьи, в свою очередь, делятся на группы, объединяющие вокруг себя несколько языковых групп. Смещение и скрещивание этих народов, постепенно влияют на их традицию, обычая и язык. Многие этносы ассимилировались. Уже доказано, что чукотско-камчатская языковая семья является одним из древнейших языков мира. Эти языки принципиально отличаются от других языков словарным запасом. Итак, эта группа занимает главное место в языке слов.

В заключение хочется особо отметить, что ученые, особенно турецкие и азербайджанские, должны искать ответы на подобные вопросы посредством собственных научных исследований. Следует придать значение этому направлению. Это откроет новые исторические истины о тюркских огузах Азербайджана. Также тема Сибири должна войти в число их научных задач, обращенных не только к далеким землям, но и к их собственным историческим корням. К сожалению, тюркологи часто уделяют особое внимание тюркским народам, более крупным, близким к Европе или обладающим мощью европейского региона, и забывают об изучении других тюркских народов, которые являются ведущими народами Азии и занимают наибольшую территорию. Поскольку эту работу проводят исследователи из других стран, допускаются очень серьезные искажения. Изучая историю любого тюркского этноса с точки зрения лингвистики, можно дополнительно уточнить древнюю историю общетюркских народов.

Список использованных источников и литературы

1. Məsudi Dövrən. Sibir etnosları haqqında Ekologiya, Fəlsəfə, Mədəniyyət jurnalı. — Bakı, 2008. — №: 46.
2. Лайпанов К. К., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. — Черкесск: ПУЛ, 1993. — 138 с.
3. Гумбатов Г. Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая. — М., 2011.
4. Джафаров Н. Предисловие к книге «Гумбатов Гахраман. «Историческая прародина тюрков. От Арана до Алтая».
5. Məsud Məmmədov. Təsviri və ümumi dilçilik problemləri., «Elm və Təhsil». — Bakı, 2023. — səh. 200.
6. Abbasqulu Ağa Bakıxanov. «Gülüstani-İrəm». — Bakı, 1926.
7. Кузнецова Ф. С. История Сибири. — Часть 1. — Новосибирск, 1997.

Сведения об авторе: *Кязимов Кямран Шахверан оглу*, доктор филологических наук, профессор Лянкяранского государственного университета, проректор по социальным вопросам, г. Лянкяран, Азербайджан, e-mail: kkamran@mail.ru

УДК 93/94

Е. А. Шестера

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ТЕЛЕУТОВ ПО ДАННЫМ РЕЧЕВОЙ ИНТОНАЦИИ

E. A. Shester

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

HISTORICAL CONTACTS OF TELEOUTS ACCORDING TO SPEECH INTONATION DATA

Телеутский язык — язык немногочисленного тюркоязычного этноса телеутов (самоназвание: тадар киж, телеңит ~ телеңет ~ телеңут ~ телеут киж).

Самая многочисленная группа телеутов в настоящее время проживает в Беловском районе Кемеровской области, по рекам Большой и Малый Бачат (пп. Беково (Челухоево), Заречное, Верховская, Шанда, Черта, Каменка, Улус). В научной литературе она известна под названием «бачатские телеуты» (самоназвание: пайат киж). Другая небольшая по численности группа телеутов проживает совместно с шорцами в п. Телеуты Заводского района г. Новокузнецка Кемеровской области. Около 200 человек живут компактно на территории Алтайского края. В настоящее время в Республике Алтай сколько-нибудь значительные группы телеутов отсутствуют. Название «телеутский язык» традиционно относится к языку, на котором говорят телеуты, проживающие на территории Кемеровской области по рекам Большой и Малый Бачат. По данным переписи 2010 года, говорит на телеутском языке 1 892 чел. из общего числа телеутов в 2 650 чел. [9].

Телеутский язык, до недавнего времени считавшийся, как и теленгитский, диалектом алтайского языка, в настоящее время признан самостоятельным языком. Была выдвинута гипотеза о том, что по интонации телеутские высказывания отличаются от других тюркских, интонация которых описана: теленгитских [5, 6], хакасских [4], татарских [2] и якутских [1], и обладают качественным своеобразием в соответствии с теорией В. М. Наделяева об артикуляционно-акустической базе (ААБ) этноса [8]. ААБ предполагает проявление в языке субстратных черт в качестве отличительных признаков на фоне общих, принадлежащих родственным языкам.

В настоящее время тюркские языки, выделяясь в отдельную группу, обладают многими схожими чертами. Н. А. Баскаков объясняет это их общим происхождением [3]. Согласно фонетической классификации тюркских языков по историческому принципу, телеутский и татарский относятся к новейшим языкам, то есть сохраняют минимальное количество тех характеристик сегментных единиц, которые встречаются в некоторых других тюркских языках, а также зафиксированы в памятниках, поэтому квалифицируются как обще- или древнетюркские [7]. Из языков Южной Сибири к хорошо сохранившим древние черты относятся якутский и хакасский [7]. С целью выявить общие черты (то есть более древние в телеутском, согласно концепции С. Е. Малова), сравним интонационные системы данных языков.

И. Е. Алексеев описывает только мелодику вопросительных высказываний якутского языка [1]. Нами кроме мелодики подробно изучается такой интонационный параметр, как интенсивность голоса, а также соотношение пиков частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности в высказывании. У. Ш. Байчура, К. Н. Бичелдей и О. Ф. Герцог помимо мелодики и интенсивности включают в исследование длительность произнесения гласных. В связи с последним обстоятельством не все данные являются в равной мере сопоставимыми.

Исследование ЧОТ и интенсивности высказываний телеутского языка позволяют говорить о системах проявления интонационных черт.

1. Восходяще-нисходящий рисунок частоты основного тона в утвердительном высказывании и специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ в общем вопросе, что мож-

но объяснить проявлением лингвистической универсалии. Во многих исследованных языках в завершенных повествовательных высказываниях, произнесенных изолированно, реализуется деклинация (понижение ЧОТ), а в вопросительных — инклинация (повышение ЧОТ) [11, 12].

2. Большая вариативность контура ЧОТ в специальном вопросе и восходяще-нисходяще-восходящий рисунок ЧОТ (а не восходящий контур ЧОТ, согласно теории об интонационных универсалиях) в общем вопросе, что, возможно, является акцентной чертой телеутского языка.

3. Локальные изменения мелодики в произнесении многих дикторов, находящиеся на общем контуре ЧОТ и в целом не меняющие представления об интонационном рисунке данного высказывания. Эти изменения, вероятно, не имеют фонологической значимости, так как появляются в речи разных дикторов в случайном порядке, на разных слогах, в различных высказываниях.

4. Частотное отношение обратной пропорциональности пиков интенсивности и ЧОТ объединяет многие исследованные тюркские языки: телеутский, хакасский [4], теленгитский диалект алтайского [5, 6] в Южной Сибири и татарский, горно-башкирский, чувашский языки, причем У.Ш. Байчура отмечает, что данная особенность встречается в периферийных областях и, возможно, связана с южно-тюркским влиянием на язык-предшественник современного татарского литературного языка в определенном диахроническом срезе [2].

5. Увеличение длительности гласного — не одновременно с интенсивностью перед мелодическим центром, как в теленгитском и хакасском, а в финальной частице *па* некоторых общих вопросов, подобно конечному гласному глагола в вопросах без вопросительного слова и вопросительной частицы якутского языка и последнему гласному в высказываниях татарского языка [10].

Согласно полученным данным, исторически интонация телеутского имеет сходство с интонацией татарского (особенно в периферийных областях языкового ареала) [2], теленгитского [5, 6] и хакасского языков [4].

Таким образом, языковое сходство проявляется в большей степени в зоне исторических контактов народов Алтая и Хакасии, включая...южно-тюркское влияние на язык-предшественник современного литературного татарского языка [2].

Список использованных источников и литературы

1. Алексеев И. Е. Вопросительное предложение в якутском языке. — Якутск, 1982.
2. Байчура У.Ш. Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками: автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., 1962.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. — М., 1988.
4. Бичелдей К.Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. — М., 2001.
5. Герцог О.Ф. Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках. — Новосибирск, 1986.
6. Герцог О.Ф. Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Звуковые системы сибирских языков. — Новосибирск, 1989.
7. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI. — Вып. 2. — М., 1952.
8. Надеяев В.М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. — Новосибирск, 1986.
9. Уртегешев Н.С. Телеутский язык // Сибирская историческая энциклопедия. — Т. III. — Новосибирск, 2009.
10. Шестера Е.А. Интонация вопросительных высказываний телеутского языка (в сопоставительном аспекте) // Сибирский филологический журнал. — № 1. — Новосибирск, 2014.
11. Chen A. Universal and language-specific perception of paralinguistic intonational meaning. URL: <http://www.lotpublications.nl/publish/articles/001170/bookpart.pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
12. Hirst D., Cristo A. di. Intonation Systems: A Survey of Twenty Languages. — Cambridge, 1998.

Сведения об авторе: Шестера Елена Александровна, преподаватель Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия

УДК 93/94

К. Ш. Омонов

Ташкентский государственный институт востоковедения (Ташкент, Узбекистан)

ТИПЫ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИИ СТАРОТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье освещается вопрос неизученности названий официального текста и его видов в качестве языкового явления в тюркологических исследованиях, посвященных изучению документов. В научной работе проанализировано свыше десяти видов документов, использовавшихся в канцелярии и делопроизводстве в тюркских государствах в VII–XV веках. Виды документов определены на основе сопоставления с документами, созданными в средних веках, наряду с этим некоторые виды документов определены и доказаны на основе сведений, приведенных в письменных источниках того периода. Упоминание названия документа в письменных источниках является доказательством того, что данный вид документа сформировался в качестве самостоятельного вида официального текста.

Ключевые слова: виды документов, канцелярия, делопроизводство, грамота, ярлык, договор, термин.

K. Sh. Omonov

Tashkent State University of Oriental Studies (Tashkent, Uzbekistan)

TYPES OF DOCUMENTS IN THE HISTORY OF THE OLD TURKIC LITERARY LANGUAGE

Abstract. The article highlights the issue of the lack of study of the names of the official text and its types as a linguistic phenomenon in Turkic studies devoted to the study of documents. The scientific work analyzes over ten types of documents used in office and office work in the Turkic states in the 7th-15th centuries. Types of documents are determined based on comparison with documents created in the Middle Ages, along with this, some types of documents are identified and proven on the basis of information given in written sources of that period. The mention of the name of a document in written sources is evidence that this type of document was formed as an independent type of official text.

Keywords: types of documents, office, office work, charter, label, agreement, term.

До сих пор в тюркологии не полностью изучены вопросы возникновения официального стиля, структура текста официальных документов, система терминологии документов тюркского языка. Наряду с этим в исследованиях по документоведению название и вид официально-го текста не были изучены в качестве языкового явления.

Название документа возникает и используется в качестве средства, показывающего отдельность документа конкретного вида. Правильно подобранное и обоснованное название документа дает сведения о содержании документа, его задачи в делопроизводстве, сути официального текста, использования и области его применения. Наряду с этим название определяет содержание документа, цель и контекстную нагрузку документа.

В преобладающем большинстве случаев название документа опирается на опорные понятия и слова (в основном на глаголы) текста, вступает с ними в неразрывную семантическую связь. Глагол, выражающий основную цель официального текста, в название текста используется в качестве отглагольного существительного. Вокруг опорного слова возникают синтаксис текста, постоянная структура и словосочетания.

Вид официального письма — это исторически сложившийся и используемый в государственном и судебном производстве текст. Название — это конкретный знак, показывающий вид документа, он возникает и реализуется в каком-либо виде письма. Понятие вида официального письма гораздо

шире понятия названия документа. В названии документа находит свое отражение идеология и мировоззрение общества, языковая ситуация общества, вид же лишен всех этих характеристик. По истечении известного времени название документа может меняться, а какое-либо официальное письмо в качестве самостоятельного вида остается и продолжает выполнять свои функции в делопроизводстве государства и общества и административных институтах.

Времена и общества меняются, что в свою очередь влияет на содержание и структуру официальных текстов. Виды документов в соответствии с требованиями и стилем времени меняют свои названия на современные. Новая идеология, новый стиль требуют нового названия.

Виды документов, действовавшие на определенном этапе развития общества, были определены при помощи дошедших таких же документов, а некоторые — на основе сведений письменных источников написанных в тот период. Упоминание названия документа в письменных источниках свидетельствует о том, что данный вид официального текста сформировался в качестве самостоятельно вида официального документа.

Ниже мы сочли возможным привести некоторые документы, использовавшиеся в делопроизводстве в государственных учреждениях в средние века:

Yarlıġ. Один из видов документов, сформировавшихся в самые древние времена. Yarlıġ — общее название документов, которые обозначали письмо, обращение, приказ кагана [1]. В канцелярии гуннов этот термин также использовался как обозначение документа «приказ кагана». В истории делопроизводства тюркских народов Yarlıġ имел особое значение в качестве отдельного вида документа делопроизводства. Использование данного документа в тюркских канцеляриях от века к веку от султаната к султанату все более расширилось. В средние века под этим термином понимались все официальные тексты и документы, имеющие отношение к правителю. Исследователи, изучавшие документы прошлого, указывают следующие виды Yarlıġ (грамота) [2]:

1. Указы (государственные законы, приказы и административные распоряжения).
2. Грамоты, дающие какие-либо льготы («тархонлик» — документы об освобождении от суда и налогов; «суюргал» — грамоты, которыми награждали за заслуги перед государством; документы о назначении человека на какую-либо должность; документы, обеспечивающие безопасность слов и торговцев/купцов; документы о сдаче в аренду учреждений, принадлежащих государству).
3. Грамоты-письма (грамоты, направляемые зависимым государствам).
4. Договора (договора между равноправными сторонами).

В настоящее время термин yarlıġ сохранился в составе словосочетания *išanç yarlıġı*, обозначающего вид дипломатического документа, который предоставляется послом одного государства руководителю другого государства.

Nišan. В XIV–XV веках в государственных и судебных учреждениях наряду с термином «Yarlıġ» использовался термин «нишон» в качестве правового наименования равного Yarlıġ документа. Некоторые сохранившиеся с эпохи Тимуридов государственные документы имели именно такое название. В частности, в васике от 1422 года Шохруха Мирзо этот термин встречается в следующем словосочетании: «*pak nišan bermiş erdik*» — «мы дали настоящий документ». На оборотной стороне этого документа есть другая отметка, указывающая использование термина «нишон» в качестве названия документа. На этой отметке записано имя владельца о получении документа: *nišanni Ismail aldı*.

Bitim. Еще один вид документа, возникший и сформировавшийся в древние времена — это «битим». Этот термин встречается в названии древнего тюркского письменного документа [*bitim*], относящегося приблизительно к VII веку, который был найден в архиве Деваштич [3]. Данная лексическая единица имеет значение «письменное соглашение, примирение в письменной форме» и образовано от глагола *bit-* посредством присоединения аффикса *-m*, образующего отглагольное существительное (*bit-*, *bit-i-*, *bit-i-m*). В юридическом делопроизводстве имел значение «письменное соглашение, письменный договор» (дипломатическое соглашение). Этот термин, использованный в официальных текстах именно в этом значении и в таком виде, сохранился на протяжении веков и используется до сих пор в практике официальных документов.

Bildürgülük. Это один из древнейших видов документов, входящих в тексты дипломатической переписки. Термином «*bildürgülük*» именовалось дипломатическое письмо, направляемое в соседнее государство с целью сообщения о том, что на престол сел новый каган. Лексема «*bildürgülük*» созда-

на двумя словообразовательными моделями, сначала от основы глагола *bil-* в значении «знать» путем прибавления аффикса формы прошедшего времени *-dū* и залогового аффикса *-g* образован глагол *bildūr*. Затем к нему присоединены аффикс *-gū*, образующий прилагательное и аффикс *-lūk*, образующий имя существительное.

Используемые в практике делопроизводства современного узбекского языка термины «билдир-ги», «билдирув» — вновь воссозданные исторические термины, что является доказательством непрерывности наименований документов делопроизводства узбекского языка.

Bitig. К XI–XII векам образование термина, обозначающего название и вид документа в основном шло по пути расширения значения некоторых слов, использованных в то время. В соответствии с этим лексические единицы, используемые в повседневной жизни, в текстах выполняли роль терминов. Например слово «битиг» в разговорной речи использовалось в качестве наименования книги, чего-либо написанного (*bit-*, *bit-i-*, *bit-i-g*). В текстах официального стиля имело значение «документ, акт, справка». Этому есть много доказательств. В рукописи, хранящейся в Берлинском фонде под № U 5239, мы встречаем такое использование данного термина: «*bu bitigni men Buyan Tāmūr ōz iligin bitiyū tegintim*» — «этот документ написал собственноручно я сам Буян Темир». Именно с этого документа началась новая жизнь документа, лексема битиг стала основой образования наименования около десяти документов. В качестве примера можно привести такие термины, как *baš bitig*, *čīn bitig*, *čīn baš bitig*, *idiš bitig*, *ōj bitig*, *vučūj bitig*, *yantut bitig*, *ata bitigi*, *bodun bitig*, *ōtūg bitig*, *bičgās bitig*, *birt bitig*, активно использовавшиеся в XI–XIV веках в государственном и судебном делопроизводстве тюркских султанатов. Компонент «нома» в таких лексемах-терминах как «баённома», «тавсиянома», «тавсифнома», «маълумотнома», «ишончнома», «гувоҳнома», «йўриқнома», «шартнома», «қайднома», «далолатнома», используемых в современном документоведении, полностью заменил лексему «*bitig*», которая использовалась в этих терминах в древние и средние века. В древнем государственном и судебном производстве компонент «*bitig*» выполнял функцию лексемы «нома», используемой в современном документоведении. Сейчас в преобладающем большинстве официальных документов используется лексема «нома». Частое использование этой лексемы «стирает» ее значение, ослабляет стиль. В соответствии с этим в делопроизводстве в зависимости от ситуации целесообразно использовать и лексему «нома», и лексему «*bitig*».

Baš bitig — основная, подлинная, главная справка. Основной документ, дающий собственнику право владения. Он является основным юридическим документом, удостоверяющим право владения имуществом, землей, водой, рабами или слугами правовым собственником/правовой личностью. «*Baš bitig*» гарантирует с юридической стороны право владения рабом или землей. При продаже собственником земли составлялся новый документ, который оставался у покупателя и считался главным документом «*bitig*». В одной из васик/документов, хранящихся в Берлинском фонде, есть запись, которая показывает суть этого правового термина. На оборотной стороне рукописи, хранящейся под № U 5240, написано следующее: «*Pukiñ atliğ er qarabašnñ baš bitigi ol*» «подлинная васика слуги под именем Пукинг именно этот документ» [4]. Этот вид документа входил в основном в виды деловых документов, связанных с оформлением передачи-получения, купли-продажи между людьми.

Čīn bitig. Čīn baš bitig. Использовался в значении действительный, подлинный, истинный документ. В официальном стиле встречаются такие варианты, как «чин битиг» (подлинный битиг) и «чин бош битиг» (подлинный главный битиг). В частности, в рукописи под № U 5295 встречается «чин бош битиг» (подлинный главный битиг): «*s(ä)ndäki idiš bitigni birip manga čīn baš bitig qīlip idğil*». — «Отдай свой временный документ, приготовь и отправь мне подлинный главный битиг». То, что название документа имело два варианта, могло служить усилению юридической силы документа.

Bodun bitigi. Анализ документов показывает, что в тот период развития в управлении обществом существовал институт *эл, будун, эл-будун* (община). Этот институт, именуемый как сказано выше, *эл, будун, эл-будун* имел полномочия обращаться к правительству и представителям власти с просьбами о понижении суммы конкретных налогов, с жалобами на незаконные действия собственников. Документы, составленные в таких случаях, именовались «будун битиги». Наряду с этим сумма/размер процентов, прибыли, выгоды, получаемых от конкретной купли-продажи, определялись на основе законов и правил этого института. Это показывает, что в тот период существовал «народный нотариат».

Институт управления «*эл, будун, эл-будун*» — это средневековый вариант института махали, существующей в наше время, что может служить примером того, что традиции самоуправления

в истории нашей государственности развивались и продолжают последовательно и непрерывно развиваться.

Boşuğ — разрешительный документ, выдаваемый правителем посланному дипломату. Корень этого слова «boş» — в значении «свободный, вольный». Как пишет Махмуд Кашгарий, документы, в которых говорилось о дарении и благодарности послам, тоже имели такое название. Гораздо позже этот правовой термин использовался как обозначение подарка и еды, приготовляемой для родственников, приехавших издалека, звучал он как «boşuğ aşı» — «разрешительная еда» [5]. Это пока-зывает своеобразие и особенности использования правового термина в народной речи.

Yumuş — посредничество между двумя и более лицами, посредничество в обмене между ними новостями. Этот термин использовался в значении «посредническое послание» [6].

Bičğas bitig. Письменное согласие, соглашение, клятва между людьми, существует также вариант этого термина — «bačığ». В Диване дается также стихотворный отрывок, связанный с этим правовым термином [7].

Tutsuğ. Использовался в значении «завещание», в Диване дается следующий формуляр, связанный с этим термином: «Män aḡar tutsuğ tutuzdım» — «Я передал ему завещание» [8].

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать выводы о том, что правильно подобранное название упорядочивает структуру и систему документа, а через официальный текст упорядочивается хозяйственная, политическая и культурная жизнь всего государство.

Список использованных источников и литературы

1. Махмуд Кошғари. Девону луғатит турк. Тошкент, 1963. III жилд, 49 б.
2. Усманов М. А. Термин «ярлык» и вопросы классификации официальных актов ханств Джуче-ва Улуса // Актовое источниковедение. — М., 1979. — С. 243–244.
3. Бернштам А. Н. Древнетюркский документ из Согда // Эпиграфика Востока. — V. М.; Л., 1951. — С. 65–75.
4. URL: Turfanforschung. com.
5. Кошғарий Махмуд. Девону луғатит турк. — Тошкент, 1960. — I Ж., 352.
6. Кошғарий Махмуд. Девону луғатит турк. — Тошкент, 1963. — III Ж., 19.
7. Кошғарий Махмуд. Девону луғатит турк. — Тошкент, 1960. — I Ж., 352, 427.
8. Кошғарий Махмуд. Девону луғатит турк. — Тошкент, 1960. — I Ж., 429.

Сведения об авторе: *Омонов Кудратулла Шарипович*, доктор филологических наук, профессор кафедры тюркских языков Ташкентского государственного института востоковедения, г. Ташкент, Узбекистан

УДК 811.512.151

Н. Н. Тыдыкова

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ В АЛТАЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье речь идет о категории «имя действия» в современном алтайском языке в сравнении с турецким языком. Данная категория рассматривается в свете теории вторичной репрезентации действия. Если в турецком языке имеется несколько форм имени действия, то в алтайском языке к этой категории относится лишь одна форма с показателем *-(BI)ш*. Автором дается подроб-

ная характеристика данной формы имени действия в обоих языках, рассматриваются все именные и глагольные признаки данной категории, дается определение имени действия как глагольной формы, обозначающей предмеченное действие.

Ключевые слова: алтайский язык, турецкий язык, имя действия, лексикализация, глагольный признак, залог.

N. N. Tydykova

The Budgetary Scientific Institution of Altai Republic «Scientific-Research Institute of Altaistic named S. S. Surazakov» (Gorno-Altaysk, Russia)

COMPARATIVE-TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE NAME OF THE ACTION IN THE ALTAI AND TURKISH LANGUAGES

Abstract. The article deals with the category of «the name of the action» in the modern Altaic language in comparison with the Turkish language. This category is considered in the light of the theory of secondary representation of action. If in the Turkish language there are several forms of the name of the action, then in the Altai language only one form with the indicator *-(Y)sh* belongs to this category. The author gives a detailed description of this form of the name of an action in both languages, considers all nominal and verbal features of this category, and defines the name of an action as a verbal form denoting an objectified action.

Keywords: Altai language, Turkish language, the name of the action, lexicalization, Verb attribute, voice.

Целью статьи является исследование категории «Имя действия» в современном алтайском языке в сравнении с турецким языком. При этом данная категория рассматривается в свете концепции вторичной репрезентации, разработанной профессором В. Г. Гузевым [1, с. 56–64; 2, с. 1987; 3, с. 1990], которая объединяет кроме имени действия (глагольные субстантивные формы) ряд других частных форм (категорий): причастия (глагольные адъективные формы), субстантивно-адъективные формы (САФы) и деепричастия (глагольные адverbиальные формы). Категория вторичной репрезентации действия связывает данные глагольные именные формы со стандартными мыслительными операциями по преобразованию одной семантики в другую, т. е. семантика действия репрезентируется в образах предмета, признака или обстоятельства. Подобные семантические операции осуществляются окказионально.

Имя действия образуется путем присоединения к глагольной основе определенных аффиксов, наиболее характерными из которых являются: *-мАк*, *-мА*, *-(Ы)ш*, *-(у)в* и др. Активизация каждой из этих форм в различных подгруппах тюркских языков происходит по-разному. Так, для огузских языков характерной формой является *-мАк* и *-мА*, для кыпчакских — формы *-(у)в* и *-(Ы)ш*, для карлукских — форма *-(Ы)ш*.

В современном турецком языке к именам действия относятся формы *-mAk*, *-mA*, *-(y)Iş* и довольно редко встречающаяся (преимущественно в письменной речи) форма *-mAkIlk*.

В современном алтайском языке в качестве имени действия может быть истолкована, пожалуй, только форма *-ыш* с фонетическими вариантами *-иш*, *-уш* / *-үйш*, *-иш*. Тут следует вспомнить, что Н. А. Баскаков в свое время указывал в северных диалектах алтайского языка имена действия с показателями *-мАк*, *-уу*, *-(ы)л*, *[-ган* и *-ар]* [4, с. 48; 5, с. 66; 6, с. 43]. При этом он отмечал, что в современном алтайском литературном языке, как и в его диалектах, имена действия постепенно теряют свое глагольное начало и переходят в систему имен существительных [5, с. 43].

Что касается аффиксов *-мак*, *-(у)у*, *-(ы)л*, то действительно эти аффиксы образуют имена существительные путем прибавления их к глагольной основе. Выделившись из системы глагола не только по функциональному, но и по семантическому признаку, имена действия с перечисленными выше формами полностью лексикализировались. Например: *илмек* ‘крючок’ (от *ил* ‘вешать’), *оймок* ‘наперсток’ (от *ой* ‘проколоть’), *саду* ‘торговля’ (от *сат* ‘продавать’), *кечү* ‘брод’ (от *кеч* ‘перейти (через реку)’, *жыргал* ‘веселье’ (от *жырга* ‘веселиться’) и т. д.

Эти образования потеряли семантику действия и означают только предметы, предметность (например, название орудий, приборов и т.д. и т.п.). Поэтому представляется справедливым, что в существующих грамматиках по алтайскому языку [7, с. 25–28; 8, с. 20; 9, с. 49–50] их рассматривают в разделе именного словообразования. Необходимо отметить, что формы *-мак*, *-уу*, *-(ы)л* образуют имена от ограниченного числа глагольных основ, что еще раз убеждает нас в том, что их нельзя отнести к именам действия, которые, в свою очередь, могут образовываться практически от любой глагольной основы.

Что касается форм *-зАн* и *-Ар*, то они также не могут быть именами действия, так как, согласно концепции вторичной репрезентации действия, под именем действия понимается такая форма глагола, которая представляет действие только как предмет. Формы же *-зАн* и *-Ар* образуют словоформы, которые способны обозначать не только опредмеченное действие, но и действие, представленное как признак. Поэтому мы относим их не к именам действия, а к субстантивно-адъективным формам глагола. То, что одной из функций этих форм является представление действия в качестве предмета, конечно же, сближает их с именем действия. Однако в отличие от имени действия, которое лишено категории времени, субстантивно-адъективные формы не только называют опредмеченное действие (*келгендери унчукпадылар* «пришедшие молчали», *онын келерин билерим* «я знаю о его приходе»), но и действие, представленное как признак, а также характеризуются наличием агентивного значения и временной характеристики: и *келген киж* «пришедший человек», *келер киж* «человек, который придет».

Таким образом, так как именем действия в алтайском языке является форма *-(Ы)ш* и она соответствует турецкой форме *-(I)ş*, сравним именно данные формы имен действия в обоих языках.

Среди современных тюркских языков имя действия *-(Ы)ш* особенно продуктивно в уйгурском, узбекском и туркменском [10, с. 51–76; 11, с. 44], а также в киргизском [12] языках. В каракалпакском и казахском языках по употребительности и словоизменительным свойствам оно стоит после форм *-(У)*, *-мАк* [13; 14].

В алтайском языке имя действия с показателем *-(Ы)ш* является довольно продуктивным, а в турецком языке форма имени действия *-(I)ş* такой продуктивной не является. По сравнению с другими показателями имени действия в турецком языке форму на *-(I)ş* продуктивной считать все же можно, но она не такая производительная, как, например, форма на *-т* (*А*) [15, с. 55].

Имя действия с показателем на *-(Ы)ш*, *-(I)ş* образуется в обоих сравниваемых языках практически от любой глагольной основы: *Яртын айдар болзо, улустын келиши ле конужы торт ло жүректи алган* (БУ, ТТБА, 25) — «Если сказать правду, то хождение и ночевание людей надоели прямо (букв. забрали сердце)». *Баишапкы ла таишацла Терентий атты чанмадан алды* (ЖК, АЖÖ, 21) — «Первым же броском (бросанием) Терентий заарканил коня; *Ben onun gelişini daha önce bildim* (Инф.) «Я знал об ее приходе еще раньше».

О том, что эти образования с показателями *-(Ы)ш* и *-(I)ş* являются именами действия, свидетельствует их семантика, явно содержащая сему процессуальности.

В алтайском языке речь не идет, разумеется, о случаях бесспорной лексикализации, субстантивации этой формы. Например, такие слова, как *күнчыгыш* «восток», *болуш* — «помощь», *өчөш* — «упрямый» полностью принадлежат словарю и истолковываются как имена существительные или прилагательные.

Объединяясь в сложные слова, имя действия на *-(Ы)ш* и *-(I)ş* создает лексические единства, семантика которых зависит от формы и значения компонентов. В пары могут объединяться слова с противоположным значением или, наоборот, слова с близким, даже синонимичным значением: алт.: *киришчыгыш* «вход, вхождение-выход», *барыш-келиш* «отъезд-приезд», *жиши-ичиш* «поедание-выпивание»; тур.: *giriş-çıkış* «вход, вхождение-выход», *geliş-gidiş* «прибытие-отбытие» и т.д. и т.п.

Имя действия *-(Ы)ш* в алтайском и *-(I)ş* в турецком по своим именным свойствам близки к именам существительным как в сфере морфологических, так и синтаксических функций. Они могут принимать именные словоизменительные аффиксы, т.е. аффиксы множественного числа, принадлежности, могут взаимодействовать с послелогом, а также могут выполнять субстантивную синтаксическую функцию, т.е. могут быть именным сказуемым, подлежащим, определением, дополнением, обстоятельством. Рассмотрим эти свойства подробнее.

Имя действия *-(Ы)ш* в алтайском и *-(I)ş* в турецком языках могут:

1) функционировать в обоих языках с показателями принадлежности во всех лицах единственного и множественного числа, при этом может взаимодействовать с послелогами: *Тарыктын жүрегинин тупилдежи тынгый берди* (ИШ, КЈ, 10) — «Сердцебиение Тарыка усилилось»; *Ончо улусты јилбиркедип турган бу космический учуштар ого кандый да ыраак, кандый да јуук эмес немедий көрүнүп турган* (ЧА, ЧУК, 110) — «Эти космические полеты, интересующие всех людей, казались ему как что-то далекое, не близкое»; *Bütün gün o ziyaretlere gidişleri, o misafir kabul edişleri, o mağazadan mağazaya dolaşırları, dans edişleri, giyinişleri, süslenişleri... hep bu hasreti avutmak, bu derdi unutmak içindi* (УКК, КК, 55–56) — «Эти ее визиты к гостям на целый день, эти приемы гостей, эти ее походы по магазинам, танцы, одевания и украшивания себя, — ...все это было для того, чтобы развеять тоску, забыть эту боль».

При наращении именем действия аффиксов принадлежности указывать субъект действия, которому принадлежит «опредмеченное» действие. В этом случае средствами, служащими для выражения принадлежности, помимо аффиксов принадлежности в обоих языках могут выступать имена существительные или личные местоимения: *Колхозтын јаандары менин белетенижимди шиндеп көрөргө келип јат* (ИШ, КЭ, 19) — «Руководители колхоза приезжают для того, чтобы понаблюдать мою подготовку»; *Инганын кыйгастаныжы база токтогон* (БУ, ТТБА, 19) — «Раздражение Инги тоже закончилась»; *Şimdiye kadar her candarma görüşünde eli ayağı kesilirdi* (УК, ВВЕ, 38) — «До сих пор, каждый раз, когда он видел жандармов, у него подкашивались ноги»;

2) выступать в формах категории падежа. Наиболее часто имя действия стоит в дательном (а), винительном (б), местном (в), родительном (г) и исходном (д) падежах, сочетаясь иногда с послелогами:

а) в дательном падеже выступает со значением процесса действия как состояния, направления или цели действия: *Ол зениткалардын адыжына да, туранын јайканыжына да, бомбалар јарылып күзүрегенине де темигип калган* (НТ, К, 4) — «Она уже привыкла и к стрельбе зениток, и к шатастью дома, и даже к громоханию взрывающихся бомб»; *Кере тўжине манташка уладап калган табаштарын јалап, тўлкү јангыс ла араай кынзып турат* (ЧА, ЧУК, 4) — «Облизывая свои лапки, стертые из-за целого дня беготни, лиса, лишь тихо скулит»; *...Bakışlarına sert bir süzgülük ve yürüyüşüne, oturuşına, kalkışına latif bir perişanlık geldi...* (УКК, КК, 78) — «...В ее взгляде (букв. поглядываниях) появилась какая-то строгость, а в ее походке (букв. ходьбе), в том, как она садилась, вставала, появилась привлекательная небрежность...»;

б) в винительном падеже выступает в значении прямого объекта действия: *Улустын јаан көчүжү керегинде билип алала, Утишка олорло кожо көчөргө сананып алды* (АК, УК, 9) — «Узнав о большом кочевье (переезде) людей, Утишка решил кочевать вместе с ними»; *Эртегизинде Амыр-Санаа черүлер тѳѳѳп, Ургу јаар барарга белетеништи баштаган* (ИШ, КЈ, 89) — «На другой день Амыр-Санаа, собирая армии, начал подготовку для того, чтобы идти в Ургу». *Evet, ilkbahara doğru dairelerden sokağa çıkışını söylüyordum* (RNG, МТ, 122) — «Да, я говорил о том, что ближе к весне я выходил из комнат на улицу»;

в) в местном падеже выражает процесс действия, служащий показателем характера совершения действия или места: *Түнде өткөн изү согушта өштүнүн огы Адарды адынан јыга соккон* (АК, УК, 13) — «Во время жаркого сраженья, происходившей ночью, вражеская пуля сбила Адара с коня наповал»; *Танма адар таскаданышта Јаңар бүгүн де аткырын көргүсти* (ИШ, КЈ, 132) — «В упражнениях по стрельбе с мишенями Дьянар и сегодня показал свою меткость»; *Ekseri yüksek sesle kendi kendine konuşlarında diyordu ki...* (НБ, СБ, 278) — «Когда она, чаще всего громко разговаривала сама с собой, говорила себе...»;

г) в родительном падеже имя действия вступает в определительные сочетания, выступая чаще всего в качестве компонента определения изафета третьего типа. Оно может также сочетаться с послелогами и частицами: *Абатынын ийде-күчин бириктире жууп болбогону јендиртишти тѳс шылтактарынын бирүзи болгон* (ИШ, КЈ, 119) — «То, что не смогли объединить силу и мощь народа, было одной из основных причин поражения»; *Таскадыныштын кийинде уулдар айылдарына јанды* (ИШ, КЈ, 63) — «После тренировок юноши пошли домой»; *İçinde bir dost kaybedişin acısı var* (НБ, R, 110) — «У него болит все внутри от потери друга»;

д) в исходном падеже имя действия выступает в качестве компонента косвенного дополнения, выражая при этом косвенный объект или причину совершения действия: *Бу орус улус бисти бойынын тергезине жуудып алып, бисти кырылыштан ла өлүмнен аргадаганын ундыбаактар* (ИШ, КЈ,

164) — «Давайте не забывать о том, что эти русские люди, собрав нас в своем государстве, спасли нас от истребления и смерти».

При использовании в алтайском языке имени действия *-(Ы)ш* в исходном падеже отмечается регулярное его взаимодействие с послелогом *улам*, управляющим этим падежом: *Ол чыбыкташтан улам* Окраш айга чыгара оору жаткан эмей. (ИШ, КJ, 6) — «Ведь из-за того избияния (розгами) Окраш пролежал больным около месяца»; *База ла кой жылыйтыштан улам эки жылга барган* (ТШ, ЫЭИ, 232) — «Из-за новых потерь овец (он) сел на два года».

3) Имя действия *-(Ы)ш* в алтайском и имя действия *-(I)ş* в турецком языках могут выполнять функцию и определяемого (1), и определения (2): 1. *Кызылчерүчилдер жуучыл жол-жорыкка белетеништи баштады* (ИШ, КЭ, 80) — Красноармейцы начали подготовку к военному походу. 2. *Тарбаганның кириш ле чыгыш эжиктерин бачым таппазын* (Солонгы, 1991: 11) — Входящие и выходящие «двери» сурка быстро не найдёшь; *Караты-Каан ла Ыскүс-Уулдын ортодо өткөн тартыш жуу, мылтык-бычагы жогынан, амыр-энчү айалгада өдүн жат* (АЧ) — Сразительная война, происшедшая между Караты-Кааном и Ыскүс-Уулом, проходит без ножей и ружей, в спокойной обстановке;

4) Имя действия *-(Ы)ш* в алтайском языке может функционировать в высказывании в качестве подлежащего (а), сказуемого (б) и определения (в): а) *Кычырыш — тилге ле чын бичиирине үрентен төс аргалардын бирүзи* (БУ, ТТБА, 214) — «Чтение — один из центральных способов обучения языку и правописанию»; б) *Эрмитаж — Ленинградта жаткандардын эн бийик оморкожы* (БУ, ТТБА, 27) — «Эрмитаж — самая высокая гордость живущих в Ленинграде»; в) *Жемире соккон стенениң кыриш-чыгыш жерлери Полянын үстүндө бийикте карарат* (НТ, К, 13) — «Заходящие и выступающие места разрушенной стены высоко темнеют над Полей».

В турецком языке имя действия *-(I)ş* может функционировать в предложении как подлежащее (а), сказуемое (б) и обстоятельство (в): а) *...ağlamalar, öpüşmeler içinde barış-görüş olunuyordu* (RNG, YD, 73) — «...в слезах и поцелуях зарождалось примирение»; б) *bu gidiş iyi bir gidiş değil* (RNG, YD, 59) — «Этот путь — нехороший путь»; в) *Şimdiye kadar her candarma görüşünde eli ayağı kesilirdi* (YK, BBE, 38) — «До сих пор, каждый раз, когда он видел жандармов, у него подкашивались ноги».

В составе изафетов второго и третьего типа в турецком языке выполняется также функция определения (а) и определяемого (б): а) *Evet, ikisi de çocuklarını ihtimal, aynı kuvvetle seviyorlardı, fakat ne yalık bu seviş tarzları başka idi* (RNG, YD, 50) — «Да, возможно, они оба любили своих детей одинаково сильно, но к сожаленью, каждый по-своему»; *Gelişinizin sebebinin sorabilir miyim?* «Могу ли я спросить причину Вашего прихода?»; б) *Horoz ötüşiyle uyandım* «Я проснулся с криком петуха»; *Esen royrarı, yelen yavaş yavaş dinleşini dinledi* (YK, BBE, 320) «Он слушал, как дул северо-восточный ветер, и то, как он постепенно стихал».

По своим глагольным свойствам имя действия в алтайском и турецком языках близки к глаголу. Это выражается в первую очередь тем, что оно имеет сему процессуальности, т. е. оно обозначает действие, процесс или состояние, представленное в образе предмета. Однако следует отметить, что имена действия в обоих языках не имеют агентивного значения, т. е. в их значении нет информации о производителе действия (агенсе). Эта функция выполняется «с помощью средств, служащих для выражения принадлежности», т. е. с помощью аффиксов принадлежности [1, с. 58].

Одной из важных особенностей имен действия *-(Ы)ш* в алтайском и *-(I)ş* в турецком языках является и то, что они не имеют отрицательной формы, т. е. они не обладают категорией статуса. Значение отрицания выражается аналитическим путем, посредством отрицательного слова *жок* в алтайском языке и *уок* в турецком языке: *Жайым отурыш жок, улусты эртеннен ле ала белетенишке көдүрер керек* (ИШ, КJ, 100) — «Спокойного посидивания нет, с завтрашнего же дня надо поднимать людей на подготовку». *Мындый шүүжү блааш-тартыш жок өтпөзү жарт* (АЧ, 21, 89) — «Ясно, что такое обсуждение не пройдет без споров-сражений»; *Bundan böyle geliş gidiş yok* «Теперь мы уже не будем так запросто ходить друг к другу».

Данные конструкции указывают на невозможность или отсутствие необходимости совершения действия. В этом случае имя действия, как правило, употребляется в основном падеже.

Следует отметить, что одной из основных особенностей имени действия *-(Ы)ш* в обоих языках является то, что оно взаимодействует с залогами: *Качан албатыда ак санаалу, кижиге жалакай, килемкей. жаан ийде-күчтү ле ойгор көзүстү батыр бүтсе, ол тушта жуу-чак, кан төгүдүш, кырыдыш, түрөш жого-*

лор (ИШ, КJ, 56) — «Когда в народе появится герой, с чистыми помыслами, добродушный и жалостливый к людям, могущественный и духовно богатый, тогда исчезнут войны-бедствия, кровопролития (букв. проливание крови), уничтожения, бедность»; *Албатынын ийде-күчин бириктире жууп болбогону жендир-тиштиг тос шылтактарынын бирүзи болгон* (ИШ, КJ, 119) — «То, что не смогли объединить силу и могущество народа, было одним из основных причин того, что их победили»; *Оштүлөр чеберленишти ле сергектеңишти тынгыдып ийдилер* (ИШ, КJ, 149) — Неприятели усилили бережливость и осторожность по отношению к себе; *Агалу-ийнилуңин андый таскадыңыжын Немеке тууразынан көрүп турды* (ИШ, КJ, 63) — «Немеке рассматривал со стороны то, как тренируются старший и младший братья»; *Взвод-тын корулаңышка жеезеген јеринин сол учында полктын ла батальоннын командирлериле кожо солун эки командир турдылар* (ИШ, КЭ, 59) — «С левого конца от места, сооруженного взводом для того, чтобы защищаться, вместе с командирами полка и батальона стояли два новых командира».

Имя действия *-(Ы)ш* не имеет собственного временного значения, т. е. оно индифферентно к временным характеристикам передаваемых им действий.

Таким образом, глагольной субстантивной формой (именем действия) в алтайском языке является форма *-(у)ш*, в турецком языке *-mAk*, *-mA*, *-(y)İş* и *-mAklık*. Свидетельством этого является то обстоятельство, что эти образования возможны практически от каждого глагола. Такие критерии, как сема процессуальности, способность принимать глагольное падежное оформление, взаимодействие с категорией залога позволяют предположить, что это — не существительное, а имена действия. Имя действия *-(Ы)ш* в алтайском языке и имя действия *-(y)İş* в турецком языке представляют собой глагольные формы, которые передают действие в образе предмета и не имеют временной семы. Данное действие — это не абсолютное действие, а действие опредмеченное.

Список использованных источников и литературы

1. Гузев В. Г. Система именных форм тюркского глагола как морфологическая категория. (На материале староанатолийского и турецкого языков // *Turcologica*: К 70-летию академика А. Н. Кононова. — Л., 1976.
2. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (на материале староанатолийско-тюркского языка). — Л., 1987.
3. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). — Л., 1990.
4. Бакаков Н. А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). — М., 1966.
5. Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (Куманды-кижи). — М., 1972.
6. Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). — М., 1985.
7. Грамматика алтайского языка. — Казань, 1869.
8. Тоцакова Т. М. Грамматика ойротского языка. — Новосибирск, 1938.
9. Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. — М.; Л., 1940.
10. Благова Г. Ф. Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона // *Тюркологические исследования*. — М., 1976.
11. Маматов М. Ш. К вопросу о категории номинализации действия // *Советская тюркология*. — 1988. — № 5.
12. Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: автореф. ... канд. дисс. — Фрунзе, 1968.
13. Кутлымуратов Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке: автореф. ... канд. дисс. — Нукус, 1963.
14. Неталиева Х. Имена действия в современном казахском языке (Формы на -у, -мак) // *АҚД*. — Алма-Ата, 1963.
15. Озлем Дениз-Йылмаз. Категория номинализации действия в турецком языке. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. — 227 с.

Список сокращений названий литературных источников

АК, УК — А. Коптелов. Улу көчүш. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1959.

БУ, ТТБА — Б. Укачин. Туулар туулар ла бойы артар. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1985.

ЖК, АҮӨ — Ж. Каинчин. Айлыбыс жангыс озокто. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1984.

ИШ, КҮ — И. Шодоев. Кызаланду жылдар. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1972.

ИШ, КЭ — И. Шодоев. Кемлейдин эржинеги. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987.

ТШ, БЭИ — Т. Шинжин. Ырыс экелген ижемји. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1986.

ЧА, ЧУК — Ч. Айтматов. Чактан узун кун. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988.

HE, SB — Hadide Edip. Sinekli Bakkal. Istanbul: Ahmet Halit Kitap Evi, 1936.

RNG, MT — Reşat Nuri GÜNTEKIN. Miskinler Tekkesi. 3. basılış. Istanbul: İnkılâp ve Aka Kitapevleri, 1963.

RNG, YD — Reşat Nuri GÜNTEKIN. Yaprak Dökümü. 8. basılış. Istanbul: İnkılâp ve Aka Kitapevleri, 1962.

YK, BBE — Yaşar Kemal. Bin Boğalar Efsanesi. 3. basım. Istanbul: Cem Yayınevi, 1976.

YKK, KK — Yakup Kadri KARAOSMANOĞLU. Kiralık konak. 18. Baskı. Istanbul: İletişim Yayınları, 1998.

Сведения об авторе: Тыдыкова Надежда Николаевна, старший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: ntydykova@mail.ru

УДК 316.613

С. Д. Дилекова

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ И СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье описывается языковая идентичность современной алтайской молодежи. Эмпирический материал исследования собран в ходе реализации проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай в 2021–2022 гг.». Анализ проведенного анкетирования показал, что для сельской алтайской молодежи характерна высокая приверженность к этническому языку, у них наблюдается высокий уровень знания языка и устойчивое признание его в качестве родного.

Ключевые слова: этнос, языковая идентичность, этническая идентичность, молодежь, алтайцы.

S. D. Dilekova

Scientific Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov (Gorno-Altai, Russia)

FEATURES AND ORIGINALITY OF THE LANGUAGE IDENTITY OF THE ALTAI YOUTH

Abstract. The article describes language identity of modern Altaian youth. Empirical research has been conducted during Monitoring of language situation project in 2021–2022 in Altai Republic, Russia. Analysis of the survey has shown that countryside Altaian youth is characterized by high levels of commitment to the ethnic language, advanced level of its acquisition and recognition of it as their first tongue.

Keywords: ethnicity, linguistic identity, ethnic identity, youth, Altaians.

Сохранение этнического многообразия является одной из важной составляющих государственной политики нашей страны. Проблемы сбережения и развития этнических культур достаточно остро стоят перед многими национальными регионами. Язык как важная составляющая этнической идентичности играет огромную роль в ее сохранении. Для представителей коренных народов важно знание и владение родным языком для сохранения этнической самобытности, самосознания, идентичности. Однако современные условия жизни (глобализация, миграционные процессы, уход от традиционного образа жизни и т.д.) ведут к снижению потребностей в широком использовании языка меньшинства. Но стоит отметить, что термин «язык большинства» относится к русскому языку не по численности владеющих им, а потому что на нем организованы образование, средства массовой информации и государственное управление. Например, в России обычна ситуация, когда в отдельных регионах — в деревнях, районах или республиках, с точки зрения количества говорящих, местные языки находятся в большинстве. Но все-таки это языки меньшинств, поскольку общество функционирует в основном на русском языке. Язык, находящийся в более сильном положении в обществе, может быть языком большинства, будучи по числу носителей даже меньше, чем другие языки региона [1, с. 12]. В таких условиях достаточно сложно сохранить язык, так как родной язык поневоле играет второстепенную роль в жизни человека. В Республике Алтай, как и во многих других национальных регионах, государственными языками являются два языка: русский и алтайский. Но зачастую алтайский язык носителями активно используется дома, в кругу друзей, родственников и в других ситуациях неформального общения, но в официальных сферах, таких как школа, администрация и СМИ, доминирует русский язык.

Языковая идентичность предполагает в первую очередь представления о том, какой язык человек считает своим родным и в какой степени он его знает и использует в общении. Язык является наиболее очевидным и поверхностным уровнем этнокультурной идентичности. По результатам исследования, проведенного в 2018 г., большинство алтайской молодежи отметили языковой компонент как самый главный этноконсолидирующий признак (84,2%) [2, с. 152]. Учитывая, что одним из важных показателей сохранности этнических сообществ является степень приверженности его членов к своему родному, национальному языку, в данной статье анализу подвергается этноязыковая идентичность и речевое поведение алтайской молодежи (16–35 лет), проживающих в Республике Алтай.

Эмпирический материал исследования был собран в 2021–2022 гг. в рамках проекта «Мониторинг языковой ситуации в Республике Алтай», который реализуется по Поручению Президента РФ В.В. Путина (№ Пр-1310 от 4 июля 2015 года). В данной статье интерпретируются ответы сельской молодежи Шебалинского, Онгудайского, Улаганского, Кош-Агачского районов Республики Алтай (n=420 чел.). В качестве метода сбора данных использовалось анкетирование. Поскольку этноидентичность в качестве своей основы предполагает в первую очередь сознательное самоотнесение человека к представителям той или иной нации — метод анкетирования достаточно адекватен, валиден и надежен для наших целей.

По данным двух исследований, проведенных в 2021–2022 гг. большинство респондентов (93,2%) считает, что человеку необходимо знать свой родной язык. Как показали данные исследований, на функционирование языков важное влияние оказывает ряд факторов — полиэтническое и поликультурное окружение, рождение и / или проживание в полиэтничном и поликультурном браке, лингвогеографические особенности и др. Респондентам был задан вопрос по уровню владения языками (родным и / или другими). Как показали результаты нашего исследования, все респонденты владеют русским языком (100%). Алтайским языком владеет большинство опрошенной молодежи (88,5%). Алтайский язык считает родным языком подавляющее большинство (94,5%), так респонденты, не владеющие языком, отмечают родным алтайский. Такая ситуация вполне обыденная, когда человек говорил и выучил в детстве родной язык, а обучался в детском саду, в школе на русском языке и поэтому русский стал его первым письменным языком. Часто такой человек читает и пишет по-русски лучше, чем на своем домашнем языке, а также ему проще говорить по-русски, например, об общественной жизни или на какие-то специальные темы. Домашний язык, в свою очередь, тесно связан с домом, семейным окружением и повседневной жизнью. Родными языками такого человека, на основании

критериев происхождения, языковой компетенции и употребления языка, могут считаться и его домашний язык, и русский [1, с. 152]. В целом можно сделать следующие выводы: алтайская молодежь в большинстве случаев соотносила родной язык с алтайским, подтверждая факт того, что абсолютное большинство респондентов воспринимает родной язык как язык, на котором говорят представители его этнической группы.

Важным аспектом в исследовании языковой идентичности является изучение сфер применения языков. В ходе опроса респондентам был задан вопрос: На каком языке чаще всего вы общаетесь в перечисленных сферах: в общественных местах, с супругом (для состоящих в браке), со своими детьми (при наличии), со старшим поколением, с друзьями, на учебе (для учащихся), на работе (для работающих). В общественных местах на алтайском языке разговаривают большинство сельской молодежи (80,9%). Заметно наличие разницы между жителями разных районов: меньше всего в общественных местах на алтайском разговаривают в Шебалинском районе (65%), в Кош-Агачском районе — 76,7%, в Улаганском районе — 90,8%, в Онгудайском районе подавляющее большинство разговаривают в общественных местах на алтайском языке — 97,1%. Такая разница прежде всего зависит от национального состава районов, отдаленности от города и т.д. В домашнем общении большинство респондентов отметили, что используют алтайский язык (87%). Второй по популярности ответ — это «русский и алтайский языки» — 7%. Исключительно русский язык дома и при общении с родными используют менее 3%. В этом вопросе значимым является место рождения и проживания, поскольку большая часть респондентов родилась в сельской местности их социализация проходила преимущественно моноэтнической среде.

По оценкам респондентов, русский язык является для них главенствующим при общении на работе и/или учебе. Так, исключительно русский язык на работе и/или учебе используют каждый третий респондент, а совместно с алтайским языком — чуть менее четвертой части. Только около 10% опрошенных на учебе и работе общаются на алтайском языке.

При общении на улице также в большинстве случаев используется алтайский язык. Такой ответ был получен от чуть более половины респондентов (61%). Чуть более трети опрошенных в схожих условиях говорят на русском и алтайском языках (28%). Исключительно русский язык в селах, где проводился опрос, употребляется гораздо реже (11%). Стабильные позиции демонстрирует билингвизм коренного населения, так, в семье и в обществе респонденты отметили, что в зависимости от круга общения, конкретного человека с кем они ведут диалог, могут говорить как на алтайском, так и на русском языке.

Потенциал языка можно измерить по пониманию, чтению текстового материала на алтайском языке, поэтому был включен вопрос о частоте чтения на алтайском языке газет, журналов, художественной и научной литературы, интернет-контента. Кроме того, можно установить, насколько человек заинтересован в чтении текстового материала на своем языке и насколько популярно чтение. Опрос показал, что чаще всего молодежь читает газеты и журналы (31%), интернет-контент (26%), на третьем месте по частоте чтения — художественная литература (18%); научную литературу часто читают лишь 10% опрошенных. Решающим фактором угрозы для существования языка является не число носителей, а статус языка в обществе: предпочитается ли одно- или многоязычие и какие права обеспечиваются сообществам носителей разных языков. Центральными вопросами в этом отношении являются использование языка в образовании, СМИ и управлении. Алтайский язык не получил широкого распространения в сферах управления и делопроизводства, в СМИ преимущественное использование алтайского языка приходится на газетную периодику. По этой причине чаще всего читают печатные СМИ, в селах по традиции выписывают республиканскую газету «Алтайдын Чолмоны» и местные районные газеты, материалы в которых публикуются в большой степени на алтайском языке. Что касается выбора интернет-контента, то для современной молодежи социальные сети, различные интернет-сообщества и сервисы обмена сообщениями стали неотъемлемой частью их жизни. Проблема снижения интереса подрастающего поколения к родному языку во многом обусловлена как раз популярностью интернет-ресурсов. Все самое интересное в сети создается на русском или английском языках. В настоящее время на родном языке практически нет альтернативы, мало контента. Но если такой контент есть, то молодежь читает ее с большим удовольствием. Произведения художественной литературы на алтайском языке выпускается достаточно часто, это кни-

ги современных писателей и переиздания произведений алтайских классиков. Также большую роль в популяризации алтайского языка и чтения произведений на алтайском языке среди молодежи играет сообщество «Алтай бичик» в социальной сети «ВКонтакте». В данном сообществе публикуются аудиокниги на алтайском языке, PDF-файлы произведений и организуются встречи с книжным клубом, где участники обсуждают и делятся впечатлениями от прочитанных книг.

Возможность получения образования на родном языке является одним из лучших индикаторов, предсказывающих дальнейшую жизнеспособность языка. Как правило, везде, где была создана школьная система, функционирующая на языке этнических групп, перспективы выживания этих языков и культур стали значительно более радужными. Право на образование на родном языке является также правом человека, которое закреплено как в собственно российском законодательстве, так и во многих международных соглашениях. Молодым людям был задан вопрос по изучению родных языков в школах. Большинство респондентов высказались за изучение родных языков в школах, обучение алтайскому языку респонденты считают крайне важным. Более половины опрошенных (61%) считает необходимым для своих будущих детей обязательное изучение алтайского языка, а еще чуть более трети считают, что необходимо его добровольно изучение. Только небольшая часть молодых людей (8%) посчитала, что для своих детей им не нужно изучение алтайского языка или оно нужно только в ознакомительном формате.

В ходе опроса важно было учесть мнение респондентов о дальнейшем развитии и функционировании алтайского языка. В анкете был предложен вопрос поливариантного типа о будущем алтайского языка, респондентам предлагалось выбрать от одного и более ответов, поэтому сумма ответов превышает 100% порог. Чуть больше половины опрошенных 55,2% уверены в абсолютной востребованности алтайского языка в ближайшее десятилетие во всех сферах: в госучреждениях, СМИ, учебных заведениях, общественных местах, в общении с друзьями, в семье; 40,1% отметили, что в ближайшее десятилетие алтайский язык может остаться только в межличностном общении внутри семьи и с друзьями; 32,3% отметили, что в дальнейшем алтайский язык будет использоваться только на официальных, культурно-массовых мероприятиях, в СМИ; 12,5% респондентов считают, что родной язык останется только в учебных заведениях как предмет изучения; абсолютно пассивно настроенных, которые считают, что алтайский язык в ближайшее десятилетие не будет востребован ни в какой сфере, 5,2% респондентов. Опрос показал, что больше половины участников анкетирования верят в положительный сценарий востребованности алтайского языка во всех социальных сферах в ближайшие 10 лет.

Молодым людям, принимавшим участие в исследовании, было предложено дать рекомендации по развитию алтайского языка. Вопрос в анкете был открытого типа и необязательным для заполнения. Мы попытались все рекомендации сгруппировать и выделить наиболее часто встречающиеся. Большинство респондентов давали несколько рекомендаций, но наиболее популярная была связана с домом и семьей. Молодые люди отмечают, что прежде всего нужно учить язык в семье, прививать ребенку любовь к традициям и обычаям своего народа, что приведет к повышению интереса к языку. Респондентами отмечается, что ответственность в изучении алтайского языка прежде всего лежит на родителях; на втором месте по популярности рекомендация усилить обучение алтайского языка в школе и обратить внимание на изучение алтайского языка в детских садах. Опрошенные отмечают, что формирование языка идет в дошкольном возрасте, но не во всех детских садах детей обучают на алтайском языке. Немало рекомендаций по поводу медийного производства контента на алтайском языке: фильмы, интернет-контент, интересные ТВ-передачи, мобильные приложения и др., что усиливало бы интерес к алтайскому языку среди молодежи. Также поступило несколько рекомендаций о финансовой поддержке проектов, связанных с алтайским языком на государственном уровне, создание грантов, для молодежи, поддерживающей развитие родного языка. Также респонденты отметили, было бы хорошо, если представители власти выступлениях чаще говорили на алтайском языке, что подчеркнуло бы его государственный статус и популяризовало бы язык.

Вопросы сохранения языков народов мира всегда будут актуальными безотносительно от численности их носителей, соотношения активно или пассивно владеющих ими людей, независимо от ситуации одноязычия, двуязычия или многоязычия народов и других внешних экстралингвистических условий их функционирования [3, с. 27]. Таким образом, несмотря на то, что текущие этноязыковые процессы, происходящие в условиях многоэтничности и полилингвизма современного общества, вле-

кут за собой исчезновение языков, результаты данного исследования показывают хорошую динамику в сохранении и развитии алтайского языка. Однако стоит отметить, что опрос проводился в сельской местности и не показывает всей картины по республике. Но для сельской молодежи характерна высокая приверженность к этническому языку, равнодушие к его будущему, а также устойчивое признание его в качестве родного.

Список использованных источников и литературы

1. Замятин К., Пасанен А., Саарикиви Я. Как и зачем сохранять языки народов России? — Хельсинки: Типография: Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 2012. — 180 с.
2. Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков) / редкол.: Н. О. Тадышева, Э. В. Енчинов. — Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. — 336 с.
3. Данилов И. А., Игнатьева В. Б. Молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): этноязыковая идентичность и речевое поведение // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. — 2022. — № 4 (38). — С. 27–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50415758> (дата обращения: 04.10.2008).

Сведения об авторе: Дилекова Сурайя Дмитриевна, научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия

УДК 9 тадж +82 тадж (575.3)

Р. И. Сафаров

Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

КАРЛУКИ И ИХ ЯЗЫК

Аннотация. Карлуки являются историческими потомками древнетюркских народов, которые говорят на своеобразном наречии, с архаическими чертами, имеющими отпечаток глубокой древности. Отдавая предпочтение историко-лингвистическим данным, автором устанавливается истина о месте и ведущей роли карлукского языка, анализируется возникновение и закономерности исторического развития, его объективные глубокие этнические корни, факторы для создания письменности и литературных памятников мирового значения, легшие в основу государственного «языка хакани» карлукского государства Караханидов (XI) и современных узбекского и новоуйгурского языков.

В статье кратко характеризуются особенности языка карлуков, имеющие почтенную, более чем тысячелетнюю давность и свидетельствующие, вопреки давно уже существовавшим или казавшимся вымершим, рассматриваются существующие основные виды карлукских диалектов и наречий, их дифференциация в системе классификации тюркских языков, освещается основная проблематика карлукского языкового кластера, современное состояние и перспективы их будущего функционирования и изменения, создающие необходимые предпосылки для выделения на генеалогической роли в тюркской ветви алтайской семьи карлукской группы языков.

Ключевые слова: карлуки, Караханиды, Алтай, Семиречье, Тахаристан, Кашгария, Фергана.

R. I. Safarov

Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

KARLUKS AND THEIR LANGUAGE

Abstract. The Qarlucs are the historical descendants of the ancient Turkic peoples, who speak a peculiar dialect, archaic features, capable of imprinting ancient times. Preference is given to historical and linguistic legal data, the author of which has established the truth about the place and the leading role of the Qarluk language, analyzes the patterns and patterns of historical development, its objective deep ethnic roots, the reasons for the creation of writing and literary monuments of world significance that underlie the state «Khakani language» «Qarluk language. the state of the Karakhanids (XI) and the modern Uzbek and New Uyghur languages.

In a brief analysis of the features of the Qarluk language, associated with more than a thousand years ago and indicating, despite long existing or seemingly extinct, a conclusion is drawn about the main types of Qarluk dialects and adverbs, their differentiation in the systemic classification of Turkic languages, the main problems of the Qarluk language cluster arise, The current state and prospects for their future will develop and change, creating the necessary prerequisites for highlighting the genealogical role in the Turkic branch of the Altai family of the Qarluk group of languages.

Keywords: Qarlucs, Karakhanids, Altai, Semirechye, Takharistan, Kashgaria, Fergana.

Формирование языка любого народа непосредственно связано с историей происхождения и формирования носителей данного языка. Имя «карлук» в раннее Средневековье, особенно в «карлукском периоде», означало принадлежность к славному победоносному и легендарному народу и, соответственно, этноним «карлук» превратился в полиэтноним, объединяющий различные тюркоязычные племена.

Традиционно одними из важнейших компонентов, определявшими развитие тюркских народов на всем этапе его многовековой эволюции, являлись этнические процессы на Большом Алтае, Южной Сибири и Центральной Азии. Как колыбель зарождения тюркских народов и «очаг кочевой цивилизации» Алтай являлся своеобразным регионом, где во всех происходивших «исторических коллизиях были задействованы» тюркские народы.

В любом случае к 350 году н. э. кочевники, говорившие на алтайских языках, забрали в свои руки власть в новых кочевых конфедерациях, распространившихся вплоть до Сасанидской империи на юге и Римской империи на западе [33, с. 197], среди которых древние тюрки-карлуки оставили яркий след и немеркнущую славу о себе.

Первые достоверные сведения о карлуках, известных под именем булак, относятся к V веку н. э., «карлуки имеют глубокие этнические и этнолингвистические связи с «дестиплеменными» тюрками-тюкуе (туцзюе), тюрками-ашина, племенной союз которых сложился в V в., а к середине VI в. вышел на политическую арену центральноазиатских кочевников. Это наводит на мысль, что уже в эпоху рунических памятников карлуки, кочевавшие на западе тюркского мира, принесли сюда разговорный язык, близкий к языку отюкенских тюрков» [30, с. 252].

Однако языки, ныне называемые тюркскими, сложились в глубокой древности, а народ «тюркютов» возник в конце V века вследствие этнического смешения в условиях лесостепного ландшафта, характерного для Алтая и его предгорий [6, с. 30]. «Слияние пришельцев с местным населением оказалось настолько полным, что через сто лет, к 546 г., они представляли ту целостность, которую принято называть древнетюркской народностью или тюркютами», а их язык — тюркским.

С большими подробностями о локализации Карлуков читаем в Таншу: «Гэ-ло-ду суть собственно Ту-цюэ'ское племя», находящиеся на северо-западе от Цзинь-шань, т.е. «Золотые горы» Алтая. Первоначально карлуки мигрировали из Горного Алтая на запад, к реке Иртыш, к северо-западу от Бейтина (Бешбалыка) и населяли в основном территорию между Западным Алтаем и Тарбагатаем [13, с. 134]. Они занимали территории между Алтаем и восточным побережьем озера Балхаш.

Их князь носил титул ябгу, который упоминается в орхонских надписях как титул царевичей [2, с. 580]. Декламируя возвышения карлуков, Л. Н. Гумилёв считает, что «карлукский ябгу был признан «царем Алтая», оставшись «единственными хранителями степной культуры в Средней Азии» [12, с. 266–371].

Так, на южных склонах Алтая кочевали карлуки, делившиеся на три раздела (уч-огуз). Их мечи упомянуты в «Слове о полку Игореве» — «мечи харлужные», и владеть ими они умели прекрасно. По происхождению и языку карлуки были близки к тюркам, но предпочитали свободную жизнь подчинению даже самым сильным ханам. Они составляли племенной союз [11, с. 111].

Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких столетий оставались главной территорией карлукских племен. Как выходцы алтайского гнезда, карлуки составили основное ядро первого Тюркского каганата, говорившим на древнетюркском языке. «Карлуки относятся к родоплеменным подразделениям тюрков туцзюе» [28, с. 41] и обычаи «карлуков такие же, как у других западных тюрков, а язык мало отличается от большинства из них» [30, с. 251].

После падения Тюркского каганата имя «тюрк» оттесняется на задний план и вместо него появляется множество наименований тюркских племен, выступающих самостоятельно: карлуки, кангары, кыргызы, кыпчаки, тюргеши, уйгуры, хакасы, огузы, туркмены. Одни из них — карлуки, кангары, кыпчаки, огузы — позже исчезли, слившись с соседними народами, другие — кыргызы, уйгуры, хакасы, туркмены — дали название самостоятельным тюркским народам, существующим и ныне [22].

Однако племена и народы вовсе не исчезают, они изменяют или передают свой этноним в состав других родственных им племен или народов. «С развитием общества, каждый из кочевых народов, имеющих одинаковый уклад жизни, но свои особые природно-климатические условия и, самое главное, исторически сложившийся психический склад и традиции, идет собственным путем» [31, с. 724], к числу которых относятся карлуки, доминировавшие в восточных степных просторах Центральной Азии.

Карлуки упоминаются в древнетюркских рунических памятниках, где отмечено место их обитания в степях Центральной Азии, в частности Орхона-Енисея, Монголии, Урянхайского края. О них засвидетельствуют памятники древнетюркской письменности. [27, с. 41–42], а также события и этнические процессы, связанные с ними на территории Большого Алтая.

Карлуки были самыми сильными среди тюркских народов, о чем говорят надписи во многих текстах орхонской письменности. Имя карлук (𐰉𐰺𐰽𐰸) на орхон-енисейских и селенгинских изваяниях точно фиксируется как мятежные племена. Они...сравнимы с «уч огузами», т.е. «уч карлуками» орхон-енисейских рунических надписей» [1, с. 100]. Памятники также фиксируют тот факт, что карлуки были представлены союзом племен, о чем говорит словосочетание *йӧс qarluq* «три [племена карлуков]» [30, с. 50].

Первые исследователи рунических текстов были единодушны в признании наличия большого количества особенностей, сближающих их язык с огузскими и карлукско-уйгурскими языками [40, с. 134]. Исходя из хронологии степных культур, «орхон-тюркская группа языков, к которой относится только один — древний язык орхонских надписей. Носители этого языка — господствующее племя в Тюркском каганате VI–VIII вв. С ними генетически связаны позднейшие союзы огузов и карлуков, от которых и сохранились современные их потомки, входящие в состав огузской и карлукской групп западной ветви тюркских народов и языков» [29, с. 128–129].

В середине VII века кочевые племена карлуков обитали в Верхнем Прииртышье и Джунгарии, к северо-западу от Бешбалыка и к западу от Алтая. Полагается, что «карлуки активно проявляли себя в политической жизни Западно-тюркского каганата, где они кроме Джунгаро-Алтайского региона контролировали Тохаристан» [22, с. 114] — исторические области на севере Афганистана, юге Таджикистана и Узбекистана.

Карлукский язык постепенно притеснял другие диалекты и был распространен среди тюркоязычных племен и народов региона, на котором общалось основное население, проживающее даже на отдаленных территориях. Наряду с согдийским, тюркско-карлукский значительно способствовал культурно-лингвистической унификации региона, активизировав консолидации тюркских племен и этноинтеграционных процессов.

Следовательно, первым этнокультурным процессам подверглись аборигены Тохаристана — северные области Афганистана и юг Таджикистана. А.Ю. Якубовский указывает начала проникновения карлуков в Средней Азии к VI веку, и что в Хуттале (историческая область в Таджикистане. — С. Р.) карлуки проживали в VI–VIII вв. [18, с. 9]. Часть карлуков в VII веке образовала свои владения в Тохаристане.

Карлуков Южного Таджикистана, пронесших свое название через многие века, можно считать, присоединяясь к мнению И. П. Магидовича, Н. Г. Маллицкого, М. Е. Массона и Б. Х. Кармышевой, «историческими потомками тех карлуков, выходцев из Алтая, передовая часть которых в VIII веке уже

жила на обоих берегах верховьев Аму-Дарьи, и которые известны в истории под названием тохаристанских карлуков». Их потомки ныне известны в Афганистане и Таджикистане этнонимом «кал-лук-мардум» (карлук-народ).

Потомки тохаристанских карлуков, сохранили отголоски древнекарлукского и поныне разговаривают на классическом языке. «Говор карлуков Южного Таджикистана весьма своеобразен, по-видимому, в нем много архаических черт. В этой связи большой интерес представляют материалы, собранные Л. Лигетти по тюркским языкам Афганистана, в том числе и по языку карлуков» [20, с. 186–187].

Выход на историческую и политическую арену в дальнейшем способствовали карлукам расширяться, достичь до уровня вершины власти и создания своего государства: Карлукский каганат (756–992) со столицей Баласагун и Карлукское ханство (940–1260) со ставкой Кайлык. Их этноним стал названиями государств, а язык — государственным, легшим в основу «языка хакани» карлукского государства Караханидов (940–992–1212).

Известно также (по арабским и персидским источникам, что государи семиреchenских (алтайских) и тохаристанских (бадахшанских) карлуков именовались в VII–VIII вв. то ябгу, то джабгу. В этом чередовании отразился гетерогенный племенной состав карлукского и вероятно огузского союзов племен, а также различия племенных диалектов. [8, с. 131].

Древние тюркские письмена, известные как рунические памятники, свидетельствуют, что в VIII–IX веках начал распространяться новый вид тюркской письменности — карлукский. Данная языковая традиция, грамматические и стилистические нормы прослеживаются также и в турфанских, уйгурских письменных памятниках VIII–XIII вв., в памятниках караханидского периода X–XI вв. и т. п. [46].

Важное значение для становления и развития карлукского языка, легшего в основу «языка хакани» карлукского государства Караханидов, имел период с IX по XIII вв., где значительную роль сыграли такие факторы, как создание письменности и литературных памятников мирового значения («Кутабдгу билик» и Диван лугат-ат-турк»), обладавшими широкими возможностями закрепления норм, установившихся в живой речи.

Тем не менее о карлуках и об их языке существуют разные, порой противоречивые мнения и суждения. Не обошли они и страницы порталов Интернета, включавших их язык в число мертвых. В материалах Википедии — свободной энциклопедии глобальной сети Интернет можно почерпнуть следующее: «Карлукский язык — ныне мертвый язык карлуков. Относится к тюркским языкам. Был распространен в регионах Средней Азии. В VIII–XV веках являлся языком общения в Карлукском каганате (766–940); позже лег в основу чагатайского караханидского, в последующем в основу современного узбекского, уйгурского, или тюркского и некоторых других языков». Карлуки имели свою государственность, а карлукский язык в Западно-Тюркском каганате, затем в государстве Караханидов и Чагатайском крае служил, как государственный язык. Нынешний ташкентский диалект (в выражениях — вотти: борвотти, келвотти, кетвотти, урвотти) приближен к карлукскому языку, которые и сохранили карлуки Таджикистана [48].

Как прямые потомки древнетюркского народа, карлуки говорили на различных диалектах. По сведениям арабо-персидских источников, одна из групп карлуков говорила на «жокающем», а другая — на «йокающем» диалекте. Так, карлукский, делившись на говоры, не представляет собой один самостоятельный диалект. Отсюда, не утихают научные дискуссии по принадлежности и соотношению наречий внутри этого языка.

По мнению специалистов, «конечно же указанные этнические группы были весьма неоднородными по определяющим их языковым признакам из-за постоянного изменения состава входивших в них племён, а также постоянного скрещения и взаимовлияния самых различных племенных диалектов. Так именно в среде западных тюрок и карлуков существовали племена, говорившие на «джекающих» диалектах» [8, с. 142].

Однако высказанные выше соображения дают нам дополнительный повод усомниться в наличии джеканы в языке карлуков к началу сложения их коалиции, составившей этнолингвистическую основу государства Караханидов. В описательной части своего словаря М. Кашгари также нигде не упоминает о джеканы современных ему карлуков. [30, с. 253–254]. Возможно, за истекшие периоды карлуки стали носителями «йокающего» диалекта. Последний получил широкое распространение как среди местного оседлого населения, так и среди определенного круга кочевых и полукочевых племен. В ре-

зультате уже к середине IX века в некоторых областях Мавераннахра и Семиречья сложился единый для этого региона как разговорный, так и литературный тюркский язык [37, с. 28–30].

В свете этих данных к X веку в государстве Караханидов функционировал литературный язык, продолживший традиции древнетюркских письменных текстов. Официальный караханидский язык X века основывался на грамматической системе древних карлукских диалектов. Карлукский язык в X–XI вв., известный как язык хакани караханидского периода, являлся литературным языком Караханидского государства.

Этот язык «в результате взаимодействия с языками иранских племен вышел языком-победителем, но получившим также и значительный слой арабо-иранской лексики, как результат этого взаимодействия и влияния сначала арабского, а затем персидского литературных языков Саманидского государства» [4, с. 121–134]. Ныне ощутимы отпечатки взаимовлияния этих языков, сопровождавшиеся в течение веков.

Востоковед Б. Гафуров отмечает, что «язык тюркского населения Караханидского государства лингвисты характеризуют как карлукско-уйгурский. Он имеет ряд фонетических морфологических и лексико-грамматических особенностей, запечатленных в таких памятниках как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни, в соответствующих разделах «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари и др.» [9, с. 1989, 290].

Так и относительно «Кутадку билик», оконченного 1068 г. в Кашгаре для карлыкского (карлукского. — С. Р.) государя уроженцем Баласагуна, можно думать, что сочинение это написано на местном, то есть, карлыкском наречии: «какая же статья была автору «Кутадку-билик» жившему в Мавераннахре или Кашгарии, писать по-уйгурски» [10, с. 350 прим. 124].

В X в. подчинение карлуков державе Караханидов (предположительно, выходцев из их же среды) сопровождалось ростом среди них имущественного и общественного расслоения, исламизацией и дальнейшим оседанием, прежде всего в Кашгарии и Фергане, где в результате их взаимодействия с местным населением, распространились их диалекты, которые легли в основу старейшего из тюрко-мусульманских письменных языков — «бограханского» или «хаканийского» (главный памятник — поэма Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг», XI в.) и современных узбекского и уйгурского (новоуйгурского) языков (карлукская подгруппа тюркской группы) [39, с. 16].

Итак, в формировании хаканийского языка участвовали представители племен ... и разные роды карлуков, распространившиеся после создания государства Караханидов на пространстве от Джунгарии до Ферганы и Тахаристана, но особенно концентрировавшиеся по берегам Иссык-Куля, рек Или и Чу и в предгорьях Тянь-Шаня. Разговорный язык карлуков, несомненно, мощным пластом лег на тюркскую речь оседлого населения указанных регионов [30, с. 256].

Учитывая мнения специалистов, есть основание полагать, что в XI–XII вв. в Восточном Туркестане и Ферганской долине сформировался карлукский караханидско-уйгурский литературный язык, характеризующийся фонетическим соответствием *j>z. В городах вдоль Сырдарьи, в окрестностях Ташкента, в Хорезме сформировался другой литературный язык карлукской группы, близкий к современному карлукскому наречию узбекского языка.

Так, «...карлукско-уйгурский явился языком-основой, после распада и на базе которого развивался в Средней Азии послемонгольского времени староузбекский язык, очень тесно связанный со своим предшественником» [9, с. 291]. Соответственно, следом за экспансии монголов в XIII веке появилось выражение «чагатайский улус» (чагатайский народ или край), соответственно, и «чагатайский язык», а после утверждения Шейбанидов употреблялся «староузбекский», связанный с карлукским.

И все же почему он назван староузбекским, а не карлукским? Вопрос риторический! Обращаясь к существующей схеме периодизации письменных литературных тюркских языков и их локальных вариантов, можно было бы наметить и соответствующую номенклатуру их названий, начиная с древнейшей эпохи. <...>. Например, для кыпчакского литературного языка, которым пользовались в Золотой Орде, часто оставалось также и название «золотоордынский литературный язык», для карлукского или карлукско-уйгурского литературного языка XI в. — название «караханидский язык» по названию Караханидского государства и т.д. [5, с. 22].

Карлукский язык начиная с 550 года до XV века служил государственным языком тюрков, караханидов и чагатаев. С XV до XIX века карлукский язык употребляется чагатайским названием, затем

называется староузбекским. «Карлукский язык положил начало формированию узбекского нормированного литературного языка» [9, с. 293–294].

Таким образом, карахандский язык карлуков «по причине постоянного смешения тюркского населения и перемещения географических центров вобрал в себя множественные диалектные формы различных тюркоязычных общностей. Однако, в целом базировался на карлукской грамматической основе и ... карлукского лингвистического каркаса» [47].

Следовательно, по мнению ученых-лингвистов, карлукский по классификации квалифицируется в категории евразийских языков, который входит в алтайскую семью тюркской ветви карлукской группы с языковым кодом ISO 639–1 [48]. Отсюда, историки-филологи в лингвистике определили самостоятельную карлукскую группу, куда входят языки узбеков и уйгуров.

Ныне по классификации современных тюркологов (Баскакова, Менгеса, Бенцинга, Текина и др.), те же языки принято подразделять на огузские, кыпчакские и карлукские группы. По классификации Н.А. Баскакова, считающейся сегодня общепризнанной системой, языки эти тоже подразделяются на огузские, кыпчакские и карлукские группы. Тюркская семья языков, по классификации Н.А. Баскакова, делится на две группы — восточную и западную группу. Последнюю ученый подразделяет на 4 группы — болгарскую (чувашскую), огузскую (гагаузы, туркмены и трухмены, турцы, азеры), кыпчакскую (татары, башкиры, караимы, кумыки, карачаевы, балкарский, ногайский, каракалпакский, казахский) и карлукскую группу (узбекский и уйгурский языки) [23, с. 319].

Так, учитывая историческую миссию и роль древнетюркского языка карлуков, ученые-лингвисты отнесли его к отдельной самостоятельной группе. Карлукская группа, состоящая из нескольких языков, исторически относящихся к различным эпохам, разделяется на две подгруппы: карлукско-уйгурская и карлукско-хорезмийская, которые характеризуются своими особыми признаками.

В классификации А.Н. Самойловича карлукско-хорезмийские языки объединяются с североалтайскими под названием чагатайских. Разграничение этих предложено Н.А. Баскаковым, но на практике далеко не всегда выдерживается: карлукско-уйгурские и карлукско-хорезмийские не разграничиваются. Все они восходят к карлукскому наречию.

В классификации О.А. Мудрака орхоно-енисейский, древнеуйгурский, халаджский (аргу) и современные карлукские составляют одно целое. Однако татарский лингвист Г.Х. Ахатов из контекста исторического развития прототюркского субстрата исключил карлукский язык, поставив под сомнение роль и существование карлукской группы.

Другой татарский ученый М.З. Закиев по генеалогической классификации различает и выделяет четыре основные группы языков: кыпчакскую, огузскую, чувашскую и якутскую. Он, вопреки классификации маститых тюркологов, выделив карлукскую группу, отнес ее «по своим особенностям в качестве подгруппы к кыпчакской группе».

По мнению исследователей и ученых, карлукские языки — объединение двух исторически и пространственно смежных, но, возможно, различных по происхождению тюркских языковых групп: восточной карлукско-уйгурской и западной карлукско-хорезмийской (чагатайской). С последними частично сближаются также южно-кыргызские диалекты.

О.А. Мудрак, тоже разделяя тюркские на восточно-тюркские (сибирские) и западно-тюркские (карлукские, кыпчакские и огузские), по морфологической классификации сибирских разделяет на якутские и саянские, с одной стороны, и хакасские и горно-алтайские (в их числе киргизский) — с другой, а западнотюркские — на карлукские, кыпчакские и огузские, причем языки рунических надписей, карахандский, древнеуйгурский и халаджский он относит к карлукским. Древнетюркские письменные памятники по его классификации отнесены к одной конкретной группе — карлукской.

О.А. Мудрак в карлукско-хорезмийские в качестве особых диалектов уйгурского включает также лобнорский (исторически ассимилированный говор северно-киргизского), хотанский, подвергшийся частичному кыпчакскому воздействию, или тюркский и в значительной мере — иранизированный айнийский.

В свете всего вышесказанного рассмотренные классификации при всех их различиях и недостатках, помогают выявить карлукские группы тюркской ветви языков, которые генетически связаны наиболее близко. Соответственно, карлукский язык, оставаясь средством общения, является меха-

низмом, соединяющим прошлое с будущим. В основном карлуки и их язык распространены в Центральной Азии.

Однако о карлуках бытуют разные мнения: одни считают их исчезнувшими, другие — ассимилированными в стране пребывания, третьи — причисляют их язык к мертвым или давно уже вымершим. Конечно, было бы неправильно ограничиваться здесь только негативным аспектом. Карлуки — столь знаменитое со времени раннего Средневековья название довольно крупной и известной народности — ныне сохранившие в имени современных узбеков свой этноним с самоназванием карлук и *каллу́к* (*каллу́ғ*).

Можно констатировать, что «иные названия имеют почтенную, более чем тысячелетнюю давность и свидетельствуют о существовании племен, которые давно уже казались вымершими, или, по крайней мере, совершенно изменившими свой облик и местожительство и даже переименованными степи и пустыни Средней Азии на культурные города и села центральной Европы (мадждар — родичи мадждаров-венгров). Воскресают такие обломки тюркской старины как карлуки, найманы, киреи, алчины, канглы, уйгуры» [25, с. 181].

Соответственно, «карлуки и их язык сыграл огромную роль в истории узбекского народа и его языка. Поэтому на сегодня в науке одним из больших диалектов узбекского языка именуется карлукский диалект или карлукско-чигильско-уйгурский диалект, а входящий в этот диалект говоров называют карлукскими наречиями» [35, с. 397–404].

Так, спустя века, «один из диалектов современного узбекского языка именуется карлукским и подразделяется на ряд говоров: ферганский, ташкентский, андижанский. Самаркандский, бухарский и др.» [35, с. 397–404]. Карлукский диалект широко распространен в селениях и городах Кашкадарьинской [38, с. 12–22 и сл.] и Самаркандской областей, а также в южных районах Таджикистана. На карлукском диалекте говорили группы узбеков северного Афганистана [24, с. 93–145].

По мнению Заки Валиди, карлуки появляются впервые на исторической арене Тохаристана значительно раньше как эфталитский род в Бадахшане [44, с. 33]. «Арабские завоеватели уже в VII в. нашли в Бадахшане карлуков; и теперь в Бадахшане из узбекских родов живет именно род карлук; это совпадение заставляет полагать, что после завоевания Бадахшана узбеками в XVI в. в состав узбеков вошли турки, жившие там раньше» [3, с. 89].

Таким образом, есть основание полагать, что карлукский язык, являясь искони носителем древних карлуков и их племен, тем не менее, совершенствуясь, сохранился и применился в карлуко-чигильском, карлуко-хорезмийском, карлуко-уйгурском диалектах и является основным языком живого общения карлуков Южного Таджикистана и Северного Афганистана. Их своеобразная лексика еще раз подтверждает о древности (происхождения) карлуков и их языка, а также смешанности с абригенами и индоиранскими языками.

Так, наряду со стиранием различий, существовавших между таджикскими группами, шел процесс отадживания тюркоязычного населения. В северных районах этот процесс проходил преимущественно в городах, где таджики всегда составляли большинство. На юге Таджикистана отадживалось древнее тюркоязычное население — карлуки, «тюрки» (без какой-либо другой племенной принадлежности) и другие «древние» узбекские племена. Процесс шел параллельно с оседанием и переходом к земледелию кочевников-скотоводов [32, с. 154].

Любопытно также отметить, что в 1977–1979 гг. институтом языка и литературы АН Кыргызстана организованная экспедиция занималась поиском и изучением карлукского языка и этнографии. Согласно данным экспедиции, в Таджикистане проживали свыше 100 тыс. карлуков [17, с. 47]. Как одно из многочисленных тюркских племен, вошедших в советское время в состав узбекской социалистической нации, «в последующем карлуки ассимилировались с местными народами. В годы строительства социализма они вошли в состав таджиков и узбеков» [41, с. 287].

Симптоматично, что в современном мире карлукский язык, уступив свое место, стал диалектом узбекского языка (карлукское наречие узбекского языка, карлукско-чигильский диалект узбекского языка) — группа говоров узбекского языка, распространенных во всех странах Центральной Азии. Число носителей — около 22–23 млн человек [45].

Более уточненные данные среди основных групп народов (самоназвания), регионов обитания, языковой классификации и численности тюрков М. З. Закиев тюрков делит на четыре группы: юго-

западные, северо-западные, северо-восточные и юго-восточные. К последней относит карлукскую подгруппу, в составе которых — узбеки, уйгуры, салары, сары уйгуры с общей численностью составляют — 25 679 286 человек.

Свыше миллиона носители карлукского языка и собственно карлуков проживают в Афганистане. Эти внушительные цифры о количестве карлуков говорят сами по себе. Однако как объяснить, что карлукский язык — язык большинства туркоязычных народов, проживающих в основном в государствах постсоветской Центральной Азии, впоследствии получивший в лингвистике выражения «карлукские языки», «карлукское наречие», а также «карлукская группа языков», сегодня причисляется в категории неведомо «мертвых»?

По утверждению средневекового энциклопедиста Махмуда ал-Кашгари «Ардам баши тил. Вершина добродетели — в языке» [21, с. 66, 501]. Язык является важнейшим этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком этнической группы. Из мировой истории известно: постепенная утрата языка есть первый, а чаще всего и последний симптом исчезновения народа, и уж тем более малочисленного.

Желая сохранить язык, самобытность и традиционный уклад жизни, карлуки в 2010 году создали свою этнокультурную организацию с общественным фондом «Халлухиён». Ими с 2011 года издаётся газета «Карлукнама», печатающей по образцу кириллицы, создан фольклорно-этнографический ансамбль, идет работа по изданию «Словаря карлукских наречий». Несомненным фактом является также волеизъявление и самоопределение карлуков, где в реестр национальностей и языков населения Таджикистана по переписи населения 2020 года они были включены в самостоятельную этническую группу с именем «карлук» (самоназвание «калут»).

Исходя из всего этого, можно констатировать, что среди потомков конгломерата туркоязычных народов самой многочисленной является карлукская группа, среди которых достойное место занимают их представители — собственно карлуки. Представители этой группы нередко называя себя карлуками и тюрк-карлуками, живущими в Таджикистана и Афганистане, делятся на ряд территориальных групп, наиболее полно сохранившие особенности языка и самобытности.

Поэтому ученым предстоит выявить этнолингвистические особенности карлукского языка и ввести в карлукскую группу тюркской ветви языков, ныне представленной карлуко-чигильским, карлуко-хорезмийским и карлуко-уйгурскими языками, также собственно карлукский — прототюркского субстрата, выделяя их в отдельную позицию и обосновывая, тем самым, реальность карлукского языкового кластера, который создает необходимые предпосылки для выделения и претендовать на роль генеалогической.

Список использованных источников и литературы

1. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. — Т. 1. — М., 1963. — 761 с.
2. Бартольд В. В. Статьи из «Энциклопедии ислама». Соч. — Т. V. — М.: Наука, 1968. — 759 с.
3. Бартольд В. В. Сочинения. Работы по истории ислама и арабского халифата. — Т. VI. — М.: Наука, 1966. — 785 с.
4. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. — Т. XI. — Вып. 2. — М., 1952. — С. 121–134.
5. Баскаков Н. А. Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков // ТС. — 1977. — М.: Наука, 1981.
6. Баскаков Н. А. Тюркские языки. — М., 1960. — С. 30.
7. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. IX. Гэлolu. — Т. I. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 347.
8. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / под ред. академика АН Таджикской ССР Б. А. Литвинского. — М.: Наука. ГРВЛ, 1992. — 687 с.
9. Гафуров Б. Г. Таджики. — Душанбе: «Дониш», 1989. — С. 291.
10. Григорьев В. В. Восточный Туркестан. — 1873. — Вып. 2. — С. 350; прим. 124.
11. Гумилев А. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. — М., 2012. — С. 111.
12. Гумилев А. Н. Древние тюрки. — М.: Наука, 1967. — С. 266–371.

13. Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (II до н. э. — XII в.). — Бишкек, 2005. — С. 134.
14. Древнетюркский словарь. — Л., 1969. — С. 423.
15. Древнетюркский словарь. Изд. 2-е, пересм. — Астана: Ғылым, 2016. — С. 455.
16. Закиев М. З. Глубокие этнические корни тюркских народов. — Астана: Кантана Пресс, 2011. — 400 с.
17. Ибрагимов К. Карлук тилининг тарыхый меселелери: карлуктардын турк элдеринде алган орду, байланышы жана изилдениши, ч-2. — Бишкек; Ош, 2001. — С. 47.
18. История народов Узбекистана. — Т. 1. — Ташкент, 1950. — С. 9.
19. История Узбекской ССР / под ред. С. П. Толстова и др. — Т. 1, кн. 1. — Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1956. — С. 270.
20. Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. — М.: Наука, 1954. — С. 186–187.
21. Кашгари М. Диван лугат ат-турк, с. 66, 501. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугатат-Турк / перевод, предисл. и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. — Алматы: Дайн-Пресс, 2005. — 1288 с.
22. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии // СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.
23. Кодухов В. И. Введение в языковедение. — М.: «Просвещение», 1979. — С. 319.
24. Лигетти, Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана // *Akta Orientalia. Academiae Scientiarum Hungaricae. Regiget L. Ligeti, Tomus IV.* — Budapest, 1954. — P. 93–145.
25. Магидович И. П. Материалы по районированию: ч. 1. — Бухара, 1926. — С. 181.
26. Малицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана (Родиноведение). — Ташкент-Самарканд, 1929. — С. 62.
27. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.; Л., 1959. — С. 41–42.
28. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. — Новосибирск, 1989. — 435 с.
29. Народы Средней Азии и Казахстана / под ред. С. П. Толстова, Т. А. Жданко, С. М. Абрамзон и Н. А. Кислякова. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 72, 128–129.
30. Насилов Д. М. Карлуки у Махмуда Кашгарского // Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. — М.: Вост. лит., 1970. — 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / ред. кол. С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. — 2011. — 383 с.
31. Негматов Н. Н., Воднев В. В. Великая степь Евразии в культурогенезе. Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа / сост.: Аскаралли Раджабов, Мукимов Рустам; отв. ред. А. Раджабов. — Душанбе: «Дониш», 2016. — 806 с.
32. Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. — М.: Изд-во Московского университета, 1980. — С. 154.
33. Ричард Нельсон Фрай. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. — Душанбе, 2000. — С. 197.
34. Шаниязов К. Ш. Узбеки-карлуки (историко-этнографический очерк). — Ташкент: Фан, 1964. — С. 13.
35. Шаабдурахманов А. Карлукское наречие узбекского языка. — Ташкент, 1983.
36. Шоабдурахмонов Ш. Ўзбек шевалари ва уларни ўрганиш хақида умумий маълумот // Ўзбек халқ шевалари луғати. — Ташкент, 1971. — 397–404 б.
37. Шаниязов К. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа // ОНУ. — 1981. — № 6. — С. 28–30.
38. Шерматов А. Ш. Ўзбекские народные говоры Кашкадарьинской области. — Ташкент, 1978. — С. 12–22.
39. Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X — XIII вв. из Восточного Туркестана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — 204 с.
40. Щербак А. М. Енисейские рунические надписи // К истории открытия изучения: Тюркологический сборник. — М.: Наука, 1970. — С. 132.

41. Энциклопедияи Советии тоҷик. — Т. VIII. — Душанбе, 1988. — С. 287.
42. Эрматов М. Этногенез и формирование предков узбекского народа. — Ташкент: Узбекистан, 1968. — С. 141.
43. Brege. Turbo-Mongol influence // Turbo-Mongolika in Historical Perspective. — Cambridge. 1991. — P. 58.
44. Validi — Boun A. Z. Die Schwerten der Germanen, nach arabischen Berichten des 9–11 Jahrhundert, — «Zeitchrift der Deutcher Morgenlandischen Gesellschaft», Bd 90. — Leipzig, 1936.
45. URL: www.wikipedia.org.
46. URL: [https://turkology.tk/library/405http://ru.wikipedia.org/w/index.php title=Карлукско-чигильский_диалект_узбекского_языка](https://turkology.tk/library/405http://ru.wikipedia.org/w/index.php%20title=Карлукско-чигильский_диалект_узбекского_языка).
47. URL: <https://etnoc.mirtesen.ru/Etnogenez-uzbekskogo-naroda-i-razvitie-ego-yazyika>.
48. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1804349>.

Сведения об авторе: Сафаров Рахмоил Исмоилович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Таджикского национального университета, г. Душанбе, Таджикистан, e-mail: rahmoil@mail.ru

УДК 811.512.1

Л. М. Дмитриева, Д. В. Аникин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

СТРУКТУРА БАЗЫ ДАННЫХ «ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ И ОТТОПОНИМНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЛТАЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.»

Аннотация. Созданная преподавателями кафедры русского языка как иностранного база данных предназначена для хранения, систематизации и поиска информации о тюркоязычных по происхождению топонимах и оттопонимных образованиях в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX вв.

База данных включает следующие разделы: 1) историко-культурная информация о работе Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века; 2) описание лексикографических источников; 3) словарные статьи с контекстами из эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века.

В соответствии с исследовательскими задачами определения словообразовательной валентности зафиксированных в текстах миссионеров топонимов созданная база данных (раздел 3) состоит из двух взаимосвязанных электронных таблиц, характеризующих: первая — топонимы и вторая — контексты по ряду полей. В созданной базе данных предполагается возможность выборки как по каждому полю электронных таблиц в отдельности, так и по произвольным совокупностям полей.

Ключевые слова: тюркские топонимы, оттопонимные образования, катойконимы, адъектонимы, Алтайская духовная Миссия.

L. M. Dmitieva, D. V. Anikin
Altai State University (Barnaul, Russia)

THE STRUCTURE OF THE DATABASE «TURKIC TOPONYMS AND TOPONYMIC FORMATIONS OF ALTAI IN THE EPISTOLARY HERITAGE OF THE ALTAI ORTHODOX MISSION OF THE MID–XIX — EARLY XX CENTURIES»

Abstract. Created by members of the Department of Russian as a Foreign Language, the database is intended for storing, systematizing and searching for information about toponyms of Turkic origin and toponymic formations in the epistolary heritage of the Altai Orthodox Mission of the mid-nineteenth and early twentieth centuries.

The database includes the following sections: 1) historical and cultural information about the work of the Altai Spiritual Mission in the mid-nineteenth and early twentieth centuries; 2) description of lexicographic sources; 3) dictionary entries with contexts from the epistolary heritage of the Altai Spiritual Mission of the mid-nineteenth — early twentieth century.

In accordance with the research tasks of determining the word-formation valence of toponyms found in the texts of missionaries, the created database (in the section 3) consists of two interconnected spreadsheets characterizing: the first — toponyms and the second — contexts in a number of fields. The created database assumes the possibility of sampling both for each field of the spreadsheets individually and for arbitrary sets of fields.

Keywords: Turkic place names, toponymic formations, katoikonims, adjectonims, Altai Orthodox Mission.

База данных «Тюркские топонимы и оттопонимные образования Алтая в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX вв.» подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета «Тюркский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002) и НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», носит исследовательский характер и предназначена для решения широкого круга научно-исследовательских задач, связанных с изучением тюркоязычных по происхождению топонимов и оттопонимных образований в эпистолярном наследии Алтайской духовной Миссии середины XIX — начала XX вв. База данных является электронным каталогом тюркских топонимов, оттопонимных образований (катоиконимов и адъектонимов), контекстов их употребления и позволяет организовать высокоэффективный поиск информации.

База данных пополняется при обработке массива текстов миссионеров Алтайской духовной миссии, содержит текстовые данные и применяется для научного описания и дальнейшего исследования выявленных топонимов и образованных от них катоиконимов и адъектонимов.

База данных обеспечивает выполнение следующих функций: определение валентности выявленных топонимов в словообразовательной системе русского языка через фильтрацию по полям «катоиконим» и «адъектоним»; систематизация контекстов, содержащих тюркские топонимы и оттопонимные образования; атрибуция топонимов и оттопонимных образований по авторству и принадлежности к тому или иному тексту через поле реквизиты.

База данных включает следующие разделы: 1) историко-культурная информация о работе Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века; 2) описание лексикографических источников: академические словари русского языка, словари тюркских наречий, словари алтайского, киргизского и казахского языков; и 3) словарные статьи с контекстами из эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века. Первые два раздела служат основой для интерпретации контекстов и создания словарных статей в третьем разделе.

Алтайская духовная миссия была образована в 1828 году «для обращения в христианство Таттар и Калмыков, идолопоклонников шаманского суеверия» в Бийском и Кузнецком округах. «Бийские аборигены проживали при реках: Чарышу, Катунь, Бий, при озере Телецком, и маленьких реч-

ках, впадающих в первые. Кузнецкие аборигены обитали при реках: Томи, Мрасе, Кондоме, Чумыше и речках, впадающих в первые» [1, с. 56]. Основателем Миссии в этих отдаленных и труднодоступных районах стал архимандрит Макарий (Глухарев) — преподобный Макарий Алтайский [2, с. 3]. Таким образом, деятельность Алтайской духовной миссии охватила ряд регионов юга Западной Сибири, а именно Алтая, Шории и Хакасии.

Особенности служения в Горном Алтае требовали чрезвычайной самоотдачи и напряжения всех моральных и физических сил миссионеров. Проповедники изучили и овладели местными языками, занимались переводами текстов Священного Писания и другой духовной литературы на языки обращаемого народа. Поселяясь среди нехристиан, они также разделяли с ними все тяготы жизни [1, с. 28]. Важную роль в деятельности миссионеров занимало изучение языка, обрядов и обычаев автохтонного населения Алтая. Все основные виды «миссионерского делания»: проповедь, обучение, богослужение, — алтайские миссионеры совершали на родном языке алтайцев и шорцев. Первоначально языковые вопросы решались с помощью переводчиков, однако уже в 1882 г. появились первые миссионеры из числа коренного населения [3, с. 332].

Миссионерам удалось охватить все стороны жизни населения Алтая: религиозные потребности, хозяйственно-бытовые нужды, образование, благотворительность. К 1917 г. общее количество миссионерских селений составило 434. В них проживало 46 729 крещеных жителей [4, с. 38].

В ходе работы над вторым разделом базы данных и обработки контекстов употребления тюркских лексем был подготовлен научный лексикографический аппарат: толковые, этимологические и региональные словари в количестве 78 наименований.

Всего изучено 1350 страниц текстов миссионеров. Это:

- отчеты руководящих лиц Алтайской миссии, содержащие важные статистические данные о количестве и составе православных — новообращенных и язычников, проживающих на территории активности Миссии; отчеты о гуманитарной деятельности Миссии — образование, медицинская помощь населению и прочее;
- официальные отчеты и докладные записи (за определенные периоды времени);
- «Клировые» ведомости:

А) документы, предоставляющие *информацию о составе* «служащих» тех или иных церковных приходов, о новых и убывших служащих: их личные характеристики, образование и пр.;

Б) *ведомости о храмах*, содержащие информацию о строительстве и оснащении новых церквей;

В) ведомости о местном «причте», т. е. прихожанах церквей Миссии: количественный и качественный состав и «характеристика» прихожан — устроения, участие в церковной жизни и т. д.

Неофициальная документация (которая представляется нам наиболее ценным и интересным источником):

- письма миссионеров;
- дневники миссионеров: биографические сведения, очерки о поездках, краеведческие и этнографические заметки, воспоминания и рассуждения о проповеднической деятельности...

Многие из таких дневников вполне можно приравнять к художественным произведениям.

Третий раздел базы данных состоит из одного файла — книги электронной таблицы, содержащей два листа, на каждом из которых выявленные в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии тюркские топонимы и оттопонимные образования характеризуются по ряду параметров, объединяясь деривационно и объединяя контексты. Таким образом, каждый из листов базы состоит из ряда полей, характеризующих тюркские топонимы и контексты их употребления. Такое деление данных позволяет использовать встроенную сортировку и текстовые фильтры как по отдельным полям, так и по их комбинациям для полексемного и контекстного представлений в отдельности.

При создании базы данных коллективом кафедры «Русский язык как иностранный» АлтГУ выявленные топонимы и оттопонимные образования были объединены в 55 записей, где «топонимы» как ключевое поле объединяют сведения о словообразовательной валентности каждого топонима в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии, этимологическую справку и данные о положении географических объектов. Употребление топонимов и оттопонимных образований в миссионерской переписке проиллюстрировано 225 контекстами, с указанием реквизитов, дающих возможность распределить материал по текстам, определить авторство.

Список полей, содержащихся в структуре листа «топонимы», приведен в таблице 1:

Таблица 1

№ п/п	Поле № 1 — порядковый номер топонима в базе данных
Топоним	Поле № 2 — тюркский по происхождению топоним, зафиксированный в эпистолярной Алтайской духовной миссии
Этимологическая справка	Поле № 3 — справочная информация, объясняющая этимологию топонима согласно «Энциклопедии названий мест Горного Алтая» О. Т. Молчановой (Шецин: 2018) с указанием номеров тома и страницы [5]
Катойконим	В полях № 4 и 5 приводятся обнаруженные в эпистолярной оттопонимные образования, производные от основы топонима, указанного в поле № 2. Поле № 4 — образованное от топонима именование жителя определенной местности
Адъектоним	Поле № 5 — образованное от топонима имя прилагательное
координаты Яндекс. Карты	Поля № 6 и 7 характеризуют географический объект, именованный топонимом. В поле № 6 указываются координаты именованного объекта на земной поверхности в интернет-сервисе Яндекс. Карты. Геокодер Яндекс. Карты использует стандартную географическую систему координат WGS84, основанную на проекции Меркатора EPSG: 43226.
Административно-территориальное положение	В поле № 7 приводится административно-территориальное положение именованного географического объекта

Список полей, содержащихся в структуре листа «контексты», приведен в таблице 2:

Таблица 2

№ п/п	Поле № 1 — порядковый номер контекста в базе данных
Топоним	Поле № 2 — топоним, грамматическая форма которого употреблена в контексте или к производящей основе которого восходит оттопонимное образование. Поле служит также для объединения с таблицей листа «лексема», тип связи «один ко многим»
Контекст	В поле № 3 приводится ближайший контекст употребления топонима или оттопонимного образования
Реквизиты	В поле № 4 указывается место хранения, заглавие и лист контекста

Приведем примеры сортировки и применения фильтров:

Пример № 1. Фильтрация по полю № 4 «катойконим» листа «топонимы» (атрибут «не равно», значение «-») позволяет вычленив в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии массив образованных от топонимов именований жителей определенной местности (см. рис. 1):

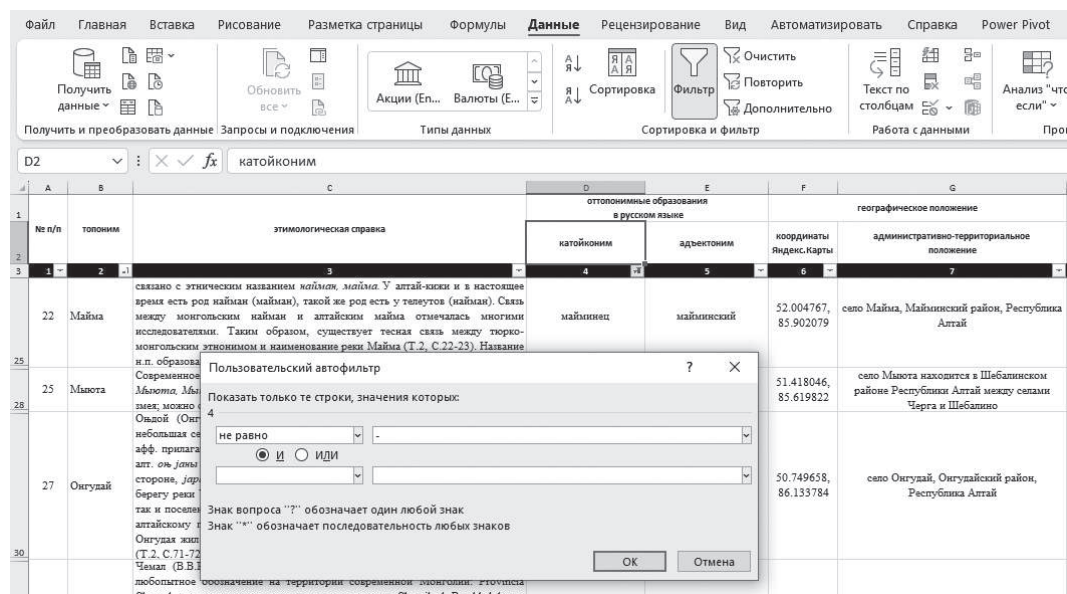

Рис. 1. Фильтрация по полю № 4 «катойконим»

Пример № 2. Фильтрация по полю № 4 «катойконим» (атрибут «равно», значение «-») и по полю № 5 «адъектоним» (атрибут «не равно», значение «-») на листе «топонимы» формирует список обнаруженных в эпистолярной Алтайской духовной Миссии топонимов с зафиксированным в текстах производным адъектонимом, но без катойконима (см. рис. 2):

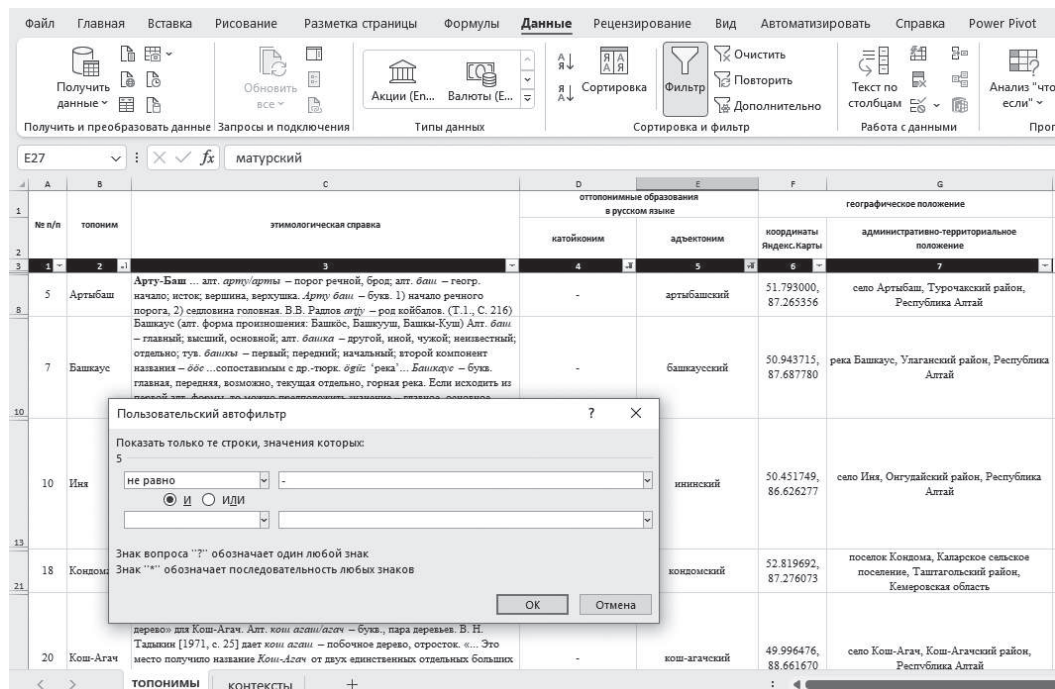

Рис. 2. Фильтрация по полю № 4 «катойконим» и по полю № 5 «адъектоним»

Пример № 3. Сортировка по полю № 4 «реквизиты» листа «контексты» дает возможность группировать топонимы и оттопонимные образования по принадлежности к текстам и, следовательно, перу того или иного автора (см. рис. 3):

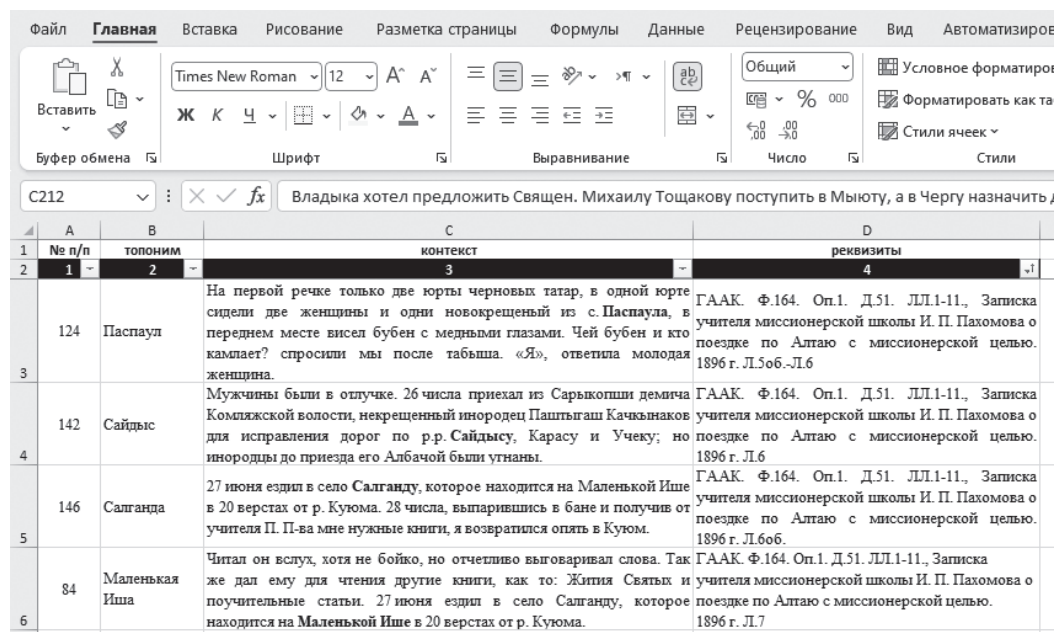

Рис. 3. Сортировка по полю № 4 «реквизиты» листа «контексты»

В ходе создания базы данных преподавателями кафедры русского языка как иностранного был написан ряд работ по проблематике тюркских топонимов, среди которых отметим следующие научные статьи: Дмитриева Л. М., Сорокина М. О., Титова М. В. «Тюркские лексемы: контекстуальный анализ группы «термины общественного устройства» (по материалам эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX веков)» [6]; Злобина Ю. И., Сорокина М. О. «Названия жителей поселений Алтайского региона (на материале эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века)» [7]; Дмитриева Л. М., Сорокина М. О., Титова М. В. «Оттопонимические образования в текстах Алтайской духовной миссии конца XIX — начала XX века» [8].

Материалы базы данных позволяют сделать вывод, что образование катойконимов и адъективомов от тюркских по происхождению топонимов в эпистолярном наследии Алтайской духовной миссии носит регулярный характер, а значит, тюркские топонимы были освоены словообразовательной системой русского литературного языка середины XIX — начала XX века.

Список использованных источников и литературы

1. Вешкина Н. М. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Сибири и на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: дисс. ... канд. филос. н. — СПб., 2014. — 198 с.
2. Крейдун Ю. А. Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: сборник архивных документов. — Барнаул: Барнаульская духовная семинария, 2016. — 204 с.
3. Николаев В. В. Алтайская духовная миссия и «инородцы» предгорий Северного Алтая // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2010. — № 4 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/altayskaya-duhovnaya-missiya-i-inorodtsy-predgoriy-severnogo-altaya> (дата обращения: 30.03.2023).
4. Крейдун Ю. А. Алтайская духовная миссия: наследие, традиции, деятельность // Макарьевские чтения: материалы XI международной научно-практической конференции (21–24 сентября 2016 года) / отв. ред. Ф. И. Куликов. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. — С. 37–41.
5. Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. — 2-е изд., расш. и перераб. — Т. I–II. — Щецин: Volumina, pl Daniel Krzanowski, 2018.
6. Дмитриева Л. М., Сорокина М. О., Титова М. В. Тюркские лексемы: контекстуальный анализ группы «термины общественного устройства» (по материалам эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX веков) // Алтайские корни тюркской цивилизации: материалы Международной научной конференции. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2023. — С. 126–133.
7. Злобина Ю. И., Сорокина М. О. Названия жителей поселений Алтайского региона (на материале эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века) // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве: сборник материалов Международной научной конференции / отв. ред. С. Г. Максимова. — Вып. 12. Том 2. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023.
8. Дмитриева Л. М., Сорокина М. О., Титова М. В. Оттопонимические образования в текстах Алтайской духовной миссии конца XIX — начала XX века // Кросс-культурная Ассамблея к 350-летию Петра Великого «Выше всех добродетелей рассуждение, ибо всякая добродетель без разума — пуста»: языковые и медийные ресурсы российских трансграничных территорий: сборник статей по итогам проведения Кросс-культурной Ассамблеи к 350-летию Петра Великого (8–10 июня 2022 года, Барнаул) / Н. В. Халина. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. — С. 80–84.

Сведения об авторах: Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: rkiasu@mail.ru

Аникин Денис Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: anikin@edu.asu.ru

УДК 811.512.1

Юньфэй Чжан

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета «Тюркский мир „Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002) и НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»

Аннотация. В статье исследуются иноязычные топонимы Большого Алтая, которые представляют собой топонимический слой, сложившийся на этой территории. Большой Алтай как приграничная территория издревле представлял собой смешанную этническую территорию, что, в силу разнообразия этносов и языков, сделало топонимы на этой территории многоязычными. Иноязычные топонимы могут всесторонне показать нам этнические, культурные и языковые особенности этой территории, а также их исторические изменения.

Ключевые слова: Большой Алтай, Горный Алтай, Синьцзян, иноязычные топонимы, этимология, семантика.

Yunfei Zhang

Altai State University (Barnaul, Russia)

TO THE ETYMOLOGY OF SOME TOPONYMS OF GREATER ALTAI

Abstract. This article examines foreign language toponyms of the Greater Altai, which represent the toponymic layer that has developed in this territory. Since ancient times, Greater Altai, as a border area, has been a mixed ethnic territory, which, due to the diversity of ethnic groups and languages, made toponyms in this territory multilingual. Foreign language toponyms can comprehensively show us the ethnic, cultural and linguistic features of this territory, as well as their historical changes.

Keywords: Great Altai, Gorny Altai, Xinjiang, foreign language toponyms, etymology, semantics.

Современные топонимические исследования многогранны. Топонимы отражают контакты между разными этническими группами в определенный период времени, а также их национально-культурные особенности. В данной статье будет проведен этимологический и семантический анализ некоторых топонимов Большого Алтая.

Семантика топонимов сложна: даже жители, проживающие в одной местности, не всегда понимают значение всех топонимов той местности, где они живут. Анализ иноязычных топонимов является наиболее ценным материалом для изучения истории языков и языковых изменений, а также наиболее эффективным методом изучения распространения языков в прошлом.

«Иноязычные слова — это слова из иностранных языков и других национальных языков страны. Эти слова сохраняют произношение и значение оригинальных языков» [1]. Изучение иноязычных слов всегда было одной из важных проблем в исследованиях по культурологии, лексике и т.д. Иноязычные топонимы включают как топонимы из иностранных языков, так и топонимы из языков национальных меньшинств в этой стране. Они относятся к особой категории топонимов, отражающих двойственный характер языка и культуры, то есть имеющих две разные фонетические и грамматические системы одновременно.

Согласно статье «Иноязычный топоним» на китайском веб-сайте Энциклопедия Байду, иноязычный топоним — это термин географии, объявленный Китаем в 2006 году [2]. Это также означает, что до публикации этого научного термина исследование иноязычных топонимов в Китае не отличалось от других исследований обычных топонимов.

Большой Алтай, как приграничная территория, имеет чрезвычайно богатое языковое наследие, которое непосредственно отражается и в его топонимах. Большой Алтай включает в себя часть тер-

риторий: России, Монголии, Казахстана и Китая. В силу сложности этнического состава и разнообразия языков этой территории, топонимия в Большом Алтае находится под влиянием монгольской и алтайской семьи языков. Среди них особенно очевидно влияние монгольского и тюркского языков, делающих топонимы Большого Алтая содержательно чрезвычайно разнообразными.

Синьцзянская часть Большого Алтая имеет богатую и разнообразную этническую культуру, и эти культуры также оказали серьезное влияние на эту территорию. Среди функционирующих топонимов в связи с популяризацией китайского языка некоторые иноязычные топонимы претерпели небольшие изменения, то есть наполовину являются китайскими, наполовину исходными. В случае языкового заимствования часть структуры топонима переводится на официальный (китайский) язык. Например:

Усу, название города, до появления Китайской Республики (1912–1949 гг.) называлось Куль-ка-ра-су, в переводе на китайский язык означает Черноводное озеро (Озеро Черной воды). После основания Китайской Народной Республики слово «Кара» было заменено китайским синонимом «У» — часть китайского языка, означающая черный и темный, а слово «куль» (происходит из тюркского языка) — озеро, было опущено, что привело к сокращению — «Усу», «су» — (происходит из тюркского языка) означающее воду, поэтому топоним «Усу» означает черная вода [3, с. 422].

Вследствие того, что популярность китайского языка возросла, некоторые топонимы были полностью переведены с языка оригинала на китайский. Например:

Моюй, этимология которого происходит из тюркского языка, означает «черный камень» и назван в честь близости к реке Каракаш, Каракаш в уйгурском языке тоже означает черный камень [3, с. 411]. Значение слова «Мо» в «Шуовэнь Цзецзы» (Объяснение слова), написанном Чэнь Чанжи во времена династии Цин, — это чернильная палочка, используемая для письма, от земного до черного цвета [4]. А слово «каш» переводится на китайский язык как камень. Поэтому этот топоним полностью отказался от исходного языкового названия реки Каракаш и был переведен на китайский язык как Моюй. Стоит отметить, что река Каракаш сохранила свое название на языке оригинала.

Вэньцюань, название уезда, является китайским переводом из монгольского слова «Рашан» или «Арашан» — «горячий источник», поэтому уезд назван в честь множества горячих источников, и полностью переводится на китайский язык — Вэньцюань, означает так же, как в монгольском языке, — «Горячий источник» [3, с. 419].

Карамай, название города, этимология его тюркского происхождения, означающего черный мазут [3, с. 408].

Хами, название города, одно из высказываний заключается в том, что его этимология происходит от древнеиранского, что означает низина. Согласно «Историческим записям словам и текстам западных регионов» (кит: «西域词文图志»): это транслитерация слова «Халмель», происходящего из языка хузэй, что означает «сторожевая башня». Китайские ученые считают это утверждение ненаучным. Широко распространено мнение, что его этимология происходит от раннеалтайского языка, означающего «ворота». Он был назван так, потому что расположен на единственной дороге между Западными регионами и Центральными равнинами [3, с. 410].

Ават, название округа, на древнем иранском языке означает процветание [3, с. 412].

В Синьцзяне также есть топонимы, появившиеся довольно поздно. В Синьцзянской части Большого Алтая в Китае большинство маньчжур являются потомками маньчжурских офицеров и солдат восьми знамен, которые были направлены в гарнизон Синьцзяна во времена династии Цин, маньчжурских чиновников, которые были отправлены на службу в Синьцзян или были понижены в должности до Синьцзяна, и маньчжуры, добровольно переехавшие в Синьцзян [5]. Кроме того, язык Сибирский, как ветвь маньчжурского языка, также является иноязычным в синьцзянской части Большого Алтая. Сибирский — это язык, возникший в результате частичной миграции из Северо-Восточного Китая (около Дальнего Востока России) в Синьцзян в середине 18 века.

Распространен в Капкальсибирском автономном округе Синьцзяна, в Хуочэне, Гунлю, Тачэне и других местах. Язык народа сибирских очень похож на язык маньчжурского народа. До 1947 года жители сибирского в основном использовали маньчжурский язык. После 1947 года языковые работники сибирского основали «Культурную ассоциацию Сибирский Солон» в городе Инин. В этот период были изменены формы некоторых букв маньчжурского языка и добавлены необходимые формы написания. Следующие топонимы произошли от маньчжурского и сибирского языков. Например:

Хутуби, «Хуту» на маньчжурском языке означает «призрак», а «би» означает «есть (существует)», топоним переводится как «место с призраками». Это топоним возник после того, как династия Цин подавила джунгарское восстание в западных регионах. В 1764 году император Цяньлун перенес лагерь Сибинский из Шэньяна на северо-востоке, чтобы двинуться на запад, в Или, чтобы охранять границу. Люди встречались с трудностями в течение года, прежде чем достигли Или. Когда они разбили лагерь в полевом месте недалеко к западу от Урумчи, подул вихрь, и животные на кладбище издавали шум, поэтому люди не выспались. Они считали, что нельзя оставаться здесь надолго, и назвали этого места «Хутуби» — место, где «существуют призраки». Поэтому они сразу же продолжили движение на запад, но позже здесь поселились другие этносы, возможно, не понимающие маньчжурского языка, и название Хутуби также сохранилось [3, с. 419].

Иче Гашан: Название посёлка, «Иче» на маньчжурском означает «новый», а «Гашан» означает «деревня» и «место, где собираются люди». Полное название можно перевести как «новая деревня», «новое место, где собираются люди» или «новый город». Возможно, что маньчжурский топоним остался после того, как люди Сибинские двинулись на запад в Или или когда маньчжурские офицеры и солдаты были расквартированы в Или [3, с. 421].

Капкальсибинский автономный округ, название происходит от языка сибинского, что означает зернохранилище [3, с. 421].

Таким образом, что касается топонимов в Синьцзяне, то большая их часть являются иноязычными. И все иноязычные топонимы были переведены на китайское произношение и получили письменную форму китайскую.

Отображаются следующие типы: 1) топонимы, наполовину китайские, наполовину на языке оригинала, 2) топонимы, полностью переведенные с языка оригинала на китайский, 3) топонимы, полностью сохраняющие произношение языка оригинала и транслитерированы в китайское произношение.

Под влиянием культуры народов, говорящих на тюркских языках, Синьцзян имеет наибольшее количество иноязычных слов в топонимии. Иноязычные топонимы в Синьцзяне в основном происходят из монгольских и тюркских языков, причем количество топонимов с одной этимологией намного больше, чем топонимов с множественной этимологией. Судя по особенностям перевода и заимствования, транслитераций гораздо больше, чем вольных переводов. Многие иноязычные слова транслитерируются напрямую и оформляются китайскими иероглифами. С точки зрения семантических характеристик большинство из них связано с природными объектами, в основном с опорой на горы, реки и формы рельефа.

Топонимы российской части Большого Алтая в основном происходят из алтайского, тюркского и тувинского языков. По существу, топонимы в Большом Алтае, будь то в российской или китайской части, имеют сильную корреляцию друг с другом.

Ак-Кем, Ак — белый, кем — река, белая, мутно-белая, пенная река [6, с. 123], из тувинского языка. «...Долина Ак-Кема остается довольно широкой почти до впадения правого притока Текелю, но болота здесь сменились ровными наносами из крупной гальки, занятыми мелким березняком. Склон правой стороны не слишком крут; левая сторона переходит в страшные недоступные обрывы, где блестят на солнце полосы синеватых осыпей, смоченных пенными потоками» [7, с. 140].

Ак-Туу, из алтайского языка, гора, расположена в Коксинских белках, в алтайском языке, туу, означает «отдельно стоящая высокая гора», Ак-Туу — белоснежная высокая гора [6, с. 127].

Катунь, река, главная река Горного Алтая. «... По-видимому, название Катунь в Горном Алтае исходит из древнетюркского *кадын/затун* — женщина, госпожа, повелительница — и связано с древним обычаем народов возвеличивать и преклоняться перед большими реками, горами и т.п. И сейчас алтайцы почитают и воспевают *Кадын-Суу*» [6, с. 217].

Шибее, в алтайском языке шибее — крепость; на тувинском языке шибее — крепость, ворота; на монгольском языке шибее — 1) изгородь, частокол, 2) воен. укрытие, укрепление. «... Крепости или шибее на Алтае тоже укреплялись камнем...» [6, с. 348].

Эм-Суу, река, в алтайском языке эм-суу означает «целебная вода», в тюркском языке ем — лечебное, средство, лекарство [6, с. 355].

Таким образом, проблема многоязычности топонимов всегда была горячей темой в лексикологии и лингвистике, а в топонимии также часто вызывает вопросы у ученых. Сопоставительный ана-

лиз синьцзянской и русской частей топонимов в Большом Алтае является основной работой данной статьи, а их совместный анализ также является перспективным как для лингвистики, так и для культурологии, поскольку эти топонимы созданы под влиянием региональных народных обычаев и являются продуктом переплетения множества культур.

Список использованных источников и литературы

1. 符淮青. 现代汉语词汇 [M]. 北京: 北京大学出版社, 1985:184. Фу Хуайцин. Современный китайский словарь [M]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 1985: 184.
2. Термин «Иноязычный топоним» на китайском веб-сайте Энциклопедия Байду. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%A4%96%E6%9D%A5%E8%AF%AD%E5%9C%B0%E5%90%8D/5132946> (Дата обращения: 09.10.2023)
3. 牛汝辰, 中国地名由来词典/牛汝辰. 北京: 中央民族大学出版社, 1999. 第422页 ISBN 7-81056-285-1 Нью Жучэнь, Словарь происхождения китайских топонимов / Жучэнь Нью, Пекин: Издательство Китайского Народного университета, 1999. Страница 422 ISBN 7-81056-285-1
4. Китайский иероглиф «墨» (произношение — Мо) в «Шуовэнь Цзецзы» (Объяснение слова), написанном Чэнь Чанчжи во времена династии Цин. URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi/mo774.htm>
5. 新疆地名故事: 满语、哈萨克语等语源地名. (Рассказ о топонимах Синьцзяна: маньчжурских, казахских и других этимологических топонимах.) URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1709798634491040648&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 17.09.2023).
6. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. — 397 с.
7. Сапожников В. В. По русскому и монгольскому Алтаю / под науч. ред. и с комм. В. В. Обручева. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. — 580 с.

Сведения об авторе: Чжан Юньфэй, ассистент кафедры русского языка как иностранного ИГН Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: yunfey@yandex.ru

УДК 811.512.1

Ю. И. Злобина, М. О. Сорокина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ АДЪЕКТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА)

Статья подготовлена в рамках выполнения Госзадания «Тюркский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена исследованию тюркских топонимических адъективных наименований, выявленных в ходе анализа текстов эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии (середины XIX — начала XX века). Описана структура анализируемых адъективов. Выявлено, что большинство данных адъективных топонимов обозначают административные и конфессиональные объекты

на территории деятельности Русской православной миссии и связаны с ее работой. Дается определение топонимам «стан» и «отделение». Определяются топонимы, послужившие основой для образования выявленных адъективов.

Ключевые слова: адъективные топонимические наименования, тексты Алтайской православной миссии, контексты, тюркские топонимы.

Y. I. Zlobina, M. O. Sorokina
Altai State University (Barnaul, Russia)

THEMATIC CLASSIFICATION OF TURKIC TOPONYMIC ADJECTIVES (BASED ON THE EPISTOLARY HERITAGE OF THE ALTAI SPIRITUAL MISSION OF THE MID-19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Abstract. The article is devoted to the study of Turkic toponymic adjectival names identified during the analysis of texts from the epistolary heritage of the Altai spiritual mission (mid-19th — early 20th centuries). The structure of the analyzed adjectives is described. It was revealed that most of these adjectival toponyms designate administrative and confessional objects in the territory of activity of the Russian Orthodox Mission and related to its activities. A definition is given to some toponyms: «стан» and «отделение». The toponyms that served as the basis for the formation of the identified adjectives are determined.

Keywords: adjective toponymic names, texts of the Altai Orthodox mission, contexts, Turkic place names.

В данной работе мы продолжаем начатое ранее исследование текстовых архивных материалов Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века. Наследие, представленное данными документами, дает широкие возможности для различных исследований в области лингвистики: лингвостатистических, этимологических, лексикографических, ономазиологических, а также топонимических.

В анализируемых нами эпистолярных текстах Алтайской духовной миссии очень часто упоминаются различные топонимы, среди которых есть и адъективы. Данные топонимические лексемы представляют дополнительную информацию об особенностях топонимической системы Алтайского региона того периода и ее историческом становлении. Топонимы всегда тесно связаны с историей региона.

Топонимическая система — определенным образом организованная совокупность топонимов исследуемого этноса для данного времени на данной местности [1, с. 146]. По мнению А. И. Попова, «... если мы хотим добиться отчетливого понимания всех фактов, касающихся географических названий того или другого края, области, района или даже более мелкого объекта... настоятельно рекомендуем интересоваться письменными источниками» [2, с. 175]. Таким образом, исследования топонимических наименований в текстах какого-либо периода имеют важное лингвистическое значение и требуются не только в топонимическом направлении, но и в других отраслях языкознания.

Понятие «адъектив», используемое нами в данной работе, относится к топонимам, включающим в себя прилагательное в качестве основного компонента. Адъективы принадлежат к лексико-семантическому классу предикатных слов, обозначающих непроцессуальный признак (свойство) предмета, события или другого признака, обозначенного именем. Все подобные названия являются топонимическими словосочетаниями, состоящими обычно из двух частей: основного компонента (именной части) и нарицательного слова или слов. Например, *Начальнику Алтайской Миссии о переводе меня из Усть-Канского стана в Черно-Ануйский. Телеграмма подана была из Онгудая в Томск. Л. 15 (Письмо свящ. М. Абышкина ЦХАФ АК Ф. 164. Оп. 1. Д. 88. ЛЛ. 15–15об.)*.

Цель нашего исследования — обозначить тематическую классификацию тюркских топонимических адъективов, зафиксированных в текстах эпистолярного наследия Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века, и описать их особенности.

Адъектив как способ наименования в топонимике чаще всего характеризует административные объекты или учреждения, появившиеся позже, чем основной топоним, ставший основой

для образования данного адъектива. По сути своей, адъективное наименование — это притяжательное прилагательное, ставшее общеупотребительным и закрепившееся в топонимической системе для характеристики какого-либо объекта. Адъективные топонимические названия могут иметь территориальные единицы — районы, области и т.д., а также административные сельские или городские объекты — школы, больницы, театры, в том числе и конфессиональные объекты — соборы, церкви, часовни и пр.

В ходе нашего исследования было выявлено, что отмеченные нами топонимические адъективы тюркского происхождения преимущественно относятся к административным объектам и учреждениям, относящимся к сфере деятельности Алтайской православной миссии. Все эти топонимические обозначения, хотя и образованы от тюркских названий, получили форму, характерную для русской грамматической системы: притяжательный суффикс «-ск» и стандартная родовая и падежная система окончаний русского имени прилагательного.

Во-первых, отметим большую группу тюркских топонимических адъективов, обозначающих административные объекты: наименования станов и отделений, как административно-территориальных единиц Русской православной миссии в Алтайском крае.

По В. И. Далю, «стан — м. место, где путники, дорожные стали, остановились для отдыха, временного пребывания, и все устройство на месте, с повозками, скотом, шатрами или иными удобствами; место стоянки и все устройство; ... Стан рыбачий, сев. ватага, притон. Стан лесников, балаган, хижка, шалаш, землянка. ... Стан в уезде, жительство, пребывание станового пристава, и || самый округ ведомства его» [3, с. 615].

Однако в эпистолярных текстах подразумевается другое значение лексемы «стан», а именно — «миссионерский стан»: «миссионерские станы, центры православной миссионерской деятельности, располагавшиеся в непосредственной близости к местам проживания «иноверцев». Создавались с целью привлечения к христианству и утверждения новокрещенных в православии» [4]. «При стане обычно имелись деревянная или каменная церковь, жилой дом миссионера с хоз. пристройками и земельным наделом, иногда — часовня. Часто рядом со станом селились новокрещенные. Площадь стана составляла около 1 га, он был обнесен оградой, внутри которой располагался дом миссионера, а также дом, в котором жил толмач с семьей, состоявший из двух изб под одной кровлей. Избы включали в себя две комнаты, разделенные сенями. Вне территории стана было еще два дома, используемые для проживания новокрещенных без жилья» [5, с. 36].

В текстах встречаются следующие адъективные наименования станов: Абайский, Мыютинский, Онгудайский, Таштинский, Черно-Ануйский, Улагинский, Усть-Канский, Чибитский, Чолушманский, Эдиганский и др.

Контексты: Абайский стан (наименование образовано от топонима Абай (село Усть-Коксинского района Республики Алтай): *Учитель Сайдысской школы Иосиф Танышев, как не имеющий прав учителя назначен псаломщиком к Абайскому стану благочиния 2го округа Алтайской Миссии, а на его место назначен временно ученик 3го класса Катихизаторского училища Александр Тырмаков.* Л. 45 (Записки Миссионера Александровского отделения Алтайской Миссии за 1914 г. (ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 86. ЛЛ. 45–50). Мыютинский стан (наименование образовано от топонима Мыюта (село Шеба-линского района Республики Алтай): *Первым местом моего служения в Алтайской Духовной Миссии был Мыютинский стан, куда я был назначен в 1899 году Преосвященным Сергием, Епископом Бийским.* Л. 1. (Записки Миссионерского фельдшера Алексея Нелюбина за 1907 г. (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 121. ЛЛ. 1–4). Черно-Ануйский стан (наименование образовано от топонима Черный Ануй (село Усть-Канского района Республики Алтай): *В 1906 году я был переведен в Черно-Ануйский стан и. д. псаломщика.* Л. 2. (Записки Миссионерского фельдшера Алексея Нелюбина за 1907 г. (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 121. ЛЛ. 1–4).

Отделение: «по мере расширения деятельности в миссии возникла новая территориальная структурная единица — отделение. В каждом отделении могло находиться несколько церквей и молитвенных домов, например, в Улалинском — 8, Чемальском — 4, Мыютинском — 3 и т.д. ... В 1881 г. насчитывалось 11 отделений, из них два в Кузнецком округе (Кондомское и Мрасское) и девять в Бийском (Мыютинское, Улалинское, Чемальское, Черно-Ануйское, Урскульское, Катандинское, Чолышманское, Кебезенское и Макарьевское)» [6, с. 103].

В текстах встречаются следующие адъективные наименования отделений: Ануйское, Абайское, Кебезенское, Усть-Канское, Чуйское, Черно-Ануйское, Урскульское, Чергинское, Мыютинское и др.

Контексты: Мыютинское отделение (наименование образовано от топонима Мыюта): *По позволению о. Терентия, мы с Алексеем Конзычаковым для проповеди слова Божия ездили по алтайцам язычникам, живущим по р. р. Кукуе и вершинам Черги Мыютинского отделения*. Л. 7. (Записка учителя Ильинской миссионерской школы Амфилохия Каншина за июнь 1888 г. (ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–9об.). Чергинское отделение (наименование образовано от топонима Черга (село Шебалинского района Республики Алтай): *В 1904 году я был переведен и. д. псаломщика в Чергинское отделение, но и здесь за время моей службы, я не оставлял своей аптеки и, по мере возможности, удовлетворял, как русских, так и инородцев, обращавшихся ко мне за помощью*. Л. 2. (Записки Миссионерского фельдшера Алексея Нелюбина за 1907 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 121. ЛЛ. 1–4); Урскульское отделение (наименование образовано от топонима Урсул (река в Горном Алтае): *В сем 1908 г. в число служащих Урскульского отделения входили нижеследующие лица: мисс. священ. Константин Соколов, диак. Ив. Каланаков, учит. Николай Уксегешев и и. д. псал. Григорий Ячменев*. Л. 108. (Записки Урскульского миссионера Константина Соколова за 1908 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 12. ЛЛ. 108–108об., 114–118об.).

Во-вторых, отметим группу адъективных тюркских наименований конфессиональных объектов, таких как церкви и монастыри:

Контексты: Мыютинская церковь (наименование образовано от топонима Мыюта (село в Шебалинском районе Республики Алтай): *Торгующий в заселке Туякте Василий Стефанович Воронцов пожертвовал пятьсот рублей на покупку богослужебных книг для Мыютинской церкви*. Л. 121об. (Записка Мыютинского миссионера Владимира Постникова за 1908 г. от 6 ноября 1908 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 12. ЛЛ. 119–122). Улалинская Спасская церковь (наименование образовано от топонима Улала — ныне несуществующее село, на месте которого сегодня расположен административный центр Республики Алтай — город Горно-Алтайск): *К 1 ноября настоящего года причт Улалинской Спасской церкви имеет в своем наличном составе двух священников: настоятеля и благочинного 1 округа церковью Алтайской миссии — священника Павла Сорокина, младшего священника Иоанна Чевалкова и псаломщика Дмитрия Таскина*. Л. 1об. (Записки младшего миссионера села Улалинского священника Иоанна Чевалкова за 1915 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 101. ЛЛ. 1–8).

Монастыри: Улалинский женский и Чолышманский Благовещенский мужской монастыри. «В первые годы работы Алтайской миссии были открыты две обители: сначала мужская в долине р. Чулышман за Телецким озером, затем женская — недалеко от с. Улала, бывшей резиденции начальника миссии. В анализируемом документе (отчет Алтайской духовной миссии за 1914 г.) отмечается, что к указанному году Чулышманский Благовещенский мужской и Улалинский Николаевский женский являлись старейшими монастырями в регионе» [7, с. 140].

Контексты: *Правда, есть иной путь в Чолышманский монастырь, по Чуйскому тракту, чрез Онгудай, но этот путь, большею частию вьючный, крайне неудобен от множества горных перевалов, опасных «бомов» чрез бурные речки Катунь и Башкаус; при том они длиннее первого пути (чрез Телецкое озеро) почти на 300 верст*. Л. 1об. (Письмо Преосв. Макария к Министру Путей Сообщения от 25 января 1907 г. ЦХАФ АК Ф. 164. Оп. 1. Д. 132. ЛЛ. 1–2); *Храм в селе был освещен. Встретили Владыку местный благочинный свящ. о. Павел Сорокин, ближайшие миссионеры, Настоятельница Улалинского монастыря и жители в довольно большом количестве, несмотря на поздний час*. Л. 100об. (Записка [Благочинного АДМ о. Павла Сорокина]. Преосвященнейший Анатолий Епископ Томский и Алтайский на Алтае. Май 1915 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 89. ЛЛ. 99–108. ...). *В отчете Алтайской Духовной миссии за прошлый 1915 год упоминается о желательной реформе правления Чолышманского Благовещенского монастыря и о постановке оного монастыря на более высокую точку, особенно по отношению к местным и заграничным инородцам и, верится мне, что, если сбудется желаемое с монастырем, то тогда и школа наша послужит центром просвещения нашей страны далекой*. Л. 93об. (Доклад Учителя Чолышманской школы иеромонаха Питирима Преосвященнейшему Иннокентию, Епископу Бийскому от 30 ноября 1916 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 110. Л. 90–93об.).

Наименования Улалинский и Чолышманский образованы от топонимов Улала (село, см. выше — Улалинская церковь) и Чолышман (Чулышман) — река в Горном Алтае, а также долина, по которой она протекает.

Наконец, еще одна группа тюркских наименований-адъективов — адъективные оттопонимические обозначения школ и лечебниц, которые были организованы на территории миссионерских станов для местных жителей, как новокрещенных, так и инородцев-иноверцев, и их детей. Данные наименования нельзя в полной мере считать топонимами, поскольку их употребление в качестве наименования не вошло в систему, они используются в этой функции нерегулярно и контекстуально. Однако же данные названия образованы от тюркских топонимов и упоминаются в текстах, поэтому мы сочли возможным включить их в текст статьи.

Школа. Контексты: *В Билюлинской церковно-приходской школе назначен вторым учителем Лузин, который по сие время не прибыл к месту служения, так как в Билюлинской школе даже при одном учителе обучалось более 50ти человек, а с назначением второго учителя учащихся будет до 60 человек и более.* Л. 45 (Записки Миссионера Александровского отделения Алтайской Миссии за 1914 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 86. ЛЛ. 45–50) — наименование образовано от топонима Билюлино (Бирюлино/Бирюля/Билюля) — село Майминского района Республики Алтай. *В отчетном году перемены в составе служащих в Чуйском отделении были следующие: назначен в Кош-Агач новый псаломщик Василий Ялбачев из ок. к. [Катих.] училища и переведен учитель Феодор Тозыяков из Кара-Кемской школы в Чибитскую.* Л. 17 (Записки миссионера Чуйского отделения В. Токпешева за 1908 г. от 20 октября 1908 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 31. ЛЛ. 17–22) — наименование образовано от топонима Кара-Кем (Каракем/Карагем) — река в Кош-Агачском районе Республики Алтай. *Учитель Сайдысской школы Иосиф Танышев, как не имеющий прав учителя назначен псаломщиком к Абайскому стану благочиния 2го округа Алтайской Миссии, а на его место назначен временно ученик 3го класса Катихизаторского училища Александр Тырмаков.* Л. 45 (Записки Миссионера Александровского отделения Алтайской Миссии за 1914 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 86. ЛЛ. 45–50) — наименование образовано от топонима Сайдыс (Садыс/Сайдас) — река в Майминском аймаке Республики Алтай.

Лечебница. Контексты: *Так, например, я, для приближения к себе инородцев и с целью помочь им в деле пресечения смертности их детей от оспы, принявшей между ними эпидемический характер, принял на себя привитие оспы, что, благодаря любезности врача Улалинской лечебницы Михаила Алексеева Иволгина, мною было осуществлено: он снабдил меня ланцетом и несколькими трубочками дитрита, возобновляя их при новых получениях.* Л. 126об. (Записка Миссионера Тайнинского отделения Алексея Петропавловского за 1905 г. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 27. ЛЛ. 125–126а. об.).

Таким образом, топонимы-адъективы, упоминаемые в эпистолярных текстах Алтайской духовной миссии середины XIX — начала XX века, можно разделить на следующие тематические группы: наименования административных объектов — станов и отделений, как административно-территориальных единиц Русской православной миссии в Алтайском крае; наименования конфессиональных объектов, таких как церкви и монастыри; названия школ и лечебниц, которые были организованы на территории миссионерских станов. Данные тематические группы отражают процесс перехода от основного топонима тюркского происхождения к называнию административных объектов или учреждений по русской словообразовательной модели: притяжательный суффикс «-ск» и стандартная родовая и падежная система окончаний русского имени прилагательного.

Список использованных источников и литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — С. 146.
2. Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. — Л.: Наука, 1981. — 206 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1882. — Т. 4: Р-Я. — 704 с.
4. Миссионерские станы // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=6929> (дата обращения: 12.10.2023).
5. Крейдун Ю. А. Алтайская духовная миссия в 1830–1919 годы: структура и деятельность. — М., 2008.
6. Голубцов С. В. Отделения и миссионерские станы Алтайской духовной миссии в XIX в. // Вестник ОмГУ. — 2014. — № 3 (73).
7. Васильева С. В., Ахмадулина С. З. Просветительское значение монастырей Алтайской духовной миссии во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам государственного архива Томской области) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. № 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/>

article/n/prosvetitskoe-znachenie-monastyrey-altayskoj-duhovnoy-missii-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-v-po-materialam-gosudarstvennogo (дата обращения: 14.10.2023).

Сведения об авторах: Ю.И. Злобина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: zlobyi@yandex.ru

М. О. Сорокина, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: soro.maria2013@yandex.ru

УДК 811.161.1

О. А. Коба

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ АРХИТЕКТУРЫ СТУДЕНТОВ РЕГИОНА БОЛЬШОЙ АЛТАЙ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Статья посвящена лингводидактическому механизму обучения профессиональному языку, который в современной науке обозначается термином «мультиmodalность» и предполагает объединение нескольких источников дискурсивной информации для наиболее полного вхождения познающего субъекта в смысловое пространство аутентичного текста на изучаемом языке. Особое внимание в статье уделено типам (модусам) такого объединения. Работа адресована преподавателям русского языка как иностранного, а также тем, кто интересуется вопросами интеграции народов Большого Алтая в единое профессиональное языковое пространство.

Ключевые слова: архитектурно-дизайнерский дискурс, архитектурный объект, признаковая структура, признак, мультиmodalность, модус (текстовый, визуальный).

О. А. Kiba

Altai State University (Barnaul, Russia)

DISCURSIVE FOUNDATIONS OF TEACHING THE LANGUAGE OF ARCHITECTURE TO STUDENTS OF THE REGION THE GREAT ALTAI (ON THE EXAMPLE OF MODERN RUSSIAN AND KAZAKH LANGUAGES)

Abstract. The article is devoted to the linguodidactic mechanism of teaching a professional language, which is designated by the term «multimodality» and involves combining several sources of discursive information for complete entry of the cognizing subject into the semantic space of an authentic text in the studied language. Special attention is paid in the article to the types (modes) of such an association. The work is addressed to teachers of Russian as a foreign language and those, who are interested in the integration of the peoples of The Great Altai into a single professional language space.

Keywords: architectural and designer discourse, architectural object, feature structure, feature, multimodality, mode (textual, visual).

1 Экспликация признаков структуры архитектурного объекта в рамках текстового модуса

В настоящее время на первый план в лингводидактике профессионального языка выходят такие понятия теории перцепции, как «визуальность» (зрительно воспринимаемые свойства объектов) и «визуализация» (представление информации в приспособленном к зрительному восприятию виде). Как отмечает Е. Ю. Протасова в своей работе «Видимое и сказанное: лексический выбор и сочетаемость», обучение, идущее через зрительное восприятие, лидирует в новых методиках обучения [1, с. 396]. Особую актуальность визуализация языкового материала приобретает в рамках архитектурно-дизайнерской сферы профессионального общения, поскольку все смыслы, содержащиеся в аутентичном тексте, должны быть подкреплены на уровне зрительного восприятия описываемого объекта.

Мультимодальность понимается как возможность передачи дискурсивной информации о том или ином объекте окружающей действительности (в нашем случае — об архитектурном объекте) с помощью двух или нескольких информационных каналов. Каждый из этих каналов (модусов) является автономным, т. е. может передавать полную информацию самостоятельно и независимо от других. Например, если познающий субъект прочитает микротекст об архитектурном объекте (проектируемом или реальном), он составит исчерпывающее представление в виде количественных и качественных характеристик этого объекта. Однако такое полное представление в сознании познающего субъекта будет возможно только в том случае, если он перед знакомством с текстом обладает исходными знаниями о важнейших признаках (характеристиках) описываемого объекта, т. е. является профессиональным архитектором. В противном случае читающий не сможет в полной мере представить тот или иной признак объекта на основании текстовой информации. Именно в таком положении находится учащийся как познающий субъект, когда он приступает к освоению профессионального дискурса. Таким образом, для того чтобы учащийся смог войти в смысловое пространство профессиональной сферы общения, необходимо выполнение двух базовых условий: с одной стороны, объект, находящийся в центре внимания говорящего (пишущего) и слушающего (читающего), должен быть взят не как нерасчлененное целое, а, наоборот, в виде отдельного элемента, а с другой — сложные для представления «фрагменты» информации должны подкрепляться другими каналами (модусами).

С 2014 г. по настоящее время мы развиваем методику обучения архитектурно-дизайнерскому курсу, основанную на признаковом анализе объекта. В максимально развернутом виде признаковая структура архитектурного объекта представляет собой 10 характеристик: 1) количество, 2) причина, 3) местоположение, 4) материал, 5) форма, 6) цвет и фактура, 7) возникновение и существование, 8) функция, 9) действие, 10) сопоставление с другим объектом. Каждая тема учебного курса соответствует определенной характеристике описываемого объекта и включает в себя задания, в которых сочетаются два основных для архитектурно-дизайнерской сферы модуса: а) текстовый и б) визуальный. Комбинация базовых признаков со способами их представления (экспликации) составляет основу механизма мультимодальности.

Формула текстового модуса выглядит следующим образом:

$$D_{\text{inf.}}(O): T \{F_1 + F_2 + \dots F_n\},$$

где $D_{\text{inf.}}(O)$ — дискурсивная информация об архитектурном объекте; T — текстовый модус, в рамках которого эксплицируется эта информация; $F_1, F_2 \dots F_n$ — признаки, составляющие в совокупности полную информацию об объекте.

Важным принципом методики обучения профессиональному иностранному языку является национально-культурная ориентация изучаемого дискурсивного материала [2, с. 95]. В соответствии с таким подходом все тексты об архитектурных объектах могут быть разделены на две группы: а) тексты, в которых описываются объекты национальной архитектуры (в нашем случае — архитектура современного Казахстана), б) тексты, в которых описываются достижения той страны, в которой учится иностранный студент. Направление и последовательность освоения текстового материала на занятии по профессиональному языку задаются принципом «обратного страноведения», т. е. сначала учащийся осваивает основы экспликации признаков структуры на родном языковом материале, а затем «переносит» свои знания на изучаемый (русский) язык.

Рассмотрим действие этого механизма в рамках текстового модуса на примере микротекстов об одном из самых известных архитектурных объектов современной Астаны — ТРЦ «Хан Шатыр», представив параллельные фрагменты на родном (казахском) и изучаемом (русском) языке в виде таблицы с эксплицированной признаковой структурой [3].

Таблица 1

Экспликация признаковой структуры архитектурного объекта в рамках текстового модуса

Микротексты об архитектурном объекте на родном (казахском) языке:	Микротексты об архитектурном объекте на изучаемом (русском) языке:
Микротекст 1	
«Хан шатыр» сауда ойын-сауық орталығының (О) атауы қазақ тарихындағы екі маңызды терминнің бірігуі нәтижесінде пайда болды. «Хан» — түркі халықтарының билеушісі, «шатыр» — ортағасырлық тұрғын үй.	Название ТРЦ «Хан Шатыр» (О) возникло в результате слияния двух важных понятий казахской культуры: «хан» — обозначение титула правителя у тюркских народов, «шатыр» — средневековое жилище.
Микротекст 2	
Әйгілі британдық сәулетші Норман Фостер жобалаған (F1) «Хан Шатыр» әлемдегі ең үлкен (F2) шатыр тәріздес ғимарат (F3), сонымен қатар Қазақстандағы (F4) ерекше сырт-келбеті бар ең ірі сауда орталығы (F5).	ТРЦ «Хан Шатыр», спроектированный известным британским архитектором Норманом Фостером (F1), является самым большим (F2) шатровым (F3) зданием в мире , а также крупнейшим торговым центром (F5) с уникальным внешним видом в Казахстане (F4).
Микротекст 3	
Астанадағы (F ₁) « Sky Beach Club » — орталығымыздың күмбезінің астында орналасқан (F ₂) бірегей жабық (F ₃) жағажай (F ₄) клубы.	Sky Beach Club в Астане (F1) — уникальный крытый (F3) пляжный (F4) клуб, расположенный под куполом центра (F2).

Как видно из таблицы 1, признаковая структура архитектурного объекта раскрывается в виде отдельных его характеристик, распределенных по всему текстовому пространству (микротексты 1–3). Первый микротекст знакомит читающего с объектом (комплексом «Хан Шатыр»), акцентируя внимание на истории названия этого комплекса и связи архитектурного проекта с основами тюркской культуры. Экспликация признаковой структуры начинается во втором микротексте. Сначала читающий «видит» акциональный признак объекта, представляющий собой характеристику через действие — результат проектной деятельности Н. Фостера: *спроектированный известным британским архитектором Н. Фостером // әйгілі британдық сәулетші Н. Фостер жобалаған*. Затем внимание читающего акцентируется на сопоставительном признаке описываемого объекта, который выражается превосходной степенью: *самый большой // әлемдегі ең үлкен*. Развертывание признаковой структуры продолжается в виде признака-формы (*шатровый // шатыр тәріздес ғимарат*) и пространственного признака (*в Казахстане // Қазақстандағы*). Завершается микротекст функциональным признаком, т. е. назначением архитектурного объекта: *торговый центр // сауда орталығы*.

В третьем микротексте читающий вновь «видит» пространственный признак (*в Астане // Астанадағы*). Однако в отличие от второго микротекста, здесь мы имеем дело не с «широким» (страна как пространство), а с «узким» (город как пространство архитектуры) признаком. С помощью «узкого» пространственного признака происходит вписывание архитектурного объекта в конкретную архитектурную (городскую) среду. По этому же принципу конкретизации выстраивается дальнейшее описание: в центре внимания в третьем микротексте находится уже не целостный объект, а его часть (клуб). Именно этой части объекта приписывается второй (еще более конкретный и «узкий») пространственный признак: *расположенный под куполом центра // орталығымыздың күмбезінің астында орналасқан*. Завершается микротекст двумя признаками: конструктивным (*крытый // жабық*) и функциональным (*пляжный // жағажай*).

Отметим, что порядок следования признаков в процессе текстового развертывания признаковой структуры в родном и изучаемом языке может быть разным. Однако это не влияет на итоговую «картину», так как для познающего субъекта (учащегося) важно увидеть всю совокупность характеристик объекта, представленную посредством текстового модуса. В ходе анализа мы предварительно вычленили все актуальные признаки объекта. На занятии по профессиональному языку, напротив, необходимо сначала предъявить учащемуся второй микротекст с заранее выделенными признака-

ми, а затем дать задание на самостоятельное выделение характеристик на базе третьего микротекста. В результате выполнения всех лингводидактических шагов (от родного — к изучаемому языку и от выделенных — к невыделенным признакам) сформируется целостное представление об описываемом объекте современной архитектуры.

2. Экспликация признаковой структуры архитектурного объекта в рамках комбинированного (текстово-визуального) модуса

Поскольку архитектура является изобразительным искусством, будущему специалисту необходимо научиться работать не только с текстовой, но и с визуальной дискурсивной информацией об архитектурном объекте. Как правило, визуальная информация включается в структуру архитектурно-дизайнерского дискурса в виде изображения целостного объекта или его элемента. В результате происходит сочетание (комбинация) текстового описания объекта с его визуализацией, а текстовый модус реализуется как комментарий к изображению, т.е. визуальному модусу. Именно в таком случае будет работать прием акцентирования внимания на определенном признаке объекта в рамках комбинированного модуса. Формула текстово-визуального модуса выглядит следующим образом:

$$D_{\text{inf.}}(O): T \{F_1 + F_2 + \dots + F_n\} + V \{F_1\},$$

где $D_{\text{inf.}}(O)$ — дискурсивная информация об архитектурном объекте; T — текстовый модус; V — визуальный модус; $F_1, F_2 \dots F_n$ — признаки, составляющие в совокупности полную информацию об объекте и распределенные по модусам.

Таблица 2

Экспликация признаковой структуры архитектурного объекта в рамках комбинированного (текстово-визуального) модуса

Экспликация признаковой структуры (визуальный модус) [4]:	
	
Экспликация признаковой структуры (текстовый модус) на родном языке:	Экспликация признаковой структуры (текстовый модус) на изучаемом языке:
Оның негізгі қаңқасы фторполимермен қапталған ұсақ тордан тұратын алып шатырдан тұрады (F1) [5].	Здание представляет собой гигантский шатер (F1) высотой 150 м (шпиль) (F2), сконструированный из сети стальных вант, на которых закреплено прозрачное полимерное покрытие ETFE (F3) [5].

Как видно из таблицы 2, в центре внимания читающего находится не вся признаковая структура архитектурного объекта, а отдельный признак (форма), который актуализируется с помощью визуального модуса. Сначала учащийся должен определить по фотографии, какая характеристика изучаемого объекта фиксируется на ней, а затем прочитать микротексты и найти в них признак-форму (F_1) *представляет собой гигантский шатер // алып шатырдан тұрады*.

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Во-первых, лингводидактический механизм мультимодальности, основанный на комбинации текстового и визуального каналов представления информации, наиболее полно раскрывает потенциал архитектурно-дизайнерского дискурса, так как архитектура является изобразительным искусством и, следовательно, текстовая информация должна подкрепляться визуальной в процессе комплексного восприятия. Во-вторых, мультимодальность в сочетании с принципом национально-культурной ориентированности в учебном процессе дает максимальный дидактический эффект, «высвечивая» важные для будущего специалиста профессиональные смыслы родной и изучаемой визуальной культуры.

Список использованных источников и литературы

1. Протасова Е. Ю. Видимое и сказанное: лексический выбор и сочетаемость // Проблемы функциональной грамматики. Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. — М.: Языки славянской культуры, 2021. — С. 396–420.
2. Киба О.А. Принцип «национально-культурной ориентированности» в обучении профессиональному дискурсу студентов из стран СНГ // Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве» (6–10 декабря 2021 г.): сб. материалов. В 3 ч. Ч. II. Направление 3: Методика преподавания русского языка как иностранного в контексте многоязычия и цифровой трансформации. — М.: ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 95–97.
3. ТРЦ «Хан Шатыр». — URL: <http://www.khanshatyr.com> (дата обращения: 20.09.2023).
4. Khan Shatyr (фотография). — URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Datei:Khan_Shatyr_2011.jpg (дата обращения: 20.09.2023).
5. Хан Шатыр. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Хан_Шатыр (дата обращения: 20.09.2023).

Сведения об авторе: *Киба Олег Александрович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, e-mail: okiba1982@yandex.ru.

УДК 811.161.1

А.Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

ЯЗЫКИ ТЮРКСКОЙ СЕМЬИ: ДВИЖЕНИЕ В КООРДИНАТАХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Лингвистический подход (к вопросу локализации тюркской ветви алтайской языковой семьи) с самого начала подразумевает, что процесс становления и утверждения искомой общности происходил в обширной области к юго-востоку и югу от Алтайских гор. Говоря иначе, долговую «привязанность» тюркской семьи к южным отрогам Алтая нужно считать самым важным, значимым и определяющим этапом ее, этой семьи, развития. (Обсуждение некоторых нюансов, типа объективации Большого Алтая и смешения терминов «тюркская семья» и «алтайская семья», в данном случае считаем излишним).

Термин «алтайская» для называемой так семьи — достаточно условный даже в географическом смысле, поскольку в настоящее время превалирует точка зрения, что прародина алтайских языков находилась достаточно далеко от Саяно-Алтайского нагорья (на современной карте — это бассейн реки Шилки и северо-восточная Монголия). Выделение алтайской языковой семьи как понятия компаративистики произошло еще в первой половине XIX века, но и до нашего времени дошли споры о том, был ли единый / один праалтайский язык или существовали отдельно несколько праязыков — предков. Еще в конце 80-х гг. XX века лингвисты достаточно осторожно писали о генетическом единстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. И лишь немногие вводили в эту же семью корейский и японский языки.

Поступательное языковое развитие подразумевает как долгое нахождение родственных языков в одном ареале, так и динамичное движение (перемещение) отдельных групп. Результаты некоторых исследований последнего времени говорят в пользу той точки зрения, что пратюркский язык отделился уже на первых этапах развития алтайской семьи (и «переместился» во Внутреннюю Монго-

лию, на Ордос). Поэтому и отсутствует большое число значимых общих (в компаративистском смысле) древних «алтайских» корней в тюркских языках. А изобилие лексических параллелей, отмечаемое в поздние эпохи (и дошедшее до наших дней) объясняется многовековым проживанием в одном регионе в качестве соседствующих групп этносов.

Таким образом, мы согласны с той точкой зрения, что прародина алтайских языков находилась достаточно далеко от Саяно-Алтайского нагорья. На территорию Алтая (к югу и юго-востоку от собственно горного массива), понимаемую как прародина, могут претендовать только тюрки. И то, по всей видимости, с оговоркой: если подтвердится их отделение (от общего корня) первоначально на Ордос, получается, что указанная территория (близ Алтая) — это уже вторая тюркская прародина. Но правда и то, что древние тюрки жили в этом месте достаточно долго и плотно (этнически единым сообществом), чтобы нарастить экспансионистский потенциал, благодаря которому только и можно успешно двигаться дальше.

Сведения об авторе: *Каксин Андрей Данилович*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

УДК 811.161.1

Б.Ч. Ооржак

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

B. Ch Oorzhak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government
of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia)*

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS THE TUVAN LANGUAGE

Конституцией Республики Тыва (2001) и Законом Республики Тыва «О языках в Республике Тыва» (2003) в Республике Тыва закреплены два государственных языка — тувинский и русский. Это значит, что на территории Республики Тыва эти языки законодательно равноправны и должны иметь равное функционирование.

Однако проведенный Тувинским институтом гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва анализ показал, что в республике наблюдается сужение функций тувинского языка во всех сферах жизни общества, прекращение функционирования тувинского языка как языка образования и воспитания в дошкольном и общем образовании, наблюдается сокращение часов изучения тувинского языка и литературы, которое дает возможность учащимся овладеть родным языком лишь на элементарном уровне. Поэтому происходит потеря престижа родного языка, снижение уровня им владения у молодого поколения тувинцев. Специалисты констатируют начало языкового сдвига.

Для выравнивания уровня функционирования и расширения использования тувинского языка в обществе по Указу Главы РТ 21 августа 2021 г. был принят документ «Стратегия государственной поддержки развития тувинского языка в Республике Тыва». «Стратегия» разработана на основании положений Конституции Российской Федерации, Конституции Республики Тыва, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (от 19 декабря 2012 г. № 1666), законов «О языках народов Российской Федерации» (1991), «О языках в Республике Тыва» (2003), «Об образовании» (2014).

Целью «Стратегии» является разработка системных мер государственной поддержки развития и функционирования тувинского языка в разных сферах жизни тувинского общества. Основными задачами ставятся:

- обеспечение государственного, правового, законодательного и финансового сопровождения мер и мероприятий, направленных на сохранение и развитие тувинского языка как государственного, а также развитие паритетного тувинско-русского и русско-тувинского билингвизма (двуязычия) в Республике Тыва;
- создание условий для полноценного функционирования тувинского языка в Республике Тыва;
- остановка языкового сдвига и восстановление передачи родного (тувинского) языка детям в естественных условиях.

Сведения об авторе: *Ооржак Байлак Чаш-ооловна*, доктор филологических наук, профессор Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Россия, e-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

УДК 811.512.1

М. А. Исмаилова

Тюркологический Центр АГПУ (Баку, Азербайджан)

КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ ТЮРСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В тюркологии утверждается, что древнейший период и развитие тюркских языков начались в алтайском и гунном периодах. Эта теория также в некоторой степени подтверждается концепцией алтаеведения. Однако идея о том, что исконная родина тюрков находится в Восточной Азии обладает более логичным обоснованием и укреплена научными фактами. Рассматривая формирование современного человеческого типа в Передней Азии, изоляцию древнего языка в этой области, начало первых миграций и диалектных разделений, а также вклад в человеческую цивилизацию из этих мест, можно утверждать, что тюрки не дошли до западных стран и территорий Азербайджана из Средней Азии. Следовательно, концепция о происхождении тюрков из Средней Азии не может быть подтверждена. Концепция определения родины тюрков как Центральной Азии также может вызвать негативные последствия. Это связано с тем, что существуют все более очевидные факты, подкрепленные антропологическими и генетическими исследованиями, которые опровергают идею о том, что тюрки являются коренными жителями Алтая. Основные историки выделяют причину, по которой концепция происхождения тюрков в Передней Азии или на Алтае приобрела популярность: ученые, занимающиеся этой темой, в большинстве своем опираются на языковые источники, письменные археологические данные и даже мифологию. Французские антропологи, изучая череп так называемого Кутинского царя, найденного в Месопотамии, пришли к выводу, что антропология

и морфология Кутинского царя схожи с антропологией и морфологией шушинских азербайджанцев. Исследования Т. Кешмана дополнили это, указав, что кути являются древними огузами. Останки первых представителей «человека разумного» современного типа были обнаружены на территории Гобустана и относятся к мезолитическому периоду. В течение тысячелетий после этого периода тюрки нарастали в численности и построили великие империи, такие как империя Алтай и Гуннов. Современная генетика также предоставила новые данные, помогающие решать фундаментальные вопросы о формировании человеческого разнообразия, миграциях народов и их этногенезе. Например, гаплогруппа J1, возраст которой составляет 30 000 лет, принадлежит тюркской группе огузов. Исследования, основанные на гаплограммах, которые считаются генетическими шедеврами, также подтверждают, что исконная родина тюрков находится в Восточной Азии. Все эти неопровержимые факты свидетельствуют о том, что древнейший период и этапы развития тюркских языков начались именно в Азербайджане.

Ключевые слова: тюркские языки, исторические этапы развития, классификация, антропология, генетика, гаплограмма.

M. A. Ismailova

Turkic Center of the ASPU (Baku, Azerbaijan)

QUALIFICATION OF THE HISTORY AND DEVELOPMENT OF TURKIC LANGUAGES IN THE CONTEXT OF THE ALTAIC THEORY

Abstract. In Turkology, it is asserted that the earliest period and the development of Turkic languages began in the Altai and Hunnic periods. This theory is also to some extent supported by the concept of Altaic studies. However, the idea that the original homeland of the Turks is located in East Asia is more logically grounded and supported by scientific evidence. When considering the formation of the modern human type in the Near East, the isolation of the ancient language in this region, the onset of early migrations and dialectal divisions, as well as the contribution to human civilization from these regions, it can be argued that the Turks did not reach Western countries and the territory of Azerbaijan from Central Asia. Therefore, the concept of the origin of Turks from Central Asia cannot be confirmed. The concept of defining the homeland of the Turks as Central Asia can also have negative consequences. This is due to the increasingly apparent facts supported by anthropological and genetic research that contradict the idea that Turks are indigenous to the Altai. Prominent historians identify the reason for the popularity of the concept of Turkic origin in the Near East or the Altai: scholars in this field primarily rely on linguistic sources, written archaeological data, and even mythology. French anthropologists, while studying the skull of the so-called Kutin King found in Mesopotamia, concluded that the anthropology and morphology of the Kutin King are similar to that of the Shusha Azerbaijanis. T. Keshman's research further corroborated this by suggesting that the Kutis are ancient Oghuz people. The remains of the first «reasonable human» of the modern human type were discovered in the territory of Gobustan and date back to the Mesolithic period. For millennia after this period, the Turks grew in number and built great empires such as the Altai Empire and the Huns. Modern genetics has also provided new data to address fundamental questions about human diversity, population migrations, and ethnogenesis. For instance, the J1 haplogroup, which dates back 30,000 years, belongs to the Turkic Oghuz group. Research based on haplogroups, considered genetic masterpieces, also confirms that the original homeland of the Turks is in East Asia. All these indisputable facts indicate that the earliest period and stages of Turkic language development began in Azerbaijan.

Keywords: Turkic languages, historical and developmental stages, classification, anthropology, genetics, haplogram.

Классификация этапов истории и развития тюркских языков остается сложным и противоречивым вопросом в области тюркологии. Он охватывает не только определение территории, на которой начался древнейший период тюркских языков, но также включает в себя контекст алтаистики. Существует убеждение в тюркологии, что древнейший этап развития тюркских языков

начался в эпоху Алтая и гуннов, и данная теория в некоторой мере подтверждается концепцией алтаистики. Если предположить, что первоначальной родиной тюрков был Алтай, то другие территории, населенные тюрками, могут рассматриваться как их последующие родины. Однако следует учесть, что современный тип человека сформировался в районе Передней Азии, что древний тюркский язык был изолирован от протоязыков на этих территориях, именно здесь начались первые миграции и диалектные различия. Эти земли также внесли значительный вклад в развитие человеческой цивилизации. Из этого следует, что концепция, согласно которой тюрки пришли в Западные страны, включая территории Azerbaijan, не из Центральной Азии и не из Средней Азии, не подтверждается. Хотя существуют аргументы тех, кто утверждает, что Центральная Азия была исторической родиной тюрков, эти факты подвергаются сомнению и могут быть опровергнуты. С другой стороны, есть вторая сторона аргументации. Представление тюрков как правителей Центральной Азии также недопустимо. Научные исследования и факты, включая антропологические и генетические данные, говорят о том, что тюрки не являются коренными жителями Алтая. Эта концепция отличается от концепции индоевропейских и саамских народов, которая «омолаживала возраст тюрков» [1, с. 21] и отрицает историческую миссию и роль тюрков в развитии человечества.

Исследования показывают, что в период распада индоевропейского языкового союза в Передней Азии проживал прототюркский (или пратюркский) этнос. Особенно ярко эти прототюркские элементы проявляются на территории древнего Azerbaijan, а также через прототюркскую лексику, которая перешла в шумерский язык. Вероятно, распад пратюркского языкового союза произошел в VIII–VII тысячелетиях до нашей эры, и именно в это время началось взаимодействие с индоевропейским языком. Взаимные влияния и ассимиляции между этими этносами произошли в Передней Азии, которая считается первой родиной пратюрков [2, с. 51]. Историки считают, что причина споров вокруг концепции о том, что первоначальной родиной тюрков была Передняя Азия или Алтай, заключается в том, что ученые, исследующие эту область, часто опираются на языковые источники, письменные документы, археологические раскопки и иногда даже на мифологию. В письменных источниках упоминается, что азербайджанские тюрки существовали на этих территориях с III тысячелетия до н. э., и государства, такие как Аратта и Коллибум, существовали в этой области, что свидетельствует о их долгом существовании. Тем не менее археологические раскопки и антропологические исследования указывают на то, что на северных и южных территориях Azerbaijan до н. э. с IV тыс. н. э. население существовало в этническом единстве. Американский антрополог Стивенс Кун (Карлетон) в своей книге «Расы в Европе» описал череп возрастом 6 тысяч лет, найденный у озера Гейча, как «туркоманский» и отнес его к тюркам Azerbaijan. Он пишет: «В результате раскопок в Луристане было обнаружено 5 черепных коробок, датируемых 2000–1100 годами до н. э. Эти коробки с черепами доказывают, что коренное население Элама и Месопотамии принадлежало к средиземноморской расе до прихода арийцев и других» [2, с. 19]. А к средиземноморской расе относятся кутии и колыбельные, существовавшие в те времена, к этой расе принадлежат и сегодняшние азербайджанские тюрки, а эти черепные коробки-длинноголовые. Кун также дал карту Ирана в своей книге «Расы в Европе», и на карте часть Южного Azerbaijan не включена в Иран, а Тебриз и озеро Урму перечислены в составе Azerbaijan: «Iron Ages Races of Europe Before Huns and Turks» (2,176–177).

Рассмотрим, кто были первыми обитателями Кавказа и Передней Азии, и какую роль в этом сыграли азербайджанские тюрки на основе антропологических исследований, которые предоставили неоспоримые факты. В палеоантропологической науке азербайджанские тюрки относятся к Каспийскому антропологическому типу большой белой расы, но в географической классификации нет единого мнения о их месте (антропологи называли азербайджанских тюрков разными именами, такими как восточный Восток, Восток, Восточное Средиземноморье, Хорасан, каспийский тип) (3; 4; 5). С другой стороны, данное наименование базируется на географической классификации, а не на этнической принадлежности. В период независимости Azerbaijan было принято решение, инициированное азербайджанскими антропологами, уточнить название расового типа азербайджанцев и назвать его именем древнего народа, населявшего Azerbaijan. Этот запрос был отправлен в Королевскую академию Испании, которая занимается присвоением названий различным классификациям. Из исследований французских антропологов (под руководством Т. Амина), проведенных на черепе так называемого царя кути, найденного в Месопотамии, становится очевидным, что ан-

тропологические характеристики и морфология Кутийского царя полностью совпадают с антропологическими характеристиками и морфологией жителей Шуши в Азербайджане. Т. Кешман в своих исследованиях выяснил, что кутии — древние огузы. Другие исследователи также считали правильным решение о принадлежности азербайджанцев к огузскому типу. Следует отметить, что первым примером огузского типа черепа в Азербайджане является находка в Гобустане, которая относится к среднему каменному веку. Этот долихоцефальный, узкий череп характерен для всех археологических находок, обнаруженных на территории Кавказа и Передней Азии [6, с. 158].

В определении идентичности автохтонного населения Передней Азии неоспоримым фактом является курганный тип культуры, обнаруженный в этой местности. В курганах, датируемых концом II—I тысячелетиями до н. э., можно заметить, что над ними возвышается курган, следовательно, главный покойник был длинноголовым (долихокранным), а с ним погребен был короткоголовый (брахикранный) — раб-гараваш (7).

Рассмотрим еще один факт, подтверждающий, что исходная родина тюрков — это Передняя Азия. История человечества начинается с эпохи палеолита — древнего каменного века, и в этот период не существовало современного типа человека. Оледенение произошло в среднем палеолите. На территории Гобустана были найдены останки первого «*homo sapiens*» — современного человеческого вида. В конце каменного века, в мезолите, в результате изменения и смягчения климата огромные ледники тают и отступают на север, завершается и формирование современного типа человека. Главной целью таяния ледника был Кавказ, а в Сибири толщина льда в это время составляла 1,5 км. Первые останки современного человеческого типа «*homo sapiens*» также относятся к эпохе мезолита. Об этом свидетельствуют и материалы пещерного лагеря Гобустан, где жизнь началась 12 тысяч лет назад [6, с. 158]. Первое движение тюрков на восток также относится к мезолиту (XII–VIII тысячелетия), поскольку наиболее важные миграции в истории произошли в период мезолита. В течение тысячелетий после мезолита тюрки росли и размножались на Алтае, создавая великие империи (Алтай, гунны). Произошло это около 4 тысяч лет назад. Итак, между Кавказом, Передней Азией и существованием современного типа человека в Сибири, на Алтае существует 4-тысячелетний промежуток времени, так как человек не мог возникнуть на вершине толстого ледяного покрова. Само слово «Алтай» тюрки перенесли на нынешний Алтай из Передней Азии. В начале третьего тысячелетия они перенесли свои последние лучи от названия местности Аратта, которая была видна и, возможно, имела многовековую историю. Это название было использовано несколько позже (задолго до Алтая) в Передней Азии в виде Алатая. Но тюрки, двигаясь на восток, запад, север, никогда не прерывали связей со своей Родиной — Передней Азией, были бесчисленные возвраты, например, нам известны обратные миграции саксов, скифов, киммерийцев. А самая крупная миграция — это обратная миграция гуннов, которая через 8 тыс. лет получила в истории название «Великая миграция народов». Здесь также начинается самое большое заблуждение в истории. Искривляя путь развития человечества, определенный историческими, археологическими, антропологическими исследованиями, утверждать, что первой родиной тюрков была Центральная Азия, что они родились и размножились на Алтае, а оттуда пришли в Европу, на Кавказ, в Переднюю Азию. Во второй половине III тысячелетия до н. э. на землях к Западу и юго-западу от озера Урмия (Западный Азербайджан) возникло государство кутиев. Также показан список царских династий государства, которое они основали. Впоследствии кутии вторглись в Междуречье, правили Шумером до 100 лет, во время их правления в Шумере проводились работы по благоустройству, строились храмы. Из антропологического исследования черепа кутийского царя, найденного именно в Месопотамии, стало ясно, что антропология и морфология Кутийского правителя точно такие же, как антропология и морфология шушинских азербайджанцев.

В определении идентичности автохтонного населения Передней Азии говорят неоспоримые факты, которые также подтверждают Курганный тип культуры, обнаруженный в этой местности. В курганных захоронениях Южного Кавказа, относящихся к концу II—I тыс. до н. э., отмечается, что над ними возвышался курган, то есть главный покойник был длинноголовым (долихокранным), а погребенный вместе с ним раб-гараваш — короткоголовым (брахикранным). Палеоантропологические находки, сделанные как на севере, так и на юге Передней Азии, включая Азербайджан, свидетельствуют о том, что древнейшее население региона, имеющее морфологические признаки, такие как длинноголовая форма

черепа, тонкая носовая кость и др., относится к каспийскому / огузскому типу, к которому сегодня принадлежат азербайджанцы. Азербайджанские тюрки были первыми жителями Кавказа [3, 4, 5]. Исследования, проведенные Е. Реслером, включая анализ курганных могил и курганов в бассейне Гянджачая, относящихся к XV–XVIII векам до н. э., также выявили, что главный покойник, похороненный в лежащем положении, имел длинноголовую форму черепа, в то время как трое других, похороненных в сидячем положении, были короткоголовыми (брахиканами) [7, с. 68]. Морфологическая структура современных черепов идентична черепам, найденным на территории Азербайджана в период мезолита. Это поднимает вопрос: если тюрки были пришельцами, почему с древними тюрками мы принадлежим к одному антропологическому типу? Если тюрки не пришли на эти территории, почему они не изменили наш антропологический тип? Таким образом, миграция тюрков происходила с запада на восток.

Современная генетика стала значимым источником для решения фундаментальных вопросов, таких как формирование человеческого разнообразия, народные миграции и этногенез. Генетические исследования, основанные на анализе гаплогрупп в ДНК, считаются более надежными по сравнению с такими дисциплинами, как этнография, археология и лингвистика. Поскольку Y-хромосома ДНК не подвержена изменениям, она остается неизменной, и значительное количество гаплогрупп, обнаруженных в этой области, однозначно свидетельствует о том, что они принадлежат современным носителям гаплогрупп, живущим в этой территории. Ученые, работающие в области генетики человека, достигли в этом деле значительных успехов. Итак, в ДНК каждого современного человека присутствует гаплогруппа, идентичная его отцу, деду, прадеду и предкам. Благодаря наследственной стабильности эти гаплогруппы сходны у лиц одного биологического происхождения — мужчин из одного народа. Гаплогруппа J1, возраст которой составляет 30 000 лет, присутствует у тюрков огузской группы. От якутов до тюрков, например, добруджан и киприотов, все они обладают хромосомой E1. Гаплогруппы N, O и G, которые характерны для монголоидов, обычно не встречаются среди тюркских народов. Их можно найти лишь у тувинцев, а частично — у якутов, народов, которые, естественно, поддерживали контакты с монголами на протяжении длительного времени. Однако ни у кавказских турок, ни у анатолийских турок, ни у кипрских тюрков, туркмен, астраханских тюрков, казанских тюрков эта гаплогруппа не встречается. Гаплогруппы — это настоящее достижение генетики.

Список использованных источников и литературы

1. Казимов Г. Г. История азербайджанского языка. С ранних времен до XIII века. — Баку, 2003.
2. Гасанов З. Скифские царства. — New York: Liberty Publishing House, 2002. — 486 с.
3. Garleton S. C. The Races of Europe. — New York: The Macmillan Company, 1939.
4. Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования // Советская этнография. — 1956. — № 15.
5. Гинзбург В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. — Ташкент, 1964.
6. Дебец Г. Ф. О принципах классификации человеческих рас // Советская этнография. — 1956. — № 4.
7. Касимова Р. М. Первые палеоантропологические находки в Кобыстане // Вопросы антропологии. — 1974. — Вып. 46.
8. Гумбатов К. Н. Забытые курганы. — Баку, 1998.
9. Prologemona and Prehistory // The Cambridge Ancient History. — 1970. — V. 1 — P. 1. — С. 147.
10. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Human_Y-chromosome_DNA_haplogroup.

Сведения об авторе: *Исмайлова Мирвари Аббас кызы*, доктор филологических наук, профессор, зав. Отделением Тюркологического центра Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку, Азербайджан, e-mail: ismayilova.mirvari1960@gmail.com

УДК 811.512.151

А. Э. Чумакаев

НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Аннотация. Современное алтайское языкознание представлено исследованиями по различным направлениям. Значительный вклад в эти исследования вносит Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, в котором реализуются актуальные проекты, имеющие большую теоретическую и практическую значимость для развития алтайского языкознания, сохранения и популяризации алтайского языка. В работе говорится о проектах последних лет и изданиях, подготовленных в рамках указанных проектов.

Ключевые слова: алтайский язык, лингвистика, тюркология, грамматика, лексикология, лексикография, орфография.

A. E. Chumakaev

Scientific Research Institute of Altaic named after S. S. Surazakov (Gorno-Altaysk, Russia)

ABOUT CURRENT DIRECTIONS OF ALTAI LINGUISTICS

Abstract. Modern Altai linguistics is represented by research in various areas. A significant contribution to the contemporary study is made by the Scientific Research Institute of Altaic named after S. S. Surazakov, which carries out current projects that have great theoretical and practical significance for the development of Altai linguistics, preservation and popularization of the Altai language. The work mentions projects of recent years and publications that have been prepared as part of these projects.

Keywords: Altai language, linguistics, Turkic studies, grammar, lexicology, lexicography, spelling.

Современное алтайское языкознание продолжает свое развитие, пополняясь новыми исследованиями, и важный вклад в этот процесс вносит Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, основанный в 1952 году и называвшийся прежде Горно-Алтайским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы (ГАНИИИЯЛ).

В настоящее время институт является ведущим учреждением в Республике Алтай, занимающимся актуальными вопросами и проблемами алтайского языка, фольклора, литературы, а также истории и этнографии алтайского народа. С направлениями работы института, его изданиями можно ознакомиться на официальном сайте учреждения (<http://www.niialt.ru>).

Лингвистами института в рамках Ведомственной целевой программы «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай — основа устойчивого развития региона» и Основного мероприятия «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай» подпрограммы «Развитие науки в Республике Алтай» государственной программы Республики Алтай «Развитие образования» в последние годы были реализованы научные проекты по лексикографии, грамматике, орфографии и топонимике. Следует отметить, что в указанных проектах также принимали участие ученые-лингвисты из других образовательных и научных учреждений республики и научных центров страны в целом.

Одним из значимых направлений алтайского языкознания является лексикография, так как она играет важную роль в сохранении лексического богатства языка. В рамках этой работы институтом подготовлены и изданы двухтомный «Русско-алтайский словарь» (2015, 2016) [1, 2] и «Алтайско-русский словарь» (2018) [3], что было востребовано временем, так как со времени издания предыдущих словарей — «Ойротско-русского словаря» (1947) и «Русско-алтайского словаря» (1964) произошли определенные изменения в словарных составах как алтайского, так и русского языков.

Двухтомный «Русско-алтайский словарь» отличается от предыдущего словаря по оформлению словарных статей и составом словника, который значительно пополнился. В новом словаре также уточнены значения многозначных слов, переводы слов в большинстве случаев подкреплены иллюстративным материалом. Особенностью словаря является выделение в алтайских переводах глагольных основ.

Словник нового «Алтайско-русского словаря» также значительно пополнился. Его основу составили ранее изданные двуязычные и специальные словари. Словник также дополнялся лексемами из различной литературы по языку, фольклору, культуре, истории и этнографии алтайцев, произведений алтайских писателей, фольклорных произведений и т.д., а также словами из институтской картотеки. Кроме того, при составлении словаря авторы словаря обращались, например, к фундаментальным трудам В.В. Радлова, В. Вербицкого и некоторым другим. Данный словарь в большинстве своём отражает лексику современного алтайского литературного языка.

В 2023 г. в институте начал реализовываться проект «Толковый словарь алтайского языка» (2023–2026). О необходимости подготовки алтайского толкового словаря говорилось в последние годы на различных научных мероприятиях, проходивших в регионе. Работа по данному проекту рассчитана на 4 года и предполагает издание 2-томного словаря. Основой словника толкового словаря послужил словник ранее изданного «Алтайско-русского словаря» [3]. По ходу работы над словарем его словник пополняется новыми лексемами, которые фиксируются, например, в произведениях алтайских писателей. В этой связи чувствуется необходимость в создании полноценного электронного корпуса алтайского языка, что позволит сделать больший охват алтайской лексики и решать другие лингвистические задачи. Также в дальнейшем необходима работа по составлению словообразовательного словаря, полного словаря диалектных слов и некоторых других типов словарей.

Исследования по лексике алтайского языка также актуальны, в том числе и подготовка работ монографического характера. Интересны будут, например, работы по языку алтайских писателей. В настоящее время в институте реализуется научный проект № 20–412–040008 «Лексико-семантические группы алтайских глаголов (идеографическое описание)» (РФФИ, 2021–2023), что станет определенным вкладом в описание глагольной лексики алтайского языка.

Еще одним большим направлением развития алтайского языкознания являются грамматические исследования. Важным достижением в этой области стало издание коллективной монографии «Грамматика современного алтайского языка. Морфология» [4], подготовленной в институте в рамках проекта «Части речи в алтайском языке» (2015). Издание указанной монографии также было необходимым, так как с момента выхода в свет предыдущих грамматик — первой «Грамматики алтайского языка» (1869), затем «Грамматики ойротского языка» (1940) — произошли значительные изменения в терминологии, подходах и взглядах. Во Введении книги отмечается следующее: «Впервые в грамматику алтайского языка нами включены такие главы, как «Нумеративы», «Вспомогательные глаголы», «Аспектуальные и акциональные формы глагола», «Эвиденциальные и миративные формы», «Модальные аналитические конструкции», которые ранее не были представлены в грамматиках южносибирских тюркских языков» [4, с. 11].

Вопросы орфографии тоже относятся к числу актуальных вопросов алтайского языкознания. В 80-е гг. в ГАНИИИЯЛ были подготовлены и изданы книга «Орфография и пунктуация алтайского языка» (1981) и орфографический словарь — «Алтай тилдин орфографический сөзлүгү» (1983). Со временем вопросы орфографии вновь стали привлекать к себе внимание, проводились различные мероприятия, на которых говорилось о необходимости обновления, пересмотра и дополнения орфографических правил.

Одним из таких мероприятий стала организованная НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии», посвященная 115-летию со дня рождения Т.М. Тошаквой (Горно-Алтайск, 26–27 апреля 2017 г.) [5]. В резолюцию конференции вошли рекомендации о подготовке новой редакции правил орфографии алтайского языка и нового орфографического словаря. Данные рекомендации были воплощены в жизнь. В 2019 г. издана коллективная работа «Правила орфографии современного алтайского языка» [6], а в 2020 г. — «Орфографический словарь алтайского языка» [7]. В названной коллективной монографии уделено внимание таким актуальным вопросам, как правописание слов с губными гласными, правописание сложных и заимствованных слов.

Значимым вкладом в алтайскую топонимику стала реализация в институте проекта «Топонимика Республики Алтай». По итогам проекта подготовлены коллективные монографии по топонимике муниципальных образований республики [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17]. В изданных работах

использован новый подход в описании топонимического материала. Географические названия представлены отдельно по населенным пунктам и распределены по классам топонимов. Материал по топонимике того или иного населенного пункта, помимо лингвистического анализа топонима, включает краткую справку о населенном пункте, указание на конкретное месторасположение географического объекта относительно населенного пункта. Кроме того, при наличии соответствующего материала были представлены сведения о топонимах населенного пункта из научной и другой литературы, записи от информантов, связанные с местными топонимами.

Таким образом, в данной работе были представлены актуальные направления алтайского языкознания и дан обзор изданий, подготовленных по итогам реализации научных проектов по указанным направлениям. Кроме того, обозначены некоторые дальнейшие перспективные направления исследований в области алтайского языкознания.

В разработке актуальных направлений алтайского языкознания одно из ведущих мест занимает НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, который выполняет научные проекты, имеющие большую теоретическую и практическую значимость для развития алтайского языкознания, сохранения и популяризации алтайского языка. В реализации научных проектов института также принимают участие ученые-лингвисты из других образовательных и научных учреждений республики и научных центров страны в целом.

В целом, следует отметить, что обозначенные направления и в дальнейшем будут оставаться актуальными для алтайского языкознания.

Список использованных источников и литературы

1. Русско-алтайский словарь. В 2 томах. Том I (А — О) / редкол.: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонова, канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2015. — 800 с.
2. Русско-алтайский словарь. В 2 томах. Том II (П — Я) / редкол.: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонова, канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2016. — 896 с.
3. Алтайско-русский словарь / редкол.: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2018. — 936 с.
4. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / редкол.: д-р филол. наук И. А. Невская (отв. ред.), канд. филол. наук Н. Д. Алмадакова, канд. филол. наук А. Н. Майзина, канд. филол. наук А. А. Озонова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2017. — 576 с.
5. Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 115-летию Т. М. Тоцаковой / редкол.: М. С. Дедина, А. Н. Майзина, А. Э. Чумакаев (отв. ред.). — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2017. — 336 с.
6. Правила орфографии современного алтайского языка / редкол.: канд. филол. наук А. Н. Майзина (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, канд. филол. наук Ф. И. Тагирова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2019. — 384 с.
7. Орфографический словарь алтайского языка / редкол.: канд. филол. наук А. Н. Майзина (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2020. — 384 с.
8. Топонимика Республики Алтай. Книга 1. Шебалинский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (науч. ред.); БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 213 с.
9. Топонимика Республики Алтай. Книга 2. Онгудайский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (науч. ред.); БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 202 с.

10. Топонимика Республики Алтай. Книга 3. Чемальский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (науч. ред.); БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 145 с.
11. Топонимика Республики Алтай. Книга 4. Чойский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (науч. ред.); БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 132 с.
12. Топонимика Республики Алтай: Книга 5. Усть-Коксинский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 214 с.
13. Топонимика Республики Алтай. Книга 6. Усть-Канский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2022. — 192 с.
14. Топонимика Республики Алтай. Книга 7. Турочакский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2023. — 174 с.
15. Топонимика Республики Алтай. Книга 8. Майминский район. Город Горно-Алтайск / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. пед. наук Р. С. Минакова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2023. — 136 с.
16. Топонимика Республики Алтай. Книга 9. Улаганский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. пед. наук Р. С. Минакова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2023. — 185 с.
17. Топонимика Республики Алтай. Книга 10. Кош-Агачский район / редкол.: канд. ист. наук Н. В. Екеев (отв. ред.), канд. филол. наук Б. Б. Саналова (науч. ред.), канд. пед. наук Р. С. Минакова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук А. Э. Чумакаев; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2023. — 172 с.

Сведения об авторе: Чумакаев Алексей Эдуардович, кандидат филологических наук, зам. директора, старший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия, e-mail: newchae@mail.ru

УДК 94. (575.2)

К. Садыков

Ташкентский государственный университет востоковедения (Ташкент, Узбекистан)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ВВОДНОЙ ФОРМУЛЫ ПАМЯТНИКОВ В ЧЕСТЬ КУЛЬ-ТИГИНА И БИЛЬГЕ-КАГАНА

Аннотация. Основная часть текста памятников в честь Куль-тигина и Бильге-кагана излагается от первого лица, т. е. героя памятника Бильге-кагана, хотя официальным автором текста является историк и писатель Юлдук-тигин. Оба текста начинаются со следующих формул: *Täjri-täg täjridä bolmıš türk bilgä qayan bu ödkä olurtım.*

В современных изданиях данную формулу на русский язык переводят в следующем виде: «Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган» я ныне сел (на царство)».

В данном переводе эпитет правителя Бильге-кагана восхваляется как рожденный от неба (небо-рожденным, на небе или из неба возникший). Данное толкование привело ученых к мнению о том, что каганов своих древние тюрки связывали с небом, или же с богом, который также воспринимался как небо, т. е. считали их «сыном неба». Но с этим трудно согласиться. Доказательством тому является следующий немаловажный момент: в памятнике Бильге-кагану в двух местах — в начале большого текста и в конце надписи в целом, расположен два ярлыка. Первый из них относится к Бильге-кагану, а второй — его сыну Бильге-Кутлугу. Оба текста начинаются с формулы другого содержания *Täñri-täg täñri yaratmış türk bilgä qayan sabim*, т. е.: «Сотворенного небоподобным богом могучего Бильге-кагана слово мое».

Следует отметить, что данное толкование начальных формул меняет ранее выдвинутые их объяснения эпитета в виде «рожденный богом», так как *täñri-täg täñri yaratmış* можно объяснить лишь только как «богом созданный; богом сотворенный».

Исходя из вышеизложенных начальное предложение *Täñri-täg täñridä bolmış türk Bilgä qayan bu ödkä olurtım* нуждается в корректировке. В данном предложении слово *bolmış* уместно читать как *bulmış*. В этом случае в переводе происходят некоторые изменения. К примеру, *täñridä bulmış* передает значение «с велением всевышнего», а не «рожденный богом».

Таким образом, начальные формулы в памятниках Куль-тигину и Бильге-кагану можно транскрибировать как: *Täñri-täg täñridä bulmuş türk Bilgä qayan bu ödkä olurtım*, и перевести их в виде: «Я могучий Бильге-каган с велением всевышнего небоподобного, ныне сел на трон (т. е. на царство)».

Ключевые слова: древнетюркская письменность, письменные памятники, памятники в честь Куль-тигина и Бильге-кагана, царский ярлык, «позывной» правителя.

K. Sadykov

Tashkent State University of Oriental Studies (Tashkent, Uzbekistan)

ON THE QUESTION OF THE MEANING OF THE INTRODUCTORY FORMULA OF MONUMENTS IN HONOR OF KUL-TIGIN AND BILGE-KAGAN

Abstract. The author of Kul-tigin and Bilge-kagan scripts was a writer and historian Yollug-tigin. But the main part of the scripts is expressed by some words of Bilge-kagan. The scripts begin with *Täñri-täg täñridä bolmış türk Bilgä qayan bu ödkä olurtım*. Majorities interpreted these phrase: «I am like the Sky, born in the sky, the Turkic Bilge-kagan, sat on this throne».

Interpretation of script's prologue made some interest among the turkologists. In accordance with these facts, the kings of Turkic said that his background referred to the Skyborn. But it is difficult to agree with these aspects. We can find a proof from the script itself.

For instance, the script is given the orders of the king — the first order is maintained in the beginning of substantial script, the second is in the conclusion of the script. Corresponds begin with *Täñri-täg täñridä bulmış türk Bilgä qayan sabim* («It is my brave Bilge-kagan's word address, created by Great God like as the Sky»). In this sentence Kagan's appearance is considered not as like the Skyborn, but created by God.

Researching this fact, we can correct the above mentioned sentence. In the scriptin instead of the word *bolmış* (been) we should read it as *bulmış* («faund»; «grace»). Therefore, the meaning of the word changes. The word combinations *täñridä bulmış* means God's grace.

Hereby, we can read the beginning of Kul-tigin script in following: *Täñri-täg täñridä bulmış türük Bilgä qayan bu ödkä olurtım*. We can interpret this sentence following: «I am brave Bilge-kagan, who deserved for God's grace sat on this throne».

Keywords: ancient turkic scripts, monuments, Kul-tigin and Bilge-kagan scripts, Skyborn, God's grace.

Памятники в честь братьев Куль-тигина (установлен в 732 году) и Бильге-кагана (установлен в 735 году), правившего страной в 716–734 гг., являются уникальными творениями древнетюркской историографии, литературы и письменного языка. Памятники найдены на территории современной Монголии в установленном месте. Надгробные стелы являются частью целого архитектурного комплекса [1].

Бильге-каган был старшим сыном Элтериш-кагана, основоположника Второго тюркского каганата, а Куль-тигин — его младший сын. Обе стелы с надписями были установлены спустя год после их смерти.

Автором тюркской части надписей был историограф и видный деятель древнетюркской литературы Юлуг-тигин. Он был сыном Бильге-кагана, о чем свидетельствует его титул *tigin*, означавший в древнетюркском языке «принц». Кроме того, в заключительном колофоне второй надписи правитель каган упоминается как отец автора (*qaŋim qaŋan*) [2].

В этих памятниках отразился огромный опыт составления исторического текста и воплотилась вся красота художественной мысли и приемов их передачи, а также традиция монументального стиля.

Как известно, обе надписи являются самостоятельными произведениями своего времени. Однако по идейно-художественному типу и структурным особенностям они имеют много общего. К примеру, 1–11 — строки малой надписи памятника Куль-тигину повторяются в 1–8- строках малой надписи текста Бильге-кагана, также 1–30 — строки большой надписи текста Куль-тигина повторяются в 2–24 — строках надгробия Бильге-кагана. Эти повторы неслучайны. Например, первая пара повторяющихся частей обоих текстов является обращением правителя ко всему тюркскому народу. Их можно рассматривать и как царский ярлык, «позывной» правителя, адресованный народу, и как завет-наставление потомкам.

Как показывают наши наблюдения, структура текстов является своеобразно тщательно разработанной. В них в строго регламентированном порядке расположены обращения правителя, затем поминальная часть (собственно эпитафия) и колофоны. Большая часть текстов написана прозой, отдельные части (например, эпитафия и некоторые повествовательные части текстов) написаны в поэтической форме.

В обоих текстах выступают отдельные речи двух лиц: речь Бильге-кагана и автора Юлуг-тигина. Причем основная часть текста памятников излагается от первого лица, т. е. героя памятника Бильге-кагана.

Первый памятник составлен автором по указанию своего отца. Видимо, текст был продиктован самим правителем. В нем излагается почтение кагана к своему младшему брату и скорбь по его смерти. В этом надгробии речь Юлуг-тигина занимает незначительное место (завершение и колофоны).

Вторую надпись Юлуг-тигин составил после смерти отца-кагана и поэтому большая ее часть является авторским творением. При этом автор старался сохранить для своего времени общеизвестные формы мысли и слов только что ушедшего из жизни кагана.

Мы больше убеждаемся в том, что при создании памятника Куль-тигину в руках у Юлуг-тигина был заранее подготовленный текст — обращение Бильге-кагана. Именно поэтому спустя три года автор при создании текста в честь Бильге-кагана творчески использовал его обращение к народу в первом тексте. Следовательно, Юлуг-тигин ввел данную традицию в составление такого рода текстов, редактируя авторский вариант ярлыка правителя.

В данной статье мы коснемся вопросов чтения и интерпретации некоторой части рассматриваемых надписей.

Чтение и интерпретация начальной формулы.

Оба текста начинаются со следующих фраз (Ка. 1)¹⁶:

T'ŊRIT'G: T'ŊRID'Ä: BOLMŠ: T'ÜR'K: B'IL'GÄ: QĠN: BUÖD'KÄ: OLRTM.

Разница лишь в том, что в памятнике Бильге-кагана седьмое слово выступает в виде B'ÖD'KÄ (Xb. 1).

¹⁶ Сокращения по памятникам: К (К, Ка, Kb) — памятник в честь Куль-тигину; X (X, Ха, Xb) — памятник в честь Бильге-кагану.

Данную формулу С. Е. Малов транскрибировал в виде: *Tāŋri-täg tāŋridä bolmıš türk bilgä qağan bu ödkä olurtım* [4]. На русский язык перевёл следующим образом: «Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган» я ныне сел (на царство)» [4].

Х. Оркун на турецкий перевел как: «*Göge benzer gökte (mevcud) olmuş Türk Bilge hakan bu zamanda [iktidar mevkiine] oturdum*» (Небоподобный, на небе возникший тюркский Бильге-каган в это время сел [на должность правителя, т. е. на трон]) [5, с. 22–23].

В турецком переводе Т. Текина данная фраза звучит в следующем виде: «(Ben), Tanrı gibi (ve) Tanrı'dan olmuş Türk Bilge Hakan, bu devirde tahta oturdum» [6]. В интерпретации Т. Текина древнетюркское *Tāŋri* на турецком передано словом *Tanrı*. Видимо, этим имеется ввиду его древнее значение — «небо». Поэтому его интерпретацию можно понять в следующем значении: «(Я) небоподобный (и) неборожденный тюркский Бильге-каган в это время сел на трон)».

Как видно из примеров, во всех переводах эпитет правителя Бильге-кагана трактуется как рожденный от неба (*неборожденным, на небе или из неба возникший; gökte mevcud olmuş; Tanrı'dan olmuş*). Данное толкование привело ученых к мнению о том, что древние тюрки каганов своих связывали с небом, или же с богом, который также воспринимался как небо, т. е. считали их «сыном Неба». По мнению ученых, данный взгляд проник из китайской философии. Судя по традиционному священному отношению древних тюрков к небу, с этим трудно согласиться.

Доказательством тому является следующий немаловажный момент: основная часть памятников, где излагаются история тюркского племенного союза, становления и развития государственного правления, начинаются со следующих предложений: *Üzä kök tāŋri, asra yaŋız yār qılıntıqda ikin ara kişi öylü qılınmış. Kişi öylinta üzä äcüm-apam Bumın qağan, İstāmi qağan olurmış. Olurupan türük bodunun ālin-tör [ü] sin tuta birmiș, iti birmiș* (К. 1; Х. 1).

В данном тексте словосочетание *kişi öylü* означает «сын человека». В первом предложении оно употреблено как подлежащее. Во втором предложении оно выступает как дополнение и употребляется с предлогом *üzä* (т. е. *над*) (*kişi öylinta üzä* — «над сынами человеческими»). Словосочетание *qağan olurmış* — «стать каганом; сесть на трон кагана»; а выражение *kişi öylinta üzä qağan olurmış* — «над сынами человеческими воссели на трон».

Исходя из этих фактов, данную часть текста можно излагать в следующем порядке: «Когдаверху было сотворено голубое Небо, а внизу бурая Земля, между (ними) обоими появились сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган. Воссев, они поддерживали и устраивали племенной союз (государство) и установления тюркского народа».

В данном фрагменте можно наблюдать мировоззрение древних тюрков. Важно то, что в нем правители Бумын и Истеми рассматриваются не как «небоподобными, неборожденными» или же «от неба возникшими», а по велению бога воссевшими на трон и возглавляющими народ.

Еще один важный пример: в памятнике Бильге-кагану в двух местах — в начале большой надписи и в конце текста в целом, расположены два ярлыка. Первый из них относится к Бильге-кагану, а второй — его сыну Бильге-Кутлугу. Оба текста начинаются с формулы: *T'ŊR'IT'G: T'ŊR'I: YRTMŠ: T'ÜR'K: B'IL'GÄ: QGNSBM* (Х. 1; Ха. 13).

Данную формулу можно транскрибировать следующим образом: *Tāŋri-täg tāŋri yaratmış türk Bilgä qağan sabım*. Первую из них на русский язык С. Е. Малов перевел так: «(Вот) речь моя богоподобного, Небом поставленного (или угодного Небу) тюркского мудрого (Бильгя) кагана» [7, с. 20], а вторую как: «(Вот) речь моя, подобного Небу, Небом поставленного (или угодного Небу) тюркского мудрого (Бильгя) кагана» [7, с. 23].

Х. Оркун на турецкий перевел в виде: «*Göge benzer göğün yarattığı Türk Bilge Hakan [işte benim] sözüm*» ([Это мое] слово небоподобного, небом созданного тюркского Бильге-кагана) [5, с. 58–59].

В турецком переводе Т. Текина данная фраза звучит так: «*Tanrı gibi, Tanrı (hükümdar) yapmış, Türk Bilge Hakan, sözüm*» (Моё слово небоподобного, (правителем) Небом созданного тюркского Бильге-кагана) [6, с. 37, 99].

В этих толкованиях эпитет правителя связан с Небом или же, как это представлено в оригинале, с *Tāŋri* (Небом поставленный; *göğün yarattığı; Tanrı yapmış*).

Еще характерным является то, что эпитет кагана *türk* во всех толкованиях дается как этноним (тюркский мудрый каган).

Во всяких случаях все эти толкования нуждаются в корректировке.

Формуляра *Täŋri-täg täŋri yaratmıŝ türk Bilgä qayan sabım* можно интерпретировать в следующем виде. Слово *täŋri* в древнетюркском языке использовалось в двух значениях: *täŋri* — это «небо, небеса», второе значение слова — «бог, господь». В данном случае, первое слово *Täŋri-täg* употреблено в значении «подобный небу», оно является эпитетом всевышнего (т.е. *täŋri*), в словосочетание *täŋri-täg täŋri* подразумевается «всевышний подобный (великому) небу» или же «небоподобный бог», а не как «небоподобный, неборожденный». Следующее слово *yaratmıŝ* — является причастием прошедшего времени и употреблено в значении «созданный». А слово *türk* в данной формуле не является этнонимом, а носит значение «сильный, могучий». Слово *bilgä* означает «мудрый», *Bilgä qayan* — значит «мудрый каган». Само имя правителя, как на это указывают китайские источники, был — *Могилан*. Звание *бильге* он был удостоен после своих добрых и героических деяний. Так и остался в истории с этим титулом. Последнее слово *sabım* употреблено в значении «мое слово, мое веление». Данный анализ позволяет выдвинуть толкование начальной формулы в следующем виде: «Слово мое Бильге-кагана могучего, сотворенного богом небоподобным». Таким образом, *täŋri-täg täŋri yaratmıŝ* является почетным эпитетом правителя Бильге-кагана.

Данная формула состоит из трех компонентов: первый из них — признание создавшего всевышнего (*Täŋri-täg täŋri yaratmıŝ*), второй — эпитет и имя кагана (*türk Bilgä qayan*), третий компонент (*sabım*) обозначает жанровый характер данного текста как эдикта высшего правителя.

Следует отметить, что такое толкование начальных формул меняет ранее выдвинутые их объяснения в виде «небоподобный, неборожденный», так как (*täŋri-täg täŋri yaratmıŝ*) можно объяснить лишь только как «богом созданный; богом сотворенный».

Таким образом, *Täŋri-täg täŋri yaratmıŝ türk Bilgä qayan sabım* является вводной формулой указов правителя Бильге-кагана. Все указы и дипломатические документы кагана издавались под этим стереотипом. Характерно, что после смерти Бильге-кагана настоящая формула употреблена по отношению к его сыну Бильге-Кутлугу. Такое почетное отношение сына правителя к отцовскому слову было не просто данью уважения, а глубоко осознанным отношением к традиции, которая продолжалась до позднего средневековья.

Вводная формула со слова *sawım* является широкораспространенной в истории тюркских языков. Она в дальнейшем стала устойчивой начальной протокольной частью тюркских ярлыков и посланий всех времен и эпох, продуктом официального дипломатического стиля. Так, например, в шестом разделе произведения «Биографии Сюань-цзана» расположены четыре письма, которые трое из них относятся Сюань-цзану и все они были посланы правителю. Характерно то, что они начинаются с фразой *Toyiñ Huıntso sawım* (Слово моё — монаха Сюань-цзана) [8].

Подобными стереотипными фразами начинались указы султанов тимуридов. Только в них древнетюркское слово *saw* со значением «указ; послание» заменено словом *söz* с тем же значением. Например, правитель Шахрух свои указы и официальные дипломатические документы издавал с вводной формулой *Şāhruh bahadur sözüüm* (Слово мое — Шахруха бахадура), а султан Омар шейх с формулой *Sultān Umar šayx bahadur sözüüm* (Слово моё — султана Омар Шейха бахадура), султан Абу Саид — *Sultān Abu Sa'id Körägän sözüüm* (Слово мое — султана Абу Саида Кюрагана) [9].

Теперь вернемся начальному предложению *Täŋri-täg täŋridä bolmıŝ türk Bilgä qayn bu ödkä olurtım*, где его чтение и интерпретация нуждается в исправлении. В данном предложении слово *bolmıŝ* следует читать как *bulmıŝ*, что позволяет ввести в перевод некоторые изменения. К примеру, *täŋridä bulmıŝ* передаёт значение «с велением всевышнего», а не «рожденный богом; созданный Небом». Словосочетание *bu ödkä* — как верно отметил С.Е. Малов, означает «(я ныне сел) на царство». Учитывая то, что в памятнике Бильге-кагана оно написано в виде *B'ÖD'KÄ bödkä*, вполне можно будет согласиться с этим, так как слово *böd* означает «трон». Слово *olurtım* — «я воссел», *bu ödkä olurtım* или *bödkä olurtım* — значит «я воссел на трон, на царство; стал каганом».

Исходя из вышеизложенного, начальные формулы в памятниках Куль-тигину и Бильге-кагану можно транскрибировать как: *Täŋri-täg täŋridä bulmıŝ türk Bilgä qayan bu ödkä olurtım*, и перевести их в виде: «Я могучий Бильге-каган с велением всевышнего небоподобного, ныне сел на трон (т.е. на царство)» [10].

Такое стереотипное начало характерно многим монументальным текстам, где со слов правителя излагаются его героические поступки. Такими фразами начинались многие средневековые тексты монументального характера.

За этой начальной фразой идет обращение правителя к народу. Оно гласит: «Речь мою полностью выслушайте, идущие следом вы, мои младшие братья и племянники, мои сыновья, союзные мои племена и народы, справа шадапыт беки, слева тарканы и приказные беки! Беки (начальники) и народ токуз-огузов, эту мою речь хорошенько слушайте и крепко ей внимайте!» [11]. После этого Бильге-каган излагает свои героические поступки.

Таким образом, начальное предложение в надписях в честь Куль-тигина и Бильге-кагана *Täŋri-täg täŋridä bulmıŋ türk Bilgä qaŋan bu ödkä olurtum* является вводным формуляром в официальных обращениях правителя к народу, к потомкам, присущий к текстам монументального характера. Данную формулу уместно толковать в виде: «Я могучий Бильге-каган с велением всевышнего небоподобного, ныне сел на трон (т.е. на царство)». Она по содержанию, также в идейно-художественном и стилистическом плане не имеет ничего общего с древнекитайской философией, где правители рассматривались как «неборожденными, из неба возникшими» или же «сыном Неба».

Структура надписей сложна и является тщательно разработанной. В них в строгом порядке расположены тексты различного характера (так, например, обращение и ярлыки кагана, эпитафия и колофоны). Помещенные ярлыки со своими великолепными стереотипными фразами *Täŋri-täg täŋri yaralmıŋ türk Bilgä qaŋan sabıŋ* еще раз доказывают, что в древнетюркском письменно-литературном языке тщательно разработан официально деловой стиль.

Уместно подчеркнуть, что тюркская историография в современном понимании сложилась и начала свой путь развития с эпиграфических монументальных надписей. Правители и историографы в надписях хотели отразить свою историю и заветы потомкам. Исторические и стилистические требования к историографическим монументальным текстам определили путь дальнейшего развития этого жанра.

В долине Кошо-Цайдам в Монголии в одном километре друг от друга находятся два уникальных исторических комплекса. Первый из них был сооружен в честь полководца Куль-тигина, а второй — в честь Бильге-кагана. Эти регионы в раннем Средневековье были центральной частью древнетюркских каганатов. Там процветало искусство, градостроительство. В настоящее время сохранились развалины былой культуры, сохранилась лишь часть этих прекрасных сооружений.

Когда-то эти сооружения были самым оживленным и святым местом. В середине комплекса стоял прекрасный мавзолей. Он сооружен по проекту китайского архитектора. В центре мавзолея установлен камень с надписью. По длинной дороге толпа двигалась к мавзолею, чтобы отдать дань уважения своим героям-освободителям. Внимание всех посетителей обращалось на надписи, высеченные на камне. В ней были заветы, обращения правителя к своему народу, к потомкам.

Список использованных источников и литературы

1. Orhun. Moğolistan Tarihi Eserleri Atlası. Ankara, 1995. S. 18–42.
2. Moğolistan'daki Türk Anıtları Projesi Albümü. Hazırlayanlar: O. F. Sertkaya, C. Alyılmaz, T. Battulga. Ankara, 2001. S. 13–70; 71–119.
3. Sertkaya O. F. Göktürk Tarihinin Meseleleri. — Ankara, 1995. S. 14.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. — Л., 1951. С. 27.
5. Orkun H. N. Eski Türk Yazıtları. Ankara, 1987. S. 22–23.
6. Tekin T. Orhon Yazıtları. Ankara, 1988. S. 3, 62.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 20.
8. Тугушева А. Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзана. М., 1991. С. 115–125.
9. Содиков К., Омонов К. Узбек тилининг ёзма услублари тарихидан. Тошкент, 2010. С. 43–64.
10. Содиков К. Кук турк битиглари: матн ва унинг тарихий талкини. Тошкент, 2004. С. 66–72.
11. Аманжолов А. С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003. С. 160.

Сведения об авторе: Садыков Касимджан Позилович, доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Ташкентского государственного университета востоковедения, г. Ташкент, Узбекистан

УДК 811.512'342 +930.271:81'22

И. Я. Селютина

Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия)

РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ В ТРУДАХ В. М. НАДЕЛЯЕВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОСИБИРСКОЙ ТЮРКСКОЙ ФОНЕТИКИ

Аннотация. В эпиграфических работах В. М. Наделяева, посвященных рунике Алтая, выявлен ряд теоретических проблем древнетюркской фонетики, получивших в идиомах дальнейшее развитие и являющихся остроактуальными для современного состояния фонико-фонологических систем южносибирских тюркских языков. Прежде всего это многократно отмечаемые случаи фонетической вариативности гласных, смешения сингармонической рядности, сложных корреляционных закономерностей в составе мягкорядных словоформ. Все эти явления взаимосвязаны и взаимообусловлены, они детерминируют формирование в языках нейтрального сингармонического ряда.

Ключевые слова: эпиграфика, памятники письменности, древнетюркская руника, орхоно-енисейские надписи, руника Алтая, фонетическая реконструкция, нейтральный сингармонизм, этимология.

*I. Ya. Selyutina**Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)*

RUNIC MONUMENTS OF ALTAI IN THE WORKS OF V.M. NADELYAEV AND SOME PROBLEMS OF SOUTH SIBERIAN TURKIC PHONETICS

Abstract. In V.M. Nadelyaev's epigraphic works devoted to the Altai runic, a number of theoretical problems of ancient Turkic phonetics have been identified, which have received further development in idioms and are acutely relevant for the current state of the phonico-phonological systems of the South Siberian Turkic languages. First of all, these are repeatedly noted cases of phonetic variability of vowels, mixing of synharmonic series, complex correlation patterns in the composition of soft-order word forms. All these phenomena are interrelated and mutually conditioned, they determine the formation of a neutral synharmonic series in languages.

Keywords: epigraphy, monuments of writing, Ancient Turkic runic, Orkhon-Yenisei inscriptions, Altai runic, Khitan writing, phonetic reconstruction, neutral synharmony, etymology.

В декабре 2023 г. мировая культурная и научная общественность будет отмечать знаменательное для тюрко-монгольского мира событие — 130-летнюю годовщину со дня полной дешифровки в 1893 г. датским ученым профессором Вильгельмом Томсеном древнетюркской рунической письменности, открытой на территории Южной Сибири в 1721 г. — чуть более 300 лет тому назад — Д. Г. Мессершмидтом, немецким исследователем, призванным на русскую службу Петром I.

Тюркская эпиграфика — одна из наиболее сложных и перспективных отраслей тюркологии, надежный и информативный источник для реконструкции древнейших исторических, этнических и социальных процессов на территории Большого Алтая — колыбели тюркской цивилизации, сохранившей в древних каменных письменах следы зарождения культурного кода древнетюркской общности и эволюции межцивилизационного диалога в евразийском пространстве.

Эпиграфическое наследие Владимира Михайловича Наделяева — крупного отечественного тюрколога и монголиста, основателя Сибирской фонологической школы, его труды в области дешифров-

ки древних рукописей — в том числе и обнаруженных на территории Алтая, находятся на периферии сферы его научной деятельности, но тем не менее их результаты актуальны как для специалистов в области руники, так и для сибиреведов, тюркологов и монголистов.

Интерес В. М. Надеяева к истории формирования древних письменностей зародился еще в годы студенчества и аспирантуры в ЛГУ (1939–1947) при проведении научных изысканий под руководством выдающегося тюрколога-древника С. Е. Малова, сумевшего «посеять семена возвышенного интереса к рунике» у своих учеников [1, с. 6]. Тяга к разгадке тайн происхождения языков укрепилась во время работы по составлению Древнетюркского словаря (1969), одним из идеологов, авторов и редакторов которого был В. М. Надеяев.

Работе по изучению тюркских рунических надписей предшествовало исследование в 1960-е гг. совместно с В. С. Стариковым киданьской письменности [2], обслуживавшей язык киданей — племен монгольской группы, обитавших в IV–XII вв. на территории Северо-Восточного Китая и Монголии. Исследование проводилось с использованием вычислительной техники и с применением методов позиционной статистики по варианту Ю. В. Кнорозова, впервые примененному им при дешифровке письменности майя. Анализ материала констатировал агглютинативность строя киданьского языка с постпозитивным характером агглютинации, что подтверждало гипотезу авторов о принадлежности киданьского языка к монгольской группе.

Параллельно с дешифровкой письма киданей в 1960-е гг. В. М. Надеяев делает первые опыты в исследовании тюркских рунических памятников.

А. М. Щербак выделяет девять групп рунических надписей тюрков, объединяя их в основном по территориальному признаку. В I группу входят надписи Монголии, занимающие центральное место в реестре и представляющие графически упорядоченные, цельные по содержанию и принципиально значимые тексты; II группа — руника бассейна Енисея и Хакасии. На периферии находятся надписи Алтая (группа V), которые нельзя отнести к собственно памятникам письменности. Все остальные группы надписей: Восточного Туркестана (III), Таласские (IV), из европейской части России (VI), Венгрии (VII), Румынии и Болгарии (VIII) и пр. (IX) составляют ещё более отдаленную периферию [1, с. 11–12].

Надпись, посвященная Тоньюкуку — политическому и военному деятелю средневекового древнетюркского государства Второго тюркского (682–744) каганата на территории Монголии на берегу реки Орхон, относится к числу наиболее известных рунических памятников [3, с. 56–73].

В 1963 г. вышла статья В. М. Надеяева «Чтение орхоно-енисейского знака □ и этимология имени Тоньюкука» [4]. Знак □, толкованию которого посвящена статья, очень малоупотребителен, он обнаружен всего в десятке слов, в том числе и в имени Тоньюкука.

По результатам изучения тюркологической литературы В. М. Надеяев выделил восемь вариантов чтения орхоно-енисейской литеры □: nj, Oj, O, nb, b, g, i, $\frac{3}{4}z$. Проанализировав имеющиеся трактовки знака □, автор оставил для дальнейшего обсуждения 5 вариантов графем, внеся в них некоторые фонетические уточнения: nj, Oj, O, nb, $\frac{3}{4}z$; последний вариант рассматривается автором как наиболее близкий к действительному звучанию знака □.

Анализ древнетюркской графической системы и специфики — артикуляционной, дистрибутивной, функциональной — звуковых коррелятов литеры □ в различных фонетических контекстах в современных тюркских языках послужил В. М. Надеяеву основанием для вывода о том, что наиболее вероятным звуком, обозначенным в орхоно-енисейской письменности буквой □, является среднеязычный щелевой назализованный звук $\frac{3}{4}z$.

Опираясь на анализ генетически обусловленных звуковых соответствий древнетюркскому знаку □ по языкам (тувинский, якутский, долганский, тофаларский) и языковым группам (языки орхоно-енисейской письменности, северо-западные, юго-западные, аргу), В. М. Надеяев этимологизирует имя мудрого древнетюркского сановника как $tu^{\frac{3}{4}z}uq$ «Копытце» или $tu^{\frac{3}{4}z}uq-oq$ «Копыто (образная) — Стрела». Аналогии столь странного именованного государственного деятеля из знатного тюркского рода приводятся из ряда тюркских и китайских языков (например, имя одного из сыновей якутского князя — Таас-Туйах «Каменное копыто», северные динлины имели государство «лошадиных голени», тофалары в фольклоре — «люди с лошадиными ногами» [4, с. 213].

Работа с древними памятниками письменности была продолжена после переезда В. М. Надеяева в 1966 г. по приглашению академика А. П. Окладникова в новосибирский Академгородок.

Ряд статей В. М. Надеяева посвящен дешифровке рунических надписей Горного Алтая [5, 6]. А. М. Щербак отмечает, что Алтай — это крайняя северная граница распространения енисейской разновидности рунической письменности тюрков Южной Сибири на «затухающей» стадии существования [1, с. 21–22]. И. А. Кызласов по результатам изучения камнеписных рунических надписей Горного Алтая впервые выделил алтайский орфографический тип енисейского письма, охарактеризованный им как «псевдорунический». Для него свойственно систематическое несоблюдение норм классической рунической орфографии, смешение знаков для мягкорядных и твердорядных согласных, нечеткость в разграничении графем, передающих гласные звуки [7, с. 126].

На наш взгляд, фиксируемые последовательные и регулярные нарушения правил правописания могут свидетельствовать о том, что генетически сингармонизм, в том числе и палатальный, не был свойственен языку писцов, он воспринимался ими как явление внешнее, привнесенное, не до конца освоенное носителями горноалтайского идиома.

По мнению Д. Д. Васильева, палеографические особенности многих надписей Алтая производят впечатление рунической архаики и соответствуют догосударственному, племенному уровню письма, возникшему в этом регионе, возможно, еще до образования каганатов, «здесь представлены образцы руноподобной письменной культуры, хронологически и лингвистически весьма различные» [8, с. 48].

В статье В. М. Надеяева «Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача» излагаются результаты дешифровки письменного памятника, обнаруженного в 1969 г. сотрудником ИИФФ СО АН СССР Е. М. Тощакowej, руководителем алтайского отряда по петроглифам [5]. Кальку с прорисью в натуральную величину передали В. М. Надеяеву. В июле того же года он съездил в Кош-Агач для уточнения некоторых темных мест. Надпись на каменной стеле на могиле у р. Бар-Баргузы в Кош-Агачском р-не Горно-Алтайской АО представляет собой древнетюркскую эпитафию, в которой сообщается о том, что похороненный был убит неким Китезом, вождем другого племени, и погребен вождем Кекюем и его соплеменниками, среди которых жил и от которых «отделился» мемориант.

Выявленные лексико-грамматические особенности указывают на тесные связи древнетюркских племен Алтая и Притяньшанья и их миграции. Для фонетистов-тюркологов особый интерес представляет замечание о том, что слова *adirti* и *adirltim* отражают свойственное многим енисейским памятникам фонетическое смешение твердорядных и мягкорядных знаков при соседстве узкого неогубленного гласного типа *i* [5, с. 110].

На наш взгляд, здесь можно говорить об особенностях сочетания переднеязычных согласных с постпозитивными гласными в мягкорядных словоформах, повсеместно отмечаемых в современных южно-сибирских тюркских языках: если в постпозиции к среднеязычному согласному облигаторно используется переднерядный гласный (напр., кумандинское: *чий* [МЪРБQ] «сырой», *чер* [МГЕБ] «земля»), то переднеязычные консонанты требуют после себя гласных более заднего образования — переднерядных отодвинутых, центрально-, центральнозадне- и смешаннорядных (напр., кумандинское: *тил* [: аЩ_R] «язык», *темир* [: аП2бАЕБ] «железо»), которые функционируют как в твердорядных, так и в мягкорядных словоформах, формируя нейтральный ряд гласных [9].

По-видимому, аналогичные процессы происходят и в тюркских языках несибирского региона. В частности, отмечаемые в крымчакском языке случаи так называемого нарушения палатальной гармонии гласных следует рассматривать как реализацию особенностей проявления мягкорядной гармонии, точнее, сингармонизма, в тюркских языках, например, функционирование гласного *ы* в словах с мягкорядной вокальной осью: *сыздэ* «у вас», появление в 1-х слогах на месте *ö* и *ü* более задних вариантов, что, по мнению Э. Р. Тенишева, отражается в непоследовательном орфографировании (*ö* / *o*, *ü* / *y*) грамматических форм [10, с. 310]. В действительности же здесь мы имеем дело со спецификой манифестации коррелятивных фонотактических закономерностей в тюркских языках, с особенностями функционирования мягкорядного сингармонизма, которые, как показывает надпись из Кош-Агача, были распространены уже в древнетюркский период.

В 1981-м г. В. М. Надеяев опубликовал самую объемную статью по рунической тематике «Древнетюркские надписи Горного Алтая» [6]. В ней представлены прорисы некоторых из выявленных в 1960–70-е гг. текстов, их чтение, перевод и развернутый лингвистический комментарий.

1. Талду-Айрыская надпись на камне в урочище Талду-Айры вблизи с. Кокоря Кош-Агачского р-на найдена археологами ИИФФ СО АН В.Д. Кубаревым, А.С. Смирновым и Л.М. Чевалковым в 1978 г. Вертикальный текст представляет собой обычную для орхоно-енисейки эпитафию древнего тюрка, скорее всего, военачальника — смелого и прозорливого, о чем свидетельствует имя собственное *Уккай* — умница, разумник, прозорливец (от глагольной основы *ук* «понимать, разуметь»). Лексема *уккай* не была зафиксирована в Древнетюркском словаре.

2. Надпись на скале вблизи с. Иня Онгудайского р-на, найденная в 1976 г. В.Н. Елиным и Б.Х. Кадиковым, представляет собой эпитафию из девяти знаков.

3. Две надписи одинокого холма на скале вблизи с. Кош-Агач обнаружены в 1980 г. В.Д. Кубаревым. 1-я надпись из 39 знаков представляет собой жанр необычной эпитафии, содержащей информацию об убийстве и призыв к отмщению: «Этеля зарезал Ачык. Вследствие этого я устроил поминальный обряд по Этелю. (И тогда) возникла (букв.: пришла) клятва (относительно) Этеля: „Возьми равной рукой (т.е. отомсти?!)”» [6, с. 71].

Для фонетистов-тюркологов интересно замечание о некоторых переборах с сингармонической рядностью и предположение о наличии в древнетюркском языке алтайского региона нейтрально-рядного *i*-образного гласного, который может сочетаться в одной словоформе с гласными твердого ряда и с гласными мягкого ряда *и*, видимо, фонематически отличается и от гласного *ï*, и от гласного *i*.

4. Группа надписей на скале Калбак-Таш вблизи с. Йодро Онгудайского р-на обнаружена в 1980 г. участниками петроглифо-археологического отряда ИИФ СО АН Е.А. Окладниковой и П.П. Лабецким. Одна из них представляет собой прямую речь — молитвенное обращение к вечно существующему локальному божеству Земле (обитающему в святилище Калбак-Таша): «Земля — вечное бытие! Обладательствуи дом лекаря-травника: пятикратно возьми жар бесовской болезни, подуй-изгони! Сотвори благодать! Земля-Чернь!». Всего в Калбак-Таше найдено 12 надписей, в них развивается та же тема мольбы о спасении семьи лекаря-травника [6, с. 74].

Как видно из краткого обзора эпиграфических работ В.М. Наделяева, посвященных рунике Алтая, лингвистический комментарий анализируемых им надписей констатирует ряд теоретических проблем древнетюркской фонетики, получивших в идиомах дальнейшее развитие и являющихся остроактуальными для современного состояния фонико-фонологических систем южносибирских тюркских языков. Прежде всего это многократно отмечаемые случаи фонетической вариативности гласных, смешения сингармонической рядности, сложных корреляционных закономерностей в составе мягкорядных словоформ. Все эти явления взаимосвязаны и взаимообусловлены, они детерминируют формирование в языках нейтрального сингармонического ряда.

В тюркских языках Южной Сибири на современном этапе их развития можно отметить повсеместную тенденцию к унификации палатальной гармонии гласных. В составе твердорядных и мягкорядных словоформ используются, фактически, одни и те же фонетические варианты аффиксальных морфем с гласными центрального, центральнозаднего и смешанного артикуляторных рядов.

Одной из причин функционирования аффиксальных морфем в нейтральнорядных фонетических вариантах может быть фиксируемая в звуковых системах современных южносибирских тюркских языков активно и последовательно развивающаяся тенденция к передвижению вокальных артикуляций к центру резонаторной полости и, вследствие этого, к относительной нивелировке, деполяризации характеристик гласных по параметрам артикуляторной рядности. Сдвиги вокальных настроек выявлены в языке кумандинцев (Селютина, 1998, 2000), в сагайском и качинском диалектах хакасского языка (Кыштымова, 2001), в языке тубинцев (Сарбашева, 2004), в диалекте алтай-кижи (Шалданова, 2007), в каа-хемском говоре тувинского (Дамбыра, 2005), а также в киргизском языке, исторически близком южносибирским (Эсенбаева, 2010).

Трансформации субстантной базы южносибирского тюркского вокализма являются катализаторами существенных преобразований в функциональной сфере: перестраиваются алгоритмы реализации сингармонизма, что влечет за собой многочисленные отклонения от идеальной модели палатальной и лабиальной гармонии гласных, модифицируются сингармонические системы.

Тем не менее, несмотря на тенденцию к нивелировке в потоке речи оппозиции гласных по артикуляторной рядности, к выравниванию сингармонической рядности — появлению нейтрального функционального ряда — у носителей языка с перцептивной базой, ориентированной на сингармо-

низм, осуществление процесса коммуникации не вызывает трудностей, в отличие от собеседников с иной языковой традицией; носитель тюркского языка при наращении аффиксов безошибочно выберет мягкорядный или твердорядный вариант. Сингармонический облик словоформы, фонетический контекст, специфика коартикуляционных сегментов, тембровые характеристики являются факторами, способствующими адекватному восприятию речи и снимающими необходимость более контрастного противопоставления гласных по артикуляторным параметрам, свойственного языкам несингармонического типа.

Анализируя надписи Калбак-Таша, В. М. Надеяев отмечает, что с неолитических времен (и еще раньше) через бронзу и железо поколения сменялись поколениями, люди приходили в эти благодатные алтайские уголья, занимали их в борьбе с более ранними пришельцами и уходили потом, оттесненные новыми, более могущественными, или сливались с ними, внося элементы своей культуры в культуру новых пришельцев, но каждое поколение людей (будь то европеоиды, или метисные подрасы, или, позднее, монголоиды) выражало себя, свои духовные интересы, на каменных стенах Калбак-Таша, на протяжении многих веков служившего священным храмом. «В храме на скале, состоящем только из наружных стен и площадок, как своеобразный нерукотворный Боробудур, устроили свой «алтарь» и древние тюрки, для которых, согласно древней легенде, Горный Алтай был прародиной, где их прапратер-волчица родила десять сыновей — предков голубых тюрков» [6, с. 73].

Сохранившиеся до нашего времени тюркские рунические надписи, запечатлевшие духовные и этнические константы древних тюрков, — это окаменевшая история духовной жизни человека Большого Алтая на протяжении тысячелетий.

Список использованных источников и литературы

1. Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. — СПб.: Наука, 2001. — 152 с.
2. Стариков В. С., Надеяев В. М. Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма // Предварительное сообщение о дешифровке киданьского письма. — М.: ВИНТИ, 1964. — 36 с.
3. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. — 452 с.
4. Надеяев В. М. Чтение орхоно-енисейского знака □ и этимология имени Тонькука // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С. 197–213.
5. Надеяев В. М. Древнетюркская руническая надпись из Кош-Агача // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1973. — Вып. 1. — № 1. — С. 108–110.
6. Надеяев В. М. Древнетюркские надписи Горного Алтая // Известия СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1981. — Вып. 3. — № 11. — С. 65–81.
7. Кызласов И. А. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н. А. Баскакову. — М.: Языки славянской культуры, 1996. — С. 124–136.
8. Васильев Д. Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая. С. 48–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-otkrytiya-i-izucheniya-pamyatnikov-drevnetyurkskoj-pismennosti-gornogo-altaya-1/viewer> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Селютина И. Я. Изменения фонологических систем в языках народов Сибири как результат языковых контактов // Ad Fontes. Księga jubileuszowa ofiarowana profesor Oldze T. Mołczanowej. Uniwersytet Szczeciński. — Szczecin, 2010. — С. 297–314.
10. Реби Д. И., Ачкинази Б. М., Ачкинази И. В. Крымчакский язык // Языки мира. Тюркские языки. — Бишкек: ИД «Кыргызстан», 1997. — С. 309–319.

Сведения об авторе: Селютина Ираида Яковлевна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия, e-mail: siya_irina@mail.ru

УДК 812. 46

А. Р. Бикбулатова¹, Ж. К. Омурзакова²¹Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)²Международный университет Кыргызстана (Бишкек, Кыргызстан)

БИЛИНГВИЗМ В ЧАТКАЛЬСКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В данной статье рассматривается языковое поведение кыргызов в Чаткальском районе, Джалал-Абадской области Кыргызской Республики. Несмотря на мононациональность, распространение билингвизма в данной долине страны обусловлено историческим прошлым региона. Длительное пребывание региона в составе Российской империи, Советского Союза привело к хорошему владению русского языка местным населением. Чаткальцы отличаются относительно хорошим владением русского языка. В основном это является результатом доминирования школ с параллельно русским языком обучения до 4 класса. Преподавание данного языка в дошкольных учреждениях.

Ключевые слова: кыргызско-русский билингвизм, языковое поведение, Чаткал, Кыргызстан.

A. R. Bikbulatova¹, Zh. K. Omurzakova²¹Kyrgyz National University named after. Zh. Balasagyna (Bishkek, Kyrgyzstan)²International University of Kyrgyzstan (Bishkek, Kyrgyzstan)

BILINGUALISM IN THE CHATKAL VALLEY OF THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. This article examines the linguistic behavior of the Kyrgyz in the Chatkal region, Jalal-Abad region of the Kyrgyz Republic. Despite the mononationality, the spread of bilingualism in this valley of the country is due to the historical past of the region. The region's long stay as part of the Russian Empire and the Soviet Union led to a good command of the Russian language by the local population. Chatkal residents have a relatively good command of the Russian language. This is mainly the result of the dominance of schools with parallel Russian language of instruction up to 4th grade. Teaching this language in preschool institutions.

Keywords: kyrgyz-russian bilingualism, language behavior, Chatkal, Kyrgyzstan.

Нынешняя языковая ситуация в Кыргызстане является наследием исторического прошлого края. Распространение русского языка в этом регионе было выражением имперского интереса России, последствием советизации края и переселения значительных сообществ русскоязычного населения. Русский язык, как язык Российской империи, а в последствии как основной язык коммуникации в советский период реализует геополитические, социальные и демографические ресурсы этноса, которому принадлежит. Русский язык на протяжении длительного исторического периода, соприкасаясь с иной языковой средой, неизбежно испытал встречное течение. В результате этот язык мог полностью исчезнуть в иной языковой среде, в силу различных обстоятельств. Но в Кыргызстане в постсоветский период, начинает формироваться новое лингвокультурное пространство. Оно выражается не только в личностном и коллективном выражении, но и, трансформируясь в социальную потребность, субъекты которого осознают себя билингвами уже не только по способу говорения на двух языках, но и по образу жизни. В наших условиях это диалог кыргызского и русского языков.

Кыргызский язык — мост внутри тюркоязычных народов нашей страны, которые составляют более 90% населения страны (74,04% — кыргызы, 14,5 — узбеки и т.д.). Он является общедоступным для народов, имеющих общие языковые корни, относящиеся к тюркской семье.

Русский язык остается мостом в коммуникационной сфере, используется в общении народов, живущих в современном Кыргызстане, и связывает нас со всем миром. Это определяет перспективы развития русского языка в республике.

Состояние этих двух видов двуязычия определяется прагматической мотивацией, преимущественно личностной и общественной языковой потребностью в социальной и культурной сферах. Меняются условия — мотивация чутко реагирует на перемены, и поле билингвизма то расширяется, то сужается от поколения к поколению.

В процессе проведения исследования наравне с историко-генетическим, сравнительно-сопоставительным и синтезом были использованы этнографический и этносоциологический методы. В 2023 г. 1–10 июля состоялась Кыргызско-Российская международная этнографическая экспедиция в Чаткальском районе Джалал-Абадской области Кыргызстана под названием «от Алтая до Чаткала». Ученые провели исследования по параллельному и сравнительному изучению традиционной культуры алтайцев и кыргызов, начатый в рамках проекта Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности».

Чаткальский район — это высокогорный район, который находится в относительно в одинаково отдаленном расстоянии как от г. Бишкека (столица республики), так и от города Оша — второго города страны. В ходе исследования было выявлено, что в районе идет рост численности населения. По данным переписи населения, в 2009 г. в районе проживало 22 490 человек. Из них кыргызы составляли 97,3% населения, узбеки — 1,4%, таджики — 0,6% [1]. По состоянию на 1 января 2023 г. население района составило 30,2 тыс. человек, из них таджики — 26 человек, казахи — 7, узбеки — 23 и один татарин [2]. В районе идет сокращение численности представителей других этносов, т.е. население района становится моноэтническим.

Несмотря на то, что население района мононациональное, кыргызскоязычное, нам удалось установить достаточно хорошие знания русского языка. На наш взгляд, это является результатом сложившихся традиций в системе общего школьного и дошкольного образования, которые заложены еще в советский период и дают хорошие плоды. Например, в Чаткальском районе всего 19 средних образовательных школ. Из них в 13 школах имеются по одному классу с русским языком обучения до 4 класса. После окончания 4 класса ученики по желанию и имеющие финансовые возможности и социальные условия продолжают обучение в другой школе, а именно школе-интернате имени В. И. Ленина и в средней школе имени Ю. А. Гагарина Чаткальского района Джалал-Абадской области, которые находятся далеко от долины почти 423 км, или продолжают свое обучение в кыргызских классах. Знания русского языка, полученные в начальных классах, служат основной базой для продолжения изучения русского языка. При непродолжении освоения этого языка полученные знания обеспечивают минимум знаний и умений для общения на русском языке. Данная система обучения в районе сложилась еще в годы советской власти по желанию местного населения. При интервью-беседе с представителями местного населения были выявлены причины данного желания жителей района. Местные жители объяснили это следующим образом: «Как вы видите, в районе проживают в основном кыргызы, и раньше было так, и из-за отдаленности нашего района от больших городов, как Ош, Бишкек, наши дети плохо владели русским языком. Им было трудно учиться в вузах Бишкека. Было тяжело во время служения Армии, или когда они выезжали из Кыргызстана..., поэтому мы просили ввести такое обучение в школах...».

Обучение детей с раннего возраста русскому языку в Чаткальском районе было заложено также и в системе дошкольного образования, которые сохранились по сей день. Например, в имеющихся дошкольных учреждениях района традиционно выделяется один час в неделю для изучения русского языка. Хотя родители считают, что время, уделенное для русского языка, недостаточно, все же современные дети уже в детском саду хорошо владеют русским языком. Но, как видно, это заслуга не преподавателей русского языка, а больше влияние современных гаджетов.

В школах Чаткальской долины не хватает учителей по естественным наукам, особенно в отдаленных от райцентра школах, а также по английскому и русскому языку. В своих интервью директора

школ высказали мнение о нехватке или отсутствии учителей по другим иностранным языкам — турецкому, китайскому и др., такая необходимость появилась из-за того, что в долине в последнее время развивается горнодобывающая промышленность, где работают граждане из Китая, Турции. Постоянно требуются переводчики с китайского и турецкого языков. Многие родители направляют своих детей в вузы, где готовят специалистов в этом направлении.

Также директора школ высказались о том, что требуется постоянно повышение квалификации для работающих учителей русского языка. С данной целью учителя вынуждены выезжать в города, что требует немало финансовых затрат и времени. Курсы в онлайн-формате, по мнению директоров школ, не всегда эффективны. Но, несмотря на имеющиеся трудности, ученики района показывают хорошие результаты по русскому языку на общереспубликанском тестировании, что является показателем успеваемости школы.

В ходе этносоциологического исследования респондентам было предложено оценить степень владения русским, английским и другими языками (личная самооценка методом интроспекции) по шкале от 1 до 10. Как показывают результаты, степень владения русским языком (43,1%), в то время как английским владеет 2,2%, а другими языками — 1,2%.

На следующий вопрос: «Где вы изучали русский язык?» мы получили следующие результаты: в школе — 19,2%, в вузе, спусе — 57,4%, самообразованием — 23,4%.

Жители Чаткала, как и другие регионы с моноязычным составом, понимают, что русский язык позволяет вырастить детей более конкурентоспособными на рынке труда благодаря тому, что знание этого языка открывает доступ к знаниям и технологиям, предоставляет более широкий диапазон коммуникативно-когнитивных возможностей в различных этнокультурных средах. В этой связи идея введения многоязычного образования в школьную систему представляется весьма перспективной. На вопрос, поддерживаете ли вы идею внедрения в школы многоязычного образования, ответы распределились следующим образом: «за» — 63%, «против» — 37%.

Следующий вопрос касался выбора родителями языка обучения для детей. Как выяснилось, родители, отдающих предпочтение школам с русским языком обучения, — 47%, тех, кто для своих детей выбирает школы с кыргызским языком — 53%. Как показывает изучение общественного мнения, многие родители предпочли бы отдать ребенка в школу с русским языком обучения, но не всегда имеют такую возможность. В этой связи некоторые из них привозят детей жить к родственникам, чтобы дать им возможность обучаться в школах с русским языком обучения, либо отправляют детей в другую область, район, город. При наличии такой возможности в семье было бы больше шансов выбрать по своему усмотрению школу с русским (45,2%) с другими языками обучения (29%). На вопрос «Почему вы выбрали школу с русским языком обучения?» интервьюеры ответили, что кыргызский язык их дети и так знают, а вот русский им нужен, чтобы получить хорошее образование. Таким образом, в обыденном сознании высоко оценивается ресурсная база и возможности русскоязычного образования.

Так сложилось, что за годы своей независимости кыргызский язык не нарастил к настоящему моменту собственных коммуникативных, когнитивных ресурсов, которые могли бы позволить в полной мере обеспечивать научно-образовательные, технологические и инновационные процессы. В этой связи, чтобы иметь доступ к современным знаниям и технологиям, нужно владеть еще одним языком, который обладает такими ресурсами. И вполне закономерно, что в качестве такого языка в Кыргызстане выступает русский.

Исходя из этого, хотим отметить, что еще 2003 году профессор А. О. Орусбаев высказал свое мнение по этому поводу: «Идеологи партий и движений, чувствующие конъюнктуру текущего момента, использовали родной язык в своих сугубо политических целях как орудие борьбы за интересы этнической общности. Это открыло им путь «для ловли счастья и чинов» в структурах власти, на предприятиях, в компаниях и других структурах государства и частного бизнеса». Наличие двойных стандартов в позиции большинства таких политиков по языковому вопросу очевидно: с одной стороны, в своей риторике, обращенной к народной массе, они призывают «обучать соплеменников на родном языке, воспитывать их в духе воззрений великих предков», а в действительности «они отдают своих детей в школы не с кыргызским, а с английским и русским языками обучения» (там же: 199) Исследование подтверждает мысль, что «в массовом сознании кыргызов и других народов, про-

живающих в Кыргызстане, русский язык – не иностранный, не чужой, а язык, исторически, духовно и эмоционально близкий их родному языку» [3, 201–203]. Сохранить оба языка — и кыргызский, и русский — это требование времени и жизненный запрос всего кыргызстанского общества. Следовательно, и языковая политика должна быть равновесной как по отношению к кыргызскому, так и русскому языкам, чтобы обеспечить их гармоничное взаимодействие [4].

В языковом поведении кыргызов укоренился кыргызско-русский диалект, как основа билингвизма на протяжении нескольких поколений. По-прежнему русский язык остается основным источником пополнения словаря кыргызского языка, особенно в технической сфере.

Два столетия социально-экономических и культурных контактов с Россией, более чем полвека совместного проживания в рамках союзного государства не прошли бесследно для кыргызского народа. За это время сложилось единое языковое культурное пространство, которая продолжает существовать по сей день. Благодаря существующему билингвизму несколько поколений кыргызов приобрели новый инструментальный приобщения к мировой культуре, которая способствовало формированию нового мировоззрения и ментальности.

Сохраняется высокая мотивация жителей КР изучать русское слово, культуру и менталитет. Она вызвана сохранившимися высокими темпами трудовой миграции из Кыргызстана в Россию за последние тридцать лет. Желанием многих получить гражданство этой страны. Также в последние годы усиливается среди молодежи миграция из страны с целью получения образования в российских вузах.

Таким образом, вышеизложенные результаты исследования в Чаткальской долине позволяет заключить, что у нас есть ценнейший опыт старшего поколения, который следует изучать, развивать и распространять.

Список использованных источников и литературы

1. URL: <https://web.archive.org/web/20110810173253/http://212.42.101.100:8088/nacstat/sites/default/files/%D0%94%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D0%BB-%D0%90%D0%B1%D0%B0%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf>
2. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>
3. Орусбаев А. Русский язык как этнокоммуникативный компонент дву- и многоязычия в Кыргызстане. — Бишкек: КРСУ, 2003. — 227 с.
4. Тагаев М.Дж. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). — Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. — 240 с.

Сведения об авторах: Бикбулатова Аниса Рифовна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии Института истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: tataroved.anisa@yandex.com

Омурзакова Жылдыз Кубанычбековна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе и развитию государственного языка Международного университета Кыргызстана, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: omurzakova.74@mail.ru

УДК 81.1

К. С. Кравцов¹, М. В. Турилова²¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт общей физики
им. А. М. Прохорова РАН, НИУ ВШЭ (Москва, Россия)²Калуга, Россия

ТОПОНИМИКА АЛТАЯ

Аннотация. В статье представлен комментарий к некоторым тюркским топонимам Алтая, выполненный для отчета о горном походе 2 к. с., совершенном в июле — августе 2006 г. группой туристов туристического клуба «Гадкий утенок» (Москва). Лингвистические данные дополняют археологические и этнографические исследования и дают дополнительные сведения о природе и истории Алтая. Также мы проанализировали названия населенных пунктов Калужской области и выделили топонимы, восходящие к тюркским и чеченским словам. Исследование истории топонимов и населенных пунктов может заинтересовать тюркологов, историков, религиоведов, экономистов и других. Представлен обзор историко-художественных и научных источников.

Ключевые слова: Алтай, история, Калужская область, русский язык, топонимика, туризм, тюркские языки.

K. S. Kravtsov¹, M. V. Turilova²¹M. V. Lomonosov Moscow State University, A. M. Prokhorov Institute of General Physics RAS,
the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia)²Kaluga, Russia

TOPONYMICS OF ALTAI

Abstract. The article provides a commentary upon some Turkic toponyms of Altai for the report on a mountain hike trip of the 2nd category, made in July — August 2006 by a group of tourists of the tourist club *The Ugly Duckling* (Moscow). Linguistic data complement archaeological and ethnographic research and provide additional information about the nature and history of Altai. We also analyzed toponyms in the Kaluga region and identified toponyms that had come from Turkic and Chechen words. Studying the history of toponyms and settlements may be interesting for Turkologists, historians, religious scholars, economists and others. An overview of historical, fiction and scientific sources is given.

Keywords: Altai, history, Kaluga region, Russian, toponymics, tourism, Turkic.

ООН объявила 2022–2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации № 400 от 2 июля 2021 г.) в число приоритетов государственной политики входят сохранение исторической памяти и культуры народов Российской Федерации, духовно-нравственное и патриотическое воспитание граждан.

В статье представлен комментарий к некоторым тюркским топонимам Алтая, выполненный в связи с подготовкой отчета о горном походе 2 к. с., совершенном в июле — августе 2006 г. группой туристов туристического клуба «Гадкий утенок» (Москва).

Многие топонимы включают в себя слова, означающие общие понятия. В словарях часто фиксируется не только точный перевод или объяснение слова, но и то, что этим словом называют в наше время. Кроме того, старые словари фиксируют другие названия по сравнению с современными.

Айры — горная ложбина, место слияния двух горных рек, небольшая разветвляющаяся речка и рукав реки. В составе названий логов, гор, ущелий *айры* сохраняет свое основное значение любого разветвления вообще, иногда развилки. Как гидронимический аппелятив *айры* приобретает в топонимах значения рукава реки, водораздела, маленького ручья и просто реки.

Ак — в составе гидронимов «белый, ледниковый», «чистый, хороший, пресный», «текущий, проточный». По отношению к орообъектам *ак* имеет значение «белый», «снежный», «высокогорный белок», «голый, лишенный растительности, леса» (в противоположность *кара*). По всей вероятности, *ак* в оронимах, как и в гидронимах, могло также иметь и оценочный характер — «хороший, великолепный» (антонимично *кара*).

В наименованиях гидронимов алт. *кара* имеет значения, представленные и на других территориях: «обильный», «родниковый, питающийся подземными водами», иногда «прозрачный». Первичное значение *кара* «черный» чаще реализуется в оронимах: «черный, не покрытый снегом», «густой, с густым (часто хвойным) лесом».

Вершина горы обозначается алт. *баиш* «голова, верхняя часть, вершина»; «источник, исток, начало». Термин также распространен в Средней Азии, на Кавказе. Он с очень раннего периода использовался метафорически для обозначения географических объектов [1, с. 375]. Помимо метафорического переноса «голова» → «вершина горы», в тюркских языках, например, в алтайском, *баиш* (в притяжательной форме — *бажы*; также *бас*, *паиш*, *пажы*) приобретает значение начала, верховья, истока реки, озера. По частотности употребления в топонимах *баиш* занимает четвертое место, уступая лишь *туу*, *көл*, *суу*.

Высказываются гипотезы о финно-угорских, индоевропейских или тунгусо-манчжурских истоках слова *кем* «река, вода».

Слово *коол* (*кол*, *гол*, *хол*) «рука, нижняя часть руки» развило в тюркских языках вторичное географическое значение «низменность, долина, русло». Оно со временем ушло из речевого употребления, но сохранилось в топонимах в ряду тюркских и монгольских языков.

Алт. *кызыл* — «красный; румяный; рыжий; ярко-оранжевый, красновато-рыжий, кирпично-красный, бурый».

Маршрут похода проходил в районе Шавлинских озер. Тропы тянутся вдоль рек, ведут на горные перевалы. Помимо привычных названий, на картах обозначены группы деревьев и кустарников, болот и некоторые другие объекты.

Аккөл — река, озеро, исток Чуи. Алт. *ак* — «белый», *көл* — «озеро». *Аккөл* — букв. «белое, бело-снежное, мутно-белое; с ледниковым началом или питанием; текущее, проточное озеро»: «...Молочно-белый Ак-көл (река) в нижнем течении совершенно покоен и довольно глубок» [2, с. 58].

Актаиш (*Акташка*) — река, лог, гора, урочище; букв. «белый камень».

Атбажи — река, гора. Алт. *ат* — «лошадь, лошадиный», *Атбажы* — букв. «лошадиная голова, вершина, исток».

Белтир (*Бельтыр*, *Дыльбыр*) — река, гора, урочище, станица, поселок. Место слияния рек Йолдуйры и Тополевки. Алт. *белтир* букв. «скрещивание дорог, перекресток, место слияния рек».

Жетикөл (*Жетыколь*) — река, озеро, гора. Правый приток реки Шавла.

Во-первых, алт. *јети* — «семь», алт. *Јети Көл* букв. — «семь озер». Возможно, это тот же топоним, что и *Ештыколь* на современной карте («Атлас Республики Алтай») — правый приток р. Шавлы, который виден при спуске с пер. Орой. Справа, в том же направлении, видны небольшие озера. Таким образом, река Ештыколь получила свое название от семи озер, которые ее питают или на которые разделилось ее русло. Она могла быть полноводнее или иногда становится такой.

Во-вторых, с другой стороны, алт. *јыиш* означает «густой хвойный лес; чернь или черневой лес, состоящий из пихты, ели и кедра, подмешанных местами березой и сосной». Др.-тюрк. *йыиш* значит «нагорье с долинами, удобными для поселений». «...Как известно, в орхонских памятниках часто говорится о горнотаежных местностях под названием *йыиш* и *йыс* как о местах исконного обитания тюрков... *Чыс-кизи* — человек из горной тайги (черни). Так называли себя еще недавно шонцы и северные алтайцы (*туба-кижи*). В литературе они называются черневыми татарами» [3, с. 208]. Алт. *јыишту* (*ишту*, *юшта*) — букв. «имеющий чернь, черневой лес». Слово *јети* «снежный человек» может иметь тот же корень, представлять собой наименование человека по местности, в которой он проживает: «человек, живущий в горнотаежной местности» (как *чыс-кизи*, *туба-кижи*). Алт. *-ту* — аффикс относительного прилагательного, *көл* — «озеро», *кол* — «река». *Ештыколь* может означать «река в горнотаежной местности», «река на нагорье среди черневого леса».

Для туристов подобная информация может быть полезна. Если группа лишилась снаряжения, газовых горелок, она может попробовать поискать в подобных местах дрова. Но доверять одним лишь карте и словарю не стоит: лес давно может быть сведен.

В-третьих, о топониме *Шавла* сообщается: *Шаала* (*Шабылу*, *Шавлы*, *Шавла*, *Шала*) — это река, гора; правый приток р. Аргут-Челушман; Нижнее Шавлинское озеро; система р. Шавлы; от тув. *шалбаа* — «болото». Правый приток Шавлы — *Шабага* (*Шабаги*), от тув. *шавага* «молодое дерево (хвойное)». Другое название *Шаваги* — *Ештыкколь*. Возможно, последнее — сложение «река среди хвойного леса» с первым корнем *шавага*.

В-четвертых, сообщается следующее. *Эштү-Көл* (*Ештык-Коль*, *Эшту-Коль*, *Юшту-Голь*, *Шабаш*) — река, озеро, урочище, левый приток Чуи, Курайский хребет, система Чуйского хребта. Алт. *эштү* — «с предметной перспективой, окружением», тув. *эштиг* — «имеющий пару», алт. *көл* — «озеро». *Эштү-Көл* — букв. «озеро с предметной перспективой, окружением или имеющее пару». «...У восточного конца равнины извилистое озеро Эшту-коль и множество мелких озер. На озере довольно много уток, журавлей и лебедей, а по сухим склонам холмов звенит жаворонок и в траве кричит перепел. У восточного конца из него выходит светлая речка того же названия с каменистым руслом и среди зарослей прибрежных кустарников неторопливо устремляется дальше на восток» [2, с. 182].

Јолду-Айры (*Джолду*, *Елду*, *Джело*, *Јолдо Айры*) — река, гора, ледник. Алт. *јолду* означает «с дорогой, имеющий дорогу». Алт. *Јолду-Айры* — букв. «река, развилка, разветвление, имеющее дорогу»: «...По пути нужно перейти горный поток *Јолдо-Айры*, который, по счастью, разбит на три рукава» [2, с. 82].

Каракем (*Карагем*) — река, лог, гора, хребет, долина, урочище. Реку *Тополевка* иногда называют *Кара-Кем*. Это сложение алт. *кара* «черный», «родниковый, питающийся подземными водами» и алт. *кем* «река». *Каракем* — букв. «черная река», т. е. родниковая, питающаяся подземными водами.

Алт. *орой* заимствовано из монгольского языка и используется в топонимике: монг. *орой*, алт. *өрө* «верх, темя». Ср. также: *орой* / *орай* / *урай*, известное в большинстве кыпчакских языков и в якутском, вероятно, заимствовано из монгольских языков: калм. *ораа* / *орэ* — «макушка», «вершина», «самая высшая точка», монг. *орои* «верхушка», «вершина», «макушка», «темя» [4, с. 473].

Талду (*Талда*) — река, лог, гора, поселок Онгудайского района, левый приток р. Катунь. Алт. *талду* — «имеющий тальник, с тальником». Топоним *Талдура* (река, ледник), вероятно, русифицированный вариант слова *Талду* или *Талду-Айры*. *Талду-Айры* — река, ущелье, *Талду Айры* — букв. «разветвление, развилка; рукав реки; река с тальником».

Чибит (*Чиват*, *Чивит*, *Шибит*) — река, долина, гора, ущелье, станица. Другое название — *Красная гора*. Алт. диал. *чибит* — «охра; желтый цвет; желтый». Первоначально словом *чибит* называли природные минеральные глины разных оттенков желтого цвета, представляющие собой вещества, богатые окисями или гидроокисями железа. Позднее так стал называться желтый цвет с разными его оттенками. «За исключением небольшого ручья Чибит, ни в каком другом месте мне не удалось найти в достаточно большом количестве следы золота... Горы, где берет начало Чибит, состоят целиком из глинистого сланца красно-кирпичного цвета, с ярко выраженным сланцеватым строением» [5, с. 79].

Лингвистические данные дополняют археологические и этнографические исследования и дают дополнительные сведения о природе и истории Алтая [6, 7]. Иногда топонимы указывают на природный объект, который уже исчез или видоизменился в сравнении со временем, когда его называли, или обозначают его использование, дают этнокультурную информацию о нем. Готовясь к походам, школьники могут использовать достоверные данные научных словарей и энциклопедий, справочников по географии, краеведению, природному миру, лингвистическим данным интересующего их региона.

В Калужской области тоже немало интересного. На ее территории в XVIII–XX вв. компактно жились пленные и переселенцы: турки, цыгане, чеченцы, грузины, киргизы и другие тюркские народы. Среди них были высокопоставленные лица в почетной ссылке. Их поселениям, топонимике, роду деятельности и другим сведениям посвящены статьи исследователей в сборниках городской конференции «Калуга в шести веках» [8] и других.

Мы проанализировали названия населенных пунктов Калужской области и выделили топонимы, восходящие к тюркским и чеченским словам. Исследование истории топонимов и населенных

пунктов может заинтересовать тюркологов, историков, религиоведов, экономистов и других. *Г. Калуга*: сс. Муратовка, Муратовского щебзавода, пос. Азарово, дд. Аргуново, Карачево. *Бабьинский р-н*: сс. Бакатово, Куракино, Сабуровщино, дд. Башутино, Карачево, Шамордино, Шугурово. *Барятинский р-н*: с. Мосур, дд. Аскерово, Асмолово, Барнятино, Барятино, Бахмутово, Бутырки. *Боровский р-н*: г. Балабаново, дд. Башардово, Болдаково, Бутовка, Каверино, Шемякино. *Дзержинский р-н*: с. Барятино, дд. Акишево, Батуево, Буланцево, Карамышево. *Думиничский р-н*: — . *Жиздринский р-н*: пос. Азарьевский. *Жуковский р-н*: с. Тарутино, дд. Азарово, Алтухово, Караулово, Скуратово, Тайдашево, Татарское, Шабаново. *Износковский р-н*: дд. Агарыши, Айдарово, Бизяево, Булатово, Гиреево. *Кировский р-н*: д. Бакеевка, ж.-д. станция Шайковка. *Козельский р-н*: сс. Булатово, Бурнашево, Бутырки, Старое Шамордино, дд. Ерлыково, Шамордино. *Куйбышевский р-н*: д. Уйлово. *Людиновский р-н*: дд. Кургановка, Курганье, Шабаново. *Малоярославецкий р-н*: дд. Абелей, Азарово, Барденево, Башкировка, Башмаковка, Муратово, Мурзино, Ратманово, Самсыкино, Севрюково, Семендяево, Татарское, Таурово. *Медынский р-н*: с. Адуево, дд. Каляево, Киреево, Кочубеево, Мансурово, Рахманино, Таракановка, Шугурово. *Мещовский р-н*: сс. Беклемишево, Шеметовое, дд. Барятино, Батурино, Роксаново, Шадеево. *Мосальский р-н*: дд. Азарово, Амшарово, Бурмакино, Казарка, Харланово. *Перемышльский р-н*: с. Корекозево, дд. Муратовка, Салтановское. *Спас-Деменский р-н*: дд. Алфимово, Асташово, Гайдуки, Харламово, Шемаки. *Сухиничский р-н*: сс. Татаринцы, Уруга, дд. Азарьево, Алнеры, Асаново, Бордуково, Бордыкино, Волдаевка, Мурдасово, Самбулово, Шибаевка. *Тарусский р-н*: с. Барятино, дд. Арпыли, Исканское, Кареево, Мансурово, Толмачево, Шарапово, Шахово. *Ульяновский р-н*: д. Кудияр. *Ферзиковский р-н*: с. Авчурино, дд. Китаево, Тибекино. *Хвастовичский р-н*: сс. Курган, Курган. *Юхновский р-н*: дд. Азаровка, Бардино, Бельдягино, Карманово, Касимово, Кастрамово, Курбатово, Куреево, Сулихово, Тибеки.

Государственное автономное учреждение Калужской области по туризму «Туристско-информационный центр „Калужский край”» [9] предлагает автобусные поездки по краеведческим маршрутам Калужской области и походы выходного дня по окрестностям Калуги. На сайте учреждения размещен реестр однодневных и многодневных маршрутов для школьников Калужской области [10].

Некоторые маршруты связаны с событиями истории отношений славянских и тюркских народов. О сражениях в эпоху монголо-татарского нашествия рассказывают краеведческие музеи районных городов и поселений, например, об обороне Города воинской славы Козельска в 1238 г. Современный п. Дугна Ферзиковского района расположен на месте древнего города Любутска, в котором родился будущий схимонах Андрей Ослябя, один из двух героев Куликовской битвы [11]. Город «в Литовской стороне» был пограничным и охранял Алексинские броды через Оку, потому сражения были частыми.

Города «верховских княжеств» (Козельск, Воротынский, Залидов, Опаков, с. Дмитровец Побитый и несколько других) разорила Орда, о них напоминают городища. На р. Угре близ впадения ее в Оку произошло Великое Стояние на Угре 1480 г., положившее конец монголо-татарскому игу. Храмы и монастыри по берегам Угры называют «Поясом Богородицы». Исторические события представлены в музеях Успения Пресвятой Богородицы Свято-Тихоновой пустыни и Спасо-Преображенского Воротынского монастыря [12, 13, 14].

Музей «Козельские засеки» в п. Березичский стекольный завод и Столпичья засека на Жиздре и Вытебети (Национальный парк «Угра») — участки Заокской засечной черты, оборонявшей в XVI–XVII вв. юг Московского государства от набегов татар [15]. Пограничную службу основал князь М. И. Воротынский (1510–1573), герой взятия Казани (1552 г.) и битвы при Молодях (1572 г.), представитель знатного рода князей Воротынских, потомков святого благоверного князя Михаила Всеволодовича Черниговского (1179–1246) из Рюриковичей [16].

При подготовке к экскурсиям и поездкам учителям и школьникам будут полезны сборники материалов историко-краеведческих конференций «Калуга в шести веках», областных чтений памяти Г. М. Морозовой [17] и других [18], научные журналы Калужской духовной семинарии [19, 20], православная периодика [21, 22, 23], историко-краеведческие и художественные книги и альбомы калужских издательств [24, 25, 26] (например, издательства «Золотая аллея» [27]). Интересны историко-художественные произведения современного калужского писателя А. К. Ларина: «Пояс Богородицы» о Стоянии на Угре 1480 г., сборник «Тайный офеня» о событиях XV–XVII вв. и другие.

Мы благодарим Его Высокопреосвященство митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки данной работы.

Список использованных источников и литературы

1. Glauson G. An Etymological Dictionary of the Pre-Thirteenth-Century Turkish. –Oxford: Clarendon Press, 1972. — 989 pp.
2. Сапожников В. В. По русскому и монгольскому Алтаю / под науч. ред. и с комм. В. В. Обручева. — М.: Гос. изд-во географической литературы, 1949. — 579 с.
3. Боргояков М. И. Ыыш в древнетюркских памятниках рунической письменности // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975. — С. 208–211.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков / АН СССР. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1974. — Т. 1.
5. Чихачев П. А. Путешествие в Восточный Алтай: Центр. Азия в источниках и материалах XIX — начала XX века. — М.: Наука, 1974. — 358 с.
6. Молчанова О. Т. Топонимический словарь горного Алтая / под ред. А. Т. Тыбыковой. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. — 398 с.
7. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков / Ин-т филологии СО РАН. 2-е изд., испр. и доп. — М.; Новосибирск: Наука, 2000. — 768 с.
8. Калуга в шести веках: материалы городской краеведческой конференции. — Калуга, 1997–2023. — Вып. 1–17.
9. Единый туристический портал Калужской области. URL: <https://visit-kaluga.ru> (дата обращения: 08.09.2023).
10. Реестр маршрутов для школьников Калужской области // Единый туристический портал Калужской области. URL: https://visit-kaluga.ru/uploads/userfiles/Documents/reestr_detskiy.docx (дата обращения: 08.09.2023).
11. Маршрут исторической памяти к истокам Дона, Куликову полю и Туле для воспитанниц детского православного пансиона «Отрада» // Официальный сайт Калужской Митрополии. 19 июля 2023 г. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/news/eparhialnye-novosti/122-novosti-za-2023-god/19764-marshrut-istoricheskoy-pamyati-k-istokam-dona-kulikovomu-polyu-i-tule-dlya-vospitannits-detskogo-pravoslavnogo-pansiona-otrada.html?ysclid=ll14cfu2sr202694548> (дата обращения: 07.08.2023).
12. Памятные места военной истории [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГБУ Национальный парк «Угра». URL: <https://parkugra.ru/about/istoriko-kulturnoe-nasledie/pamyatnye-mesta-voennoj-istorii/> (дата обращения: 09.09.2023).
13. Православные подростки вместе со своими семьями посетили фестиваль «Великое стояние на Угре» // Официальный сайт Калужской Митрополии. 23 августа 2020 г. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/news/eparhialnye-novosti/116-novosti-za-2020-god/15242-pravoslavnye-podrostki-vmeste-so-svoimi-semjami-posetili-festival-velikoe-stoyanie-na-ugre.html> (дата обращения: 07.08.2023).
14. У Владимирского скита Свято-Тихоновой пустыни прошла акция по посадке деревьев // Официальный сайт Калужской Митрополии. 30 октября 2017 г. URL: <http://eparhia-kaluga.ru/news/eparhialnye-novosti/108-novosti-za-2017-god/11317-u-vladimirovskogo-skita-svyato-tikhonovoj-pustyni-proshla-aktsiya-po-posadke-derevev.html> (дата обращения: 07.08.2023).
15. Музей Козельские засеки // Официальный сайт ФГБУ Национальный парк «Угра». URL: <https://parkugra.ru/museums/muzej-kozelskie-zaseki/?ysclid=lmb949n4z1876140700> (дата обращения: 09.09.2023).
16. Массалитина Г. А. «Блистательнейший родом, разумом и делами муж» // «Истоки»: историко-краеведческое приложение к газете «Калужские губернские ведомости». — 13 мая 2022 г. — № 20 (8348). — С. 16, 25.
17. Морозовские чтения: материалы областной научной конференции, посвященной памяти Г. М. Морозовой. — Вып. 1–10. — Калуга, 1994–2022.

18. Молодость — науке: материалы областной научно-практической конференции учащихся, посвященной памяти А.А. Чижевского. — Калуга, 1990–2023. — Вып. 1–33.
19. Богословско-исторический сборник. — Калуга: КДС. 2003–2023. — Вып. 1–29.
20. Труды по русской патрологии. Калуга: КДС, 2019–2023. — Вып. 1–18.
21. Вера молодых: газета. — Калуга: Изд-во Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). — 2002–2023. — № 1–119.
22. Наша вера: газета. — Калуга: Изд-во Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). — 2003–2023. — № 1–230.
23. Православный христианин: период. журнал. — Калуга: Изд-во Калужской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). — 1991–2023. — № 1–205.
24. Малинин Д. И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. — Калуга: Золотая аллея, 2004. — 276 с.
25. Малинин Д. И. Неизданные рукописи. — Калуга: Золотая аллея, 2010. — 504 с.
26. Морозова Г. М. Прогулки по старой Калуге. — Калуга: Золотая аллея, 1993. — 260 с.
27. Книги издательства «Золотая аллея» // Изд-во «Золотая аллея». URL: http://zolotayaalleya.ru/testovyy_razdel?page=all (дата обращения: 08.09.2023).

Сведения об авторах: *Кравцов Константин Сергеевич*, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории атмосферной квантовой криптографии Центра квантовых технологий физического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доцент кафедры квантовых технологий Института общей физики им. А. М. Прохорова Российской академии наук, доцент факультета физики Высшей школы экономики, г. Москва, Россия, e-mail: ks.kravtsov@gmail.com

Турилова Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Калуга, Россия, e-mail: mariaturilova@mail.ru

УДК 81:39 + 811.512.145'282 + 398:28

А. Ш. Юсупова

Казанский федеральный университет (Казань, Россия)

ТАТАРСКО-РУССКИЕ СЛОВАРИ XIX ВЕКА КАК ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Татарский язык в XIX веке был языком дипломатии в отношениях России со странами Востока. Дипломатические документы, направляемые от имени русских властей в Крым, Турцию, Среднюю Азию, Иран, Индию и Монголию, оформлялись в то время на татарском языке. Указанные словари в данном контексте оказались совершенно необходимыми.

Преподавание татарского языка в качестве отдельного предмета в таких известных учебных заведениях, как Санкт-Петербургский, Казанский и Харьковский университеты, в профессиональных школах, духовных академиях и гимназиях также послужило причиной создания русско-татарских и татарско-русских словарей.

Ключевые слова: словарь, татарский язык, XIX век, учебное заведение, двуязычный, русский язык.

A. Sh. Yusupova

Kazan federal University (Kazan, Russia)

TATAR-RUSSIAN DICTIONARIES OF THE XIX CENTURY AS A HERITAGE OF NATIONAL CULTURE

Abstract. The Tatar language in the XIX century was the language of diplomacy in Russia's relations with the countries of the East. Diplomatic documents sent on behalf of the Russian authorities to Crimea, Turkey, Central Asia, Iran, India and Mongolia were issued in Tatar at that time. These dictionaries in this context turned out to be absolutely necessary.

Tatar language teaching as a separate subject in such well-known educational institutions as St. Petersburg, Kazan and Kharkiv Universities, in vocational schools, theological academies and gymnasiums was also the reason for the creation of Russian-Tatar and Tatar-Russian dictionaries.

Keywords: dictionary, Tatar language, XIX century, educational institution, bilingual, Russian language.

В России начиная с 1801 года стали появляться печатные двуязычные словари — лексикографические памятники, предназначенные для изучения татарами русского языка и русскими татарского, которые в современном этапе являются огромным достоянием татарского народа. Первыми из них были татарско-русский и русско-татарский словари И. Гиганова, изданные в 1801 и 1804 годах. Эта деятельность была продолжена другими авторами. В XIX веке вышли в свет словари А. Троянского (1833; 1835), С. Куляшева (1859), А. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1878, 1892), Миссионерского общества (1880, 1882, 1886, 1888, 1891), Ш. Габдельгазиза (1893), А. Воскресенского (1894), М. Юнусова (1900). Созданные учеными, преподавателями, миссионерами, эти двуязычные словари, многие из которых были составлены с миссией, отражали продолжавшийся культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

Особо следует выделить вклад в этот процесс представителей Казанской школы тюркологов. Они не только изучали книжно-литературный язык тюркских народов, но и уделяли большое внимание разговорным формам.

Формирование в XIX веке обширного корпуса двуязычных словарей объясняется целями и задачами как внутренней, так и внешней «восточной» политики России. Открытие в 1804 году Казанского Императорского университета было обусловлено объективными требованиями социально-экономического развития России. Подобные действия правительства были продиктованы экономическими, политическими и дипломатическими соображениями, а также выгодным географическим положением и многонациональным составом населения Казани и Волжско-Камского региона.

Для двуязычной лексикографии особенно важна мегаструктура, или рамочная структура — взаиморасположение частей словаря. Наиболее обычная мегаструктура: предваряющий текст (предисловие, правила пользования), корпус, заключающий текст (различные приложения). В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века основное место выделено корпусу словаря. Предисловия, правила пользования, различные приложения присутствуют только в некоторых из них. Например, в предисловии словарей Н. Остроумова и А. Воскресенского представлен грамматический материал; М. Юнусов обращает внимание на произношение звуков татарского языка и пытается объяснить артикуляцию специфических звуков; К. Насыри (1878), Ш. Габдельгазиз (1893) ограничиваются алфавитом, а в словаре К. Насыри (1892) в предисловии даются ценные советы автора по поводу изучения русского языка. В приложении этого словаря К. Насыри представлены термины русско-европейского происхождения; в словаре Миссионерского общества (1880) — церковные слова. Следует отметить, что ни в одном словаре не указаны правила пользования ими.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века могут служить образцом для современных лексикографических трудов. Продуманная структура и композиция этих словарей свидетельствует о том, что их авторы владели методикой составления словарей. Несмотря на то, что они во многом совпадают, каждый имеет определенную отличительную черту. Слова в двуязычных словарях расположены строго в алфавитном порядке, во многих (татарско-русских) — по арабскому алфавиту. Они

представлены в трех столбцах: арабский — татарский — русский. Русско-татарские словари твердо соблюдают русский алфавит. Другой тип словаря составляется по систематической макроструктуре: слова располагаются не по алфавиту, а группируются по смыслу. Среди татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века словари И. Гиганова (1801), Миссионерского общества (1880–1891) и Ш. Габдельгазиза (1893) являются тематическими словарями.

В татарско-русских словарях XIX века основная масса слов тюрко-татарского и арабо-персидского происхождения. Леммы же русско-европейского происхождения встречаются редко, они составляют всего 0,2–11% словарного состава словарей. Во многих словарях отсутствуют теоретические и научные сведения по фонетике, морфологии, синтаксису татарского языка. Авторы ограничиваются лишь представлением алфавитов двух языков: татарского (на арабской графике) и русского. Это, несомненно, обедняет их содержание. Только в словарях К. Насыри (1878, 1892), Н. Остроумова (1876, 1892), А. Воскресенского (1894) и Миссионерского общества (1888) даются краткие сведения по грамматике татарского языка.

В татарско-русских словарях XIX века входным языком является татарский, так как первая колонка состоит из татарских слов, а в русско-татарских словарях И. Гиганова (1804), К. Насыри (1892), А. Воскресенского (1894) входным является русский язык.

В словарях XIX века основное место занимает эквивалентный перевод; перевод слов двумя и тремя синонимами способствует лучшему пониманию иностранного языка. Для раскрытия значений других заглавных лексем авторы словарей в некоторых случаях обращаются к приему энциклопедического толкования, который отмечается во всех словарях исследуемого периода, что придает им характер энциклопедичности. Эта характерная черта татарско-русских и русско-татарских словарей, по всей видимости, была обусловлена их задачами и целями, поскольку словарь не только является сводом лексики из словарного фонда языка, но и призван отразить просветительские успехи нации в области материальной и духовной культуры, уровень лингвокультурного развития общества, а также эволюцию науки о языке. Авторы татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века были нацелены на наиболее полное и последовательное решение важных лингвокультурологических задач. Многие авторы татарско-русских и русско-татарских словарей XIX века стремились правильно истолковать слова, показать позиции и положения слов в лексической системе языка, выявить их особенности, условия их употребления, связь слов с жизнью, составляющую их сущность, вследствие чего им и пришлось поместить в словарные статьи дополнительную информацию историко-географического и культурно-массового характера: названия знаменательных событий и исторических дат, имена героев и персонажей мифов и легенд, термины по астрономии, медицине, химии, физике, математике, алгебре, философии, логике, значения которых невозможно раскрыть лишь с помощью эквивалентов или антонимов.

В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX века в составе лексических единиц отдельными леммами представлены имена собственные. Этим отличаются труды А. Троянского (1833, 1835), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876), С. Куляшева (1859).

Основную часть письменных памятников татарского языка XIX века составляют двуязычные словари. В 1801–1900 годах было издано 13 татарско-русских и русско-татарских словарей. В них зафиксированы самые активные лексические единицы, которые употреблялись в разговорной речи. Все указанные выше словари имели много общего. Во-первых, они были нацелены на решение общей идеологической задачи — способствовать миссионерской деятельности среди татарского населения Российской империи. Во-вторых, авторы, составители и издатели, будучи высокообразованными специалистами-филологами, при подготовке данных трудов проводили важную исследовательскую задачу в области татарской лингвистики. Они фактически заложили многие ключевые направления исследований в этой области, актуальные и по сей день. Двуязычные словари татарского языка XIX являются достоянием национальной культуры татарского народа.

Сведения об авторе: Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, ведущий научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур стратегических исследований в области родных языков и культур Казанского федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: alyusupova@yandex.ru

УДК 81'373

Н. Б. Бадмацыренова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (Улан-Удэ, Россия)

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЧАСТИ СЛОВАРЯ «МУКАДДИМАТ АЛ-АДАБ»

Аннотация. В статье рассматривается рукописный вариант словаря аз-Замахшари Мукаддимат ал-Адаб, датируемый 898/1492 г. и содержащий переводы арабских слов на персидский, тюркский и монгольский языки. Язык монгольской части этого сочинения представляет собой типичный пример монгольской речи периода XII–XIV вв. Работа определяет специфику фразеологического фонда памятника, а также вопросу калькирования монгольской части словаря Мукаддимат ал-Адаб.

Ключевые слова: Мукаддимат ал-Адаб, монгольский язык, чагатайский язык, фразеология, калькирование, праязык.

N. B. Badmatsyrenova

Buryat State University named after D. Banzarov (Ulan-Ude, Russia)

ON THE QUESTION OF THE PHRASEOLOGY OF THE MONGOLIAN PART OF THE DICTIONARY «MUQADDIMAT AL-ADAB»

Abstract. The article considers the handwritten version of al-Zamakhshari's dictionary Muqaddimat al-Adab, dating back to 898/1492 and containing translations of Arabic words into Persian, Turkic and Mongolian. The language of the Mongolian part of this work is a typical example of Mongolian speech of the period XII–XIV centuries. The work determines the specifics of the phraseological fund of the monument, as well as the issue of tracing the Mongolian part of the Muqaddimat al-Adab dictionary.

Keywords: Muqaddimat al-Adab, Mongolian language, Chagatai language, phraseology, tracing, proto-language.

Словарь «Мукаддимат ал-Адаб» («Предисловие к литературе»), автором которого является среднеазиатский писатель, философ, филолог, литератор Абӯль-Касим Махмӯд ибн Умар аз-Замахшари, по некоторым данным, был написан для хорезмшаха Ала ад-Дина Атсыза (1128–1156). Однако во введении к одному из бухарских экземпляров этого труда отмечается, что аз-Замахшари получил от хорезмшаха Атсыза предложение написать для его библиотеки один экземпляр ранее составленной им книги.

В фонде библиотеки имени Авиценны в Бухаре имеются два рукописных варианта сочинения аз-Замахшари. Первый вариант был переписан катибом Хамидом Хафизом в 705/1305 г. Как известно, труд аз-Замахшари состоит из пяти частей, которые посвящены именам, глаголам, частицам, склонению и спряжению. Хафиз переписал все пять разделов, однако только два раздела первого экземпляра, посвященные именам и глаголам, были переведены на персидский язык. Второй рукописный вариант был выполнен катибом Дарвиш Мухаммадом и датирован 898/1492 г. Данная рукопись сохранила переводы арабских слов на персидский, тюркский и монгольский языки.

Говоря о монгольской части труда, необходимо отметить, что, по мнению Н. Н. Поппе, сам аз-Замахшари не мог быть ее автором, поскольку он скончался в 1143 г., задолго до появления монголов на Западе и проникновения туда сведений о них [1, с. 6]. Поэтому можно заключить, что монгольская часть словаря была написана в период до 1492 г. Однако если опираться на данные В. А. Звегинцева, то можно прийти к выводу, что перу аз-Замахшари принадлежит исключительно арабско-персидская часть словаря [2, с. 65–66]. Н. Н. Поппе писал: «Самый материал может быть, безусловно, несколько древнее, чем 1492 г., ибо совпадает с данными языков XIV столетия, что доказывается значительным количеством языковых особенностей его, характерных именно для начала и середины

XIV столетия» [1, с. 6–7]. Язык монгольской части сочинения аз-Замахшари представляет собой типичный пример монгольской речи периода XII–XIV вв., поскольку данный языковой материал, равно как и данные других памятников того времени, характеризуется начальным спирантом [h] и явлением выпадения интервокального [g] в комплексах *ayu*, *egü* и, по мнению Н. Н. Поппе, «наиболее близок к монгольскому языку» [1, с. 7].

Монгольский языковой материал словаря представляет собой особую ценность, так как насчитывает несколько тысяч лексических единиц и, что важно для фразеологии и синтаксиса, слова даны в виде словосочетаний. Целью настоящей работы является выявление специфики фразеологического фонда монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб». Наши наблюдения показали, что корпус фразеологизмов словаря составляет порядка 30 единиц.

Исследуемый фразеологический материал наряду со своей ценностью характеризуется также и необычностью с точки зрения порядка слов в предложениях, фразах и словосочетаниях, что связано с переводным характером как монгольской, так и тюркской частей словаря.

Анализ монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб» показал, что монгольский язык того времени был уже отмечен устойчивыми единицами, которые перешли в неизменном виде в живые монгольские языки: *köl kündü* «беременная» [1, с. 221], *ügedē'en kübe* «сдержал обещание» [1, с. 373], *kēli abuba* «получил взятку» [1, с. 218].

Однако нужно отметить, что большую часть монгольских фразеологизмов составляют кальки с арабского и тюркского языков. Все зафиксированные в словаре кальки образованы с помощью транслексикализации. При транслексикализации происходит процесс замещения компонентов иноязычного фразеологизма соотносимыми словами, что позволяет сохранить внутреннюю форму фразеологической единицы, характер ее мотивации. Но калька для заимствующего языка — необычное сочетание слов, поэтому в результате калькирования затемняется внутренняя форма исконной единицы.

Под транслексикализацией понимается точное замещение компонентов, например: *dotar nökčibe* «расстройство желудка» (досл. «нутро умерло») [1, с. 143]. Прототипом единицы, возможно, был арабский фразеологизм, к которому автор подобрал соответствующую тюркскую кальку *iči ötti* «расстройство желудка» (досл. «нутро прошло»).

Фразеологическая единица *amīnu qočaruqsan* «бессмертие» [1, с. 101] (досл. «остаток души»), имеет в своем составе компонент *qočaruqsan* со значением «оставшееся», который является дословным переводом тюркского слова *baqisi*, имевшего значения: а) «остаток», б) «вечный».

В монгольском словаре Мукаддимат ал-Адаб наблюдается изменение лексического состава фразеологической единицы при сохранении ее общего значения. Здесь нами зафиксирован единичный случай полукальки, когда соотнесен лишь один компонент сочетания. Так, во фразеологизме *köke kürkirbe* «гром прогремел» [1, с. 220], именной компонент *təŋri* замещен тюркским *köke*, обозначающим «небо» [устное сообщение В. И. Рассадина]. Хотелось бы особо отметить образования *azad bolba* и *fariy bolba*. Вот что пишет об этих фразеологических единицах в современном монгольском языке Г. Ц. Пюрбеев: «В монгольских языках немало и таких слов, которые лишены самостоятельной номинативной функции и напоминают о себе лишь косвенно — через сочетания в целом. Так, монгольские лексические единицы *ариг*, *азад*, *гоодох*, *эхэр*, *ээдий* употребляются только в следующих сочетаниях: *ариг суух* «сидеть без дела»; *азад болох* 1. «надоедать»; 2. «потерять авторитет»; *гоёох гоодох* «наряджаться»; *эхэр татах* «всхлипывать»; *ээдий буудай болох* «отупеть» [3, с. 67]. На наш взгляд, определенно существует связь между свободными словосочетаниями *azad bolba bōl* / тюрк. *azad boldi qul* «раб стал свободным» [1, с. 109], *fariy bolba* / тюрк. *fariy boldi* «стал свободен» [1, с. 168] и монгольскими фразами *ариг суух* «жить праздно, сидеть без дела, быть свободным от каких-либо занятий» [4, с. 142], *азад болох* а) «надоедать, не пользоваться уважением, потерять авторитет, лишиться авторитета, быть отверженным»; б) «чуждаться» [4, с. 63]. В монгольском словаре Мукаддимат ал-Адаб, наряду с монгольским словосочетанием, как правило, даются тюркские аналоги. Как показывают приведенные примеры, тюркские аналоги абсолютно идентичны монгольским фразеологизмам. Этот факт наталкивает на вывод о том, что лексические единицы *azad* и *fariy* либо существовали и в монгольских, и в тюркских языках, либо только в одном из указанных языков, но были заимствованы в другой язык. Так, в монгольско-русском словаре К. Ф. Голстунского зафиксированы словосочетания *azad bolqu* «чуждаться, удаляться, быть отступником; отступать, уклоняться, быть отвер-

женным» и *azad bolyaqu* «внезапно нападать; укрощать, усмирять, делать отверженным» [5, с. 51]. В Древнетюркском же словаре наблюдается слово *azad*, которое имеет значение «свободный, вольный» [6, с. 72]. В этом же словаре нами выделена единица *fariγ*, которая, как оказалось, характеризуется парным употреблением со словом *inč*: 1. «покой»; 2. «спокойный»; 3. «спокойно». Парное слово *inč fariγ*, по данным ДТС, имеет значение «спокойно». Как известно, ДТС охватывает широчайший свод лексики из разных памятников тюркской письменности, датируемых периодом VII–XIII вв. В словаре отражена тюркская лексика центральноазиатского ареала в период до монгольского нашествия. Относительно языка Сокровенного сказания монголов (1204 г.), то в § 8 упоминается местность *Ariγ Usun* «Чистая вода» [7, с. 86]. Таким образом, можно предположить, что лексические единицы *ариг* и *азад*, вошедшие в состав монгольских фразем *ариг суух* и *азад болох*, вполне могли существовать в едином тюрко-монгольском праязыке.

При исследовании калькированных фразеологизмов становится очевидным, что неизвестный автор тюркско-монгольской части словаря в лучшей степени владел чагатайским языком, нежели монгольским, скорее был носителем этого тюркского языка. Анализ таких единиц, как *köke kürkirebe* «гром гремел» (досл. небо кричало), *küjün sunaba* «подчинился» (досл. вытянул шею) [1, с. 220, 226] показывает, что они были переведены дословно с тюркских фразеологизмов *kök kükredi* от *kök kökrä-* [6, с. 313] и *boyun sundi* от *bojun su-* [6, с. 514].

Кроме того, среди анализируемых фразеологизмов существует группа образных терминологических сочетаний типа *narin ebečitü* «больной чахоткой» (досл. имеющий тонкую болезнь), *eljigenü qorayai* «мокрица» (досл. ослиный червь) [1, с. 246, 152].

Итак, изучение корпуса фразеологизмов монгольской части словаря «Мукаддимат ал-Адаб» показало, что в основном деривационными базами многих монгольских фразеологизмов стали арабские и тюркские единицы. Кроме того, существует небольшой пласт собственно монгольских фразеологизмов и группа образных терминов. Таким образом, для истории фразеологии монгольского языка большой интерес представляет изучение фразеологического материала в отдельные, особенно важные периоды развития языка, зафиксированные в письменных памятниках.

Список использованных источников и литературы

1. Поппе Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
2. Звегинцев В. А. История арабского языкознания. Краткий очерк. — Изд-е 3-е, стереотипное. — М.: КомКнига, 2007.
3. Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. — М.: Наука, 1972. — 208 с.
4. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. Ок. 70000 слов. — М.: Academia, 2001. — Т. 1.
5. Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С. — Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Том первый. — СПб., 1895.
6. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.
7. Сокровенное сказание монголов: Анонимная хроника 1240 года. — Элиста, 1990.

Сведения об авторе: Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна, кандидат филологических наук, доцент, и. о. зав. кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия, e-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

УДК 811

Т. И. Буряченко¹, Е. С. Буряченко²¹Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)²Школа-гимназия гуманитарно-правового направления №4 (Бишкек, Кыргызстан)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье рассматривается культура и традиции региона Большого Алтая и Средней Азии, а также их влияние на славянскую культуру и языки. Большой Алтай, расположенный в Центральной Азии, известен своим богатым культурным наследием и разнообразными традициями. Эти традиции оказали значительное влияние на соседние регионы, в том числе на славянскую культуру. Одним из ключевых аспектов этого влияния является обмен идеями и практиками между различными культурами. Изучение этих традиций дает возможность погрузиться в мир, наполненный яркими персонажами и глубоким пониманием человеческого опыта.

Ключевые слова: Большой Алтай, Средняя Азия, культура, язык, традиции, взаимодействие, культурное наследие, литература.

T. I. Buryachenko¹, E. S. Buryachenko²¹Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)²School-gymnasium of humanitarian and legal direction No. 4 (Bishkek, Kyrgyzstan)

INTERACTION OF LANGUAGES AND CULTURES OF TURKIC AND SLAVIC PEOPLES

Abstract. The article examines the culture and traditions of the Greater Altai and Central Asia region, and their influence on Slavic culture and languages. Bolshoy Altai, located in Central Asia, is known for its rich cultural heritage and diverse traditions. These traditions had a significant impact on neighboring regions, including Slavic cultures. One of the key aspects of this influence is the exchange of ideas and practices between different cultures. Studying these traditions gives you the opportunity to immerse yourself in a world filled with vivid characters and a deep understanding of human experience

Keywords: Greater Altai, Central Asia, culture, language, traditions, interaction, cultural heritage, literature.

На протяжении истории и в наши дни существует прочная связь между славянскими и тюркскими народами. Это единство определило ход нашей общей истории и продолжает влиять на современную жизнь. История начинается много веков назад, когда славянские и тюркские племена сосуществовали на огромной территории Евразийского региона. Несмотря на свои культурные различия, эти группы нашли общий язык посредством торговли, миграции и смешанных браков. Это слияние обычаев и традиций заложило основу для богатого взаимодействия культур, которое находит отклик и сегодня. На протяжении всей истории Большой Алтай был перекрестком различных цивилизаций, способствующим обмену знаниями, обычаями и языками. Этот культурный обмен повлиял на развитие славянских культур и языков. Например, элементы алтайского фольклора можно найти в славянских мифах и легендах. Обе культуры разделяют схожие верования в сверхъестественных существ, таких как духи или божества, населяющие природные пространства — горы или реки. Эти общие мифологические темы отражают исторические связи между двумя регионами. Кроме того, на славянскую культуру повлияли традиционные практики, такие как шаманизм. Шаманские ритуалы, связанные с исцелением или общением с духами, были распространены как на Большом Алтае, так и среди ранних славянских общин. Некоторые традиционные методы исцеления и ве-

рования все еще можно наблюдать в некоторых славянских общинах сегодня. Кроме того, очевидно и языковое влияние [1, с. 17].

В средние века славянские и тюркские миры столкнулись во время возникновения могущественных империй. Монголы под предводительством Чингисхана пронесли по Средней Азии, оставив неизгладимый след как на славянских, так и на тюркских землях. Этот период монгольского господства способствовал обмену языками, искусством и культурой между людьми разных народностей. Этот след можно увидеть в различных аспектах, включая культуру, язык и даже исторические события. Одним из примеров этого единства является общее культурное наследие славянских и тюркских народов. Обе группы имеют богатые традиции и обычаи, которые с течением времени оказывали влияние друг на друга. От музыки и танцев до кулинарных изысков — есть много общего, подчеркивающего их общие корни. Язык также играет значительную роль в единении этих народов. От казахского до узбекского, от кыргызского до тувинского — каждый язык имеет свои особенности и характеристики. Несмотря на лингвистическое разнообразие, эти языки часто имеют сходство из-за исторических связей между народами [2, с. 90]. А в русском языке мы можем наблюдать большое количество заимствованных слов. Славянские языки относятся к индоевропейской семье, а тюркские — к алтайской языковой семье. Несмотря на эти различия, между этими двумя группами существует несколько лингвистических связей, таких как заимствования или схожие грамматические структуры. Это лингвистическое совпадение способствовало общению и взаимопониманию между славянскими и тюркскими народами.

Изучение тюрко-славянского взаимодействия имеет богатую и сложную историю. На протяжении веков эти две языковые группы соприкасались и по-разному влияли друг на друга. Изучение тюрко-славянского взаимодействия предполагает анализ исторических документов, археологических находок, языковых сопоставлений, фольклора и устных традиций. Многие исследователи стремятся выявить закономерности контактов и обмена между этими двумя группами, чтобы понять динамику их отношений. Одним из ярких примеров тюрко-славянского взаимодействия является влияние Монгольской империи как на тюркские, так и на славянские территории в средние века. Монгольские завоевания привели к значительным политическим изменениям и культурной ассимиляции в таких регионах, как Россия. Этот период стал свидетелем принятия славянскими обществами определенных тюркских административных систем, военной тактики и, конечно, словарного запаса.

Регион Большого Алтая и Средней Азии богат разнообразными традициями, одним из увлекательных аспектов этого региона являются фольклор и литература, которые развивались на протяжении веков. Они являются окном в прошлое, отражающим уникальную самобытность и историю различных этнических групп. Устное народное творчество играет значительную роль в культурном наследии этих народов. Эпосы, легенды, сказания, пословицы и поговорки, передаваемые из поколения в поколение устно или письменно, изображают героические подвиги, мифических существ и уроки морали. Эти произведения не только увлекательны, но и дают представление о ценностях и убеждениях, которыми дорожат местные жители. Эти традиционные выражения способны преподавать ценные уроки и помочь людям лучше понять свою культуру. При этом пословицы и поговорки тюркских и славянских народов очень похожи друг на друга. Мудрые и запоминающиеся фразы передавались из поколения в поколение, предлагая ценные идеи и учения. Несмотря на культурные различия между этими двумя группами, их общие языковые корни привели к появлению общих тем и выражений в их фольклоре. Эти старинные высказывания отражают общий опыт и мудрость этих разных сообществ и служат мостом между разными культурами. Благодаря этим мудрым словам мы можем найти общий язык и понять универсальные ценности, которые объединяют нас всех.

Литература Большого Алтая и Средней Азии включает в себя широкий спектр жанров, которые позволяют нам изучить быт того времени и глубже понять их культуру. Лучшими свидетелями того времени являются эпосы, которые занимают особое место в сердцах местных жителей. Эпические сказания, передаваемые из поколения в поколение устно, являются важной частью их идентичности. Кочевой образ жизни, широкое распространение письменности среди населения обусловили формирование, развитие и передачу чрезвычайно богатой и разнообразной поэтической формы устного народного творчества из поколения к поколению. Кыргызский эпос «Манас» является вершиной устного народного творчества кыргызов, в котором воспевается героическая борьба кыргызского

и сопредельных народов против иноземных захватчиков за независимость, а «Маадай-Кара» — одно из самых совершенных мифологических сказаний алтайцев. В этих эпосах отражена история, культура социальные отношения тюркского народа, мировоззрение о Космосе, Вселенной, знания о природе, соседних и дальних народах. Сказания являются своеобразной энциклопедией народов в форме эпического произведения об истории и общественно-политической, хозяйственно-культурной жизни тюркских народностей. Также древнеславянские легенды и сказания схожи по содержанию с тюркскими эпосами [3]. Древнеязыческий культ предполагал обожествление природы и первые познания о ней человека были вместе с тем и его религией. Поэтому к языческой мифологии относятся в известной мере и суеверные приметы, и обрядовые песни, и народные сказки, и легенды. Славянская мифология — всеобъемлюща, она охватывает все стороны человеческого бытия — от веры в леших и домовых до земледельческого календаря, от ритуальных обрядов до отождествления языческого Перуна с христианскими святыми. Славное прошлое переносит нас в древние времена, наполненные героическими подвигами и мифическими существами. Эти истории не только развлекают, но и преподают ценные уроки о храбрости, верности и чести.

Народные праздники всегда были неотъемлемой частью культурного наследия тюркских и славянских народов. Эти праздники объединяют народы, способствуют единству и сохраняют традиции, передаваемые из поколения в поколение, отмечены веселой музыкой, яркими костюмами и вкусной едой. Они предлагают взглянуть на богатую историю и обычаи этих разнообразных культур. Хотя конкретные обычаи могут различаться, суть остается той же — прославлять жизнь, чтить предков и укреплять общественные связи. Одним из таких праздников является Нооруз, который отмечают как тюркские, так и славянские народы. Обозначая приход весны, Нооруз — время обновления и новых начинаний. Люди собираются, чтобы исполнить традиционные танцы, разделить трапезу с близкими и обменяться сердечными пожеланиями. Еще один широко отмечаемый праздник — Масленица у славянских народов. Этот праздник проводится перед началом Великого поста и представляет собой прощание с зимой. Масленица известна своей оживленной атмосферой, наполненной музыкой, танцами и играми. Изюминкой является угощение блинами, символизирующими поклонение солнцу и приход весны. Это время радости и обновления, поскольку все с нетерпением ждут предстоящих теплых дней.

Еще один популярный праздник как среди тюркских, так и среди славянских народов — Праздник урожая, известный как Дөрвиза у тюркских народов и Осенины у славянских народов. Это праздник изобилия и благодарности за успешный сезон сбора урожая. Люди собираются вместе, чтобы участвовать в различных ритуалах, например, прыгать через костры или сплавлять венки по рекам. Считается, что эти ритуалы принесут удачу в наступающем году.

Очень часто на занятиях по русскому языку мы предлагаем студентам тексты лингвокультурологической направленности, так как в ряду инновационных подходов к языковой подготовке ведущую роль играет обучение в контексте соизучения языка и культуры, диалога культур, межкультурной коммуникации. Одной из важнейших задач изучения языка наряду с другими, обозначенными в государственных программах, является развитие языковой личности учащегося как носителя и творца национальной культуры через приобщение к культуре своего и других народов, выраженной в слове. Для работы на занятиях мы предлагаем тексты по темам русских традиций, праздников, фольклора с возможностью сопоставления их с кыргызскими традициями и праздниками. Предлагаем пословицы и поговорки с заданием найти синонимичные им в родном языке.

Культура наших регионов — сокровищница творчества и воображения. От древних рукописей до современных праздников, каждое написанное слово отражает уникальные взгляды и жизненный опыт людей. Через наши языки, традиции и литературу оживает культура Большого Алтая, Средней Азии и России. Эти народные сокровища устраняют разрыв между поколениями и объединяют людей через границы. Сила слов объединяет народы, поскольку они прославляют свою общую историю, сохраняя при этом свою индивидуальность.

Отношения между нашими народами сыграли значительную роль в формировании истории и создании богатого переплетения разнообразных традиций и обычаев. Сегодня эту связь чтут и оберегают как славянские, так и тюркские народы, поскольку мы признаем общие нити, которые нас объединяют, и неоценимый вклад, который каждый народ внес в наследие друг друга [4, с. 31].

Перенесемся в современность, где это единство остается очевидным в различных аспектах жизни. Если говорить о наших двух странах, хочется отметить, что экономическое и культурное сотрудничество между народами Алтая и Кыргызстана в последние годы процветает. Оба региона осознали огромный потенциал роста и развития посредством сотрудничества. Это партнерство привело к различным взаимовыгодным инициативам, включая торговые соглашения, инвестиционные проекты и культурный обмен. Кроме того, культурный обмен способствовал взаимопониманию между народами Алтая и Кыргызстана. Благодаря совместным форумам, конференциям, фестивалям, выставкам и образовательным программам жители наших стран получили возможность узнать больше о традициях, обычаях и образе жизни друг друга [5]. Этот культурный обмен не только обогащает наше общество, но и способствует развитию туризма, поскольку людей привлекает изучение уникальных особенностей наших стран.

Список использованных источников и литературы

1. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. — М., 1968. — 208 с.
2. Махмутова А. С. Лексика тюркского происхождения в древнерусской письменности XIII–XV вв. (на материале ханских ярлыков и современных им памятников): автореф. ... канд. филол. наук. — Л., 1983. — 264 с.
3. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 220 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. — М.: Академия, 2010. — С. 110.
5. Мусатаева М. Ш., Шеляховская Л. А. Словообразовательный словарь тематических групп тюркизмов в русском языке. — Алма-Ата, 1991. — Ч. 1–2.

Сведения об авторах: Бураченко Татьяна Ивановна, доцент межфакультетской кафедры русского языка Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Бураченко Елена Сергеевна, учитель русского языка и литературы школы-гимназии гуманитарно-правового направления № 4, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: shaaf202@gmail.com

УДК 811.512:81.362 (575.2 (04))

Р. Э. Конурбаева

Национальная академия наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В НАЗВАНИЯХ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ В АЛТАЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. История, язык и культура кыргызов и алтайцев очень близки. По генеалогической классификации языков алтайский и кыргызский языки относятся к алтайской, или тюркской семье языков. Среди тюркских языков, распространенных в Азии и Восточной Европе, алтайский и кыргызский языки очень близки друг к другу и входят в одну кыргызско-кипчакскую группу. В рассматриваемых языках, как и в других языках, пищевая лексика составляет основу материальной культуры. Цель статьи — рассмотреть лексические параллели в традиционных блюдах алтайцев, которые встречаются в кыргызском языке. На основе собранных лингвистических материалов среди жителей сел Каспа, Шыргайты Шебалинского, Кырлык, Мондур-Соккон, Кан-Оозы Усть-Канского, Ябоган, Ело, Кулады, Бичикту-Боом, Күпчеген Онгудайского районов Горного Алтая определено этногенетическое родство наименований блюд. Объектом статьи стала пищевая лексика алтайского и кыргызского языков. Основными методами, применяемыми в работе, выступают сопоставительный, описательный и интерпретативный.

Ключевые слова: алтайский язык, кыргызский язык, материальная культура, пища, еда, мясное блюдо, молочные продукты, напитки, параллели, словосочетание, фонетические структуры, семантика.

R. E. Konurbayeva

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyzstan)

LEXICAL PARALLELS IN THE NAMES OF TRADITIONAL FOOD IN ALTAI AND KYRGYZ LANGUAGES

Abstract. The history, language, and culture of the Kyrgyz and Altai people are very closely related. According to the genealogical classification of languages, the Altai and Kyrgyz languages belong to the Altai or Turkic language family. Among the Turkic languages prevalent in Asia and Eastern Europe, the Altai and Kyrgyz languages are closely related to each other and belong to the Kyrgyz-Kipchak group. In the languages under consideration, as in other languages, food vocabulary forms the basis of material culture. The aim of this article is to examine the lexical parallels of traditional dishes of the Altai people that are found in the Kyrgyz language. Based on the collected linguistic materials from residents of villages [Kaspa, Shyrgayty] in Shebalinsky, [Kyrlyk, Mondur-Sokkon, Kan-Oozy] in Ust-Kansky, [Yabogan, Yelo, Kulady, Bichiktu-Boom, Kypchegen] in Ongudaysky district of the Altai Mountains, the ethnogenetic relationship of dish names is determined. The article is based on the food vocabulary of the Altai and Kyrgyz languages. The main methods employed in the study are comparative, descriptive, and interpretive.

Keywords: altai language, kyrgyz language, material culture, food, meat dish, dairy products, drinks, parallels, word combinations, phonetic structures, semantics.

История, язык и культура кыргызов и алтайцев очень близки. По генеалогической классификации языков алтайский и кыргызский языки относятся к алтайской, или тюркской семье языков. Среди тюркских языков, распространенных в Азии и Восточной Европе, алтайский и кыргызский языки очень близки друг к другу и входят в одну кыргызско-кипчакскую группу [1, с. 207]. В рассматриваемых языках, как и в других языках, пищевая лексика составляет основу материальной культуры. Цель статьи — рассмотреть лексические параллели в традиционных блюдах алтайцев, которые встречаются в кыргызском языке. На основе собранных лингвистических материалов среди жителей сел Каспа, Шыргайты Шебалинского, Кырлык, Мондур-Соккон, Кан-Оозы Усть-Канского, Ябоган, Ело, Кулады, Бичикту-Боом, Күпчеген Онгудайского районов Горного Алтая определено этногенетическое родство наименований блюд [2, 3]. Объектом статьи стала пищевая лексика алтайского и кыргызского языков. Основными методами, применяемыми в работе, выступают сопоставительный, описательный и интерпретативный.

Большая часть лексического пласта алтайского и кыргызского языков составляет лексика, касающаяся материальной культуры. К ней относят объекты, созданные человеком и материально существующие в пространстве в определенные временные периоды. В их числе орудия труда, средства передвижения, жилища и другие постройки, поселения, домашняя утварь и одежда, украшения, игрушки, культурные растения и домашние животные, все виды косметики, парфюмерии, пища [4].

Слова «пища», «еда» в алтайском языке употребляется в варианте *курсак-тамак*, *аш-курсак*, а в кыргызском — *тамак-аш*. Слово *аш* широко распространено в тюркских языках в значении еда, пища. Парное словосочетание алтайского *аш-курсак*, *курсак-тамак* имеет синонимы *аш*, *азык*, в кыргызском — *тамак*, *оокат*, *аш*, *азык*. Из них активно употребляется слово *курсак* на алтайском, *тамак* — кыргызском. Эти слова встречаются в названиях продовольственных магазинов.

Второе значение слов *курсак*, *тамак* — человеческие органы: *курсак* — это брюхо, утроба, а *тамак* — горло, глотка.

Алтайская и кыргызская традиционная пища по характеру, технологии, составу, набору блюд очень близка и часто совпадает по названию. Некоторые из блюд полностью дублируют друг друга. Технологии их приготовления сохранились с древних времен и широко используются в настоящее время.

Существуют следующие конкретные названия мяса домашних животных и птиц.

Таблица 1

Названия мяса домашних животных и птицы

Алтайский язык	Кыргызский язык	Русский язык
јылкынын эди	жылкынын эти	конина
тайдын эди	тайдын эти	жеребятина
сарлыктын эди	топоздун эти	мясо яка
уйдын эди	уйдун эти	говядина
койдын эди	койдун эти	баранина
козинин эди	козунун эти	мясо ягненка
эчкинин эди	эчкинин эти	козлятина
чочконын эди	чочконун эти	свинина
таканын эди	тооктун эти	куриное мясо, курятина
кастын эди	каздын эти	гусятина
индеецтин эди	күрп эти	индейка

Названия видов мяса в кыргызском и алтайском языках по форме и по значению полностью совпадают, за исключением названия мяса домашних птиц.

Таблица 2

Названия мяса по жирности, способу хранения и свежести

Алтайский язык	Кыргызский язык	Русский язык
бышкан эт	бышкан эт	вареное мясо
чий эт	чийки эт	
ыштаган эт	ышталган эт	копченное мясо
тузалган эт	туздалган эт	соленое мясо
семис эт	майлуу эт	жирное мясо
кара эт	кара эт/кара кесек	мясо без жира
јаш эт	жаш эт	свежее мясо
чонг эт	сулп эт	мякоть [мясо без костей, отделенное от костей]

Как видно из таблиц, многие словосочетания без учета фонетических и семантических изменений совпадают. В них в роли определения выступают имена прилагательные.

Лексические параллели обнаружены и в названиях основных мясных блюд: *јөргөм* (алт.) — *жөргөм* (кырг.); *казы-карта* (алт.) — *казы-карта* (кырг.); *чучук* (алт.) — *чучук* (кырг.); *жал* (алт.) — *жал* (кырг.); *көчө* (алт.) — *көжө* (кырг.); *буур* (алт.) — *боор* (кырг.); *керзен* (алт.) — *керчөө* (кырг.); *кан* (алт.) — *быжы* (кырг.).

Основу алтайской и кыргызской кухни с древнейших времен составляют мясные блюда. Подвергнутые выше анализу термины традиционной пищи показывают, что в рассматриваемых языках лексико-семантических сходств оказывается больше, чем различий. Столь значительная общность названий мясных блюд объясняется тем, что экономические и бытовые условия алтайцев и кыргызов в прошлом и настоящем во многом сходны. Период формирования лексики алтайского и кыргызского языков проходил в отдаленной эпохе, когда их носители жили на территории Центральной Азии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РФ ИЯЛ НАН КР — рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики

Список использованных источников и литературы

1. Баскаков Н.А. Тюркские языки. — М., 1960.
2. Материальная культура киргизов XIX в. Рукописный фонд Института языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики. Инв. 4060. 1\II-1960.

3. Полевые материалы автора из села Шыргайты Шебалинского района Республика Алтай, август 2022.

4. Нурмухаметова Р.С. Лексика материальной и духовной культуры татарского языка // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — № 1 (23). — С. 165–169.

Сведения об авторе: *Конурбаева Роза Эсенамановна*, кандидат филологических наук, ученый секретарь Отделения общественных наук Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: rozakg2607@gmail.com

УДК 378.14

М. Э. Аманов

*Туркменский государственный архитектурно-строительный институт
(Ашхабад, Туркменистан)*

ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье дается теоретический анализ единства и разнообразия Алтайской языковой семьи. Структурные особенности Алтайской языковой семьи автор рассматривает на примере группы тюркских языков. Несмотря на богатую историю и обширный ареал распространения, тюркские языки имеют общие структурные особенности и с другими евразийскими языками алтайского и уральского типов. В работе мы опирались на результаты исследований многих ученых, занимающихся данной тематикой, их точек зрения и гипотез. В этом обзоре мы постарались привести несколько убедительных примеров характерных общих черт и явлений, уникальных для тюркского языка.

Ключевые слова: тюркские языки, языковая семья, протоязык, алтайский, диверсификации, синхронизм, типологическое взаимодействие.

M. E. Amanov

Turkmen State Architecture and Construction Institute (Ashgabat, Turkmenistan)

UNITY AND DIVERSITY OF THE ALTAIC LANGUAGE FAMILY

Abstract. The article provides a theoretical analysis of the unity and diversity of the Altai language family. The author examines the structural features of the Altai language family using the example of a group of Turkic languages. Despite their rich history and vast distribution area, Turkic languages have common structural features with other Eurasian languages of the Altai and Uralic types. In our work, we relied on the results of research by many scientists involved in this topic, their points of view and hypotheses. In this review, we tried to provide several convincing examples of characteristic common features and phenomena unique to the Turkic language.

Keywords: Turkic languages, language family, protolanguage, Altaic, diversification, synchronicity, typological interaction.

П ринято считать, что алтайский язык представляет собой языковую семью или тип, но на самом деле он охватывает историческую, региональную и языковую группу. Сегодня все пять алтайских языковых семей достаточно хорошо документированы: доступны современные справочники, сборники, книги, посвященные письменным источникам на основных алтайских языках.

Термин «алтайский» (швед. *Altaisk*) впервые был использован в 1845 г. финским лингвистом М.А. Кастреном [1], который понимал под ним трансконтинентальный пояс языков, включающий финно-угорский, самодийский, тюркский, монгольский и тунгусский, с возможным включением других восточных языков. В том же контексте Кастрен также использовал термин уральский (швед. *Uralisk*), под которым он имел в виду финно-угорские языки. Эта структура немедленно породила термин «урало-алтайский» (нем. *Ural-Altaisch*), впервые использованный в 1847 году Германом Келлгреном, другим финским лингвистом [2]. И раньше, и позже несколько других терминов, в том числе скифский, та (р) тарианский и туранский, использовались для обозначения различных языков внутренней Азии, более или менее равных урало-алтайскому [3].

Языки, на которых говорят в Урало-Алтайском регионе, входят в типологический комплекс, включающий наряду с уральским языком пять различных языковых семей: тюркскую, монгольскую, тунгусскую, корейскую, японскую. Такое разнообразие языков создает конструктивную среду для культурного обмена и взаимного обучения. Со временем эти языковые семьи установили долгосрочные контакты, что привело как к лексическим заимствованиям, так и к структурным взаимодействиям, что привело к появлению нескольких бинарных моделей и сходств между ними. Историческая родина алтайского языка семьи была расположена в континентальной Северо-Восточной Азии, но вторичная экспансия впоследствии привела к тому, что эти языки распространились в большинстве частей Северной Азии и Центральной Евразии, включая Анатолию и Восточную Европу [4, 5]. Согласно источникам в нашем обзоре, обобщены основные факты, касающиеся алтайских языковых семей, их общие черты, их закономерности взаимодействия друг с другом и с другими языками и их исторический и доисторический контекст.

Если рассматривать по отдельности все пять языковых семей, охватываемых термином (макро-) алтайский, относительно поверхностны. С точки зрения внутренней диверсификации они обычно представляют собой небольшие или средние семьи, в которых количество независимых языков-членов варьируется от двух (корейский) до примерно 30 и более (тюркский). Как историческая информация, так и тип унаследованной лексики в каждой семье позволяют датировать их происхождение периодом, варьирующимся примерно от позднего железного века (около 2000 г. до н. э.) до позднего Средневековья (около 800–600 г. до н. э.) [6]. В силу своей неглубокой хронологии все алтайские языковые семьи демонстрируют относительно скромную степень внутренней диверсификации, что иногда затрудняет определение границ между переходными диалектами и отдельными языками. Языки и диалекты, принадлежащие к каждой отдельной Алтайской языковой семье, восходят к протоязыку, который можно определить как относительно единообразную идиому, на которой говорило историческое или доисторическое население на относительно компактной географической территории. К этим протоязыкам можно подойти стандартными методами исторической и сравнительной лингвистики, дополненными письменными сведениями из исторических источников. Временные уровни за пределами протоязыков могут быть достигнуты с помощью метода внутренней реконструкции, который позволяет восстановить некоторые аспекты того, что можно назвать предпротоязыками. Другим источником данных допротоязыкового уровня являются следы ранних контактов отдельных алтайских протоязыков друг с другом или с другими языками. В некоторых случаях это позволяет нам постулировать параллельные ветви или параязыки, которые добавляют, по крайней мере, несколько столетий к глубине реконструируемых в противном случае протоязыков [6, 7].

Среди ученых широко распространено мнение, что алтайские языки можно объединить в макросемейство на основе систематических фонетических соответствий [7]. Эта классификация была создана после исключения из рассмотрения заимствований. Кроме того, алтайские языки имеют фундаментальное структурное сходство. Во всех этих языках энклитики и суффиксы, которые кажутся похожими, часто выполняют одну и ту же функцию. Взаимосвязь тюркских и монгольских языков поистине поразительна, превосходя даже связи с тунгусскими языками. Это говорит о силе связи и потенциале истории объединить нас. Более того, сходство между всеми тремя языковыми семьями служит напоминанием о том, что, несмотря на наши различия, мы больше похожи, чем различны.

Что касается конкретных свойств алтайской типологии, то они лучше всего наблюдаются на уровне праязыков, поскольку внутри каждой алтайской языковой семьи существует значительная синхронная разнообразия относительно того, насколько хорошо в каждом из них проявляются индивидуальные

ные особенности алтайской типологии, учитывая современный язык. Ряд структурных особенностей, общих для всех алтайских праязыков на удивление мал, и многие из этих функций довольно тривиальны и распространены повсеместно. Поэтому общая характеристика алтайской типологии заключается в том, что это языки с относительно простой фонематической и фонотактической системой, имеющую богатую агглютинативную суффиксальную морфологию и глагольное окончание, синтаксиса с именительно-винительной структурой аргументов, а также с морфологически выраженными формами глагола или наречия, связывающие придаточные предложения с главным [6, 7, 8].

Сегодняшние тюркские народы происходят из группы древних племен, которые распространили свой язык и культуру по Евразии посредством завоеваний, взаимодействия и ассимиляции. Из-за отсутствия конкретных доказательств реконструкция их происхождения и ранней истории затруднена. Тюркский язык принадлежит к алтайской языковой семье, но ведется много споров о том, является ли эта связь генетической или результатом длительного взаимодействия. Согласно недавним исследованиям, около 3000 г. до н. э. существовала алтайское «сообщество», из которого около 3000–500 гг. до н. э. возникли древнетюркские языки. Считается, что тюркоязычная группа была самой западной из алтайской семьи, основанной на древних заимствованиях из уральских и индоевропейских языков [8]. Самый ранний тюркский *урхеймат*, или первоначальная среда обитания, точно неизвестен. Однако поскольку считается, что индоевропейцы первыми развили скотоводческое кочевничество на конной тяге между четвертым и третьим тысячелетиями до нашей эры, считается, что предки самых ранних тюркских народов жили в регионах, где эта технология присутствовала. Эта территория определяется как лесостепная зона, окружавшая с севера Евразийские равнины. Исходными регионами считаются юг Сибири, от Енисея до Тихого океана (в частности, с Алтаем или Забайкальем) или Закаспийская зона. Носители прототюркского языка распространились по всей ранее индоевропейской (иранской) центральной и внутренней Монголии. Именно в степи развилась эта конно-пастушеская кочевая культура, вероятно, благодаря дальнейшим контактам с индоевропейскими (иранскими) кочевниками-скотоводами.

Профессор Г. М. Давлетшин в своих работах не раз говорит о том, что первоначальной родиной тюркоязычных племен и народов, центрами их цивилизации традиционно считаются Центральная Азия, Монголия, Алтай, Сибирь. На этих территориях в определенный исторический период доминировали гунны и их потомки. Потомки гуннов древние тюрки создали огромные и могучие государственные объединения, которые были хорошо знакомы с такими государствами, как Индия, Китай, Иран, Византия, а через них со всей культурой античного периода, и находились под влиянием всех перечисленных культур [9, 10].

Говоря о тюркских языках, мы подразумеваем макротюркские языки [11], которые включают в себя тюркскую языковую семью в самом широком смысле, и включают как тюркский (собственно), или общетюркский, так и болгарский тюркский или болгарский язык, также известный как Огурик. Общетюркская ветвь, насчитывающая более 30 современных языков, включая таксономический, уникальный язык «халадж» [12], восходит к праязыку, относительно близкому (хотя и не идентичному) древнетюркскому языку, языку, зафиксированному в письменных памятниках VII–XIII вв. [13]. Болгарская ветвь, напротив, синхронно представлена одним языком — чувашским.

Красота языка заключается в его сложной структуре. Одной из таких общих структурных особенностей, которая часто упоминается в тюркских, монгольских и тунгусских языках, является *синхронизм* [14], который демонстрирует гармоничное расположение гласных внутри слова. На грамматическом уровне тюркские, монгольские и тунгусские языки известны своими уникальными особенностями. В этих языках отсутствует категория рода и имеется факультативное выражение категории числа, что отличает их от индоевропейских и семитских языков [15]. Повелительное наклонение глаголов выражается через чистую основу, а у существительных — именительный падеж. В этих языках также практически отсутствует префиксы, а вместо этого используются последовательности суффиксов для создания лексических и грамматических контрастов посредством процесса, обычно называемого *агглютинацией*. Кроме того, послелоги более распространены, чем предлоги, что играет важную роль в построении предложения и порядке слов. С точки зрения синтаксиса эти языки характеризуются иерархической структурой, в которой придаточные предложения располагаются перед главным. Это означает, что зависимое предложение ставится перед главным предложением,

подлежащее — перед сказуемым, а наречие — перед глаголом. Более того, общей чертой этих языков является то, что глаголы ставятся в конце предложения [9, 10, 13, 14]. В целом, этот синтаксический образец является определяющей характеристикой этих языков.

Таким образом, анализируя, мы пришли к выводу, что географическая близость родины пяти алтайских языковых семей объясняет тот факт, что алтайские языки имеют заметное структурное сходство, которое можно обобщить под понятием алтайской типологии. Единство и разнообразие Алтайской языковой семьи мы можем проследить не только через призму особенностей алтайской типологии, но и через историко-культурологический аспект развития национальностей большой Алтайской языковой семьи. Это и традиции, обычаи, быт, и даже менталитет.

Список использованных источников и литературы

1. Castrén M. A. 1846. Anteckningar om Samojediskans förvandtskap med de Finska Språken [Notes on the relationship of Samoyedic with the Finnish languages]. Suomi: Tidskrift i fosterländska ämnen 5 (1845): 177–86.
2. Kellgren H. 1847. Die Grundzüge der Finnischen Sprache mit Rücksicht auf den Ural-Altaischen Sprachstamm. Berlin: F. Schneider & Comp.
3. Orlandi G. 2020. The state of the art of the genetic relationship of Japonic: the Turanian and Altaic Hypotheses. Int. J. Eurasian Linguist. 2 (1): 29–69.
4. Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. — Томск: Томский государственный университет, 2004. — 292 с.
5. Дыбо А. В. Алтайские языки // Языки народов России и сопредельных регионов. — М., 1997.
6. Janhunen, J. A. 2023, «The Unity and Diversity of Altaic», Annual review of linguistics, vol. 9, pp. 135–154. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-030521-042356>.
7. А. фон Габен. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. — 1986. — Вып. 1. — С. 180–182.
8. Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Раннее заселение Северной Азии. — Томск: Томский ун-т, 2012. — 336 с.
9. Давлетшин Г. М. Древнетюркская письменность // Гасырлар авазы — Эхо веков. История и археология. — 2007. — С. 11–17.
10. Johanson L., Csátó É. Á., eds. 2021. The Turkic Languages. Routledge Lang. Fam. Ser. London: Routledge. 2nd ed.
11. Janhunen J. 2016. Towards Pre-Proto-Turkic: issues of definition and terminology. In Eine hundertblättrige Tulpe: Festgabe für Claus Schönig, ed. I Hauenschild, M Kappler, B Kellner-Heinkele, pp. 189–96. Berlin: Klaus Schwarz.
12. Doerfer G., Hesse W., Scheinhardt H., Tezcan S. 1971. Khalaj Materials. Indiana Univ. Publ. Uralic Altaic Ser. 115. Bloomington, IN: Indiana Univ.
13. Erdal M. 2019. The Turkic-Mongolic lexical relationship in view of the Leipzig-Jakarta list. Int. J. Eurasian Linguist. 1 (1):78–97.
14. Ko S. 2018. Tongue Root Harmony and Vowel Contrast in Northeast Asian Languages. Turcologica 112. Wiesbaden, Ger.: Harrassowitz.
15. Тюркские языки // Языки народов СССР. — Т. 2. — М., 1966.

Сведения об авторе: Аманов Мердан Эсенгулыевич, старший преподаватель кафедры языков, соискатель ученой степени кандидата педагогических наук Туркменского государственного архитектурно-строительного института, г. Ашхабад, Туркменистан, e-mail: djelaletdin@gmail.com

УДК 161:161.1

Г. Алшейхо

Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань, Россия)

НАИМЕНОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВОДА» В ТУРЕЦКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию семантического поля фразеологизмов и паремий с компонентом «вода» в турецком и русском языке. Цель — показать особенности соотношения внутренней формы и актуального значения данных фразеологических единиц и выделить семантические группы устойчивых сочетаний в зависимости от значения слова вода в их контексте.

Ключевые слова: фразеологизмы, паремии, семантическое поле, внутренняя форма, актуальное значение.

G. Alsheikho

St. Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

THE NAME OF THE LEXICAL AND SEMANTIC GROUP «WATER» IN TURKISH AND RUSSIAN PAROEMIAS

Abstract. The article is devoted to the study of the semantic field of phraseological units and paroemias with the component «water» in the Russian language. The aim of the author is to show the peculiarities of the relationship between the internal form and the actual meaning of these phraseological units and to identify semantic groups of stable combinations depending on the meaning of the word water in their context.

Keywords: phraseological units, paroemias, semantic field, internal form, actual meaning.

Лексико-семантическая система представляет собой совокупность элементов, взаимосвязанных между собой. Кроме того, лексико-семантические группы слов характеризуются языковыми и неязыковыми отношениями. Известно, что лексико-семантическая система характеризуется парадигматическими и синтагматическими отношениями. «Члены ЛСГ связаны определенными семантико-парадигматическими отношениями: синонимии, антонимии, уточнений, дифференциаций и др. К тому же внутри лексико-семантических групп выделяют: тематическую группу, гиперонимы и гипонимы. Слова внутри лексико-семантических групп объединяются семантической полисемией» [1, с. 45].

«Вода — природный элемент, источник жизни, играет незаменимую роль в жизни человека с древних времен» [2, с. 179]. В национальном мировоззрении понятие воды включает в себе различные значения. Например, паремии турецкого и русского языка с элементом «вода» отражают сознание человека и отношение к этой стихии. Культурная память и семантический объем лексико-семантической группы «вода» содержатся в пословицах и поговорках.

Поговорим об основном концептуальном значении слова «вода». Так, в Толковом словаре русского языка описание основного значения слова «вода» можно обобщить в виде следующих восьми характеристик. «Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическую комбинацию водорода и кислорода, H₂O; напитки; реки, океаны и озера; поток воды, волны; минеральные источники, курорты; пустые слова, ерунда; околоплодные воды (медицинские специальные термины)» [3, с. 121].

В словаре ТДК слово вода имеет восемь различных значений.

Слово вода происходит от турецкого языка.

Вода ТДК означает по-словарски:

İsim Sutaş

İsim Hidrojenle oksijenden oluşan, sıvı durumunda bulunan, renksiz, kokusuz, tatsız madde, ab

Bu sıvıdan oluşan kitle, deniz, akarsu
 Meyve, sebze vb. nin sıkılmasıyla elde edilen sıvı
 Bazı kokulu yaprak veya çiçeklerin imbikten çekilmesiyle elde edilen kokulu sıvı
 Yemeğin sıvı bölümü
 Kez

Demir araçları ateşte kızdırdıktan sonra, suya daldırılarak sağlanan sertlik [TDKS: 451].

Паремии являются богатым материалом для изучения культуры и менталитета народа. Особое место в языковой культуре занимают пословицы и поговорки. Культурно-метафорическое значение паремий, содержащих лексему «вода» в турецком и русском языках, в основном отражается в следующих аспектах:

1. Особенное чувство к воде. Русские считают, что вода, прозрачная и чистая, обладает магической силой. Например, живая и мертвая вода. Живая вода — понятие, распространенное в фольклоре. Означает воду, обладающую определенными волшебными или сверхъестественными свойствами. Мертвая вода — это вода в сказках, обладающая чудодейственной способностью сращивать разрезанное на куски тело, которое оживает потом от spryskivaniya живой водою. В русской народной творчестве вода изображается тихой и спокойной субстанцией. «Быть «тише воды, ниже травы» — пословица говорит о людях, которые должны вести себя тихо и спокойно. В сознании россиян все высокооцениваемые культурные оценки воды основаны на метафорическом значении жизни, матери, здоровья, Бога. Например, «будь здоров как вода», «вода-матушка», либо «вода-царица». Это все достаточно схематичные изображения образа воды» [4, с. 42].

2. Вода имеет негативный признак. Вода в русском сознании — это «среда обитания призраков и нежити». Эти негативные образы представляют собой опасную угрозу для людей и связаны с бедствиями. Например, «где вода, там и беда», «где много воды, там жди беды», «черт огня боится, а в воде селится» и. т.д.

3. Использование образа воды для обозначения отношения к жизни. Например, «как солнце в малой капле воды». Это традиционное использование образа воды в русской поэзии, слово часто используется как метафора для отражения всего через какое-либо небольшое явление.

4. Вода обладает магической предсказательной силой. Например: «как в воду глядел». Это исходит из древних русских обычаев, у русских есть традиция гадания на речной воде. «Если река чистая и прозрачная, это будет указывать на успешный исход дела. Наоборот, если вода мутная, это указывает на скорую болезнь или даже смерть» [5, с. 3].

Вода также является важным носителем характеристик внешности, качеств, эмоций, поведения, личности человека. Описание черт характера человека. Например, «глубокая вода не шумит», «воды не замутит» (кроткий и приветливый), «дуть на воду» (осмотрительный и внимательный), «набрать воды в рот» (молчать). Все эти поговорки выражают позитивные характеристики лексемы «вода».

Описание эмоциональных характеристик человека. Например, выражение отношения между людьми: «водой не разлить» — близкое отношение, наоборот,

«седьмая вода на киселе» — используется для обозначения отдаленного родства.

«Кроме этого, в паремиях с элементом «вода» можно встретить описание внешности человека: «как две капли воды» — обозначает двух людей, похожих друг на друга. Поговорка «как в воду опущенный» говорит о грустном, хмуром человеке без настроения» [6, с. 152].

Описание поведения человека также является частотным при использовании этого образа. «Например, «лить воду» (много говорит впустую), «мутить воду» (саботировать), «лить воду на чью-то мельницу» (помогать оппоненту)» [7, с. 592].

И, наконец, воду сравнивают с женщиной. Метафорическое значение воды в русском языке больше связано с красотой женщины. Связь между водой и женщиной в русском языке прослеживается в истолковании русалки. Например, «из воды выходила женщина» (Евгений Евтушенко, 1958). Чистота воды — это метафора чистоты женщины. И на турецком языке *Suya götürüp susuz getirmek: Birinden çok kurnaz olmak, onu aldatılabilecek kadar akıllı ve kabiliyetli olmak* [<https://www.milliyet.com.tr/>] (Взять его в воду и принести обезвоженным: быть слишком хитрым с кем-то, быть достаточно умным и способным обмануть его), *Suya sabuna dokunmamak: Sakıncalı konulardan uzak durmak, davranışlarıyla birilerini incitmeyecek yol tutmak.* «Başına gelen son belâdan sonra suya sabuna dokunmamaya karar verdi

[<https://www.milliyet.com.tr/>]. (Не прикасайтесь к воде с мылом: держитесь подальше от неприятных вопросов, ведите себя так, чтобы не навредить кому-то своим поведением.» После последней неприятности, которая с ним случилась, он решил не прикасаться к воде с мылом).

Таким образом, лексема «вода» имеет очевидные духовные и культурные особенности в турецком и русском языке и культурном пространстве. Восприятие и оценка воды уникальны и для турецкой, и для русской культуры. Проявляется это не только в поговорках, но и в других литературных и музыкальных произведениях, а также в религиозной культуре.

Список использованных источников и литературы

1. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. — М., 1962. — 45 с.
2. Старостина О. В. Функционирование единиц лексико-семантической группы вода в поэзии серебряного века: дисс. ... к. фил. н.: 10.02.01, 2017. — 179 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=26764> свободный (дата обращения: 24.10.2019).
4. Чжэн Тао. Концепт «вода» в русской культуре // Русский язык за рубежом. — 2002. — № 3. — С. 41–44.
5. Лю Цзоянь. «Водная» и «огненная» метафоры эмоций в русском и китайском языках // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». — Декабрь 2011. — № 4 (14). — С. 1–4. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1325227787.pdf>
6. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб.: Наука, 1993. — 152 с.
7. Цзян Ин. Отражение этнокультурного своеобразия во фразеологических оборотах русского и китайского языка (фразеологизмы с компонентом «вода») // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов: сборник докладов IV Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 19–21 мая 2011 г. — Томск, 2011. — С. 599–604.
8. Halıcı Yazılım A. S. Türk dil kurumu sözlüğü. 1 A — J. — Ankara, 1998. — S. 577. URL: <https://www.milliyet.com.tr/>

Сведения об авторе: Алишейхо Газала, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: ghazala. sh. 90@gmail.com

УДК 93/94

Х. Ч. Алишина¹, С. М. Трофимова², М. Г. Усманова³

¹Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

²Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

³Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

ПРОДУКТЫ КОНЕВОДСТВА И ИХ НАЗВАНИЯ В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Научно-исследовательская работа по проекту Российского научного фонда

№ 22–18–00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект», тема № 1156

Аннотация. Основным хозяйственным занятием у тюркских и монгольских кочевников с древних времен было коневодство. В элементах материальной культуры народов проявляются традиции. Большое значение имеет лингвокультурологическая составляющая. Описание и анализ лексики про-

дуктов коневодства в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом аспектах помогает выявить древние этногенетические пласты. В статье анализируются лексемы из языка сибирских татар, сойотского, калмыцкого, бурятского, монгольского языков, связанные с продуктами коневодства. Источниками лексического материала являются полевые исследования авторов, а также опубликованные двуязычные словари.

Ключевые слова: коневодство, сойотский, башкирский калмыцкий, бурятский, язык сибирских татар, тюркские, монгольские, конина, колбаса, кумыс, конский волос, сыворотка крови.

H. Ch. Alishina¹, S. M. Trofimova², M. D. Usmanova³

¹*Tyumen State University (Tyumen, Russia)*

²*Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)*

³*Bashkir Generally Accepted Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia)*

HORSE BREEDING PRODUCTS AND THEIR NAMES IN TURKIC AND MONGOLIAN LANGUAGES

Abstract. Horse breeding was the main activity of Turkic and Mongolian nomads since ancient times. Traditions manifest in the elements of the material culture of peoples. The linguocultural component is of great importance. Description and analysis of the vocabulary of horse breeding products in comparative and comparative historical aspects help to identify ancient ethnogenetic layers. The article analyzes lexemes from the language of the Siberian Tatars, Soyot language, Kalmyk language, Buryat language, Mongolian languages related to horse breeding products. The sources of lexical material are the authors' field research and published bilingual dictionaries.

Keywords: horse breeding, Soyot language, Bashkir language, Kalmyk language, Buryat language, language of the Siberian Tatars, Turkic, Mongolian, horse meat, sausage, kumis, horsehair, blood serum.

Тюркоязычные народы (татары, башкиры, чувашы, якуты, кумыки, тувинцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, хакасы, алтайцы, шорцы, долганы, кумандинцы, сойоты, теленгиты, телеуты, тубалары, тофалары, челканцы, чулымцы) и монголоязычные народы (монголы, калмыки, буряты) испокон веков разводили лошадей и использовали продукты этого занятия. Мясо лошадей считается диетическим. Оно очень вкусное. Наиболее нежное, дорогое мясо у жеребят возрастом 9–10 месяцев. Конина продается просто как мясо, а также используется для приготовления колбас, консервов. В ней много белка, мало жиров, при этом конина гипоаллергенна и хорошо усваивается. В современных условиях глобализации и технического прогресса коневодство утрачивает былое народнохозяйственное значение, но все-таки продолжает развиваться. Хорошо развито мясное направление коневодства в России, Венгрии, Казахстане, Монголии.

Мясо в тюркских языках называется «ит», в татарском языке есть конкретные наименования **а^от ите** «конина», **сыйыр ите** «говядина», **са^орык ите** «баранина» и т. п. Слово **ит** встречается еще в составе словосочетания **қорбан ите** «жертвенное мясо». В башкирском языке **йылкы ите** «конина», **тай ите** «жеребятина».

В сойотском языке мясо обозначается, как и во многих тюркских языках, словом «**эйт**», в бурятском языке «**мяхан**», в вагайском говоре сибирских татар «**махан**» встречается в значении «мясо для калыма». Мясо испокон веков было существенным компонентом в пищевом рационе татар. Потреблялась баранина, говядина, телятина, мясо домашней птицы, дичи. Особое место в этом ряду занимает конина, которая, по историческим сведениям [10, с. 165], в прошлом была самым любимым видом мяса многих групп татарского народа.

Понятие «**конина**» в татарских говорах выражается словосочетаниями **ат ите**, **йылкы ите**, хотя эти словосочетания, по сведениям Т.Х. Хайрутдиновой, в отдельных говорах могут иметь несколько отличий в фонетическом отношении. Например, в нукратовском говоре **ат ите**, в других говорах среднего диалекта **жылкы ите**. Кроме того, словосочетание **жылкы ите** в лаишевском говоре Заказа-

нья обозначает не только конину, но и утятину, гусятину, мясо которых на холоде не застывает. Следует отметить, что в лямбирском, кузнецком, чистопольском говорах слово йылкы означает «конь, лошадь», а в дрожжановском (йылкы), мамадышском (жылқы) говорах — «конь, откармливаемый на убой» [11, с. 99]. Ср. др.-тюрк. 𐰽𐰺𐰍 «крупный скот, преимущественно лошади».

Приготовление мясных продуктов у тюркских и монгольских народов является неотъемлемой частью ведения животноводческого хозяйства. Мясо употребляли и в виде колбасы.

Разновидностей колбас, известных разным группам бурят, калмыков, монголов, сойотов, тофаларов очень много. Так, в калмыцком языке, например, колбаса называется «**чиксн махн**», «**геслсн махн**», в дословном переводе — кишки, набитые мясом [9, с. 102].

Колбаса в сойотском языке «һыйма», в бурятском языке «**хиимэ, эрээлжэ, хошхоног**» — сваренная прямая кишка, вывернутая жиром внутрь и начиненная мясом. В башкирском языке сваренные с мясом сырокопченые или вяленые конские колбасы называются **казы**, а вывернутая жиром вовнутрь прямая кишка — **карта**. Их раскладывали кусками по чашам вместе с мясом. В башкирском языке тултырма — домашняя колбаса из ливера (в некотрых районах добавляют и крупу); в говорах: **тутырмыш / тултырмыш / тутырмыс (южн. диал.)**, **тутырмыш (средн.)**, **тутырма (кызыл.)**, **тыжык (восточн. башкиры)**. Они образованы от глагольного корня **тултырыу** «заполнять» и аффикса **-мыш/-мыс и -ма**.

Казы. др.-тюрк. qası «брюшной конский жир и кушанье из него». Слово казы отмечено и в памятниках татарской письменности: «Ашаганы казы — ял будды. Эчкәне сары бал будды» [13, с. 286].

Слово **казы** характерно и для некоторых других тюркских языков: башк. қазы «конские колбасы», ног. къазы «верхний слой брюшного жира лошади», «конская колбаса домашнего приготовления», казылык «жирные копченые конские ребра», казах. қазы «сырокопченая колбаса», кирг. казы «брюшной и реберной конский жир», «колбаса, изготовленная из брюшного и реберного жира лошади», тув. қазы, хак. хазы «колбаса из конского жира», узб. қазы, уйг. кези «брюшной жир лошади, колбаса из него», ойр казы «жир, сало», диал. конская колбаса с салом [2]. Аналогичный способ хранения мяса характерен для марийцев, которые заимствовали у тюркоязычных соседей. Ср. мар. каж, удм. диал. кӱт казы «брюшина», казылык «сальник» [5].

Одним из лакомых блюд у татар было конское казылык (домашняя колбаса). Мелко нарезанную жирную говядину или конину набивали, посолив, в конские кишки, концы которых завязывались ниткой, затем это подвешивалось на чердаке для сушения. Этот вид мясного блюда в говорах в основном именуется словом казылык. В словарях татарского языка оно дается в значениях «колбаса», «домашняя колбаса (холодного копчения)», «брюшина с салом, жиром у лошади» [12, с. 22].

Из конины у татар изготавливают пельмени. Пилмән (Тм), пелмән (М. Уват), шөшпүрә (Лайт.), шешпүрә, шөшпәрә» (Тм.), цөцбүрә (Ренч.), цөцбәрә (Тар.), цөцмәрә (Ом.), еремчек цөцбәрәсе. Пельмени — род маленьких пирожков из пресного теста с мясом. Употребляют в вареном виде. Особо мелкие пельмени называются «кейәү пәлмән», «кейәү чөпчәрәсе» (жениховы пельмени). В разных селениях по-разному называют. «Кейәү сыйда цөцбәрәнең эченә акца са°латлар» (На свадьбу лепят пельмени. В одну из пельмешек кладут монетку) (Вг.) «Чөчмәрә керткән қыш көнендә чоланнан» (Зимой из чулана заносим пельмени) (Ом.) «Күкәй са°лып ка°мыр ба°сасың, да төйгән ит са°ласың, да кейәү чөпчәрәсе пешерәсең ийе электә» (Делаешь тесто, разбив яйцо, кладешь рубленое мясо. Так мы раньше делали «жениховы пельмени» (Тб.) О происхождении слова пельмени в отечественном языкознании есть общепринятая версия о финно-угорской этимологии: «пель — ухо, нянь — хлеб». Сибирскотатарское слово «шешпүрә» состоит из двух основ: «шеш — вилка, пүрә — маленький пирожочек». Ср. уйг. пүрә, «овощные пирожки».

Изучение наименований тематической группы молочных продуктов, имеющих в тюркских и монгольских языках, показывает древность данного слоя лексики. Монгольские и тюркские народы из кобыльего молока делают кымыз «кумыс». Молоко лошадей и кисломолочный продукт, что делают из него, имеют сильное лечебное действие. Молоко у этих животных вкусное, содержит массу питательных веществ. Некоторая часть слов, обозначающих молочные продукты и напитки, сохранилась в древнетюркских памятниках: ср. др. тюрк. **qimiz**, башк. **кымыз** и т.д.

Конский волос (**кыл**) применяется в обрабатывающей и легкой промышленности. Из него делаются нити, пряжа и т.д.

Шкура лошадей (**тире, атның тиресе**) популярна в обрабатывающей, легкой промышленности. Из нее шьют одежду, обувь, сумки и т.д.

Сыворотка крови (**кан**). Это уникальное вещество ценится в фармацевтике и биотехнологиях. Оно используется для создания вакцин, гормональных, ферментативных препаратов. В особенности большое значение для фармацевтики имеет сыворотка породистых кобыл.

Продукты, получаемые от разведения лошадей, имеют высокое значение для разных сфер жизни человека. К вышеуказанным продуктам, что получают от лошадей, стоит также добавить навоз конский (**кый, атның кые**). Его часто используют в сельском хозяйстве. в строительстве.

Тысячелетия обитания на смежных территориях и постоянные контакты монгольских этносов с тюркскими обусловили взаимодействие их языков. Монгольские языки еще в древнее время испытывали сильное влияние тюркских языков.

При анализе лексики нам удалось выявить тюрко-монгольские соответствия. Бурятское слово «хиимэ» (сваренная прямая кишка, вывернутая жиром внутрь и начиненная мясом), скорей всего, заимствовано из сойотского «һыйма» в аналогичном значении. Изучение наименований продуктов коневодства, имеющих в тюркских и монгольских языках, показывает древность слов данных тематических групп. Некоторая часть слов, обозначающих молочные продукты и напитки, сохранилась в древнетюркских памятниках: др. тюрк, **qimiz**, башк. **кымыз**; др. тюрк, **airan**, башк. **айран, айрэн**.

Сравнительно-сопоставительное исследование названий других тематических групп скотоводческой лексики в данных языках даст новые результаты и оно будет продолжено.

Список использованных источников и литературы

1. Алишина Х. Ч. Язык сибирских татар. — Тюмень, 2019.
2. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь / Институт языкознания АН СССР. — М.: Наука, 1972. — 280 с.
3. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.
4. ДСБЯ — Диалектологический словарь башкирского языка (Башкорт теленең диалекттары һүзлеге). — Уфа: Китап, 2002. — 430 с.
5. Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье. Мордовские заимствования татарском языке. — Тобольск, 2013.
6. Орос-монгол толь. — Улан-Батор, 1982.
7. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. — М., 1980.
8. Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. — Элиста, 2012.
9. Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков): сравнительно-исторический аспект / под ред. С. М. Трофимовой. — Элиста, 2019.
10. Татары / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова, В. В. Трепавлов, Р. К. Уразманова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. — 2-е изд., доп., перераб. — М.: Наука, 2017.
11. Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. — Казань, 1993.
12. ТТАС — Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Өч томда. II том. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979.
13. Татар эпосы. Дастаннар. Идегә дастаны. Төзүче, кереш сүз һәм искәртмәләр язучы, сүзлекне әзерләүче Ф. В. Әхмәтова-Урманче. — Казан: Раннур нәшрияты, 2004.

Сведения об авторах: Алишина Ханиса Чайдатовна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия

Трофимова Светлана Менкеновна, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия

Усманова Минсылу Губайтовна, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия

СЕКЦИЯ 6. ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УДК 39(571.15)

Л. М. Мосолова

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)*

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭПИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается геополитическая и социокультурная ситуация, которая сегодня сложилась в мире. Показывается, что она в значительной мере обуславливает переоценку значения грандиозного культурного наследия народов Алтая и России в целом и необходимость его изучения и использования в современной науке и социальной практике. Отмечаются новые стратегически важные тренды страны: поворот к Востоку и понимание России с ее народами как самобытной цивилизации и мощного ядра Евразийского континентального пространства.

Подчеркивается, что в отличие от Запада Россия сохранила культурные традиции своих народов, аккумулировала многовековую архитектуру их культурного наследия. Несмотря на вестернизацию экономики, политики и технологий в разных регионах страны основополагающая база жизнедеятельности ее народов или их «культурная карта» (по А. Тойнби) продолжала оставаться такой, какой была до эпохи Модерна.

Показывается, что эпическое наследие Большого Алтая представляет собой важнейшую часть культурной сокровищницы народов Центральной Азии. Она содержит проверенный историей многовековой опыт коллективного бытия народов, синтетический комплекс социокультурной информации, необходимый для их выживания и развития. Сегодня культурное наследие, а эпическое в особенности, может выступать как фактор национальной безопасности, так как содержит фундаментальное ценностное содержание. Глубокое изучение культурогенеза народов России, сохранение их единства и тех ценностных опор, которые придают смысл существованию любого народа и всем вместе, сегодня чрезвычайно актуальны.

Ключевые слова: Евразия, цивилизация, народы Алтая, культурное наследие, культурные традиции, ориентализм, эпос.

L. M. Mosolova

Russian State pedagogical university named after A. I. Gerzen (Saint-Petersburg, Russia)

THE STUDY OF THE EPIC HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE GREATER ALTAI AS AN URGENT PROBLEM IN THE CONTEXT OF NEW CHALLENGES OF OUR TIME

Abstract. The article examines the geopolitical and socio-cultural situation that has developed in the world today. It is shown that it largely determines the overestimation of the importance of the grandiose

cultural heritage of the peoples of Altai and Russia as a whole and the need for its study and use in modern science and social practice. The new strategically important trends of the country are noted: the turn to the East and the understanding of Russia and its peoples as an original civilization and a powerful core of the Eurasian continental space.

It is emphasized that, unlike the West, Russia has preserved the cultural traditions of its peoples, accumulated the centuries-old architectonics of their cultural heritage. Despite the Westernization of the economy, politics and technology in different regions of the country, the fundamental basis of the vital activity of its peoples or their «cultural map» (according to A. Toynbee) continued to remain the same as it was before the Modern era.

It is shown that the epic heritage of the Greater Altai is the most important part of the cultural treasury of the peoples of Central Asia. It contains the centuries-old experience of collective existence of peoples proven by history, a synthetic complex of socio-cultural information necessary for their survival and development. Today, cultural heritage, and epic in particular, can act as a factor of national security, since it contains a fundamental value content. A deep study of the cultural genesis of the peoples of Russia, the preservation of their unity and those value pillars that give meaning to the existence of any people and all together, are extremely relevant today.

Keywords: Eurasia, civilization, the Altai peoples, cultural heritage, cultural traditions, orientalism, epic.

Исследование проблем культурного наследия народов такого крупного региона Евразии как Центральная Азия сегодня обрело чрезвычайную актуальность. Это в значительной мере обусловлено той геополитической и социокультурной ситуацией, которая сложилась в современном мире. Речь идет о нарастании конфронтационной динамики между коллективным Западом, с одной стороны, и Российской Федерацией, Китайской Народной Республикой и дружественными им странами Азии, Африки и Латинской Америки — с другой.

Очаги напряженности возникли не только в связи с глубокими противоречиями в сфере экономики и политики, но и в огромной степени по причине нежелания и неспособности Запада уважать цивилизационные и культурные ценности других стран, их образ жизни и путь развития. Драматические конфликты последних десятилетий, спровоцированные Соединенными Штатами Америки, продемонстрировали, насколько опасно для мирового сообщества неокOLONIALное мышление западной властной элиты, ее грубое вмешательство в дела многих стран мира, наложение санкций на неугодные им государства и личности, принижение значимости культурного наследия целого ряда стран, в том числе России и ее народов. Существенно, что противостояние между Западом и Россией содержит мощную ценностную составляющую.

Подчеркнем, что выработанный многими науками в их западном варианте (филологией, историей, социологией, этнологией, культурной антропологией и др.) ориенталистский дискурс привел к тому, что Запад спроецировал на Восток искусственно сконструированный и неадекватный его образ. Это касается и Центральной Азии. По мнению профессора Колумбийского университета Э.В. Саида, этот дискурс был вызван к жизни стремлением подавить самостоятельность Востока и господствовать над ним [1]. Напомним, что один из главных идеологов борьбы с Россией З. Бжезинский считал, что пространство Евразии, где находился Советский Союз, является «главным политическим призом для Америки» [2, с. 43]. Однако после распада Советского государства Россия не только не угасла, а вновь стала развиваться как могучая и единая держава с многочисленными большими и малыми народами.

Одной из важных задач современной гуманитарной науки России является сопротивление западному ориенталистскому дискурсу, не освоившему и адекватно не оценившему грандиозное культурное наследие России с его многонародными регионами, включая Центральную Азию, а также Евразию в целом. В этом наследии особую, ничем не заменимую культуротворческую, культуuroрганизирующую и культуrowоспроизводящую роль веками выполняло и ныне в значительной мере выполняет эпическое наследие с его таким стержневым компонентом, как героический эпос.

Есть и другие социокультурные и академические обстоятельства, вызывающие потребность вновь обратиться к изучению богатейшего эпического наследия народов нашей Евразии. Дело в том, что американское научное мышление, и общественное мышление в целом, выросло на почве идеалов эпохи Просвещения с его культом разума и эпохи Романтизма, необыкновенно возвысившего творческую

индивидуальность, о чем ясно высказался современный французский философ Ж. Бодрийяр. Он полагал, что американцы, отгороженные океаном, просторы которого сделали их нечто вроде острова во времени и сохранили в целостности утопическую и моральную перспективу мыслителей XVIII века, которые довольно однобоко понимали феномен человеческого рационализма. Это простерлось и в идеологию модернизма XX века, а затем и постмодернизма в начале текущего века. Речь идет о стремлении его адептов все разрушить, пересоздать, перестроить, усовершенствовать в соответствии с якобы абсолютно свободным разумом, не считаясь с природой всего сущего, и порой доводить массу людей до безумия. Современная социополитическая практика США и Европы богата такими примерами: это убеждение в их «ослепительном превосходстве» над всеми (по выражению А. И. Солженицына), создание спецэлиты управленцев для Европы, антинационально действующих в интересах Америки, разрушительное манипулирование Украиной и многое другое, среди которого чудовищным является стремление перекроить сложнейшую биологическую природу людей в актах трансгендерства и лишить детей нормальных родителей. Многие практики модерна сегодня развились до предела.

Все эти явления связаны с отрицанием всяких традиций, многих пластов **культурного наследия**. Следует отметить, что у самих американцев, пришедших не так уж давно (по масштабам мировой истории) из разных стран на чужой континент и почти полностью уничтоживших местное население с их историческим наследием, не оказалось в запасе собственной многовековой культуры как базы бытия и их историческая память оказалась короткой.

Важно также, что те регионы, этносы и народы, те культуры, которые в эпоху расцвета европейского общества с точки зрения западного идеала считались недоразвившимися, сегодня выходят из периферии в центр внимания. Существенно, что к сегодняшнему дню они довольно легко вестернизировали экономические, технические и политические сферы жизни, а основополагающая база жизнедеятельности — «культурная карта», как отмечает Арнольд Тойнби, продолжала оставаться такой, какой она была до западной экспансии [3, с. 82].

Иными словами, у многих народов Востока и ряда иных регионов мира сохранились многие формы традиционной культуры с богатой и многообразной архитектоникой культурного наследия. Это культурное наследие представляет собой подлинный разум, точнее, вековую мудрость, обеспечившую им тысячи лет коллективного существования. Поликультурная Центральная Азия как раз выделяется богатством и уникальностью исторического творчества многих народов и **сокровищницей** его исторических результатов — традиций, а эпическое наследие хранит и использует традиционную систему ценностей, которая вырабатывалась, начиная с древности, веками с целью выживания и развития сообществ.

По мнению профессора ВГИКа Н.А. Хренова, западному ориенталистскому дискурсу *надо сопротивляться*, и гуманитарные науки должны разрушать дискурсы, способствующие непониманию и унижению одних народов другими. В этом отношении очень важно вновь обратиться к освоению эпического наследия в целом и гуманитарные науки, особенно культурология, изучающие это наследие, являются **бастионом против модернистского безумия** [4]. В эпическом наследии сосредоточился в уникальном ценностном синтезе опыт многовекового коллективного существования народов. Мир ценностей в нем не сводится лишь к политике и идеологии, а объемлет ценности нравственные, правовые, религиозные, эстетические, художественные, экзистенциальные и т.д. Этот мир ценностей сегодня человеку также необходим, как и прежде.

Актуальность и необходимость обращения современников к эпическому наследию народов Центральной Азии вызвана и другими существенными обстоятельствами нашего сегодняшнего бытия. Во-первых, это **поворот России на Восток**. Он осуществляется не только в качестве противовеса чрезмерной зависимости России от Запада как торгового и инвестиционного партнера и восстановления дружественных отношений с Китаем, который стал центром поворота на Восток. Он открывает возможности для интеграции России и особенно Саяно-Алтайского и Дальневосточного регионов в один из наиболее экономически динамичных регионов мира. Ускорение развития Сибири, Большого Алтая и Дальнего Востока будет способствовать интеграции России со странами Южной и Юго-Восточной Азии. Успешное осуществление этого проекта будет содействовать укреплению России в качестве мировой державы. Разумеется, этот проект с необходимостью предполагает обеспечение его *гуманитарной составляющей*. Речь идет о более глубоких усилиях в деле изучения

всех компонентов культуры живущих здесь народов как в истории, так и современности, включая их великое эпическое наследие.

Во-вторых, очень существенно *новое цивилизационное понимание геополитической сущности России*. Президент страны В. В. Путин недавно стал провозглашать его в ряде своих выступлений. Речь идет о том, что нашей стране не нужно входить ни в какие цивилизации, в том числе европейскую, потому что *сама Россия со всеми ее пространствами и народами есть самобытная цивилизация*. Она является мощным ядром Евразийского континентального пространства.

Как известно, о таком геополитическом статусе России заговорили основоположники евразийского движения еще в начале XX века. В частности, князь Н. С. Трубецкой в 1920–1930 годы характеризовал сущность евразийства как отражение общности судеб народов, населяющих Евразию: «В евразийском братстве народы связаны друг с другом не потому или иному одностороннему ряду признаков, а по общности своих исторических судеб. *Евразия есть географическое, экономическое историческое целое. Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом*. Прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распустить...» [5]. Также известно, что огромный вклад в изучение кочевых народов Великой Степи и осмысления феномена евразийства России внес «последний евразиец» Л. Н. Гумилев. Основываясь на разработанном им этнологическом подходе и существенно переосмыслив трактовку данного феномена, он дополнил его этнокультурным измерением: «Евразия — это не только огромный континент, но и сформировавшийся в центре него суперэтнос с тем же названием» [6, с. 88].

Симптоматично, что азиатские страны относят Россию к европейской культуре, а европейцы, особенно западные, рассматривают Россию преимущественно в азиатском ключе. В этой связи академик М. А. Титаренко заключал: «Ни одна из этих точек зрения не дает полного представления об идентичности российской, особенно русской культуры. Игнорирование евразийской сущности геополитического положения России в идеологии и политике, попытки представить всю территорию России как пространство «большой Европы» — все это порождает противоречия в развитии страны и ведет к непрерывным колебаниям в ее политике, размыванию идентичности культуры и ослаблению положения России на мировой арене, подрывает межнациональную сплоченность русских и других народов России» [7, с. 21].

Теперь мы пришли к осознанию того, что Россия сама является самобытной цивилизацией, творчески освоившей компоненты европейской и азиатской культуры и синтезировавшей их. Народы России сложились, развиваются и проявляют свою продуктивную деятельность в том геополитическом пространстве, «где пересекаются и взаимовлияют друг на друга великие мегацивилизации: великорусская, славянская, византийская, романо-германская, угро-финская, мусульманская, китайская, индийская, тюркско-монгольская, а также цивилизации более сотни малых коренных народов, живущих в бассейне Волги, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в северных регионах» [7, с. 23–24]. Вместе с тем нельзя не отметить, что удивительный *феномен симфонизма культур России*, не исследован с необходимой генерализацией ни в целом, ни по регионам. Преобладают версии изучения культур отдельных народов на уровне описательного этнографизма. Поэтому наметившееся внимание к *интегративному изучению* эпического культурного наследия всех народов конкретного региона, в данном случае Центральной Азии, является действительно актуальным и необходимым.

Начиная вместе с дружественными странами переход к новому многополярному, более устойчивому и справедливому миропорядку, наша страна, целенаправленно используя свои научные силы, должна глубоко исследовать и интегрировать свой многообразный *арсенал культурного наследия регионов* и на этой основе с учетом новых духовных потребностей создавать культуру настоящего и будущего.

Эпическое наследие как раз представляет собой важнейшую часть культурных традиций, в которых аккумулирован и закодирован жизненно важный, ценностно проверенный историей, базовый для коллективного бытия народов, синкретический комплекс социокультурной информации, необходимый для его выживания и развития.

От адекватного понимания и правильного использования культурного наследия народов России зависит многое в настоящем и будущем. Особо подчеркнем, что культура и культурное наследие выступают как фактор *национальной безопасности*, так как имеют фундаментальное ценностное содержание. Очень важно сохранять идейные и ценностные опоры все символы, которые придают смысл существованию любого народа.

Список использованных источников и литературы

1. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб., 2006.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1998. — С. 43.
3. Тойнби А. Постижение истории. — М., 1999. — С. 82.
4. Хренов Н. А. Евразийская идея в эпоху становления глобальной культуры // Евразийская идея в эпоху становления евразийской идеи: тезисы докладов Международной научной конференции. — Баку, 2012.
5. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. — София, 1920.
6. Мосолова Л. М., Бондарев А. В. Актуальность евразийской идеи Л. Н. Гумилева и ее значение для диалога культур и цивилизаций // Евразийская интеграция: сборник научных трудов: ежегодник. — Вып. 1. — СПб.: СПбГУП, 2014. — С. 88.
7. Титаренко М. А. Евразийство как парадигма сосуществования и расцвета многообразия культур и цивилизаций // Евразийская интеграция: сборник научных трудов: ежегодник. — Вып. 1. — СПбГУП, 2014. — С. 21, 23–24.

Сведения об авторе: Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Mosolova@mail.ru

УДК 93/94

Ю. А. Крейдун

Барнаульская Духовная семинария, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СЛАВЯНСКОГО И ТЮРКСКОГО ЭТНОСОВ

Yu. A. Kreydun

Barnaul Theological Seminary, Altai State University (Barnaul, Russia)

EPISTOLARY HERITAGE OF THE ALTAI SPIRITUAL MISSION IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF THE RELATIONS OF SLAVIC AND TURKIC ETHNIC GROUPS

Алтайская духовная миссия действовала с 1830 г. В разные годы в ее ведение входили в современных границах территории Алтайского края, Республики Алтай, Кузбасса, Хакасии, Тувы, Республики Казахстан, что составляет значительную часть Большого Алтая. Взаимоотношения между славянским и тюркским этносами на этой территории в XIX — нач. XX века могут быть детально отслежены по архивным материалам, связанным с деятельностью Алтайской духовной миссии. Таковые имеются в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Алтайского края, Государственного архива Томской области, Государственного архива

Тюменской области (Тобольск) и некоторых других. Это довольно большой корпус документов официального делопроизводства, визуально-графических материалов, но наиболее значимо в контексте озвученной темы эпистолярное наследие сотрудников Миссии и дневники путешественников и этнографов, посещавших Алтай с исследовательской целью.

Самой значительной работой по источниковедению Алтайской духовной миссии, сохраняющая свое значение и сегодня, является докторская диссертация протоиерея Бориса Пивоварова «Научное описание фондов Алтайской духовной миссии», защищенная в Московской Духовной академии в 1988 году. Фундаментальное пятитомное исследование содержит перечни, каталоги, указатели как печатных, так и архивных документов.

В Государственном архиве Томской области (ГАТО) имеется фонд Алтайской духовной миссии (Ф. 184), содержащий 34 дела. Обширным по содержанию является фонд Томской Духовной Консистории (Ф. 170), в котором имеется множество дел, касающихся истории и деятельности Алтайской миссии, «рассыпанных» по всему фонду. Это, помимо ведомостей о служащих и клировых ведомостей, всевозможные ходатайства и рапорты начальника Миссии руководству епархии, дела о рукоположении, документы о награждении священнослужителей и благотворителей Миссии, статистические сведения и т. д.

В Алтайском крае архивные дела по истории Алтайской миссии сосредоточены в нескольких фондах Центрального хранения архивных фондов. В первую очередь, это фонд Алтайской духовной миссии (Ф. 164) — около 300 дел. Небольшим, но очень интересным является фонд Бийского миссионерского катехизаторского училища (Ф. 186), дела которого позволяют представить картину о содержании обучения и воспитания его «пансионеров», о составе учащихся и преподавателей и др. Отдельным фондом, включающим одно объемное дело, выделен Совет противораскольнического братства Святого Димитрия, Митрополита Ростовского, в Бийске (Ф. 166).

К наиболее ценным архивным документам, раскрывающим начало деятельности Миссии, т. е. ее раннюю историю, можно отнести рукопись протоиерея В. Вербицкого, которую он составил в 1860 году. Она содержит краткую предысторию Миссии и показывает, как ее основание вписывается в государственно-церковную программу миссионерства, осуществляемую среди «инородцев», населяющих Россию. Определенное значение имеет характеристика родоплеменного состава и территориального расселения коренного населения Горного Алтая. Рукопись надежно подкреплена ссылками на входящие и исходящие документы делопроизводства Миссии, а также на письма, записки ее начальника.

В архивных фондах сохранилось большое количество писем миссионеров, среди которых были и коренные алтайцы. Некоторые письма либо содержат тюркизмы, либо целиком написаны на алтайском языке. Письма не только дополняют сведения о событиях или характеристики личностей — субъектов в описываемых событиях, но в ряде случаев служат «канвой» для их реконструкции. Всего в краевом архиве г. Барнаула выявлено около пятисот писем алтайских миссионеров за период времени с 1852 по 1919 гг., в том числе писем святителя Макария (Невского) — 81, и писем, адресованных ему — 73.

Дополняют эпистолярное наследие дневники миссионеров. В них отражена многогранная деятельность: миссионерские поездки и невзгоды, их сопровождавшие, удачи и неудачи проповеднической работы, благотворительность по отношению к новокрещеным. В записках и дневниках имеется описание взаимоотношений между просветителями и просвещаемыми. Некоторые из них и читаются, как художественное произведение, включая работы, авторами которых были воспитанники Миссии — этнические алтайцы. Особый интерес вызывают записки, датированные началом XX века: именно по ним можно увидеть, как менялась внутренняя социально-психологическая ситуация среди населения Горного Алтая в связи с событиями, происходившими в стране и регионе — Русско-японской войной, революционными событиями 1905 года и принятием в стране закона о свободе вероисповеданий, движении «бурханизма», развернувшимся в Горном Алтае в 1904–1906 гг. и т. д. Как отклик на эти события, появилась новая форма работы миссионеров — организация проповеднических дружин, о которых есть упоминания в записках миссионеров, отчетах Миссии.

Нельзя не упомянуть об источнике по изучению коренного населения Алтая, который является важным дополнением к эпистолярному наследию, это клировые ведомости и ведомости о служащих. В 1910-е годы сотрудниками Алтайской миссии являлись этнические алтайцы. По ведомостям можно отследить биографию наиболее интересных деятелей. Наиболее ранней является «Ведомость о лицах, служащих при Алтайской духовной миссии», обнаруженная нами в ГАТО (Ф. 170), датированная 1859 годом; в этом же фонде Томской духовной Консистории находится подобная «Ведомость...» за 1860 год.

Таким образом, спектр источников и библиографии по взаимодействию коренного населения Большого Алтая с православными миссионерами достаточно обширен. Изучение этих архивных материалов значительно обогатит картину взаимоотношений славянского и тюркского этносов на территории Большого Алтая в контексте активных цивилизационных процессов в XIX — начале XX века.

Сведения об авторе: Крейдун Юрий Александрович, проректор по научной работе Барнаульской Духовной семинарии, профессор кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, доктор искусствоведения, г. Барнаул, Россия

УДК 93/94

К. Ж. Садыков

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
(Бишкек, Кыргызская Республика)

СПЕЦИФИКА ЭПИЧЕСКИХ ХРОНОТОПОВ В ТЕКСТАХ «МАНАСА»

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002).

Аннотация. В статье рассматриваются сюжетные компоненты героического эпоса кыргызов «Манас», имеющие характеристики пространства и времени. Методика такого анализа позволяет наметить типологически общие признаки жанра героического эпоса и выявить художественные особенности кыргызского эпического текста. Эпическая биография является одним из важных хронотопов «Манаса», который представлен такими компонентами сюжета, как «эпический зачин» и «родословная героя». В статье анализируются также особенности эпической картины кыргызского эпоса, отмечаются отличительные особенности этой картины от мифологических художественных образов и представлений.

Ключевые слова: эпические хронотопы, сюжет эпоса «Манас», фольклорный хронотоп, хронотопный анализ текста, пространственно-временная структура эпоса, эпический фон, эпическая биография, родословная героя, санжыра, свой и чужой миры в эпосе.

K. Zh. Sadykov

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

SPECIFICS OF EPIC CHRONOTOPES IN THE TEXTS OF «MANAS»

Abstract. The article discusses the plot components of the heroic epic of the Kyrgyz «Manas» having the characteristics of space and time. The methodology of such an analysis allows us to outline typologically common features of the heroic epic genre and identify the artistic features of the Kyrgyz epic text. The epic biography is one of the important chronotopes of «Manas», which is represented by such plot components as «epic zachin» and «hero's bloodline». The article also analyzes the features of the epic painting of the Kyrgyz epic, and notes the distinctive features of this painting from mythological artistic images and representations.

Keywords: epic chronotopes, the plot of the epic «Manas», folklore chronotope, chronotopic text analysis, space-time structure of the epic, epic background, epic biography, pedigree of the hero, sanjir, his and other worlds in the epic.

Термин «хронотоп» первоначально был введен в научный оборот в теоретических исследованиях М. М. Бахтина при анализе поэтики нескольких видов жанра романа в его историческом развитии¹⁷. Со временем этот литературоведческий термин стал одним из ключевых терминов, нашедших применение также в работах ведущих фольклористов, посвященных изучению поэтики различных стадийных типов героического эпоса. В свете последнего замечания можно отметить актуальное переиздание в новой редакции работы С. Ю. Неклюдова, посвященное поэтике русской былины¹⁸. Во вступительной части этого издания автор отмечает, что начальные подходы к применению «хронотопического» анализа были сделаны им еще в одном из его ранних научных докладов во время летней школы по вторичным моделирующим системам в 1966 г. городе Тарту. Акцент исследователя на пространственно-временные структуры былин позволил ему довольно подробно описать нарративные особенности эпических текстов. Согласно мнению данного автора, «...хронотопические отношения в повествовательной организации эпического текста могут рассматриваться как своего рода координатные системы, соотносящие отдельные сюжетные единицы и цикловые сюжетные блоки не только между собой, но и с элементами, лежащими вне данного жанрового континуума»¹⁹.

Относительно содержательной основы и сферы применения термина «хронотоп» М. М. Бахтин в своей известной работе отмечал следующее: «Хронотоп определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Поэтому хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент, который может быть выделен из целого художественного хронотопа только в абстрактном анализе. Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены... Искусство и литература пронизаны хронотопическими ценностями разных степеней и объемов. Каждый мотив, каждый выделяемый момент художественного произведения является такой ценностью»²⁰.

Характерный эпический фон в «Манасе» задается с помощью различных художественных приемов. Список известных эпических сюжетов и мотивов достаточно обширен. Однако не все они обладают хронотопической ценностью, о которой говорил в указанной работе М. М. Бахтин. Эта ценность, как он отмечал, проявляется в том, что благодаря определенной взаимосвязи пространственно-временных координат с элементами художественного изображения возникает особый стиль повествования, насыщающий его «эмоционально ценностной окрашенностью».

¹⁷ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

¹⁸ Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015.

¹⁹ Там же. С. 16.

²⁰ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 165.

В предложенной статье мы попробуем рассмотреть несколько взаимосвязанных эпических хронотопов, создающих, на наш взгляд, такой характерный эпический фон и стиль. И если обратиться к сюжетным компонентам жанра героического эпоса в целом, а также непосредственно к тексту «Манаса», то наибольшими свойствами хромотопичности, по нашему мнению, обладают в значительной степени эпические зачины, открывающие повествование. Благодаря многовариантности текстов «Манаса» можно увидеть различные формы эпических зачинов, представленные также несколькими вариантами записей от разных сказителей. Но и в этом случае мы обнаружим, что зачины сохраняют свою эмоциональную окрашенность, потому что в них представлена соотнесенность прошлого и настоящего по ценностной шкале.

Сказитель «Манаса», приступая к исполнению эпической песни, следуя сложившейся традиции, уже в зачине обозначает наличие определенной дистанции между днем сегодняшним и событиями прошлых лет. Сказание о «Манасе» он определяет как древний сказ «наших отцов», который нельзя оставить без исполнения и внимания:

Э...э...эй, байыркынын жомогу Это давнего прошлого сказ,
Баштаса келер оролу. Видно время пришло начать.
Атаңардын жомогу Этот сказ наших славных отцов,
Айтпай койсо болобу?²¹ Разве можно его не сказать?

Из зачина «Манаса» становится понятно, что события, о которых предстоит спеть сказителю, относятся к прошлым временам, когда о них были сложено Слово «нашими отцами».

Арсыздарга токтолбой Не останавливаясь на (историях) тех, кто слаб,
Азамат-эрге конгон сөз, Это слово спустилось (сверху) на храбрецов.
Эрендерден калган сөз. Это слово осталось от святых мудрецов,
Энчи кылып алган сөз, Закрепилось это слово как наследство.
Как жүрөккө конгон сөз, Это слово приземлилось в сердца,
Кайнап ичке толгон сөз, Кипящей волной перепонив души.
Жоого аттанган баатырдын Для батыра, выступившего в бой на коне,
Жан-жөкөрү болгон сөз.²² Это слово стало верным соратником-воином.

Для хромотопного анализа эпических текстов «Манаса» особую значимость приобретают те варианты зачинов, где используются устойчивые формулы описания событий, характеризующихся временной длительностью и пространственным охватом. В некоторых из них можно усмотреть следы прежних пластов повествовательной традиции, которые могли иметь аналогии с текстами о временах первотворения, на подобие словесных формул: «... когда земля стала землей, а вода — водой». Но в тексте «Манаса» все же прямых соответствий мифологическим сюжетам не так много.

Ошол күндөн ушул кун С тех дней до этих дней
Эчен кылым эл өттү. Сквозь века прошли (исчезли) народы.
Алышкан жоосун жок кылган, Врагов своих в схватках одолев,
Албан турлүү шер өттү. Ушли (погибли) многие отважные львы.
Тоо буздуп сай болду, Гора, разрушившись, стала рекой,
Сай козголуп тоо болду. Река, сдвинувшись, стала горой.
Аты калып өзү жок, Оставив лишь названия, исчезли сами
Ар кандай деңиз жоголду...²³ И бесследно пропали даже моря.

Следующий хромотоп, имеющий в устной повествовательной традиции кыргызов устойчивость и распространенность, связан с «эпической родословной» героя. Довольно часто такой сюжетный компонент выступает в текстах «Манаса» в качестве зачина. Это можно увидеть в варианте великого сказителя Саякбая Каралаева. Но важно отметить при этом, что изложенная в «Манасе» родословная главного героя не является аналогом устной истории кыргызских родов. Согласно текстологическому анализу, «эпическая родословная» Манаса представляет собой именно перечисление предков героя. В разных вариантах она могла быть развернутой и достаточно пространной, а иногда ограничивалась именами семи праотцов. Устная история кыргызских родов имела свою самостоятельную

²¹ Манас. Семетей. Сейтек / Сводный вариант. Бишкек, 1998. С. 7.

²² Там же. С. 8.

²³ Там же. С. 8.

устойчивую жанровую форму и называлась «санжыра». Она представляла собой довольно разветвленное и многовариантное изложение киргизских родоплеменных исторических преданий.

Хронотопический характер «эпической родословной» Манаса проявляется в том, что благодаря этому сюжетному элементу центральный персонаж сказания и его ближайшие родственники (отец и родные братья отца, а также их сыновья и многочисленная родня по мужской линии) закрепляются в эпическом сюжете через канонизированную в народной среде родословную. Через такой сюжетный компонент эпическая фигура народного героя становятся соотносимой с наиболее известными в народе легендарными правителями. Среди предков Манаса часто упоминаются Ногой, Карахан, Чаян и другие, историческая достоверность которых весьма условна и носит обобщенно-художественный характер. Надо признать, что для эпической среды достоверность связи родословной богатыря Манаса с реальными историческими личностями не имела большого значения. Важнее было то, что оценка значимости человека в традиционном обществе производилась на основе других параметров, среди которых учитывалась сопричастность его биографии к этапам жизни его родовой группы.

Жизнь эпического персонажа включалась в историю его рода через имя отца. Поэтому в текстах «Манаса» присутствуют устойчивые формулы в обозначении эпических богатырей и вместе с его собственным именем обязательно указывается имя его отца, иногда присутствует также характерный эпитет или название его родовой группы. Приведем отрывок текста, в котором перечисляются богатырей из дружины Манаса, прибывших на сватовство к дочери хана Атемира (по варианту Сагымбая Орозбакова).

«Кырк баатырдын баарысы, Все сорок богатырей
Кыргыз, Бакай карысы, Вместе со старцами Кыргызлом, Бакаем,
Күлдүрдүн уулу Чалыбай, Сын Күлдүра Чалыбай
Күлдүргүчү Ажыбай, Пересмешник Ажыбай,
Кыргыздан кыраан Кутунай, Из кыргызов опытный Кутунай,
Кара-Токо Мажиги, Мажик (потомок) Кара-Токо,
Камбар уулу Чалиги, Чалик сын Камбара,
Саргыл уулу Сатайы, Сатай сын Саргыла,
Үйшүндөрдүн Үмөтү, Из уйшуней Умёт,
Төлгөчү кара төлөгү.²⁴ Предсказатель из кара-толёков.

Если в киргизской эпической традициях отчетливо наблюдается тенденция обязательно выделять имя отца героя и его родоплеменную группу, то иную стадийную форму изложения «богатырской биографии» можно наблюдать в эпических песнях алтайцев, якутов и других народов Южной Сибири, когда имя эпического героя обязательно называли вместе с указанием масти его коня.

Еще один вид развития хронотопа «эпической биографии» можно видеть в монгольском письменном памятнике о судьбе и деяниях Чингизхана «Алтан Тобчи». Известно, что достаточно много места в начале сюжета этого памятника средневековой письменности занимает родословная Чингизхана, предвещающая все последующие эпизоды его жизни. Наличие подробной родословной в сюжетной структуре данного текста можно также рассматривать в качестве признака близости художественной структуры этого канонического письменного текста к устной эпической традиции тюркомонгольского мира. Представители иных этнических групп, особенно богатыри, являющиеся противниками кыргызов, обозначены в «Манасе» без указания имени отца и родоплеменного подразделения, и для них используется лишь общая этническая принадлежность к враждебным народам — кытай, калмак, манжуу.

Приведенные выше виды эпических хронотопов несомненно являются важным свидетельством того, что процесс формирования эпических традиций «Манаса» происходил в тот исторический период, когда принадлежность человека к родоплеменной группе и его взаимоотношения с представителями других этнических групп имели важное значение для самоидентификации киргизского этноса.

²⁴ Манас. Эпос / По варианту Орозбак уулу Сагымбая. Книга II (На киргизском языке). — Фрунзе: Кыргызстан, 1979. — с. 419.

Сведения об авторе: *Садыков Канат Жалилович*, кандидат филологических наук, профессор, советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: kanatsadykov502@gmail.com

УДК 93/94

Э. Р. Мусурманов

Научно-исследовательский центр культурного и литературного наследия народов Великого шелкового пути Самаркандского государственного университета, Самаркандский международный технологический университет (Самарканд, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ УЗБЕКСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА

Аннотация. Эпический характер узбекского народного эпоса проявляется в подробном изложении событий, изображении и поведении персонажей. Картина событий и деяний героев превратила дастаны в сюжетно-повествовательный жанр. Обычно в центре сюжета узбекских народных эпосов лежит героическая борьба героя — бахадры (богатыря), которая проявляется в защите своей отчизны, народа, угодья, любимого человека. Эпический герой, хотя не всегда легко, но все же побеждает врага, защищая вышеперечисленные понятия, священные для него. Он с раннего возраста необычайно быстро растет и стремительно взрослеет, будучи ребенком, он проявляет жизненную активность и удивляет взрослых силой, умением и умом. Постоянным спутником героя является конь-скакун. Верный конь и любимая девушка героя, мужественные, крупного и крепкого телосложения, как сам герой. Герой в круговороте приключений и борьбы воплощается как обладатель необычайной силы, мужества и доблести, он в одиночестве совершает геройства, которая даже не по силе целой армии. В узбекских эпических сюжетах отразились элементы тюркского эпоса, китайской мифологии, эпические сцены и сюжеты схожие с сюжетами древнегреческого и русского эпосов.

Ключевые слова: узбекский эпос, картина событий, эпический герой, Алпамыш, боевой конь, тюркский эпос, греческий эпос, русские былины.

E. R. Musurmanov

Scientific Research Center of Cultural and Literary Heritage of the Peoples of the Great Silk Road of Samarkand State University, Samarkand International Technological University (Samarkand, Uzbekistan)

FEATURES OF THE UZBEK FOLK EPIC

Abstract. The epic nature of the Uzbek folk epic is manifested in a detailed account of events, depiction and behavior of characters. The picture of events and deeds of the heroes turned dastans into a plot-narrative genre. Usually in the center of the plot of Uzbek folk epics lies the heroic struggle of the hero — the bakhadyr (hero) which manifests itself in the defense of his homeland, people, land, and loved one. The epic hero, although not always easily, still defeats the enemy, defending the above concepts, sacred to him. From an early age, he grows unusually quickly and matures rapidly; as a child, he shows vital activity and surprises adults with his strength, skill and intelligence. The hero's constant companion is a racing horse. The hero's faithful horse and beloved girl, courageous, large and strong, like the hero himself. The hero, in the cycle of adventure and struggle, is embodied as the owner of extraordinary strength, courage and valor; he alone performs heroism, which is beyond the strength of an entire army. Uzbek epic stories reflected elements of the Turkic epic, Chinese mythology, epic scenes and plots similar to the plots of the ancient Greek and Russian epics.

Keywords: Uzbek epic, picture of events, epic hero, Alpamysh, war horse, Turkic epic, Greek epic, Russian epics.

Узбекский народный эпос является неотъемлемой частью эпического творчества тюркских народов. Различия и особенности узбекского эпоса в сравнении с другими тюркскими эпосами отражаются в следующих моментах:

Во-первых, узбекский народный эпос, как и вся культура Центральной Азии, долгое время находился под влиянием культурных отношений народов Великого шелкового пути. Первый маршрут, заложенный китайским дипломатом Чжан Цянем (張騫; ум. в 114 г. до н. э.), стал основой Шелкового пути во II веке до н. э., который шел из Сианя (Китай) в Фергану (Узбекистан), далее в Ташкент, Самарканд (Узбекистан) и т.д. Спустя некоторое время через территорию современного Узбекистана Шелковый путь берет направление в некоторые русские земли, в Европу — маршрут (дорога), который был проложен великим полководцем Александром Македонским. Этот караванный путь главным образом служил для развития торговых отношений. Вместе с товарами по Шелковому пути мигрировало и нематериальное культурное наследие, философские и религиозные взгляды, а также мифологические и эпические мировоззрения, что способствовало распространению художественных образов и сюжетов среди народов, расположенных вдоль Трансконтинентальной магистрали. Так как территория Узбекистана находилась на перекрестке культурных и экономических отношений между востоком и западом, в древних эпических сюжетах народа отразились элементы божественных образов китайской мифологии, эпические сцены и сюжеты, схожие с сюжетами древнегреческого и русского эпосов. По нашему мнению, одна из самых известных русских былин «Добрыня и Алёша» — описывающая подвиги двух славных богатырей, приключении и сражении Добрыни и Алёши, их смелость, мужество и преданность Родине, также имеет немало сходств с узбекским героическим эпосом «Алпамыш».

Во-вторых, следующей отличительной чертой узбекского народного эпоса является влияние исламской религии, а также персидской культуры, как на всю духовную жизнь народов Центральной Азии. Разумеется, ни один другой эпос тюркских народов не был под таким исламо-персидским воздействием, как узбекский. Поэтому в узбекском эпосе относительно в большом количестве присутствуют коранические и авестийские персонажи: джины, пери, дивы-великаны, чилтаны, пророки и т.д. Достаточно много встречается арабских и персидских терминов в названиях предметов, именах героев. Но несмотря на эти влияния, узбекский фольклор сохранил свою идентичность, древние доисламские языческие поверья, понятия, приметы, анимистические взгляды, исторические свойства, относящиеся только к узбекскому устному народному творчеству.

Героический эпос «Алпамыш», состоящий из четырнадцати тысяч строк, являясь уникальным монументом узбекского устного народного творчества, более тысячи лет (в 1998 году 13 января отмечалась 1000-летие узбекского эпоса «Алпамыш») сохраняет свою привлекательность и завораживающую силу, служа катализатором творчества для новых и новых поколений творцов. Думаю, III Международный алтаистический форум «Большой Алтай», который проходит в Алтайском государственном университете, даст мощный толчок исследованиям славяно-тюркской цивилизации, на фоне которого будет сравнительно изучен и русско-узбекские эпические фольклорные сюжеты. Разумеется, изучение русского и узбекского эпических сюжетов в будущем предоставит интересный и богатый фольклорный материал, благодаря которому будет возможность выявить генезис и проследить эволюцию определенных сюжетов, которые присутствует параллельно в фольклоре нескольких народов.

Узбекский героический эпос «Алпамыш» некоторыми мотивами очень схож с «Одиссеей» Гомера. В свое время на этот факт обратил внимание и академик В. Жирмунский. Он писал: «В «Алпамыше» в отличие от западных вариантов сюжета целый ряд мотивов напоминает «Одиссею». Мы находим в «Алпамыше», как и в «Одиссее», старика-отца героя, живущего в бедности, и унижении Байбури и Лаэрта, несовершеннолетнего сына, угнетаемого насильниками, которые угрожают его жизни (Ядгар и Телемах), старого пастуха, раба и «дамочадца» в роли друга и помощника героя (Култай и «божественный свинопас» Эвмей).

Обращает на себя внимание ряд совпадений в подробностях, являющихся, может быть, следствием сходства общей ситуации. Одиссей просит сына сохранить тайну его возвращения, чтобы они могли испытать верность своих рабов: «Чтобы сведать, кто между ими меня и тебя уважает и любит, кто, нас забыв, оскорбляет тебя, столь достойного чести» (110, песнь XVI, ст. 305–307). Алпамыш, подоб-

но Одиссею, скрывает свое возвращение, чтобы узнать среди народа своих приверженцев и врагов: «Своими глазами он увидит в народе врагов, он пришел узнать народ и страну ...» [6, с. 311].

Название жанра узбекского народного эпоса — «дастан», прочно укоренившийся в узбекском фольклоре, происходит от персидского (داستان, *dâstân* — «рассказ» или «история» [8, с. 85]) и означает объемную историю, рассказанную в маснави (стихотворения маснави состоят из неопределенного числа двустиший со схемой рифм аа/ bb/cc) или прозе как литературный термин. Традиционно дастаны являются фольклорной или литературной обработкой героических мифов, легенд и сказочных сюжетов. В устном творчестве узбекского и всех тюркских народов в прошлом для определения жанра также использовался термин йир, или джир, который обозначает жанр песнопения, певческого и поэтического эпоса. Эпического певца, сказителя-творца называют бахши, а также йирчи, джирчи, джиров.

В узбекском фольклоре кроме героического эпоса «Алпамыш» также присутствуют дастаны цикла «Горогли» (Гуругли, Кёрогли), которые пестрят наличием эпических образов. Древность и художественное совершенство этих произведений, несомненно, являются ярким фактором национальной гордости узбекского народа, которые ставят эти эпосы на одном уровне с великими эпосами греков. Как и «Алпамыш», героический эпос огузов «Китаби деде Коркут» (азерб. «Kitabi Dədə Qorqud», «Книга Отца моего Коркута»), героический эпос киргизского народа «Манас» достойны аналогичных определений, многие аспекты этих эпосов близки друг другу, поэтому желательно изучать их взаимосвязанным образом. Академик В. Жирмунский, ссылаясь на аналогичные обстоятельства, подчеркивал, что фольклор народов Центральной Азии нельзя изучать отдельно от фольклора соседних тюркских народов [6, с. 20].

Узбекский народный эпос — жанр, содержание которого повествуется в оптимистическом духе, и герой произведения обычно побеждает любого врага. В этом, несомненно, отражается народное представление об идеальном герое. Правда, иногда бывают и такие обстоятельства, как временная беспомощность героя, невезение, огорчение от одиночества или от смерти близкого человека, от пленения, эти моменты оказывают как физическое, так и духовное негативное воздействие на героя. В результате таких духовных пыток герою надоедает жить, он доходит и до слез. Однако в некотором смысле эти временные неудачи, которые подкосили героя, в конечном счете служат повышению цены общего триумфального настроения, укрепляя в слушателе уверенность в истинности и победе добра.

Возлюбленная героя обычно воплощается в образе физически зрелой девушки, которая верна своему избраннику, готова сражаться с недоброжелателями за честь, за родных. Одна из особенностей узбекского эпоса, созданного в относительно древний период, — отсутствие социально незащищенных, пассивных, слабых дам-героинь. В эпосе «Алпамыш» героини девушки Барчин (Утка) и Калдиргоч (Ласточка) обладают независимым мировоззрением и понятиями, активно участвуют в жизни племени, отстаивают свои интересы и стремления, Барчин не боится неблагородных мужчин и не прочь помериться с ними физической силой, если надо, и наказать рукоприкладствовавшего наглеца.

Отрицательные силы в узбекских народных эпосах — недоброжелатель, образы врага тоже неробкие и непассивные, а обладающие почти такой же силой, как герой произведения. Их лошади — одни из самых быстрых, их оружие так же из самых лучших. До встречи с героем главный «злодей» не был никем побежден, лук его не был срезан, скакун его был всегда первым в скачках. Если герой не появился бы в этом мире, то можно полагать, что без главного героя этого неприятеля никто и никогда не смог бы преодолеть. Однако каким бы сильным и хитрым ни был враг, эпический герой все равно справится с ним, духовно одержит верх. В узбекских народных эпосах в качестве врагов родины или семьи героя или его самого фигурируют правители калмыки и их банда, армия и правитель «кызылбашей» страны Хунхар (предположительно Персия), а также вероломные родственники, хитрые старухи, волшебные-фантастические персонажи, которые вынуждают героя идти по пути интриг и борьбы.

По тематике и идеологическому содержанию узбекские народные эпосы можно разделить на следующие типы:

1. Героические эпосы: «Алпамыш», «Ядгар».
2. Романтические эпосы: «Юсуф и Ахмад», «Кунтутмыш», «Равшан», большая часть эпосов цикла «Горогли», Хорезмские эпосы, «Шерали и Эрали», и др.
3. Исторические эпосы: «Эдигей», «Шайбанихан», «Тулумбий» и др.

Самым популярным узбекским народным героическим эпосом является «Алпамыш».

«Алпамыш» — узбекский народный героический эпос.

Эпос «Алпамыш» создавался на фоне вечной борьбы добра со злом, характерной для многих мировых героических эпосов, и торжества в нем добра. Борьба в эпосе изображена между добром в образе героя, борющегося за единство разделенного народа, и злом в виде противников героя. Произведение восходит к эпохе патриархальных племен, в которых наблюдаются ранние проявления угасания первобытнообщинного строя.

«Алпамыш» — это также соцветие героических эпосов тюркских народов. Вариантов эпоса, спетых и записанных узбекскими бахши, насчитывалось более 40. Из этих вариантов наиболее художественно совершенной признан вариант, записанный фольклороведом Махмудом Зарифовым в 1928 году у бахши Фазила Юлдаш угли. Эпос несколько раз публиковался с сокращениями. Фольклореды Ходи Зарипов и Тура Мирзаев подготовили полное издание этого литературного памятника и опубликовали его в 1998 году [3, с. 400].

Эпос «Алпамыш» с древнейших времен на протяжении веков, переходя из уст в уста, от предков к поколению обретал духовное и физическое совершенство, ведя людей к добру и миру. Во всех своих аспектах этот эпос столь же велик, как мировые эпосы «Одиссея», «Илиада», «Манас», «Махабхарат», «Песнь о Нибелунгах», «Китаби деде Коркут».

Образ Алпамыша есть не только в узбекском народном устном творчестве, но и у других тюркских народов, он также существует в различных формах (сказках, легендах) у народов соседствующих с узбеками, у таджиков и в фольклоре местных арабов. Варианты этого образа пережили эволюционное развитие в героических эпосах тюркских народов. В частности, существуют интерпретации таких образов, как Алпомис у казахов, у татар, башкир, и алтайцев, Алп Бамси у огузов и у венгров.

Хотя прошла тысяча лет с момента сотворения вариантов узбекского эпоса «Алпамыш» в его нынешнем виде, однако его первоначальный архаичный сюжет намного древнее. Последняя редакция великого греческого эпоса «Одиссея» датируется 600 годом до н. э. Академик В. Жирмунский считал, что «в греческом эпосе «Одиссей» сюжет возвращения героя Одиссея связан с сюжетом среднеазиатского «Алпамыша». Особенно конгиратская версия, настолько близка, что было бы некорректно сводить их к случайному совпадению: «Алпамыш» и «Одиссей» уходят своими корнями в древнейший сюжет восточной сказки. Основываясь на «Одиссее», соотношение истории появления эпизода «возвращения мужа», в восточной версии по крайней мере можно дать к 7 веку до нашей эры [6, с. 333]. По большой вероятности, огузские племена, населявшие в древности районы нижнего течения Сырдарьи, хорошо знали «продедовский сюжет» Алпамыша. В результате похода кыпчакских племен на Запад и переход огузских племен на Кавказ, Малую Азию, Европу «продедовский сюжет» Алпамыша (Алп Бамси) также появился в тех местах и позже дал начало эпосу «Бамси Байрак» входящий в «Китаби деде Коркут». В Малой Азии образ Алпамыша также перешел в народные сказки Анатолии. Интересно, что эпос, связанный с образом Алпамыша, присутствует и у современных венгров. Эпический герой Атилла в произведении имеет второе имя Алмуш (Алпмуш). Сюжеты об Алпамыше не сохранились в современном туркменском фольклоре, ранее бытовавшие среди угузов, причиной тому может быть появление былин о другом эпическом герое — Гороглы, и тот факт, что Гороглы обретает невероятную известность в народе.

Краткое содержание эпоса «Алпамыш».

Алпамыш и Барчин обречены с колыбели. Отцы их, братья Байбури и Байсары, знатные беки «шестнадцатиколленного племени Конгират», долго были бездетными, пока не вымолили себе у бога детей. У Байсары родилась дочь, у Байбури — двойня: сын и дочь. Поссорившись со своим братом, Байсары откочевал в страну калмыков. Здесь в красавицу Барчин влюбляются богатыри калмыцкого шаха Тайча-хана. Чтобы избежать насильственного брака с ненавистными ей женихами, Барчин объявляет, что отдаст свою руку тому, кто выйдет победителем из четырех состязаний. Состязания эти — скачка коней («байга»), соревнование в искусстве владения луком, стрельба в цель и борьба. Барчин тайне надеется, что победителем окажется ее нареченный — Алпамыш, сын Байбури, за которым она отправляет послов на родину. Помощником Алпамыша в этом трудном сватовстве является один из калмыцких богатырей — Караджан, который из соперника и врага становится другом героя Алпамыша. Караджан на коне Алпамыша Байчибаре обгоняет всех его противников, несмотря

на коварство калмыков, которые связывают своего соперника и калечат его коня, вбивая ему в копыта гвозди. Впоследствии Барчин твердыми зубами выдергивает гвозди из копыт Байчибара. Караджан вступает в единоборство с калмыцкими богатырями, после чего Алпамыш завершает победу, поборов самого сильного из них — Кокальдаша [4]. Вместе с Барчин, ставшей женой Алпамыша, победители возвращаются в Конгират. В стране калмыков остается только Байсары, который все еще не хочет помириться со своим старшим братом.

Во второй части поэмы Алпамыш, узнав о притеснениях, чинимых его тестю Тайча-ханом, снова отправляется в страну калмыков и по неосмотрительности попадает в плен к своим коварным врагам. Семь лет он проводит в зиндане (подземной темнице) калмыцкого шаха. Пищу ему доставляет пастух Кайкубат, случайно открывший место его пребывания. Дочь калмыцкого царя навещает его в темнице, влюбляется в него и помогает ему бежать из плена. Освобожденный Алпамыш побеждает Тайча-хана, убивает его и сажает на его престол пастуха Кайкубата.

Во время семилетнего отсутствия Алпамыша главою племени Конгират становится его младший брат, сын рабыни Улантаз. Новый властитель жестоко угнетает народ, бесчестит старого отца Алпамыша Байбури и преследует его малолетнего сына Ядгара, а Барчин принуждает выйти за него замуж. Алпамыш, поменявшись одеждой со своим старым рабом, табунщиком Култаем, неузнанный, приходит на свадебный пир Улантаза, освобождает жену и близких и убивает насильника.

Поэма заканчивается возвращением на родину добровольного изгнанника Байсары и воссоединением распавшегося народа Конгират под властью героя Алпамыша.

Алпамыш демонстрирует огромную богатырскую силу, которая проявляется в семь лет. К семи годам Алпамыш, стрелой из лука, который остался в наследство от своего деда Альпинбия, стерел (сорвал) вершину горы Аскар. После этого народ начинает называть его Алпамышом (герой как гора Альп. — Э. М.). Этот образ вызывает у слушателя эпоса уважение к герою, уверенность в его силах. Возлюбленная Алпамыша — Барчин тоже, как и герой, богатырского телосложения. Она в любой момент готова воевать за честь и защиту своего народа. Барчин в стычке поборола калмыцкого богатыря Кокамана, который хотел овладеть ею.

Образ боевых девушек присутствует и в эпосах других народов мира. В греческом фольклоре в сказаниях об амазонках, в истории Зигфрида и Брунгильды, в «Песне о Нибелунгах» германцев, в киргизском эпосе «Манас», в огузском эпосе «Бамси Байрак». В древнем прошлом в Центральной Азии девушки нередко увлекались борьбой. Греческий историк Клавдий Элиан (конец 2-го — начало 3-го века) описывает церемонию бракосочетания народа сак (скифы). Согласно существующему обычаю, чтобы создать семью будущие муж и жена должны были помериться силами — побороться. Тот, кто победит, будет доминировать в семье, побежденный будет подчинен победителю [7, с. 93].

Греческие историки, такие как Диодор, Курций Руф, Плутарх, Юстин, сообщают о встрече Александра Македонского с царицей амазонок, живших на берегах реки Фермадонта вблизи Каспийского моря. Согласно историческим данным, женщины скифов не отставали от мужчин в храбрости, если их мужчины создали государства Парфия и Бактрия, то сами женщины создали государство Амазонок. Историк Диодор в своем труде «Историческая библиотека» писал, что «амазонки начали покорять не только Азию, но и Европу» [5, с. 108].

Кроме любимой девушки самым близким другом героя считался его боевой конь. У древних народов Центральной Азии лошадь прославилась как тотемное животное вроде волка. Считалось, что лошадь — спутник человека, близкая к нему по положению, появилась в тот же день, что и человек. Известно, что гунны очень любили и ценили лошадей. Когда умирал почтенный из гуннов, его лошадь также хоронили вместе с умершим. Кости лошади вместе с человеческим скелетом были обнаружены в гробницах, относящихся к древнетюркскому периоду, во время раскопок в Центральной Азии. Такой обычай был особенно распространен у скифов 8–7 веков до нашей эры.

По этой причине в узбекских эпосах образ коня стоит в центре событий наряду с главным героем, становясь самым уверенным и близким спутником героя. В эпосе «Алпамыш» много места уделено Бойчибору — боевому скакуну Алпамыша. Это неспроста. Почти во всех узбекских народных эпосах существуют ближайший спутник, друг героя конь-партнер. Во всех эпосах посвященные еще одному эпическому герою Гороглы лошадь является спутницей героя с детства. Как и Алпамыш, Гороглы выезжает на одной лошади по кличке Гирот (Гиркук) во все поездки, потому что жизнь бо-

гатыря должен быть надежно защищен от опасности. Такая задача не под силу другой лошади. Скакун героя является самым быстрым, сильным и надежным среди лошадей. Физически зрелый, чело-векоподобный, наряду с тем, этот аргамак, может отличать друга от врага.

Конь Алпамыша Бойчибор — не только скакун, но и прирожденный охранник владельца в истинном смысле этого слова. После тщательного наблюдения за лошадьми соперников-калмыцких богатырей, он убеждается в своем превосходстве, и только тогда он улыбается владельцу. Вес хозяина лошади совсем нелёгкий. Сам по себе Алпамыш своим тяжелым весом может покалечить любую лошадь, но конь Алпамыша без проблем носит своего хозяина. Огромная грудь Бойчибора наводит ужас на окружающих.

Бедствие хозяина — несчастье Бойчибора. Как только Алпамыша заперли в подземелье, его лошадь овладевает затмение. Бойчибор, посчитавший хозяина мертвым, душевно ломается. Враги воспользовавшись этим сковали железом его ноги и шею. Пока Алпамыш не освободился из темницы, Бойчибор также мучился в неволе в течение семи лет. По идее эпоса, Бойчибор в любой момент мог избавиться от страданий и достичь свободы, разорвав цепи, которые его держали. Горе, однако, обездвигивает его, и лошадь соглашается с вердиктом бедствия. Только по запаху одежды хозяина он узнает, что Алпамыш жив, и бежит к хозяину, разорвав цепи. Удлинив хвост в сорок метров, Бойчибор вытаскивает Алпамыша из ямы. Из этого следует, что как будто жизнь Бойчибора не имела для него самого никакого значения, оказалось, что его судьба напрямую зависела от деятельности Алпамыша. Бойчибор воссоединяется с Алпамышем после его путешествия по Калмыцкой земле и до его возвращения на родину. Самым верным и надежным другом для Алпамыша в этой поездке был Бойчибор. Он делился своими радостями и горестями, воссоединился с судьбой своего хозяина.

Узбекские народные эпосы созданы в основном не для чтения и пересказа, а для пения и прослушивания, а это значит, что влияние сюжетных событий будет зависеть, помимо от текста произведения, от профессионального исполнения бахши, джирчи, джиров, акин (самодетельный певец и сказитель у узбеков с разными вариантами названий), мировоззрения, интерпретации произведения. Стихосложение узбекских народных эпосов создаются ни как узбекские классические эпосы вроде «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» Алишера Навои (15 век). Письменные классические эпосы, созданы строгой арабской метрической системой — Аруз. Аруз имеет вантитативную систему стихосложения, основанная на чередовании долгих и кратких слогов. Произведения типа «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» появляются на свет в традициях арабских, персидских произведений, под влиянием религиозно-мистических интерпретаций. Многие такие эпосы приобретают как переносное значение, так и реальный смысл. Кроме того, письменные эпосы, согласно традиции начинаются с хвалы Аллаха, затем идет глава где восхваляется пророк Мухаммед, следующая глава должна быть посвящена сподвижникам пророка. В таких эпосах описанная любовь героинь-парня и девушки толкуются как платонической, суфийской, поэтому эпос обычно кончается трагично, влюбленные трагически погибают.

Узбекский народный эпос в отличие от классических узбекских эпических произведений написанные авторами создан системой поэзии — бармак. Эта метрическая система представляет из себя народный силлабический род стихосложения, основанный на равном количестве слогов в каждой стихотворной строке — вне зависимости от ударений и стоп. Он более проще и ближе к народному творчеству. В узбекских народных эпосах арабские и персидские слова встречаются редко, в них есть простые, иногда игривые предложения, жаргоны, типичные для живого народного языка. Кроме того, чем более древние корни имеют народные эпосы, чем более архаичные понятия и предложения, чем более древние концепции преобладают, символичным становится влияние исламской религии. Деятельность фольклорных героев не всегда соответствуют обязательствам шариата, канонам ислама. В эпосах, которые являются продуктом народного устного творчества, отражение доисламских, языческих обычаев и представлений указывает на то, что народные эпосы намного древнее классических эпосов письменной литературы.

Среди поэтического текста в узбекских народных эпосах также цитируются прозаические отрывки, которые обычно бахши (исполнители) используют в качестве связующего звена между главными событиями сюжета. В прозаических отрывках часто используется садж — форма рифмованной прозы. Она приятна на слух и легко запоминается. Поэтическая часть эпоса описывает основное содержание

ние произведения, разговоры героев, внешние портреты их образов. Основой произведения является поэтическая часть, бахши все свое мастерство в исполнении проявляет этой самой лирической части.

Узбекский народный эпос — продукт народной художественной мысли, с повествовательным сюжетом и разнообразием деталей. Отражает в себе героическую историю, мечты и чаяния узбекского народа, богат сочным языком и яркостью монументальных художественных образов, веками отшлифованных мастерами слова, превозносящие способы выражения и поэтические элементы.

Список использованных источников и литературы

1. Абдуллаев Х. Халқ дostonлари ва уларнинг вариантлари. — Т., 1984.
2. Абдурахмонов А. Туркий халқлар оғзаки ижоди. — Т., 2004.
3. Алпомиш: Ўзбек халқ қаҳрамонлик дostonи // Айтувчи: Фозил Йўлдош ўғли, ёзиб олувчи: М. Зарифов. — Т.: Шарқ, 1998. — 400 б.
4. Алпамыш. Краткое содержание эпоса. URL: https://briefly.ru/_/alpamysh/
5. Диодор. Историческая библиотека. Часть седьмая, В. — СПб.: ИМПАН, 1774, 109. — С. 108.
6. Жирмунский В. Тюркский героический эпос. — Л.: Наука, 1974.
7. Элиан. Пестрые рассказы. — М.; Л., 1963. — С. 93.
8. Russell R., 1993. The Pursuit of Urdu Literature: A Select History. Palgrave Macmillan, Original from the University of Michigan. P. 85. ISBN 1-85649-029-7, ISBN 978-1-85649-029-0.

Сведения об авторе: Мусурманов Эркин Раббимович, доктор филологических наук, директор Научно-исследовательского центра культурного и литературного наследия народов Великого шелкового пути Самаркандского государственного университета, профессор Самаркандского международного технологического университета, г. Самарканд, Узбекистан, e-mail: alper25@mail.ru

УДК 82-343 (571.151)

Е. И. Балакина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ДУХОВНЫЙ КАМЕРТОН РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

E. I. Balakina

Altai State University (Barnaul, Russia)

TRADITIONAL VALUES IN THE EPIC HERITAGE OF THE PEOPLES OF CENTRAL ASIA AS A SPIRITUAL TUNING FORK OF CULTURAL DEVELOPMENT AT THE TURN OF THE MILLENNIUM

Культурное пространство Центральной Азии включает традиционный опыт и инновационные поиски множества этносов, национальных культур, большого комплекса полиэтнических и многоконфессиональных государств: России, Монголии, Казахстана, Китая, Кыргызстана

и других. Каждое из них представляет сложнейшую живую систему духовных констант, национальных форм развития внутрикультурной жизни и межкультурных отношений, имеет свою великую историю и богатейшее, охраняемое веками культурное наследие. Их опыт исследуется уже на протяжении многих столетий в разных аспектах и разных масштабах, составляя основу самоопределения народов и выбора собственного пути.

«В истории у тюркских народов есть много общего: они принадлежат к одной этногенетической и этнолингвистической семье, к одной исламской конфессиональной общине, имеют общие духовные ценности. На протяжении многих веков они жили в непосредственном соприкосновении друг с другом. Сходство культурных традиций, языков, обычаев является сближающей основой многих сторон устного поэтического творчества тюркских народов»²⁵.

Исследование культуры само по себе представляет сложную задачу ввиду многосоставности, неравномерности и динамичности самого объекта. Исследование культурных (в частности — эпических) традиций региона Центральной Азии требует построения особой стратегии и методологии:

«Существенно смысловое ядро регионалистики и культурологии, которое определяет стратегию их постижения. Это понимание антропологических истоков регионализма, его интегративной функции выражения фундаментальных свойств человеческой природы. Они скрыты в двуединстве человека как индивидуального и социального существа. История человека слагалась в конкретных региональных пространствах и представляла собой становление, развитие и смену таких инвариантов жизнедеятельности как автономизация и интеграция. Чем больше усложняется культурно-цивилизационная деятельность человека, тем настоятельнее она требует обособления в пределах единства»²⁶.

Стратегической задачей культурологического исследования эпического наследия русского и тюркских народов Центральной Азии стало выявление исходных универсальных духовных архетипов в их эпических текстах и мировоззренческих моделях.

Сегодня, на сломе тысячелетий, в смелых экспериментах с культурными традициями человечество подошло к такой грани, когда фундаментальные вопросы исторических перспектив человечества поставлены под большое сомнение. Мышление в категориях жизненного практицизма привело народы мира на грань Бытия, в точку главного экзистенциального выбора.

Об этой опасности в русской культуре предупреждала древняя легенда «Песен Птицы Гамаюн» о битве Правды и Кривды за сферы влияния в мире: «Так сходились силы грозные, бились яростно Правда с Кривдою. Одолеть Кривда Правду хотела, но — Правда Кривду все ж переспорила. Полетела Правда на небеса к самому небесному Пращуру. Оставалась Кривда на Сырой Земле». В русской культуре есть выражение «жить по правде» — то есть поступать в соответствии с высшими небесными божественными законами. Путь земного практицизма, удовлетворения одних лишь земных низших потребностей человека — путь Кривды, ложный путь, влекущий за собой тяжелые последствия.

В процессах национального культурного самоопределения эпическое наследие, как исходное информационное поле духовно-эстетических кодов этноса, играет особую роль. На его фундаментальное значение в поворотных точках развития национальных культур указывают многие исследователи, в числе которых В. И. Абаев, Т. А. Бакчиев, Е. М. Мелетинский, Л. М. Мосолова, Б. Н. Путилов, Ш. Х. Салакая, С. С. Суразаков, Ф. И. Урманче, Н. В. Кумскова: «Формирование человеческого и национального сознания проходит через определение своих корней, принадлежности к некоторому обществу людей, специфичному в мироощущении, жизненном укладе, традициях»²⁷.

Актуальность научных исследований эпического наследия — и эпических памятников народов Центральной Азии, и эпического жанра других народов мира, — напрямую связана с решением вопросов культурного наследования, сохранения духовных истоков и поиска национальных форм культурной самоидентичности в периоды исторических преобразований:

«Героический эпос занимает среди фольклорных жанров особое место. Больше, чем любой другой жанр, он связан с историческими судьбами народов, и в нем ярче, чем в любом другом жанре,

²⁵ Сулейменов А. Общность культурных ценностей тюркских народов (2021). URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32529/> (дата обращения: 19.07.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ Кумскова Н. В. Эпическая традиция как социально-этическая проблема: дисс. ... канд. наук по спец. 09.00.11. Социальная философия. Бишкек, 1996. 146 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/epicheskaya-traditsiya-kak-sotsialno-eticheskaya-problema> (дата обращения: 24.04.2023).

выражается национальное самосознание народа. Содержанием героического эпоса является всегда борьба, притом борьба, имеющая не личное, а общественное и национальное значение. В борьбе выковываются герои, и, естественно, что всякий героический эпос есть своего рода кодекс героизма, как он вырабатывался у народа в процессе его реальной исторической борьбы с враждебными силами, силами природы или общества»²⁸.

В этой связи совершенно логично, что в период очередного духовного и социально-исторического самоопределения русского и тюркских народов Центральной Азии, в эпоху коренного переосмысления места и значения в этих процессах традиционных духовных ценностей каждой из этнонациональных культур, в современном содружестве евразийских народов набирают силу исследования их сакральных истоков, осознание *корней* их современных духовных традиций; в философских и культурологических исследованиях расширяется интерес к постижению *сущности* современных явлений посредством реконструкции древнейших ступеней культуры²⁹.

Древние культуры по праву считаются хранилищем жизненной мудрости. На раннем этапе согласования себя с миром человеческое сердце было открыто его интуитивному духовному восприятию. Оно чутко реагировало на самые тонкие воздействия среды и оставляло для грядущих поколений знаки и правила. В связи с этим в каждой культуре наследию древности во все времена придавалось серьезное значение.

В сложной динамике многовекового исторического саморазвития эпическое наследие русского и тюркских народов Центральной Азии переживало разные периоды, раскачивающие маятник ценностного отношения к этой духовной матрице человечества от прямых столкновений до холодного равнодушия и священного благоговения.

Эпическое наследие формировалось с древних времен, по-разному проявляя себя в русской и тюркской национальных традициях. Из сплетения и взаимодействия отдельных образов, сюжетов или мотивов, изложенных в особом порядке, постепенно вызревали условные символические образы, выражавшие главные духовные установки и ценности народной культуры.

«Каждый народ на определенной ступени своего исторического развития создает бесценные сокровища национальной культуры — эпические сказания, в которых поэтически отражается трудный и величавый путь становления народа, воплощается народное сознание и мироощущение. Эти сказания складываются и развиваются в течение долгого времени, нескольких веков или даже тысячелетий. И поскольку исторические судьбы народов различны, существенно отличаются и судьбы национальных эпических сказаний». Древний народный эпос ценен тем, что в нем сохраняется особая «коллективная» индивидуальность, увековеченная сакральным словом сказителя»³⁰.

На высокие исходные духовные установки кыргызского народа обращает внимание в своей диссертации Н. В. Кумскова: «Кыргызы — высоко духовная и нравственная нация. Нравственные ориентиры народа были оформлены еще родовыми общинами, запечатлены в эпосе и пронесены через века, благодаря силе эпической художественной традиции. Нравственность кыргызов основана на глубоком уважении старших, культе рода, предков, родовых кладбищ»³¹.

Подобные указания на издревле заложенные в культурной традиции сакральные ценности есть у каждого народа, и ведут они свой отсчет из самых глубин древней культуры, когда связь человека с миром строилась не на экономических основах и на философии потребления, а на чувствознании как особом способе глубокого духовного постижения сакральной природы высших законов мироустройства.

В исследованиях традиционного мировоззрения алтайцев авторы также отмечают их одухотворенное отношение к миру посредством сакрализации природных комплексов: «Алтайцы, как и многие другие народы, сохранили особое отношение к горным вершинам, перевалам, рекам, озерам, це-

²⁸ Абаев В. И. Проблемы нартского эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19–20 октября 1956 года / ред. В. И. Абаев, Г. З. Калоев, В. И. Чичеров. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. С. 22–23.

²⁹ См. Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства; Большакова А. Ю. Имя и архетип: о сущности словесного творчества; Борко Т. И. Мифо-ритуальные истоки искусства (от тождества к имитации); Полубояров Д. И. Этническая картина мира как основа формирования ментального кода; Ромм В. В. Танец и секреты древнейших цивилизаций и др.

³⁰ Старостин В. Русь богатырская. Былинные сказания. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 4.

³¹ Кумскова Н. В. Эпическая традиция как социально-этическая проблема: автореф. дисс. ... канд. филос. наук по спец. 09.00.11. «Социальная философия». Бишкек, 1996. 146 с. URL: <https://www.disscat.com/content/epicheskaya-traditsiya-kak-sotsialno-eticheskaya-problema> (дата обращения: 24.07.2022).

лебным источникам и другим природным комплексам, называя их священными. Надеясь данные природные комплексы духами-хозяевами, делая подношения в виде жертвенных ленточек и камней, алтайцы спрашивают у них хорошей дороги, переправы, охоты и выздоровления»³².

На гармоничный характер духовных установок казахского народа указывается в диссертации А. Е. Асанбаевой: «Смысловым содержанием казахского фольклора выступают представления об идеальном, гармоничном мироустройстве, экстраполирующимся на кочевой быт. Такая смысловая направленность на мир была определена самим кочевым образом жизни казахов, когда он волей-неволей жил в тесном единстве с природой»³³.

Все эти отмеченные факты свидетельствуют о том, что и русская, и тюркские культуры в период своего становления изначально обладали системой ценностей, направленной на соблюдение законов высшего мира и сакрализацию явлений мира земного. Эти ценности настойчиво и неизменно передавались из поколения в поколение как залог жизненной крепости, здоровья и отдельного человека, и народа в целом, в частности, и эпических повествований, побуждающих свой народ высотой и благородством образов к неустанному совершенствованию.

Сакрализация и священные образы небесных светил и высших космических законов жизни на земле встречается у всех народов мира. Представители разных этнических групп живут в системе одних и тех же природных и космических сил, замечают периодичность дня и ночи, календарных процессов и иных повторяющихся чередований в космической системе, природе, судьбе рода и собственной жизни. Неслучайно графические символы, выражающие отношения человека и высших сил духовной Вселенной, часто имеют заметное сходство у разных этносов. Похожие внешне, они могут отличаться в деталях, что связано со спецификой характера, темперамента и жизненных сил разных культур.

«Сходство между произведениями героического эпоса у разных народов не ограничивается внешним совпадением тех или иных элементов повествования, которые обычно в первую очередь обращали на себя внимание исследователей-компаративистов. Оно имеет гораздо более глубокий и всесторонний характер и охватывает общие жанровые признаки эпоса, его идейное содержание, круг эпических мотивов и сюжетов, идеализирующих воинские подвиги народных героев, типы действующих лиц и ситуации действия, жанровую структуру и ее эволюцию, особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, постоянными «украшающими» эпитетами или сравнениями, наконец условия общественного бытования эпических песен, их сложения, исполнения и устной передачи, социальное положение родового, дружинного или народного певца, профессионального или полупрофессионального сказителя»³⁴.

Академик В. С. Стёпин, почетный директор Института философии РАН, в 2012 году обращался к миру с размышлениями о преодолении культурно-антропологического кризиса: «Сегодня можно констатировать, что современная цивилизация находится на переломном этапе своего развития. В общем-то, эта мысль не нова. Ее давно уже обсуждают историки, философы, социологи. Почти очевидно, что нужно менять стратегию развития, поскольку человечеству угрожает обострение глобальных кризисов. Но возникает вопрос: что означает изменение стратегии развития? Обычно, отвечая на него, говорят об изменении целей. Но за каждым набором целей стоят ценности. Ценности санкционируют тот или иной тип деятельности и присущие ему цели. И тогда вопрос о стратегии развития современной цивилизации трансформируется в проблему ценностей и их изменений»³⁵.

О фундаментальном значении ценностей, особенностей духовного мира человека задолго до этого с тревогой писал румынский философ Мирча Элиаде в работе «Священное и мирское»: «Следует подчеркнуть, что мирское восприятие действительности мира во всей его полноте, целиком лишенный священных свойств Космос — это совсем недавнее открытие человеческого разума. Мы не стре-

³² Екеева Э. В., Белекова Э. А. Культурная атрибутика в традиционном мировоззрении алтайцев. — Горно-Алтайск, 2018. С. 44.

³³ Асанбаева А. Е. Историческая преемственность в духовной культуре казахского общества XV–XVIII вв.: теоретико-методологические проблемы: дисс. ... канд. ист. н. по спец.-ти 07.00.09 — Историография, источниковедение, методы исторического исследования. Алматы, 2010. С. 76.

³⁴ Жирмунский В. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1962. С. 12.

³⁵ Стёпин В. С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Экология Мышления. 2016. № 9. URL: <http://ecologyofthinking.ru/ekologiya-myishleniya/trans-i-nauka/4504.html> (дата обращения 23.10.2022).

мимся показать, какими историческими путями, в результате каких изменений духовного мира современный человек лишился священного своего мира и принял светское существование. Достаточно лишь отметить, что эта утрата священности характеризует весь опыт нерелигиозного человека в современных обществах и что вследствие этого современный человек ощущает все более серьезные затруднения в понимании масштабов бытия...»³⁶.

Утрата священности лишает мир высоты и объема. Он словно мельчает, и одновременно в нем мельчает все: и природа, и возможности человека, и сам человек, и его ценности. Об этом сто лет назад образно и выразительно писал Ф. Ницше в работе «Так говорил Заратустра». Еще раньше об этой же опасности устами главного героя пьесы «Дядя Ваня» А. П. Чехов выражает состояние собственной тревоги за современного ему человека, измельчание целей, ценностей, смысла жизни: «Мы имеем дело с вырождением вследствие непосильной борьбы за существование. Это вырождение от косности, от невежества, от полнейшего отсутствия самосознания, когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, инстинктивно, бессознательно хватается за все, чем только можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне».

На духовную значимость эпических традиций обращает внимание Е. М. Мелетинский: «Памятники героического эпоса составляют ценнейшую часть культурного наследия и предмет национальной гордости народов»³⁷.

Сходная научная позиция о важности восстановления национальных духовных корней прослеживается в исследовании Н. В. Кумсковой: «Современная эпоха характерна коренным переломом в социальной организации общества, глубокими сдвигами в общественном сознании, научных и художественных воззрениях на мир. Происходящие изменения выявили особую значимость традиции: она обеспечивает связь между прошлым и будущим, вносит стабильность и гармонию в общественные отношения. Стремление к устойчивости характерно для всех систем, но для социальной системы в современном сложном мире традиция обретает чрезвычайную актуальность. Именно она гарантирует духовную общность человеческого мира, единство поколений людей»³⁸.

Социальная политика подтвердила опасность отказа от традиции и его негативные последствия. Ломка стереотипов, деформация устоявшихся связей и отношений не проходят бесследно для общества. Знание закономерностей эволюции традиции помогает осознать общественно значимые ценности, выбрать наиболее оптимальный эволюционный путь социальной системы.

Современная ситуация тотального противостояния двух начал в мире достигла своего почти предельного максимума. Ключевое значение здесь имеет слово «почти». «Почти» — это значит, что у человечества на Земле еще остается надежда на позитивное разрешение глубинных противоречий, но это же «почти» означает, что начинать нужно было уже «позавчера», и что в связи с этим сегодня нам требуется столь же предельное напряжение всех сил, объединение всех форм духовного, интеллектуального и художественного опыта, чтобы на их основе выстроить единый межкультурный «Космос смыслов отдельных структурных элементов», открывающий для культуры (в виде стран, народов, национальных образований, корпоративных объединений и т. п.) пути взаимного понимания и Сотрудничества (в высшем, сакральном смысле этого слова).

Сведения об авторе: Балакина Елена Ивановна, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, кандидат культурологии, г. Барнаул, Россия

³⁶ Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 19–20.

³⁷ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 5.

³⁸ Кумскова Н. В. Эпическая традиция как социально-этическая проблема: автореф. дисс. ... канд. филос. наук по спец. 09.00.11. «Социальная философия». Бишкек, 1996. 146 с. URL: <https://www.disscat.com/content/epicheskaya-traditsiya-kak-sotsialno-eticheskaya-problema> (дата обращения: 24.07.2022).

УДК 81–112

Т. В. Чернышова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ЛЕКСИКА ПРОМЫСЛОВ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОГО АЛТАЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ БАЗОВОГО СУБКОНЦЕПТА «ТРУД» РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ОЧЕРКА Г. Н. ПОТАНИНА «ПОЛГОДА В АЛТАЕ»)

Аннотация. В данной статье на материале очерка «Полгода в Алтае», написанного русским ученым и общественным деятелем XIX в. Г. Н. Потаниным, произведена реконструкция некоторых базовых концептов языковой картины мира первых поселенцев Южного Алтая. Результатом исследования явилась разработка структуры ключевого концепта «АЛТАЙ», одной из важных составляющих которой является субконцепт «труд», реализуемый через значительную совокупность лексических единиц, преимущественно диалектных, аккумулирующих в себе знание о жизненно важных промыслах первых поселенцев Южного Алтая.

Ключевые слова: Г. Н. Потанин, первые поселенцы Южного Алтая, базовые лингвокультурные концепты, субконцепт «труд», субконцепт «промыслы», диалектная (региональная) лексика.

T. V. Chernyshova

Altai State University (Barnaul, Russia)

THE VOCABULARY OF THE CRAFTS OF THE FIRST SETTLERS OF SOUTHERN ALTAI AS THE IMPLEMENTATION OF THE BASIC SUB-CONCEPT «LABOR» OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD (RECONSTRUCTION BASED ON G. N. POTANIN'S ESSAY «SIX MONTHS IN ALTAI»)

Abstract. In this article, based on the essay «Six months in Altai» by G. N. Potanin, Russian scientist and public figure of the 19th century, were reconstructed some basic concepts of the linguistic picture of the world of the first settlers of Southern Altai. The result of the study was the development of the structure of the key concept «ALTAI», one of the important components of which is the sub-concept «labor», implemented through a significant set of lexical units, mainly dialectal, accumulating knowledge about the vital trades of the first settlers of Southern Altai.

Keywords: G. N. Potanin, the first settlers of Southern Altai, basic linguacultural concepts, sub-concept «labor», sub-concept «trades», dialect (regional) vocabulary.

Исследователи, работающие в русле культурно-семиотической теории актуализации концептов, рассматривают «концепт как совокупность культурно-значимых смыслов, представлений, идей», которые реализуются в «синхронно-диахронных текстах культуры: в обычаях, обрядах, верованиях, культурных «предметах», в слове (по преимуществу диалектном), в фольклорных и художественных текстах... научная рефлексия связывает воедино естественный язык, обряды, народную духовную и материальную культуру, используя для их описания один метаязык — язык лингвистики» ... [1, с. 37]. **Объектами изучения при таком подходе является слово и фразеологические единицы, «призванных зафиксировать информацию, имеющую культурную ценность..., а также генерализованные высказывания (поговорки, пословицы, поговорки) и фольклорные тексты, фиксирующие особенности жизненного уклада, народной аксиологии, воспитания, обучения и т. д.»** (выделено нами. — Т. Ч.) [1, с. 37–38].

Интересным источником для изучения национальных традиций, быта, фольклора, верований, религии и идеологии первопроходцев, заселявших территорию нынешнего Алтая, являются путевые записки и статьи русского географа, этнографа, фольклориста, биолога и общественного деятеля XIX в. Г. Н. Потанина.

Г. Н. Потанин³⁹

Труды Г. Н. Потанина неоднократно привлекали к себе внимание историков, музеологов, фольклористов, географов, литературоведов (см. например, исследования [2, 3, 4, и др.]). Представляется, что для русского населения нынешнего Алтая материалы Г. Н. Потанина имеют важное значение, поскольку на их основе можно составить **языковую картину мира жителей этого региона середины и конца XIX в. и на ее основе получить достаточно полное представление об истории заселения края, особенностях быта, традициях и ремеслах его жителей, их культуре и верованиях.**

Остановимся на некоторых базовых концептах русской языковой картины мира первых поселенцев Южного Алтая, реконструированных на основе очерка Г. Н. Потанина «Полгода в Алтае» [5]. Очерк был опубликован в сентябре 1859⁴⁰ и, по замечанию Т. П. Шастиной, был первым локальным исследованием путешественника, содержащим «описание физико-географических особенностей южной части Томской губернии и этнографическое описание жителей собственно высокогорья — канских и каракольских калмыков (алтайцев) и жителей низкогорья — русских поселенцев...» [3].

На основе представленного в очерке описания (природы, людей, с которыми автор участвует в совместной трудовой деятельности, их быта, промыслов, семейного уклада, взаимоотношений с «жителями собственно высокогорья», на основании записанных автором рассказов первых поселенцев) через **систему субконцептов** в исследовании моделируется **структура ключевого концепта**⁴¹ «АЛТАЙ», который на основе совокупности ключевых слов, ассоциированных с каждым концептом, создает культурно-семиотический код, по мнению исследователей, «в концентрированном виде фиксирующий и транслирующий содержание ценностей и смыслов. Код культуры определяется как «ключ к расшифровке глубинных культурных явлений, стереотипов поведения и ценностей» [8, с. 122].

В структуру ключевого концепта «АЛТАЙ» входит следующая совокупность субконцептов, выделенных на основе анализируемого текста (см. рис. 1) «**рельеф**» (с субконцептами «равнина», «возвышенности», «водные источники» и т.д.); «**природа**» (с субконцептами «растительность», «животные», «птицы», «насекомые»), «**люди**» (которые в свою очередь конструируются **субконцептами**

³⁹ Фотография Г. Н. Потанина взята с сайта Томского областного отделения Всероссийской общественной организации РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/etnografu-potaniu-grigoriyu-nikolaevichu-185-let>

⁴⁰ Очерк в современной обработке опубликован в издании «Образ Алтая в русской литературе» [6, с. 35-92].

⁴¹ Под ключевым концептом исследователи понимают «общекультурное знаковое понятие, особенно важное для отдельно взятой общности» [7, с. 244]. В данном случае такой общностью, по-видимому, могут быть люди, населявшие данную территорию в XIX в.

«жители собственно высокогорья» (канские и каракольские калмыки, или алтайцы [3]) и «жители низкогорья» (русские поселенцы). Каждый из субконцептов имеет разветвленную структуру, состоящую из множества концептов — «труд», «промыслы», «торговля», «быт», «жилище», «семья», «искусство», «устное творчество» и т.д. «В результате чего получается своего рода сеть расходящихся концептов» [9, с. 123], формирующих через имя концепта **особенности языковой картины мира жителей Алтая**.

Природное и рельефное своеобразие Алтая создает образ суровой, почти не освоенной человеком земли. Красота и величие описываемых мест поражают воображение — особенно привлекает описание «небольшой живописной долины» без названия: как отмечает автор: «Видъ этой безыменной, замкнутой со всѣхъ сторонъ, долины производитъ сильное впечатлѣніе даже и на простолюдиновъ, которымъ особенно нравится развалистое положеніе горъ, обширность панорамы» [5]⁴².

Рис. 1. Реконструкция структуры ключевого концепта «Алтай» (на основе очерка Г.Н. Потанина «Полгода в Алтае»)

Описание природы Алтая предвосхищает знакомство читателя с населяющими его людьми, вынужденными выживать в столь не приспособленных для жизни условиях.

Субконцепт «люди» особенно интересен и формируется за счет **многочисленных субконцептов** как материальной, так и духовной культуры жителей Алтая. Значительным в плане отражения языковой картины мира жителей Алтая является субконцепт «труд», через который подчеркиваются такие черты характера русских переселенцев, как **трудолюбие, самоотверженность, стремление к цели, настойчивость, какого бы вида деятельности это ни касалось: заготовки и вывоза леса, «сидения» дегтя и смолы, сбора горного лука, выращивания ржи и пшеницы, охоты или рыболовства.**

Во второй части очерка на примере семьи «Петра Маркыча», вся семья которого «отличалась необыкновенною силою тѣла и духа», через такие вариации субконцепта «труд», как «соболиный промысел», «лученье» рыбы (способ «поражения спящих рыб железной острогой») и др., актуализируется субконцепт «**промыслы**», реализуемый через значительную совокупность лексических единиц, преимущественно диалектных (региональных) по своей природе.

Одним из популярных был так называемый «**соболиный промысел**», исчезнувший к середине XIX в. Автор с сожалением отмечает победу земледелия над соболеванием: «Нынѣ изъ Чарышской станицы никто не ходитъ соболевать; молодое поколѣніе обратилось къ болѣе спокойному и надежному земледѣлію и скоро типъ соболевщика исчезнетъ въ Алтаѣ. Эти завоеванія «рогаля» {Рогалемъ называется ручка сохи, посредствомъ которой дается направление сошнику. «Взяться за рогаля» значитъ приняться за хлѣбопашество.}, истребляютъ тотъ образъ жизни, который имѣетъ для Сибири такое же значеніе, какъ казачество для южной Россіи; періодъ звѣрованья, теперь нами отживаемый, былъ чѣмъ-то въ родѣ среднихъ вѣковъ для Сибири; нужно было сибирскому народонаселенію

⁴² Здесь и далее авторский текст цитируется по изданию: Потанин Г.Н. Полгода въ Алтаѣ // Русское слово. СПб.: в типографии Рюмина и Комп., 1859. №9, 12. С. 61–134, 245–302. URL: http://az.lib.ru/p/potанин_g_n/text_0020oldorfo.shtml

укрѣпить свой духъ, что совершается всегда путемъ тревожной жизни...Взамѣнъ войны, исторія дала сибиряку звѣроловную жизнь, исполненую подвиговъ, неудачъ, страстей и трудностей» [5, ч. 2].

Субконцепт «**соболиный промысел**» актуализируется через следующее **лексико-семантическое поле** как сложную лексическую микросистему, объединяющую слова по семантическому принципу [10, с. 176], **организованное на основе нескольких тематических групп**, объединяющих слова на основании экстралингвистических параметров — отношения к общей теме. По отношению к субконцепту «соболиный промысел» на основе анализируемого текста можно сформировать следующие тематические группы:

- «обстоятельства промысла»: *период зверованья, звероловная жизнь, путик* (соболиный промысел осенью);
- «время промысла»: *путик* («На соболиный промыселъ отправлялись осенью по-голу, съ Воздвиженья (14-го сентября), на такъ называемый путикъ» [5, ч. 2]);
- «объект промысла»: *соболь*;
- «промысловые орудия»: *кулемник* (инструмент для ловли соболей осенью); *черканы, капканы, плашки, кулемки* (разновидности ловушек), *кулема* (обыкновенная ловушка для соболей), *вери, шестики, давок, накатец* (элементы устройства кулемы);
- «приманка для соболей»: *кошечки-сеноставки* (грызуны) («ловили для животи кошечекъ-сѣноставокъ» [5]);
- «субъект промысла, промысловик»: *соболевщик, зверовщик*;
- «действие по добыче соболя»: *соболевать*;
- «бытовые постройки»: *звероловная избушка; баня по-черному*;
- «хозяйственные постройки»: *сайва* (или *амбар*) (место хранения съестных припасов), *закром для муки*;
- «хозяйская утварь»: *кадушка, квашенка для теста* (как отмечает Г. Н. Потанин, «Утварь звѣролововъ состояла изъ кадушекъ, квашенокъ для тѣста, сита, чугунокъ для щей, сковороды для жаркаго и горшка вмѣсто корчаги, въ которомъ заводили квасъ» [5]).

Кроме соболиного промысла русские поселенцы занимались и другими видами охоты и рыбной ловли. Вот как пишет об этом Г. Н. Потанин: «...здѣсь каждый селянинъ имѣетъ за собой какое-нибудь занятіе, которымъ онъ извѣстенъ въ окрестности; одинъ лучше или болѣе всѣхъ ловить козловъ, профессію другаго составляетъ охота на медвѣдя, третьяго отыскиваніе дикаго меду въ лѣсу» [5, ч. 2].

По замечанию Г. Н. Потанина, «Другое занятіе десятилѣтнихъ горцевъ, въ которомъ также участвовалъ Петръ Петровичъ, было лученье по рѣчкамъ. Осенью нѣсколько мальчиковъ составляютъ артель и отправляются на ближайшія къ селу горныя рѣчки; они дѣлятся попарно, одинъ идетъ берегомъ, неся въ одной рукѣ торбу для собиранія рыбы, а другой рукой поддерживаетъ на спинѣ связку двухъ-аршинныхъ сосновыхъ лучинъ; другой товарищъ его идетъ съ маленькой острожкой и лукомъ зажженныхъ лучинъ впереди его по рѣчкѣ вверхъ, чтобъ вода мутилась сзади, а не спереди, передъ глазами; освѣщая путь свой, онъ смотритъ на дно рѣчки, и увидавъ спящую внизъ хвостомъ рыбу, убиваетъ ее; на ноги, чтобъ не щекотило и не рѣзало голыхъ пятокъ, надѣваются чарки съ опушнями. На этихъ дѣтскихъ забавахъ и приучаются здѣшніе поселяне съ мѣткости при лученіи... Лученье рыбы есть самый интересный, самый увлекательный образъ ловли. Онъ производится въ осеннія ночи, когда вода чиста и рыба глубоко видна на рѣчномъ днѣ; какъ только вода *обрѣжется*, т. е. войдетъ въ настоящіе берега... по рѣкамъ плаваютъ ночью лодки съ горящимъ смольемъ въ жаровняхъ и съ людьми, которые держатъ въ рукахъ желѣзныя остроги, орудіе, которымъ они поражаютъ спящую рыбу» [5, ч. 2].

Субконцепт «**лученьемъ рыбы**» (способ «поражения спящихъ рыбъ железной острогой») также может быть описан на основе нескольких тематических групп лексики:

- «вид ловли рыбы»: *лученье* (по замечанию Г. Н. Потанина, «Названіе этой рыбалки, кажется, происходитъ отъ употребленія огня, т. е. отъ слова *лучъ*. Нѣкоторые не соглашались съ этимъ мнѣніемъ и находятъ болѣе справедливымъ производить глаголь *лучить* отъ глагола *улучать*; но слѣдующія выраженія, которыя я слышалъ въ Алтаѣ, служатъ въ пользу перваго предположенія. Здѣсь спрашиваютъ: «поди съ лучемъ видѣли рыбу-то». Также говорятъ, что пять *лучей*, т. е. пять лодокъ, на одномъ мѣстѣ рыбачили» [5, ч. 2];
- «способ ловли рыбы»: *лучить*;

- «субъект промысла»: *лучельщик*;
- «объект промысла»: *тадьмень, хайрюз, налим, нельма, осетр и стерлядь* (красная рыба), *голь-ян* и *пискан* (пискарь);
- «оборудование, приспособления»: *коза* (нос лодки, на которой раскладывали огонь на железной решетке); *дель* (обыкновенную сетка для ловли рыбы и ограждений), *матня* (невод с мешком); *жерлица* («уда въ три вершка длиною, съ большою зазубриной, на которую наживляется распластанный четвертной хайрюзъ; на нее попадаетъ тальмень» [5, ч. 2];
- «орудие для ловли»: *острога* («пяти-зубая желѣзная уда, насаженная на ратовище, семи аршинъ длины» [5, ч. 2]; *тадьменевка* (для крупной рыбы); *хайрюзовка* (для мелкой рыбы); для ловли тальменя: *морда, сурпа* («корзина, съ четырехугольнымъ устьемъ и съ постепенно суживающимся глухимъ задомъ» [5]);
- «одежда рыбаков»: *бродни* (обувь из сыромятной или вовсе не выделанной кожи, сшитой шерстью внутрь).

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Изложенный в очерке Г. Н. Потанина материал содержит важные сведения, позволяющие найти ключ к языковому коду культуры первых поселенцев Алтая и коренных жителей, достаточно полно через рассказы поселенцев реконструировать **не только материальные аспекты культуры, но и особенности культуры духовной, связанной с такими базовыми концептами культура, как «любовь», «жизнь», «человечность», «духовность», «совесть», «честность»** и др., разработка которых лишь намечена в данном исследовании и требует более глубокого изучения и авторского содержания текста, и записанных автором со слов поселенцев рассказов.

По замечанию С. Г. Воркачева, «культурные концепты — это, прежде всего, ментальные сущности, в которых отражается «дух народа», что определяет их антропоцентричность — ориентированность на духовность, субъективность, социальность и «личную сферу» носителя этнического сознания» [11, с. 5–12].

Список использованных источников и литературы

1. Гладких Ю. Г. Лингвокультурологические теории актуализации концепта // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — Вып. 2 (18). — С. 35–42.
2. Обручев В. А. Г. Н. Потанин. Жизнь и деятельность. — М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1947. — 281 с.
3. Шастина Т. П. Русский Алтай в рецепции Г. Н. Потанина-путешественника. Научная Библиотека Томского государственного университета. URL: http://wiki.lib.tsu.ru/wiki/Русский_Алтай_в_рецепции_Г._Н._Потанина-путешественника
4. Масяйкина Е. В. Мифопоэтика горного сюжета в литературном наследии сибирского областничества: по материалам архивов Г. Н. Потанина и Г. Д. Гребенщикова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых (8 февраля 2019 г.). Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. — Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. — С. 171–177.
5. Потанин Г. Н. Полгода в Алтае // Русское слово. СПб.: в типографии Рюмина и Комп. — 1859. № 9, 12. — С. 61–134, 245–302. URL: http://az.lib.ru/p/potantin_g_n/text_0020oldorfo.shtml
6. Образ Алтая в русской литературе: антология: в 5 т. / Упр. Алтайского края по культуре и архивному делу, Алтайский гос. ун-т; редкол.: А. И. Куяпин (гл. ред.) и др. 1850–1900. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 2012. — Т. 1. — 368 с.
7. Пивовар Е. С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Russian Language Studies. — 2019. — Vol. 17. — С. 243–254.
8. Изотова Н. Н. Культурный код: семиотический аспект // Культура и цивилизация. — 2020. — Том 10. — № 1А. — С. 122–127. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-culture-2020-1/16-izotova.pdf>
9. Минченков А. Г., Горелова А. А. Концепт DISRESPECT и возможности его изучения // Вестник СПбГУ. — Сер. 9. — 2015. — Вып. 2. — С. 122–129.
10. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksiko-semanticheskoe-pole-i-drugie-polya-v-sovremennoy-lingvistike>

11. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. — 2003. — Вып. 24. — С. 5–12.

Сведения об авторе: Чернышова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, и. о. зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: chernyshova@filo.asu.ru

УДК 811.161.1

Ю. В. Трубникова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРА» В АЛТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта «гора» как одного из природных концептов и компонентов алтайской лингвокультуры, репрезентированного в алтайских сказках разных жанров. Выделены репрезентативы концепта, выявляются основные его смыслы. Доказывается, что концепт характеризуется комплексностью бытования, условностью значения, связанного с физическими свойствами объекта и с мифологическим мышлением. В составе концепта выделяются три компонента, ценностный, образный и понятийный, которые считаются обязательными для лингвокультурного концепта.

Ключевые слова: концепт, концепт «гора», лингвокультура, фольклор, сказка, сема.

Yu. V. Trubnikova

Altai State University (Barnaul, Russia)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT «MOUNTAIN» IN ALTAI LANGUAGE CULTURE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of «mountain» as one of the natural concepts and components of the Altai linguoculture, represented in Altai fairy tales of different genres. Representative concepts are highlighted, its main meanings are revealed. It is proved that the concept is characterized by the complexity of existence, the conventionality of meaning associated with the physical properties of the object and with mythological thinking. As part of the concept, there are three components, value, figurative and conceptual, which are considered mandatory for a linguocultural concept.

Keywords: concept, concept «mountain», linguoculture, folklore, fairy tale, sema.

Вследствие процессов глобализации современная наука особенно заинтересована в сохранении и изучении культуры и традиций малых народов, к которым в России, в частности, относятся народы Алтая.

Большое значение для понимания культуры и традиций народов имеет фольклор, особенно сказки. Исследование концептосферы, репрезентированной в сказках, помогает сохранить и передать знания о народной мудрости, религии, обычаях и обрядах. Кроме того, сказки являются важным ис-

точником информации для исследования истории этноса, его менталитета и языка. Все сказанное может быть отнесено и к алтайским сказкам.

Материалом практической части нашего исследования послужил сборник «Алтайские народные сказки» (2016 г.) от составителя-переводчика М. А. Демчиновой. Издание является двуязычным: сказкам, представленным на алтайском языке, дан параллельный перевод на русский. 11 сказок в сборнике были опубликованы впервые, остальные включены в издание повторно из других собраний. Всего анализу было подвергнуто 23 сказки.

Прежде всего в алтайских сказках привлекают внимание «природные» концепты (гора, лес, река), репрезентированные практически во всех сказках, вне зависимости от жанра (и в бытовых, и в волшебных, и в сказках о животных). Это позволяет сделать вывод, что природа — главная составляющая языковой картины мира алтайцев. Кроме того, соответствующие концепты обладают характеристиками лингвокультурных. Докажем это на примере концепта «гора», наиболее разработанного в рассматриваемых нами сказках.

В процессе исследования для концепта были определены слова-репрезентативы; такими репрезентативами стали следующие лексемы: «гора», «скалы», «сопка», «камни», «хребет», а также словосочетания «край скалы», «склон горы», «подножие горы/сопки», «подмышка горы», «вершины гор». Вместе с лексемой «гора» используются регулярно такие определения, как «черная», «большая», «без перевалов», «лесистая», «сторожевая», «милая», «золотая», «островерхая», «почитаемая», «священная», «серебряные», «неприкосновенные», «голубая», «родовая»; с лексемой «скала» — «высокая», «отвесная»; с лексемой «сопка» — «синяя».

Рассмотрим конкретные примеры актуализации концепта «гора».

1. Опасность. Восхождение в горы и жизнь там очень опасны для любого существа и могут повлечь за собой как травмы, так и смерть. Здесь часто подчеркивается смежный концепт «высота» в отношении гор: «Лисичка повела волков, легко трусая, прыгая с *камня на камень*, стала жаловаться: — Ой, ой! Калак-кокий, братья, нога моя, застряв между *камнями*, видно, *сломалась*», сказка «Лиса, медведь и волки» [1, с. 27]; «— Ой, почтенный старец, как бы твоя золотая шерсть не сгорела, немного назад отодвинься! — говоря, заставив лечь [Медведя] на *самый край скалы*, решила опрокинуть», «Лисичка смотрит: почтенный старец Медведь [упал] на *островерхие камни*, его сердце — легкие были насквозь проткнуты этими камнями...», сказка «Лиса, медведь и волки» [1, с. 29].

Согласно представлениям алтайцев, в пещерах часто жили темные силы (здесь — Дельбеген), поэтому победа над ними влечет за собой разрушение части горного массива: «Дельбеген орал-орал, потом умер», сказка «Башпарак» [1, с. 89].

2. Защита. Горы представляют опасность, но одновременно обеспечивают защиту тем, кто там живет: «Раньше на Алтае у *подножия синей сопки*, на берегу синего моря жил человек по имени Тектемей, ездящий на коне Теке — Боро», сказка «Тектемей, ездящий на коне Теке-боро» [1, с. 71]; «...перевалив через *сторожевую черную гору*...», сказка «Сын бия, ездящий на высоком гнедом коне, и дочь бая» [1, с. 67]; «Так, до матери Кёзика как-то дошел слух, что [Зайсан с людьми и со своим добром, скотом] через шестьдесят рек перекочевал, через шестьдесят длинных степей переехал, уехал в *милые золотые горы Алтая*» сказка «Кёзика и Пайан-Сулу» [1, с. 123].

Гора может выступать в функции родового оберега семьи: «Самыран-Хан <...> дав на привязи черную щенную собаку, отправил их, чтобы они пошли к их *родовой горе Дембер* у основания земли и неба», сказка «Щенная собака» [1, с. 323].

3. Горы являются мерой измерения расстояния и времени. Напрямую в сказках почти не упоминается, сколько шли герои, но перечисляются пройденные ими горы и реки, что подразумевает дальнюю и длительную поездку (в данном значении репрезентативы концепта «гора» почти всегда соседствуют с концептом «река»): «*Большие-большие горы* перевалили, *большие-большие реки* перешли, пройдя через безбрежные реки, преодолев *горы без перевалов*, через семьдесят семь рек перешли, перевалив *через семьдесят семь гор*...», сказка «Сын бия, ездящий на высоком гнедом коне, и дочь бая» [1, с. 41]; «Услышав это, Мекечи быстрее-скорей побежал <...> перейдя через несколько долин, перевалив *через несколько гор*...», сказка «Аргачы и Мекечи» [1, с. 219].

Гора — это труднопроходимое препятствие на пути персонажа, переход отнимает у него много сил: «Так ехал, арь-арь-арь-арь, вокруг затянулось дымом, со всех сторон [стояли] *горы, ска-*

лы и горы, обросшие непроходимым густым лесом», сказка «Кезика и Пайан-Сулу» [1, с. 135]; «...на пути твоём будет стоять упирающаяся в небо *отвесная скала* с расщелиной, в которую может пройти только открытая ладонь...», «Сказка о парне по имени Урпейтен, наделенный судьбой от Ульген-Кудая, и о старике Чынылдай, ведающем правду» [1, с. 307]; «Кто сильный, посадите меня на себя. — говоря, сев на самого сильного, матерого волка, с песней-весельем перевалив *несколько гор*, перейдя несколько рек, довела волков до *устали, изнеможения*», сказка «Лиса, медведь и волки» [1, с. 27].

4. Источник пропитания, горы плодородны (в таком значении гора может соседствовать с репрезентативами концепта «лес»): «...сын бия, едущий на высоком гнедом коне, на *лесистую гору* поднимался, на зайцев-косуль силки ставя, провизию-еду добывал», сказка «Сын бия, едущий на высоком гнедом коне, и дочь бая» [1, с. 49]; «Так, они в руки нарвали *[много] цветов*, разве они в *горах?*», сказка «Кезика и Пайан-Сулу» [1, с. 143].

5. Большой размер, большое количество: «...на него пышный-мягкий потник кладет, шириной с поляну, *высотой со склон горы...*», сказка «Сын бия, едущий на высоком гнедом коне, и дочь бая» [1, с. 57]; «На Алтае смекалки моей хоть отбавляй, находчивости у меня с *гору*», сказка «Аргачы и Кюрдючи» [1, с. 229].

6. Средство разделения людей или территорий: «Пайан-Сулу отнесли на берег реки и бросили *под горой*. Тело Кезика перенесли через реку и сбросили *вниз с крутой скалы*», сказка «Кезика и Пайан-Сулу» [1, с. 165]; «...пошел к аилу старушки по имени Эпчил, которая жила за *двумя горами* [от него]», сказка «Аргачы и Мекечи» [1, с. 215].

7. Символ перерождения сильного духом человека: «Теперь там есть *высокая гора* с ледниковой вершиной» (о месте смерти Кезика и Пайан-Сулу), сказка «Кезика и Пайан-Сулу» [1, с. 165].

8. Синоним территорий, земли алтайского народа (такие же функции) выполняет концепт «лес», почти всегда репрезентативы двух концептов используются в синонимическом ряду): «Девушка-кукушка, летя, осматривая деревья-камни, облетая леса-горы...», сказка «Кукушка» [1, с. 193]; «В Древние века на Алтае с *горами-хребтами...*», сказка «Аргачы и Кюрдючи» [1, с. 225].

9. Символ стойкости, прочности, поэтому размах катастрофы передается чрез разрушение гор: «Однажды на землю-стойбище Анчыбай и Дюстюкей нашел очень большой ураган <...> Белые моря вышли из берегов, *вершины многих гор* обрушились...», сказка «Щенная собака» [1, с. 325].

В переносном смысле семантика разрушения горы может использоваться гиперболически для характеристики «меры» качеств героя: находчивостью своей *островерхую гору* опрокидывал», сказка «Аргачы и Кюрдючи» [1, с. 225].

10. Горы — это богатство, священный дар Алтая: «На Алтае с *горами-хребтами* «...» с *горой* с ледниковой вершиной, пик которой солнцем не освещается, с *горами* с голубыми ледниковыми вершинами, устремленными в небо «...» *почитаемая-священная гора*, как преподнесенный Алтаю дар, стоял», сказка «Аргачы и Кюрдючи» [1, с. 227]; «...вот на нашем Алтае с камнями и лесами, с *золотыми и серебряными горами...*», сказка «Аргачы и Мекечи» [1, с. 211]; «...он в *священных-неприкосновенных горах* Алтая жил...», «Сказка о парне по имени Урпейтен, наделенный судьбой от Ульген-Кудая, и о старике Чынылдай, ведающем правду» [1, с. 303].

11. Символ цели, жизненных устремлений (на горе находится награда героя за его старания например, невеста): «Дальше поедешь, у *подножия голубой-преголубой горы, вершинами*, упирающимися в белые ясные небеса, в синие ясные небеса, на берегу священной реки, текущей бурными волнами, будет стоять белый с шестьюдесятью шестью углами белый дворец Ай-Хана <...> дочь свою, не пожалев, тебе отдаст», сказка «Сказка о парне по имени Урпейтен, наделенный судьбой от Ульген-Кудая, и о старике Чынылдай, ведающем правду» [1, с. 307].

Как показывает анализ, концепт «гора» является основным в миропонимании алтайского народа. Очевидно, что связано это с особенностями территории проживания алтайцев: горы играли огромную роль в жизни людей, они давали пропитание, защищали, одновременно устрашали, и все эти факторы нашли отражение в фольклоре. Большинство обнаруженных сем, входящих в состав концепта, уникальны, т. е. в текстах обнаруживаются единожды. Таковы, например, сема «дар», «родовой оберег». Однако есть и повторяющиеся значения. Все их можно разделить на условные категории: связанные с физическими свойствами и с мифологическим мышлением.

К первой категории относятся следующие семы: «опасность», «прочность», «препятствие», «большой размер» / «протяженность», «плодородность», «высота», «Алтай» (предположительно здесь произошел процесс метонимии: особенности рельефа стали определением самой местности), «разделение». Часть этих значений относится к тому, как непосредственно выглядят горы в Алтае, т.е. они большие, высокие, их много. Возникновение в перечне семы «разделение» объясняется в том числе социальными причинами, потому что алтайские племена делили территории исходя из карты местности, опираясь на расположение горных массивов. Другая часть относится к их свойствам: горы из-за размера труднопреодолимы, нахождение в них опасно и может нести для человека смертельную угрозу, одновременно с этим горы оцениваются крайне положительно, так как, во-первых, защищают людей от агрессивно настроенных врагов и от некоторых природных явлений, во-вторых, обеспечивают людей и животных пропитанием.

К семам, выражающим религиозное отношение к горам, относятся «демонические силы», «родовой оберег», «дар», «одушевленность», «награда». О культе гор на Алтае исследователи писали давно (см., например, [2, с. 145–160]), наши наблюдения только еще раз подтверждают их выводы, так как мотив священной горы в сказках неоднократно встречается: горы воспринимаются алтайцами как одушевленные существа, отсюда сравнение частей горы с человеческим телом и связь между смертью сказочных героев и возникновением новой горы. Сема «родовой оберег» перекликается с семой «защиты», только в данном значении имеется в виду духовная безопасность защита человека, семьи или «аила» от злых духов. Одновременно с этим, вероятно, из-за опасности, которую представляет горная местность, считалось, что в горных пещерах живут демоны, в частности Дельбеген. Остальные семы так или иначе связаны с культом окружающей природы и анимизмом [3, с. 158–161]: есть контексты, где гора образуется из умершей пары влюбленных, есть такие, где гора напрямую называется «неживым существом». Концептуальные смыслы подчеркивают отношение алтайцев к объекту действительности. Так, для концепта «гора» семы «дар», «награда», выражают особое, ценностное отношение алтайцев, почтение народов к горам, сема «родовой оберег» делает акцент на том, что горы защищают в том или ином смысле людей Алтая. Вместе три семы отражают культ гор алтайских народов. В то же время сема «демонические силы» показывает, что при всем уважении и почитании местные жители понимают опасность, которая грозит им в горной местности.

Таким образом, концепт «гора» характеризуется комплексностью бытования, условностью значения, его смыслы можно условно разделить на связанные с физическими свойствами и с мифологическим мышлением. В составе концепта легко выделяются три компонента, которые считаются обязательными для лингвокультурного концепта [4], а именно ценностный, образный (как образно-перцептивный, так и образно-метафорический) и понятийный (фактуальный) компоненты. Все это позволяет говорить о том, что природные концепты, в частности концепт «гора», могут рассматриваться как компоненты лингвокультуры.

Список использованных источников и литературы

1. Алтайские народные сказки / составитель-переводчик, автор вступительной статьи, примечаний и комментариев, словаря непереводимых слов, списка сокращений, списка источников и литературы М.А. Демчинова / БНУ РА «Научно-исследовательский ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова». — Горно-Алтайск, 2016. — 352 с.
2. Потапов А.П. Культ гор на Алтае // Советская этнография. — 1946. — № 2. — С. 145–160.
3. Ушницкий В.В. Заметки к современному сакральному ландшафту Горного Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов / глав. ред. Н.А. Томилов. — Омск: Наука, 2018. — С. 158–161.
4. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Том 1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 13–15.

Сведения об авторе: Трубникова Юлия Витольдовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: yuvtrubnikova@yandex.ru

УДК 811.161.1'38

Г. В. Ануфриева

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА МАТЕРИ В РОМАНЕ Е. АЙПИНА «БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ»

Аннотация. Предметом анализа в статье выступает художественная метафора. Установлено, что в романе Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» метафора является ключевым поэтическим приемом создания образа главной героини. В основе портретной характеристики и поведения Веры Саввичны лежит метафоризация природных образов, что отражает национально-культурные черты идиостиля писателя. Наблюдающаяся при характеристике образа героини контаминация метафоры с другими тропами и стилистическими фигурами формирует глубину и психологизм всего повествования.

Ключевые слова: хантыйская литература, роман «Божья Матерь в кровавых снегах», идиостиль Е. Айпина, метафора.

G. V. Anufrieva

Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

THE ROLE OF AN ARTISTIC METAPHOR IN CREATING THE IMAGE OF A MOTHER IN E. AIPIN'S NOVEL «THE MOTHER OF GOD IN THE BLOODY SNOWS»

Abstract. The subject of the analysis in the article is an artistic metaphor. It is established that in E. Aipin's novel «The Mother of God in the Bloody Snows» metaphor is a key poetic technique for creating the image of the main character. The basis of the portrait characteristics and behavior of Vera Savvichna is the metaphorization of natural images, which reflects the national and cultural features of the writer's idiosyncrasy. The contamination of metaphor with other tropes and stylistic figures observed in the characterization of the heroine's image forms the depth and psychologism of the entire narrative.

Keywords: Khanty literature, the novel «The Mother of God in the Bloody Snows», E. Aypin's idiosyncrasy, metaphor.

В поэтике произведений Е. Айпина ярко отражается хантыйская национальная картина мира. Рассказы и романы писателя знакомят читателя с особенностями мировосприятия народа ханты, с их традициями, верованиями, нравственными постулатами, изображают людей, связанных между собой единством языка, природы и духовной культуры. С. Залыгин в предисловии к роману «Ханты, или Звезда Утренней Зари» назвал Е. Айпина «летописцем народа ханты» [1, с. 3]

Как отмечают исследователи [2, 3, 4], особое место в художественном мире писателя занимают тропы. Яркость, поэтичность и необычность в прорисовке образов событий, персонажей, природы создаются благодаря органичному переплетению целого спектра изобразительно-выразительных средств: метафор, эпитетов, гиперболы.

Цель статьи — проанализировать роль художественной метафоры в создании образа матери в романе «Божья Матерь в кровавых снегах».

Метафора — это троп, характеризующийся перенесением наименования с одного предмета на другой на основании сходства. В теории литературы выделяется два типа метафор: языковая и художественная. Первая разновидность тропа отличается объективностью, «отражает коллективные

предметно-логические связи, а не индивидуальный взгляд на мир, она анонимна, имеет системный характер и выполняет номинативную и коммуникативную функции (но не эстетическую)» [5, с. 68].

Художественная метафора, ставшая предметом исследования в данной статье, напрямую связана с индивидуально-авторской концепцией писателя, «является результатом целенаправленных эстетических поисков, уникальна, неповторима (окациональна), выполняет эстетическую функцию и обладает максимальной синтагматической, контекстуальной обусловленностью» [6, с. 489].

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах», послуживший материалом исследования, был написан в период с 1996 по 1999 год. Первое издание датируется 2002 годом. В основу сюжета положены исторические события 1933–1934 гг., известные как Казымское восстание коренных народов обского Севера, сопротивлявшихся советизации. Е. Айпин в одном из своих интервью отмечал: «<...> тема Казымского восстания волновала меня с детства, поскольку мама и бабушка порой говорили о тех страшных днях, когда случилось это восстание, подавление которого было жестоким и безжалостным. Говорили с опаской, с оглядкой...» [7, с. 8].

Роман «Божья Матерь в кровавых снегах» можно поставить в один ряд с произведениями, рассказывающими о трагических судьбах людей в период репрессий, например, с романом В. Дудинцева «Белые одежды», повестями А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», А. Жигулина «Черные камни».

В произведении три повествовательных звена: сюжетная линия Веры Саввичны — Матери Детей, история лихого красного командира Чухновского и фрагменты, связанные с образом царского офицера Петра Николаевича Белого, оставившего в памяти женщины и ее семьи теплые воспоминания. Все звенья притягиваются к истории Матери Детей, проходящей путь нечеловеческих мучений после разорения ее дома красной бандой Чухновского. Беззащитная перед жестокими обстоятельствами, она проявляет внутреннюю силу, несгибаемость и веру в то, что сможет спасти своих детей. Вера Саввична с детьми холодной северной весной отправляется в дальний путь, надеясь найти защиту от варваров, убивших ее мужа и сына. Дорога Веры становится метафорой крестного пути Христа: женщина теряет одного за другим своих детей и изо всех сил пытается спасти самого маленького. Каждая остановка в пути связана со смертью ребенка, и с сакральным обрядом расставания с ним. Лишившись последних жизненных сил, женщина привязывает слабенького малыша к псу Пойтэку и просит того отнести младенца к людям, чтобы продолжилась ее родовая линия.

С первых строк романа важную смысловую нагрузку получает метафора. Неслучайно героиню зовут Верой, ее имя становится символом непокоренности хантыйского народа перед тяжелыми испытаниями. Прилагательное «белый» ассоциируется в произведении с сакральными для ханты образами душевной и нравственной чистоты, солнца, свободы, жизни. Именно поэтому русский аристократ, попавший в семью Веры Саввичны, носит фамилию Белый, он является носителем особой миссии — «молитвы о спасении души всех живущих в России» [4, с. 36].

Обращает на себя внимание портретная характеристика героини: *«Голова ее с ровным пробором черных волос, сплетенных в две косы, прикрытых цветастым платком, была высоко поднята. <...> Сидела она неподвижно, словно была высечена из камня. Потом, когда младенец оставил грудь и шевельнулся, она очнулась от своих потаенных мыслей, чуть заметно улыбнулась огню за тепло и склонила голову на дитя, повернув его лицом к очагу»* [8, с. 96]. Вера Саввична в романе — это обобщенный, священный для ханты образ Матери — хранительницы очага и продолжательницы рода. Цельность характера героини просматривается в использовании емкой метафоры, указывающей на внутреннюю силу и святость женщины, кормящей ребенка: *«сидела неподвижно, словно высечена из камня»*. В содержании романа портрет главной героини соотносится с образом иконы Божьей Матери, почитаемой в семье Веры Саввичны. Это скрытое сравнение усиливает драматизм описываемых событий: банда Чухновского глумится не над простой оятятской женщиной, а над Пресвятой Богородицей: *«Главарь от неожиданного напора отшатнулся назад и, не выдержав жгучего огня материнских очей, невольно мотнул головой вправо-влево. И тут увидел вторую женщину с ребенком: прижав малыша к правому плечу и призывно подняв левую руку к груди, излучая светлым ликом ровный свет, она кротко и добро смотрела на него. <...> Он не сразу сообразил, что перед ним икона Божьей Матери»* [8, с. 21–22]. Анализируя образ Божьей Матери в романе, Е. В. Косинцева отмечает: «Это не просто икона, а раненная, расстрелянная главарем карателей икона. В сознании персонажей она видится ис-

текающей кровью, с красной пулей в груди. Эта пуля предназначалась для Матери Детей, поэтому Божья Матерь воспринимается как спасительница хозяйки дома от преждевременной гибели» [4, с. 33].

Трагические события романа вносят изменения в образ героини. Нежная мать, хранительница родового уклада, живущая в гармонии с природой и высшими силами, становится защитницей всего хантыйского народа: «Значит, настал ее, Матери Детей, черед. На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой. Сначала воюют мужчины, а когда погибают, вступают женщины» [8, с. 10]. Обратим внимание на то, как Е. Айпин описывает состояние Веры Саввичны после нападения красных на станowie: «Красные черным огнем пронесли по становой и сожгли сердце женщины. В чуме все перетряхнули. Перевернули все грузовые нарты <...>. И осталась Матерь Детей с сожженным сердцем. Чум стонал. Плакал. Ревел. Давило студеное небо. Вздрагивали продрогшие сосны» [8, с. 35]. Беспредельное горе женщины передается с помощью емкой метафоры «сожгли сердце женщины». Для того чтобы передать силу эмоционального накала страшной картины расправы с местным населением, писатель использует прием нанизывания тропов и стилистических фигур: метафора соединяется с градацией, парцелляцией, олицетворением, метонимией. Душевная боль героини передается через образы природы: «Давило студеное небо. Вздрагивали продрогшие сосны».

Особую функциональную нагрузку в романе несет художественная глагольная метафора. Она позволяет передать не только стремительно разворачивающиеся события, но и динамику изменения образа Матери Детей: «Все вокруг взвихрилось. И показалось Матери Детей, что вместе с грохотом она провалилась в Нижний Мир и навеки оставила Землю людей. Все исчезло. Все потонуло во мраке. Время для нее остановилось. Воцарилась мертвая тишина... Потом стала наплывать белая пелена» [8, с. 55]. Данный пример наглядно демонстрирует тесную спаянность образа героини с событиями.

В сценах встречи Матери Детей с Чухновским глагольная метафора в соединении с именной позволяет передать через глаза как отдельную деталь силу ненависти женщины: «Она в первый раз вперила в него свои темные глаза — из них брызнул черный огонь ненависти» [8, с. 68]; «И только теперь, неосознанно приняв удобное и самое выгодное положение, Матерь Детей вперила яростно горящий взор в ненавистные оплывшие зенки главаря и низко-утробно закричала: — Сначала убей меня!» [8, с. 9].

Таким образом, для Е. Айпина художественная метафора — это ключевой психологический прием, посредством которого писателю удается передать всю глубину переживаний героини романа. Метафоризация отдельно взятой детали в образе героини служит ключом к пониманию ее реакции на конкретную ситуацию. Сравнение Веры Саввичны с образом Божьей Матери — это художественное воплощение мифологических представлений ханты о святости рода, живущего в единстве с природой. Именно поэтому состояние героини описывается через природные образы. Соединение метафоры с другими тропами и стилистическими фигурами усиливает эмоциональную составляющую образа героини: читатель словно глазами Веры Саввичны видит все трагические события, вместе с ней пытается спасти детей и проходит невыносимо тяжелый путь потерь родных героини.

Список использованных источников и литературы

1. Залыгин С. П. Летописец народа ханты // Айпин Еремей. Ханты, или Звезда Утренней Зари / Предисловие. — М.: Мол. гвардия, 1990. — С. 3.
2. Агакишеева У. Д. Лексические черты идиостиля Е. Айпина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 12 (66). — Ч. 3. — С. 72–75.
3. Исакова С. А. Этнопоэтика ранних рассказов Еремея Айпина (на материале сборника «Время дождей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота. — 2018. — № 6 (84). — Ч. 1. — С. 19–23.
4. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «В конечном итоге все от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»: монография. — Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. — 143 с.
5. Вардзелашвили Ж. А. О двоякой сущности метафоры // Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия «Филология». — Вып. IV. — СПб.; Тб., 2002. — С. 66–77.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
7. Севастьянова С. Божья Матерь в кровавых снегах // Сургутская трибуна. — 2002. — № 200. — С. 8.

8. Айпин Е.Д. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4 «Божья Матерь в кровавых снегах». — СПб., 2014.

Сведения об авторе: Ануфриева Галина Васильевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: agybarnaul@inbox.ru

УДК 93/94

А. П. Белкина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

МИФ КАК СПОСОБ САКРАЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. В статье ставится вопрос о роли мифа в процессе сакрализации духовных ценностей у народов, проживающих на Алтае, приводится тематическая классификация алтайских мифов. Как установлено в статье, особенность алтайской мифологии заключается не просто в возвышении природы и природных явлений, в необходимости достижения мирного сосуществования людей и духов, а обеспечении субстанциональной связи с творцом посредством природы. Все перечисленные в статье духовные ценности начали свое формирование на основе мифологем, слагавшихся в традиционной культуре народа. Мифология как система в дальнейшем поспособствовала сакрализации духовных ценностей. В мифах особо подчеркивается тесная связь человека и природы, которая характеризует основную идею развития духовной культуры Алтая. **Метод и методология проведения работы.** Методологией исследования выступают культурфилософский, аксиологический, онтологический и феноменологический подходы, а ключевым методом — социокультурный анализ. **Результаты.** Основным результатом статьи является раскрытие роли мифа и мифологии в процессе закрепления и сакрализации духовных ценностей алтайских народов.

Ключевые слова: миф, духовность, духовные ценности, сакральные ценности, сакрализация, духовная культура Алтая.

A. P. Belkina

Altai State University (Barnaul, Russia)

MYTH AS A WAY OF SACRALIZING THE SPIRITUAL VALUES OF THE ALTAI PEOPLES

Abstract. The article raises the question of the role of myth in the process of sacralization of spiritual values among the peoples living in Altai, provides a thematic classification of Altai myths. As stated in the article, the peculiarity of Altai mythology is not just in the elevation of nature and natural phenomena, in the need to achieve peaceful coexistence of people and spirits, but to ensure a substantial connection with the creator through nature. All the spiritual values listed in the article began their formation on the basis of mythologems composed in the traditional culture of the people. Mythology as a system further contributed to the sacralization of spiritual values. The myths emphasize the close connection between man and nature, which characterizes the main idea of the development of the spiritual culture of Altai. **Method and methodology of the work.** The research methodology is cultural-philosophical, axiological, ontological and

phenomenological approaches, and the key method is socio-cultural analysis. **Results.** The main result of the article is the disclosure of the role of myth and mythology in the process of securing and sacralizing the spiritual values of the Altai peoples.

Keywords: myth, spirituality, spiritual values, sacred values, sacralization, spiritual culture of Altai.

На протяжении всей истории человечества в миропорядке любого народа происходит закрепление духовных ценностей; ряд духовных ценностей в последующем проходит процесс сакрализации, т. е. наделения их священным смыслом, обеспечивающим не только связь поколений, сохранение традиций и культурных норм, но и определяющим духовную безопасность народа. Процесс сакрализации духовных ценностей наблюдается у каждого этноса или народа вне зависимости от места и времени проживания, однако сакральные ценности одного народа могут кардинально отличаться от сакральных ценностей другого народа [1, с. 18]. Так, например, в засушливых регионах особый сакральный смысл присваивается воде и различным водоемам, они наделяются особыми животельными свойствами и их роль прослеживается в различных мифах, легендах и сказаниях народов, которые проживают на данной территории. Таким образом, миф и мифология конкретных этносов тесно переплетается с духовным миром и миром реальным.

Для начала предлагаем более подробно рассмотреть процесс сакрализации духовных ценностей. Сам термин «сакральное» появился около двух столетий назад, до этого использовалось понятие «священное» и «святое», важной отличительной особенностью данных понятий является тесная связь с религией, хотя понятие «сакральное» шире, и сами по себе сакральные объекты культуры появились задолго до религиозных обществ. Сакральным может быть как живой, так и неживой объект, как созданный природой, так и человеком, оно может быть осязаемым или вымышленным, существующим вне пространства и времени или наоборот [2]. Процесс сакрализации подразумевает под собой присвоение конкретным объектам сакрального (священного) смысла, священным смыслом могут обладать природные объекты (леса, горы, водоемы, животные), социальные институты или процессы (институт семьи, институт брака), культурные объекты (иконы, храмы) и др. Заслуживает внимания в связи с этим мнение Е. А. Попова, отмечающего, что «сакрализация ценностей поддерживает культурный традиционализм и обеспечивает единое сакральное пространство культуры, в котором распространение получают единые сакральные ценности, выполняющие в том числе важнейшую консолидирующую функцию и к тому же способствующие обеспечению духовной безопасности этноса» [3, с. 186]. Иными словами, процесс сакрализации не только способствует сохранению священных смыслов и передаче их последующим поколениям, но стоит на защите духовной безопасности конкретного народа.

Отсюда следует, что сакральное в культуре каждого этноса просто необходимо для сохранения этой самой культуры: вернемся к вышеуказанному примеру — народы, проживающие в засушливых регионах, чаще всего наделяют сакральным смыслом воду, тем самым, выражают бережное отношение к ней. Возникает важный вопрос, как сделать так, чтобы люди начали относиться бережно к воде, с помощью чего запустить процесс сакрализации тех или иных духовных ценностей? В своей работе «Миф как средство сакрализации жизненного мира человека» А. С. Майданов пишет: «Человек с древнейших времен стремился не только улучшить материальные условия своего существования, но и одновременно наполнить духовным содержанием свой жизненный мир, созданный как природой, так и им самим. В число средств такой оптимизации мира входят религиозные, мифологические и художественные образы и символы» [4, с. 212–213]. Миф, рассматриваемый в данном аспекте, начинает мистифицировать данные объекты, он формирует достаточно убедительную реальность, в которую люди начинают верить и придерживаться ее нормам.

Религия, как и миф, способствует процессу сакрализации, хотя первоначально мифы не были связаны с религией. Важно отметить, что в любом этносе присутствуют свои мифы, данный этап проходит каждая культура. Благодаря своей способности к сакрализации, миф выступает как истина, он дает объяснение и раскрывает смысл тех или иных процессов и явлений. Алтайский исследователь С. С. Каташ пишет об алтайской мифологии следующее: «Мифология представляет собой чрезвычайно сложное и противоречивое явление в истории духовной культуры. Она соседствует и уживается, с одной стороны с народным искусством, а с другой — переплетается шаманистскими и рели-

гиозными компонентами... Мифология — плод общественного сознания. И для выявления генезиса устно-поэтического творчества наших предков она имеет большое научное значение» [5, с. 5].

Мифология алтайских народов начала формироваться еще в эпоху первобытнообщинного строя и тем самым отображала мировоззрение людей в тот период. Сакрализация происходила не только с помощью мифов, но и легенд, преданий, отражающих повседневную жизнь людей и их сакральные знания. Кроме того, в древнем фольклоре алтайцев объяснялись природные явления: смена дня и ночи, природные катаклизмы и бедствия. Так, например, по горе Бабырган, которая расположена на въезде в Республику Алтай, местные жители определяли погоду, если туман висит над этой горой, значит, в ближайшее время погода испортится и стоит ждать дождь [5, с. 45].

Главными героями мифов были люди и природа (горы, леса, реки, природные явления), мифология алтайских народов тесно переплетается с природой, она содержит в себе множество мифов и легенд, которые объясняют их названия. Так, известное многим Телецкое озеро на алтайском называется Алтын-нор и переводится как «Золотое озеро». Оно связано с очень древней легендой: «В давно минувшие времена во всем Алтае был голод. Один калмык обладал большим слитком золота, но обойдя весь Алтай со своим сокровищем, не мог приобрести на него ни одного куса хлеба. Раздосадованный бедняк бросил свой слиток в озеро и сам погиб в волнах его» [6, с. 126–127]. В этой легенде на самом деле раскрывается дух алтайских народов, они ценят природу, которая дает им хлеб и воду гораздо больше, чем слитки золота.

В алтайской мифологии вселенная состоит из трех миров, ярусов или сфер, в верхнем мире живут божества и духи, которые помогают людям, на земле живут духи-хозяева (дух огня, духи гор, духи рек и т.д.), а в нижнем мире обитают враждебные для человека духи. Данное мироустройство прослеживается и у других народов, оно тем самым разграничивает силы человека и высшие силы природы, которым он подвластен. Важное место в данном миропорядке отводится духам-хозяевам, которые помогают людям только при условии уважительного отношения к ним, иными словами, чтобы что-то получить от духа-хозяина, его нужно задобрить или принести подношение. Например, чтобы охота прошла успешно, нужно рассказать духам леса сказку или сыграть на дудочке, тогда они заслушаются, и обитатели этого леса останутся без присмотра. Таким образом, на основе мифов формируются древние формы религии, появляются традиции и обряды.

С.С. Каташ в своей работе «Мифы, легенды Горного Алтая» делит алтайские мифы на несколько тематических циклов: «этиологические, рассказывающие о происхождении мира, различных природных явлениях, отдельных предметах, их признаках; космогонические — о возникновении небесных светил: звезд, луны, солнца; далее идут мифы о метаморфозах (превращении человека в звезды, горы, реки), мифы о животных и птицах; мифы о духах — «хозяевах» гор, тайги, вод и озер; мифы о героях-великанах; топонимические мифы — о происхождении и названии гор, рек озер и т.п.» [5, с. 13]. Данное разделение очень схоже с мифологиями других народов, однако некоторые мифы можно отнести сразу к нескольким категориям. Особенность алтайской мифологии заключается в способности любого предмета принять облик живого существа и наоборот, поэтому к рекам, лесам, озерам и т.д. относятся не как к природным объектам, а как к живому существу, которое имеет душу, отсюда и формируется название дух-хозяин горы, дух-хозяин леса и др.

Для алтайских народов природа наделена сакральным смыслом, большинство обрядов, традиций, обычаев нацелено на сохранение природы и гармоничное отношение человека и окружающей среды, культ природы и в наши дни передается из поколения в поколение. Как отмечается исследователями, «человек в их понимании не царь природы, а лишь малая частица всего мира, человек, обладающий совестью и интеллектом, призван защищать и приумножать жизнь» [7, с. 94]. В данном миропорядке миф является способом закрепления и приумножения сакральных ценностей и смыслов, он понятен и его воздействие более ощутимо в отличие от «сухих» правил и поучений. В определенный исторический период они не только формировали миропонимание, но и служили неким гарантом безопасности. Например, шуметь в горной местности нельзя, можно вызвать камнепад, если сейчас мы знаем первопричину — она в законах физики, то раньше воспринимали как гнев духов. Однако и сегодня местные жители почитают духов и просят туристов уважительнее относиться к их родной земле. В этом заключается отличительная особенность алтайских народов: благодаря преемственности поколений им удалось сохранить тот плат духовных ценностей, который почитался их предками.

Список использованных источников и литературы

1. Ильченко В. И., Шелюто В. М. Духовная культура в пространстве сакрального: Монография. — СПб: Изд-во «Ъ», Луганск: ООО «Пресс-экспресс», 2016. — 676 с.
2. Лукин А. Н. Сакральное в системе ценностей // Социология в российской провинции: тенденции, перспективы развития: в 2-х ч. — 2002. — С. 162–177.
3. Попов Е. А. Сакрализация ценностных структур человеческого бытия в духовной культуре Большого Алтая // Философия и культура. — 2023. — № 5. — С. 182–190.
4. Майданов А. С. Миф как средство сакрализации жизненного мира человека // Вопросы филологии. — 2018. — № 9. — С. 207–214.
5. Каташ С. С. Мифы, легенды Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отделение, 1978. — 112 с.
6. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алтайск. миссионера, протоиер. В. И. Вербицкого, изд. Этногр. отд. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те. — М.: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. — 221 с.
7. Белкина А. П. традиционные ценности как основа развития духовной культуры Алтая // Russian Studies in Culture and Society. — 2022. — № 6 (5). — С. 88–100.

Сведения об авторе: *Белкина Анастасия Павловна*, аспирант второго года обучения кафедры культурологии и дизайна института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: kalinina.2898@mail.ru

УДК 93/94

*М. П. Гребнева**Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)***МИФЫ И СКАЗКИ В ОЧЕРКЕ Н. М. ЯДРИНЦЕВА ОБ АЛТАЕ
(«НА ОБЕТОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ»)**

Аннотация. В статье идет речь об одном из очерков Н. М. Ядринцева об Алтае, о распространенном на его территории мифа о Беловодье, который неразрывно связан с процессом колонизации русскими переселенцами новых земель. Новосел — это сказочный богатырь, пребывающий в состоянии забвения, сна, в состоянии поисков сказочных мест, где нет злобных старожил, нет начальства, нет землемеров. Желанное место находится за лесами, пустынями, именно там располагаются храмы, в которых звонят колокола. Представления языческие, сказочные и христианские, мифологические соседствуют в очерке. Миф в очерке наполняется не только сказочным, но и социальным содержанием.

Ключевые слова: миф, сказка, Беловодье, Алтай, переселенцы.

*M. P. Grebneva**Altai State University (Barnaul, Russia)***MYTHS AND FAIRY TALES IN THE ESSAY BY N. M. YADRINTSEVA
ABOUT ALTAI («IN THE PROMISED LANDS»)**

Abstract. The article deals with one of the essays by N. M. Yadrintsev about Altai, about the myth about Belovodie, widespread on its territory, which is inextricably linked with the process of colonization of new

lands by Russian settlers. Novosel is a fabulous hero who is in a state of oblivion, sleep, in a state of search for fabulous places where there are no evil old-timers, no bosses, no surveyors. The desired place is located behind the forests, deserts, it is there that the temples are located, in which the bells ring. Representations pagan, fabulous and Christian, mythological side by side in the essay. The myth in the essay is filled not only with fabulous, but also with social content.

Keywords: myth, fairy tale, Belovodie, Altai, settlers.

Внимание автора очерка «На обетованных землях» привлекает миф о Беловодье, о поисках русскими людьми лучшей доли у китайских границ. Он неразрывно связан с процессом колонизации русскими переселенцами земель, заселенных старожилами: «Этот миф о Беловодье, пространенный в южной Сибири, двинул русскую колонизацию к китайским границам» [1, с. 324]. Интересно, что этот миф создан русскими людьми, но связан он с представлениями о землях, которые не являлись исконно русскими: «Никто не знает Беловодья: знает его только раскольник и русский крестьянин, прокравшийся в него» [1, с. 324]. Как в сказке речь идет о стремлении русского человека попасть в неведомую ему, но прекрасную землю. Слово «прокравшись» свидетельствует о намерениях и опасениях русских крестьян.

Ядринцев стремится локализовать эту неведомую землю, но от этого она не перестает быть сказочной землей. Миф и сказка здесь тесно переплетаются между собой. Как выясняется, желанное место находится за лесами, которые, в частности, являются местом действия русских народных сказок: «Там, где кончаются бесконечные леса и поднимаются высоко-высоко скалистые горы» [1, с. 324]. Стиль Ядринцева приобретает в этом очерке черты сказочности, так как в сказках используются повторы. Оно, это место, находится за пустыней: «где простерлась неведомая никому пустыня» [1, с. 324], в каком-то тридесятom царстве-государстве: «где-то там, за китайской границей» [1, с. 324], «в непроходимых дебрях лежит загадочная земля, называемая Беловодьем» [1, с. 324]. Когда Ядринцев пишет о нем, он поддается сказочной магии, ему хочется верить, как и русскому первопроходцу, что оно существует. Буквально получается по-сказочному — пойдй туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

Отсутствие пространственной и временной локализации отличает сказку. Об этом писал Д. С. Лихачев: «Время неотделимо от сказочного сюжета. Кончилась сказка — кончилось и сказочное время <...> Замкнутое время сказки замкнуто не только в себе, но и в каком-то «нездешнем» пространстве» [2, с. 510]. Однако и в мифе о Беловодье, который воспроизводит Ядринцев, также отсутствует пространственная и временная локализация — «Не знает этого места никто, не заезжает сюда заседатель, а между тем зашли как-то сюда русские люди и живут привольно» [1, с. 324].

Причем надо отметить, что языческие представления, отразившиеся в фольклоре, в волшебной сказке соседствуют здесь, как и в целом в русской культуре и литературе, с христианскими представлениями о рае, о земле обетованной. Сочетание слов «На обетованных землях» вынесено в заглавие очерка. С одной стороны, речь идет о материальном благополучии людей, нашедших Беловодье: «Много земли у них и угодьев, и нет здесь тягостей и тяжелого крестьянского горя», с другой стороны, речь идет о душевном, внутреннем благополучии этих людей: «Есть здесь храмы, и звон колоколов будит звуками пустыню» [1, с. 324]. Заметим, что аналогичная характеристика таинственного места представлена в повести А. Е. Новоселова «Беловодье»: «Вплоть до светлых краев неба был песок... песок... песок <...> Но, верно, того только и ждало море-озеро святое. Подступило оно к самому холму и открылось Панфилу в красоте своей великой — с островами, скитами и храмами. Ликующим, радостным звоном зазвенели невидимые, по лесам и под водой, колокола» [3, с. 158].

Очертания мифа благодаря возможному сопоставлению двух описаний таинственного места становятся максимально рельефными. Оба автора пишут про пустыню, про храмы, про звон колоколов. Даже подача литературного материала обоими писателями оказывается похожей и по форме, и по содержанию.

Миф о Беловодье предстает живым, он не статичен, он динамичен, он движется к заморским землям. Ядринцев рисует картину Большого Беловодья, как и Большого Алтая — русского, китайского, киргизского. Он возникает благодаря поискам этого благословенного края русскими крестьянами: «Мы видим деревни и скромных крестьян у подножия снежных Альп, где крестьянство часто надевает

на себя ткани китайского шелка, вымениваемые на границе» [1, с. 324]; «Кругом дикая природа, киргизы, китайцы, и тут же русская деревня, русский говор, русские песни, русский хоровод» [1, с. 324].

Миф о Беловодье побуждает русских людей переходить грань, границу и в прямом, и в переносном смысле этих слов: «Нет-нет да и начнется попытка отыскать заветное Беловодье. Попадали русские крестьяне в бухтарминские и китайские города и были оттуда возвращаемы...» [1, с. 324]. Ядринцев в данном случае, в отличие от Новоселова, автора повести «Беловодье», говорит о попытках перечисления границ русскими людьми достаточно обтекаемо. На самом деле, как пишет Новоселов, людей избивали, увечили, заставляли вернуться в родные для них места: «А на другой же день пришла орда! Мстя за прошлые обиды беловодцев, налетели ураганом всадники, по бревну раскатали они едва заготовленный лес, разграбили добро, забрали в плен всю молодежь, а стариков погнали табуном к границе» [3, с. 90].

Это обратная сторона сказочных поисков Беловодья. В этом смысле Ядринцев предстает романтиком, в отличие от реалиста Новоселова: «пробираются они (крестьяне — М. Г.) мимо больших дорог в глубь Алтая, где встречает их и приковывает этот миф о каких-то заповедных землях, о какой-то мифической стране, и они плетутся все вдаль да вдаль...» [1, с. 324].

Автор очерка, с одной стороны, испытывает уважение к этим людям, с другой стороны, недоумение, так как картина, которую он видит перед собой, уже представляет рай, землю обетованную. Ядринцев воспекает ее, живописует ее, творит свой собственный миф о ней. Вот же она — страна Беловодье, — говорит он. Творя свой миф, Ядринцев использует разнообразные краски, цвета алтайской природы: «Когда мы любовались этой степью перед закатом солнца, мы видели вдали горы, подергивающиеся как бы легким туманом, голубую дымкою самой нежной вуали, а над нами алела легкая розоватость неба» [1, с. 324]. Он обращает внимание на ольфакторные проявления окружающей его природы: «клумбы березовых рощ с душистыми пасеками» [1, с. 324], «Трудно передать то обаяние, какое производит эта даль, этот воздух» [1, с. 325], «Долина наполнилась ароматом трав...» [1, с. 325].

Мифологическому и сказочному мироощущению свойственно очеловечивание, олицетворение явлений природы. Внимание Ядринцева привлекает природа как живое существо: «Когда в горах нас заставала ночь, грозные профили гор с лиственницами смотрели на нас угрюмо и таинственно. [1, с. 325]. Время суток предстает в роли гостя, природные каменные сооружения и деревья способны демонстрировать угрозу, вызывать чувство страха, пребывать в состоянии нерасположения и выглядеть загадочно.

Ядринцева поражает грандиозность, первозданность природы, а это важнейшее качество мифологического типа сознания. В мифах все происходит в первый раз. Так, Е. М. Мелетинский писал о том, что «мифическое прошлое — это не просто предшествующее время, а особая эпоха первотворения, мифическое время, пра-время, «начальные», «первые» времена, предшествующие началу отсчета эмпирического времени» [4].

Природа — великан, как и все, что является ее неотъемлемой частью: «Лиственницы выступали гигантами, цеплявшимися за нас руками» [1, с. 325]. Поражает не только величественность, богоподобность деревьев, но и их обладание руками. На фоне грандиозной природы люди и животные кажутся пигмеями: «Лошади плелись уныло, звякая колокольчиками» [1, с. 325]; «Странно, во всех этих местах, проезжая по глухим долинам Алтая, повсюду мы встречали странников, плетущихся все вперед и вперед» [1, с. 325]. Лошадей и странников объединяет манера передвигаться — «плелись», «плетущихся». У слов странник и странно — один и тот же корень, свидетельствующий об иррациональности, загадочности во взаимоотношениях человека и природы. Странники предстают с точки зрения старожил и начальства странными людьми: «Тянутся куда-то, сами не зная куда, — говорили старожилы» [1, с. 326]; «Черт их знает, куда лезут, — говорило начальство» [1, с. 326]. Слово черт имеет тот же корень, что и слово черта. Эти люди явно устремлены за черту, за то, что начертано кем-то, в том числе кем-то сверхъестественным, или ими самими. Они не могут прекратить движение: «Остановиться сразу не хотелось, ибо выбор мест был большой» [1, с. 326].

По словам Ядринцева, они испытывают робость, страх, боязнь и потому что они остановились, и потому что могли бы двигаться дальше к лучшим местам. Автор очерка сравнивает их с подвижниками, с первооткрывателями. Само слово «первый», его корень отличается особой мифологичностью, так как в мифах описывается то, что произошло когда-то в первый раз. Это те действия,

которые задают парадигму действий для последователей. По словам М. Элиаде, «так как миф рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлениях их могущества, он становится моделью для подражания при любом сколько-нибудь значительном проявлении человеческой активности» [5]. В соответствии именно с этой мифологической логикой Ядринцев пишет: «часто измученные, в поту, в одних белых рубашках, с котомками, спускались они с гор с посохами в руках (с гор спускаются, как с неба, в белых рубашках, как ангелы. — М. П.). Это были скорее какие-то подвижники, чем искатели счастья» [1, с. 325].

Миф о поисках обетованной земли соседствует у Ядринцева с мифом о фантастическом долготерпении русских людей: «Ведь крестьянин не подозревает, что есть такие несчастные люди на русской земле, которые в самом деле только любопытствуют крестьянское житье, не имея возможности принести ни капли ему облегчения» [1, с. 327]. Автор очерка не относит себя к числу этих любопытствующих. Он понимает тяготы жизни и тех и других. Он с сочувствием относится к переживаниям остановившихся на жительство крестьян: «На лицах можно было прочесть чуть не страдальческое выражение при ответах» [1, с. 327].

Обетованная земля находится там, где нет начальства, переписи, денег за приемный договор. То, что представляется Ядринцеву раем и не без оснований, не является таковым для крестьян. В мифе о Беловодье, безусловно, присутствует социальный аспект. В этой связи пафос размышлений автора очерка, и явный, и скрытый, напоминает пафос революционной поэзии Н.А. Некрасова, важнейшей чертой которой предстает социальность: «Для эмоционального развития человека в новое время характерно появление, развитие, выделение, осознание чувства, которое можно назвать чувством социальности» [6]. Эпизод, посвященный «бухтарминской флоре Сибирской Италии» [1, с. 328], в очерке Ядринцева контрастирует с эпизодом, посвященным «жалкой повозчонке» [1, с. 328], в которой «сидела худая женщина, а жалкую, исхудалую лошадь вел в поводу пожилой крестьянин» [1, с. 328]; «И лошадь, и хозяева, кажется, одинаково были изнурены» [1, с. 328]. Автор очерка практически отождествляет лошадь и людей, их физическое состояние и образ жизни. В этой связи аналогичными предстают эпизоды из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — сравнение Катерины Ивановны с лошадью: «Уездили клячу!.. Надорвала-а-сь! — крикнула она отчаянно и ненавистно и грохнулась головой на подушку» [7, с. 348], воспоминание Раскольникова об убитой лошади: «А Миколка намахивается в другой раз, и другой удар со всего размаху ложится на спину несчастной клячи. Она вся оседает всем задом, но вспрыгивает и дергает, дергает из всех последних сил в разные стороны, чтобы вывезти [7, с. 49]. Все эти эпизоды у Ядринцева и Достоевского объединяет образ загнанной лошади.

Ядринцев выступает за миф не от Бога, а от людей, которые должны жить по божьим законам, законам, заповеданным Богом. Да, природа представляет собой рай, землю обетованную. Автор очерка поет ей хвалу, хвалу Богу: «Здесь ли, кажись, не воспользоваться твоими благами, девственная земля, здесь ли не создать счастья?!» [1, с. 328]. Слово «кажись» подчеркивает позицию Ядринцева, потому что земля обетованная не принесла счастья новоселам: «Дойти до обетованной земли и среди этих привольных благословенных мест остаться нищим! Какая насмешка судьбы» [1, с. 329]. В реальной действительности счастье невозможно или оно возможно только в грезах, мифах, сказках, снах переселенцев. Мотив сна оказывается ключевым в очерке.

Новосел — это сказочный богатырь, пребывающий в состоянии забвения, сна, в состоянии поисков Беловодья, сказочных мест, где нет злобных старожил, «которые с него запрашивают» [1, с. 329], нет начальства, нет землемеров. У него два пути — сгинуть или «уснуть»: «А новосел так крепко и сладко уснул, что ему не нужно и просыпаться» [1, с. 329]. Он спит среди этого рая, этой земли обетованной: «Давно полдень, солнце залило долину, а он все спит» [1, с. 329]; «Вечер наступил <...>, а он все спит, не просыпается» [1, с. 329]; «Спит новосел...» [1, с. 329], «Новосел спит...» [1, с. 329].

Дело по Ядринцеву не в месте, а в человеке, который должен проснуться и разбудить свое счастье, найти свое Беловодье: «Где же таится крестьянское счастье, под каким кустом залегло оно, под каким камнем оно запало, скрылось, притаилось?!» [1, с. 330]. Счастье ведет себя так же, как и новосел, оно спит. Его также нужно разбудить. Вот почему ветром перемен веет от очерка Ядринцева, веет надеждой на то, что русский человек найдет свое Беловодье, и не в мифе, не в сказке, а наяву. И будет оно таким, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Список использованных источников и литературы

1. Образ Алтая в русской литературе. — Барнаул, 2012. — Т. 1.
2. Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. — Т. 1. — Л.: Худ. лит., 1987.
3. Образ Алтая в русской литературе. — Барнаул, 2012. — Т. 2.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М., 1976. URL: <https://litmir.club/br/?b=104280> (дата обращения: 07.08.2023).
5. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.; Королев, 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/sacra/eliade-aspektu_mifa.pdf (дата обращения: 07.08.2023).
6. Корман Б. О. Лирика Н. А. Некрасова. — Ижевск, 1978 URL: <https://eanbur.unatlib.ru/items/dce9efac-2bc5-4e43-aaa3-90111c4fdb57> (дата обращения: 07.08.2023).
7. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. — М., 1983.

Сведения об авторе: Гребнева Марина Павловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: grmarinagr@mail.ru

УДК 93/94

Т. А. Бакчиев

Национальная академия «Манас» Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызстан)

ОСНОВНАЯ МИССИЯ ВСЕМИРНОГО ФОРУМА СКАЗИТЕЛЕЙ

Аннотация. В данном материале говорится о предпосылках проведения 15–18 июня 2023 года в Кыргызской Республике Первого всемирного форума сказителей. Также речь идет о форме, целях и задачах Форума.

Ключевые слова: форум, сказитель, сказительское искусство, эпос, общество.

T. A. Bakchiev

«Manas» National Academy (Bishkek, Kyrgyzstan)

MAIN MISSION OF THE WORLD STORYTORY FORUM

Abstract. This material talks about the prerequisites for holding the First World Forum of Storytellers on June 15–18, 2023 in the Kyrgyz Republic. We are also talking about the form, goals and objectives of the Forum.

Keywords: forum, storyteller, storytelling art, epic, society.

Все происходящее сегодня в мире требует глубокого осмысления. Подводится важный итог и идет подготовка человечества к совершенно новому режиму жизнедеятельности. Поэтому каждому из нас следует обратить особое внимание на некоторые базовые моменты.

Это способы выживания, которые могут быть сокрыты в традиционной культуре народов мира. В этом смысле современное осмысление традиционной культуры народов мира является важным аспектом реализации новых возможностей развития человеческого общества.

Национальное сознание всегда зависит от унаследованных прежних духовных творений, культурных ценностей, традиций. Народ использует идейный материал прошлого как основу при осмыслении жизненной обстановки, привлекая его в поддержку своих идейных позиций. Рассматривая духовное развитие народа, необходимо учитывать своеобразие и особенность феномена народно-

го эпоса, который является не только энциклопедией повседневности, но и хранителем традиций, системы норм частной и общественной жизни. Для многих народов мира эпос является духовным стержнем. Исходя из этого, следует определить, какие инструменты, возможности нужно использовать для их сохранения?

Многое, о чем умалчивали в прошлом в отношении народных эпосов и их сказителей, сейчас стали говорить открыто. Открыто стали заявлять и в науке, и в целом в обществе об истинной роли сказителей в истории народа. Но в то же время у многих народов до сих пор официально не определено место сказителя в обществе. Не определен его социальный статус. Советское общество воспринимало сказителей как артистов, солистов филармонии и увидеть их можно было только на культурных мероприятиях или же на телеэкранах. Но больше всего их считали остатками средневековья, элементами архаизма и отсталого прошлого.

Ведь до сегодняшнего дня наука пока еще полностью не определилась в изучении некоторых проблем, касающихся не только сказительского искусства, но и самого сказителя. И одной из многих проблем являются особенности и функции живого сказывания эпоса. Также открыт вопрос о приобретении будущими сказителями сказительского дара.

После чего мы сможем дать ответы на такие вопросы, кем был сказитель в прошлом и кем он является сейчас в народе? Какова его роль в жизни современного общества? И вообще, кто такой сказитель, то есть вопрос, относящийся к его социальному статусу. Все эти вопросы касаются традиционных основ сказительства, и они взаимосвязаны между собой, поэтому изучение их очень важно.

Конечно, следует отметить, что в настоящее время рост осознания важности сказителя и его живого исполнения эпоса в современном обществе определенно возрастает. Также следует отметить, что определенная часть общества живое исполнение эпоса, как это было в прошлом, стала воспринимать как инструмент пробуждения духа и очищения души.

Поэтому впервые в истории сказительства 15–18 июня 2023 года в Кыргызской Республике усилиями Государственного учреждения Национальной академии «Манас» был проведен Первый всемирный форум сказителей. Конечно, в прошлом в Кыргызстане, да и в других странах проводились различные международные фестивали, конкурсы, научные конференции, дни культуры с участием сказителей. Однако этот Форум, в котором участвовали сказители разных народов и стран, стал событием особой важности: это не было международным фестивалем или конкурсом сказителей; это не было очередной международной научно-практической конференцией, где сказители участвуют в качестве демонстрационного материала или средства.

Учитывая сегодняшнее обстоятельство, когда в мире происходят глобальные перемены, когда человечество находится в духовном, экономическом и политическом тупике, сказители, собравшись на данном Форуме, должны были определить свою истинную духовную, социальную направленность, а также свою истинную роль и место в современном обществе. И основная цель проведения этого Форума заключалась именно в этом.

Сегодня эти вопросы очень важны как для нас, самих сказителей, так и для наших народов. Особенно это важно для народов Евразии. Для которых героический эпос и живая сказительская традиция имеет особое значение. А для народов, у которых живет сказительская традиция, и которые душой и духом живут в эпическом пространстве, у которых эпос бытует на генетическом уровне.

Для человека, глубоко понимающего значение своего народа, родной земли, народного эпоса, в будущем этот Форум может стать очень важным инструментом для определения роли и места сказителя в современном обществе.

Форум создаст уникальную площадку для сказителей народов мира для того, чтобы высказать свои мысли, обсудить проблемы, задачи и по мере возможности найти пути их решения. В нынешней сложившейся непростой ситуации в мире, сказители, которые несут в себе дух своих древних предков, обязаны внести свой вклад в сохранении духовных ценностей всего человечества.

Конечно, следует отметить, что данный Форум осуществляется в целях реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О дополнительных мерах по всестороннему изучению и популяризации трилогии эпоса «Манас» (эпосы «Манас», «Семетей», «Сейтек») — бесценного духовного наследия кыргызского народа» и в целях осуществления плана мероприятий по реализации Концепции по изучению и популяризации эпоса «Манас» на 2023–2027 годы.

Национальная академия «Манас» Кыргызской Республики, основной деятельностью которой является популяризация, исследование эпического наследия, заинтересована в активном участии в деле сохранения сказительского искусства, возрождения традиционных основ сказительства, содействия сказителям народов мира и приглашает их принять участие в работе Форума на котором предоставлена широкая возможность и хорошая платформа для обсуждения актуальных вопросов сказительства.

Сам формат Форума не ограничивает участников и не является научным, он призван поддержать свободный диалог представителей разных культур.

Главной темой Форума является определение статуса сказителя как основного источника эпического наследия, обозначение роли сказителя в современном мире, сохранение и изучение сказительского искусства.

Для решения этих и других вопросов возникла необходимость создания постоянно действующего центра взаимодействия. Поэтому 17 июня 2023 года участниками Первого всемирного форума сказителей было подписано Соглашение об учреждении Международной организации сказителей и эпосоведов в Кыргызской Республике.

И мы надеемся, что в скором будущем работа этой Организации принесет свои первые плоды не только в определении роли и функции сказителя, но и в научном исследовании сказительского искусства.

Сведения об авторе: Бакчиев Талантаалы Алымбекович, доктор филологических наук, президент государственного учреждения Национальной академии «Манас» Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызстан

УДК 894.343

Н. А. Хуббитдинова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

ОБЩИЕ И СХОДНЫЕ МОТИВЫ В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИР И АЛТАЙЦЕВ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей некоторых общих и сходных мотивов в устно-поэтическом творчестве алтайского и башкирского народов. Были, в частности, выявлены общность и различие таких мотивов, как «На добро ответить добром», «Запрет — нарушение запрета — наказание», пословицы тип «На жену не надейся, надейся на своего пса», наличие мифологических образов змеи, наличие змеи в поверьях двух народов и т. д. Генетические, типологические сходства указанных художественных элементов в традиционной культуре народов говорит об общности историко-культурных корней, тесных этнических, исторических вазимосвязей Волго-Уральского региона с Алтаем.

Ключевые слова: алтайцы, башкиры, тюркские народы, мотивы, традиции, предание, эпос, пословица, традиционная культура.

N. A. Hubbitdinova

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia)

COMMON AND SIMILAR MOTIFS IN THE ORAL POETRY OF BASHKIRS AND ALTAIANS: COMPARATIVE ASPECT

Abstract. The article is devoted to the consideration of the features of some common and similar motifs in the oral and poetic creativity of the Altai and Bashkir peoples. In particular, the commonality and difference of such motives as «Return good with good», «Prohibition — violation of the prohibition — punishment», proverbs such as «Don't rely on your wife, rely on your dog», the presence of mythological images of a snake, the presence of a snake in beliefs were revealed two peoples, etc. The genetic, typological similarities of these artistic elements in the traditional culture of peoples indicate the common historical and cultural roots, close ethnic, historical vasioconnections of the Volga-Ural region with Altai.

Keywords: Altaians, Bashkirs, Turkic peoples, motives, traditions, legend, epic, proverb, traditional culture.

Фольклор, как известно, — особый вид искусства слова и является своеобразной, особенной частью художественной культуры народа. Однако фольклор никогда не существовал изолированно, он постоянно подпитывался не только собственным плодом устно-поэтического, традиционного народного творчества, но и образцами инонациональных культур. Поэтому в традиционной культуре одного народа всегда можно обнаружить интертексты мотивов, сюжетов инонационального фольклора, сходных вариантов версий эпических, сказочных произведений, пословиц и поговорок и т.д.

О возможных сходствах в фольклоре часто пишет С. Ю. Неклюдов, который относительно причин наличия сходств между фольклорными произведениями: 1) генетический — наличие общего предка. Обычно его применяют к традициям, родственным в языковом отношении; 2) заимствование, культурные диффузии, взаимообмен устными текстами в условиях культурного и лингвистического двуязычия; 3) типологический [1].

В наших исследованиях сходства традиционных мотивов, сюжетов в основном восходят к генетическим, хотя бы потому что башкирский язык как тюркский относится к семейству алтайских языков [2, с. 114]. В результате тесного территориального, языкового взаимодействия в фольклоре, этнографии башкир и алтайцев можно встретить много общего. «Проблему сходства и близости башкирских и алтайских эпических сюжетов, хотя она и не стала предметом специального исследования, никто из башкирских эпосоведов не смог обойти без внимания. Здесь имеются в виду работы А. Н. Киреева (Кирей Мэргэна), М. М. Сагитова, С. А. Галина, Р. Ф. Ражапова, Г. В. Юлдыбаевой» [3, с. 297].

Одним из таких художественных элементов в сказочном творчестве башкирского народа является тематический мотив «На добро ответить добром». В башкирской народной сказке «Клубок», а также в других сказках этого типа (АТ 480, СУС480* — «Мачеха и падчерица»), сирота достигает своей цели, оказав другим помощь: пастушке помогает собрать разбежавшихся гусей, пастухам — разбредшихся коров и овец. За оказанную помощь они указывают, в какую сторону покати́лся клубок шерсти, в поисках которого она и пустилась в путь. В одном из вариантов бытовой сказки «Девушка и сорок разбойников» сюжетного типа АТ256В «Сорок разбойников» девушка, убегая от грабителей, оказывает помощь раненому медведю, вынув из его лапы занозу, и получает в ответ добро за оказанное ею доброе дело [4, с. 468; 5, с. 68–69].

Надо отметить, что в башкирском народном обрядовом фольклоре есть немало ритуалов и обычаев, связанных со змеей, о чем было известно еще из седой древнегреческой классической мифологии. В сочетании с мотивом «На добро ответить добром» этого образа является традиционным. Так, герой мифа Мелампод также спасает от гибели в огне змеиных детенышей, которые в ответ на добро наделяют его способностью понимать речь животных. Обретенный дар позже играет жизненно важную для него роль. Как известно из древнегреческого мифа, именно от змей научились искусству

прорицания Кассандра и Гелена. В целом, представление об особой мудрости змей является широко распространенным [6, с. 23; 5, с. 174].

В алтайской народной сказке «Кайчи-Мэргэн» герой также спасает змею от гибели в огне. Позже выясняется, что эта спасенная черная змея оказалась детенышем двух огромных змей: одна была белоголовой, а другая — златоголовой. В благодарность за спасенного детеныша герой одаривается тем же даром, что и герой древнегреческого мифа, однако за этим тут же следует запрет: «...За то, что ты сделал добро», — говорит одна из змей, — «ты будешь понимать языки зверей и птиц. О том, что ты сделал..., стал понимать языки зверей и птиц, никому живому не рассказывай... если расскажешь, будет плохо» [7, с. 129; 5, с. 174–175]. Следовательно, известный мотив усложняется другим мотивом «Запрет — нарушение запрета — наказание». И, действительно, в сказке, как водится, запрет нарушается, в результате герой был наказан.

В алтайской народной сказке для нас интерес представляет белоголовая змея, в нашем понимании она — Белая змея, которая в поверьях и верованиях алтайцев также занимала важное место. Ведь Кайчи-Мергена так и говорит, обращаясь к змеям: «Дух земли, уважаемый», — так он обратился к ним, — «вроде бы вам я ничего не сделал, змееныша вашего из пожара вытащил. Что вы замышляете против меня?» — говоря так, стал кланяться змее» [7, с. 129; 5, с. 175]. Следовательно, в древних поверьях алтайцев змея являлась важным тотемным животным.

В суеверных верованиях башкир, как уже было сказано выше, змея также представляет собой мифический образ, обладающий магической силой. Верили, что Белая змея является царицей змей. Если на пути встретится эта змея, то перед ней надо расстелить белый платок, на которую, как говорят, она сбрасывает свой рожок, обладателю которого всегда будет сопутствовать удача («кот») [8, с. 65; 5, с. 174–176]. О поклонении змеям как божествам писал в своих заметках арабский миссионер Ибн-Фадлан (X в.), в частности, что одна из групп башкир поклонялась журавлям, а другая — змеям [9, с. 11]. Это несколько объясняет щедрость змеи по отношению к герою-спасителю, и на нее в сказках возлагается особая художественная нагрузка: одаривать богатством или удачей героя-спасителя, сделавшего для нее добро. В башкирской народной собственно волшебной сказке типа АТ 313 «Быжыр-мэргэн», «Умыс», «Яшматаш» и других герой также спасает от гибели змею (он спасает либо от огня, либо от нападения других змей и т.д.) [8; 5, с. 176]. В благодарность за содеянное добро и милосердие, как и в древнегреческой мифологии, герой одаривается неким знанием или богатством. Так, в сказке «Быжырмэргэн» спасенный героем змей ведет его к отцу, который дарит ему за его доброе дело белый сундук. Вернувшись домой, егет открывает сундук, а оттуда выходит красавица девушка — его невеста, следом появляется чудесный дворец, разное добро и т.д.

Змею, связанную с этим мотивом, также можно обнаружить в башкирском народном эпосе «Урал-батыр», в котором Урал-батыр спасает от смерти Заркума — сына царя змей Каххахи. И здесь царь змея не оставляет героя с пустыми руками и одаривает его волшебной палкой с жемчужной головкой, с которой нельзя было ни в огне сгореть, ни в воде утонуть, и в нужный момент можно было стать невидимым и т.д. [9, с. 54, 57].

В башкирских народных сказках типа АТ 654В («Аминбек», «Карбуз», «Шакир», а также узбекская сказка «Молодцу и семидесяти искусств мало»), где в роли мотива выступает башкирская пословица «Для егета (юноши) и семи ремесел мало» («Егеткә ете һөнәр зә аз»). Сказка повествует о том, как главный герой юноша-егет усваивает разные ремесла, которые в последствии помогли ему выйти из затруднений. О возможности пословицы выступать в роли сюжетобразующего мотива в сказках говорил и А. М. Сулейманов, рассматривавший пословицу «Не верь своей жене, верь своей собаке», «на которой построены сюжеты ряда нравоучительных бытовых преданий о том, как во время отсутствия мужа дома, его жена уходит вместе с чужеземцами. Жена за день забывает своего мужа, не хочет помочь ему, когда тот, догнав их, начал бороться с чужаком. От верной смерти его спасает преданный ему пес» [3, с. 297–298]. Исследователь верно отметил некоторые сходства данного мотива в алтайском эпосе «Алтай-Буучай». Однако дальнейшее развитие сюжета идейно-тематически отличается от башкирского народного предания. Во-первых, если в последнем женщина все же как бы является жертвой нападения чужаков со стороны, то в алтайском памятнике супруга Алтай-Буучая Яра-чечен вместе с сестрой Очо-чечен сами намеренно приглашают посторонних мужчин с тем, чтобы они взяли их в жены. Потому что хозяин дома ушел на охоту и долгие дни не возвращался, а хо-

зайство надо было вести; во-вторых, в измене женщин виноватыми являются не посторонние мужчины, а они сами завлекли их; в-третьих, все вместе ополчившись против Алтай-Буучая, они лишают его жизни; в-четвертых, «если в башкирских преданиях суд над изменницей совершают ее отец и родные братья, то в алтайском эпосе эту роль выполняет сын Алтай-Буучая. Следовательно, в некоторых случаях народные пословицы в ином произведении могут выполнять функцию сюжетобразующего мотива» [3, с. 297]. Подобные сходства и различия в устно-поэтическом творчестве башкирского и алтайского народов можно встретить много и они разнообразны как в жанровом, так и в художественно-эстетическом значении.

Таким образом, этот рассмотренный неполный образец сходства и различий в художественном отношении, обнаруженных в фольклорных произведениях башкирского и алтайского фольклора, конечно, говорит об общности историко-культурных корней, тесных этнических, исторических взаимосвязей Волго-Уральского региона с Алтаем. Это еще раз подтверждает перспективность выявления и изучения особенностей генетических, а также типологических сходств, общностей башкирского и алтайского фольклорного наследия.

Список использованных источников и литературы

1. Неклюдов С. Ю. Почему мифы разных народов похожи? / Запись К. Головастика курса лекций «Мифы Южной Америки». URL: <https://arzamas.academy/materials/12> (дата обращения: 12.09.2023).
2. Дыбо А. В., Хисамитдинова Ф. Г. Башкирский язык в системе алтайских языков // Проблемы волюковеденья. — 2009. — № 4 (46). — С. 109–115.
3. Сулейманов А. М. Некоторые сходные и отличительные особенности башкирских и алтайских эпосов // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. — Уфа, 2010. — С. 297–303.
4. Башкирское народное творчество: Волшебнo-героические сказки / сост., авт. вст. сл., коммент Н. Т. Зарипов, Л. Г. Бараг. — Уфа: Башкнигоиздат, 1989. — Т. 4. — 512 с.
5. Хуббитдинова Н. А. Фольклор в башкирской литературе: художественно-эстетический аспект (XIII — нач. XX). — Уфа: Гилем, 2016. — 276 с.
6. Мифологическая библиотека. Аполлодор / пер. с древнегреч. В. Т. Боруховича. — М.: Астрель, 2004. — 380 с.
7. Алтайские народные сказки / сост. Т. М. Садалова. — Новосибирск: Наука, 2002. — 455 с.
8. Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская мифология. — Уфа: Гилем, 2002. — 126 с. (на башк. яз.).
9. Башкирское народное творчество: Новеллистические сказки / сост., авт. вст. сл., словаря А. М. Сулейманова, ком. Л. Г. Барага, А. М. Сулейманова. — Уфа: Китап, 2008. — Т. 11. — 568 с. (на башк. яз.).
10. Башкирское народное творчество: Сказки о животных; Волшебные сказки / сост., введен. и коммент. М. Мингажетдинова, А. Харисова. — Уфа: Башкнигоиздат, 1976. — Т. 1. — 380 с. (на башк. яз.).
11. Башкирское народное творчество: Эпос: в 55 т. / сост. А. М. Сулейманов; авт. вступит. сл. М. М. Сагитов. — Уфа: Китап, 1998. — Т. 3. — 448 с. (на башк. яз.).

Сведения об авторе: Хуббитдинова Нэркэс Ахметовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Башкирского фольклора Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, e-mail: narkas08@mail.ru

УДК 821

З. А. Алибаев

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

КОМПОЗИЦИЯ РОМАНА «МЕЛОДИЯ СТЕПИ» А. ХАКИМОВА

Аннотация. В статье анализируется один из романов прекрасного башкирского писателя-современника А. Хакимова. Автор акцентирует внимание на том, что больше историческая тематика, исторические герои определяют жанр романа. Дается анализ композиции романа, подробно освещает поэтику романа «Мелодия степи». Данная статья может быть полезна филологам, литературоведам.

Ключевые слова: роман, поэтика, жанр, композиция, автор, герой.

Z. A. Alibaev

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia)*COMPOSITION OF THE NOVEL «MELODY OF THE STEPPE»
BY A. KHAKIMOV

Abstract: the article analyzes one of the novels of the wonderful Bashkir writer- contemporary A. Khakimov. The author focuses on the fact that more historical themes, historical heroes determine the genre of the novel. The article analyzes the composition of the novel, highlights in detail the poetics of the novel «Melody of the Steppe». This article may be useful to philologists, literary critics.

Keywords: novel, poetics, genre, composition, author, hero.

В романе народного писателя Башкортостана Ахияра Хакимова «Мелодия степи» освещена еще более отдаленная от нас историческая эпоха, при этом автор заметно обогатил традиции башкирских исторических романов и добавил некоторые особенности. В данном произведении поэтика исторического романа нашла полное свое отражение. Особенно талантливо автор подает пространственно-временные отношения, острые противоречия личности и общества. В центре произведения — образ тюркского поэта Саифа Сарай, который жил в XIV веке. Повествование начинается с родных мест, с детства поэта. «Легкий ветер доносит со степи горьковато-сладкий запах полыни. Удивительно, но этот аромат имеет обыкновение усиливаться по ночам. Через много лет, когда он будет жить вдали от родины, он не раз будет щекотать нос поэта-странника. Аромат степи. Прима тоски...» [1, с. 250]. Это всего лишь начало размышлений Сайфетдина о родной земле, когда перед дальней дорогой он наблюдает за ночным небом и предается мечтам. Считаю, будет уместным, если приведу здесь же мысли Мурада Аджи о той же полыни. «Полынь — трава особенная, не все, лишь избранные ценят ее: для меня в ней запах Родины. Она — весть безмолвная с покинутой страны, ныне забытой. Наши предки перед дальней дорогой вешали себе на шею кожаный мешочек с щепоткой сухой полыни — на счастье. «Ладанка для души», — говорили они. Когда-то в Великой Степи за добрый знак почитали посылать далекому родственнику не письмо, не подарок, а пучок сухой полыни — сигнал к встрече или возвращению» [2, с. 102].

Сайфетдин с детства почувствовал, познал цену земле, мелодию степи, ее дыхание. Степные просторы, ширь и свобода звали поэтическую душу подростка к небесной высоте. Слушая интересные, увлекательные рассказы дедушки Ирназара, когда пасли лошадей, он узнал о мире Востока. Эх, вот бы попасть туда, мечтал окрыленный Сайфетдин. И вот его желание сбывается: отец отправляет Сайфетдина в город Сарай на учебу. Эти события, описанные в экспозиции «Мелодии степи», становятся основой будущей сюжетной линии романа. Неспроста писатель назвал экспозицию «Начало пути («Далекое близкое»)), а прием кольцевой композиции связывает узловую мысль произведения с главной идеей, которая не раз будет приведена в дальнейшем.

Невозможно представить идейно-нравственную проблему романа без описания основного направления деятельности Саифа Сарай. Воплощается в жизнь пожелание аксакала Ирназара, с кото-

рым он некогда напутствовал Сайфетдина. Саиф не представляет свою жизнь без поэзии. Мало того, она становится смыслом его жизни.

Абрар-суфи говорит при беседе: «Искусство слова, секрет поэзии идет от Бога. Грех отказываться от него» [1, с. 236]. Когда Саиф засомневался в себе и хотел бросить писать, он вдруг пересмотрел свои взгляды после предупреждения Абрара: «Справедливость, совесть, нравственность — под ногами. Ты собираешься один исправить мир, который не смог изменить даже сам Всевышний? Не будь наивным, поэт!». А встретившись с Мансуром, он пришел к выводу: «Поэт в течение всей жизни обогащает свой мозг всем пережитым, увиденным, написанным в книгах, пропускает все это через свое сердце и воплощает в стихотворные строки. Поэзия, наверное, рождается как раз от слияния разума и чувства...» [1, с. 240]. Это самое вдохновение и окрылило его в дальнейшем на создание книги «Гулистан бит-тюрки».

Как видим из произведения, все события, весь жизненный путь поэта — это стремление к свободе духа, и писатель сумел искусно отразить это в композиции. Идея романа развивается в упомянутых выше двух направлениях, противоположных друг другу. А внутренний конфликт в характерах персонажей еще более осложняет ситуацию, усиливает динамику, разветвляет сюжетные линии. Какой бы огромный временной период ни охватывала эпическая широта событий в романе, автор не забывает о компактности. Собирает повествование в единый узел стихотворными строками китаянского поэта Ли Бо, звучащими лейтмотивом произведения.

Роман «Мелодия степи» состоит из десяти небольших частей. Хотя основные сюжетные линии организованы вокруг поэта Сайфа Сарай и хана, но и менее значимые события, являющиеся плодом творческого воображения, дополняют идею романа, усиливают конфликт между личностью и обществом. Если первое направление проблемы романа получает развитие в идейно-нравственном плане, то второе, по словам литературоведа Г. Н. Поспелова, развивается в связи с динамикой и состоянием внешних перемен судьбы личности.

Второе направление «Мелодии степи» А. Хакима порой напоминает традиционные фольклорные мотивы. Сайфетдин из родной деревни Камышлы отправляется в Сарай за новыми знаниями. Спустя долгие годы судьба приводит его в города Дамаск и Каир. Удачные и безуспешные события, происходящие с главным героем на жизненном пути, само собой, меняют и его самого. Проблема романа направлена на личностные начала, так как Сайф является героем, который сам пишет свою судьбу. Как отмечает теоретик А. В. Кожин, в развитие полифонического сюжета вносят вклад разные стороны и счастливые случаи в жизни героя [3, с. 134]. В «Мелодии степи» часто встречаются именно такие события, они и меняют судьбу поэта.

Первоначально разворачиваясь рядом с ханом в городе Сарай, сюжетные линии в дальнейшем разветвляются. Правая рука хана, Акъял-хаджи — весьма своеобразный, сложный образ. Он остается верным хану, своему долгу. Перед смертью просит простить ему грехи. Почувствовав всю силу запаха полыни, вспоминает всю свою жизнь. Ведь он направлялся к гайнинцам, к сожалению, путь его оборвался. Ханская семья нашла в романе полное отражение. Писатель тщательно обрисовывает интриги и смуту в ханском дворце, распри между Ялалетдином, Хусаином и Мухамметом, резких характер ханши Махипэрвэз [4, с. 135].

Сайф Сарай при поддержке Абрара-суфи вырывается из ханского рабства. Стремится к своей мечте, вершинам творчества и начинает странствовать. Счастливый случай в Каире окрыляет Сайфетдина. Там он встречается и знакомится со многими своими соплеменниками. Особенно велико было влияние Санжара аль-Башкорди на его судьбу. Именно он назначает Сайфа на должность главного секретаря муфтия в Дом государственного правления.

Жизнь поэта постепенно налаживается, ему выделяют просторный дом. Позже Сарай напишет в главном своем произведении строки, посвященные Санжару аль-Башкорди: «Кто оставит доброе имя после себя, тот бессмертен. Всегда помню ученого эмира из Египта, чьи труды окупились обильными плодами» [1, с. 278]. В Египте было довольно много земляков Сайфа, он общался с сартом Туглу-ходжа, кипчаком Исфаком-узманом и другими поэтами. Все они друг за другом ушли в мир иной. Они много говорили с Гильметдином о красоте и изяществе башкирского языка. Послушав стихи Сарай, поэт Ибн Хальдун даже восхитился: «Какой нежный, красивый язык! С точки зрения моего учения, вероятно, корни этого языка уходят вглубь природы твоего родного края, образа мышления и мировоззрения твоего народа».

Сайф Сарай с головой уходит в творчество, изучает первоисточники. Однако ему чуждо благодушие, самодовольство. Поэта беспокоит, что «у его собственного народа нет письменной истории. Она больше сохранилась в виде дастанов, преданий, сказаний и литературных миниатюр. Нельзя забывать историю. Ведь не зря говорят, что история — это зеркало, отражающее вечную борьбу между добром и злом, правдой и ложью». Отсюда и его неизбывная тоска о родине: «До самого рассвета он представлял задумчивые ивы, кудрявые березки на берегах Идели, несметные стада на степных просторах и не мог заснуть. Удивительно еще и то, что его целыми днями преследовал запах полыни. Запах степи. Аромат детства. Самое сладкое и самое горькое чувство любви человека берет начало из его родины...» [1, с. 267].

Духовная свобода. В конце романа, беседуя с Исхаком, Сайф Сарай говорит: «В родных местах и тело, и душа человека словно находятся в безжалостных тисках. Не продохнуть. На каждом шагу — несправедливость, самоуправство...» [1, с. 280]. Тиски. Действительно, эти тиски и сегодня, в наши дни душат духовную свободу. И почему освободиться от этих тисков возможно только вдалеке, на расстоянии от родины? Тиски... Они чаще всего захватывают наши души и загоняют круг воззрений в определенные рамки, превращаясь в некую болезнь. Значит, что печалило наших отцов и дедов, живо и сегодня. А жаль! Роман «Мелодия степи» Ахияра Хакима достоин внимания во всех отношениях. Даже простой обзор узелков, составляющих общую идею произведения, расширяет кругозор. Приближая то далекое, что осталось в глубине веков, роман способен дарить свет нынешним поколениям, сокращать расстояния между людьми. Он звучит как вечная мелодия степи, призывный клич, сливаясь с переливами курая!

Список использованных источников и литературы

1. Хакимов А. Нет спасения от бури. — Уфа: Китап, 2004. — 535 с.
2. Аджи Мурад. Полынь половецкого поля. — М.: ТОО «Пик-Контекст», 1994. — 349 с.
3. Кожин В. В. Происхождение романа. — М.: Советский писатель, 1963. — 440 с.
4. Алибаев З. А. Поэтика современных романов. — Уфа: Самрау, 2020. — 286 с.

Сведения об авторе: Алибаев Заки Арсланович, кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы, г. Уфа, Россия, e-mail: alibaev.zaki@mail.ru

УДК 93/94

К. Б. Аллабаева

Туркменский государственный архитектурно-строительный институт
(Ашхабад, Туркменистан)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОСА ГЁРОГЛЫ У РАЗНЫХ НАРОДОВ

Аннотация. Статья посвящена эпическому эпосу Гёроглы в туркменском и других народах как одной из ведущих групп тюркских народов, с культурами которых связано развитие целого ряда других культур. В статье описаны общие сходства и особенности эпоса Гёроглы в языках разных народов. Особое внимание уделено вымыслу, используемому в фольклоре. Каждый экземпляр эпоса «Гёроглы», продолжающегося у разных народов, имеет свои особенности. Эта особенность часто относится к структуре произведения, развитию событий.

Ключевые слова: туркмены, Гёроглы, фольклор, турецкие языки, исторические события, эпос.

K. B. Allabayeva

Turkmen state Architecture and construction institute (Ashgabat, Turkmenistan)

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE EPIC OF GOROGLY IN DIFFERENT NATIONS

Abstract. The article is devoted to the epic Gorogly in Turkmen and other peoples as one of the leading groups of Turkic peoples, with whose cultures the development of a number of other cultures is associated. The article describes the general similarities and features of the Gorogly epic in the languages of different peoples. Particular attention is paid to fiction used in folklore. Each copy of the epic «Gorogly», which continues among different peoples, has its own characteristics. This feature often relates to the structure of the work and the development of events.

Keywords: Turkmens, Gorogly, folklore, Turkish languages, historical events, epoch.

Эпосы — это героические народные предания и сказания. Это крупнейший повествовательный жанр фольклора. В фольклоре эпос — повествовательное произведение, описывающее событие, имеющее большое историческое значение в определенный период жизни народа. В эпосе широко отражены героизм, патриотизм и гуманное поведение народа. Исследователи впервые начали записывать и публиковать тюркские эпосы и иные исторические предания народов этих регионов с середины XIX столетия. Ведущим компонентом эпического наследия народов и народностей этих регионов является тюркский эпос. В культурном наследии тюркских и иных народов эпические творения занимают важнейшее, образующее место: это основное хранилище и основной способ ретрансляции исторической памяти, это художественно воплощенная и осмысленная история народа, это идеология, специфическая манифестация духовно-нравственных ценностей народа, это мощнейший, основной мировоззренческий столп культуры, а также система традиций, которая удерживает людей в культуре и истории, делает их народом.

Туркмены — народ, богатый духовными ценностями, которые характеризуют их национальность. В народное творчество былины и дессанов заложены такие благородные качества, как патриотизм, героизм, единство, гуманизм, трудолюбие, уважение к старшим, уважение к младшим. Эти национальные особенности отражены в таких эпосах, как «Огузнама», «Горкут ата», «Гёроглы». Эпосы отражают верования, традиции и жизненные ситуации нашего народа в древнейшие и средневековые времена. Эпос внешне похож на дессан. Как и в дессанах, в былинах чередуются повествование и поэзия. В повествовательной части показаны события и развивается сюжет. Легенды, слухи и песни о Гёроглах распространились в Среднюю Азию, на Кавказ, на Ближний Восток, и у каждого народа были свои «Гёроглы». Эпос более популярен среди узбекского, таджикского, казахского, азербайджанского, армянского и грузинского народов. Но есть общая близость, связь между образцами (вариантами) эпоса. Близость лучше всего ощущается в основной идее эпоса. Каждый экземпляр эпоса «Гёроглы», продолжающегося у разных народов, имеет свои особенности. Эта особенность часто относится к структуре произведения, развитию событий. Также можно говорить о крымскотатарских версиях тюркских эпосов, например, эпоса «Кёроглу», рассказывающего о «сыне, рождённом из могилы» [1]. Его мать, согласно восточной версии, была похоронена беременной, но ребенок родился и выжил, поэтому его называли Гёроглы.

В XIX веке среди грузинского народа распространились легенды и песни о Гёроглы. В начале XX века многие тексты эпоса «Гёроглы» были написаны азербайджанскими бакшами. Многие ветви эпоса были написаны в Узбекистане. Рукопись «Гёроглы», переписанная в XIX веке, отличается размером. Эта рукопись, написанная арабским алфавитом, полностью сохраняет язык и стиль туркменских дессанов. Произведение в рукописи ближе к отдельным главам туркменского эпоса. Во всех них Гёроглы и его коллеги выступают как молодые патриоты, защищающие страну и борющиеся за справедливость. Как и некоторые другие жанры фольклора, этот эпос не соответствует оригиналу. Народ помнил свое «Гёроглы» и передал его из поколения в поколение. Однако если принять во внимание действия Гёроглы и его сорокалетней молодости, то можно быть уверенным, что некоторые

события эпоса возникли в более ранние времена, еще до возникновения исламской религии. Ярким свидетельством этого является тот факт, что действие героя произведения мало связано с религией и ориентированность на вино. В некоторых событиях эпоса говорится, что Гёроглы привез из Испыхани свой меч и лук. Рассматриваемый период соответствует периоду правления Сефевидов в Иране в XVI и XVII веках.

Кавказская, узбекская и казахская версии эпоса «Гёроглы» содержат ценные сведения о туркменском статусе Гёроглы. В узбекском варианте известно, что Гёроглы родился в племенах туркменского теке и йомута. В казахской версии произведения сказано, что главный герой жил в городе Ургенче, на берегу Амыдерьи, вокруг Каспийского моря. Он жил в тех местах и отбивался от иностранных вторжений. В эпосе встречаются названия таких мест, как Балканская гора, Этрек, Гурген. Эпос «Гёроглы» представляет собой масштабное произведение, повествующее об истории народа, состоящее из нескольких глав и стихов. Этот эпос привлек внимание ученых своей историчностью и героизмом как в прошлом, так и в настоящем. Одной из первых работ по изучению туркменского «Гёроглы» стал перевод нескольких ветвей эпоса на английский язык польского путешественника и востоковеда А. Ходзко-Борейко, изданный в Лондоне в 1842 году. Во время своего путешествия на Восток он записывает, анализирует и дает объяснения этому великолепному памятнику. Это одна из первых попыток распространения эпоса «Гёроглы» в мире.

«Гёроглы» — произведение, широко распространенное среди народов. Предполагается, что у него будет 44 филиала. В 50-х годах XX века число филиалов Национального института рукописей Туркменистана достигло 20. Сегодня существует около 200 печатных материалов, связанных с эпосом. Рукописи Института рукописей написаны бахши, художниками и скульпторами. Но события в материале не те. Если в одних материалах имя Гёроглы принимается как «Гёроглы», то в других оно приводится как «Кероглы», «Кероглы», «Гёроглы султан», «Гёроглы бек». Национальные образцы эпоса под разными названиями сообщают о взаимодействии народов в местах распространения произведения, взаимодействии народного творчества, близости народов в историческом плане. Таким образом, этот эпос стал воспоминанием, соединяющим корни тюркских и восточных народов в один корень. Эпос впервые был издан в Казани в 1902 году («Повесть — «Гёроглы султан»), затем в 1915 году в Ташкенте («Кысσαι — «Гёроглы султан»). Издание эпоса «Гёроглы» на туркменском языке впервые было наложено в начале 40-х годов XX века. Азербайджанский учёный Эльчин выдвигает идею, что решение вопроса о первоначальной личности «Гёроглы» следует искать в мифах древней литературы и героях эпосов, созданных во времена великого турецкого правления. Потому что в контексте очерка невозможно прояснить мифологические символы древнейших времен иным подходом. Эта идея всегда была в центре внимания туркменских зоологов. Это связано с такими мифическими признаками, как битва Гёроглы с драконом, его женитьба на девушке-фее, происхождение Гырата от воды, встреча Гёроглы с Эренами и получение их белого хлеба, Хазрат Али, умеющий говорить на 72 языках, заживляющий свои раны, когда видит звезду и дающий ему меч-молот в качестве символа. Не считая мифов, созданных скифами, считающимися древними предками туркмен.

В большинстве экземпляров замечательного произведения о Гёроглы, принадлежащих многим народам, таким как азербайджанский, узбекский, таджикский, турецкий, грузинский, армянский, курдский, говорится, что главный герой Гёроглы имеет туркменское происхождение. Это дает основание полагать, что легенды о Гёроглы начали распространяться среди туркмен. В связи с этим ученые В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, более подробно изучившие эпос «Гёроглы», выдвинули взаимосовместимую мысль в двух местах: «Общая черта среднеазиатских эпосов («Гёроглы» эпос), их развитие и распространение происходит из одного места. Вероятно, это заставляет нас говорить, что оно началось в Туркменистане»; «Эпическая идеализация народного героя (Гёроглы). Как и ожидалось, процесс начался на его родине — в Туркменистане. Здесь могут сохраниться предания о происхождении знаменитого туркменского героя, его родословной — легенды» [2]. Известный востоковед Ю. Э. Бертельс в своем труде «Литературная история туркменского народа» говорит, что «для большинства историков Гёроглы всегда воспринимался как представитель туркменского народа. На этом основании можно предположить, что истоки легенды созданы на туркменской земле» [3]. То есть характеристика «Гёроглы» у многих народов связана не только с историческими обстоятельствами, но и с тем, что туркмены находились в то время в тесных отношениях со столь большим количеством народов.

Одной из главных удивительных идей является наличие практически во всех этих странах географических названий и терминов, связанных с названием Гёроглы. На территориях, населенных тюркскими народами — в Туркменистане, Азербайджане, Турции, Узбекистане, Казахстане — немало географических мест, поселений и древних исторических памятников, связанных с именем Гёроглы. Все это факт, еще раз доказывающий, что тюркские народы имеют одно происхождение. Говорят, что он блистал своим святым мечом во всех замках, названных в честь Гёроглы, что Гёроглы музицировал и пел во всех Чандибилах, и что Гёроглы ездил на своем коне по тем горам и скалам со своими храбрыми людьми. Число мужчин Гёроглы в одной народной выборке составляет 7777 (семь тысяч семьсот семьдесят семь), у некоторых народов — 70 (семьдесят), а в туркменской выборке — 40 (сорок). Поэтому, наверное, уместно историческую дальность корней тюркских народов основывать на их происхождении. Азербайджанский ученый Ф. Джалилов также говорит: «В Туркменистане остается древняя копия оригинала «Гёроглы» [4]. 2 декабря 2015 года эпос «Гёроглы» был включен в представительный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. В основе сюжета дессанов, распространенных у тюркских народов, лежат сказки и легенды. Они также возникли в очень древние времена. Распространение дессанов также связано с литературным и фольклорным наследием соседних народов. Поэтому они широко известны среди восточных народов под разными названиями. История «Неджепа Оглана» рассказывалась под именем «Ашик Эльбент» на узбекском языке и в Азербайджане. Ставропольские туркмены называют эпос «Саятлы-Хемра» «Теракимени Хемра». После X века наше культурное и литературное наследие распространилось на Ближний Восток, в Закавказье, Малую Азию, Сирию и Ирак. Первые издания туркменского «Гёроглы» дают основу для повествования об эпохах зарождения эпоса. Действие эпоса происходит на несколько столетий раньше. Бахши на протяжении веков собирали литературную информацию и создали туркменское «Героглу». Основу эпоса составляют туркменские сказки, легенды, песни и сказания.

Крымско-татарский фольклор содержит ряд жанров, как и туркменский: пословицы («ата-лар сези») — ритмически организованное, устойчивое народное изречение типа: «Боюна бакъ-ма — кьолуна бакъ» («Не смотри на рост — смотри на руки»); поговорки («айтым»), существующие для отображения текущей оценки, а не целого суждения, как в пословице: «Азыргъа дуваджы» («Тот, кто живо прочитает молитву за приготовленное») — т. е. нахлебник; загадки («тапмаджа») — иносказательное, поэтическое описание явлений или предметов: «Дам устюнде ярим отьмек» («Над крышей половина лепешки») — т. е. луна; частушки («чынъ», другое название «мане») — краткое по объему, но законченное семантически поэтическое произведение лирического, сатирического, дидактического содержания без аккомпанемента или с музыкальным сопровождением; ногойские бейты («ногъай бейитлери») — двустипхи степной части Крыма, которые посвящены лирической тематике, а также раскрытию проблем жизни и быта кочевого народа; народная песня («халкъ йыры») включает бытовые песни (лирические, трудовые, праздничные, свадебные, пастушечьи, шуточные) и военно-исторические песни; анекдоты («лятифе») — шуточный небольшой рассказ с остроумным завершением, обычно о жизни двух типичных героев — известного всему миру Насретдина и Ахмет-ахая, известного только в рамках туркменского устного народного творчества; дастаны («дестан») — эпический жанр, образованный стихотворно-прозаическим повествованием о героических победах («Карабатыр», «Кероглу») и/или любви («Таир ве Зоре»); сказки («масал») — о животных («айванлар акъкъында масаллар»), волшебные сказки («тылсымлы масаллар»), бытовые (новеллистические) сказки («ичтимаий-турмуш масаллар»), кумулятивные сказки («кумулятиф масаллар») [5]. Эпос в фольклоре народов Крыма и Алтая в той или иной степени находят отражение и религиозное видение происходящего, и описание исторических событий. При этом «любой национальный эпос, являясь органической частью культуры данного народа, будучи естественным порождением этой культуры, выражением исторического опыта, взглядов, идеалов народа, отвечая сложившимся бытовым традициям и эстетике народа, одновременно составляет часть единого мирового эпического фонда» [6]. В современной литературе традиции фольклора и художественных произведений сохраняются и по форме, и по содержанию. Неслучайно поэтому, что одной из характерных черт туркменской и тюркской поэзии и литературы в целом XX и XXI вв. является то, что в ней заметное развитие получают поэмы, сказки и сходные с ними жан-

ры: происходит развитие национальной культуры, для которой свойственно философское осмысление мира. Независимо от того, к какому народу и к какой эпохе они принадлежали, произведения вобрали в себя традиции и условия жизни этого народа и приобрели национальный характер. Некоторые из них включены в существующие работы обогащают их. Наличие таких отношений связано со схожестью древнего арабского, греческого, персидского и индийского народного литературного наледия с туркменскими народными произведениями.

Список использованных источников и литературы

1. Кёрогълу. Крымскотатарский героический эпос. — Симферополь, 2009. — С. 185.
2. Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т., Узбекский народный героический эпос. — М., 1947. — С. 183–184, 190.
3. Очерки истории туркменской литературы XVIII–XIX веков. — Ашхабад, 1967. — С. 33.
4. Газета «Шарг». — 22 сентября 2016 г.
5. Бекиров Дж. Б. Къырымтатар халкъ агъыз яратыджылыгъы. — Ташкент: Укитувчи, 1988. — С. 278.
6. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. — Л., 1988. — С. 240.

Сведения об авторе: *Аллабаева К. Б.*, старший преподаватель кафедры «Языки» Туркменского государственного архитектурно-строительного института, г. Ашхабад, Туркменистан, e-mail: kumushbatyrovna@gmail.com

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УДК 316.774

А. В. Ковалева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена исследованию базовых параметров медиапространства Большого Алтая по тематическому сегменту «тюркский мир, славяно-тюркское взаимодействие». Результаты анализа позволяют охарактеризовать основные медиатренды в освещении ключевых событий тюркского мира, выявить наиболее влиятельные СМИ, формирующие общественное мнение. Практическая значимость определяется тем, что на основе полученных данных возможно построение оптимальной коммуникационной стратегии для организаций, исследующих проблематику тюркологии и тюркского мира.

Ключевые слова: средства массовой информации, медиапространство, тюркский мир, информационная повестка, коммуникации, медиаанализ.

A. V. Kovaleva

Altai State University (Barnaul, Russia)

TRENDS IN COVERAGE OF SLAVIC-TURKIC INTERACTION IN THE MEDIA SPACE OF GREATER ALTAI

Abstract. The article is devoted to the study of the basic parameters of the media space of Greater Altai in the thematic segment «Turkic world, Slavic-Turkic interaction.» The results of the analysis make it possible to characterize the main media trends in covering key events of the Turkic world, to identify the most influential media that shape public opinion. The practical significance is determined by the fact that on the basis of the data obtained it is possible to build an optimal communication strategy for organizations studying the problems of Turkology and the Turkic world.

Keywords: media, media space, Turkic world, information agenda, communications, media analysis.

Одним из ключевых институтов, оказывающих существенное влияние на информирование населения и формирование общественного мнения, выступают средства массовой информации (СМИ). Именно по причине значительного влияния на социум, на настроение и даже мировоззрение граждан, СМИ нередко именуют «четвертой» властью.

Значительный потенциал влияния СМИ на общественное мнение обусловлен такими характеристиками, как широкий охват общественности, разнообразие привлекаемых каналов коммуникации, наличие множества инструментов информационно-коммуникационного воздействия, обеспечивающих масштабное влияние на индивидуальное и массовое сознание. Кроме того, важнейшими характеристиками СМИ современности выступают, во-первых, существенное доминирование электронных СМИ в информационном пространстве, и, во-вторых, рост интерактивности средств массовой информации.

Для характеристики освещения тематики славяно-тюркского взаимодействия в СМИ привлечен обширный эмпирический материал, полученный при помощи сервиса «Медиалогия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ) [1]. База «Медиалогии» включает 87 000 изданий из всех регионов России, стран СНГ и Балтии и дальнего зарубежья (85 регионов РФ, 169 стран мира). Представлены все категории изданий: ТВ, радио, газеты, журналы, информагентства, интернет, блоги. Более 500 тыс. сообщений СМИ в сутки обрабатываются автоматически. Ключевые слова для запроса: «тюркология», «тюркский мир» период охвата: 01.01.2021–30.03.2023.

Отправной точкой для анализа является показатель «общее количество сообщений», относительно которого затем проводятся дальнейшие расчеты и оценки. С ключевыми словами «тюркология», «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие» в 2021 году выявлено 14663 сообщения, в 2022 году — 13128 сообщений, за 9 месяцев 2023 года — 8557 сообщений.

Покажем динамику базовых количественных показателей, характеризующих деятельность СМИ по исследуемой тематике.

Выявлена **тенденция достаточно высокого уровня интереса со стороны СМИ к тематике славяно-тюркского взаимодействия**, о чем свидетельствует такой показатель, как «доля перепечаток» (перепечатки — похожие сообщения, совпадающие с оригинальной статьёй на 75% и более). Количество перепечаток на протяжении исследуемого периода составляет не менее 50% от общего количества сообщений по данной тематике.

Определена **тенденция размещения подавляющего количества сообщений в «новых», цифровых СМИ (Интернет-сайты, Информагентства)**. Традиционные же СМИ обращаются к тематике «тюркология, тюркский мир» крайне редко.

Таблица 1

Динамика публикаций по категориям СМИ, % от общего количества сообщений

Год	Категория СМИ					
	Газеты	Журналы	Информационные агентства	Интернет	ТВ	Радио
2021	3	0,16	11,8	84,5	0,17	0,1
2022	2,9	0,24	15,6	81	0,24	0,02
2023	2,1	0,18	18,6	78,9	0,22	0

Выявлено, что **тенденция на публикации в жанрах «Новости» и «Аналитика» устойчива** на протяжении исследуемого периода.

Таблица 2

Динамика публикаций по жанрам СМИ, % от общего количества сообщений

Жанры	Год		
Категории СМИ	2021	2022	2023
Новости	58,3	56,5	58,7
Аналитика	31,7	32,2	29,8
Прочее	9,1	9,4	9,2
Интервью	1,1	0,9	1,2
Законодательство	0,06	0,2	0,1
Публицистика	-	-	0,07
Ток-шоу	0,04	0,01	-

Определена устойчивая тенденция размещения большей части сообщений в рубриках «Власть» и «Международные отношения». Вместе с тем фиксируется тенденция на увеличение доли сообщений в рубриках «Наука и образование» и «Культура и искусство».

Таблица 3

Динамика публикаций по рубрикам, % от общего количества сообщений

Рубрика	год		
	2021	2022	2023
Власть	60,1	60,1	54,1
Международные отношения	36,6	36,1	29,5
За рубежом	16,7	11,5	16,5
Прочее	16,4	14,3	15
Наука и образование	13,1	15,5	18,1
Культура, искусство	7,6	9,1	12,1

Фиксируется общая тенденция преобладания сообщений в СМИ зарубежного уровня, затем федерального и регионального.

Таблица 4

Динамика публикаций по уровням СМИ, % от общего количества сообщений

год	Уровень СМИ		
	Федеральные	Региональные	Зарубежные
2021	26,6	16,3	53,8
2022	23,6	18,4	58
2023	18,2	17,1	64,6

Далее обратимся к показателям, указывающим на качественные характеристики деятельности СМИ.

Характеризуя информационную повестку медиапространства Центрально-Азиатского региона в контексте тематики славяно-тюркского взаимодействия, отметим, что она задается инфоповодами, т.е. событиями или явлениями, ставшими поводом для публикации. В практике медиаанализа показатели, основанные на данном параметре, являются наиболее употребимыми, поскольку позволяют оценивать медиаэффект конкретных событий. Сортировка по признаку «Заметность» помогает проанализировать, какая статья или группа статей были наиболее заметны в СМИ. Заметность включает показатели влиятельности СМИ и заметности сообщений (размер, место выхода).

Анализ показателей, характеризующих динамику информационной повестки, указывает на следующую тенденцию: наиболее заметными и широко освещаемыми инфоповодами являются события политической жизни (например, связанные с проведением в марте 2021 года неформального саммита стран содружества тюркских государств; переименованием Тюркского совета в Организацию тюркских государств; или в 2022 году — заявление президента РК Ж.-К. Токаева о том, что «Казахстан заинтересован в укреплении сотрудничества тюркских стран»; в 2023 году — события, связанные с публичной деятельностью глав государств).

Инфоповодов, связанных с событиями духовной, культурной, научной жизнью, отмечено мало. Вместе с тем нужно отметить, что в 2023 году весьма заметным является заявление Президента РК Токаева на втором заседании Национального курултая «Әділетті Қазақстан — Адалазамат», о том, что «мы должны заниматься всесторонней популяризацией нашего культурного наследия... В Казахстане есть уникальные музеи таких широко известных в мире поэтов и писателей, как Александр Пушкин, Тарас Шевченко, Федор Достоевский, Михаил Шолохов и ряда других. Необходимо сохранять и изучать это наследие, олицетворяющее многогранность нашей национальной культуры» [2].

В целом отметим, что в подавляющем большинстве наиболее заметные инфоповоды — это события политической жизни, широко освещаемые в СМИ (наиболее активны и заметны сообщения СМИ Казахстана и России).

Важную роль в анализе освещения вопросов славяно-тюркского взаимодействия играет такой показатель, как **объект** — это страны, организации, персоны, которые присутствуют в сообщениях СМИ. А ключевыми характеристиками эффективности присутствия объекта в медийном пространстве и, следовательно, большими возможностями информирования и влияния на массовое сознание, являются такие, как «количество сообщений с присутствием объекта», «медиаиндекс».

Анализ данных показывает, что на протяжении исследуемого периода **основными медийными объектами** — странами, задающим информационную повестку медиапространства относятся такие, как **Турция, Азербайджан, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан**.

Безусловным лидером рейтинга объектов-стран *по присутствию в публикациях СМИ* в 2021–2023 гг. является Турция. Такие страны, как Азербайджан и Казахстан, располагаются на второй-третьей строчке рейтинга, меняясь местами в зависимости от года (рис. 1).

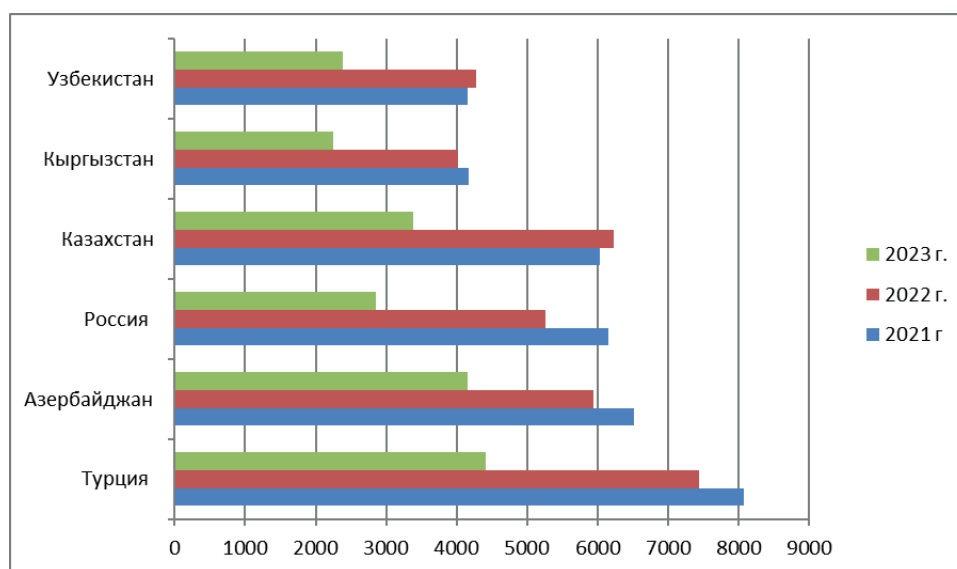

Рис. 1. Рейтинг СМИ по количеству публикаций

Рассматривая рейтинг объектов-стран по медиаиндексу, отметим следующую тенденцию: **Казахстан и Турция стабильно входят в тройку лидеров данного рейтинга**, а Россия с 2022 года уступает третье место Азербайджану (рис. 2).

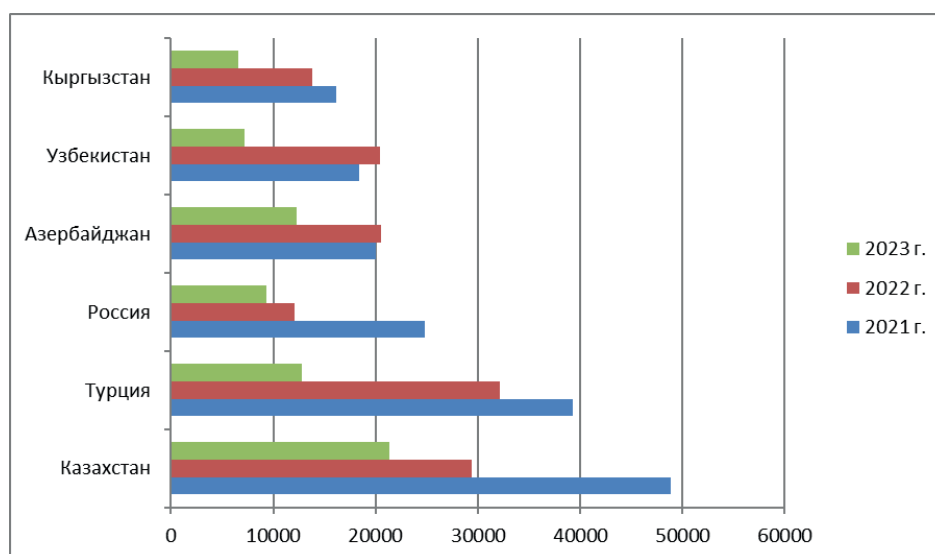

Рис. 2. Рейтинг СМИ по медиаиндексу

Далее покажем, какие именно СМИ (название, категория, месторасположение, отрасль) формируют информационную повестку и размещают интересующие нас сообщения. Наибольшее количество сообщений публикуют такие СМИ, как: Бакинский рабочий (br.az) Информагентства Баку Бизнес и общество; Azertag.az/ru Информагентства Баку Бизнес и общество; Trend. az Информагентства Баку Бизнес и общество; ИА Kazinform (inform.kz) Информагентства Астана Бизнес и общество; Caliber. Az Интернет Баку Бизнес и общество; НОЦ «Большой Алтай» (<https://bolshoy-altay.asu.ru/>) Интернет Барнаул Образование и наука; ИА Report (report.az) Информагентства Баку Бизнес и общество; News-Life (news-life.pro) Интернет Москва Новостные агрегаторы; Seldon. News (news.myseldon.com) Интернет Москва Новостные агрегаторы; Day.az Интернет Баку Бизнес и общество.

Находит свое подтверждение обозначенная выше тенденция преобладания количества сообщений, публикуемых зарубежными СМИ, а именно информагентствами и интернет-СМИ Казахстана, Азербайджана, отрасли «Бизнес и общество», а также российскими новостными агрегаторами. Значимой в количественном отношении выглядит позиция НОЦ «Большой Алтай», и необходимо отметить, что **это единственное СМИ в отрасли «Образование и наука», попадающее в данный рейтинг.**

Анализируя **рейтинг СМИ по медиаиндексу**, отметим, что на протяжении исследуемого периода наиболее влиятельным является ресурс ИА Kazinform (inform.kz) **г. Астана, отрасли «Бизнес и общество»**. В целом, суммарный медиаиндекс медиаресурсов Казахстана занимает первую позицию рейтинга, затем — медиаресурсы России. Необходимо отметить усиления влиятельности медийных ресурсов Азербайджана.

Подводя итог, отметим следующее:

Ключевыми медийными объектами в публикациях различных СМИ контекста «тюркский мир», «славяно-тюркское взаимодействие» за исследуемый период являются: Турция, Казахстан, Азербайджан, Российская Федерация. Именно эти страны находятся в фокусе внимания публикаций СМИ, в большей части публикаций им отводится главная роль.

В целом, аналитические и информационные сообщения, связанные с освещением политических и экономических аспектов славяно-тюркского взаимодействия достаточно широко представлены, имеют большой охват аудитории. Наибольшее количество публикаций осуществляют зарубежные интернет-издания, размещаются в рубрике «Власть», в жанре «Новости» отрасли СМИ «Бизнес и общество».

Влиятельность СМИ. Стабильно высокое значение медиаиндекса на протяжении исследуемого периода демонстрирует информагентство зарубежного уровня ИА Kazinform (Казахстан). Влиятельность других СМИ не имеет стабильно выраженного характера и определяется медиаиндексом конкретной публикации.

Публикации, связанные с научными исследованиями и международным сотрудничеством в сфере науки и образования, имеют более низкий уровень заметности. Вместе с тем отметим информационную активность НОЦ Большой Алтай, публикации которого приобретают нарастающее количество, заметность и охват аудитории.

Таким образом, полученные аналитические данные характеризуют основные медиатренды освещения проблематики славяно-тюркского взаимодействия в СМИ стран Большого Алтая и Центральной Азии. Сформулированные выводы составляют основу рекомендаций для формирования коммуникативной стратегии продвижения проблематики сохранения и развития историко-культурного единства тюрко-славянских народов в медийное пространство.

Список использованных источников и литературы:

1. URL: www.mlg.ru
2. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-na-vtorom-zasedanii-nacionalnogo-kurultayaadiletti-kazakistan-adal-azamat-175233>

Сведения об авторе: Ковалева Алла Владимировна, доктор социологических наук, профессор Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: alla_k65@mail.ru

УДК 39:316.653

Л. С. Ахметова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. Статья посвящена описанию основных тенденций в освещении славяно-тюркского взаимодействия в СМИ Казахстана. Для анализа выбраны сообщения, размещенные на наиболее влиятельных информационных интернет-ресурсах Казахстана.

Ключевые слова: славяно-тюркское взаимодействие, средства массовой информации, массовое сознание, медиа, контент, информационный повод.

L. S. Akhmetova

Kazakh National University named after. al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

CHALLENGES AND PROSPECTS OF SLAVIC-TURKIC INTERACTION IN THE CONTEXT OF PUBLIC OPINION

Abstract. The article is devoted to describing the main trends in the coverage of Slavic-Turkic interaction in the media of Kazakhstan. Messages posted on the most influential Internet information resources in Kazakhstan were selected for analysis.

Keywords: Slavic-Turkic interaction, media, mass consciousness, media, content, information occasion.

Многовековое взаимодействие славяно-тюркских культур сегодня не подвергается сомнению в профессиональном историческом сообществе. Разнообразные связи проявлялись не только через соседские отношения государств, в том числе через конфликты, но носили систематический, исторический характер, представляя собой многовекторное сотрудничество в самых различных областях. Сюда можно отнести, безусловно, культурное взаимодействие, заимствование военно-оборонительного вооружения, тактик и методов, династические браки между представителями аристократии и правящих кругов кочевых государей и оседлых славянских князей как часть процессов политического взаимовлияния и многое другое. Все это, помноженное на огромный временной период, выливается в новую, уникальную цивилизационную модель, которую сегодня называют евразийским миром.

Задачей данной работы будет обзор сообщений средств массовой информации с целью выявить тенденции текущей ситуации в контексте славяно-тюркского взаимодействия. В обзоре будут задействованы современные профессиональные СМИ. Учитывая влияние медиа на массовое сознание, на коммуникацию современной аудитории с потребляемым контентом, ее вовлеченность и массовость, авторитет традиционных СМИ не подвергается сомнению, особенно когда контент имеет новостное наполнение. Уровень доверия потребителей к СМИ в таких случаях достаточно высок. Данный обзор представляется актуальным, поскольку «знаковая роль массовых коммуникаций побуждает нынешних исследователей к более тщательному анализу их качественных характеристик» [1, с. 83]. И через исследование сообщений медиа по нашей тематике автор попытается выявить тренды современного влияния на общественное сознание.

Наиболее влиятельным СМИ в Казахстане является международное информационное агентство «Kazinform». Для анализа сообщений агентства выберем временной период — сентябрь 2023 года, те-

матика — казахстанско-российское взаимодействие. Совершим поиск сообщений согласно предлагаемым самим ресурсом вариациям и, одновременно, более или менее удовлетворяющим нашим задачам.

Сообщения «Kazinform» по заданным параметрам

	Международные отношения — Политика	Рубрика
25. сен	Касым-Жомарт Токаев принял Раиса Татарстана Рустама Минниханова	экономика
14. сен	Совместные опергруппы будут создаваться в странах ОДКБ по расследованию преступлений военнослужащих	политика
14. сен	Изменения в Соглашении о миротворческой деятельности ОДКБ ратифицировал Сенат	политика
14. сен	День культуры Казахстана провели в Секретарите ШОС	общество
08. сен	Совместные антитеррористические учения проведут страны ШОС в Китае в 2024 году	политика
04. сен	40-е заседание совета региональной антитеррористической структуры ШОС состоится в Астане	политика
	В мире (ЦА и Евразия)	
28. сен	Казахстанские артисты выступили на международном театральном фестивале «Арт-Ордо» в Бишкеке	общество
22. сен	Решили трансформировать СВМДА	политика
	Прочие рубрики и жанры (по тэгу Россия)	
30. сен	Юлия Путинцева обыграла россиянку на турнире в Пекине	спорт
30. сен	Стратегия здравого смысла — российские эксперты о внешнеполитическом векторе Казахстана	политика
28. сен	Отказаться от российской и белорусской сельхозтехники призвали казахстанские фермеры	экономика
25. сен	В КНБ прокомментировали информацию о длинной очереди машин на границе с Россией	экономика
25. сен	Касым-Жомарт Токаев встретился с главами правительств России, Беларуси и Кыргызстана	политика
25. сен	Все вышло: российский пилот с высоты показал северную часть Каспийского моря	общество
25. сен	Премьеры Казахстана, Беларуси, Кыргызстана и России оценили продукцию на «Иннопроме» в Астане	экономика
24. сен	Российский политолог впечатлен выступлением Токаева в ООН	политика
23. сен	Убийство ребенка в Аксу: педофила задержали через 15 лет в России	общество
21. сен	Из России в Казахстан пытались незаконно вывезти 8 особо ценных птиц	общество
19. сен	Казахстан завоевал пять медалей на международном турнире по боксу в России	спорт
16. сен	Разыскиваемого в России уголовника задержали в Алматы	общество
13. сен	Казахстан натурализовал двух российских конькобежков	спорт
10. сен	Боец из Казахстана нокаутировал россиянина в титульном поединке в Астане	спорт
06. сен	Задачи Послания Президента ориентированы не на имидж, а на конкретный результат — российский эксперт	политика
02. сен	«Известный российский блогер» шантажировал астанчанок компрометирующими фото	общество
01. сен	Российские таможенники задержали 20 тонн контрафактного «Адидаса» из Казахстана	общество

Согласно заданным параметрам и проведенному поиску, алгоритмы ресурса выдали следующие материалы по тематике. Предлагаемая в таблице колонка с обозначением рубрики материала составлена автором. Рубрики «политика» и «экономика» часто разделены довольно условно, поскольку на встречах глав государств или правительств, например, обсуждаются самые разные вопросы, в то время как медиа в заголовке стремится обозначить, как уже указывалось выше, имена значимых лиц и наиболее броскую повестку встречи. Однако после полного и глубокого ознакомления с материалом соответствующие рубрики были обозначены более точно. Также из рубрики «общество» была выделена подрубрика — спорт, исходя из того, что материалов на эту тему было довольно большое количество относительно таких тем как культура, образование, криминальная хроника и т.д., которые, в свою очередь, остались объединенными в рубрику «общество».

Распределение сообщений по рубрикам

Таковы события, происходившие в рамках казахстанско-российских взаимодействий и освещенные медиа на примере ИА «Kazinform» в сентябре текущего года. Бесспорно, период и объем данных для многофункционального анализа и выводов по поводу текущей ситуации казахстанско-российского сотрудничества недостаточно широк, однако показателен. Кроме того, на месячном временном отрезке данные целиком зависят от текущих информационных поводов, таких как запланированные взаимные визиты глав государств и других чиновников высокого ранга, встреч, съездов на полях международных организаций сотрудничества и союзов. То же по большей части относится и к крупным международным спортивным и культурным мероприятиям. Подобные события будут освещаться в медиа в любом случае, и само по себе отражение новостей не может являться показателем ни формирования общественного сознания в области межкультурного взаимодействия, ни степени прогресса этих взаимодействий. При этом критерием может являться количество и качество подобных мероприятий, а также показатели, выявленные в ходе сравнения повесток на определенном временном периоде.

Данный обзор демонстрирует стабильное и регулярное сотрудничество Республики Казахстан и Российской Федерации на различных полях взаимодействия. Кроме того, в ходе обзора материалов по тэгу «Россия» за август и июль (с учетом заданных параметров — казахстанско-российского взаимодействия), казахстанское информационное агентство выдает похожие результаты (17 сообщений за август и 11 за июль), что демонстрирует систематичность контактов.

Пожалуй, отдельного разбора заслуживает сотрудничество в рамках «тюркского проекта». Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии, ставит одной из своих задач необходимость реагировать на современные вызовы в России и ЦА. Одним из таких вызовов является концепция «пантюркизма» с точки зрения турецкого влияния. В то же время славяно-тюркская интеграция, всестороннее сотрудничество между РК и РФ, и шире, на евразийском пространстве, выступая в виде качественной альтернативы турецкому проекту, представляет собой не только исторически сложившееся наследие, основанному на интернационализме и общности интересов, но и отражением современной действительности, эффективным ответом на экономические и политические вызовы.

Республика Казахстан активно участвует в таких проектах как Организация тюркских государств, деятельность которой направлена на сотрудничество между тюркскими народами. Недавно Директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК Еркин Тукумов призвал не политизировать данную организацию и не создавать конфронтаций там, где их нет [2]. Предпосылки этого заявления, а также эмпирические наблюдения, позволяют предполагать, что стремление к политизации и дуготому противостоянию присутствуют в общественном сознании.

По заданным параметрам за сентябрь 2023 г. Kazinform выдал шесть новостных материалов, связанных с проектами Организации тюркских государств (ОТГ). Действительно, интеграция в рамках тюркского мира, предлагаемая данным проектом, представляется привлекательной в обществен-

ном сознании, и это необходимо признавать и реагировать, в том числе при влиянии проекта Большого Алтая.

Развивая тезис о том, что новостная лента и сопутствующие материалы не вполне и не всегда точно отражают реальную повестку в ключе целенаправленного формирования общественного сознания, нужно добавить, что политическое и экономическое сотрудничество на международном уровне (встречи лидеров и представителей власти), и та часть событий и происшествий на бытовом уровне (криминальная хроника, таможенные операции, спортивные состязания), которая по каким-либо причинам попала в поле зрения официальных медиа, так или иначе будут отражаться в СМИ, будучи информационными поводами, будь то события и встречи между членами ОТГ или казахстанско-российских представителей. Вычленять нужные события и сравнивать количество или качество материалов относительно тех или иных взаимодействий представляется неэффективным — в рамках каждой организации за определенно продолжительный период найдутся события в области политики, экономики, высоких технологий, спорта, культуры, образования и пр.

Огромный ущерб в поле формирования общественного мнения, отражения и продвижения ценностей славяно-тюркской интеграции наносит отключение российских медиа, блогеров, лидеров мнений от некоторых социальных сетей. Не касаясь проблематики распространения заведомых фейков, неточной или неполной информации, деструктивных постов, нужно признавать, что социальные сети являются действенным, эффективным средством распространения ценной и полезной информации и формирования повестки в общественном дискурсе. «Формирование общественного мнения происходит под влиянием многих факторов, и социальная сеть здесь играет главенствующую роль» [3].

Также необходимо отметить и подчеркнуть роль научной работы в деле продвижения и отражения ценностей и практик сотрудничества, взаимодействия и исторической близости славяно-тюркских народов. Это, бесспорно, фундаментально важная работа, вносящая, пожалуй, основной вклад в подведение исторического базиса и обоснований необходимости цивилизационной интеграции, основанных на исследованиях, анализе и экспериментальных подходах к решению задач. Научные статьи и публикации, направленные на разработку и выводы относительно общности славяно-тюркских эпосов, лингвистических параллелей, сходства традиций и обычаев, исторического взаимодействия и взаимопреемственности являются неотъемлемой частью общей работы по продвижению межэтнических и межкультурных коммуникаций. И тем не менее, когда речь идет о массовом сознании или формировании общественного мнения, необходимо осознавать и учитывать, что академические труды представляют действительный интерес только среди очень ограниченного круга профессионалов и энтузиастов. В реальную общественную повестку выводы научных работ попадают крайне редко, учитывая специфическую стилистику, академический язык, труднодоступность и слабую распространяемость подобных материалов. Кроме того, ту же проблему отражают «материалы, посвященные политической и финансовой обстановке в стране и мире, подвергаются интеллектуализации. Понимать их неподготовленному читателю становится все труднее из-за обилия профессиональных терминов (часто — заимствованных), повышенной конденсации информации» [4].

То же самое можно заметить в наблюдении за новостями в профессиональных медиа, информационным поводом для которых становятся, например, археологические находки, исторические исследования, конференции в области культуры или новой совместной программы в сфере образования и т. п. Зачастую речь будет идти о сухой констатации факта и нескольких цитат задействованных лиц. Такие новости можно найти в поисковиках любого информационного агентства, однако в отличие, скажем, от новостей о встречах глав государств, также не носящих глубоко информативный или тем более аналитический характер, новости науки, культуры и образования едва ли привлекают сколько-нибудь массовые аудитории.

Тем не менее вышеотмеченные вызовы вовсе не говорят о том, что результаты научно-исследовательской работы по углублению знаний в области славяно-тюркской интеграции и освещению текущей повестки сотрудничества являются продуктом только ограниченного сообщества профессиональных ученых. С внедрением научных подходов и методов, проверенных и аргументированных фактов и интерпретаций в, скажем так, действительно массовую общественную повестку, сегодня эффективно справляются российские популяризаторы науки, работающие, в частности, на таких платформах как YouTube (в т. ч. историки, антропологи, математики, филологи). Количество подписчи-

ков, просмотров, лайков и комментариев под видеоматериалами известных ученых-популяризаторов свидетельствует о продуктивности подобной работы, когда деятели науки доступным и где-то упрощенным языком доносят до массовой аудитории, в частности, до молодой аудитории, актуальную повестку и научно выверенные заключения.

Еще один пример качественного формирования и продвижения историко-цивилизационного наследия славянских и тюркских народов мы находим на другом канале видеохостинга YouTube. Речь идет о казахстанском проекте и канале «Дорога людей», представляющем цикл видеоматериалов об истории Казахстана и Центральной Азии. Здесь, несмотря на некоторую географическую ограниченность, указанную в описании канала, выставляются исторические этюды, где ведущими являются профессиональные ученые из казахстанских, российских и других вузов и научных центров. Как упоминалось во вводной части, примеров историко-культурных взаимодействий между славянскими и тюркскими этносами — огромное множество, к какой исторической эпохе бы мы ни обратились. Количество подписчиков у канала, созданного в 2016 году, количество просмотров (ок. 9,78 млн создаваемых материалами канала общественные дискуссии в виде комментариев при том, что канал представляет все не развлекательный контент или сообщения об обострениях в текущей политической ситуации, но выверенный историко-аналитический, не самый простой для восприятия материал — все это говорит о востребованности и повышающемся запросе от общественности на такого рода медиапродукт.

Эти примеры показательны с точки зрения нескольких аспектов, относящихся к нашей тематике, и могут послужить ключом к разработке рекомендаций для дальнейшей работы. В современном информационном поле необходимо не только учитывать актуальные тенденции и возможности медиатехнологий, но и качественно их применять с учетом запросов различной аудитории: молодежи, людей среднего возраста и пожилых, где у каждой категории имеется собственный набор характеристик и жизненного опыта, который применяется при выборе информационного контента. Нельзя рассчитывать, что условное сообщение в газете или даже в интернет-страничке традиционного СМИ об очередном съезде ученых или о встрече глав ведомств произведет сколько-нибудь качественное влияние на общественное сознание. Конечно, подобное сообщение с большой долей вероятности будет обладать широким охватом, однако в сознании аудитории оно пройдет незамеченным наравне с десятками других подобных сообщений. «В конечном счете, медиаиндустрии придется адаптироваться к меняющимся потребительским предпочтениям, и понимание развивающихся отношений между цифровыми и традиционными медиа будет иметь важное значение для успеха в цифровую эпоху» [5].

Не отрицая важности предоставления аудитории свежих новостей и коротких обзоров о текущих событиях на уровне международного сотрудничества, мы приходим к выводам о том, что наиболее точное, продуктивное и долговременное воздействие на общественное сознание и, как следствие, нынешнее мнение, следует оказывать при помощи трансляции повестки через различные источники с целенаправленным акцентом на современные видеохостинги, социальные сети и другие платформы. Научный, аналитический, сложный для восприятия материал необходимо подавать в доступном и, главное, в интересном, притягательном виде — для этого уже существуют некоторые примеры успешной подачи материалов, когда даже многочасовые беседы, интервью, лекции профессиональных историков (или ученых из иных дисциплин) набирают многомиллионные просмотры, а полемика в комментариях (к сожалению, далеко не всегда корректная) свидетельствует о глубокой заинтересованности публики.

Список использованных источников и литературы

1. Медиакоммуникации и интернет-маркетинг в условиях цифровой цивилизации: монография / под ред. Л. П. Шестеркиной, А. К. Лободенко. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. — 475 с.
2. Мұрат А. Еркін Тукумов: Мы не должны политизировать Организацию тюркских государств, 28 Сентябрь 2023, «Международное информационное агентство» Казинформ». URL: <https://www.inform.kz/ru/erkin-tukumov-mi-ne-dolzhi-politizirovat-organizatsiyu-tyurkskih-gosudarstv-942b17>
3. Дидаева Т.А. Потенциал социальных сетей в формировании общественного мнения // Коммунология: электронный научный журнал. — 2021. — Vol. 6, no. 3. — Pp. 48–57.
4. Degaltseva, Anna & Sirotinina, Olga. (2023). Changes in informative and analytical genres of modern media. Жанры речи. 18. 155–165. 10.18500/2311-0740-2023-18-2-38-155-165

5. Alzubi, Ahmad. (2023). The Evolving Relationship between Digital and Conventional Media: A Study of Media Consumption Habits in the Digital Era. 4. 1–13

Сведения об авторе: Ахметова Лайла Сейсембековна, доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по журналистике и коммуникации Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, e-mail: laila_akhmetova@mail.ru

УДК 070.1 + 39

А. В. Михайлов, Т. В. Михайлова

Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева
(Красноярск, Россия)

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПУБЛИКАЦИЙ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ТЮРКО-СЛАВЯНСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА000002)

Аннотация. Авторами данной статьи описывается ряд подходов к анализу публикаций средств массовой информации о тюрко-славянском взаимодействии в российско-азиатском и центрально-азиатском ареале. Материалом работы послужили агрегированные в сервисе «Медиалогия» (автоматическая система мониторинга и анализа СМИ) тексты средств массовой информации стран указанного ареала. Среди ряда выводов работы находится заключение о тесной связи контента и интенций публикаций о тюрко-славянском взаимодействии с целевыми установками учредителей СМИ, в частности, на повышение положительной узнаваемости первых лиц регионов и стран, не продвижение темы тюрко-славянского взаимодействия.

Ключевые слова: исследование медиапространства, контент медиапубликаций, единицы и параметры медиаанализа, тюрко-славянское взаимодействие, характер публикаций, субъекты медиатекстов, прагматика публикаций.

A. V. Mikhailov, T. V. Mikhailova

Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetneva
(Krasnoyarsk, Russia)

APPROACHES TO THE ANALYSIS OF MASS MEDIA PUBLICATIONS ON THE TURKIC-SLAVIC INTERACTION

Abstract. The authors of this article describe a number of approaches to the analysis of media publications on Turkic-Slavic interaction in the Russian-Asian and Central Asian area. The material for the work was the texts of the media of the countries of the specified area aggregated in the «Medialogy» service (an automatic system for monitoring and analysis of media). Among a number of conclusions of the work is the conclusion about the close connection of the content and intentions of publications about Turkic-Slavic interaction with the goals of the founders of the media, in particular, to increase the positive recognition of top officials of regions and countries, without promoting the topic of Turkic-Slavic interaction.

Keywords: media space research, content of media publications, units and parameters of media analysis, Turkic-Slavic interaction, nature of publications, subjects of media texts, publication pragmatics.

Авторы считают важным направлением изучения медиапространства исследование содержания и направленности публикаций средств массовой информации. В данной работе рассматривается проблематика тюрко-славянских взаимодействий в ее отражении в текстах средств массовой информации. Средства массовой информации российско-азиатского и центральноазиатского ареала в целом немало пишут и говорят о тюрко-славянском взаимодействии. Конечно же, в первую очередь это касается преимущественно тюркоязычных стран — Республика Кыргызстан, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Азербайджан, Республика Туркменистан, Российская Федерация.

Это связано с тем, что контакты данных стран между собой более чем наполовину по объему превышают их контакты с другими странами, как между собой, так и в целом. Можно выделить аспекты экономические, политические, культурные, спортивные, образовательные и научные, межличностные. Отдельно стоит выделить блок межрелигиозных отношений на фоне межэтнического взаимодействия, что обусловлено характером господствующих религий в странах Центральной Азии.

Авторами проанализированы материалы, полученные при помощи сервиса «Медиалогия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ) с начала 2022 года по ноябрь 2022 года.

Категории текстов средств массовой информации — публикации газет, журналов, интернет-источников, информационных агентств, расшифровки радиоэфира, а также контента телевизионных каналов. Необходимо отметить, что при такой классификации не совсем ясно, как отражаются публикации печатного СМИ, например, на сайте или в социальных сетях этого СМИ. То же относится и к другим СМИ.

Всего публикаций оказалось 2386, из них перепечаток примерно половина — 51%.

Постановка проблемы.

Как полагают исследователи (в частности, Р. И. Мамина и Е. Е. Елькина), расширение области применения информационно-коммуникационных технологий генерирует новые формы сетевых коммуникаций во всех сферах жизни общества и выражается в создании сетевого типа социальности, а недооценка рисков из-за трансформационных возможностей современных конвергентных технологий, применяемых при решении различных задач в Digital Humanities, требует внимания к смыслопорождению, интерпретации и дальнейшей ретрансляции [1, с. 24].

По мнению И. М. Дзялошинского, в российском медиапространстве должны произойти изменения, среди которых: традиционные печатные СМИ практически исчезнут, а их место займут цифровые медиа, будущее медийных веб-ресурсов заключается в агрегации и модерации контента под интересы достаточно узких групп пользователей. В-третьих, неизбежна конвергенция технологий создания и распространения информации различными типами СМИ. Эволюция медиапространства может повлечь ряд существенных угроз для всех, кто так или иначе имеет отношение к производству, регулированию или потреблению информационных и коммуникационных ресурсов, к числу можно отнести формирование нового глобального медиапорядка, где в качестве основных субъектов, участвующих в производстве контента и регулировании информационных процессов, будет выступать ограниченный круг субъектов, нарастание информационного и коммуникационного неравенства как между странами, так и между регионами, социальными группами и индивидами, рост зависимости социальных институтов и людей от средств массовой информации [2, с. 310–311].

Цель исследования — выявление в публикациях СМИ основных тенденций в отношении контента с межэтническим тюрко-славянским содержанием межэтнических взаимодействий.

Задачи работы — характеристика информационных поводов, выявление публикаций о тюрко-славянском взаимодействии, определение дефицитов и направлений медиаактивности.

Можно присоединиться, хотя бы отчасти, к тем исследователям и адептам цифровой гуманитаристики, которые считают возможным и необходимым применение инструментальных программных средств для анализа медиапространства и его явлений. Ими, например, выявляются количественные параметры новостного потока и взаимодействия пользователей социальных сетей. С помощью анализа новостных потоков могут изучаться коллективные представления о прошлом и истории, как и при анализе политических идентичностей [3, с. 128].

Анализ информационных поводов в массиве рассмотренного материала показывает, что типы информационных поводов в нем могут быть классифицированы:

- а) по основному контенту как внутритюркское взаимодействие, взаимодействие тюрков и славян, взаимодействие тюрков и не-тюрков;
- б) по содержанию как политические, культурные, спортивные, научные, шоу и fashion;
- в) по социальному статусу участников (акторов) — «простые» люди, лица, наделенные властью («принимающие решения»), государственные и негосударственные структуры.

Соотношение главной темы информационных поводов: 70% и более — о межгосударственных отношениях, и менее 10% — о тюрко-славянских взаимодействиях.

Полагаем, что в качестве единиц анализа могут быть выделены коррелирующие между собой фрагменты контекстов, описывающих взаимодействие двух и более субъектов, прежде всего представителей тюркского мира (государственных структур, гражданского общества, деятелей искусства и т. п.).

Кроме того, в поле внимания попадают оценочные средства текстов СМИ, которые характеризуют в целом взаимодействие и отдельных субъектов.

Подобный подход разнится с тем, что предлагается в качестве классического, например, у Л. Ньюмана единицами анализа названы либо выпуски медиа целиком, либо их рубрики, либо статьи [4, 5]. Авторам ближе мнение Г. Г. Воскресенской о том, что анализу и исследованию в разных аспектах подвергаются «единицы текста», которые становятся объектами изучения [6, с. 6].

Контент-анализ представляется Е. П. Чернобровкиной как метод изучения лингвистической информации текста и его семантических характеристик, позволяющий исследователю «выйти» на коммуникатора, понять его истинные намерения (что, в общем-то, касается возможностей **интент-анализа**. — А. М., Т. М.), понять аудиторию медиа, ее стереотипы восприятия, выявить политические предпочтения масс в отношении личностей и групп [7, с. 125].

Таким образом, текстовые фрагменты различной величины становятся непосредственными анализируемыми единствами, по-другому можно их назвать «контексты». Авторы полагают, что нет нужды подчеркивать роль окружения лексем и словосочетаний для точного понимания смысла медиатекста, так же как роль рубрикации, места, например, новости среди других, внутри блока новостных сообщений. Для текстов, анализируемых в «Медиалогии», инструменты замеров контекста новостей и их блоков не производится, но методики этого холдинга позволяют изучать контексты высказывания как сложного синтаксического целого, а также внутри высказываний (высказывание здесь понимается в филологическом смысле, т. е. оно = «предложение», «сложное предложение», «абзац», «целый текст»).

Изучение информационных поводов показывает, что в большинстве из них оказывается на первом месте Персона, но не Событие. Более того, создается впечатление, что качество информационного повода для создателей контента напрямую определяется тем, насколько выпукло описана деятельность «первого лица», которое становится субъектом события.

См. примеры: **Токаев** заявил, что Казахстан заинтересован в укреплении сотрудничества тюркских стран; Турцию заставили 52 года страдать у дверей Евросоюза, заявил **Эрдоган**; **Мирзиев**: отношения Ташкента и Ашхабада достигли уровня стратегического партнерства; Казахстанский актер получил награду за лучшую мужскую роль в Турции; **Президент** [Кыргызстана Садыр Жапаров] пригласил отца и сына **Бердымухамедовых** посетить Кыргызстан (здесь и далее авторы статьи дают текстовые примеры из публикаций СМИ без точного указания источника. — А. М., Т. М.).

Мы наблюдаем совмещение в контексте медиапубликации реалий, предметов, персон, событий, ср.: *Какими сигналами обменялись Путин и Эрдоган?* В контексте равенство сторон подчеркивается два раза — через союз И и через семантику глагола *обменяться*. Далее в тексте: **Россия и Турция намерены продолжать развивать отношения, но безоблачными они не будут**. В данном высказывании союз И вновь указывает на равноправность сторон. Далее в тексте: *Президенты **России и Турции**, Владимир Путин и Реджеп Тайип Эрдоган, с интервалом буквально в один день, 27 и 28 октября соответственно, произнесли знаковые речи, в которых обменялись упоминаниями друг друга*. В данном контексте настойчиво используется союзи И (в русском языке нет адекватной замены для этого предлога, союз ДА, предлог С обладают несколько разговорным смыслом, об этом см. ниже), глагол *обменяться* дополнен и усилен лексемой *упоминаниями*.

По тексту: <...> *Что еще не могло не обратить на себя внимание из прозвучавшего — это мысли Путина о Совбезе ООН. В частности, о том, что его структура должна отражать **многообразие** мировых **регионов**, включая Азию, Африку и Латинскую Америку. Что на 100% укладывается в тезис Эрдогана «мир больше пяти!» [постоянных членов СБ ООН. — автор публикации]. А это значит, что **Россия с Турцией** могут оказаться в вопросе реформирования ООН на одной волне...* В данном сложном высказывании использованы приемы: 1) сочувственного цитирования одним политическим лидером слов другого, 2) деэпричастие *включая* с семантикой объединения в действии, 3) лексема *многообразие* с семантикой противопоставления однополярности Запада, одновременно с семантикой взаимодействия, равноправного сотрудничества, 4) предлог *С* для указания на единство между странами и сотрудничество между ними, 5) фразеологизм *на одной волне* с семантикой эмоционально-го совместного приятного досуга, по факту — согласованных инициатив по реформированию ООН.

Пример текста, в котором сделана попытка продемонстрировать единство тюрков-мусульман и православных русских, дан ниже.

*Несколько лет назад был принят Указ президента Татарстана о создании **Болгарской исламской академии** и **воссоздании собора Казанской иконы Божией Матери**. Эта инициатива получила поддержку президента РФ Владимира Путина. К сегодняшнему дню **оба** этих больших **проекта** уже состоялись. **Болгарская исламская академия призвана сохранить единство мусульманской уммы**, мир и согласие в стране, возродить богатое богословское наследие и духовные традиции предков. А **возрождение собора**, который возвели в свое время на месте обретения чудотворной иконы Божией Матери, стало большим событием для всего православного мира. На его освящение приезжал патриарх Московский и Всея Руси.*

Здесь подчеркнуто взаимодействие и понимание между руководителями мусульманского региона России и Президентом России. В этом фрагменте показано равноправие и уважение к обеим религиозным традициям России на территории Татарстана через сопоставление мусульманского учреждения и православного собора, через словосочетание *единство уммы* и *возрождение собора*. Автор текста дополнительно усилил семантику благополучных отношений между религиями через лексемы *мир, согласие в стране* [едва ли удачно автором было применено это слово там, где речь идет о Республике Татарстан как **части** страны. — А. М., Т. М.].

Подсчет информационных поводов и сравнительной доли в них инфоповодов с тематикой межтюркского взаимодействия и славяно-тюркского (тюрко-славянского) общения показывает, что тексты типов «тюрки — тюрки», «тюрки — не тюрки» преобладают в корпусе информационных поводов. Еще интереснее то, что в массиве поводов для медиатекстов крайне мало таких, которые были бы посвящены тюркам России. Укажем эти тюркские сообщества в Российской Федерации: чуваша (1,6 млн чел. — 1,1% населения России), татары, включая сибирских (5,3 млн чел. — 3,6%), крымские татары (6 тыс. чел.), кряшены (около 300 тыс. чел. — 0,2%), нагайбаки (10 тыс. чел.), башкиры (1,7 млн чел. — 1,2%), казахи (654 тыс. чел. — 0,5%), каракалпаки (6 тыс. чел.), ногайцы (91 тыс. чел.), кумыки (423 тыс. чел. — 0,2%), карачаевцы (192 тыс. чел. — 0,1%), балкарцы (78 тыс. чел.), азербайджанцы (622 тыс. чел. — 0,4%), туркмены (33 тыс. чел.), узбеки (123 тыс. чел.), алтайцы или алтай-кижи (около 45 тыс. чел.), теленгиты (примерно 5 тыс. чел.), телеуты (1,7 тыс. чел.), тубалары (1,6 тыс. чел.), кумандинцы (3 тыс. чел.), челканцы (0,9 тыс. чел.), чулымцы (0,7 тыс. чел.), шорцы (14 тыс. чел.), хакасы (76 тыс. чел.), тувинцы (243 тыс. чел. — около 0,2%), тофалары (0,8 тыс. чел.), сойоты (3 тыс. чел.), якуты (444 тыс. чел. — 0,3%), долганы (7 тыс. чел.). Данные приведены по изданию [8]. Между тем из названных 24 народов публикаций в СМИ не удостоились за анализируемый период 20, а 4 других народа получили освещение единичное. Наибольшую медийность приобретают из «внутренних тюрков» татары. Если полагать, что тюрко-славянское взаимодействие ограничивается лишь взаимодействием «страна — страна», то наблюдаемая картина логична. Если же считать, что речь идет лишь взаимодействии народов, живущих в том числе и внутри России как государства, с русскими и другими славянами, и вне ее, в пределах своих собственных государств, то картина сильно обедняется, особенно если ограничить взаимодействие страновыми пределами.

Другой результат анализа:

Анализ контекстов с тематикой тюрко-славянского взаимодействия, а шире — межэтнического взаимодействия, показывает, что в качестве информационных поводов выступают международ-

ные события, в которых участвует ограниченный круг некоторых значимых лиц (обычно это «первые лица» стран, «первые лица» международных институтов этих стран).

События как информационный повод становятся лишь прикрытием истинных инфоповодов — тексты СМИ продвигают важные персоны, т.е. мы имеем дело не с информированием о событиях и этнических общностях как акторах, а с персональным брендингом, причем персоны выступают не как представители этносов и своих государств.

Очевидно, что задача повышения положительной узнаваемости первых лиц регионов и стран не всегда совмещается с целью продвижения темы тюрко-славянского взаимодействия, а именно представления для целевых аудиторий позитивной атмосферы межэтнических взаимодействий и указание на полезные для сообществ отдельных стран результаты и последствия таких взаимодействий.

Выбор информационного повода, тональности публикации, времени публикации и т.п. определяются не внутренней политикой издания (СМИ), не позицией автора, а задаются внешними факторами, в частности, господствующей «повесткой дня» в конкретном регионе или стране.

Культурные (в широком смысле — наука, образование, спорт и т.д.) взаимодействия представлены минимально, хотя очевидно, что настоящее совместное творчество в разных областях (не военной в первую очередь, т.е. в области «мягкой силы») гораздо более сближает народы и страны, нежели официальные контакты. При этом стоит подчеркнуть, что настоящей целью медиа как сферы общественной жизни в разных странах является (должно являться) сближение народов и стран, но не пропаганда, не раскол, не унижение одних и возвышение других, не информационная война, в которой, как и на войне физической, выигравших не может быть.

При этом настораживает умножающееся количество публикаций о конфликтных ситуациях и их эскалации (невзирая на оправдания об «отражении реальных конфликтов» и правдивости зеркала СМИ).

Выводы.

Не во всем можно согласиться с мнением А.В. Ковалевой и Г.Д. Джунушалиевой, что геополитическое противостояние Запада, России и Китая, а на их фоне борьба за лидерство в макрорегионе Центральной Азии Турции, Казахстана и Узбекистана определяет состояние медиапространства. При этом трудно оспорить тезис о включении медиа для продвижения национальных интересов через имидж, инструменты мягкой силы, активности в социальных сетях и поощрения «пятых колонн» в различных государствах [9, с. 26].

Контент и интенции публикаций, посвященных (формально) тюрко-славянским взаимодействиям в их различных формах, не совпадают с фундаментальными целевыми установками учредителей СМИ и их кураторов в органах государственной и муниципальной власти.

Как утверждает исследователь из МГИМО В.Н. Бузин в разделе своей докторской диссертации «Система комплексных управленческих воздействий на российское медиапространство», российское медиапространство нуждается в управлении контентом и целенаправленном воздействии на медианосители со стороны государственных структур, а вызывается эта потребность ухудшением соотношений в типологии контента [10, с. 246–248; 11, с. 26].

Это положение справедливо, когда речь идет и о межэтнических, в частности, тюрко-славянских отношениях. В условиях специальной военной операции с февраля 2022 года по настоящее время потребность в управленческих воздействиях переходит в область специальной цензуры, органов которой в России еще не создано.

Еще одним частным положением мы считаем необходимость работы со средствами массовой информации как субъектом равноправного взаимодействия, т.е. медиа не инструмент (фраза «четвертая власть» сегодня кажется после эйфории от «свободы» 35-летней давности ироничной), медиа снова должны становиться самостоятельным субъектом общественных, в том числе межэтнических отношений. Этого можно снова добиться в условиях цифровых возможностей.

Список использованных источников и литературы

1. Мамина Р.И., Елькина Е.Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // Дискурс. — 2020. — Т. 6, № 4. — С. 22–38. URL: <http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38>.

2. Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 312 с.
3. Сидоров С. П., Тихонова С. В. Инструментальные методы анализа медиапространства в цифровой гуманитаристике // Социология науки и технологий. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 118–131.
4. Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода // Социологические исследования. — 1998, № 3. — С. 122–134.
5. Neuman W. L. Social research methods: Qualitative a. quantitative approaches / W. Lawrence Neuman. — Boston etc.: Allyn a. Bacon, Corp., 1991. — 545 p.
6. Воскресенская Н. Г. Контент-анализ в медиакommunikациях. — Нижний Новгород: ННГУ, 2019. — 45 с.
7. Чернобровкина Е. П. Контент-анализ в лингвистических исследованиях // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 11. — С. 125–129.
8. Национальный атлас России. Т. 1. Общая характеристика территории. URL: <https://nationalatlas.ru> (дата обращения: 15.11.2023).
9. Джунушалиева Г. Д., Ковалева А. В. Информационная повестка тюрко-славянского мира в контексте имиджевого позиционирования государств // Society and Security Insights. — 2022. — № 3. — С. 26–36. DOI: 10.14258/ssi (2022) 3–02.
10. Бузин В. Н. Системно-деятельностная гуманистическая модель управления российским медиапространством: дисс. ... д-ра социол. наук. — М.: МГИМО, 2019. — 348 с.
11. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 4. — С. 26–38.

Сведения об авторах: Михайлов Алексей Валерианович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, e-mail: avm_2006_64@mail.ru

Михайлова Татьяна Витальевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, e-mail: ta.rada@mail.ru

УДК 004.9 (575.2)

Б. Б. Максумова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

МЕДИАРЫНОК КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСТАНА

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА000002)

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию текущего состояния медиарынка Кыргызстана. Автором рассмотрены основные теоретические концепции и подходы в изучении вопроса. На основании полученных данных и анализа делается вывод о том, что медиарынок является важным фактором в формировании информационной политики страны.

Ключевые слова: медиарынок, государственная информационная политика, СМИ, Интернет, социальные медиа.

B. B. Maksutova

Kyrgyz National University (Bishkek, Kyrgyzstan)

MEDIA MARKET AS A FACTOR IN SHAPING THE INFORMATION POLICY OF KYRGYZSTAN

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the current state of the media market in Kyrgyzstan. The author reviewed the main theoretical concepts and approaches to studying the issue. Based on the data obtained and analysis, it is concluded that the media market is an important factor in shaping the country's information policy.

Keywords: media market, state information policy, media, Internet, social media.

Вопросы государственной информационной политики привлекают внимание многих исследователей, но до сих пор в теоретической литературе нет единого подхода к изучению вопроса. Неоднозначным является отношение исследователей и к основным дефинициям государственной информационной политики, которые интерпретируются и изучаются в разрезе различных аспектов. В российской науке К. В. Маркелов рассматривает государственную информационную политику в аспекте деятельности средств массовой информации и средств массовой коммуникации [1, с. 376–419]. П. И. Меньшиков считает, «что государственная информационная политика есть и всегда будет действенным инструментом политического воздействия, средством достижения политических целей государства» [7]. О. В. Осипова в исследовании также придерживается мнения, что «государственная информационная политика — это, прежде всего, инструмент политической коммуникации» [9].

Заслуживает внимания точка зрения другого российского исследователя В. Д. Попова, который рассматривает информационную политику как инструмент политического воздействия и средство достижения политических целей [10]. Государственную информационную политику в политико-правовом аспекте рассматривает Ю. А. Гончаров [4], так как изучение государственной информационной политики в политико-правовом аспекте актуализируется в связи с переходом цивилизации на информационное общество. Интересна точка зрения Ю. Н. Тюляковой о государственной информационной политике, считающей, что это «особая сфера жизнедеятельности людей, которая связана с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющий интересы государства и гражданского общества, «направленная на обеспечение творческого, конструктивного диалога между ними и их представителями, а также регулирующая деятельность государственных органов, направленная на развитие информационной сферы общества» [14].

По мнению казахстанского исследователя Е. К. Алиярова, «государственную политику в области информатизации можно рассматривать как многогранный процесс, происходящий в информационной сфере, процесс создания интеллектуального потенциала страны. Государственная информационная представляет собой регулирующую деятельность государственных органов, направленную на развитие информационной сферы общества, которая охватывает телекоммуникации, информационные системы и средства массовой информации» [1, с. 15].

Особое место в теории государственной информационной политики занимают работы Ю. А. Нисневича, который определяет как «совокупность — целей, отражающих национальные интересы в информационной сфере; стратегии и тактики управленческих решений и методов их реализации, разрабатываемых и реализуемых государственной властью для регулирования и совершенствования как непосредственно процессов информационного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, так и процессов (в широком смысле) технологического обеспечения такого взаимодействия» как государственную информационную политику, он комплексно рассматривает понятие [8, с. 6].

Исследования в области государственной информационной политики Кыргызстана за последние годы активизировались, кыргызские ученые рассмотрели различные аспекты государственной информационной политики. К примеру, заслуживает внимания позиция Н.А. Сейдакматова, Т. Нармаматовой об информационной безопасности как важного фактора национальной, региональной и международной безопасности. Авторы исследования считают, что развитие информационных технологий в условиях глобализации породило новые вызовы и угрозы, отражающиеся на деятельности государственных структур. Также в этой работе выявлены основные факторы и проблемы информационной безопасности Кыргызстана [11, с. 156–165].

Государственная информационная политика Кыргызстана и законодательные условия изучены З. Алымбаевой, А.К. Алимахуновым. В исследовании авторы определили значимость принятой 12 июня 2012 г. «Концепции национальной безопасности Киргизской Республики» в государственной информационной политике страны. Концепция актуализирует вопросы обеспечения информационной безопасности, внешних и внутренних угроз для суверенной республики [2].

Р.М. Токсоналиева в ряде своих работ рассмотрела государственную информационную политику в разных аспектах. Интерес вызывает мнение о психологической безопасности государственной политики, так как «повышение роли средств массовой информации и коммуникации (в том числе и электронной) в манипулировании общественным мнением способствует вмешательству отдельных государств во внутренние социально-политические сферы Кыргызстана, превращая его в поле битвы информационно-психологической войны» [12, с. 35].

Основательно к изучению государственной информационной политики Кыргызстана подошел А.А. Канатов, который отмечает важность теоретических исследований в этой области, где «необходимо формирование концептуальных и научно-теоретических основ, а также разработка, обсуждение и принятие нормативно-правовой базы информационной политики Кыргызской Республики» [5, с. 133].

Интересны точки зрения Г.Н. Валиахметова, К.Ш. Аляутдинова, которые рассматривают государственную информационную политику Кыргызстана комплексно, в разрезе обеспечения цифровой защиты страны в современных условиях развития информационных технологий и международного сотрудничества.

В данной работе нами рассмотрены особенности состояния медиарынка Кыргызстана как важного фактора в формировании информационной политики. Рассмотрим современный рынок СМИ Кыргызстана. На сегодня в области государственной информационной политики Кыргызской Республики ведут деятельность около 50 телерадиовещательных организаций, в основном они сконцентрированы в столице республики — г. Бишкек, десятки областных и региональных радиостанций, более 140 печатных изданий — газет, журналов, а также около 400 интернет-изданий [15]. Таким образом, можно сказать что, в Кыргызстане есть «мощный рупор власти» для проведения государственной информационной политики.

Согласно проведенным исследованиям, на современном этапе основным источником информации в Кыргызстане остается телевидение и радио, все большее количество населения отдает предпочтение получению оперативной информации через социальные сети и новые средства коммуникации (мессенджеры) [16].

Национальное телевидение и радио Кыргызской Республики (НТРК) является важным участником процесса формирования государственной информационной политики, который вещает на территории страны с 1931 года. С приобретением суверенитета Национальное телевидение и радио ведет государственную идеологию Кыргызстана как самостоятельного государства. В настоящее время НТРК как государственный медиаканал выполняет функцию освещения деятельности правительства, его политики, идеологии и способствует формированию общественного мнения, на основе Закона КР «О Национальной телерадиовещательной корпорации Кыргызской Республики», принятой 30 апреля 2022 года № 33, г. Бишкек.

Важная роль НТРК в государственной информационной политике заключается в обеспечении доступа граждан к информации о деятельности правительства и государственных органов. НТРК осуществляет трансляцию новостей, аналитических материалов, интервью, комментариев и других форм информации о действиях президента и правительства, политических программах и идеологии.

Это позволяет гражданам страны получать информацию о политических событиях, действиях государственных органов и позициях политических лидеров через государственное телевидение и радио.

В реализации государственной информационной политики немаловажную роль играют региональные СМИ. Региональные государственные СМИ представлены следующими областными государственными телерадиовещательными организациями — Иссык-Кульская, Нарынская, Таласская, Баткенская, Джалал-Абадская и Чуйская и Общественная региональная телерадиокомпания «БИнтымак».

В регионах страны функционируют двенадцать областных государственных газет, тридцать четыре районных государственных газеты, два издательства журналов; одна редакция республиканской газеты.

В государственной информационной политике Кыргызстана цифровизация телевидения является значимым процессом и занимает важное место в формировании общественного мнения. Отметим, что в 2016 году Кыргызстан первым в Центральной Азии осуществил переход на цифровизацию ТВ. Внедрение цифрового телевидения для Кыргызской Республики имеет важное стратегическое значение, так как большая часть населения проживает в отдаленных регионах, в которых доступ к государственному вещанию был затруднен, а некоторых районах недоступен. Цифровизация телевидения не только позволила охватить региональную аудиторию страны, но также обеспечила доступ к качественному контенту, различным ТВ-программам и каналам.

Как показывают результаты исследований, «в Бишкеке вещает 51 канал, в Оше, Ошской и Джалал-Абадской областях — по 28 каналов, в Баткенской области — 11, в Иссык-Кульской области — 19, в Нарынской области — 17, в Таласской области — 16 и в Чуйской — 49.30» [17].

По данным М-Vektor, в рейтинге телеканалов страны лидирует один государственный канал — КТР. Как известно, в массовом сознании информация, полученная из центральных телеканалов и печатных СМИ, является важной и убедительной. На втором месте — музыкальный канал КТР, и замыкает тройку лидеров ОРТ (РФ). Следовательно, позиция российского телеканала ОРТ на территории Кыргызстана остается сильной.

Что касается радио, то по Кыргызстану вещают около 30 радиостанций, в основном на кыргызском и русском языках. В среднем слушают радио 76,1% населения и предпочитает слушать более взрослое население (от 35–44 года). В топ-тройку по прослушиванию вошли следующие радиостанции — «Кыргызстан обондору», «Мин кыял» и «Европа плюс».

В Кыргызстане отмечается высокий уровень охвата Интернетом, что отражается на структуре медиарынка страны. Медиасфера в стране меняется благодаря развитию фиксированного и мобильного Интернета. По доступности (дешевизне) Интернет стоит на втором месте в мире, что влияет на уровень охвата и доступности Интернета в Кыргызстане [18].

Согласно различным данным, охват Интернета в стране остается высоким, жители Кыргызстана имеют доступ к мобильным сетям и высококачественному 4G Интернету. Этот факт оказывает значительное влияние на медийный рынок Кыргызстана. И в настоящее время наблюдаются активные процессы, связанные с переводом традиционных СМИ в социальные сети и мессенджеры. Социальные сети приобрели важное значение в сфере информационного потребления, поскольку они привлекают большую и очень активную аудиторию. Информационные агентства, телевизионные каналы, радиостанции и газеты основывают свои материалы на данных, которые получают из социальных сетей.

Таким образом, опасения некоторых исследователей, которые считают, что в условиях открытого информационного пространства создается реальная угроза информационно-психологического воздействия на массовое сознание общественности, вызывают настороженность [12]. В этой области в целях регулирования столь актуального направления — информационной безопасности — в Кыргызстане принимаются следующие меры — в 2006 г. было создано Национальное агентство информационных ресурсов, технологий и связи, в 2007 г. — Межведомственная комиссия по вопросам обеспечения информационной безопасности, в 2010 г. — Консультативный совет Государственного агентства связи при Правительстве КР, в 2014 г. — Совет по информационной политике при Министерстве культуры, информации и туризма КР и т.д. Ряд принятых нормативно-правовых документов являются основными при регулировании вопросов обеспечения информационной безопасности — Законы КР «О гарантиях и свободе доступа к информации», «Об авторском

праве и смежных правах», «Об обязательном экземпляре документов», «О защите государственных секретов КР» и др.

Как отмечено выше, уровень охвата Интернетом в Кыргызстане высокий и это повлияло на переход традиционных СМИ на онлайн-площадки — официальные сайты, страницы в социальных сетях, активно используются мессенджеры. Этот процесс повлиял на тираж печатных СМИ. К примеру, тираж государственных печатных изданий «Слово Кыргызстана», «Кыргыз Туусу», «Эркин Тоо» резко сократился.

Вместе с тем на медиарынке Кыргызстана наблюдается следующая тенденция — социальные сети стали источником информации для многих людей. Самые популярные телеканалы, издания размещают свой контент на платформе Instagram, Facebook, Tik-Tok, и имеют миллионных подписчиков. Для СМИ также актуальны мессенджеры — Telegram, WhatsApp. Таким образом, социальные сети стали альтернативной площадкой для размещения контента СМИ, заменяющей для населения традиционные средства массовой информации.

На основе проведенного анализа медиарынка Кыргызстана и его роли в формировании информационной политики, можно сделать следующие выводы:

1. В формировании государственной информационной политики СМИ играют важную роль. В Кыргызстане медиарынок представлен различными по типологии, тиражу и составу СМИ. СМИ в Кыргызстане представлены на государственном языке — кыргызском и официальном — русском. Небольшое количество медиа представлено на английском, узбекском и других языках. Отметим также, что в стране функционируют двуязычные медиа — газеты, информационные агентства, телеканалы. Наблюдается тенденция перехода традиционных СМИ на онлайн-формат и влияние Интернета на формирование нового типа СМИ.

2. Социальные медиа и их аудитория влияет на структуру и способы потребления медиарынка. Отметим активность пользователей социальных сетей в потреблении, создании и распространении информации. При этом важным аспектом в реализации государственной информационной политики является регулирование деятельности блогеров, общественных движений, организаций, отдельных лиц в социальных сетях в целях обеспечения социальной безопасности.

3. Все виды СМИ активно представлены во всех социальных сетях. Как показывают результаты различных исследований, кыргызстанцы предпочитают получать информацию из социальных медиа и мессенджеров.

4. В Кыргызстане систематически проводятся медиаизмерения, данные которых размещаются в открытых источниках. Результаты медиаизмерений позволяют правительству отслеживать общественное мнение и отзывы о деятельности государственных структур и организаций. Очень важным является то, что медиаизмерения предоставляют информацию о предпочтениях и потребностях аудитории, которые могут учитываться при реализации государственной информационной политики. На основе данных медиаизмерений определяются авторитетные источники информации и медиаканалы, что дает возможность государственным структурам использовать эти каналы для распространения достоверной информации, укрепления доверия к своим коммуникационным сообщениям и борьбы с дезинформацией.

Таким образом, медиарынок является важным фактором формирования информационной политики Кыргызстана. Роль СМИ в государственной информационной политике осуществляется путем контроля над действиями властных структур — правительства, расследования в области коррупции, нарушений прав человека и других важных проблем. Такие действия обеспечивают прозрачность действий власти, поддерживают ответственность власти перед народом, таким образом контролирующая функция СМИ способствует сохранению баланса между государственной властью и интересами граждан.

Список использованных источников и литературы

1. Алияров Е. К. Информационная политика Республики Казахстан в условиях глобальной информатизации. — Алматы: Қазақ университеті, 2005. — 286 с.
2. Алымбаева З., Алимахунов А. К. Угрозы и вызовы информационной безопасности Кыргызстана // Журнал «Бюллетень науки и практики». — Т. 7, № 2. — 2021. — С. 266–269.

3. Валиахметова Г. Н., Аляутдинова К. Ш. Особенности формирования системы национальной кибербезопасности Кыргызской Республики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2020. — № 3 (840). — С. 36–49.
4. Гончаров Ю. А. Государственная информационная политика в условиях модернизации политической системы России: дис. ... канд. полит. наук 23.00.02. — М., 2004. — 189 с.
5. Канатов А. К. Государственная информационная политика Кыргызской республики // Известия вузов Кыргызстана. — 2016. — № 4. — С. 1–4.
6. Маркелов К. В. Информационная политика и общественный идеал: монография. — М.: Изд-во РАГС, 2005. — 264 с.
7. Меньшиков П. И. Эволюция государственной информационной политики в России // Международные коммуникации. — 2017. — № 4.
8. Нисневич Ю. А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. — М., 1998. — С. 283.
9. Осипова О. В. Понятие «Государственная информационная политика» в аспекте политической коммуникации: к определению актуального содержания // Вестник СВФУ. — 2010. — Т. 7, № 4. — С. 79–82.
10. Попов В. Д. Государственная информационная политика: состояние и проблемы формирования. — М., 2001. — С. 11–12.
11. Сейдакматов Н. А., Нармаматова Т. Некоторые вопросы СМИ в обеспечении информационной безопасности в Кыргызской Республики // Известия национальной академии наук Кыргызской Республики. — Бишкек, 2022. — С. 156–165.
12. Токсоналиева Р. М. Государственная политика Кыргызской Республики в сфере информационно-психологической безопасности // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. — 2015. — Т. 15. — № 5. — С. 35–38.
13. Токсоналиева Р. М. Обеспечение информационно-психологической безопасности // Вестник КРСУ. — 2010. — Т. 10, № 11. — С. 35.
14. Тюлякова Ю. Н. Государственная информационная политика в современном обществе: традиции и инновации (на примере Российской Федерации) // Вестник Мордовского университета — 2011. — № 1. — С. 187–189.
15. URL: https://shailoo.gov.kg/media/ruslan_pressa/2021/03/12/docx_ZDQiWff.pdf
16. URL: <https://www.m-vector.com/uploads/files/5c53b63660dec.pdf>
17. URL: <https://soros.kg/wp-content/uploads/2018/03/Otchet-po-itogam-issledovaniya-mediagramotnosti-v-KR.pdf>
18. Economist. kg, Cable.co.uk.

Сведения об авторе: *Максимова Бегайым Борукуловна*, кандидат филологических наук, доцент, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: bg.zad@mail.ru

УДК 316.455

*Р. М. Токсоналиева**Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)*

НОВОСТНОЙ КОНТЕНТ МЕДИАПРОСТРАНСТВА КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. В статье рассматривается информационно-новостная повестка дня в медийном пространстве Кыргызстана. На примере новостных сайтов ИААКИpress, КНИА «Кабар», ИА»24. kg», Информационно-развлекательного портала Kaktus. media и Международного информационного агентства SputnikКыргызстан были исследованы и определены основные темы новостных заголовков повестки дня, а также посчитано количество самих новостных сообщений за определенный промежуток времени. Наиболее популярными (чаще всего встречающиеся новостные заголовки) темами новостного повестка дня были: «Происшествие», «Внутренняя политика», «Социальная сфера», «Спорт», «Криминогенная обстановка».

Ключевые слова: медиапространство, новостной портал, новостная повестка дня, новостной контент, события дня, информационное агентство.

*R. M. Toksonaliev**Kyrgyz National University (Bishkek, Kyrgyzstan)*

NEWS CONTENT OF THE MEDIA SPACE OF KYRGYZSTAN

Abstract. The article discusses the information and news agenda in the media space of Kyrgyzstan. Using the example of the news sites of the news agency AKIpress, KNIA «Kabar», news agency «24. kg», the information and entertainment portal Kaktus. media and the International News Agency Sputnik Kyrgyzstan, the main topics of the news headlines of the agenda were determined, and the number of news messages themselves was calculated for a certain time interval. The most popular (most frequently occurring news headlines) topics on the news agenda were: «Incident», «Domestic Policy», «Social Sphere», «Sports», «Criminogenic Situation».

Keywords: media space, news portal, news agenda, news content, events of the day, news agency.

Сегодня мы являемся свидетелями влияния современных информационно-коммуникационных технологий на изменения взаимоотношения общества с масс медиа. В современном цифровом обществе масс медиа становится не только средством связи, но и средой обитания человека, так как общество погружено в медийное пространство — все коммуникации реализуются при участии информационно-коммуникационных технологий. Развитие информационно-коммуникационных технологий и информатизация современного общества, в том числе общественные и политические субъекты, непосредственно оказывают влияние на создание и распространение новостного контента. Сегодня новости дня являются информационным полем — площадкой для информационного взаимодействия (на субъективном и объективном уровне). Информационно-новостная повестка дня становится влиятельным фактором в медийном пространстве и оповещает населения об актуальной повестке дня и тем самым формирует отношение общественности к тем или иным происходящим событиям. Именно от информационно-новостной повестки дня зависит восприятие информации в новостных текстах. В этой связи изучение новостного контента повестки дня является актуальным в современном обществе.

Информационно-новостная повестка дня является объектом интереса многих исследователей. В частности, по мнению А. Куликова, «повестка дня определяется как перечень проблем, подлежащих обсуждению членами некоего сообщества» [1, с. 72]. Если обратить внимание на перечень тем новостного контента, то можно отметить освещение определенных актуальных проблем, непосредственно являющихся предметом обсуждения определенной аудитории. Исследователь С. Лушанкин рассматривает повестку дня как «наиболее важные вопросы, значимость которых установлена и подтверждена всеми либо большинством акторов» [2, с. 461]. Также информационная повестка дня рассматривает-

ся Л. Тимофеевым как «своеобразная градация тем и событий, которые общество через СМИ считает наиболее важными» [3, с. 67]. А. Сумская и П. Сумской рассматривают информационную повестку дня как «перечень включенных продюсерами тем в программы» и «своеобразное «информационное меню» для аудитории» [4, с. 585]. Вышеприведенные определения выделяют два аспекта: содержательный и субъективный. При этом содержательный аспект обращает внимание не только на перечень тем и вопросов повестки дня, но и на их значимость. Субъективный аспект — на участие субъектов в формировании повестки дня. Таким образом, новостная повестка дня является отражением события дня и подборкой информации о текущих днях, отобранная журналистами/редакциями. Информационная повестка дня не только предлагает аудитории список наиболее актуальных и важных информации по тем или иным событиям, составленные масс медиа, но и вынуждает аудиторию разделять представленное мнение. Как отмечает У. Липпман, «люди читают не просто новости, а новости с аурой намека на действие, которое будет осуществлено. Они слушают сообщения о событиях, то есть получают не объективное знание о фактах, а уже подогнанный под определенный стереотип образец поведения» [5, с. 236]. Новостная повестка дня формирует общественное мнение, т. е. формирует отношение тех или иных социальных групп к определенным событиям.

При исследовании типологии новостной информации исследователи выделяют три типа новостной повестки дня: медийная, общественная и политическая. Общественная повестка дня включает в себя всю информацию, которая может быть поднята и обсуждена в обществе. Медийная повестка дня — эта информация, которая преобладает в определённый период времени в материалах масс медиа. При этом отфильтрованная масс-медиа информация преподносится обществу как наиболее актуальная и важная. Политическая повестка дня, по мнению С. Лушанкина, «представляет собой отдельное явление современного мира, существующее в институциональном поле, определенном сферой политики» [2, с. 456]. Исследователи А. Сизоненко, А. Гнедаш и В. Катермина отмечают, что «политической может стать любая актуальная информация из сферы экономики, социологии, культуры и т.д.» [6]. Также, по их мнению, политическая повестка дня «претендует на то, чтобы стать эффективным инструментом управления» [6]. Политическая повестка дня также складывается под влиянием интересов субъектов. Как отмечает Е. Пономарев «компонентами медиаповестки являются доминирующие в СМИ темы публикаций, общественной повестки — важнейшие для большинства граждан проблемы, политической повестки — первостепенные для политических актов задачи» [7, с. 62].

Несмотря на множество научных работ, связанных с информационно-новостной повесткой дня, проблема исследования влияния медийных продуктов новостных сайтов остается актуальной.

Сегодня на формирование повестки дня оказывает сильное влияние Интернет, который привел к переходу масс медиа к новым форматам. С учетом этого новости быстро распространяются через новостные сайты информационных агентств, формирующие повестку дня в медиaprостранстве. Новостными сайтами являются интернет-издания, специализирующие в сборе и выдаче разнотематических новостей (в том числе общетематические или только на одну тему).

На новостных сайтах освещаются разного направления события, где каждая аудитория найдет интересующую тему. Следует отметить, что на новостных сайтах отсутствует плата за получение информации, так как она доступна круглосуточно. При этом пользователи из мобильного устройства могут заходить на новостные сайты независимо от места нахождения и времени. В современном медиaprостранстве новости дня, как часть информационного поля, освещают незначительную часть тех или иных сообщений из общего пласта информационных данных. Вместе с тем новостная повестка дня является площадкой информационного взаимодействия, влияния на аудиторию и манипулирования общественностью.

Информационная повестка дня новостных сайтов зависит от редакционной политики, редакционной независимости и формы собственности информационных агентств. Каждое информационное агентство имеет свою определенную целевую и реальную аудиторию, которая всегда нуждается в информации. Информационные агентства в режиме реального времени непрерывно обеспечивают общественность информацией о тех или иных событиях. При этом информационная повестка дня зависит от принятой законодательной базы в сфере медиа в том или ином государстве и насколько она качественно работает, а также от коммуникационной технологии.

В данной статье для определения тематики информационно-новостной повестки дня медиапространства Кыргызстана были исследованы новостные заголовки новостных сайтов Информационного агентства АКИpress, Кыргызского национального информационного агентства «Кабар», Информационного агентства «24. kg», Информационно-развлекательного портала Kaktus. media и Международного информационного агентства SputnikКыргызстан в период с 01.00 до 24.00 часов 6 июня 2023 года и с 01.00 до 24.00 часов 12 сентября 2023 года. Выбор конкретных новостных сайтов информационных агентств объясняется их известностью в Кыргызстане. Выбранным информационным агентствам дадим краткую характеристику. Информационное агентство АКИpress образовано в 2000 году и является первым независимым негосударственным информационным агентством в Кыргызстане. Как коммерческое агентство зарабатывает путем предоставления пользователям платного доступа к архивным материалам и предоставления рекламных площадей на сайте. Ежедневно на веб-сайтах публикуются новости о последних и текущих событиях в Кыргызстане и за его пределами политического, экономического, научного, спортивного, социального и т. п. характера.

Единственное государственное информационно-аналитическое учреждение в стране — Кыргызское национальное информационное агентство «Кабар». Оно образовано в 1998 г. на базе КирТАГ и не входит в систему исполнительной власти, но является координатором внутренней и внешней информационной политики государства. Агентство является площадкой распространения официальной информации органов государственной власти, структур гражданского общества, деловых ассоциаций.

Частное информационное агентство «24kg» образовано в 2006 г. и предоставляет широкий спектр информационных услуг.

Международное информационное агентство Sputnik Кыргызстан работает на территории Кыргызстана с декабря 2014 года и является филиалом Информационного агентства Sputnik, образованного на основе международного отдела российского государственного информационного агентства «РИА Новости».

Информационно-развлекательный портал Kaktus. Media образован в 2017 г. и позиционирует себя как независимая медиа, публикующая актуальные внутренние и мировые события.

В результате проведенного контент-анализа определены основные темы в рассматриваемых новостных сообщениях, а также посчитано количество самих новостных сообщений. За выбранный отрезок времени количество текстов новостных заголовков составило 505 (в том числе за 06.06.2023 г. — 303, за 12.09.2023 г. — 402). На новостном сайте ИА «АКИpress» за выбранный отрезок времени было опубликовано 310 (6 июня — 136, 12 сентября — 174) новостных сообщений, на новостном сайте КНИА «Кабар» — 113 (6 июня — 61, 12 сентября — 52), на новостном сайте ИА «24. kg» — 119 (6 июня — 64, 12 сентября — 55), на новостном сайте Международного ИА «SputnikКыргызстан» — 85 (6 июня — 42, 12 сентября — 43) новостных сообщений, а также на новостном портале Kaktus. Media опубликовано 78 сообщений за 12 сентября 2023 года. Наиболее популярными (чаще всего встречающиеся новостные заголовки) темами новостной повестки дня были: «Происшествие», «Внутренняя политика», «Социальная сфера», «Спорт», «Криминогенная обстановка». Если сравнить популярность указанных тем, то отмечается несущественное различие в перечне тем. Вместе с тем доминирующая тема новостных заголовков — «Происшествие», далее идут темы: «Социальная сфера», «Криминогенная обстановка» «Внутренняя политика», «Спорт». Следует отметить, что в новостных повестках дня указанные темы между собой пересекаются и повторяются, а также отмечается соответствие порядком расположения (по времени). На содержательно тематическом уровне новостные повестки дня рассмотренных новостных порталов близки между собой.

Вопрос о том, кто является источником новостной повестки дня, выясняла журналист А. Сооронбаева. Она проанализировала новостные сообщения новостных порталов Bulak. kg (17.01.2023 г.), Kaktus. Media (18.01.2023 г.) и 24kg (19.01.2023 г.) [8]. По ее данным, Bulak. kg 17.01.2023 г. опубликовал 39 новостных сообщений, Kaktus. Media за 18.01.2023 г. — 59, Информационное агентство «24kg» 19.01.2023 г. — 40. При этом из опубликованных новостных сообщений в Bulak. kg 67% от всех сообщений было подготовлено на основе информации, полученной от исполнительной, законодательной и судебной власти, у Kaktus. Media 61% от всего новостного материала составлено на основе сообщений, полученных от госорганов, у Информационного агентства «24kg» 75% от всего новостного контента было составлено на основе заявлений политиков, чиновников и пресс-релизов государственных

органов. В результате проведенного анализа А. Сооронбаева отмечает, что основными источниками повестки дня новостных порталов являются государственные органы Кыргызстана (около 70% всего новостных сообщений) [8].

Таким образом, новостной контент медиaprостранства Кыргызстана состоит в основном из следующих тем: «Происшествие», «Внутренняя политика», «Социальная сфера», «Спорт», «Криминальная обстановка». Доминирующей темой стали «Происшествие», «Социальная сфера», «Криминальная обстановка». Отдельные темы, посвященные тем или иным событиям, повторяются во всех новостных порталах. При этом каждый новостной сайт очень сильно отличается своей подачей информации и определением выбора степени важности той или иной темы повестки дня. Это связано с редакционной политикой и формой собственности информационных агентств, которые оказывают влияние на формирование общественного мнения и соответствующего отношения к реальности.

Список использованных источников и литературы

1. Кулик А. Н. Между властью и обществом: к вопросу о роли публичных интеллектуалов в установлении повестки дня в современной России // Политическая наука. — 2015. — № 3. — С. 71–90.
2. Лушанкин С. С. Категория «повестка дня» в структуре политического процесса: Понятие «политической повестки дня» и модели ее формирования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. — 2017. — № 1 (4). — С. 456–465.
3. Тимофеева Л. Н. Новая социальность в информационной повестке дня: роль старых и новых медиа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2020. — № 2. — С. 64–69.
4. Сумская А. С., Сумской П. Ф. Моделирование теленовостей в контексте информационной политики телеканала // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — № 7 (4). — С. 581–598.
5. Липпман У. Общественное мнение. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
6. Сизоненко А. Ю., Гнедаш А. А., Катермина В. В. Сетевой дискурс и российский мэр: Формирование цифровой социально-политической повестки дня в социальных сетях (опыт сетевого и лингводискурсивного анализа). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-diskurs-i-rossiyskiy-mer-formirovanie-tsifrovo-y-sotsialno-politicheskoy-povestki-dnya-v-sotsialnyh-setyah-opyt-setevogo-i>
7. Пономарев Н. Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 3 (9). — С. 62–69.
8. Откуда СМИ черпают новости? Анализ источников публикаций на сайтах kaktus. media, 24. kg и bulak. kg. URL: <https://internews. kg/>

Сведения об авторе: Токсоналиева Роза Мусурапшаевна, кандидат филологических наук, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: ru_rt@mail.ru

УДК 316.455

Н. А. Эшанкулова¹, Ш. А. Эшанкулова²¹Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева (Бишкек, Кыргызстан)²Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. В данной работе изучается феномен стереотипного мышления в политической сфере: его источники, недостатки и достоинства. Прослеживается формирование политических стереотипов, относящихся как к политическим деятелям, так и к имиджу целой страны. Описаны характеристики политических стереотипов и их роль в сознании человека. Также приведены примеры распространенных стереотипов, формирующих имидж России и стран Большого Алтая.

Ключевые слова: стереотипы, средства массовой информации, самобытность, мышления, политические стереотипы, образ России, образ Кыргызстана, массовое сознание, социальный опыт индивида.

N. A. Eshankulova¹, Sh. A. Eshankulova²¹Bishkek State University named after K. Karasaev (Bishkek, Kyrgyzstan)²Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyzstan)

POLITICAL STEREOTYPES IN THE MEDIA SPACE OF THE GREATER ALTAI COUNTRIES

Abstract. This paper studies the phenomenon of stereotypical thinking in the political sphere: its sources, disadvantages and advantages. The formation of political stereotypes relating to both political figures and the image of the whole country is traced. The characteristics of political stereotypes and their role in human consciousness are described. Examples of common stereotypes forming the image of Russia and the countries of the Greater Altai are also given.

Keywords: stereotypes, mass media, identity, thinking, political stereotypes, image of Russia, image of Kyrgyzstan, mass consciousness, social experience of an individual.

Понятие образа страны связано с понятием «национальные стереотипы», а стереотип, в свою очередь, — это стандартизированный и устойчивый образ, позволяющий получить обобщенное представление о целой категории однородных явлений или объектов [12, с. 98]. Понятно, что стереотипы могут не соответствовать объективной ситуации в стране и базироваться на искаженной или неверно интерпретированной информации. Особенность стереотипа состоит еще и в том, что меняется он чрезвычайно медленно. Кроме того, общество, используя стереотипы, которые ему навязывает государство, очень часто от этого и страдает. Кстати говоря, государство нередко прибегает к механизму навязывания стереотипов для того, чтобы удерживать власть в обществе. Мы согласимся с мнением А. П. Чудинова, который считает, что «главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана оказать прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.)» [14, с. 114].

С распадом СССР старые стереотипы никуда не ушли, так как они, как правило, являются частью социальной памяти, которая очень долгое время стирается. Возникли проблемы. В 90-е годы новое правительство пыталось построить новую экономику и новую идеологию, однако старые стереотипы, сталкиваясь с теми, которые шли с Запада, создали только лишь кризис, последствия которого мы

можем до сих пор наблюдать. В современном мире человек зачастую думает, прибегая к помощи стереотипов — прочно сложившимся, постоянным образцам мышления [5, с. 188]. Это можно проследить, приводя в пример самые распространенные гендерные стереотипы: женщины глупее мужчин, мужчины не плачут, женщины — слабый пол и т.д. К данному процессу создания мысли, к стереотипам, складывается предвзятое отношение. С одной стороны, стереотипы являются некими барьерами при формировании нетривиальности в мышлении, в его самостоятельности. Несомненно, легче всего принять распространенную точку зрения на какой-либо процесс, чем оспорить ее, прийти к личному мнению, на которое никто не оказал своего влияния.

С другой стороны, появление стереотипов в нашем сознании играет и положительную роль. Человек по природе своей не в силах быть в эпицентре всех событий и быть осведомленным в большинстве жизненных вопросов. Зачастую приходится высказывать свое мнение по вопросам, в которых ты некомпетентен. В этом случае могут выручить стереотипы, которые становятся важной деталью твоих размышлений.

Проблема формирования стереотипов проникла практически во все сферы общества. Это вполне объяснимо, так как с помощью стереотипов можно намного облегчить процесс построения мысли. Данный феномен не обошел стороной и политическую сферу общества. С политической точки зрения понятие «стереотип» можно объяснить как стандартизированный, упрощенный, обычно ярко эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. В широком смысле — это традиционный канон мысли, восприятия и поведения, шаблонная манера поведения [6, с. 89]. В данном случае стереотипы выступают как в какой-то степени заблуждение, суждение, которое не является истинным. Отсюда вытекает и значительное количество бед: неправильная трактовка позиций политического деятеля, присвоение политическому деятелю несвойственных ему качеств, появление у граждан негативного отношения к политическому деятелю и т.д.

Также не стоит забывать, что и в политике могут формироваться стереотипы, которые приходятся «на руку» отдельным лицам. Феномен политических стереотипов, несомненно, часто рассматривается по отношению к различным политическим деятелям, но он может проявляться и как какое-то сформировавшееся мнение о стране. Если говорить о России, то среди самых популярных стереотипов можно выделить: Россия всегда завалена снегом, здесь можно встретить медведей среди улицы, приоритетный головной убор русских — шапка-ушанка и т.д. Существование политических стереотипов образа страны естественным образом определяется не только особенностями человеческого мышления, но и, несомненно, ценностными различиями России и Запада [3, с. 89]. Это является естественным путем развития всех наций, этого не избежать. Мы не можем знать, каким образом устроена жизнь в другой стране, и старательно пытаемся заполнить эти пробелы в знаниях выдуманными вещами. Это впоследствии приживается и становится образцом мысли. По словам В.И. Пантина, сформированный образ России на Западе — это результат «различий в плане возникновения, эволюции и организации экономики, представления Запада о своей универсальности, асимметричных неожиданных ответов России на вызовы Запада, не вписывающиеся в стандартные рамки мышления западных элит» [11, с. 13]. Важную роль в формировании стереотипов образа страны играют СМИ. Несомненно, что именно через поток СМИ идут первоначальные представления о политических событиях, тот или иной факт приобретает новую окраску, который необязательно является правдивым. Через телевизор, Интернет и другие СМИ человек получает информацию и не совсем задумывается, насколько ей можно доверять, и преимущественно на такую информацию он ориентируется. Если же в мирное время стереотипы в основном не меняются, то стоит произойти какого-либо конфликта, и отношение к стране тотчас же меняется.

По мнению Т. Ван Дейка, источником получения политических знаний, убеждений для большинства людей являются журналисты, политики, политологи, чиновники, имеющие доступ к публичному дискурсу, люди, чье мнение считается авторитетным [7]. Современные средства массовой информации на сегодняшний день являются основным источником распространения стереотипов. СМИ имеют практически неограниченные персуазивные возможности, которые влияют на общественное самосознание и вытесняют индивидуальные установки и мнения [7]. СМИ предпочитают

ют рисовать политическую ситуацию таким образом, каким выгодно каждой из сторон конфликта. Здесь главное не перейти за рамки дозволенного, иначе это может привести к совсем нежелательным последствиям. Если же говорить о стереотипах России, то страна всегда славилась «широкой русской душой», под которой понимается помощь ближним, щедрость, широкий размах и тому подобное. Не зря огромное количество иностранных граждан полюбили Россию, а некоторые и вовсе считают ее второй родиной.

Человек сам вправе решать, соглашаться со стереотипами либо нет. Но удивительно то, что, независимо от того, принимает индивид данный стереотип или отвергает, это совсем не мешает стереотипу вполне успешно существовать. Парадоксальность состоит в том, что индивидуальная оценка и стереотипы находятся в разных плоскостях и не пересекаются. Также социальный опыт индивида не встречается с массовым сознанием. Когда человек находится наедине с собой, то, применяя свой социальный опыт, отвергает стереотипные суждения. Если же ситуация происходит среди большого числа людей, в толпе, где практически стирается индивидуальность, здесь человеку свойственно принимать стереотипы, которые он раньше отвергал. В этом секрет устойчивости стереотипов массового сознания — разрушить их невозможно с помощью научного знания или эмпирического опыта, не всегда на них влияют контрастные стереотипы, логически противоположные утверждения; и те, и другие могут мирно сосуществовать, не мешая друг другу. Стереотипы исчезают тогда, когда прекращается господство массового сознания [4]. Таким образом, проблема формирования стереотипов очень многогранна. Несмотря на то, что к данному понятию распространено зачастую негативное отношение, без них сложно представить формирование человеческого мышления и массового сознания. Во многом этому обязана массовизация человеческих отношений, которая свойственна информационному обществу. Формирование политических стереотипов может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на деятельность политиков. Но если же речь идет о стране, какой образ носит то или иное государство, зависит преимущественно от ценностных ориентаций источников стереотипов.

Современная политическая реклама представляет собой сложный технологический комплекс. В инструментарии политической рекламы можно найти как базовые маркетинговые технологии, так и сложные, во многом психологические методы, во многом связанные с существующей в государстве политической культурой и системой ценностей. Так, важной составляющей политической рекламы как вида политической коммуникации является политический стереотип. По общему определению, которое используется в исследовательских работах политические стереотип — стандартизированный, схематизированный, упрощенный, обычно эмоционально-окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Политический стереотип выполняет ряд важнейших для человеческой деятельности функций. Прежде всего стереотип исключительно экономичен для познавательной деятельности человека и позволяет упрощать окружающую действительность, уместая ее в набор эмоционально окрашенных образов.

Также стереотип позволяет быстро подобрать релевантную модель поведения в критической ситуации. С помощью стереотипизации человек может выстроить наиболее полную картину мира, избегая пробелов, способных вызвать диссонанс и тревогу. Однако стереотипы сильно влияют на восприятие мира, излишне сильно упрощая действительность. Следование стереотипам в сложных ситуациях, требующих объективного и глубокого анализа, может привести к получению неадекватных результатов. Некоторые исследователи отмечают исключительную ценность политических стереотипов как средства манипулирования сознанием отдельных индивидов, групп и масс в политике [2, с. 153]. При учете возможности их активного конструирования и распространения в средствах массовой информации стереотипы могут превратиться в стандартные единообразные способы осмысления и подходы к социально-политическим явлениям, в шаблоны мышления по отношению к ним. С. Кара-Мурза отмечает, что зная действующие политические стереотипы различных социальных групп, можно достаточно легко заставить их действовать определенным образом, используя очень краткосрочное воздействие сигналами [8, с. 335].

Именно такая важная характеристика политических стереотипов (как в целом и всех стереотипов), как иррациональность и возможность использования для манипулирования делает по-

литические стереотипы одним из инструментов политической рекламы. Более того, отдельные исследователи отмечают, что политические стереотипы зачастую выступают в качестве основы для политической рекламы как формы коммуникации по той причине, что сложность политической деятельности позволяет действовать с опорой на знания и проверенную информацию лишь очень ограниченному кругу лиц, профессионалам, остальная же масса людей, составляющая абсолютное большинство, вынуждена действовать с большой опорой на свой багаж мифов и стереотипов, с помощью которого они объясняют окружающий мир. А политическая реклама, изначально направленная на большие группы людей для достижения эффективности, обречена использовать в своем содержании стереотип, пускай даже в качестве намека или «между строк». Так, в качестве примера можно рассмотреть включение политического стереотипа о «старшем брате» в политическую рекламу для выборов на любом уровне. Данный стереотип является традиционным для российской реальности, а потому хорошо усваивается психикой масс и позволяет эффективно на нее воздействовать [6, с. 112]. Также можно отметить влияние стереотипа, выделенного А. Н. Волковой, на политическую рекламу. С помощью данного стереотипа создается образ внутреннего врага, который и используется в рекламе для привлечения электората на свою сторону. Таким образом, стереотипы, являясь важным механизмом психики человека, могут использоваться как фундамент для политической рекламы разного вида. Характеристики политического стереотипа определяют его эффективность как инструмента манипулирования. Поэтому использование понятных и характерных для масс стереотипов позволяют политической рекламе эффективно донести свой посыл до получателя и изменить его отношение к определенному объекту.

Стереотипы в человеческом сознании нередко заменяют собой способность критично оценивать собственное поведение и адекватно смотреть на окружающих людей. Подчас это препятствует выстраиванию дружеских взаимоотношений не только между людьми, но и между целыми государствами.

Первый из них — это восприятие всего региона с населением в десятки миллионов человек как гомогенного единого пространства с общими социальными, экономическими и демографическими характеристиками. «Мало кто учитывает специфику региона, его языковое, культурное и социальное многообразие. И это очень сильно влияет на формирование ошибочного стереотипного мышления и, соответственно, приводит к неверному восприятию политических событий», так считает историк, доцент А. Данков.

Причем восприятие это чаще всего не слишком-то позитивное — центральноазиатское пространство представляется значительной части российских граждан как довольно бедный регион с низким уровнем жизни.

А между тем жителям некоторых стран Большого Алтая довольно сложно представить, как это можно одним махом объединить их страны в единое супергосударство с общими законами, политической повесткой и примерно равным экономическим потенциалом. Особенно учитывая реальную разницу в экономике государств региона. Так, к примеру, Кыргызстан действительно является республикой с недостаточно развитой экономикой, не обладающей разветвленной промышленностью или гигантскими запасами ценных сырьевых ресурсов. В то время как другие страны стоят в одном ряду со сравнительно благополучными развивающимися странами [13]. Сторонится Казахстан, чьи показатели ВВП в последние годы постепенно опережают российские, а уровень экономического развития можно сопоставить с такими странами Центральной Европы, как Польша или Венгрия.

Второе заблуждение является прямым следствием первого. Состоит оно в том, что многие граждане РФ, а также часть российского истеблишмента, полагают, что Центральная Азия близка России в силу общей истории и некоторых ценностных ориентиров. А соответственно, и политические модели, нашедшие применение в России, будут эффективны и в ЦА. Пытаются также применить некие универсальные формулы, которые не всегда работают.

Причины вышесказанному в том, что многие события, которые рассматриваются многими российскими политиками как общее, неотъемлемое прошлое РФ и ЦА, давно не воспринимается многими жителями центральноазиатских стран как собственное историческое наследие. Просто потому, что они этого прошлого даже не застали. Даже Великая Отечественная война, где приняли участие сотни тысяч жителей Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, уже не рассматривается многими молоды-

ми людьми как историческая веха исключительной важности. Также существует тот факт, что население государств Большого Алтая на удивление мало знают об истории и культуре друг друга, то тут дело не только в разнице поколений. А может, и проблема освещения СМИ, к примеру, большинство новостей из стран ЦА, если не брать встречи лидеров стран, преподносятся, как правило, в негативном ключе. Нет бытового любопытства, только если в каком-то негативном ключе. То, что в Бишкеке прошло заседание Высшего евразийского совета, мало кого волнует, а то, что граждане ЦА едут боевиками на Ближний Восток, будет интересовать гораздо больше.

Например, в работах экс-президента Кыргызстана А. Акаева можно проследить попытки создания образа России как «великого культурного соседа» и отчасти «старшего брата» Кыргызстана, способного помочь кыргызскому народу. Что касается имперского и советского периода, то и здесь Россия, по мысли А. Акаева, предстает в исключительно положительном образе: не колонизатора и угнетателя, а субъекта модернизации республики. А. Акаев отмечает, что Россия «для кыргызского народа всегда была притягательным символом. Россия, в интерпретации А. Акаева, предстала еще в одном образе — как источник и гарант независимости Кыргызстана: «Без поддержки Москвы мы не получили бы суверенитета».

После прихода к власти президента К. Бакиева правительство показывало, что оно настроено на сохранение позитивного образа России. «Киргизия не собирается отдаляться от России, — заметил К. Бакиев. — Наши отношения будут развиваться еще больше, еще глубже», цит. по: [9, с. 321].

Качественно иной образ России выстраивается в работах З. Курманова — одного из лидеров оппозиции сначала А. Акаеву, а затем и К. Бакиеву. Рассуждая о начале дипломатических отношений кыргызов с Россией, он подчеркивает, во-первых, что кыргызы тогда были не слабым и беспомощным, а, напротив, гордым и воинственным народом, во-вторых, кыргызы не имели с Россией ничего общего ни в этническом прошлом, ни в менталитете, ни в культуре, ни в языке и религии [10, с. 126–127]. Примечательно, что даже обретением квазигосударственности в составе Советского Союза Кыргызстан, по мысли З. Курманова, обязан не России, а кыргызу А. Сыдыкову, благодаря «неимоверным усилиям и политическому искусству» которого, была образована самостоятельная Киргизская автономная область [10, с. 131]. Таким образом, Россия в интерпретации оппозиционера по-прежнему представляет собой государство, со стороны которого исходит угроза для государственного суверенитета Кыргызстана.

Таким образом, можно выявить основные стереотипы восприятия России, сложившиеся у населения Кыргызстана и в совокупности формирующие образ России.

1. «Россия — великий сосед Кыргызстана, его «старший брат» и помощник». Такие представления были характерны для политической элиты времен А. Акаева, хотя имплицитно они присущи и сегодняшней кыргызской политической элите.

2. «Россия — гарант и фактор независимости и безопасности Кыргызстана». Именно Россия способствовала формированию основ национальной государственности — сначала в рамках СССР, а затем признавая и гарантируя суверенитет постсоветского Кыргызстана.

3. «Россия — субъект модернизации республики», оказавший мощное и положительное цивилизационное воздействие на кыргызов, приобщивший их к достижениям современной цивилизации, современной технике, экономике и великой культуре.

4. «Россия — колонизатор кыргызских земель и субъект геноцида кыргызского народа» — стереотип, характерный для представителей части политической элиты. Данный стереотип противоплагается стереотипу: «Россия как гарант и фактор независимости», так как именно Россия препятствовала становлению национальной государственности, которая появилась благодаря стараниям исключительно кыргызов и не благодаря, а вопреки российской политике.

5. «Россия — наследник Советского Союза», с которым связываются стабильность и порядок, воспоминания о «лучшей жизни».

Эксперты полагают, что исправить ситуацию можно и нужно. Это будет иметь место тогда, когда регион будут воспринимать как нечто большее, не как как источник дешевой рабочей силы, перестанут воспринимать жителей республик как некое закрытое, потенциально опасное сообщество. Ведь довольно трудно считать чужаком того, кто свободно говорит с тобой на одном языке и чье культурное наследие воспринимается как важная часть мировой истории.

Список использованных источников и литературы

1. Берулава Г.А., Берулава М.М. Стереотипы психической активности личности // Гуманизация образования. — 2010. — № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-psihicheskoy-aktivnosti-lichnosti> (дата обращения: 03.06.2022).
2. Боков М.Б. Нужен ли России царь? // Мониторинг. — 2006. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nuzhen-li-rossii-tsar> (дата обращения: 06.06.2022).
3. Большаков С.Н., Бодрунова С.С. Формирование позитивного имиджа страны: стереотипы и параллелизмы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — 2011. — № 6. — С. 87–93.
4. Вольвач В. Стереотипы как способ формирования общественного мнения // Диспут. — 2001. — № 4. — С. 23–34.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
6. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. — Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — 496 с.
7. Жихарева Н.А., Яковлева Е.П. Стереотипы как средства влияния на массовое сознание в политическом дискурсе.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. — С. 864.
9. Князев А.А. Государственный переворот 24 марта 2005 г. в Киргизии. — 2-е изд., испр. и доп. — Бишкек, 2006.
10. Курманов З. История Кыргызстана и кыргызов // Центральная Азия: собственный взгляд / ред. кол.: К. Сафарова, К. Ридель; отв. ред. Р. Крумм. — Бишкек, 2006.
11. Пантин В.И. Образ России на Западе: основные стереотипы и их истоки // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. — М., 2008. — С. 13–24.
12. Позитивные стереотипы образа России в постсоветской Евразии / С.В. Беспалов, А.В. Влазов, П.В. Голубцов и др. // Информационно-аналитический центр МГУ им. М.В. Ломоносова. — 2008. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/206> (дата обращения: 19.05.2009).
13. Рубен Гарсия. URL: https://news.rambler.ru/world/36644464/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
14. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А.П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009. — 292 с.

Сведения об авторах: *Эшанкулова Ш.А.*, кандидат филологических наук, доцент Института журналистики и коммуникации, Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: shshankulova@gmail.com

Эшанкулова Назгул Аллакуловна, старший преподаватель Бишкекского государственного университета им. К. Карасаева, г. Бишкек, Кыргызстан, e-mail: nazgul.eshankulova@mail.ru

УДК 316.455

Н. Л. Краснобаева

Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева
(Усть-Каменогорск, Казахстан)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА В ОТРАЖЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ценностных установок по направлениям: этнокультурные ценности и общенациональные ценности. В результате контент-анализа интернет-СМИ Казахстана представлены различные точки зрения, объясняющие особенности современной оценки этнокультурных ценностей этносов Казахстана.

Ключевые слова: этнокультурные ценности, общенациональные ценности, контент-анализ, электронные СМИ.

N. L. Krasnobayeva

East Kazakhstan Technical University named after D. Serikbayev (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

ETHNO-CULTURAL VALUES OF THE PEOPLES OF KAZAKHSTAN IN THE REFLECTION OF ELECTRONIC MEDIA

Abstract. The article discusses the features of value attitudes in the direction of: ethno-cultural values and national values. As a result of the content analysis of the Internet media of Kazakhstan, various points of view are presented, explaining the features of the modern assessment of the ethno-cultural values of the ethnic groups of Kazakhstan.

Keywords: ethnocultural values, national values, content analysis, electronic media.

В современных условиях развития общества понимание ценностных установок, этнокультурных ценностей необходимо для определения характера общественно-политических изменений в стране.

В Республике Казахстан накоплен богатый опыт гармоничных межэтнических отношений, выработаны механизмы эффективного этнокультурного взаимодействия и взаимообогащения. За годы независимости в Казахстане произошел ряд социально-экономических и политических процессов, которые оказывали и по сей день оказывают влияние на формирование и трансформацию ценностных ориентиров населения.

Данные вопросы находят отражение в современном информационном пространстве, где наряду с характеристикой этнокультурных ценностей формируются потоки этнически окрашенных сообщений, которые тем или иным образом оказывают идеологическое воздействие на граждан и могут изменять климат в межэтнической среде.

С целью выявления особенностей общественного дискурса по направлению «этнокультурные ценности» были проанализированы результаты текущих социологических исследований и проведен контент-анализ электронных СМИ Казахстана.

Анализ межэтнических отношений в контексте ценностных ориентиров населения Казахстана (на примере 11 этносов) представлен социологическим исследованием Института прикладных этнополитических исследований (г. Астана). Отмечается, что такие ценности, как семья, материально обеспеченная жизнь и дружба лидируют и являются основополагающими ценностями

для населения страны. В ТОП-6 ценностей также вошли: интересная работа, хорошая физическая форма, свобода и независимость. Данный рейтинг указывает на комплекс общих ключевых жизненных ориентиров, выбор которых не зависит от этнической принадлежности респондентов [1], что говорит о наличии межкультурных взаимосвязей, схожими доминирующими ценностями, целями на ближайшее будущее.

В целом, можно говорить об отсутствии значительных расхождений в ценностных ориентирах этносов Казахстана. Указанные показатели легли в основу исследования отражения в электронных СМИ общечеловеческих, этнокультурных ценностей населения Казахстана.

Проанализировано более 400 информационных сообщений, содержащих слова, относящиеся к категории «традиции, ценности, гостеприимство, уважение к старшим, взаимовыручка, семья, родство и другие» на 19 информационных интернет-сайтах и электронных ресурсах с 01.2021 по 09.2023.

Популярные интернет-ресурсы были выявлены в рамках проведения мониторинга наиболее активных, локально ориентированных сайтов при использовании систем: <https://mediametrics.kz/rating/>, <https://zero.kz/zerotrends/>. За основу были взяты оригинальные материалы и тексты, релевантные теме исследования.

Контент-анализ сообщений выбранных электронных СМИ показывает активный дискурс в части обсуждения необходимости сохранения этнокультурных ценностей народов и их популяризации, с одной стороны, и необходимости их трансформирования — с другой.

Наибольшее число публикаций вопросы этнокультурных ценностей рассматривает через категории: гостеприимство, уважение к старшим, семья, дети, толерантность, свобода.

Отмечено, что многие, в основном журналистские публикации, с привлечением экспертов (историков, религиоведов, культурологов, социологов, психологов), сосредоточены на исследовании характера отношения к традиционным и оценке новых западных ценностей.

Анализ тональности публикаций показывает их позитивную и нейтральную направленность (60% и 38% соответственно), а 2% публикаций были отнесены к материалам критическим (дискуссионным).

Основная масса публикаций рассказывает о традиционной казахской культуре, с учетом традиций и ценностей других этносов (Традиции и обычаи казахского народа от рождения до смерти; Культура Казахстана: что входит в это понятие и какой путь развития она прошла; Как сохранить духовные ценности казахского народа; Роль традиционных национальных ценностей в казахстанском обществе) [2].

Специфика современного образа жизни диктует свои ценности. Часть авторов задаются вопросом о необходимости новых ценностей для казахстанцев (Архаичные и современные ценности в Казахстане: чем чреват их конфликт?; На чьи ценности следует ориентироваться казахам?; Какие ценности стоит взять в «новый» Казахстан, а какие лучше оставить в «старом»?; Почему в Казахстане ценят то, что не является ценностью?).

Эксперты считают, что Казахстан мог бы гармонично сочетать восточные и западные ценности, например, свободу личности и уважение к старшим. То есть молодое поколение проявляло бы уважение к старшим, а те, в свою очередь, не ограничивали бы первых в выборе своего жизненного пути [3].

С другой стороны, «антитезой эгоистичным ценностям в казахстанском обществе сейчас должны быть созидательные ценности — трудолюбие, хорошее образование, беспристрастность и порядочность. Они должны гармонично сочетаться с такими ценностями, как любовь к своей семье и родине, дружба, здоровье и саморазвитие» [3].

В данном вопросе немалую роль играет и то, как трактуются «традиционные ценности». Отдельные эксперты имеют в виду консервативные патриархальные ценности, как результат стечения определенных политических, экономических и социальных обстоятельств, некогда имевших место, но ставших в XXI веке неактуальными, вредными и даже опасными [4]. Другие считают, что «утилитарное совмещение западных и восточных ценностей ... не принесет нам вреда. Тем более что ценности массовой культуры, отождествляемые с Западом, работают всего лишь на поверхности. Они могут изменить внешние формы, но не могут проникнуть и основательно пошатнуть глубинные основы мировоззрения, связанные с многовековыми национальными традициями» [5].

Мнение третьей группы экспертов предполагает, что «Новая система ценностей должна быть построена на трех принципах, главный из которых — это уважение чести и достоинства каждого гра-

жданина. Второй принцип — это эмпатия (сопереживание), которую необходимо культивировать на всех уровнях общественной пирамиды. Третий принцип — социальная справедливость. Он предполагает усиление и защиту прав каждого гражданина, в том числе детей, женщин, людей с ограниченными возможностями» [6].

Характеризуя информационную повестку медиапространства, отметим, что она задается инфоповодами, т. е. событиями или явлениями, ставшими поводом для публикации. Для электронных СМИ Казахстана наиболее частый повод публикации — праздничная дата (1 мая — День единства народа Казахстана, 18 октября — день духовного единства, 1 марта — день рождения Ассамблеи народа Казахстана). Освещаются новости о событиях в области улучшения межэтнических отношений, особенности традиционного уклада жизни этносов, примеры традиций. Подается (сопровождаясь фото) информация о мероприятиях проводимых «Домами дружбы — центрами общественного согласия» в сфере сохранения этнокультурных ценностей народов Казахстана.

Информация представлена на электронных ресурсах Ассамблеи народа Казахстана, локально ориентирована на регионы — обширная, позитивная с использованием визуализации. Сторителлинг на страницах сайта АНК представляет собой микс текстового и визуального контента, который передает понятную для целевой аудитории информацию. На сайте АНК, в разделе публикации есть детальная информация о разноплановых мероприятиях [7]. Это и презентации книг, лекции-презентации и др. Основной недостаток — слабая вовлеченность читателей, небольшое количество подписчиков, отсутствие обратной связи.

В целом, контент-анализ показал, что основные материалы электронных СМИ Казахстана посвящены традиционным этнокультурным ценностям отдельных этносов. При этом в СМИ редко затрагиваются такие актуальные вопросы, как общечеловеческие ценности, но зачастую отдается предпочтение информационным материалам, способным вызвать резонанс в обществе.

Данный актуальный вопрос был отмечен Президентом К. К. Токаевым на XXXII сессии АНК: «Отдельное внимание нужно уделить поддержке СМИ... Они должны всесторонне продвигать ценности единства и взаимопонимания, фокусироваться на общенациональной повестке» [7].

В целом, в казахстанском информационном пространстве отмечается недостаток контента, информационных поводов, способных оказывать воздействие на целевую аудиторию (в частности, на молодежь), формирующего общественное мнение в отношении этнокультурных ценностей и общечеловеческих ценностей. В СМИ превалирует информация официального характера. Отмечается необходимость диверсификации форм подачи информации.

Список использованных источников и литературы

1. Аналитический доклад по проекту «Межэтнические отношения в контексте ценностных ориентиров». — Нур-Султан, 2021. — С. 4. URL: <https://iaer.kz/ru/item/182-mezetniceskie-otnosenia-v-kontekste-cennostnyh-orientirov> (дата обращения: 11.10.2023).
2. Традиции и обычаи казахского народа от рождения до смерти. URL: <https://www.nur.kz/family/school/1797743-tradicii-i-obycai-kazahskogo-naroda-ot-rozdenia-do-smerti/>, Культура Казахстана: что входит в это понятие и какой путь развития она прошла <https://www.nur.kz/family/school/1723528-kultura-kazahstana-v-nacale-hh-veka-osobennosti/>, Как сохранить духовные ценности казахского народа <https://newshub.kz/post/kak-soxranit-duhovnye-cennosti-kazahskogo-naroda-1696851517>, Роль традиционных национальных ценностей в казахстанском обществе <https://elorda-din.kz/ru/novosti/rol-tradicionnyh-nacionalnyh-cennostej-v-kazahstanskom-obshhestve.html>. (дата обращения: 11.10.2023).
3. Берикбаев Е. Традиционные духовные ценности казахского народа. Как они меняются? URL: <https://informburo.kz/special/tradicionnye-duhovnye-cennosti-kazahskogo-naroda-kak-oni-menyayutsya.html>
4. Жусипбек Г. Архаичные и современные ценности в Казахстане: чем чреват их конфликт? С. Исабаева. URL: <https://qmonitor.kz/society/1431>
5. Байдаров Е. На чьи ценности следует ориентироваться казахам? URL: <https://qmonitor.kz/society/500> (дата обращения: 11.10.2023).
6. Жусипбек Г. Какие ценности стоит взять в «новый» Казахстан, а какие лучше оставить в «старом»? URL: <https://qmonitor.kz/politics/4446> (дата обращения: 11.10.2023).

7. Выступление К.Ж. Токаева на XXXII сессии ассамблеи народа Казахстана. URL: <https://www.akorda.kz/ru/vystuplenie-glavy-gosudarstva-kk-tokaeva-na-xxxii-sessii-assamblei-naroda-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-edinstvo-stabilnost-razvitie-273234> (дата обращения: 11.10.2023).

Сведения об авторе: Краснобаева Нелли Леонидовна, кандидат исторических наук, Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, главный научный сотрудник Межнародного научно-исследовательского центра «Digital Social Research», г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: krasn_nelli@mail.ru

УДК 32.019.5:659.4/7.08

Я. М. Маматова

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

ВОПРОСЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МАССМЕДИА УЗБЕКИСТАНА: ПОДХОДЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (реестровый номер — 748715Ф. 99.1. ББ97АА00002).

Аннотация. Последнее десятилетие для всего человечества характеризуется как время столкновения культурных, конфессиональных и этнических традиций, кровопролитных конфликтов на почве терроризма, насилия и ксенофобии, вызванными в том числе и информационными вбросами. В силу чего на глобальном уровне актуализируются вопросы повышения роли массмедиа в формировании культуры толерантности и толерантного отношения к иным религиозным верованиям и убеждениям. Данный вопрос актуален и для Узбекистана, поскольку здесь проживают представители свыше 130 народов и национальностей с различными религиозными верованиями. Компетентное, этически грамотное освещение вопросов межрелигиозных отношений и межрелигиозной толерантности в массмедиа содействует обеспечению стабильного развития и безопасности в многоконфессиональной стране.

Ключевые слова: конфессия, межрелигиозная толерантность, массмедиа, журналистская этика, медиaprостранство, интернет-СМИ, медиатренд.

Ya. M. Mamatova

National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan)

ISSUES OF INTERCONFESSIONAL TOLERANCE IN THE MASS MEDIA OF UZBEKISTAN: APPROACHES AND CONTRADICTIONS

Abstract. The last decade for all of humanity is characterized as a time of collision of cultural, religious and ethnic traditions, bloody conflicts based on terrorism, violence and xenophobia, caused, among other things, by information leaks. Due to this, issues of increasing the role of mass media in the formation of a culture of tolerance and a tolerant attitude towards other religious beliefs and convictions are being updated at the global level. This issue is also relevant for Uzbekistan, since representatives of over 130 peoples

and nationalities with different religious beliefs live here. Competent, ethically competent coverage of issues of interreligious relations and interreligious tolerance in the mass media helps ensure stable development and security in multi-religious country.

Keywords: confession, interreligious tolerance, mass media, journalistic ethics, media space, online, media, mediatrend.

Последнее десятилетие для всего человечества характеризуется как время столкновения культурных, конфессиональных и этнических традиций. Это же десятилетие стало временем жестоких, кровопролитных конфликтов на почве терроризма, насилия и ксенофобии, вызванными в том числе и информационными вбросами. «Язык вражды и ненависти» по отношению ко всему «чужому» — к иной вере, культуре, традициям, к сожалению, становится одним из доминирующих векторов в медиапространстве. В силу чего на глобальном уровне актуализируются вопросы повышения роли массмедиа в формировании культуры толерантности и толерантного отношения к иным религиозным верованиям и убеждениям.

В Узбекистане проживают представители свыше 130 народов и национальностей. Данный вопрос актуален для нашей страны и в силу того, что большую часть населения составляют молодые люди. И именно они становятся фокус-группой для различных внешних информационно-идеологических комплексов.

В стране, по официальным данным, функционируют «2333 религиозных организаций, относящихся к 16 религиозным конфессиям» [1]. В их число наряду с исламскими входят «174 христианских организаций, 8 еврейских общин, 6 общин бахаи, одно общество кришнаитов и один буддийский храм, 1 Библейское общество Узбекистана» [1]. Наша страна является инициатором принятия в декабре 2018 года на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН специальной резолюции «Просвещение и религиозная толерантность», в которой особо подчеркивается важная роль продвижения просвещения, согласия, прав человека, терпимости и дружбы, сотрудничества, взаимоуважения и взаимопонимания во имя укрепления безопасности и мира на планете.

Тема межрелигиозной и межконфессиональной толерантности, в целом, является неотъемлемой частью контента национальных СМИ, численность в текущем году достигла «2140... Среди них 65 процентов — негосударственные» [2]. В их структуре сохранилось и развивается типологическое направление религиозно-просветительской прессы. Так, наряду с газетой «Ислом нури» («Свет ислама»), журналами «Хидоят» («Верный путь»), «Муминалар» («Прилежные»), «Имом Бухори сабоклари» («Уроки имама Бухари»), издаются печатные органы Ташкентской и Узбекистанской епархии Среднеазиатского метрополичьего округа Русской православной церкви Московского Патриархата — исторический, литературно-краеведческий журнал «Восток свыше» и 16-полосная формата А-4 газета «Слово жизни», а также сайт «Православие.uz». Пользователи портала «Православие.uz» могут по ссылке перейти на российский телеканал «Союз» и православное радио «Вера». С декабря 2018 года на узбекском, русском, английском и арабском языках издается ежеквартальный религиозно-просветительский и научно-популярный журнал «Исламская мысль». Просветительскую работу в данном направлении проводят и интернет-сайты «Shosh.uz», «Silkway.uz». Каждый упомянутый выше канал, исходя из собственной типологической специфики и запросов аудитории, стремится развернуто освещать жизнь верующих, деятельность религиозных общин и организаций, Совета по делам религий при КМ РУз. Все они публикуют много интересных материалов религиозно-просветительского, исторического, литературно-краеведческого характера, а также знакомят с отечественными и зарубежными памятниками религиозно-просветительской мысли.

В массовых общественно-политических СМИ основу проблемно-тематической палитры публикаций и телерадиосюжетов составляют материалы, посвященные празднованию религиозных праздников всех конфессий, истории их возникновения и современной жизнедеятельности, освещению официальных мероприятий республиканского Совета по делам религий с участием глав всех религиозных конфессий. Данные материалы чаще всего представлены в жанрах интервью, репортажа, зарисовки, отчета, редко, но встречаются публикации очеркового характера. На телеканалах «Dunyobo'ylab», «Uzbekiston», «Uzbekiston24», «Toshkent» в эфир систематически выходят программы и передачи, рассказывающие о будничной жизни религиозных общин во всех регионах Узбекистана. Большой

популярностью у аудитории пользуются программа «Хидоят сари» («К просветлению») и передачи студии «Зиё» («Свет») телеканала «Uzbekiston». В целом, по выступлениям массмедиа сформирована, можно сказать, идеальная картина практической реализации усилий государства по достижению межрелигиозного мира и согласия в стране.

Между тем именно в сфере освещения вопросов религиозного многообразия и межрелигиозной толерантности возникает немало противоречий. К примеру, одним из основных медиатрендов постковидного времени в информационном пространстве страны явились «дискуссии по поводу ношения религиозной одежды (преимущественно мусульманской)» [3, с. 53] или «предвзятое изображение женщин-мусульманок, обсуждение их роли в семье и обществе» [3, с.53]. При этом редкие материалы о религиозной одежде представителей других конфессий встречались только в пресс-органах самих конфессий, аудитория которых достаточно узкая.

В содержании публикаций каналов массового информирования допускаются неточности и двусмысленность. К примеру, в расширенной заметке «Жениха оштрафовали за материалы религиозного содержания» интернет-издания *Gazeta.uz* за 12 сентября 2023 года отмечается, что в социальных сетях появилось видео со свадьбы, где жених одет в арабскую одежду, а у невесты лицо закрыто никабом. Во время церемонии звучала религиозная музыка. В МВД заявили, что в Узбекистане запрещена пропаганда гендерного неравенства и незаконное распространение материалов религиозного содержания. МВД, комментируя видео, сообщило, что жених был оштрафован по статье 184–2 Кодекса об административной ответственности (незаконное изготовление, хранение, ввоз или распространение материалов религиозного содержания). Далее в заметке указано на положения соответствующих законов, определяющих правовую ответственность за такое деяние. В тексте приведены показания жениха и ссылки на законы, по прочтении которых не совсем понятна сама логика повествования.

В вину журналистам часто вменяется публикация материалов, не прошедших религиозоведческую экспертизу. К примеру, ответственные лица сайтов *Kun.uz* и *Azon.uz* «в 2021 году по решению суда были оштрафованы за публикацию как-раз-таки не прошедших такую экспертизу сообщений «Полиция Новой Зеландии представила форму в стиле хиджаба» (*kun.uz*); «На заводе ракетных технологий в Израиле произошел взрыв» (*azon.uz*); «Ухудшились отношения Турции и России» (*Azon.uz*) [4, с. 42] и ряда других. В данных публикациях последующая религиозоведческая экспертиза установила признаки опосредованной попытки инициации межконфессиональной розни, что противоречит постановлению за № 10 «О мерах по совершенствованию порядка осуществления деятельности в сфере изготовления, ввоза и распространения материалов религиозного содержания» КМ РУз 20 января 2014 года. В медиапространстве страны упоминание данной темы также встречается «либо в криминальной хронике, когда происходит конфликт с участием представителей религиозных меньшинств, закрываются места, где они совершали богослужения, либо сообщается об их арестах» [3, с. 59] и т.д.

В силу данных обстоятельств развернутого ответа требуют вопросы, поставленные еще в книге «Соборный двор» Александра Щипкова: «Каким образом сегодня взаимодействуют религиозные организации и средства массовой информации?...Как СМИ как инструмент, транслирующий идеи общества и государства в церковь и в мечеть, и наоборот, идеи духовных сообществ — в секулярный мир» [5], должны освещать эту достаточно щепетильную и многосложную тему?

На наш взгляд, ответ на первый вопрос не совсем утешительный. Дело в том, что, журналисты общественно-политических СМИ и блогеры плохо знают специфику религиозной жизни, поверхностно понимают содержание, цели и задачи государственной политики в сфере религии. В силу невнимательности, неуместного использования религиозной терминологии, юридической безграмотности, смешивания социально-экономических и юридических проблем с религиозными журналистские выступления публикации вызывают у аудитории немало недоуменных вопросов, а порой и эмоциональных переключений. В редакциях не найти сотрудников, компетентно разбирающихся в данной теме. В сознании журналистов и редакторов сильны опасения о том, что сами могут допустить этические и профессиональные ошибки. Им не хватает элементарных знаний по истории и современному развитию всех религий.

В редакциях слабо налажена и работа с экспертами — учеными, исследователями, представителями самих религиозных конфессий. При подготовке материалов, как правило, журналисты обра-

щаются к «растиражированным» в прессе персонам, которые в каждом своем экспертном интервью транслируют в аудиторию одни и те же оценки и мнения.

Нельзя забывать и о том, что есть различия между миссиями профессиональных журналистов и журналистами светских СМИ. Первые призваны продвигать контент и идеологию своей религиозной организации, вторые же — отражать жизнь религиозных организаций в контексте общественных интересов, то есть в контексте утверждения идеологии межконфессиональной толерантности. Эти и другие обстоятельства приводят к тому, что СМИ ограничиваются публикацией в основном материалов информационно-официозного содержания.

Касательно же второго вопроса о формах, методах и инструментах освещения этой достаточно щепетильной темы, ответ на него находится в плоскости практической деятельности и передового опыта СМИ многоконфессиональных стран.

Практика СМИ многоконфессиональных стран показывает, что в публикациях прессы важно устойчиво продвигать идею равноправия всех религий и религиозных конфессий перед законом, их естественного равноправия. Необходимо обеспечивать сбалансированную подачу информации о жизни и деятельности всех конфессий в равной мере. В ходе публичных дискуссий по насущным вопросам жизни верующих важно представлять широкий спектр мнений с привлечением и «респондентов из числа представителей других конфессий». Важно в выступлениях прессы отражать гуманитарную миссию каждой религии, соответствие содержания духовно-нравственных ценностей каждой конфессии общечеловеческим, ценностям приоритета права человека на жизнь и мирное сосуществование с представителями иных религий. Важная миссия журналистов и других авторов СМИ заключается в содействии в формировании у реципиентов уважительного отношения к вере и убеждениям каждого человека, к его праву быть верующим или атеистом. Герои журналистских публикаций своими поступками, взглядами и словами, а также выступления богословов любой религии призваны нести в массовую аудиторию идеи принятия многообразия религий и терпимого отношения к такому многообразию.

По большому счету, все эти вопросы находятся в тесной связи с профессиональной этикой журналиста. А значит, на факультетах и отделениях журналистики вузов республики необходимо пересмотреть и содержание учебных программ и модулей по курсу профессиональной этики с учетом углубленного рассмотрения вопросов этики освещения межрелигиозных отношений и межрелигиозной толерантности.

Список использованных источников и литературы

1. Зиёдов Ш. Исторические корни религиозной толерантности в Узбекистане / Международный научно-исследовательский центр имама Бухари. URL: <https://www.bukhari.uz/?p=21755&lang=ru>.
2. Работникам печати и средств массовой информации. Поздравление Президента Шавката Мирзиёева работникам печати и средств массовой информации. — 27 июня 2023 года. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6442>.
3. Руководство по освещению вопросов религии в Кыргызстане для журналистов и гражданского общества. — Бишкек, 2019.
4. Диний эркинлик ва динларнинг хилма-хиллиги билан боғлиқ мавзуларни оммавий ахборот воситаларида ёритиш бўйича қўлланма. — Т., 2022.
5. Щипков А. Религиозная журналистика — журналистика экспертная // Глава из книги «Соборный двор» // Государство, СМИ и Церковь. Материалы и рекомендации научно-практической конференции 14 ноября 2001 г. — Москва, 2001. URL: http://www.religare.ru/2_26724.html.

Сведения об авторе: Маматова Якутхон Мухамаджоновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Аудиовизуальной и интернет-журналистики» Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: ya_mamatova@mail.ru

УДК 002.396.392: 7.097.

М. С. Мирсоатова

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

ГЕНДЕРНЫЕ КОЛЛИЗИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНО УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. Участие женщин в общественно-политических процессах, обеспечение их прав и свобод на практике считается важным показателем развития государства и уровня демократии в нем. История и современное развитие национального кино Узбекистана свидетельствует, что женские образы олицетворяют собой дух времени и реалии того общества, в рамках которого происходят кинособытия. В фильмах различного диапазона — начиная от мелодрам и завершая военно-историческими картинами — героини отражают в себе чаяния, надежды и мечты женщины-узбечки. Осознание и стремление защитить собственное человеческое достоинство, отстаивать свое жизненное пространство — главные черты характера большинства кинообразов.

Ключевые слова: киноиндустрия, кинематограф Узбекистана, женские образы, режиссер, творческий замысел, гендерные отношения, гендерные стереотипы.

M. S. Mirsoatova

National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan)

GENDER CONFLICTS IN MODERN CINEMA OF UZBEKISTAN

Abstract. The participation of women in socio-political processes, ensuring ix rights and freedoms in practice is considered an important indicator of the development of the state and the level of democracy in it. The history and modern development of the national cinema of Uzbekistan testifies that female images personify the dux of time and the realities of the society in whose frame the film events take place. In films of various ranges — starting from melodrama and ending with military-historical films — the heroines reflect the aspirations, hopes and dreams of an uzbek woman. Awareness and desire to protect one's own human dignity, to defend one's living space are the main character traits of most film images.

Keywords: film industry, cinema of Uzbekistan, female images, director, creative concept, gender relations, gender stereotypes.

Развитие любого государства и общества базируется на ряде факторов. В этом смысле женский вопрос, участие женщин в общественных и политических отношениях, обеспечение их прав и свобод на практике считается важным показателем развития государства и уровня демократии в нем. Следует отметить, что сегодня под руководством Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзёева предпринимаются смелые шаги по созданию духовных начал и происходит развитие интеллектуальных основ для качественного накопления человеческого капитала. И успех всех этих усилий во многом зависит от счастья женщин. Глубоко осознавая острую потребность в активизации общественно-политической деятельности женщин, государство создает все возможности для получения ими образования, развития женского предпринимательства, широкого участия женщин в политической жизни. В стране разработана целостная государственная стратегия привлечения женщин в активную общественную жизнь, обеспечения гендерного равенства, а также равных прав и возможностей для женщин и мужчин [1].

Данный вопрос особо актуален и для сотрудников национальной киноиндустрии. Для кинематографа Узбекистана на протяжении всей его истории и в современный период «женский вопрос» выступает как самый дискуссионный, поскольку женские кинообразы олицетворяют собой дух эпохи, дух гендерных отношений в любом обществе. Так, в фильмах «Минувшие дни», «Озорник», «Железная женщина», «В махалле слишком много разговоров», «Бунт невесток», «Благая весть», вошедших в золотой фонд национального кино, через яркие женские образы развернуто отражены статус

женщины, отношение к ней мужчин и общества, в целом, проблемы различного порядка, с которыми она сталкивалась в различные временные отрезки последних 100–130 лет.

В условиях же современного Узбекистана «женская» тема, можно сказать, дала импульс созданию новых фильмов, в которых образы героинь олицетворяют собой трудные и неоднозначные искания собственного «Я» в многосложном мире. Кинематографисты республики умело переносят на экран сложную жизнь и внутренние переживания женщин. Зритель сегодня достаточно требовательный, поэтому обмануть его невозможно. Чтобы дать искушенному кинозрителю лично прочувствовать мотивы тех или иных поступков киногероев, необходимо представлять ему жизненно выверенные истории, сопряженные с нравственным поиском и нравственным выбором. Героини современных кинофильмов Узбекистана — женщины, активно ищущие свое место в жизни, стремящиеся к семейному счастью. Независимо от того, в каком жанре исполнен фильм, его героини и отрицательные, и положительные, как правило, реалистичны, «впитали» в себя практически все проявления национального характера. Так, в фильмах «Мамочка» (совместно с кинематографистами Японии), «Ёдгор», «Тюльпан на снегу», «Паризод», «Росток», «Тополек мой, в красной косынке» (экранизация известного произведения Ч. Айтматова), «Юрта», «Невинная», «Оратор», «Горячий хлеб», «Две тысячи песен Фариды» (получил премию «Ника» за лучший фильм стран СНГ и Балтии), «Кокандский ветер», «Родина», «Берлин -Аккурган» и во многих других перед зрителем разворачиваются реальные, жизненные драмы, в ходе которых, на первый взгляд, пассивные и беззащитные женщины и девушки проявляют себя с совершенно неожиданной стороны — проявляют стойкий характер, проницательность, бойцовский дух.

К примеру, в драме «Две тысячи песен Фариды» действия в фильме происходят в начале 20-го века, когда весь край охвачен войной и живет в страхе. Главный герой Камиль, бывший конформист, живет в горах Туркестана с тремя женами разного возраста. Камиль не преследует никаких целей, кроме одной — иметь продолжение своего рода, поэтому решает жениться в четвертый раз. Однако конфликты, связанные с приходом новой женщины в семью, и угроза политической обстановки в этом регионе приводят к тому, что семья разрушается. «Каждая из жен символизирует определенные черты характера, которые присутствуют практически в каждой современной женщине. Старшая жена Хусния — материнская забота и строгость, Робия — храбрость и страсть, Махфират — беззаботность и самоотверженность, Фариды — образованность и загадочность» [2]. По мнению российского автора Н. Летаевой, этот фильм есть «осмысление и переосмысление произошедшего за век. Произошедшего с народом, чьим сыном является режиссёр» [3]. Фильм воспроизводит тяжелую психологическую обстановку в условиях многоженства. И хотя он построен на историческом материале, тем не менее, в различных фрагментах сюжета идут плавные намеки — переходы на современность, когда в узбекистанском обществе в центре последних общественных дискуссий становятся такие уродливые явления, как двоеженство и внебрачные дети.

Современное кино Узбекистана — это еще и образы женщин, оказавшимися по воле судьбы, а часто из-за необразованности и наивности, в лагерях террористов, оказавшимися жертвами трафика и наркотрафика. Практически все киноленты с такой маркировкой — государственный заказ. Это понятно: в условиях трансформации, прежде всего, экономики миллионы людей уехали за границу. В фильмах «Барон», «Барон-2», «Дно» и ряд других высвечены образы женщин, оступившихся на жизненном пути, ставших на чужбине жертвой мужских и женских «игр» соотечественников.

Анализ киноконтента Узбекистана свидетельствует, что он выступает одним из главных проводников гендерно-сбалансированных установок в сознание многомиллионной зрительской аудитории. Глубокий психологизм, столкновение мужских и женских характеров на фоне богатых этнических исторических и современных реалий дают возможность деятелям киноискусства Узбекистана представлять женские образы в самых различных ракурсах.

Список использованных источников и литературы

1. О Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-60 28 января 2022 г. URL: <https://lex.uz/ru/docs/5841077>.
2. Теплое воспоминание о наставлении предков»: рецензия на фильм «Две тысячи песен Фариды» URL: <https://tbl.d.uz/dve-tisyachi-pesen-faridi/>.

3. Летаева Н. 2000 песен Фариды или Двойной прорыв ЁлкинаТуйчиева. URL: <https://proza.ru/2021/01/13/1429>.

Сведения об авторе: *Мирсоатова Махлиё Собировна*, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета журналистики Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: mms.journalist@inbox.ru.

УДК 002.396.392: 7.097

Ш. М. Ибрагимов

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

РОЛЬ ТЕЛЕВИДЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ПРОДВИЖЕНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ

Аннотация. Социально-экономические реформы, проводимые в Узбекистане, регулярно освещаются в информационно-аналитических программах, которые страна транслирует по телеканалам. В статье рассматривается значение программ, освещающих социально-экономические проблемы, анализируется степень освещения социально-экономических проблем при использовании фактов по избранным темам, а также роль в обществе программ, освещающих приоритетные направления социально-экономической реформы, навыки журналистов, работающих в этих программах, в анализе тем, а также такие вопросы, как важность текущих тем для аудитории.

Ключевые слова: социально-экономические проблемы, занятость, социальная защита, пенсия, материальная помощь, занятость, рынок труда, телевидение, телеканал, журналист, сообщение, передачи.

Sh. M. Ibragimov

National University of Uzbekistan named after. M. Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan)

THE ROLE OF UZBEKISTAN TELEVISION IN PROMOTING THE SOCIO-ECONOMIC ATTRACTIVENESS OF THE COUNTRY

Abstract. Socio-economic reforms carried out in Uzbekistan are regularly covered in information and analytical programs that the country broadcasts on TV channels. The article examines the importance of programs covering socio-economic problems, analyzes the degree of coverage of socio-economic problems when using facts on selected topics, as well as the role in society of programs covering priority areas of socio-economic reform, the skills of journalists working in these programs in the analysis of topics, as well as issues such as the importance of current topics for the audience.

Keywords: socio-economic problems, employment, social protection, pension, financial assistance, employment, labor market, television, TV channel, journalist, message, broadcasts.

Для Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева стало традицией посещать различные регионы, чтобы увидеть социально-экономические изменения, осуществляемые в нашей стране. Этот процесс регулярно освещается на национальных телеканалах. Посещая Сырдарьинскую об-

ласть, Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев выразил свою цель следующим образом: «Цель моих поездок в регионы, ежедневных усилий — сделать так, чтобы люди были довольны жизнью, добиться увеличения дохода на душу населения» [1]. Это говорит о его усилиях сделать жизнь нашего народа комфортной. Это слово, которое произносится по отношению к народу, по сути, определяет социальную политику страны. За последние три года в нашей стране произошли масштабные социально-политические события. Благодаря историческим изменениям государство приблизилось к народу, стало работать на народ. Президент выдвинул лозунг: «Если народ богат, то и государство будет богатым» [2]. Большинство обращений граждан в виртуальную приемную президента касалось социальных вопросов, и деятельность народной приемной сегодня вызывает уважение не только у нашего народа, но и у международного сообщества.

Основная часть. Надо сказать, что в беспристрастной и правдивой критике тех или иных недостатков и недочетов, существующих на местах, служба телевидения несравнима. Правда, она тоже передает информацию, анализирует ее, как и СМИ, а также формирует общественное мнение. Однако телевидение отличается тем, что оно распространяет информацию более эмоциональным способом (с помощью изображений, звука и спецэффектов), в отличие от возникших до него средств массовой информации. Пропагандист политики государства в определенной сфере в развивающихся странах подтверждает наше слово, что это телевидение. «Оно является наиболее видным сторонником среди средств массовой информации с возможностью прямого показа общественной жизни и использования ряда видов искусства» [3].

В связи с этим следует отметить, что освещение социальных проблем на телеканалах, изучение достижений и недостатков в той или иной области будет представлять интерес для зрителя. Само по себе увеличение таких выступлений играет важную роль в формировании общественного мнения. Поскольку «первый и современный фактор, влияющий на общественное сознание — телевидение» [4], это требует увеличения количества аналитических программ, в частности, передач, в которых говорится о социальных проблемах. По нашей теме проведен теоретический и практический анализ передач, специализирующихся на освещении социальных проблем на местных телеканалах.

В рамках стратегии действий большое значение имеет роль тележурналистов в донесении до мировой общественности смысла и сути абсолютно новой социальной политики, реализуемой в нашей стране. В информационно-аналитических передачах телеканалов освещается широкий спектр работ по социальной защите населения.

Он служит международной площадкой для конструктивного обсуждения и обмена мнениями по предложениям, замечаниям и опыту участников, непосредственно участвующих в демонстрациях, посвященных решению этих социально-трудовых вопросов. Этот формат, несомненно, демонстрирует открытость Узбекистана, его готовность активно сотрудничать, решать задачи социальной защиты на основе международного и зарубежного опыта. В своем послании Парламенту Президент нашей страны сказал, что «В новом году на реализацию программ «Обод махалла» («Благоустроенная махалля») и «Обод кишлок» («Благоустроенное село») предусмотрено выделить свыше 4 триллионов сумов. На сегодняшний день уровень урбанизации в стране составляет 35,5 процента, и если не принять меры уже сегодня, то есть вероятность снижения данного показателя» [5].

В информационно-аналитической программе организация прямых поездок на места приведет к более эффективному выполнению показов, чтобы иметь четкое представление о социально-экономической ситуации в нашей стране: работе в сфере здравоохранения, образования, социальной инфраструктуры, доступного жилья, условиях труда на рабочих местах, взаимодействии государственных органов, профсоюзов и работодателей. Кроме того, за счет последовательного повышения реальных доходов и занятости населения, на телевидении раскрываются перспективы активной социальной защиты, совершенствования государственной системы в направлении социальной защиты и охраны здоровья населения, повышения общественно-политической активности женщин и девушек, строительства доступного жилья, обеспечивающего улучшение жилищных условий населения, развития автомобильного транспорта, машиностроения, проводятся дискуссии по таким направлениям, как совершенствование государственной политики в отношении молодежи.

В последнее время Международная организация труда обратилась к мировому сообществу с призывом к прямой нетрадиционной практике — частной безвозмездной помощи для обеспечения ми-

нимального уровня социальной защиты. И таким образом она признала, что, по ее опыту, безвозмездная помощь отдельного предприятия и средства могут быть использованы для целей социальной защиты. «Каждый год созывается Международная конференция труда. Это международная конференция, на которой обсуждаются общие проблемы труда и социальные вопросы, а также международные трудовые стандарты. Эта конференция устанавливает общую политику организации» [5].

В Узбекистане накоплен достаточный опыт в этой области, налажены государственно-частные партнерские отношения в сфере социальной защиты. В частности, ресурсы переориентируются на граждан, а в системе социальной политики центральное место занимают социальное обеспечение, социальная защита, социальная помощь.

В нашей стране 60 процентов расходов государственного бюджета направляется на социально-культурную сферу: образование, здравоохранение, культуру, социальную защиту малообеспеченных слоев населения. Ведь коллективные формы доверия к национальным ценностям, взаимопомощь и поддержка населения — это одна из уникальных ценностей нашего народа в этом отношении. В частности, особое место в этом направлении занимает Институт махалли.

Сегодня человеческий фактор поднялся в нашей стране до уровня высокой ценности. В этом суть мысли нашего Президента Ш. М. Мирзиёева: «Потому что люди не завтра, не в далеком будущем, а именно сегодня хотят видеть позитивные изменения в своей жизни. Наш трудолюбивый, добросердечный и великодушный народ имеет на это полное право» [6], и это также отражается в превращении этой мысли в приоритетное направление сегодняшней политики.

В результате реализации этого проекта гуманитарная политика, проводимая в нашей стране, придает новый смысл жизни людей. В частности, с учетом потребностей населения принятие программы строительства доступного жилья на основе обновленных типовых проектов в сельской местности изменило в сердцах людей взгляды на жизнь и работу. Согласно программе, в 2017 году в городах и селах были построены образцовые и многоэтажные дома общей площадью более 3,5 млн квадратных метров.

В телепередачах уровень социального положения населения страны показывается через инфографику показателей. За многие годы в одной и той же социальной сфере накопились десятки проблем, которые в конечном итоге мешали нашему народу жить нормальной жизнью.

Конечно, в этом отношении важен и мировой опыт. Поэтому, согласно госпрограмме, необходимо закрепить передовой зарубежный опыт, соответствующий нашему национальному менталитету, в нашем законодательстве и определить уровень доходов, необходимый для достойной жизни населения, создать правила практического применения понятия «потребительская корзина» к нашей жизни. Во втором абзаце статьи 46 Конституции Республики Узбекистан отмечается, что «размер пенсий, пособий, иных видов социальной помощи не может быть меньше официально установленного прожиточного минимума» [7]. Также, согласно статье, должны быть приняты практические меры по постепенному росту реальных доходов населения, заработной платы, стипендий, пенсий и социальных выплат.

На финансирование программ «Обод махалла» («Благоустроенная махалля») и «Обод кишлок» («Благоустроенное село»), а также ипотечную программу в 2021 году будет выделено 31,5 трлн сумов, или около 3,05 млрд долларов. Об этом на видеоселекторном совещании сообщил Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев, передает корреспондент «Ахборот-24»: «Мы выделяем [деньги], не увеличивая внешний долг. Из них 21 трлн сумов направим на улучшение жилищных условий в сельской местности и махаллях, остальные 11 трлн сумов — на реализацию ипотечной программы. Такие средства до этого никогда не выделялись», — заявил глава государства [8].

В процессе выполнения этих задач принимаются меры по финансовой поддержке малообеспеченных семей, многодетных семей, пенсионеров, ветеранов войны и труда посредством коллективных договоров и соглашений. Особенно на телеканалах «Узбекистан», «Узбекистан-24», «Ёшлар» («Молодежь») и «Ташкент» эта тема регулярно освещается.

В 2017–2020 годах в серии свидетельств о реализации дается ряд целевых программ, направленных на социальную поддержку малообеспеченных слоев населения. В частности, в передачах, переданных на телеканале «Узбекистан-24», упоминается, что льготные кредиты были предоставлены тысячам малообеспеченных семей, которые выразили желание восстановить экономику своих семей

в части их ремесленного производства, открыть бизнес-линии, организовать покупки личных подсобных хозяйств, а также скота или птицы, их направления. Отремонтированы дома сотен неблагополучных семей, тысячи квартир обеспечены бытовой техникой. Материальную поддержку получили сотни тяжелобольных, членов таких семей. В этом году работа в этом направлении последовательно продолжается.

Очень ответственная и серьезная задача, такая как обеспечение населения лекарствами, входит в тему аналитических программ, которая вызывает много оживленных дискуссий. До сегодняшнего дня в отдаленных районах и селах страны было запущено более 2000 социальных аптек, и для тысяч людей, живущих в отдаленных районах, были созданы условия для облегчения их проблем и сокращения дистанции [9].

Судя по всему, деятельность журналистов телеканала «Узбекистан-24» сегодня не ограничивается освещением одной стороны социальных вопросов. Можно сказать, что интересы человека, охватывая многогранные аспекты обеспечения его прав на жизнь и труд, непосредственно становились программой, включающей определенные социальные вопросы. В этом смысле можно с полной уверенностью сказать, что Узбекистан готов довести до сведения мирового сообщества свой опыт, который становится все более популярным для общественности, обсуждать проблемы мирового сообщества в этой связи и находиться в центре внимания, делиться опытом по их решению.

Поэтому в 2014 году был принят Закон Республики Узбекистан «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления», который стал важным шагом в установлении общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и управления [10].

Ни для кого не секрет, что обеспечение свободы и прозрачности в информационной сфере, а также повышение активности СМИ в доведении ее до широкой общественности является сегодня актуальной задачей. Роль телевидения велика, особенно в доведении до общественности реалий развития и общественной жизни. Внимание со стороны журналистов требует высокого профессионального подхода, основанного на принципах беспристрастности, справедливости, в позитивном решении актуальных вопросов, связанных с жизнью общества, освещения на основе вдумчивого, глубокого аналитического наблюдения за той или иной темой.

За годы независимости были созданы правовые гарантии и условия для повышения активности СМИ в нашей стране до современного уровня. Свобода слова и печати, право журналиста на получение, поиск, беспрепятственное распространение информации гарантировались Конституцией и законами, цензура была отменена. Сегодня не только в государственных, но и на частных телеканалах организуются специальные передачи и демонстрируются материалы критического характера. Но это не значит, что нужно останавливаться на достигнутом. Напротив, каждый журналист должен уметь предвидеть актуальные проблемы, ориентироваться на подход к проблеме и своеобразие стиля. Журналист должен работать, сохраняя достоинство, осознавая свои права и обязанности. Как и другие средства массовой информации, телевидение-трибуна для выражения мыслей, рассуждений [11]. Поэтому надо положить конец таким подходам, как сомнение в честности журналиста. Чем сложнее жизнь общества, тем объективнее она должна отражаться на телевидении и в других СМИ. И тогда в нашем обществе будет царить больше справедливости и атмосферы благополучия.

Список использованных источников и литературы

1. Наша цель — сделать так, чтобы люди были довольны жизнью, добиться увеличения дохода на душу населения. URL: https://uza.uz/ru/posts/nasha-cel-sdelat-tak-chtoby-lyudi-byli-dovolny-zhiznyu-dobitsya-uvclicheniya-doxoda-na-dushu-naseleniya_308876? q=%2Fposts%2Fnasha-cel-sdelat-tak-chtoby-lyudi-byli-dovolny-zhiznyu-dobitsya-uvclicheniya-doxoda-na-dushu-naseleniya_308876
2. Худойкулов М. Журналистика ва публицистика. — Т.: Тафаккур, 2011. — 115-б.
3. Ибрагимов Ш. Тележурналистика асослари. — Т.: ЎзМУ, 2012.
4. Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису. 28.12.2018. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/2228>
5. <https://kasaba.uz/harakatlar-strategiyasi-va-kuchli-izhtimoiy-siyosat-halqaro-amaliyot-va-uzbekiston-tazhribasi/> Халқаро меҳнат ташкилоти. <https://kasaba.uz/halqaro-mehnat-tashkiloti/>
6. Информационная программа «Ахборот-24». — 25 марта 2019 г.

7. Конституция Республики Узбекистан. — Т.: Ўзбекистон, 2023. URL: <https://lex.uz/docs/6445147>
8. Информационная программа «Ахборот-24». — 24 марта 2021 г.
9. Информационная программа «Ахборот-24». — 24 января 2017 г.
10. Закон Республики Узбекистан «Об открытости деятельности органов государственной власти и управления». Принят Законодательной палатой 11 марта 2014 г. Одобрен Сенатом 10 апреля 2014 г. URL: <https://lex.uz/docs/2381138>.
11. Телевизионная журналистика: учебник / под ред. А. Я. Юровского. — М.: МГУ, 2004. — С. 46.

Сведения об авторе: *Ибрагимов Шавкат Муминович*, кандидат филологических наук, доцент Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: ibragimov_shavkat@inbox.ru

УДК 7.094/7.097.7.01

З. П. Абдуллаева

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПОРТРЕТА

Аннотация. Портретный очерк является одним из наиболее выразительных жанров телевидения. Опираясь на универсальные законы драматургии, тележурналист описывает своего героя через движущиеся изображения с помощью видеокамеры оператора, умеющего наблюдать и точно отслеживать предметы. В аудиовизуальных СМИ журналист создает портрет посредством изобразительно-выразительных средств на основе фактической информации. Анализ ряда выпусков программы «Унутилмассиймолар» («Незабываемые лица» телеканала «Маданиятвამарифат» Национальной телерадиокомпании) показал, что для создания телевизионных портретов известных деятелей литературы Узбекистана используется богатый арсенал изобразительно-выразительных средств.

Ключевые слова: телевидение, телевизионное слово, телевизионный портрет, телеочерк, телеэфир, изобразительно-выразительные средства.

Z. P. Abdullayeva

National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan)

AUDIOVISUAL STRUCTURE OF A TELEVISION PORTRAIT

Abstract. The portrait essay is one of the most expressive genres of television. Based on the universal laws of dramaturgy, a television journalist describes his character through moving images using a video camera of an operator who knows how to observe and accurately track objects. In audiovisual media, a journalist creates a portrait through visual and expressive means based on factual information. An analysis of a number of episodes of the program «Unutilmassiy molar» («Unforgettable faces» of the TV channel «Madaniyatvamarifat» of the National Television and Radio Company) showed that a rich arsenal of visual and expressive means is used to create television portraits of famous literary figures of Uzbekistan.

Keywords: television, television word, television portrait, TV essay, TV broadcast, visual and expressive means.

Портретный жанр эффективно используется во всех областях искусства. Цель любого портрета — выразить внешность, внутренний мир и уникальные особенности героя. Происходя из французского языка, данный термин означает *portraire* — «воспроизводить что-либо точ-

но», но это не дает подробного определения жанра. В литературе есть такое определение: «Портрет, прежде всего, помогает запечатлеть персонажа в глазах читателя как конкретного человека. С другой стороны, портрет в художественном произведении будет иметь характерологические признаки. То есть писатель пытается отразить в своей картине особенности характера героя [1, с. 69]. Опираясь на универсальные законы драматургии, журналист описывает своего героя через движущееся изображение с помощью видеокамеры кинооператора, умеющего наблюдать и точно отслеживать предметы. В аудиовизуальных СМИ журналист создает портрет посредством изобразительно-выразительных средств на основе фактической информации.

Одним из наиболее выразительных жанров телевидения является портретный очерк. В «портретном очерке автор наблюдает за условиями жизни своего героя, пытается раскрыть мотивы действий, личностные особенности (психология, характер), а также социальный смысл деятельности» [2, с. 183]. Портрет изображает внешний облик конкретного, реального человека, живущего в прошлом или настоящем посредством изображения внутреннего мира.

В качестве примера можно привести выпуски программы «Унутилмассиймолар» («Незабываемые лица» телеканала «Маданият ва маърифат»), посвященные народным поэтам Абдулле Орипову и Эркину Вахидову и вышедшие в эфир Национальной телерадиокомпании еще в 2017 году.

В первой части выпуска представлен портрет поэта и драматурга Эркина Вахидова, построенный на интервью с героем из архивных кадров. Поэт отмечает, что на занятия учителя Гайрати он ходил со своими друзьями детства Хайридином Саломовым, Юсуфом Шомасовым, Анваром Исраэлем и другими. Слова героя дополняются фотографиями названных выше людей. Вербальное выражение координируется визуальным источником. Герой помнит беседы и встречи с такими мастерами пера, как Ойбек, Гафур Гулям, Абдулла Каххор, Абдулла Орипов, Озод Шарафиддинов, Саид Ахмад, которые воспитали молодой дух Э. Вахидова и привели его в мир литературы. И как подтверждение этого — на кадрах показаны фрагменты из бесед с ними.

В передаче не будут оставлены без внимания не только достижения писателя на разных перекрестках его жизни, но и препятствия, встречавшиеся на этом пути. Он говорит, что некоторые стихи героя были встречены аплодисментами, а другие подверглись критике. Именно Абдулла Каххор взял молодого писателя под свою защиту. Абдулла Каххор использовал первые стихи автора в качестве эпиграфа к своим рассказам и повестям, а на вопрос «Почему 77» учитель ответил: «Я сделал то, что сказал вам, что брошенный в меня камень должен попасть в меня». Как можно выразить телевизионным словом эти фразы?! Сложно найти кадр, столь же ценный, как сами эти слова.

Вторая часть передачи «Унутилмассиймолар» посвящена жизни и творчеству Абдуллы Орипова. Она начинается следующими словами:

За кадром (текст читает Афзал Рафиков): «Даже если они соберут вас всех, положат в этот казан и поджарят, ни один Абдулла не выйдет. Поэтому заботьтесь о нем больше, чем о себе».

В кадре: Абдулла Каххор сидит в саду со своими учениками, фотография Абдуллы Орипова.

В телесюжете приведены сведения о рождении поэта, его студенческих годах и первых опубликованных произведениях. В кадре — фотографии подростковых лет героя и когда он учился в университете. Многие жанры тележурналистики широко используют фотографии в качестве визуального инструмента. «Нас окружает поток движущихся изображений (телевидение, видео, кино), но именно фотография оставляет незабываемый, глубокий след в памяти. В памяти находится стоп-кадр — его основным элементом является одиночное изображение. В эпоху доминирования информации фотография позволяет понять в быстрой и компактной форме» [3, с. 20]. В данной телепередаче фотографии также послужили средством экранного общения.

Поэт Мирпулат Мирзо цитирует отрывок из стихотворения Абдуллы Орипова «Письмо наследникам», посвященному землетрясению 1966 года в Ташкенте:

Если ты скажешь, пусть в подземелье будет тихо,
Не лгите на земле.

Сторонники режима изменили следующее содержание стихотворения, сказав: «Могут ли быть на земле лжецы?»

Если ты скажешь, пусть в подземелье будет тихо,
Не лгите о *стихотворении*.

Кажется, коллега поэта, знавший цену слову, описал ситуацию и поэта, и эпохи. Создатели телепередачи воплотили на экране писателя, который сталкивался со многими трудностями в жизни, иногда спотыкался, падал в ямы, но вставал и продолжал путь, несмотря ни на что.

Внимание привлекает один кадр: с высоты брошена связка бумаг. Этот кадр напоминает сцену, где некоторые стихи, льющиеся из сердца поэта на белую бумагу, словно подбрасываются в воздух. Тот факт, что стихи автора не были признаны некоторыми чиновниками или сторонниками цензуры, можно передать метафорическим выражением. Вербальное же выражение в аудиовизуальной структуре анализируемых телепортретов послужило для информирования зрителя. Зрительный образ удовлетворял эстетическую потребность, а невербальные средства — музыка, интершум и действия участников послужили повышению результативности образ и слова.

В исследовании средств выразительности телевидения, прежде всего, следует сказать о возможностях изображения. Обеспечение его приоритета принимается как аксиома. Отметим также, что два вида аудиовизуального искусства — кино и телевидение — возникли из композиции цвета и изображения. Техника же придала аудиовизуальному искусству динамическую силу и на следующих этапах развития оно продемонстрировало свою мощь в создании атмосферы и композиции портрета, обеспечении последовательного и постепенного повествования. На телевидении изображение никогда не определялось письменным словом. Когда пассажирский поезд прибывает в Париж и останавливается на вокзале, пассажиры покидают станцию в сторону города (28 декабря 1985 г.), один из изобретателей телевидения «Грабовский то снимает головной убор, то надевает его» [4, с. 28–29] показана передача движущегося изображения на расстояние с помощью примитивной камеры. Такие кадры ценятся как истинное выражение далекой обстановки, запечатленной в изображении. Коммуникативная значимость этого заключается в том, что прошлое раскрывается не опосредованно с помощью письма, рассказа, звука, а непосредственно в фильме или «видеоленте» этих моментов.

Исследователи отмечают необходимость обеспечения приоритета изображения в телевизионной работе. Но давайте вспомним мнение, высказанное Мананой Андрониковой, дочерью профессора Ираклия Андроникова, изучавшего историю кино и написавшего масштабные исследования еще в самом начале развития телевидения. «Имиджевая линия считается основой телевизионного творчества. Мы предлагаем внести важное изменение в это мнение: основа телевизионного искусства, опора, средство его отслеживания — это слово, обращенное к зрителю» [5, с. 101]. Французский поэт, теоретик классицизма Буало Никола, размышляя об образе и художественном слове, говорил: «То, что видим глазами, оказывает более сильное воздействие, чем рассказ. Но мы не можем вынести того, что привыкли слышать» [6, с. 78]. И это связывает чтение письменного слова с восприятием нарисованного изображения. Вышеизложенное побуждает задуматься о современных формах творческой телевизионной практики. Ситуация могла измениться, когда появилась новая форма художественного синтеза, когда появилась возможность одновременно представить звук и изображение. Слово (услышанное или написанное) может помочь привыкнуть видеть образ, когда его неудобно смотреть. Особенно, присущие природе телевидения, проявляются в отношениях между словами и изображениями.

Подводя итоги, можно заключить, что тележурналисты применяют три разные позиции при создании портретного жанра аудио- и визуальными средствами выразительности: 1) личные фотографии, архивные материалы, интервью героя; 2) свободная беседа с героем вне студии; 3) приглашение в студию героя передачи, его родственников и коллег, озвучивание их мнения напрямую. В ходе сложного творческого процесса в телевизионной журналистике указанные позиции позволяют создавать интересные зрителю телевизионные портреты, построенные на основе воспоминаний и наблюдений современников героя, архивные материалы, зафиксировавшие размышления от первого лица.

Список использованных источников и литературы

1. Курунов Д. Адабиётшуносликка кириш. — Т.: А. Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 2004. — 69-б.
2. Юровский А. Я. Телевизионная журналистика: учебник / под ред. А. Я. Юровского. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — С. 183.
3. Susan Sontag. Regarding the Pain of Others. — New York: Picador, 2003. — P. 20.
4. Ўзбекистон Республикаси Марказий давлат архиви. — Р-2562 фонд, 3-рўйхат, 80-иш. 28–29 бетлар.

5. Искусство кино. — М., 1963. — № 2. — С. 101.

6. Буало Никола. Поэтическое творчество. — М., 1957. — С. 78.

Сведения об авторе: Абдуллаева Замира Пулатхановна, преподаватель кафедры «Аудиовизуальной и интернет-журналистики» Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: mirasnow8707@gmail.com.

УДК 32.019.5:659.4/316.77

Д. Х. Аминова

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Бурное развитие средств массовой коммуникации и информации привели к устранению культурных барьеров и взаимодействию между представителями различных культур. Интернет как глобальная информационная сеть выступает наиболее доступной площадкой для взаимодействия различных культур. Изучение теоретических источников выявило следующие особенности межкультурной коммуникации в интернет-СМИ: она оказывает влияние на культуру; в языке появляются новые слова, которые становятся общепонятными; она оказывает влияние на ценностные ориентации молодежи. В контексте деятельности интернет-СМИ диалог культур предстает как процесс взаимовоздействия различных картин мира, воплощенных в медиатекстах.

Ключевые слова: интернет-СМИ, диалог культур, межкультурная коммуникация, молодежь, ценностные ориентации, медиатекст.

D. X. Aminova

Uzbek State university of foreign languages (Tashkent, Uzbekistan)

FEATURES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN ONLINE MEDIA: THEORETICAL ASPECT

Abstract. The rapid development of mass media and information has led to the elimination of cultural barriers and interaction between representatives of different cultures. The Internet, as a global information network, is the most accessible platform for the interaction of different cultures. The study of theoretical sources revealed the following features of intercultural communication in Internet media: it influences culture; new words appear in the language that become generally understandable; it influences the value orientations of young people. In the context of Internet media activities, the dialogue of cultures appears as a process of interaction between different pictures of the world, embodied in mediatexts.

Keywords: Internet media, dialogue of cultures, intercultural communication, youth, value orientations, mediatext.

Значительные изменения в социальной, политической и экономической сферах жизни общества, а также бурное развитие средств массовой коммуникации и информации привели к устранению культурных барьеров и взаимодействию между представителями различных культур. В связи с этим проблемы взаимодействия культур и межкультурной коммуникации в Интернет-СМИ требуют

глубокого анализа. Как верно отмечают российские ученые М. Липатова и А. Богатырева, «современная культура во все большей степени зависит от новейших технологий, в особенности от медийных ресурсов Интернета. Тексты, которыми обмениваются пользователи, максимально насыщены разнообразной информацией и символами... Интернет, будучи высокотехнологичным посредником между субъектами взаимодействия, увеличивает возможности много-вариативной коммуникации» [1, с. 84].

Действительно, Интернет как глобальная информационная сеть выступает наиболее доступной площадкой для взаимодействия различных культур. Изучение особенностей взаимодействия культур в интернет-среде, выявляет новые форматы, формы и способы достижения взаимопонимания между их представителями. Последние десять лет межкультурная коммуникация изучается на междисциплинарном уровне (культурология, психология, лингвистика, социология), и каждая область использует свой подход и методы ее анализа. Например, в исследовании Э. Иримаш анализируется взаимодействие межкультурной коммуникации с бизнесом и маркетингом. В научной статье «Стереотипы поведения в межкультурной коммуникации» он глубоко проанализировал научные исследования известных теоретиков, занимающихся в межкультурном общении, невербальном деловом общении, обсуждает дресс-код в бизнесе, межкультурное деловое общение, границы общения в бизнесе, культурное онемение, межкультурные переговоры и межкультурный маркетинг [2, с. 167–174].

По мнению исследователя Бьянка-Дана Альбут, межкультурная коммуникация представляет собой уникальную форму межличностного общения. Эта ситуация в основном возникает в результате невербального взаимодействия между людьми разного культурного происхождения. Развитие межкультурной коммуникации обусловлено процессом глобализации, в частности экономической интеграции, популяризации социальных, политических, религиозных и культурных связей [3, с. 54].

Исследование вопросов активизации межкультурной коммуникации в интернет-СМИ уместно начать с поиска ответа на вопрос о том, что такое межкультурная коммуникация. Термин «межкультурная коммуникация» состоит из двух понятий «межкультурная» и «коммуникация». Как правило, под «межкультурным» понимают взаимодействие представителей разных культур (отдельных людей, групп, целых сообществ). «Культура» трактуется как мышление, обычаи, ценности и нормы поведения, характерные для национальных этносов [4, с. 5].

Межкультурная коммуникация используется как в широком, так и в узком смысле. В. П. Фурманова рассматривает межкультурную коммуникацию в широком смысле и понимает ее как «взаимодействие культур, существующих в определенном пространстве и времени». При этом феномен культуры рассматривается как общее понятие, а культурные отношения проявляются в различных формах через взаимодействие, синтез, совершенствование и общение. Это также означает взаимодействие культур, раскрывающее ценности, национальное самосознание и тип личности, позволяющее понять глубокую сущность человека, воплощающего конкретное историческое содержание определенного периода. Субъектами таких отношений выступают разные культуры разных стран и цивилизаций [5, с. 34].

В узком смысле под межкультурной коммуникацией понимают общение между представителями разных национальностей в одной стране, городе или селе. Это определение более характерно для мультикультурных, полиэтнических обществ.

Особенности межкультурной коммуникации на фоне процессов глобализации, информатизации, конвергенции и экономической интеграции проявляются под прямым влиянием глобальной сети, а именно интернет-СМИ. В результате пользователи Интернета в виртуальном режиме становятся ее активными участниками и имеют возможность выразить свое отношение к разным уровням межкультурной коммуникации.

Анализ научной литературы позволил определить некоторые особенности межкультурной коммуникации в Интернет-СМИ:

- Межкультурная коммуникация оказывает влияние на культуру;
- В языке появляются новые слова, которые становятся общепонятными;
- Межкультурная коммуникация оказывает влияние на ценностные ориентации молодежи [6, с. 44–47].

На наш взгляд, межкультурная коммуникация влияет не только на культуру в целом, но и на своеобразные культурные ценности различных наций и национальностей, взаимодействующих в инфор-

мационном пространстве. А новые слова, приобретенные в ходе виртуального общения, становятся не только понятными, но и общедоступными. Так как основной контингент пользователей сети составляет молодежь, то межкультурная коммуникация безусловно будет влиять и на их ценностные ориентации. Также следует учитывать факторы влияния массовой культуры и слияние различных ценностных ориентиров.

По мнению С. Гасумовой, Интернет в XXI веке дает возможность общаться людям в различных уголках планеты, а также делает практически любую информацию общедоступной. С одной стороны, общение через социальные сети с иностранными гражданами или получение информации о происходящих событиях в мире влияют на культуру положительно, расширяя кругозор и задавая тенденции современного мира. С другой — нельзя отрицать негативное влияние межкультурной коммуникации, так как через Интернет распространяется отрицательная и деструктивная информация о расизме, ксенофобии, межнациональной розни, а также существует возможность вербовки в террористические организации [7, с. 311].

Нельзя не согласиться с вышеупомянутым мнением о том, что межкультурная коммуникация в интернет-СМИ дает возможность для получения интересной и полезной информации в сфере культуры, культурных трансформаций в различных государствах, но также излишнее изобилие негативного контента может привести к неправильной трактовке межкультурного коммуникационного общения.

В. Благов отмечает, что «массмедиа формируют картину мира современного человека — его ценности, концепты и стереотипы, поэтому в контексте их деятельности диалог культур предстает как процесс «взаимовоздействия» различных картин мира, воплощенных в текстах СМИ. Медиа-тексты ... играют самую активную роль в межкультурном диалоге как в плане широты охвата аудитории, так и по силе коммуникативного воздействия» [8, с. 118–124].

В заключение необходимо выделить следующие моменты:

- 1) межкультурная коммуникация на протяжении последних лет стала проявляться в новом формате и стиле изложения;
- 2) особенностями межкультурной коммуникации в интернет-СМИ являются язык, культурные ценности, стереотипы и новые модели культурного взаимодействия;
- 3) сближение различных культур привело к возникновению новых проявлений культурного бытия и самореализации культурных взглядов современной эпохи.

Список использованных источников и литературы

1. Липатова М., Богатырева А. Актуализация межкультурного диалога в современном интернет-пространстве // Вестник российского университета дружбы народов. Социология. — Том 16, № 1 (2016). — С. 72–84.
2. Irimiaș E. Behavioural Stereotypes in Intercultural Communication // Acta Universitatis Sapientiae. Philologica. — 2011. — № 3, 2. — Pp. 167–174.
3. Albuț B-Dana. Intercultural Communication: Evolution and Development Issues. URL: <http://revad.uvvg.ro/files/nr8/6.%20Albut.pdf>.
4. Межкультурная коммуникация: учеб.-метод. комплекс / Э.А. Усовская. — Минск: БГУ, 2017.
5. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): дис. ... докт. пед. наук. — М., 1994.
6. Голдобина В., Стеценко Т. Особенности межкультурной коммуникации в сети Интернет. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47207/1/978-5-8295-0519-6_09.pdf.
7. Гасумова С.Е. Информационные технологии в социальной сфере: учеб. пособие. — М.: Дашков и К, 2015.
8. Благов Ю. СМИ и межкультурная коммуникация. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/47207/1/978-5-8295-0519-6_09.pdf.

Сведения об авторе: Аминова Дилноза Хикматиллакизи, доктор филологических наук, доцент кафедры «Информационные службы и связи с общественностью» Узбекского государственного университета мировых языков, г. Ташкент, Узбекистан, e-mail: nozikdil@mail.ru

УДК 32.019.5:659.4/325

Н.Х. Зохилова

Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

РОЛЬ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ В ОСВЕЩЕНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. СМИ выступают важным социально-политическим институтом в организации и реализации проектов по поддержке мигрантов и беженцев на основе социального партнерства между государственными органами, министерствами и ведомствами. Деятельность интернет-изданий России, Узбекистана, Великобритании по освещению темы миграции показывает, что некорректное толкование сути проблемы в эмпирическом ракурсе большинством мировых интернет-изданий привело к появлению различных фобий по отношению к иммигрантам и беженцам, к различным межэтническим противоречиям и конфликтам.

Ключевые слова: интернет-издание, миграция, мигранты, иммигранты, СМИ, задачи журналистики.

N.X. Zoxitova

National University of Uzbekistan named after M. Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan)

THE ROLE OF ONLINE ISSUES IN COVERING MIGRATION PROCESSES

Abstract. The media are an important socio-political institution in the organization and implementation of projects to support migrants and refugees on the basis of social partnership between government agencies, ministries and departments. The activities of online publications in Russia, Uzbekistan and Great Britain in covering the topic of migration show that the incorrect interpretation of the essence of the problem from an empirical perspective by the majority of the world's online publications has led to the emergence of various phobias towards immigrants and refugees, to various interethnic contradictions and conflicts.

Keywords: internet issue, migration, migrants, immigrants, mass media, goals of journalism.

Проблема миграции в мировом масштабе изучается в ракурсе экономики, политики и демографии издавна. В первые два десятилетия XXI века большая часть исследований была сосредоточена на экономических аспектах миграции. В частности, в работах зарубежных исследователей Л. Мушиархамина и Б. Блессинга [1, с. 79], О. Козловска [2, с. 179], Ю.Ю. Хие [3, с. 195], Е.С. Вакуленко [4, с. 133], Ф. Танрикулу [5, с. 364] изучаются содержание, развитие, направления экономической миграции, миграционные и образовательные отношения, влияние интеграции мигрантов на экономику страны. Российский исследователь Н. Мкртчян [6, с. 109] рассматривает влияние СМИ на формирование отношения к мигрантам на основе анализа примеров из материалов российских СМИ, вызвавших мигрантофобию у коренного населения страны. В научных статьях В. Константинова и Р. Осина [7, с. 113] анализируются вопросы создания в СМИ России образов мигрантов. В статьях М. Ефременковой, В. Гриценко [8, с. 1106] исследуется роль СМИ в создании образов мигрантов-возвращенцев.

Неверное, некорректное толкование сути проблемы в эмпирическом ракурсе большинством мировых интернет-изданий привело к появлению различных фобий по отношению к иммигрантам и беженцам, к различным межэтническим противоречиям и конфликтам. Поскольку СМИ выступают важной социально-политической силой в организации и реализации проектов по поддержке мигрантов и беженцев на основе социального партнерства между государственными органами, министерствами и ведомствами, на международном уровне возрастает потребность в повышении профессиональной компетентности журналистов СМИ, и, в частности, интернет-изданий.

При освещении в СМИ процессов миграции в целом обосновываются пять теоретических подходов к сущности и задачам журналистики. *Первый* подход заключается в том, что под влиянием СМИ потенциальный мигрант принимает решение о переезде и выбирает направление возможного переезда. *Второй* подход — СМИ создают образ мигрантов. *Третий* — СМИ влияют на процесс самосознания мигрантов. *Четвертый* — СМИ содействуют интеграции мигранта в новое общество или, наоборот, создают барьеры, трудности. *Пятый* — СМИ служат обеспечению связей мигрантов с родной страной и напоминанию им об их идентичности. Данные пять теоретических подходов и понимание важности СМИ в регулировании процессов миграции и оказании помощи мигрантам позволяют систематически исследовать данные проблемы и обозначить пути их преодоления.

Подходы журналистов российских и британских СМИ к освещению вопросов миграции больше содержат прямолинейные оценки и подходы. Так, в освещении данной темы в онлайн-изданиях Великобритании в 2012–2020 годы можно выделить три периода — до миграционного кризиса в Европе (до конца 2014 года); период миграционного кризиса (2015–2017 годы) и период ослабления миграционного кризиса (2017–2020 годы). В количественном отношении большинство публикаций приходится на второй период. Выявлено, что веб-версия «The Guardian» к вопросам миграции относилась более позитивно, «Mail Online» и «The Sun» — более негативно. Первой причиной тому выступает формат публикаций, второй — партийная принадлежность онлайн-изданий. «The Sun» и «Mail Online» в своих политических позициях консервативны, а по формату являются массовыми и «желтыми» СМИ. «The Guardian» как качественное издание принадлежит левоцентристской партии. В массовой и «желтой» прессе не говорится о преимуществах и позитивных действиях мигрантов, явно и скрыто используется «язык ненависти». Размышляя о проблемах мусульман, акценты ставятся не на причинах, вызвавших данные проблемы, а на их следствиях.

По содержанию публикации можно дифференцировать на три основные группы. Материалы **первой группы** посвящены вопросам нелегальной миграции и вызванных ею проблем. Материалы **второй группы** освещают в критическом ключе деятельность правительства. В материалах **третьей группы**, в основном, освещаются преступления, совершенные мигрантами и беженцами. В них первостепенное внимание уделяется иммигрантам-мусульманам, а затем — иммигрантам из Восточной Европы. Основная часть публикаций «The Guardian» содержит призыв к населению и правительству проявлять терпимость к мигрантам. Во время пандемии коронавируса наблюдалось значительное увеличение к маю 2020 года количества публикаций, посвященных тяжелому положению мигрантов.

Контент-анализ 170 материалов данной тематики, опубликованных в 2013–2020 годах на сайтах российских изданий «Аргументы и факты» (АиФ), «Известия» и на сайте «Lenta.ru» показал, что, особенно в публикациях сайта «aif.ru», трудовые мигранты больше представляются как отсталые, хулиганы, склонные к преступности, отбирающие у коренных жителей рабочие места людей. В данных материалах мигранты расцениваются, в первую очередь, как угроза и потому в них преобладают призывы к осторожности. Иммигранты в публикациях изображаются как чуждые обществу, обычаям и религии, отличающиеся внешностью, занятые на низкооплачиваемой работе люди, в них широко используются эмоционально-экспрессивные средства языка. Если «aif.ru» освещает проблему миграции в однолинейном ключе, то «iz.ru» (сайт газеты «Известия») стремится занять более нейтральную позицию, а на «Lenta.ru» можно встретить материалы с позитивным подходом.

Публикации российских интернет-газет за 2010–2020 годы также можно разделить на три группы. Материалы **первой группы** посвящены анализу вопросов, связанных с совершенствованием системы миграционной политики. В публикациях выражено негативное отношение как к легальной, так и к нелегальной миграции. В них также поднимался вопрос о привлечении россиян на рабочие места, занятые трудовыми мигрантами. **Вторая группа** материалов посвящена миграционным процессам за рубежом. В большинстве из них описаны возможные последствия данных процессов для России. Материалы **третьей группы** осветили правонарушения, совершенные мигрантами. В этом смысле в публикациях «Lenta.ru» представлены мнения и трудовых мигрантов.

В освещении миграционных процессов в интернет-изданиях Узбекистана — «Kun.uz», «Daryo.uz», «Xabar.uz», «Qalampir.uz» можно выделить два этапа. Первый этап охватывает 2010–2017 годы, второй — период с 2017 года по настоящее время. В течение **первого периода** восприятие миграции в СМИ носило негативный характер. По мнению «Deutsche welle», «до избрания Мирзиёева узбек-

ские СМИ вели антииммигрантскую пропаганду» [9]. В этот период интернет-журналисты страны больше обращались к российским изданиям, переводили их информацию, большинство публикаций носило информативный характер. Аналитических публикаций о внутренних и внешних миграционных процессах, выступлений с позитивной оценкой и поддержкой мигрантов практически не было. Узбекистанские журналисты придерживаются традиционного подхода и в вопросе женской миграции (женщине абсолютно опасно выезжать за границу, многие женщины за границей аморальны и т.д.). В их выступлениях нет анализа экономических, правовых и социальных корней женской миграции. Во **второй период** внимание журналистов к проблеме трудовых мигрантов возросло, и это стало очевидным после трагедии в Актобе (Казахстан) в 2018 году. Собственно онлайн-издания, в сравнении с печатными, тему миграции освещают более широко. Вопрос утечки «мозгов» стала затрагиваться активно в СМИ в 2017 году.

Установлено, что в интернет-СМИ Узбекистана преобладают новости и новостные жанры, большинство из которых представляют собой переводные материалы. Широко представлен жанр интервью, однако интервью с экспертами встречаются редко. Эффективными оказываются при освещении темы миграции такие форматы, как нарратив и сторителлинг. В последние годы наблюдается повышение интереса к нарративам, но вместе с тем, пока еще нет мультимедийных лонгридов и сторителлингов.

В большинстве материалов выявлено неверное употребление терминов «мигрант» и «иммигрант» по отношению к беженцам, что является противоречащим правовому статусу беженцев определением. Кроме того, термины «иммигрант» и «беженец» являются «символами конденсации» (condensation symbol) и служат для пробуждения эмоций [10, с. 15]. В силу этого вместо негативно оценочных «иммигрант», «мигрант» целесообразно употребление привычных понятий «*дети*», «*мужчины*», «*женщины*», «*люди*», «*личность*», обладающих нейтральным значением. В публикациях часто встречается употребление прилагательного «нелегальный» в сочетании с существительными «иммигрант» и «беженец».

В лингвистике предмета миграции встречаются два метода — конфликтный и партнерский. Лексика, используемая при партнерском методе, ориентирована на поддержку иммигрантов. Лексика, основанная на конфликтном методе, выражает негативное отношение к ним. Например, негативно-оценочные выражения, связанные с культурой иммигрантов (*жертвоприношение, платок, борода и т.д.*), определения, подчеркивающие их неполноту (некомпетентный, невежественный, дикий, незаконный), указывающие на связь с преступностью и терроризмом (*террорист, убийца, мошенник, ИГИЛ*). Также при освещении темы мигрантов употребляется лексика военного характера, выражающая количественные характеристики: «волна мигрантов», «поток мигрантов», «банда», «группа», «наводнение», «армия мигрантов», «армия», «битва», «анимализация» (например, иммигранты размножаются как тараканы).

Отметим, что в анализируемых материалах было допущено достаточно много стереотипов. Сохранение стереотипов об иммигрантах в СМИ варьируется в зависимости от обстоятельств. Группа австралийских исследователей утверждает, что стереотипы об иммигрантах формируются на двух разных основаниях: «Во времена экономических трудностей их расценивают как захватчиков рабочих мест, а во времена экономического роста — внимание концентрируется на том, что обычаи иммигрантов несовместимы с традициями местного населения» [11, с. 160]. На основе проанализированных материалов были выявлены следующие наиболее распространенные в массмедиа стереотипы: беженцы/мигранты наносят ущерб экономике страны и захватывают существующие рабочие места; вместе с ними приходит угроза терроризма и экстремизма; они влияют на религиозные убеждения и культуру страны; будет увеличиваться количество преступлений; большинство из них не беженцы, а мигранты, приехавшие в надежде на лучшую жизнь; беженцы стремятся к более высокому уровню социальных льгот в Европе (что наиболее распространено было в массмедиа Европы); женщины-беженки — это «недееспособные» люди или женщины-иммигранты, в основном занимаются проституцией; у них нет чувства благодарности; большинство беженцев — мужчины, приехавшие зарабатывать деньги.

В результате применения подобных стереотипов в сознании массовой аудитории формируются такие негативные установки, как «мы», «они», «чужие», что усиливает распространение мигранто-

фобии, ксенофобии, исламофобии. В риторике массмедиа Узбекистана до 2017 года и ныне выявлены различия. Так, до 2017 года в выступлениях СМИ преобладали такие негативные представления, как «искатели легких денег», «ленивые», «предатели». В последние 3–5 лет наблюдался отказ от подобных стереотипов. Выявлено, что масштаб и уровень использования шаблонов и стереотипов о миграции в СМИ Узбекистана зависят от уровня решенности настоящей проблемы в политическом контексте.

Выявлено, что интернет-СМИ являются наиболее эффективным средством проведения крупномасштабных информационных кампаний среди мигрантов. Так, мигранты и беженцы не могут быть оперативно информированными о том, что происходит на родине через телевидение, радио и газеты в принимающей стране, а интернет-издания предоставляют им такую возможность. Более того, наличие интерактивности, гипертекстуальности и мультимедийности у данного типа СМИ оказывает влияние на рост их востребованности. В интернет-изданиях одновременно несколько человек из разных регионов могут оставлять комментарии под материалом. Из таких публичных дискуссий журналист сможет получить новую информацию, выяснить, какой конкретный аспект темы больше всего интересует аудиторию, а затем, на основе полученных результатов может поднимать и исследовать актуальные вопросы в рамках темы. В итоге закладывается основа для подготовки популярных в аудитории материалов, всестороннего и целенаправленного изучения темы.

Список использованных источников и литературы

1. Mushiarhamina L. B. Blessing. Migration and development. A case study of the Democratic Republic of Congo and Sweden: Master's thesis. — Linköping University, 2018.
2. Kozłowska O. The lived experience of economic migration in the narratives of migrants from post-communist Poland to Britain: A thesis of PhD. — University of Wolverhampton, 2010.
3. Xie. Y. Y. Migration, education & economic development: A thesis of PhD. — University of York, 2014.
4. Вакуленко Е. С. Моделирование миграции населения и рынков труда в России: дис.... докт. экон. наук. — М.: Высшая школа экономики, 2020.
5. Tanrikulu F. The Political Economy of Migration and Integration: Effects of Immigrants on the Economy in Turkey // Journal of immigrant and refugee studies. — 2020. — Vol. 19. — Issue 1.
6. Мкртчян Н. Миграция и средства массовой информации: реальные и мнимые угрозы // Космополис. — 2003. — № 3 (5).
7. Константинов В., Осин В. Образ мигрантов в современных российских масс-медиа // Пензенский психологический вестник. — 2013. — № 1.
8. Ефременкова М. Н., Гриценко В. В. Анализ дискурса о миграции соотечественников в Россию в средствах массовой информации // Психология и психотехника. — 2015. — № 11 (86).
9. Узбекистан поворачивается лицом к своим трудовым мигрантам. URL: <https://www.dw.com/ru/узбекистан-поворачивается-лицом-к-своим-трудовым-/a-38710756>.
10. Engbersen G., Dekker R. How social media transform migrant networks and facilitate migration: Working papers (64). — Amsterdam: International Migration Insitute, 2012.
11. Tillet, G., French B. J. Resolving Conflict: A Practical Approach (3rd ed.). — Sth. Melbourne, Vic: Oxford University Press, 2006.

Сведения об авторе: *Зохитова Нодира Хусан кизи*, доктор философии в журналистике (PhD), зав. кафедрой «Аудиовизуальной и интернет-журналистики» Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Узбекистан, e-mail: nzoxitova@gmail.com.

УДК 303; 325.25

*И. В. Гужова, Д. А. Подтихова**Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия)*

«ЭТНОПОСЛАНИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КИРГИЗОВ-МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Аннотация. Несмотря на многолетний интерес исследователей к теме воспроизводства этнической идентичности в социальных медиа, по-прежнему мало работ посвящено виртуальным сообществам мигрантов, прибывших в Россию из среднеазиатских стран. В данной статье на материале сообществ киргизов-мигрантов в российском сегменте социальной сети «ВКонтакте» описаны современные «этнопослания», которые модератор отправляет своим подписчикам. Собранный материал можно использовать как отправную точку для выявления актуальных проектов этнической идентичности, которые предписываются модераторами этносообществ.

Ключевые слова: этническая идентичность мигранта, воспроизводство идентичности, социальные медиа, виртуальные сообщества мигрантов, сетевые этносообщества, виртуальные «этнопослания».

*I. V. Guzhova, D. A. Podtikhova**The National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)*

«ETHNIC MESSAGES» AS A TOOL FOR REPRODUCING THE ETHNIC IDENTITY OF MIGRANTS IN SOCIAL MEDIA (BASED ON THE EXAMPLE OF THE ANALYSIS OF VIRTUAL COMMUNITIES OF KYRGYZ MIGRANTS ON THE SOCIAL NETWORK «VKONTAKTE»)

Abstract. Despite the long-term interest of researchers in the topic of reproduction of ethnic identity in social media, there is still not many work devoted to the virtual communities of migrants who arrived in Russia from Central Asian countries. This article uses the material of Kyrgyz migrant communities in the Russian segment of the social network «Vkontakte» to describe modern «ethnic messages» that the moderator sends to his subscribers. The collected material can be used as a starting point for identifying current ethnic identity projects that are prescribed by moderators of ethnic communities.

Keywords: ethnic identity of a migrant; reproduction of identity; social media; virtual communities of migrants; network ethnic communities; virtual «ethnic messages».

Глобализация и цифровизация наложили отпечаток на все сферы социальных отношений, коснулись они и коммуникаций различных участников миграционных процессов. Мигрантам, с одной стороны, необходимо адаптироваться в принимающем обществе, с другой стороны, важно сохранить национальные корни, поддержать связь с родиной и земляками. В доцифровую эпоху эти процессы, как правило, регулировались местной диаспорой. Распространение социальных медиа привело к появлению «цифровых диаспор» — виртуальных сообществ мигрантов в социальных сетях и мессенджерах. Тем самым, мигранты стали «connectedmigrant». Этот термин предложила Дана Диминеску, чтобы подчеркнуть, что в сетевом обществе мигрант, оставаясь включенным в прежние сетевые связи, подключается к связям новым — как к гражданам принимающего общества, так и к переехавшим землякам [1].

Исследовательская группа Томского государственного университета с 2015–2017 гг. занималась изучением сетевых практик среднеазиатских мигрантов в русскоязычном сегменте социальных сетей. Это позволило конкретизировать роль этносообществ в адаптации и инкультурации мигрантов при сохранении этнонациональной идентичности. Было выявлено, что «цифровые диаспоры» позволяют сохранять и делать прочнее связи с близкими родственниками, оставшимися в обществе исхода; за счет активного общения в мессенджерах, просмотра контента, вовлечение в комментинг мигранту удается отчасти сохранять «эффект присутствия» в обществе исхода, а оставшимся там родственникам использовать родственные сетевые связи как драйвер своей миграции; мигрантские этносообщества становятся площадкой для конструирования этноидентичности и этнической самопрезентации (форматы самопрезентации варьируются в зависимости от площадки коммуникации и принадлежности к различным этническим культурам); с распространением социальных медиа этноформирующий дискурс мигрантов из сферы традиционных офлайн-медиа переносится в область виртуальных коммуникаций на социальных платформах [2].

Проведенные ранее исследования создали серьезную методологическую базу для дальнейшего мониторинга и анализа сетевых практик мигрантов. Однако свежих «измерений» этносообществ мигрантов из Средней Азии в новых социально-экономических и коммуникативно-сетевых реалиях не проводилось. В данной статье на материале сообществ киргизов-мигрантов в российском сегменте социальной сети «ВКонтакте» описываются современные «этнопослания», которые модератор отправляет своим подписчикам, или этими посланиями делятся сами участники сообществ. Подобное исследование было проведено в 2015 году, теперь интересно посмотреть динамику изменений содержания «этнопосланий» в современных этносообществах киргизов-мигрантов [3]. Собранный в результате качественного контент-анализа материал можно использовать как отправную точку для выявления актуальных проектов этнической идентичности, которые предписываются модераторами или участниками этносообществ.

Кыргызстан со времен распада Советского Союза находится в числе стран Средней Азии, являющихся лидерами по экспорту трудовых и образовательных мигрантов на территорию РФ. По итогам первой половины 2023 года в Министерстве внутренних дел РФ зафиксировали ощутимое увеличение количества приехавших граждан Кыргызстана. Об этом СМИ рассказал замглавы Управления контрольно-надзорной службы ГУВМ МВД РФ Юрий Конобеевский. По его словам, большинство граждан Кыргызстана прибыло в РФ с целью трудоустройства. Всего, по данным МВД, в Россию с начала 2023 года приехали 460 тысяч человек. Это на 45% больше, чем за аналогичный период 2022 года. Кроме того, зафиксирован рост (на 11%) числа кыргызстанцев, получивших в РФ вид на жительство [4].

Социальная сеть «ВКонтакте» является одной из популярнейших в России, при этом, она доступна и распространена на территории Кыргызстана. Вот почему «ВКонтакте» становится площадкой, где мигранты обмениваются информацией, делятся новостями и получают поддержку от земляков. В октябре 2023 года поисковый запрос по ключевому слову «Кыргызстан» в «ВКонтакте» позволил обнаружить 973 сообщества. При запросе «кыргызы в Москве» обнаружено 25 сообществ, «кыргызы в России» — 23 сообщества. По этнониму «кыргызы» обнаружено 140 сообществ: 10 из них имеет количество участников более 1000 человек, 36 — имеет количество участников более 100 человек, порядка 100 сообществ объединяет от 20 до 100 участников. Надо учитывать, что среди участников таких сообществ, в названиях которых можно наблюдать «мигрантообъединяющую маркировку», могут оказаться киргизы — граждане России, люди другой национальности (граждане России и других стран), а также киргизы, не проживающие в России. При этом один и тот же человек может быть участником нескольких сообществ. Стоит отметить, что большинство виртуальных этносообществ функционирует как открытые группы.

Одной из основных причин такого большого числа участников в этносообществах во «ВКонтакте» является то, что для них она стала не только местом для общения с родственниками и друзьями в родной стране, но и способом получения информации о происходящих на родине и в РФ событиях, советах и поддержки. В этносообществах в «ВКонтакте» можно найти информацию о рабочих вакансиях, услугах перевозчиков, организации финансовой помощи и многое другое.

Для усиления репрезентативности данных исследования были выбраны этносообщества, при анализе которых становилось ясно, что их целевая аудитория — российские мигранты из Кыргызста-

на. Анализ состава группы также указывал на то, что основная масса участников группы — трудовые или образовательные мигранты из Кыргызстана или киргизы, проживающие на территории РФ уже давно и ставшие ее гражданами. Таким образом, был проведен анализ трех сообществ: «Кыргызы в Москве. Кыргызстан / Помощь нашим» (https://vk.com/just_sss, 21232 участника); «Молодежь KG in Moscow» (<https://vk.com/kginmoscow>, 9473 участника); «КЫРГЫЗЫ НОВОСИБИРСКА!» (<https://vk.com/club18021393>, 312 участников).

Создание группы начинается с выбора ее названия, описания целей создания группы, и размещения в профиле сообщества аватара (картинки), функция которого — визуализировать смысл, предназначение группы. В нашем случае этноним «кыргызы» («кыргызский») в названиях групп сразу указывает на целевую аудиторию группы, название города (Москва, Новосибирск) конкретизирует географию участников сообщества. Семиотический анализ аватаров исследуемых групп дает основания полагать, что модераторы подошли к выбору «образа» группы ответственно и осознано. На первом аватаре изображен логотип сообщества в красном цвете, применены средства современного дизайна, через который считываются и «киргизский», и «московский» коды (рис. 1). Создатели второго, молодежного, сообщества изобразили на аватаре символы разных стран, считывается код космополитизма (рис. 2). На аватаре третьего сообщества — символ дружбы и мира, флаги Казахстана, России и Кыргызстана (рис. 3). В любом случае, в аватаре присутствуют коды сближения и объединения.

Рис. 1. Аватар группы «Кыргызы в Москве. Кыргызстан / Помощь нашим»

Рис. 2. Аватар группы «Молодежь KG in Moscow»

Рис. 3. Аватар группы «КЫРГЫЗЫ НОВОСИБИРСКА!»

Одной из ключевых функций этносообществ мигрантов из Кыргызстана во «ВКонтакте» является поддержка вновь прибывших. Эта функция выражается через контент, где участники делятся предложениями работы и жилья, советами по адаптации в новых условиях. Значимую долю публикаций составляют посты, функция которых оказать поддержку или получить ее. В сообществе «КЫРГЫЗЫ НОВОСИБИРСКА!» подписчица опубликовала просьбу принять участие в исследовании, направленном на изучение доступности детей трудовых мигрантов из Кыргызстана к государственным услугам на территории РФ. Мигрантам важно, чтобы их земляки жили в комфорте в новой стране, и они ищут возможные способы помочь им.

Формой поддержки, но уже деловой, является публикация в сообществах мессенджеров коммерческих аккаунтов и предпринимательских инициатив. Многие мигранты используют социальную сеть для продвижения своего бизнеса, предлагая товары и услуги подписчикам, при этом подобные

послания рассчитаны на крепость этнических связей. Таким образом, код поддержки становится одним из важнейших для удержания общности диаспоры.

Распространенным поводом для публикаций является обмен поздравлениями с кыргызскими национальными праздниками (рис. 4). Часто встречаются изображения государственного флага и другой государственной символики.

Рис. 4. Фото с комментарием от подписчика «Примите мои искренние поздравления в связи с Днём независимости Кыргызской Республики!» URL: https://vk.com/kginmoscow?w=wall-179102626_91246

Достаточно много постов посвящено киргизской культуре — музыке, кухне, костюму и т. п. В сообществе «Молодежь KG inMoscow» подписчики интересуются: «Где можно найти кыргызский орнамент Сайма в Москве?». Тем самым, через виртуальные форматы происходит поддержка культурных традиций, и это позволяет сохранять этноидентичность.

В «Кыргызы в Москве. Кыргызстан / Помощь нашим» часто публикуют кыргызские новости, чтобы мигранты могли следить за происходящими в родной стране событиями.

В сравнении с результатами анализа 2015 года в виртуальных сообществах мигрантов из Кыргызстана практически исчез дискурс, связанный с общим советским прошлым, ностальгией по тем временам. Реже встречаются посты, в которых транслируется гордость за представителей своего народа (поэтов, философов, политиков, спортсменов).

Закономерным и самым заметным наблюдением явилось отсутствие в мигрантских виртуальных сообществах «этнопосланий» религиозных активистов, националистически и традиционалистски настроенных модераторов. Патриотизм же по-прежнему выражается через репрезентацию эмоциональной связи с родиной (например, фото родных пейзажей) и публикацию государственных символов.

В целом, наблюдается рутинизация сетевой активности мигрантов из Кыргызстана, что может быть объяснено общей усталостью, насыщением сетевыми формами общения, или смещением активности в мессенджеры. Однако дополнительные исследования — интервью с модераторами и подписчиками сообществ — позволят в дальнейшем прояснить, какие площадки общения предпочитают сегодня среднеазиатские мигранты, в частности, мигранты из Кыргызстана; появляются ли новые альтернативные площадки и форматы для трансляции «этнопосланий» с целью формирования того или иного проекта этнической идентичности.

Список использованных источников и литературы

1. Diminescu D. The connected migrant: an epistemological manifesto // Social Science Information. SAGE. — 2008. — 47 (4). — P. 565–579 URL: <http://ssi.sagepub.com/content/47/4/565/> (дата обращения: 30.09.2023).
2. Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов: коллективная монография / И. П. Кужелева-Саган, А. П. Глухов, Л. В. Ахметова и др.; науч. ред. И. П. Кужелева-Саган; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. — 224 с.
3. Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности (сборник материалов исследования) / науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2015. — 126 с.

4. Петров А. Количество трудовых мигрантов из Кыргызстана в России растет // Российская газета. — Экономика Кыргызстана. — 2023. — № 199 (9144), сентябрь. URL: <https://rg.ru/2023/09/06/pravo-na-preferencii.html> (дата обращения: 09.10.2023).

Сведения об авторах: *Гужова Ирина Викторовна*, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций ФП Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия, e-mail: ivguzhova@mail.tsu.ru

Подтихова Диана Александровна, студентка 3 курса бакалавриата по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» ФП Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Россия

УДК 659.4

И. А. Василенко

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ЦИФРОВЫЕ ДΙΑСПОРЫ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ «ВКОНТАКТЕ» И «ОДНОКЛАССНИКИ»

Аннотация. В статье представлены результаты поискового исследования медиаактивности виртуальных сообществ и цифровых диаспор стран Большого Алтая в медиапространстве России в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте». Исследование проводилось в октябре 2023 года, статистические данные актуальны на указанный период, если не обозначено иное. Собранный материал иллюстрирует активность трудовых и образовательных мигрантов из Кыргызстана и Казахстана в российских социальных сетях. Полученные автором результаты сравнительного анализа позволяют сформулировать направление дальнейшего изучения цифровых диаспор.

Ключевые слова: виртуальные сообщества, цифровые диаспоры, этническая идентичность мигранта, социальные сети, сетевые этносообщества.

I. A. Vasilenko

Altai State University (Barnaul, Russia)

DIGITAL DIASPORAS OF THE GREATER ALTAI COUNTRIES IN THE RUSSIAN MEDIA SPACE

Abstract. The article is devoted to the results of a search study of the media activity of virtual communities and digital diasporas of the Greater Altai countries in the Russian media space on the social networks Odnoklassniki and Vkontakte. The study was conducted in October 2023, statistics are current for the specified period, unless otherwise indicated. The collected material illustrates the activity of labor and educational migrants from Kyrgyzstan and Kazakhstan in Russian social networks. The comparative analysis carried out by the author allows us to formulate directions for further study of digital diasporas.

Keywords: virtual communities, digital diasporas, ethnic identity of a migrant, social networks, online ethnic communities.

Характерная особенность сегодняшнего Интернета, Интернета Web 2.0 — диалогичность. В начале XXI века Интернет перешел в новую стадию — стадию развития сетевых сервисов Web 2.0. Само появление концепции сервисов Web 2.0 стало возможно благодаря улучшению качества связи, совершенствованию технологий, распространению и изменению в поведении пользователей. Характерная особенность данного этапа — возможность диалога, обратной связи, вовлечение пользователей в создание контента и сетевое взаимодействие. Развиваясь, информационные технологии затронули практически все стороны жизни общества, одновременно порождая новые феномены, до этого не существовавшие. Феномен «цифровая диаспора» возник и приобрел характерные черты в виртуальной среде, благодаря цифровой революции.

Дженнифер Брикенхофф определяет цифровую диаспору как диаспору, организованную в интернете. Интернет в контексте исследований Брикенхофф понимается как коммуникационное пространство, используемое диаспорами для «обсуждения идентичности и развития солидарности» [1]. Интернет — огромное пространство, где существует множество форматов коммуникации.

Исследовательская практика Томского государственного университета с 2015–2017 гг. показывает, что виртуальная среда позволяет мигрантам не потерять связь с обществом исхода, социальные сети дают возможность выразить и сохранить этноидентичность [2].

Статистика трудовой миграции показывает, что за I квартал 2023 года в Россию въехало с целью работы 1,3 млн иностранных граждан. Из них: Узбекистан (630 859 человек), Таджикистан (349 357), Киргизия (172 591) и Казахстан (34 783), что почти в 1,6 раза больше, чем за аналогичный период 2022 года, когда в Россию приехали 850 тыс. человек [3].

По данным кабинета министров Кыргызской Республики, более 1 миллиона кыргызстанцев работают за границей, абсолютное большинство — в России [4]. Посольство России в Кыргызской Республике опубликовало данные по количеству кыргызстанцев, обучающихся в РФ, — их насчитали 8,5 тысяч человек. Лидер по количеству обучающихся граждан по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в 2022 году — Казахстан, в России учится 61 тысяча граждан этой страны [5].

Цель представленного исследования — оценка представленности цифровых диаспор Казахстана и Кыргызстана в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» в России. Внимание автора сосредоточено именно на социальных сетях, потому что такой формат коммуникации более других позволяет реализовать цель создания диаспоры в сети — взаимодействия, поддержки и создания дружественных отношений.

«ВКонтакте». Ежедневная аудитория «ВКонтакте» в Кыргызстане 473 тыс. человек, из них 286 тыс. человек — мужчины, 187 тыс. человек — женщины [6]. Оценить охват по национальному признаку в России невозможно, такой статистики не предоставляет ни сам сервис «ВКонтакте», ни сервисы мониторинга. Но данные относительно аудитории в Кыргызстане позволяют предположить уровень лояльности к социальной сети и дальнейшее ее использования приезжими кыргызстанцев на территории России.

По ключевым запросам «Кыргызстан», «кыргызстанец», «кыргыз» «ВКонтакте» найдено 1 662 сообществ. Анализ показывает, что цифровые диаспоры — это часть большой совокупности этнических виртуальных сообществ. Виртуальные этнические сообщества посвящены множеству тем — новости страны, национальные музыка, юмор, знакомства, спорт и сообщества болельщиков, культурная и историческая тематика, бизнес, паблики международных брендов. Цифровые диаспоры объединяют мигрантов — трудовых или образовательных и кыргызов, проживающих на территории РФ и ставших ее гражданами. Критерии, по которым сообщества в рамках данного анализа можно было отнести к цифровым диаспорам:

- цифровая диаспора — это всегда объединение мигрантов;
- в названии сообщества присутствует название города России — например, Москва, Воронеж, Краснодар и т.д. По данному критерию необходимо уточнение. Часть групп «ВКонтакте», в названии которых присутствовали названия городов РФ, содержали информацию, касающуюся пассажирских или грузовых перевозок в соответствующий город. Такие сообщества к цифровым диаспорам отнести невозможно.

По указанным критериям к цифровым диаспорам кыргызстанцев «ВКонтакте» можно отнести 76 сообществ, это 4,5% от общего количества. Численность групп колеблется от 69 участников до 9 498.

Основная направленность — это группы, посвященные проживанию в городах России или обучению в российских вузах. Численность 61 процента цифровых диаспор колеблется от 100 до 1000 участников, 18,4 процента имеют численность до 100 участников. Свыше 1000 участников в 11,8 процентах сообществ, больше 3000 участников в 8,8 процентах пабликов.

Количество виртуальных сообществ казахстанцев «ВКонтакте» — 17 256 и только 8, то есть 0,04 процента, можно отнести к цифровым диаспорам. Численность участников колеблется от 1 776 до 9 673 человек. Очевидно, что это связано в целом с разницей в количестве мигрантов в Россию между Казахстаном и Кыргызстаном. Ежедневный охват аудитории ВКонтакте в Казахстане около 5 млн человек, в Кыргызстане 473 тысячи человек.

«Одноклассники»

По результатам поиска в социальной сети «Одноклассники» по запросам «Кыргызстан», «кыргыз» найдено 10 947 сообществ. Ежедневный охват аудитории социальной сети в Кыргызстане составляет 346 тыс. человек. Мужчин из них — 169 тыс. человек, женщин 178 тыс. человек [7]. Количество национальных виртуальных сообществ Кыргызстана в социальной сети «Одноклассники» почти на порядок выше, чем «ВКонтакте». Но ближайшее рассмотрение показывает нам, что к цифровым диаспорам можно отнести только 28 сообществ, это 0,018 процента от общего числа. В социальной сети «Одноклассники» находятся самые многочисленные группы, которые можно отнести к цифровым диаспорам. Это группы с числом подписчиков от 13 000 до 78 000 человек. Все остальные сообщества содержат не более 200 подписчиков, а некоторые — 4, 5, 8 участников.

Сравнивая количество подписчиков цифровых диаспор Кыргызстана и Казахстана в социальной сети «Одноклассники» и «ВКонтакте», первые более активны и многочисленны.

Ежедневный охват аудитории социальной сети «Одноклассники» в Казахстане около 1 млн человек, 372 тыс. человек — мужчины, 652 тыс. — женщины. Специфическая особенность этносообществ казахстанцев в социальной сети «Одноклассники» — большое количество групп, посвященных людям из конкретного города, поселка или окончивших учебное заведение на территории Казахстана. Такие виртуальные сообщества нельзя назвать цифровой диаспорой, так как вероятнее всего их участники проживают на территории Казахстана, то есть это скорее некое «виртуальное землячество».

Только одно сообщество из почти 30 тысяч, найденных по запросам «Казахстан», «казахи», «казахстанцы», посвящено проживающим на территории России казахстанцам.

Результаты анализа показывают очень неоднородную картину. Количество и направления активности виртуальных этносообществ Кыргызстана и Казахстана в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» очень разные. Цифровых диаспор кыргызстанцев почти на порядок больше, чем казахстанцев. Анализ количественных данных подтвердил предположение о том, что активность в виртуальном пространстве связана в первую очередь с миграционной активностью. Вероятно, что в ходе дальнейшего исследования необходимо провести анализ Телеграм-каналов для сравнения с полученными данными по социальным сетям «Одноклассники» и «ВКонтакте».

Список использованных источников и литературы

1. Brinkerhoff J. M. Digital Diasporas and Conflict Prevention: The Case of Somalinet. com // Review of International Studies. 2006. Vol. 32. No. 1. Pp. 25–47. URL: https://www.researchgate.net/publication/231938906_Digital_diasporas_and_conflict_prevention_The_case_of_Somalinetcom (дата обращения: 19.10.2023).

2. Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов: коллективная монография / И. П. Кужелева-Саган, А. П. Глухов, Л. В. Ахметова и др.; науч. ред. И. П. Кужелева-Саган; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. — Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. — 224 с.

3. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

4. Белоусов В. НКО и мигранты — о чем еще поговорили Шакиев и Володин в Москве // Новостное агентство Sputnik: 25 апреля 2023. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230513/kyrgyzstan-zarabotki-migranty-rossiya-1075266480.html?ysclid=lo6tofic0700116535> (дата обращения: 19.10.2023).

5. Казахстан лидирует по количеству студентов в российских вузах // Минобрнауки России: 08 июля 2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/53842/> (дата обращения: 19.10.2023).

6. Рекламный кабинет «ВКонтакте». URL: https://vk.com/adscreate?utm_source=ads_no_office&utm_medium=create_no-office (дата обращения: 20.10.2023).

7. Рекламный кабинет «Одноклассники». URL: <https://ok.ru/am/campaign/17685250/edit> (дата обращения: 20.10.2023).

Сведения об авторе: *Василенко Ирина Александровна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: vasilenko@mail.asu.ru

УДК 316.455

Л. М. Комиссарова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

КОММУНИКАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются понятие идентичности с философско-исторической, социальной, психологической и коммуникационной точек зрения. Основное внимание уделяется коммуникативной и коммуникационной идентичности медиапространства, а также принципам и технологиям его формирования.

Ключевые слова: идентичность, тождественность, медиапространство, коммуникативная идентичность, коммуникационная идентичность, принципы формирования коммуникационной идентичности, территориальная и медиаидентичность.

L. M. Komissarova

Altai State University (Barnaul, Russia)

COMMUNICATION IDENTITY OF GREATER ALTAI: TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT

Abstract. The article examines the concept of identity from philosophical, historical, social, psychological and communication points of view. The main attention is paid to the communicative and communication identity of the media space, as well as the principles and technologies of its formation.

Keywords: identity, sameness, media space, communicative identity, communication identity, principles of communication identity formation, territorial and media identity.

В современном коммуникативном процессе, для которого характерны потоковость распространения информации и перенасыщенность медиаплощадками и сообщениями, формирование единого медиапространства Большого Алтая является задачей достаточно сложной. Для того чтобы в информационной повестке стран Большого Алтая и отдельных регионов контент Большого Алтая был заметным и воспринимался массовой аудиторией как актуальный, нужны несколько усло-

вий. Одни из них связаны с адресантами, например, присутствие в повестке в достаточном объеме и с определенной регулярностью, использование популярных среди различных стейкхолдеров информационных ресурсов, заметность и привлекательность этой информации для аудитории. Другие — с получателями информации, среди этих условий выделим готовность аудитории вычленять эту информацию из потока и впустить ее в личное коммуникативное пространство. Задача формирования единого медиапространства Большого Алтая и выполнения указанных выше условий осложнена рядом факторов — геополитическими процессами, разными языками, на которых транслируется информация, различиями в принципах восприятия и интерпретации этой информации среди жителей и социальных групп стран, входящих в регион Большого Алтая. На наш взгляд, одним из базовых условий формирования единого медиапространства Большого Алтая является формирование идентичности коммуникантов Большого Алтая. Идентичность как явление философского, психологического, социального порядка стала объектом активных исследований во второй половине XX в., и интерес к ней растет [4]. В настоящее время понятие «идентичность» используется в следующих основных значениях: постоянство во времени, самобытность, «самость» как подлинность индивида, психофизиологическая целостность, психологическая определенность, непрерывность жизненного опыта, степень соответствия социальным ожиданиям, принадлежность к той или иной общности [4]. Исследователи выделяют онтологическую, социологическую, психологическую и антропологическую трактовку термина «идентичность» [3]. Анализ исследований различных аспектов идентичности позволил выделить ряд общих характеристик. А) Двойственная, диалектическая природа качества: идентичность является постоянным и фундаментальным свойством человека (и социальной группы), является условием нормального функционирования его сознания. С другой стороны, идентичность пластична и изменчива, так как человек и общество постоянно ее расширяет и переформулирует, видоизменяет. Идентичность меняется в силу того, что внешние и внутренние процессы, явления, события, вещи фильтруются, разделяются на «мое, мои» и «чужой, чужие». Б) Двойственность идентичности проявляется в ее индивидуальной и социальной природе: ее называют точкой пересечения процессов в развитии личности. В случае, когда субъектом идентичности выступает определенная социальная группа, мы исследуем сложный процесс формирования социокультурной идентичности. В Медиапространство науки и образования Большого Алтая и Центральной Азии 472 В) Идентичность выполняет интегративную функцию, объединяя, сплаывая в «я (мы) есть __». При этом выделяется множество различных идентичностей: идеологическая, политическая, социальная (идентичность с семьей), экономическая, демографическая [2].

Важным положением для определения коммуникационной идентичности является социокультурная идентичность, которая «обладает формой институциональной структуры общества, в рамках которой каждая личность является элементом массового институционального сознания, отождествляя себя с расой, этическими и нравственными нормами, традициями и обычаями» [1]. Также важен тезис о том, что «идентичностью обладают как индивиды, так и группы, при этом индивиды приобретают и могут изменять свою идентичность только в группах» [3]. Идентичность в отношении к коммуникации может рассматриваться как идентичность коммуникативная и коммуникационная. В первом случае речь идет о разделении представлений о ценностях и регламентах коммуникации на разных уровнях, от межличностной до массовой. Коммуникативная идентичность производна от идентичности персональной и соответствует переживанию личности, содержание которого заключается в «это есть я в коммуникации, это в коммуникации мое, я в коммуникации такой».

Коммуникационная идентичность может рассматриваться как понятие, производное от идентичности социальной, социокультурной в том смысле, что для его возникновения требуется отождествление себя с определенной общностью, переживание причастности к какому-либо комьюнити. Коммуникационная идентичность — это сеть циркулирующих коммуникаций, с различной степенью изоморфности воспроизводящая идентичность социокультурную. Социальная группа, имеющая социокультурную идентичность, имеет коммуникационную идентичность как «idem» — тождественную, ту же самую. Коммуникационная идентичность существует с разной степенью изоморфности в пространстве массовых коммуникаций, социальных медиа. Коммуникационная идентичность способна выступать в двух аспектах: в первом она фиксирует степень изоморфности существующей, сформированной идентичности.

Допустим, что существует некоторая социальная общность, члены которой переживают чувство социокультурной идентичности, однако в информационном пространстве, пространстве массовых коммуникаций эта общность не существует, либо существует с разной степенью полноты и точно-сти — изоморфности. Поэтому второй аспект коммуникационной идентичности — инструменталь-ный. Коммуникации в целом выступают инструментом формирования идентичности других ти-пов. Исходной для формирования коммуникационной идентичности является ситуация, в которой для отождествления требуется знание и/или информация о том, что другие тождественны и разде-ляют важнейшие духовные культурные ценности и смыслы. Методология таким образом разделяет-ся, во-первых, на диагностическую, позволяющую исследовать степень изоморфности социального и коммуникационного измерений, и, во-вторых, инструментальную — технологическую, которая определяет технологии формирования коммуникационной идентичности. Рассмотрение идентично-сти в коммуникативном пространстве Большого Алтая на первом этапе направлено на изучение ком-муникативной (как основы коммуникационной) идентичности аудитории, выявление представлений о ценностях и регламентах коммуникации. В качестве диагностических методов изучения коммуника-тивной идентичности могут быть использованы индивидуальные и групповые методы исследования.

В заключение следует сказать, что задача изучения идентичности как платформы для построе-ния коммуникационного пространства Большого Алтая представляется весьма перспективной, да-ющей толчок как дальнейшим научным изысканиям, так и практической деятельности по построе-нию коммуникативного процесса Большого Алтая.

Список использованных источников и литературы

1. Галмагова Г. М., Кокаревич М. Н. Типология форм социокультурной идентичности // Вестник науки Сибири. — 2018. — № 3 (30).
2. Гучетль А. Р. Идентичность: интердисциплинарный анализ // Новые технологии. — 2017. — № 1. — С. 283–286.
3. Косенчук Л. Ф. Сущность идентичности и основные подходы к ее исследованию // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — С. 223–225.
4. Лысак И. В. Идентичность: сущность термина и история его формирования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2017. — № 38. — С. 130–138.

Сведения об авторе: Комиссарова Людмила Михайловна, кандидат филологических наук Алтай-ского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: lkomissarova@yandex.ru

УДК 316.455

А. В. Ком

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В КОММУНИКАЦИЯХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Аннотация. Цель данной статьи — показать целесообразность использования визуальных обра-зов в коммуникациях Большого Алтая. В работе рассматриваются теоретические аспекты использо-вания визуальных образов в коммуникациях. Особое внимание уделяется исследованию визуальных образов в коммуникациях Большого Алтая и их роли в формировании позитивных межнациональ-ных отношений.

Ключевые слова: Большой Алтай, визуальные образы, буклеты, видеоконтент, фотографии, тюркские народы.

A. V. Kot

Altai State University (Barnaul, Russia)

VISUAL IMAGES IN THE COMMUNICATIONS OF THE GREATER ALTAI

Abstract. The purpose of this article is to show the expediency of using visual images in communications of the Greater Altai. The paper discusses the theoretical aspects of the use of visual images in communications. Special attention is paid to the study of visual images in the communications of the Greater Altai and their role in the formation of positive interethnic relations.

Keywords: Big Altai, visual images, booklets, video content, photographs, Turkic peoples.

Визуальные образы, которые содержатся в фотографиях, иллюстрациях, диаграммах и графиках, играют важную роль в коммуникативных процессах, поскольку они воспринимаются и запоминаются быстрее, чем текстовая информация. Визуальные образы стали неотъемлемой частью коммуникации, так как способны эффективно привлекать внимание и вызывать эмоциональное восприятие у потребителей, что в наше время достаточно сложно из-за большого потока информации и неустойчивого внимания потребителей. При разумном подходе они могут создать эмоциональную связь с целевой аудиторией и вызвать интерес к продукту или идее.

Визуальные образы имеют глубокие корни в древних верованиях и мифологии тюркских народов. Они часто отражают природные элементы, животных или геометрические узоры, имеющие символическое значение [3, с. 6].

Организация эффективного международного сотрудничества в регионе Большого Алтая требует опоры на объединяющие ценности, или константы, а именно на символы, числовые зависимости, устойчивые во времени и пространстве религиозные и художественные образы и сюжеты, выявление которых позволяет, с одной стороны, глубже проникнуть в устойчивое своеобразие той или иной культурной общности, а с другой — более систематически осмыслить сам феномен культуры, ее базовые структуры и закономерности. Подтверждает данный тезис следующее утверждение:

«Мы считаем, что духовные святыни, бережное отношение к культурно-исторической памяти и особое — благоговейное — отношение к природному окружению являются и константами евразийской культуры в целом, и, одновременно, духовными скрепами алтайского содружества. Сам Большой Алтай в единстве всех его уникальных характеристик может рассматриваться как своеобразная природно-культурная константа, великий устой многонациональной Евразии» [3, с. 6].

Роль визуальных образов в формировании позитивного позиционирования Большого Алтая. Большой Алтай, расположенный на территории России, Казахстана, Монголии и Китая, является уникальным регионом с богатым культурным наследием. Тюркские народы, проживающие на этих землях уже множество веков, разработали свою собственную систему символов и образов для передачи информации.

Визуальные образы играют важную роль в формировании и передаче информации о культуре, традициях и истории этого региона. Использование символов и образов позволяет транслировать сложные концепции и представления о мире. Визуальные образы используются не только для передачи сообщений между людьми, но также для сохранения культурного наследия Большого Алтая. Они становятся основой для создания художественных произведений и архитектурных сооружений. Кроме того, визуальные образы являются важным элементом при проведении обрядов и ритуалов, которые имеют глубокие символические значения.

Новые возможности. В современных условиях роль визуализации медийного контента неуклонно повышается. Заинтересовать, привлечь читателя к конкретному изданию способен не столько качественный текст, но и, прежде всего, визуальные акценты. Поскольку у читателя имеется широкое поле для получения необходимой ему информации, журналисты и редакторы стараются подать контент в виде, максимально приближенном к потребностям читателя. То есть важно не только то, что разместить на страницах издания, но и как. Материалы оформляются ярко и не-

тривиально, чтобы закрепиться в сознании читателя. Многое подается в сжатом виде, чтобы наверняка запомнится публике.

Если мы обратим внимание на историю печатного искусства тюркских народов на протяжении многих веков, то увидим, что его композиционные особенности развивались в зависимости от периодов и племен, к которым они принадлежали, и находили свое выражение в системе письма. Это было связано с высоким чувством прекрасного и тонким вкусом художников и каллиграфов. Композиционные особенности были связаны с художественно-эстетическими традициями социально-исторического периода, проблемами искусства и религиозной идеологии. Этот процесс проявляется в технике выполнения изображенных мотивов, а также в важных аспектах художественного оформления, таких как композиционные решения и принципы симметрии.

Благодаря письменности и печати тюркские народы передавали свою историю, обычаи, религиозные верования и другие важные аспекты своей культуры следующим поколениям. Важно отметить, что различные периоды и племена тюркских народов имели свои уникальные стили и техники печатного искусства. Например, у гуннов и хазаров можно найти примеры печатей с изображениями животных и символами солнца, которые имели особое значение в их культуре. У сельджуков и османов были популярны геометрические узоры и каллиграфия, которые отражали их величие и религиозные убеждения. Кроме того, печатное искусство тюркских народов имело важное значение не только для внутреннего использования, но и для внешней торговли и дипломатических отношений. Многие современные художники и каллиграфы изучают и воссоздают древние техники и стили, сохраняя и передавая богатое культурное наследие своих предков. Это позволяет нам не только увидеть красоту и уникальность тюркского искусства, но и лучше понять и оценить его историческую и культурную ценность. Символы и национальные изображения тюркских народов можно включать в визуальные образы, которые и станут ключом к сознанию массовой аудитории и помогут в укреплении связей.

На волне цифровой революции, появлении новых возможностей, связанных с повсеместным распространением информационно-коммуникативных технологий, Интернета, мобильных телефонов происходят значительные изменения в скорости, масштабах и способах социальных коммуникаций. Многие возможности переносятся в цифровую среду, приобретают глобальный характер, изменяют повседневную жизнь людей, систему образования, социально-экономическую и культурную сферы, а также сознание современного человека, его мировоззрение и мировосприятие, коллективную и индивидуальную идентичность.

Все сложнее становится борьба за внимание целевой аудитории, когда ее внимание распыляется по нескольким коммуникационным каналам. И чаще всего одна качественная фотография становится намного эффективнее, чем несколько страниц текстовой информации. Для того чтобы привлечь внимание широкой аудитории к Большому Алтаю, необходимо использовать визуальные образы, которые тесно связаны с его культурным наследием и ценностями. Исследования, касающиеся просмотра цифрового издания, информации в Интернете, доказывают, что читатель лишь 1–2 минуты останавливается на статьях, поэтому для того, чтобы они были прочитаны, необходимы четкие визуальные акценты, которые удерживают внимание [4, с. 6].

Визуальные образы используются в дизайне одежды. Костюмы — это связующее звено между человеком и тем, что его окружает. Они кодируют сложную и базовую информацию о мировоззрении человека. Таким образом, традиционный этнический костюм является ключевым элементом культуры, который помогает сохранить национальную идентичность и укрепить духовную связь между поколениями. Узоры, использованные тюрками много лет назад, являются источником вдохновения для нынешних модельеров. Часто можно встретить этническую одежду предыдущих поколений на современных модных показах. Сегодня модельеры, работающие во многих тюркских странах, используют традиционные элементы в своих коллекциях современной одежды, создавая национальные традиции нарядов, не забывая при этом о материальном наследии прошлого. Созданная ими одежда успешно представлена на международных модных выставках и демонстрациях, благодаря чему элементы великой тюркской культуры успешно представлены за рубежом [14, с. 7].

Практическое применение визуальных образов в коммуникациях Большого Алтая. Одним из способов практического применения визуальных образов для формирования позитивных межнациональных отношений является создание и распространение информационных буклетов, содержа-

щих иллюстрации, фотографии и другие графические элементы. Важно, чтобы их распространение производилось нестандартными способами. Это позволяет не только привлечь внимание аудитории, но и заинтересовать ее, узнать больше о Большом Алтае.

Другой метод — использование небольших видеоматериалов с визуальными образами. Такие материалы могут быть размещены на интернет-платформах или показаны на специализированных мероприятиях. Они помогают создать более живое представление о Большом Алтае и его культурном наследии. Видеоконтент может быть очень эффективен, так как на данный момент из-за огромного потока информации у большого количества аудитории мышление становится клиповым и людям намного проще обратить свое внимание на видео, чем сосредотачиваться на больших объемах текста. Также видеоконтентом чаще делятся в социальных сетях, что ведет к формированию доверия, а тема, затронутая в видео, чаще всего попадает на первые места в выдаче контента.

Также стоит отметить значимость использования символов и знаков, характерных для тюркских народов Большого Алтая. Это может быть использование узоров и орнаментов в дизайне информационных материалов или создание специальных логотипов, символизирующих регион.

В исследовании было выявлено, что эти образы служат не только средством передачи информации, но и мощным инструментом формирования коллективной памяти и идентичности. Однако несмотря на то, что данная проблема уже получила некоторое изучение, она по-прежнему представляет большой интерес для дальнейших исследований. Важно разработать более детальные методы анализа визуальных образов, а также провести более широкий опрос среди представителей различных тюркских народов.

Кроме того, стоит обратить особое внимание на проблемы сохранения и популяризации традиционных визуальных образов Большого Алтая. В условиях современного мира, где происходят интенсивные процессы глобализации и культурной ассимиляции, сохранение уникальности этих образов является актуальной задачей.

Список использованных источников и литературы

1. Каипов Н. П. Изобразительное искусство тюркских народов древних времен. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazitelnoe-iskusstvo-tyurkskih-narodov-drevnih-vremen> (дата обращения: 05.10.2023).
2. Воеводина А. Н., Хубаева А. М. Конструирование идентичности в актуальной визуальной культуре. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruirovanie-identichnosti-v-aktualnoy-vizualnoy-kulture> (дата обращения: 17.10.2023).
3. Мушников В. А. Межкультурный диалог в регионе Большой Алтай. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-dialog-v-regione-bolshoy-altay> (дата обращения: 18.10.2023).
4. Шевченко В. Э. Теоретические основы визуальной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-vizualnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.10.2023).
5. Дух Большого Алтая в визуальном стиле / Региональный портал о рекламе. URL: <https://rekportal.ru/specialproject/brand/dux-bolshogo-altaya-v-vizualnom-stile/> (дата обращения: 19.10.2023).
6. Что такое видеоконтент, и чем он полезен сайту. URL: <https://www.calltouch.ru/blog/chto-takoe-videokontent-i-chem-on-polezen-sajtu/> (дата обращения: 3.10.2023).
7. Щепилова Г. Г., Круглова Л. А. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videokontent-v-internete-osobennosti-auditornogo-potrebleniya> (дата обращения: 20.10.2023).
8. 15 причин использовать видео для продвижения товаров и услуг. URL: <https://vc.ru/marketing/146047-15-prichin-ispolzovat-video-dlya-prodvizheniya-tovarov-i-uslug> (дата обращения: 18.10.2023).
9. Шахбазлы Айдан Новруз Кызы. Семантические значения печатей тюркских народов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-znacheniya-pechatey-tyurkskih-narodov> (дата обращения: 04.10.2023).
10. Вдовина Т. В. Визуальные исследования: основные методологические подходы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-issledovaniya-osnovnye-metodologicheskie-podhody> (дата обращения: 16.10.2023).
11. Савинова С. В., Харунжева А. А. Подходы к определению свойств и функций визуальных коммуникаций и их классификация. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56217.htm> (дата обращения: 18.10.2023).

12. Фарберович О.В. Тюркский феномен Большого Алтая. URL: <https://pcp.scientificrussia.ru/articles/turkskij-fenomen-bolsogo-altaa> (дата обращения: 22.10.2023).

13. Аватков В.А. Тюркский мир и тюркские организации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyurkskiy-mir-i-tyurkskie-organizatsii> (дата обращения: 18.10.2023).

14. Назакет А. Художественные особенности образцов одежды современных тюркских народов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyye-osobennosti-obraztsov-odezhdy-sovremennyh-tyurkskih-narodov> (дата обращения: 29.10.2023).

Сведения об авторе: Кот Алёна Вячеславовна, ассистент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия, e-mail: alenakot2000@mail.ru

УДК 316.77

И. Ю. Рассохина, А. В. Пряхина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАНАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

Аннотация. Проблема формирования метанавыков у обучающихся вуза и необходимости результативного непрерывного самообразования обусловлена прежде всего социокультурными, технологическими и экономическими вызовами современного информационного общества, а также динамикой всех процессов жизнедеятельности современного человека. Цель исследования состоит в разработке методологии формирования практических занятий студентов негуманитарных направлений подготовки в формате проектной деятельности для создания мотивации освоения метанавыков деловой межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: метанавыки, метакомпетенции, универсальные компетенции, межкультурная коммуникативная компетентность, деловые культурные паттерны, стереотипы, интерактивные методы взаимодействия, цифровые инструменты.

I. Yu. Rassokhina, A. V. Pryakhina

St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)

FORMATION OF META-LANGUAGES AMONG UNIVERSITY STUDENTS IN THE FRAMEWORK OF THE DISCIPLINE «INTERCULTURAL COMMUNICATIONS»

Abstract. The problem of the formation of meta-skills among university students and the need for effective continuous self-education is primarily due to the socio-cultural, technological and economic challenges of the modern information society, as well as the dynamics of all processes of modern human life. The purpose of the study is to develop a methodology for the formation of practical classes for students of non-humanitarian

areas of training in the format of project activities to create motivation for the development of meta-languages of business intercultural communication.

Keywords: metacompetence, universal competencies, intercultural communicative competence, business cultural patterns, stereotypes, interactive methods of interaction, digital tools

Формирование метакомпетенций затрагивает широкое поле профессий и специальностей. Метанавыки являются базовыми для развития hard-skills и soft-skills, связаны с личностными характеристиками и отвечают за способность человека быстро учиться новому, быть готовым к изменениям, принимать решения в неопределенных ситуациях. Особую роль они приобретают в период, когда человек меняет сферу деятельности, осваивает новую профессию. Поиск эффективных методов обучения, реализация которых обеспечит усвоение универсальных компетенций, является актуальной задачей высшего образования, особенно для негуманитарных направлений подготовки. Метанавыки обеспечивают высокую эффективность самореализации личности в любой профессиональной деятельности. Особое значение формирование метанавыков имеет в подготовке специалистов негуманитарных направлений, поскольку компенсирует небольшой объем гуманитарных дисциплин. Так, в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и «Стратегии инновационного развития РФ до 2020 г.» мы видим установку на формирование новейших метакомпетенций для инженерно-технических специальностей. Как известно, это повлекло за собой разработку «модели инженера нового поколения» [1]. Актуализируется задача разработки таких образовательных методов и приемов, которые будут мотивировать студентов естественным образом осваивать метанавыки в ходе учебного процесса.

Методологическую основу исследования составляют: системный подход, компетентностный подход в образовании, проектный подход, к обучению, культуросберегающий взгляд к функции университета.

Разработкой методов и исследовательских подходов в контексте формирования метанавыков у обучающихся занимаются довольно обширный круг ученых из различных областей знания: В.А. Шершнева, М.В. Осипов [3], Т.С. Фурьева, О.В. Гудкова [4]; П.С. Сорокин, Ю.А. Вятская [5], В.В. Белкина, Т.В. Макеева [6], Н.В. Савина и другие [7]. Многие исследователи рассматривают данную проблему в формате непрерывного профессионального образования.

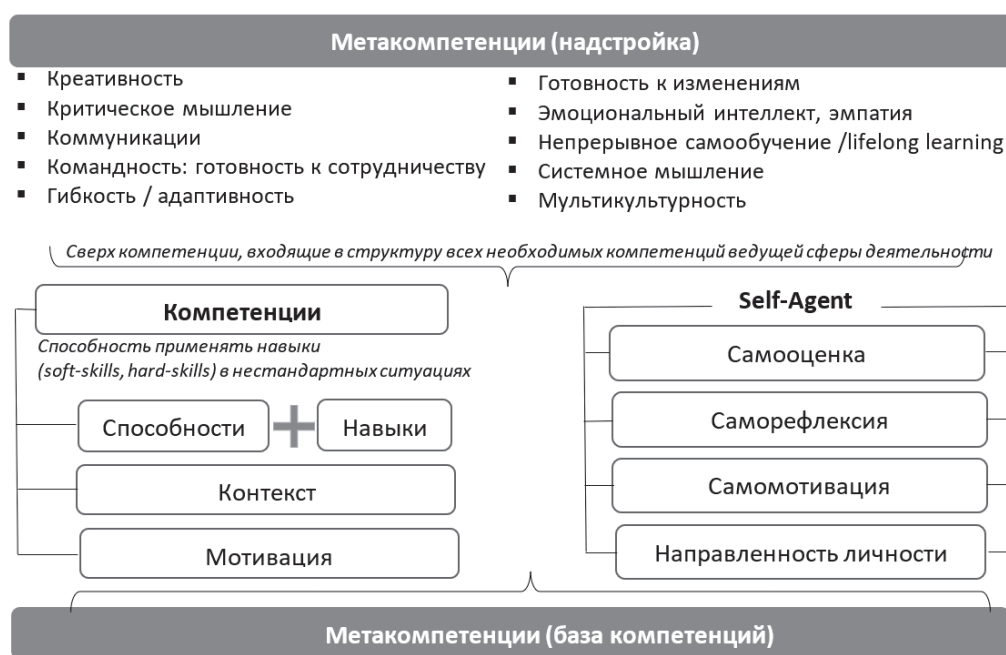
В.А. Шершнева и М.В. Осипов определяют «Метакомпетентность... как интегративное динамическое качество личности, ориентированное на саморазвитие в условиях продуктивного непрерывного образования и проявляющееся в способности и готовности осознанно использовать целесообразные стратегии целеполагания, самоорганизации, самоконтроля и саморегуляции на основе рефлексии результатов и границ интеллектуальной деятельности» [3, с. 80–89].

Т.С. Фурьева и О.В. Гудкова в своем исследовании вводят понятие «предмодель инженера нового поколения». На основе современных исследований основных образовательных трендов, определяющих образ рабочего места в XXI в., базовых навыков XXI в. и новых требований ФГОС к образовательным результатам авторами (инициативной педагогической группой, включающей сотрудников крупных промышленных предприятий) была разработана модель для среднего общего образования. Целевой компонент «предмодели инженера нового поколения» включает в себя следующие метакомпетенции: эмоциональный интеллект, экологичность (системность) и креативность мышления, общинженерные технические навыки и языковые умения (владение иностранным языком). Последнее напрямую связано с новыми вызовами, стоящими перед «сложным специалистом», которому предстоит работать в масштабах мировых экономических и образовательных систем, в условиях глобальной экономики [4, с. 201].

В Санкт-Петербургском государственном экономическом университете формирование метанавыков в рамках образовательного процесса функционирует на следующих образовательных направлениях: информационная безопасность, прикладная математика и информатика, бизнес-информатика, менеджмент и др. Таким образом, фиксируется проблема совершенствования подготовки студентов негуманитарных направлений подготовки с позиции компетентностного подхода.

В нашем исследовании мы придерживаемся позиции ученых В.А. Шершневой и М.В. Осипова, которые выделяют социальную, научную и практическую константы в процессе формирования мета-

компетентности обучающегося в образовательном процессе. Это обусловлено прежде всего динамикой всех процессов жизнедеятельности, приводящий к необходимости результативного непрерывного самообразования, определяет социальную значимость этой проблемы. Авторы представляют концепт метакомпетентности как способность субъекта продуктивно осуществлять интеллектуальные и рефлексивные процессы в поисковой самообразовательной деятельности, используя самоанализ, самооценку, самоконтроль и саморегулирование процесса и результатов этой деятельности [3, с. 84]. В основе процесса стоит самоактуализированная личность — Self-Agent (в концепции П. С. Сорокина — высокий уровень развития «агентских навыков» личности самоактуализации, самомотивации, самоорганизации и проактивности, широты и переосмысления культурного опыта [5]. Формирование метакомпетенций происходит циклически итеративно-инкрементальным способом, с каждым новым образовательным опытом, эмоциональным переживанием и когнитивной рефлексией, постепенно наращивая новые личностные образования. Метакомпетенции становятся основанием для формирования других значимых для личности компетенций. Компетенции опираются на комбинацию способностей и навыков, которые отрабатываются мотивированной личностью в определенных условиях среды (контекст). На наш взгляд, формирование метакомпетенций в образовательной среде вуза связано с преодолением всех уровней культур-ориентированного контекста и обеспечивает развитие творческих интенций личности обучающегося. Командное решение обучающих задач более высокого творческого порядка настраивает активизацию лидерских качеств, укрепляет формирование Self-Agent субъектности личности (само-организованность, самоуправление, самоактуализация, самообучение). Такие качества становятся востребованными в период трансформационных процессов. На рисунке представлена модель соотношения метакомпетенций и компетенций.

Структурная модель соотношения метакомпетенций и компетенций

Так, метакомпетенции являются одновременно и базой формирования других компетенций и их настройкой — результатом согласованного взаимодействия всех личностных образований.

Для развития метакомпетенций студентов негуманитарных направлений в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации» в Санкт-Петербургском государственном университете нами была разработана методика в рамках проектного обучения и командной формы работы. Проектное задание направлено на погружение в культурные традиции, особенности деловой культуры различных стран для разработки странового досье на основе информационно-аналитического исследования. Проект выполняется мини-командами примерно по 3 человека для выработки навыков сотрудничества и отработки командных ролей. Формирование команд строится на основе горизонтальных

отношений, распределенного лидерства, взаимной ответственности и эмпатии. Приветствуются гибридные форматы взаимодействия: офлайн-встречи, а также взаимодействие с помощью цифровых инструментов типа Trello, Google Jamboard, Google-документа, Google-презентации и др.

Аналитический этап исследования направлен на выявление геополитического образа выбранной страны в сознании соотечественников, описания этнического портрета представителей ее нации, а также выявление существующих межкультурных стереотипов в обществе с помощью проведения фокус-групп и анкетного опроса. Для исследования образа государства и групповых качеств студентам предлагается самостоятельно разработать категории анализа или ориентироваться на методику З. В. Сикевиц [9, с. 219–237]. Данная методика включает в себя выявление образа государства и групповых культурных качеств. Образ государства включает такие параметры: *политические символы* (понятия, например, правовое государство; события, например, завоевание космоса; политические институты, например, парламент; идеологическое обеспечение; правопорядок; страна и мир; политические персоналии); *экономические символы* (понятия, например, экономические институты; экономические явления, например, дефицит или инфляция; финансы); *персонификация времени* (политические роли; профессии; социальные группы); *образ* (предметный мир, Статуя свободы; быт и его приметы, товары; духовная сфера); *психологические оценки* (состояния; качества, например, открытость или подозрительность; отношения); *социальные оценки* (оценки «плюс» или «минус», например, «уверенность в завтрашнем дне» или «развал экономики»); *выражения* (лозунги и идеологемы; пословицы и поговорки; юмор). Можно выбрать также категории туристических символов, достижений науки, культуры и искусства, традиций деловой культуры. Матричная структура групповых качеств включает: *общий стиль поведения* (простота / хитрость, искренность / лукавство, открытость / скрытность, постоянство / непостоянство и пр.); *общий стиль деятельности* (трудолюбие / лень, высокая / низкая работоспособность, ответственность / халатность и пр.); *отношение к людям* (гостеприимство, радушие, отзывчивость, общительность и пр.); *отношение к себе* (самолюбие, уверенность в себе, неприязнательность и пр.); *волевые качества* (терпение, стойкость, уравновешенность, смелость, пассивность, нерешительность, покорность); *качества ума* (ум, смекалка, любознательность, талантливость и пр.); *эмоциональные качества* (чувствительность, сентиментальность, импульсивность и пр.); *социальное поведение* (патриотизм, коллективизм, национальная гордость и пр.); *ментальные характеристики*.

Этап проектной разработки предусматривает формирование странового досье. Досье состоит из трех блоков задания. Блок 1: *Общекультурный профиль*: 1. Общая характеристика страны (краткая история, географическое положение и климат, демографические характеристики, национальные праздники, форма правления и т. п.). 2. Особенности национального характера (культура отношения к природе, культура питания и приема гостей и др.). 3. Доминирующие религии. 4. Межкультурные проблемы в деловой коммуникации в выбранной стране: *культурные императивы* (обязательные традиции для ведения бизнеса), специфика корпоративной культуры; *культурные эксклюзивы* (специфические для страны / региона / группы стран одного вероисповедания обычаи и манера поведения), символика цвета и прочее. 5. Особенности вербальной и невербальной коммуникации. 6. Наиболее популярные жанры национального фольклора, музыки, популярные (известные) легенды, мифы, анекдоты, персонажи фольклора и художественной культуры.

Блок 2: *Международный статус и развитие СМИ*. 1) Членство страны в международных конвенциях (Венская, Гагская и т. д.), военно-политических блоках; членство страны в международной организации (ООН, ЮНЕСКО, Евросоюз, Европарламент, НАТО, ASEAN, Олимпийский комитет, Красный крест и т. д.). 2) Общая характеристика системы СМИ страны (печать, радио, телевидение, Интернет). Проанализировать национальные особенности создания медиапродуктов в данной стране (на конкретных примерах).

Блок 3: *Экономические параметры страны*: специфика экономической модели страны; международная / транснациональная компания / бизнес и ее профиль на рынке; нейм компании и его характеристика, тип бизнеса, отраслевая принадлежность и стаж в бизнесе; форма организации бизнеса, бизнес-портфель; товары (услуги), производимые компанией (наименование, описание, УТП); учредители, партнеры, акционеры; общая характеристика интернет-ресурсов и коммуникационных технологий компании.

После презентации странового досье командами все участники объединяются и создают общую электронную карту-дашборд с географическим положением изученных стран и основными символами и знаками отличия с указанием основных особенностей, закодированных в условных знаках, которые расшифровываются в легенде карты. Таким образом, создается общая культурная карта символов стран для быстрой идентификации ее коммуникативного стиля в деловом общении. В ходе проектирования осваиваются исследовательские и командные навыки, проводится глубинное изучение избранной страны, проводится обмен практиками между командами и создается интеграция результатов деятельности команд в общем поле, что более глубинно формирует метанавыки и межкультурные компетенции.

После реализации проектной работы студенты провели индивидуальную и командную рефлексию, проанализировали полученный опыт, практику работы в командах, трудности работы над проектом, личный вклад и самооценку развития универсальных навыков. Некоторые результаты представлены в таблице.

**Результаты самооценки обучающихся по результатам разработки проекта
«Страновое досье»**

Параметры оценки	Группа 1 26 чел.	Группа 2 25 чел.	Группа 3 28 чел.	Группа 4 26 чел.
<i>1. Полезность проекта для профессионального развития</i>				
Однозначно полезен	89%	87%	84%	80%
Скорее полезен, чем не полезен	8%	11%	12%	18%
Скорее не полезен, чем полезен	3%	2%	4%	2%
Проект совсем не полезен	0	0	0	0
<i>2. Какие значимые компетенции для работы в межкультурных командах, по Вашему мнению, развивает проект в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации»? (можно выбрать несколько вариантов)</i>				
2.1. Ориентация на общие знания о ценностях, традициях и нормах своей и других культур, а также степени их относительности	38%	29%	31%	27%
2.2. Ориентация на знание специфики вербальных особенностей других культур, а также степени их относительности	11%	7%	10%	9%
2.3. Ориентация на знание специфики невербальных особенностей других культур (языка жестов, тела, мимики, восприятия времени и пространства), степени их относительности	10%	8%	12%	14%
2.4. Уважение к традициям и нормам других культур	12%	15%	10%	18%
2.5. Эмпатия и поведение, нацеленное на отношение	6%	7%	4%	5%
2.6. Позиция, ориентированная на конструктивное (неконфликтное) взаимодействие	12%	15%	25%	13%
2.7. Толерантное отношение к неизвестному, «чужому»	5%	3%	3%	1%
<i>3. Какие универсальные метакомпетенции, по Вашему мнению, развивает проект в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации»? проранжируйте по степени влияния, где 1 место — наиболее высокое влияние, а 10 место — наименьшее влияние (посчитано среднее значение по ответам в группе)</i>				
3.1. Креативность	5	1	4	4
3.2. Критическое мышление	7	10	7	6
3.3. Коммуникации	1	3	2	3
3.4. Командность: готовность к сотрудничеству	2	2	3	1
3.5. Гибкость / адаптивность	6	9	8	7
3.6. Готовность к изменениям	10	8	5	10
3.7. Эмоциональный интеллект, эмпатия	9	6	6	5
3.8. Готовность к непрерывному самообучению	8	7	10	9
3.9. Системное мышление	4	4	9	8

Параметры оценки	Группа 1 26 чел.	Группа 2 25 чел.	Группа 3 28 чел.	Группа 4 26 чел.
3.1.0 Мультикультурность	3	5	1	2
<i>4. Какие компоненты проекта наиболее эффективно помогли Вам освоить специфику чужой деловой культуры? (можно выбрать несколько вариантов)</i>				
4.1. Проведение теоретического исследования	10%	11%	18%	9%
4.2. Разработка инструментария исследования (анкеты)	23%	17%	10%	16%
4.3. Организация и проведение анкетного опроса	8%	6%	5%	3%
4.4. Обработка данных, интерпретация результатов	5%	8%	8%	12%
4.5. Составление карточки культурного портрета страны	30%	32%	29%	34%
4.6. Презентация культурного портрета страны	12%	16%	15%	17%
4.7. Разработка страноведческого дашборда	34%	38%	30%	32%
<i>5. Способствовал ли проект повышению Вашей готовности работать в межкультурных командах?</i>				
Определенно да	77%	63%	61%	64%
Скорее да, чем нет	14%	22%	26%	15%
Скорее нет, чем да	7%	15%	13%	21%
Определенно нет	2	0	1	0

В целом, проектная работа студентам понравилась, они оценивают работу над проектом в большей степени как «однозначно полезную» или «скорее полезную, чем не полезную» для профессионального развития несмотря на то, что предмет не относится к дисциплинам профессионального цикла. Студенты предполагают, что их будущая деятельность (бизнес-информатика, информационная безопасность и т.п.) будет связана с практикой международного сотрудничества и знание культурных паттернов будет полезно. В числе значимых компетенций для работы в межкультурных командах, которые развивает проект чаще называли такие, как: ориентация на общие знания о ценностях, традициях и нормах своей и других культур, а также степени их относительности; позиция, ориентированная на конструктивное (неконфликтное) взаимодействие; ориентация на знание специфики невербальных особенностей других культур (языка жестов, тела, мимики, восприятия времени и пространства), степени их относительности (близкие значения — знание вербальных характеристик).

Ранжирование универсальных метакомпетенций, которые развивает проект в рамках дисциплины «Межкультурные коммуникации» у студентов-участников проекта выглядит следующим образом (по убыванию): командность: готовность к сотрудничеству; коммуникации; мультикультурность; креативность; системное мышление; эмоциональный интеллект, эмпатия; гибкость / адаптивность; критическое мышление; готовность к изменениям; готовность к непрерывному самообучению. Среди компонентов проекта, которые по мнению участников, наиболее эффективно помогли освоить специфику чужой деловой культуры чаще называли следующие (по убыванию): разработка страноведческого дашборда; составление карточки культурного портрета страны; разработка инструментария исследования (анкеты); презентация культурного портрета страны. Реже называли: проведение теоретического исследования; обработка данных, интерпретация результатов; организация и проведение анкетного опроса.

Рефлексия в командах показала также, что участники в большей мере выражают желание и готовность работать в межкультурных командах, но, признают, что недостаточно одной дисциплины для развития метанавыков и компетенции межкультурного общения, однако, участие в проекте побудило их изучать языки и самостоятельно развивать интерес и знания о культурных особенностях разных стран для освоения практики делового общения в мультикультурном пространстве.

Главным корпусом архитектоники образовательного процесса в вузе становится профессиональная компетентность выпускника. Цель исследования состояла в разработке методологии формирования практических занятий студентов негуманитарных направлений подготовки в формате проектной деятельности для создания мотивации освоения метанавыков деловой межкультурной коммуникации. Работа представляет практический интерес для разработки курсов, направленных на выработку мета-

компетенций с акцентом на межкультурную грамотность и проектный подход, что чрезвычайно важно в контексте динамично развивающихся и трансформирующихся требований современного рынка и общества к результатам образования и актуализации необходимости совершенствования критериев качества высшего профессионального образования в рамках новой образовательной парадигмы.

Список использованных источников и литературы

1. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124> (дата обращения: 21.10.2023)
2. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432 (дата обращения: 21.10.2023)
3. Шершнева В.А., Осипов М.В. Метакомпетентность в иерархии компетентностей // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. — 2020. — № 1 (51). — С. 80. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-51-1-186>
4. Фурьева Т.В., Гудкова О.В. Развитие метакомпетенций обучающихся в условиях специализированных классов инженерно-технологической направленности // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2019. — № 442. — С. 199–203.
5. Сорокин П.С., Вятская Ю.А. Международная экспертная повестка в образовании: ключевые характеристики и проблемные зоны // Образование и наука. — 2022. — № 1. — С. 11–52.
6. Белкина В.В., Макеева Т.В. Концепт универсальных компетенций высшего образования // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 5. — С. 117–126.
7. Осипов М.В., Шершнева В.А. Обобщенная характеристика диагностик метакомпетентности // ПНиО. — 2020. — № 3 (45). — С. 52–64. DOI: 10.32744/pse.2020.3.4.
8. Савина Н.В., Лопанова Е.В., Голубчикова М.Г., Харченко С.А., Котлярова Т.С. Развитие метанавыка кооперации у студентов посредством создания проектных команд в образовательном процессе вуза // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2022. — Том 16, № 3. — С. 103–1114. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.3.10.
9. Сикевич З.В. Социологическое исследование: практическое руководство. — СПб.: Питер, 2005. — 320 с.

Сведения об авторах: *Рассохина Ирина Юрьевна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: irassokhina@mail.ru

Пряхина Анна Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: anniva2001@mail.ru

СЕКЦИЯ 8. МОЛОДЕЖНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

УДК 902/904

Е. Р. Булатов

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ

Аннотация. В статье рассмотрены результаты археологического исследования тюркских погребений на территории Казахского Алтая. В ходе исследования были изучены несколько погребений и проанализированы артефакты, найденные в них. Исследованы исторические, культурные и социальные аспекты изучения этих могил. В статье описываются основные характеристики погребений, такие как их географическое расположение, размеры и форма. Автор также анализирует состав могильных находок, таких как оружие, украшения, керамика и др. Эти артефакты проливают свет на жизнь тюркского народа в определенный исторический период. Статья уделяет особое внимание исследованию социальных аспектов погребений, таких как статус погребенных лиц и их роль в обществе. Также проведен сравнительный анализ погребений с другими археологическими находками, что позволяет лучше понять историческую ситуацию в регионе. В заключение подведены итоги исследований и сделаны выводы о важности археологического изучения тюркских погребений для повышения нашего понимания истории и культуры этого региона. Все исследования были проведены методами археологического раскопа, который позволяет получить максимально достоверную информацию о погребениях и их содержимом. Эта статья может быть полезна для исследователей, интересующихся историей, археологией и культурой тюркского народа. Она также может стать основой для дальнейших исследований в этой области. В целом, данная статья является важным вкладом в научное понимание археологического наследия Казахского Алтая и его связей с тюркской культурой.

Ключевые слова: археологическое исследование, тюркские погребения, Казахский Алтай, история, культура, древние народы, артефакты, антропологические данные, могильные комплексы, обряды погребения, археологические раскопки, тюркские племена, изучение источников, идентификация, анализ, сообщество, наследие, историческая значимость, находки, тюркская цивилизация

Y. R. Bulatov

S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION OF TURKIC BURIALS IN THE KAZAKH ALTAI REGION

Abstract. This scientific article examines the results of an archaeological study of Turkic burials in the Kazakh Altai region. Several burials were explored and the artifacts found in them were analyzed during the

study. The historical, cultural, and social aspects of these graves were also investigated. The article describes the main characteristics of the burials, such as their geographical location, size, and shape. The authors also analyze the composition of burial finds, including weapons, decorations, ceramics, and more. These artifacts shed light on the life of the Turkic people during a specific historical period. The article pays special attention to the investigation of the social aspects of the burials, such as the status of the buried individuals and their role in society. The authors also conduct a comparative analysis of the burials with other archaeological discoveries, which allows for a better understanding of the historical situation in the region. In the conclusion of the article, the authors summarize their research and draw conclusions about the importance of archaeological study of Turkic burials in enhancing our understanding of the history and culture of this region. All research was conducted through archaeological excavation methods, which provide the most reliable information about the burials and their contents. This article can be valuable for researchers interested in history, archaeology, and Turkic culture. It can also serve as a basis for further research in this field. Overall, this article is an important contribution to the scholarly understanding of the archaeological heritage of the Kazakh Altai and its connections to Turkic culture.

Keywords: archaeological research, Turkic burials, Kazakh Altai, history, culture, ancient peoples, artifacts, anthropological data, burial complexes, burial rites, archaeological excavations, Turkic tribes, source study, identification, analysis, community, heritage, historical significance, findings, Turkic civilization.

Изучение археологических памятников на территории Казахского Алтая ведется уже несколько веков. С XVIII века здесь начались работы по поиску полезных ископаемых, что привлекло внимание ученых к памятникам региона. Однако изначально эти исследования были связаны с разрушением памятников, так как золото из них добывали «бугровщики».

С начала XX века археологические исследования стали систематическими и научно обоснованными. Они продолжают и по сей день, что позволило накопить большой объем археологического материала и научной литературы по истории региона.

Первые сведения о тюркском времени появились в результате археологических раскопок на могильнике Берел в 1865 году. Материалы этих раскопок были опубликованы В. В. Радловым в его работах «Сибирские древности» (1886 г.) и «Из Сибири (страницы дневника)» (1884 г., переиздана в 1989 г.). Также материалы по средневековой археологии Алтая содержатся в книге «Materials on the Archaeology of Siberia» А. А. Захарова, изданной в Хельсинки в 1928 году. Более конкретную информацию о каменных изваяниях, обнаруженных в регионе, можно найти в труде «К археологии Западного Алтая» А. В. Адрианова (1916 г.) и в работе А. А. Гавриловой.

Затем значительный вклад в изучение этого региона был сделан Восточно-Казахстанской археологической экспедицией под руководством С. С. Черникова, которая работала на территории Восточного Казахстана с 1947 по 1957 год. Экспедиция провела обширные исследования и изучила различные типы памятников, датируемых от эпохи камня до Средневековья. Эти работы были признаны результативными и установили высокий уровень исследований в этом регионе.

В изучении средневековой археологии региона также имело существенное значение исследование Ф. Х. Арслановой и А. А. Чарикова. Арсланова внесла вклад в изучение данной культуры в своих работах (1969), а Чариков также оказал значительное влияние на изучение древнетюркской культуры в этом регионе (1974, 1976).

С 1998 года на могильнике Берел проводятся широкомасштабные работы, в результате которых было обнаружено несколько объектов, датируемых тюркским временем, включая объекты № 25, 37, 38, 16 С.

Начиная с 2012 года авторы данной статьи проводят археологические изыскания в могильниках Алкым-1, 2, 3, которые расположены в 4 км к северо-востоку от села Калжир Курчумского района Восточно-Казахстанской области. На правобережье реки Калжир расположены могильники, разбитые на различных надпойменных террасах. Один из них, могильник Алкым-2, был исследован в рамках археологического проекта «Археологические памятники Курчумского района» (Омаров, 2014). Река Калжир начинается от озера Маркаколь и, протекая через Курчумский хребет, впадает в Зайсанскую котловину, являясь правым притоком Черного Иртыша. Могильник Алкым-2 расположен у выхода реки из горной системы, известной как «Алкым». Эта терраса находится на третьей поверхности

надпойменной террасы, с восточной стороны омываемой рекой Калжир с ее скалистыми берегами и с западной стороны на фоне горного хребта Карасенгир. Территория могильника имеет форму треугольника, с узким выходом в устье и расширением на выходе. Ее длина с севера на юг составляет 800 метров, а ширина с востока на запад — 150 метров. Высота данной территории над уровнем моря составляет от 500 до 515 метров. Грунт в этой местности каменистый. Расположение курганов на местности не следует определенной системе. Диаметры курганов варьируются от 5 до 20 метров. Охотники за сокровищами разрушили в основном конструкцию курганов, а позднее каменные насыпи использовались местными жителями для строительства дамб, плотин и других объектов. Некоторые курганы, расположенные на краю террасы, были разрушены оползнем и смыты паводками. В целом, данный район благоприятствует жизнедеятельности, что отражено в его географическом положении и гидрологической ситуации. Местные жители с древности считали эту территорию священной, что предположительно связано не только с возможностями кочевого скотоводства, но и с сезонным земледелием, благоприятным на этих низинных землях, орошаемых реками Калжир и Черный Иртыш. Еще один могильник, Алкым-1, находится на одной террасе ниже могильника Алкым-2. Все курганы данного могильника были учтены и нарисованы на топографической карте. В могильнике Алкым-2 числится около 70 курганов, каждый из которых состоит из насыпи камней, некоторые из них включают галечник. Курган № 1, расположенный в южной части могильника, имеет разрушенную насыпь, из-за строительства плотины, которая находится поблизости. В связи с этим невозможно точно определить исходную высоту и конструкцию кургана. Однако по камням, составившим основу кургана, можно определить его диаметр: с юга на север — 10,9 метра, с запада на восток — 9,5 метра. После очистки от растительности в центре кургана обнаружилось место захоронения, простирающееся по оси восток-запад на 2 метра и с севера на юг: «В непосредственной близости от могильной ямы обнаружено скопление камней, часть из которых провалилась внутрь, что, по всей вероятности, указывает на то, что здесь произошло грабительство. При дальнейшей зачистке места захоронения в северной части заметно присутствие забутовки камней, явные признаки проникновения грабителей. Контуры могильной ямы полностью вырисовываются, а ее размеры составляют 2 м от востока до запада и 1,5 м от севера до юга. На глубине 0,7 м от поверхности земли, в процессе зачистки, обнаружены большие плиты, служащие стенками каменного ящика. Размеры этого ящика составляют 1,56 м от востока до запада и 0,85 м от севера до юга. Во время очистки внутренней части ящика, в западной части на глубине 0,73 м и 0,15 м от северо-западной стены были найдены костяные украшения. Это оказалась подвеска из кости, являющаяся частью поясного набора. Подвеска имеет каплевидную форму с одной стороны и прямоугольную форму с прорезью диаметром 6 мм. Ее общая длина составляет 4,3 см, причем с одной стороны она выпуклая, а с другой ровно отшлифована. На глубине 1,1 м и на расстоянии 0,13 м от северной стены было обнаружено изделие из бронзы продолговатой формы, длиной 4,1 см и шириной 1,4 см. Это оказалась деталью поясного набора — концевой бляхой пояса. На лицевой стороне этого изделия есть глубокие линии в виде стрелки, острым концом направленные в закругленную сторону. Рядом была найдена металлическая обойма черного цвета прямоугольной формы размерами 2,2х1,3 см, в хорошем состоянии сохранности. Толщина металлического прута составляет 3,5 мм. Вероятно, и она является частью поясного набора. Еще одна металлическая пластина, обнаруженная рядом, по структуре очень похожа на первую, вероятно, она является ее продолжением, но из-за сильной коррозии они не соприкасаются. Размеры этой пластины составляют 2,2х1,7 см. Она также сильно повреждена коррозией. От одного из краев исходят отверстия диаметром 2 мм. На глубине 1,2 м от поверхности земли обнаружены останки человека, находящегося в положении, головой обращенной на запад. Сохранились только череп и нижние конечности, в то время как ребра и позвонки разрушены и разбросаны в результате действий грабителей. Основная часть костей сохранена в приемлемом состоянии. Рядом с черепом, на расстоянии 0,1 м к востоку и 0,2 м к северу, найден наконечник стрелы с ржавым покрытием и частично сохранившимся древком. Общая длина наконечника составляет 7,6 см. Это трехгранный черешковый металлический наконечник, в приемлемом состоянии сохранности. Длина самого наконечника составляет 3,6 см, а остальная часть (4 см) является черешком. Аналогичные предметы, включая концевые бляхи пояса, металлическую обойму и трехгранный наконечник стрелы, были найдены в Беш-Таш-Короо, Бел-Саз 2 и других могильниках, датированных К. Табалдиевым в VII–XIII веках. Сходство этих артефактов можно

проследить и в нашем могильнике. Аналогичные артефакты можно обнаружить и в погребальном инвентаре Зевакинского могильника, датируемого VIII–IX веками [Табалдиев, 1996; Арсланова, 2013].

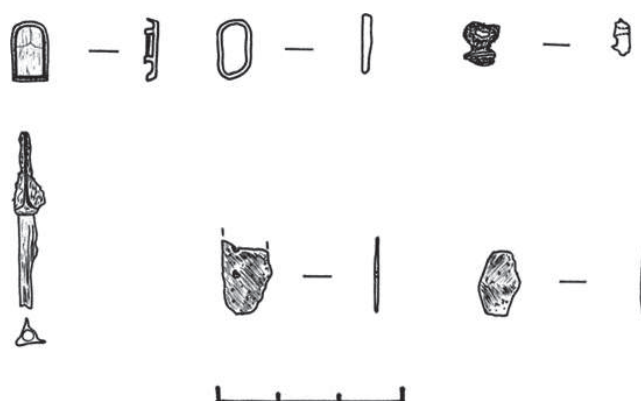

Рис. 1. Находки из кургана № 1. Могильник Алкым-2

Таким образом, по данным артефактов, найденных на могильнике Алкым-2, можно предположить, что данная структура относится к некой группе средневековых кочевников.

В 2013 году были проведены дополнительные исследования средневековых памятников на могильнике Алкым-2 в рамках грантовой темы «Тюркское наследие Казахского Алтая: религия и мировоззрение». В этом полевом сезоне были исследованы два объекта.

Курган № 9 расположен на третьей надпойменной террасе реки Калжир, в юго-западной части могильника. При первоначальном осмотре наземная конструкция кургана представляла собой груду камней из сланцевых пород, заросшую травой. После очистки от травы была обнаружена круглая наземная конструкция диаметром 6 метров. Под слоем камней в центре кургана была найдена каменная структура, перекрывающая могильную яму. Структура имела овальную форму с размерами приблизительно 3,8х2,7 метров в направлении Запад-Восток. Камни были сложены в два слоя и главным образом сосредоточены в середине структуры. Размеры камней составляли в среднем 74х38х12; 62х43х10; 50х25х9; 52х46х9; 58х34х11. После удаления верхнего слоя камней была обнаружена каменная конструкция в форме ящика, изготовленная из ровно уложенных плит. Ящик был ориентирован в направлении Запад-Восток. Внутренние размеры стен ящика составляли приблизительно 1,8 метра на северной стороне, 1,7 метра на южной стороне, 0,6 метра на западной стороне и 0,7 метра на восточной стороне. Плиты ящика немного наклонены внутрь. Западные и восточные стенки каменной конструкции изготовлены из больших плит, которые лежат плоско вдоль стенки могилы. Западная плита имеет размеры 0,55х0,3х0,1 м, а восточная — 0,7х0,45х0,1 м. Северная и южная стенки ящика построены из нескольких крупных плит, размеры которых варьируются от 0,5х0,15х0,05 до 0,75х0,3х0,1 м. Глубина могильной ямы, измеренная от верхней части ящика, составляет 0,45 м, а толщина плит — от 0,1 до 0,15 м.

Рис. 2. Курган № 9. Захоронение ничком. Могильник Алкым-2

В могильной яме был обнаружен скелет человека, который был найден *in situ*. Костяк был размещен с головой на запад. Усопшего положили на живот с головой на север. Обе руки были слегка согнуты в локтях, а ноги были вытянуты прямо, при этом левая стопа находилась под правой стопой. В целом, кости оказались плохо сохранившимися. Расстояние от верхней части черепа до костей стоп составило 1,8 м. В могиле не было обнаружено других материальных остатков.

Курган № 10 расположен к юго-востоку от кургана № 9 на небольшом возвышении. Насыпь кургана состояла из сплошь уложенных каменных плит средних размеров, которая частично разрушилась во время гидротехнических работ. Первоначально диаметр кургана составлял около 6 м. После очистки оставшихся плит насыпи, которые были частично покрыты землей, была обнаружена каменная оградка в форме ящика. Стенки оградки изготовлены из укладываемых плит, ось которых соответствует линии Запад-Восток. Оградка имеет прямоугольную форму, более широкую в средней части, с углами подрезанными. Максимальная длина ящика по центральной оси, по линии Запад-Восток, составляет 1,8 м, а ширина в центральной части, по линии Север-Юг, — 1,1 м. Западная стенка оградки состоит из одной плиты размерами 0,8х0,4х0,1 м, а восточная стенка — из трех плит, одна из которых крупнее, а две другие лежат поверх первой. Все плиты стен оградки лежат плоско вдоль стены. Некоторые стенки ящика состоят из двух тонких плит, которые лежат одна на другой. Размеры плит оградки варьируются от 0,25х0,2х0,05 до 0,8х0,4х0,1 м. Все каменные плиты, составляющие стенки и лежащие плоско, были уложены на древнюю поверхность. Плиты располагаются в одном слое, за исключением северной стороны, где они уложены в два слоя.

Внутри каменного ящика, заполненного землей с мелкими камнями темно-серого цвета, были обнаружены отдельные фрагменты плохо сохранившихся человеческих костей. Это объясняется тем, что усопшего положили на уровне древней поверхности. После была проведена раскопка внутри оградки, и выяснилось, что затем идет материк.

Исследуемые объекты из древнетюркского времени в данном могильнике предоставляют ранее неизвестный интересный материал о мировоззрении, культуре и быте кочевников этого региона в Средневековье. Останки погребенного, лежавшего на спине, ранее не обнаруживались на территории Казахстана в погребальных памятниках Средневековья.

Однако в 2010 году в могильнике эпохи бронзы Кумсай, расположенном в Уилском районе Актыбинской области, исследователи обнаружили интересное захоронение, которое выполнено на небольшой глубине [Исследование могильника Кумсай..., 2011]. В этом захоронении кости взрослого человека были найдены в необычной позе — лежа на животе, с головой, обращенной на юго-восток. Умершего положили с согнутыми в коленях ногами. Важно отметить, что в этом захоронении не было никаких приданных предметов. Однако нельзя сделать вывод о его датировке без проведения анализов.

В Перу также были обнаружены захоронения людей, которые были похоронены в ничковой позе. Исследователи полагают, что это связано с поведением этих людей во время их жизни, которое не соответствовало общественным нормам. Таким образом, выражение неуважения к ним было возможно только после их смерти. Культурные и религиозные конфликты также могли стать причиной такого способа захоронения, согласно мнению Каролины Арсини [www.convert-mw.ru/arheologi-obnaruzhili-yudej-zahoronenny-h-vniz-litsom/].

Ничковые захоронения также встречаются в сарматских погребениях. Согласно записям Тадеуша Сулимирского в книге «Сарматы. Древний народ юга России», трупы обычно кладут на спину, но в ранних этапах этой культуры встречались захоронения в согнутом положении, характерные для бронзового века. Это указывает на то, что эти захоронения относятся к более позднему периоду, чем эпоха бронзы, но точная дата неизвестна [lib.rus.ec/b/290590/read]. В статье «Исторические формы захоронений у абхазов» С.А. Дбар [2003, с. 278] отмечается, что в соответствии с этнографическими данными, люди, которые похоронены в ничковой позе среди абхазов, чаще всего являлись изгоями и обвиненными в кровосмесительстве и измене. Исходя из этих фактов, можно предположить, что усопший был известным человеком в своей общине, и, по нашему мнению, он мог быть шаманом. Таким образом, исследование указанных памятников древнетюркского времени в данном могильнике предоставляет интересные новые материалы о мировоззрении, культуре и образе жизни средневековых кочевников в этом регионе, которые, без сомнения, обогатят знания о тюркском периоде Казахского Алтая.

Список использованных источников и литературы

1. Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). — Петроград, 1916.
2. Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья // Материалы и исследования по археологии Казахстана. — Астана, 2013. — Т. 3. — 406 с.
3. Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. — Алма-Ата, 1969. — С. 43–57.
4. Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. — 1974. — № 3. — С. 220–235.
5. Археологическая карта Казахстана / отв. ред. К. А. Акишев. — Алма-Ата, 1960. — 486 с.
6. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965. — 145 с.
7. Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки: материалы Междунар. науч. конф. — Сухуми, 2003. — С. 275–286.
8. Исследование могильника Кумсай (Кырык оба) в 2010 г. // Отчет о научно-исследовательской работе (науч. рук. З. Самашев). — Актобе, 2011.
9. Омаров Г. К. Археологические памятники Курчумского района (археологические исследования 2012 года). — Алматы, 2014. — 148 с.
10. Радлов В. В. Из Сибири (страницы дневника). — М., 1989. — 750 с.: карты.
11. Самашев З. С. Берел. — Алматы, 2011. — 236 с.
12. Табалдиев К. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. — Бишкек, 1996. — 255 с.
13. Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана // СА. — 1976. — № 4. — С. 153–165.
14. Черников С. С. Наскальные изображения верховий Иртыша // СА. — 1947. — Т. IX. — С. 251–282.
15. Черников С. С. В глубине веков // Очерки истории Рудного Алтая. — Усть-Каменогорск, 1970. — С. 5–15.
16. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы исследования по археологии СССР. — М.; Л., 1960. — № 88. — 273 с.
17. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005. — 346 с.

Сведения об авторе: Булатов Ерболат Русланович, бакалавр, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, e-mail: erbolatbulatov86@gmail.com

УДК 908

С. О. Долгопятов

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. ПОЛИЭТНИЧЕСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Аннотация. В статье были выделены основные виды межкультурного взаимодействия, которые используются и упоминаются на протяжении всей статьи на примере славяно-тюркских отношений. Особое внимание уделено истории взаимоотношений двух культур, предпосылкам к враждебным, нейтральным или дружественным событиям столкновения двух этносов на протяжении всей истории. Также были выведены основные современные программы, в которых поднимаются темы

проблем и дальнейших действий в сторону объединения, сотрудничества и дружбы славян и тюрков, сделан вывод о предполагаемом будущем взаимоотношений братских народов.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, культура, этнос, тюрки, славяне, полиэтнический мир, Большой Алтай, концепция славяно-тюркского единства.

S. O. Dolgopyatov

S. Amanzholov East Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

CULTURAL HERITAGE OF TURKIC AND SLAVIC PEOPLES. THE POLY-ETHNIC WORLD OF THE BIG ALTAI

Abstract. The article highlighted the main types of intercultural interaction that are used and referred to throughout the article on the example of Slavic-Turkic relations. Special attention is paid to the history of relations between the two cultures, to the preconditions for hostile, neutral or friendly events of the collision of the two ethnic groups throughout history. Also the basic modern programs in which themes of problems and the further actions in the direction of association, cooperation and friendship of Slavs and Turks are raised have been deduced, the conclusion about the prospective future of mutual relations of fraternal peoples has been made.

Keywords: Intercultural interaction, culture, ethnos, Turks, Slavs, poly-ethnic world, Big Altai, Concept of Slavic-Turkic unity.

Культурное наследие тюркских и славянских народов представляет собой богатый ландшафт, сплетение традиций и ценностей, которые проникают в историю и современность. Эти две великие этнокультурные группы имеют удивительные сходства и различия, создавая уникальный полиэтнический мир в рамках Большого Алтая и Евразии в частности. Большой Алтай — это регион, омываемый реками и обрамленный горами, является одним из не многих плацдармов для встречи и взаимодействия различных культур, расцветающим сокровищницей истории. Основная идея полиэтнического мира Большого Алтая заключается в объединении двух культурных сообществ в единое целое, где тюркские и славянские народы смогут сочетать их исторические и культурные особенности в рамках общего понимания и сотрудничества.

Тюркские и славянские народы обладают богатым культурным наследием, которое продолжает оказывать влияние на их современные общества. Оба культурных наследия имеют древние корни, которые крепко переплетаются в земляной почве исторического опыта и бережно передаются из поколения в поколение образуя могучее древо нашего этнокультурного мира, плоды которого мы пожинаем до сих пор.

Для начала перед определением культурного наследия, сходств и различий двух народов стоит вспомнить основные виды межкультурного взаимодействия.

- Первое — это «Аккультурация» — проникновение в культурную жизнь народа или большой группы ценностей, норм, порядков и особенностей другой культуры.
- Второе — «Ассимиляция». Это поглощение, «растворение» одной культуры в другой.
- Третьим является «Аккомодация» — вынужденное приспособление к другой культуре, освоение языка и т.д.
- И четвертое — это «Культурный отбор» — избирательное добровольное освоение другой культуры.

Так к какому же типу межкультурного взаимодействия относится пример славянских и тюркских народов? Изучив опыт взаимодействия двух народов, можно заметить, что на протяжении всей истории (где в какой-либо степени эти культуры сталкивались друг с другом) в различные периоды преобладали различные виды межкультурного взаимодействия, например, нашествие татаро-монгольского ига с явно выражающейся аккультурацией по отношению к славянским народам (которые в свою очередь переняли у кочевников как слова, так и особенности управления), частные случаи ассимиляции со стороны славянской культуры (Волжские Булгары или Татары) и т.д.

Разберем эти примеры поподробнее: сначала начнем с Монгольской империи, во время военных походов монголов на Русь, славяне на своем опыте ознакомились с новой для них тактикой ведения боя — окружения врагов с обоих флангов и закрытие вражеских войск в «котел». Также для славян было неожиданностью в наличии такой огромной эффективности у легкой и тяжелой кавалерии монголов, вследствие чего русские князья перенимали как тактики ведения боя, так и распределение армии на стойкую пехоту и мобильную кавалерию, что сыграло свою роль в дальнейшем в сопротивлении против ханской власти, европейских лордов и через несколько столетий в освоении Сибири. Была введена воинская повинность, которая крайне увеличивала эффективность военной силы славянского государства, вдобавок к этому стоит отметить, что русскими солдатами в независимости от типа войск (будь то пехота или кавалерия) нередко использовалось и дальнобойное оружие (луки, ружья, пушки), основоположниками использования которых являются знаменитые своей победоносностью тюркские конные лучники.

Изменения в славянском обществе происходили и в политике. Например:

- переосмысление роли посла. По монголо-тюркским стандартам посол является гостем правителя. Правитель обязан предоставить послу и его свите полное обеспечение питания, питья и ночлега, организовать свободное передвижение и значительную охрану;
- появление традиции дарения щедрых подарков от посла или правителя послу или правителю;
- запрещалось ношение оружия иностранным послам при визите государя для обеспечения его безопасности и проявления уважения к правителю;
- по приезду посла на Русь его обязан был встретить особый служащий, то есть пристав. Славянский и тюркский этикеты требовали, чтобы посланник и пристав встретились в одно время для приветствия друг друга от лица государств.

Исходя из этого можно смело сказать, что фундамент культурного объединения двух народностей был заложен очень давно, а также стоит утвердить тот факт о том, что сходств у двух «различных» культур достаточно больше, чем различий, о чем и говорят до сих пор.

Среди сходств стоит отметить культурно-словесный взаимообмен. Чтобы найти доказательство этому, не стоит копаться глубоко в истории, достаточно посмотреть на славянский словарь, где присутствует очень много слов, произошедших от тюркских, начиная от одежды и оружия и заканчивая политическими и правительственными элементами. Например, имеются такие слова как «алмаз», «базар», «батман», «башмак», «булат», «бязь», «деньги», «каблук», «казна», «казначей», «камыш», «кинжал», «колпак», «колчан», «сундук», «таможня», «торба», «чепрак», «шатер», «ямщик», названия деревень, рек и др.

А если говорить о различиях двух культур, то явным примером станут различные хозяйственные виды деятельности двух этносов. В основном земледелие преобладает у славянских народов, а кочевое скотоводство, в свою очередь, — у тюркских, взаимодействие отличительных черт которых привело к тем отношениям в хозяйственном ремесле, которые мы имеем сейчас.

Стоит отметить, что данные аспекты очень четко и ярко оговаривались в **«Концепции славяно-тюркского единства»**, созданного на основе научной базы «Большого Алтая», целью которого и является решение проблем объединения.

Основой **«Концепции славяно-тюркского единства»** является *«общая территория проживания, на которой происходили процессы возрождения, переселения, ассимиляции и объединения многих народов, преимущественно тюрко-монголо-славянских»*. *«Тысячелетняя история взаимоотношений славян и тюрков — это сама по себе цивилизационное наследие и ценность. Пока еще сохраняется славяно-тюркская идентичность, которая основывается на осознании непрерывности и тождественности общей тысячелетней истории, культуры, цивилизационных ценностей и практик»* [1, с. 4].

В том числе не стоит забывать и о территории Большого Алтая и его уникального опыта взаимоотношений славян и тюрков, что упоминалось выше.

Большой Алтай — это уникальная историческая и географическая область, охватывающая территории современных государств, включая Россию, Казахстан, Монголию и Китай. В этой многонациональной зоне существует сложное полиэтническое социокультурное пространство, где взаимодействие славянской и тюркской культур имеет давние корни.

Славяне и тюрки вступили в контакт на Большом Алтае еще в средние века, когда торговые и культурные связи начали формироваться через Великую степь. Обмен знаниями, технологиями и искусством привел к взаимному влиянию. Например, многие слова в современных тюркских и славянских языках имеют общий корень, что мы и обсуждали ранее.

Кроме лингвистического воздействия, важную роль играет культурный обмен. Многие элементы одежды, архитектуры и кухни были заимствованы и адаптированы в обе стороны. Это привело к богатству и разнообразию культурной и художественной традиции.

Помимо культурного взаимодействия, в регионе существует множество этнических меньшинств, представителей различных этнических групп, включая алтайцев, калмыков и многие другие. Эти меньшинства внесли собственный вклад в обогащение полиэтнического мира Большого Алтая.

Однако следует также отметить, что история региона также заслонена конфликтами и напряженными моментами между этническими группами. Несмотря на это, многие местные жители стремятся к сохранению и уважению к разнообразию культур и традиций.

Особое внимание необходимо заострить на целях и задачах применения на практике «Концепции историко-культурного единства славянских и тюркских народов».

Цели и задачи в создании единого культурного общества в рамках моноэтнического мира Большого Алтая связаны с укреплением и сотрудничеством между тюркскими и славянскими народами. Главная цель заключается в сохранении и продвижении их культурного наследия, а также в содействии взаимному обогащению и пониманию. Создание единого культурного общества также способствует развитию туризма и международных связей в регионе.

Анализ показывает, что существуют множество проектов и инициатив, направленных на создание моноэтнического мира Большого Алтая. Например, организация культурных фестивалей, выставок и конференций позволяет представить богатство культурного наследия тюркских и славянских народов широкой аудитории. Осуществление обменов и студенческих программ помогает молодым поколениям понять и оценить культурную множественность региона.

Полиэтнический мир Большого Алтая является уникальным исследовательским объектом для понимания взаимодействия между славянской и тюркской культурами. Этот регион олицетворяет богатство культурного разнообразия и долгую историю взаимодействия между этническими группами.

Подводя итоги, я считаю, что культурным наследием славянской и тюркской культуры является дружба, сотрудничество и дальнейшее совместное развитие прямиком в светлое будущее, где негативные аспекты различий, проявлений радикализма и национализма будут стерты в человеческом обществе, и я надеюсь, что результат, полученный непосильным многовековым трудом, не будет забыт среди будущих поколений!

Список использованных источников и литературы

1. Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов России и Центральной Азии. — АГУ: НОЦ «Большой Алтай», 2022.

Сведения об авторе: Долгопятов Сергей Олегович, студент 2 курса по специальности «История» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: dolgopyatovs@yandex.kz

УДК 316.722

А. Н. Жайлаубаева

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Аннотация. В истории и развитии культуры народов Центральной Азии эпоха тюркской культуры VI–XII вв. занимает особое место. В статье рассматривается развитие и роль тюркской культуры Центральной Азии в мировой культуре средневековья, а также ее вклад в процесс дальнейшего развития культуры и просвещения на протяжении последующих веков. Центральная и Средняя Азия становится центром мусульманской культуры и учености тюркской эпохи. В свое время культура тюркской эпохи Центральной Азии внесла огромный вклад в становление и развитие просвительства казахского народа.

Ключевые слова: Центральная Азия, Средняя Азия, тюркская эпоха, культура, градостроительство, письменность, исламская культура, наука, просвещение.

A. N. Zhailaubaeva

S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

THE SPIRITUAL AND MATERIAL CULTURE OF THE TURKIC PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE MIDDLE AGES

Abstract. In the history and cultural development of the people of Central Asia, the era of Turkic culture holds, the VI–XII centuries a specific place. In article to considered the development and a role of Turkic culture of Central Asia in world culture of the Middle Ages, and also its contribution to process of further cultural development and enlightment over the period of following centuries. Central Asia has become a center of Islamic culture and education of the Turkish era. At that time, the culture of Turkic Central Asia, the era has made an enormous contribution to the formation and development of the people of Kazakhstan Education.

Keywords: Central Asia, Middle Asia, era of Turkic, culture, town planning, written language, Islamic culture, science, enlighten.

Тюркский мир на протяжении длительной истории являлся уникальным местом, где зарождались и развивались мощнейшие культуры и цивилизации, которые оказали огромное влияние и воздействие на ход и развитие мировой истории, культуры и цивилизации. Его воздействие и влияние было обусловлено тем, что Тюркский мир, будучи географически расположенным в центральной части евразийского континента, всегда был связующим мостом между двумя великими культурами Востока и Запада. Культура древних народов Центральной Азии развивалась под влиянием культур предыдущих эпох. С древнейших времен на обширных территориях Центральной Азии проживали большие и малые народы, существовали государства, которые вносили свой вклад в развитие мировой цивилизации. Среди них были кочевые державы народов Центральной Азии, известный под общим именем «тюрк». В середине VI века тюрки в результате соединения народов Центральной Азии, в том числе Средней Азии, в единое государство создали огромную кочевую империю от востока Алтая до Черного моря и успешно проводили внешнюю политику с соседними государствами и империями [1, с. 58–62]. Начиная с VIII века вместо Великого Тюркского каганата, существовавшего на протяжении двух столетий, происходит зарождение и становление государств тюркешей, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков, уйгуров, а позднее и караханидов. За этот период истории тюркские каганаты, претерпевая радость побед и горечь поражений, заняли особое место в политической истории мира. Отличительной особенностью тюркской цивилизации стала ее открытость, высочайшая степень взаимодействия с другими народами, культурами и цивилизациями. Из этого можно опреде-

лить главную особенность тюркской цивилизации. В отличие от многих оседлых цивилизаций, интровертных по способу сохранения своего энергетического ресурса, тюркская цивилизация экстравертна, для нее характерен широкий охват как в пространстве горизонтали, так и вертикали. Этому способствовала, с одной стороны, захватническая политика тюркских государств, а с другой, — космоцентризм картины мира [10, с. 12–16]. А культура тюркской эпохи, представляющая собой единство оседлого и кочевого образа жизни, предоставившая миру образцы великих достижений прикладного искусства, градостроительства, духовных основ разных религий, сыграла огромную роль в становлении и развитии культуры и просвещения народов Центральной и Средней Азии, а также в развитии мировой культуры.

Само становление культуры тюркской эпохи, языка, государственности было подготовлено предшествующими культурами, а также под влиянием происходящих событий на Великом шелковом пути. Именно к этому времени Центральная Азия стала местом сосуществования различных религиозных систем, таких как буддизм, манихейство, тенгрианство, христианство. Именно географически удобное расположение создавало соответствующие условия для развития горнодобывающей промышленности, развитию внутренней и внешней торговли в государствах.

Массовое оседание тюрков способствовало интенсивному росту городов и селений Семиречья, ускорила процесс взаимопроникновения и взаимовлияния двух культур. На развитие городской и земледельческой культуры большое влияние оказало географическое расположение и Великий шелковый путь. В процесс урбанизации вовлекаются и северо-восточные районы Средней Азии — Ферганская, Чуйская, Таласская долины, через которые проходила трасса международной торговли. Только в Чуйской и Таласской долинах насчитывалось 36 городов, и, судя по историческим сведениям, они существовали и в последующие эпохи [6, с. 65–130]. В современных исследованиях эти города были разделены на три типа [2, с. 67–68]. К первому были отнесены крупные города — Тараз, Ак-Бешим (вместе с г. Суяб), Красная Речка (вместе с г. Навакет), Шиш-Добе, площадь которых превышала 30 га. Ко второму типу были отнесены города, площадь которых измерялась от 10 га до 30 га: Ак-Добе, Чалдыбар, Мерке, Аспара, Кузнечная крепость, Беловодская крепость, Толекск, Грозненский, Касымчы. Площадь городов третьего типа не достигала 10 га: Джувантобе — Ахлах; Торткольтобе — Нижний Барсхан; Тоймакент — Адахкет; Оххум — Дех-Нуджикет; Луговое — Кулан; Чумышское (по одной версии Новопокровское) — «селение тюркского кагана»; Новопокровское (по другой версии Милянфанское) — Кирмирау.

Развитие городской культуры в эпоху тюркских каганатов во второй половине I тыс. н. э. характеризуется благоприятной географической средой, богатыми природными ресурсами и торговлей по Великому шелковому пути. Торговля занимала важное место в экономической жизни тюркских каганатов. Такие города как Суяб, Ахлах, Невакет, Ош, Узген, расположенные на современной территории Кыргызстана, были важными торговыми и политическими центрами тюрков. Развитие городов было тесно связано еще с добычей и разработкой полезных ископаемых. На мировой арене тюрки были признаны как народы, которые первыми в Центральной Азии освоили добычу железа для использования в промышленности. Конечно, и до них осуществлялась добыча железа, но тюрки делали это в массовом объеме [3, с. 69; 8, с. 108–110, 223].

Одним из ярчайших показателей достижений древней тюркской культуры явилось становление тюркской письменности. Наличие своей письменности указывает на высокий уровень культуры и общественного развития государства. Ученые полагают, что древнетюркская письменность возникла в первой половине VII века. В 20-х годах XVIII века в Енисейской долине впервые были найдены тюркские письмена, которые исследователи Д. Мессершмидт и И. Страленберг сочли похожими на письмена, обнаруженные в Скандинавии, и назвали их руническими. Н.М. Ядринцев, В. Томсен, В.В. Радлов «прочитали» письмена, найденные в 1889 году на берегах реки Орхон, которые назвали «орхоно-енисейскими» письменами [5, с. 35–36]. Крупнейшие памятники древнетюркской литературной письменности — письмена «Культегин» и «Тоньюкок», «Бильге каган», созданные в период Тюркского каганата. Это исторические поэмы, написанные руническим письмом.

В раннее Средневековье наряду с древнетюркским письмом тюркское население начинает использовать и согдийскую письменность, или так называемое средневековое персидское письмо. Вариант согдийского письма, приспособленный под нормы своего родного языка, тюрки называли уйгурским, а затем найманским письмом.

Тюркский алфавит состоит из 38 букв. Поскольку древнетюркское письмо распространялось среди населения Казахстана параллельно с согдийским, происходил процесс лексического и фонетического заимствования. Под влиянием тюркского языка многие знаки согдийского алфавита претерпели существенные изменения: слитное написание заменено отдельным (все 38 буквенных знаков тюркского алфавита пишутся отдельно), плавные округленные очертания приобретают геометризированные формы и т.д. Кроме того, не все знаки согдийского письма были восприняты тюрками.

В письменности тюркских народов сохраняется особая знаковая форма — тамга, которая восходит к древнему знаку собственности кочевых скотоводов. Поэтому, несмотря на определенное сходство, лексические и фонетические системы тюркского и согдийского языков являются различными самостоятельными языковыми структурами. После принятия ислама тюркские народы начинают пользоваться арабским алфавитом (VIII–XII вв.). Он лежит в основе деловой переписки уже в государстве караханидов. Арабским шрифтом написаны и самые известные научные, философские и религиозно-назидательные труды восточных мыслителей Средневековья [3, с. 74].

Одним из видов древнетюркской письменности являлось руническое письмо. Древнетюркские рунические записи были найдены в «Казахстане на берегах Таласа, Иртыша, Сырдарьи, Или. У скандинавских народов слово «руна» означает «нераскрытое, тайное письмо». Заслуга раскрытия секрета этой древней письменности принадлежит В. Томсену. Перевод на русский язык орхонского рунического письма осуществил известный ученый-тюрколог В. Радлов. Изучение рунических текстов доказало, что древние тюркоязычные народы имели свою письменность.

В руническом письме имелось 35 букв и, кроме того, четыре негласных сочетания: ат, нт, нг, рт. Читалось оно справа налево. К тюркским письменам относится и таныкокское письмо, образцы которого найдены при раскопках недалеко от Улан-Батора. Надписи на каменных печатях (берега Таласа), на серебряном блюде (Иссыкское захоронение), наскальные письма (Алматинская область, в горах Кокпека) относятся к древнетюркскому руническому письму. Древнетюркское руническое письмо — буквенная (не слоговая) система: отдельные знаки обозначают либо гласные, либо согласные звуки около десяти букв служат для передачи сочетаний двух согласных или гласного с согласным.

Памятники с древнетюркским письмом (в основном эпиграфические, небольшое число рукописей сохранилось в Восточном Туркестане) были созданы в тех областях Центральной и Средней Азии, и Сибири, в которых в раннем Средневековье располагались государственные образования восточных и западных тюрков, тюркшей, древних уйгуров, енисейских кыргызов, карлуков и др. [8, с. 37].

В Центральной Азии, а также на сопредельных территориях, где проживают тюркские народы, найдены исторические памятники — древние тюркские письмена, в которых сохранились послания тюркских каганов к правителям других государств, декларации различного характера и значения, содержательная богатая информация о жизни и подвигах батыров тюркской эпохи. Укрепление основ ислама в Центральной Азии и преимущество арабского алфавита в ежедневной практике способствовало постепенному вытеснению тюрко-орхон-енисейской письменности. Также к культуре тюркоязычных народов VIII–IX веков относится эпос «Коркыт — Ата» и «Огузнаме» передаваемые устно. В XIII веке персидским историком был записан древний вариант поэмы «Огузнаме».

Основной религией древних тюрков было поклонение Тенгри (Небу). Именно по воле Неба правили каганы, которые именовались «Небоподобными и на Небе рожденными»: «Небо, которое, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун, Небо, дарующее (каганам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа», — так пишет Бильге-каган о своем восшествии на престол. По воле Неба тюрки одерживали победы или терпели поражения. Небо и Земля-вода спасали тюркский народ в лихую годину. Тюркские ханы в своих подписях постоянно призывают Небо быть благосклонным к ним.

Следующее по значению было женское божество Умай — покровительница домашнего очага и детей. Культ Умай еще сохранялся у некоторых тюркоязычных народностей Алтая в конце XIX. Наряду с собственными древними верованиями в VI–IX вв. среди тюркоязычного населения Центральной Азии и вслед затем Средней Азии и Казахстана получили распространение религиозные системы, созданные иными цивилизациями: буддизм, манихейство, христианство, иудаизм.

В начале VII века на Аравийском полуострове возникает ислам. Ко времени принятия ислама тюрками они уже были знакомы с другими мировыми религиями. Исламская культура тюркской эпо-

хи имела не только арабское происхождение. Оно сформировалось на симбиозе двух культур, арабоязычной и культур местных народов. Следовательно, культура этого периода — культура не только арабов, но и других народов Центральной Азии. С X века с появлением ислама в Южном Казахстане литературные и научные произведения стали писаться на арабском языке.

Живший в VIII–IX вв. в пору расцвета тюркской эпохи, известный ученый из Хорезма Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми, который написал книгу «Аль-Джабр вал мугабим», является основоположником алгебры. Его вклад в науку был признан мировыми учеными, в том числе и учеными Западной Европы. А научный труд Ибн Сины «Аль Канон» в течение 600 лет служил учебным пособием для студентов и медиков Европы. Ибн Сина являлся исследователем не только в области медицины, им были созданы научные труды по философии, астрономии, химии, геологии, логике и психологии. Одним из известных в истории ученых тюркоязычных народов является Абу Насыр Мухаммад ибн Тархан аль-Фараби. Он успешно занимался математикой, психологией, музыкой, природоведением, философией, политикой. Аль-Фараби известен еще как переводчик на арабский язык и толкователь трудов великого греческого философа Аристотеля: «Категории», «Герменевтика», «Аналитика», «Топика», «Софистика», «Риторика», «Поэтика». Свое понятие и отношение к философии ученый описывает в трактате «Гемма мудрости» («Фусус ал-хикам»). Его труды имели влияние не только на великих мыслителей и ученых Древнего Востока, его трудами интересовались и пользовались ученые эпохи Возрождения Леонардо да Винчи, Коперник, Бэкон [9, с. 15–16]. Абу Рейхан Беруни, занимаясь такими отраслями науки как математика, география, астрономия, физика, создал более 150 произведений, вошел в историю как ученый-энциклопедист. В своих постулатах о воспитании, как и просветители последующих веков, Беруни отмечает, что знания и труд облагораживают и развивают человека. Известные мыслители-ученые народов Средней Азии сделали научные открытия на основе античной, индоиранской культур и распространили по миру научные труды, познания и науку арабских, греческих ученых. Она развивалась в тесном взаимодействии с ближневосточной. Юсуф Баласагуни (1021–1075) — автор одного из первых светских трудов, написанных на тюркском языке «Кутадгу билик» (Благодатное знание). Поэма написана для одного из правителей Караханидского ханства Сатук Богра хана. За этот труд каган присвоил ему титул «главного визиря». В этом научном труде отражены общественно-политическая жизнь, обычаи, традиции и верования тюркских народов XI века. Основное идейное содержание заключается в том, что знание — единственный источник благополучия как правителей, так и народа. Махмуд Кашгари (1029–1101) после многолетних путешествий составил на арабском языке «Диуани лугат-ат-тюрк» (Словарь тюркских наречий) — энциклопедия тюркских народов о истории быта, нравов и языка, большой вклад в языкознание. Ученый-тюрколог Н.А. Баскаков утверждает, что Махмуд Кашгари был первопроходцем в изучении тюркских языков. А.Н. Кононов писал, что при создании своей книги М. Кашгари ставил цель — прославить на весь мир тюркский язык и доказать, что он был не ниже арабского языка [7, с. 67–70]. Ходжа Ахмед Йасауи (1103–1167) родился в г. Сайране и жил в г. Туркестане (Яссы, Йасы), проповедник суфийского направления в мусульманской религии. В своем произведении «Диуан-и-Хикмет» (Книга о премудрости) проповедует любовь к Всевышнему, смирение, аскетизм и бичует изворотливых подхалимов. «Диуан-и-Хикмет» написана на тюркском языке арабским алфавитом. Учителем Ходжа Ахмед Йасауи был Арыстан-Баба. Одним из учеников Х.А. Йасауи является великий поэт, автор учебников по богословию Сулейман Бақыргани (Хаким ата). Мавзолей Ходжа Ахмед Йасауи в Туркестане построен по личному указанию Тимура в XIV веке [11, с. 54].

Все указанные выше деятели науки и труды говорят о широком развитии просвещения в VIII–XI вв. в Центральной Азии, в том числе и Средней Азии.

Также следует сказать о том, что первые медресе появились в Центральной Азии в конце IX — начале X века, а в XI–XII вв. они уже получили широкое распространение. В средние века в развитии культуры тюркских народов библиотеки, читальни в центральных мечетях и медресе играли большую роль. В медресе, по сути являющихся центрами науки, помимо религиозных книг встречались труды по различным отраслям светских наук, такие труды, распространяя достижения науки, выполняли также и просветительскую работу.

В истории культуры мировых цивилизаций культура тюркской эпохи занимает одно из важнейших мест. Культура тюркской эпохи Центральной Азии средних веков внесла неоценимый вклад

в развитие культуры тюркских народов последующих столетий. Несмотря на своеобразный характер и содержание, связи между культурами каждой эпохи, преемственность были очень крепкими. Именно поэтому можно сказать о том, что культура тюркской эпохи внесла огромный и значительный вклад в развитие культуры и просвещения Центральной Азии.

Список использованных источников и литературы

1. Бартольд В. В. Избранные произведения по истории кыргызов и Кыргызстана. — Бишкек: Шам., 1996. — 608 с.
2. Горячева В. Д. История городской культуры Тянь-Шанского региона в эпоху тюркских каганатов VI–XIII вв.: дисс. ... доктора исторических наук, по спец. 07.00.02; 07.00.06. — Бишкек, 2011. — 250 с.
3. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — Бишкек: Ариал-Принт, 1999. — 544 б. (на кырг. яз.).
4. История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней: в 5 томах. — Т. 1. — Фрунзе: Кыргызстан, 1984. — 800 с.
5. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи: рождение, триумф, гибель // Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005. — 346 с.
6. Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959. — 186 с.
7. Кононов А. Н. Махмуд Кашгари и его «Дивану лугат ит-турк» // Советская тюркология. — 1972. — № 1.
8. Файзрахманов Г. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. — Казань: Мастер Лайн, 2000. — 188 с.
9. Фараби и духовное наследие // Материалы Международной научно-теоретической конференции «Аль-Фараби в истории науки и культуры народов Востока». — Алматы, 1994.
10. Аязбекова С. Ш. Картина мира этноса: Коркут-ата и философия музыки казахов. — 2-е изд. — Астана: Баспа-АС, 2011. URL: <http://istina.imec.msu.ru/media/publications/books/a01/b27/1502413/Ayazb...>
11. URL: <https://helpiks.org/>

Сведения об авторе: Жайлаубаева Аида Нурлановна, студентка 4 курса Высшей школы гуманитарных наук, учитель истории и основы права, Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: aida.zhailaubayeva@mail.ru.

УДК 908

А. С. Жукенов

Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА XIX ВЕКА

Аннотация. В данной статье рассмотрено богатое этническое население Восточного Казахстана XIX века, а также уделено внимание причинам формирования полиэтнической общности края. Но ключевая тема — взаимоотношения двух основных доминирующих этноязыковых народностей, а именно тюрков и славян. Рассмотрены примеры межчеловеческих отношений в ретроспективе и поиск корней тех народных традиций взаимопонимания и дружбы народов, которые были так характерны на фоне суровых природных условий и общих проблем. Эти традиции остаются актуальными и реализуются до сих пор в Восточном Казахстане.

Ключевые слова: казачество, народ, казахи, колонизация, край, оседлость.

A. S. Zhukenov

S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TURKIC AND SLAVIC PEOPLES ON THE EXAMPLE OF EAST KAZAKHSTAN OF THE 19TH CENTURY

Abstract. This article will consider the rich ethnic population of East Kazakhstan of the 19th century, and will also pay attention to the reasons for the formation of the multiethnic community of the region. But the key topic will be the relationship between the two main dominant ethnolanguage nationalities, namely the Turks and Slavs. Examples of interpersonal relations in retrospect and the search for the roots of those folk traditions of mutual understanding and friendship of peoples that were so characteristic against the background of harsh natural conditions and common problems will be considered. These traditions remain relevant and are still being implemented in East Kazakhstan.

Keywords: Cossacks, people, Kazakhs, colonization, edge, settlement.

Изучение взаимоотношений между различными народами и культурами является важной задачей исторической науки. Особый интерес представляют отношения между тюркскими и славянскими народами, которые имеют долгую историю взаимодействия. Одним из регионов, где эти взаимоотношения были особенно заметны, является Восточный Казахстан. Выбор Восточного Казахстана и XIX века в качестве примера для исследования обусловлен несколькими факторами. Во-первых, этот регион был местом соприкосновения различных культур и народов, что делает его особенно интересным для изучения взаимодействия тюркских и славянских народов. Во-вторых, XIX век был периодом интенсивных изменений в этом регионе, связанных с увеличением русского населения и усилением влияния Российской империи. Именно в этот период происходили значительные изменения в культуре, экономике и политике Восточного Казахстана. Целью данной работы является изучение взаимоотношений тюркских и славянских народов в Восточном Казахстане в XIX веке. Для достижения этой цели будут рассмотрены культурные и социальные взаимодействия между этими народами. Особое внимание уделено формированию новой культурной и этнической идентичности, а также укреплению культурных связей. Изучение взаимоотношений тюркских и славянских народов в Восточном Казахстане в XIX веке имеет большое значение для понимания современных межнациональных отношений.

В процессе освоения края сложилась сложная демографическая ситуация, была нехватка населения. Основным субъектом освоения края служили казаки. Источником формирования линейного казачества был разношёрстный контингент, разные «штрафованные» и сосланные «за вины» люди: каторжники, ссыльные, преследовавшиеся за религиозные убеждения, государственные крестьяне, насильно зачислявшиеся в войско [1, с. 29]. В.З. Галиев отмечал, что первыми ссыльными в крае были декабристы [2, с. 29]. Однако несмотря на значимость и важность казачества для освоения и развития края, демографический рост казачества оставался невысоким. Это связано, в частности, с трудностями привлечения населения из других регионов и с ограниченными возможностями для удовлетворения потребностей населения. В то же время некоторые группы населения, такие как башкиры и джунгары, успешно интегрировались в казачество и вносили свой вклад в развитие края. Казаки выполняли роль охраны границы, защищая ее от нашествий и внешних угроз. Они также принимали участие в колонизации и освоении новых территорий, позволяя государству укреплять свою власть в крае. Существовала практика привлечения казахов на службу путем покупки детей у кочевников. Условия жизни казаков были суровыми. Особенно остро стоял вопрос с продовольствием, было очень мало земледельческого населения, хлеб привозился из сибирских уездов. Сибирская администрация в официальных документах демонизировала казахов, приписывая им повсеместный грабёж у крестьянского населения, но доводы администрации сомнительны лишь потому, что сами крестьяне не оказывали содействия горному начальству в вытеснении казахов. Поступали заявления в Усть-Каменогорский земской суд о том, что сами заводские крестьяне

просили разрешение на проживание киргизов (прим. казахов) в крестьянских селениях, на что Колывано-Воскресенское горное начальство заявляло, что подобные заявления принимать от крестьян строго воспрещается. При этом, по заверению начальника Колывано-Воскресенских заводов (1840–1847 гг.) С. П. Татаринова, живущие в крестьянских селениях киргизы не только не причиняют вреда, а напротив, нанимаются к ним в работы и содействуют в поддержании хозяйства [1, с. 100]. Он же узнал, что чиновники берут взятки с крестьян за право принимать казахов в свои селения. При всех трудностях в области сформировалась уникальная общность оседлых казахов, среди которых почти не было скотоводов. В крестьянских поселениях данная общность занималась не только наемным трудом, но и имела собственное хозяйство.

Совершенно уникальный синтез нескольких культур проявился у казачьего населения. Казаки, живя с киргизами (прим. казахами), перенимали не только язык, но и материальную культуру в виде одежды. Среди казаков также встречались потомки киргиз, калмыков, башкир и мордвы. Наблюдался уклон от европеоидного типа к монголоидному. Частным примером этого явления может служить происхождение известного белогвардейского генерала Л. Г. Корнилова, уроженца Усть-Каменогорска, мать которого, по одной из версий, была калмычкой, а отец — потомственным сибирским казаком. Это объясняется тем, что на пограничных сибирских линиях было очень мало русских женщин, как следствие, казаки брали жен из местного коренного населения.

Таким образом, можно сказать, что на территории Восточного Казахстана образовалась уникальная этнокультурная среда, объединяющая множество народностей, и особая ментальность, которая сложилась, в том числе, из-за наличия общих несчастий в лице суровых сибирских условий, беспощадных карательных мер со стороны государства, а также конфликта интересов. Особенности этнического населения края, вкупе со сложными условиями ссыльной жизни, дали в результате особую атмосферу исторического единства всего населения Восточного Казахстана уже в наше время. Сегодня Восточный Казахстан сохраняет свою историческую идентичность, которая выражается в народных праздниках, архитектуре и культурных мероприятиях. Люди этого региона гордятся своим наследием и стараются сохранить и передать его будущим поколениям. Благодаря этому культурные традиции и обычаи продолжают жить и развиваться в регионе. Это позволяет сохранять и преумножать культурное наследие Восточного Казахстана и дальше, обогащая нашу современную мультикультурную общественность.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеенко Н. В. История Восточного Казахстана в документах и материалах: Часть 1. С древнейших времен до 1917 г. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2006. — 156 с.
2. Галиев В. З. Влияние российского освободительного движения на общественно-политическую жизнь Казахстана в XIX веке.

Сведения об авторе: *Жукенов Алишер Серикович*, студент 2 курса по специальности «История» Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: alisher.zhukenov04@gmail.com

УДК 94:903] (574.42)

А. Қалымжан

Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ОБРАЗ ТЮРКСКОГО КАГАНА НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КУРГАНА ЕЛЕКЕ САЗЫ

Аннотация. В статье приводятся результаты археологических исследований, произведенных на культово-мемориальном комплексе Елеке сазы. Среди найденных в храме вещей выделяются образцы художественного творения древнетюркских мастеров-торевтов, в частности, элементы наборного пояса, которые определены как высшие знаки отличия и символы власти представителя элиты.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Тарбагатайский район, древнетюркская культура, Елеке Сазы, культово-поминальный комплекс, изображение кагана, тореvтика, трон, корона.

A. Kalymzhan

S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

THE IMAGE OF THE TURKIC KAGAN ON THE EXAMPLE OF THE ARCHAEOLOGICAL MATERIAL OF THE ELEKE SAZY MOUND

Abstract. The article presents the results of archaeological research carried out at the cult-memorial complex of Eleke sazy. Among the things found in the temple, samples of the artistic creation of ancient Turkic torrent masters stand out, in particular, elements of a typesetting belt, which are defined as the highest insignia and symbols of power of a representative.

Keywords: East Kazakhstan, Tarbagatai district, ancient Turkic culture, Eleke Sazy, cult and memorial complex, image of kagan, torevtika, throne, crown.

Подробно описана жанровая композиция на лицевой поверхности двух золотых бляшек наборного пояса, а именно, коронованная персона на зооморфном троне в канонической позе в сопровождении коленопреклоненных слуг. Кроме того, по отдельности рассматриваются атрибуты и элементы костюма персонажа. Особое внимание уделено трону, кубку, сложносоставной короне и двум ниспадающим с нее лентам. В целом, изображения на двух накладных бляшках трактуются как образы «великого кагана» из рода Ашина. Рассматриваемые бляшки с изображением кагана не находят точных аналогий в материалах средневековых памятников Евразийских степей и могут быть датированы периодом ранних тюрков. Материалы дополняют наши представления о материальной и художественной культуре населения древнетюркской эпохи.

В моей работе публикуются материалы, полученные Тарбагатайской археологической экспедицией под руководством З. Самашева в 2021 г. При исследовании культово-мемориального комплекса древнетюркского времени Елеке Сазы. Культово-мемориальный комплекс, расположен в Тарбагатайском районе Восточно-Казахстанской области (Республика Казахстан), в 95 км к югу-юго-западу от поселка Аксуат, на третьей надпойменной террасе правого берега реки Каргыба, на восточном участке могильного поля.

В целом исследование основано на изобразительном материале, который происходит с территории распространения раннесредневековой тюркской культуры. Поэтому для сравнения привлекаются и материалы с сопредельных территорий.

Стоит отметить, что некоторые элементы конструкции, зафиксированной в Восточном Казахстане, отличаются от сооружений «классических» барыков. У них, например, отсутствуют лабиринты-коридоры. Однако зафиксировано большое количество скульптурных изображений представителей различных социальных групп общества. Имеются также зооморфные и полиморфные

статуи с охранительными и иными символическими функциями. Считается, что такие комплексы символизируют структуру государственного устройства, в которой каган занимал важнейшее место.

Характеристика комплекса. Елеке Сазинский комплекс состоит из двуединого каменно-земляного сооружения. Центральный элемент-храм подквадратной в плане формы и примыкает к нему с восточной стороны сложносоставной «коридор», как выяснилось позже, с лабиринтом. Общая длина комплекса по направлению восток-запад составляет 90 м, максимальная ширина — 51 м. Основным элементом культово-поминального комплекса является грандиозный каменный храм, возведенный на прямоугольной платформе и обнесенный почти квадратной формы грунтовым валом. Сама форма храма напоминает (в нынешнем состоянии) усеченную пирамиду с четырьмя (или более) гранями, но за счет развала выглядела как округлое сооружение. На поверхности конструкции просматривалось воронкообразное углубление и слабые контуры прямоугольного сооружения. Основная масса вещей найдена внутри каменной ограды на дне храма, вперемешку с золой и мельчайшими кальцинированными костями и камнями. Это фрагментированные и целые предметы из золота, серебра, железа и кости. Среди них выделяются элитные и рядовые типы вещей, другие трудноопределимы. Вероятно, часть из них принадлежала умершему кагану, а другая оставлена участниками акта сожжения покойного как свидетельство сопричастности к таинству провода его бессмертной души и инобытие (в качестве воина, соратника?).

Золотые украшения, найденные внутри ограды на месте сожжения, относятся к комплектам наборных поясов. С учетом неординарных изображений на двух накладных бляшках, предположительно «великого кагана» (или каганов) из рода Ашина, следует определить наборные пояса как высшие знаки отличия и символы власти (Добжанский, 1990, с. 45–80). Рассмотрим эти изображения подробно.

Первая бляшка для подвешного ремня. Состояние бляшки, найденной на месте сожжения под крупным окатанным камнем, в целом удовлетворительное. Она состоит из (лицевой) накладки-оправы для подвешного ремня с рельефными изображениями, зажимной пластины, с оборотной стороны точно повторяющей ее контуры, гвоздей, с помощью которых прикрепляли изделие к лосе кожаного ремня.

Само изделие кроме золота включает в свой состав серебро, цинк, магний, свинец и немного меди (результаты спектрального анализа (табл. 1). Гвозди, что очень интересно, кроме золота содержат много серебра и цинка.

Общие контуры изделия сохранились неплохо, однако на лицевой части между изображениями трона и фигурой слуги слева образовалось повреждение, видимо, за счет сильно направленного огня, в виде расплавленного углубления с небольшим отверстием.

Бляшка имеет сегментовидное (портальное) очертание, края оформлены девятью лепестковидными выступами-фестонами с едва загнутыми в лицевую сторону тонкими бортиками. Длина — 3 см, ширина — 3,7 см, толщина — 0,3 см.

Верхние пять выступов-лепестков образуют некий «облачный» фон, напоминающий спинку трона с волнистыми контурами, украшенного растительными узорами в виде свисающих листьев и круглых плодов.

Два нижних боковых выступа преднамеренно выполнены заметно шире, чтобы на нем поместить изображения фигур еще двух персон, сидящих на коленях, очевидно, придворных или слуг.

В нижней части изделия имеется овально вытянутое отверстие — прорезь с закругленными углами для подвешного ремня, со слабым бортиком и треугольным выступом посередине. Прорезь имеет, как и некоторые образцы, в середине верхней части так называемый «мысок» (Распонова, 1980, с. 89). Последний элемент как бы завершает снизу вертикальную ось симметрии, идущую от «облака-лепестка» над короной кагана и завершающуюся на точке снизу, где соприкасаются пятки ног сидящего на троне персонажа.

На оборотной стороне изделия сохранились частично расплавленная огнем пластина для зажима кожаного ремня и золотые гвоздики-шпеньки, предназначенные для крепления бляшки к ремню. Архитектоника изделия проработана очень тщательно и строго подчинена основной задаче — изобразить на ограниченной поверхности прокламативный сюжет, наглядно раскрывающий сакральную природу власти в древнетюркском обществе через лаконичный, но строго реалистичный образ

коронованного государя, величаво восседающего на троне в канонизированной позе и в окружении подданных или слуг.

Изделия можно рассматривать с искусствоведческих позиций как произведения тюревтики малых форм с оригинальным антропоморфным декором (Король, 2008, с. 73). Далее рассмотрим атрибуты и элементы костюма персонажа по отдельности и жанровую композицию.

На голове кагана изображена сложносоставная корона — атрибут, являющийся сакральным символом легитимности и божественного происхождения неограниченной власти повелителя. В деле сакрализации власти у древних тюрков (равно как у многих других народов) короне как символу организованного по осям пространства принадлежит особая роль, поскольку она зримо выражает идею божественной воли, ниспосланного сверху права ее обладателю повелевать живущими на «бурой» земле.

На лобовой части короны расположен основной вертикальный щит с аркообразно закругленным верхом. Именно этот элемент является носителем основной семантической нагрузки и, возможно, был украшен ступенчатыми или лепесткообразными внешними выступами. В силу того, что изделия подверглось сильному воздействию огня, многие детали оказались расплавленными. Однако судя по традиционной для древнетюркской элиты символике, можно предположить, что передний щит мог быть украшен эмблемой в виде объемной фигуры птицы — феникса.

По бокам расположены два закругленных сверху зубца, заметно наклоненных в наружные стороны. Эти элементы обычно прикрепляются к широкой горизонтальной пластинчатой основе короны, которые во многих случаях богато инкрустируются и дополняются треугольными зубцами или бордюрными обрамлениями. Отличительной особенностью короны, изображенной на голове кагана, является то, что четвертый расположенный на задней части лепестковидный щит значительно превосходит по размерам все остальные, что придает данному сакральному атрибуту власти конструктивное своеобразие и особую семантическую значимость.

В этой связи интересным представляется зафиксированный в письменных источниках миф о сдавлении горла шелковой тканью во время интронизации претендента на престол (Бичурин, 1950, с. 299), т. е. включение в официальную эмблему государя такого элемента не носит сугубо декоративный характер, а имеет глубокий смысл, порожденный самой идеей о божественном происхождении самой власти и сложившимися в древнетюркском обществе способами её сакрализации. Если обряд символического удушения (лентой!) будущего повелителя и последующее обожествление его образа действительно имело место в древнетюркском обществе, то он мог быть заимствован из типологически близкого обряда избранничества в шаманстве.

Изображение ленты вокруг головы в виде некоего ореола придает композиции на бляшке из Елене сазы на Тарбагатае особую торжественность и в то же время подчеркивает небесное происхождение тюркского императора эпитетом «небоподобный, неборожденный».

Не исключено, что фигурно оформленная лента, пропущенная под подмышками кагана, скорее всего, кодифицирует явления в религиозно-мифологической системе древних тюрков, испытавших на этом этапе своего развития сильное влияние манихейского религиозно-философского учения и поднявшегося в ряде регионов тюркского мира на уровень государственной религии (Нуржанов, Терновская, 2020, с. 103; Стеблева, 1972, с. 213–220; Кызласов, 1999, с. 10–41).

Манера пропускать специальную цветную ленту через плечевой изгиб рук была характерна, судя по сюжетам настенных росписей Восточного Туркестана, для изображений божеств манихейского пантеона. Изображение древнетюркского кагана с такой символикой и в специфической иконографической манере церковной росписи уподобляет его манихейскому Верховному божеству.

Далее из предметных изображений отметим кубок для традиционного священного напитка в правой руке. Аналогичной формы сосуд известен в составе сокровища Бильге кагана. Наиболее интересный элемент всей жанровой композиции — трон. Древнетюркский император показан сидящим на троне, который является одним из главных атрибутов и символов его неограниченной сакральной власти.

С особой тщательностью выполнена вся передняя часть коня: голова, шея, грудь, передние ноги. Головы животных с острыми ушами показаны посаженными на изящные шеи с гривами; они направлены не вперед, как у типичных подлоктотников, а в противоположные стороны. Поэтому эти скульптурные изображения квалифицировать как подлоктотники, видимо, не следует. Возможно, основу данного типа трона составляют соединенные по горизонтали скульптуры передних частей жи-

вотных (лошадь, олень, баран и др.). В таком варианте само сидение покрывается шкурой зверя (возможно, барса, тигра). На бляшке из Елеке сазы трон тюркского императора изображен без спинки. Такие троны могли быть использованы в походных условиях и при проведении важных государственных мероприятий в ставках. Укажем на изображение аналогичного типа трона (со скульптурами передней части оленя с передними ногами копытцами) с накинутым на поверхность ковром на стеле Мунгут-хяса в Западной Монголии, впервые изученное Г. Н. Потаниным в 1876–1877 гг., заново скопированное Д. Баяром в 1996 г. (Баяр, 2007, с. 63–76).

Изображение из Монголии, возможно, демонстрирует особый (походный) вариант зооморфного типа трона без спинки. Можно было бы допустить, что ювелир на ограниченной поверхности изделия в целях оптимизации решил совместить изображение спинки трона с общей конфигурацией подвесной бляшки и что из-за трудности показать объемные подлокотники в перспективе мог развернуть скульптурные головы лошадей в профиль, в противоположные стороны. Однако более вероятным представляется то, что такие троны изначально не имели спинок, характерных для дворцовых приемов.

Из предметных изображений на этой бляшке отметим блюда в руках коленопреклоненных слуг в нижней части композиции. Заметим, что такие блюда имеются в составе клада из культово-мемориального комплекса Бильге кагана.

Вернемся к образу самого кагана, изображенному на лицевой поверхности подвески-бляшки от парадного пояса. Под короной просматриваются плотно заплетенные в косички волосы, которые падают на плечи. Заметно, что лицо кагана изначально было проработано очень тщательно с подчеркиванием его индивидуальных черт, но в результате воздействия сильного огня на поверхность изделия облик серьезно потускнел. В верхней части изображения можно увидеть слабые следы традиционного треугольного лацкана халата, также на поясе слабо просматриваются следы ремня и складок одежды. Ближе к коленям будто бы просматриваются раздвоенные полы халата. Явных признаков изображений оружия нет.

На бляшке зафиксирована каноническая поза властителя, выработанная для зримого восприятия его образа во время официальных приемов и иных церемоний. Особую выразительность и некоторую суровость динамичной фигуре повелителя придают положение согнутой в локтевом суставе левой руки, которая покоится на бедре и резко раздвинутые в стороны колени.

Складки выпущенных поверх голенища сапог брюк также усиливают восприятие благородного образа «небесного» кагана.

Образец роскошных парадных брюк с великолепными узорами и не заправленных в сапоги показан на скульптурном изображении персонажа из культово-мемориального комплекса на горе Шивэт уул на Орхоне, но особенно наглядно, с глубокими складками — на статуе из Огомора в Монголии. Вероятно, прототипами таких брюк являлись легкие широкие шаровары из шелковой ткани.

Вторая бляшка с изображением аналогичной композиции сильно повреждена — одна треть ее левой стороны расплавлена огнем и в результате полностью исчезли скульптурная голова лошади от трона и фигура коленопреклоненного персонажа с блюдом в руках, а также раздвоенные концы лент.

Однако на этой бляшке лучше сохранилось изображение трехрогой короны на голове кагана, которая имеет несколько иные конструктивные решения, нежели у персонажа, запечатленного на первой бляшке. Здесь лучше видны очертания лица, брови и глаз, но основание носа и подборок немного расплывчаты. Четко видны свисающие с головы до плеч волосы и местами закрученные фрагменты косичек. Ступни ног кагана показаны направленными в противоположные стороны, на рисунке четко просматриваются высокие каблуки и слегка заостренные носки обуви. Едва приподнятые носки сапог будто бы упираются с обеих сторон на опущенные концы шкур зверей, которыми покрыта поверхность седловины зооморфного трона.

Фигуры двух слуг (символы «кара будуна»?), помещенные в нижней части композиции и по сторонам отверстия для ремня, наглядно демонстрируют эпизод придворной церемонии подношения повелителю, сидя на одном колене, важного содержимого на блюде. Изображение облика коронованного кагана на троне и коленопреклоненных людей, возможно, являлось общеимперским символом. Можно предположить, что такую эмблему обязаны были иметь при себе высшие титулованные лица государства в той или иной форме (медальон на шее, на груди, перстень, наборный пояс и т. д.).

Интересно, что при разделении империи на десять уделов Шаболио Хилаши каган дал каждому шаду-правителю в качестве символа власти по одной (возможно, золотой) стреле, и отсюда китайское название «десять Ше» (Бичурин, 1950, с. 286), т. е. «страна десяти стрел» (Кычанов, 2010, с. 128). Следовательно, можно допустить, что в качестве символа власти удельные правителя ягбу, шад (анализ титулатуры см.: Кюннер, 1961, с. 327, 328; Кубатин, 2016) могли получить из рук императора Он ок эли, кроме золотой стрелы, и золотой пояс с изображениями великих каганов из дома Ашина (или с собственным изображением?).

Наборный пояс с изображениями «великих каганов», вероятно, являлся инвеститурным предметом, получаемым младшими каганами при вступлении в должность (кагана удела) из рук повелителя — Он ок эли. Ставка последнего, вероятно, находилось в Суябе и на Мынбулаке (Цянь-цюань), в районе Тараза или Мерке, после переноса его каганом Тун Шеху (Тон-ябгу) (Бичурин, 1950, с. 283, 284).

Добавим, что монетная чеканка некоторых правителей Он ок эли (преимущественно в областях Среднеазиатского Междуречья) от собственного имени и с изображениями позволяет предполагать возможность изготовления подобного рода продукции в государстве, при наличии политической воли. На монете одного из самых ярких правителей Он ок эли, упомянутого выше Тун ябгу, имелось оригинальное изображение, которое интерпретируется Г. Бабаяровым как «Божественный Тун джагбу-каган», что очень важно и для анализа иконографии Елекесазинских каганских изображений на зооморфном троне (Бабаяров, Кубатин, 2014, с. 62–69; Тишин, 2021, с. 140–144).

Заключение: Вопрос, какие исторические личности изображены на золотых бляшках наборного пояса из Елеке сазы, пока остается открытым. Можно предположить, что изображены личности, божественный образ которых, безусловно, признавался и почитался во всем древнетюркском мире. Среди найденных в храме предметов выделяются образцы высочайшего искусства тюркских мастеров, особенно сюжетные композиции с изображениями на ограниченных поверхностях коронованных персон на зооморфном троне в канонизированных позах, в сопровождении коленопреклоненных слуг и других мотивов, с великолепной демонстрацией иконографии образа повелителя, его изысканного костюма и элементов государственной атрибутики, подчеркивающих сакральность его образа. Эти и другие произведения художественной культуры, предметы оружия и быта, найденные в храме Елекесазинского культово-мемориального комплекса, представляют собой новый исторический источник, необходимый для разработки актуальных проблем социально-политического устройства государства, религиозных воззрений, придворных церемоний, разноплановых связей средневековых степных империй в пространстве.

Елекесазинский памятник является пока первым в Казахстане «каганско-княжеского» облика культово-поминальным сооружением, на котором начаты научные исследования.

Список использованных источников и литературы

1. Нүсіпова А., Мухамедчинов А., Самашев З., Төлеубаев Ә. Алтай түркі әлемінің алтын бесігі // Сборник материалов международной конференции: ст. сб. / под ред. Даниал Ахметов. — Өскемен, 2019. — 247 с.
2. Мухамедчинов А., Ахметжан Н., Самашев З., Төлеубаев Ә. Алтай түркі әлемінің алтын бесігі // Сборник материалов международной конференции: ст. сб. / под ред. Даниал Ахметов. — Өскемен, 2021. — 178 с.
3. Ахметжан Н., Самашев З., Төлеубаев Ә. Алтай түркі әлемінің алтын бесігі // Сборник материалов международной конференции: ст. сб. / под ред. Даниал Ахметов. — Өскемен, 2022. — 264 с.
4. Асылбеков Мұхаметбек Қасымханұлы. — «Тарбағатай», Өскемен, 2020. — 317 с.
5. URL: https://www.academia.edu/87340319/%D0%9A_%D0%92%D0%9E%D0%9F%D0%A0%D0%9E%D0%A1%D0%A3_%D0%9E_%D0%A1%D0%90%D0%9A%D0%A0%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%90%D0%A6%D0%98%D0%98_%D0%9E%D0%91%D0%A0%D0%90%D0%97%D0%90_%D0%9A%D0%90%D0%93%D0%90%D0%9D%D0%90? f_ri=24306

Сведения об авторе: Қалымжан Айнұр, студентка 2 курса Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: k. ainura0705@gmail.com

УДК 930.85 (574.42)

*Д. Қайрғазы, Д. Талапов**Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)*

ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА И РОССИЙСКОГО АЛТАЯ

Аннотация. В данной статье описывается исследование Берельских курганов, которые были долго в изучении З. Самашева на протяжении нескольких лет, а также накопленная информация в виде материальных данных, которые показывают нам всю большую культуру того периода. На основе этих данных мы можем видеть, что на территории Берельских курганов также присутствует пазырыкская культура, которая своеобразна по сравнению с пазырыкской культурой на территории Северного Алтая.

Ключевые слова: Сак, скиф, Пазырык, Берел, большой Катон, чумы, могильник Башадар, Грифон, Ер-Турман, Республика Алтай, пазырыкская культура, пазырыкские чумы, царские чумы, Монголия, Восточный Казахстан, Средняя Азия, номады, сакские погребения, культ грифона.

*D. Kayrgazy, D. Talapov**S. Amanzholov East Kazakhstan University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)*

PAZYRYK CULTURE ON THE TERRITORY OF EASTERN KAZAKHSTAN AND RUSSIAN ALTAI

Abstract. This article describes the study of the Berel mounds, which were studied for a long time by Z. Samashev over several years, as well as accumulated information in the form of material data that show us the entire great culture of that period, and based on this data we can see what on the territory of the Berel mounds there is also a Pazyryk culture, which is unique in comparison with the Pazyryk culture in the territory of northern Altai.

Keywords: Sak, Scythian, Pazyryk, Berel, Great Cato, plagues, burial ground Bashadar, Griffin, Er-Turman, Altai Republic, Pazyryk culture, Pazyryk plagues, royal plagues, Mongolia, Eastern Kazakhstan, Central Asia, nomads, Saka burials, griffin cult.

Берельские курганы, исследованные З.С. Самашевым в 1998–2011 гг., расположены на территории Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, в семи километрах к юго-западу от одноименного села, на третьей цикловой террасе р. Бухтарма, в непосредственной близости от высокогорного плато Укок, Монгольского Алтая и Синьцзяня.

Для исследования на могильнике нами был выбран самый крупный объект, который впоследствии вошел в историю науки как Берельский курган № 11, где в условиях вечной мерзлоты сохранились в неплохом состоянии образцы художественных произведений и другие артефакты, которые оказались особо ценными для реконструкции погребально-поминальной обрядности, мировоззрения и разработки многих аспектов хозяйственной деятельности древних кочевников.

Под каменным сооружением Берельских курганов термические условия отложений резко отличаются от естественной обстановки. Здесь возникают условия, способствующие глубокому сезонному промерзанию, формированию перелетков и даже маломощных массивов вечной (многолетней) мерзлоты, которую обычно именуют подкурганной мерзлотой. Она была исследована Казахстанской высокогорной лабораторией Института мерзлотоведения Якутского научного центра СО РАН.

Общим для большинства курганов Береля является то, что умершие были положены на дне глубокой погребальной камеры в саркофаги-колоды, заключенные в срубы или в деревянные рамы (1–3 венца), на спину, головами были ориентированы на восток; их сопровождали от 1 до 17 лошадей, заупокойная пища, предметы вооружения и быта. Сруб с колодой внутри располагался вплотную

к южной стенке, а так называемый «конский отсек» — с северной стороны сруба, ближе к северной стенке погребальной камеры (рис. 1). Предварительные результаты молекулярно-генетических и антропологических исследований человеческих останков в кургане № 11 показали смешанный антропологический тип мужчины: в нем присутствуют и европеоидный и монголоидный компоненты.

Пролом, зафиксированный в теменной части черепа мужчины, и многочисленные сросшиеся переломы на ребрах и позвонках свидетельствуют о суровой воинской жизни мужчины и о том, что, вероятно, он умер не своей смертью. Трепанационное отверстие диаметром около 70 мм на черепе мужчины является наиболее очевидным свидетельством посмертных манипуляций с телом. Древние берельцы применяли ртуть для бальзамирования тел погребаемых. В ходе медико-биологических исследований останков и мягких тканей мужчины выявлены некоторые заболевания.

Интересные предположения генетиков касаются возраста и родственных связей погребенных: женщина была несколько старше мужчины, возраст которого определен в интервале от 30 до 40 лет. Полагают, что мужчина и женщина являлись близкими родственниками: в большей степени вероятности — сыном и матерью, а в меньшей — братом и сестрой. При палинологическом анализе содержимого пищеварительного тракта некоторых лошадей были обнаружены остатки хвоинок, фрагменты стеблей злаков, волокна луба. По предварительному заключению палинологов, захоронение было произведено в начале лета. Вещевой комплекс Береля: состав и содержание. Найденные в курганах Береля артефакты можно сгруппировать по нескольким категориям: культовые изделия, костюм, предметы бытового и хозяйственного назначения, конское снаряжение. Круг изобразительных мотивов художественных изделий из Берельских курганов определяется образами реальных животных и фантастических существ, а также растительными узорами. Иногда встречаются сильно стилизованные зооморфные образы.

Специфика художественных изделий из погребальных памятников состоит в том, что они, независимо от того использовались или нет в реальной жизни, предназначены для осуществления определенного ритуала, предписанного существующими в социуме нормами религиозно-обрядовых процедур при подготовке умершего к новой жизни и к переходу его из мира живых в мир мертвых, что предусматривает перекодировки их прежнего знаково-понятийного содержания как образов-изображений и превращения их в новый текст (мифологический), для расшифровки которого требуется уже иной ключ.

Ясно, что и при искусствоведческом подходе к изучению образов художественно оформленных «курганных» вещей необходим учет контекста погребально-поминальной обрядности и религиозного воззрения создателей конкретной археологической культуры, конкретной исторической эпохи. Из художественных образов, использовавшихся в декоре берельских изделий, наиболее заметен образ «грифона». Во многих случаях грифонами обычно называются все художественные образы, которые не соответствуют природному прототипу, или, в зависимости от преобладания тех или иных признаков (иконических элементов), к этому определению (обозначению) добавляются качественные характеристики, например, орлиноголовый грифон (хотя все грифоны грифо- или орлиноголовые), тигрогрифон, лосегрифон, конегрифон и т. д.

Основной морфологической константой художественного образа грифона как сложного знакового комплекса являются клюв и крылья хищной птицы — грифа или орла, а изображение туловища того или иного животного может меняться и определяется в зависимости от функционального назначения вещи и мифоритуального контекста. Грифа, природную хищную птицу, нельзя отождествлять с порожденным человеческой фантазией чудовищем — грифоном и его иконическим знаком в произведениях декоративно-прикладного искусства. Мифологический и художественный образы грифона, видимо, претерпели, по мере распространения в другие этнокультурные зоны, существенную трансформацию от мирного до агрессивного. Образ грифона в мифологии и искусстве у центральноазиатских кочевников формируется, по-видимому, не раньше VII–VI вв. до н. э. (если не путать его с протомами хищных птиц в раннесакских памятниках), а полный расцвет и всплеск, с различными вариациями его трактовки, согласно данным элитных и рядовых пазырыкских курганов Горного Алтая и Береля в Казахском Алтае, относится к IV–III вв. до н. э.

Вполне возможно, что классический вариант образа грифона — «собаки Зевса» — с телом льва и головой хищной птицы в мифологии античной Греции сформировался под воздействием мифо-

ритуального комплекса кочевых народов Алтайской горной системы, скорее всего, после VI в. до н. э. Предметов культового назначения, найденных в берельских курганах, — единицы. Сакрально-магический атрибут, символ верховной власти — штандарт, пока единственный предмет, оформленный в виде скульптурного образа синкретического существа грифона — тело хищника с хвостом, крыльями и клювом птицы, т. е. в том виде, каким его восприняли близкие соседи пазырыкцев и отдаленные народы. Сейчас очень сложно выяснить, почему древние берельцы выбрали в качестве главного государственного символа синкретический образ тигрогрифона? Гриф — огромная, парящая (в поисках падали) неизменно над людьми (зверями и домашним скотом) хищная птица. Постоянное присутствие грифа в зримом пространственно-временном континууме могло породить в мифопоэтическом сознании живущих в горнодолинных и степных просторах людей (скотоводов, горняков и металлургов) представление о грифе, как о всемогущем небесном покровителе земных богатств (в том числе, например, золотодобывающих приисков), о его фантастических инкарнациях — кошачьих хищниках, копытных и др. Другая ипостась грифона — кошачий хищник, тигр, быстрый, ловкий и грозный земной зверь, также занимала в мифологическом сознании соответствующее место. Когда в вербальной характеристике ассоциированного мифологического образа (грифона) вышеуказанные свойства природных прототипов получают уже целостное оформление как устойчивая система взаимосвязей, то через определенное время происходит его художественное воплощение, в том числе и в виде так называемого «зооморфного превращения». Когда этот образ становится уже всеобъемлющим фактором духовной сферы жизнедеятельности социума, он превращается в эмблему общества.

Миниатюрные деревянные, плакированные тонким золотом фигурки синкретических зооантропоморфных существ с телом хищного зверя и с человеческой головой, квалифицируемые как сфинксы, могли украшать церемониально-погребальное облачение, скорее, женщины. Наличие одной центральной фигурки с двумя соединенными вместе звериными туловищами при одной общей голове, посаженной на шею, которая «вырастает» вверх с места стыка тел, и нескольких отдельных статуэток с право- и левосторонними корпусами позволяет предполагать, что костюм женщины включал компонент, состоявший из набора нескольких таких миниатюрных полиморфных существ. Образ «сфинкса» присутствует и среди аппликаций седельных покрышек. Декор деталей амуниции коней состоит из образов, типичных для пазырыкского декоративно-прикладного искусства: изображений реальных представителей фаунистического комплекса Алтая (рогатых копытных — оленей, лосей, архаров и различных хищников, а также птиц, рыбы и др.) и вымышленных персонажей, сочетающих видовые признаки нескольких природных прототипов животных и даже с чертами антропоморфизма.

В убранстве животных строго выдерживался определенный принцип, направленный на то, чтобы придать каждому коню свой особенный образ. Концы некоторых псалиев и развилки оформлены в виде полных фигур в профиль или частями этих существ в технике низкого рельефа.

Изображения сцен терзания относятся к числу доминирующих в изобразительном искусстве кочевников. Полнофигурные сцены терзания вырезаны техникой низкого рельефа на двух разновеликих прямоугольных плакетках из кургана № 11, которые, видимо, являлись украшениями деталей седельных принадлежностей. Среди изображений синкретических существ особое место принадлежит полиморфным существам с антропо-, зоо-, орнитоморфными признаками, запечатленным на войлочной покрышке одного из седел в кургане № 10. Самым примечательным элементом художественного образа существа является строго профильная голова бородатого антропоморфа, увенчанная серповидно изогнутыми рогами горного козла, и маленькое, но выразительное ухо. Двойственная природа существа подчеркнута тем, что задняя половина тела окрашена в красный цвет, а передняя — в синий. Видимо, такое цветовое противопоставление не случайно.

Человеческая голова с рогами и ушами горного козла у рассматриваемого существа в свете гипотезы зооморфных превращений может быть трактована не как простая трансформация образа хищника, а как изображение маски: не человек имеет звериное тело, а зверь имеет человеческую маску. Это фрагмент, скорее всего, многофигурной композиции (возможно, построенной по принципу симметрии). Одним из загадочных образов, использованных пазырыкскими мастерами для воплощения своих художественных замыслов, является петух. Вероятно, необычные природные качества петуха — разноцветная окраска тела и гребешка, способность к пению в конкретные суточные ци-

клы и другие особенности предопределили возникновение и популярность его образа в мифологии и в изобразительной деятельности различных народов.

Природа мифологического образа петуха изначально амбивалентна: наряду со способностью видеть первым зарю и возвещать своим криком наступление дневного цикла, со связью с солнцем и огненной стихией, плодovitостью, с женским началом, охранительными функциями и другими, он символизирует смерть и тьму, а также воскресение из мертвых и перевоплощение. Поэтому его образ обычно рассматривают в контексте моделирования всего комплекса «жизнь — смерть — новое рождение». Именно в таком контексте, видимо, представлен образ петуха на аппликациях покрывал двух седел из кургана № 10. Явно «непрестижный» для номада ихтиоморфный образ почему-то стабильно присутствует в искусстве и идеологии у многих кочевых народов во всем поясе евразийских степей, начиная с раннесакского времени. Естественно, водная сфера и ее обитатели в древности породили у людей различные ассоциации и мифопредставления, которые отразились в их религии и в художественном творчестве.

В кургане № 11 найдена седельная подвеска в виде рыбы из нескольких кусочков тончайшего войлока, соединенных между собой аккуратными швами. По бокам расположено три пары плавников. Изображение идентифицируется как сильно стилизованный таймень или налим.

Таким образом, рассмотренные нами великолепные образцы художественной культуры, связанные со сложной системой погребально-поминальной обрядности, демонстрируют высокий уровень мастерства древних резчиков, художников и специфическое отражение в них мифопоэтического образа мышления, религиозного верования и в целом мировоззрения древних кочевников Казахского Алтая. Природно-климатические условия Казахского Алтая способствовали в первую очередь ведению коневодства, основанного на круглогодичном содержании на подножном корме, как ведущей формы скотоводческого хозяйства у берельцев. В курганах Береля зафиксировано более 80 костных останков лошадей.

Пазырыкское кочевническое общество Алтайской горной системы, более самодостаточное, чем царство северопричерноморских скифов, которое оказалось непосредственно втянутым в орбиту античного культурного комплекса, в изучаемый период, перешагнув стадию «суперсложного вождества», находилось на уровне ранней государственности конфедеративного устройства. Во главе такой конфедерации (с конца VI в. до н. э. до конца III в. до н. э.) поочередно могли находиться лидеры («цари») сначала Туэкта-Башадарского альянса, затем собственно Пазырыкского и на последнем этапе существования государственности — Берельского, которые, в свою очередь, имели местные структуры, управляемые своими вождями. Такая схема развития пазырыкского «единого потестарнополитического образования» возможна в случае признания формирования пазырыкской культурной общности на базе развития «местного раннекочевнического культурного комплекса», для которого воздействие внешних катализаторов (Китай, Ахеменидская Персия или другие, в том числе и земледельческие центры), по-видимому, не является непременным консолидирующим условием.

Предположение Л. С. Марсадолова о происхождении пазырыкской культуры в результате проникновения на Алтай переднеазиатских «изгнанников-киммерийцев», которые, вытеснив или покорив местных, в том числе майэмирские племена, распространили здесь свой культурный комплекс, основано на формальном сходстве некоторых элементов погребальной обрядности и категорий вещей, не вытекает из реального состояния изученности проблематики, поэтому пока не может быть всерьез воспринято [Марсадолов, 2000, с. 35–36].

Два кургана некрополя — № 1 и 11, выделяются среди известных на сегодняшний день памятников Алтая по параметрам и расположению в пространстве могильного поля, соответствующим обрядом погребения, набором обязательных и престижных вещей, бронзовыми позолоченными скульптурами грифов — символов принадлежности к правящему «золотому роду», инсигнией власти — штандартом, а также сопроводительными захоронениями самого большого количества коней (17 и 13 соответственно), и могут быть квалифицированы как «царские».

Здесь нужно оговориться, что наличие погребений элиты общества рядом с царскими курганами пазырыкцев отражает, в отличие от Герры «царских скифов» Северного Причерноморья, специфику сложившейся структуры власти у древних кочевников Алтая, основанной действительно на дина-

стейных традициях, но не является показателем «догосударственного характера их потестарно-политической системы» [Васютин, 2002, с. 63–71].

Б. Дженито, который попытался разобраться в сложной природе социальных связей номадов от нуклеарной семьи как базовой единицы через линиджи, кланы до вершины этой пирамиды во главе с царем (и его родом), отмечает, что сложно археологически отслеживать различия между вожжеством, сложным вожжеством и ранней государственностью (постплеменной, предгосударственной и даже «имперской») при разработке глобальных научных проблем, связанных с социальной организацией кочевников [Дженито, 1994, с. 11–14]. Курган № 1, судя по дендрохронологии и радиоуглеродным данным, старше кургана № 11. Следовательно, человека, погребенного под курганом № 1, при решении некоторых вопросов, связанных с синхронизацией пазырыкских памятников, можно считать первым царем-объединителем алтайских племен в единое государство в IV (возможно, V) в. до н. э. После его смерти (через несколько десятилетий) к власти пришел человек, погребенный под курганом № 11, который представлял либо прежний правящий Дом, либо его другую ветвь, либо иной, но близкородственный кочевой клан. В этой связи отметим интересное мнение Д. Е. Ануфриева (поддержанное С. А. Васютиным, А. А. Тишкиным и П. К. Дашковским и др.) о возможности существования на Алтае в это время нескольких политарных центров номадов, среди которых предлагается выделить Бухтарминскую группу вокруг курганов Береля [Ануфриев, 1997, с. 110].

Таким образом, в ходе изучения данной темы мы опираясь на исследование З. С. Самашева, а также других ученых и исследователей, смогли наглядно показать, что на территории Берельских курганов есть многочисленные археологические доказательства того, что на этой территории так же была развита пазырыкская культура, а также изучили ее исключительные качества и сходства с пазырыкской культурой на территории Северного Алтая.

Список использованных источников и литературы

1. Алтайское чудо, пазырыкская культура, Берельский некрополь: об исследовании Берельского некрополя Катон-Карагайского района, привлекающего внимание всего мира / Самашев З. Е. // Казахская литература. — 2000.
2. Древний ер-Турман: находка Сакского племени в раскопках, найденных в курганах Пазырык, Шибин, Караколь, об орнаментах и кузнечном искусстве на основе тотема / Омирбекова М. // Жұлдыз. — 2004. — № 9. — Б. 158–163 б.
3. Роль лошади в истории ранних кочевников / Ж. Курбанали // Казахская история. — 2021. — № 5. — С. 2–5.
4. Могильник топкаин. С раннего железного века / А. Сарбасов // Устинка. — 2021. — 18 февраля. — С. 52.
5. Культура народа Горного Алтая в скифскую эпоху / С. И. Руденко; АН СССР, Институт истории материальной культуры. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 401, [2] с.
6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazahskiy-altay-v-kontekste-etnosotsiokulturnyh-protssessov-v-tsentralnoy-azii-vo-vtoroy-pолоvine-i-tys-do-n-e-po-materialam/viewer>

Сведения об авторах: *Талапов Дамир Тохтарханұлы*, студент 2 курса Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: damirtalapov19@gmail.com

Қайрғазы Дулат Талғатұлы, студент 2 курса Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: dulat_talgatov@icloud.com

ПРОГРАММА

III Международного Алтаистического форума

«Единство славянских и тюркских народов в истории и современности»

(18–20 октября 2023 г., г. Барнаул)

18 октября, среда	
Прибытие участников Форума, трансфер из аэропортов, размещение в гостиницах. Информация о мероприятиях этого дня находится у волонтеров и размещена на сайте Форума	
11.00–14.00	Экскурсионная программа по г. Барнаулу.
14.00–16.00	Посещение Южно-Сибирского ботанического сада АлтГУ и питомника редких птиц (соколов-балабанов) «Алтай-Фалькон»
17.30–18.30	Встречи с учеными Алтайского государственного университета, посещение научно-образовательных центров, лабораторий. Открытие Художественной выставки «Сказание о Большом Алтае» (Галерея Universum АлтГУ, ул. Димитрова, 66) Открытие новой экспозиции: «Древние всадники Алтая: материалы предтюркского и тюркского времени» в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ. (ул. Димитрова, 66, ауд. 111)
19.00	Ужин для прибывших участников. Ужин для ВИП-участников (по отдельной программе).
19 октября, четверг	
08.30–09.30	Завтрак по месту проживания. Отъезд к месту проведения Форума. (Фойе концертного зала АлтГУ, ул. Димитрова, 66)
09.30–10.30	Регистрация участников. Выдача материалов Форума (Фойе концертного зала АлтГУ, ул. Димитрова, 66)
09.30–11.00	Осмотр: — Выставочная экспозиция научной деятельности Алтайского государственного университета; — Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ; — Художественная выставка «Сказание о Большом Алтае». Пресс-подход.
11.00–11.20	Демонстрация фильма о деятельности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» и итогах археологических экспедиций. Тожеественное открытие Форума Ссылка на онлайн подключение https://events.webinar.ru/44931547/875498694 Модераторы: ЗЕМЛЮКОВ Сергей Валентинович — руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Президент Алтайского государственного университета, д. ю. н., профессор (Барнаул); МАДЖИДОВ Ином Уришевич — ректор Национального университета Республики Узбекистан им. Мирзо Улугбека, д. т. н., профессор (Ташкент). Приветствия: ТОМЕНКО Виктор Петрович — Губернатор Алтайского края (возможно, с оглашением приветствия Президента Российской Федерации). КАСМАМБЕТОВ Суйунбек Сапарбекович — Государственный секретарь Кыргызской Республики. Оглашение приветствия Министра науки и высшего образования Российской Федерации ФАЛЬКОВА Валерия Николаевича (уточняется). БОЧАРОВ Сергей Николаевич — ректор Алтайского государственного университета

11.20–12.40	Выступления: Регламент 10 мин.
12.40–13.30	АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович — директор Института востоковедения РАН, д. и. н. (Москва). Тема: «Концепция славяно-тюркского единства с точки зрения многомерного подхода». МАДЖИДОВ Ином Уришевич — ректор Национального университета Республики Узбекистан им. Мирзо Улугбека, д. т. н., профессор (Ташкент). Тема: «Взаимоотношение — цивилизационное наследие и геополитическая ценность». МОЛОДИН Вячеслав Иванович — академик РАН, д. и. н., советник директора Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Тема: «Новейшие открытия памятников наскального искусства в Монгольском Алтае». ЖАНБОСИНОВА Альбина Советовна — д. и. н., профессор Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева (Астана). Тема: «Цивилизационный феномен русско-тюркских взаимоотношений: единство и перспективы». ГРУШИН Сергей Петрович — заместитель руководителя НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» АлтГУ, д. и. н., профессор (Барнаул). Тема: «Основные результаты научной деятельности НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» за 2022–2023 гг.» АХМЕТОВА Лайла Сейсембековна — д. и. н., профессор Казахского национального университета им. Аль Фараби (Алматы). Тема: «Медийное отражение славяно-тюркского взаимодействия в Центральной Азии». ДЬЕНИ Габор — доктор кафедры истории Восточной Европы и русистики Университет имени Лорана Этвёша (Будапешт). Тема: «Венгерская общественная мысль о роли тюркского компонента в этнической истории мадьяр». Презентация I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.» Регламент 5 мин. Вступительное слово: ЗЕМЛЮКОВ Сергей Валентинович — руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Президент Алтайского государственного университета, д. ю. н., профессор. Выступления: КАСМАМБЕТОВ Суйунбек Сапарбекович — Государственный секретарь Кыргызской Республики МОЛОДИН Вячеслав Иванович — академик РАН, д. и. н., Советник директора Института археологии и этнографии СО РАН, ответственный редактор I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.». От авторского коллектива: ТАБАЛДИЕВ Кубатбек Шакиевич — д. и. н., профессор Кыргызско-Турецкого университета Манас (Бишкек), автор I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.». САДЫРОВА Замира Тентиевна — к. и. н., доцент, Кыргызская государственная академия физической культуры и спорта Б. Турусбекова (Бишкек), автор I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.». РОГОЖИНСКИЙ Алексей Евгеньевич — к. и. н., ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы), автор I тома Летописи тюркской цивилизации «Тюркский мир в VI–XII вв.».
13.30–13.40	Протокольное фотографирование
13.40–14.30	Обед для участников. Обед для ВИП-участников (по отдельной программе).
14.30–17.30	Работа секций.
14.30–16.00	Экспертная сессия: «Концепция историко-культурного единства славянских и тюркских народов как основа современных интеграционных процессов в регионе Евразии». Место проведения: Зал заседаний Ученого совета, Димитрова, 66 Ссылка на онлайн-подключение: https://events.webinar.ru/43071415/1502646710 Модераторы: САДЫКОВ Канат Жалилович — советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, к. фил. н., доцент (Бишкек). МОСОЛОВА Любовь Михайловна — д. иск., профессор кафедры теории и истории культуры РГПУ им. А. Герцена (Санкт-Петербург). ЛЫСЕНКО Юлия Александровна — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», д. и. н., профессор Алтайского государственного университета (Барнаул). Спикеры: МАРАХИМОВ Авазжон Рахимович — ректор Термезского государственного университета, д. т. н., профессор (Термез). ИМОМЗОДА Мухаммадусуф Сайдалиевич — член-корреспондент Академии наук Республики Таджикистан, д. фил. н., профессор, филиала МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе (Душанбе).

ШАЙДУЛАЕВ Алишер Шапулатович — руководитель департамента международных отношений Термезского государственного университета (Термез).

ИБРАГИМОВ Жамаладен Ибрагимович — д. ю. н., профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана).

НЕХВЯДОВИЧ Лариса Ивановна — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», директор Института гуманитарных наук АлтГУ, д. иск., профессор (Барнаул).

ЗЕМЛЮКОВ Сергей Валентинович — руководитель НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», д. ю. н., профессор, Президент Алтайского государственного университета (Барнаул).

РАХИМОВ Ганишер Худойкулович — ректор Денауского института педагогики и предпринимательства Самаркандского государственного университета (Денау).

МУРЗГАЛИЕВ Радик Ишкалиевич — к. пол. н., директор Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (Уфа).

КУРОЛОВ Кобулжон Кулманович — д. э. н., директор Отраслевого центра повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров при Ташкентском государственном техническом университете (Ташкент).

СЕКЦИЯ 1. РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 1Д

Ссылка на онлайн-подключение

<https://events.webinar.ru/45135083/377181590>

Модераторы:

Грушин Сергей Петрович — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

Табалдиев Кубатбек Шакиевич — доктор исторических наук, профессор Кыргызско-Турецкого университета Манас (Бишкек, Кыргызстан)

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН (Москва, Россия)

Спикеры:

НАУЧНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ПРОЕКТНОЙ ГРУППЫ «АРХЕОЛОГИЯ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»

Грушин Сергей Петрович, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, доктор исторических наук (Барнаул, Россия)

СЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кызласов Игорь Леонидович, профессор Института археологии РАН, доктор исторических наук (Москва, Россия)

ТЮРКСКИЙ КОМПОНЕНТ В АРХИТЕКТУРНОМ НАСЛЕДИИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ (В АСПЕКТЕ КАЗАХСТАНСКО-ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ СВЯЗЕЙ)

Мухтар Бакадырулы Кожа, профессор, главный научный сотрудник Института археологии Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави, доктор исторических наук (Туркестан, Казахстан)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, профессор Кыргызско-Турецкого университета Манас, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ПАМЯТНИКИ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА (СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

Мерц Илья Викторович, Павлодарский государственный университет им. Торайгырова, кандидат исторических наук (Павлодар, Казахстан)

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ: ЛОКАЛИЗАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ДАТИРОВКА

Рогожинский Алексей Евгеньевич, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой, преподаватель Ховдского государственного университета, кандидат исторических наук (Ховд, Монголия)

УЙГУРСКОЕ ГОРОДИЩЕ БАЙ-БАЛЫК (РЕСПУБЛИКА МОНГОЛИЯ): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Измайлов Искандер Лерунович, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук (Казань, Россия)

КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СОГДА И ФЕРГАНЫ С КОРОЛЕВСТВОМ СИЛЛИ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Эргашев Одил Турсунович, доцент, зав. кафедрой археологии Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова, PhD (Ташкент, Узбекистан)

ИЗОБРАЖЕНИЯ ТЮРОК-ТУГЮ НА СТАТУАРНЫХ И ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ АЛТАЯ

Кубарев Глеб Владимирович, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск, Россия)

КОМПЛЕКС СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТАМГА-ПЕТРОГЛИФОВ В ДОЛИНЕ АЛМАЛЫ (ЧУ-ИЛИЙСКИЕ ГОРЫ, СЕМИРЕЧЬЕ)

Калдыбаева Гауаскир Аскарровна, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан); **Рогожинский Алексей Евгеньевич**, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

МАТЕРИАЛЫ КУРГАНА № 12 ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ МОГИЛЬНИКА УЛ-БЕДАРИ

Васютин Сергей Александрович, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

ТЮРКСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ПАМЯТНИКАХ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ VII–VIII ВВ.

Сайберт Виолетта Олеговна, старший преподаватель Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)

О МЕСТЕ «КУЛЬТУРЫ МАЛЫХ ДОМОВ» В ПЕРИОДИЗАЦИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ ЯКУТИИ

Кириянов Николай Сергеевич, руководитель Музея арктической археологии им. С. А. Федосеевой АНИЦ Республики Саха, кандидат исторических наук (Якутск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XIV–XVIII ВВ.) В ДОЛИНЕ ЭРКЭЭНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ

Бурцев Семён Александрович, ведущий методист Музея археологии и этнографии Северо-Восточного Федерального университета (Якутск, Россия)

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЯКУТОВ XIV–XVIII ВВ.

Иванов Артём Анатольевич, лаборант-исследователь Арктического научно-исследовательского центра Республики Саха (Якутск, Россия)

ПРИЗНАКИ ПЕРЕЖИТОЧНОГО НЕОЛИТА В КЕРАМИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЯКУТИИ

Охлоков Валерий Васильевич, лаборант-исследователь ГБУ Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутск, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ АРТЕФАКТОВ С ТЕРРИТОРИИ КУЗБАССА (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА № 19 МОГИЛЬНИКА САПОГОВО)

Пилипенко Сергей Алексеевич, преподаватель Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия);

Жадаева Анна Владимировна, преподаватель Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия);

Башмакова Кристина Евгеньевна, преподаватель Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В IV–VIII ВВ Н. Э.

Алексеева Валерия Евгеньевна, лаборант-исследователь НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СКОТОВОДЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ АЛТАЯ НА РУБЕЖЕ II И I ДО Н. Э.

Папин Дмитрий Валентинович, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Алтайский государственный университет, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)

К ВОПРОСУ О «НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» В СЕВЕРНОМ КИТАЕ: III В. Н. Э.

Шульга Даниил Петрович, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС, доктор исторических наук (Новосибирск, Россия)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ИЗУЧЕНИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

Казаков Александр Альбертович, доцент Барнаульского юридического института МВД РФ, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)

ПОГРЕБЕНИЕ В КАМЕННОМ ЯЩИКЕ САКСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА ТАРМАЛ-САЗ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Акматав Кунбулут Токтосунович, преподаватель Кыргызско-Турецкого университета Манас, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан);

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, профессор Кыргызско-Турецкого университета Манас, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан).

ОПЫТ СОЗДАНИЯ И ПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЕКТА «ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ „БОЛЬШОЙ АЛТАЙ — ПРАРОДИНА ТЮРКОВ“»

Фролов Ярослав Владимирович, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ ТЮРКСКИХ МАТЕРИАЛОВ: АРТЕФАКТ, КУРГАН, ИЗВАЯНИЕ

Бондаренко Сергей Юрьевич, доцент, директор Центра информационных технологий Алтайского государственного аграрного университета, кандидат технических наук (Барнаул, Россия)

СЕКЦИЯ 2. «СЛАВЯНСКИЕ И ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ».

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 205 Д

Ссылка на онлайн-подключение:

<https://events.webinar.ru/56990973/1920172200>

Модераторы:

Лысенко Юлия Александровна — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», зав. кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета, доктор исторических наук (Барнаул, Россия)

Омурова Жамийкат Орозобековна — зав. кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор исторических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Беляков Андрей Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия)

Зайцев Илья Владимирович — заместитель Генерального директора Государственного музея Востока, доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия)

СПИКЕРЫ

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД И НОВОЕ ВРЕМЯ В РАМКАХ НОЦ АЛТАИСТИКИ И ТЮРКОЛОГИИ «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Лысенко Юлия Александровна, руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», зав. кафедрой востоковедения Алтайского государственного университета. доктор исторических наук (Барнаул, Россия)

НОВЫЕ НАХОДКИ ПО ИСТОРИИ ИСФИДЖАБА — САЙРАМА: «НАСАБ-НАМЕ» И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Бобояров Гайбулла Боллиевич, руководитель Центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, доктор исторических наук (Ташкент, Узбекистан)

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ, ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ КАРАХАНИДСКОГО КАГАНАТА

Садырова Замира Тентиевна, доцент Кыргызской государственной академии физической культуры и спорта им. Б. Турусбекова, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

СКИФЫ — ИРАНЦЫ ИЛИ ПРОТОТЮРКИ: НАУЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ И ФОЛК-ИСТОРИИ

Кокоулин Владислав Геннадьевич, главный редактор Научно-исторического журнала «Сибирский Архив» (Новосибирск, Россия)

САДРИ МАКСУДИ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВАХ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Дуйшеев Женишбек Аматысакович, профессор Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова, кандидат исторических наук (Джалал-Абад, Кыргызстан);

Абакирова Т. Т., Международный университет им. К. Ш. Токтомаматова (Джалал-Абад, Кыргызстан)

«КЫРГЫЗСКОЕ ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ» В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ НАРОДОВ АЛТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Джаманкулова Кульжамал Тологоновна, профессор кафедры кыргызского языкознания Кыргызского Национального университета имени Ж. Баласагына, доктор филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

7. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Овезнепесова Т., аспирант Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

СЦЕНАРИИ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАТИ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РОССИИ КОНЦА XV–XVII ВВ.

Беляков Андрей Васильевич, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва, Россия)

СУДЬБЫ НАСЛЕДНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ: ТАТАРСКИЕ ХАНСТВА В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И АЗИИ

Зайцев Илья Владимирович, заместитель Генерального директора Государственного музея Востока, доктор исторических наук, профессор РАН (Москва, Россия)

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ КАЗАХСКИХ ЧИНГИЗИДОВ С ПРАВЯЩИМИ ЭЛИТАМИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (XVI–XVII ВВ.)

Атыгаев Нурлан Адильбекович, кандидат исторических наук, Центральный государственный музей Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА РУССКО-АБОРИГЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В XVII В.

Шерстова Людмила Ивановна, профессор Томского государственного университета, доктор исторических наук (Томск, Россия)

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ АЛТАИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Салихов Радик Римович, директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук (Казань, Россия)

ЕЩЕ РАЗ О ХЭЙЛУНЦЗЯНСКИХ (УЕЗД ФУ-ЮЙ, КНР) КЫРГЫЗАХ

Каратаев Олжобай Каратаевич, профессор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ ПРАВИТЕЛЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Картова Зауре Кенесовна, доцент Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, кандидат исторических наук (Петропавловск, Казахстан);

Абуов Нурболат Аскерович, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Северо-Казахстанского университета им. М. Козыбаева, кандидат исторических наук (Петропавловск, Казахстан)

ТЮРКОЛОГИЯ КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ РОССИЙСКО-ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Сулейманов Артур Рамильевич, кандидат политических наук Центра геополитических исследований «Берлек-Единство» (Уфа, Россия)

ПОДГОТОВКА КОРПУСА ПАМЯТНИКОВ ТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ИЗ БАССЕЙНА ЕНИСЕЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Васильев Александр Дмитриевич, заведующий отделом истории Востока Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук (Москва, Россия)

ПОСОЛЬСТВО ХАНА АБЛАЯ К РОССИЙСКОМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ДВОРУ

Гундова Ольга Евгеньевна, старший преподаватель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ВЗГЛЯДЫ ЧИНОВНИКОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА КИРГИЗОВ ПАМИРА И ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ (90-Е ГГ. XIX В. — 1917 Г.)

Махмудов Ойбек Анварович, доцент Национального университета им. Улугбека, кандидат исторических наук (Ташкент, Узбекистан)

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Зиновьев Василий Павлович, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор исторических наук (Томск, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕХОДА КРЕЩЕННЫХ МУСУЛЬМАН ИЗ ПРАВОСЛАВИЯ В ИСЛАМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия);

Варшавская Наталья Александровна, лаборант отдела НИОКР Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия);

Шершнев Дмитрий Викторович, лаборант отдела НИОКР Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВЕТСКОМ КЫРГЫЗСТАНЕ (1946–1950-Е ГГ.)

Орозахунова Замира Жумабековна, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Ельцина, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ТЮРКСКИЙ МИР: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Жанбосинова Альбина Советовна, профессор Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева, доктор исторических наук (Астана, Казахстан)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИНТЕГРАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Омурова Жамыйкат Орозбековна, заведующий кафедрой регионоведения и кыргызоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сагитов Салават Талгатович, ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

«ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА»: СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Чемчиева Аржана Петровна, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат философских наук (Новосибирск, Россия)

СТАБИЛЬНОСТЬ «БОЛЬШОГО АЛТАЯ» КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР И РОССИИ

Воронько Антон Олегович, магистр Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ: ИНТЕГРАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Шаршембиева Таалай Султановна, сотрудник Центра социальных исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, кандидат социологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

РОЛЬ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО, ГЕОПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Эсенгулова Айтунук Мелисовна, студент Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН

Калиев Азамат Сайитович, доцент Международного университета им. К. Ш. Токтомаматова, кандидат исторических наук (Жалал-Абад, Кыргызстан);

Мырзабаева Н. С., Международный Университет им. К. Ш. Токтомаматова (Жалал-Абад, Кыргызстан)

МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Шейшенов Айдар Таалайбекович, преподаватель кафедры истории стран Азии и Африки Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ОБЩИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ — ПРОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ СЕГОДНЯШНЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Рахимов Ганишер Худойкулович, ректор Денауского института педагогики и предпринимательства (Денау, Узбекистан)

НЕЗАВИСИМЫЙ, НЕЙТРАЛЬНЫЙ ТУРКМЕНИСТАН — ВОЗРОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В НОВУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Курбанов Хан-Дурды, заместитель директора по научной работе Института истории и археологии Академии наук Туркменистана, кандидат исторических наук (Ашхабад, Туркменистан)

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ТУРКМЕНСКОГО БЕГЛИКА ДАНЫШМЕНДИДОВ

Куллаев М., соискатель Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

НОВЫЙ ЭТАП ТУРКМЕНО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯ (1991–2022)

Таганов Д., аспирант Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

ДВУСТОРОННИЕ И МНОГОСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ ТУРКМЕНИСТАНА С НЕЙТРАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

ЕВРОПЫ

Оразов И., соискатель Института международных отношений Министерства иностранных дел Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан)

СЕКЦИЯ 3. «ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 111Д

Ссылка на онлайн-подключение:

<https://events.webinar.ru/45284361/1663695256>

Модераторы:

Васильев Антон Александрович — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», доктор юридических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Борубашов Бекбосун Ишенбекович — заведующий кафедрой международного и конституционного права КРСУ им. Б. Н. Ельцина, Советник Президента Кыргызской Республики, доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович — профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Астана, Казахстан)

Спикеры:**КАЗАХСКОЕ ПРАВО НАСЛЕДИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ****Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович**, профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Астана, Казахстан)**СТАБИЛЬНОСТЬ «БОЛЬШОГО АЛТАЯ» КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР И РОССИИ****Воронько Антон Олегович**, магистр Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск, Россия)**ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И БОЛЬШОГО АЛТАЯ****Рехтина Ирина Владимировна**, зав. кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета, доктор юридических наук (Барнаул, Россия)**ПРАВО НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ЕГО НЕЗАПАДНОЕ ДОКТРИНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ****Дудин Павел Николаевич**, доцент Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, доктор исторических наук, доктор политических наук (Улан-Удэ, Россия)**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН****Сорокин Виталий Викторович**, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук (Барнаул, Россия)**К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И СУДЕ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ****Аюпова Зауре Каримовна**, профессор Казахского национального аграрного университета, доктор юридических наук (Алматы, Казахстан)**ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ АЛЬ-ФАРАБИ****Зеленин Юрий Александрович**, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КЫРГЫЗСТАНА К РОССИИ****Борубашов Бекбосун Ишенбекович**, профессор Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, доктор юридических наук (Бишкек, Кыргызстан)**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ИТОГИ 30-ЛЕТИЯ****Момошева Назира Керимбековна**, доцент Института истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СИМБИОЗ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЕ****Васильев Антон Александрович**, зав. кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук (Барнаул, Россия)**СЕКЦИЯ 4. «ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»****Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 208 Д****Ссылка на онлайн-подключение:**<https://events.webinar.ru/56990893/531156825>**Модераторы:****Асанканов Абылабек Асанканович** — академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)**Нехвядович Лариса Ивановна** — руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», директор-заместитель ректора института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, доктор искусствоведения (Барнаул, Россия)**Назаров Иван Иванович** — директор института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)**Спикеры:****ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЕКТНОЙ ГРУППЫ «ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ БОЛЬШОГО АЛТАЯ»****Нехвядович Лариса Ивановна**, директор-заместитель ректора института гуманитарных наук Алтайского государственного университета, руководитель проектной группы НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», доктор искусствоведения (Барнаул, Россия)**ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ И КЫРГЫЗОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮЖНОМ АЛТАЕ. ИЮЛЬ-АВГУСТ 2022 Г.)****Асанканов Абылабек Асанканович**, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)**О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ И КЫРГЫЗОВ В РАМКАХ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»****Назаров Иван Иванович**, директор института истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Барнаул, Россия)**РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ: ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ****Алымкулова Сынару Кадыровна**, профессор Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА****Басакова Ирина Владимировна**, доцент кафедры экономики, туризма и прикладной информатики Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Горно-Алтайск, Россия)**КАЛЕНДАРНАЯ ОБЯДНОСТЬ И КУЛЬТ ГОР В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ АЛТАЙЦЕВ И КОРЕЙЦЕВ****Анчина Сырга Валерьевна**, младший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова / Томский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ И АЛТАЙЦЕВ

Кадыров Авдинаби Аззамбаевич, профессор кафедры истории и права Баткенского государственного университета, кандидат исторических наук (Баткен, Кыргызстан)

Таиров Кубанычбек, старший преподаватель Баткенского государственного университета, кандидат исторических наук (Баткен, Кыргызстан)

ТЮРКСКОЕ НАСЛЕДИЕ УЗБЕКИСТАНА: ВИРТУАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В РАМКАХ ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ»

Мухитдинов Алим Изатулаевич, начальник научного отдела Научно-исследовательского института развития туризма Комитета по туризму при Министерстве экологии, охраны окружающей среды и изменения климата Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Мухамедов Шухрат Бахранович, главный специалист Научно-исследовательского института развития туризма Комитета по туризму при Министерстве экологии, охраны окружающей среды и изменения климата Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ДОМОВ В ЮЖНОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

Маразыков Нурабидин, доцент Ошского государственного университета, кандидат исторических наук (Ош, Кыргызстан)

Садыкова Максатай, преподаватель, Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан)

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАК КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Нечаева Анна Сергеевна, доцент кафедры искусств Алтайского государственного университета, кандидат искусствоведения (Барнаул, Россия)

ОРНАМЕНТ КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА

Шайгозова Жанерке Наурызбаевна, ассоц. профессор кафедры «Художественного образования» Института искусств, культуры и спорта Казахского национального педагогического университета имени Абая, кандидат педагогических наук (Алматы, Казахстан)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ

Дамдынчап Вера Монгушевна, заведующая кафедрой всеобщей истории, археологии документоведения Тувинского государственного университета, кандидат исторических наук (Кызыл, Россия)

ГОЛОВНОЙ УБОР В КОСТЮМНОМ КОМПЛЕКСЕ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Бацына Оксана Александровна, доцент кафедры искусств Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ПАРАЛЛЕЛИ ТРАДИЦИОННЫХ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ КЫРГЫЗОВ И У ТУРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Айтбаев Тажибай Акматович, преподаватель Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан)

РОЛЬ СУБПРОДУКТОВ В ПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Торушев Эркем Геннадьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, кандидат исторических наук (Горно-Алтайск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ БОЛЬШОГО АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ А. П. ЩЕТИНИНА)

Мелехова Ксения Александровна, доцент кафедры искусств Алтайского государственного университета, кандидат искусствоведения (Барнаул, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ КАЗАХСТАНА

Ибрагимов Аман Илесович, ассоц. профессор кафедры «Художественного образования» Института искусств, культуры и спорта Казахского национального педагогического университета имени Абая, кандидат педагогических наук (Алматы, Казахстан)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖНИКА В. Г. ТЕБЕКОВА

Черняева Ирина Валерьевна, зав. кафедрой искусств Алтайского государственного университета, кандидат искусствоведения (Барнаул, Россия)

ИНФОРМАЦИЯ О ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АЛТАЙЦЕВ В ФОНДАХ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 1978 Г.

Мигранова Эльза Венеровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знака Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

О ТРАНСФОРМАЦИИ МАРКЕРОВ СЕОКА-РОДА У АЛТАЙЦЕВ

Тадина Надежда Алексеевна, доцент кафедры истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук (Горно-Алтайск, Россия)

Ябыштаев Тенгис Степанович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ И НАРОДОВ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ОДЕЖДЫ XIX–XX ВЕКОВ)

Момунбаева Назира Соорбековна, ведущий научный сотрудник, Национальный исторический музей Кыргызской Республики, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КЫРГЫЗОВ С ЮЖНЫМИ АЛТАЙЦАМИ

Жолдошов Рыскул, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Кыргызской Республики, директор центра кыргызоведения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ ХЛОПКОВОДСТВА В АРХИВАХ ТОРГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА)

Мирзаев Авазбек, старший преподаватель Андижанского государственного университета, доктор философии по историческим наукам (PhD) (Андижан, Узбекистан)

ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МУЖСКИХ ОДЕЖД СРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЯНДЖИ КАК ПОКАЗАТЕЛЯ ОБЩЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, ученый секретарь Гянджинского отделения Национальной академии наук Азербайджана (Азербайджан, г. Гянджа)

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО КОВРОТКАЧЕСТВО КЫРГЫЗОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧОН-АЛАЙСКОГО РАЙОНА КЫРГЫЗСТАНА)

Сатыбалдиева Чыныхан Топчубаевна, доцент Ошского государственного университета, кандидат исторических наук (Ош, Кыргызстан)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОДЕЖДЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ТРАДИЦИОННОГО КЫРГЫЗСКОГО КОСТЮМА

Максытова Гулнара Турсунбаевна, доцент Ошского государственного университета, кандидат технических наук (Ош, Кыргызстан)

Турдубаева Зура Акматовна, доцент Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан)

Эркинказы Айзада, магистрант Ошского государственного университета (Ош, Кыргызстан)

ОСОБЕННОСТИ КОВРОТКАЧЕСТВА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Кандилян Ани Кандиловна, магистрант кафедры искусств Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

Неборская Анна Сергеевна, преподаватель кафедры искусств, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ КЫРГЫЗСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИГР КАК СРЕДСТВА ВСЕСТОРОННЕГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Осмонова Самара Курбаналиевна, доцент Ошского государственного университета, кандидат исторических наук (Ош, Кыргызстан)

ПРИЧИТАНИЕ КАК ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ, НАШЕДШИЙ ОТРАЖЕНИЕ В КИРГИЗСКИХ КОННЫХ ИГРАХ

Анарбекова Венера Эркинбековна, заведующая кафедрой Естественно-гуманитарных дисциплин Центрально-Азиатского международного медицинского университета, кандидат исторических наук (Джалал-Абад, Кыргызстан)

РОЛЬ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Арзыкулова Айзада Жыргалбековна, студентка Института истории и регионоведения Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

МЕСТО ЛАКАЙСКИХ ЛОШАДЕЙ В РАЗВИТИИ ОБЩЕТЮРКСКОГО КОНЕВОДСТВА

Назаров Насриддин Атакулович, профессор Университета образования Renaissance, доктор исторических, философских и политических наук (Ташкент, Узбекистан)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКЕ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ КАЗАХСКОЙ ССР В 1930-Е гг.

Рахматулина Евгения Юрьевна, зам. директора Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника, кандидат исторических наук (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ПРИРОДА МОНГОЛИИ В ТВОРЧЕСТВЕ НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ МИХАИЛА БУДКЕЕВА

Будкеев Сергей Михайлович, профессор кафедры искусств Алтайского государственного университета, доктор искусствоведения (Барнаул, Россия)

Усанова Алла Леонидовна, профессор кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, доктор искусствоведения (Барнаул, Россия)

СЕКЦИЯ 5. «ЯЗЫКИ НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 403Д

Ссылка на онлайн-подключение:

<https://events.webinar.ru/45284385/288203885>

Модераторы:

Силантьев Игорь Витальевич, член-корреспондент РАН, директор Института филологии СО РАН, доктор филологических наук (Новосибирск, Россия)

Омонов Кудратулла Шарипович, первый проректор Ташкентского государственного университета востоковедения, ученый тюрколог, доктор филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

Шаймердинова Нуриля Габбасовна, профессор Евразийского национального университета им. Л. Гумилева, доктор филологических наук (Астана, Казахстан)

Спикеры:

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНСТИТУТА ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Силантьев Игорь Витальевич, член-корр. РАН, директор Института филологии СО, доктор филологических наук (Новосибирск, Россия)

В. ТОМСЕН И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Шаймердинова Нуриля Габбасовна, профессор Евразийского государственного университета им. Л. Гумилева, доктор филологических наук (Нур-Султан, Казахстан)

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ РАВЕНСТВА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Невская Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, доктор филологических наук, ассоциированный профессор Франкфуртского университета (Новосибирск, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНА «СИБИРЬ» // «ИБИРЬ»

Кязимов Кямран Шахверан оглу, проректор по социальным вопросам, профессор Лянкяранского государственного университета, доктор филологических наук (Лянкяран, Азербайджан)

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СИБИРСКИХ ТЮРКОВ И МОНГОЛОВ. СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ РАВЕНСТВА В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Озонава Айяна Алексеевна, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук (Новосибирск, Россия)

МОДЕЛИ ДВИЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Тюнтешева Елена Валерьевна, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ТЕЛЕУТОВ ПО ДАННЫМ ИНТОНАЦИИ

Шестера Елена Александровна, преподаватель Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия)

ТИПЫ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИИ СТАРОТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Омонов Кудратулла Шарипович, первый проректор Ташкентского государственного университета востоковедения, ученый тюрколог, доктор филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИМЕНИ ДЕЙСТВИЯ В АЛТАЙСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Тыдыкова Надежда Николаевна, старший научный сотрудник НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЫСТУПЛЕНИЙ ТУРЕЦКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Шабанов Джумали Казимович, декан факультета тюркологии, доцент Ташкентского государственного университета Востоковедения, кандидат филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

КАРЛУКИ И ИХ ЯЗЫК

Сафаров Рахмоил Исмоилович, научный сотрудник Таджикского национального университета, кандидат исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

НАЗВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК, ПАСТБИЩ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ)

Тазранова Алена Робертовна, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук (Новосибирск, Россия)

СТРУКТУРА БАЗЫ ДАННЫХ «ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ И ОТТОПОНИМНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЛТАЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.»

Дмитриева Лидия Михайловна, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

Аникин Денис Владимирович, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ АДЪЕКТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА)

Злобина Юлия Игоревна, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (Барнаул, Россия)

Сорокина Мария Олеговна, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (Барнаул, Россия)

ТОПОНИМЫ АЛТАЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Титова Марина Владимировна, доцент кафедры русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (Барнаул, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ СИБИРИ

Байыр-оол Азияна Витальевна, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук (Новосибирск, Россия)

Федина Наталья Никитовна, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук (Новосибирск, Россия)

Шагдурова Ольга Юрьевна, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук (Новосибирск, Россия)

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ АРХИТЕКТУРЫ СТУДЕНТОВ РЕГИОНА БОЛЬШОЙ АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО И КАЗАХСКОГО ЯЗЫКОВ)

Киба Олег Александрович, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

АЛТАЙ КАК ТОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Тозыякова Ирина Александровна, магистр Горно-алтайского государственного университета (Горно-Алтайск, Россия)

ЯЗЫКИ ТЮРКСКОЙ СЕМЬИ: ДВИЖЕНИЕ В КООРДИНАТАХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Каксин Андрей Данилович, ведущий научный сотрудник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, доктор филологических наук (Абакан, Россия)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, профессор Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, доктор филологических наук (Кызыл, Россия)

КВАЛИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ АЛТАЙСКОЙ ТЕОРИИ

Мирвари Исмаилова Аббас гызы, профессор, зав. отделением Тюркологического центра, доктор филологических наук (Баку, Азербайджан)

ОБ АКТУАЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ АЛТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Чумакаев Алексей Эдуардович, заместитель директора, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова, кандидат филологических наук (Горно-Алтайск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КЫРГЫЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Токтогулова Гулжамал Тыныбековна, доцент Жалал-Абадский государственный университет имени Б. Осмона, кандидат философских наук (Джалал-Абад, Кыргызстан)

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ВВОДНОЙ ФОРМУЛЫ ПАМЯТНИКОВ В ЧЕСТЬ КУЛЬ-ТИГИНА И БИЛЬГЕ-КАГАНА

Садыков Касимджан Позилович, профессор кафедры Классической филологии, тюрколог, специалист по древним тюркским письменностям Ташкентского государственного университета Востоковедения, доктор филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

НА КРЫЛЬЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Омурзакова Жылдыз Кубанычбековна, проректор по учебной работе и развитию государственного языка Международного университета Кыргызской Республики, кандидат исторических наук, доцент (Бишкек Кыргызстан)

РУНИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АЛТАЯ В ТРУДАХ В. М. НАДЕЛЯЕВА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОСИБИРСКОЙ ТЮРКСКОЙ ФОНЕТИКИ

Селютин Ираида Яковлевна, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН, доктор филологических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

БИЛИНГВИЗМ В ЧАТКАЛЬСКОЙ ДОЛИНЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бикбулатова Аниса Рифовна, профессор кафедры археологии, этнологии, источниковедения и историографии Института истории и регионоведения Кыргызского Национального университета им. Ж. Баласагына, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

Омурзакова Жылдыз Кубанычбековна, проректор по учебной работе и развитию государственного языка Международного университета Кыргызстана, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ТОПОНИМИКА АЛТАЯ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА УЛАЛУ

Кравцов Константин Сергеевич, доцент института общей физики им. А. М. Прохорова РАН Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор PhD (Москва, Россия)

ТОПОНИМИКА АЛТАЯ

Турилова Мария Валерьевна, независимый исследователь, кандидат филологических наук (Калуга, Россия)

ТАТАРСКО-РУССКИЕ СЛОВАРИ XIX ВЕКА КАК ДОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Юсупова Альфия Шавкетовна, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского федерального университета, доктор филологических наук (Казань, Россия)

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИИ МОНГОЛЬСКОЙ ЧАСТИ СЛОВАРЯ «МУКАДДИМАТ АЛ-АДАБ»

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна, и. о. зав. кафедрой филологии Центральной Азии Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, кандидат филологических наук (Улан-Удэ, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Буряченко Татьяна Ивановна, доцент межфакультетской кафедры русского языка Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В НАЗВАНИЯХ ТРАДИЦИОННОЙ ПИЩИ В АЛТАЙСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Конурбаева Роза Эсенамановна, ученый секретарь Отделения общественных наук Национальной академии наук Кыргызской Республики, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ЕДИНСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ

Аманов Мердан Эсенгулыевич, старший преподаватель Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ашгабат, Туркменистан)

НАИМЕНОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ВОДА» В ТУРЕЦКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Алшейхо Газала, аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И УСИЛИЯ ПО ЕГО СОХРАНЕНИЮ У НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Мелис Ипек Гокджен, аспирант Томского государственного университета (Томск, Россия)

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТУРКМЕН С АЙНАМИ

Злайха Оразова, старший преподаватель Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ташкент, Узбекистан)

ВЫРАЖЕНИЕ ВКУСОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Салчак Аэлиа Яковлевна, доцент Тувинского государственного университета, кандидат филологических наук (Кызыл, Россия)

ПРОДУКТЫ КОНЕВОДСТВА И ИХ НАЗВАНИЯ В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Алишина Ханиса Чавдатовна, профессор кафедры языкознания и литературоведения Томского государственного университета, директор центра тюркологии, доктор филологических наук (Тюмень, Россия)

Усманова Минсылу Губайтовна, профессор кафедры башкирского языка Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор филологических наук (Уфа, Россия)

Трофимова Светлана Менкеновна, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, доктор филологических наук (Элиста, Россия)

СЕКЦИЯ 6. «ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 207Д

Ссылка на онлайн-подключение:

<https://events.webinar.ru/45277127/430162816>

Модераторы:

Мосолова Любовь Михайловна — профессор кафедры теории и истории культуры Российский государственный педагогический университет им. А. Герцена, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург, Россия)

Садыков Канат Жалилович — советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

Садалова Тамара Михайловна — ответственный секретарь Алтайского отделения Российской комиссии по делам ЮНЕСКО, доктор филологических наук (Горно-Алтайск, Россия)

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭПИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Мосолова Любовь Михайловна, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор искусствоведения (Санкт-Петербург, Россия)

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА НАРОДОВ

Попов Евгений Александрович, профессор кафедры социологии и конфликтологии Алтайского государственного университета, доктор философских наук (Барнаул, Россия)

ЭПИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ: К ВОПРОСУ О ТЮРКО-СЛАВЯНСКОМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЕДИНСТВЕ

Жерносенко Ирина Александровна, и. о. зав. кафедрой музеологии и туризма Алтайского государственного института культуры, доктор философских наук (Барнаул, Россия)

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

Крейдун Юрий Александрович, проректор по научной работе Барнаульской Духовной семинарии, профессор кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, доктор искусствоведения (Барнаул, Россия)

СПЕЦИФИКА ЭПИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА В ТЕКСТЕ ЭПОСА «МАНАС»

Садыков Канат Жалилович, профессор, советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласыгана, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

АЛПАМЫШ — УЗБЕКСКИЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Мусурманов Эркин Раббимович, директор Научно-исследовательского центра культурного и литературного наследия народов Великого шелкового пути Самаркандского государственного университета, доктор филологических наук (Самарканд, Узбекистан)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ЭПИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ДУХОВНЫЙ КАМЕРТОН РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Балакина Елена Ивановна, доцент кафедры культурологии и дизайна Алтайского государственного университета, кандидат культурологии (Барнаул, Россия)

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ, ОТРАЗИВШИХСЯ В ИЗМЕНЕНИЯХ В ОБРАЗАХ КОСМОГОНИЧЕСКИХ И ДЕМОНИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Садалова Тамара Михайловна, профессор Горно-Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Горно-Алтайск, Россия)

ЛЕКСИКА ПРОМЫСЛОВ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЮЖНОГО АЛТАЯ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ БАЗОВОГО СУБКОНЦЕПТА «ТРУД» РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (РЕКОНСТРУКЦИЯ НА ОСНОВЕ ОЧЕРКА Г.Н. ПОТАНИНА «ПОЛГОДА В АЛТАЕ»)

Чернышова Татьяна Владимировна, и. о. зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРА» В АЛТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Трубникова Юлия Витольдовна, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЕТАФОРЫ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА МАТЕРИ В РОМАНЕ Е. АЙПИНА «БОЖЬЯ МАТЕРЬ В КРОВАВЫХ СНЕГАХ»

Ануфриева Галина Васильевна, профессор кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

МИФ КАК СПОСОБ САКРАЛИЗАЦИИ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ

Белкина Анастасия Павловна, аспирант кафедры культурологии и дизайна Института гуманитарных наук Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

МИФЫ И СКАЗКИ В ОЧЕРКЕ Н. М. ЯДРИНЦЕВА ОБ АЛТАЕ («НА ОБЕТОВАННЫХ ЗЕМЛЯХ»)

Гребнева Марина Павловна, профессор Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

ШУКШИНСКИЙ СЛОЙ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РОМАНАХ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН», «ЧАГИН»

Десятов Вячеслав Владимирович, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, доктор филологических наук (Барнаул, Россия)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА УЛАЛУ

Сарбашева Сурна Борисовна, декан факультета тюркологии и алтаистики Горно-Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (Горно-Алтайск, Россия)

ОСНОВНАЯ МИССИЯ ВСЕМИРНОГО ФОРУМА СКАЗИТЕЛЕЙ

Бакчиев Талантаалы Алымбекович, президент государственного учреждения Национальной академии «Манас» Кыргызской Республики, доктор филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ОБЩИЕ И СХОДНЫЕ МОТИВЫ В УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ БАШКИР И АЛТАЙЦЕВ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Хуббидинова Нэркэс Ахметовна, главный научный сотрудник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, доктор филологических наук (Уфа, Россия)

ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОГО БАШКИРСКОГО РОМАНА

Алибаев Заки Арсланович, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат филологических наук (Уфа, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПОВЕСТИ МАРАБАЙДЖИЕВА «ОДНАЖДЫ ОЧЕНЬ ДАВНО»

Шерматова Саадат Нурлановна, заведующий отделом академической мобильности учебного управления Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ИНТЕРВЬЮ Ч. АЙТМАТОВА В ПРЕССЕ КЫРГЫЗСТАНА

Тюмонбаев Айбек Рабаевич, старший преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ТВОРЧЕСТВО МАМБЕТТУРДУ МАМБЕТАКУНА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА КЫРГЫЗОВ, ЖИВУЩИХ В КИТАЕ

Турдубаева Назгуль Шаршеналиевна, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОСА ГЕРОГЛЫ У РАЗНЫХ НАРОДОВ

Аллабаева Кумуш Батыровна, старший преподаватель Туркменского государственного архитектурно-строительного института (Ташкент, Узбекистан)

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЯ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Место проведения: ул. Димитрова, 66, ауд. 402

Ссылка на онлайн-подключение:

<https://events.webinar.ru/44935385/1585520390>

Модераторы:

Ковалева Алла Владимировна — заведующая кафедрой медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, доктор социологических наук (Барнаул, Россия)

Джунушалиева Гульмира Дженишевна — зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Ковалева Алла Владимировна, заведующая кафедрой медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, доктор социологических наук (Барнаул, Россия)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ СТРАН БОЛЬШОГО АЛТАЯ: СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ В СМИ

Джунушалиева Гульмира Дженишевна, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, доктор исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ТЕНДЕНЦИИ ОСВЕЩЕНИЯ СЛАВЯНО-ТЮРКСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Ковалева Алла Владимировна, заведующая кафедрой медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, доктор социологических наук (Барнаул, Россия)

ВОПРОСЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В МАССМЕДИА УЗБЕКИСТАНА: ПОДХОДЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И РЕШЕНИЯ

Маматова Якутхон Мухамаджоновна, профессор Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, доктор филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ)

Ахметова Лайла Сейсембековна, профессор Казахского национального университета им. Аль-Фараби, доктор исторических наук (Алматы, Казахстан)

ОСВЕЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЕКТА «БОЛЬШОЙ АЛТАЙ» В МЕДИА КЫРГЫЗСТАНА

Костюк Ширин Аалиевна, директор института журналистики и коммуникаций Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат социологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСТАНА

МаксUTOва Бегайым Борукуловна, зав. кафедрой рекламного дела и связей с общественностью Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ГЕНДЕРНЫЕ КОЛЛИЗИИ В СОВРЕМЕННОМ КИНО УЗБЕКИСТАНА

Мирсоатова Махлиа Собировна, декан факультета журналистики Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, кандидат филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

ТЕХНОЛОГИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Комиссарова Людмила Михайловна, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, кандидат филологических наук (Барнаул, Россия)

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ В КОММУНИКАЦИЯХ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Кот Алена Вячеславовна, ассистент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ В МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Василенко Ирина Александровна, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, кандидат социологических наук (Барнаул, Россия)

АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ ТЮРКО-СЛАВЯНСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СТРАН СНГ

Михайлов Алексей Валерианович, заведующий кафедрой общественных связей Сибирского университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, кандидат филологических наук (Красноярск, Россия);

Михайлова Татьяна Витальевна, доцент Сибирского университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, кандидат филологических наук (Красноярск, Россия)

ТЮРКСКИЕ ТОПОНИМЫ ГОРОДОВ В ГЕОУРБАНИСТИКЕ И МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Козлова Юлия Владиславовна, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, кандидат психологических наук (Нижний Новгород, Россия)

ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ГОРОД: СИНХРОНИЗАЦИЯ И ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ

Савченко Ирина Александровна, доцент Московского городского педагогического университета, доктор социологических наук (Москва, Россия)

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Виниченко Вера Афанасьевна, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, кандидат педагогических наук (Якутск, Россия)

ИСЛАМ И ПРАВОСЛАВИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

Устинкин Сергей Васильевич, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, доктор исторических наук (Нижний Новгород, Россия)

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ-СМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аминова Дилноза Хикматилла кизи, доцент Узбекского государственного университета мировых языков, доктор филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА В ОТРАЖЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Краснобаева Нелли Леонидовна, доцент Восточно-Казахстанского университета им. Аманжолова, кандидат исторических наук (Усть-Каменогорск, Казахстан)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Кожомбердиева Жылдыз Телемишевна, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан);

Токторбаева Татына Мурзабековна, старший преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

НОВОСТНОЙ КОНТЕНТ МЕДИАПРОСТРАНСТВА КЫРГЫЗСТАНА

Токсоналиева Роза Мусарапшаевна, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

МЕДИАПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЕГО РОЛЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Какишов Кенжебек Каныбекович, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

РОЛЬ ТЕЛЕВИДИЕНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ПРОДВИЖЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ

Ибрагимов Шавкат Муминович, доцент Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, кандидат филологических наук (Ташкент, Узбекистан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ КЫРГЫЗСТАНА

Эшанкулова Шахризада Аллакуловна, доцент Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, кандидат филологических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ БИЛИНГВИЗМЫ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

Карнаухова Алена Амировна, доцент Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, кандидат педагогических наук (Якутск, Россия)

МЕМЫ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ БРЕНДОВ КЫРГЫЗСТАНА

Гребенщикова Елена Александровна, старший преподаватель Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызстан)

ОСОБЕННОСТИ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ В ТЮРКОЯЗЫЧНОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСТАНА)

Зайнулин Рашид Шамильевич, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ОСВЕЩЕНИЕ В ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ УЗБЕКИСТАНА ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ: ПОДХОДЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Зохитова РодираХусан кизи, доцент Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека, доктор филологии в журналистике PhD (Ташкент, Узбекистан)

АУДИОВИЗУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПОРТРЕТА

Абдуллаева Замира Пулатхановна, преподаватель Национального университета Узбекистана им. М. Улугбека (Ташкент, Узбекистан)

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАМКАХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА ТАЛАНТОВ И КРАСОТЫ «АЗИЯ СИБИРЬ»

Чижова Елена Александровна, доцент Сибирского университета науки и технологий им. М. Ф. Решетнева, кандидат социологических наук (Красноярск, Россия)

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Малардырова Виктория Викторовна, зав. кафедрой рекламы и связи с общественностью Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, кандидат педагогических наук (Якутск, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ТЕРРИТОРИИ

Горина Ирина Владимировна, доцент Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, кандидат исторических наук (Бишкек, Кыргызстан)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАНАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ»

Рассохина Ирина Юрьевна, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат социологических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Пряхина Анна Валентиновна, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат философских наук (Санкт-Петербург, Россия)

«ЭТНОПОСЛАНИЯ» КАК ИНСТРУМЕНТ ВОПРОИЗВОДСТВА ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ КИРГИЗОВ-МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)

Гужова Ирина Викторовна, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат философских наук (Томск, Россия)

Подтихова Диана Александровна, студентка Томского государственного университета, кандидат философских наук (Томск, Россия)

НОВЫЕ МЕТОДЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Язмурадова Дженнет, преподаватель Туркменского государственного института культуры (Ашхабад, Туркменистан)

МЕДИАКАРТА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Сизова Ольга Юрьевна, собственный корреспондент республиканской экономической газеты «Деловой Казахстан» по Восточно-Казахстанской области, собственный корреспондент республиканской газеты «Юридическая газета» по Восточно-Казахстанской области (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ПРОЕКТ «ТЮРКСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКЕ SPUTNIK-KYRGYZSTAN»

Ороскулов Таалайбек Жумабекович, редактор-обозреватель Sputnik Кыргызстан — Представительство МИА Россия сегодня в КР (Бишкек, Кыргызстан)

СЕКЦИЯ 8. МОЛОДЕЖНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Место проведения: Ленина, 61, ауд. 519Л

Ссылка на онлайн-подключение

<https://events.webinar.ru/38896485/1114700479>

Модераторы:

Кызласов Игорь Леонидович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН (Москва, Россия)

Усольцев Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ (Барнаул, Россия)

Спикеры:

ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: ПИСЬМЕННЫЕ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Кызласов Игорь Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии РАН (Москва, Россия)

ВКЛАД СЛАВЯНСКИХ УЧЕНЫХ В РАЗВИТИЕ НАУКИ, КЫРГЫЗСТАНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Амирбек кызы Гулбарчын, преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Джунушалиева Замира Айболотовна, старший преподаватель Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызстан)

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НЕЗАВИСИМЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Алымбек уулу Медетбек, преподаватель Академии МВД Кыргызской Республики им. Э. Алиева (Бишкек, Кыргызстан)

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ТЮРКСКИМИ И СЛАВЯНСКИМИ НАРОДАМИ: АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Аканова Карина Витальевна, студентка Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ КАЗАХСКОГО АЛТАЯ

Булатов Ерболат Русланович, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. МОНОЭТНИЧЕСКИЙ МИР БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Долгопятов Сергей Олегович, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

РАССЕЛЕНИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОЧЕВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Дюсенов Тимур Серикович, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Жайлаубаева Аида Нурлановна, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ЭТНОГЕНЕЗ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ АЛТАЯ

Жукенов Алишер Серикович, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

КУЛЬТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ ТЮРКСКИХ И СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В ПЕРИОД СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Зеряханов Амангелді Дарханұлы, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Қалымжан Айнұр, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Садыков Адильжан Манарбекович, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЕРИОД

Талапов Дамир Тохтархан ұлы, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ПРОЦЕССОВ ЭВОЛЮЦИИ ТЮРКСКОЙ ОБЩНОСТИ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

Ыбырайқызы Ырысжан, студент Восточно-Казахстанского университета им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)

18.00–19.00	Торжественный концерт в честь участников Форума.
19.00–20.30	Прием участников от имени АлтГУ. Ужин для ВИП-участников (по отдельной программе)
20 октября, пятница	
08.00–08.30 08.30–09.00	Завтрак по месту проживания. Отъезд к месту проведения Форума. (Фойе концертного зала АлтГУ, ул. Димитрова, 66)
09.00–11.00 11.30–13.00	Продолжение работы секций. Итоговое пленарное заседание. (Зал ученого совета АлтГУ, ул. Димитрова, 66) Модераторы: ЗЕМЛЮКОВ Сергей Валентинович — руководитель НОЦ «Большой Алтай», Президент Алтайского государственного университета, д. ю. н., профессор (Барнаул, Россия) ГУСЕЛЬНИКОВА Наталья Владимировна — и. о. ректора Горно-Алтайского государственного университета, к. п. н., доцент (Горно-Алтайск, Россия) САДЫКОВ Канат Жалилович — советник ректора Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, к. фил. н., доцент (Бишкек, Кыргызстан) Выступление руководителей секций и презентация разработанных Программ исследований на 2024–2025 гг. Презентация Виртуального музея «Большой Алтай — прародина тюрков» Обобщенное выступление по итогам Форума (кандидатура выступающего обсуждается) Обсуждение и принятие итоговой резолюции.
13.00–14.00	Обед для участников. Обед для ВИП-участников (по отдельной программе)
15.00–17.00	Встречи с учеными Алтайского государственного университета, посещение научно-образовательных центров, лабораторий. Свободное общение.
18.00	Отъезд участников Форума.

Научное издание

ЕДИНСТВО СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Редактирование *С.И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета, оформление обложки: *О.В. Майер*

Подписано в печать 07.03.2024.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 67,0. Тираж 300 экз. Заказ 118.

Издательство Алтайского государственного университета

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Типография Алтайского государственного университета:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66

